Годъ тридцать второй.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1894

5.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1894.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ 1894 ГОДА

въ повременныхъ изданіяхъ не-историческихъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

1894.

II.

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ въ концѣ третьей книги—общій для всего годоваго изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Два чувства дивно-близки намъ,
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.

Пушкинъ.

1894.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1894.

КЪ ИСТОРІИ СНОШЕНІЙ СЪ ИНОВѢРЦАМИ.

1.

Изъ письма протоіерея Евгенія Ивановича Попова къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Сѵнода графу А. П. Толстому.

Лондонъ, 18 Декабря с. ст. 1856.

Нѣкогда была пора, что я, какъ отшельникъ, долженъ былъ пребывать въ безмолвіи и терпѣніемъ только стяжевать душу свою; потомъ наступила пора какихъ-то колебаній, среди которыхъ, казалось мнѣ, я не имѣлъ еще права нарушить свое обычное молчаніе; наконецъ вотъ—о, блаженный часъ и день!—наступило и то время, что я могу безбоязненно обратиться къ особѣ вашего сіятельства. Полученныя мною сегодня строки отъ брата и собрата моего о. Петра Соловьева говорятъ мнѣ, что вы не оставили меня вашею благою памятію даже и въ настоящій часъ, не смотря на всѣ перемѣны и разность отношеній. Вотъ ужъ подлинно эта вѣсть была для сердца слаще паче меда устомъ! А скажу-ли вамъ, съ кѣмъ привелось мнѣ раздѣлить душевную мою радость при *первой* вѣсти (и очень недавней еще, впрочемъ, такъ какъ мы вообще пребываемъ здѣсь въ большомъ невѣдѣніи, простирающемся до невѣжества) о вашемъ новомъ назначеніи? Съ графомъ Евѳимомъ Васильевичемъ Путятинымъ и новоявленнымъ здѣсь г-мъ Пальмеромъ. Мнѣ казалось, что само благое Провидѣніе восхотѣло благословить эту радость: потому что не знаю, кто-бы иной лучше могъ принять ее къ сердцу. Не касаюсь сихъ лицъ болѣе, затѣмъ что о нихъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Да благословитъ же васъ Господь Своимъ святымъ благословеніемъ, и да укрѣпитъ на предлежащій вамъ подвигъ, подвигъ во истину великій!

Немногіе и немного пишутъ ко мнѣ въ туманный здѣшній край; но и изъ немногаго заключаю и увѣряюсь, что первое движеніе, данное вашею благою рукою, дано «in the right plan & at the right time» [1]). Чтобъ не распространяться болѣе, беру смѣлость приложить

[1]) По надлежащему направленію и въ надлежащее время.

граматку, только что мною полученную отъ одного студента Дух. Академіи [1]), котораго я зналъ и чему-то поучилъ еще въ Копенгагенѣ, гдѣ отецъ его, нынѣ священникъ въ Россіи, въ мое время былъ причетникомъ. Благоволите взглянуть на него: онъ благонадежный юноша. А съ юности-то вѣдь и должно начинать! Nous autres, nous sommes incorrigibles. Senioribus gravis est inveterati moris mutatio [2]). О своемъ семинаристѣ [3]) не смѣю еще и рта раскрыть, хотя и онъ уже въ состояніи былъ *одинъ* навѣстить насъ и безбѣдно воротиться во свояси, даже съ курьерскими бумагами. Во всякомъ случаѣ, объ этихъ строкахъ не увѣдаетъ ни шуйца ни десная! Строки-же внушены древнимъ совѣтомъ: «mollia tempora fandi» [4]).

Что-жъ, если все это покажется вашему сіятельству дерзостью? Буду надѣяться на ваше обычное великодушіе и, въ сей сладкой надеждѣ, продолжу рѣчь свою съ новымъ дерзновеніемъ.

Давно, давно мнѣ хотѣлось, вмѣстѣ съ глубочайшею благодарностію, отдать хотя нѣкоторый отчетъ въ томъ употребленіи, которое мнѣ суждено было сдѣлать изъ образковъ, врученныхъ мнѣ нѣкогда его превосходительствомъ Николаемъ Ивановичемъ [5]); но какъ было говорить, когда всякая строка моя—не говорю—читалась, но безобразно толковалась? Ахъ, Англія, Англія! Что̀ могло быть мелочнѣе тебя въ день-онъ?! Первое мое появленіе въ Лондонѣ, въ Генварѣ 1854 г., дало уже почувствовать, что прежнія наши *симпатіи*, на долго-ли, на коротко-ли, должны были порваться, и потому я предназначаемые мною дары ограничилъ только двумя лицами. Такъ проходили дни и мѣсяцы. Наступилъ злополучный Сентябрь. Къ 14-му, ко дню слѣд. Воздвиженія Господня, дается мнѣ, наконецъ, позволеніе помолиться молитвою «о плѣненныхъ» среди плѣненныхъ. Какъ теперь помню, день былъ необычно прекрасный; а тоска на душѣ—тошнѣе всѣхъ Англійскихъ тумановъ, взятыхъ вмѣстѣ. То было въ Ширнесѣ. Плыву къ любезнымъ землячкамъ на какой-то несчастной ладіи на ихъ еще болѣе несчастные блокшифы; ряса и круглая шляпа [6]) говорятъ имъ, что кто-то не чуждый имъ спѣшитъ къ

---

[1]) Кажется, рѣчь идетъ объ извѣстномъ впослѣдствіи Осининѣ. П. Б.

[2]) Нашъ братъ неисправимъ.—Старикамъ трудно измѣнять закоренѣлый нравъ.

[3]) Т. е. о своемъ сынѣ, впослѣдствіи преемникѣ его въ должности священника при Лондонской посольской церкви въ улицѣ Вельбекъ. П. Б.

[4]) Говорить въ благопріятное время. Это изъ IV-й книги Энеиды, гдѣ въ стихахъ 293—294 говорится: Quae mollissima fandi tempora. (Эней хочетъ найти такое время, когда можно будетъ всего мягче поговорить съ Дидоной о необходимости разстаться съ нею). За это указаніе благодарны мы Ѳ. Е. Коршу. П. Б.

[5]) Кто это, намъ неизвѣстно. П. Б.

[6]) Въ то время Русскіе священники за границей носили свѣтское платье; одинъ Е. И. Поповъ былъ исключеніемъ. П. Б.

нимъ; но зачѣмъ описывать подобныя впечатлѣнія? Вотъ гдѣ и когда можно было каждому опытно дознать, для чего человѣку дана молитва! Вотъ гдѣ и когда можно было каждому, такъ сказать, вкусить, сколь сладокъ этотъ небесный даръ, по благости Божіей, никѣмъ и ничѣмъ неотъемлемый у смертнаго! Такъ кончились часы и молебенъ съ водоосвященіемъ на одномъ блокшифѣ; поплыли на другой. Пытался привѣтствовать словомъ утѣшенія на первомъ ихъ виталищѣ, повторилъ тотъ-же опытъ и на другомъ; но слезы, и особенно слезы женщинъ-матерей (дѣтей было около 30 человѣкъ) научили меня прибѣгнуть къ иному утѣшенію. И вотъ когда и гдѣ я желалъ-бы особенно видѣть присутствіе ея сіятельства! [1]) Едва, едва могъ сохранить я для себя три образка изъ данныхъ ея благотворительною рукою. Образки Пресвятыя Троицы, Божіей Матери и Св. Александра Невскаго остались однакожъ принадлежностію и достояніемъ не лицъ, а общей ихъ молитвенной храмины, которая, со временемъ, особенно въ Плимутѣ, облеклась уже въ немалое благолѣпіе. Потомъ, и при отправленіи, которое не одновременно происходило, каждая партія старалась охранять свой образокъ, какъ благословеніе. Не правда-ли, что тò былъ истинно-благословенный даръ?

Но и того мало: среди самаго разгара войны, всячески старается сблизиться со мною человѣкъ вовсе мнѣ неизвѣстный; нарочно пріѣзжаетъ изъ Бирмингама, разсуждаетъ о томъ и о другомъ, затѣмъ чуть не каждодневно пишетъ ко мнѣ, собираетъ отъ меня всѣ возможныя свѣдѣнія о нашей церкви, и, наконецъ, послѣ всѣхъ моихъ испытаній, а въ началѣ, и уклоненій, рѣшительно говоритъ, что «he desires to become a member of the Holy Eastern Church, & not being sure whether the Baptism he received in the Church of England was performed on him in the proper form and rite, insists on being baptised by *immersion*» [2]). Война между тѣмъ кипитъ! Уличные крикуны нарочно являются предъ окнами нашего церковнаго дома и, кажется, во услышаніе самыхъ стѣнъ, горланятъ: «Fate and capture of the last russian stronghold» [3]) etc! Обращаюсь къ Греческимъ нашимъ здѣсь собратіямъ; старшины и от. іеромонахъ изъявляютъ согласіе, и мой добрый Стефанъ *Hatherly* пріемлетъ св. крещеніе образомъ погруженія. И вотъ

---

[1]) Говорится про супругу графа Толстаго, графиню Анну Егоровну (ур. княжну Грузинскую), въ домѣ которой въ Москвѣ на Садовой устроенъ нынѣ, по ея завѣщанію, прекрасный пріютъ для престарѣлыхъ лицъ духовнаго сословія. П. Б.

[2]) Онъ желаетъ стать членомъ св. Восточной церкви, и, не будучи увѣренъ, правильно ли было надъ нимъ совершено крещеніе въ Англиканской церкви, настаиваетъ, чтобы его крестили съ *погруженіемъ*.

[3]) Судьба и разрушеніе послѣдней Русской твердыни.

снова въ благословеніе ему благословенный Троицко-Сергіевскій образъ, образъ Преображенія Господня! Далѣе, раждается у него сынъ: и ему въ благословеніе, при крещеніи, одинъ изъ тѣхъ-же образковъ! Словцо о Гаѳерлеѣ: это человѣкъ благочестный, благонравный, свѣдущій и талантливый. По занятіямъ своимъ онъ органистъ, и органистъ ученый, съ степенью баккалавра музыки, полученною имъ именно въ Оксфордскомъ университитѣ. Благоволите взглянуть на послѣднюю его брошюрку: это плодъ его *Англійской* ревности. Но это все изъ исторіи прошедшихъ дней. Воля ваша, а надо-же сказать нѣчто и о настоящемъ.

Не очень-то давно съ Е. В. Путятинымъ и П. А. Плетневымъ побывали мы въ Оксфордѣ. Пообѣдали у d-r Pusey, сынъ котораго занимался у насъ разборомъ рукописей. Онъ живо васъ помнитъ. Заглянули и въ «Magdalin-College», зашли тамъ къ d-r Bloxam, если вы его помните; по крайней мѣрѣ онъ васъ очень хорошо помнитъ: это тотъ самый, который просилъ васъ нѣкогда внести въ его лѣтописную книгу ваше имя и у котораго на стѣнѣ доселѣ красуются два Русскихъ образа. Edwin Palmer и на сей разъ былъ нашимъ спутникомъ.

Нетерпѣливо жду теперь пришельца Римскаго, William Palmer, который покуда гоститъ еще у своихъ родныхъ; а родные его, entre nous, *далече* отъ него *сташа*. Между тѣмъ успѣлъ уже выслушать отъ него, что онъ нисколько-де не утратилъ своихъ симпатій къ намъ, что не только въ отношеніи къ литургикѣ нашей церкви, но и въ отношеніи къ догматикѣ, «as far as he is guided by his own private judgement»[1]), все еще на нашей сторонѣ, и что, наконецъ, онъ покорился подъ власть Римской церкви, «after having suspended his intellect»[2]). Невольно приходитъ на мысль слово, сказанное Московскимъ владыкой: «онъ не двоедушный, но двоемысленный человѣкъ». Мнѣ хотѣлось было слышать его мнѣніе о «La Russie sera-t-elle Catholique?» Но мой m-r P. отвѣчалъ мнѣ, что еще не знаетъ чтò сказать; между тѣмъ и о. Гагаринъ, видѣвшійся съ нимъ въ послѣднее время въ Парижѣ, ожидаетъ его мнѣнія. По мнѣ же, если кто, то m-r P. долженъ сознаться, что «Bysantism» противуполагается не Каѳолицизму, а «Romanism»'у. Почему-же въ свою чреду Р.-Католицизмъ непремѣнно хочетъ быть Романизмомъ? Вѣдь нельзя спорить противъ Исторіи. Новѣйшія уступки, мнимыя или дѣйствительныя, съ одной стороны слишкомъ велики, съ другой слишкомъ малы. Въ первомъ случаѣ

---

[1]) Насколько имъ руководитъ его собственное сужденіе.

[2]) Отрѣшившись отъ своего ума.

что-то не вѣрится и въ возможность ихъ, хотя самъ папа новообращенному П—у сказалъ, что скоро придетъ-де время, что жертва принесенная имъ (т. е. Grech sympathies) упразднится; а въ послѣднемъ не вѣрится въ искренность предложенія. Рѣчь уже идетъ не объ общеніи, а о порабощеніи. Впрочемъ, невозможная отъ человѣкъ возможна суть отъ Бога.

Какъ жаль, что на эту пору нѣтъ здѣсь ни Е. В. Пут., ни m-r P! При послѣднемъ свиданіи съ первымъ, совершенно случайно, услыхалъ я, что на мѣстѣ кончины покойнаго моего благодѣтеля графа Николая Александровича [1]) устроена благолѣпная церковь. Какъ бы я утѣшенъ былъ, еслибы Господь судилъ мнѣ хотя разъ помолиться тамъ!

Ветхій мой старецъ, напротивъ (Даниловскій протоіерей), по милости Божіей, все еще здравствуетъ. Къ кресту 12 года приложился ему и крестъ послѣднихъ лѣтъ! А тамъ? Буди воля Господня!

Привѣтствуя васъ и дражайшую графиню отъ всего сердца и всѣми привѣтами грядущихъ радостныхъ дней, и отъ лица всего нашего домашняго міра, честь имѣю быть и проч.

II.

Изъ письма настоятеля посольской церкви въ Берлинѣ, протоіерея В. П. Палисадова.

10 (22) Февраля 1859.

Въ Берлинѣ 20,000 католиковъ и 5 священниковъ [2]) подъ начальствомъ пробста Пелльдрама. Они (т. е. католики) дѣлаютъ и здѣсь значительные успѣхи, какъ и вездѣ. На протестантскомъ всеобщемъ собраніи, держанномъ въ Сентябрѣ минувшаго года въ Берлинѣ, между прочимъ и съ тою цѣлію, чтобы принять мѣры противъ агрессій католиковъ, рѣчь весьма часто касалась католицизма. Представители разномѣстныхъ протестантскихъ странъ и приходовъ единогласно и откровенно высказывали свои жалобы на успѣхи католиковъ. Два рода сихъ жалобъ подслушалъ я. Тамъ, гдѣ католики составляютъ большинство народонаселенія, напримѣръ во Франціи, Бельгіи, Австріи и Италіи, духовенство католическое просто преслѣдуетъ диссидентовъ; въ странахъ же протестантскихъ духовенство это хитрыми мѣрами

---

[1]) Протасова. П. Б.

[2]) По счету самихъ католиковъ; а пасторъ Кунце насчитываетъ 11. Разность происходитъ вѣроятно отъ того, что католики считаютъ однихъ штатныхъ и осѣдлыхъ, а Кунце и миссіонеровъ.

усиливается все болѣе и болѣе привлекать къ себѣ и правительства, и народонаселеніе протестантское. Для примѣра честь имѣю представить здѣсь отрывокъ изъ рѣчи Берлинскаго пастора Кунце, держанной имъ во время вечерняго засѣданія 17 Сентября. На этомъ засѣданіи изволили присутствовать ихъ величества король и королева Прусскіе и принцъ Прусскій (принцъ Вильгельмъ, нынѣшній правитель, по болѣзни короля). Вотъ что говорилъ, между прочимъ, пасторъ Кунце въ своей рѣчи «о состояніи евангелической церкви въ восточной Германіи, по отношенію къ успѣхамъ католицизма въ провинціи Бранденбургъ: «Римская церковь выбрала Бранденбургъ полемъ битвы своей (съ протестантскою церковію), и дѣло принимаетъ такой же видъ, что какъ будто ей должно выйти побѣдительницею. За 130 лѣтъ была во всей провинціи Маркъ-Бранденбургъ только одна католическая церковь, и именно въ Берлинѣ. Съ 1815 по 1850 г. число католическихъ пбстовъ возросло до 10, съ 16 миссіонерами, и теперь считается ихъ 15 съ 29 миссіонерами. Въ Берлинѣ теперь имѣется 4 католическія церкви съ 11 священниками и 1 монастырь (женскій, Св. Урсулы). Кругомъ Берлина возникаютъ, то и дѣло, католическія церкви и школы, а именно: въ Нейштадтъ-Еберсвальдѣ, Наунѣ, Шпандовѣ, Шарлоттенбургѣ, Потсдамѣ, Люккенвальдѣ, Котбюсѣ, Альтъ-Ландсбергѣ и въ другихъ мѣстахъ *). Здѣсь на пескахъ Бранденбурга должна по словамъ кардинала Виземана, «быть дана большая битва между евангеликами и католиками» и если евангелическое духовенство не пробудится, не облечется въ духовную броню и не будетъ ловко дѣйствовать духовнымъ мечемъ, иже есть глаголъ Божій: то побѣда католиковъ несомнѣнна».

Успѣхи католицизма въ протестантской части Пруссіи (сѣверовосточной) приписываютъ наклонности короля къ католицизму; а сію наклонность, или лучше, пріязнь, объясняютъ вліяніемъ на него королевы, которая-де хотя и отреклась отъ католической вѣры (королева изъ Баварскаго дома), но только наружно, а внутренно-де осталась по прежнему католичкой и всѣми силами работаетъ для своихъ истинныхъ единовѣрцевъ.

Я не вѣрю ни тому, ни другому мнѣнію. Король есть просто строгій лютеранинъ и останется навсегда таковымъ, а королева ничѣмъ не доказываетъ, что она внутренно остается католичкою: никогда она не посѣщаетъ ни церквей, ни госпиталя, ни монастыря католическихъ.

---

*) Все это мѣсто привожу по печатной книгѣ, вышедшей на дняхъ въ свѣтъ. Но я хорошо помню рѣчь Кунце такъ, какъ онъ говорилъ ее. Онъ сказалъ, между прочимъ, исчисливъ новыя католическія церкви: „такимъ образомъ столицу евангелическаго Нѣмецкаго протестантизма сдавляютъ католики, какъ бы поясомъ» (Gürtel).

Никто и никогда не видалъ у нея священника католическаго. Напротивъ, весьма часто ѣздитъ она въ выстроенный королемъ и отданный подъ ближайшее покровительство королевы госпиталь протестантскій, названный «Виѳанія», гдѣ сестры милосердія называются «Діакониссы». Все это заведеніе основано на началахъ строгаго лютеранства. Постоянно, какъ и самого короля, ее видятъ въ протестантской церкви, въ «Евангелическомъ собраніи» и другихъ мѣстахъ, гдѣ занимаются интересами протестантизма. Самый Сентябрскій всеобщій сборъ состоялся въ Берлинѣ по мысли короля. Онъ и королева не разъ присутствовали на ономъ, въ качествѣ посѣтителей. Одно несомнѣнно: король любитъ лютеранство, однажды навсегда опредѣленное, и не терпитъ не только сектантовъ, но и такихъ протестантовъ, которые отвергаютъ все конфессіональное и держатся принципа: libre examen. Королева же тѣмъ болѣе уважаетъ положительные элементы христіанства, соблюдшіеся въ протестантизмѣ, что безъ нихъ ни одна вѣрующая душа обойтиться не можетъ. Сію-то наклонность короля и королевы и толкуютъ, какъ наклонность къ католицизму, объясняя успѣхи католицизма не инымъ чѣмъ, а оною наклонностію.

Необычайна хитрость и даже дерзость католическаго духовенства въ дѣлѣ пропаганды между протестантами. Вездѣ они втираются съ своими госпиталями, школами, полезными предпріятіями и обращаютъ ихъ въ скоромъ времени въ монастыри, наблюдательные пôсты и миссіи. Берлинскіе госпиталь Св. Гедвиги и монастырь Св. Урсулы допущены Прусскимъ правительствомъ, какъ заведенія благотворительныя для населенія; первый какъ прибѣжище для больныхъ всѣхъ вѣроисповѣданій, даже Іудейскаго, а вторый, какъ школа для бѣдныхъ дѣтей. Но и госпиталь, и школа сіи скоро обратились въ формальные монастыри и миссіонерскія крѣпости. Народонаселеніе Берлина весьма довольно сими заведеніями. Въ госпиталѣ за ничтожную плату *), больной, кто бы онъ ни былъ, получаетъ отличное помѣщеніе, лѣченіе и самый внимательный уходъ сестеръ. Ни взятокъ, ни подарковъ здѣсь никто и ни за что не беретъ и не принимаетъ. Самый королевскій госпиталь «Виѳанія» не выдерживаетъ соперничества съ католическою больницею Св. Гедвиги. Принять должно и то во вниманіе, что здѣсь никакой прямой пропаганды между больными, некатоликами, не дѣлается, какъ во Франціи. Священники посѣщаютъ безпрепятственно каждый своихъ единовѣрцевъ, и Латинскій бесѣдуетъ

*) Въ госпиталѣ три класса мѣстъ: 1-й классъ, особая комната, съ платою за все 40 талеровъ (37 р. 50 к.) въ мѣсяцъ; во 2-мъ классѣ комната на двухъ, съ платою по 20 тал. съ каждаго; въ 3-мъ по 9 тал., и число больныхъ, судя по величинѣ комнаты, восходитъ до 12 человѣкъ.

только съ Латинами. Но всякій больной, выходя отселѣ по выздоровленіи, уноситъ съ собою доброе воспоминаніе о католикахъ. Соотечественникъ нашъ, г. Алфёровъ, говорилъ мнѣ нерѣдко: «вотъ у насъ въ Россіи побольше бы такихъ учрежденій!» Не надобно и того упускать изъ виду, что католическая церковь находитъ себѣ величайшую опору въ католической ежедневной прессѣ. Каждая епархія, даже каждый приходъ познатнѣе, имѣетъ свою газету, гдѣ все католическое выставляется лицемъ и превозносится, а все не-католическое поставляется въ тѣни или и просто порицается и искажается. Свобода книгопечатанія вообще и въ частности, присвоенная издавна Католическою церковью, и независимость отъ государства даютъ сей церкви и ея прессѣ полный просторъ слова и дѣла, лишь бы онъ не вредилъ благу государственному. Не могу и о томъ умолчать, что безчисленные ордена католическіе составляютъ во истину милицію Святѣйшаго Отца-Папы. Все духовенство проникнуто духомъ солидарности, и одно лице опирается на другое. Это есть цѣпь, по которой изъ одной зарядной банки пробѣгаетъ единый токъ мыслей и стремленій. Какъ же, разрозненный на секты протестантизмъ, съ его libre examen, можетъ выдержать соперничество въ церковью папскою? Пасторъ Кунце можетъ сколько угодно вызывать къ священной брани своихъ сослужителей; но его предчувствіе о томъ «что католики выдутъ отселѣ побѣдителями», едва ли не основательнѣе его предположеній.

Несравненно ближе касается Россійской церкви слухъ, будто Государыня Великая Княгиня Елена Павловна проситъ Государя Императора о дозволеніи вызвать въ С.-Петербургъ нѣсколько Французскихъ сестеръ милосердія, дабы онѣ научили нашихъ ихъ призванію. А сестеръ-де нельзя отпустить безъ духовниковъ, которымъ потребенъ и монастырь! Такъ все сцѣпляется у католиковъ, и можно предвидѣть, какъ этотъ скромный постъ обратится вскорѣ въ крѣпость, откуда посыплются всевозможные снаряды противъ Православной церкви.

—

Въ политической (въ Новой Прусской газетѣ, которую только и получаю я изъ числа политическихъ) корреспонденціи изъ С.-Петербурга о появленіи въ свѣтъ «Путевыхъ наблюденій, 1844—1848 г., Матѳея Волкова», Новая Прусская газета удивляется, какъ можетъ Русская цензура одобрить къ печатанію книгу, исполненную вольномыслія и политическаго и религіознаго. Она видитъ въ этомъ сочиненіи *первый починный* плодъ философіи матеріализма въ Россіи, несообразный съ ея прошедшимъ и, конечно, справедливо сожалѣетъ о вольномысліи, дерзающемъ нынѣ печатно являться предъ Русскою публикою.

Да, вольномысліе и наклонность неудержимая Русскихъ ученыхъ къ презрѣнію всякаго положительнаго, издревле преданнаго начала, дѣйствуютъ на меня наипечальнѣйшимъ образомъ. Профессорà, магистры, кандидаты, и правительствомъ командируемые за границу, и сами сюда пріѣзжающіе для усовершенствованія, отличаются часто такимъ фанфаронствомъ и вольномысліемъ, что я не узнаю въ нихъ Русскихъ соотечественниковъ. Какъ исправлять, какъ учить ихъ добру и истинѣ? Чувства и направленія религіознаго я въ нѣкоторыхъ изъ нихъ совсѣмъ не примѣтилъ. Другіе имѣютъ лишь религію *натуральную.* Но встрѣчаются и люди съ отличнымъ образомъ мыслей въ дѣлѣ религіи, одушевленные любовію къ вѣрѣ отцевъ. Подобно пастору Кунце, я долженъ сказать и себѣ, и моимъ сослужителямъ: «пора намъ возстать, облечься въ броню духовную и усердно работать всѣми намъ богодарованными оружіями противъ домашнихъ и чужеземныхъ враговъ, противъ невѣжества и невѣрія, противъ пороковъ грубыхъ и утонченныхъ». Время еще не потеряно, враги еще не собрались въ строй организованный. Но каждая минута замедленія съ нашей стороны будетъ потерею невозвратною отселѣ.

*

Пользуюсь симъ случаемъ, чтобы передать разговоръ, который я имѣлъ на прошедшей недѣлѣ съ начальницею сестеръ милосердія, въ католической Берлинской больницѣ. Я посѣщаю эту больницу, потому что здѣсь находится одинъ Русскій больной, г. Алферовъ, Харьковскій помѣщикъ. Придя въ прошедшую Пятницу съ сему соотечественнику, я встрѣтился у него съ одною изъ сестеръ милосердія, принесшею ему лѣкарство. Я попросилъ ее показать мнѣ заведеніе, ими четыре года тому назадъ основанное. Она, испросивъ на то дозволеніе начальницы своей, повела меня повсюду. Придя въ аптеку, передала она меня другой сестрѣ. Эта, объясняя мнѣ устройство ихъ лѣчебной и аптечной части, спросила меня: какой вѣры вашъ соотечественникъ г-нъ Алфёровъ. (Разговоръ шелъ на Французскомъ языкѣ, всѣ сестры, хотя и Нѣмки родомъ, готовятся къ своему призванію во Франціи).—Православной католической, отвѣчалъ я.

— Какая это вѣра?

— Католическая, но безъ ея заблужденій.

— То есть?—Если изволите, сударыня, то я объяснюсь. Православная католическая вѣра таже, что̀ и ваша, но безъ папы и заблужденій папизма.

— Такъ вы не признаете папы?

— Напротивъ, сударыня; мы признаемъ его по канонамъ церкви вселенской: онъ есть Римскій епископъ и первый между равными. Что касается до того, чтобы весь міръ былъ ему подвѣдомъ, это мы отвергаемъ какъ заблужденіе, противорѣчащее всеобщему церковному вѣрованію.

— Однако, замѣтила мнѣ сестра милосердія, папа есть намѣстникъ Св. Петра, признаннаго самимъ Іисусомъ Христомъ за князя Апостоловъ.

Въ отвѣтъ на сіе представилъ я моей собесѣдницѣ нѣкоторыя, наиболѣе ясныя мѣста Св. Писанія и свидѣтельства священнаго преданія, опровергающія княжество Св. Апостола Петра, а тѣмъ болѣе не допускающія онаго въ папѣ.

— Однако Іисусъ Христосъ сказалъ, что и самый адъ не одолѣетъ папу.

— Гдѣ же это, сударыня, скажите мнѣ, сдѣлайте милость? спросилъ я. Вы безъ сомнѣнія подразумѣваете извѣстное мѣсто XVI главы Евангелія отъ Матѳея; но позвольте мнѣ повторить вамъ слова священнаго текста. Христосъ говоритъ, что врата адовы не одолѣютъ *ее*, т. е. Церковь Христову.

— Ну да, не одолѣютъ Церковь; но вѣдь Церковь это и есть папа.

— Такой подмѣны словъ я не могу допустить. Іисусъ Христосъ ясно говоритъ: не одолѣютъ *ее*. Откуда же взялось слово, не имѣющее ничего похожаго на слово Церковь? Да къ тому же, и смыслъ этой фразы отнюдь не допускаетъ вашего толкованія. Церковь Христова есть дѣйствительно такое учрежденіе, котораго адъ не можетъ одолѣть. Что же касается до святости папы, то предъ нами Исторія, свидѣтельствующая о томъ, что папы не разъ становились жертвами грѣха и всякаго рода заблужденій. Вы меня простите, сударыня, что я долженъ былъ подтвердить вамъ эту тяжелую для васъ истину.

Моя собесѣдница, чувствуя себя вѣроятно очень слабою въ богословской полемикѣ, поспѣшила оставить это поле битвы и перенесла оное на почву болѣе ей сродную—на почву аскетическаго героизма.

— Но я такъ убѣждена въ истинѣ моихъ вѣрованій, что готова умереть за нихъ.

— Я нисколько не сомнѣваюсь въ силѣ вашего героизма. Но позвольте мнѣ васъ увѣрить, что и я ни минуты не поколеблюсь, если мнѣ придется пожертвовать жизнію, чтобы запечатлѣть мои религіозныя убѣжденія, и вы не имѣете права въ томъ сомнѣваться.

Симъ кончился вопросъ объ общемъ достоинствѣ православія и папизма. Собесѣдница моя, оставляя и сіе поле, пошла въ подробности.

— У васъ Святое Причащеніе таково же какъ и у насъ? спросила она меня.

— Да, сударыня, таково же, какъ и у васъ; но я скажу, что у насъ оно лучше, чѣмъ у васъ.

— Чтò это значитъ? У насъ Св. Причастіе постоянно выставлено въ дарохранительницѣ въ часовнѣ.

— Да; но это не даетъ еще вамъ никакого преимущества, потому что и у насъ Св. Причастіе также постоянно хранится на нашихъ алтаряхъ въ дарохранительницѣ. Но преимущество неоспоримое въ томъ, что у насъ причащаются всегда и всѣ *подъ двумя видами.*

— А я думаю, что нѣтъ надобности причащать Св. Таинъ именно подъ двумя видами.

— Однако, сударыня, Іисусъ Христосъ учредилъ это таинство и преподалъ его Апостоламъ въ двухъ видахъ. А Апостолы?.. Какъ они пре-

подавали это Священное Таинство? Прочтите XI-ю главу перваго посланія Св. Павла къ Коринѳянамъ и то мѣсто VI-й главы Евангелія отъ Іоанна, гдѣ Христосъ говоритъ: „тотъ, кто піетъ Мою кровь, имѣетъ жизнь вѣчную“, и: „истинно, истинно говорю вамъ, если вы не ядите тѣла Сына человѣческаго и если вы не піете крови Его, вы не имѣете жизни въ себѣ“. Потрудитесь, сударыня, перечесть со вниманіемъ послѣднія слова нашего Спасителя Іисуса Христа.

— Но Спаситель нашъ не сказалъ, что именно надо причащаться Св. Таинъ подъ двумя видами.

— Какъ, сударыня? Чего же еще яснѣе, какъ эти слова: „пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое; пійте отъ нея *вси*, сія есть кровь Моя“ и „творите сіе *каждый разъ*, какъ будете пить ее въ воспоминаніе обо Мнѣ“.

На это она отвѣчала:—Но мы также получаемъ Св. Причащеніе подъ двумя видами, потому что мы вѣримъ, что гдѣ есть тѣло, тамъ есть и кровь.

— А, такъ вы стоите за два вида, замѣтилъ я; вы вѣрите въ необходимость принимать Св. Тайны подъ двумя видами! А между тѣмъ второй видъ существуетъ для васъ только въ вашемъ благочестивомъ воображеніи; тогда какъ для насъ онъ дѣйствителенъ, потому что мы принимаемъ оба нача́ла, претворенныя въ тѣло и кровь Христову. Судите сами: кто ошибается и кто правъ во всемъ этомъ?

— Но, я думаю, что одно и тоже: принимать оба начала или одно, которое содержитъ два вида.

— Я васъ не понимаю, сударыня. Знаете ли вы, что такимъ образомъ вы приближаетесь къ протестантизму?

— О, Боже меня сохрани отъ протестантизма! Я вѣрная католичка.

— Я объяснюсь, сударыня. Въ этомъ я ни минуты не сомнѣваюсь; однако возможно, что вы, сами не замѣчая того, раздѣляете нѣкоторыя нача̀ла протестантовъ, хотя я очень хорошо знаю, что вы не принадлежите къ общинѣ протестантовъ. Но вѣдь такое ученіе встрѣчается только у Лютера и Кальвина. Каждый разъ какъ христіанинъ-католикъ позволяетъ себѣ собственными своими *разсужденіями* подмѣнять *непреложную* истину вѣры, переданной намъ апостолами и святыми отцами церкви, онъ совершаетъ уже преступленіе, становится протестантомъ. А такъ какъ вы, устраняя непреложныя и ясныя слова Христа, апостоловъ, св. отцовъ и первобытной церкви о способѣ принятія Св. Таинъ, замѣняете ихъ человѣческимъ измышленіемъ, то что̀ вы дѣлаете, какъ не протестуете? Вы меня конечно поняли?

— Да, я васъ понимаю; но бываютъ случаи, когда Причащеніе подъ однимъ видомъ становится необходимостью.

— Какіе же это случаи, позвольте узнать?

— Есть очень бѣдныя церкви, которыя не могутъ покупать вина въ достаточномъ количествѣ.

При этомъ объясненіи я не могъ удержаться отъ улыбки.

— Такого возраженія я не ожидалъ, сударыня, замѣтилъ я. Но позвольте мнѣ сперва замѣтить вамъ, что вы все болѣе и болѣе отклоняетесь

отъ вашего начàла. Какъ! Неужели это только вопросъ денежный, принудившій *всю Латинскую церковь* установить Св. Причащеніе подъ однимъ видомъ? Но чтò вы сказали бы, если бы я доставилъ вамъ достаточное количество бутылокъ вина, прося передать его тѣмъ бѣднымъ священникамъ, которые по недостатку средствъ вынуждены предлагать Св. Тайны подъ однимъ видомъ? Поѣзжайте въ Россію, сударыня, въ страну вовсе не производящую вина, и посмотрите, какъ Русскіе священники самыхъ бѣдныхъ приходовъ всегда причащаютъ Св. Таинъ подъ двумя видами. Просто невѣроятно слышать, чтобы католикамъ, располагающимъ громадными суммами, основывающимъ множество убѣжищъ, подобныхъ вашему, не на чтò было купить вина для таинства Причащенія. Возстановите Тайную Вечерю Спасителя и, повѣрьте мнѣ, вино найдется въ каждомъ приходѣ, какъ бы ни былъ онъ бѣденъ. Тогда и дѣти ваши также будутъ имѣть жизнь въ себѣ, и слова Спасителя нашего Іисуса Христа: пійте *вси*, исполнятся и въ вашей церкви, какъ и въ нашей православной.

Моя собесѣдница слушала меня терпѣливо; но, услышавъ съ моей стороны напоминаніе о причащеніи младенцевъ, она возразила мнѣ:

— Но дѣти не могутъ быть достаточно подготовлены къ принятію Св. Таинъ.

— Это опять разсужденіе, т. е. протестантизмъ. А зачѣмъ же вы крестите дѣтей? Если дѣти, по вашему мнѣнію, не подготовлены къ Св. Причащенію, то почему же вы не отказываете имъ въ Св. Крещеніи?

— Крещеніе совсѣмъ иное дѣло. Если мы ихъ крестимъ, то это потому, что сказано, что кто не будетъ крещенъ, тотъ не войдетъ въ царствіе небесное.

— Но вѣдь сказано также, возразилъ я, что если вы не піете кровь Сына человѣческаго, то не будете имѣть жизни въ себѣ. Дѣйствительно, вы слѣдуете анабаптистамъ, отвергающимъ крещеніе дѣтей на томъ основаніи, что они не понимаютъ его силы.

— Крещеніе, замѣтила мнѣ сестра, совсѣмъ иное дѣло, чѣмъ Причащеніе. Крещеніе можно даровать дѣтямъ, а Причащеніе нельзя.

— А по моему мнѣнію, Крещеніе именно въ этомъ отношеніи и равносильно Причащенію Въ самомъ дѣлѣ, тексты Св. Писанія единогласно свидѣтельствуютъ, что при Крещеніи должно быть лицо способное вѣровать въ Іисуса Христа и свидѣтельствовать эту свою вѣру. Обычаи вашей собственной церкви также это доказываютъ, потому что вы даете ребенку воспріемниковъ. Вы можете говорить чтò угодно; но анабаптисты послѣдовательнѣе васъ. Если мы справимся съ Евангеліемъ, то найдемъ тамъ не одно свидѣтельство въ подтвержденіе вѣрованія, что дѣти не должны быть устраняемы отъ Тайной Вечери Спасителя. Посмотрите, какую любовь къ дѣтямъ показалъ Христосъ! А не духъ ли Іисуса Христа долженъ оживлять Его Церковь? Разсужденія отнюдь недопустимы въ области этого духа. Я могъ бы сударыня, представить вамъ и другія доказательства; но время мнѣ не позволяетъ. Прошу васъ передать мою искреннюю благодарность настоя-

тельницѣ за ея доброту, съ которой она дала мнѣ разрѣшеніе осмотрѣть ваше прекрасное учрежденіе.

Сестра или, точнѣе, начальница (ибо это она сама и была, какъ я узналъ по выходѣ изъ аптеки), провожая меня до двери, примолвила: Я не имѣла никакого понятія о вашей вѣрѣ; а теперь вотъ имѣю нѣкоторыя свѣдѣнія на этотъ счетъ.

— Это большое несчастіе, что вы не узнаёте нашей православной вѣры. Но ваши руководители недостаточно снисходительны: они запрещаютъ вамъ читать наши книги и разговаривать съ схизматиками. Я увѣренъ, что его преподобіе, отецъ Пельдрамъ, назначитъ вамъ послушаніе, если вы на исповѣди скажете ему, что говорили о вѣрѣ съ Русскимъ священникомъ и, что̀ еще хуже, что вы сами вызвали его на этотъ разговоръ.

— О, я отнюдь не боюсь ничего подобнаго. Когда твердо держишься своей вѣры, то можешь разговаривать со всякимъ.

— Разговаривать, да; но нашъ разговоръ былъ споръ о вѣрѣ, и что̀ до меня касается, то мнѣ пріятно видѣть, что перевѣсъ былъ не на вашей сторонѣ. Позвольте мнѣ сказать вамъ откровенно, что въ спорѣ вы не на одномъ уровнѣ съ вашимъ противникомъ, котораго вы сами на него вызвали. Вотъ почему я думаю, что о. Пельдрамъ не одобритъ вашей любознательности относительно знакомства съ Греческой вѣрой. Еще разъ прошу васъ не пенять на меня за ту смѣлость, съ которой я возражалъ вамъ.

Сими словами окончилась моя бесѣда съ начальницею сестеръ милосердія въ Берлинскомъ католическомъ госпиталѣ, состоящемъ исключительно подъ завѣдываніемъ католическаго духовенства. Отецъ Пельдрамъ есть настоятель сего духовенства и делегатъ Бреславскаго епископа, къ епархіи котораго принадлежитъ Берлинъ и вся провинція Бранденбургская.

III.

Вѣроисповѣданіе Пальмера [1].

Предвидя разные безосновательные слухи по поводу моего обращенія [2], друзья мои просили меня изложить для нихъ слѣдующія подробности.

Представьте себѣ молодаго, полнаго вѣры въ себя Англичанина, преданнаго изученію богословія. По символу вѣры, которому его учили, онъ вѣритъ въ единую, видимую, каѳолическую, апостольскую церковь; но для него эта церковь состоитъ изъ церквей Англиканской, Римской и Греческой, отдѣленныхъ одна отъ другой случайными вопросами. Изъ этого естественно слѣдовало бы, что не надо обращать никакого вниманія на частное толко-

---

[1]) Подлинникъ писанъ по-латини. Здѣсь переведено съ Французскаго перевода. П. Б.

[2]) Т. е. обращеніе въ латинство изъ церкви Англиканской послѣ долголѣтняго исканія истины въ церкви Православной. П. Б.

ваніе догматовъ, принятыхъ этими тремя церквами, а что касается ихъ спорныхъ сторонъ, то надо усердно, со вниманіемъ и смиреніемъ, призывать помощь Божію, чтобы она помогла дойти до полнаго познанія истины, найти и исправить ошибки, которыя могли вкрасться въ отдѣльныя преданія.

Послѣ семилѣтняго разбора и изученія такимъ образомъ Англиканскихъ преданій, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ, этотъ самый человѣкъ доходитъ до того, что начинаетъ признавать всѣ догматы Греческой церкви, называемой Восточною или Православною, за исключеніемъ одного догмата объ исхожденіи Св. Духа. Протекло еще семь лѣтъ; онъ начинаетъ признавать и этотъ догматъ и какъ бы по необходимости, пріобрѣтающей силу съ каждымъ днемъ, онъ, противъ своей воли, долженъ согласиться, что Англиканская церковь впала въ очень крупныя ошибки. Въ продолженіе восьми лѣтъ до нынѣшняго года (1855) никакого измѣненія не происходитъ въ его понятіяхъ но сердце его все болѣе и болѣе склоняется къ Римскому вѣроисповѣданію. Однако онъ еще не вѣритъ, что Римская церковь есть единая каѳолическая, и онъ еще не считаетъ себя обязаннымъ держаться догматовъ, постановленыхъ ею одною безъ соучастія Грековъ.

Послѣднія восемь лѣтъ онъ серіозно ищетъ истины въ Восточныхъ церквахъ, у Русскихъ и у Грековъ, въ разныхъ частяхъ Европы, Азіи и Африки. Онъ даже, отрекшись отъ Англиканской церкви, хочетъ стать новообращеннымъ Православной церкви, называемой Восточною. Одно его останавливаетъ: Русскіе и Греки не сходятся въ ученіи относительно крещенія западныхъ христіанъ. Русскіе, принимая новообращеннаго, не перекрещиваютъ его, а только помазуютъ св. елеемъ, послѣ чего этотъ новообращенный уже считается Греческими патріархами за христіанина. Греки же перекрещиваютъ его, и новообращенный, позволивъ перекрестить себя, грѣшитъ не только противъ постановленій Римской и Русской церкви и даже своей совѣсти, но также и противъ постановленій Греческой церкви, установленныхъ синодами, но искаженныхъ властью патріарховъ.

Тѣмъ временемъ этотъ человѣкъ отправляется въ Римъ, гдѣ его друзья, добрые и ревностные католики. еще больше чѣмъ прежде побуждаютъ его принять какое нибудь рѣшеніе.

Они приводятъ слѣдующіе доводы. Человѣкъ не дерзновенный не долженъ оставаться такъ долго внѣ видимой церкви; а можно утвердительно сказать, что за послѣднія восемь лѣтъ онъ по настоящему находился внѣ всякой церкви. Этотъ человѣкъ живетъ, лишенный таинствъ покаянія, евхаристіи, а можетъ, и крещенія, такъ какъ ему нельзя ихъ имѣть внѣ церкви. Смерть угрожаетъ всѣмъ: часъ ея неизвѣстенъ; она можетъ прійти внезапно, а что ужаснѣе смерти безъ покаянія?! Человѣкъ этотъ признаётъ, что невозможно и странно утверждать, будто католическая церковь, оставаясь одной и видимой, состоитъ изъ двухъ или трехъ собраній, раздѣленныхъ между

собой; онъ признаётъ также, что ни вся вообще католическая церковь, ни какая-нибудь часть ея, не могутъ оставаться постоянно отдѣленными отъ каѳедры Св. Петра, т. е. отъ Римской церкви. Поэтому онъ немедленно долженъ подчиниться епископу Римскому, какъ высшему наставнику и правителю Апостольской церкви; онъ долженъ согласиться предать ему свое вѣроисповѣданіе, не смотря на то, что въ формѣ вѣры онъ встрѣтилъ бы слова противныя его личному мнѣнію, не только относительно извѣстныхъ догматовъ, толкованіе которыхъ зависитъ отъ церкви, но и отъ самаго установленія власти церковной, которое есть начало всѣхъ догматовъ.

На это можно бы отвѣчать, что хотя католическая церковь и признаётъ законнымъ частное пониманіе тѣхъ догматовъ, которымъ она учитъ, съ условіемъ послушанія и подчиненія апостольской власти, но что между этими догматами и толкованіемъ католической церкви, *толкованіемъ ея власти,* отъ которой до извѣстной степени зависятъ другіе догматы, есть большая разница: потому что какъ человѣкъ, обращающійся къ Богу, долженъ прежде всего вѣрить въ Его существованіе, такъ вступающій въ лоно католической церкви долженъ вѣрить, что церковь, говорящая ему въ своихъ поученіяхъ, дѣйствительная католическая церковь, прежде чѣмъ поклясться, что вѣруетъ въ толкованіе этой церкви или въ другіе догматы, зависящіе отъ этого толкованія. Итакъ человѣкъ еще не вполнѣ убѣжденный, что Римско-католическое вѣроисповѣданіе есть единственное, обладающее полною властью апостольскаго собора и обѣщающее незыблемость въ ученіи вѣры, которое дано Христомъ Своей церкви, не можетъ чистосердечно дать клятву по формѣ, предложенной Римскою церковью, ни быть въ качествѣ новообращеннаго допущеннымъ къ ея таинствамъ, не смотря на предполагаемую въ немъ близость мнѣнія и любовь къ этой церкви. Потому лучше убѣдить его тщательно изучить этотъ главный вопросъ о значеніи церкви — вопросъ, въ которомъ онъ еще сомнѣвается, вникнуть еще съ бо̀льшимъ вниманіемъ въ свою совѣсть и еще настойчивѣе призывать помощь и милосердіе Божіе, которое одно можетъ разоблачить людямъ ошибки, скрытыя въ изгибахъ ихъ сердца и ума, и привести ихъ къ познанію полной истины.

Конечно, многимъ эти доводы покажутся основательными. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ этотъ человѣкъ нуждался въ законномъ отпущеніи грѣховъ, то онъ подумалъ, что нравственно правильнѣе *вполнѣ* подчиниться высшему изъ епископовъ, Римскому папѣ, и поклясться ему вѣрить, какъ дитя, *отрѣшившись отъ собственнаго мнѣнія.* Онъ сдѣлалъ это, предавъ себя Божьему милосердію и въ надеждѣ, что пришелъ къ той цѣли, къ достиженію которой его торопили его друзья, смѣло указывая ему на нее и уговаривая не медлить.

Писано въ Римѣ, 7-го Марта 1855 года.

IV.

Письмо Пальмера къ графу А. П. Толстому [1]).

Римъ (Dietro la Tribuna di Tor di Specchi). 20 Марта 1858.

Любезный графъ.

Я воспользуюсь случаемъ, который представляется мнѣ, благодаря обязательности князя Черкасскаго, чтобы переслать вамъ нѣсколько строкъ. Г-нъ Поповъ, священникъ Лондонской церкви, разъ или два передавалъ мнѣ ваше дружеское о мнѣ воспоминаніе; а нынѣшней зимою, въ Римѣ, гдѣ я живу послѣдніе три года со времени моего обращенія въ католичество, я имѣлъ еще большее удовольствіе познакомиться съ вашими друзьями или родственниками—княземъ и княгиней Оболенскими. Что́ касается меня, то я погруженъ въ тѣже думы и тѣже молитвы, какъ и прежде, до войны и до нравственнаго переворота, приведшаго меня къ перемѣнѣ вѣры. Къ одной изъ вашихъ родственницъ, г-жѣ Потемкиной, я сохраняю и всегда буду сохранять привязанность столь-же горячую, какъ если-бы она была мнѣ сродни. Если я ей не писалъ въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ, то потому, что я хорошо знаю не только то, какое подозрѣніе навлекаютъ на себя отступники вообще, но и то, что они часто вполнѣ заслуживаютъ онаго; поэтому отступникъ долженъ и самъ къ себѣ относиться съ недовѣріемъ. Вотъ почему я хотѣлъ провести нѣкоторое время уединенно и не искалъ случая продолжать или возобновлять сношенія, которыя я прежде имѣлъ въ Россіи и Англіи. Къ тому-же, во время войны и даже по окончаніи ея, мнѣ было не такъ легко, какъ прежде, пересылать и получать пи́сьма.

Теперь разскажу въ немногихъ словахъ, что́ я дѣлалъ за эти послѣдніе годы. Уѣзжая осенью 1852 года изъ Одессы, я отправилъ покойному Государю письмо объ отношеніяхъ Русской церкви къ государству. Послѣ я узналъ, что, не смотря на достаточную откровенность, письмо это не оскорбило его. Кажется, я слышалъ потомъ, что онъ показалъ это письмо г-жѣ Потемкиной. Осенью 1853 года, по смерти моего отца, я отправился въ Каиръ. Предпринялъ я эту поѣздку отчасти благодаря настояніямъ моего доктора, такъ какъ за послѣдніе годы у меня все сильнѣе и сильнѣе развивалась подагра, а отчасти для того, чтобы имѣть возможность прочитать тамъ и, если-бы это оказалось стоющимъ, сдѣлать переводъ рукописи о дѣлѣ патріарха Никона, написанной на Новогреческомъ языкѣ злополучнымъ архіепископомъ Паисіемъ, такъ какъ я всегда имѣлъ намѣреніе (и не оставилъ его до сихъ поръ) пополнить мои изысканія о жизни этого великаго и святаго человѣка и даже издать его жизнеописаніе на Англійскомъ или на Латинскомъ языкѣ, если-бы только мнѣ удалось достать наиболѣе важные изъ неизданныхъ документовъ [2]). Однако въ Каирѣ изъ трехъ книгъ, написанныхъ Паисіемъ, я

---

[1]) Подлинникъ по-французски. П. Б.

[2]) Пальмеръ до того увлекался Никономъ, что, въ бытность свою въ Москвѣ, когда ему показывали въ патріаршей ризницѣ вещи, принадлежавшія Никону, онъ съ восторгомъ ца-

нашелъ лишь первую, да и ту не въ подлинникѣ, а въ спискѣ, сдѣланномъ по приказанію Греческаго патріарха для А. Муравьева. Патріархъ, найдя, что рукопись трудно разбирать и что уже сдѣланная копія первой части полна ошибками, отослалъ Муравьеву подлинникъ, предоставивъ ему держать его у себя до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ нуженъ и переслать его въ Каиръ, когда къ тому представится случай. Позднѣе, въ Іерусалимѣ, архимандритъ Порфирій позволилъ мнѣ списать нѣсколько выдержекъ, сдѣланныхъ имъ изъ двухъ послѣднихъ книгъ. Если-бы мнѣ не помѣшала война, я имѣлъ мысль возвратиться въ Англію черезъ Грузію и Южную Россію, поднявшись вверхъ по Волгѣ и такимъ образомъ получить возможность видѣть у Муравьева рукопись и, быть можетъ, получить позволеніе просмотрѣть другіе сохранившіеся въ Россіи неизданные источники относительно дѣла Никона. Въ Египтѣ я поднимался по Нилу до первыхъ водопадовъ. Найдя, что на памятникахъ крайне легко узнавать собственныя имена царей, я очень заинтересовался древней исторіей Египта и смѣю думать, что случайно сдѣлалъ нѣкоторыя полезныя для науки и для религіи открытія. Можетъ быть, ученые впослѣдствіи будутъ имѣть возможность судить, насколько все это вѣрно. Изъ Каира я отправился черезъ Синай въ Іерусалимъ, гдѣ, хотя шла война, нѣкоторое время жилъ съ Русскимъ архимандритомъ. Потомъ я поѣхалъ въ Аѳины. Тамъ я кончилъ переводъ на Новогреческій языкъ и напечаталъ „Разсужденія о Православной или Восточной церкви", одинъ экземпляръ которыхъ на Англійскомъ языкѣ я предполагаю прислать вамъ. Побывавши въ послѣдній разъ въ Константинополѣ, гдѣ патріархъ и его синодъ отказались принять католика безъ вторичнаго крещенія и такимъ образомъ пренебрегли вполнѣ обязательнымъ и для нихъ каноническимъ обычаемъ Русской церкви, я вслѣдъ за тѣмъ совершилъ небольшую поѣздку по Малой Азіи, чтобы посмотрѣть на церкви въ Смирнѣ и Филадельфіи (особенно на послѣднюю), такъ какъ изъ семи церквей, упомянутыхъ въ Апокалипсисѣ, только эти двѣ получили хвалу и обѣтъ Господа нашего безъ хулы и угрозъ и, поэтому, сохранились до нашихъ дней среди развалинъ остальныхъ пяти. Въ Филадельфіи я личнымъ опытомъ убѣдился въ томъ, что въ этой церкви сохраняются еще и проявляются въ очень трогательной формѣ начала любви. Что касается до моего намѣренія сдѣлать тамъ послѣднюю попытку, чтобы меня приняли въ Православіе безъ вторичнаго крещенія, то оно послужило поводомъ къ крайне-комическому совѣщанію съ епископомъ. Изъ Филадельфіи, самой незначительной и наружно наиболѣе бѣдной, но таинственнымъ образомъ самой уважаемой изъ церквей, я обратился въ Римъ, могущественнѣйшую и величайшую церковь. Проѣзжая черезъ Корфу, я нашелъ, что со времени моего послѣдняго посѣщенія въ 1852 году, относительно перекрещенія Латинянъ, здѣсь болѣе или менѣе измѣнились понятія, а именно: прежде допускали прозелитовъ безъ вторичнаго крещенія, но дѣлали это изъ страха передъ Англичанами, какъ нѣкогда изъ боязни Венеціанцевъ; въ 1854-же году вновь

ловалъ ихъ (слышано отъ очевидца). Его сочиненіе о Никонѣ (The Patriarch and the Tsar, изданное въ Лондонѣ въ 1871—1876 гг. въ 6 большихъ томахъ) мало кому извѣстно у насъ. П. Б.

былъ обнародованъ текстъ соборнаго постановленія 15-го столѣтія, на который опирались Макарій Антіохійскій и патріархъ Никонъ, когда онъ отмѣнялъ въ Россіи неправильный обычай перекрещенія, введенный при патріархѣ Филаретѣ. Такимъ образомъ въ 1854 году въ Корфу основывались на постановленіяхъ собора и отчасти хвастались тѣмъ, что они сохранили древній обычай, который не могли отмѣнить даже патріаршіе указы 18-го столѣтія.

Прибывши въ Римъ, я былъ убѣжденъ нѣкоторыми ревностными друзьями и вступилъ въ сношенія съ однимъ очень избраннымъ богословомъ (отцомъ Пассаглія), который совершенно неожиданно сообщилъ мнѣ нѣчто, облегчившее мое обращеніе, а именно, что, сохраняя мои скорѣе Греческія нежели Латинскія убѣжденія относительно нѣкоторыхъ важныхъ спорныхъ вопросовъ, я, тѣмъ не менѣе, могу быть принятъ въ лоно католичества, если соглашусь не утверждать ничего противнаго общеизвѣстнымъ догматамъ Римской церкви. Такимъ образомъ я послѣдовалъ его совѣту, не находя достаточнымъ и справедливымъ проводить всю свою жизнь въ размышленіяхъ и изученіи основъ различныхъ церквей и не принадлежать предъ лицемъ Божіимъ ни къ одной изъ нихъ. Мои католическіе друзья, по большей части сами новообращенные, съ безусловной увѣренностью предсказывали мнѣ, что мое странное и слѣпое пристрастіе къ Восточной и Русской церкви исчезнетъ тотчасъ-же по моемъ обращеніи въ католичество, что разумѣніе мое просвѣтится вполнѣ и я буду въ состояніи различать истину во всякомъ вопросѣ. На самомъ дѣлѣ я очень доволенъ, что никогда не увлекался ихъ обѣщаніями: это избавляетъ меня отъ разочарованія.

Вмѣстѣ съ моимъ обращеніемъ я получилъ то, чего ожидалъ: прочный миръ и опредѣленное религіозное положеніе, которое я долженъ защищать по мѣрѣ моего разума. Убѣжденія мои почти не измѣнились. Только относительно вопроса о Римскомъ престолѣ и особенно о главнѣйшихъ доводахъ въ пользу притязаній католицизма я нахожу, что гораздо пріятнѣе быть на сторонѣ наиболѣе сильнаго, нежели примыкать къ слабѣйшему. Что касается до великаго богословскаго вопроса, раздѣляющаго Восточную и Римскую церкви, то, если-бы я считалъ себя въ правѣ навязывать другимъ свои собственныя мнѣнія, я по прежнему поддерживалъ-бы Греческое богословіе какъ самое древнее и удовлетворительное. Однако, на основаніи общихъ размышленій, я глубоко убѣжденъ, что долженъ существовать способъ согласованія двухъ догматовъ, находящихся въ кажущемся противорѣчіи. Хотя я не смѣю думать, что уже нашелъ нужное рѣшеніе, но я ничего больше не желалъ бы, какъ провести остатокъ моихъ дней въ изученіи этого вопроса. Если Господу угодно будетъ явить мнѣ милость и позволить мнѣ послужить орудіемъ къ приближенію этого единенія, я со слезами радости и благодарности скажу: „нынѣ отпущаеши". Въ самомъ дѣлѣ, хотя Господь и не нуждается въ насъ, но нашъ долгъ и вполнѣ естественное желаніе послужить Ему, а не проводить всю жизнь безъ пользы въ ѣдѣ, питьѣ и всякомъ изобиліи, тогда какъ столько бѣдняковъ своими руками обрабатываютъ землю, едва снискивая средства къ пропитанію.

Посылаю вамъ сдѣланный на тонкой бумагѣ снимокъ съ рисунка, который я составилъ въ прошломъ году и недавно заказалъ исполнить въ краскахъ. При небольшомъ вниманіи вы, думается мнѣ, легко угадаете всѣ приложенія, которыя я хотѣлъ сдѣлать къ выпискамъ, взятымъ изъ жизнеописаній Никона. Прибавлю только, что рисунокъ этотъ является продолженіемъ ряда картинъ, выбранныхъ изъ числа заключающихся въ Римскихъ катакомбахъ *). Онѣ сопоставлены съ цѣлью въ сжатомъ видѣ представить символизмъ христіанства первыхъ трехъ вѣковъ и начала четвертаго. На посылаемомъ мною рисункѣ вверху изображены Ноевъ ковчегъ, дуга, на которой патріархальныя церкви, каменный престолъ съ шестью ступенями и голубемъ, подсвѣчникъ, Даніилъ среди львовъ съ рукою, дающею ему хлѣбъ, Іовъ на гноищѣ, символическіе звѣри и птицы, Сусанна, ложно обвиненная старцами (т. е. церковь), хлѣбъ, знаменующій непорочность святыхъ тѣлъ учениковъ Христа, Фениксъ (символъ воскресенія и безсмертія), куропатка, воробей и голубь. Всѣ эти фигуры взяты съ различныхъ фресокъ, найденныхъ въ Римскихъ катакомбахъ. Если вы настолько заинтересуетесь моей картиной, что захотите помочь мнѣ усовершенствовать ее, то я просилъ бы васъ достать и прислать мнѣ (письмомъ или, если представится случай, какъ-либо иначе) два или три наброска нужныхъ мнѣ предметовъ и мѣстностей. Теперь я долженъ довольствоваться воображеніемъ или передавать художнику описанія, основанныя на смутныхъ воспоминаніяхъ, прибавляя къ этому нѣкоторыя указанія.

Вотъ какіе наброски желалъ бы я имѣть: 1) церковь въ Новомъ Іерусалимѣ (въ Воскресенскѣ) для помѣщенія ея вверху главной картины вмѣстѣ съ Сіономъ и ковчегомъ Ноя; 2) башню или скитъ Никона на берегу въ той же мѣстности; 3) холмъ съ гробницей Никона и его цѣпями; 4) монастырь на Бѣломъ озерѣ съ зимней дорогой черезъ озеро и маленькимъ островкомъ, построенный Никономъ и гдѣ онъ водрузилъ крестъ съ надписью. Я не знаю, существуетъ ли монастырь до сихъ поръ, но во всякомъ случаѣ озеро, островокъ и поселокъ не измѣнились. Если вы доставите мнѣ эти матеріалы (чѣмъ меньше будутъ наброски, тѣмъ лучше это для моей цѣли, какъ вы увидите сами, посмотрѣвъ на тѣ фигуры, которыя должны быть замѣнены), то я отблагодарю васъ присылкой всей картины, исполненной красками, равно какъ и другой, въ которую я ввелъ имя Никона.

На другой картинѣ по срединѣ изображенъ царь Навуходоносоръ, присвоивающій себѣ честь поклоненія, должнаго Богу и Его церкви. Съ одной стороны военачальникъ показываетъ тремъ Евреямъ изображеніе царя и приказываетъ имъ поклониться ему. Я противопоставилъ имъ, вопервыхъ, св. Іоанна Златоуста (исторію котораго Никонъ разсказалъ царю Алексѣю, чтобы объяснить поводы перенесенія останковъ митрополита Московскаго Филиппа), затѣмъ св. Ѳому Бекета, архіепископа Кентерберійскаго и, наконецъ, патрі-

*) Переходъ въ католичество сказался въ Пальмерѣ и въ этихъ его работахъ. Однажды въ Римѣ, показывая одной Русской знакомой рисунки, снятые для него въ катакомбахъ, онъ, не обинуясь, сообщилъ, что, по его распоряженію, придѣланы ключи къ рукѣ Спасителя, яко бы подающаго ихъ апостолу Петру. — Какъ же? Вѣдь въ подлинникѣ этого вовсе нѣтъ замѣтили ему.—Такъ что же? Вѣдь это такъ было! отвѣчалъ бѣдный Пальмеръ. П. Б.

арха Никона. Съ другой стороны видны тѣже три исповѣдника въ горящей печи. Именно въ связи съ этой картиной я поставилъ тексты, взятые изъ жизнеописанія Никона. Въ двухъ боковыхъ картинахъ видны изображенія: съ одной стороны царь Иродъ, мнимо боготворящій младенца Іисуса и притворяющійся, что онъ исполненъ къ Нему почитаніемъ и удивленіемъ, въ то время какъ онъ разспрашиваетъ о Немъ волхвовъ. Этотъ царь олицетворяетъ собою второй видъ нечестія, когда свѣтская власть притворно чтитъ вѣру и церковь съ тайнымъ намѣреніемъ сдѣлать ихъ орудіемъ людской политики. Съ другой стороны, какъ разъ противъ - три мага съ дарами, пришедшіе поклониться истинному Царю на рукахъ Св. Дѣвы. Въ одной изъ пещеръ въ катакомбахъ св. Агнессы находится прекрасное видоизмѣненіе этой мысли: тамъ около гробницы изображены три Еврея, отказывающіеся поклоняться изображенію земного царя, а съ другой стороны тѣже трое, т. е. маги, которые въ нѣкоторомъ смыслѣ отождествлены съ ними, поклоняющіеся истинному Царю, Царю Небесному и земному, лику единаго истиннаго Бога на рукахъ Святой Его Матери.

Одноко я написалъ болѣе, нежели долженъ былъ, чтобы по крайней мѣрѣ не утомлять вашего зрѣнія. Окончу просьбой передать мои дружескія воспоминанія г-жѣ Потемкиной, а также мой привѣтъ, по мѣрѣ моего знакомства, всѣмъ, которыхъ я зналъ и которые не забыли меня и захотятъ принять его, не смотря на перемѣну моей вѣры. Назову особенно г-дъ Норова, Вагнера, а изъ духовныхъ Московскаго митрополита и архіепископа Харьковскаго Филарета (если вы будете имѣть случай писать имъ или ихъ увидите). Со всегдашней молитвою, чтобы вы могли сдѣлать что-либо (какъ бы это незначительно ни было) для умаленія соблазна раздѣленія, на исчезновеніе котораго потребно болѣе двухъ вѣковъ и внезапнаго прекращенія котораго мы, слѣдовательно, не можемъ надѣяться увидѣть, остаюсь, ваше сіятельство, съ чувствомъ глубокой дружбы и уваженія, вашимъ покорнѣйшимъ слугою о Христѣ. Пальмеръ.

*

И такъ вотъ къ чему пришелъ на склонѣ жизни своей бѣдный Пальмеръ послѣ долголѣтнихъ скитаній и духовныхъ поисковъ, которымъ такъ сочувствовали многіе Русскіе люди. Отзывъ митрополита Филарета, приведенный выше, въ письмѣ Е. И. Попова, остается во всей его силѣ. Покойный графъ А. П. Толстой, въ Задонскѣ, на открытіи мощей Св. Тихона, когда молитвеннымъ восторгомъ объяты были несмѣтныя толпы народа, вспомнилъ про Пальмера и выразился одному изъ нашихъ знакомыхъ: „Вотъ если бы тутъ былъ Пальмеръ, то вѣрно бы навсегда остался съ нами“. Помянуть Пальмера нельзя иначе какъ добромъ, уже за то, что онъ вызвалъ къ себѣ письма А. С. Хомякова, сдѣлавшіяся однимъ изъ лучшихъ достояній Русскаго богословія. (Неизданные доселѣ Англійскіе подлинники этихъ писемъ самъ Пальмеръ передалъ въ Римѣ покойной княгинѣ Черкасской для возвращенія ихъ въ Россію. Они нынѣ хранятся въ Чертковской библіотекѣ въ Москвѣ). П. Б.

За сообщеніе всѣхъ этихъ бумагъ обязаны мы благодарностію Константину Петровичу Побѣдоносцову.

ПРЕДКИ ФИЛАРЕТА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Митрополитъ Филаретъ родился 26 Декабря 1782 г., скончался 19 Ноября 1867 года. Много писано было и о немъ самомъ, и о предкахъ его, какъ ближайшихъ, такъ и отдаленныхъ [1]). Между прочимъ въ «Русскомъ Архивѣ» (1889 г., I, 523—526), въ статьѣ, подъ заглавіемъ: «Духовное завѣщаніе священника XVIII вѣка» помѣщены любопытныя свѣдѣнія о предкахъ митрополита Филарета со стороны его отца. Работая надъ архивомъ Тульской Духовной Консисторіи, въ которую въ 1800 году перешелъ архивъ упраздненной Коломенской епархіи [2]), мы встрѣтились съ новыми по этой части данными.

23 Октября 1864 г. Филаретъ писалъ къ епископу Тульскому Никандру: «Сіе письмо принесетъ вамъ вдова священника села Кормоваго, отрасль рода, отъ котораго мое происхожденіе признаю милостію Божіею» [3]). Село Кормовое, Веневскаго уѣзда, есть настоящая родина того семейства, среди котораго возникла жизнь человѣка, оказавшаго потомъ столько великихъ заслугъ Церкви и Отечеству, разумѣемъ ближе всего предковъ этого человѣка, по отцу его, такъ какъ предки его по матери издавна жили въ Коломнѣ, гдѣ отъ дьякона тамошняго каѳедральнаго Успенскаго собора Михаила Ѳеодоровича и родился Филаретъ. По архивнымъ даннымъ, извлеченнымъ нами изъ архива Тульской Духовной Консисторіи [4]), родословное древо митрополита Фи-

---

[1]) Болѣе подробныя, хотя и не во всемъ точныя, свѣдѣнія о томъ находятся у Н. В. Сушкова въ его *Запискахъ о жизни и времени м. Филарета*, стр. 28 и дал. (Москва› 1868); въ *Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* за 1869 годъ № 12; въ *Письмахъ м. Филарета къ роднымъ*, изд. въ Москвѣ въ 1882 году; въ статьѣ протоіерея А. А Смирнова въ журн. *Вѣра и Разумъ* 1892 г., № 13 отд. церк., стр. 50 и дал., и др.

[2]) Коломенская епархія, въ которой жили предки митрополита Филарета, имѣла въ составѣ своемъ нѣкоторые уѣзды нынѣшней Тульской и Московской губерній.

[3]) Письмо неизданное.

[4]) При этомъ мы не можемъ не выразить нашей признательности архиваріусу Тульской консисторіи Н. А. Виноградову за его содѣйствіе нашимъ розыскамъ.

ларета со стороны его отца можно прослѣдить только до четвертаго колѣна, а со стороны матери до третьяго, не считая самого Филарета. Именно, родъ отца его: Михаилъ Θеодоровъ былъ сыномъ священника села Кормоваго Θеодора Игнатьева; Θеодоръ Игнатьевъ—сыномъ священника того же села Игнатія Тимоѳеева, а Игнатій былъ сынъ того «іерея Тимоѳея утопшаго», котораго поминать завѣщалъ Михаилу Θеодоровичу отецъ его Θеодоръ Игнатьевъ [1]) и время жизни котораго относится несомнительно къ концу XVII и началу XVIII столѣтія. Извѣстны намъ и другіе члены ихъ семействъ. Со стороны матери Филарета извѣстны отецъ ея священникъ Коломенской Богоявленской церкви Никита Аѳанасьевъ и отецъ сего послѣдняго, священникъ той же церкви Аѳанасій Филипповъ, жившій около половины прошедшаго столѣтія, а также нѣкоторые другіе члены ихъ семействъ. У священника села Кормоваго Игнатія Тимоѳеева были, кромѣ Θеодора Игнатьева, еще сыновья, стостоявшіе причетниками, въ разное время, въ томъ же селѣ Кормовомъ: Михаилъ и Иванъ, изъ коихъ у перваго былъ сынъ Михаилъ Михайловъ, а у втораго—Іаковъ Ивановъ, бывшіе церковно-служителями въ томъ же селѣ. Въ свою очередь и Θеодоръ Игнатьевъ, кромѣ упомянутаго Михаила Θеодорова (родителя митрополита Филарета) имѣлъ еще сыновей: Аѳанасія Θеодорова, бывшаго священникомъ въ селѣ Карникахъ, Богородицкаго уѣзда, и Ивана Θеодорова, бывшаго священникомъ въ томъ же Кормовомъ.

Въ архивѣ Тульской Духовной Консисторіи за 1750 годъ подъ № 3 (119) хранится дѣло объ утвержденіи Θеодора Игнатьева въ должности дьячка села Кормоваго и о посвященіи его въ стихарь.

Святѣйшаго Правительствующаго Синода члену, великому господину преосвященнѣйшему Гавріилу, епископу Коломенскому и Каширскому [2]), бьетъ челомъ Веневскаго уѣзду села Кормоваго церкви Николая Чудотворца дьячекъ Θедоръ Игнатьевъ. А о чемъ, тому слѣдуютъ пункты.

1.

Въ прошломъ 737-мъ году бывымъ преосвященнымъ Веніаминомъ епископомъ [3]) дана мнѣ именованному къ той церкви Божіей дьячковская новоявленная память которая и бывымъ Саввою епископомъ [4]) подписана

---

[1]) См. въ „Русскомъ Архивѣ" 1889 г., I, 523.

[2]) Гавріилъ Кременецкій изъ архимандритовъ Московскаго Новоспасскаго монастыря, епископъ Коломенскій съ 17 Сент. 1749 г. по 29 Окт. 1755 г., скончался въ санѣ митрополита Кіевскаго въ 1783 г. Августа 8 дня.

[3]) Веніаминъ Сахновскій, епископъ Коломенскій съ 1731 по 1739 г., скончался епископомъ Воронежскимъ въ 1743 г.

[4]) Савва Шпаковскій скончался въ Коломнѣ 29 Іюля 1749.

2.

А въ минувшемъ Февралѣ мѣсяцѣ оная новоявленная память подана вашему преосвященству, точію не подписана за тѣмъ, что еще азъ именованный не обученъ книжицы, каковыя повелѣно отъ вашего преосвященства обучать. А нынѣ азъ именованный оную книжицу обучилъ.

Того ради вашего преосвященства всепокорно прошу, дабы указомъ вашего архипастырства повелѣно было сіе мое прошеніе принять и оную новоявленную данную мнѣ именованному дьячковскую память съ подписаніемъ руки вашего архипастырства отдать мнѣ именованному и о семъ моемъ прошеніи милостивое архипастырское рѣшеніе учинить. Мая 3 дня 1750 году. Прошеніе писалъ Коломенской Духовной Консисторіи подканцеляристъ Димитрей Поповъ. Къ сему прошенію дьячекъ Өедоръ Игнатьевъ руку приложилъ [1]).

На это прошеніе послѣдовала такая резолюція преосвященнаго Гавріила, очевидно желавшаго подтянуть духовенство своей епархіи: «Слушавъ въ чтеніи, освидѣтельствовавъ въ катихизисѣ, пѣніи и скорописи, допросивъ, бывъ у исповѣди у удостоеннаго священнаго чина, представить къ посвященію въ стихарь и новоявленную память къ подтвержденію».

1750-го году Маія 25-го дня въ Казенномъ Приказѣ, Веневскаго уѣзда села Кормоваго, церкви Святаго Николая Чудотворца дьячекъ Өедоръ Игнатьевъ о нижеслѣдующемъ обстоятельно допрашиванъ.

А въ допросѣ сказалъ. Въ прошломъ 1737-мъ году въ Февралѣ мѣсяцѣ по заручному показанной церкви приходскихъ людей прошенію бывымъ Коломенскимъ преосвященнымъ Веніаминомъ епископомъ къ той Николаевской церкви опредѣленъ онъ Өедоръ во дьячки на праздное мѣсто умершаго дьячка Александра Іосифова, и новоявленная память ему Өедору дана, которую приложилъ при допросѣ, и по тому опредѣленію по нынѣшней мужска полу душъ ревизіи написанъ онъ Өедоръ при оной Николаевской церкви дьячкомъ, а въ подушный окладъ не положенъ. Отъ роду ему Өедору двадцать четыре года, женатъ первымъ бракомъ на дѣвкѣ дьячковой дочери [2]), и при той церкви дьячковскую должность правитъ онъ понынѣ безъ отлученія и безъ всякаго подозрѣнія, а у состоявшейся присяги 1741 въ вѣрности службы Ея Императорскому Величеству и 1744 году о опредѣленіи отъ Ея Императорскаго Величества наслѣдникомъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Петра Өеодоровича, внука Государя Императора Петра Великаго, онъ Өедоръ былъ въ городѣ Веневѣ въ соборной церкви Воскресенія Христова и на присяжныхъ печатныхъ листахъ своеручно онъ

---

[1]) Подпись Өеодора Игнатьева собственноручная, писанная стариннымъ скорописнымъ почеркомъ.

[2]) Марѳѣ Адріановой, упоминаемой въ завѣщаніи Өеодора Игнатьева своему сыну Михаилу Өеодоровичу (см. «Р. Архивъ 1889, I, 524.).

подписался, и нынѣ-де онъ Ѳедоръ желаетъ посвященія въ стихарь, чтобъ ему Ѳедору при той Николаевской церкви Божіей быть дьячкомъ по прежнему; а онъ Ѳедоръ надлежащее къ священству катихизическое наставленіе изустно обучилъ, что во всегдашней своей памяти имѣть онъ будетъ неотмѣнно. Въ семъ допросѣ сказалъ онъ сущую правду, а ежели сказалъ что ложно или утаилъ, и за то повелѣно бъ было учинить ему по указамъ, чему будетъ достоинъ".

Объявленной дьячекъ Ѳедоръ катихизическаго наставленія выслушанъ, которое умѣетъ изустно въ твердость, такожъ скорописи и пѣнія обученъ. Подписалъ ѵподіаконъ Алексій Ѳедосѣевъ. Сей же писанный дьячекъ Ѳеодоръ исповѣданъ, а по исповѣди явился достоинъ посвященія въ стихарь. Подписалъ духовникъ іеромонахъ Іезекіиль. Въ стихарь посвященъ Маія 30 дня 1750 года. Подписалъ ѵподіаконъ Алексій Ѳедосѣевъ. Вышеписанная приложенная новоявленная память по подписаніи его преосвященства оному дьячку Ѳедору отдана обратно. Далѣе опять собственноручная подпись: „Дьячекъ Ѳеодоръ Игнатьевъ новоявленную память взялъ и росписался".

Еще глубже проникаетъ въ даль временъ нижеслѣдующая бумага, относящаяся къ 1758 году.

Великому господину преосвященнѣйшему Порфирію епископу Коломенскому и Каширскому *) доношеніе.

Доноситъ епархіи вашего преосвященства Веневскаго уѣзда, села Кормоваго, церкви Святаго Николая Чудотворца порутчикъ Андрей Ивановъ сынъ Татищевъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты.

1.

При означенной церкви имѣется дьячкомъ посвященной въ стихарь Ѳеодоръ Игнатьевъ, которому сего жъ года дано отъ меня именованнаго доношеніе на мѣсто отца его умершаго попа Игнатія въ попа.

2.

А нынѣ къ оной церкви Божіей избралъ я во дьячка тояжъ церкви умершаго попа Игнатія сына его Михайлу Игнатьева, понеже онъ церковникъ Михайла человѣкъ доброй и неподозрительной и во дьячкахъ при оной моей церкви быть угоденъ.

3.

А приходу при оной церкви Божіей сорокъ дворовъ, пашенной земли тридцать четвертей, сѣнныхъ покосовъ на десять копенъ.

Того ради вашего преосвященства всепокорнѣйше прошу, дабы повелѣно было вашего архипастырства благословеніемъ означеннаго церковника

---

*) Порфирій Крайскій, изъ епископовъ Суздальскихъ, епископомъ Коломенскимъ былъ съ 1755 по 1763 г. Скончался епископомъ Бѣлгородскимъ 7 Іюля 1763 года.

Михаила на мѣсто брата его дьячка Өеодора опредѣлить во дьячка и посвятить во стихарь и о томъ милостивое рѣшеніе учинить. Къ сему прошенію орутчика Андрея Ивановича Татищева служитель его Семенъ Петровъ по приказу господина своего руку приложилъ". На этомъ „доношеніи" послѣдовала такая резолюція: „слушавъ, допросить и учиня надлежащія справки, предложить въ докладѣ". За тѣмъ бумага: „1758 г. Декабря 14 дня по помѣтѣ его преосвященства Порфирія епископа Коломенскаго и Каширскаго въ домовой его преосвященства ставленнической конторѣ Веневскаго уѣзда села Кормоваго церкви Святаго Николая Чудотворца церковникъ Михаилъ Игнатіевъ опредѣляющійся во дьячка о нижеслѣдующемъ обстоятельно допрашиванъ.

А въ допросѣ сказалъ. Рожденіе и воспитаніе его во объявленномъ селѣ Кормовомъ, дѣйствительнаго означенной церкви умершаго священника Игнатія Тимоөеева сынъ, отъ роду ему Михаилу двадесятой годъ. Женатъ первымъ бракомъ на дѣвкѣ дьячковой дочери, граматѣ, писать и нотному пѣнію умѣетъ. По бывшей въ 1744 году второй ревизіи написанъ при отцѣ своемъ церковникомъ. А въ 755-мъ г. по бывшему священно- и церковнослужителѣмъ распредѣленію написанъ онъ при означенной Николаевской церкви дьячкомъ. А въ подушной окладъ не положенъ, въ военную и другія никакія службы взятъ и записанъ не былъ и своевольно не записывался, записьми и крѣпостьми ни у кого ни въ чемъ не обязанъ, на татьбахъ и разбояхъ не бывалъ, и съ воровскими людьми не знается, но все пребываетъ при означенной Николаевской церкви безотлучно и безпорочно. Къ которой нынѣ тоя же церкви прихожанинъ порутчикъ Андрей Ивановъ сынъ Татищевъ на мѣсто бывшаго дьячка Өедора Игнатіева (которой нынѣ имѣется при означенной церкви священникомъ) изобралъ его Михаила во дьячка, о чемъ и подано его преосвященству желательное его доношеніе, коимъ проситъ и о посвященіи въ стихарь, правое, а не подложное, и впредъ спору и челобитья ни отъ кого не произойдетъ. При показанной Николаевской церкви дѣйствительно служащихъ попъ, діаконъ, пономарь, приходу сорокъ дворовъ, пашенной перковной земли тридцать четвертей въ полѣ, а въ дву по тому же, сѣнныхъ покосовъ на десять копенъ, отъ коего прихода и земли, будучи дьячкомъ, пропитаніе изъ жребія своего имѣть можетъ нескудное и впредъ якобы въ неудовольствіи утруждать его преосвященство и просить не будетъ. Дѣлъ и подозрѣній, препятствующихъ посвященію въ стихарь и опредѣленію во дьячка, не имѣется; правиломъ святымъ и церковному преданію во всемъ согласуетъ и крестное знаменіе на себѣ изображаетъ тремя первыми десными персты, а раскольнической никакой прелести не содержитъ и не учивался, и во ономъ приходѣ записныхъ и потаенныхъ раскольниковъ и всякихъ суевѣрій не имѣется, а впредъ ежели о каковыхъ увѣдаетъ, гдѣ надлежитъ доносить будетъ безъ упущенія. Болѣзни никакой на себѣ не имѣетъ и уды у себя имѣетъ всѣ цѣлы, исправленію дьячковской должности не препятственные, и данную ему учительную книжицу изустно въ памяти содержать и у себя оную имѣть до смерти своея обязуется, а продавать и отдавать никому

не будетъ. Также и въ производствѣ всего своего дѣла обѣщать и давать, кромѣ указныхъ пошлинъ и за подписаніе новоявленныя памяти, никому ничего не будетъ же; и въ семъ допросѣ сказалъ сущую правду, а ежели явится что ложнос, и за то подвергаетъ себя по святымъ правиломъ и указомъ чему будетъ достоинъ.

Въ дополненіе приводимъ еще дѣло 1767 г., касающееся одного изъ сыновей священника Ѳеодора Игнатьева, именно Ивана Ѳеодорова, слѣдовательно роднаго дяди митрополита Филарета.

Великому господину преосвященнѣйшему Ѳеодосію епископу Коломенскому и Каширскому *).

Бьетъ челомъ епархіи вашего преосвященства Веневскаго уѣзда, села Кормоваго, церкви Святаго Николая Чудотворца строитель и прихожанинъ Алексѣй Андреевъ сынъ Татищевъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты.

1.

Имѣется у меня при означенной приходской церкви Божіей іерей Ѳедоръ Игнатьевъ, которой отъ внутренней своей болѣзни находится весьма въ здоровьи слабъ и божественную службу исправляетъ съ крайнею нуждою, чего ради отъ меня именованнаго на мѣсто его дано къ подачѣ вашему преосвященству тоя же церкви діакону Кирилѣ Васильеву къ произведенію въ іерея заручное челобитье.

2.

А нынѣ я именованный изобралъ на мѣсто означеннаго діакона тоя же церкви церковника Ивана Ѳедорова, понеже онъ житія добраго и неподозрительный человѣкъ, а именно: не пьяница, въ домостроеніи своемъ не лѣнивъ, не клеветникъ, не сварливъ, не любодѣйца, въ воровствѣ и обманствѣ не обличенъ, въ рекрутахъ и солдатахъ не бывалъ и другихъ никаковыхъ подозрѣній за нимъ не имѣется, и оное діаконское мѣсто принадлежитъ по достоинству ему Ивану; отъ роду же ему двадцать лѣтъ.

3.

А при объявленной приходской моей церкви Божіей имѣется церковной пашенной земли по десяти четвертей въ полѣ, а во двѵ по тому жъ, сѣна косится по сту копенъ въ годъ, приходскихъ на лицо пятьдесятъ семь дворовъ.

Того ради вашего преосвященства всепокорно прошу, дабы пастырскимъ вашего преосвященства благоразсмотрѣніемъ благоволено было къ вышепомянутой моей приходской церкви означеннаго церковника произвесть въ діакона, а по томъ его произведеніи впредъ отъ меня никакого спора и челобитья происходить не будетъ, и о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Прошеніе писалъ града Венева Николаевскій дьячекъ Симеонъ Григорьевъ.

---

*) Преосвященный Ѳеодосій Михайловскій, изъ архимандритовъ Рязанскаго Солотчинскаго монастыря, въ 1763 г. назначенный во епископы Коломенскіе, скончался на Коломенской каѳедрѣ 30 Января 1787 г.

къ поданію надлежитъ въ крестовой его преосвященства палатѣ. Генваря дня 1767 года. Къ сей челобитной артиллеріи капитанъ Алексѣй Андреевъ сынъ Татищевъ руку приложилъ. Къ сему доношенію діаковъ Кирила Васильевъ руку приложилъ".

На этой челобитной резолюція архіерейская отъ 5 Февраля 1767 г.: «слушавъ, произвесть дѣло правильно». По силѣ такой резолюціи, при производствѣ этого дѣла привносится нѣчто новое по сравненію съ вышеупомянутыми и приведенными дѣлами; а именно мы встрѣчаемъ въ семъ дѣлѣ одобрительное донесеніе поповскаго старосты архіерею.

Въ допросѣ Иванъ Ѳедоровъ показалъ. Рожденіе и воспитаніе его въ помянутомъ селѣ Кормовомъ реченныя Николаевскія церкви дѣйствительнаго священника Ѳедора Игнатьева сынъ, отъ роду ему двадцать лѣтъ, граматѣ, писать и нотному пѣнію умѣетъ, женатъ первымъ бракомъ на дѣвкѣ дьячковой дочери; по бывому въ прошломъ 1755 году священно-церковнослужителѣмъ распредѣленію написанъ онъ Иванъ при помянутой Николаевской церкви церковникомъ, а въ подушной окладъ не положенъ, въ военную и другія никакія государевы службы и работы взятъ не былъ и своевольно не записывался, крѣпостьми и записьми никому ни въ чемъ не укрѣпленъ, на татьбахъ и разбояхъ не бывалъ и съ воровскими людьми не знается, но пребывалъ при оной церкви безотлучно и безпорочно, къ которой нынѣ тоя жъ церкви прихожанинъ артиллеріи капитанъ Алексѣй Андреевъ сынъ Татищевъ избралъ его церковника Ивана на мѣсто тоя жъ церкви діакона Кирилла Васильева, которой производится къ той же церкви во священника, о чемъ и подано его преосвященству желательное заручное доношеніе правое, и рука приложена его Татищева неподложная, на что и староста поповскій града Венева Николаевскій іерей Петръ Ильинъ свидѣтельствовалъ именно, и впредь спору и челобитья ни отъ кого ни въ чемъ не произойдетъ, и ежели его преосвященства благоразсмотрѣніемъ на того діакона будущее праздное мѣсто во діакона произведенъ будетъ, того не отрицаетъ и желаніе имѣетъ. При той Николаевской церкви нынѣ дѣйствительно служащихъ священникъ единъ помянутой отецъ его, діаконъ, производящійся во іерея, дьячекъ и пономарь, а болѣе никого дѣйствительно опредѣленныхъ не имѣется. Приходу пятьдесятъ семь дворовъ, пашенной церковной земли во всѣхъ трехъ поляхъ тридесять четвертей, сѣнныхъ покосовъ на двадцать копенъ, отъ коего прихода, земли и луговъ, будучи діакономъ, пропитаніе изъ жребія своего имѣть можетъ неоскудное и впредь якобы въ неудовольствіи утруждать его преосвященство и отъ того храма ко иному отходить и о перехожей грамотѣ до дня смерти своея просить не будетъ; дѣлъ и подозрѣній препятствующихъ произведенію его во діакона отъ начала жизни его за нимъ не имѣется. Правиломъ святымъ и церковному преданію во всемъ согласуетъ; болѣзни никакой на себѣ не имѣетъ и уды у себѣ всецѣлые и исправленію діаконской должности непрепятственные; крестное знаменіе на себѣ изображаетъ тремя первыми десныя руки персты, а раскольнической никакой прелести не содержитъ и не учивался; а во ономъ приходѣ записныхъ и потаен-

ныхъ раскольниковъ никого и всякихъ суевѣрій не имѣется. Естли же впредъ каковыя изъ нихъ произникнутъ, о исправленіи ихъ по должности своей попеченіе имѣть будетъ всеусердное, а о непокаряющихся гдѣ надлежитъ доносить будетъ безъ опущенія; такожъ и въ подаваемыхъ повсягодно о прихожанахъ своихъ духовныхъ росписяхъ, тоя жъ церкви священникомъ, не бывыхъ у исповѣди и святаго причастія бывыми чтобъ не писалъ, того онъ наблюдать будетъ всеусердно жъ. И одежду носить онъ будетъ священному чину приличную, то есть исподнюю долгую и верхнюю долгую жъ съ рукавами широкими, какого бы оныя сукна ни были. И во всемъ томъ какъ въ прибавленіи Духовнаго Регламента 28-мъ пунктѣ изображено, поступать будетъ непремѣнно, особливо же во время священныя литургіи одежду и сапоги, паче же совѣсть, имѣть будетъ чистыя, безъ чего и въ священно-діаконское служеніе вступать не дерзнетъ, и данную ему учительную книжицу изустно въ памяти содержать и у себя оную имѣть до смерти своея обязуется, а продавать и отдавать никому не будетъ. Такожъ и въ производствѣ всего своего дѣла во взяткѣ какъ до сего числа никому ничего не обѣщалъ и не давалъ и впредъ обѣщать и давать никому ничего ни подъ какимъ видомъ или бо укрывательствомъ не будетъ же. И въ семъ допросѣ сказалъ сущую правду, а ежели явится что̀ ложно, и за то подвергаетъ себя чему по святымъ правиломъ и указомъ будетъ достоинъ.

1767 года Февраля 9 дня Иванъ Ѳедоровъ, въ пополненіе своего допроса, въ силу Духовнаго Регламента 28 пункта, сею сказкою обязуется въ томъ, чтобы ему отнынѣ для питія кабацкихъ напитковъ отнюдь въ кабаки не входить и не безчинствовать, не шумѣть по улицамъ пьяному, а паче въ церкви, такожъ двоегласно не читать, не ссориться по мужичью на обѣдахъ, не истязовать въ гостяхъ потчиванія и прочая симъ подобная; а ежели въ чемъ-либо изъ вышеписаннаго отъ кого изобличенъ будетъ, и за то учинить съ нимъ по силѣ предписаннаго Духовнаго Регламента и указовъ, чему будетъ достоинъ, и въ непремѣнное исполненіе подъ симъ своеручно и подписуется.—Далѣе слѣдуетъ своеручная, по отдѣламъ и страницѣ, уставная подпись имени церковника Ивана Ѳеодорова. Въ Духовной его жъ преосвященства Консисторіи, оказалось: по бывому въ прошломъ 1755-мъ году священно-служителѣмъ распредѣленію показанной церковникъ Иванъ Ѳеодоровъ написанъ означенной церкви іерея Ѳеодора Игнатіева сыномъ, одинадцати лѣтъ, и того по нынѣшней 1767-й годъ, двадцать два года. По поданной въ прошломъ 1766-мъ году тоя церкви отъ церковнослужителей сказкѣ въ наличіи показано:

Іерей Ѳеодоръ Игнатіевъ, сороку, женатъ.

Діаконъ Кирила Васильевъ, сороку трехъ, женатъ.

Дьячекъ Михайла Игнатовъ, двадцати семи, женатъ.

Пономарь Иванъ Игнатовъ, двадцати осми, женатъ.

При нихъ дѣтей неопредѣленныхъ:

У іерея Ѳеодора Аѳанасій, шестнадцати, холостъ, въ семинаріи; Михаила, шести, обучаетъ Часословъ.

У діакона Кирилы, Никифоръ —четырехъ.

У дьячка Михайла, Прокопій — двухъ лѣтъ.

У пономаря Ивана, Алексѣй —трехъ лѣтъ; Николай —полугоду".

Иванъ Өеодоровъ, еще будучи 18-ти лѣтъ отъ роду, былъ назначенъ къ опредѣленію въ пономари въ село Пилегино того же Веневскаго уѣзда, къ церкви Св. Великомученицы Параскевы. Но очевидно, и находившейся въ селѣ Кормовомъ роднѣ его и любившимъ его родню помѣщикамъ этого села Татищевымъ хотѣлось перевести и его въ тоже село Кормовое. Въ этихъ видахъ отецъ его іерей Өеодоръ Игнатьевъ рѣшился даже пожертвовать своею должностію и по болѣзни отказаться отъ мѣста. Но по причинѣ молодости лѣтъ Ивана Өеодорова, резолюціей архіерея отъ 29 Іюля 1768 года, положено ему было: «ожидать посвященія еще два года». Этотъ срокъ потомъ былъ сокращенъ, и 1 Марта 1769 года Иванъ Өеодоровъ былъ посвященъ во діакона въ село Кормовое, а въ 1797 году, уже въ санѣ священника этого села, онъ испрашивалъ у Коломенскаго преосвященнаго епископа Аөанасія позволенія на отъѣздъ въ Москву для свиданія съ своимъ сыномъ, отданнымъ по разбору въ военную службу, при чемъ паспортъ ему на проѣздъ въ Москву, по полученіи разрѣшенія отъ преосвященнаго, выданный изъ Коломенской консисторіи, подписывалъ между прочими родной его братъ, отецъ митрополита Филарета, священникъ Коломенской Троицкой, въ Ямской слободѣ, церкви Михаилъ Өеодоровъ. Третій же братъ ихъ Аөанасій Өеодоровъ, шестнадцати лѣтъ, учившійся уже въ семинаріи Коломенской, по желанію и просьбѣ прихожанъ Троицкой, что̀ въ Ямской слободѣ г. Коломны церкви, былъ опредѣленъ къ сей церкви во дьячка. Именно этотъ-то Аөанасій Өеодоровъ, кажется, былъ первый изъ предковъ митрополита Филарета со стороны отца, перебравшихся на службу въ г. Коломну; ибо отецъ Филарета, младшій братъ Аөанасія Өеодорова, Михаилъ Өеодоровъ, только въ 1772 году поступилъ въ Коломенскую семинарію, въ такъ-называемую аналогію, въ 1773 году переведенъ въ инфиму, въ томъ же году въ грамматику, въ 1774 году—въ синтаксиму и въ томъ же году въ риторику, которую, вмѣстѣ съ поэзіей, слушалъ три года, философію—два и богословію—7 мѣсяцевъ, а окончилъ курсъ 1780 года Апрѣля 8 дня *), слѣдовательно двадцати лѣтъ, бывъ оставленъ, по окончаніи ученія, въ самой семинаріи учителемъ, а въ началѣ 1782 года, женившись на Евдокіи Никитичнѣ, опредѣленъ въ діакона къ соборной Успенской церкви города Коломны, съ сохраненіемъ должности учителя.

*) См. о семъ въ статьѣ протоіерея А. А. Смирнова, въ журн. *Вѣра и Разумъ* за 1892 г., № 13, отд. церк., стр. 52, примѣч.

Въ книгѣ Н. В. Сушкова читаемъ: «Духовное происхожденіе Дроздовыхъ ведется изъ-далёка; но маститый потомокъ ихъ вспомнилъ имена своихъ праотцевъ только до прапрадѣда Игнатія, о которомъ впрочемъ ничего не дошло до него изъ семейныхъ преданій. Онъ служилъ гдѣ-то причетникомъ и однакожъ, по всей вѣроятности, былъ человѣкъ начитанный и разумный, потому что заботился о приготовленіи своихъ сыновей на служеніе пресвитерское, и они достигли пресвитерства. Изъ нихъ Ѳеодоръ Игнатьевичъ (отецъ Михаила Ѳеодоровича и дѣдъ Василія Михаиловича) былъ протоіереемъ Богоявленской въ Коломнѣ церкви. Другой его дѣдъ по матери Никита Аѳанасьевичъ также былъ священникомъ. Первый, будучи еще не старъ и пользуясь добрымъ здоровьемъ, сдалъ свой приходъ своему старшему сыну, съ благимъ намѣреніемъ въ мірѣ отдѣлиться отъ міра. Онъ удалился отъ всѣхъ знакомыхъ и родныхъ, повелъ жизнь уединенную, отшельническую, въ постѣ и молитвѣ, рѣдко выходилъ изъ своего домика; видали его только въ церкви. Не имѣя, по скудости, часовъ, онъ опредѣлялъ время келейной молитвы своей (3 раза въ день) горѣніемъ церковной восковой свѣчи». Какъ очевидно уже изъ выше изложеннаго нами по архивнымъ документамъ, въ этомъ сообщеніи Н. В. Сушкова нѣсколько перепутано и переиначено то, чтó было ему передано, быть можетъ, не въ достаточной полнотѣ, но во всякомъ случаѣ и безъ всякаго сомнѣнія вѣрно, самимъ митрополитомъ Филаретомъ, «маститымъ потомкомъ» тѣхъ предковъ, о которыхъ у насъ рѣчь. А между тѣмъ Сушкову, естественно, въ общемъ слѣдовали (хотя въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и поправляли его) писавшіе о томъ же предметѣ послѣ него. Но теперь можно уже, да и должно сказать, что во первыхъ, извѣстенъ не только прадѣдъ, но и прапрадѣдъ Филарета, отецъ Игнатія, «іерей Тимоѳей утопшій»; во вторыхъ, о самомъ Игнатіи съ его нисходящимъ потомствомъ извѣстно нѣсколько больше, нежели то, что онъ «служилъ гдѣ-то причетникомъ» и пріуготовилъ «своихъ сыновей на служеніе пресвитерское». Правда, объ іереѣ Тимоѳеѣ мы знаемъ только, что онъ былъ отцемъ Игнатія и что онъ былъ «утопшій»; но за то объ Игнатіи Тимоѳеевѣ, мы узнаёмъ, что по началу онъ дѣйствительно былъ «причетникомъ и не «гдѣ-то», а именно въ селѣ Кормовомъ, Веневскаго уѣзда, Тульской губерніи, въ то время принадлежавшемъ къ Коломенской епархіи, гдѣ потомъ былъ и священникомъ до самаго 1758 года, когда умеръ, и гдѣ при немъ уже въ 1737 году дьячкомъ назначенъ былъ старшій сынъ его, очень юный въ то время Ѳеодоръ Игнатьевъ, дѣдъ митрополита Филарета. Сверхъ того, изъ завѣщанія этого Ѳеодора Игнатьева къ сыну Михаилу, видно, что супруга іерея Игнатія

именовалась Марія, отъ которой у него, еще приблизительно въ 1737 году, родился сынъ Михаилъ Игнатьевъ, по вѣдомостямъ церковнымъ 1766 года значившійся 27-ми лѣтъ. Что же касается до упоминаемыхъ въ томъ же завѣщаніи именъ другихъ лицъ, то лишь гадать можно, что, напримѣръ, означенная тамъ рядомъ съ Тимоѳеемъ «утопшимъ» Неонила есть супруга этого Тимоѳея, а діаконъ Василій, сродникъ его по женской линіи, есть отецъ того діакона Кирилла Васильева, который въ 1767—1768 годахъ былъ произведенъ во священника села Кормоваго на мѣсто заболѣвшаго и отказавшагося отъ мѣста Ѳеодора Игнатьева. О ближайшемъ предкѣ митрош. Филарета, родномъ дѣдѣ его Ѳеодорѣ Игнатьевѣ, мы теперь несомнѣнно знаемъ весьма много похвальнаго, что̀ могло имѣть большое значеніе въ религіозно-нравственномъ воспитаніи его внука, будущаго Московскаго митрополита, тѣмъ болѣе, что Ѳеодоръ Игнатьевъ прожилъ долго, до самаго почти начала нынѣшняго столѣтія, когда В. М. Дроздовъ былъ уже семнадцатилѣтнимъ юношей. Ѳеодоръ Игнатьевъ родился приблизительно въ 1726 году (ибо, какъ мы видѣли, въ 1766 году онъ значится «сороку, женатъ»). Въ 1737 году, 11-ти лѣтъ отъ роду, онъ впервыя получилъ отъ Коломенскаго епископа Веніамина «новоявленную память» на дьячковское мѣсто въ селѣ Кормовомъ. Въ 1750 году посвященъ въ стихарь, но уже въ 1758 году поставленъ былъ на мѣсто отца своего Игнатія, во іерея въ тоже село Кормовое, и прослужилъ священникомъ въ селѣ Кормовомъ лѣтъ 10. Въ 1767—1768 году, по болѣзни, онъ отказался отъ мѣста, чтобы дать возможность старшему сыну своему Ивану Ѳеодорову получить мѣсто діакона въ томъ же селѣ, подъ условіемъ перехода бывшаго діакона Кирилла Васильева на его мѣсто во священника. Будучи, по всей вѣроятности, отъ природы человѣкъ умный и получивъ отъ родителей доброе воспитаніе, онъ самообразованіемъ пополнилъ недостатокъ школьнаго образованія, котораго, очевидно, не имѣлъ, ибо слишкомъ рано назначенъ въ дьячки. Съ дѣтства научившись чтенію и пѣнію церковному, а также и гражданской «скорописи», онъ долженъ былъ изучить и ту «книжицу», безъ обученія которой ему не давали стихаря, т. е. «Катихизическое Наставленіе»; а помимо того добровольно читалъ и поучался самъ и семейство свое поучалъ въ церковныхъ книгахъ, богослужебныхъ и другихъ, каковы: Псалтирь, житія святыхъ и т. п., что̀ видно изъ завѣщанія его сыну. Какъ приходскій священникъ, онъ былъ человѣкъ рачительный и попечительный о ввѣренномъ ему храмѣ Божіемъ и о своей паствѣ. Въ Тульскомъ консисторскомъ архивѣ за 1764 годъ сохранилось дѣло (№ 250), изъ котораго видно, что онъ въ семъ году входилъ къ епископу Коломенскому Ѳеодосію съ

прошеніемъ о разрѣшеніи ему, вмѣстѣ «съ приходскими людьми», на деревянной Николаевской церкви села Кормоваго и на трапезѣ обветшавшую кровлю вновь перекрыть тесомъ, «такожъ во означенной церкви Божіей для свѣту на правой сторонѣ у крылоса и въ трапезѣ по красному окну прорубить». Разрѣшеніе, конечно, было дано. О томъ, какъ благочестиво жилъ іерей Өеодоръ Игнатьевъ по увольненіи за штатъ, извѣстно и по сообщаемому Н. В. Сушковымъ преданію и по обнародованному въ «Русскомъ Архивѣ» за 1889 годъ завѣщанію отца Өеодора. Съ женою своею Марөою Андріановною онъ долгое время жилъ въ томъ же селѣ Кормовомъ. По крайней мѣрѣ въ одномъ архивномъ дѣлѣ 1795 г. (№ 16—146), значится проживающимъ въ этомъ селѣ у своихъ близкихъ сродниковъ (вѣроятнѣе всего, у сына своего Ивана Өеодорова) «престарѣлый священникъ Өеодоръ Игнатовъ 68 лѣтъ» (при чемъ не сказано, что онъ «вдовъ»). Но послѣ кончины супруги своей іерей Өеодоръ Игнатовъ перешелъ на житье къ среднему сыну своему, упомянутому выше Аөанасію Өеодоровичу (который изъ Коломны перешелъ, безъ сомнѣнія еще за долго до упраздненія Коломенской епархіи, во священники въ село Карники Богородицкаго уѣзда, Тульской же епархіи) и здѣсь скончался около осмидесяти лѣтъ отъ роду 3 Іюня 1799 года*). Подробности объ этихъ предкахъ митрополита Филарета автору статьи Тул. Епарх. Вѣдомостей сообщала жившая еще въ 1869 году въ селѣ Кормовомъ внучка Михаила Игнатьевича, дочь сына его Аөанасія Михайловича, Татьяна Аөанасьевна. Она-то и есть та вдова священника села Кормоваго, которая въ 1864 году приносила письмо митрополита Филарета (своего троюроднаго брата) къ архіепископу Тульскому Никандру, раньше приведенное.

Второй родной дядя митрополита Филарета, Аөанасій Өеодоровичъ, въ 1768 году, 18-ти лѣтъ, по заручной прихожанъ Троицкой, что́ въ Ямской слободѣ, церкви г. Коломны, изъ риторики бывъ уволенъ «за великовозрастіемъ его», 16—18 Ноября опредѣленъ во дьячка къ этой Троицкой церкви. Когда онъ перешелъ отсюда въ село Карники, Богородицкаго уѣзда Тульской губерніи, во священники, намъ остается неизвѣстнымъ; но въ 1787—1788 году онъ уже не значится не только дьячкомъ Троицкой церкви г. Коломны, но и вообще въ Коломнѣ, какъ это видно изъ вѣдомости о священно и цер-

*) На камнѣ, покрывающемъ его могилу, впослѣдствіи были написаны стихи:

Христіанинъ, остановись!
Здѣсь пастырь добрый твой сокрытъ.
Усердно Богу помолись,
Чтобъ прахъ безсмертьемъ былъ покрытъ и пр.

ковно-служителяхъ Коломенскихъ градскихъ церквей за 1787 годъ, поданной 1 Марта 1788 года. Съ другой стороны извѣстно, что не только въ 1803-мъ, но и въ 1799 году онъ уже былъ священникомъ въ селѣ Карникахъ, и при немъ доживалъ вѣкъ свой и престарѣлый отецъ его, бывшій священникъ села Кормоваго Ѳеодоръ Игнатьевичъ, скончавшійся и погребенный въ Карникахъ въ 1799 году, какъ видно изъ сличенія данныхъ записной книжки Михаила Ѳеодоровича съ надписью на поставленномъ послѣ надъ его могилою памятникѣ. Самъ же священникъ Аѳанасій Ѳеодоровичъ, какъ видно и изъ той же надгробной надписи и изъ церковныхъ актовъ села Карникъ, умеръ 4 Декабря 1804 года 55-ти лѣтъ отъ роду. Въ Карникахъ же умерли и погребены: жена Аѳанасія Ѳеодоровича Матрена Васильева, жившая 54 года и скончавшаяся 1 Марта 1805 года, зять его, того же села Карникъ священникъ Павелъ Петровъ, жившій только 42 года и скончавшійся 7 Октября 1823 года, жена его, дочь Аѳанасія Ѳеодоровича Евдокія Аѳанасьевна, скончавшаяся на 25-мъ году жизни Іюня 25 дня 1807 года, и дочь ихъ Анастасія, скончавшаяся въ 1811 году пяти лѣтъ отъ роду [1]).

О послѣднемъ изъ сыновей іерея Ѳеодора Игнатьевича, Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, родителѣ митрополита Филарета, мы имѣемъ гораздо больше свѣдѣній. Впервыя имя его встрѣчается въ относящемся къ 1767 году дѣлѣ объ опредѣленіи старшаго брата его Ивана Ѳеодоровича въ дьяконы въ село Кормовое. По клировымъ вѣдомостямъ за 1766 годъ онъ значится находящимся въ этомъ селѣ при отцѣ младенцемъ шести лѣтъ, изучающимъ Часословъ. Въ 1772 году Марта 9 дня, когда братъ его Аѳанасій уже былъ въ Коломнѣ дьячкомъ, онъ поступилъ въ Коломенскую семинарію [2]), гдѣ окончилъ высшій богословскій курсъ въ 1780 году 8 Апрѣля и, какъ одинъ изъ лучшихъ ея воспитанниковъ, оставленъ былъ при самой семинаріи учителемъ (съ 15 Октября того же 1780 года) въ классѣ «заправной аналогіи и инфимы», а съ 1 Сентября 1781 года и синтаксимы съ грамматикою. Генваря 10 дня слѣдующаго 1782 года онъ, будучи 22-хъ лѣтъ отъ роду, женился на дочери Коломенской же Богоявленской церкви священника Никиты Аѳанасьевича Евдокіи Никитичнѣ, бывшей въ то время около 16-ти лѣтъ отъ роду, и 6 Февраля того

---

[1]) «Тульск. Епарх. Вѣдом.» 1869, № 12, стр. 436.

[2]) Старшіе классы (философіи и богословія) въ Коломенской семинаріи, преобразованной изъ низшей архіерейской школы еще въ 1731 году епископомъ Веніаминомъ, открыты были только въ 1770-хъ годахъ при извѣстномъ своею ученостію ректорѣ семинаріи архимандритѣ Іоакинѳѣ Карпинскомъ, авторѣ учебника по богословію на Латинскомъ языкѣ.

же года рукоположенъ былъ въ діакона Коломенскаго каѳедральнаго Успенскаго собора, сохранивъ съ тѣмъ вмѣстѣ и должность учителя семинаріи. Первое время молодой діаконъ не имѣлъ собственнаго дома и жилъ у тестя своего, и здѣсь-то въ ночь съ 25-го на 26-е Декабря того же 1782 года, въ 5-мъ часу утра, у него родился сынъ Василій. Крещенъ былъ новорожденный младенецъ 1-го Генваря 1783 года въ упомянутой Богоявленской церкви; воспріемниками его были: ключарь собора священникъ Петръ Васильевъ и бабушка по матери, жена помянутаго Никиты Аѳанасьевича, Домника Прокопіевна. Михаилъ Ѳеодоровичъ, 19 Февраля 1783 года, посвященъ былъ во іерея къ Троицкой въ Ямской слободѣ церкви, купивъ предъ тѣмъ близъ нея домъ «за сто тринадцать рублевъ». Съ тѣхъ поръ началась для него страдная, тягостная жизнь приходскаго священника, при значительномъ по числу домовъ и душъ, но не столь значительномъ по матеріальной обезпеченности приходѣ, къ тому же среди прихожанъ, по началу не особенно расположенныхъ къ новому священнику. Дѣло въ томъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ посвященъ не по желанію прихожанъ, а по выбору начальства [1]): прихожане имѣли въ виду другаго и долго хлопотали о его назначеніи. Они умалили до крайней степени свои ему приношенія на хлѣбъ насущный, при исполненіи духовныхъ требъ. Такъ, ни радостное рожденіе младенца, ни благоговѣйное напутствованіе умирающаго, ни свадьба, ни похороны, ни крестины, ни молебствія въ храмовые и семейные праздники, даже въ свѣтлый день Воскресенія, не сопровождались тѣми приношеніями, безъ которыхъ трудъ и лишенія усугубляются въ безпомощной семьѣ. Михаилъ Ѳеодоровичъ не роподалъ; жена его Евдокія Никитична не упадала духомъ; они переносили нужду, какъ испытаніе Божіе. Наконецъ, терпѣніемъ побѣждено жестокосердіе. Прихожане очувствовались и увидѣли, что ихъ отецъ Михаилъ заботится о благолѣпіи и чистотѣ Божьяго дома; что онъ благоговѣйно совершаетъ каждое служеніе Господу; что во всякое время, и днемъ и ночью, какая бы ни была погода, какое бы ни было разстояніе отъ его дома до призывающихъ священника, онъ неудержимо спѣшитъ къ нимъ съ духовнымъ пособіемъ и утѣшеніемъ; что жизнь его и матушки Евдокіи Никитишны проходитъ въ постѣ и молитвѣ, въ трудахъ и лишеніяхъ. И удалилась отъ нихъ злая нужда [2]). Приходъ отца Михаила еще въ 1768 г., когда

[1]) Епархіальнымъ начальникомъ въ Коломнѣ въ то время былъ извѣстный намъ епископъ Ѳеодосій (Михайловскій), безъ сомнѣнія знавшій и цѣнившій Михаила Ѳеодоровича по службѣ его при семинаріи. Сему-то преосвященному и принадлежитъ честь возвышенія образованія въ самой семинаріи, при содѣйствіи упомянутаго архимандрита Іоакинѳа Карпинскаго († 1798).

[2]) Сушковъ, *Записки о жизни и врем. м. Филар.*, стр. 30–31.

къ нему въ дьячки опредѣлялся братъ Михаила Ѳеодоровича Аѳанасій Ѳеодоровичъ, имѣлъ 118 дворовъ, гораздо больше, нежели сколько имѣли дворовъ другіе приходскіе Коломенскіе храмы. Но это не значитъ, чтобы онъ былъ богаче этихъ другихъ приходовъ: прихожане были по большей части бѣдные, занимались извозомъ (ямщики), и только незначительная часть ихъ были люди состоятельные. Число дворовъ въ Троицкомъ приходѣ по клировымъ вѣдомостямъ за 1787, 1789 и дальнѣйшіе годы значится въ количествѣ 160-ти [1]). Самъ отецъ Михаилъ велъ запись всему своему домашнему обиходу, событіямъ своей жизни, и въ его записной книжкѣ значатся нѣкоторыя вещевыя приношенія ему отъ прихожанъ. Не особенно великъ былъ запасъ принадлежностей домашняго хозяйства въ домѣ Михаила Ѳеодоровича; но за то въ числѣ вещей, наполнявшихъ домъ его, мы видимъ много такихъ, которыя характеризуютъ и настроенность домохозяина, и его патріотизмъ, и любознательность. Какъ настоятель Троицкой церкви, онъ нарочно заказываетъ живописцу икону Св. Троицы, которую и ставитъ на почетномъ мѣстѣ среди другихъ иконъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пріобрѣтаетъ для своего же дома десять портретовъ «Владѣющей Фамиліи», т. е. особъ царствующаго дома. Кромѣ того, съ теченіемъ времени собираетъ онъ довольно значительную по числу книгъ и немаловажную по достоинству содержанія ихъ библіотеку, которая на долгое время служила обильною пищею и ему, и его сыновьямъ, особенно же митрополиту Филарету [2]). Въ вѣдомости за 1787 г., представленной въ Коломенскую консисторію, значится у него «сынъ не опредѣленный въ причетъ и въ подушный окладъ не положенный, Василій, 5-ти лѣтъ, Часословъ обучаетъ». Въ вѣдомости за 1789 г. о сынѣ священника Василіи, 6 лѣтъ, сказано, что онъ «Псалтырь обучилъ»; а въ вѣдомости за 1790 г. этотъ Василій, 8 лѣтъ, значится уже въ семинаріи.

Но вотъ въ Октябрѣ 1799 г. послѣдовалъ высочайшій указъ о упраздненіи Коломенской епархіи и о перенесеніи архіерейской каѳедры изъ Коломны въ Тулу. Это повлекло за собою значительныя измѣненія и въ личномъ составѣ священнослужителей г. Коломны, изъ коихъ нѣкоторые вмѣстѣ съ архіереемъ переправились въ Тулу. Коломенская семинарія также была упразднена, а на мѣсто ея открыта была семинарія въ Тулѣ; въ Коломнѣ же, по времени, на развалинахъ семинаріи, возникло Коломенское духовное училище. Всѣ эти обсто-

---

[1]) Вѣдомости эти въ архивѣ Тульской Духовной Консисторіи.

[2]) См. въ упомянутой статьѣ о. прот. А. А. Смирнова, въ ж. *Вѣра и Разумъ* 1892, отд. церк. II, 54.

ятельства имѣли послѣдствіемъ своимъ то, что іерей Михаилъ Ѳеодоровичъ отъ Троицкой приходской церкви переведенъ былъ въ каѳедральный Успенскій соборъ и 11 Іюня 1800 г. возведенъ въ санъ протоіерея, назначенъ членомъ Коломенскаго духовнаго правленія, замѣнившаго собой духовную консисторію, и назначенъ ректоромъ Коломенскаго духовнаго училища; а сынъ его Василій, дошедшій въ Коломенской семинаріи до философскаго класса, принужденъ былъ доканчивать свое образованіе уже въ Троицкой Лаврской семинаріи. Такое повышеніе въ положеніи Михаила Ѳеодоровича объясняется отнюдь не старшинствомъ его священнической службы, но его личными высокими достоинствами, преимуществами его образованія и заслугами. Привѣтствуя родителя съ этимъ повышеніемъ, В. М. Дроздовъ отъ 10 Іюня писалъ ему изъ Лавры Сергіевой: «Я слышалъ, что у васъ въ Коломнѣ много случилось перемѣнъ для васъ не непріятныхъ; что къ имени вашей должности присоединено титло первенства. Я не хочу теперь изображать заслуги, которыя сему предшествовали и сдѣлали васъ сего достойнымъ. Я не имѣю намѣренія хвалить, не довольно умѣя цѣнить истинныя достоинства. Я скажу только съ чувствіемъ сердечной радости: «поздравляю!» Сплетеніемъ множества словъ не лучше бы я выразилъ мои мысли, нежели симъ однимъ. И такъ я, сердечно пожелавъ вамъ счастливаго успѣха въ должностяхъ, вами пріемлемыхъ, въ чемъ уже и предувѣренъ, умолкну» [1].

Михаилъ Ѳеодоровичъ съ честію перебрался изъ своего домика при Троицкой приходской церкви поближе къ собору и училищу, помѣстившемуся въ зданіяхъ прежней семинаріи, также находившихся вблизи собора [2]. За свои труды и заслуги по новымъ должностямъ, уже въ 1806 г., по представленію митрополита Платона, онъ награжденъ былъ скуфьей [3]; а въ началѣ 1812 г., по представленію Св. Синода, награжденъ камилавкою, и по особому высочайшему повелѣнію, «въ знакъ особеннаго монаршаго благоволенія къ его сыну, толико ознаменовавшему себя на поприщѣ проповѣданія Слова Божія», и наперснымъ крестомъ [4]. Еще отъ 1 Ноября 1806 года сынъ писалъ ему: «Батюшка! *Василья* скоро не будетъ; но вы не лишитесь сына, сына, который понимаетъ, что вамъ обязанъ болѣе, нежели жизнію, чув-

---

[1]) *Письма м. Филар. къ родн.*, стр. 5.

[2]) Срав. о семъ у Сушкова, въ упом. соч. его, въ прилож. XVII, стр. 29—31. Мы имѣли подъ руками отъ высокопреосв. архіепископа Тверскаго Саввы самый планъ и фасадъ жилища о. протоіерея Михаила Ѳеодоровича, а изъ Тульскаго консисторскаго архива—описаніе зданій семинаріи.

[3]) *Письма м. Филарета къ родн.*, стр. 77—78.

[4]) Изъ газеты *Сѣверная Почта.*

ствуетъ важность воспитанія и знаетъ цѣну вашего сердца. Простите мнѣ; я не думалъ осмѣлиться хвалить васъ и не знаю, какъ это вырвалось» *). И когда 18 Генваря 1816 года протоіерей Михаилъ Ѳеодоровичъ, всего на 56-мъ году отъ рожденія, скончался, то Филаретъ, бывшій въ то время уже въ большой славѣ и въ должности ректора Академіи, близившійся уже къ архіерейству (хотя былъ всего только 33-хъ лѣтъ отъ роду) писалъ отъ 1 Февраля 1816 года своему родителю, еще не получивъ вѣсти объ его смерти, а только услышавъ о тяжкой болѣзни его: «Слабость вашего здоровья занимаетъ меня и на яву, и во снѣ. Въ семъ состояніи остаюсь я донынѣ. Стараюсь послѣдовать примѣру преданности въ волю Божію, каковый всегда видѣлъ въ васъ, и лучшее утѣшеніе въ настоящемъ положеніи моемъ есть та мысль, что твердѣйшее основаніе спокойствія и надежды вы полагаете во Врачѣ тѣлесъ. Къ Нему и я прибѣгаю въ недостойныхъ моихъ молитвахъ и, не имѣя возможности ближе служить вамъ во время вашей немощи, молю Его всемогущимъ Своимъ Промысломъ устроить все такъ, чтобы внѣшняя скорбь ваша растворена была внутреннимъ утѣшеніемъ вѣры и упованія, и чтобы, обычныя ли человѣческія средства, или единая Его невидимая сила, возвратили тѣлесному составу вашему крѣпость его, и вмѣстѣ съ вами всему роду нашему дано было съ новымъ утѣшеніемъ узрѣть въ семъ благая Господня на земли живыхъ. Между тѣмъ вы простите моей нетерпѣливости, если, не ожидая, когда вы сами извѣстили бы меня о своемъ облегченіи, прошу у васъ сего извѣстія, хотя черезъ другихъ, дабы не тяготить вашей руки. Особенно прошу приказать написать мнѣ, нѣтъ ли случая, въ которомъ бы я могъ чѣмъ либо служить вамъ въ настоящихъ обстоятельствахъ». Получивъ извѣстіе о смерти родителя, Филаретъ писалъ своей матери 10 Февраля 1816 г.: «Недовѣдомое нѣчто ознакомило меня съ несчастіемъ, которымъ было угодно Богу посѣтить насъ, еще прежде, нежели оно сбылось. Долго было бы пересказывать вамъ чувствованія, которыя имѣлъ я по временамъ; благодареніе Промыслу, что предварительною скорбію приготовленъ я, чтобы лучше перенести совершившійся ударъ. Да будетъ воля Его во всемъ! Должно и всѣмъ готовиться въ слѣдъ за тѣмъ, о комъ теперь проливаемъ слезы. Господь нашъ, сущій воскрешеніе и жизнь, да даруетъ ему и намъ благодать узрѣть другъ друга въ Воскресеніе живота!... Прошу покорнѣйше писать ко мнѣ все, что вздумаете, къ успокоенію вашему и общему утѣшенію... Богъ терпѣнія и утѣшенія съ вами».

*

---

*) *Письма м. Филар. къ роднымъ*, стр. 106.

Близкая, сердечная связь была у Филарета съ Никитою Аѳанасьевичемъ, его роднымъ по матери дѣдушкою. Между тѣмъ, какъ родной дѣдушка его по отцу, іерей Ѳеодоръ Игнатьевичъ, находясь постоянно вдали отъ Коломны, не имѣлъ близкаго отношенія къ В. М. Дроздову, іерей Никита Аѳанасьевичъ имѣлъ сильное вліяніе на первоначальное его образованіе. Будучи священникомъ въ такомъ приходѣ, въ которомъ находилось нѣсколько и раскольниковъ, онъ считалъ своею обязанностію, по возможности, вразумлять заблудшихъ овецъ своей паствы и обращать ихъ на путь истинный. Все это, равно какъ и личныя достоинства Никиты Аѳанасьевича, его любвеобильное сердце, его кротость, терпѣніе, строгость нравовъ семейной жизни и проч., благотворно дѣйствовали на юное сердце В. М. Дроздова, въ пору дѣтства и отрочества своего часто и по долгу жившаго въ домѣ Никиты Аѳанасьевича и его супруги Домники Прокопьевны, всю любовь свою сосредоточившихъ на внучатахъ, и особенно на первенцѣ Евдокіи Никитичны Василіи, который и родился подъ кровлею ихъ гостепріимнаго дома. Отсюда искренняя нѣжность ихъ взаимныхъ отношеній и оживленныя между ними сношенія, когда они, по обстоятельствамъ, находились вдали другъ отъ друга. Изъ писемъ митрополита Филарета къ роднымъ мы видимъ, что, какъ дѣдушка Никита Аѳанасьевичъ, до конца своей долгой жизни († 8 Сентября 1824 г.) часто писалъ къ В. М. Дроздову исполненныя любви письма, заботился о немъ, какъ о сынѣ, слѣдилъ за всѣмъ теченіемъ его жизни, такъ, въ свою очередь, и Филаретъ питалъ къ нему и его супругѣ, своей крестной матери, сердечное расположеніе, принималъ живое участіе въ ихъ здоровьи, благополучіи, семейныхъ радостяхъ и скорбяхъ. Такъ Филаретъ отъ 11 Ноября 1809 года изъ Петербурга писалъ ему: «Я никогда не былъ расположенъ забыться до того, чтобы по лѣности три мѣсяца не отвѣтствовать на ваше письмо, тогда какъ сыновнее почтеніе и благодарность обязываютъ меня писать къ вамъ, хотя бы и вы ко мнѣ не писали. Не знаю также, есть ли во мнѣ гордость; ибо статься можетъ, что я не примѣчаю своихъ недостатковъ; но знаю, что ни моему состоянію, ни моимъ лѣтамъ она нимало не прилична, а еще менѣе въ отношеніи къ отцу и дѣду, которымъ я обязанъ лучшими правилами жизни. Короче: я подвергаю себя всѣмъ упрекамъ, какіе вамъ угодно мнѣ сдѣлать, я даже благодарю васъ за отеческое увѣщаніе; но прошу васъ не отвергать меня, какъ недостойнаго вашей любви, которой, чрезъ столь долгое время, столь много имѣлъ я опытовъ». И отъ 20 Мая 1816 года: «За отеческія ваши о мнѣ воспоминанія и письма пріимите усерднѣйшую мою благодарность. Мнѣ стыдно, что вы въ ваши лѣта пишете ко мнѣ чаще, нежели я

къ вамъ. Но надѣюсь, что вы меня простите въ семъ. Заботы мои не уменьшаются. Прежде желалъ я сего, иногда и надѣялся; нынѣ и самымъ симъ желаніемъ и надеждою не занимаюсь уже. Далъ бы Богъ только трудъ на пользу! При семъ представляю вамъ недавно напечатанную проповѣдь [1]). Видите, что и она уже одна въ годъ. Теперь большую заботу дѣлаетъ предпринятое по высочайшей волѣ изъяснительное преложеніе Новаго Завѣта на Россійское нарѣчіе, частію для простаго народа, частію для просвѣщенныхъ нынѣшняго вѣка, которые, не разумѣя Славянскаго нарѣчія, читаютъ Евангеліе на Французскомъ. Какъ-то сіе намѣреніе покажется вашимъ старожиламъ? Ко мнѣ и изъ купечества нѣкоторые пишутъ о семъ съ желаніемъ и радостію. Помолитесь, чтобы Господь укрѣпилъ слабыя и недостойныя наши руки, чтобы достойно сѣять святое сѣмя Слова Его!» Въ своихъ письмахъ Филаретъ нерѣдко проситъ молитвъ дѣдушки о себѣ, будучи увѣренъ въ его любви. Напримѣръ, въ 1821 году, когда Филаретъ былъ уже архіепископомъ Московскимъ, а Никита Аѳанасьевичъ, по своему желанію, вслѣдствіе преклонности лѣтъ, оставилъ настоятельство въ Богоявленской Коломенской церкви, внукъ пишетъ дѣду: «Искренно благодарю за письмо ваше, особенно за обѣщаніе молитвъ вашихъ, въ которыхъ и всегда, наипаче же по настоящему моему состоянію, имѣю великую нужду. Желаю вамъ, по долголѣтныхъ трудахъ, въ спокойствіи проводить время старости». Въ 1822 г. Филаретъ посѣтилъ родную свою Коломну, повидался съ родными и въ тамошнемъ соборѣ говорилъ знаменитое слово свое на текстъ: «иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ». Никита Аѳанасьевичъ, плодами пастырской дѣятельности котораго по обращенію раскольниковъ въ лоно православной церкви находилъ нужнымъ пользоваться даже самъ Филаретъ въ бытность свою въ Петербургѣ [2]), получилъ успокоеніе отъ трудовъ подъ роднымъ кровомъ, при чемъ и въ этомъ случаѣ Филаретъ нарочно поручалъ брату своему, заступившему священническое мѣсто ихъ дѣда при Богоявленской церкви въ Коломнѣ, имѣть попеченіе о дѣдушкѣ и бабушкѣ; а самому дѣдушкѣ отъ 28 Генваря 1824 года писалъ: «За письмо ваше, исполненное любви и добраго наставленія, сыновне благодарю. А если чѣмъ малымъ послужилъ я вамъ, за то благодарности вашей нимало не заслуживаю. Напротивъ того, я всегда остаюсь должнымъ благодарностію вамъ за любовь вашу, которая отъ юности моей

---

[1]) Разумѣется проповѣдь на Великій Пятокъ. См. *Соч. м. Филар.*, т. I, стр. 89 и дал.

[2]) См. письмо митрополита Филарета отъ 18 Декабря 1816 года къ матери, въ коемъ онъ проситъ ее поручить кому-либо сдѣлать копію съ противураскольническихъ выписокъ, имѣвшихся у Никиты Аѳанасьевича.

много меня утѣшала и наставляла къ добру. Въ царствіи Божіемъ мнѣ ли упредить другихъ, обремененному и своими и другихъ многихъ грѣхами? Да дастъ вамъ Господь честное мѣсто на Вечери Своей небесной; а дабы и мнѣ, хотя между послѣдними, не лишиться сей части и увидѣться съ вами въ радости Господа нашего, не оставляйте воспоминать меня въ молитвахъ вашихъ, что̀ и я, елико по немощи моей, исполнять всегда желаю въ отношеніи къ вамъ» [1]). Въ этомъ письмѣ внука къ дѣду уже есть намекъ на приближеніе послѣдняго къ загробному міру. Заштатный іерей Никита Аѳанасьевичъ 8 Сентября того же 1824 г. мирно почилъ на вѣки, 78 лѣтъ отъ роду [2]). По поводу его кончины митрополитъ Филаретъ писалъ къ своей матери отъ 17 Сентября того же 1824 года: «Богъ совершилъ волю Свою надъ прародителемъ нашимъ; повинемся судьбѣ Его. Извѣстіе о преставленіи дѣдушки получилъ я не безъ слезъ, но и не безъ утѣшенія. Знаю, что онъ ожидалъ часа смертнаго и къ таинству приступалъ часто. И потому нечаянность кончины не приноситъ заботы. А что онъ былъ у Іродіона Стефановича [3]), мнѣ кажется, что онъ посланъ былъ дать послѣднія благословенія. Да пріиметъ Господь душу его въ мирѣ! Утѣшаюсь воспоминаніемъ, что братъ [4]) не отрекся послужить спокойствію послѣднихъ дней его. Молитвы его будутъ съ нами. Не скорбите много и бабушку утѣшайте». Никита Аѳанасьевичъ, оставилъ достопримѣчательное завѣщаніе. Получивъ копію съ этого завѣщанія, чрезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ его кончины, отъ брата своего, митрополитъ Филаретъ писалъ ему: «Завѣщаніе дѣдушки получилъ я отъ васъ, любезный братъ, какъ сокровище».

Въ духовномъ завѣщаніи своемъ Филаретъ писалъ: «Ничто не мое, все милостію Божіею и благодѣяніемъ ближнихъ [5]).

Такъ отъ добраго корня дерево доброе выростаетъ.

И. Корсунскій.

---

[1]) *Письма м. Филар. къ родн.*, стр. 258—259. Сравни также письмо къ дѣдушкѣ же на стр. 251.

[2]) Супруга же его Домника Прокопіевна прожила еще послѣ него 10 лѣтъ и скончалась 1 Марта 1834 года, 89-ти лѣтъ. См. о семъ *Письма м. Филар. къ родн.*, стр. 328.

[3]) Сергіевскаго, мужа сестры митрополита Филарета, Ольги Михайловны, скончавшагося въ 1830 году протоіереемъ Коломенскаго Успенскаго собора.

[4]) Никита Михаиловичъ, скончавшійся въ санѣ протоіерея въ 1839 году.

[5]) *Собр. мнѣн. и отзыв. м. Филар.* II, 325. Спб. 1885.

ИСТОРІЯ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССІИ *).

XXIX.

Революція 1789 года, исходя отъ отвлеченнаго начала о правахъ человѣка, предоставила эти права и Евреямъ; явились Французы Моисеева закона, которые и по внѣшности ничѣмъ не отличались отъ настоящихъ Французовъ: тотъ же языкъ, тотъ же костюмъ, съ ногъ до головы Французы. Этихъ новыхъ гражданъ Моисеева закона было во Франціи сравнительно весьма немного, не болѣе 60,000, т. е. гораздо меньше, чѣмъ сидѣло ихъ единоплеменниковъ у насъ по корчмамъ въ югозападныхъ губерніяхъ. Еврейскій вопросъ былъ рѣшенъ вполнѣ согласно съ желаніями Евреевъ, и тѣмъ не менѣе, лишь только улеглась революціонная буря и водворился порядокъ, какъ сейчасъ же поднялся Еврейскій вопросъ. Въ «Книгѣ Кагала» мы находимъ любопытныя данныя для объясненія какъ самыхъ обстоятельствъ, вызвавшихъ въ 1805 году этотъ вопросъ, такъ и взгляда на него Наполеона. Вотъ что̀ читаемъ въ одномъ изъ параграфовъ (12-мъ) его проекта о преобразованіи Евреевъ: «Нужно будетъ пріискать дѣйствительныя мѣры для стѣсненія вошедшаго въ привычку ажіотажа и къ искорененію этого организованнаго обмана и ростовщичества». Въ четвертой объяснительной статьѣ къ проекту Наполеонъ говоритъ: «Наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобы оказать помощь землевладѣльцамъ (противъ Евреевъ) вообще и спасти нѣкоторые департаменты отъ позорной зависимости; ибо переходъ большей части имѣній департаментовъ къ Евреямъ въ залогъ (hypothèque), къ народу, который обычаями и законами составляетъ *отдѣльную націю* посреди Французскаго народа, есть настоящая зависимость. Въ недавно минувшее время это *безполезное общество* чуть совсѣмъ не завладѣло этими землями, и крайность заставила правительство противодѣйствовать его успѣхамъ. Такъ какъ *господство Евреевъ* часъ отъ часу увеличивается посредствомъ ростовщичества и залоговъ, то необходимо поставить ему преграды».

*) См. 1-ю книгу «Русскаго Архива» сего года, стр. 465.

Цѣлію Наполеона было если не совсѣмъ уничтожить, то по крайней мѣрѣ уменьшить склонность Еврейскаго народа ко многимъ занятіямъ, которыми онъ во всѣхъ странахъ міра вредитъ просвѣщенію, порядку и общественной жизни. Полноправіе не сблизило Евреевъ съ Французами, не упразднило Еврейскаго вопроса. «Изъ аргументовъ Наполеона по Еврейскому вопросу—говоритъ Брафманъ—видно, что по его взгляду отношенія Евреевъ къ Французамъ, составляющія грустное и исключительное между Французскими разновѣрными и разноплеменными гражданами явленіе, проистекаютъ отъ того, что Евреевъ связываютъ съ кореннымъ населеніемъ только внѣшнія, искусственныя, слабыя узы—языкъ, костюмъ и гражданскія права; но кровью, достояніемъ и семейнымъ бытомъ, они, какъ народъ избранный, всегда образуютъ совершенно отдѣльный, по ихъ убѣжденію, *аристократическій міръ*, къ которому для крови неизбранной доступа нѣтъ. Такимъ образомъ отношенія Евреевъ къ туземному населенію проистекаютъ прямо изъ самаго іудейства, изъ аристократическаго взгляда Еврея на остальное плебейское человѣчество. И вотъ, чтобы уничтожить источникъ, порождающій это зло, Наполеону показалось необходимымъ очистить тотъ полный, свободный и естественный путь къ ассимиляціи Евреевъ съ Французами, которымъ другіе иновѣрные и иноплеменные элементы (Нѣмцы, Итальянцы, и прочія живущія во Франціи народности) ассимилируются съ кореннымъ населеніемъ. Для достиженія этой цѣли Наполеонъ составилъ планъ къ преобразованію внутренняго быта Евреевъ и надѣялся привести его въ исполненіе посредствомъ *раввиновъ*, которыхъ онъ считалъ Еврейскимъ духовенствомъ».

Въ этомъ планѣ Наполеонъ домогается лишь того, чтобы Евреи признали Французовъ равными себѣ согражданами, своими братьями, съ которыми можно вступать въ семейное родство чрезъ смѣшанные браки, чтобы Евреи признали за Французами человѣческія права, дали имъ въ своей средѣ равноправность. Разсчитывая на содѣйствіе раввиновъ, Наполеонъ прежде всего позаботился объ организаціи и увеличеніи ихъ власти. Для достиженія этой цѣли онъ въ 1806 году учредилъ въ Парижѣ *Синедріонъ* изъ 71 раввина, по образцу древняго Іерусалимскаго. Евреи—думалъ Наполеонъ—встрѣтятъ въ этомъ трибуналѣ ту высокую, духовную, безпредѣльную власть, которой они безпрекословно должны подчиняться по требованіямъ ими исповѣдуемаго Талмудическаго закона. Для правильнаго же отправленія этой власти во всей имперіи были учреждены *провинціальныя консисторіи* съ дисциплинированною іерархіею. Подобную же духовную іерархію изъ раввиновъ, какъ мы видѣли, предлагалъ учредить въ Россіи и Державинъ:

по городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ—школы, «по губерніямъ» синагоги, въ столицѣ—сендаринъ (синедріонъ) съ «Жидовскимъ патріархомъ» во главѣ. Наполеонъ жестоко разочаровался въ своихъ надеждахъ на «духовный авторитетъ» раввиновъ. Раввины во всемъ соглашались съ могущественнымъ императоромъ, и только когда правительство стало требовать, чтобы, согласно третьему пункту плана Наполеонова, одинъ изъ трехъ Еврейскихъ браковъ былъ смѣшанный—дѣло вполнѣ разъяснилось. «Тутъ вдругъ вышло—говоритъ Брафманъ—что признать Французовъ братьями и вступать съ ними въ семейное родство дѣло немыслимое, невозможное для Еврея. Съ точки зрѣнія Евреевъ оказалось, что это равносильно принесенію Еврейской религіи въ жертву христіанству».

Раввины не оправдали да и не могли оправдать ожиданій Наполеона. Императоръ не зналъ, что въ Еврейскомъ народѣ нѣтъ разницы между духовными и мірянами [1]) и что даже исполненіе религіозныхъ обрядовъ и требъ есть дѣло каждаго Еврея въ отдѣльности, а вовсе не раввиновъ; императоръ не зналъ, что Еврейское духовенство, установленное закономъ Моисея и живущее среди народа (Когены и Левиты), состоитъ въ настоящее время за штатомъ, въ ожиданіи возстановленія храма въ Іерусалимѣ, съ судьбою котораго оно связано неразрывными узами. Императоръ не зналъ этого, и потому неудивительно, что созданная имъ мнимо-духовная іерархія оказалась совершенно непригодною для цѣлей задуманной имъ реформы. «Пораженный полною неудачею и убѣжденный, что путемъ учрежденія раввината разорвать внутреннія узы замкнутаго въ себѣ іудейства нѣтъ возможности, Наполеонъ, по словамъ Брафмана, въ 1808 году издалъ указъ, въ которомъ онъ приступаетъ къ рѣшенію Еврейскаго вопроса совсѣмъ съ другой стороны. Въ этомъ указѣ онъ подвергаетъ ограниченію векселя, находящіеся въ рукахъ Евреевъ на христіанъ, запрещаетъ Евреямъ отпускъ денегъ подъ залогъ служащему классу, стѣсняетъ переходъ Евреевъ съ одного мѣста на другое и проч., однимъ словомъ въ указѣ этомъ 1808 года Наполеонъ сталъ искать спасенія мѣстнаго населенія *отъ гнета Евреевъ* въ тѣхъ же общихъ, чисто-внѣшнихъ, невѣрныхъ мѣрахъ, которыми исторія всегда и вездѣ встрѣчала послѣднихъ» [2]).

Попытка Наполеона учрежденіемъ мнимо-духовной іерархіи преобразовать бытъ Евреевъ имѣла вредныя послѣдствія для народовъ,

---

[1]) По этой причинѣ Мендельсонъ и отвергъ предложеніе Дома о подчиненіи дѣлъ Еврейской религіи раввинской іерархіи.

[2]) Книга Кагала, ч. 1, стр. 245—254.

среди которыхъ живутъ Евреи. Парижскій синедріонъ превратился въ центральную консисторію съ оффиціально-признаннымъ представительствомъ Еврейскихъ общинъ; упомянутая іерархія введена была и въ другихъ Европейскихъ государствахъ и высоко подняла Талмудическое знамя для борьбы съ христіанскою цивилизаціей, которой не могли противостоять ни Мендельсонъ, ни Фридлендеръ. Подъ вліяніемъ новыхъ дѣятелей вездѣ стали возникать мѣстные союзы, во главѣ которыхъ съ 1860 года сталъ основанный Адольфомъ Кремье въ Парижѣ «Всемірный союзъ Евреевъ» (L'alliance israélite universelle). Сильное поднятіе національно-политическаго чувства подъ старымъ знаменемъ скрѣпило ослабѣвшія узы темнаго царства и спасло его отъ гибели. Едва ли можно сомнѣваться, что если бы совѣтъ Державина на счетъ учрежденія въ Россіи раввинской іерархіи былъ принятъ, то при всей тщательности надзора за дѣятельностію ея представителей, въ результатѣ оказалось бы организованное противодѣйствіе всѣмъ благимъ видамъ и начинаніямъ правительства въ дѣлѣ преобразованія Евреевъ.

«Бонапарте—говоритъ вышеприведенное Русское извѣстіе—учредилъ въ Парижѣ собраніе Евреевъ, имѣвшее главною цѣлію предоставить Еврейской націи разныя преимущества и образовать связи между Евреями, разсѣянными въ Европѣ», и этимъ обстоятельствомъ объясняетъ «неожиданный оборотъ», какой вдругъ приняло дѣло по переселенію Евреевъ въ Россіи. Никакихъ особыхъ преимуществъ, какъ мы знаемъ, Наполеонъ и не думалъ предоставлять Евреямъ, кромѣ института раввиновъ; да и тотъ учреждался главнымъ образомъ для того, чтобы служить орудіемъ въ рукахъ правительства при разрѣшеніи Еврейскаго вопроса путемъ ассимиляціи, который казался Наполеону единственнымъ средствомъ спасенія мѣстнаго населенія отъ гнета полноправныхъ гражданъ Моисеева закона, остававшихся и по уравненіи тѣмъ же, чѣмъ они были при Вольтерѣ въ чертѣ своей осѣдлости—по своимъ обычаямъ и законамъ совершенно «отдѣльною» посреди Французскаго народа націей. Но Евреи не хотѣли сливаться съ народомъ, провозгласившимъ ихъ своими братьями, хотѣли по прежнему жить по своимъ обычаямъ и законамъ, оставаться государствомъ въ государствѣ и обирать чуждую имъ страну, чтобы «не съ пустыми руками» возвратиться въ Іерусалимъ *), когда Іегова призоветъ сыновъ Своихъ въ царство славы, покоривъ подъ ноги ихъ всѣ

*) Въ праздникъ „Іомъ-Кипуръ“ Евреи цѣлый день проводятъ въ синагогѣ, а съ приближеніемъ ночи, когда молитва уже отходитъ, раздается трубный гласъ, встрѣчаемый восторженными кликами народа: „На будущій годъ—въ Іерусалимѣ!“ (Книга Кагала, ч. I, стр. 100).

народы и племена. Объ ассимиляціи нечего было и думать, и Наполеонъ, въ видахъ огражденія христіанскаго населенія имперіи отъ обиранія со стороны Французовъ Моисеева закона, воспользовавшихся дарованнымъ имъ полноправіемъ только для распространенія области своего «господства» въ странѣ, подвергъ ихъ вредную дѣятельность разнымъ ограниченіямъ, запрещеніямъ, стѣсненіямъ.

Что̀ касается до связей, которыя Наполеонъ хотѣлъ будто бы образовать между разсѣянными въ Европѣ Евреями, то очень можетъ быть, что у него и была такая мысль, но осуществленіе ея, какъ мы видѣли, принадлежитъ уже позднѣйшему времени. Во всякомъ случаѣ, образованіе конфедераціи Еврейскихъ государствъ въ Европѣ могло быть не болѣе какъ мимолетною мыслію, имѣвшею для Наполеона значеніе политической демонстраціи, въ родѣ возстановленія Рѣчи Посполитой.

Какъ бы то ни было, дошедшіе до Петербурга, и по всей вѣроятности, чрезъ посредство самихъ же Евреевъ, слухи о томъ, что Наполеонъ созвалъ въ Парижъ Евреевъ для предоставленія имъ разныхъ преимуществъ и образованія между ними союза, должны были произвести сильное впечатлѣніе. Что̀ это еще затѣваетъ Наполеонъ? На что̀ ему понадобились связи между разсѣянными въ Европѣ Евреями? Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія императоръ Александръ, ведшій тогда отчаянную борьбу съ Наполеономъ, и повелѣлъ учредить новый комитетъ для обсужденія вопроса о переселеніи Евреевъ. 10-го Февраля 1807 года, вслѣдъ за полученнымъ въ Петербургѣ извѣстіемъ о битвѣ при Прейсишъ-Эйлау, графъ Кочубей представилъ Государю записку, изъ которой видно, что правительство питало серьезныя опасенія на счетъ намѣреній Наполеона относительно Евреевъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ нужнымъ «дать отсрочку къ переселенію Евреевъ изъ деревень въ города и мѣстечки, *поставивъ вообще націю сію въ осторожность противъ намѣреній Французскаго правительства*. Сомнѣнія въ томъ никакого быть не можетъ—замѣчаетъ онъ при этомъ—что правительство всѣми мѣрами должно удерживать постановленія свои; но нельзя отрицать, чтобы оно не могло найтись въ необходимости отступить иногда отъ правила сего». Императоръ согласился съ мнѣніемъ Кочубея и рѣшился «отступить». 15-го Февраля 1807 года въ рескриптѣ на имя дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Алексѣева Александръ Павловичъ такъ объяснялъ мотивы, этого отступленія: «Нельзя не принять во вниманіе краткость остающагося срока къ переселенію Евреевъ, военныя обстоятельства, настоящее положеніе пограничныхъ губерній и разореніе, каковое Евреи понести должны, если *силою* понуждены будутъ къ переселенію».

XXX.

Тильзитскій миръ (27-го Іюня 1807) положилъ конецъ борьбѣ Александра съ Наполеономъ. Намѣренія Французскаго правительства относительно Евреевъ должны были теперь вполнѣ разъясниться, и вопросъ о 34-ой статьѣ «Положенія для Евреевъ» всплылъ опять наружу. Въ губерніяхъ, гдѣ обитали Евреи, приказано было собрать депутатовъ и истребовать отъ нихъ чрезъ губернаторовъ подробнѣйшія объясненія о способахъ къ успѣшнѣйшему приведенію въ исполненіе положенія о переселеніи Евреевъ. Но такихъ объясненій правительство не получило отъ губернаторовъ, которые доносили только, что «помѣщики пограничныхъ губерній, гдѣ наиболѣе Евреи имѣютъ жительство, бывъ заняты въ теченіе сего времени отправленіемъ разныхъ временныхъ и необычайныхъ повинностей, не могли сдѣлать никакихъ распоряженій къ переселенію людей сихъ въ назначенный срокъ; что по тѣмъ же самымъ обстоятельствамъ и сами Евреи, *по крайней бѣдности большей ихъ части*, при платежѣ двойныхъ податей и при возвысившихся на хлѣбъ и другія потребности цѣнахъ, не могли среди отправленія разныхъ повинностей, войною усугубленныхъ, принять достаточныхъ мѣръ къ пріисканію земель, къ заведенію фабрикъ и къ совершенію перехода изъ селъ и деревень», и что депутаты Еврейскихъ обществъ просятъ «переселеніе Евреевъ отсрочить на нѣсколько лѣтъ и, сверхъ того, въ разныхъ статьяхъ общаго Положенія сдѣлать отмѣну» *).

Замѣтивъ нерѣшительность, колебаніе, «отступленіе» правительства относительно главнаго пункта «Положенія», Евреи хлопочутъ не объ одной отсрочкѣ переселенія, но и объ отмѣнѣ другихъ почему-либо неудобныхъ для нихъ статей «Положенія».

Депутаты не представили объясненій о способахъ къ успѣшнѣйшему приведенію въ исполненіе «Положенія» о переселеніи Евреевъ изъ селъ и деревень. Такія объясненія представилъ, наконецъ, самъ комитетъ. 19-го Сентября 1807 года высочайше утвержденъ былъ журналъ его о постепенномъ переселеніи Евреевъ, а 19-го Октября послѣдовалъ и самый указъ объ этомъ переселеніи. Невозможность переселенія Евреевъ къ назначенному въ «Положеніи» сроку объяснялась въ журналѣ слѣдующимъ образомъ: «Невозможно, по всѣмъ достовѣрнѣйшимъ свѣдѣніямъ, въ столь краткій срокъ переселить изъ деревень всѣхъ Евреевъ, число коихъ, по объясненію графа Чацкаго, въ шинкахъ и корчмахъ въ осьми губерніяхъ, изъ края, отъ Польши при-

*) Полн. Собр. Зак., т. XXIX, № 22,651.

соединеннаго составленныхъ, можетъ простираться до 60 тысячъ семействъ. По представленіямъ отъ разныхъ начальниковъ губерній замѣчать должно, что такое принужденное въ столь короткое время переселеніе неминуемо подвергло бы людей сихъ совершенному разоренію. Какія бы ни были побужденія, Евреевъ отъ переселенія удержавшія, правительство все не менѣе должно взять въ уваженіе, есть ли возможность такъ большое количество народа переселить въ столь краткое время, и при таковомъ крутомъ оборотѣ не лишится ли множество людей всякаго пропитанія, а вмѣстѣ съ симъ не произойдетъ ли тѣхъ неудобствъ, что города и мѣстечки наполниться могутъ нищими, и люди сіи отъ бѣдности могутъ пуститься на разные безпорядки и между прочимъ на грабежи и разбои. Война во все почти продолженіе трехъ лѣтъ отвлекала, съ одной стороны, все вниманіе владѣльцевъ на удовлетвореніе разныхъ воинскихъ потребностей и не дозволяла имъ заниматься какими-либо посторонними или даже собственными по хозяйству распоряженіями, а съ другой—и самихъ Евреевъ (сверхъ платежа двойныхъ податей, во всѣхъ повинностяхъ при проходѣ войскъ, нарядѣ подводъ и проч., со всѣми другими обывателями участвовать долженствовавшихъ), лишала возможности устроить дѣла ихъ и приготовиться къ переселенію. Наконецъ, и правительство равнымъ образомъ не могло въ сіе время ни учредить фабрикъ или какихъ-либо другихъ заведеній, гдѣ бы переселенные Евреи могли работою себѣ снискивать пропитаніе, ни принять мѣръ къ водворенію всѣхъ тѣхъ, кои въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, а особенно въ Минской, изъявили желаніе перейти въ Новороссійскія губерніи и обратиться въ земледѣльческое состояніе».

Указъ 19-го Октября признаётъ, что «обстоятельства, съ войною сопряженныя, могли дѣйствительно въ нѣкоторыхъ губерніяхъ затруднить и пріостановить переселеніе Евреевъ въ теченіе срока, въ «Положеніи» предназначеннаго; но—продолжаетъ онъ—затрудненія сіи нынѣ, по пресѣченіи войны, могутъ быть на будущее время отвращены мѣрами постепеннаго и удобнѣйшаго къ переселенію распорядка, безъ отмѣны общаго «Положенія», коего дѣйствіе *для благосостоянія обывателей тѣхъ губерній и для собственнаго благоустройства Еврейскаго народа* признано необходимымъ». Вслѣдствіе этого, оставляя изданное о Евреяхъ «Положеніе» во всей его силѣ, Императоръ утверждаетъ особыя правила или распорядокъ, «коимъ бы переселеніе Евреевъ, начинаясь съ назначеннаго срока, *безъ малѣйшаго отлагательства или послабленія*, было приведено въ дѣйствіе», и повелѣваетъ: «1) Переселеніе Евреевъ изъ селъ и деревень, начавъ непремѣнно съ предназначеннаго въ общемъ «Положеніи» срока, производить подъ особеннымъ попеченіемъ и отвѣтственностію военныхъ и гражданскихъ губернаторовъ на слѣдующемъ основаніи. Въ теченіе перваго, т. е. 1808 года, переселить ихъ, по крайней мѣрѣ, третью часть; затѣмъ въ послѣдующемъ, 1809 году, переселить еще такую же часть; а въ третьемъ, т. е.

въ 1810 году—послѣднюю часть, такъ, чтобы по истеченіи сихъ трехъ лѣтъ никого изъ нихъ въ селахъ и деревняхъ не оставалось. 2) Для приведенія въ дѣйство сихъ распоряженій начальники губерній, по переписи Евреевъ, которая, вслѣдствіе 30-ой и 31-ой статьи «Положенія», должна уже быть повсемѣстно окончена, имѣютъ въ каждой губерніи, съ помощью губернскихъ и повѣтовыхъ маршаловъ, опредѣлить и назначить, кто именно изъ Евреевъ въ теченіе перваго года должны въ количествѣ третьей ихъ части изъ селъ и деревень переселиться. 3) Назначеніе сіе должно быть окончено въ теченіе двухъ первыхъ мѣсяцевъ наступающаго года, и списки Евреевъ, къ переселенію назначаемыхъ, въ исходѣ Февраля должны быть доставлены къ министру внутреннихъ дѣлъ. 4) Въ порядкѣ назначенія сего начальники губерній примутъ основаніемъ: а) чтобъ Евреи, имѣющіе въ городахъ и мѣстечкахъ домы, а въ селахъ и деревняхъ и по проѣзжимъ дорогамъ временныя только пристанища для отправленія промысловъ ихъ и винной продажи, были первые изъ оныхъ выводимы; б) затѣмъ назначать къ переселенію Евреевъ изъ тѣхъ имѣній, гдѣ болѣе ихъ находится, а особливо, гдѣ они болѣе корчемъ и шинковъ содержать, такъ чтобъ каждый годъ третья часть корчемъ сихъ, а по истеченіи трехъ лѣтъ и всѣ онѣ непремѣнно отъ содержанія Евреевъ были свободны; в) въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ одна только корчма находится, Евреи должны быть изъ оной выведены въ одно время, *дабы одному помѣщику предъ другимъ подрыва не было*; г) въ селеніяхъ, разнымъ помѣщикамъ принадлежащихъ и гдѣ потому могутъ быть разныя Еврейскія корчмы, Евреи должны быть выводимы въ одно время, *дабы одному помѣщику предъ другимъ подрыва не было.* 5) Съ начала 1808 года никому не дозволяется въ селахъ и деревняхъ вновь принимать Евреевъ для содержанія шинковъ и корчемъ, и по выводѣ ихъ изъ тѣхъ, гдѣ доселѣ они были, никого изъ нихъ вновь не вводить. Само собою, впрочемъ разумѣется, что отъ распоряженія помѣщиковъ и селеній зависитъ принимать въ корчмы другихъ содержателей, такъ какъ и учреждать оныя вновь, исключая только Евреевъ отъ ихъ содержанія. 6) Евреи, кои въ первый годъ къ переселенію будутъ назначены, по истеченіи сего срока ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть въ селахъ и деревняхъ терпимы, и какъ сами они, такъ и помѣщики, пребываніе ихъ дозволившіе, и начальства, оное допустившія, подвергаются всѣмъ тѣмъ штрафамъ и взысканіямъ, кои въ 35-й и послѣдующихъ статьяхъ «Положенія» на случаи сіи постановлены. Тоже самое разумѣть должно о переселеніяхъ втораго и третьяго года. 7) При наблюденіи сихъ строгихъ мѣръ къ переселенію Евреевъ, чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ открыть и еще болѣе обнадежить способы къ переселенію ихъ, въ «Положеніи» предназначенные, немедленно учредить въ каждой губерніи, гдѣ Евреи обитаютъ, подъ предсѣдательствомъ гражданскихъ губернаторовъ, особенные *комитеты*, коихъ обязанностію будетъ принимать всѣ нужныя мѣры, чтобъ переселеніе сіе производимо было *безъ малѣйшаго послабленія и остановки.* 8) Члены сего комитета опредѣлены будутъ изъ дворянъ, особенное довѣріе заслужившихъ, по утвержденію нашему. 9) Гражданскіе губернаторы, по учиненіи назна-

ченія третьей части Евреевъ, кои въ первый годъ должны быть переселены, внесутъ въ комитеты сіи какъ общій списокъ о Евреяхъ переселяемыхъ, такъ и особенный о тѣхъ, кои по бѣдности ихъ не могутъ своими собственными силами размѣститься въ городахъ и мѣстечкахъ. 10) Комитеты, по разсмотрѣнію списковъ сихъ, будутъ изыскивать всѣ способы къ водворенію ихъ, какіе по мѣстному разсмотрѣнію удобнѣйшими признаны быть могутъ. Для сего: а) комитеты предлагать будутъ кагаламъ учинить въ помощь таковымъ переселенцамъ денежныя складки; б) поощрять помѣщиковъ, на основаніи «Положенія», основывать на земляхъ ихъ колоніи изъ Евреевъ, заводить фабрики и представлять о пособіяхъ, какія къ сему отъ правительства нужны быть могутъ; в) поощрять и Евреевъ, имѣющихъ капиталы, къ заведенію фабрикъ, представляя также о нужныхъ имъ для сего ссудахъ; г) наконецъ, о тѣхъ Евреяхъ, для коихъ не найдется никакого удобнаго помѣщенія въ тѣхъ губерніяхъ и кои по 17-ой статьѣ «Положенія» должны быть поселяемы на земляхъ казенныхъ, для отвода имъ сихъ земель въ губерніяхъ Новороссійскихъ, Астраханской и Кавказской и для назначенія по 18-ой статьѣ «Положенія» заимообразной ссуды на водвореніе ихъ, комитеты будутъ представлять благовременно, дабы переселеніе сіе къ назначенному сроку могло совершиться» [1]).

«Положеніе» обѣщало Евреямъ уравнять ихъ въ податяхъ со всѣми другими подданными, когда они въ земледѣліи, мануфактурахъ и купечествѣ окажутъ постоянное направленіе и прилежаніе. Но постоянное направленіе и прилежаніе Евреи по прежнему оказывали только «въ купечествѣ», всячески уклоняясь отъ земледѣлія и мануфактуръ. Тѣмъ не менѣе, правительство, желая, вѣроятно, облегчить Евреямъ возможность переселенія, которому, по донесеніямъ губернаторовъ, главнымъ образомъ препятствовала бѣдность, въ 1807 году освободило ихъ отъ двойныхъ податей [2]). Такимъ образомъ относительно этой государственной повинности, какъ два года тому назадъ относительно всѣхъ общественныхъ повинностей, Евреи поставлены были наравнѣ съ прочими обывателями; но дѣло переселенія отъ этого немного выиграло. Указъ 19-го Октября 1807 года требовалъ, чтобы губернаторы каждый годъ составляли списки тѣмъ Евреямъ, которые въ теченіе трехъ лѣтъ должны быть переселены изъ уѣздовъ, при чемъ предполагалось, что перепись, на которую назначенъ былъ «Положеніемъ» двухгодичный срокъ, уже окончена; но оказалось, что эта перепись далеко еще не была окончена, а безъ нея какъ было составлять списки переселяемыхъ, какъ было взимать самыя подати, теперь уже одинакія? Евреи всячески уклонялись отъ переписи.

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XXIX, № 22,651.
[2]) Тамъ же, т. XXIX, № 30,004.

По замѣчанію Брафмана, ветхозавѣтный разсказъ, дѣйствующій на религіозное убѣжденіе Евреевъ въ томъ смыслѣ, что исчисленіе Евреевъ должно накликать на народъ страшный гнѣвъ Божій*) и кагалъ, обязанный вносить иновѣрческому правительству подать по числу душъ Еврейскаго населенія, составляютъ два рычага, которые, со дня подчиненія Евреевъ иновѣрческой власти, руководили представителями еврейства при составленіи оффиціальныхъ списковъ Еврейскихъ обществъ. Вышеупомянутый указъ думалъ, что къ исходу 1806 г. перепись Евреевъ уже повсемѣстно окончена, а между тѣмъ въ началѣ 1808 г. Сенатъ слушалъ записку бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея (въ Ноябрѣ прошлаго года замѣщеннаго Малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ), изъ которой между прочимъ видно, что правительство сильно ошибалось на этотъ счетъ. Предметомъ записки Кочубея была недоимка рекрутскихъ и на земскія повинности денегъ, накопившаяся въ Виленской губерніи по переписи 1800 года противъ ревизіи 1795 на Евреяхъ прибылыхъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ: съ 1802 по 1807 годъ такой недоимки числилось уже 27,311 рублей ассигнаціями и 19,675 рублей серебромъ. Къ представленіямъ мѣстныхъ властей какъ объ этой недоимкѣ, такъ и о той, которая значилась о дряхлыхъ и увѣчныхъ Евреяхъ Кіевской губерніи, Кочубей присоединилъ свое мнѣніе о необходимости составленія общей переписи Евреевъ на основаніи тѣхъ самыхъ правилъ, которыя предлагались уже въ «Положеніи», какъ будто бы это было совсѣмъ новое дѣло, къ которому только теперь правительство должно было приступить.

«Приведя симъ образомъ (т. е. записавъ Евреевъ въ одно изъ опредѣленныхъ «Положеніемъ» состояній и обязавъ ихъ принять извѣстную фамилію и запастись видами), *въ точную извѣстность Евреевъ*—писалъ Кочубей—включить всѣхъ ихъ, по званію каждаго, въ оклады по сей последней переписи; между тѣмъ до совершеннаго сей переписи по всѣмъ мѣстамъ окончанія сборъ всякихъ податей съ Евреевъ производить по бывшей въ 1795 году ревизіи, по коей съ нихъ подати донынѣ собираются». Вмѣстѣ съ тѣмъ Кочубей «находилъ основательнымъ недоимки, числящіяся какъ по Виленской губерніи на кагалѣ за излишне написан-

*) Произведя перепись Израилю и Іудѣ, Давидъ сильно смутился: „Вздрогнуло его сердце послѣ того, какъ онъ сосчиталъ народъ. И сказалъ Давидъ Господу: тяжко согрѣшилъ я, поступивъ такъ, и нынѣ молю тебя, Господи, прости грѣхъ раба Твоего; ибо крайне неразумно поступилъ я“. Вслѣдъ за тѣмъ къ царю явился пророкъ Гадъ и отъ имени Господа предложилъ ему на выборъ одно изъ трехъ наказаній: или семилѣтній голодъ въ странѣ, или трехмѣсячное бѣгство отъ непріятеля, или трехдневную моровую язву. Царь выбралъ послѣднее: и умерло изъ его народа отъ язвы семьдесятъ тысячъ человѣкъ (Вторая книга царствъ, гл. XXIV).

ныя по переписи 1800 года души, такъ и по другимъ губерніямъ, оставить до окончанія вышепомянутыхъ распоряженій (т. е. до окончанія переписи) безъ взысканія, считая ихъ по вѣдомостямъ, впредъ до разрѣшенія, особою статьею, а равнымъ образомъ и сборъ податей со всѣхъ дряхлыхъ и увѣчныхъ, кои по нынѣшней переписи въ губерніи Виленской въ виду уже имѣются, оставить также, доколѣ помянутая общая перепись не будетъ совершенно окончена». Сенатъ согласился съ мнѣніемъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, и 24 Февраля 1808 года приказалъ подтвердить о скорѣйшемъ окончаніи переписи, буде гдѣ она донынѣ не окончена *).

Такимъ образомъ въ исходѣ Февраля 1808 года, въ то самое время, когда въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ должны были уже находиться составленные губернаторами на основаніи послѣдней переписи списки первой трети переселяемыхъ Евреевъ, численность ихъ еще не приведена была «въ точную извѣстность», составляла pium desiderium правительства, дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго.

XXXI.

Еще Державинъ, какъ мы видѣли, удаляя Евреевъ отъ винной продажи среди крестьянъ, указывалъ имъ, между прочимъ, на мануфактурную дѣятельность: городовые, особенно сельскіе мѣщане, поселившіеся на казенныхъ и помѣщичьихъ земляхъ, обязаны были заводить полотняныя, парусинныя, суконныя, кожевенныя фабрики. Поощряя производительный трудъ Евреевъ разными льготами, Державинъ предлагалъ правительству брать съ этихъ мѣщанъ подать по выгоднымъ цѣнамъ, вмѣсто денегъ, въ натурѣ, сукномъ и полотномъ для арміи, отчего двоякая могла выйти польза: «первая—армія недорого одѣнется; вторая—Евреи и ихъ жены принудятся быть рукодѣльными». Съ своей стороны, и «Положеніе» обѣщало Евреямъ, при заведеніи такихъ фабрикъ, «особыя ободренія» — отводомъ нужной земли и доставленіемъ денежныхъ ссудъ изъ ежегодно назначаемаго на этотъ предметъ въ каждой губерніи Западнаго края капитала въ двадцать тысячъ рублей; обѣщало денежныя ссуды и помѣщикамъ, если они на своихъ земляхъ заведутъ фабрики, на которыхъ будутъ работать Евреи. Недостатокъ солдатскихъ суконъ для обмундированія арміи требовалъ усиленія и распространенія выдѣлки ихъ, и князь Куракинъ предлагалъ сосредоточить ее преимущественно въ Западныхъ губерніяхъ, гдѣ въ 1808 году существовало уже 26 суконныхъ фабрикъ,

*) Полн. Собр. Зак., т. XXX, № 22,837.

работавшихъ на 98 станкахъ. 30-го Іюня 1808 года былъ высочайше утвержденъ его докладъ, гдѣ между прочимъ говорилось: «Распространеніе сихъ заведеній (суконныхъ фабрикъ) можетъ быть весьма удобно. Шерсти тамъ (въ Западныхъ губерніяхъ) не только достаточно, но и во многихъ мѣстахъ она улучшена Шленскою породою овецъ. Самое уважительное затрудненіе, которое къ распространенію въ семъ краѣ фабрикъ представляется, можетъ состоять въ отысканіи работниковъ или въ доставленіи отъ правительства ими пособія частнымъ людямъ, кои вновь завести или существующія фабрики расширить пожелаютъ. Но къ отвращенію препятствія сего Евреи подаютъ весьма удобный способъ». Сильно чувствовался недостатокъ суконныхъ фабрикъ; но еще сильнѣе былъ недостатокъ рабочихъ рукъ, на который постоянно жаловались у насъ еще въ XVIII вѣкѣ заводчики и фабриканты, и для учрежденія суконныхъ фабрикъ «купцамъ и другаго званія людямъ, не имѣющимъ права покупать крестьянъ», по докладу кн. Куракина, было предоставлено это право. Множество свободныхъ Еврейскихъ рукъ, оторванныхъ отъ эксплуатаціи крестьянскаго труда, представлялись князю Куракину настоящею находкою для развитія суконнаго производства.

«Переселеніе всѣхъ ихъ (Евреевъ) вообще изъ деревень и шинковъ – писалъ онъ далѣе—должно начаться въ теченіе настоящаго года. Въ три года всѣ должны частію быть переведены въ города и мѣстечки, а частію поступить въ хлѣбопашцы по собственному ихъ выбору. Великое число ихъ, издавна единственно продажею вина по деревнямъ и корчмамъ пропитаніе снискивающее, безъ привычки и склонности къ земледѣлію, съ одной стороны, а съ другой—не имѣя по бѣдности средствъ къ построенію себѣ жилищъ и къ прокормленію себя съ семействами въ городахъ и мѣстечкахъ, охотно обратится на фабрики, гдѣ вѣрная работа доставитъ имъ тотчасъ вѣрное пропитаніе. Нельзя сомнѣваться, чтобы Евреи въ великомъ числѣ сами не изъявили желанія поступить въ работу на фабрикахъ; но, въ случаѣ несогласія ихъ, мѣстныя начальства будутъ обязаны *побудить* ихъ искать на оныхъ пристанища. Ибо, какъ изъ дѣлъ о Евреяхъ извѣстно, многіе изъ нихъ, чтобъ исполнить положеніе о переселеніи, въ нищетѣ, требуютъ отъ правительства пособій, которое не имѣетъ способовъ переселить въ столь краткое время не только всѣхъ тѣхъ, кои впредъ на то изъявятъ желаніе, но и тѣхъ однихъ, кои донынѣ о томъ просили. Всѣхъ таковыхъ должно будетъ по нуждѣ или оставить въ корчмахъ и селеніяхъ или дать имъ къ пропитанію средства. Работы на фабрикахъ суть единственный къ тому способъ. Комитетамъ о переселеніи Евреевъ, во всѣхъ Польскихъ губерніяхъ учрежденнымъ, можетъ быть сіе поставлено въ виду и въ главнѣйшую обязанность» *).

*) Тамъ же, № 23,132.

Восемь мѣсяцевъ тому назадъ, этимъ комитетамъ вмѣнялось въ обязанность принимать всѣ нужныя мѣры къ тому, чтобы переселеніе Евреевъ по утвержденному распорядку было производимо «безъ малѣйшаго послабленія и остановки»; теперь, съ наступленіемъ перваго года переселенія, имъ уже вмѣняется въ обязанность оставить мысль объ этомъ переселеніи и побуждать Евреевъ искать пристанища на фабрикахъ. «Впрочемъ — говоритъ въ заключеніе своего доклада кн. Куракинъ —Евреи достаточнѣйшіе могутъ, а вѣроятно и заведутъ сами фабрики. Изданнымъ въ 1804 году «Положеніемъ» предоставлены тѣмъ изъ нихъ, кои поступятъ въ званіе фабрикантовъ, денежныя ссуды и разныя преимущества. Помѣщикамъ, кои посредствомъ Евреевъ заведутъ на земляхъ своихъ суконныя и другія полезнѣйшія фабрики, тѣмъ же «Положеніемъ» обѣщаны также денежныя вспоможенія. Нужно только теперь отпустить капиталъ для произвожденія оныхъ ссудъ; а желающіе заводить фабрики, какъ изъ помѣщиковъ, такъ и изъ Евреевъ, безъ сомнѣнія, отыщутся, коль скоро сія мѣра учинится извѣстною». Но если правительство не могло дать пособій Евреямъ для переселенія, то откуда оно могло взять капиталъ для ссудъ желающимъ заняться фабричною дѣятельностію?

Въ то время какъ правящіе метались изъ стороны въ сторону, отмѣняя сегодня то, что̀ было постановлено ими вчера, Евреи дѣйствовали строго послѣдовательно, ни на шагъ не отступая отъ намѣченной цѣли, не жалѣя денегъ для борьбы, отъ исхода которой зависѣла вся ихъ будущность. Борьба оказалась не по силамъ правительству, оказалась труднѣе даже борьбы съ Наполеономъ. Разъ правительство, по убѣжденіямъ Кочубея, уже «отступило» передъ Евреями, выказало свою слабость: надо было ждать дальнѣйшихъ отступленій предъ напоромъ крѣпко-сплоченнаго врага, дѣйствовавшаго, какъ одинъ человѣкъ, подъ національно-патріотическимъ знаменемъ, на которомъ начертано было священное изреченіе Талмуда: «Всѣ Евреи за одного и одинъ за всѣхъ». Преемникъ Кочубея также «отступилъ»: вмѣсто переселенія, мѣстныя начальства стали побуждать корчмарей къ поступленію на фабрики. Но работа фабричная была таже мозолистая работа, что́ и земледѣльческая, а отъ работы Евреи и изъ Египта бѣжали. Понятно, что должны были явиться новыя ходатайства, новыя представленія отъ мѣстныхъ начальствъ, на этотъ разъ увѣнчавшіяся уже самой блистательной побѣдой Израиля въ неустанной, продолжавшейся цѣлыхъ четыре года борьбѣ его съ правительствомъ.

Сущность этихъ представленій ясно и съ достаточною подробностью изложена въ запискѣ, которую министръ внутреннихъ дѣлъ

подалъ Государю 23-го Декабря 1808 года и которая была смертнымъ приговоромъ какъ для собственнаго его доклада отъ 30-го Іюня, такъ и для указа отъ 19-го Октября 1807 года.

Вотъ чтó говорилось въ этой запискѣ: «1) Евреи могли бы быть частію переселяемы въ города и мѣстечки; но великое число сихъ мѣстечекъ носитъ только одно имя, въ иныхъ изъ нихъ нѣтъ ни промысловъ, ни торговъ и никакихъ другихъ къ пропитанію способовъ; переселяющіеся не могутъ найти въ нихъ никакого убѣжища, а тѣмъ менѣе могутъ по бѣдности сами себѣ выстроить домы. 2) Нѣкоторые города, какъ-то Брестъ-Литовскій, и мѣстечки, какъ-то Тепликъ и пр., совсѣмъ выгорѣли. Они были наиболѣе обитаемы Евреями. Сіи, лишась домовъ, не только другимъ не могутъ дать пристанища, но и сами должны онаго искать по деревнямъ. Тамъ имъ въ томъ отказывается, такъ что и жившіе прежде по деревнямъ, и погорѣвшіе принуждены бродить и скитаться. 3) Казенныхъ фабрикъ нѣтъ таковыхъ, гдѣ бы изъявившіе желаніе быть ремесленниками могли быть опредѣлены на работы. Правительство не могло еще сдѣлать о семъ никакого особаго распорядка, и слѣдственно по нуждѣ надлежало бы таковыхъ Евеевъ оставить по деревнямъ, пока открыты будутъ способы доставить работою имъ пропитаніе. 4) Частныхъ подобныхъ заведеній равнымъ образомъ или совсѣмъ въ иныхъ мѣстахъ не находится, или же въ столь маломъ числѣ и видѣ, что только развѣ нѣсколько Евреевъ могли бы въ иныхъ найти пристанище. 5) Переселеніе ихъ на помѣщичьи земли и потому еще не можетъ имѣть мѣста, что каждому, есть ли бы на то и рѣшился, потребно время къ хозяйственному устроенію, чтó въ столь краткій срокъ не могло быть сдѣлано; отъ того многіе хотя и изъявили желаніе перейти на помѣщичьи земли, но, бывъ изъ селеній высланы, все еще будутъ скитаться, пока найдутъ гдѣ пристать. 6) Многіе изъ нихъ съ давняго времени имѣютъ контракты съ помѣщиками и находятся у нихъ въ услуженіи по корчмамъ, при перевозахъ, и проч.; всѣ они, какъ непостоянно поселенные, должны оставить свои жилища, чѣмъ и контракты нарушатся, и они останутся безъ пропитанія. 7) Удовлетвореніе требованій изъявившихъ желаніе перейти на казенныя земли не только потому неудобно, что казна должна бы была сдѣлать весьма знатное для сего пожертвованіе въ виду невѣрнаго еще успѣха, но и совсѣмъ невозможно. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ Евреи жительствуютъ, нѣтъ совсѣмъ почти казенныхъ свободныхъ земель, какъ напримѣръ въ Гродненской считается не болѣе 200 десятинъ, между тѣмъ какъ тамъ въ первый годъ нѣсколько сотъ семействъ изъявили желаніе перейти на казенныя земли. Въ другихъ губерніяхъ онѣ еще опредѣлительно не могли быть назначены. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ переселеніе въ одинъ годъ отъ 10 до 15 тысячъ семей совершенно невозможно, и однѣ обѣщанныя ссуды, сверхъ прочихъ при семъ затрудненій, потребовали бы знатныхъ капиталовъ. Такимъ образомъ всѣхъ Евреевъ, таковое желаніе изъявившихъ, по необходимости надлежало бы оставить въ настоящихъ ихъ жительствахъ, пока они были бы посте-

пенно переселяемы на казенныя земли, къ чему потребно нѣсколько десятковъ лѣтъ по несоразмѣрному ихъ количеству».

«Вообще ни сами они не могутъ имѣть способовъ, оставивъ нынѣшнія жилища по селамъ, деревнямъ и корчмамъ, найти оныя себѣ въ иныхъ мѣстахъ, ни правительство не можетъ въ томъ имъ подать никакого пособія. Надлежитъ присовокупить къ сему чрезмѣрную дороговизну во многихъ изъ тѣхъ губерній, гдѣ они обитаютъ, двойныя подати, кои они при томъ платить обязаны и другія исправляемыя ими повинности» [1]).

Записка кн. Куракина возъимѣла свое дѣйствіе. 29-го Декабря 1808 года, къ великой радости Евреевъ, состоялся слѣдующій именной указъ начальникамъ западныхъ губерній: «Изданнаго въ 9-й день Декабря 1804 года «Положенія» для Евреевъ 34-ю статьею назначенный ежегодный срокъ переселенія ихъ изъ селъ, деревень, постоялыхъ дворовъ и шинковъ распространивъ указомъ на имя Могилевскаго гражданскаго губернатора 19-го Октября 1807 года на три года, разсматривалъ я дошедшія отъ губернскихъ начальствъ представленія о новыхъ препятствіяхъ, къ исполненію сего распоряженія встрѣтившихся. Принявъ въ уваженіе сіи затрудненія, предписалъ я войти въ особенное и окончательное соображеніе всѣхъ до переселенія Евреевъ относящихся обстоятельствъ. И вслѣдствіе того повелѣваю: дѣйствіе 34-й статьи «Положенія» 9-го Декабря 1804, равно какъ и указъ 19-го Октября 1807 годовъ остановивъ, Евреевъ до дальнѣйшаго впредъ повелѣнія оставить на ихъ жительствахъ по прежнему. «Положеніе» для Евреевъ 9-го Декабря 1804 года во всѣхъ прочихъ статьяхъ остается въ своей силѣ» [2]).

Приведенный указъ былъ великимъ торжествомъ для Израиля, отстоявшаго свое status quo ante bellum, свое прежнее положеніе среди крестьянъ.

XXXII.

Евреи достигли того, о чемъ хлопотали: переселеніе ихъ было отсрочено впредъ до дальнѣйшаго повелѣнія, и хотя всѣ прочія статьи «Положенія» оставлены въ своей силѣ, но Евреи хорошо должны были знать, что правительство не прочь было уступить ихъ просьбамъ и на счетъ отмѣны нѣкоторыхъ изъ этихъ статей. Въ указѣ 29-го Декабря 1808 года, говорилось, что Императоръ, принявъ въ уваженіе встрѣтившіяся въ дѣлѣ переселенія Евреевъ затрудненія, предписалъ войти въ особенное и окончательное соображеніе всѣхъ до этого переселенія относящихся обстоятельствъ: это значило, что для рѣшенія Еврейскаго вопроса былъ назначенъ новый комитетъ. Въ самомъ дѣлѣ,

[1]) Какъ въ податяхъ, такъ и въ другихъ повинностяхъ Евреи, какъ мы видѣли, были уже вполнѣ уравнены съ другими подданными Имперіи.

[2]) Полн. Собр. Зак., т. XXX, № 23,424.

за нѣсколько дней еще до изданія упомянутаго указа, а именно 23-го Декабря, была высочайше утверждена докладная записка министра внутреннихъ дѣлъ о составленіи названнаго комитета, а 5-го Января 1809 года государь повелѣлъ быть членами его—дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникамъ: Василію Степановичу Попову и Ивану Алексѣевичу Алексѣеву, товарищу министра внутреннихъ дѣлъ Осипу Петровичу Козодавлеву, тайному совѣтнику, сенатору, графу Северину Потоцкому и статскому совѣтнику Якову Александровичу Дружинину.

Въ промежуткѣ шести съ небольшимъ лѣтъ это былъ уже третій комитетъ по Еврейскимъ дѣламъ! Въ первыхъ двухъ половина членовъ состояла изъ Поляковъ, а другая изъ Русскихъ, крѣпко связанныхъ съ ними общностью интересовъ въ Еврейскомъ вопросѣ. Составъ новаго комитета былъ иной: только одинъ Потоцкій, членъ первыхъ двухъ комитетовъ, былъ здѣсь представителемъ Польскаго элемента, да и то на первыхъ порахъ, и вскорѣ былъ замѣненъ извѣстнымъ масономъ, Захаромъ Яковлевичемъ Карнѣевымъ. Такимъ образомъ члены этого комитета все были люди Русскіе и притомъ долго обращавшіеся въ государственныхъ дѣлахъ еще при Екатеринѣ, «птенцы» великой Императрицы. Но задачей комитета было не одно соображеніе относящихся до переселенія обстоятельствъ.

При учрежденіи комитета императоръ Александръ писалъ его предсѣдателю Попову: «Изданнымъ въ 9-й день Декабря 1804 года «Положеніемъ» для Евреевъ между прочимъ поставлено было съ 1-го Генваря 1808 года всѣхъ Евреевъ вывесть изъ селъ, деревень, постоялыхъ дворовъ и шинковъ. Въ исполненіи сего постановленія встрѣтились разныя препятствія, кои, по повелѣнію моему, особеннымъ комитетомъ *) были разсматриваемы и въ уваженіе коихъ переселеніе Евреевъ во всѣхъ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ распредѣлено на три года, съ тѣмъ чтобъ оно въ теченіе 1808, 1809 и 1810 годовъ было окончено. Приступивъ къ приведенію сего предписанія въ дѣйствіе, губернскія начальства вошли съ донесеніями о новыхъ препятствіяхъ, представляющихъ не только затрудненія, но и самую невозможность въ переселеніи Евреевъ. Во вниманіе къ тому стѣсненію, коему, по донесеніямъ губернскихъ начальствъ, народъ сей, при исполненіи доселѣ изданныхъ о переселеніи онаго положеній, неминуемо долженъ подвергнуться, я призналъ за благо дѣйствіе 34-й статьи «Положенія» 1804, равно какъ и указа о постепенномъ переселеніи Евреевъ 19-го Октября 1807 года, остановить впредъ до повелѣнія». «Намѣреніе мое въ томъ состоитъ, чтобъ всѣ вообще препятствія и затрудненія, въ переселеніи Евреевъ встрѣтившіяся, были въ совокупности разсмотрѣны, дабы на сихъ окончательныхъ соображе-

*) Разумѣется комитетъ 24-го Августа 1806 года.

ніяхъ можно уже было основать положительныя по сему отношенію мѣры. Къ сему разсмотрѣнію должно будетъ присоединить и изслѣдованіе тѣхъ мнѣній, кои отъ депутатовъ самыхъ Еврейскихъ обществъ о поправленіи участи ихъ въ свое время, по повелѣнію моему, были истребованы. Министръ внутреннихъ дѣлъ доставитъ вамъ всѣ до сего относящіяся свѣдѣнія. Вы изъ нихъ усмотрите двѣ главныя статьи: во-первыхъ, просьбы о нѣкоторыхъ въ «Положеніи» 1804 года перемѣнахъ; во-вторыхъ, представленія о вышепомянутой невозможности переселенія Евреевъ по принадлежности. Невозможность сія не отъ чего инаго главнѣйше происходитъ, какъ только отъ того, что Евреи по нищетѣ ихъ не имѣютъ сами способовъ, оставивъ настоящія ихъ жительства, устроиться и обзавестись въ новыхъ ихъ состояніяхъ, кои избрать они должны. Правительство равнымъ образомъ не можетъ принять на себя водвореніе всѣхъ ихъ на новыхъ мѣстахъ. Предлежитъ изыскать мѣры, посредствомъ коихъ Евреи, бывъ удалены отъ единственнаго ихъ промысла—продажи вина по селамъ, деревнямъ, постоялымъ дворамъ и шинкамъ,—могли бы себѣ доставлять пропитаніе работою»[1]).

Впредъ, до изысканія такихъ мѣръ, Евреи оставлены были по старинѣ кормиться отъ продажи вина крестьянамъ, и такихъ паразитовъ въ однѣхъ только «Польскихъ» губерніяхъ насчитывалось тогда до 60 тысячъ семействъ! [2])

Къ описываемой эпохѣ относится основаніе первыхъ земледѣльческихъ колоній изъ Евреевъ въ Новороссійскомъ краѣ. Мы знаемъ, что въ Гродненской губерніи, уже въ первый годъ по изданіи «Положенія» 1804 года, нѣсколько сотъ Еврейскихъ семействъ изъявили желаніе переселиться на казенныя земли; много такихъ семействъ оказалось и въ губерніи Минской. Все это были, вѣроятно, прописные пришельцы изъ Германіи, голь Еврейская, которая еще не «оселилась» по корчмамъ, не несла никакихъ повинностей, не имѣла никакихъ средствъ къ пропитанію и была потому въ тягость самимъ кагаламъ. Кагалы рады были избавиться отъ этой голытьбы, пристроить ее куда-нибудь, а тутъ правительство предлагаетъ въ богатыхъ южныхъ губерніяхъ даровые участки земли съ освобожденіемъ отъ податей на

---

[1]) Полн. собр. зак., XXX, т. № 23,435.

[2]) Сколько-то ихъ насчитывается теперь, въ настоящей чертѣ осѣдлости „избраннаго народа"! Только послѣ страшныхъ погромовъ послѣднихъ двухъ лѣтъ предоставленное Евреямъ право кормленія отъ продажи вина нѣсколько ограничено—Въ 5-мъ пунктѣ высочайше утвержденнаго 3-го Мая 1882 года Положенія Комитета Министровъ постановлено „предоставить министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ дать соотвѣтствующія наставленія чинамъ полиціи и акцизнаго вѣдомства о строгомъ и неуклонномъ соблюденіи, впредъ до изданія новыхъ правилъ о питейной торговлѣ, установленнаго ст. 306 Уст. о Пит. Сборѣ (изд. 1876 года) правила, дозволяющаго Евреямъ производство питейной торговли исключительно въ ихъ собственныхъ домахъ, построенныхъ на принадлежащей имъ землѣ, если купчая крѣпость на эту землю совершена въ установленномъ порядкѣ до изданія настоящихъ правилъ" (т. е. временныхъ правилъ о Евреяхъ 3-го Мая). Моск. Вѣд. 1882 г., № 187.

десять лѣтъ, съ заимообразными ссудами «на обзаведеніе» и другими «ободреніями». Не пойдетъ хорошо хлѣбопашество, окажется не по силамъ голытьбѣ—кто помѣшаетъ ей тогда заняться «торгами и промыслами»? Край дѣвственный, еще не потравленный сынами Израиля, гдѣ и не сѣя можно собирать обильную жатву; корчемъ мало, а народонаселеніе быстро увеличивается. Такимъ образомъ въ 1807 и 1808 годахъ переселилось 1007 душъ обоего пола, въ 1809 году—2750, а въ 1810 году—2311. Въ этотъ промежутокъ времени, въ губерніяхъ Херсонской и Екатеринославской основались слѣдующія Еврейскія колоніи: Израилевка, Бобровый Кутъ, Сейдеманука, Большой и Малый Нагартовъ, Эфенгаръ, Ингулецъ и Калонка. Какъ же устроились здѣсь Евреи-колонисты? Первое время они терпѣли большую нужду, а незнакомство съ земледѣліемъ, отсутствіе хозяйственнаго инвентаря и необходимыхъ земледѣльческихъ орудій препятствовали постановкѣ хлѣбопашества въ сколько-нибудь удовлетворительное положеніе. Страшная смертность господствовала между колонистами, которые, по словамъ Варадинова, автора «Исторіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», не дѣлали никакихъ успѣховъ въ сельскомъ хозяйствѣ и сохраняли склонность къ прежнему образу жизни и къ несвойственнымъ земледѣлію занятіямъ. Неудивительно, что многіе изъ нихъ бѣжали отъ тяжкой полевой работы и обратились къ своимъ излюбленнымъ занятіямъ, «къ торгамъ и промысламъ» по городамъ и весямъ Новороссійскаго края. Говорятъ, что неудача, постигшая первыя попытки колонизаціи Евреевъ, была причиною тому, что въ 1810 году дальнѣйшая колонизація была пріостановлена *). Очевидно, что эта колонизація не имѣла никакого отношенія къ предположенію правительства насчетъ вывода Евреевъ, въ силу 34-ой статьи «Положенія», изъ селъ, деревень, постоялыхъ дворовъ и шинковъ: ни одинъ изъ этихъ Евреевъ не покинулъ свитаго среди крестьянъ теплаго гнѣзда. Боялись подвергнуть ихъ какому-либо «стѣсненію», и уже въ концѣ 1808 года мысль о переселеніи ихъ была оставлена, по невозможности осуществленія. «Невозможность сія— говорилось при этомъ въ указѣ—не отъ чего инаго главнѣйше происходитъ, какъ только отъ того, что Евреи по нищетѣ ихъ не имѣютъ сами способовъ, оставивъ настоящія ихъ жительства, устроиться и обзавестись въ новыхъ ихъ состояніяхъ, кои избрать они должны. Правительство равнымъ образомъ не можетъ принять на себя водвореніе всѣхъ ихъ на новыхъ мѣстахъ». Объясненіе странное: при изданіи «Положенія» 1804 года само же правительство обѣщало переселенцамъ разнаго рода льготы

---

*) *„Дѣло“* за 1882 г., № 1. „Попытки колонизаціи, Евреевъ“ Ев. Карцова, стр. 280—282.

и между прочимъ «на обзаведеніе» заимообразныя ссуды; въ указѣ 19-го Октября 1807 года также говорилось о назначеніи этихъ ссудъ «на водвореніе» переселенцевъ; а черезъ годъ Куракинъ уже находилъ, что обѣщанныя ссуды потребовали бы знатныхъ капиталовъ и что правительство не можетъ подать никакого пособія Евреямъ при водвореніи ихъ «въ иныхъ мѣстахъ»: пусть остаются «на нынѣшнихъ жилищахъ»—по селамъ, деревнямъ и корчмамъ! Новый неожиданный оборотъ»! Наполеонъ былъ тутъ уже ни при чемъ. Мало того: въ то самое время, когда у насъ произошелъ этотъ оборотъ, Французскій императоръ принималъ энергическія мѣры къ огражденію христіанскаго населенія имперіи отъ Еврейской эксплуатаціи; да и Русское правительство, не смотря на указъ 29-го Декабря 1808 года, не прекратило дѣла колонизаціи тѣхъ Евреевъ, которые, по неимѣнію «работы», желали переселиться въ южныя губерніи, и въ продолженіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ переселило ихъ болѣе *пяти тысячъ*. Оставались на своихъ мѣстахъ только тѣ изъ нихъ, которые занимались обираніемъ крестьянъ. Не сказалось ли и здѣсь вліяніе Сперанскаго? Кн. Куракинъ былъ ревностный приверженецъ старины и, подобно Державину, терпѣть не могъ своего бывшаго домашняго секретаря; но этотъ скромный молодой человѣкъ, когда-то чувствовавшій себя крайне неловко за столомъ своего милостивца и предпочитавшій обѣдать съ его прислугою (камердинерами, горничными и нянями), теперь былъ самымъ близкимъ къ Государю лицомъ, статсъ-секретаремъ, къ которому, по удаленіи Новосильцова, перешли всѣ его обязанности, всѣ личные доклады. Нельзя было теперь и кн. Куракину не считаться съ человѣкомъ, не знавшимъ кромѣ графа Аракчеева (вліяніе котораго ограничивалось тогда только сферою военнаго вѣдомства) другихъ совмѣстниковъ въ благоволеніи Государя. Четыре года тому назадъ Сперанскій принужденъ былъ сдѣлать уступку мнѣнію Державина, внесъ въ «Положеніе» 34-ую статью о выводѣ Евреевъ изъ уѣздовъ. При исполненіи ея, какъ надо было и ожидать, встрѣтились разныя затрудненія и препятствія, для устраненія которыхъ не было сдѣлано ни одной серьезной попытки, не было принято ни одной зрѣло-обдуманной мѣры: пошли ходатайства, представленія, комитеты, мнѣнія, указы, и дѣло кончилось ничѣмъ. Начало, положенное Сперанскимъ въ основу преобразованія Евреевъ—начало *laisser faire, laisser aller*, съ отмѣною запрещенія имъ жить среди крестьянъ, теперь вполнѣ восторжествовало. Трудно допустить мысль, чтобы статсъ-секретарь, съ 1808 года постоянно находившійся при особѣ Государя, не воспользовался наступившимъ для него временемъ «высшаго значенія» и не оказалъ нравственнаго давленія на своего бывшаго «патрона» для

рѣшенія Еврейскаго вопроса въ смыслѣ благопріятномъ для любезнаго ему народа. Какъ бы то ни было, кн. Куракинъ, какъ человѣкъ стариннаго закала, не сочувствовавшій новшествамъ Сперанскаго, вполнѣ однако сошелся съ нимъ въ томъ мнѣніи, что Русскій народъ западной окраины, много вѣковъ терпѣвшій отъ гнета Евреевъ, можетъ и еще потерпѣть, пока изысканы будутъ мѣры, «посредствомъ которыхъ Евреи, бывъ удалены отъ единственнаго ихъ промысла—продажи вина по селамъ, деревнямъ, постоялымъ дворамъ и шинкамъ, могли бы себѣ доставлять пропитаніе работою».

XXXIII.

Въ то время, какъ густыя массы Евреевъ оставлены были попрежнему кормиться на счетъ терпѣливаго сельскаго люда, небольшой горсти ихъ братіи въ Кіевѣ стала угрожать опасность удаленія изъ этого города. Кіевъ принадлежалъ когда-то къ числу тѣхъ *привилегированныхъ* городовъ и мѣстечекъ, гдѣ Евреи не имѣли права жительства. Впервыя мы встрѣчаемъ ихъ въ Кіевѣ въ 1792 году, когда по переписи значилось ихъ 73 человѣка. Послѣ указа 23-го Іюня 1794 года они могли уже селиться въ Кіевѣ совершенно свободно, и въ 1800 году, по словамъ Державина, ихъ было здѣсь уже весьма много Не прошло и десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Евреи водворились въ Кіевѣ, и уже городъ хлопочетъ о высылкѣ ихъ. Императоръ Павелъ не согласился на эту просьбу. Но старѣйшій изъ Русскихъ городовъ никакъ не могъ управиться съ Евреями и при Александрѣ дѣлаетъ новую попытку освободиться отъ нихъ. 30-го Марта 1809 года Сенатъ препроводилъ на разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ донесеніе Кіевскаго городоваго магистрата и два прошенія уполномоченнаго отъ этого магистрата ратсгера Тернавскаго «о переселеніи живущихъ въ городѣ Кіевѣ Евреевъ въ другіе города и о воспрещеніи имъ впредъ тамъ селиться, дабы съ одной стороны сохранить прежнія привилегіи, которыми запрещалось имъ въ семъ городѣ записываться, жить и торговать, а съ другой прекратить происходящія отъ нихъ многочисленыя тяжбы и ссоры».

Замѣчательно, что между приведенными мотивами нѣтъ ни одного, который бы указывалъ на религіозную нетерпимость христіанскаго населенія Кіева къ Еврейскому. Впрочемъ, въ Кіевѣ, какъ и въ другихъ Русскихъ городахъ, вошедшихъ въ черту осѣдлости Евреевъ, никогда и не замѣчалось такой нетерпимости. Правда, въ одномъ приводимомъ Евреями ходатайствѣ этого города о высылкѣ ихъ братіи указывается на «неприличіе нахожденія Евреевъ въ городѣ святыхъ»,

но и сами Евреи думаютъ, что за религіознымъ мотивомъ этого ходатайства скрывается здѣсь другой, «гораздно реальнѣе»—эгоизмъ христіанскаго торговаго сословія, не выносящаго будто бы конкуренціи Евреевъ [1]). Этимъ эгоизмомъ они, вѣроятно, будутъ объяснять и вышеприведенное прошеніе Московскаго купечества о высылкѣ Евреевъ изъ первопрестольной столицы. Какъ бы то ни было, Кіеву не удалось сохранить своихъ старинныхъ привилегій. 22-го Января 1810 года новый министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ донесъ Сенату, что, собравъ нужныя свѣдѣнія и сообразивъ оныя съ существомъ дѣла, онъ входилъ со всеподданнѣйшимъ по сему предмету представленіемъ къ Государю Императору. «Его императорское величество, изъ всѣхъ обстоятельствъ усматривая, что Евреи начали селиться въ Кіевѣ по общему дозволенію въ 1794 году, и ихъ теперь тамъ 452 души; что въ 1801 году, по объявленному Кіевскому военному губернатору бывшимъ генералъ-прокуроромъ Обольяниновымъ высочайшему повелѣнію, запрещено изъ онаго города ихъ переселять; что грамота, въ томъ же году Кіеву данная, подтверждаетъ именно тѣ права и преимущества, кои безъ отмѣны существуютъ и поколику они сообразны съ общими постановленіями и законами, терпимость же Евреевъ въ ономъ (Кіевѣ) съ законнаго дозволенія уже болѣе 15 лѣтъ существуетъ, и выселеніе ихъ сопряжено будетъ съ чрезвычайнымъ для нихъ разореніемъ; что по самому «Положенію» объ нихъ (1804 года) назначены для жительства ихъ *преимущественно города*, а не села и деревни, гдѣ они не столько могутъ быть полезны, и что если выходятъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ безпорядки вообще по жительству ихъ и промысламъ, то они должны прекращаться бдительностью начальства и дѣйствіемъ законовъ—высочайше повелѣть соизволилъ: оставить Евреевъ въ Кіевѣ въ настоящемъ положеніи» [2]).

17-го Августа 1810 года, высочайше утвержденнымъ раздѣленіемъ государственныхъ дѣлъ по министерствамъ, къ вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отнесены были и дѣла по устройству Евреевъ [3]). Надобно думать, что всѣ послѣдующія мѣры правительства касательно Евреевъ были вносимы на предварительное обсужденіе въ Еврейскій комитетъ, членъ котораго, Козодавлевъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ.

До сихъ поръ Евреи, принимавшіе христіанство, не получали никакихъ особенныхъ преимуществъ, кромѣ пользованія общими всѣмъ остальнымъ свободнымъ сословіямъ Имперіи правами; теперь же тѣмъ изъ нихъ, которые вступали *въ православную вѣру*, дана была важная льгота: именнымъ указомъ Сенату 20-го Апрѣля 1811 г. они освобожда-

---

[1]) Развитіе Русскихъ законовъ о Евреяхъ (Вѣстникъ Европы за 1878 г., № 3, стр. 367).
[2]) Полн. Собр. Зак., т. XXXI, № 24.098.
[3]) Тамъ же, № 24326.

лись отъ исполненія рекрутской повинности натурою лично; но дѣти, рожденныя отъ принявшихъ крещеніе Евреевъ, обязаны уже были нести эту повинность наравнѣ съ тѣми христіанскими обществами, къ которымъ были приписаны [1]). Относительно некрещенныхъ Евреевъ замѣчательна слѣдующая мѣра. Еще въ 1805 году, по случаю свирѣпствовавшей въ Малороссіи какой-то прилипчивой болѣзни, правительство, запретивъ въ пограничныхъ губерніяхъ торговать старымъ платьемъ, исключая обыкновенное Русскаго покроя, признало нужнымъ Евреямъ запретить вообще торговать платьемъ какъ старымъ, такъ и новымъ. Именнымъ указомъ 26-го Октября 1811 года имъ возвращено было отнятое право съ слѣдующимъ впрочемъ ограниченіемъ: «Оставляя, согласно указу нашему 25-го Генваря 1808 года, продажу стараго платья въ лавкахъ навсегда запрещенною, мы, по уваженію перемѣны обстоятельствъ, по коимъ помянутая мѣра осторожности въ разсужденіи Евреевъ принята была, повелѣваемъ—въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ Евреямъ жить позволено, разрѣшить имъ торговать новымъ платьемъ, сшитымъ изъ новыхъ Россійскихъ суконъ и матерій, только бы оно было не привозное изъ-за границы» [2]). Въ виду надвигавшейся на Россію грозы 1812 года принята была слѣдующая мѣра политической осторожности: именнымъ указомъ повелѣно было—въ крѣпостяхъ Бобруйской и Динабургской не заводить торговыхъ лавокъ, а отводить для нихъ мѣста на форштадтахъ, а Евреямъ не позволять строить внутри этихъ крѣпостей ни жилыхъ, ни нежилыхъ зданій [3]).

Правительство находило, что Евреи не столько могутъ быть полезны въ селахъ и деревняхъ, какъ въ городахъ и мѣстечкахъ; но, оставляя ихъ въ городахъ и мѣстечкахъ, оно не выводило ихъ изъ селъ и деревень. Губернскія начальства доносили, что такой выводъ могъ бы подвергнуть Евреевъ «стѣсненію», и дѣло освобожденія крестьянъ изъ подъ гнета Евреевъ было отложено «впредъ до повелѣнія». Но нѣкоторые Русскіе помѣщики западныхъ губерній не находили возможнымъ откладывать этого дѣла: въ виду невыносимаго положенія крестьянъ подъ господствомъ Евреевъ, они не смущались мыслію о стѣсненіи послѣднихъ и высылали ихъ изъ своихъ владѣній. Вотъ что̀ писалъ графу М. С. Воронцову изъ Петербурга управлявшій его Бѣлорусскимъ имѣніемъ графъ Петръ Львовичъ Санти (отъ 26-го Августа 1811 года): «Жидовъ изъ деревень я выгналъ, *чтобъ не разоряли крестьянъ*, а позволилъ жить имъ въ мѣстечкѣ [4])

---

[1]) Тамъ же, № 24.599.

[2]) Тамъ же, № 24.833.

[3]) Тамъ же, т. XL, № 25.013.

[4]) Мѣстечко Круглое съ деревнями въ Могилевской губерніи перешло къ князю Воронцову по завѣщанію отъ его тетки княгини Дашковой.

подъ надзоромъ г. Фохта, съ тѣмъ чтобъ не смѣли у крестьянъ вашихъ ничего ни занимать, ни покупать, ни продавать, о чемъ я всѣмъ крестьянамъ подтвердилъ на мірской сходкѣ. Чтобъ отрѣзать ихъ отъ сообщенія съ Жидами, я опредѣлилъ 2000 рублей съ тѣмъ, чтобъ крестьяне продавали издѣліе свое въ экономію, а никакъ не на сторону, и чтобъ обратно по тѣмъ же цѣнамъ (покупали). Велѣлъ я также Фохту изъ сихъ денегъ купить соли, чтобъ онъ продавалъ оную крестьянамъ безъ всякаго барыша: сіе сдѣлано для того, что Жиды брали за соль что́ хотѣли» *).

Такъ разрѣшенъ былъ Еврейскій вопросъ въ имѣніи графа Воронцова, и крестьяне его освободились отъ вѣковаго гнета Евреевъ безъ затрудненій и препятствій, заставившихъ правительство остановить дѣйствіе 34-ой статьи «Положенія» впредъ до разсмотрѣнія ихъ новымъ комитетомъ.

XXXIV.

16-го Марта 1812 года комитетъ окончилъ возложенное на него три года тому назадъ порученіе и представилъ Императору обширный докладъ. Задача комитета была не легкая. Согласно съ указаніемъ рескрипта 5-го Января 1809 года, онъ долженъ былъ, во-первыхъ, разсмотрѣть въ совокупности всѣ вообще затрудненія и препятствія, встрѣченныя правительствомъ въ дѣлѣ переселенія Евреевъ изъ селъ, деревень, постоялыхъ дворовъ и шинковъ, и, во-вторыхъ, изслѣдовать мнѣнія депутатовъ и повѣренныхъ Еврейскихъ обществъ о поправленіи участи ихъ, то-есть о перемѣнахъ въ разныхъ статьяхъ «Положенія». Но самая существенная сторона задачи комитета состояла въ томъ, чтобы «изыскать мѣры, посредствомъ коихъ Евреи, бывъ удалены отъ единственнаго ихъ промысла—продажи вина по селамъ, деревнямъ, постоялымъ дворамъ и шинкамъ, могли бы себѣ доставлять пропитаніе *работою*».

Какъ же комитетъ разрѣшилъ свою задачу?

Изъ первыхъ же страницъ доклада мы узнаёмъ, какими началами руководствовался комитетъ при исполненіи высочайшей воли. Это именно тѣ извѣстныя уже намъ изъ журнала и доклада перваго комитета начала, на которыхъ основано самое «Положеніе» и сущность которыхъ можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ: «Сколь можно менѣе запрещенія, сколь можно болѣе свободы». Понятно, какъ долженъ былъ отнестись комитетъ къ вопросу о переселеніи Евреевъ. Цѣлымъ рядомъ выписокъ изъ современныхъ документовъ, которыми мы уже воспользовались въ своемъ мѣстѣ, комитетъ старается объ-

*) Письмо въ архивѣ князя Воронцова, въ Одессѣ.

яснить причины тѣхъ затрудненій и препятствій, которыя встрѣтило правительство въ этомъ дѣлѣ. «Тѣже самыя причины комитетъ встрѣчаетъ и нынѣ и, въ доказательство, что невозможность приведенія 34-й статьи въ дѣйствіе заключается не въ упорствѣ Евреевъ и не въ послабленіи начальства, а въ естественномъ и политическомъ положеніи тѣхъ губерній, въ коихъ пребываніе Евреевъ ограничено, комитетъ считаетъ нужнымъ обратиться къ тѣмъ происшествіямъ, кои содѣйствовали приведенію Евреевъ въ теперешнее ихъ положеніе».

Обзоръ этихъ происшествій начинается издалека.

«По испроверженіи Іудейскаго царства, Евреи, разсыпанные повсемѣстно, сдѣлались повсюду странниками. Ненависть враговъ сего злополучнаго народа не угасла съ пламенемъ, обратившимъ въ пепелъ храмъ Іерусалимскій. Бывъ изгоняемы изъ одного государства въ другое и даже изъ одного города въ другой и не имѣвъ ни отечества, ни земель для своего гдѣ-либо окорененія, Евреи, сей издревле просвѣщенный и благоустроенный народъ, не могъ уже ни предаться постоянно нравственному образованію дѣтей своихъ, ни избрать ни одного изъ тѣхъ состояній, кои всѣмъ прочимъ дозволены законными установленіями, и для сохраненія своего существованія долженъ былъ довольствоваться тѣмъ только, что̀ было предоставляемо ему коренными жителями. Всѣ вѣтви народной промышленности отсѣчены были его трудолюбію: мелочная торговля сдѣлалась единственнымъ его удѣломъ». Вслѣдъ затѣмъ комитетъ переходитъ къ изображенію положенія ихъ въ Польшѣ. «Евреи накопились наиболѣе въ тѣхъ государствахъ, въ коихъ было болѣе терпимости и свободы, какъ-то: въ Англіи, Голландіи, Германіи, Италіи, Турціи и особливо въ Польшѣ. Въ семъ послѣднемъ краю, гдѣ все почти купечество составлено изъ Евреевъ и гдѣ почти всѣ ремесла находятся въ рукахъ Евреевъ же, торговля и ремесла сдѣлались недостаточными для доставленія всѣмъ вообще Евреямъ прокормленія. Необходимость понудила пришельцевъ сихъ обратиться къ другимъ средствамъ. Помѣщики, воспользовавшись ихъ прибытіемъ, пригласили ихъ на свои земли и употребили орудіями хозяйственныхъ своихъ оборотовъ. Внутреннія безпокойства, частые военные раздоры, набѣги Татаръ и прочія тому подобныя происшествія были причиною, что Польскіе помѣщики не имѣли ни удобности, ни времени заняться устроеніемъ прочнаго хозяйства и принуждены были прибѣгнуть къ разнымъ легчайшимъ побочнымъ оборотамъ, какъ напримѣръ *къ винокуренію*, отдачѣ помѣстьевъ *на аренды* и проч. Хотя впослѣдствіи Польское хозяйство приведено было нѣсколько въ лучшее состояніе, однакоже, не смотря на то, винокуреніе и арендное управленіе остались главнѣйшими отраслями помѣщичьихъ доходовъ. Такимъ образомъ Евреи, сдѣлавшись необходимыми для помѣщиковъ, по собственному согласію ихъ занялись арендами въ большей части помѣстій и, бывъ во все время Польскаго правленія лишены права пріобрѣтать покупкою земли, нашлись принужденными изъ угожденія помѣщикамъ, на земляхъ коихъ они были поселены, предаться исключительно продажѣ вина».

Такъ «окоренился» злополучный народъ въ Польшѣ: торговля, ремесла, источники помѣщичьихъ доходовъ, съ землей и крестьянами на арендномъ правѣ, продажа вина, все было въ рукахъ его.

Въ такомъ положеніи Евреи перешли подъ власть Россіи. Приводя выписки изъ Чернышевскаго плаката 1772 года и сенатскаго указа 1786 г., комитетъ замѣчаетъ: «Сими привилегіями, свойственными правиламъ терпимости Россійскихъ монарховъ и положенію государства, Евреи пользовались до изданія «Положенія» 1804 года». 34-я статья «Положенія» нарушила эти старинныя привилегіи. «Цѣль правительства при установленіи *сей чрезвычайной мѣры* состояла, какъ кажется, главнѣйше въ отвращеніи крестьянъ отъ разоренія, которому причиною признано было чрезмѣрное употребленіе ими горячихъ напитковъ». Комитетъ старается доказать, что такою мѣрою нельзя достигнуть предположенной цѣли. «Крестьяне въ *Польскихъ*, равно какъ и въ Великороссійскихъ губерніяхъ, большею частію состоятъ во владѣніи помѣщиковъ. Продажа вина въ Польскихъ губерніяхъ есть привилегія, всемилостивѣйше утвержденная дворянству. При избыткѣ производимаго въ сихъ губерніяхъ хлѣба и при недостаткѣ путей къ выгодному сбыту произведеній, помѣщики находятся принужденными обращать хлѣбъ въ вино для полученія доходовъ сколько отъ продажи вина, столько и отъ прокормленія въ зимнее время бардою скота, необходимо нужнаго для удобренія тамошнихъ земель. Евреи, по собственному согласію помѣщиковъ живущіе въ ихъ помѣстьяхъ, бывъ до 1804 года лишены права пріобрѣтать покупкою земли въ собственность и ничѣмъ другимъ никогда не промышлявшіе, издревле замѣняли крестьянъ, которые упражнялись въ хлѣбопашествѣ. Помѣщики получали отъ того двоякую пользу: Евреи продавали вино и платили аренду, крестьяне упражнялись въ земледѣліи. Неоспоримо, что пресѣченіемъ сего промысла (когда бы Евреи имѣли возможность безъ онаго обойтись) можно было бы произвести въ семъ народѣ необходимость обратиться къ полезнѣйшимъ отраслямъ промышленности; но равномѣрно неоспоримо, что превращеніемъ земледѣльцевъ въ цѣловальниковъ нельзя уменьшить въ крестьянахъ склонности къ напиткамъ. Превращеніе сіе не принесло бы никакой выгоды ни помѣщику, ни крестьянину, ни государству. Напротивъ, оно уменьшило бы доходъ и помѣщика чрезъ лишеніе лучшихъ работниковъ, и государства чрезъ отнятіе нужныхъ рукъ отъ земледѣлія; а крестьянинъ, въ пользу котораго мѣра сія признается нужною, не только не поправился бы, но пришелъ (бы) въ вящшее оскудѣніе».

Комитетъ особенно настаиваетъ на это послѣднее обстоятельство, на «вящшее оскудѣніе» крестьянъ отъ удаленія Евреевъ изъ селъ и деревень. «Крестьянинъ, привыкшій издревле продавать Еврею произведенія свои на мѣстѣ и чрезъ то сберегавшій какъ рабочій скотъ, такъ и время, которое могло быть употребляемо или на домашнія подѣлки, или на произведеніе какихъ либо издѣлій, долженъ нынѣ ѣхать

въ городъ или мѣстечко, которое не лучше того же селенія, въ которомъ также живутъ Евреи, продавать свои произведенія Евреямъ же и пропить вырученныя деньги Евреямъ же или, лучше сказать, въ нѣсколько поѣздокъ въ городъ пропить все, что̀ пропивалъ цѣлый годъ въ своемъ селеніи: ибо въ статьѣ 40-й дозволяется Евреямъ заниматься винною продажею въ городахъ губернскихъ, уѣздныхъ и казенныхъ мѣстечкахъ и даже въ помѣщичьихъ по условіямъ съ помѣщиками. Крестьянинъ, равнымъ образомъ привыкшій доставать подъ руками всѣ домашнія необходимости, напримѣръ: косы, посуду, желѣзо, соль и проч. (ибо въ каждомъ селеніи у Еврея можно было найти все тоже, что̀ и въ мѣстечкѣ), долженъ нынѣ, при встрѣтившейся нуждѣ, иногда въ самую рабочую пору, ѣхать въ городъ покупать тоже у Евреевъ и пропивать деньги тоже Евреямъ».

Въ одномъ мѣстѣ своей записки Державинъ замѣтилъ, что, при недостаткѣ хлѣба въ Бѣлоруссіи, Евреи немало голодныхъ поселянъ снабжали кормомъ; впрочемъ—прибавляетъ онъ—всякъ знаетъ, что не безъ разсчета, ибо при снятіи жатвы данное имъ сторицею они возвратятъ». Чудовищное ростовщичество было одною изъ самыхъ обычныхъ формъ проявленія хищнической натуры Еврея. Въ той же Бѣлоруссіи и также въ неурожайномъ году, при Каховскомъ, крестьянинъ, бравшій у Еврея весною на рубль соли, осенью, при возвращеніи долга, уплачивалъ ему и проценты, состоявшіе въ двухъ четверикахъ овса или другаго хлѣба—всего на 70 копѣекъ, не считая подарковъ курами, яицами и проч. Комитетъ хорошо долженъ былъ знать про это обираніе крестьянъ и тѣмъ не менѣе считалъ Евреевъ чуть не благодѣтелями крестьянъ. «Крестьянинъ, въ случаѣ неурожая хлѣба, при недостаткѣ въ сѣменахъ или въ какомъ-нибудь другомъ несчастномъ случаѣ не находившій иногда во многихъ помѣстьяхъ пособія у помѣщика, прибѣгалъ къ пособію Еврея. Теперь (съ высылкою Евреевъ) крестьянинъ долженъ лишиться и сего пособія». Комитетъ умалчиваетъ, чего стоило крестьянину это пособіе, точно такъ, какъ выше, распространяясь объ удобствахъ, какія представляла крестьянину возможность *на мѣстѣ* продавать Еврею свои произведенія и покупать у него всѣ нужные въ хозяйственномъ обиходѣ предметы, не упомянулъ о томъ, что эта возможность была обусловлена контрактомъ помѣщика съ Евреемъ, въ силу котораго крестьянинъ не имѣлъ права ни продать, ни купить что-нибудь помимо арендатора, назначавшаго на все цѣны втрое дешевле и втрое дороже настоящихъ, смотря по тому, покупалъ онъ или продавалъ.

34-я статья «Положенія» запрещаетъ Евреямъ не только пребываніе въ селахъ и деревняхъ, но и содержаніе шинковъ и постоялыхъ дворовъ по большимъ дорогамъ. По мнѣнію комитета, это запрещеніе «лишило бы не только Евреевъ, но и христіанъ всѣхъ удобностей, необходимыхъ для проѣзжающихъ, и сверхъ того чрезвычайно ощути-

тельно было бы для торговыхъ оборотовъ, казенныхъ поставокъ и даже для самыхъ почтъ: ибо извѣстно, что никакая закупка, никакое отправленіе продуктовъ и даже никакой наемъ фурщиковъ въ *Польскихъ* губерніяхъ не могутъ совершаться безъ содѣйствія Евреевъ и что исправнѣйшія почты содержатся Евреями-корчмарями».

Наконецъ, въ пользу возстановленія нарушенныхъ привилегій «злополучнаго народа» комитетъ приводитъ еще слѣдующія соображенія. «Не входя въ изчисленіе *политическихъ причинъ*, каждому въ настоящемъ положеніи дѣлъ ощутительныхъ; не останавливаясь на раздробленіи послѣдствій, вредныхъ для общественнаго кредита отъ нарушенія правъ собственности и правъ личныхъ; не повторяя тѣхъ замѣшательствъ по контрактамъ и долгамъ, кои значатся въ представленіяхъ мѣстныхъ начальствъ—въ доказательство необходимости оставить Евреевъ въ селахъ и деревняхъ по прежнему, можно сослаться на отзывы богатѣйшихъ помѣщиковъ, напримѣръ князя Любомирскаго». Но мы знаемъ отзывъ князя Любомирскаго, который нисколько не скрывалъ, что стоитъ за Евреевъ изъ личныхъ интересовъ, простодушно выставляя на видъ, что если они будутъ высланы изъ его владѣній, то онъ понесетъ немалый убытокъ, потому что получаетъ съ нихъ за аренды «знатные доходы», которыми уплачиваетъ проценты въ банкъ. Ссылаясь на отзывъ кн. Любомирскаго, комитетъ однако умалчивалъ про отзывъ другихъ Бѣлорусскихъ помѣщиковъ, которые, признавая «корыстолюбивые промыслы» Евреевъ единственною причиною истощенія своихъ крестьянъ, не находили другаго средства избавить ихъ отъ этихъ промысловъ, кромѣ высылки изъ деревень и мѣстечекъ всѣхъ Евреевъ.

Но комитетъ думалъ не такъ. Онъ думалъ, что высылка Евреевъ приведетъ крестьянъ «въ вящшее оскудѣніе», для предупрежденія котораго нашелъ необходимымъ, согласно съ мнѣніемъ князя Куракина (отъ 23-го Декабря 1808 года), оставить Евреевъ попрежнему среди крестьянъ, впрочемъ, «съ извѣстными и положительными ограниченіями, подъ надзоромъ помѣщиковъ». Къ чему понадобились эти ограниченія, этотъ надзоръ относительно людей, которые своею дѣятельностію по корчмамъ приносили несомнѣнную пользу не однимъ крестьянамъ, но и помѣщикамъ и всему государству—комитетъ не объясняетъ. Тѣмъ не менѣе очевидно, что въ этой дѣятельности онъ признавалъ нѣкоторую дозу вреда по крайней мѣрѣ для крестьянъ; но зло это было-де такъ ничтожно, что вовсе не оправдывало той «чрезвычайной мѣры», которая принята была правительствомъ противъ Евреевъ.

Рескриптъ 5-го Января 1809 года указывалъ комитету на необходимость изысканія мѣръ, посредствомъ коихъ Евреи, бывъ удалены отъ единственнаго ихъ промысла—продажи вина по селамъ, дерев-

нямъ, постоялымъ дворамъ и шинкамъ, могли бы себѣ добывать пропитаніе работою. Но оставить Евреевъ на прежнихъ мѣстахъ жительства «безъ разрѣшенія продажи вина» комитетъ находилъ не только невозможнымъ, но и невыгоднымъ. Вотъ соображенія, на которыхъ онъ основывалъ свое мнѣніе. Классъ Евреевъ, существующій одною продажею вина и составленный изъ людей самыхъ бѣднѣйшихъ, съ пресѣченіемъ этого промысла долженъ или пасть на содержаніе казны, или, не имѣя ни жилища, ни пропитанія, перемереть съ голоду, или ввергнуться въ отчаяніе, могущее произвести послѣдствія, вредныя для общественнаго спокойствія. Это самый безобидный классъ. Указываютъ на Бѣлорусскія губерніи, крестьяне которыхъ разорены, чуть не умираютъ съ голоду отъ «корыстолюбивыхъ промысловъ» этого безобиднаго класса; но «недостатокъ пропитанія въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ происходитъ не отъ пребыванія Евреевъ въ селахъ и деревняхъ. Состояніе христіанъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній, въ которыхъ также жительствуютъ Евреи и гдѣ въ скирдахъ болѣе сгниваетъ хлѣба, нежели родится въ Бѣлоруссіи, ясно доказываетъ, что недостатокъ пропитанія въ семъ послѣднемъ краѣ происходитъ не отъ продажи вина Евреями, но отъ худаго удобренія земель и отъ недостатка вообще хорошей системы хозяйства». Удаленіемъ Евреевъ отъ единственнаго промысла, обезпечивающаго ихъ существованіе, думаютъ отвратить крестьянъ отъ разоренія, къ которому ведетъ пьянство? Но Евреи тутъ рѣшительно ни при чемъ. «Доколѣ у Бѣлорусскихъ и Польскихъ помѣщиковъ будетъ существовать теперешняя система экономіи, основанная на продажѣ вина; доколѣ помѣщики не перестанутъ, такъ сказать, *покровительствовать пьянству*—дотолѣ зло сіе, возрастая годъ отъ году, никакими усиліями не истребится, и послѣдствія будутъ все тѣже, кто бы ни былъ приставленъ къ продажѣ вина, Еврей или христіанинъ: въ доказательство ближе всего можно представить С.-Петербургскую губернію, не говоря ни о Лифляндіи, ни о Эстляндіи. Коль же скоро со стороны правительства примутся надлежащія мѣры къ ограниченію сборовъ, происходящихъ отъ продажи вина, тогда, съ уменьшеніемъ выгодъ по сей части, и упражняющіеся въ винной продажѣ обратятся сами собою къ другимъ занятіямъ—ремесламъ, мануфактурамъ, а можетъ быть со временемъ къ земледѣлію и скотоводству, особливо когда будутъ сами въ состояніи пользоваться всемилостивѣйше дарованнымъ правомъ покупкою пріобрѣтать земли въ собственность». Такимъ образомъ устраненіе Евреевъ отъ продажи вина не улучшитъ положеніе крестьянъ. Вмѣсто 60 тысячъ Еврейскихъ семействъ придется оторвать отъ плуга по крайней мѣрѣ такое же число христіанскихъ семействъ, которыя со всѣмъ тѣмъ не замѣнятъ Евреевъ; между тѣмъ какъ, съ другой стороны, Евреи никогда не замѣнятъ крестьянъ, отъ хлѣбопашества от-

лученныхъ. «Потеря сія тѣмъ будетъ чувствительнѣе для государства, что владѣльцы для удержанія и обезпеченія своихъ интересовъ должны будутъ опредѣлить къ винной продажѣ самыхъ лучшихъ людей и хозяевъ... Помѣщики, ищущіе прибытковъ въ продажѣ вина, не перестанутъ искать ихъ и въ то время, когда на мѣсто Евреевъ будутъ имъ услуживать въ томъ христіане, которые, заступивъ мѣсто Евреевъ, найдутся принужденными поступать такъ же, какъ и Евреи». Впрочемъ—замѣчаетъ при этомъ комитетъ—извѣстно, что Евреи никогда продажею вина не обогащались, а извлекали одно только пропитаніе и удовлетвореніе лежащихъ на нихъ повинностей. Комитетъ не знаетъ или, лучше сказать, не хочетъ знать извѣстнаго и Каховскому, и Державину самаго вопіющаго обиранія крестьянъ Евреями, засвидѣтельствованнаго самими помѣщиками, употреблявшими ихъ орудіями своихъ хозяйственныхъ оборотовъ. Если Евреи, которыхъ помѣщики пригласили на свои земли для винной продажи, составляющей главнѣйшій предметъ ихъ доходовъ, будутъ устранены отъ нея, что̀ станется тогда съ этими бѣдными людьми? «Помѣщики, терпѣвшіе Евреевъ въ своихъ селеніяхъ, не видя болѣе отъ нихъ никакой выгоды, не пожелаютъ болѣе держать ихъ себѣ въ отягощеніе, отъ чего легко могутъ возродиться *гоненія*, которыхъ слѣды, благодаря человѣколюбію и терпимости Россійскихъ государей, начинали было изглаживаться изъ памяти».

Таковы причины, по которымъ комитетъ считалъ не только невозможнымъ, но и невыгоднымъ оставить Евреевъ среди крестьянъ безъ разрѣшенія продажи вина. Въ доказательство того, что недостатокъ пропитанія въ Бѣлоруссіи (комитетъ, очевидно, имѣлъ въ виду мнѣніе Державина) происходитъ не отъ продажи вина Евреями, а отъ худаго удобренія полей и дурной системы хозяйства, комитетъ ссылался на состояніе крестьянъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній, гдѣ Евреи также занимались этимъ промысломъ и гдѣ крестьяне не терпѣли ни малѣйшаго недостатка въ хлѣбѣ. На сколько пребываніе Евреевъ въ этихъ богатыхъ естественными произведеніями губерніяхъ, «гдѣ въ скирдахъ болѣе сгнивало хлѣба, нежели родилось въ Бѣлоруссіи», содѣйствовало ихъ процвѣтанію—комитетъ не объясняетъ. Но что обиліе хлѣба въ краѣ, гдѣ живутъ Евреи, еще не обезпечиваетъ его отъ оскудѣнія, видно изъ современнаго состоянія одной изъ названныхъ комитетомъ губерній, именно Волынской, которая, по свидѣтельству Польскаго публициста Еленскаго, представляетъ въ настоящее время страну наиболѣе истощенную и разоренную Евреями *).

---

*) Обстоятельныя свѣдѣнія о брошюрѣ Я. Еленскаго, вышедшей въ Варшавѣ въ 1878 году третьимъ изданіемъ, подъ заглавіемъ „Żydzi, Niemcy i my“, можно найти въ статьѣ г. Лашанскаго, „Евреи и Нѣмцы въ Привислянскомъ краѣ“, напечатанной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1879 г., № 3, стр. 371—421.

Гдѣ завелась саранча, тамъ рано или поздно она истребитъ на поляхъ всѣ всходы, будь они богатые или бѣдные: что̀ уцѣлѣло отъ нея сегодня, она пріѣстъ завтра. Доказывая, что недостатокъ пропитанія въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ происходитъ не отъ продажи вина Евреями, а отъ другихъ причинъ, комитетъ, не смотря на все пристрастіе свое къ Евреямъ, не могъ однако отвергнуть существованія того зла, на которое указывалъ Державинъ. Правда, комитетъ не говоритъ, что Евреи, сидящіе по корчмамъ, спаиваютъ и обираютъ крестьянъ: онъ говоритъ только, что во всѣхъ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ господствуетъ дурная система экономіи, основанная на продажѣ вина, что помѣщики въ личныхъ интересахъ покровительствуютъ пьянству и что Евреи, изъ угожденія помѣщикамъ предавшіеся продажѣ вина, составляютъ не болѣе, какъ орудія ихъ хозяйственныхъ оборотовъ, и сами отъ продажи вина никогда не обогащались. Тѣмъ не менѣе комитетъ находилъ нужнымъ подвергнуть ихъ извѣстнымъ и положительнымъ ограниченіямъ подъ надзоромъ помѣщиковъ и такимъ образомъ признавалъ, что продажей вина они извлекаютъ изъ крестьянъ не одно только пропитаніе, не одно только удовлетвореніе лежащихъ на нихъ повинностей. Любопытно, что наблюденіе за тѣмъ, чтобы Евреи не преступали этихъ ограниченій въ продажѣ вина, комитетъ возлагаетъ на помѣщиковъ, на людей, которые, по его же словамъ, сами покровительствовали пьянству, составлявшему источникъ ихъ «прибытковъ». Въ этомъ наблюденіи помѣщиковъ за Евреями было столько же смысла, сколько и въ томъ, которое, въ силу сенатскаго указа 1786 года, помѣщики должны были имѣть за крестьянами, чтобы тѣ отъ производимаго Евреями винокуренія «не вдавались въ распутную жизнь, не истощали своего имущества и не удалялись отъ работъ».

Комитетъ думалъ, что съ извѣстными и положительными ограниченіями, подъ надзоромъ помѣщиковъ, Евреи могутъ быть терпимы среди крестьянъ, при чемъ предполагалось, что они будутъ извлекать изъ своего промысла одно только пропитаніе, одно только удовлетвореніе лежащихъ на нихъ повинностей. Но если бы предложенная мѣра и отвѣчала имѣвшейся въ виду цѣли, и Евреи дѣйствительно сократили свои обороты, то и въ такомъ случаѣ крестьянамъ «Польскихъ» губерній, кое-какъ влачившимъ свое жалкое существованіе, нелегко было бы удѣлять средства для жизни 60 тысячамъ семействъ присосавшихся къ нимъ паразитовъ. Комитетъ хорошо зналъ, что продажа вина не принадлежитъ къ числу особенно полезныхъ промысловъ и что удаленіемъ отъ нея Евреевъ можно было бы обратить ихъ къ другимъ полезнѣйшимъ отраслямъ промышленности; но—разсуждалъ

комитетъ—они не имѣютъ возможности обойтись безъ этого промысла, который, не требуя никакого труда съ ихъ стороны, вполнѣ обезпечиваетъ ихъ существованіе: къ чему же выводить ихъ изъ корчемъ? Пусть—ядовито замѣчаетъ комитетъ—правительство приметъ мѣры къ ограниченію сборовъ, происходящихъ отъ продажи вина, и тогда, съ уменьшеніемъ выгодъ по этой части, Евреи сами собою обратятся къ другимъ занятіямъ—ремесламъ, мануфактурамъ, а со временемъ, можетъ быть, и къ земледѣлію и скотоводству, особенно когда въ состояніи будутъ пользоваться правомъ пріобрѣтать покупкою земли въ собственность. Понятно, почему Евреи не имѣли возможности обойтись безъ продажи вина: въ этомъ промыслѣ они находили для себя такія выгоды, какихъ не представляли имъ другія, полезнѣйшія отрасли промышленности.

Комитетъ придаетъ большое значеніе тому, что во все время Польскаго правленія Евреи лишены были права пріобрѣтать покупкою земли въ собственность: этимъ обстоятельствомъ онъ объясняетъ необходимость, въ какую они были поставлены, «изъ угожденія» помѣщикамъ, пригласившимъ ихъ на свои земли, предаться исключительно продажѣ вина. Но въ Россіи право пріобрѣтать покупкою земли въ собственность было даровано имъ еще въ 1804 году; почему же они не воспользовались этимъ правомъ, чтобы, бросивъ свой «единственный промыселъ», которымъ они *принуждены* были заняться «изъ угожденія» помѣщикамъ, предаться хлѣбопашеству «изъ угожденія» правительству, тѣмъ болѣе что послѣднее, не ожидая, пока они будутъ въ состояніи сами пріобрѣтать покупкою земли въ собственность, отводило имъ таковыя даромъ въ плодороднѣйшихъ южныхъ губерніяхъ? Почему они не хотѣли переселяться на эти земли? Потому же, почему всячески отбивались и отъ переселенія въ города и мѣстечки. Глупъ тотъ, кто берется за тяжелый трудъ—непрестанно звучало въ ушахъ Евреевъ изреченіе древняго мудреца ихъ [1]. Они не хотѣли быть глупѣе предковъ и остались въ своихъ теплыхъ гнѣздахъ по корчмамъ собирать плоды съ воздѣланныхъ крестьянами полей—трудъ, легче котораго едва ли могъ бы что-нибудь придумать и авторъ *Когелета* [2].

---

[1] Экклезіастъ, гл. X, ст. 15. Мы передали это мѣсто по переводу Ренана: Bien sôt qui prend sur lui le travail fatiguant et n'a pas l'idée de venir à la ville". (L'Ecclésiaste traduit de l'hébreu avec une étude sur l'âge et le caractère du livre, par Ernest Renan. Deuxième édition. Paris. 1882. Стр. 139).

[2] *Cohélet* (по Греческому произношенію Ηωελέθ) есть Еврейское названіе книги Экклезіаста (Ἐκκλησιαστής), или «Проповѣдника».

Евреевъ никакъ нельзя было выжить изъ корчемъ, и комитетъ находилъ, что ихъ и не слѣдуетъ выживать оттуда. Когда-нибудь, съ уменьшеніемъ выгодъ по тому промыслу, въ которомъ они издавна упражняются, сами собою обратятся они къ другимъ полезнѣйшимъ занятіямъ. Но если Евреи могутъ снискивать себѣ пропитаніе болѣе производительнымъ трудомъ, чѣмъ продажа вина, то почему бы выводомъ изъ корчемъ не поставить ихъ въ необходимость обратиться къ такимъ занятіямъ теперь же, не ожидая того времени, когда правительство въ состояніи будетъ принять мѣры къ ограниченію питейныхъ сборовъ? Какъ бы предвидя возможность подобнаго неблагопріятнаго для Евреевъ оборота дѣла, комитетъ, указывая на причины затрудненій и препятствій, съ которыми сопряжено дѣло переселенія, не преминулъ между прочимъ сослаться на «закоренѣлую неспособность Еврейскаго народа къ хлѣбопашеству». «Для пріобученія новаго только поколѣнія къ сему роду хозяйства нужно было бы употребить нѣсколько лѣтъ и назначить для сего, на подобіе колонистовъ, множество особыхъ конторъ или коммиссій. Ремесло земледѣльца требуетъ, какъ и всякое другое ремесло, силъ и опытности». Точно также и невозможно и невыгодно было бы обратить Евреевъ къ купеческому и ремесленному промыслу, производимому въ городахъ и мѣстечкахъ: во-первыхъ, «города и мѣстечки не въ состояніи ни помѣстить всѣхъ Евреевъ, ни доставить имъ упражненія и пропитанія», и во-вторыхъ, отъ умноженія числа купцовъ и ремесленниковъ въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, въ коихъ и теперь находится число превосходящее истинную потребность, и отъ наполненія городовъ народомъ нищимъ, *ни къ какимъ ремесламъ не привыкшимъ*, должны понести потерю настоящіе купцы и ремесленники... Впрочемъ, все купечество и всѣ ремесла въ Польскихъ губерніяхъ большею частію и безъ того наполнены Евреями, а затѣмъ къ винной продажѣ обращается одинъ только ихъ избытокъ».

Что касается до обращенія Евреевъ преимущественно къ фабричной дѣятельности, то комитетъ признавалъ его однимъ только обманчивымъ средствомъ, особливо когда фабрикъ не существуетъ ни у помѣщиковъ, ни у казны, когда Евреи не имѣютъ еще сами ни капиталовъ для заведенія фабрикъ, ни *желанія* и *выгоды* быть фабрикантами. «Если бы казна захотѣла употребить на заведеніе фабрикъ нѣсколько милліоновъ, то и тогда государство не получило бы отъ того никакой пользы: ибо фабрики учреждаются сами собою, постепенно и по мѣрѣ надобности, и капиталы, употребляемые на насильственное устроеніе сего рода заведеній, суть капиталы, брошенные въ воду. Да и возможно ли столь многолюдный классъ народа осудить въ фабрич-

ные противъ собственнной его воли и безъ всякой вины *) за то только, что онъ до изданія запрещенія упражнялся въ продажѣ вина, которая до того дозволена была не только обычаями того края, но и самыми законами? Такое осужденіе несогласно съ самымъ «Положеніемъ», коего между прочимъ въ статьѣ 42-ой именно подтверждается, что всѣ Евреи, въ Россіи обитающіе, суть свободны и состоятъ подъ точнымъ покровительствомъ законовъ наравнѣ со всѣми другими Российскими подданными».

Изъ всего этого разсужденія комитета слѣдуетъ, что Евреи долго еще не въ состояніи будутъ обратиться ни къ какому производительному труду и доставлять себѣ пропитаніе работою. «Опыты всѣхъ сихъ лѣтъ доказали, что, при всѣхъ благотворныхъ попеченіяхъ правительства и при всѣхъ поощреніяхъ, изложенныхъ въ «Положеніи» 1804 года Декабря 9-го дня, съ одной стороны, бѣдность Евреевъ, а съ другой—недостатокъ средствъ у самого правительства воспрепятствовали Еврейскому народу воспользоваться правомъ дѣлать пріобрѣтенія въ земледѣліи, въ фабрикахъ и ремеслахъ, и цѣлый народъ не только остался въ томъ же бѣдномъ состояніи, въ которомъ и былъ, но подвергся вящшему разоренію отъ насильственнаго принужденія оставить и тотъ промыселъ, которымъ онъ снискивалъ пропитаніе въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ».

Комитетъ очевидно преувеличивалъ. Никакому разоренію «цѣлый народъ» не подвергался. Благодаря постояннымъ, одна за другою предупредительно слѣдовавшимъ отсрочкамъ въ переселеніи Евреевъ, они преспокойно оставались въ корчмахъ, не переставая упражняться въ своемъ излюбленномъ промыслѣ. Если бы графъ Санти, изъ сострадания къ крестьянамъ, не высылалъ Евреевъ съ ихъ промысломъ изъ Бѣлорусскихъ деревень графа Воронцова, то они продолжали бы разорять здѣсь крестьянъ такъ же, какъ и въ другихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Только въ казенныхъ селеніяхъ, по какому-то недоразумѣнію со стороны мѣстныхъ властей, они одно время были устранены отъ продажи вина, и хотя «права» ихъ здѣсь были скоро возстановлены, тѣмъ не менѣе они подняли страшный крикъ о разореніи «цѣлаго народа». «Повѣренные всѣхъ Еврейскихъ обществъ, съ большею или меньшею силою въ выраженіяхъ описывая крайне стѣсненное положеніе и совершенное разореніе цѣлаго Еврейскаго народа сколько отъ долговременнаго неустроенія его участи, столько *отъ нарушенія его правъ* и особенно отъ произвольнаго растолкованія высочайшаго указа 1808 года 29-го Декабря, разрѣшающаго продажу вина въ помѣщичьихъ селахъ и деревняхъ, просятъ о поспѣшнѣйшемъ подтвержденіи силы сего указа, и, приведя въ подкрѣпленіе своихъ исканій высочайшее повелѣніе, коимъ Евреи допущены уже въ казенныхъ се-

*) Комитетъ очевидно имѣетъ здѣсь въ виду мнѣніе кн. Куракина, отъ котораго впрочемъ самъ онъ вскорѣ отказался (См. его докладъ 30-го Іюня и записку 23-го Декабря 1808 года).

леніяхъ къ торгамъ на винные откупа, а посему и (къ) продажѣ вина, они заключаютъ, что безъ сего дозволенія бѣднѣйшая часть Еврейскихъ семействъ, лишась *единственнаго способа къ существованію*, должны будутъ или сдѣлаться бродягами или совершенно погибнуть».

Вполнѣ раздѣляя мнѣніе повѣренныхъ, или факторовъ, о совершенномъ разореніи цѣлаго Еврейскаго народа отъ запрещенія корчмарямъ упражняться въ томъ промыслѣ, которымъ они снискивали себѣ пропитаніе въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, и «особенно опасаясь, чтобы вящшимъ продолженіемъ насильственныхъ мѣръ *въ настоящихъ политическихъ обстоятельствахъ* не ожесточить сей уже до крайности стѣсненный народъ», комитетъ признавалъ необходимымъ «вмѣсто непрерывныхъ отсрочекъ, коимъ конца предвидѣть не можно, и кои, кромѣ колеблемости правилъ и совершенной невозможности исполненія, ничего болѣе не обнаруживаютъ, рѣшительнымъ образомъ пресѣчь существующія нынѣ замѣшательства оставленіемъ Евреевъ на прежнихъ жилищахъ *) и дозволеніемъ промысловъ, статьей 34-ою остановленныхъ».

Требуя упраздненія ненавистной Евреямъ статьи, комитетъ, для произведенія должнаго въ этомъ смыслѣ впечатлѣнія на правительство, указывалъ на политическія обстоятельства, на приближавшуюся грозу Французскаго нашествія. Но чего же боялся комитетъ? Того ли, что доведенные до «ожесточенія» устраненіемъ отъ продажи вина корчмари бросятся къ Наполеону и въ рядахъ его легіоновъ пойдутъ на Россію, или того, что займутся при его арміи другимъ промысломъ—шпіонствомъ, для предупрежденія котораго Кабинетъ Анны Іоанновны въ 1739 году отложилъ, до окончанія Турецкой войны, высылку за рубежъ пробравшихся въ Малороссію ихъ предковъ? Комитетъ не даетъ на этотъ счетъ никакихъ опредѣленныхъ объясненій. Онъ хочетъ сказать только, что въ настоящемъ трудномъ положеніи Россіи, когда врагъ стоитъ на ея границахъ, единственное средство удержать въ вѣрности правительству Еврейскій народъ—это не ожесточать корчмарей, не стѣснять ихъ обычныхъ промысловъ: пусть упражняются въ обираніи крестьянъ попрежнему!

XXXV.

Вторая половина доклада посвящена разбору мнѣній кагальныхъ депутатовъ «о поправленіи участи» Еврейскаго народа измѣненіемъ другихъ статей «Положенія», которыя, вмѣстѣ съ злосчастною 34-ю статьею, не вполнѣ соотвѣтствовали той справедливости, той великой

*) Два года тому назадъ одинъ изъ подписавшихъ этотъ докладъ членовъ комитета, Козодавлевъ, публично заявлялъ, что для жительства Евреевъ назначены преимущественно города, а не села и деревни, „*гдѣ они не столько могутъ быть полезны*“.

милости, которая съ изданіемъ этого законодательнаго акта «рѣкою потекла» на сыновъ Израиля. Чего же еще недоставало для ихъ благополучія въ Россіи? Они просили: 1) чтобы правительство учредило для нихъ особыя Еврейскія школы, гдѣ бы дѣти ихъ, до вступленія въ народныя училища, обучались какъ Еврейскому языку, такъ и догматамъ вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ получали бы предварительныя наставленія въ Русскомъ языкѣ; 2) чтобы имъ дозволено было во всѣхъ публичныхъ актахъ, обязательствахъ, векселяхъ и всякаго рода сдѣлкахъ, а равно и въ бухгалтерскихъ книгахъ, вмѣсто языка Русскаго, Польскаго или Нѣмецкаго, попрежнему употреблять Еврейскій, такъ какъ иначе можетъ разстроиться ихъ торговля, особенно заграничная, по которой всѣ сдѣлки и корреспонденція ведутся на этомъ языкѣ; 3) чтобы отсрочено было исполненіе по тѣмъ статьямъ (9-й и 10-й), которыми требовалось отъ лицъ, избираемыхъ въ члены магистрата и въ званіе кагальныхъ и раввиновъ, умѣнье читать и писать на одномъ изъ трехъ названныхъ языковъ; 4) чтобы имъ дано было право отлучаться изъ мѣстъ постоянной осѣдлости во внутреннія губерніи и въ столицы на общемъ для всѣхъ подданныхъ имперіи основаніи—по паспортамъ отъ магистратовъ, такъ какъ полученіе паспортовъ отъ губернаторовъ они находили для себя чрезвычайно стѣснительнымъ; 5) чтобы имъ разрѣшено было, въ случаѣ выбора въ члены магистрата и во время пребыванія во внутреннихъ губерніяхъ и столицахъ, ходить въ Русскомъ платьѣ, по примѣру Русскихъ купцовъ, такъ какъ они, по закону своему, бородъ не брѣютъ», а въ Нѣмецкомъ платьѣ, съ небритыми бородами, они вящше могутъ послужить предметомъ поруганія и насмѣшекъ»; 6) чтобы кагалы были освобождены отъ подачи отчетовъ въ употребленіи общественныхъ суммъ помѣщикамъ, въ мѣстечкахъ которыхъ живутъ Евреи и которымъ «они ничѣмъ не обязаны кромѣ исправнаго платежа того, что̀ постановлено въ ихъ контрактахъ»; 7) чтобы отмѣнено было «чрезвычайно-стѣснительное для гражданской свободы» Евреевъ постановленіе, въ силу котораго они обязаны при переходѣ отъ помѣщиковъ на земляхъ которыхъ живутъ, представлять отъ нихъ въ земскомъ судѣ свидѣтельства объ исполненіи всѣхъ принятыхъ на себя обязательствъ, и наконецъ 8) чтобы оставлена была раввинамъ самою «религіею данная имъ власть» судить «преступниковъ духовныхъ законовъ» и чинить надлежащее по этимъ законамъ взысканіе.

Не зная еще, какъ рѣшится вопросъ о 34-й статьѣ «Положенія», нѣкоторые депутаты просили о взысканіи долговъ, сдѣланныхъ крестьянами до изданія этого «Положенія» и о дозволеніи Евреямъ остаться въ селахъ и деревняхъ до окончанія срока ихъ контрактамъ.

Таковы были *pia desideria* Евреевъ относительно поправленія ихъ участи въ Россіи.

Какъ же отнесся комитетъ къ этимъ требованіямъ Евреевъ?

Раздѣляя мысль «Положенія» о важности въ дѣлѣ образованія Евреевъ, усвоенія ими «общаго языка», комитетъ находилъ, что всѣ статьи «Положенія» о просвѣщеніи «совершенно соотвѣтствуютъ главной цѣли, состоящей въ усовершеніи политическаго состоянія Евреевъ, между прочимъ, чрезъ пріобщеніе ихъ посредствомъ языка паки къ тому обществу, отъ котораго они столь долгое время отсѣчены были прегражденіемъ всѣхъ способовъ къ полученію одинаковаго со всѣми воспитанія», и потому не только не освободилъ ихъ отъ обязанности знать и употреблять «общій языкъ» въ указанныхъ статьями 7-ю, 8-ю и 9-ю случаяхъ, но и отказалъ имъ въ просьбѣ о заведеніи особыхъ школъ, гдѣ бы дѣти ихъ обучались какъ Еврейскому языку, такъ и догматамъ вѣры, и получали бы предварительныя наставленія въ Русскомъ языкѣ, хотя само «Положеніе» обѣщало учредить для нихъ такія школы въ томъ случаѣ, если они не пожелаютъ отдавать своихъ дѣтей въ общія народныя училища. Въ мѣрѣ правительства, открывавшаго Евреямъ «всѣ способы къ полученію одинаковаго со всѣми воспитанія» комитетъ не находилъ «ничего стѣснительнаго для гражданской свободы Евреевъ». Она не только не отвлечетъ ихъ отъ изученія догматовъ вѣры, но и внушитъ къ нимъ должное уваженіе. Она «ничто другое есть, какъ только дозволеніе Евреямъ участвовать въ этой милости, общей всѣмъ Россійскимъ подданнымъ». Видно, что Евреи не чувствовали особеннаго расположенія участвовать въ этой милости; за то выражали сильное желаніе пользоваться, сколь можно безпрепятственнѣе, другою полученною милостію — правомъ «отлучаться» изъ своихъ городовъ въ разныя мѣста Имперіи «по дѣламъ коммерческимъ, для усовершенія въ художествахъ или для показанія особливаго искусства въ ремеслахъ и фабрикахъ». Но это право было нѣсколько ограничено «Положеніемъ»: отлучаться можно было не иначе, какъ по паспортамъ отъ губернаторовъ. Евреи никакъ не могли понять, на чтó имъ еще паспорты отъ губернаторовъ, когда они берутъ ихъ отъ магистратовъ; къ тому же «поѣздками въ губернскій городъ, иногда за триста и болѣе верстъ, отвлекаясь отъ своихъ упражненій, они подвергаются напраснымъ убыткамъ, не приносящимъ пользы ни казнѣ, ни обществу». Не смотря на убѣдительность этихъ доводовъ, комитетъ однако не согласился освободить Евреевъ отъ разорительныхъ поѣздокъ къ губернаторамъ за паспортами и такъ объяснялъ значеніе принятой правительствомъ мѣры: «Пріѣздъ и пребываніе Евреевъ во внутреннихъ Россійскихъ губер-

ніяхъ, особенно же въ столицахъ, всегда былъ ограничиваемъ, а водвореніе вовсе запрещалось. Предназначенная на тотъ же конецъ въ «Положеніи» 1804 года мѣра не причиняетъ Евреямъ какого-либо новаго стѣсненія; напротивъ, распространяетъ свободу ихъ открытымъ дозволеніемъ пріѣзжать повсюду на извѣстное время, съ соблюденіемъ только нѣкоторыхъ предосторожностей. Вліяніе губернаторовъ на выдачу паспортовъ признано было нужнымъ потому, что чрезъ злоупотребленіе магистратовъ *Еврейскіе бродяги* могли бы наводнить собою всю Имперію».

Евреи предпочитали свои школы общимъ, народнымъ, свой жаргонъ «общему языку», и только, чтобы не быть «предметомъ поруганія и насмѣшекъ» въ тѣхъ Русскихъ губерніяхъ, гдѣ имъ дозволено было имѣть постоянное и временное пребываніе отказывались отъ своего національнаго костюма, просили о дозволеніи носить Русское платье «по примѣру Русскихъ купцовъ». Комитетъ, разумѣется, ничего не могъ возразить противъ этой просьбы, тѣмъ болѣе что питалъ наивную увѣренность, что «посредствомъ дозволенія носить Русскую одежду гораздо скорѣе можно будетъ сблизить какъ понятія, такъ и пользы Евреевъ съ понятіями и пользами общими Русскими». Комитетъ считалъ также совершенно справедливымъ освободить кагалы отъ обязанности представлять свои финансовые отчеты во владѣльческихъ мѣстечкахъ помѣщикамъ и подчинить ихъ дѣйствію общаго закона, въ силу котораго «общественные, купеческіе и мѣщанскіе отчеты по всему государству принадлежатъ къ разсмотрѣнію губернаторовъ и повѣркѣ казенныхъ палатъ». Неудобства, сопряженныя съ полученіемъ паспортовъ отъ губернаторовъ, должны были нѣсколько сдерживать напоръ «Еврейскихъ бродягъ» на Востокъ, и комитетъ полагалъ нужнымъ оставить эту мѣру во всей ея силѣ тѣмъ болѣе, что «она нимало не стѣсняла переѣздовъ Евреевъ въ дозволенныхъ имъ границахъ»; но въ «Положеніи» была другая мѣра, которая сильно стѣсняла эти переѣзды требованіемъ предъявленія Евреями въ земскій судъ свидѣтельствъ отъ помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ они жили, о неимѣніи препятствій къ переселенію. Такая зависимость отъ помѣщиковъ, по мнѣнію комитета, несовмѣстна съ признанною самимъ же «Положеніемъ» свободою Евреевъ. «Будучи записаны въ купечество либо въ мѣщанство, они пребываютъ на помѣщичьихъ земляхъ по паспортамъ отъ магистратовъ и слѣдовательно безъ дозволенія магистратовъ не только изъ одной губерніи въ другую, но даже изъ одного города въ другой, переселяться не могутъ. Относительно контрактовъ, заключаемыхъ съ помѣщиками, Евреи подлежатъ тѣмъ же законамъ, коимъ подлежатъ и всѣ прочіе подданные. Помѣщики ни въ какомъ случаѣ не могутъ потерпѣть убытка

отъ перехода Евреевъ, коль скоро Евреи находятся у нихъ по паспортамъ». Къ чему же обязывать Евреевъ брать свидѣтельства отъ помѣщиковъ? «Положеніе» требовало, чтобы по свидѣтельствамъ отъ помѣщиковъ и отъ кагаловъ земскій судъ выдавалъ переселяющимся паспорты до того мѣста, куда переселиться они желаютъ. Но предоставленіе земскимъ судамъ права выдавать таковые паспорты (свидѣтельства), сверхъ причиненія напрасныхъ проволочекъ Евреямъ, легко могло бы произвести большія замѣшательства какъ въ народоисчисленіи, такъ и въ государственныхъ счетахъ по казенной части. «Вслѣдствіе чего и сообразуясь съ общими на сей предметъ постановленіями», комитетъ признавалъ «приличнѣйшимъ и при переходѣ Евреевъ руководствоваться тѣми же законами, кои предписаны къ наблюденію казенныхъ палатъ относительно всѣхъ переселяющихся изъ одного мѣста въ другое».

Въ заботахъ о поправленіи своей участи Евреи не забыли и своего національнаго суда, который въ «Положеніи» прикрылся невинными названіями третейскаго и духовнаго. Обсуждая просьбу депутатовъ о поднятіи значенія мнимо-духовной власти раввиновъ, комитетъ говоритъ: «Положенія» 1804 года статьею 51-ою власть раввиновъ въ наказаніяхъ ограничена едиными увѣщаніями и выговорами; гражданскія дѣла судить раввинамъ воспрещено. Депутаты Еврейскихъ обществъ находятъ мѣру сію противною тому духовному уваженію, которое они по закону обязаны имѣть къ раввинамъ». Депутаты очевидно старались поддержать то заблужденіе, въ которомъ находилось «Положеніе», считавшее раввиновъ духовными лицами, въ родѣ христіанскихъ священниковъ. Но между первыми и послѣдними, какъ извѣстно, нѣтъ ничего общаго. Еврейское духовенство, установленное закономъ Моисея — это когены и левиты. «Въ настоящее время—говоритъ отличный знатокъ іудейства Брафманъ—когены и левиты, живущіе среди народа, состоятъ за штатомъ до ожидаемаго возстановленія храма въ Іерусалимѣ, съ судьбою котораго они неразрывно связаны. По закону Моисея, на обязанности Еврейскаго духовенства лежитъ исполненіе только тѣхъ священнодѣйствій, которыя относятся до храмовой службы; *исполненіе же всѣхъ обрядовъ и требъ*, до службы въ храмѣ не относящихся, *лежитъ всецѣло на обязанности каждаго Еврея-мірянина* въ отдѣльности, какъ средство къ его личному искупленію. Обрѣзаніе, бракосочетаніе, моленіе надъ чашею, очищеніе женщины, совершеніе общественныхъ и частныхъ молитвъ въ синагогахъ и всѣ прочіе нынѣ въ іудействѣ существующіе религіозные обряды были достояніемъ мірянъ еще во время существованія царства, храма и синедріона. Право на это духовное достояніе подтверждено за каждымъ Іудеемъ законами Моисея, Мишны, Талмуда и всѣми древними и новыми толкователями и комментаторами этихъ

законовъ. На этомъ основанiи каждый Еврей самолично исполняетъ тотъ или иной религiозный обрядъ, когда и гдѣ бы онъ съ нимъ ни встрѣтился, безъ всякаго замедленiя, ожиданiя, разрѣшенiя и проч.; постоянный контроль въ этомъ отношенiи немыслимъ, и малѣйшее посягательство на это исконное право Еврея вызываетъ самую крайнюю, упрямую и отчаянную реакцiю» *). Такимъ образомъ Еврейское духовенство не принимаетъ никакого участiя въ исполненiи религiозныхъ обрядовъ своего народа, а тѣмъ менѣе могутъ отправлять ихъ раввины, лица свѣтскiя. Ясно, что не о «духовномъ» уваженiи къ раввинамъ хлопотали депутаты, а объ авторитетѣ ихъ, какъ предсѣдателей беть-дина. Считая раввиновъ духовными лицами, «Положенiе» ограничивало власть ихъ въ наказанiяхъ одними увѣщанiями и выговорами, воспрещая имъ судить гражданскiя дѣла. «Представляя—говоритъ комитетъ—что лишенiе раввиновъ сей религiею данной имъ власти, ослабивъ узы совѣсти, можетъ въ скоромъ времени довести ихъ (Евреевъ) до крайняго развращенiя», депутаты просили «оставить, на основанiи древнихъ правилъ, раввинамъ полную власть сужденiя преступниковъ духовныхъ законовъ и чиненiя надлежащаго по духовнымъ законамъ взысканiя». Выписывая извѣстное намъ мѣсто доклада 1804 года, гдѣ говорилось, что правительство, охраняя спокойствiе совѣсти Евреевъ, не дѣлая ни малѣйшаго прикосновенiя къ ихъ религiи, щадя самые ихъ предразсудки, искало только удостовѣрить и обезпечить состоянiе ихъ законною промышленностiю, комитетъ замѣчаетъ: «Соотвѣтственно разуму сихъ началъ, не слѣдовало бы вовсе касаться до обрядовъ религiи, малѣйшее неосторожное прикосновенiе къ которой потрясаетъ основанiя нравственности, на коихъ утверждается вѣрность къ государю и повиновенiе къ правительству. Еврейскiя духовныя преступленiя и слѣдующiя за ними наказанiя совершенно различны отъ преступленiй и наказанiй всѣхъ прочихъ народовъ. Всякое дѣянiе Еврея подчинено какому-либо законному обряду религiи, упущенiе котораго почитается дѣйствительнымъ грѣхомъ. Сохраненiе сихъ обрядовъ «Положенiе» 1804 года предоставляетъ, на основанiи Еврейской религiи, раввинамъ; по сему равнымъ образомъ нельзя не предоставить (имъ) и всѣхъ тѣхъ средствъ, кои споспѣшествовать могутъ къ обузданiю Евреевъ, кои никакихъ другихъ духовныхъ властей, напр., консисторiй, коллегiй, синодовъ и проч., не имѣютъ».

Вслѣдствiе этого комитетъ признавалъ необходимымъ «исключить изъ 51-ой статьи всѣ тѣ выраженiя, которыя могли подвергнуть духовную власть раввиновъ ослабленiю, и именно означить только, что власть раввиновъ ограничивается соблюденiемъ обрядовъ и сужденiемъ споровъ, до религiи относящихся, при коихъ запрещается имъ налагать проклинанiя и изверженiя (херимъ)». Гражданскихъ дѣлъ коми-

*) Книга кагала, ч. I, стр. 237—238.

тетъ не рѣшился подчинить вѣдѣнію раввиновъ, отсылая Евреевъ по этимъ дѣламъ въ общія судебныя мѣста имперіи.

Въ заключеніе мы должны упомянуть еще о мнѣніи комитета по вопросу объ уравненіи Евреевъ въ платежѣ податей съ другими подданными Имперіи. Не зная еще, что вопросъ этотъ уже четыре года тому назадъ былъ разрѣшенъ правительствомъ въ смыслѣ благопріятномъ для Евреевъ, комитетъ и его подвергъ разсмотрѣнію, и хотя потомъ, вслѣдствіе полученныхъ изъ Министерства Финансовъ свѣдѣній оказалось, что оно было совершенно излишне, однако онъ не исключилъ изъ своего доклада высказаннаго имъ по этому предмету мнѣнія, вѣроятно потому, что въ немъ заключались болѣе общія соображенія, имѣвшія въ виду полное уравненіе Евреевъ въ правахъ съ прочими Русскими гражданами «одинакаго съ ними званія». Послѣ всѣхъ преимуществъ и ободреній, которыя разными статьями «Положенія» дарованы и обѣщаны Евреямъ въ томъ намѣреніи, чтобы предоставить имъ всѣ способы и нравственную необходимость выйти изъ унизительнаго состоянія, различіе ихъ отъ другихъ гражданъ единственно въ платежѣ податей было бы, по мнѣнію комитета, несогласно ни съ справедливостію, ни съ цѣлію задуманнаго преобразованія Евреевъ. «Опыты тѣхъ государствъ, гдѣ Евреи, бывъ освобождены отъ сего постыднаго различія, допущены были на ряду со всѣми подданными до соучастія въ общественномъ уваженіи и выгодахъ, доказываютъ, что Евреи, бывъ тронуты такою справедливостію, обратили всѣ свои силы къ споспѣшествованію пользамъ тѣхъ государствъ Нѣтъ сомнѣнія, чтобы и въ Россіи, гдѣ католикъ, лютеранинъ, кальвинистъ, магометанинъ и даже идолопоклонникъ, безъ различія въ вѣрѣ и мнѣніяхъ, разсматриваются всѣ какъ дѣти одного и того же семейства, пользуются одинакими правами, одинакою безопасностію и одинакимъ покровительствомъ законовъ, нѣтъ сомнѣнія, чтобы Евреи, бывъ сравнены во всѣхъ выгодахъ съ народами прочихъ исповѣданій, не убѣдились, что они такіе же подданные, какъ и другіе, не признали бы Россію истиннымъ своимъ отечествомъ, не устремились бы къ снисканію уваженія въ томъ обществѣ, отъ котораго они доселѣ удалялись, и не обратили бы свойственной имъ дѣятельности *къ пріобрѣтенію выгодъ* не только въ той торговлѣ, которая была имъ исключительно предоставлена, но и въ прочихъ отрасляхъ народной промышленности».

XXXVI.

Зналъ ли Державинъ о такомъ рѣшеніи Еврейскаго вопроса— неизвѣстно; но онъ былъ правъ, замѣтивъ въ своихъ Запискахъ, что по выбытіи его изъ министерства Евреи остались въ прежнемъ безпорядкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, правительству не удалось освободить крестьянъ изъ-подъ вѣковаго гнета Евреевъ, и предпринятая съ этою цѣлію

реформа, не принесши никакой пользы первымъ, привела только къ одному результату—«поправленію участи» послѣднихъ. Въ видахъ поднятія благосостоянія крестьянъ, первый комитетъ внесъ въ «Положеніе» статью, въ силу которой Евреи, къ назначенному сроку, должны были выселиться изъ уѣздовъ. Встрѣченныя при исполненіи этой мѣры разныя затрудненія и препятствія вызвали учрежденіе втораго комитета, который нашелъ нужнымъ продолжить срокъ еще на три года. Явились новыя затрудненія и препятствія, и дѣло опять было отложено впредъ «до окончательнаго соображенія» всѣхъ относящихся къ нему обстоятельствъ. Третій комитетъ, которому поручено было разсмотрѣніе этихъ обстоятельствъ, пришелъ къ заключенію, что отношенія Евреевъ къ крестьянамъ самыя нормальныя. Путь «непрерывныхъ отсрочекъ», на который выступило правительство въ дѣлѣ примѣненія мѣры, долженствовавшей прекратить въ чертѣ осѣдлости Евреевъ разныя злоупотребленія и безпорядки, происходившіе отъ нихъ во вредъ земледѣлію и промышленности кореннаго населенія, этотъ путь, при полномъ равнодушіи къ положенію крестьянъ въ высшихъ кругахъ и неустанныхъ проискахъ депутатовъ «до крайности стѣсненнаго» народа, не могъ привести ни къ чему иному, какъ только къ пріостановкѣ дѣйствія упомянутой мѣры «до дальнѣйшаго впредъ повелѣнія». Отсюда до отмѣны ея было уже не далеко, и третій комитетъ не пожалѣлъ труда, чтобы самымъ убѣдительнымъ образомъ доказать необходимость возстановленія правъ Евреевъ на обираніе крестьянъ, даже безъ тѣхъ ограниченій, на которыя кагалы добровольно согласились двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда Державинъ ѣздилъ въ Бѣлоруссію.

Евреи торжествовали. Правда, третій комитетъ не нашелъ возможнымъ удовлетворить всѣмъ ихъ желаніямъ. Такъ они не были освобождены отъ обязанности употреблять въ нѣкоторыхъ случаяхъ «общій языкъ»; бетъ-динъ не получилъ права суда и въ гражданскихъ дѣлахъ, доступъ во внутреннія губерніи и столицы не былъ облегченъ; но первыя два обстоятельства не могли имѣть особаго значенія въ глазахъ Евреевъ. Развѣ жаргонъ, которымъ они говорили, не тотъ же Нѣмецкій языкъ? *) Развѣ бетъ-динъ не существовалъ во всей полнотѣ

*) Каковъ этотъ Нѣмецкій языкъ—другой вопросъ. Впрочемъ, до конца среднихъ вѣковъ Нѣмецкій языкъ, которымъ говорили Евреи въ Германіи, ничѣмъ не отличался отъ языка того народа, среди котораго они жили. Переселяясь въ Польшу многочисленными массами, особенно съ XIV вѣка, они приносили съ собою и Нѣмецкій языкъ, который берегли «какъ палладіумъ, какъ священное воспоминаніе», по выраженію Греца. Но уже въ XVI вѣкѣ началось искаженіе этого языка, и мало-по-малу, въ теченіе послѣдующихъ двухъ вѣковъ, образовался тотъ жаргонъ, который нынѣ употребляется Евреями. По словамъ Цунца, это смѣсь словъ и выраженій Еврейскихъ, собственно Жидовскихъ, и устарѣлыхъ Нѣмецкихъ (R. Andree, Zur Volkskunde der Iuden, стр. 108).

своей юрисдикціи и безъ правительственной санкціи? Важнѣе было послѣднее обстоятельство: «на одинаковомъ со всѣми прочими основаніи» нельзя было отлучаться ни въ Москву, ни въ Петербургъ, ни въ другой Русскій городъ, лежащій внѣ черты постоянной осѣдлости Евреевъ. Но разсужденіе комитета по поводу существовавшаго (не болѣе впрочемъ десяти лѣтъ) «постыднаго различія» въ платежѣ податей, показывало, что недалеко уже то время, когда для «свойственной Евреямъ дѣятельности и проницательности» можетъ быть открыта и сѣверо-восточная граница имперіи: Россія должна послѣдовать примѣру западно-европейскихъ государствъ, даровать Евреямъ всѣ права Русскаго гражданства, безъ всякихъ ограниченій—таковъ смыслъ этого разсужденія, послѣднее слово комитета по Еврейскому вопросу.

Взглядъ комитета на этотъ вопросъ находится въ самой тѣсной генетической связи съ тѣми общими началами, которыя первый комитетъ принялъ въ руководство при выработкѣ «Положенія». Мы знаемъ, что не всѣ статьи послѣдняго соотвѣтствовали либеральному духу этихъ началъ. Строгое запрещеніе Евреямъ винной продажи и даже пребываніе среди крестьянъ стояло въ прямомъ противорѣчіи съ теоріей правительственнаго невмѣшательства. Но, отсрочивая приведеніе въ исполненіе этой мѣры на два и на три года, «Положеніе» указывало средство, которымъ можно было и впредъ парализовать ея дѣйствіе. Средство удалось какъ нельзя лучше, и третій комитетъ, слѣдуя началу— «сколь можно менѣе запрещенія, сколь можно болѣе свободы»— вычеркнулъ изъ «Положенія» стѣснительное для свободы Евреевъ запрещеніе, подобно упраздненному закону о двойныхъ податяхъ, свидѣтельствовавшее о «постыдномъ различіи» ихъ въ средѣ другихъ гражданъ Имперіи. Во всемъ этомъ дѣлѣ видно присутствіе одной руки, двигавшей его въ опредѣленномъ направленіи, путемъ, который долженъ былъ привести къ тому, чтобы въ самомъ существенномъ пунктѣ реформы оставить Евреевъ, согласно желанію ихъ, на «прежнемъ положеніи». Кто же такъ усердно служилъ интересамъ Евреевъ? Кто по справедливости былъ имъ «и прибѣжищемъ, и силой, и скорымъ помощникомъ» въ бѣдѣ, стряхнувшейся надъ ними по милости Державина и въ продолженіе десяти лѣтъ не дававшей имъ возможности спокойно пользоваться плодами крестьянскаго труда? Кто былъ вдохновителемъ комитета, между членами котораго не было уже ни Чарторыжскаго, ни Потоцкаго, въ его щекотливой работѣ надъ разрѣшеніемъ Еврейскаго вопроса въ смыслѣ далеко несогласномъ съ выраженною въ рескриптѣ 5-го Января 1809 года волей Государя? Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что этимъ лицомъ былъ Сперанскій.

Едва ли кто съ такою радостію могъ привѣтствовать возвышеніе Сперанскаго, какъ Евреи. 1-го Января 1810 года въ преобразованномъ Совѣтѣ ихъ благодѣтель получилъ званіе государственнаго секретаря. Какъ ни высоко было это званіе, оно далеко не соотвѣтствовало дѣйствительному значенію государева любимца. Сардинскій посланникъ при Русскомъ дворѣ, Жозефъ де-Местръ, въ письмѣ къ своему королю отъ 9-го Апрѣля 1812 года называлъ его «le grand et tout-puissant Spéransky, secrétaire général de l'empire et, dans le fait, premier ministre, peut-être même, ministre unique» [1]. Въ словахъ этихъ не было преувеличенія. По свидѣтельству барона Корфа, вліяніе Сперанскаго простиралось на всѣ части, на всѣ личности; онъ представлялъ «какъ бы зажигательную точку», въ которой стекались всѣ разрозненные лучи государственнаго управленія, и сами министры уступали силѣ государственнаго секретаря. Начало этого вліянія совпадаетъ съ неожиданнымъ оборотомъ, даннымъ Еврейскому дѣлу княземъ Куракинымъ въ 1808 году и поведшимъ къ образованію третьяго комитета. Само собою разумѣется, что рѣшеніе Еврейскаго вопроса было теперь въ рукахъ Сперанскаго, который не могъ не воспользоваться своимъ значеніемъ, чтобы спасти Еврейскій народъ отъ гибели, до которой чуть было не довели его нѣкоторыя статьи «Положенія», особенно статья о выводѣ корчмарей изъ среды крестьянъ. Пора было покончить съ этою статьею, входившею крайне непріятнымъ диссонансомъ въ «Положеніе», покончить разъ навсегда, безъ колебаній. Правда, она была внесена въ «Положеніе» самимъ Сперанскимъ; но то время давно уже прошло. Впечатлѣніе, произведенное запиской Державина, нѣсколько изгладилось. Да и самъ Сперанскій былъ теперь смѣлѣе. Прежняя робость, не мѣшавшая ему впрочемъ «водить за носъ» министровъ, смѣнилась гордой самоувѣренностію, заставлявшею его безпрестанно твердить: «Il faut trancher dans le vif, tailler en plein drap» [2]. Наступило время разрубить и завязанный Державинымъ узелъ Еврейскаго вопроса.

Всемогущій государственный секретарь принималъ слишкомъ живое [3]) участіе въ «злополучномъ» народѣ, чтобы рѣшеніе судьбы его

---

[1]) Великій и всемогущій Сперанскій, главный секретарь Имперіи и въ сущности первый министръ, можетъ быть даже, единственный министръ.

[2]) Надо рѣзать по живому, кроить изъ цѣльнаго сукна.

[3]) И небезкорыстное—прибавили бы его современники. Въ письмѣ графа Лористона къ герцогу Бассано изъ Петербурга отъ 13-го Апрѣля (н. ст.) 1812 года упоминается о томъ, что въ 1811 году графъ Гурьевъ въ полномъ собраніи Совѣта бросилъ въ лицо Сперанскому обвиненіе во взяточничествѣ (l'accusation de vénalité). Въ этомъ письмѣ читаемъ: „Магницкій слыветъ за человѣка умнаго; онъ держится тѣхъ же философскихъ мыслей, что и Сперанскій,

предоставить свободному обсужденію учрежденнаго для того комитета. Вотъ почему въ докладѣ этого комитета менѣе всего можно видѣть выраженіе его собственнаго мнѣнія: здѣсь было скорѣе развитіе темы, данной Сперанскимъ и, вѣроятно, имъ и обработанной въ окончательной формѣ. Письменная производительность его, какъ извѣстно, была изумительна, и, по свидѣтельству его біографа, онъ обыкновенно давалъ подчиненнымъ только «оболванить» дѣло, а потомъ уже къ ихъ произведенію «прикладывалъ свой рѣзецъ». Есть основаніе думать, что такой же пріемъ употребленъ былъ имъ и по отношенію къ упомянутому дѣлу, которое хотя и не принадлежало къ его канцеляріи, но не могло миновать его по своей важности. Человѣкъ, стоявшій «въ средоточіи дѣлъ», долженъ былъ все знать, чтобы все направлять ко благу государства, не забывая, разумѣется, при этомъ и собственной пользы, собственнаго «прибытка», того внутренняго начала, значеніе котораго въ жизни такъ краснорѣчиво объяснялъ онъ еще на зарѣ своего служебнаго поприща. У Сперанскаго были довѣренныя лица въ министерствахъ, чрезъ посредство которыхъ онъ не только находился въ руслѣ всѣхъ государственныхъ дѣлъ, но и могъ дѣйствовать на самый ходъ ихъ *). Такимъ лицомъ въ Еврейскомъ комитетѣ былъ дѣлопроизводитель его Петръ Сергѣевичъ Кайсаровъ, служившій когда-

---

но честность его столь же подозрительна, какъ и честность этого министра".—Н. М. Лонгиновъ, служившій секретаремъ при императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову отъ 13-го Сентября 1812 года, говоритъ, что Сперанскій „былъ извѣстный взяточникъ. Полагаютъ, что имѣніе его неисчетно, и кромѣ деревень онъ имѣетъ 11 каменныхъ домовъ здѣсь (въ Петербургѣ) и множество капиталовъ; но навѣрно никто того не знаетъ, и большая часть домовъ, говорятъ, куплена на имя Злобина, купца, коего сынъ ему своякъ и имъ по службѣ получилъ чины, мѣста и жалованье, кромѣ того, что отецъ по торговлѣ и процессамъ своимъ въ Сперанскомъ подпору и защиту, а въ спекуляціяхъ товарища имѣетъ". («Русскій Архивъ» 1882 г., кн. II, стр. 176 и 182).

*) Въ одномъ мѣстѣ своихъ Записокъ Державинъ разсказываетъ, что министерскія канцеляріи имѣли между собою пріятельскія связи, и такъ какъ большая часть производителей дѣлъ была изъ семинаристовъ, выбранныхъ и пристроенныхъ къ мѣстамъ черезъ Сперанскаго, то онъ всѣми ими, какъ скрытою, такъ сказать, машиною, двигалъ и руководствовалъ, такъ что какое у котораго министра, а особливо у Державина, было приготовлено къ докладу дѣло, онъ уже зналъ, и буде оно было изложено не по его мыслямъ или не по мыслямъ состоявшаго при Государѣ «тріумвирата», Государь былъ предваряемъ заблаговременно тайными побочными внушеніями противъ справедливости и истиннаго существа дѣла" (Сочиненія Державина, изд. Грота, т. VI, стр. 807). Когда „тріумвиратъ" распался, и мѣсто его при Государѣ занялъ Сперанскій, кругъ чиновниковъ, подъ рукой сообщавшихъ ему разныя свѣдѣнія изъ министерствъ, значительно долженъ былъ расшириться. По удаленіи Сперанскаго, нѣкорые изъ этихъ чиновниковъ жестоко поплатились за усердіе, съ какимъ удовлетворяли „не совсѣмъ скромному", по выраженію барона Корфа, любопытству государственнаго секретаря: совѣтникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Бекъ, выдававшій „по временамъ" расшифрованныя депеши, былъ заключенъ въ крѣпость, а экспедиторъ канцеляріи Жерве, бывшій посредникомъ въ доставленіи ихъ, былъ уволенъ отъ службы.

то подъ начальствомъ Трощинскаго въ канцеляріи Совѣта вмѣстѣ со Сперанскимъ и находившійся съ нимъ, по свидѣтельству барона Корфа, въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ [1]). Несомнѣнно, что онъ былъ и пристроенъ къ комитету Сперанскимъ, который черезъ него могъ успѣшнѣе дѣйствовать на его членовъ въ смыслѣ благопріятномъ для Евреевъ. Если бы члены комитета и устояли противъ подкупа, то имъ трудно было бы устоять противъ «силы» государственнаго секретаря. Много требовалось мужества отъ того изъ нихъ, кто рѣшился бы проводить въ комитетѣ непріятную Сперанскому мысль Державина о необходимости для спасенія крестьянъ отъ разоренія обратить Евреевъ отъ винной продажи къ производительному труду. Такого мужества не оказалось у Попова съ товарищами, и они подписали составленный Кайсаровымъ докладъ о возстановленіи старинныхъ «привиллегій» Евреевъ на спаиваніе крестьянъ. Впрочемъ, судя по особенностямъ слога, надо думать, что Кайсаровъ только «оболванилъ» этотъ докладъ, предоставивъ отдѣлку его художественному «рѣзцу» самого Сперанскаго. Государственный секретарь спѣшилъ окончаніемъ Еврейскаго дѣла до отъѣзда Государя въ Вильну. 17-го Марта 1812 года, въ Воскресенье, докладъ комитета былъ подписанъ. На другой день утромъ, разсказываетъ баронъ Корфъ, Кайсаровъ зашелъ къ Сперанскому по *какому-то дѣлу*. «Куда вы?» спросилъ сидѣвшій въ передней человѣкъ.—«Къ Михаилу Михаиловичу».—«Его уже здѣсь нѣтъ».—«Неужели же онъ такъ рано поѣхалъ къ Государю?»—«Поѣхалъ точно, да не къ Государю, а въ Сибирь [2]).

Легко догадаться, по какому дѣлу заходилъ Кайсаровъ къ Сперанскому...

XXXVII.

Сперанскій палъ, и записка комитета оставлена безъ послѣдствій. Борьба съ Евреями должна была опять возобновиться. Евреи никогда не отчаеваются въ побѣдѣ. Въ крайнемъ случаѣ они говорятъ: «Богъ пошлетъ нашему врагу горе, при которомъ онъ забудетъ про насъ». Но гроза 1812 года не вполнѣ оправдала ихъ ожиданія. Паденіе Сперанскаго какъ-бы развязало руки правительству. Такъ 23-го Мая 1812 года Сенатъ рѣшилъ старое дѣло объ отверженныхъ кагалами и подавшихъ о себѣ ревизскія сказки по одиночкѣ дряхлыхъ и увѣчныхъ

---

[1]) Онъ былъ впослѣдствіи директоромъ департамента податей и сборовъ и умеръ сенаторомъ. По всей вѣроятности, это былъ тотъ самый Кайсаровъ, который въ 1808 году, при отъѣздѣ миссъ Вильмонтъ изъ Россіи, задержалъ ее, по распоряженію правительства, въ Кронштадтѣ, чтобы конфисковать имѣвшіяся у нея Записки княгини Дашковой («Русскій Архивъ» 1880 г., кн. третья, стр. 176—181).

[2]) Корфъ, «Жизнь графа Сперанскаго, т. II, стр. 20.

Евреяхъ: всѣ они обложены были податьми наравнѣ съ прочими[1]). 13-го Декабря того же года въ общемъ собраніи Сената прочтенъ замѣчательный указъ: основываясь на конституціяхъ 1496 и 1775 годовъ и на собственныхъ (не дошедшихъ впрочемъ до насъ указахъ) 11-го Декабря 1800 и 15-го Іюля 1801 годовъ, вызванныхъ вѣроятно запиской Державина, Сенатъ строго подтверждалъ всѣмъ губернскимъ правленіямъ присоединеннаго отъ Польши края, «чтобы Евреи деревнями и помѣщичьими крестьянами ни подъ какимъ названіемъ и именованіемъ отнюдь не владѣли, не распоряжали и ни по какимъ случаямъ не были допускаемы ко владѣнію оными[2])». Наконецъ, къ тому же году относится еще одно стѣснившее «свободу» Евреевъ распоряженіе. Чтобы положить предѣлъ производившейся ими въ широкихъ размѣрахъ контрабандѣ, Императоръ принужденъ былъ утвердить представленіе Волынскаго гражданскаго губернатора о томъ, «чтобы Евреевъ, живущихъ въ помѣщичьихъ селеніяхъ, близъ границъ находящихся, равно въ селеніяхъ же и въ особенныхъ домахъ пограничныхъ повѣтовъ, удалить въ тѣ мѣстечки и кагалы, гдѣ они по ревизіи записаны»[3]).

Эти мѣры должны были тяжело отозваться на благосостояніи Евреевъ. Пошли ходатайства отъ кагаловъ. Объ одномъ изъ такихъ ходатайствъ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ Дмитріевъ, бывшій тогда министромъ юстиціи. Когда въ началѣ 1813 года, получивъ четырехмѣсячный отпускъ, онъ пріѣхалъ въ Москву, его уже ожидало тамъ пересланное отъ Болотникова отношеніе къ нему графа Аракчеева изъ-за границы. «Онъ препроводилъ ко мнѣ, пишетъ Дмитріевъ, прошеніе поданное къ Государю отъ одного общества Евреевъ, объявляя при томъ высочайшее повелѣніе, чтобъ я, по возвращеніи Императора, при первомъ моемъ докладѣ внесъ въ оный и оную бумагу»[4]).

Мы знаемъ, что города не совсѣмъ дружелюбно относились къ Евреямъ: одни хлопотали о высылкѣ ихъ, другіе требовали ограниченія ихъ правъ. Говорятъ, тутъ дѣйствовалъ эгоизмъ христіанскаго торговаго сословія, не выносившаго конкуренціи Евреевъ, которые болѣе дешевою продажею товаровъ наносили сильный ущербъ этому сословію. Но товары, оплаченные пошлиною, не могутъ выдержать соперничества съ товарами контрабандными. Мы видѣли, что такое соперничество было не подъ силу и Московскому купечеству. Другая причина нерасположенія христіанскаго торговаго сословія къ Евреямъ

---

[1]) Полн. собр. зак., т. XXXVI, № 27,700.
[2]) Тамъ же, № 27,740.
[3]) Тамъ же, т. XL, № 30,402.
[4]) Взглядъ на мою жизнь, стр. 221.

заключалась въ томъ обстоятельствѣ, на которое указывала еще Екатерина, замѣтивъ, что «они все захватываютъ въ свои руки». Въ 1814 году повѣренные отъ Полоцкаго купечества подали жалобу министру внутреннихъ дѣлъ Козодавлеву, что «довѣрители ихъ *съ давнихъ временъ* претерпѣваютъ подрывъ въ торговлѣ отъ производства оной мѣщанами, *по большей части Евреями*, кои, скупая хлѣбъ, отвозятъ оный барками въ Ригу; оттуда же, а равно изъ Москвы и Вильны привозятъ не въ маломъ количествѣ разные товары, коими и по мелочамъ торговать они не имѣютъ права; равнымъ образомъ входятъ въ такіе подряды, кои только купечеству второй гильдіи присвоены; да и самый питейный откупъ города Полоцка неоднократно оставался за ними. Таковые обороты тѣмъ обременительнѣе для купечества, что мѣщанъ по переписи числится впятеро болѣе; слѣдственно вся тяжесть платежа податей и повинностей лежитъ на одномъ первомъ. Хотя же они приносили неоднократныя жалобы, и отъ начальства дѣланы были удовлетворительныя предписанія, но исполненіе оныхъ заключалось въ одномъ только отобраніи подписокъ, за выдачею коихъ торговля мѣщанъ нимало не пресѣкалась». Вслѣдствіе этого повѣренные просили воспретить мѣщанамъ торговлю, введя промыслы ихъ въ границы, поставленныя «Городовымъ Положеніемъ», по которому мѣщанамъ дозволяется имѣть въ домахъ лавки съ собственнымъ только рукодѣльемъ и мелочью и продавать плоды и овощи, но не иностранные товары.

Подобную же жалобу на Евреевъ-мѣщанъ получилъ Козодавлевъ и отъ Виленскаго купечества христіанскаго исповѣданія. Представляя объ этихъ жалобахъ Сенату и свидѣтельствуя, что описанныя злоупотребленія дѣйствительно существуютъ болѣе или менѣе «въ разныхъ мѣстахъ», особенно же въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ «низшій классъ Евреевъ населенъ во множествѣ», министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ Сенатъ сдѣлать подтвержденіе о пресѣченіи такихъ злоупотребленій. 17-го Августа 1814 года Сенатъ сдѣлалъ требуемое подтвержденіе *).

Въ тоже время Сенатъ рѣшилъ и другой, не менѣе важный для кореннаго населенія, среди котораго жили Евреи, вопросъ. Еще при Екатеринѣ, въ 1786 году, Сенатъ, слѣдуя провозглашенному Императрицею правилу, что всякъ, по званію и состоянію своему, долженствуетъ пользоваться выгодами и правами, безъ различія закона и народа, постановилъ: въ случаѣ разбирательства какихъ дѣлъ чрезъ свидѣтелей и по необходимости чрезъ присягу, принимать отъ Евреевъ свидѣтельство и допускать ихъ до присяги по обрядамъ ихъ вѣры. Но такъ какъ это постановленіе находилось въ прямомъ противорѣчіи

*) Полн. собр. зак., т. XXXII, № 25,689.

съ Литовскимъ Статутомъ, то возбужденъ былъ вопросъ: могутъ ли быть принимаемы въ свидѣтели Евреи по дѣламъ христіанъ и между христіанами? Въ общемъ собраніи первыхъ трехъ департаментовъ Сената вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ положительномъ смыслѣ, и въ докладѣ своемъ Государственному Совѣту Сенатъ писалъ: «Поелику пребывающіе въ предѣлахъ Россіи Евреи, по указу 1795 г. Мая 3-го и высочайше конфирмованному объ нихъ въ 1804 г. Декабря 9-го дня «Положенію», сравнены съ другими Россійскими подданными, то за симъ лишать ихъ довѣрія и удалять отъ свидѣтельства по дѣламъ христіанъ и между христіанами на основаніи заключающагося о томъ въ Литовскомъ Статутѣ (раздѣла 9-го въ артикулѣ 14-мъ) запрещенія было бы несоотвѣтственно съ означенными узаконеніями; а посему и надлежитъ, чтобы Евреи по дѣламъ христіанъ и между христіанами во всѣхъ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ принимаемы были въ свидѣтели наравнѣ съ другими Россійскими подданными, на основаніи существующихъ о свидѣтеляхъ общихъ узаконеній». Сенатъ, какъ видно, не зналъ, что этотъ вопросъ былъ рѣшенъ еще при Екатеринѣ. Любопытно, что, при разсмотрѣніи приведеннаго доклада въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, произошло разногласіе: *одиннадцать* членовъ, согласно съ мнѣніемъ Сената, полагали допустить Евреевъ въ свидѣтели, а *два* члена полагали предоставить это обстоятельство соображенію коммиссіи законовъ, а пока оставить въ своей силѣ узаконеніе, содержащееся въ статутовомъ правѣ, по которому Евреи въ свидѣтели не допускаются. 26-го Августа 1814 года Императоръ положилъ слѣдующую резолюцію: «Быть по мнѣнію большинства членовъ» [1]).

Меньшинство потерпѣло пораженіе; но было ли оно неправо? «По основнымъ законамъ іудейства, говоритъ Брафманъ, ни иновѣрческій судъ, ни его рѣшенія не имѣютъ обязательной силы для Еврея, и, опираясь на нихъ, Еврей (вѣрность присяги котораго даже въ его національномъ судѣ тщательно ограждается и обставляется) въ судѣ иновѣрческомъ, даже безъ индульгенцій [2]), свободно даетъ какія угодно показанія и подтверждаетъ ихъ присягою, на которую онъ смотритъ здѣсь какъ на пустѣйшую формальность. Еще болѣе. На свою ложную присягу въ иновѣрческомъ судѣ Еврей часто смотритъ какъ на религіозный подвигъ, какъ на дѣло богоугодное Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда иновѣрческій законъ идетъ въ разрѣзъ съ законами Пятикнижія .. Само собою разумѣется, что, при подобныхъ взглядахъ Евреевъ на присягу въ иновѣрческомъ судѣ, нееврейскій законодатель, при вопросѣ о присягѣ, не имѣетъ права ставить Евреевъ въ одинъ

---

[1]) Тамъ же, № 35, 469.

[2]) Разрѣшающихъ Еврею приносить ложную присягу.

рядъ съ другими иновѣрцами, у которыхъ ничего подобнаго не существуетъ, а чтобы не быть орудіемъ въ рукахъ кагала и не ронять своего достоинства, онъ долженъ оградить себя извѣстными мѣрами» [1])...

Не даромъ Дюрингъ называетъ Еврейскую совѣсть крайне эластичною, а по свидѣтельству Державина она никогда не испытываетъ никакихъ угрызеній. «Евреи думаютъ только о настоящемъ, говоритъ онъ, не заботясь нимало о будущемъ, а потому ни въ какомъ случаѣ не мучатся совѣстію, пускаются на все». Но Еврейская совѣсть есть не болѣе, какъ продуктъ тѣхъ же природныхъ и наслѣдственныхъ особенностей, которыми опредѣляется не только характеръ, но и внѣшняя дѣятельность избраннаго народа. Нельзя отвергать того факта, говоритъ Андрее, что дѣятельность Евреевъ отличается односторонностію и что они занимаются только извѣстными искусствами и промыслами, извѣстными науками и ремеслами, избѣгая другихъ, особенно тѣхъ, которые требуютъ физическаго напряженія. Между Евреями есть хорошіе музыканты, но живопись, ваяніе и архитектура не пользуются ихъ уваженіемъ [2]). «Вездѣ уклоняются они отъ работы на фабрикахъ и заводахъ, никогда не дѣлаются ни матросами, ни капитанами судовъ и на всемъ земномъ шарѣ чуждаются земледѣлія. О Еврейскихъ рудокопахъ я ничего не слыхалъ. Правда, горное дѣло совсѣмъ неизвѣстно въ Палестинѣ. Всѣ попытки Русскаго правительства обратить ихъ къ хлѣбопашеству можно считать неудавшимися. Впрочемъ, ошибочно было бы заключать отсюда, что они никогда имъ не занимались. Еще въ Египтѣ Евреи познакомились съ земледѣліемъ и отъ кочеваго и пастушескаго образа жизни перешли къ осѣдлому. Наконецъ, въ плодородномъ Ханаанѣ они сдѣлались народомъ земледѣльческимъ, и только нѣкоторыя колѣна (Рувимово, Симеоново, Гадово), благодаря пастбищамъ, которыми изобиловали полученные ими во владѣніе удѣлы, сохранили пастушескій образъ жизни. Образовалась поземельная собственность, поля были размежеваны на участки, послѣдніе раздѣлены на десятины (nach Iochen), и даже лучшіе люди въ странѣ не брезгали ходить за плугомъ [3]). Израильтяне знали удобреніе; изъ воздѣлываемыхъ ими хлѣбныхъ растеній важнѣйшими были

---

[1]) Книга кагала, ч. 1, стр. 205—206.

[2]) О Евреяхъ Флатовскаго округа Шмитъ замѣчаетъ: „Между Евреями нѣтъ поденщиковъ. Еврей не лѣнивъ, какъ ошибочно думаютъ многіе христіане; но онъ слишкомъ гордъ для того, чтобы ходить на поденщину. Это рабская работа, которую онъ, какъ членъ избраннаго народа, считаетъ для себя унизительною Незначительное число прислуги изъ Евреевъ объясняется отчасти тою же причиною, отчасти тѣмъ, что сами Евреи, ради нѣкоторыхъ работъ, которыя воспрещаетъ имъ религія, предпочитаютъ христіанскую прислугу. У христіанъ Евреи вовсе не служатъ“ (Der Kreis Flatow. Thorn. 1867, стр. 161).

[3]) «И вотъ пришелъ Саулъ позади воловъ съ поля» (1-ая книга царствъ, гл. XI, ст. 5).

пшеница и ячмень. Какъ много производилось пшеницы, видно изъ того, что Соломонъ ежегодно отправлялъ 20000 кӧровъ ея къ царю Хираму на содержаніе его двора и что значительная часть хлѣба, продовольствовавшаго Финикію, шла изъ Палестины [1]). Такимъ образомъ Евреи утратили склонность и способность къ земледѣлію уже въ эпоху, послѣдовавшую за плѣненіемъ (nach dem Exil)» [2]).

Бѣлорусскіе кагалы говорили неправду, увѣряя Державина, будто законъ ихъ препятствуетъ Евреямъ заниматься хлѣбопашествомъ. Законъ былъ тутъ ни причемъ. Въ Палестинѣ обирать было некого, и необходимость заставила Евреевъ снискивать себѣ пропитаніе хлѣбопашествомъ. Но отъ этой далеко нелегкой для слабаго тѣлеснаго сложенія Евреевъ «полевой работы» ихъ избавило паденіе отечества. Слѣдуя историческому призванію своему, они разсѣялись по всей землѣ, чтобы утвердить свое господство надъ всѣми народами. Самымъ дѣйствительнымъ и наиболѣе соотвѣтствующимъ ихъ силамъ и способностямъ средствомъ для достиженія этой цѣли была торговля во всѣхъ ея видахъ, особенно спекуляція деньгами (Geldgeschäft). Чтò могъ дать имъ плугъ, кромѣ хлѣба, который приходилось добывать дѣйствительнымъ трудомъ и ѣсть «въ потѣ лица?» Плугъ привязывалъ къ землѣ, на которой отъ созданія міра, по преданію, лежало проклятіе. На золотѣ и серебрѣ проклятія не было.

Земледѣльческія колоніи Евреевъ въ Россіи представляли ненормальное явленіе. Принимаясь за плугъ, Евреи уклонялись отъ своей великой миссіи въ человѣчествѣ, измѣняли своей аристократической природѣ, становились рядовыми тружениками, ничѣмъ не лучше крестьянъ, которыхъ они такъ презирали. Выйти изъ такого унизительнаго для избраннаго народа положенія было завѣтною мечтою поселенцовъ. Если ихъ братія, мѣщане, не платя гильдейскихъ повинностей, вели въ западномъ краѣ обширную внутреннюю и внѣшнюю торговлю, входили въ подряды, брали питейные откупа, то почему было и имъ, земледѣльцамъ, оставаясь въ своемъ состояніи, не дѣлать того же? И многіе изъ земледѣльцевъ, бросая плугъ, пускались добывать себѣ пропитаніе торговлей. Надо было и ихъ промыслы ввести въ границы, ясно обозначенныя «Положеніемъ» 1804 года. Но Евреи, превратно толкуя нѣкоторыя статьи этого «Положенія», въ оправданіе своего

[1]) «А Соломонъ давалъ Хираму двадцать тысячъ кӧровъ пшеницы для продовольствія дóма его и двадцать кóровъ оливковаго выбитаго масла» (3-я книга царствъ, гл. V, ст. 11). «Іудея и земля Израилева торговали съ тобою (съ Тиромъ); за товаръ твой платили пшеницею Минниѳскою, и сластями, и медомъ, и деревяннымъ масломъ, и бальзамомъ» (Книга пр. Іезекіиля, гл. XXVII, ст. 17).

[2]) Zur Volkskunde der Iuden, стр. 186—188.

захвата ссылались на другое—на «Положеніе» 11-го Февраля 1812 года, которымъ дозволялось крестьянамъ вести купеческую торговлю по временнымъ свидѣтельствамъ. Развѣ Евреи-земледѣльцы не тѣже крестьяне? Уравненіе ихъ въ податяхъ съ крестьянами не значитъ ли, что они имѣютъ право производить и тотъ промыселъ, который высочайшимъ манифестомъ предоставленъ крестьянамъ, и производить его, подобно послѣднимъ, по всему пространству Имперіи? Вслѣдствіе этого въ правительственныхъ сферахъ поднятъ былъ вопросъ, распространяется ли дарованная крестьянамъ льгота и на Евреевъ - земледѣльцевъ. Общее присутствіе департамента разныхъ податей и сборовъ и совѣтъ Министерства Финансовъ, предварительно обсуждавшіе этотъ вопросъ, рѣшили его въ отрицательномъ смыслѣ. Соображенія, на которыхъ основывалось это рѣшеніе, были слѣдующія. 1) Такъ какъ для Евреевъ существуетъ особое «Положеніе», при изданіи котораго имѣлось въ виду отвратить злоупотребленія и безпорядки, происходящіе во вредъ земледѣлію и промышленности обывателей тѣхъ губерній, гдѣ Евреи обитаютъ, то право и обязанности ихъ не только въ отношеніи къ промысламъ, но и въ отношеніи къ самому мѣсту производства ихъ, или жительства, должны быть ограничены предѣлами этого «Положенія». Въ правилахъ о торгующихъ крестьянахъ ни однимъ словомъ не упоминается о Евреяхъ, а разумѣются только крестьяне изъ коренныхъ обывателей, помѣщичьи, казенные и удѣльные. 2) Для дѣятельности и пребыванія Евреевъ назначены въ «Положеніи» особыя губерніи, и потому никто изъ нихъ не можетъ участвовать въ повсемѣстной торговлѣ, наравнѣ съ торгующими крестьянами. 3) Земледѣльцамъ изъ Евреевъ предоставлена «Положеніемъ» свобода переписываться въ другія состоянія. Не выполняя натурою рекрутской повинности и не находясь во владѣніи помѣщиковъ, они не имѣютъ и затрудненія на переходъ въ купечество, а потому «несвойственно и даже излишне присоединеніе къ ихъ промыслу торговли по временнымъ свидѣтельствамъ, единственно для коренныхъ крестьянъ установленнымъ, въ томъ, какъ предполагать должно, уваженіи, что сіи послѣдніе на совершенное перечисленіе изъ ихъ состоянія въ гильдіи могутъ встрѣчать препятствія, помѣщичьи—въ неувольненіи ихъ владѣльцами, а казенные и удѣльные — ихъ обществами и начальствами, или въ лежащей на семействахъ ихъ рекрутской очереди и тому подобныхъ обстоятельствахъ, коимъ Евреи по ихъ правамъ не подвержены». 4) Хотя въ 29-ой статьѣ «Положенія» и написано: «когда всѣ вообще Евреи въ земледѣліи, мануфактурахъ и купечествѣ окажутъ постоянное направленіе и прилежаніе, правительство приметъ мѣры уравнять ихъ подати со всѣми другими подданными»—но статья

эта относится не къ промыслу, а къ податямъ. 5) Приведенная статья во всемъ пространствѣ выражаетъ цѣль тѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, которыя предоставлены Евреямъ-земледѣльцамъ цѣлымъ рядомъ другихъ статей «Положенія». «Цѣль сія есть та, чтобъ ихъ побудить къ постоянному занятію по состоянію, ими избранному. Итакъ предоставленіе имъ, при ихъ особенныхъ преимуществахъ, пользоваться и правами торгующихъ крестьянъ, хотя бы съ ограниченіемъ губерній, для нихъ опредѣленныхъ, было бы несоотвѣтственно сей цѣли и значило бы тоже, что̀ подать имъ поводъ къ уклоненію отъ земледѣлія, или позволить ежегодно перемѣнять ихъ промыслы, *скитаться изъ одной страны въ другую*, безъ опредѣленнаго направленія, во вредъ собственному ихъ благосостоянію, причемъ неминуемо могли бы возникнуть тѣ злоупотребленія, для прекращенія коихъ издано вышеизъясненное «Положеніе» о Евреяхъ. Впрочемъ, самое наименованіе ихъ въ семъ «Положеніи» земледѣльцами, а не крестьянами, равно и особенный образъ устройства, отдѣляютъ уже ихъ отъ сего послѣдняго класса».

Вполнѣ раздѣляя это мнѣніе, министръ финансовъ, графъ Гурьевъ сообщилъ его на разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, Козодавлева, который отвѣчалъ, что «и онъ находитъ оное основаннымъ на точной справедливости». Въ засѣданіи 15-го Октября 1815 года Сенатъ утвердилъ это мнѣніе *).

XXXVIII.

8-го Іюня 1815 года актомъ Вѣнскаго конгресса присоединено было къ Россіи Варшавское герцогство, подъ именемъ Царства Польскаго, за исключеніемъ области Познанской, отданной Пруссіи, Кракова, объявленнаго вольнымъ городомъ, и соляныхъ копей Велички, возвращенныхъ Австріи вмѣстѣ съ Тарнопольскою областью, которая съ 1809 года принадлежала Россіи. Это была великая *vagina Iudaeorum*, изъ которой Евреи юго-западныхъ губерній постоянно черпали свѣжія силы въ своемъ напорѣ на Востокъ. Если бы Сперанскій долѣе оставался «въ средоточіи дѣлъ», они, вѣроятно, наводнили бы собою всю Имперію, и не въ качествѣ бродягъ, а въ качествѣ полноправныхъ гражданъ, снабженныхъ совершенно законными паспортами. Паденіе Сперанскаго остановило этотъ *Drang nach Osten* Евреевъ, которые принуждены были удовольствоваться тою территоріею, которою уже владѣли, да и то съ разными ограниченіями своихъ правъ на ея эксплуатацію. Никакимъ стѣсненіямъ въ Царствѣ Польскомъ Евреи не

*) Полн. Собр. Зак., т. XXIII, № 25.965.

подвергались и могли теперь свободно отливать съ Востока на Западъ, хотя движенiе, происходившее тогда въ этой новой Палестинѣ, нѣсколько смущало ихъ необычайностiю своихъ размѣровъ. Правда, Евреи давно знали, что Поляки, гостепрiимствомъ которыхъ они пользовались уже нѣсколько вѣковъ, «самые дурные люди въ цѣломъ свѣтѣ», но они никакъ не ожидали, чтобы эти люди, добровольно подчинившiеся ихъ господству, стали теперь жаловаться на свое положенiе, искать средствъ къ выходу изъ него, къ сверженiю позорнаго ига. Анти-еврейское движенiе охватило все Царство Польское. Современникъ этого движенiя, Сташичъ, оставилъ любопытную записку о Евреяхъ, которой мы не можемъ пройти здѣсь молчанiемъ. «Къ причинамъ великихъ несчастiй народа Польскаго, говоритъ Сташичъ, принадлежатъ Жиды. Когда Жидовъ, какъ заразу, уничтожающую развитiе народной образованности, выгоняли изъ Испанiи, Францiи, Германiи и иныхъ Европейскихъ странъ и подъ страхомъ смертной казни не впускали въ Россiю, въ то самое время Поляки открыли имъ настежъ двери, дали имъ прiютъ и больше свободы, чѣмъ природнымъ своимъ мѣщанамъ и земледѣльцамъ. Жиды были внутреннею заразой, постоянно ослабляющею и удручающею политическое тѣло. Хотя бы это тѣло не было раздѣлено, хотя бы по раздѣлѣ оно возсоединилось, все же оно, благодаря этой внутренней заразѣ, никогда не можетъ собраться съ собственными силами, ни прiобрѣсть свѣжести: оно навсегда должно оставаться слабымъ, больнымъ и ничтожнымъ».

Царство Польское есть настоящее царство Еврейское. «Разсѣянные по всей Польшѣ, всюду съ своимъ духомъ исключительности, перемѣшанные съ нашимъ народомъ, Жиды только грязнятъ весь народъ, мараютъ цѣлый край и, обращая его въ *край Жидовскiй*, выставляютъ его въ Европѣ на всеобщее посмѣянiе и презрѣнiе».

Еще Вольтеръ указывалъ на Евреевъ, какъ на язву, разъѣдающую политическое тѣло Польши, и думалъ, что конечнымъ результатомъ чрезмѣрнаго размноженiя ихъ будетъ то, что они будутъ изгнаны изъ этой страны. Евреи не были изгнаны, язва продолжала свое разрушительное дѣйствiе, и уже на великомъ Польскомъ сеймѣ 1788 года поднятъ былъ вопросъ о преобразованiи быта Евреевъ. Но никакого преобразованiя не послѣдовало, и черезъ два года въ Варшавѣ опять поднимается вопросъ о Евреяхъ. Въ 1791 году, «въ достопамятный перiодъ конституцiоннаго сейма, говоритъ Сташичъ, когда народъ, какъ бы чудомъ пробужденный изъ долгаго сна, прозрѣлъ главныя причины своего бѣдствiя и упадка, была единогласно признана потребность неотложной реформы Жидовъ». Но реформа и на этотъ разъ не состоялась, а черезъ четыре года Польша исчезла съ карты Европы.

Польша исчезла; но крѣпко организованное Еврейское государство продолжало благоденствовать на ея развалинахъ, питаясь попреж-

нему жизненными соками городскаго и сельскаго населенія областей, составлявшихъ его территорію. Когда Польша начала подниматься изъ своихъ развалинъ, произошло небывалое явленіе: самые дурные люди рѣшились сбросить съ себя вѣковой гнетъ самыхъ лучшихъ людей... «Въ прошломъ 1814 году, пишетъ Сташичъ, едва только народъ заслышалъ о благодѣтельныхъ намѣреніяхъ его величества, тотчасъ же послышались, какъ одинъ голосъ, просьбы всѣхъ классовъ народа объ освобожденіи деревень и городовъ *отъ вреднаго вліянія Жидовъ*. Вредъ отъ Жидовъ долженъ быть дѣйствительно великъ, если послѣ столь необычайныхъ несчастій, послѣ ужасныхъ военныхъ бѣдствій, жалобы на несчастное положеніе края по милости Жидовъ всего громче раздаются въ общемъ голосѣ и тѣмъ свидѣтельствуютъ, что даже во времена такихъ страданій ощущеніе причиняемаго Жидами вреда Полякамъ есть наиболѣе глубокое и всеобщее. Всѣ классы народа, всѣ помѣщики, вопреки собственнымъ выгодамъ, кричатъ и просятъ объ устраненіи Жидовъ *отъ продажи вина*».

Евреи развиваютъ и поддерживаютъ въ народѣ страшное пьянство, ведущее его къ совершенному разоренію. «Несчастный крестьянинъ тащитъ въ Жидовскую корчму послѣдній снопъ съ гумна, послѣдняго своего теленка, а крестьянка послѣднюю курицу, послѣднюю горсть муки. Какимъ же образомъ правительство, главною заботой котораго должно быть улучшеніе крестьянскаго быта, можетъ поручать и отдавать Жидамъ столь опасный напитокъ (вино), продажа котораго безсовѣстными руками обличаетъ столько плутней и порождаетъ столько бѣдствій? Тотъ ошибся бы, кто сказалъ бы, что и въ рукахъ другихъ шинкарей этотъ опасный напитокъ былъ бы столь же вреденъ для крестьянъ. Убѣжденіе цѣлой Польши перечитъ такому мнѣнію. Всюду оказывается, что въ корчмахъ, какъ только онѣ отняты у Жидовъ, доходъ значительно уменьшается, и горѣлки выходитъ на половину меньше» Въ виду этого свидѣтельства нельзя не признать совершенно неосновательнымъ мнѣніе третьяго Еврейскаго комитета, утверждавшаго, что превращеніе земледѣльцевъ въ цѣловальниковъ не уменьшитъ въ крестьянахъ склонности къ напиткамъ и что при системѣ экономіи, основанной на продажѣ вина, христіане, заступившіе мѣсто Евреевъ, будутъ поступать точно такъ же, какъ и Евреи, и послѣдствія будутъ тѣже, кто бы ни былъ приставленъ къ продажѣ вина, Еврей или христіанинъ. Послѣдствія не могли быть тѣже потому, что ни одинъ христіанинъ не прибѣгнетъ къ тѣмъ возмутительнымъ средствамъ спаиванія своего же брата-христіанина, какія практикуются Евреемъ, который во всякомъ не-Евреѣ, а тѣмъ болѣе въ христіанинѣ, видитъ только матеріалъ для самой широкой эксплуа-

таціи. Евреи всегда и вездѣ дѣйствуютъ одинаково. Отсюда поразительное согласіе извѣстій о нихъ у разныхъ писателей, дѣлавшихъ свои наблюденія надъ ними въ разныхъ мѣстахъ, въ разныя времена. Неудивительно, что въ изображеніи Польскаго Еврея мы узнаёмъ знакомыя намъ черты Еврея Бѣлорусскаго. Читая Сташича, подумаешь, что онъ рисовалъ того же самаго Еврея-корчмаря, котораго пятнадцать лѣтъ тому назадъ видѣлъ во время своей командировки Державинъ. «Всѣ мы, Поляки, изъ опыта знаемъ, что злоупотребленія Жидовъ въ торговлѣ водкой достигли въ Польшѣ наивысшей степени. Они составляютъ единственную науку и промыселъ нашихъ Жидовъ, которые для достиженія своей цѣли *не пренебрегаютъ никакими средствами*: уговоры, подходы, просьбы, угрозы, всякія искушенія и соблазны расточаются не только отцамъ и матерямъ, но и самымъ маленькимъ крестьянскимъ дѣтямъ. Въ обвиненіи ихъ въ такомъ преступленіи противъ края гласно участвуетъ все общество. Противъ Жидовъ свидѣтельствуютъ записки, доставленныя въ 1814 году изо всѣхъ уѣздовъ (повѣтовъ). Свидѣтелями въ этомъ протестѣ противъ Жидовъ всѣ землевладѣльцы королевства Польскаго въ поданныхъ чрезъ депутатовъ прошеніяхъ. Было ли какое злоупотребленіе или преступленіе болѣе основательно доказано? Тутъ являются тысячи свидѣтелей неподозрительныхъ; или, говоря правду, они подаютъ показанія въ ущербъ себѣ: всѣ они знаютъ, что съ отнятіемъ шинка у Жидовъ они будутъ имѣть менѣе половины пропинаціоннаго дохода»*).

Жалобы на Евреевъ шли не отъ однихъ землевладѣльцевъ: онѣ шли изъ всѣхъ воеводствъ—отъ городовъ, купцовъ, фабрикантовъ. Смыслъ этихъ обвиненій былъ тотъ, что, по милости Евреевъ, города не могутъ выйти изъ бѣдности, что, по ихъ милости, въ странѣ не могутъ подняться ни купечество, ни фабрики и ремесла. «Изъ Жидовъ ничего не выходитъ, кромѣ шинкарей, перекупщиковъ, контра-

---

*) Это доходъ отъ пользованія *пропинаціоннымъ правомъ* (правомъ курить вино и открывать корчмы) которое предлагалъ ограничить въ Бѣлоруссіи Державинъ. Изъ «поѣздки по нѣкоторымъ мѣстностямъ царства Польскаго» въ 1863 году видно, что право пропинаціи существовало тамъ до позднѣйшаго времени. „Кромѣ многосложной системы поземельныхъ и личныхъ повинностей, болѣе или менѣе законныхъ, крестьяне обязываются покупать вино и пиво непремѣнно во владѣльческомъ шинкѣ. Ввозъ въ имѣніе купленныхъ на сторонѣ, хотя бы и для собственнаго употребленія, напитковъ безусловно воспрещается, и за нарушеніе этого правила крестьяне подвергаются штрафамъ. Это принужденіе (существовавшее нѣкогда и въ Германіи подъ названіемъ Getränke-Zwang)... какъ наростъ на пропинаціонномъ правѣ... существуетъ безъ исключенія во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ... и даже въ нѣкоторыхъ казенныхъ введено содержателями шинковъ. Хотя гминные войты и управляющіе не признаютъ этого, но отзывы крестьянъ въ этомъ отношеніи были единогласны“ («Девятнадцатый Вѣкъ», кн. 1-я. М. 1872, стр. 293—294).

бандистовъ, мѣнялъ, банкировъ, ростовщиковъ, подрядчиковъ, факторовъ, сбывающихъ въ странѣ запрещенные или оставленные въ таможнѣ товары».

Подобно Вольтеру, Сташичъ видитъ въ Евреяхъ не болѣе, какъ вредныхъ паразитовъ, истощающихъ экономическія силы страны. «Уже нѣсколько вѣковъ гнѣздятся эти пришельцы среди нашего народа и держатъ въ своихъ рукахъ всѣ зачатки промышленности и источники обогащенія. Гдѣ же въ цѣломъ нашемъ краѣ хотя малѣйшіе слѣды благотворной ихъ дѣятельности? Всюду на землѣ нашей распространяются за ними только нечистота, бѣдность, нищета, гниль и зараза, все глубже разъѣдающая нашъ несчастный край за то, что онъ одинъ къ этимъ изгнанникамъ міра былъ человѣченъ и добръ. Изъ послѣдней переписи Жидовъ оказывается, что едва $^1/_5$ часть занимается производительною торговлей и какимъ-нибудь промысломъ; $^4/_5$ же состоятъ изъ корчмарей, шинкарей, факторовъ и бродягъ, разсѣянныхъ по всему краю и лѣзущихъ со всѣхъ сторонъ въ прежнее княжество, а теперь королевство» [1]).

Такова любопытная записка Сташича о Евреяхъ. Поляки хорошо поняли сдѣланный ими промахъ; но историческія ошибки нелегко поправлять. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было возвратить коренному населенію край, давно уже отнятый у него этими «пришельцами», этими «изгнанниками міра», съумѣвшими обратить его въ край Жидовскій и хозяйничавшими въ немъ, какъ у себя дома? Очистить его средствомъ, на которое указывалъ Вольтеръ, было немыслимо. Германія высылала въ Польшу своихъ паразитовъ не за тѣмъ, чтобы принимать ихъ обратно; не приняла бы ихъ и Россія, которая сама не знала, какъ управиться съ Евреями, жившими въ ея собственныхъ предѣлахъ. Два раза Польша замышляла реформу Евреевъ; но дѣло не выгорало. Пройдетъ и настоящее увлеченіе и смѣнится горькимъ сознаніемъ безсилія и невозможности высвободиться изъ-подъ вліянія, пустившаго глубокіе корни въ почвѣ. Надо примириться съ положеніемъ, изъ котораго нѣтъ выхода, и Польша съ нимъ примирилась. Мало того: Пржецлавскій, какъ мы видѣли, открылъ въ Евреяхъ драгоцѣнныя качества, которыми вполнѣ оправдывалъ ихъ преобладаніе въ Польшѣ; а его другъ, Мицкевичъ, олицетворилъ эти качества въ своемъ Янкелѣ [2]), первообразѣ тѣхъ идеальныхъ сыновъ Израиля, которые цѣлою вереницей проходятъ теперь передъ нами въ худо-

---

[1]) Евреи и Нѣмцы въ Привислянскомъ краѣ, статья В. Ламанскаго (Русскій Вѣстникъ за 1879 г., № III, стр. 371—421).

[2]) Въ «Панѣ-Тадеушѣ».

жественной обработкѣ г-жи Оржежко. Впрочемъ, Мицкевичъ не прочь и посмѣяться надъ Евреемъ: описывая Литовскую корчму, онъ находитъ, что общій видъ ея имѣетъ большое сходство съ Евреемъ.

„Вдали корчма такая
Собой напоминаетъ, понурая, кривая,
Фигуру на молитвѣ стоящаго Жида;
Растрепанная стрѣха—какъ будто борода,
А кровля—точно шапка; фасадъ же дымный, черный—
Точь-въ точь кафтанъ Жидовскій, а верхъ его узорный—
Какъ цицесъ“ *).

Въ корчмѣ, кромѣ двора съ навѣсомъ, гдѣ много коровъ, коней, воловъ, козъ, всякой птицы, гадовъ и насѣкомыхъ—два отдѣла: въ одномъ

„Рядъ комнатъ небольшихъ
Для дамъ и для проѣзжихъ; въ другомъ—большое зало:
Вкругъ столиковъ высокихъ и длинныхъ тамъ немало
И столиковъ пониже“.

Это корчма села Соплицы. Въ залѣ сидитъ много хлоповъ, крестьянокъ, мелкой шляхты и экономъ особо. День воскресный,

„И къ Янкелю, чтобъ выпить и время провести,
Зашло гостей изъ церкви немало по пути.
У каждаго стояла тамъ доброй водки чарка,
Съ бутылкою ходила вокругъ столовъ шинкарка“.

Въ залѣ и самъ содержатель корчмы.

„На Янкелѣ былъ длинный кафтанъ почти до пятъ;
Серебряныхъ застежекъ на немъ свѣтился рядъ.
Одной рукою гладилъ онъ бороду сѣдую,
За шелковый свой поясъ засунувши другую.
Съ достоинствомъ хозяйскимъ вокругъ бросая взоръ,
Привѣтствовалъ входящихъ, вступая въ разговоръ;
Мирилъ гостей сидѣвшихъ, гдѣ распри возникали;
Самъ не служилъ, но только прохаживался въ залѣ“.

Старикъ пользовался уваженіемъ во всемъ околодкѣ. Онъ давно уже содержалъ корчму, и никто объ немъ не говорилъ ничего худаго. Гости всегда были довольны его напитками, а счеты онъ сводилъ вѣрно, безъ плутовства. Порой у него въ корчмѣ справлялись и крестины и свадьбы.

„А въ праздникъ музыкантовъ сзывалъ онъ изъ села;
Въ корчмѣ играли бубны, и скрипка тамъ была“.

---

*) Это шишка, говоритъ Мицкевичъ, «что Жидъ навязываетъ на лобъ, когда мольбы творитъ».

Янкель и самъ одаренъ былъ музыкальнымъ талантомъ. Когда-то блуждалъ онъ по дворамъ съ національнымъ инструментомъ своимъ—цимбалами и слылъ отличнымъ цѣвцомъ.

„Онъ говорилъ прекрасно, хоть былъ Еврей природный;
Предпочиталъ всѣмъ пѣснямъ всегда мотивъ народный,
И привозилъ, за Нѣманъ поѣздку совершивъ,
То Польскую мазурку, то Галицкій мотивъ.
И говорили даже,—Богъ знаетъ, вѣрно ль это,—
Что распустилъ онъ первый тогда среди повѣта
Напѣвъ изъ-за границы, невѣдомый для насъ,
Теперь же знаменитый, который въ первый разъ
Отъ Польскихъ легіоновъ когда-то услыхала
Отчизна Итальянцевъ. Талантъ пѣвца немало
Всегда въ отчизнѣ нашей сочувствія найдетъ
И на Литвѣ стяжаетъ и деньги и почетъ“.

Разбогатѣвши, Янкель бросилъ цимбалы, взялъ въ аренду корчму и зажилъ осѣдлою жизнію. Но его дѣятельность не ограничивалась одною продажею вина: онъ былъ въ сосѣднемъ городкѣ подраввиномъ, прекращалъ споры между корчмами, мирилъ враждовавшихъ шляхтичей. Вездѣ его принимали радушно, спрашивали его совѣта, особенно по части хлѣбной торговли, съ которою онъ былъ хорошо знакомъ. Наконецъ, въ Янкелѣ было еще одно качество, возвышавшее цѣну его рѣдкихъ достоинствъ: онъ былъ «добрымъ Полякомъ».

Типъ, созданный Мицкевичемъ, не вполнѣ вѣренъ дѣйствительности; но въ немъ есть одна черта, несомнѣнно принадлежащая племени: Янкель умѣлъ сдѣлаться необходимымъ для той среды, въ которой живетъ. Даже Польскіе легіоны не могутъ обойтись безъ его услугъ. Благодаря этому обстоятельству, онъ обираетъ всѣхъ, начиная съ пана и кончая послѣднимъ хлопомъ, но обираетъ такъ ловко, что тѣ и не замѣчаютъ этого и считаютъ его истиннымъ благодѣтелемъ. Такимъ считаетъ его и добродушный поэтъ...

М. Шугуровъ.

ИЗЪ СЕМЕЙНЫХЪ БУМАГЪ А. Н. КОРСАКОВА.

«Все, еже аще писанію предано не будетъ, въ забвеніе пріидетъ»...

Патерикъ Печерскій.

Въ статьѣ г. Полѣнова «Объ отправленіи Брауншвейгской фамиліи изъ Россіи» *) упомянуто, что «одинъ Архангельскій губернаторъ имѣлъ повелѣніе навѣщать по временамъ узниковъ, чтобы освѣдомляться о ихъ состояніи». Этотъ губернаторъ былъ прадѣдъ мой генералъ-поручикъ Егоръ Андреевичъ Головцынъ. Помню, что въ дѣтствѣ моемъ дворецкій моей бабушки Захаръ Алексѣевичъ что-то разсказывалъ мнѣ объ этихъ несчастныхъ; но тогда я былъ такъ еще малъ, что не могъ ни понимать, ни цѣнить разсказовъ старика. А много можно было бы наслушаться у Захара Алексѣевича, который въ молодости, подъ именемъ Захарки, находился при прадѣдѣ въ Архангельскѣ и, вѣроятно, ѣзжалъ съ нимъ въ Холмогоры къ заключеннымъ. Много позднѣе, батюшка мой, съ которымъ я любилъ говорить о старинѣ (да и онъ тоже охотно велъ эти разговоры), говорилъ мнѣ, что въ бумагахъ прадѣда сохранилась инструкція, которая была дана ему, какъ поступать съ заключенными; но бумагъ этихъ въ Москвѣ, гдѣ мы тогда жили, не оказалось.

Между тѣмъ время шло: я былъ выпущенъ изъ корпуса на службу, прослужилъ 10 лѣтъ, схоронилъ отца, еще прослужилъ 14 лѣтъ и, наконецъ, выйдя въ отставку, поселился въ родномъ Капустинѣ. Разбираясь въ своемъ гнѣздѣ, напалъ я между разнымъ домашнимъ скарбомъ и на кипы старыхъ бумагъ, которыя, по словамъ прислуги, были уже предназначены на оклейку стѣнъ. Бумаги были прибраны, но не разобраны—все, вишь, некогда было: то хозяйство, то то, то другое, и опять прошло лѣтъ пять-шесть. Наконецъ, прочитавъ статью Полѣнова, я вспомнилъ объ «инструкціи» и принялся разыскивать ее; потому что въ спасенныхъ мною связкахъ были, между прочимъ, и

*) „Русская Старина" 1874 г. Апрѣль.

бумаги прадѣда. Не нашелъ я однакожъ этого желаннаго документа, но за то напалъ на вещи, на мой взглядъ тоже не лишенныя интереса. Перечитывая старыя бумаги и приводя содержаніе ихъ въ связь съ тѣмъ, что̀ приходилось мнѣ слышать отъ родителей, а также съ печатными извѣстіями, имѣющими отношеніе къ этимъ разсказамъ, я счелъ нелишнимъ передать ихъ тѣмъ, кого занимаетъ родная старина.

Прежде всего да позволено мнѣ будетъ сказать нѣсколько словъ о дорогомъ для меня Капустинѣ, гдѣ я родился и провелъ самые раннiе дѣтскiе годы и гдѣ, можетъ быть, придется мнѣ лечь на вѣчный покой среди родныхъ могилъ, прiютившихся вокругъ нашей сельской церкви. Да и зачѣмъ легкомысленно выбрасывать изъ памяти и затирать въ ней то, что̀ сохранили время, преданiе, исторiя? Развѣ дурно было бы, еслибъ владѣльцы помѣстiй, пользуясь многоразличными документами, которые тлѣютъ у нихъ по кладовымъ, амбарамъ и чердакамъ, собирали свѣдѣнiя о той мѣстности, гдѣ они живутъ и записывали ихъ на память хоть въ свои домашнiя записи. Со временемъ найдутся люди, которые помянутъ за то добрымъ словомъ.

Село Капустино находится въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ 20 верстахъ отъ уѣзднаго города и въ 12 отъ села Лопастны. Селенiе лежитъ въ небольшой котловинѣ, по которой протекаетъ рѣчка *Темна* или, какъ теперь называютъ ее, *Теменка.* Село это по писцовымъ книгамъ извѣстно еще съ 1598 года, когда оно, въ качествѣ помѣстной дачи, принадлежало двумъ братьямъ Бѣликовымъ — Максиму Емельянову и Ѳедосѣю Дмитрiеву. Окрестности Капустина замѣчательны въ томъ отношенiи, что 600 лѣтъ тому назадъ они составляли мѣстность, извѣстную въ нашихъ историческихъ актахъ подъ именемъ *Темны.* Въ духовномъ завѣщанiи великаго князя Ивана Даниловича Калиты (1328 г.), при исчисленiи волостей и селъ, которыя должны были составлять наслѣдственную часть сына его князя Андрея Ивановича, Темна упоминается на ряду съ другими мѣстностями нынѣшнихъ уѣздовъ Серпуховскаго, Подольскаго и Московскаго *). Впослѣдствiи, въ XVII столѣтiи, волость Темна стала называться *Теменскимъ станомъ.*

Замѣчательно преданiе, съ незапамятныхъ для дѣдовъ временъ сохранившееся, объ основанiи первой сельской церкви, и объясняющее названiе нашего села.

Давно (а какъ давно, о томъ преданiе не говоритъ) на Темнѣ проживалъ какой-то Татарскiй мурза. Былъ ли крещенъ онъ, или

*) Собр. Гос. Грам. и Договоровъ. Т. I, № 21.

нѣтъ—тоже неизвѣстно; но вотъ что случилось. Однажды люди его, работая въ капустныхъ грядахъ, нашли образъ Св. Великомученика Георгія. Икону перенесли въ церковь какого-то сосѣдняго села, но чрезъ нѣсколько дней она опять оказалась на прежнемъ мѣстѣ. Явленіе это, говоритъ преданіе, повторялось нѣсколько разъ, пока, наконецъ, мурза не построилъ храма во имя Св. Великомученика Георгія. Съ тѣхъ поръ селеніе стало называться «Егорій - Капустино»: такъ оно зовется и до сихъ поръ.

Не мало занимало меня это преданіе; ибо я того мнѣніи, что народное преданіе, такъ же какъ и народная пословица, «даромъ не молвится», и что въ основаніи каждаго повѣрья непремѣнно кроется какой-нибудь случай, который потомъ зачастую такъ искажается, что до объясненія его и не доберешься. Но мнѣ, кажется, удалось напасть на слѣдъ *нашего преданія.*

Событіе, о которомъ говоритъ оно, можетъ быть отнесено къ концу XV или началу XVI столѣтій, т. е. къ тому времени, когда Серпуховъ съ окрестными мѣстами дѣйствительно находился у Татарскихъ царей во владѣніи на помѣстномъ правѣ. Такъ было въ 1497 году, когда Серпуховъ, Кашира и Хотунь были отданы великимъ княземъ Иваномъ III въ помѣстье Казанскому царю Мегметъ-Аминю [1]) и въ другой разъ, въ 1531 г., когда Серпуховъ съ Каширою были отданы въ помѣстье же великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ Казанскому царю Шигъ-Алею [2]). Цари Казанскіе владѣли данными имъ помѣстьями, конечно, чрезъ довѣренныхъ ими лицъ, чрезъ прикащиковъ. Такимъ прикащикомъ могъ быть и тотъ мурза, который, по преданію, жилъ на Темнѣ. Есть еще одно обстоятельство, которое придаетъ достовѣрность преданію. Въ нашемъ приходѣ съ незапамятныхъ временъ ведется обычай праздновать Св. Великомученику Георгію въ первый день Петровскаго поста. Время этого празднованія какъ у насъ, такъ и у окрестныхъ жителей, извѣстно подъ именемъ *Молящей...* Такое неопредѣленное названіе долгое время служило для причта, а тѣмъ болѣе для прихожанъ, предметомъ недоумѣнія. Чтó такое «Молящая», и откуда взялся обычай такого празднованія? Мнѣ кажется, припомнивъ преданіе, легко разъяснить недоумѣніе. Можно думать, что при словѣ «Молящая» опущено другое слово «недѣля». Если взять во вниманіе, что время необычнаго празднованія Св. Георгію совпадетъ съ тѣмъ временемъ, когда дѣйствительно очень часто приходится начинать садку капустной разсады и потомъ полоть ее, то

---

[1]) Софійскій Временникъ, Т. II, 254.
[2]) Карамз. Т. VII, 95.

легко можно принять и повѣрить, что въ старину дѣйствительно случилось что-либо подобное тому, о чемъ говоритъ преданіе. Изстари благочестивый Русскій народъ, пораженный и умиленный обрѣтеніемъ иконы не въ обычномъ мѣстѣ, могъ по усердію своему совершать молебныя пѣнія Св. Великомученику Георгію въ продолженіе нѣсколькихъ дней, что̀ при стеченіи сосѣдняго населенія предположить весьма естественно. На другой, на третій годъ чествованіе иконы моленіемъ повторилось, и вотъ въ устахъ народа сложилось названіе «Молящей недѣли»; затѣмъ, слово *недѣля* откинулось, какъ оно откидывается при названіи Вербной, Страстной, Святой... Нѣсколько десятковъ поколѣній сошло въ могилу, и происхожденіе обычая праздновать Св. Георгію при началѣ Петровскаго поста изгладилось изъ памяти мѣстныхъ жителей; прошло еще нѣсколько лѣтъ—и самое слово *Молящая* стало непонятно.

Замѣчательно, что жители Хотуни тоже въ первый день Петровскаго поста празднуютъ Св. Егорію и праздникъ этотъ также называется *Молящею*. Это совпаденіе празднованій и названій ихъ въ двухъ мѣстностяхъ, раздѣленныхъ между собою сорокаверстнымъ разстояніемъ, не доказываетъ ли, что обрѣтеніе иконы въ Капустинѣ случилось именно въ концѣ XV столѣтія, когда Хотунь, а можетъ быть и Темна, принадлежали одному владѣльцу, Мегметъ-Аминю?

Не вдаваясь въ дальнѣйшія догадки, возвращаюсь ко времени, когда въ Капустинѣ сидѣли братья Бѣликовы, одинъ по правую, а другой по лѣвую сторону рѣчки Темны. Теперь Капустино состоитъ изъ двухъ только слободъ, а тогда владѣнія Бѣликовыхъ шли на три или четыре версты дальше нынѣшнихъ границъ Капустина; ибо селенія и пустоши, находящіяся въ помянутомъ отъ него разстояніи, по писцовымъ книгамъ числились за Капустинскими владѣльцами. Фамилія Бѣликовыхъ продолжала владѣть Капустинымъ въ теченіе 107 лѣтъ (1598—1705). Въ началѣ XVIII ст., вслѣдствіе различныхъ мѣнъ и поступокъ, оно стало дробиться и переходить къ разнымъ другимъ владѣльцамъ, изъ которыхъ болѣе видными стали Никита Тимоѳеевичъ Есеневъ и Ѳедоръ Викуловичъ Пановъ. Первый изъ нихъ оставилъ часть свою въ наслѣдство своему сыну, подпоручику геодезіи Якову Никитичу Есеневу, а отъ него 7 Мая 1756 г. перешла она по закладной въ 2000 рубляхъ къ подполковнику Ладожскаго пѣхотнаго полка Егору Андреевичу Головцыну. По смерти его часть эта досталась единственной дочери его Варварѣ Егоровнѣ, бывшей въ замужествѣ за дѣдомъ моимъ А. И. Корсаковымъ.

Скажу теперь о прадѣдѣ. Е. А. Головцынъ былъ сынъ дворянина Тверскаго намѣстничества, капитана Андрея Ларіоновича Голов-

цына, имѣвшаго въ Устюжно-Желѣзопольскомъ уѣздѣ свою вотчину, состоявшую изъ двухъ деревень: Кащеева и Кузмина. При открытіи въ Петербургѣ Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса старикъ Головцынъ отвезъ сына въ это заведеніе, куда онъ и былъ принятъ 17 Февраля 1732 года. По прошествіи пяти лѣтъ онъ «за прилежное обученіе и за доброе свое поведеніе» произведенъ въ капралы, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ назначенъ фурьеромъ, черезъ годъ—сержантомъ, а 14 Апрѣля 1740 г. выпущенъ изъ корпуса въ полевые полки подпоручикомъ съ слѣдующей аттестаціей: «Геометрію окончилъ, а по нѣмецки и по французски говоритъ и разумѣетъ авторовъ, фехтуетъ въ контру нарочито, силенъ въ верховой ѣздѣ, рисуетъ красками, дошелъ до Польской Исторіи, въ Географіи знаетъ весь Гоманскій атласъ, кромѣ Германіи, обучался сочиненію моральныхъ писемъ, въ фортификаціи учится атакѣ» [1]).

По производствѣ въ офицеры Головцынъ въ томъ же 1710 г. былъ посланъ отъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ въ Астрахань и на Куму для «нѣкотораго дѣла» къ Калмыцкому хану Дондуку. Такъ сказано въ аттестатѣ Головцына; но, какъ молодой офицеръ, едва ли онъ могъ быть самостоятельнымъ лицемъ при исполненіи «нѣкотораго дѣла». Вѣроятно онъ находился въ свитѣ тайнаго совѣтника Татищева, посланнаго по повелѣнію императрицы Елисаветы Петровны въ улусы Волжскихъ Калмыковъ для устраненія возникшихъ тамъ безпорядковъ, вслѣдствіе появленія нѣсколькихъ соискателей ханскаго достоинства по смерти преданнаго намъ хана Дондука-Омбо. Затѣмъ онъ участвовалъ въ открывшейся въ 1741 г. войнѣ съ Швеціей и находился въ сраженіяхъ: 22 Августа при Вильманстрандѣ, а по взятіи этого города имѣлъ порученіе сдѣлать опись доставшихся намъ артиллерійскихъ орудій и Вильманстрандскаго арсенала; въ Августѣ 1742 г. подъ Гельсингфорсомъ, а въ Сентябрѣ подъ Або. Въ 1747 г. 8 Іюня Головцынъ произведенъ въ поручики, а черезъ мѣсяцъ назначенъ къ генералъ-лейтенанту Ливену адъютантомъ капитанскаго ранга; въ 1748 г. находился въ вспомогательномъ корпусѣ, назначенномъ въ помощь Австріи, Англіи и Голландіи противъ Французовъ. Въ 1752 г. произведенъ въ секундъ-маіоры въ Ладожскій пѣхотный полкъ, а въ 1755 г. въ подполковники. 1 Января 1758 г. Головцынъ

---

[1]) Имянной списокъ всѣмъ бывшимъ и нынѣ находящимся въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ штабъ-оберъ офицерамъ и кадетамъ съ показаніемъ кто изъ оныхъ съ какими удостоинствами въ какіе чины выпущены и въ какихъ чинахъ нынѣ. С.-Пб. 1761 г. ч. I, стр. 2.—Вторая часть этого любопытнаго Списка, служащаго указаніями для жизнеописанія многихъ нашихъ дѣятелей XVIII и начала XIX столѣтій, доселѣ не издана въ свѣтъ. П. Б.

былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ-лейтенантомъ *) полковничьяго ранга и въ этой должности, во время Прусской войны, находился при войскахъ въ Бранденбургѣ и Помераніи, временно исполнялъ должность комменданта въ городѣ Ландсбергѣ (на Вартѣ въ Бранденбургѣ) и кромѣ того для заготовленія провіанта и для сбора контрибуціи съѣстными припасами формировавшемуся тогда корпусу былъ командированъ съ малымъ числомъ козаковъ и, не смотря на непріятельскія превосходныя числомъ партіи, коммиссію эту «самымъ дѣломъ и съ пользою исполнилъ».

Въ 1759 году случилось обстоятельство, заставившее Головцына просить увольненія отъ службы. Въ выданномъ ему по сему случаю въ Торуни 15 Сентября свидѣтельствѣ сказано, что онъ «въ нынѣшнюю кампанію по тому чину должность свою исправлялъ добропорядочно и со всякою ревностію, такъ что болѣе отъ него и требовать было не можно; хотя по хворости своей таковой многотрудной должности ему нести и несносно было, но по тà (по тѣхъ поръ) за всѣмъ тѣмъ служилъ, покуда передъ фрунтомъ формированнаго корпуса, когда полки въ ордеръ-де-баталіи, въ виду непріятеля въ Польшѣ, при мѣстечкѣ Львовкѣ, строились, отъ приключившихся жестокихъ обмороковъ и горячки съ лошади не упалъ, отчего не точію окончанія кампаніи, но и вдаль своей службы производить и дальнихъ за свою ревностную службу награжденій ожидать лишиться принужденъ нашелся. При томъ же онъ Головцынъ поведенія добраго, ни въ какихъ штрафахъ и порокахъ не бывалъ».

На основаніи этого свидѣтельства въ Январѣ 1760 г. Головцыну данъ аттестатъ, въ которомъ о болѣзненномъ состояніи его говорится еще сильнѣе, а именно: «Съ пожалованія же его въ генералъ-квартирмейстеры-лейтенанты хотя дряхлостію и болѣзнями одержимъ былъ, но прошедшую 1759 года кампанію, по ревности его, нигдѣ не оставаясь, служилъ, и какъ непріятель сначала помянутой кампаніи всегда въ виду Россійской побѣдоносной арміи находился, онъ по должности своей Іюля по 4 число службу свою ревностно исполнялъ такъ изрядно, что болѣе отъ него требовать не возможно было, пока передъ фрунтомъ, когда полки въ ордеръ-де-баталіи близъ мѣстечка Львовки передъ непріятелемъ строились, съ лошади отъ жестокихъ обмороковъ и жару не упалъ; отъ какого приключенія болѣзни его такъ размножились, что онъ возимъ былъ Августа по 6 число при арміи безъ

*) Генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ былъ помощникомъ генералъ-квартирмейстера, обязанностью котораго въ военное время было: составленіе маршрутовъ, собираніе свѣдѣній о краѣ, гдѣ войска должны были проходить, съемка мѣстности и всѣ распоряженія къ устройству дорогъ, назначеніе мѣстъ подъ лагери и т. п.

движенія, зачѣмъ и лишился... участникомъ быть съ побѣдоносною Россійскою арміею плодовъ службы...» и проч. Между тѣмъ, еще до полученія отставки, онъ 8 Октября 1759 года былъ произведенъ въ бригадиры.

Судя по портрету Головцына, надо полагать что это былъ мужчина тучный. По всей вѣроятности, недугъ, приключившійся съ нимъ въ одинъ изъ Іюльскихъ дней, былъ солнечный ударъ, отъ послѣдствій котораго онъ скоро излечился, находясь въ отставкѣ, на покоѣ. Въ слѣдующемъ 1761 году онъ опять находился на службѣ въ чинѣ бригадира при Московскомъ военномъ госпиталѣ, гдѣ впрочемъ оставался недолго; ибо въ 1762 году былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ губернаторомъ въ Архангельскъ [1]). Говорятъ, Екатерина имѣла обыкновеніе представляемыхъ къ замѣщенію губернаторскихъ мѣстъ призывать къ себѣ и въ разговорахъ съ ними узнавать ихъ способности, и затѣмъ, если признавала ихъ способными, поручала имъ должности. Вѣроятно такъ было и съ Головцынымъ; новая должность облегчила ему доступъ ко двору, гдѣ онъ успѣлъ снискать къ себѣ расположеніе лицъ, занимавшихъ тогда болѣе или менѣе видное положеніе. Въ Мартѣ 1765 г., когда онъ вѣроятно по дѣламъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, мы видимъ Головцына въ числѣ лицъ, приглашенныхъ къ столу Императрицы и Наслѣдника [2]). Въ 1764 г. онъ имѣлъ уже Анненскую ленту, а въ 1771 г. произведенъ въ генералъ-поручики.

Въ должности губернатора онъ находился слишкомъ двадцать лѣтъ; но какова была его административная дѣятельность, мнѣ неизвѣстно; думаю, что въ этомъ отношеніи онъ не выдавался изъ ряду ни хорошими, ни дурными распоряженіями. По крайней мѣрѣ, ни по его бумагамъ, ни по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя случайно встрѣчаются о немъ въ нашихъ историческихъ изданіяхъ, нельзя сдѣлать заключеніе въ пользу того или другаго направленія его дѣятельности, какъ правителя губерніи. Въ «Русской Старинѣ» находимъ одно извѣстіе, которое, по видимому, говоритъ не въ пользу Головцына. Въ началѣ царствованія Екатерины возникло общество съ цѣлію собирать древнія рукописи, акты и лѣтописи и отсылать ихъ въ Академію Наукъ для напечатанія. Говорятъ, общество это должно было въ 1768 году прекратить свою дѣятельность вслѣдствіе отказа Головцына допустить членовъ его къ осмотру древнихъ актовъ, хранившихся въ архивахъ [3]).

---

[1]) Екатерина могла узнать о способностяхъ Головцына отъ его начальника г.-л. Ливена (который былъ горячимъ ея приверженцемъ еще въ царствованіе Елисаветы Петровны). П. Б.

[2]) „Русск. Арх.“ 1869 г. стр. 2.

[3]) «Русск. Стар». 1874 г., Январь, 177.

Не зная причинъ отказа, нельзя конечно винить и Головцына въ прекращеніи полезной дѣятельности общества: члены его могли получить отказъ просто отъ того, что, можетъ быть, не предъявили разрѣшенія имѣть доступъ въ архивы, что́, при полномъ господствѣ въ то время канцелярской тайны, почти даже и вѣроятно.

По семейному преданію Головцынъ былъ крутаго, жестокаго нрава, который, какъ мнѣ приходилось слышать, тяжело отзывался на его подчиненныхъ. Въ справедливости такого отзыва о немъ я нисколько не сомнѣваюсь: по крайней мѣрѣ характеръ его дочери, а моей бабки, не оставляетъ въ томъ никакого сомнѣнія*). Но не таковъ, однакожъ, былъ онъ въ отношеніи лицъ, выше его стоявшихъ: тутъ весьма замѣтно выступаютъ съ его стороны предупредительность, почтительность, угодливость. Праздники Рождества и Пасхи, также какъ и высочайшія награды, которыхъ удостоивались вліятельныя лица двора, давали ему поводъ ежегодно напоминать о себѣ поздравительными письмами, исполненными сердечными благожеланіями. Въ его домашнемъ исходящемъ журналѣ, куда вносилась приватная кореспонденція его, немало такихъ писемъ. Какъ человѣкъ практическій, Головцынъ не забывалъ правила житейской мудрости, что «маленькіе подарки поддерживаютъ дружбу», почему время отъ времени составлялись у него «реэстры, что́ изъ припасовъ въ посылку назначается». Припасы состояли изъ различныхъ породъ рыбъ, мушелей, дичины, мясной провизіи. Съ наступленіемъ зимняго пути все это отправлялось въ Петербургъ и въ Москву къ разнымъ лицамъ, вниманіемъ и расположеніемъ которыхъ дорожилъ Головцынъ, и особо чрезъ оберъ-гофмаршала кн. Николая Михайловича Голицына къ столу Императрицы и Наслѣдника. Однажды случился казусъ: время пришло посылать припасы, а рябчиковъ—ни одного. «За диковинку вамъ объявляю, писалъ Головцынъ въ Вологду къ одному своему знакомому, что здѣсь въ городѣ рябчиковъ нѣтъ, и всѣ мужики закупили въ волостяхъ по 4 и по 5 коп. рябчикъ, и къ своимъ милостивцамъ послать я ничего не имѣю, а не зная сего, васъ заблаговременно не просилъ; а ежели-бъ у васъ нашлись, то весьма-бъ я былъ благодаренъ, хотя-бъ въ Москву послать благодѣтелямъ». По журналу видно, что Московскими «милостивцами» и «благодѣтелями» были: кн. Мих. Никит. Волконской, гр. Ив. Лар. Воронцовъ, П. Дм. Еропкинъ, Лук. Ив. Камынинъ, гр. П. Ив. Панинъ, Всев. Алексѣевичъ Всеволожскій.

Какъ дворянинъ стариннаго рода и при томъ имѣвшій не вдалекѣ отъ мѣста злодѣйствъ Пугачева вотчину, Головцынъ изъ далекаго

---

*) «Кое-что изъ прошлаго» Русск. Арх. 1879 г. № 6.

Архангельска внимательно слѣдилъ за движеніями самозванца и былъ въ восторгѣ при поимкѣ его. Батюшка мой разсказывалъ мнѣ, что когда кто-то, кажется князь Енгалычевъ, прислалъ ему (Головцыну) портретъ Пугачева, то онъ велѣлъ помѣстить его въ такомъ мѣстѣ, куда никто безъ особенной нужды не ходитъ. Легко повѣрить такому оригинальному способу изъявленія презрѣнія ко врагу дворянства, достоинствами котораго такъ дорожилъ Головцынъ и которыя такъ высоко ставилъ, что боялся, какъ-бы фамилія его зятя не попала въ ту часть Родословной, куда вносились не кровные, родовитые дворяне, а выслужившіеся. «Извѣстно вамъ, писалъ онъ въ 1785 г. къ своей дочери, что должно нынѣ подать по новому узаконенію всякому дворянину о своей фамиліи предводителю извѣстіе, дабы не внесли въ книгу съ выслужившимися подъячими, купцами и разночинцами». Нечего и говорить, что самъ Головцынъ отнесся къ новому узаконенію съ полнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ, благодаря чему въ его бумагахъ сохранилась весьма четко и старательно переписанная рукопись съ гербами о происхожденіи его рода и фамиліи. Историческія свѣдѣнія, заключающіяся въ ней, какъ помѣчено въ началѣ ея, «выписаны изъ библіотеки Невскаго монастыря, изъ Польскихъ гербовниковъ, которыхъ четыре книги на Польскомъ языкѣ и нынѣ находятся». Не привожу здѣсь этихъ свѣдѣній, такъ какъ, по прекращенію фамиліи Головцыныхъ, они ни для кого не нужны.

Семейство Головцына было не велико: онъ съ женой да дочь. Для троихъ состояніе его могло назваться весьма порядочнымъ; ибо кромѣ трехъ его собственныхъ деревень, находившихся въ Устюжно-Желѣзопольскомъ и Серпуховскомъ уѣздахъ, у жены его, Настасьи Степановны, рожденной Кондыревой, были имѣнія въ уѣздахъ Ярославскомъ, Пошехонскомъ, Костромскомъ и Шацкомъ Тамбовскаго намѣстничества; но всѣ они за недостаткомъ собственнаго присмотра были болѣе или менѣе запущены, почему онъ службой и дорожилъ. «Безъ помощи со стороны казенной содержать себя нѐ чѣмъ», жаловался онъ пріятелю своему Устюжскому архіерею. Въ такомъ положеніи находился Головцынъ и въ 1785 году, послѣ свыше двадцатилѣтней губернаторской службы, какъ видно изъ письма его къ дочери, гдѣ, между прочимъ, онъ говоритъ: «..... Денегъ нѣтъ поистинѣ, и отъ трети до трети не достаетъ, ибо много излишнихъ расходовъ; Московскій домъ подрядилъ подбѣлить, переправить щекатурку въ одной комнатѣ и протчую мелочь, такожъ конюшню, сарай каретный и погреба перестроить; ибо все грозитъ паденіемъ и, во-первыхъ, конюшню нынѣ зачнутъ строить и домъ подбѣливать, а протчее до осени; въ Капустинѣ гумно сдѣлать крытое неотмѣнно надобно, да и людей прокормить до новаго хлѣба,

да и въ Нижній посылка за бѣглыми стоитъ понынѣ болѣе уже 50 рублей, для людей на хлѣбъ и на кормъ лошадямъ сего года издержано болѣе 200 рублей, переправка кареты 110 рублей; много денегъ и на покупку лѣсу здѣсь и въ Капустинѣ употреблено». Судя по нѣкоторымъ семейнымъ бумагамъ, можно вѣрить, что старикъ, жалуясь на нужду, говорилъ правду; а эта правда свидѣтельствуетъ о томъ, что Головцынъ съ честію вышелъ изъ тѣхъ искушеній, которыя представляла губернаторская должность сто лѣтъ тому назадъ.

Е. А. Головцынъ умеръ въ Москвѣ, въ восмидесятыхъ годахъ 1786 или 1787) и погребенъ въ Даниловѣ монастырѣ.

Приводимъ нѣкоторыя изъ бумагъ Е. А. Головцына.

—

Три указа императрицы Екатерины Великой.

1.

Господинъ Головцынъ! Послѣднимъ отъ 23 Октября доношеніемъ представляете вы, что при выпускѣ хлѣба за море отъ порта Архангелогородскаго дозволено ли будетъ пятую часть въ магазейнахъ оставлять по пропорціи того числа, коликое отъ порта выпущено будетъ, хотя бы то и меньше двухъ сотъ тысячъ четвертей отпущено будетъ. На сіе вамъ дается знать въ объясненіе, что пятую часть мы разумѣемъ отъ пяти одну, отъ пятидесяти десять и такъ далѣ. Чего ради сколько отпустится по купеческимъ обсерваціямъ надобности въ тѣхъ мѣстахъ, куда отпускается, то съ того только числа пятую часть въ магазейнахъ и оставлять. И въ такой силѣ вы купцамъ и объявить имѣете. А въ случаѣ недостатку въ Архангелогородской губерніи хлѣба, вы также причины не имѣете опасаться; потому что хлѣбъ выпускать мы повелѣли Казанской и Вятской, куда отъ нашего Сената даны особливыя, на случай неурожая и дороговизны въ хлѣбѣ, наставленія губернаторамъ. И сверхъ того оставляемую въ магазейнахъ пятую часть мы разумѣемъ кромѣ того, который по разчисленію на военно-служащихъ и прочихъ обывателей прежде у васъ заготовлялся. Екатерина.

Ноября 8 дня 1764 г.
Санктъ-петербургъ.

2.

Указъ нашему Архангелогородскому губернатору Головцыну. Для нѣкоторыхъ обстоятельствъ препоручили мы нашему банкиру Фридрихсу отпустить на щетъ казенной отъ города Архангельскаго двадцать тысячъ четвертей ржи за море чрезъ учрежденную тамо отъ него

контору Гейнъ, Фейнъ и Герценберга. Почему и повелѣваемъ вамъ толикое число позволить выпустить безъ выключенія пятой части съ указною только пошлиною на томъ основаніи, какъ указомъ нашимъ отъ 4 Генваря 1773 года въ Норвегію выпустить было повелѣно; а чтобы при закупкѣ сего хлѣба не было подрыву въ цѣнахъ, то между тѣмъ сіе наше соизволеніе содержать въ секретѣ. Екатерина.

Февраля 22 дня 1773 г.

Помѣчено Головцынымъ: „Марта 6 дня 1773 года въ Архангельскѣ получить удостоился".

3.

Указъ нашему Архангелогородскому губернатору Головцыну. Отъ 4 Генваря сего года мы повелѣли отпустить изъ Архангельскаго порта въ Норвегію тридцать тысячъ четвертей ржи безъ удержанія пятой части и съ указною только ефимочною пошлиною. А симъ повелѣваемъ оное количество хлѣба отпустить въ Норвегію на тѣхъ только корабляхъ, на которыхъ шкипера вамъ предъявятъ точно такой королевской паспортъ, каковому при семъ прилагается для вѣдома вашего формуляръ на Нѣмецкомъ языкѣ съ Русскимъ переводомъ. Екатерина.

Апрѣля 4 дня 1773 г.

Помѣчено: „Апрѣля 20 дня 1773 году въ городѣ Архангельскомъ получить удостоился".

Тосты на оффиціальномъ обѣдѣ у Головцына.

Здоровья:

1. Ея Императорскаго Величества. 21 выстрѣлъ.

2. Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича. 19 выстрѣлъ.

3. Даруй Боже, чтобъ толь счастливое происшествіе и благополучное окончаніе въ прививаніи оспы Ея Императорскому Величеству послужить могло къ продолженію неисчетныхъ Ея Императорскому Величеству лѣтъ. 21 выстрѣлъ.

4. Какъ Его Императорскому Высочеству оспа уже привита и что оная благополучно проходитъ, то о счастливомъ окончаніи вскорѣ удостоиться извѣстія. 19 выстрѣловъ.

5. Синода и Сената. 11 выстрѣловъ.

6. Побѣдоносныхъ Ея Императорскаго Величества всѣхъ родовъ войскъ купно съ ихъ высокими генералитетами, штабъ и оберъ-офицерами. 11 выстрѣловъ.

7. Присутствующихъ дамъ. 9 выстрѣловъ.

8. Его преосвященства. 7 выстрѣловъ.

9. Всѣхъ кавалеровъ. 9 выстрѣловъ.

10. Здоровье всѣхъ Ея Императорскаго Величества вѣрноподданныхъ и въ высокославной ея Имперіи находящихся иностранцевъ, и чтобъ они всѣ примѣру Ея Императорскаго Величества къ матернему попеченію, какъ въ сохраненіи своихъ дѣтей и во всѣхъ добродѣтеляхъ послѣдовали. 11 выстрѣловъ.

11. Всей компаніи. 9 выстрѣловъ.

—

Письма Е. А. Головцына.

1.

Ивану Григорьевичу Орлову.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь и высокій патронъ.

Съ наступающими праздниками Рождества Іисуса Христова и новымъ годомъ чрезъ сіе беру смѣлость ваше сіятельство всепокорнѣйше поздравить, усердно желая, дабы вашему сіятельству Всевышній благоволилъ, какъ сей наступающій, такъ и впредъ многіе таковые во всякомъ благополучіи и въ вожделеннѣйшемъ здравіи торжествовать и препровождать, и предаю себя въ неотмѣнную вашего сіятельства высокую милость со всеглубочайшимъ высокопочитаніемъ есмь и навсегда пребуду вашего сіятельства, милостиваго государя и высокаго патрона всепокорнѣйшій и усерднѣйшій слуга.

Декабря 14 дня 1771 года.

Таковыхъ жь писать:

Владиміру Григорьевичу [1]).
Никитѣ Ивановичу Панину.
Князь Александръ Алексѣевичу [2]).
Князь Александру Михайловичу Голицыну вице-канцлеру.
Адаму Васильевичу Алсуфьеву.
Графу Роману Ларіоновичу Воронцову.
Графамъ { Захару Григорьевичу / Ивану Григорьевичу } Чернышовымъ.
Александру Александровичу Нарышкину.
Семену Кириловичу Нарышкину.

---

[1]) Орлову, президенту Академіи Наукъ.
[2]) Вяземскому, генералъ-прокурору.

Графинямъ:

Прасковьѣ Александровнѣ [1]).

Марьѣ Андреевнѣ [2]).

Маѳѣ Васильевнѣ Балковой.

Къ списку рукой Головцына прибавлено: князь Ивану Андреевичу Вяземскому.

2.

Милостивый государь мой Григорій Николаевичъ [3])!

Чрезъ сіе имѣю честь ваше превосходительство съ наступающими праздниками Рождества Іисусъ Христова и Новымъ годомъ покорнѣйше поздравить, усердно желая вашему превосходительству, какъ сіи наступающіе, такъ и впредъ таковые во всякомъ благополучіи торжествовать и препровождать и, поруча себя въ милость вашего превосходительства съ глубочайшимъ почтеніемъ, есмь и навсегда пребуду...

Таковы жъ писать:

Лукьяну Ивановичу Камынину.

Ивану Ивановичу Козлову.

Князь Николаю Михайловичу Голицыну.

Ивану Ивановичу фонъ-Веймарну.

Николаю Ивановичу Чичерину.

Сергѣю Матвѣевичу Козмину.

Николаю Ивановичу Зиновьеву.

Григорію Никитичу Орлову.

Василію Григорьевичу Шкурину.

Григорію Васильевичу Козицкому.

Алексѣю Елизарьевичу Шелтингу.

Ивану Перфильевичу Елагину.

Ѳедору Павловичу Балку.

Дмитрію Васильевичу Волкову.

Александру Ивановичу Глѣбову.

3.

Преосвященному Іоанну епископу Великоустюжскому и Тотемскому. Іюля 14 дня 1774.

Вашего преосвященства два милостивыя письма одно по другомъ получить честь имѣлъ, за что покорнѣйше благодарствую, а

[1]) Брюсъ.

[2]) Румянцовой.

[3]) Тепловъ.

святый образъ благословенія вашего преосвященства пріялъ за особливый знакъ въ незабвеніи вашими архипастырскими молитвами, а огурцы съ друзьями за здравіе вашего превосходительства скушали; но жаль, что они переспѣлы собраны и по надеждѣ вашей къ себѣ [1]) милости и дружбы, осмѣливаюсь преподать совѣтъ, что сей овощь тогда лучшей для употребленія, когда еще нимало не пожелтѣлъ и семя въ немъ половину не дозрѣло; а что сіе за деликатное почитается, доказывается изъ прежнихъ тарифовъ Петра Великаго, по коему на заморскіе маленькіе огурцы весьма большая пошлина положена была, чѣмъ по прочему сей величайшій Отецъ Отечества насъ, и къ оному доводилъ, чтобъ мы и свои также жъ маленькіе огурцы. яко деликатность, солили и употребляли. Простите, милостивый архипастырь и отецъ и мой несравненный другъ, что я осмѣлился такъ много съ вашимъ преосвященствомъ въ пунктѣ огурцовъ шутить, Еще доношу, что по Нѣмецкому манеру очень хорошо зеленый горохъ готовить, который былъ (бы) вполъ-зерна и оный во первыхъ очищается изъ стручковъ, а потомъ въ кипяткѣ, брося немного петрушки и соли, даютъ скипѣть ему бѣлымъ ключемъ и выливая на рѣшето и разложа тонко, сушатъ въ печи, который и зимою зеленой употребляютъ со всякимъ кушаньемъ и уповаю еще... [2]) гороху, если ваше преосвященство для себя къ зимѣ приготовить показаннаго...

Елико касается до Устьсысольскаго господина воеводы Строева, я готовъ въ угодность вашего преосвященства одобренія служить. Великая нужда настоитъ въ живописцѣ Василіи Аѳ. Ключаревѣ у насъ. Если возможно, пожалуйста увольте его сюда, чѣмъ обяжете не только меня и прочихъ, но уповаю и преосвященный нашъ Арсеній, рѣдкихъ добродѣтелей и благонравія архипастырь, будетъ же васъ благодарить, и, прося архипастырскаго благословенія вашего, съ истиннымъ почтеніемъ есмь и пребуду...

А провизія вашего преосвященства еще не бывала; сколь же скоро прибудетъ, то я въ отправленіи оной служить вашему пр. не премину.

4.

Ноября дня 1774 г.

Къ его сіятельству графу Никитѣ Ивановичу Панину.

Осмѣливаюсь у сего вашему сіятельству городскихъ припасовъ, сколько нынѣ достать было можно, представить. Оной записку и подношу, покорнѣйше ваше сіятельство прошу оные удостоить вашего принятія и предавъ себя... и проч.

---

[1]) Т. е. Головцыну.

[2]) Мѣста, означенныя точками, нельзя разобрать.

Таковы жь писать.

Къ его сіятельству графу Григорію Григорьевичу Орлову.

Князь Александру Алексѣевичу Вяземскому.

Графу Владиміру Григорьевичу Орлову.

Графу Ѳедору Григорьевичу Орлову.

Вице-канцлеру князю Александру Михайловичу Голицыну.

Графинѣ Прасковьѣ Александровнѣ Брюсовой.

Гофмаршалу князю Николаю Михайловичу Голицыну.

Николаю Ивановичу Чичерину.

*

Въ С.-Петербургъ въ посылку гр. Никитѣ Ивановичу Панину.

Морошки анкерокъ.
Лабердану 2 рыбы.
Сухихъ тресокъ 6.
Языковъ копченыхъ говяжьихъ 8.
Тресковыхъ языковъ 10 ф.
Сельдей копченыхъ 100.
» свѣжихъ 300.
Навагъ свѣжихъ 200.
Кореховъ свѣжихъ 50.
Камбалъ копченыхъ 25.
Мушелей *) живыхъ ведерко или половина бочки.

Князь Григорію Григорьевичу Орлову.

Теленокъ 1.
Барашекъ 1.
Морошки полъ анкерка.
Солонины боченокъ.
Тресковыхъ языковъ 10 ф
Сельдей копченыхъ 100.
» свѣжихъ 200.
Навагъ 100.
Копченая семга.
Лабердану 2 рыбы.
Сухой трески 6 рыбъ.
Языковъ копченыхъ говяжьихъ 8.
Камбалъ копченыхъ 20.
Корехъ свѣжихъ 30.
Живыхъ мушелей четверть бочки.

Графу Володиміру Григорьевичу Орлову.

Барашекъ 1.
Солонины боченокъ.
Копченая семга.
Сельдей копченыхъ 50.
» свѣжихъ 100.
Навагъ 60.
Камбалъ копченыхъ 12.
Кореховъ свѣжихъ 20.
Морошки четвертинка.

Князь Александру Алексѣевичу Вяземскому.

Барашекъ 1.
Копченая семга 1.
Лабердану 2 рыбы.
Языковъ копченыхъ 6.
Тресковыхъ языковъ 10 ф.
Сельдей копченыхъ 50.
» свѣжихъ 100.
Навагъ 50.
Камбалъ копченыхъ 12.
Морошки четверть анкерка.

*) Мушели—родъ устрицъ, ловимыхъ у береговъ Бѣлаго-моря.

Вице-канцлеру князю Александру Михайловичу Голицыну.

Барашекъ 1.
Копченая семга 1.
Щучины морской, лейгъ называемой, 4 рыбы.
Сельдей копченыхъ 50.
» свѣжихъ 200.
Лабердану 1 рыба.
Языковъ копченыхъ 6.
Навагъ 50.
Морошки четвертинка.

Николаю Ивановичу Чичерину.

Барашекъ 1.
Копченая семга 1.
Сухихъ тресокъ 6.
Языковъ тресковыхъ 10 ф.
Языковъ копченыхъ 6.
Сельдей копченыхъ 50.
» свѣжихъ 200.
Навагъ 50.
Камбалъ копченыхъ 10.
Морошки четвертинка.

Графинѣ Прасковьѣ Александровнѣ Брюсовой.

Солонины боченокъ.
Копченая семга.
Языковъ копченыхъ 6.
Тресковыхъ языковъ 10 ф.
Навагъ 50.
Сельдей копченыхъ 50.
» свѣжихъ 100.
Камбалъ копченыхъ 12.
Живыхъ мушелей четверть бочки.
Морошки четвертинка.

Графинѣ Марьѣ Андреевнѣ Румянцовой.

Барашекъ 1.
Копченая семга 1.
Языковъ копченыхъ 4.
Навагъ 100.
Тресковыхъ языковъ 10 ф.
Сельдей копченыхъ 60.
» свѣжихъ 100.
Морошки четвертинка.

Оберъ-гофмаршалу Голицыну.

Морошки полъ-анкерка.
Лабердану 2 рыбы.
Калимины сухой 5 рыбъ.
Тресковыхъ языковъ 5 ф.
Навагъ свѣжихъ 100.
Сельдей свѣжихъ 200.

Григорію Никитичу Орлову.

Семга копченая 1.
Щучины сухой 4 рыбы.
Тресковыхъ языковъ 5 ф.
Навагъ 80.
Сельдей свѣжихъ 150.
Камбалъ копченыхъ 10.

Василію Ивановичу Головцыну *).

Копченая семга 1.
Щучины сухой, лейгъ называемой 3 рыбы.
Навагъ 50.
Камбалъ копченыхъ 10.
Сельдей свѣжихъ 100.

*) Это двоюродный братъ Егора Андреевича Головцына.

Матвѣю Матвѣевичу Эку *).

Копченая семга 1. Сельдей свѣжихъ 100.
Калимины сухой 5 рыбъ. Камбалъ копченыхъ 10.
Навагъ свѣжихъ 60.

Алексѣю Васильевичу Маркову.

Копченая семга 1. Сельдей свѣжихъ 100.
Навагъ 100. Камбалъ копченыхъ 7.

Василію Васильевичу Нарышкину.

Копченая семга 1. Сельдей свѣжихъ 200.
Навагъ свѣжихъ 100. Кореховъ свѣжихъ 30.

Николаю Борисовичу Самойлову.

Копченая семга 1. Сельдей копченыхъ 50.
Сухой трески 4 рыбы. » свѣжихъ 150.
Щучины морской, лейгъ называемой, 4 рыбы. Навагъ 100.
Тресковыхъ языковъ 5 ф. Камбалъ копченыхъ 10.

Аграфенѣ Петровнѣ Постниковой.

Копченая семга 1. Сельдей свѣжихъ 200.
Навагъ 100. Кореховъ свѣжихъ 50.

Да еще, за неимѣніемъ провизіи, не послано противъ прошлогодняго слѣдующимъ:

Василію Григорьевичу Шкурину.
Алексѣю Өедоровичу Микешину.
Аркадію Ивановичу Терскому.
Степану Яковлевичу Румовскому.
Алексѣю Ивановичу Васильеву.
Ивану Артемьевичу Артемьеву.

5.

Декабря 10 дня 1774 года.

Графу Петру Ивановичу (Панину).

Вашему сіятельству, милостивому государю, по справедливости не только я, но и всѣ Россійскіе дворяне обязаны за избавленіе отъ звѣрскаго извѣстнаго государственнаго злодѣя тиранства благодарностію; а какъ сокрушеніемъ его благоденствіе и всего любезнаго Отечества возстановилось, то и вся Россія навсегда незабвенно вашего

*) Экъ вѣдалъ почту. П. Б.

сіятельства оказанную прямую патріотическую любовь чувствовать не перестанетъ, съ чѣмъ и беру смѣлость васъ, милостиваго государя и высокаго патрона, покорнѣйше поздравить и предать себя въ неотмѣнную вашего сіятельства милость. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію есть и навсегда пребуду.

P. S. Осмѣливаюсь у сего вашему сіятельству отправить двѣ пары медвѣжьихъ чулокъ, всепокорнѣйше прошу такую милость удостоить принять.

Письмо это Головцынъ отправилъ въ Москву къ князю Ивану Михайловичу Кольцову-Масальскому, прося его, какъ письмо, такъ и чулки доставить къ его сіятельству «гдѣ онъ обрѣтаться изволитъ». Къ князю Масальскому онъ пишетъ: «На силу могъ я выпросить для васъ гончихъ собакъ, которыя съ Онежскаго устья на сихъ дняхъ только ко мнѣ привезены, и при первомъ случаѣ отправить ихъ не премину чрезъ Вологду въ Москву».

6.

Къ Устюжскому архіерею Іоанну.

Многіе опыты имѣя вашего преосвященства къ себѣ великодушія, а болѣе нося на себѣ милость вашу и слыть участникомъ безцѣнной вашей дружбы, безъ оглядки принясь за перо, покорно прошу, милостивый государь, чистосердечный другъ и искренній благодѣтель, простить мнѣ мое молчаніе, которое ни отъ перемѣны моего къ вашему преосвященству преданности, ниже малѣйшей мысли произошло, но единственно отъ хлопотъ, безпокойства, дряхлости, головной болѣзни, которая при наступившей старости доводитъ меня до того, что писать вовсе становится невозможно, а дѣлъ не умаляется. И такъ сбывается и со мною одного Татарина пословица: «хлѣбъ кончалъ, соль кончалъ, а работа не могъ кончать», и какъ неприлична сія мнѣ, потому что 43 года служа безъ помощи со стороны казенной содержать себя нѣчѣмъ, слѣдственно и обвинять себя не могу. При томъ же имѣю честь чистосердечно донесть, что изъ знаменитаго здѣсь во время моего леченія (ничего) не произошло, о чемъ стоило вашему преосвященству донесть. И такъ въ надеждѣ пребываю, что ваше преосвященство сіе мое извиненіе изволите принять благосклонно и не отмѣните ко мнѣ вашей милости, въ кою себя поруча, съ истиннымъ и непритворнымъ.... и проч.

Ноября дня 1774.

7.

Ноября 7 дня 1774 г.

Князю Николаю Михайловичу Голицыну.

Въ надеждѣ вашего сіятельства къ себѣ милости, осмѣливаюсь при семъ случаѣ послать сельдей свѣжихъ 200, да навагъ свѣжихъ же омороженыхъ 100 и ежели по апробаціи вашего сіятельства угодными найдутся, покорнѣйше прошу Высочайшему Ея Императорскаго Величества столу оные представить.

8.

Къ князю Енгалычеву.

Покорно благодарствую за послѣднее вашего сіятельства письмо съ приложеніями, изъ коихъ о неслыханномъ варварствѣ извѣстнаго злодѣя увидѣвъ, въ великое сожалѣніе пришелъ, а что онъ пойманъ тому порадовался, равно же, что и сынъ вашего сіятельства дослужилъ государскаго благоволенія, съ тѣмъ поздравляю. Радъ же и сему, что Ивану Аѳиногеновичу удалось отъ тѣхъ злодѣевъ отбиться, а сюда о немъ слухъ есть, яко бы онъ за то и въ воеводы опредѣленъ на мѣсто оставившаго городъ воеводы во время злодѣйскаго нападенія; но правда ль или (нѣтъ), не знаю; ибо о томъ ко мнѣ не пишутъ; впрочемъ...

9.

Къ Потемкину.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Чрезъ сіе беру смѣлость *) ваше сіятельство, милостиваго государя, съ полученіемъ графскаго достоинства, драгоцѣнной шпаги и Высочайшаго Ея Императорскаго Величества портрета всепокорнѣйше поздравить, усердно желая вскорѣ и дальнѣйшихъ авантажей получить, предавъ себя въ высокую вашего сіятельства милость и покровительство съ наиглубочайшимъ почтеніемъ есмь и навсегда пребуду и пр.

Архангельскъ
Іюля 31 дня 1775 г.

---

*) Переписчикомъ было написано «дерзновеніе», Головцынъ написалъ «смѣлость».

10.

Милостивый государь князь Николай Михайловичъ!

Надѣясь на особливую вашего сіятельства къ себѣ милость, осмѣлился изъ нынѣшняго самаго перваго улову Архангелогородскихъ рыбъ нѣкоторую малость и сколько сыскать можно было здѣшней дичины для Высочайшаго Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ стола, по приложенной у сего запискѣ, отправить. Всепокорнѣйше, милостивый государь, прошу удостоить принятіемъ и ежели по апробаціи вашего сіятельства годными найдутся, то приказать туда представить, а что я таковыми жъ вашему сіятельству не служу, то покорнѣйше прошу, милостивый государь, извинить: истинно столько уловленныхъ привезено, а оказія немедленна безъ удержки; егда жъ уловъ умножится, то, при полученіи, вашему сіятельству служить не примину. Предпоручая себя напослѣдокъ въ милость вашего сіятельства, съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію есмь и навсегда пребуду.... и проч.

Архангельскъ
Ноября дня 1775 г.

Дѣдъ мой Алексѣй Ивановичъ, Корсаковъ, сынъ арміи маіора Ивана Герасимовича, родной братъ строителя Херсона инженеръ-полковника Николая Ивановича, получилъ воспитаніе въ Артиллерійской и Инженерной школѣ, преобразованной потомъ въ Артиллерійскій и Инженерный Шляхетный корпусъ (впослѣдствіи 2-й Кадетскій). По окончаніи воспитанія онъ былъ произведенъ офицеромъ въ артиллерію и оставленъ при заведеніи въ должности адъютанта при директорѣ корпуса Михайлѣ Семеновичѣ Мордвиновѣ. Затѣмъ служба его въ теченіи многихъ лѣтъ продолжалась при корпусѣ; сперва адъютантомъ, потомъ ротнымъ командиромъ и, наконецъ, по смерти Мелиссино, директоромъ. Въ послѣдней должности онъ находился два года (1797—1799) и при увольненіи отъ оной въ чинѣ генералъ-лейтенанта былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст. Въ Февралѣ 1800 г. А. И. Корсаковъ произведенъ въ генералы отъ артиллеріи и въ томъ же году назначенъ инспекторомъ Артиллеріи, но не долго оставался въ этомъ званіи: въ 1803 г. онъ былъ назначенъ президентомъ Бергъ-Коллегіи и директоромъ Горнаго Корпуса. Вслѣдствіе перемѣнъ, послѣдовавшихъ въ управленіи горною частію, Бергъ-Коллегія была упразднена, а вмѣстѣ съ тѣмъ и А. И. Корсаковъ былъ уволенъ отъ званія ея президента, причемъ за усердную службу и труды, коими способствовалъ онъ къ

преобразованію горной части, былъ награжденъ алмазными знаками ордена св. Александра Невскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ высочайше повелѣно ему оставаться директоромъ Горнаго Корпуса и присутствовать въ Сенатѣ. Въ 1811 году онъ просилъ императора Александра объ увольненіи его отъ должности директора Горнаго Корпуса и былъ уволенъ при весьма милостивомъ рескриптѣ Государя. Послѣднія 12 лѣтъ своей жизни онъ провелъ въ Петербургѣ въ небольшомъ кружкѣ близкихъ знакомыхъ, присутствуя въ Сенатѣ и отдавшись давнишней своей страсти къ изящнымъ искусствамъ, въ которыхъ признавался однимъ изъ тонкихъ знатоковъ своего времени. Его картинная галлерея и собраніе художественныхъ произведеній по части скульптуры и ваянія, также какъ и кабинетъ различнаго рода рѣдкостей, были извѣстны всѣмъ любителямъ и художникамъ. Еще при Екатеринѣ, когда А. И. Корсаковъ былъ полковникомъ Артиллерійскаго Корпуса, Академія Художествъ въ 1794 г. «общимъ согласіемъ» избрала его почетнымъ членомъ «за знаніе, любовь и почтеніе къ достохвальнымъ художествамъ», какъ сказано въ присланномъ къ нему Академіею дипломѣ. По свидѣтельству знавшихъ его Алексѣй Ивановичъ съ кроткимъ и мягкимъ характеромъ соединялъ истинную любовь къ ближнему, былъ благочестивъ, неискателенъ, привѣтливъ и въ высшей степени деликатенъ въ обращеніи.

Симпатичная характеристика моего дѣда приведена мною не со словъ только моихъ родителей (они могли бы быть пристрастны), но по отзывамъ людей постороннихъ, какъ напр. инженеръ-генералъ-лейтенанта Девеля, горнаго инженеръ-генералъ-маіора Чебаевскаго и одного старичка инвалиднаго офицера, въ молодости служившаго въ нижнихъ чинахъ въ гвардейской артиллеріи. Этотъ послѣдній разсказывалъ мнѣ, между прочимъ, что ему не разъ случалось бывать «вѣстовымъ» у дѣда, когда тотъ былъ инспекторомъ артиллеріи. «Сидишь это бывало въ передней—говорилъ онъ—да и заснешь со скуки, такъ дѣдушка-то вашъ не только не гнѣвался, а наципочкахъ пройдетъ мимо тебя, чтобы не разбудить—такой былъ добрый»...

Усвоивъ себѣ такое понятіе о характерѣ дѣда, какое приведено выше, удивился я, когда въ книгѣ г. Ровинскаго (Подробный Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ т. II, С.-Пб. 1887) прочелъ о немъ слѣдующее: «Алексѣй Ивановичъ Корсаковъ, генералъ отъ артиллеріи, любимецъ Павла I. Родился въ 1757 г.; человѣкъ образованный, но крайне *заносчивый, гордый и честолюбивый, не ста-*

вившій ни во что чужихъ мнѣній. О себѣ онъ былъ необыкновенно высокаго мнѣнія и притомъ очень лѣнивъ, такъ что въ дѣлахъ, въ его штабѣ, царилъ полный хаосъ».

Я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые, во что бы то ни стало, заступаются за своихъ предковъ и въ каждомъ мало-мальски неблагопріятномъ о нихъ отзывѣ способны видѣть оскорбленіе ихъ памяти. Я не держусь извѣстнаго афоризма: De mortuis aut bene, aut nihil (при точномъ соблюденіи такаго правила была бы невозможна исторія), но всегда готовъ поддерживать сдѣланную, не помню кѣмъ-то, поправку въ этомъ афоризмѣ, а именно: De mortuis *aut veritas,* aut nihil. Нѣтъ человѣка безъ недостатковъ. Могъ имѣть ихъ и А. И. Корсаковъ. Я готовъ повѣрить, что, занимая высшій постъ инспектора артиллеріи, онъ былъ не на мѣстѣ и что по страсти его къ искусствамъ вниманіе его болѣе устремлялось на произведенія ихъ, нежели на ввѣренную ему часть; допускаю, что вслѣдствіе такого отношенія къ своей обязанности, въ артиллерійскомъ управленіи могли быть безпорядки, но никогда не повѣрю, чтобы онъ былъ *запальчивъ, гордъ и честолюбивъ, чтобы онъ ни во что ставилъ чужія мнѣнія, а о себѣ думалъ необыкновенно высоко.* Любопытно было бы знать (конечно лично для меня), отъ кого г. Ровинскій слышалъ объ Алексѣѣ Ивановичѣ подобные отзывы? Алексѣй Петровичъ Ермоловъ разсказывалъ про него, что онъ былъ очень тонкій критикъ въ области изящнаго и что за строгую оцѣнку имъ художественныхъ произведеній онъ стяжалъ себѣ славу *тирана изящныхъ искусствъ.* Не изъ этого ли источника вытекли обвиненія Алексѣя Ивановича въ высокоуміи, самолюбіи и проч. и проч. Не голосъ ли это какого нибудь художника, огорченнаго строгой оцѣнкой его произведенія со стороны дѣда? Если такъ, то вѣдь еще неизвѣстно, кто правъ—обвиняемый, или обвинитель.

Прошу у читателей извиненія, что я такъ увлекся, заговоривъ о репутаціи и характеристикѣ моего дѣда.

Алексѣй Ивановичъ Корсаковъ былъ женатъ на дочери генералъ-поручика Егора Андреевича Головцына, Варварѣ Егоровнѣ. Отъ этого брака у нихъ было двое дѣтей: сынъ Николай, мой отецъ, и дочь Анастасія, вышедшая за мужъ за отставнаго генералъ-маіора л.-гв. Измайловскаго полка И. И. Сорохтина. А. И. Корсаковъ скончался 26 Сентября 1821 года и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ (См. о немъ «Истор. Вѣстн.» 1884 г. Январь).

Два письма графа Аракчеева къ инспектору артиллеріи А. И. Корсакову *).

1.

Ваше высокопревосходительство милостивый государь Алексѣй Ивановичъ!

Простите меня великодушно, что я, знавъ, сколь много ваше высокопревосходительство заняты теперь важнѣйшими государственными дѣлами, обезпокою васъ еще и своими. Но повѣрьте Всемогущему Богу, управляющему и нашими судьбами, что крайность къ оному довела меня.

Цѣлую зиму обманывалъ я разными манерами свою шестидесятилѣтнюю мать въ отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, ласкаясь все, что мое дѣло скоро окончится, но нынѣ получилъ отъ нея письмо, что она въ крайней опасности своего здоровья и я, будучи ея старшій сынъ, по долгу христіанства, долженъ при послѣднихъ дняхъ ея жизни быть при ней; то войдите ваше высокопревосходительство въ мое положеніе, тѣмъ болѣе, что я нѣкогда видѣлъ, сколь много и ваше высокопревосходительство свою родительницу почитаете, то и прошу сдѣлать мнѣ такую милость, за которую я не только буду обязанъ благодарностію во всю мою жизнь, да и создавый насъ Творецъ, не терпящій уже злости нашей далѣе трехъ мѣсяцевъ (считая съ 4 Декабря), то конечно уже добродѣтели наши награждаются отъ Него въ тоже самое время, коль скоро мы оныя подобному себѣ сдѣлаемъ, а за оное вашего высокопревосходительства мнѣ одолженіе и ниспошлетъ Онъ свыше на васъ благодать свою, которая подкрѣпитъ во всѣхъ вашихъ дѣяніяхъ, а мнѣ, почитающему васъ отъ искренняго моего сердца, останется и еще вящій долгъ быть съ съ усерднымъ высокопочитаніемъ во всю мою жизнь. Вашего высокопревосходительства милостиваго государя покорный слуга графъ Аракчеевъ.

9 Марта 1800 г.

2.

Ваше высокопревосходительство милостивый государь Алексѣй Ивановичъ!

Принося мою должную благодарность вашему высокопревосходительству за поздравленіе съ праздникомъ, что и я равномѣрно испол-

---

*) Мы сочли излишнимъ сохранять орѳографію графа Аракчеева, такъ какъ она всѣмъ уже извѣстна, да притомъ, по крайнему безобразію своему, лишь затрудняетъ чтеніе.

няю отъ искренно простой своей души, желаю вамъ ....[1]) полномъ благополучіи навсегда и впредъ оные препровождать.

Ваше высокопревосходительство для наступающаго праздника сдѣлали такой неоцѣненный подарокъ рѣшеніемъ дѣла моего, что я оное вѣкъ буду чувствовать, ибо получая всякую почту о смертельной болѣзни своей матери, не могъ отсюда отлучаться; что же касается до судьбы своей по оному дѣлу, то я уже былъ увѣренъ навсегда, что честность ваша, добродушіе души и знанія изслѣдуютъ точность онаго и правоту, чѣмъ всѣмъ я и доволенъ.

Вѣрьте, ваше высокопревосходительство, что я васъ почитаю не изъ какихъ видовъ, какъ только всегда помнилъ, что я обязанъ воспитанію своему вамъ, почему и уважаю особу вашу, что ....*) и никогда и впредь съ истиннымъ почитаніемъ и совершенною преданностію. Вашего высокопревосходительства милостивый государь покорнѣйшій слуга графъ Аракчеевъ.

7 Апрѣля 1800 г.

—

Письмо Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича къ А. И. Корсакову.

Алексѣй Ивановичъ!

По дружбѣ вашей ко мнѣ, я надѣюсь, вы не прогнѣваетесь на меня за то, что я чистосердечно поговорю съ вами о господахъ артиллерійскихъ штабъ и оберъ-офицерахъ, съ которыми я на маневрахъ познакомился.

Господинъ полковникъ Семиковъ и господа оберъ-офицеры, кои съ нимъ въ Катебургскихъ маневрахъ находились, отмѣнно твердо знаютъ свое дѣло и заслуживаютъ, какъ мою, такъ и вашу благодарность. Чтожъ касается до тѣхъ, кои со мной были при Богополѣ, я долженъ вамъ признаться, что я нашелъ ихъ совсѣмъ въ другомъ родѣ, напримѣръ: господинъ подпоручикъ Зацѣпинъ во время батальонной пальбы, долженъ будучи стрѣлять съ батальономъ, началъ прежде, не разсудивъ за благо дождаться очереди и тѣмъ чуть не сбилъ батальоннаго командира; по счастію сей послѣдній зналъ лучше свое дѣло, нежели господинъ Зацѣпинъ. Я было взялъ смѣлость его за это немного побранить, но онъ дурными своими отговорками принудилъ меня его

---

[1]) Не разобрано.
[2]) Не разобрано.

арестовать. Господинъ подпоручикъ Полешко въ деплоядѣ изъ третьяго батальона заѣхалъ на правый флангъ всей линіи, гдѣ я его на силу отыскавъ, спросилъ причину такой ошибки и получилъ отъ него въ отвѣтъ, что онъ обчелся и принялъ другую пушку за свою. Я рѣшился и сего послать для компаніи къ первому. Наконецъ, господинъ полковникъ Бухгольцъ при выступленіи квартиргеровъ, не знавши, что съ роты обыкновенно наряжаютъ при одномъ унтеръ-офицерѣ двухъ рядовыхъ и видѣвши, что отъ всѣхъ полковъ такъ нарядили, нарядилъ отъ полутора роты двухъ унтеръ-офицеровъ, а рядовыхъ ни одного, на что я ему сказалъ старую Русскую пословицу, что всѣ люди въ шляпахъ, одинъ чортъ въ колпакѣ, послалъ и его къ прежнимъ двумъ, что́ и составило прекрасный тріо.

Я все это пишу только вамъ, а къ Государю ни объ одномъ не рапортовалъ; надѣюсь, что и ваше высокопревосходительство ихъ простите.

Константинъ Цесаревичъ.

Мѣстечко Богополь
Октября 9 дня 1800 г.

—

По словамъ отца моего, два вышеприведенныя письма гр. Аракчеева относятся къ тому времени, когда послѣдній подвергся опалѣ императора Павла по случаю покражи, сдѣланной однимъ артиллерійскимъ солдатомъ галуновъ и кистей съ колесницы для артиллерійскаго штандарта, хранившейся въ Петербургскомъ арсеналѣ. О случаѣ этомъ, повлекшемъ увольненіе отъ службы гр. Аракчеева, я слышалъ отъ отца, но не такъ подробно, какъ онъ описанъ, много лѣтъ спустя, въ «Русск. Ст.» 1871 г. (кн. II, 241—242). Гр. Аракчеевъ въ своихъ «Автобіографическихъ Замѣткахъ» («Русск. Арх.» 1866, 922—927) не упоминаетъ ни объ этомъ случаѣ, ни о послѣдовавшемъ послѣ него увольненіи его отъ службы (1 Октября 1799 г.) и только записалъ: «Мая 14-го 1803 г. принятъ гр. Аракчеевъ въ третій разъ въ службу инспекторомъ Артиллеріи».

Аракчеевъ съ 1782 по 1787 воспитывался въ Артиллерійскомъ и Инженерномъ Корпусѣ, гдѣ дѣдъ мой былъ въ то время уже подполковникомъ, почему Аракчеевъ и называетъ его своимъ воспитателемъ.

Что касается словъ въ первомъ письмѣ «да и создавый насъ Творецъ не терпящій уже злости нашей далѣе трехъ мѣсяцевъ, считая съ 4 Декабря...», то они остаются совершенно непонятными, такъ какъ

по словамъ отца моего, дѣдъ никогда никакихъ столкновеній съ Аракчеевымъ не имѣлъ, да и по характеру своему не былъ способенъ питать къ кому либо чувство злобы.

Къ письму великаго князя Константина Павловича. Богополь— мѣстечко въ Балтскомъ уѣздѣ Каменецъ-Подольской губерніи на лѣвомъ берегу Буга.

Полковникъ князь В. Вяземскій, командиръ Егерскаго своего имени полка, въ журналѣ своемъ, веденномъ съ 1775 года, подъ 1800 годомъ о Богопольскихъ маневрахъ пишетъ слѣдующее.

«И такъ, Сентября 17 ввѣренный мнѣ полкъ, переправясь черезъ Синюху, прибылъ въ Богополье. 18 собрались всѣ полки, а именно Бринкена кирасирскій, Шрейдерса—драгунскій, Чаплыгина—гусарскій, Титова и Бахметева—гренадерскіе, Хитрово и Сукина—мушкетерскіе, Гангеблова, Балла и кн. Вяземскаго—егерскіе полторы роты артиллеріи въ командѣ полковника Бухольца. Такимъ образомъ полки ожидали прибытія его высочества».

«1 Октября великій князь прибылъ въ Богополь; 2-го собраны были со всѣхъ пѣхотныхъ полковъ по 10 унтеръ-офицеровъ и по 24 рядовыхъ, коихъ великій князь училъ самъ и весьма былъ доволенъ, отдалъ при паролѣ благодарность и приказалъ дать по чаркѣ водки. 3 числа его высочество смотрѣлъ полки спеціальнымъ смотромъ и былъ всѣми весьма доволенъ, отдалъ полкамъ благодарность и нижнимъ чинамъ по чаркѣ вина; 4 былъ шуль-маневръ; великій князь благодарилъ полки, исключая Шрейдерса драгунскаго, который былъ выгнанъ изъ фронта; 5 былъ маневръ всѣмъ войскамъ. Великій князь равно былъ доволенъ и отдалъ благодарность; 6 былъ маневръ съ войсками, который здѣсь подъ литерою К.—7 были приглашены къ столу великаго князя тѣ, коими былъ доволенъ, всѣ шефы, исключая генералъ-маіора Шрейдерса и нѣкоторые штабъ-офицеры. 9 войска выступили изъ Богополя въ свои непремѣнныя квартиры».

А. Корсаковъ.

С. Капустино, Серпуховскаго уѣзда.

ПИСЬМО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА О ЖИВОПИСИ.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Съ благодарностію принявъ отъ вашего превосходительства приглашеніе быть при открытіи Московскаго Художественнаго Общества, къ сожалѣнію моему не могу послѣдовать сему приглашенію, по настоящему состоянію моего здоровья, удерживающему меня въ келліи.

Но, не будучи равнодушенъ къ начинанію, соединенному съ надеждою общественной пользы и новаго украшенія древле-престольному граду, побуждаюсь принять въ ономъ то возможное для меня участіе, чтобы призвать новому учрежденію благословеніе Божіе, утверждающее и возращающее, въ знаменіе котораго препровождаю при семъ икону Христа Спасителя.

Не скрою при семъ, что къ желанію Художественному Обществу добраго успѣха вообще присоединяется во мнѣ желаніе художествамъ отечественнаго направленія и въ особенности живописи—направленія къ древле-священному характеру. Высшее начало и цѣль христіанской живописи и преимущественно требующую отъ искусства достойнаго удовлетворенія потребность Православной Церкви въ Россіи представляетъ—икона.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Филаретъ м. Московскій.

ПРИМѢЧАНІЕ КЪ ПИСЬМУ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

Съ разрѣшенія Предсѣдателя Московскаго Художественнаго Общества, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, извлечено изъ архива Общества это любопытное письмо митрополита Филарета и печатается въ знаменательное для Общества время, въ пятьдесятъ первый годъ его оффиціальнаго существованія. 30-го Декабря 1843 г. состоялось освященіе учрежденнаго при этомъ Обществѣ Училища Живописи и Ваянія (Зодчество присоединено позже, по закрытіи въ 1866 г. Дворцоваго Архитектурнаго Училища). По поводу этого торжества, на которое приглашенъ былъ митрополитъ Филаретъ и на которомъ онъ присутствовать не могъ, написано вышенапечатанное письмо, на имя помощника предсѣдателя (предсѣдателемъ былъ князь Д. В. Голицынъ, которому Общество и Училище обязаны главнымъ образомъ своимъ существованіемъ), тогдашняго Московскаго гражданскаго губернатора Ивана Григорьевича Синявина.

Коротко, но многозначитльно это письмо и, можетъ быть, теперь его значеніе сугубо-важно, послѣ того, какъ цѣлое полстолѣтіе протекло со времени его написанія. Этотъ немалый періодъ времени даетъ возможность судить о томъ, во сколько указанія митрополита, заочно благословившаго Училище, были приняты во вниманіе этимъ разсадникомъ отечественныхъ художниковъ, а также и безпристрастно обсудить (на основаніи всего съ того времени совершившагося въ области образовательныхъ искусствъ) самый смыслъ воззрѣнія на высказанную въ такой и категорической формѣ высшую задачу живописи въ Россіи.

Надо было немало смѣлости, чтобы высказать пятьдесятъ лѣтъ тому, назадъ, въ самую горячую эпоху увлеченія Западомъ, такую радикально-противуположную тогдашнимъ художественнымъ понятіямъ мысль. Изъ этого обстоятельства видно, что писавшій не стѣснялся идти противъ укоренившихся въ его время воззрѣній, когда считалъ это нужнымъ, и что необыкновенная сила его мысли проникала въ самую суть и такихъ вопросовъ, которые, повидимому, относились лишь косвенно къ его богословской дѣятельности.

Впрочемъ, лишь для поверхностнаго взгляда связь между богомысліемъ и искусствомъ можетъ быть сомнительна или даже вовсе не существовать; но для столь сильнаго мыслителя, каковымъ былъ м. Филаретъ, связь искусства съ

вѣрою представлялась несомнѣнной. Углубившись въ вопросъ объ отношеніи послѣдней къ первому, онъ пришелъ къ заключенію о зависимости искусства отъ вѣры, и при открытіи въ Москвѣ Художественнаго Училища, прямо заявилъ, что искусство имѣетъ свое высшее освященіе въ вѣрѣ и что только въ стремленіи къ выраженію вѣруемаго въ видимомъ оно находитъ, если можно такъ выразиться, свое оправданіе.

Въ то время, когда митрополитъ Филаретъ писалъ это письмо, у насъ не только смотрѣли въ обществѣ на затронутый имъ вопросъ совершенно иначе, но можно даже сказать, почти никто не подозрѣвалъ, что иконопись можно почитать отраслью чистаго искусства, а развѣ только искусства прикладнаго. Подъ иконописью конечно надо понимать здѣсь традиціонную, церковнаго такъ называемаго пошиба. Необходимость изображеній въ церквахъ конечно и тогда не отвергалась; но почти всѣ были убѣждены, что живописными картинами надо замѣнить старинныя анти-художественныя иконы и, если возможно, понемногу ввести въ церковный обиходъ статуи, начиная съ колѣнопреклоненныхъ ангеловъ надъ иконостасомъ. Пластикѣ не удалось распространить свое примѣненіе въ храмахъ, но живопись дѣйствительно почти совершенно вытѣснила иконопись изъ церквей ко второй половинѣ текущаго столѣтія. И въ это-то время при открытіи Школы Живописи и Ваянія, митрополитъ смѣло заявляетъ, что не только иконопись есть несомнѣнная отрасль живописи, но даже та ея форма, къ которой живопись должна стремиться, какъ къ своему высшему проявленію.

Въ точности мы не знаемъ, какъ отнеслось къ этому авторитетному слову только что возникшее тогда Художественное Общество. Одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ въ то время членовъ его, А. С. Хомяковъ, высказалъ въ послѣдствіи и развилъ мнѣніе совершенно сходное съ мнѣніемъ митр. Филарета; но зналъ ли онъ о существованіи самаго письма̀, сказать трудно; ибо намъ неизвѣстно, присутствовалъ ли онъ при торжествѣ, на которомъ это письмо было прочитано. Вѣроятнѣе, что онъ пришелъ къ тождественному взгляду на иконопись путемъ собственнаго развитія той мысли, которую онъ еще въ очень молодыхъ лѣтахъ высказалъ относительно связи искусства съ вѣрою *). Всего вѣроятнѣе, что на письмо обратили тогда немного вниманія учредители Школы, увидавъ въ немъ лишь выраженіе узко-клерикальнаго воззрѣнія, понятнаго въ оффиціальномъ представителѣ (хотя и очень мудромъ) клерикализма, которое считалось тогда слишкомъ многими тождественнымъ съ церковностью въ православномъ смыслѣ. Воспитанное на Западный ладъ, съ воззрѣніями почерпнутыми изъ лексикона Европейскихъ понятій, наше общество тогда (а можетъ быть еще не рѣдко и теперь) склонно было видѣть въ каждомъ словѣ члена православнаго клира, сказанномъ въ смыслѣ апологіи церковныхъ обычаевъ или обрядовъ, проявленіе узкаго клерикализма, направленнаго лишь къ тому, чтобы усилить порабощеніе духовенству

---

*) Ср. отрывки статьи о зодчествѣ («Русскій Архивъ» 1893, II, 106).

всѣхъ проявленій умственной и духовной жизни народа и общества. На Западѣ дѣйствительно интересы клира (особенно у Р.-Католиковъ), понятаго какъ синонимъ самой церкви, не всегда лишены окраски сословнаго утилитаризма. Возведеніе иконописи на высокую степень художественнаго значенія въ устахъ Римскаго іерарха могло бы прикрывать собою напр. намѣреніе подчинить образовательное искусство преимущественному вліянію клира, чтобы пользоваться этимъ сильнымъ орудіемъ для своихъ собственныхъ цѣлей. Но въ словахъ митрополита Филарета конечно не скрывалось никакого сколько нибудь подходящаго къ этому смысла. Икона есть такой предметъ обычной религіозной потребности, который еще не приходится искусственно распространять на Руси для выгодъ самаго клира: спросъ на икону такъ великъ, что ему едва успѣваетъ удовлетворять усиленная производительность самого же народа въ лицѣ его самоучныхъ мастеровъ. Вопросъ только въ отношеніи этой отрасли искусства къ искусству настоящему; это принципіальное его разрѣшеніе, совершенно чуждое всякой практической подкладки и вполнѣ умѣстное при освященіи учрежденія, долженствующаго ясно сознавать цѣль искусства, служить коему оно призвано.

Надо думать, что дѣятели Общества и Училища не раздѣляли высказаннаго митр. Филаретомъ воззрѣнія. Въ теченіе пятидесятилѣтняго существованія своего, Школа Живописи Московскаго Художественнаго Общества ничѣмъ по крайней мѣрѣ не высказала своего сочувствія выраженной м. Филаретомъ мысли. Нельзя однако не сказать, что практическое осуществленіе этого вкратцѣ выраженнаго положенія дѣйствительно не очень легко, особенно когда не указаны къ тому практическіе пути, а еще болѣе, когда самый вопросъ о томъ, какъ понимать слово *икона*, какое отношеніе иконы, признанной какъ высшая форма художественнаго творчества (если только признать ее за таковую) къ другимъ проявленіямъ искусства и т. п., недостаточно разработанъ и выясненъ. Не знаемъ, есть ли въ сочиненіяхъ митр. Филарета спеціальныя разсужденія о значеніи „иконы"; но въ настоящемъ письмѣ своемъ онъ вѣроятно понималъ это выраженіе сообразно тому напр. смыслу, который онъ придавалъ иконѣ въ словѣ своемъ на Успеніе Богородицы, произнесенномъ въ 1846 году. (Сочиненія, изд. 1882 г. т. IV, стр. 457). По поводу иконы Успенія, написанной митр. Петромъ и находящейся въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ, онъ выражается такъ: „Какую многоразличную премудрость заключили въ иконномъ изображеніи богомудрые отцы наши! Они представили намъ не только назидательныя воспоминанія прошедшаго и видимаго, но и таинственное созерцаніе невидимаго въ области грядущаго вѣка".

Итакъ икона, по его пониманію, не есть только изображеніе священныхъ ликовъ для молитвеннаго почитанія вѣрующихъ, но и историческая картина со всѣми элементами художественной идеализаціи изображенныхъ событій. Это такое опредѣленіе художественнаго произведенія, которое можно было бы примѣнить ко многимъ произведеніямъ кисти величайшихъ ху-

дожниковъ, каковы напр. многія картины Рафаэля, Микель-Анджело и другихъ. Въ начертанную имъ рамку можетъ вмѣститься творчество самаго широкаго объема, и явно, что, ставя икону высшей цѣлью художества образовательнаго, онъ не имѣетъ въ виду стѣснить его задачи, съузить его предѣлы. Тѣ, къ которымъ обращено было письмо его, не дали себѣ труда доискаться настоящаго смысла употребленнаго имъ выраженія. Вмѣсто того, чтобы хотя изъ любопытства спросить у митрополита, какъ онъ собственно понимаетъ ту цѣль, стремиться къ которой благословляетъ ихъ, они сдали письмо въ архивъ вмѣстѣ съ вопросомъ, который въ немъ былъ затронутъ; и только теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, письмо это выходитъ опять на свѣтъ.

Въ настоящее время уже нельзя отнестись къ мысли, въ этомъ письмѣ выраженной, такъ какъ отнеслись къ нему полвѣка тому назадъ. Можно, конечно, не согласиться съ ней и доказывать ея ошибочность; но считаться съ ней несомнѣнно приходится: потому что теперь вопросъ о цѣляхъ искусства болѣе чѣмъ когда либо напрашивается на разрѣшеніе. Происходитъ это главнымъ образомъ отъ того, что въ эпоху всяческихъ умствованій (XIX вѣкъ) непосредственное творчество почти невозможно, а вмѣстѣ съ тѣмъ потребность художественной дѣятельности не можетъ вполнѣ изсякнуть; въ ней, можетъ быть, даже является сугубая потребность, какъ въ противодѣйствіи этому самому избытку умствованія. Явная безплодность искусственнаго художества невольно приводитъ къ необходимости хотя бы додуматься до того, въ чемъ настоящее художество заключается, съ тѣмъ чтобы по этому надуманному, но правильному пути вести искусство до того времени, когда оно опять начнетъ естественно цвѣсти. Съ особеннымъ интересомъ можно остановиться именно въ наше время на многозначительныхъ словахъ, начертанныхъ митрополитомъ Филаретомъ, и постараться уяснить себѣ ихъ значеніе.

Не смотря на то, что Западъ такъ много создалъ великаго въ области искусства и что западная наука такъ много потрудилась въ области эстетики и философіи искусства, едва ли мы найдемъ въ литературахъ Запада какіе либо матеріалы для опредѣленія самой идеи „иконы", а слѣд. и для разрѣшенія вопроса о значеніи иконы въ области образовательныхъ искусствъ. Конечно, вопросъ объ отношеніи искусства къ вѣрѣ тамъ и возникалъ, и различнымъ образомъ разрѣшался; но самое понятіе объ иконѣ, какъ о чемъ-то отличномъ отъ исторической картины религіознаго содержанія съ одной стороны и отъ наивно-традиціоннаго изображенія священнаго предмета съ другой стороны, едва ли на Западѣ и существовало когда либо. Если же однако признать, что икона есть высшая степень художественнаго творчества, то едва ли не придется допустить, что значеніе ея должно быть общимъ для всѣхъ народовъ, и что на Западѣ и у насъ, въ средѣ, воспитанной на исключительно западныхъ понятіяхъ, до этого представленія только не доду-

мались, хотя бы и подчинялись въ сущности самому закону, въ немъ заключенному. Такъ, надо думать, смотрѣлъ на этотъ вопросъ А. С. Хомяковъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ высказанной митр. Филаретомъ мысли о значеніи иконы въ искусствѣ, послѣдовательно и многосторонне развившій оную во многихъ изъ своихъ статей. Дальше мы возвратимся къ его воззрѣніямъ на этотъ существенный въ дѣлѣ искусства вопросъ, а въ настоящее время укажемъ лишь на то, что онъ, опредѣливъ „икону" какъ художество въ высшемъ его значеніи, признаётъ въ своей статьѣ о картинѣ Иванова, что высшее изъ всѣхъ произведеній живописи есть Сикстинская Мадонна,—слѣдовательно въ ней и иконопись должна бы, кажется, обрѣсти свое завершеніе. Изъ сопоставленія мыслей о значеніи иконы Хомякова со словами митр. Филарета можно во всякомъ случаѣ придти къ заключенію, что задача, которую Филаретъ предлагалъ зарождавшейся Московской Школѣ Живописи, не можетъ почитаться узкою; но вопросъ о томъ, вѣрна ли таковая—остается открытымъ. Всесторонне разрѣшить его не легко въ предѣлахъ краткой замѣтки; постараться же ясно поставить его и тѣмъ способствовать его правильному разрѣшенію намъ кажется все таки и возможнымъ, и желательнымъ.

*

Не для простаго воспроизведенія впечатлѣній, получаемыхъ чрезъ органы нашихъ чувствъ, существуетъ искусство [1]). Оно имѣетъ свое основаніе въ потребности выразить тѣ стороны духовной жизни нашей, которыя не поддаются простой передачѣ словомъ, этимъ орудіемъ одного логическаго мышленія [2]). Качество художественнаго произведенія опредѣляется такимъ образомъ качествомъ того чувства, которому художникъ служитъ выразителемъ, а не качествомъ выраженія, каковое можетъ быть иногда обратно-пропорціонально достоинству выражаемаго. Предметы художественнаго творчества безконечны или по крайней мѣрѣ на столько разнообразны, какъ и чувства, на которыя душа человѣка способна. Самая ничтожная вещь можетъ вызвать въ душѣ чувство, которое, разъ выраженное художникомъ, будетъ понято и раздѣлено другими. Но искусство можетъ выразить и самые высокіе духовные идеалы, которыми живутъ цѣлое общество и цѣлый народъ; и чѣмъ этотъ идеалъ выше, чѣмъ болѣе онъ выражаетъ самую сущность вѣры тѣхъ людей, къ обществу которыхъ художникъ принадлежитъ: тѣмъ выше становится художественное произведеніе, его выражающее, такъ какъ оно уже не произведеніе одного лица, а цѣлаго общества и, можетъ быть, цѣлаго міра, если этотъ міръ узнаётъ въ этомъ художественномъ твореніи какъ бы кри-

---

[1]) Ср. Гегеля Предисловіе къ эстетикѣ.

[2]) Въ поэзіи (искусствѣ въ словѣ) лексическое значеніе словъ получаетъ особый какъ бы условный смыслъ, въ которомъ точное значеніе оныхъ окрашивается чѣмъ-то особымъ, заставляющимъ ихъ обычное точное значеніе.

сталлизацію своей вѣры, своего идеала. Выраженіе этой невидимой вѣры, которая живетъ въ коллективной единицѣ народа, общества, церкви, есть нахожденіе видимаго образа-иконы (что по-гречески и значитъ буквально образъ) для этой вѣры, для этого общаго чувства. Икона есть слѣдовательно выраженіе всѣмъ понятное того, во что люди вѣруютъ, не умѣя безъ посредства художника выразить свое вѣрованіе въ образѣ, звукахъ, линіяхъ (архитектура) или поэтическихъ словахъ. Такимъ образомъ можно, пожалуй, сказать, что во всѣхъ искусствахъ есть своего рода иконописность и что эта форма художественнаго творчества есть наивысшая: ибо она требуетъ участія всѣхъ въ художественномъ дѣлѣ, выразителемъ коего одинъ художникъ [1]), вдохновенный общими чувствами другихъ людей съ нимъ единодушныхъ. Во всѣ времена такая высшая форма художественнаго творчества существовала и болѣе или менѣе себя проявляла; но такъ какъ не всѣ времена въ исторіи являютъ намъ одинаковую напряженность живой вѣры въ какіе либо идеалы (въ религіозные же и того менѣе), то несомнѣнно, что художество въ этой высшей своей формѣ не всегда стоитъ на одинаковой высотѣ. Главный врагъ искусства вообще и высшаго, иконнаго искусства по преимуществу, есть упадокъ вѣрованія и неразрывно связанное съ нимъ развитіе субъективизма; субъективизмъ же самъ по себѣ не противохудожественъ вообще [2]), но онъ какъ во всемъ, такъ и въ искусствѣ, способенъ лишь на дѣла мелочныя; въ области же искусства онъ большею частію является подъ шаблоннымъ видомъ талантливости всякаго рода, производящей вещи иногда очень и очень увлекательныя и особенно цѣнимыя, когда онѣ облекаются въ форму такъ называемой виртуозности. Виртуозность — это послѣднее слово искусства временъ упадка, утратившаго свои коренныя основы въ чувствѣ общемъ и развившаго до утонченности индивидуальное настроеніе художника, которое безъ соотвѣтственной утонченности техники не могло бы быть цѣнимо. При условіи же виртуозности чувственное выраженіе его обращается въ лакомство для цѣнителей такихъ эпохъ, когда искусство изъ насущной, здоровой потребности обратилось въ предметъ только роскоши. Какъ бы вѣрованія ни ослабѣвали въ извѣстныя эпохи, пока они не вымрутъ окончательно, въ обществѣ живетъ смутное сознаніе, что были однако времена, когда эти ослабѣвающія вѣрованія являлись

---

[1]) Одинъ изъ величайшихъ Западныхъ писателей нашего времени выразилъ совершенно подобное воззрѣніе, говоря объ искусствѣ устами героя одной изъ своихъ повѣстей. «Если бы я находился въ общеніи вѣры и сочувствія съ народомъ одного со мною исповѣданія (culte) я искалъ бы въ соприкосновеніи съ этими душами, исполненными одинаковымъ религіознымъ самосознаніемъ, того вдохновенія, котораго я до сего времени искалъ лишь въ одиночествѣ, и потому находилъ лишь въ очень недостаточной степени». G.-Sand, Consuelo, ч. 2, стр. 107. А. С. Хомяковъ высоко цѣнилъ этого писателя, какъ художника, хотя строго порицалъ то направленіе, котораго онъ былъ представителемъ. Ср. Письмо къ Т. И. Филипову въ I-мъ томѣ Сочиненій А. С. Хомякова.

[2]) Самъ художникъ вноситъ элементъ субъективности.

живымъ достояніемъ всѣхъ и когда эта всеобщность вѣры находила себѣ выраженіе въ твореніяхъ тогдашнихъ художниковъ, т. е. древнихъ. Оттуда у всѣхъ народовъ существуетъ общая черта почитанія священнымъ искусства древняго. Это есть основа такъ называемаго традиціонализма, которая съ одной стороны составляетъ существенную черту иконописи вообще, но съ другой обращается легко и въ орудіе ея упадка, и наконецъ ея художественной смерти, низведя икону на степень почти ремесленнаго произведенія *). Всѣ виды человѣческихъ вѣрованій всякаго наименованія (напр. политическихъ) имѣли свою иконопись во всѣхъ видахъ искусства, и развитіе оной соотвѣтствуетъ наиболѣе цвѣтущей эпохѣ этихъ вѣрованій. Индія, Ассирія, Вавилонъ и Египетъ даютъ намъ безконечное количество подтверждающихъ это положеніе доказательствъ; но наиболѣе краснорѣчивыя доказательства почерпаемъ мы для нехристіанскаго міра въ мірѣ Эллинскомъ, давшемъ намъ въ Фидіевыхъ твореніяхъ образцы высшей художественной иконности въ пластикѣ, созданіемъ тѣхъ типовъ божества, которымъ Греки не переставали поклоняться во всю свою многовѣковую исторію. Потребность и способность выражать въ художественномъ образѣ даже самыя отвлеченныя ученія и вѣрованія нигдѣ такъ поразительно не проявляли себя какъ въ пантеистическомъ или почти атеистическомъ Буддизмѣ, создавшемъ такую высоко-художественную „икону“ Будды, которая даже непричастнымъ къ его ученію открываетъ сразу всю суть онаго, а для послѣдователей въ такой мѣрѣ служитъ его какъ бы кристаллизаціей, что они пронесли ее съ собою до крайнихъ предѣловъ своего распространенія, гдѣ колоссальныя статуи Будды, поглощеннаго въ самосозерцаніе, составляютъ украшеніе многихъ храмовъ его культа.

Христіанскому міру предстояла болѣе трудная, но за то и еще гораздо болѣе благодарная задача въ области своей иконописи, какъ и вообще во всей области искусства. Только оно одно могло дать возможность человѣку развить въ себѣ всѣ силы духовныя при свѣтѣ высшаго откровенія, озаряющаго въ немъ вѣру, т. е. ту сторону психической жизни, которая по мнѣнію А. С. Хомякова есть единственный факторъ всякой плодотворной дѣятельности. Если христіанское искусство уступаетъ античному въ совершенствѣ пластики, то оно съ лихвою вознаграждаетъ эту кажущуюся утрату тѣмъ, что вводитъ въ свою область совершенно невѣдомое древности изобиліе высшихъ мотивовъ художественнаго творчества, сравнительную скудость коихъ древній человѣкъ прикрывалъ совершенствомъ формы – пластикою. Оттого у древнихъ икона могла только быть въ зародышѣ, какъ въ зародышѣ у нихъ была и самая вѣра, создающая искусство вообще и икону (его высшее проявленіе) въ частности. Вполнѣ объективное искусство возможно

*) Традиціонализмъ историческій не долженъ смѣшиваться съ традиціонализмомъ художественнымъ. Ясно, что всякая портретность типа дѣлаетъ его для художника обязательнымъ.

лишь тамъ, гдѣ возможна вполнѣ объективная вѣра или, точнѣе, вѣра вполнѣ положительная. Тамъ, гдѣ она невозможна (какъ напр. у христіанскихъ народовъ, допускающихъ только субъективныя начала), тамъ невозможно и вполнѣ объективное искусство, а возможно лишь проникновеніе художника субъективнымъ чувствомъ, дающимъ его произведеніямъ ту внутреннюю прозрачность, которая дѣлаетъ ихъ понятными и обаятельными для всякаго, связаннаго съ художникомъ лишь человѣчностью въ широкомъ смыслѣ, а не тѣсной связью духовнаго общенія. А. С. Хомяковъ раздѣляетъ искусства на двѣ категоріи (въ статьѣ о Гумбольтѣ). Къ первой изъ нихъ онъ относитъ всѣ возможные виды художественнаго творчества личнаго и называетъ ее пластикою бытовою; ко второй же онъ относитъ то искусство, которое хотя и произведеніе одного лица, но служитъ выраженіемъ всѣхъ людей, живущихъ однимъ духовнымъ началомъ, и называетъ ее иконною пластикою. Если принять это раздѣленіе, то можно вмѣстѣ съ нимъ сказать,что икона въ настоящемъ своемъ смыслѣ возможна только въ единствѣ церковнаго созерцанія. „Оттого-то, говоритъ тотъ же писатель, она стоитъ (въ своемъ идеалѣ) такъ много выше всякаго другаго художественнаго произведенія—предѣломъ, къ которому непремѣнно должно стремиться художество, если оно еще надѣется на какое нибудь развитіе“.

Сказаннаго вѣроятно достаточно для уясненія смысла краткаго афоризма, выраженнаго митр. Филаретомъ, въ письмѣ по случаю освященія Московской Школы Живописи. Мы хотѣли только обставить его слова такимъ объясненіемъ, которое показало бы ихъ въ настоящемъ свѣтѣ, а не доказывать абсолютную правоту его воззрѣнія. Для этого не достанетъ цѣлаго увѣсистаго трактата, такъ какъ нельзя не сознаться, что можно немало возразить противъ онаго, не смотря на то, что для насъ лично вѣрность его не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Необходимо только добавить нѣсколько пояснительныхъ словъ по поводу невольно возникающаго вопроса о томъ, какое значеніе можно придавать твореніямъ западныхъ художниковъ въ области церковной живописи? Можно ли признавать, что и тамъ художество достигало до практическаго осуществленія высшей своей задачи, хотя бы оно и не имѣло вполнѣ твердой подъ собою опоры сознательнаго пониманія задачъ иконописанія? Этотъ вопросъ былъ очень обстоятельно затронутъ по поводу картинъ знаменитаго Фра-Анджелико Ѳ. В. Чижовымъ на страницахъ „Русской Бесѣды“ (1856 г. IV), въ его интересной біографіи этого высшаго представителя западной иконописи. Чижовъ очень доказательно отвергаетъ абсолютную иконность произведеній Фра-Анджелико, указывая на излишнее развитіе въ немъ субъективности, хотя таковая и проявляется въ самой очаровательной формѣ.

Западная формальная иконопись дѣйствительно никогда не достигала той степени объективности, которую мы считаемъ, по нашимъ понятіямъ, мѣриломъ истинной иконописи: въ этомъ нельзя сомнѣваться; да и нельзя этому удивляться, ибо формальная икона удовлетворяетъ лишь тому, чего отъ нея требуетъ

нуждающееся въ ней общество. Западно-христіанское церковное начало никогда не могло устранить изъ своего обихода элементъ индивидуализма (въ ученіи, въ авторитетѣ, въ личной страстности вѣры); потому и искусство, во сколько оно служило его выраженіемъ, должно было отражать на себѣ и его односторонность. Но тамъ, гдѣ Западный художникъ силою личнаго генія становился на высшую точку художественнаго созерцанія, на ту точку, достигнувъ которой онъ обращался изъ Западнаго христіанина (можетъ быть лишь на минуту) въ христіанина какъ таковаго, онъ иногда творилъ произведенія въ области всѣхъ искусствъ и живописи въ частности, которыя вполнѣ разрѣшали самую строгую, самую высшую задачу иконописи, хотя бы это произведеніе и не было отмѣчаемо оффиціальнымъ названіемъ иконы. Смотря на нѣкоторыя произведенія западной кисти или рѣзца, слушая нѣкоторыя мелодіи западнаго происхожденія, вступая въ нѣкоторыя зданія, воздвигнутыя вѣрующими зодчими того же Запада, всякій и православный невольно перекрестится, а слѣдовательно признàетъ за свое то, чтò повидимому родилось въ средѣ для него чуждой...

„Мадонна Сикстинская—высшее произведеніе искусства“. Мы уже выше привели это изрѣченіе А. С. Хомякова. Если это такъ, то ясно, что по его мнѣнію и, прибавимъ, по нашему, она есть и высшая икона, а ея примѣромъ достаточно разрѣшаются тѣ путы, которыми хотѣли бы стѣснить иконопись ея недальновидные ревнители или ея закоренѣлые противники.

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ТЕТРАДЕЙ С. М. СУХОТИНА *).

1869-й годъ.

Сюда пріѣхалъ на нѣсколько дней князь С. Н. Урусовъ. При всей своей педантической осторожности въ разговорахъ, онъ все-таки можетъ служить политическимъ термометромъ правительственнаго современнаго настроенія въ Петербургѣ. Конечно, онъ возставалъ противъ Московской журналистики, т. е. главное противъ рѣзкаго тона «Московскихъ Вѣдомостей» и противъ слишкомъ раздраженныхъ нападковъ на Потапова, котораго взглядъ на крестьянскую реформу въ Сѣверо-Западномъ краѣ онъ однако не совсѣмъ раздѣляетъ, полагая, что повѣрка уставныхъ грамотъ и могущая воспослѣдовать отрѣзка у крестьянъ земли могутъ народить безпорядки и смуты.

Прочелъ я весьма любопытную брошюру Овербека Die rechtgläubige Katholische Kirche, гдѣ подробно изложено пламенное желаніе многихъ Англиканъ и Католиковъ возстановить первобытную Каѳолическую Западную церковь въ томъ духѣ и въ тѣхъ догматахъ, какъ оная существовала до раздѣленія церквей, и присоединиться къ нашей Православной Восточной церкви, за исключеніемъ обрядности. Прошеніе это прислано было въ Синодъ еще прошлой весной и, кажется, осталось тамъ подъ сукномъ. Если Синодъ не станетъ отвѣчать или удовольствуется какимъ-нибудь неопредѣленнымъ и холоднымъ отвѣтомъ: то, конечно, всѣ эти просители и другіе ревнующіе о возстановленіи чистоты церкви, отвернутся отъ насъ, и любовь ихъ къ намъ изсякнетъ. Въ Петербургѣ никому не до чего дѣла нѣтъ; а всякій министръ и чиновникъ думаетъ только о себѣ и хлопочетъ конечно поддѣлаться подъ господствующій тонъ правительства: безучастіе, антинаціальность и мертвечина. Главная бѣда въ томъ, что тамъ овладѣлъ всѣми страхъ, *идѣже не бѣ страха*.

16 Января. Вчера было интересное засѣданіе въ дворянскомъ собраніи. Докладъ юридической коммиссіи, заключенный всеподданѣй-

*) См. 2—4 выпуски „Русскаго Архива“ сего года. П. Б.

шимъ адресомъ, составленъ прекрасно. Жалоба Чарторійскаго на Б. А. Н. возбудила много живыхъ и раздражительныхъ преній. Нашъ голова князь Щербатовъ говорилъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, съ большимъ чувствомъ, и его благородное сердце звучало въ каждомъ словѣ. Доклады разныхъ коммиссій привели, конечно, къ тому заключенію, чтобъ передать ихъ въ земство.

21 Января. На дняхъ въ Обществѣ Сельскаго Хозяйства я слушалъ докладъ князя Виктора Илларіоновича Васильчикова объ его хозяйствѣ и рядовомъ посѣвѣ; столько дѣльнаго, правдиваго и любопытнаго было имъ изложено, личность его столько имѣетъ обаятельнаго, что все собраніе слушало его подъ самымъ увлекательнымъ впечатлѣніемъ.

Началъ я читать отличную книгу Le problème du mal, Невиля. Такого рода чтеніе производитъ на меня всегда самое благотворное дѣйствіе. Не могу сказать того же самаго о статьѣ противъ Славянофиловъ, напечатанной въ № 15 «Вѣсти»: это ни что иное какъ самый ловкій доносъ, вѣроятно писанный по заказу, и когда же? Въ ту минуту, какъ дѣло Аксакова разсматривается въ 1-мъ департаментѣ Сената Quelle honte et quelle ignominie! [1]) Будемъ ждать рѣшенія Сената. Почти навѣрное можно сказать, что «Москва» будетъ запрещена; осмѣлятся ли сенаторы идти противъ министра?

24 Января. По письмамъ изъ Петербурга всѣ заняты тамъ дѣломъ Аксакова, и общество раздѣлилось на двѣ партіи: *государственную*, т. е. то что́ проповѣдуетъ «Вѣсть», и общественную, живую, человѣческую.

10 Февраля. Пишу со словъ Аксакова, какъ разсматривалось его дѣло въ 1-мъ департаментѣ Сената. Засѣданіе началось съ обвинительной рѣчи министра внутр. дѣлъ который нападалъ на вредное вліяніе Славянофиловъ вообще, и на Аксакова въ особенности, находя, что онъ всегда отличался строптивымъ характеромъ и высказывалъ въ издаваемыхъ имъ газетахъ демократическія, антиправительственныя идеи; также Тимашевъ выражалъ, что Аксаковъ и подобные ему писатели очень часто прикрываются, какъ маской, словами *православный*, *преданный самодержавію*, дабы тѣмъ удобнѣе дѣйствовать въ смыслѣ анархическомъ. Для поясненія своей мысли, онъ привелъ примѣръ madame Roland, сказавшей на эшафотѣ эти извѣстныя пред-

---

[1]) Какой стыдъ и какой позоръ!

смертныя слова: Oh liberté, que de crimes ont été commis en ton nom! [1]). Послѣ этой филиппики министра, первый сталъ говорить въ защиту Аксакова Алексѣй Владимировичъ Веневитиновъ; а главнымъ и самымъ дѣльнымъ защитникомъ Аксакова былъ сенаторъ Любимовъ [2]), проводившій ту мысль, что разсмотрѣніе обвинительныхъ пунктовъ противъ редактора газеты «Москва» Сенату не подлежитъ, а что министру слѣдуетъ съ своимъ обвиненіемъ обратиться въ подлежащее судебное мѣсто, противъ чего конечно возсталъ Тимашевъ и при семъ вѣрномъ случаѣ сдѣлалъ нападеніе на новые суды, за которые опять же заступился Любимовъ, напомнивъ министру, что изъ 14 процессовъ между прессой и Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ судъ оправдалъ только одну газету «Вѣсть», чѣмъ можно доказать его безпристрастіе. Третій защитникъ Аксакова былъ сенаторъ Веймарнъ. Изъ противниковъ его сильно возставалъ противъ печати вообще и Аксакова въ особенности сенаторъ Врангель. ***, не мотивируя своего мнѣнія, объявилъ, что онъ согласенъ съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

12 Февраля. Пріѣзжіе изъ Петербурга разсказываютъ, что дѣло Аксакова возбуждаетъ тамъ большой интересъ и что большинство конечно настроено на протестъ. Государь вообще возбужденъ противъ прессы и, кажется, недоволенъ сенаторами, защищавшими «Москву». Даже Веневитиновъ, оберъ-шенкъ, по этому поводу не былъ съ своимъ семействомъ приглашенъ на балъ во дворецъ; онъ за правду попалъ въ немилость. За то мой пріятель князь С. Н. Урусовъ вездѣ проповѣдуетъ о томъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ имѣлъ право подавать бумагу противъ Аксакова, и вообще ораторствуетъ въ духѣ ультраконсервативномъ, боясь какихъ - то конституціонныхъ тенденцій, тогда какъ правительство, провозглашая великія реформы освобожденія крестьянъ, земства, судебную и проч., само внушило черезъ это всѣмъ вѣрноподданнымъ желаніе идти впередъ въ саморазвитіи, самоуправленіи и во всемъ государственномъ строѣ. Теперь же, при первой вспышкѣ независимости, въ какой бы то ни было отрасли дѣятельности и мышленія, это же самое правительство становится на дыбы и самымъ лукавымъ образомъ старается заглушить то, чтó оно возбудило и чтó могло бы только служить къ его возвышенію. Конечно, въ этомъ хаосѣ антинаціональная партія дѣйствуетъ на свободѣ, и даже на дняхъ шепнули, что бѣгство прелата Сосновскаго за границу произошло отъ того, что Католическая Духовная Коллегія,

---

[1]) О свобода, сколько преступленій совершено было во имя твое!

[2]) Честный человѣкъ и нѣкогда пріятель П. А. Плетнева (въ то время уже умершаго). П. Б.

засѣдающая въ Петербургѣ, изъятая изъ подъ вліянія папы, превратилась въ чисто-церковное учрежденіе, лишенное всякаго національнаго характера, что̀ яко бы смутило большинство Польскаго революціоннаго духовенства, и что «Московскія Вѣдомости» болѣе всего содѣйствовали къ возбужденію ненависти въ католическомъ духовенствѣ къ Русскому правительству, выдумавъ, будто, вопросъ о раздѣленіи католицизма съ полонизмомъ. Говорятъ, что, вслѣдствіе этихъ темныхъ внушеній, потребованы всѣ тѣ номера «Московскихъ Вѣдомостей», гдѣ разсматривается этотъ вопросъ; а сегодня, въ № 35-мъ, Катковъ напечаталъ передовую статью по поводу этихъ слуховъ. У него преисправные корреспонденты. Замѣтно, что правительство начинаетъ заискивать въ Полякахъ и Нѣмцахъ. Напримѣръ, на дняхъ Московскій генералъ-губернаторъ князь Долгорукій призывалъ банкира Ахенбаха и говорилъ ему, что Государь желаетъ, чтобъ Московскіе Остзейскіе негоціанты составили комитетъ для вспомоществованія голодающимъ въ Остзейскихъ губерніяхъ; но оказалось, что Ахенбахъ Прусскій подданный. Неизвѣстно, что̀ изъ этого будетъ.

24 Февраля. Все это время пробавляемся мы въ Москвѣ одними слухами объ Аксаковскомъ дѣлѣ, объ управленіи Сѣверо-западнаго края и о разныхъ сплетняхъ, такъ что повторять одни слухи не стоитъ и ни къ чему не ведетъ. Извѣстно только, что Потаповъ былъ очень хорошо принятъ Государемъ, и что ему не сдѣлано, кажется, никакого замѣчанія на счетъ его недостойнаго обращенія съ люстраціонными чиновниками.

На дняхъ нашъ почтенный, многолюбимый голова князь Щербатовъ объявилъ, что онъ отказывается отъ должности головы; его прощальныя слова были самыя трогательныя. Этотъ человѣкъ заслужилъ такую всеобщую любовь и уваженіе, что конечно все то вниманіе и преданность, которыя ему оказало Московское общество, стоятъ всякихъ лентъ и оффиціальныхъ наградъ, за которыми такъ гоняется чиновничій людъ, и въ слѣпотѣ своей эти искатели наградъ, не имѣющіе внутренняго достоинства, воображаютъ себѣ, что люди имъ окажутъ больше уваженія за ленту, чѣмъ за безкорыстную общественную службу.

21 Марта Все это время было большею частію посвящено панихидамъ и погребеніямъ. Смерть князя Одоевскаго, этого истинно добраго, образованнаго человѣка огорчила все Московское общество. Некрологи о немъ, написанные Тимирязевымъ, Побѣдоносцовымъ и въ особенности графомъ Сологубомъ, выражаютъ ту глубокую потерю,

которую понесли его друзья и всѣ его знавшіе. Вчера похоронили мы тоже почтеннаго, добраго человѣка, Московскаго коменданта П. П. Корнилова, который умеръ скоропостижно, играя съ своими внучатами.—Послѣ первой недѣли поста, на которой я говѣлъ, былъ я часто въ Думѣ на приготовительныхъ засѣданіяхъ, по поводу предстоящихъ выборовъ въ городскіе головы. Есть надежда, что выберутъ князя В. А. Черкаскаго. Въ мірѣ политическомъ ничего новаго не произошло. О войнѣ и говорить перестали. Въ Россіи всѣ заняты желѣзнодорожнымъ дѣломъ и въ Петербургѣ отбоя нѣтъ отъ просящихъ концессій. Игра на биржѣ тамъ тоже процвѣтаетъ, чему причиной конечно большею частію быстрое повышеніе курса на процентныя бумаги.

23 Марта. Вслѣдствіе безпорядковъ, происшедшихъ въ Петербургѣ въ Медико-Хирургической Академіи и Технологическомъ Институтѣ, въ Московскомъ Университетѣ явились оттуда пропагандисты, которые хлопочутъ о дарованіи права сходокъ. Это явленіе внезапное, особенное въ Москвѣ, упавшее изъ Петербурга, ничѣмъ не подготовленное. Я боюсь конечно за М., чтобъ его не вовлекли въ какую-нибудь демонстрацію или не заставили бы подписать какую-нибудь бумагу.

24 Марта. Въ Университетѣ продолжаютъ поджигать молодежь. Нѣкоторые изъ профессоровъ партіи Баршева распускаютъ слухъ, будто Чичеринъ и Дмитріевъ, изъ мести къ ректору, содѣйствуютъ волненію студентовъ; но такого рода слухи—чистая выдумка, потому что Чичеринъ и Дмитріевъ люди честные и никогда не прибѣгнутъ къ такого рода гнуснымъ подстрекательствамъ. При теперешнемъ жалкомъ университетскомъ начальствѣ, при отсутствіи дѣльныхъ профессоровъ, особенно на юридическомъ факультетѣ, когда ни одинъ изъ профессоровъ не внушилъ къ себѣ ни довѣрія, на сочувствій студентовъ, весьма естественны эти волненія и готовность ихъ поддаться всякому подстрекательству.

25 Марта. Сегодня студенты разныхъ факультетовъ, числомъ до ста, являлись къ ректору Баршеву съ просьбою принять отъ нихъ прошеніе о дарованіи имъ права сходокъ и завѣдыванія ихъ кассой. Послѣ отказа ректора принять ихъ прошеніе, они спокойно разошлись по домамъ. Полиція не можетъ розыскать тѣхъ подстрекателей, которые прибыли изъ Петербурга. Хороша эта тайная полиція! Сегодня Дума давала прощальный обѣдъ князю Щербатову, на кото-

ромъ Иванъ Артемьевичъ Ляминъ привѣтствовалъ его прекрасною рѣчью и въ ней выразилъ главное достоинство князя, состоящее въ томъ, что онъ съумѣлъ сблизить и слить всѣ сословія, что онъ былъ достойнымъ представителемъ своего историческаго имени. Эта рѣчь возбудила общій восторгъ; отвѣтъ князя былъ тоже прекрасный. Надо сознаться, что любовь и уваженіе, заслуженныя княземъ Щербатовымъ и выражаемыя ему неоднократно цѣлой Москвой съ неподдѣльною искренностью, суть награды положительныя. Никто еще, можно сказать, изъ нашихъ Русскихъ общественныхъ дѣятелей не дѣлалъ такой блистательной карьеры, какъ князь Александръ Алексѣевичъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ князь Долгорукій боялся чего-то и просилъ старшину князя Голицына *), чтобъ не было сильныхъ овацій за обѣдомъ. Сколько разъ было уже замѣчено, что наши современные государственные люди видятъ страхъ, идѣ же не бѣ страха и находятся подъ вліяніемъ кошемаровъ.

29 Марта. Выбранъ въ Московскіе городскіе головы князь Черкаскій, къ крайнему удовольствію всѣхъ благомыслящихъ людей. Слава Богу! Все успокоилось въ Университетѣ, и я покоенъ на счетъ М. Эта кротость броженія умовъ, безтолковость, неясность желаній доказываютъ внѣшнее вмѣшательство какихъ-то таинственныхъ пропагандистовъ.

30 Марта. Былъ на вечерѣ у княгини Натальи Владимировны Долгоруковой, гдѣ Чичеринъ нападалъ на 5-й томъ «Войны и Мира». У него недостатокъ снисходительности; онъ мѣряетъ литературныя произведенія коротенькимъ аршиномъ, какъ и большая часть людей, которые видятъ и привязываются къ ничтожнымъ пятнамъ, а солнца не замѣчаютъ. Я согласенъ въ томъ, что слогъ и построеніе 5-го тома ниже предъидущихъ; но за то сколько великолѣпныхъ и упоительныхъ сценъ!

31 Марта. Поздравлялъ князя Николая Ивановича Трубецкаго, котораго былъ день рожденья. Вечеръ провелъ у Черкаскихъ, гдѣ мнѣ всегда бываетъ пріятно и гдѣ встрѣчаешь самыхъ умныхъ и любезныхъ женщинъ и мущинъ.

1 Апрѣля. Поздравлялъ имянинницъ. Вечеромъ былъ у Кошелева. Разговоръ съ Юркевичемъ.

---

*) Князя Дмитрія Михаиловича. П. Б.

2 Апрѣля. Вечеръ у княгини М. А. Мещерской. Встрѣчаю все тѣ же лица, хотя самыя пріятныя и умныя, но общество по неволѣ дѣлается нѣсколько монотонно. Читаю теперь съ большимъ удовольствіемъ третій томъ Гизо, гдѣ особенно интересна глава le Christianisme et la science, въ которой ясно разграничена доля божественная и человѣческая въ книгахъ Священнаго Писанія.

6 Апрѣля. Эти дни читалъ «Обрывъ» Гончарова. Не знаю, что̀ дальше будетъ; но, за исключеніемъ слишкомъ длинныхъ разговоровъ и вообще многоглагольствованія, есть много сценъ замѣчательныхъ по уму и вѣрному описанію. У Гончарова все такъ окончено, вѣрно подмѣчено и воспроизведено отличнымъ слогомъ. — Сегодня за обѣдомъ у Рюминыхъ я много бесѣдовалъ съ милой и образованной Маріей Николаевной Мухановой о различныхъ духовныхъ и душевныхъ предметахъ.

1 Мая. На гулянье не поѣхали: жарко, пыльно.—Третьяго дня было первое засѣданіе Думы подъ предсѣдательствомъ князя В. А. Черкаскаго, который, при началѣ своей рѣчи, смутился и былъ очень взволнованъ, такъ что это волненіе, какъ признакъ смиренія, произвело на всѣхъ весьма благопріятное впечатлѣніе.—Дѣло Аксакова, наконецъ, конечно; онъ вышелъ конечно побѣдителемъ въ нравственномъ отношеніи; а правительственныя лица покрыли себя стыдомъ, натягивая изо всѣхъ силъ столь желаемое для нихъ обвиненіе газеты, ненавистной Петербургу и уважаемой всѣми порядочными людьми. Здѣсь теперь Ѳ. И. Тютчевъ. Вспомнить его анекдотъ о поборникѣ классическихъ языковъ.

Съ первыхъ чиселъ Іюня я былъ поглощенъ служебными приготовленіями къ высочайшему пріѣзду, сопровождаемыми всегда, особенно со стороны князя Н. И. Трубецкаго, такой болѣзненной суетой, такими страшными криками и торжественно-важнымъ выраженіемъ лица, что смѣшно и жалко смотрѣть на него во время прохожденія этого приготовительнаго періода до пріѣзда Государя. Во время подобныхъ бурь въ каплѣ воды, къ которымъ я уже привыкъ, столько видѣлъ я разныхъ униженій, подлости и выскочекъ, что большая часть персонала придворныхъ чиновниковъ не вселила во мнѣ къ нимъ уваженія. Нынѣшній разъ явился на сцену этой суеты столь мнѣ извѣстный по его ревизіи дворцоваго инвентаря въ 1856 году, совѣтникъ Петербургской Придворной Конторы С. И. Мережковскій, который поднялъ такой гвалтъ изъ-за клоповъ, кусавшихъ его ночью, что князь Трубецкой, которому онъ сейчасъ пожаловался, взошелъ въ самый патетическій фурóръ и извергъ свое негодованіе даже про-

тивъ любимца своего П. Я. Агеева. Трудно порядочному человѣку вращаться въ этихъ хозяйственныхъ, чернорабочихъ придворныхъ сферахъ.—Государь и Государыня прибыли въ Москву въ весьма хорошемъ расположенiи духа и всѣмъ были очень довольны.

За неимѣнiемъ политическихъ интересовъ, общественное мнѣнiе занято теперь высочайше утвержденнымъ положенiемъ о новомъ распредѣленiи приходовъ и о составѣ причтовъ. Люди православные и благоразумные, между прочимъ преосвященный Леонидъ, не одобряютъ этой мѣры объ упраздненiи нѣкоторыхъ храмовъ, могущей возбудить неудовольствiе въ народѣ, сперва ропотъ, а потомъ и равнодушiе къ храмамъ Божiимъ. Вообще такого рода мѣры, если бы онѣ даже были необходимы, должны вводиться потихоньку, безъ огласки, по распоряженiю мѣстныхъ епископовъ. Кажется, что оберъ-прокуроръ графъ Толстой нарочно шумитъ объ этихъ новыхъ мѣрахъ, чтобъ похвастаться своими реформами.

16 Iюня. Сегодня у Ахматова *) зашла рѣчь объ Остзейскомъ вопросѣ, и онъ мнѣ разсказывалъ, что во время его оберъ-прокурорства ***, нынѣшнiй министръ путей сообщенiя, посланный въ Ригу для изслѣдованiя вопроса объ обратномъ переходѣ Латышей въ протестанство, возвратясь оттуда въ Петербургъ, ни слова ему не сообщилъ изъ своего донесенiя, а Государь объ этомъ и не сказалъ оберъ-прокурору. Нѣмецкая партiя, боясь настойчивости и православныхъ чувствъ Ахматова, такъ устроила дѣло, что Государь даже объ этомъ ему промолчалъ, дабы не возбудить пренiй и столкновенiй. А преосв. Леонтiй мнѣ разсказывалъ, что въ разговорѣ съ митрополитомъ Кiевскимъ Арсенiемъ тотъ выразилъ свое несочувствiе къ новому постановленiю о причетникахъ, съ чѣмъ и митрополитъ (нашъ) согласился, прибавивъ только слѣдующее: надо бы было протестовать, да нельзя было, потому что этой мѣрѣ сочувствовали свыше!

27 Iюня. Въ Москвѣ тихо, уединенно, хотя по сосѣдству въ Ильинскомъ и живетъ дворъ. Государь съ Императрицей тоже живутъ весьма уединенно и отдыхаютъ отъ дѣлъ и оффицiальныхъ прiемовъ. Тамъ гостила 10 дней Е. Ѳ. Тютчева, которую тамъ умѣютъ цѣнить. На-дняхъ я познакомился съ фрейлиной великой княжны, Елисаветой Дмитрiевной Милютиной, которая очень мила, образована и умна; видно, что она воспитывалась въ хорошей, разумной домашней сферѣ, и потому выходитъ изъ ряду дюжинныхъ барышень Петербургскаго высшаго свѣта.—Недавно Государь дѣлалъ тревогу въ лагерѣ, на ко-

---

*) Предшественникѣ графа Д. А. Толстаго въ оберъ-прокурорствѣ Св. Синода П. Б.

торую никто изъ начальниковъ не поспѣлъ, что̀ очень забавляло Государя. Отъ этого пострадали одни сигналисты телеграфа, которые проспали.

30 Іюня. Ѣздилъ къ Бахметьевымъ въ деревню, гдѣ было мнѣ, какъ всегда, очень пріятно. Тамъ познакомился я съ командиромъ резервной артиллерійской бригады, стоящей въ Дмитровѣ, Феликсомъ Ивановичемъ З.; онъ и подполковникъ **, напомнили мнѣ былыя военныя времена. Я всегда говорилъ, что въ типахъ военныхъ, особенно мирныхъ 1830, 1840-хъ годовъ сохранилось много наивности и добродушія; обращеніе и разговоръ ихъ съ дамами преисполненъ галантерейности. Генералъ вспоминалъ съ такою сладостью объ его веселой молодости въ Кашинскомъ уѣздѣ, что и мнѣ вспомнилось тогдашнее беззаботное, широкое житье помѣщиковъ.

1 Іюля. Видѣлъ въ клубѣ Ѳ. И. Тютчева, который сказывалъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ былъ недоволенъ помѣщеніемъ въ «Русскомъ Архивѣ» статьи Самарина *).

20 Іюля. Жара стоитъ страшная. Все это время было много хлопотъ по поводу проѣзда черезъ Москву Наслѣдника, потомъ Императрицы. По случаю болѣзни князя Горчакова, я исправлялъ гофмейстерскую должность при проѣздѣ Наслѣдника. Цесаревна произвела на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе своею добротою и скромностью; въ выраженіи ея лица много меланхолическаго; она, кажется, груститъ по дѣтямъ, которыя остались на попеченіи великой княгини Александры Петровны. Свита ея и Великаго Князя самая симпатичная, начиная конечно съ Побѣдоносцова, который, кромѣ его всѣхъ нравственныхъ и ученыхъ достоинствъ, есть настоящій Русскій человѣкъ и лучшій собесѣдникъ для молодой четы. Качаловъ, Архангельскій губернаторъ, извѣстный по своей земской дѣятельности, мнѣ очень понравился: это живой, бодрый человѣкъ, принимающій участіе во всемъ, что̀ должно интересовать теперь Русскаго человѣка. Боголюбовъ, профессоръ Академіи, извѣстенъ своимъ талантомъ. Гофмейстеръ Василій Васильевичъ Зиновьевъ, старый мой знакомый, добрякъ во всемъ смыслѣ этого слова и, кажется, совсѣмъ непридворный человѣкъ. Адъютантъ Козловъ, повидимому, пользуется милостями Наслѣдника, и на него указываютъ какъ на будущаго графа А. В. Адлерберга. Жаль, что Великій Князь съ Цесаревной мало пробыли въ Москвѣ; вообще всѣ царскіе путешественники такъ торопятся, что имъ

*) О православныхъ Латышахъ. П. Б.

нѣтъ возможности осмотрѣть какіе-нибудь памятники спокойнымъ и полезнымъ образомъ. Проѣздъ Императрицы 15-го Іюля черезъ Москву былъ сопряженъ для насъ съ большой суетой: мы готовили ей ночлегъ въ Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ, какъ вдругъ, въ 3 ч. пополудни, получается приказаніе, что Ея Величество ночуетъ въ Петровскомъ дворцѣ; поднялась суета, кутерьма, необходимая принадлежность придворной жизни, но все кончилось благополучно. Свита Государыни состояла изъ однѣхъ дамъ, за исключеніемъ кн. П. А. Вяземскаго и кн. Н. И. Трубецкаго, который до того счастливъ своей близостью къ Императорскимъ особамъ, что земли подъ собой не чувствуетъ; онъ, однимъ словомъ, въ эмпиреяхъ, но никогда въ этомъ не сознается, а вѣроятно будетъ крехтѣть и говорить, какъ онъ усталъ. Князь П. А. Вяземскій, 77 лѣтъ, удивляетъ меня своей бодростью и живучестью; возвратясь съ вечерняго собранія отъ Государыни, онъ увлекъ Озерова и меня въ воксалъ Сакса, гдѣ мы нашли Цыганъ, которые намъ пѣли, и весьма удачно. Вообще дворъ, по разсказамъ, живетъ очень тихо въ Ильинскомъ; видятъ они только сосѣдей и весьма мало лицъ городскихъ.

25 Октября. Промежутокъ времени между Іюлемъ и Октябремъ прошелъ такъ обыкновенно и безцвѣтно, что не хотѣлось и браться за перо, чтобъ описывать весьма заурядныя событія. Въ продолженіе лѣта я часто видѣлъ и слышалъ нашего городскаго голову князя Черкаскаго. Онъ всегда поражаетъ меня своимъ умомъ и своими блистательными способностями, которыя онъ умѣетъ прикладывать къ самымъ разнообразнымъ дѣятельностямъ, даже чисто-спеціальнымъ, по своей городской общественной службѣ. Это настоящій государственный человѣкъ и конечно былъ бы отличнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Дѣятельность его всегда была изумительная; онъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ Русскихъ людей, которые смотрятъ дѣлу прямо въ глаза, не навязываютъ своихъ теорій и проэктовъ, не мечтаютъ и не вздыхаютъ, а умѣютъ изъ неяснаго закона, изъ всякой реформы, повидимому трудно примѣнимой, извлечь настоящую суть и обойти посредствомъ разумной энергіи тотъ ложный путь, на который правительство или общество, или, наконецъ, интрига поставили какой-нибудь государственный или общественный вопросъ. Такого рода люди не крехтятъ, подобно многимъ изъ нашихъ молодыхъ аристократовъ, увѣряющихъ, что въ Россіи жить трудно и что свобода стѣснена; а эти фальшивые крики и жалобы происходятъ, главное, отъ того, что этимъ господамъ лѣнь заняться даже своими имѣньями. Москва до сихъ поръ, въ общественномъ смыслѣ, болѣе походитъ на пустыню, чѣмъ на сто-

лицу. Опера только служитъ общественнымъ средоточіемъ, а частныхъ пріемовъ совсѣмъ нѣтъ. Я говорю конечно про то, что̀ называется обществомъ извѣстной сферы; а этотъ новый міръ заѣзжихъ спекуляторовъ, предпринимателей, аферистовъ мнѣ совсѣмъ неизвѣстенъ.

3 Ноября. Всѣ теперь толкуютъ о томъ, что Потаповъ, вмѣсто того, чтобъ слетѣть, еще болѣе повысился и остается Виленскимъ генералъ-губернаторомъ, тогда какъ попечитель учебнаго округа П. Н. Батюшковъ и губернаторъ Шестаковъ [1]) уволены отъ должностей. Полагаютъ, что графъ Шуваловъ поддержалъ Потапова, изъ того опасенія, чтобы не могли подумать, что правительство находится подъ вліяніемъ прессы, и въ особенности «Московскихъ Вѣдомостей». Какъ всегда, эти господа въ слѣпотѣ своей, думаютъ, что можно разрѣшить всякій политическій и общественный вопросъ однимъ повелѣніемъ, и что можно безнаказанно плевать на общественное мнѣніе. Вчера я былъ у Каткова, который ужасно раздраженъ этимъ сохраненіемъ Потапова на его мѣстѣ.

12 Ноября. Провелъ вечеръ у Аксакова съ Александр. Ѳедор. Еноховичемъ, Рижскимъ купцомъ, пріѣхавшимъ въ Москву для завязки сношеній съ Московскимъ купечествомъ. Онъ разсказывалъ много интереснаго, о ненависти Нѣмецкихъ Остзейцевъ къ Латышамъ и Россіи. Положеніе Русскихъ въ Ригѣ самое изолированное; Нѣмцы, гдѣ только могутъ, то ругаютъ Русскихъ, называя ихъ Zwiebelfresser [2]) и пр. При извѣстіяхъ о первыхъ побѣдахъ Прусаковъ [3]), около Риги происходили манифестаціи радости; и въ одной изъ процессій, проходившихъ мимо дачи Еноховича, онъ слышалъ, какъ пѣли подъ звуки военной музыки:

O, Deutschland, mein Vaterland,
Mein Trost, mein Glück и проч.

и онъ замѣтилъ между поющими одного полковника въ Русской службѣ. А благоразумные люди намъ толкуютъ, что Катковъ, Самаринъ и прочіе преувеличиваютъ!

Покуда въ Московской Думѣ и обществѣ никто не заикается о подачѣ адреса.

Сегодня замѣчательная передовая статья въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» № 244.

---

[1]) Иванъ Алексѣевичъ, впослѣдствіи морской министръ. Увольненіе послѣдовало вслѣдствіе фальшивыхъ, отъ ихъ имени сочиненныхъ, писемъ. Польскія каверзы преуспѣвали. П. Б.

[2]) Лукоядцы. П. Б.

[3]) Т. е. надъ Австрійцами въ 1866 году. П. Б.

ПО ПОВОДУ РАЗСКАЗА ГРАФА САЛІАСА.

Въ Январьской и Февральской книгахъ „Русскаго Обозрѣнія“ за нынѣшній годъ графъ Саліасъ помѣстилъ историческій разсказъ подъ названіемъ „Генералъ Маховъ“. Съ обычнымъ мастерствомъ онъ повѣствуетъ о двухъ мошенничествахъ, совершенныхъ Грекомъ-офицеромъ въ 1824 году при помощи подставнаго генерала.

Любопытно возстановить подлинныя черты событія, послужившаго основою къ этому разсказу.

Уроженецъ Корфу, Чивинисъ въ 1820 г. явился къ нашему послу въ Константинополѣ барону Строганову съ изъявленіемъ желанія поступить на Русскую службу. Тотъ посовѣтовалъ ему ѣхать въ Петербургъ и зачислиться въ какой-нибудь полкъ. Черезъ четыре года Чивинисъ былъ уже кирасирскимъ офицеромъ и принятъ въ лучшихъ Петербургскихъ домахъ. Въ концѣ 1824 г. онъ пріѣхалъ въ Москву съ рекомендательными письмами къ представителямъ высшаго общества; на вечерахъ у главнокомандующаго онъ выдавался своей любезностью и прекрасною наружностью, такъ что сталъ желаннымъ гостемъ на всѣхъ балахъ и собраніяхъ. Между тѣмъ знакомымъ Грекамъ онъ сообщалъ подъ секретомъ, что посланъ самимъ Государемъ для тайнаго сбора въ пользу возставшихъ Грековъ и показывалъ имъ собственноручный рескриптъ Государя. Извѣстно, что Александръ Павловичъ питалъ сердечное сочувствіе къ возстановленію Греціи, хотя послѣ грозныхъ войнъ, уже ознаменовавшихъ его царствованіе, не рѣшался оказать Грекамъ явную помощь. Въ это время славился въ Москвѣ богатствомъ и собраніемъ цѣнныхъ вещей старикъ Зосима (у гр. С. названный Сивеніусомъ). Особенно знаменита была у него необыкновенной величины жемчужина, названная „перегриной“: благодаря своей совершенно шарообразности, будучи положена на гладкую поверхность, она не могла оставаться безъ движенія. Греки совѣтовали Чивинису обратиться къ благотворительности Зосимы, такъ какъ тотъ не имѣлъ наслѣдниковъ, а былъ уже очень старъ; но Чивинисъ уклонялся, говоря, что-де боится огласки тайнаго порученія. Между тѣмъ Зосима прилагалъ всѣ старанія познакомиться съ блестящимъ офицеромъ-соотечественникомъ. Когда знакомство состоялось, онъ передалъ ему тутъ же 300 тысячъ рублей въ пользу патріотическаго дѣла, и проходимецъ совершенно овладѣлъ довѣріемъ богача.

Нѣсколько дней спустя, является къ Зосимѣ адъютантъ главнокомандующаго съ письмомъ отъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ которомъ она

проситъ прислать ей посмотрѣть рѣдкія вещи, обѣщаясь вернуть ихъ немедленно. Эта просьба озадачила старика; но Чивинисъ убѣдилъ его, что отказать нельзя, а надо сдѣлать вещамъ опись и засвидѣтельствовать ее сановными людьми, что́ и устроитъ онъ самъ, Чивинисъ. Тотчасъ же была сдѣлана опись, Чивинисъ поѣхалъ къ гр. Кутайсову, Обольянинову, Веревкину и, сообщивъ имъ, что Зосима дѣлаетъ его своимъ наслѣдникомъ, просилъ ихъ пріѣхать на слѣдующій день и засвидѣтельствовать духовную. Въ назначенный часъ приглашенные собрались у старика, который приготовилъ по этому случаю роскошный завтракъ; на отдѣльномъ столѣ были разложены драгоцѣнности, тутъ же лежала и опись; полагая, что это сдѣлано для ихъ развлеченія, гости смотрѣли вещи и свѣряли ихъ съ приложенною описью.

Такъ какъ хозяинъ не говорилъ почти по-русски, то гостей занималъ Чивинисъ. По окончаніи завтрака, онъ подалъ Зосимѣ бумагу, похожую на опись, и по-гречески сказалъ, что онъ ее долженъ засвидѣтельствовать подписью; не знавшій Русской грамоты старикъ скрѣпилъ своею подписью бумагу (это была дарственная запись), а присутствующіе засвидѣтельствовали ее и разъѣхались довольные угощеніемъ. Сокровища Зосимы были упакованы и на другой день сданы явившемуся вновь адъютанту главнокомандующаго съ письмомъ къ Императрицѣ. Черезъ нѣсколько дней Чивинисъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ женился на Гатчинской институткѣ, лично извѣстной Императрицѣ, и зажилъ широко на удивленіе своихъ знакомыхъ, такъ какъ доселѣ большими средствами онъ не обладалъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Чивиниса прибыли въ Москву два путешественника Англичанина съ рекомендаціями къ главнокомандующему. Тотъ поручилъ своему адъютанту, В. С. Толстому, показать имъ Московскія достопримѣчательности. Между прочимъ вспомнили и о рѣдкостяхъ Зосимы, и Толстой поѣхалъ къ нему разузнать, когда онъ можетъ показать ихъ. Зосима заявилъ, что онъ еще не получалъ своихъ вещей обратно отъ Императрицы. Тутъ разоблачился обманъ. Дали знать въ Петербургъ. Чивиниса посадили въ крѣпость и приговорили къ ссылкѣ. Благодаря ходатайству Императрицы, участь его была смягчена, и онъ былъ высланъ за границу. Но вещей Зосимы такъ и не нашли: мнимый адъютантъ (лакей Чивиниса) въ свою очередь обманулъ своего барина и бѣжалъ съ ними въ Турцію. Характерно то, что Зосима, показывая и посылая въ Петербургъ свои рѣдкости, утаилъ жемчужину и послѣ этой исторіи держалъ ее для сохранности за десной.

Все это дѣло подробно разсказано въ воспоминаніяхъ Н. И. Шёнига въ „Русскомъ Архивѣ“ 1881, I, 238.

Какъ видно, дѣйствительность превзошла въ данномъ случаѣ своею занятностью фантазію опытнаго романиста.

КЪ СТАТЬѢ М. Ѳ. ШУГУРОВА «ИСТОРІЯ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССІИ».

Въ „Русскомъ Архивѣ" нынѣшняго года помѣщена очень интересная статья покойнаго М. Ѳ. Шугурова „Исторія Евреевъ въ Россіи". Въ статьѣ этой приведены взгляды Петра Великаго на Евреевъ. Но эти взгляды касаются Еврейскаго вопроса по отношенію *вообще всего Русскаго государства.* Между тѣмъ, сохранилось извѣстіе о взглядѣ великаго преобразователя Россіи на Еврейскій вопросъ въ отношеніи *одной только Малороссіи.*

Въ „Кіевской Старинѣ" за 1883 г. напечатано историческое изслѣдованіе Н. И. Костомарова „Жидотрепаніе въ XVIII вѣкѣ". Основой изслѣдованія послужило содержаніе дѣлъ бывшаго Малороссійскаго Приказа, хранящихся въ настоящее время въ Москвѣ, въ Архивѣ Министерства Юстиціи. Въ этомъ изслѣдованіи Костомаровъ разсказалъ исторію убійства Жидами студента Кіевской Коллегіи, Николая Сохно, по подговору Львовскаго цадика Соломона Захарьева Грековичора, за то, что Сохно, зная въ совершенствѣ Еврейскій языкъ и будучи знакомъ съ Еврейскими писаніями, открыто разоблачалъ Еврейскія плутни и даже, въ присутствіи цѣлой толпы Евреевъ, собравшихся по случаю Трубнаго дня (послѣдній день праздника Новаго года), вступилъ въ горячее состязаніе съ самимъ означеннымъ выше „ученымъ" цадикомъ, доказывая употребленіе Евреями христіанской крови для религіозныхъ цѣлей. Убійство Евреями Сохно было открыто, вслѣдствіе чего произошло цѣлое возстаніе православнаго народа, и за тѣмъ всеобщее жидотрепаніе съ убійствами, поджогами, разграбленіями и т. п. Двухъ Евреевъ, Давидка и Янкеля, убившихъ Сохно въ Городнѣ (куда онъ пріѣзжалъ изъ Кіева къ роднымъ на Рождественскіе праздники) пересылали, за конвоемъ козаковъ, изъ Чернигова въ Батуринъ къ гетману. Но едва только конвой выступилъ изъ Чернигова, какъ Городненскіе жители разогнали конвойныхъ, а Давидка и Янкеля буквально растерзали на куски. Гетманъ обо всемъ этомъ донесъ Петру Великому. Петръ, по этому поводу сказалъ: *„Мудро поступили наши прародители, что не допускали въ подвластный имъ край* (т. е. Малороссію) *этихъ Жидовъ. Отъ нихъ только смута, понеже они нашу вѣру и нашъ народъ ненавидятъ, а нашъ народъ ненавидитъ родъ Жидовскій и его вѣру. Притомъ и въ коммерціи, и въ промыслахъ они нашимъ людямъ дѣлали бы помѣху. Вреда отъ нихъ немало, а полезности никакой нѣтъ. Лучше, когда ихъ у насъ нѣтъ; желательно, чтобы и впредь не было"*. Это замѣчаніе, вполнѣ устанавливаетъ *отрицательный* взглядъ Петра Великаго на Еврейскій вопросъ въ Россіи. Да иного взгляда на этотъ вопросъ Великій Царь и не могъ высказать, такъ какъ онъ стремился ко благу Россіи, а на сколько въ этомъ отношеніи могли быть ему полезны Жиды — это видно самымъ нагляднымъ образомъ изъ сочиненія Шугурова.

Д. В. Коломійцевъ.

Г. Симферополь.
6 Января 1894 г.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ Г. ХАРИТОНОВА О КАВКАЗѢ.

Въ Апрѣльской книжкѣ „Русской Старины" помѣщены интересныя для насъ Кавказцевъ „Записки В. А. Инсарскаго" и „Изъ воспоминаній А. А Харитонова". Записки перваго относятся ко времени князя Барятинскаго, а второго—ко времени князя Воронцова.

Мемуары въ большинствѣ случаевъ имѣютъ результатомъ развѣнчаніе авторитетовъ, когда-то гремѣвшихъ; но вышеназванные мемуары производятъ какъ разъ обратное впечатлѣніе. Сколько авторы ихъ ни стараются раскрыть предъ нами закулисную жизнь великихъ мертвецовъ, сколько ни киваютъ на ихъ слабости: фигуры описываемыхъ лицъ не только ничего не теряютъ отъ поползновеній свести ихъ съ педьестала, а напротивъ все болѣе выростаютъ. Изъ упомянутыхъ Записокъ видно, что какъ князь Воронцовъ, такъ и князь Барятинскій были цѣлой головой выше ближайшихъ своихъ сотрудниковъ, людей образованныхъ и талантливыхъ въ своей, чиновничьей сферѣ, но неспособныхъ подняться до міровоззрѣнія государственныхъ людей.

Такъ, напримѣръ, г. Харитонову совершенно непонятно внимательное отношеніе князя Воронцова къ Кавказскому дворянству. Г. Харитоновъ полагаетъ, что такое внимательное отношеніе намѣстника ко вновь присоединившемуся краю и его представителямъ можно объяснить только пристрастіемъ къ извѣстнымъ личностямъ.

Съ половины Марта и весь Апрѣль (1850 г.), говоритъ г. Харитоновъ, стояла въ Тифлисѣ дивная погода, и составлялось много прогулокъ и пикниковъ, въ которыхъ самую видную роль начали играть Грузинскія княжескія фамиліи вслѣдствіе нескрываемаго пристрастія къ нимъ самого намѣстника, по старческой слабости его къ княгинѣ Еленѣ Эристовой. Возродился, по его желанію, Грузинскій театръ, и въ первой пьесѣ, разыгранной въ залѣ Тифлисской гимназіи, двѣ роли оставлены были для Русскихъ: чиновникъ-взяточникъ и пьяный слуга (?). Никто изъ Русскихъ не аплодировалъ, кромѣ самого князя Воронцова и Сафонова. Щербининъ, игравшій чиновника, былъ въ отчаяніи: когда ему предложили принять участіе въ спектаклѣ, онъ не зналъ что̀ за роль, а потомъ не могъ уже отъ нея отдѣлаться. Передъ выступленіемъ на сцену онъ говорилъ, что идетъ на посрамленіе. Между тѣмъ, авторъ этой нелѣпѣйшей по содержанію пьесы, озаглавленной „Разсвѣтъ" (Раздѣлъ?), князь Г. Д. Эристовъ, нигдѣ прежде не служившій, назначенъ былъ прямо чиновникомъ особыхъ порученій при намѣстникѣ, что̀ не помѣшало ему ходить попрежнему въ чухѣ. Много было объ этомъ разговоровъ, и всѣ сожалѣли объ упадкѣ престижа, которымъ пользовался до того времени нашъ намѣстникъ не только въ краѣ, но и въ цѣлой Россіи.

Здѣсь рѣчь идетъ очевидно не о первой по времени Грузинской комедіи г. Эристова „Раздѣлъ", а о „Тяжбѣ" того же автора. Комедіи эти—такія же остроумѣйшія сатиры на современные нравы, какими являются въ Русской литературѣ „Недоросль" Фонъ-Визина или „Горе отъ ума" Грибоѣдова. Въ названныхъ Грузинскихъ пьесахъ выведена цѣлая галлерея разнообразныхъ типовъ Грузинскихъ помѣщиковъ, безпощадно осмѣянныхъ авторомъ; здѣсь же фигурируетъ въ каррикатурномъ видѣ Армянинъ-купецъ, Армянинъ-переводчикъ и Имеретинъ-слуга. Было бы для комедіи полнымъ диссонансомъ появленіе Русскаго чиновника въ идеальномъ свѣтѣ. Вотъ почему ни князю Воронцову, ни Щербинину не могла придти въ голову дикая мысль обвинять автора комедіи въ недоброжелательности къ представителямъ власти только потому, что въ комедіяхъ выставленъ стряпчій взяточникъ (къ тому же у кн. Эристова берутъ взятки не только Русскіе, но и туземцы). Такая мысль могла зародиться въ головѣ развѣ только тѣхъ подъячихъ и стряпчихъ, самолюбіе которыхъ было уязвлено комедіей.

Далѣе г. Харитоновъ упоминаетъ о какомъ-то Русскомъ слугѣ-пьяницѣ. Но мы въ комедіи Эристова такого типа не находимъ. Въ „Раздѣлѣ" слуга — не Русскій, а Грузинъ, хотя и щеголяетъ Польскими и Русскими фразами, которымъ онъ выучился въ Варшавѣ, въ бытность свою тамъ, вмѣстѣ со своимъ бариномъ, Грузинскимъ княземъ. Въ „Тяжбѣ" же у Русскаго слуги почти безсловесная роль, и по пьесѣ не видно, чтобъ онъ былъ пьянъ *).

Вообще у г. Харитонова, какъ у чиновника, внѣшность, форма играютъ большую роль, и достаточно было князю Эристову надѣть чоху, чтобы привести нашего автора въ негодованіе.

Сравнивая съ этими пигмеями князя Воронцова и князя Барятинскаго, нужно считать послѣднихъ дѣйствительно очень крупными государственными людьми, чуть ли не гигантами своей эпохи. Они были совершенно чужды мелкихъ предразсудковъ, которые могли бы принести краю только неисчислимый вредъ.

Тифлисъ.

Г. Т.

---

*) На нѣкоторые другіе промахи Харитонова своевременно было указано въ издающейся въ Тифлисѣ газетѣ „Новое Обозрѣніе".

ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ.

(Названія Донскихъ станицъ.)

Вѣсы исторіи должны быть самыми вѣрными вѣсами изо всѣхъ. Между тѣмъ на практикѣ оказывается, что и они грѣшатъ предъ общимъ понятіемъ о справедливости. На Дону, какъ и въ другихъ казачьихъ войскахъ, гдѣ образуются новыя станицы, существуетъ обыкновеніе давать этимъ новымъ поселеніямъ имена войсковыхъ или наказныхъ атамановъ, управлявшихъ этими войсками. Въ войскѣ Донскомъ такой порядокъ замѣтенъ особенно, такъ какъ почти всѣ войсковые и наказные атаманы нынѣшняго столѣтія имѣютъ соотвѣтствующія ихъ фамиліямъ станицы. Исключеніе составляютъ только Орловъ и Андріяновъ, бывшіе атаманами въ нынѣшнемъ, и отецъ и сынъ Ефремовы—въ прошломъ столѣтіяхъ. Извѣстный храбрецъ временъ Екатерины II-й, любимецъ императора Павла, *Василій Петровичъ Орловъ*, управляя войскомъ Донскимъ съ 1797 по 1801 годъ, успѣшно устроилъ такъ называемый *Оренбургскій* походъ (не имѣвшій послѣдствій только благодаря крутому повороту въ нашей Европейской политикѣ). *Иванъ Андріяновичъ Андріяновъ* былъ войсковымъ наказнымъ атаманомъ всего два года (1826 и 1827). Что касается фамиліи *Ефремовыхъ*, родоначальники которыхъ правили Донскимъ войскомъ въ прошломъ столѣтіи около 35 лѣтъ (Данило Ефремовичъ съ 1738 по 1753 и знаменитый мученикъ Степанъ Даниловичъ съ 1753 по 1772 годъ), то она не можетъ и не должна быть забыта потомствомъ. Между тѣмъ до сихъ поръ нѣтъ на Дону ни Ефремовской, ни Орловской, ни Андріяновской станицъ. Это—первая несправедливость.

Вторая заключается въ недостаточной обдуманности при назначеніи новымъ станицамъ названій, соотвѣтствующихъ атаманскимъ фамиліямъ. Память атамановъ *Хомутова*, *Черткова* и *Краснокутскаго* сохранена на Дону станицами Хомутовскою, Чертковскою и Краснокутскою, населенными *природными* Донцами; между тѣмъ какъ имена природныхъ Донцовъ-атамановъ графа *Платова*, *Денисова*, *Иловайскаго*, *Кутейникова* и *Власова* приданы станицамъ со сплошнымъ *Калмыцкимъ* населеніемъ. Въ эти же улусы вставлены фамиліи атамановъ графа *Граббе* и *Потапова*, какъ бы для того, чтобы природнымъ Донцамъ не было ужъ очень стыдно. Графъ Платовъ, правившій войскомъ Донскимъ 18 лѣтъ и наполнившій весь міръ славою Дон-

скаго имени, поравнялся въ этомъ случаѣ съ генераломъ Потаповымъ, который пробылъ въ должности войсковаго наказнаго атамана всего годъ и четыре мѣсяца (съ Октября 1866 по Мартъ 1868 года)!

Оставляя въ сторонѣ сужденіе о *качествахъ* этихъ историческихъ дѣятелей, мы можемъ протестовать противъ такой несправедливости, прикрываясь только *количествомъ* лѣтъ, въ продолженіе которыхъ они имѣли въ своихъ рукахъ атаманскую насѣку. Если не забытъ Потаповъ, то почему же забытъ Андріяновъ, который носилъ эту правящую палицу долѣе своего счастливаго соперника на 8 мѣсяцевъ? До болѣзненности честный Граббе, добрый и благородный, съ возвышенными чувствами и европейски образованный, долженъ былъ отдать свое имя стану Калмыковъ, пользующихся репутаціей воровъ и грабителей! Не даромъ покойный Павелъ Христофоровичъ шутя говаривалъ: «Если бы я не былъ Нѣмцемъ по происхожденію, то, пожалуй, по сходству звуковъ, фамилію мою можно бы производить отъ глагола *грабить*».

У насъ есть станицы, имѣющія или водевильныя, или неблагозвучныя названія: *Малодѣльная* (вѣроятно по той причинѣ, что жители ея *мало дѣла* дѣлали); *Бурацкая* (для непривычнаго уха представится *Дурацкою*, потому что свекла не вездѣ называется буракомъ); *Етеревская*, которую многіе, во избѣжаніе разныхъ недоразумѣній, называютъ въ письмѣ *Евтеревскою*; *Гниловская*, *Кобылянская*, отъ *кобылы*; *Котовская*—отъ *кота*; *Ярыженская*, напоминающая о *ярыгѣ*, и проч. Было бы, на нашъ взглядъ, умѣстно переименовать эти станицы, давъ имъ фамиліи Донскихъ атамановъ; а недавно образованныя Калмыцкія станицы оставить при названіяхъ прежнихъ улусовъ.

Намъ кажется, что еще не потеряна возможность заслонить сдѣланные въ этомъ отношеніи пробѣлы и произвести измѣненія, вызываемыя требованіемъ исторической справедливости и осмотрительности.

А. Карасевъ.

Новочеркаскъ.
25 Марта 1894 года.

Приписка. Спѣшу исполнить ваше желаніе относительно разъясненія слова „мученикъ", которое я приложилъ къ имени атамана С. Д. Ефремова.

За неисполненіе нѣкоторыхъ указовъ Военной Коллегіи и другія вины, изъясненныя въ доносахъ наказнаго атамана Сидора *Кирсанова* и старшины *Юдина*, Ефремовъ, въ ночь съ 8 подъ 9 Ноября 1772 года, прибывшею драгунскою, подъ начальствомъ капитана Ржевскаго, командою былъ взятъ со своего Зеленаго хутора (близъ Черкаска) и отвезенъ сначала въ крѣпость Св. Дмитрія (Ростовъ-на-Дону), а потомъ препровожденъ въ Петербургъ,

гдѣ былъ судимъ и приговоренъ къ *правильному повѣшенію*; но казнь эта замѣнена вѣчною ссылкою въ г. Перновъ. Чрезъ нѣкоторое время Ефремовъ былъ прощенъ, но оставленъ въ Петербургѣ, гдѣ и скончался въ 1784 году, и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ его могилу можно видѣть и теперь. Изъ шести пунктовъ, въ которыхъ значились вины подсудимаго, ни одинъ не имѣетъ того серьезнаго значенія, какое вызывало бы строгую кару. Всѣ обвиненія пахнутъ или ухищреніемъ предателей, изъ которыхъ Кирсановъ желалъ занять мѣсто войсковаго атамана, или сводятся къ неисполненію распоряженій Военной Коллегіи, заслуживающему лишь болѣе или менѣе строгаго выговора. Что же касается до обвиненія Ефремова въ томъ, что онъ завладѣлъ большою площадью земли „безъ указа" и принималъ „приношенія", то кто изъ воеводъ и большихъ правящихъ сановниковъ того времени былъ чистъ совѣстью въ этомъ отношеніи? Я оставляю въ сторонѣ нелѣпости въ родѣ: 1) что Ефремовъ не принялъ мѣръ къ защитѣ генерала *Черепова*, котораго избили казаки вслѣдствіе распространившагося между ними слуха, будто это лицо прибыло на Донъ записывать казаковъ въ *регулярство*, и 2) что будто бы со свѣдѣнія Ефремова казаки, на слѣдующее послѣ его арестованія утро, подступили въ большихъ силахъ подъ крѣпость Св. Дмитрія и потребовали отъ ея коменданта *Потапова* освободить ихъ любимаго атамана. Въ первомъ случаѣ атаманъ или не смогъ сладить съ бурнымъ настроеніемъ наэлектризованной массы, или же не нашелся, а второй—опровергается сохранившемся преданіемъ, которое говоритъ, что Ефремовъ вышелъ изъ крѣпостнаго каземата на валъ, откуда сказалъ собравшимся у стѣнъ крѣпости своимъ заступникамъ: „Идите, братцы, по домамъ; я ѣду въ Петербургъ по указу Матушки-Императрицы, которая чрезъ меня желаетъ наградить васъ за вѣрную ей службу". И казаки немедленно ушли отъ крѣпости. Да, наконецъ, еслибы въ этихъ двухъ обвиненіяхъ была хотя тѣнь вѣроятія, то Императрица никогда не простила бы такой важной вины предъ нею и государствомъ.

Между тѣмъ гроза Черкесовъ и Ногайцовъ, вѣрный Русскимъ государямъ, защитникъ Донской не независимости, а самобытности, Ефремовъ, какъ государственный преступникъ, былъ оторванъ отъ любимой родины и умеръ вдали отъ нея и отъ своихъ близкихъ.

Еще одно слово. Преданіе говоритъ, что когда этотъ атаманъ получилъ въ Перновѣ полное прощеніе то сказалъ офицеру, снимавшему съ него кандалы: „ты ихъ оставь мнѣ, а не бери съ собою; я повезу ихъ на Донъ и скажу казакамъ: вотъ какъ награждается здѣсь вѣрная наша служба". Надо думать, что за эти, вызванныя горькою, 12 лѣтъ продолжавшеюся обидою, онъ и оставленъ въ пожизненной неволѣ на берегахъ Невы.

ПИСЬМО НЕСЧАСТНАГО ОТЦА КЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ.

Августѣйшій Монархъ! Всемилостивый Государь!

Кабинетъ Вашего Императорскаго Величества, выдавая аттестатъ 18-ти лѣтнему сыну моему и ссылаясь на высочайшую волю, изъяснилъ въ немъ, что онъ отставленъ отъ службы за подозрѣніе въ кражѣ казеннаго перстня. Самодержавная воля твоя, Августѣйшій Государь, выше закона; послѣ оной несчастный юноша не имѣетъ права искать оправданій; онъ долженъ умереть въ надеждахъ своихъ, на зарѣ жизни, замѣченный вѣчнымъ безчестіемъ, вѣчнымъ позоромъ, и считать себѣ единственнымъ счастіемъ ту минуту, которая прекратитъ бытіе его. Но я, Государь, связанный съ нимъ свято волею Всемогущаго Бога, долженъ быть убѣжденъ для того, чтобы отвергнуть его отъ родительскаго крова, ежели онъ преступникъ или прижать къ родительскому сердцу страдальца невиннаго, какъ жертву случая. Вотъ основаніе, по которому я дерзаю вопіять къ престолу твоему, дерзаю умолять тебя, Великій Государь, предать это дѣло законному слѣдствію, открыть вину и всею строгостію суда наказать дворянина, посягнувшаго на воровство; тогда какъ преступника, осрамившаго отца, оторву я отъ сердца и останусь честнымъ въ моей совѣсти. Но одного подозрѣнія, ничѣмъ недоказаннаго, мало для отца, мало для закона и, безъ сомнѣнія, мало для правосудія твоего, Великій Государь!

Ваше Императорское Величество! Обстоятельства, въ повергаемой при семъ запискѣ изложенныя, хотя явно убѣждаютъ въ невинности, за всѣмъ тѣмъ я не оправдываю его, а только испрашиваю единой милости—оправданія по суду. Не откажи, великодушный Государь, отцу, прослужившему болѣе 40 лѣтъ съ честію престолу твоему; не отними отъ меня, Самодержавецъ, единственнаго сына; дозволь ему оправдать себя законами и быть полезнымъ гражданиномъ и вѣрнымъ слугою тебѣ, Государю и отечеству.

Монархъ! Между твоимъ Величествомъ и моимъ ничтожествомъ нѣтъ параллели; но Господь наградилъ тебя дѣтьми; прижми къ сердцу каждаго, взвѣсь, милосердый Государь, и оцѣни ужасное положеніе старца при погибели единственнаго сына его, и отпусти мое дерзновеніе.

Всемилостивѣйшій Государь! Не разсчетъ холоднаго разсудка руководилъ мной въ изложеніи сей всенижайшей просьбы, нѣтъ! стонъ, отчаяніе и кровь моя вопіютъ правосудію твоему. Богъ и законъ твой велятъ мнѣ попытать все для спасенія сына.

***

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: отцу выдать единовременно 3500 рублей серебромъ, а сына его опредѣлить на прежнее мѣсто съ повышеніемъ чина.

РАЗРУШЕНІЕ ПАМЯТНИКА XVII ВѢКА.

Въ письмѣ „Любителя Старины", напечатанномъ въ 77 № „Русскихъ Вѣдомостей" нынѣшняго года, сообщается о сломкѣ колокольни при церкви Ржевской Божіей Матери, что на Пречистенскомъ бульварѣ. Въ концѣ письма авторъ, несомнѣнно возмущенный уничтоженіемъ вполнѣ сохранившейся постройки XVII вѣка, высказываетъ свое недоумѣніе о томъ, какъ допущена эта сломка церковнаго памятника существующею при Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ Коммисіею, назначеніе которой заключается въ заботахъ о сохраненіи древнихъ памятниковъ отъ искаженія и уничтоженія. Поставленъ вопросъ: съ вѣдома ли этой Коммисіи произошло это разрушеніе или оно оставалось для нея, быть можетъ, даже и неизвѣстнымъ.

Къ сожалѣнію, Коммисія, которой очень хорошо было извѣстно благое намѣреніе причта сломать колокольню, вынуждена была бездѣйствовать.

Еще въ прошломъ году, въ силу существующаго указа, Московскою Духовною Консисторіей сообщено было Археологическому Обществу о желаніи причта церкви Ржевской Божіей Матери сломать старую колокольню для возведенія новой, и тогда же Обществомъ командированы были спеціалисты, которые, послѣ тщательнаго осмотра колокольни, нашли ее *прекрасно сохранившейся во всѣхъ частяхъ*, такъ что она многіе годы могла бы простоять, и Общество не дало согласія на сломку. Но духовное начальство иначе взглянуло на просьбу причта церкви, уже заготовившаго строительный матеріалъ для возведенія новой колокольни. Пока еще не связанное обязательствомъ выполнять приговоры Археологическаго Общества, оно преспокойно разрѣшило причту сломать колокольню, причтъ же церкви немедленно воспользовался разрѣшеніемъ, и въ первыхъ числахъ Марта колокольня была разрушена до основанія.

Обществу ничего не оставалось болѣе, какъ записать это разрушеніе въ „*Археологическій Синодикъ*", въ который, съ первыхъ лѣтъ существованія его, заносятся извѣстія о каждомъ безвозвратно погибшемъ или искаженномъ памятникѣ древности.

Если разрушеніе и уничтоженіе древнихъ памятниковъ совершается въ столицѣ, на глазахъ Археологическаго Общества и съ разрѣшенія духовнаго вѣдомства, то что же дѣлается на окраинахъ необъятной Россіи, въ глуши губерній? Впрочемъ, при господствующемъ у насъ равнодушіи, нерѣдкомъ

невѣжествѣ и небреженіи лицъ, завѣдующихъ памятниками и не понимающихъ, что сломка памятника свидѣтельствуетъ о неуваженіи къ исторіи родины, т. е. къ тому, на чемъ зиждется и выросло наше историческое призваніе, наше народное значеніе, наше искусство, сломка древней колокольни не должна казаться какимъ-то необычнымъ явленіемъ. Какъ мало уважаются у насъ памятники старины въ самой Москвѣ, примѣромъ можетъ служить подцерковье Благовѣщенской церкви Московскаго Златоустовскаго монастыря, построенной надъ гробами Апраксиныхъ. Подцерковье это обращено было въ складъ, сдаваемый Охотнорядскимъ торговцамъ. Могилы и надгробные памятники: стольника Матвѣя Васильевича Апраксина (отца царицы Маѳы Матвѣевны), графа Ѳ. М. Апраксина, положившаго начало покоренію Финляндію и др. ближайшихъ ихъ родственниковъ, еще въ очень недавнее время были завалены кулями овса!

В. Попандопуло.

ВОПРОСЫ.

XI.

Въ 1815 г. знаменитый князь Александръ Борисовичъ Куракинъ напечаталъ въ Петербургѣ сочиненіе подъ заглавіемъ „Souvenirs d'un voyage en Hollande et en Angleterre par le P. A. K à sa sortie de l'université de Leyde durant les années 1770, 1771 et 1772“. Книга эта имѣется въ Чертковской библіотекѣ, что̀ нынѣ въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ, а также въ библіотекахъ Вольнаго Экономическаго Общества и Морскаго Министерства. О ней упоминается въ Чертковскомъ каталогѣ и у Геннади въ Справочномъ Словарѣ о Русскихъ писателяхъ, на стр. 202. Не найдется ли среди нашихъ библіофиловъ такое лицо, которое пожелало бы передать помянутую книгу или уступить во временное пользованіе редактору „Архива князя Ѳ. А. Куракина“ Владиміру Николаевичу Смольянинову (директору Александровскаго Дворянскаго Пансіона въ Саратовѣ), въ послѣднемъ случаѣ при извѣстномъ денежномъ залогѣ?

XII.

У старшаго врача 6-ой резервной артиллерійской бригады (въ Саратовѣ) Владислава Варѳоломеевича Завадскаго имѣется толстая, очень четкая и красивая рукопись, въ прекрасномъ сафьянномъ футлярѣ, подъ заглавіемъ „Лира Таганрогская, или уединенная пѣвица трехъ царей. Сочиненіе дѣвицы Анны Наумовой. 1825 г.

Кто эта поэтесса, и было ли гдѣ-либо напечатано названное сочиненіе?

Смольяниновъ.

ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСИ ПЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

Въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ, особенно въ сборникахъ XV—XVII столѣтій, нерѣдко встрѣчаются такъ называемыя «памятныя записи» историческаго содержанія, собраніе которыхъ воедино могло бы послужить къ дополненію и объясненію лѣтописныхъ сказаній, заключающихся въ лѣтописномъ сводѣ, изданномъ Археографическою Коммиссіею. Возмемъ для примѣра одну рукопись книгохранилища Троице-Сергіевой лавры, сборникъ XV-го вѣка, въ четверть листа,на 284 листахъ. Въ ней (л. 245) между прочимъ есть: «Правило Пасхаліи седмыя тысящи послѣдняго *ста* (лѣтъ) отъ 6957 по 7000», то есть отъ 1450 по 1492 годъ.

Памятныя историческія записи этой рукописи начинаются на оборотѣ 244 листа замѣткою въ самомъ текстѣ: «Лѣта 6957 Декемвриа 15 (1448), индикта 12, поставленъ бысть *Іона* митрополитъ на святѣйшею митрополю Киевъскою всея Руси благовѣрнымъ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ и сыномъ его великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ».

Дальнѣйшія «памятныя записи» писаны на поляхъ рукописи (верхнихъ, боковыхъ и нижнихъ), однѣ чернилами, а нѣкоторыя киноварью, противъ тѣхъ годовъ *Пасхаліи* къ которымъ онѣ отнсятся, и писаны уже *иною* рукою, вѣроятно, владѣльца сей рукописи, по примѣтамъ Москвича или Ростовца. Записи эти начинаются съ 1450 и оканчиваются 1490 годомъ, слѣдовательно продолжаются ровно 40 лѣтъ, изъ которыхъ 12 приходятся на послѣдніе *годы* царствованія в. к. Василія Васильевича Темнаго († 1462), а 28 на первые годы царствованія сына его в. к. Іоанна III Васильевича (†1505)

По своему содержанію записи эти заслуживаютъ вниманія любителей старины, показывая вообще, какъ и изъ какихъ источниковъ составлялся нашъ лѣтописный сводъ.

1) 1450 г. На поляхъ: «сіи сторія Татари».

Въ этомъ году Пасха была 25 Апрѣля; Егорьевъ или Георгіевъ день приходился въ Пятницу Великой недѣли. Въ этотъ-то день при-

шли на Русь Татары. По лѣтописямъ извѣстно, что то были Татары «Синія орды» (Ногайцы).

2) 1452 г. «Женися князь великій Иванъ полъ 13 ($13^1/_2$) лѣтъ».

Въ лѣтописяхъ нѣтъ такого замѣчанія. Первый сынъ его (Иванъ же) родился лишь въ 1458 году.

3) 1453 г. (Іюня 15) «Преставися Соѳия, да князь Димитрей Юрьевичь, да Царь-градъ взяша (Турки)».

Софія, мать в. кн. Василія Васильевича, дочь Витовта в. к. Литовскаго; Дмитрій Юрьевичь Шемяка, извѣстный соперникъ великаго князя, ослѣпившій его, умеръ въ Новгородѣ.

4) 1454 г. «Тогда морозъ рожь побилъ Іюня въ 23 день».

5) 1455 г. «Преставися владыко Ефремъ Ростовьски».

По другимъ извѣстіямъ, онъ скончался въ 1454 г. (Строевъ).

6) 1456 г. «Яковець (на) Ярославли пойманъ».

Вѣроятно, одинъ изъ Новгородскихъ бояръ. Въ лѣтописяхъ этого извѣстія нѣтъ.

7) 1458 г. «Родися князю великому (Ивану Васильевичу) сынъ Иванъ Ивановичь на Ѳедоровой недѣли въ Среду, Февраля 15».

8) 1460 г. «Князь великій Василій *миромъ* ѣздилъ въ Великій Новгородъ».

Новгородцы и этотъ разъ хотѣли умертвить великаго князя или, по крайней мѣрѣ, его приближеннаго Ѳедора Босяка; спасли ихъ увѣщанія митрополита Іоны.

9) 1461 г. «Преосвященный преставися Іона митрополитъ Кіевскій и вся Руси Марта 31».

10) 1463 г. На поляхъ: «Баскакъ» (Ѳедоръ).

Вѣроятно къ этому году относится его кончина.

11) 1464 г. «Филиппъ поставленъ Ноября 11-го» (митрополитомъ).

12) 1467 г. «Князь Ѳедоръ Семеновичъ Хрипунъ убилъ въ Казани Колупая, лихова Татарина Казанскаго».

Этого свѣдѣнія въ лѣтописномъ сводѣ нѣтъ.

13) 1468 г. «Князь великій ходилъ въ Казань; о Оспожинѣ дни (въ Успеньевъ день) пошли изъ Владиміра, а на Покровъ пришли (обратно) въ Москву».

14) 1470 г. «Бысть протопопъ Семіонъ великія церкви Пречистыя Богородица и великаго чюдотворца Петра».

15) 1471 г. «На Шелонѣ бой» (съ Новгородцами).

16) 1472 г. Царь (ханъ) подъ Олексинымъ, а на осень ту (того же года) Сентября 12 преставися благовѣрный князь Юрій Васильевичь. Тажъ осень въ 12 Ноября князь великій Иванъ Васильевичь женися, поятъ за себя царевну (Цареградскую) изъ Рима Соѳью».

17) 1476 г. «Князь великій въ Новгородъ *миромъ* ходилъ Октомврія 22».

18) 1477 г. «Зима морозовата, безъ снѣга, а весенняя вода меньше межениное» (обычнаго весенняго уровня).

19) 1478 г. «Князь великій взялъ Великій Новгородъ *защитомъ*» (приступомъ, силою).

20) 1479 г. «Августа въ 12 день священа церковь большая Пречистая (Успенскій соборъ, построенный Аристотелемъ); Августа же 24 пренесли Петра Чюдотворца, Августа же въ 28 пренесли Θеогноста и Кипреяна, Θотия, Іону, Филиппа и великаго князя Юрья Даниловича».

21) 1480 г. «Владыку Новгородскаго въ Москву привезли Θеофила».

22) 1481 г. «Царь (ханъ Ахметъ) на Оугрѣ стоялъ, да и побѣжалъ Ноемврія 13». «Преставился князь Андрей Іюля 5» (братъ в. к. Іоанна III).

23) 1482. «Владыка Новгородскій Θеофилъ отписался своей архіепископіи».

Внизу на поляхъ той же страницы: «тогдажъ и Спиридонъ». Здѣсь рѣчь идетъ о Кіевскомъ митрополитѣ Спиридонѣ-Русинѣ (родомъ Тверитинѣ), который былъ поставленъ въ Царьградѣ «на мздѣ,» безъ согласія в. к. Литовскаго, за что́ и отосланъ въ Москву, а в. к. Московскимъ заточенъ въ Θерапонтовъ монастырь (+1503). Онъ извѣстенъ въ древней Русской письменности написаніемъ, по просьбѣ Соловецкаго игумена, житія Пр. Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ. Въ одной рукописи есть его слово, въ заглавіи коего онъ именуется «веститоромъ великія церкви» не Софійской ли въ Царьградѣ?).

25) 1483 г. «Жребій и избраніе 17 Іюля, поставленіе Октября въ 4».

Передъ этой записью была другая, затертая, отъ которой остались лишь два слова: «Ноемвріа постриженіе».

Обѣ эти записи относятся къ вышеупомянутому подъ 1470 г. протопопу Успенскаго Собора Симеону, который постригся въ монахи въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, подъ именемъ Сергія, оттуда по волѣ в. к. и по жеребью поставленъ въ архіепископы въ Новгородъ, вмѣсто Θеофила; но вскорѣ за болѣзнію вернулся обратно на свое постриженіе. Недовольные имъ Новгородцы, какъ извѣстно, сочинили на Сергія особую легенду.

26) 1484 г. «Сентября Кіевъ Менглы-Гирей взялъ и монастырь Печерскіи Пресвятыя Богородица» (разграбилъ и сжегъ).

27) 1485 г. Априлія 29 снѣгъ палъ во Вторникъ. Іюля во 2 день преставися княгиня великая (Тверская?) Марθа. Мая въ 29 въ другое (во второй разъ) снѣгъ палъ, „*доброму коню въ набродъ, а попу зродъ*“

(то-есть, добрый конь, пользуясь этимъ, нагуляется и наѣстся въ волю на земляхъ покрытыхъ снѣгомъ, а хозяину (представителемъ его въ этой пословицѣ, какъ и во многихъ другихъ передовое лице-священникъ) —зродъ, неурожай, убытокъ.

28) 1486 г. «Сентября. Князь великій взялъ Тверь, посадъ пожогъ, а владыку и бояръ пожаловалъ: града не жогъ и кремля».

29) 1487 г. «Іюля 9. Князь великій Казань взялъ, и царя поймали и съ матерью и съ братьями и съ царицами».

30) 1489 г. «Мая 27 преставися Геронтей митрополитъ всея Руси».

31) 1490 г. «Преставися (Марта 7) князь великій Иванъ Ивановичъ».

Сынъ в. к. Ивана Васильевича отъ его перваго брака на Маріи Борисовнѣ Тверской, сынъ котораго в. к. Дмитрій Ивановичъ, наименованный такъ при самомъ рожденіи (1498), «за нѣкія противности былъ вмѣстѣ съ матерью *Еленою*» дочерью Стефана VI (1502 г.), господаря Молдавскаго, взятъ подъ стражу и посаженъ въ тюрьму, гдѣ и скончался «въ нужѣ» († 1509). Исторія двухъ этихъ лицъ можетъ служить хорошимъ предметомъ для исторической драмы. В. к. Елена Стефановна погребена въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ. Не отыщется ли тамъ ея надгробіе съ надписью?

*

Таковы любопытныя «памятныя записи», извлеченныя изъ одной рукописи; а сколько ихъ найдется, если бы кто пожелалъ съ этою цѣлью пересмотрѣть «сборники» нашихъ библіотекъ публичныхъ и частныхъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что писавшіе эти записи, въ уединеніи своихъ келлій, не чужды были желанія доставить потомству средство, съ помощію Божіею, помянуть дни древнія и помолиться за трудившихся.

А. Леонидъ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К°. въ Москвѣ.

Историческая замѣтка по поводу 35-лѣтія Самарской дух. семинаріи. *Самарскія Еп. Вѣд.* № 3.

Лавровскаго. Посланіе митр. Климента Смолятича къ Ѳомѣ, пресвитеру Смоленскому, какъ историко-литературный памятникъ XII вѣка. *Смоленскія Еп. Вѣд.* №№ 2, 4.

И. Т. Памяти епископа Ѳеофана. Воспоминанія Вышенскаго инока. *Тамбовскія Еп. Вѣд.* № 6.

Михаилъ (Десницкій), митрополитъ С.-Петербургскій. *Черниговскія Еп. Вѣд.* №№ 3 - 5.

Протоіерея **А. С—аго.** Сказаніе о первомъ въ г. Благовѣщенскѣ храмѣ во имя Св. Николая, Мирликійскаго чудотворца. *Камчатскія Еп. Вѣд* № 1.

Свящ. **П. П—ова.** Историко-статистическія свѣдѣнія о Градо-Благовѣщенской кладбищенской церкви. *Камчатскія Еп. Вѣд.* № 2.

А. Кириллова. Матеріалы для исторіи Камчатской епархіи. *Камчатскія Еп. Вѣд.* № 2.

Ростовско - Ярославскіе іерархи. *Ярославскія Еп. Вѣд.* №№ 6, 7, 8, 9, 10, 11.

Кончина и погребеніе Симеона, архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго въ 1824 году (изъ бумагъ Ярославскаго обывателя П. П. Галактіонова). *Ярославскія Еп. Вѣд.* № 7.

Діакона **Вас. Флоровскаго.** Языческія гулянья въ Даниловскомъ уѣздѣ. *Ярославскія Еп. Вѣд.* № 7.

Преп. Вассіанъ, основатель Рябовской пустыни (1439—1509 гг.). *Ярославскія Еп. Вѣд.* № 8.

Къ исторіи упраздненной въ 1756 г. Езовой пустыни Ярославской губ., *Ярославскія Еп. Вѣд.* № 8.

Къ біографіи Толгскаго архимандрита Вонифатія Борецкаго. *Ярославскія Еп. Вѣд.* № 8.

Архимандритъ Ростовскаго Борисо-Глѣбскаго монастыря Іосифъ Пырскій. *Ярославскія Еп. Вѣд.* № 10.

Преп. Кассіанъ, основатель Учемской пустыни. *Яросл. Еп. Вѣд.* № 11.

К. Самоквасова. Къ исторіи Ченстоховской иконы Божіей Матери. *Холмско-Варшавскія Еп. Вѣд.* № 3.

Львовскій. Происхожденіе и исторія Калмыковъ Большедербетовскаго улуса. (Ученыя Записки Казанскаго унив 1894).

КНИГИ:

Крыловъ А. (директоръ Новобугской Учит. Семинаріи). Архіепископъ Никаноръ какъ педагогъ. Новочеркаскъ 1893. 8°. 113 стр.

Онъ же. Памяти архіеп. Никанора. Новочеркаскъ 1893. 8°. 86 стр. съ портретомъ и подписью.

Памятная книжка Воронежской губерніи на 1894. Составилъ Ст. Звѣревъ. Воронежъ. 1894. б. 8-ка. Тутъ вновь найденныя записки графа Д. Н. Толстаго съ его портретомъ, снимки съ древнихъ вещей Придонскаго края и планъ Воронежа.

Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ Русскомъ флотѣ. Составилъ полковникъ **А. Кротковъ.** Спб. 1894. 8°. 519 стр. съ таблицами, планами и особою книгою „Указателей“ на 346 стр.

И. И. Соневицкій. Памятная книжка Варшавской губерніи на 1894 г. съ портретомъ І. В. Гурки, фототипіями, картою и планомъ. Варшава. 1894. мал. 8°. XI, 330, 124 и 41 стр.

И. Н. Миклашевскій. Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. Ч. І-я. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка. М. 8°. 310 стр.

Годъ тридцать второй.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1894

6.

Стр.

Приложена геліогравюра съ портрета и подписи А. К. Казембека.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1894.

УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ КНИГЪ И СТАТЕЙ 1894 ГОДА

въ повременныхъ изданіяхъ не - историческихъ.

Александровъ. А. Грамоты Русскихъ государей и диптихи въ Славянскихъ монастыряхъ Адріатическаго побережья (Ученыя Записси Казанскаго университета. Май—Іюнь).

Благовѣщенскій А. А. Исторія Общества Живописи, Ваянія и Зодчества въ Москвѣ (Русскій Художественный Архивъ, вып. 1 и 2).

Голубинскій Е. Е. Митрополитъ всея Россіи Максимъ (Богосл. Вѣстникъ Май).

Голубцовъ А. П. О путешествіяхъ древнихъ христіанъ и нашихъ старинныхъ паломниковъ въ Св. Землю, Римъ и Царьградъ (Богосл. Вѣстникъ. Апрѣль).

Забѣлинъ И. Е. Перечень иконописныхъ и живописныхъ работъ Московскихъ дворцовыхъ и городовыхъ мастеровъ XVII столѣтія (Русск. Художеств. Архивъ, вып. 2).

Змѣевъ Л. Ѳ. Къ родословной митрополита Евгенія Болховитинова, съ приложеніемъ списка Коротоякскихъ воеводъ XVII вѣка (Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, т. 55-й).

Карамзинъ Н. М. Переписка съ Лафатеромъ (Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, т. 54-й).

Лебедевъ А. П. Взаимныя отношенія Оттоманской Порты и подвластныхъ ей христіанъ Греко-восточной церкви, послѣ паденія Византійской имперіи (Богословск. Вѣстникъ. Май).

Марковскій М. Антоній Радивиловскій, южно-Русскій проповѣдникъ XVII вѣка (Кіевскія Университетскія Извѣстія, 4).

Масловскій Д. Ѳ. Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи. Царствованіе Екатерины Великой. 1762—1794 годъ. Спб. 1894. б. 8°. XII, VI и 507 стр. Особый атласъ чертежей и плановъ кромѣ помѣщенныхъ въ текстѣ.

Его же. Примѣчанія и приложенія къ Запискамъ по исторіи военнаго искусства въ Россіи. Спб. 1894. б. 8°. 101, VIII, 35 и 10 стр. (Указатель).

Д. Л. Мордовцовъ. Изъ переписки съ А. А. Краевскимъ (Новое Слово, 3).

Письма и бумаги императора **Петра Великаго.** Томъ 3-й (1704—1705). Подъ редакціею **А. Ѳ. Бычкова**. Спб. 1893. б. 8°. XXXI, 1065 и LXIII стр. съ хронологическимъ и предметнымъ указателями.

Списокъ книгъ Д. В. Полѣнова и Л. А. Воейкова, пожертвованныхъ городу Тамбову. Спб. 1893. 8°. 246 стр. съ изображеніемъ Нарышкинскаго музея въ Тамбовѣ.

Шляпкинъ И. А. Св. Питиримъ, епископъ Пермскій (Журн. Мин. Нар. Просв. Мартъ).

Чегулинъ Н. Д. Проэктъ Императорскаго совѣта въ первый годъ царствованія Екатерины II (Журн. Мин. Нар. Просв. Мартъ).

ЕЩЕ КЪ БІОГРАФІИ А. К. КАЗЕМБЕКА *).

I.

Письмо князя А. Н. Голицина къ членамъ Шотландской колоніи въ Астрахани отъ 31-го Мая 1823 года, № 130.

(Переводъ съ Англійскаго)

Пріятное ваше письмо, отъ 7-го Мая касательно обращенія Персіянина мирзы Мамедъ-Али-бека, съ приложеннымъ отъ него прошеніемъ на имя Его Императорскаго Величества я получилъ и въ тоже время имѣлъ удовольствіе быть увѣдомленнымъ о семъ же предметѣ отъ его высокопреосвященный Авраамія, архіепископа Астраханскаго и Кавказскаго.

Принимая сердечное участіе въ обращеніи сего молодаго Персіянина, я счелъ себя обязаннымъ воспользоваться первѣйшимъ случаемъ представить къ стопамъ Его Императорскаго Величества благоговѣйное желаніе мирзы Али-бека принять св. крещеніе, дабы оно исполнено было во всевозможной скорости. Его Императорское Величество, самъ прочитавъ съ большимъ удовольствіемъ подробности обращенія сего Мухамеданина, всемилостивѣйше соизволилъ приказать мнѣ увѣдомить васъ о волѣ Его Величества на то, что сей Персіянинъ можетъ креститься въ то исповѣданіе, къ которому онъ самъ желаетъ присоединиться. Сіе совершенно согласно съ привилегіею, всемилостивѣйше пожалованною 25 Декабря 1806 года Шотландской колоніи, въ Кавказской губерніи учрежденной: 12, 13 и 19 статьи онаго содержатъ достаточное рѣшеніе, уполномочивающее имъ приводить во св. крещеніе всѣхъ, которые обращаемы будутъ къ Господу посредствомъ васъ.

Удовольствіе, съ которымъ сообщаю вамъ сіе пріятное извѣстіе, равняется той сердечной радости, которую я имѣлъ, прочитавши ваше интересное письмо. Да пребудетъ имя Господа нашего Іисуса Христа благословенно и да прославится царство Его по всему лицу земли!

Прося, дабы вы впредъ увѣдомляли меня о всѣхъ тѣхъ, кои, подобно сему Персіянину, будутъ обращены всѣмъ сердцемъ и душею къ вѣрѣ Христовой, съ удовольствіемъ увѣряю васъ о моемъ чистосердечномъ расположеніи къ предмету вашего общества и мою всегдашнюю готовность оказать вамъ мою услугу и всякое нужное покровительство.

*) См. „Русскій Архивъ“ 1893 г. книга III-я.

II.

644. Отношеніе А. П. Ермолова къ графу Нессельроде, отъ 28 Октября 1824 года, № 255.

Въ 1820 году открыты были вредныя для правительства сношенія съ бѣглецомъ Шахъ-Али-ханомъ нѣкоторыхъ Дербентскихъ жителей, по большей части сеидовъ (потомковъ Мухамеда), вышедшихъ туда изъ Персіи, и по утвержденному мною приговору военнаго суда многіе изъ нихъ отправлены на жительство въ Астрахань.

Сынъ одного изъ нихъ муллы Хаджи-Казимъ-бека, мирза Мамедъ-Алибекъ, бывъ сосланъ туда вмѣстѣ съ отцомъ его *), въ прошломъ 1823 году обращенъ находящимися въ Астрахани Шотландскими миссіонерами въ христіанскую вѣру и по исходатайствованному бывшимъ министромъ духовныхъ дѣлъ высочайшему соизволенію пріобщенъ ими къ Англиканской церкви, послѣ чего миссіонеры сіи предназначили его къ выполненію разныхъ со стороны ихъ миссій. По полученному мною увѣдомленію о семъ отъ Астраханскаго гражданскаго губернатора, принимая въ соображеніе, что оный Персіянинъ, измѣнившій Россіи, получившій нѣкоторое образованіе подъ руководствомъ Великобританцевъ, могъ быть употребляемъ ими не въ одномъ качествѣ миссіонера, но и для распространенія между здѣшними народами и въ особенности между Дегестанцами (гдѣ онъ имѣетъ многія родственныя связи) внушеній, сообразныхъ съ видами Англійскаго правительства, давно уже смотрящаго неравнодушно на пріобрѣтенія наши въ семъ краѣ, я предписалъ губернатору, дабы онъ отнюдь не допустилъ сего молодаго человѣка до выполненія порученій отъ миссіонеровъ на него возлагаемыхъ, и впредъ не позволилъ бы ему отлучаться изъ Астрахани ни подъ какимъ предлогомъ. Вслѣдъ за симъ Астраханскій губернаторъ представилъ ко мнѣ прошеніе Мамедъ-Казимъ-бека, принявшаго по крещеніи имя Александра, поданное имъ на высочайшее имя, объ опредѣленіи его на службу въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Полагая, что Персіянинъ сей, по знанію его восточныхъ языковъ и въ особенности Персидскаго, можетъ быть употребляемъ по Иностранной Коллегіи въ должности переводчика съ большею пользою, я счелъ обязанностію своею означенную просьбу препроводить при семъ къ в. с., но вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ необходимѣйшимъ для вашихъ соображеній объяснить и всѣ вышезначущіяся обстоятельства, присовокупляя, что по прибытіи Али-бека въ Петербургъ необходимо нужно имѣть за нимъ нѣкоторый надзоръ и не допускать его до связей съ Англичанами; въ особенности же должно отдалить отъ него всякую возможность отправиться въ Англію: ибо весьма можетъ статься, что по внушеніямъ его наставниковъ въ семъ единственно состоитъ и вся цѣль настоящей его просьбы.

---

*) Тутъ, очевидно, ошибка: Александръ Касимовичъ сосланъ не былъ и пріѣхалъ въ Астрахань годомъ позже своего отца для свиданія съ нимъ. О. Б.

Если в. с. угодно будетъ на принятіе мирзы-Мамедъ-Али-бека на службу по ввѣренному вамъ министерству изъявить ваше согласіе, въ такомъ случаѣ, по недостаточному его состоянію, должно будетъ испросить нѣкоторое пособіе на проѣздъ его и на первоначальную экипировку, впослѣдствіи же времени опредѣлить ему приличное содержаніе.

III.

645. Отношеніе графа Нессельроде къ А. П. Ермолову, отъ 29-го Августа 1825 года, № 631.

По содержанію отношенія в. выс—а, при коемъ доставить изволили прошеніе обращеннаго въ христіанскую вѣру Персіянина Казимъ-бека объ опредѣленіи его на службу въ вѣдомство Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, я имѣлъ счастіе докладывать Государю Императору.

Его Величество высочайше указать соизволилъ помянутаго Казимъ-бека помѣстить въ учрежденное въ Омскѣ Азіятское училище, съ жалованьемъ по 800 р. въ годъ и съ выдачею единовременно 1,000 р. на проѣздъ.

IV.

646. Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ В. С. Ланскаго къ А. П. Ермолову, отъ 12 Октября 1826 года, № 920.

По случаю оставленія многими Шотландскими миссіонерами, уѣхавшими за границу, колоніи своей, въ Кавказской области находящейся, и изъ числа коихъ въ Іюлѣ сего года трое, получивъ также отъ управы своей колоніи увольненіе къ выѣзду, просили паспортовъ въ Шотландію, я доводилъ о семъ до свѣдѣнія Комитета Министровъ, такъ какъ колонія сія, состоя нынѣ изъ принятыхъ въ оную другихъ иностранцевъ, особенно Саратовскихъ колонистовъ и обращенныхъ въ христіанство Горцевъ, требуетъ новаго устройства, о чемъ я относился къ в. выс—у отъ 22 Сентября 1825 года, № 482.

Комитету Министровъ, по журналамъ онаго 10-го Іюля и 3-го прошлаго Сентября, объявлено высочайшее повелѣніе, что Его Императорскому Величеству угодно знать, отъ чего столь много уѣзжаетъ изъ сей колоніи.

Въ дополненіе къ имѣющемуся на счетъ оставленія Шотландскими миссіонерами своей колоніи свѣдѣнію (изъ коего видно было, что они уѣзжаютъ, будучи отзываемы Эдинбургскимъ обществомъ миссіонеровъ), дабы узнать отъ нихъ самихъ истинную причину оставленія ими колоніи, требовано было отъ одного изъ возвращавшихся въ Шотландію членовъ Джона Митчеля, передъ его отъѣздомъ, откровенное таковой причины объясненіе, ежели оная есть сверхъ вышеупомянутыхъ свѣдѣній.

Вслѣдствіе чего Джонъ Митчель представилъ требованное отъ него объясненіе, которое я, во исполненіе высочайшей воли, и представлялъ Его Императорскому Величеству.

Объясненіе Митчеля заключалось въ слѣдующемъ:

1. Что въ 1822 году одинъ изъ миссіонеровъ занимался проповѣданіемъ между Горцами поколѣнія Ингушъ и по знаніямъ своимъ въ медицинѣ пріобрѣлъ ихъ довѣренность и уваженіе, но послѣ губернскимъ начальствомъ оттуда высланъ безъ всякой видимой причины, почему и возвратился онъ въ Шотландію.

2. Что въ 1823 г., обративъ въ христіанство одного изъ почетныхъ Дербентскихъ Персіянъ Мамедъ-Али, находившагося въ Астрахани, и по особо испрошенному ими высочайшему соизволенію окрестивъ его съ наименованіемъ Александра, желали миссіонеры его употребить, какъ человѣка истинно-набожнаго и превосходныхъ дарованій, на дѣло миссіонерства; но мѣстное начальство не только воспрепятствовало имъ принять его въ свое сословіе, на основаніи предоставленнаго имъ на то по высочайше пожалованной имъ грамотѣ права, но, напротивъ, содержало его нѣсколько времени подъ стражею, принуждая вступить въ службу, и хотя онъ согласился было служить по Иностранной Коллегіи, однако между тѣмъ онъ посланъ въ Сибирь, въ г. Омскъ, и въ тамошней школѣ опредѣленъ учителемъ восточныхъ языковъ, что̀ произвело весьма худое дѣйствіе въ другихъ Персіянахъ, которые вообразили, что онъ посланъ въ Сибирь за то, что сдѣлался христіаниномъ.

и 3. Что по симъ обстоятельствамъ миссіонеры, считая цѣль, для коей учреждена ихъ колонія, ненадежною, нѣкоторые сами собою отправились домой, прочіе просили Эдинбургское общество ихъ отозвать, вслѣдствіе чего они симъ обществомъ (которое совершенно отчаялось въ успѣхѣ своего предпріятія) и были отозваны, съ тѣмъ, чтобы послать въ другія части свѣта, гдѣ бы они могли продолжать свои проповѣдническія занятія безъ препятствія.

Нынѣ статсъ-секретарь т. е. Муравьевъ сообщилъ мнѣ, что Государь Императоръ, разсмотрѣвъ причины удаленія Шотландскихъ миссіонеровъ, высочайше соизволяетъ, чтобы я въ точности и надлежащимъ порядкомъ дозналъ и открылъ все то, что̀ было сдѣлано противъ сихъ миссіонеровъ въ несогласность съ высочайше дарованными имъ правами и преимуществами, кѣмъ то было сдѣлано, по какому поводу и донесъ бы Его Императорскому Величеству.

Сообщая о семъ высочайшемъ повелѣніи вашему высокопревосходительству, я, во исполненіе онаго, покорнѣйше прошу васъ, по надлежащемъ изслѣдованіи о вышеизъясненныхъ происшествіяхъ, случившихся съ миссіонеромъ у Ингушъ и Александромъ Казимъ-бекомъ какъ по Кавказской области, такъ и по Астраханской губерніи (о чемъ безъ сомнѣнія в. выс—у въ свое время было донесено) сообщить мнѣ для донесенія Его Императорскому Величеству.

V.

647. Записка Астраханскаго гражданскаго губернатора, представленная при рапортѣ отъ 7 Ноября 1826 г., № 7377.

По распоряженію главноуправляющаго здѣшнимъ краемъ въ прошломъ 1821 г. присланы были на жительство въ Астраханскую губернію, по открывшемуся въ измѣнѣ подозрѣнію, нѣсколько Дербентскихъ Персіянъ, въ числѣ коихъ и мулла Хаджи-Казимъ-бекъ.

Сынъ сего послѣдняго, мирза-Мамедъ Али-бекъ, познакомившись въ Астрахани съ членами Шотландскаго общества, въ городѣ семъ пребывающими и обучившись у нихъ Англійскому языку, въ 1823 году объявилъ имъ желаніе принять христіанство, о чемъ и приносилъ чрезъ нихъ же всеподданнѣйшее покойному Государю Императору Александру Павловичу прошеніе.

Бывшій гражданскій губернаторъ Поповъ, получивъ о семъ частнымъ образомъ свѣдѣніе отъ преосв. Авраамія, тогдашняго Астраханскаго архіепископа, отозвался ему, что помянутый Персіянинъ, по мнѣнію его, не можетъ быть принятъ въ другое вѣроисповѣданіе, кромѣ господствующаго въ Россіи. Вслѣдствіе чего преосв. Авраамій обстоятельство сіе представлялъ на разрѣшеніе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, каковое и послѣдовало съ изъясненіемъ высочайшаго соизволенія, „что Персіянинъ мирза Али-бекъ можетъ креститься въ то исповѣданіе, къ которому онъ самъ желаетъ соединиться, на основаніи привилегіи, дарованной Шотландской колоніи въ 25-й день Декабря 1806 г., статьи 12. 13 и 19“. О сей высочайшей волѣ члены Шотландской колоніи, проживавшіе въ Астрахани и именно: Россъ, Макферсонъ, Диксонъ и Митчель, извѣщены особеннымъ письмомъ князя Александра Николаевича Голицина, отъ 31 Мая 1823 года, № 130, съ коего пріобщена къ дѣлу копія, приватно отъ членовъ Шотландской колоніи полученная.

Послѣ присоединенія Али-бека въ христіанство, членами колоніи названнаго при крещеніи Александромъ, когда дошло до свѣдѣнія покойнаго д. с. с. Попова, что сей Александръ Али-бекъ предназначается упомянутыми членами колоніи къ исправленію разныхъ возлагаемыхъ отъ нихъ миссій, входилъ о томъ съ представленіемъ къ главноуправляющему здѣшнимъ краемъ, отъ 7 Сентября того же года, полагая мнѣніемъ своимъ, „что хотя выкрещенный изъ Персіянъ Александръ Али бекъ, пользуясь высочайше дарованнымъ правомъ, можетъ быть въ отношеніи къ вѣрѣ членомъ Шотландской колоніи, но какъ чрезъ сіе не уничтожаются гражданскія обязанности его по званію подданнаго Россіи, и слѣдовательно возлагаемыхъ на него отъ колоніи миссій не долженъ онъ принять на себя безъ свѣдѣнія правительства, тѣмъ болѣе, что онъ есть сынъ подозрѣваемаго въ измѣнѣ, то въ семъ разсужденіи и испрашивалъ разрѣшенія: можетъ ли означенный Александръ Алибекъ, принявъ христіанскую вѣру, состоять въ распоряженіи Шотландской колоніи, или обязанъ избрать родъ жизни или же службы, какой онъ самъ пожелаетъ“.

Вслѣдъ за симъ препровождена была при рапортѣ отъ 21-го Сентября того же года, къ нему же, главноуправляющему, на разсмотрѣніе подлинная просьба Александра Али-бека, поданная отъ него гражданскому губернатору на высочайшее имя, въ коей изъявлялъ онъ желаніе опредѣлиться на службу въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ.

Два предписанія Алексѣя Петровича, въ разрѣшеніе на сіи представленія, заключаются въ томъ: 1) отъ 19 Сентября 1824 г., что обращенный въ христіанскую вѣру Шотландскими миссіонерами Персіянинъ Али-бекъ, по особеннымъ причинамъ, о коихъ его выс—о не преминетъ донести Государю Императору, отнюдь не долженъ быть допускаемъ къ выполненію возлагаемыхъ на него отъ Шотландской колоніи порученій, а потому и предписалъ имѣть тщательнѣйшее наблюденіе, дабы Али-бекъ, впредъ до дальнѣйшаго распоряженія, не могъ отлучаться изъ Астрахани и въ особенности не былъ бы употребляемъ миссіонерами для распространенія ихъ правилъ, и 2) отъ 28 Октября, что просьба Александра Али-бека объ опредѣленіи его на службу въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ препровождена на разрѣшеніе управляющаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ.

Вслѣдствіе сдѣланнаго распоряженія къ исполненію сихъ предписаній градская полиція, на обязанность коей возложено было наблюденіе, дабы Али-бекъ не отлучался до времени изъ Астрахани и не былъ употребляемъ миссіонерами для распространенія ихъ правилъ, представила при рапортѣ 3 подписки: 1-ю) Али бека, Октября 21-го 1824 года, о невыѣздѣ его изъ города; 2-ю) того же мѣсяца и числа, миссіонеровъ въ ручательствѣ за невыѣздомъ Али-бека и въ неупотребленіи его по дѣламъ миссіи, и 3-ю) его же Али-бека, 21-го Ноября, въ слышаніи предписанія его выс—а, касательно просьбы его объ опредѣленіи на службу.

Послѣ того Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Департаментъ Азіатскій, отношеніемъ отъ 17-го Сентября прошлаго 1825 года, увѣдомилъ гражданскаго губернатора, что Государь Императоръ, всемилостивѣйше снисходя на просьбу Александра Али-бека объ опредѣленіи его на службу по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, высочайше повелѣть соизволилъ опредѣлить его' Али-бека, къ учрежденному въ Омскѣ Азіятскому училищу съ жалованьемъ изъ суммъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ по 800 р. въ годъ, выдавъ ему 1000 р. на проѣздъ къ мѣсту назначенія. Вслѣдствіе чего Азіятскій Департаментъ, препроводивъ означенныя деньги 1000 р., просилъ выдать оныя Али-беку и, снабдивъ его надлежащимъ видомъ, отправить въ Омскъ къ генералъ-губернатору Западной Сибири.

О таковой высочайшей волѣ Государя Императора объявлено Али-беку чрезъ посредство Астраханской градской полиціи, съ выдачею ему и вышеупомянутыхъ 1000 р., а для свободнаго проѣзда до Омска получилъ онъ, Али-бекъ, билетъ и подорожную отъ управлявшаго губерніею Астраханскаго вице-губернатора Смирнова, о чемъ увѣдомленъ и Азіятскій Департаментъ 15 Января сего года (№ 174).

Изъ другаго дѣла по управленію Астраханскаго гражданскаго губернатора видно, что означенный Али-бекъ долженъ находиться нынѣ при Казанскомъ университетѣ; въ Омскъ же онъ не пріѣзжалъ, какъ видно изъ отношенія къ губернатору исправлявшаго должность Омскаго областнаго начальника, отъ 14-го минувшаго Мая.

Въ семъ состоятъ всѣ обстоятельства, относящіяся до Али-бека и видныя изъ дѣлъ Астраханскаго губернскаго управленія. Другихъ же какихъ-либо свѣдѣній, по причинѣ непребыванія нынѣ здѣсь членовъ Шотландской колоніи, получить не отъ кого.

VI.

648. Изъ отношенія А. П. Ермолова къ В. С. Ланскому, отъ 12 Января 1827 г., № 32.

Что касается до миссіонера Шотландскаго общества, находившагося у Ингушъ, то къ удаленію его оттуда побудили меня слѣдующія причины.

Во время пребыванія моего въ С.-Петербургѣ, въ 1821 г., объяснялся я лично съ бывшимъ министромъ духовныхъ дѣлъ о необходимости не дозволять иновѣрнымъ миссіонерамъ проповѣдывать христіанскую религію въ Назранѣ, и князь Александръ Николаевичъ, соглашаясь совершенно съ симъ моимъ мнѣніемъ, добавилъ, что таковые миссіонеры допускаются только тамъ, гдѣ нѣтъ миссіи Греко-Россійской церкви, къ Ингушамъ же посланы были священники наши отъ Св. Сѵнода.

Потомъ въ 1822 г., въ проѣздъ мой чрезъ Владикавказъ, явились ко мнѣ нѣсколько старшинъ Назранскихъ, принявшихъ отъ нашихъ священниковъ св. крещеніе и, удостовѣряя, что съ перемѣною религіи потеряли они общее уваженіе отъ народа, сопротивляющагося явно введенію христіанства, что они не могутъ уже болѣе удерживать его въ надлежащемъ повиновеніи и что при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ нашихъ миссіонеровъ Ингуши рѣшились, оставя Назранъ, удалиться въ горы, просили меня дозволить имъ обратиться опять къ прежнему ихъ закону *).

По важности мѣста, занимаемаго Ингушами, которые, бывъ до сего преданы Россіи, и по положенію ихъ селенія при Назранѣ служатъ наилучшимъ сторожевымъ постомъ нашимъ и оградою съ сей стороны отъ непріязненныхъ Чеченцевъ и Карабулаковъ, не могъ я не предвидѣть, сколь непріятныя послѣдствія могли бы произойти, если бы народъ сей, самый воинственный и мужественнѣйшій изъ всѣхъ Горцевъ, бывъ доведенъ до

---

*) Достойно замѣчанія и глубокаго сожалѣнія то, что гдѣ инославные проповѣдники пріобрѣтали прозелитовъ и, внушая имъ довѣріе, привлекали къ себѣ не только принявшихъ христіанство, но и мусульманъ, обращавшихся къ нимъ, за медицинской помощью, тамъ наше духовенство не имѣло никакого успѣха и только возстановляло противъ себя народъ, а крестившіеся изъявляли желаніе, какъ выше сказано: *обратиться опять къ прежнему закону* Можно надѣяться, что въ настоящее время миссіонерское дѣло лучше постановлено. О. Б.

возмущенія, рѣшился удалиться въ горы, и потому хотя и не могъ я дать означеннымъ старшинамъ прямого позволенія отпасть отъ принятой ими вѣры, но долженъ былъ однакоже приказать мѣстному начальству смотрѣть на поведеніе ихъ въ семъ отношеніи сквозь пальцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ склонилъ я проповѣдника нашего, дабы онъ на нѣкоторое время остановилъ предпріятія свои къ обращенію сего народа.

Въ тоже время узналъ я, что у Ингушъ находится Шотландскій миссіонеръ Блей, который, выдавая себя за лекаря, начиналъ входить у нихъ въ довѣренность.

Почитая неприличнымъ въ то самое время, когда я остановилъ дѣйствіе нашего проповѣдника, дозволить пребываніе между Ингушами миссіонера иновѣрнаго и основываясь на вышеупомянутомъ личномъ объясненіи моемъ съ бывшимъ министромъ духовныхъ дѣлъ, считалъ я себя въ правѣ выслать его отъ сего народа, что̀ было тогда же и исполнено.

Вслѣдъ за тѣмъ князь Голицинъ, по поводу просьбы агента Шотландскаго миссіонернаго общества пастора Ниля о дозволеніи означенному Блею возвратиться къ Ингушамъ, въ отношеніи отъ 26-го Іюля 1822 г. № 2574, меня увѣдомилъ, что о причинахъ удаленія сего миссіонера (по личному разговору со мною ему уже извѣстныхъ) доводилъ онъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества; но Государю Императору благоугодно было знать, не было ли еще и другихъ какихъ побужденій къ таковой высылкѣ. Вслѣдствіе чего въ отзывѣ моемъ отъ 19-го Сентября того же года № 194, я объяснилъ всѣ вышеприписанныя обстоятельства и полагаю, что распоряженія мои были одобрены Его Величествомъ: ибо миссіонеру Белю возвратиться къ Ингушамъ позволено не было, и на счетъ сей никакой дальнѣйшей переписки не происходило.

Я предаю собственному благоусмотрѣнію вашему, до какой степени жалобы Шотландскихъ миссіонеровъ на здѣшнее начальство могутъ быть признаны основательными; да и если за все время существованія ихъ колоніи на Кавказѣ, кромѣ изъясненныхъ двухъ предметовъ, миссіонеры сіи не могли изыскать никакихъ другихъ претензій, то сіе одно уже ясно доказываетъ, сколь строго здѣшнее правительство охраняло права ихъ и что къ удаленію изъ предѣловъ Кавказскихъ побудили ихъ совершенно другія причины.

Все разстройство въ Шотландской колоніи произошло отъ вліянія на оную Эдинбурскаго общества и отъ раздоровъ между колонистами, отъ того возникшихъ. Вѣроятно также предусмотрительность колонистовъ была обращена и на то, что съ поселеніемъ близъ Горячихъ Водъ новой казачьей станицы трудолюбивые жители оной не допустятъ уже колонистовъ обогащаться исключительнымъ снабженіемъ сихъ водъ жизненными потребностями за непомѣрную цѣну.

Впрочемъ, я долженъ еще сознаться и въ томъ, что выѣздъ Шотландскихъ миссіонеровъ изъ Карраса не считалъ я важнымъ ущербомъ для Кавказскаго края; ибо въ отношеніи къ хозяйству ни особеннымъ трудолюбіемъ, ни введеніемъ новыхъ рукомеслъ и лучшихъ способовъ земледѣлія до сего

времени не оказали они полезнаго примѣра; касательно же прямой ихъ цѣли, т. е. проповѣдыванія христіанства, извѣстно уже, сколь мало они сего достигли.

Но предполагая, что предпріятія ихъ въ семъ послѣднемъ отношеніи, въ продолженіе времени, были бы увѣнчаны желаемымъ успѣхомъ и что попеченіемъ ихъ цѣлые народы, въ Кавказскихъ горахъ обитающіе, были бы обращены въ религію ими проповѣдываемую, нельзя упускать изъ виду слѣдующихъ сужденій.

Неоспоримо, что введеніе христіанской религіи между Горцами могло бы умягчить суровость сихъ полудикихъ народовъ и сдѣлать ихъ нравственному образованію болѣе доступными; но дабы переворотъ сей и въ политическомъ отношеніи въ полной мѣрѣ былъ полезенъ для Россіи, необходимо также, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ какъ понятія народовъ сихъ, такъ и самые обычаи ихъ и нравы сближены были съ нашими. Сего едвали можно достигнуть посредствомъ миссіонеровъ иностранныхъ и иновѣрныхъ.

Весьма естественно, что миссіонеры сіи, истолковывая догматы и обряды религіи, ими проповѣдываемой, коснутся разности оныхъ съ господствующею Греко-Россійскою церковью и конечно не станутъ выставлять со стороны выгодной послѣднихъ, въ предосужденіе собственнаго вѣроисповѣданія; вѣроятно также, что, излагая правила ихъ церкви, иностранцы сіи будутъ упоминать о тѣхъ странахъ, гдѣ вѣра ихъ господствуетъ и не преминутъ объяснять тамошніе постановленія и нравы съ нашими несогласные*).

Въ сихъ случаяхъ безъ сомнѣнія говорить они будутъ въ свою пользу и, показывая себя нѣкоторымъ образомъ существами превосходными, не остерегутся поселить пренебреженіе къ другимъ вѣроисповѣданіямъ и обычаямъ, родящееся всегда у новыхъ прозелитовъ съ особымъ фанатизмомъ.

Итакъ можно напередъ предугадывать, какія были бы послѣдствія, если бы народы, среди владѣній нашихъ обитающіе въ мѣстахъ неприступныхъ, были такимъ образомъ просвѣщены иновѣрцами, и если бы съ нравственнымъ образованіемъ оныхъ вражда къ намъ, нынѣ питаемая, усилена была еще новыми побужденіями. Я не упоминаю уже о томъ, что подъ видомъ миссіонеровъ удобнѣе всего могутъ вкрадываться въ страну сію агенты ка-

---

*) Преклоняясь передъ высокимъ государственнымъ умомъ генерала Ермолова, позволю себѣ замѣтить, что я въ совершенно вѣрномъ смыслѣ истолковала его запрещеніе моему отцу предпринимать какія бы то ни было миссіонерскія дѣла, и г-нъ Козубскій совершенно напрасно отрицаетъ правильность моего примѣчанія (см. стр. 558 „Русскаго Архива“ 1893 г. кн. III-й) О. Б.

бинетовъ, неравнодушно смотрящихъ на пріобрѣтенія наши въ сей части Азіи, и что, вызывая для распространенія въ областяхъ нашихъ христіанства проповѣдниковъ иностранныхъ, мы сознаёмся предъ лицомъ всей Европы или въ недостаткѣ способовъ нашихъ или въ неспособности нашего духовенства къ проповѣдыванію Слова Божія.

По всѣмъ симъ соображеніямъ я полагалъ бы полезнѣйшимъ, не допуская въ здѣшнія страны миссіонеровъ иностранныхъ, образовать особое общество для проповѣдыванія Греко-Россійской вѣры изъ почетнѣйшихъ и просвѣщенныхъ духовныхъ особъ нашихъ, подчинивъ оному и существующую нынѣ Осетинскую Духовную Коммисію, съ тѣмъ, чтобы общество сіе занялось прежде всего пріуготовленіемъ миссіонеровъ изъ молодыхъ и способныхъ студентовъ, давъ имъ способъ изучить языки народовъ, къ коимъ ихъ посылать будутъ, и пріобрѣсти нѣкоторыя свѣдѣнія въ медицинѣ, вообще между горскими народами особенно уважаемой; потомъ сіе же общество руководствовать будетъ и самыми занятіями сихъ миссіонеровъ и надзирать за ихъ дѣйствіями.

(Сообщено Ольгой Александровной Боратынскою).

ПОДПОЛКОВНИКЪ А. П. ДУБОВИЦКІЙ

и его жизнь по разнымъ монастырямъ (1824—1842).

Имя подполковника Александра Петровича Дубовицкаго тѣсно связано съ исторіею Русскаго сектанства, которымъ такъ обиловала вторая половина царствованія Александра Благословеннаго. Къ сожалѣнію, значеніе этой энергической въ мірѣ сектанства личности и до сихъ поръ остается мало извѣстнымъ. Даже самое имя Дубовицкаго, такъ быстро, подобно метеору, промелькнуло въ исторіи, что повидимому, не оставило послѣ себя замѣтнаго слѣда. До сихъ поръ не обнародовано въ чемъ именно заключалось вѣроученіе Дубовицкаго, ни разъяснена его біографія, которая представляетъ собою грустную картину невольныхъ странствованій изъ монастыря въ монастырь, изъ одного поднадзорнаго состоянія въ другое, иногда болѣе худшее и тяжелое. Только послѣдніе годы своей многострадальческой жизни Дубовицкій прожилъ, хотя тоже не на свободѣ, но по крайней мѣрѣ болѣе спокойно, подъ отвѣтственностію и надзоромъ своего собственнаго сына, взявшаго его къ себѣ на поруки. Мы предлагаемъ вниманію читателей по преимуществу внѣшнюю, оффиціальную исторію Дубовицкаго въ надеждѣ, что, можетъ быть, найдутся лица, обладающіе матеріалами, касающимися и его сектанской дѣятельности, которые дополнятъ нашу замѣтку болѣе обстоятельными свѣдѣніями по затронутому вопросу.

Дубовицкій принадлежалъ къ числу богатыхъ помѣщиковъ. Ему принадлежали большія имѣнія въ Тамбовской и Орловской губерніяхъ. Въ 1820—1823 годахъ онъ находился въ селѣ Горловѣ, Рязанской губерніи, конюшенной волости, и здѣсь, собравъ вокругъ себя народъ, простыхъ крестьянъ, началъ вести съ ними бесѣды о христіанской вѣрѣ. Неизвѣстно, какого именно содержанія были эти религіозныя бесѣды и долго ли онѣ продолжались; только онѣ обезпокоили мѣстнаго приходскаго священника до такой степени, что онъ рѣшился о бесѣдахъ Дубовицкаго довести до свѣдѣнія епархіальной власти. Священникъ лично явился въ Рязань къ своему епископу,

преосвященному *Сергію*[1]) и донесъ ему, что подполковникъ Дубовицкій, проѣздомъ чрезъ его приходъ, имѣетъ бесѣду съ его прихожанами о вещахъ духовныхъ. Епископъ Сергій отнесся къ сообщенію священника довольно благодушно. «Что же, спросилъ онъ священника, не дѣлаются ли хуже отъ бесѣдъ Дубовицкаго твои прихожане?» «Нѣтъ,» отвѣчалъ священникъ.—«Не перестали ли они ходить въ церковь?» спросилъ снова епископъ священника «Напротивъ того, отвѣчалъ священникъ, они прежде рѣдко ходили, а теперь гораздо чаще». «Не перестали ли пріобщаться Святыхъ Таинъ?» спросилъ опять преосвященный. «Нѣтъ, говоритъ священникъ, прежде они мало пріобщались, а теперь по нѣскольку разъ въ годъ». — «Такъ стало быть, сказалъ архипастырь и доносить не о чемъ; тутъ нѣтъ ровно ничего худого».[2])

Къ сожаленію, ученіе Дубовицкаго не представлялось такимъ чистымъ и православнымъ, какимъ на первый взглядъ показалось оно благодушному Рязанскому епископу. Мѣстная гражданская власть подмѣтила нѣкоторые, несогласные съ установившимися понятіями взгляды, въ духовныхъ бесѣдахъ Дубовицкаго. Гражданское начальство болѣе подозрительно отнеслось къ его религіозно-учительской дѣятельности. и потому дѣло его приняло такой крутой оборотъ, что о немъ доведено было до свѣдѣнія высочайшей власти. Генералъ-губернаторъ Балашовъ представилъ Государю особую докладную записку о дѣятельности подполковника Дубовицкаго, «Орловской губерніи Елецкій помѣщикъ, подполковникъ Дубовицкій, во время проѣздовъ своихъ по Рязанской губерніи, въ Скопинской военно-коннозаводской волости свелъ знакомство съ крестьянскими, отличнаго поведенія дѣвицами, и своимъ ласковымъ обращеніемъ привлекъ къ себѣ вниманіе многихъ поселянъ обоего пола. Въ своихъ бесѣдахъ съ довѣрившимися ему крестьянами Дубовицкій внушалъ имъ признавать христіанъ господствующей вѣры *устными*, а приверженныхъ къ нему послѣдователей —истинными, *внутренними поклонниками*». Кромѣтого, какъ на особенность ученія Дубовицкаго, генералъ-губернаторъ указывалъ и на то, что Дубовицкій ввелъ въ своихъ собраніяхъ особый обрядъ богомоленія съ колѣнопреклоненіемъ и братскимъ лобзаніемъ и училъ всѣхъ своихъ послѣдователей и послѣдовательницъ называть другъ друга братьями и сестрами, и своимъ съ ними ласковымъ обращеніемъ доказывалъ равенство людей. Въ заключеніе своей записки Балашовъ въ числѣ участниковъ богомоленія Дубовицкаго называлъ одного гвар-

---

[1]) Сергій (Крыловъ-Платоновъ) съ 1817 года епископъ Рязанскій, съ 1819 года—архіепископъ, умеръ въ Рязани 18 Августа 1824 года.

[2]) Вѣстн. Европы. 1868 г. Декабрь, 768.

дейскаго офицера Гагина, а въ числѣ послѣдователей новооткрывшейся секты указывались находившіеся въ отпуску изъ Бобруйской крѣпости третьяго піонернаго баталіона унтеръ-офицеръ Соловьевъ и изъ Новгородской губерніи третьей гренадерской артиллерійской бригады 4-й батарейной роты бомбардиръ Старыхинъ.

Государь Императоръ Александръ Павловичъ, разсмотрѣвши записку и бумаги по дѣлу Дубовицкаго, полученныя отъ Балашова, нашелъ поступки Дубовицкаго и товарища его Гагина недозволительными; потому что «они, не принадлежа къ духовному сану и не имѣя отъ правительства никакого позволенія, не могли открывать ученія своего о вѣрѣ», и высочайше повелѣть соизволилъ Дубовицкаго и Гагина арестовать, а самое дѣло ихъ передалъ, чрезъ графа Аракчеева, на разсмотрѣніе Комитета Министровъ.

Комитетъ Министровъ, разсмотрѣвъ въ одно изъ своихъ засѣданій всѣ приложенныя при запискѣ генералъ-губернатора Балашова бумаги по дѣлу Дубовицкаго, не нашелъ въ нихъ ничего такого, чтò бы явно противорѣчило господствующей вѣрѣ. Комитетъ Министровъ только то нашелъ подозрительнымъ въ дѣйствіяхъ Дубовицкаго, что онъ вводилъ особый обрядъ богомоленія и поселялъ въ своихъ сообщникахъ мнѣніе о равенствѣ людей. Для того, чтобы удостовѣриться, съ какими цѣлями онъ распространялъ такое ученіе и въ чемъ заключалась его сущность, Комитетъ постановилъ потребовать отъ Дубовицкаго самыхъ подробныхъ объясненій.

Между тѣмъ какъ дѣло Дубовицкаго приняло въ Петербургѣ такой оборотъ, самъ виновникъ его, опасаясь вѣроятно печальныхъ для себя послѣдствій, представилъ генералъ-губернатору Балашову письмо съ объясненіемъ образа своихъ дѣйствій и ученія. Балашовъ препровоилъ это письмо на непосредственное воззрѣніе Государя. Государь изволилъ отозваться, что по представленнымъ въ письмѣ объясненіямъ Дубовицкій не оказывается на столько виновнымъ какъ можно было предполагать по первоначальнымъ донесеніямъ; да и все дѣло вообще, по мнѣнію Государя, не представляло прежде предполагаемой важности. Поэтому Государь объявилъ, что онъ не находитъ болѣе нужнымъ передавать дѣло Дубовицкаго въ Комитетъ Министровъ, а вмѣсто того, лично отъ себя, разсмотрѣніе бумагъ и дѣла Дубовицкаго поручилъ Петербургскому митрополиту. Впредъ же до разсмотрѣнія дѣла Дубовицкій и Гагинъ, по высочайшему повелѣнію, оставлены были въ домѣ оберъ-полицеймейстера подъ надзоромъ полиціи.

20 Февраля 1824 года митрополитъ Серафимъ представилъ графу Аракчееву для поднесенія Государю свой отзывъ по этому дѣлу. «По разсмотрѣніи съ должнымъ вниманіемъ всѣхъ доставленныхъ мнѣ бумагъ, от-

крылось, что, хотя подполковникъ Дубовицкій употребляетъ всѣ усилія свои къ тому, чтобы отклонить отъ себя имя фанатика и сектатора, но самое дѣло изобличаетъ его въ томъ и другомъ; потому что въ письмахъ своихъ къ титулярному совѣтнику Михайлу Татаринову [1]) и къ генералъ адъютанту Балашову онъ довольно ясно называетъ себя миссіонеромъ, посланнымъ отъ Бога, и присвояетъ себѣ особенный, полученный отъ Бога даръ передавать любовь и самыя глубокія христіанскія истины людямъ грубымъ всякаго пола и возраста. По моему мнѣнію Дубовицкій есть не миссіонеръ, посланный отъ Бога, а фанатикъ и энтузіастъ, и что онъ присвоилъ себѣ честь публичнаго проповѣдника и учителя истины, вопреки точнымъ словамъ Священнаго Писанія. Еслибы Дубовицкій дѣлалъ крестьянамъ основательныя наставленія въ христіанскомъ законѣ, то сіе могло бы его нѣкоторымъ образомъ извинить, и вся вина его состояла бы тогда только въ томъ, что онъ отступилъ отъ порядка. Но Дубовицкій вовсе не училъ крестьянъ спасительнымъ вѣры нашей истинамъ; ибо онъ отторгнулъ православныхъ села Горлова и другихъ селеній крестьянъ отъ Святой Церкви и вселялъ въ нихъ суевѣріе и ересь. Сіе доказывается тѣмъ, что онъ завелъ новую секту, далъ ей наименованіе истинныхъ и внутреннихъ поклонниковъ Богу, ввелъ въ секту сію новые обряды, и какія-то новыя, стихами составленныя, духовныя пѣсни [2]), которыя никогда въ церкви нашей не были употребляемы и, наконецъ, тѣмъ, что какъ послѣдователи его, а наипаче дѣвки, признаютъ его за Божественнѣйшаго человѣка, такъ и самъ онъ считаетъ себя за миссіонера, посланнаго отъ Бога, и, поставляя себя въ семъ качествѣ, проситъ генералъ-адъютанта Балашова, чтобъ поступилъ съ нимъ и приверженцами его именно такъ, какъ знаменитый Іудейскій законоучитель Гамаліилъ совѣтовалъ Синедріону поступить съ Апостолами Христовыми и съ ихъ учениками. Изъ всего изложеннаго видно: 1) что Дубовицкій есть фанатикъ совершенно изступленный и неистовый, котораго ни увѣщанія и слезы, ни любовь, ни гнѣвъ родителя его, восьмидесятилѣтняго старца, добраго и благоразумнаго (какъ самъ онъ объ немъ отзывается), ни представленія и убѣжденія приходскаго священника не могли вразумить, и который, находясь уже подъ судомъ, дерзновенно увѣряетъ (письмо его къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія), что онъ рѣшился жертвовать всѣмъ, что̀ только

---

[1]) Мих. Михаил. Татариновъ, нѣкогда комендантъ города Карлсруэ, супругъ знаменитой Екатерины Филиповны, отлученный отъ ея брачнаго ложа, былъ тогда директоромъ гимназіи въ Рязани, проѣздомъ чрезъ которую Государь принималъ его особо. П. Б.

[2]) Дубовицкій былъ однимъ изъ плодовитыхъ составителей „распѣвцевъ“ въ обществѣ Татариновой. „Русскій Архивъ“ 1873 г. т. II, 1447.

для него дорого и готовъ даже въ ссылку, но только подписки прекратить лжеученіе свое и не распространять онаго никакъ дать не согласится; и 2) что онъ есть настоящій и въ собственномъ смыслѣ сектаторъ, произведшій новый расколъ и чрезъ то причинившій Церкви Христовой весьма великій соблазнъ и вредъ, но сектаторъ вредный не для Церкви только одной, но вмѣстѣ и для всего отечества; потому что ученіе его, что люди всѣ равны, въ чемъ давалъ онъ примѣръ обращеніемъ своимъ съ мужиками, бабами и дѣвками, сколько само по себѣ ложно, столько и опасно: ибо симъ-то ученіемъ своимъ привлекъ онъ къ себѣ великое множество послѣдователей, которые почитаютъ его за Боговдохновеннаго человѣка. По соображеніи всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ дѣла сего я полагаю учинить слѣдующее: 1) предписать епархіальному архіерею, чтобы онъ употребилъ пастырское попеченіе касательно обращенія къ Святой Церкви крестьянъ села Горлова и другихъ селеній, коихъ Дубовицкій отторгнулъ отъ нея; 2) самого Дубовицкаго послать въ какой либо дальній и уединенный монастырь на покаяніе, предписавъ настоятелю монастыря сего никуда его не отпускать, и въ свободное время отъ богослуженія, къ коему онъ Дубовицкій всегда долженъ приходить, занимать его чтеніемъ Слова Божія и святыхъ отцевъ. Сверхъ сего, настоятель тщательнѣйше наблюдать долженъ за образомъ мыслей его и поступковъ и чтó замѣтитъ въ немъ добраго или худаго, о томъ чрезъ каждые три мѣсяца имѣетъ рапортовать епархіальному архіерею, а по окончаніи года архіерей сей долженъ донесть мнѣ съ мнѣніемъ своимъ, приложивъ и рапорты настоятельскіе; я же сообщу тогда все дѣло генералу отъ артиллеріи графу Аракчееву для доклада Его Императорскому Величеству. 3) Довольствовать Дубовицкаго въ монастырѣ братскою трапезою съ платою за сіе въ годъ до 200 рублей изъ его имущества. 4) Если когда либо угодно будетъ Государю Императору уволить Дубовицкаго изъ монастыря, то обязать его строжайшею подпискою отнюдь не распространять вреднаго лжеученія своего и отдать подъ надзоръ полиціи. 5) Что касается до офицера Гагина, который имѣлъ связь съ Дубовицкимъ и нѣкоторое въ семъ дѣлѣ участіе, то и его слѣдуетъ крѣпко вразумить, чтобы зналъ свою должность и отнюдь не вмѣшивался въ дѣла, до него не принадлежащія, въ чемъ обязать его подпискою; а унтеръ-офицера Соловьева и бомбардира Старыхина отослать къ духовному ихъ отцу для очищенія совѣсти ихъ, но за поведеніемъ ихъ имѣть военному начальству строгій надзоръ, дабы они не могли разсѣвать въ войскѣ лжеученія Дубовицкаго».

Митрополитъ Серафимъ какъ ни сгущалъ краски для изображенія еретичества Дубовицкаго, но все таки въ описаніи его лжеученія скользилъ только по поверхности. Онъ не могъ, на основаніи имѣвшихся подъ его руками документовъ, доискаться до сущности лжеученія Дубовицкаго. Въ отзывѣ митрополита есть вскользъ брошенное указаніе на то, что послѣдователи Дубовицкаго, а *наипаче дѣвки*, признаютъ его за Божественнѣйшаго человѣка, которое на самомъ дѣлѣ было далеко не случайно. Дѣло въ томъ, что Дубовицкій, по свидѣтельству старыхъ, жившихъ въ Петербургѣ, скопцовъ ввелъ оскопленія между женщинами. Первыя появленія оскопленныхъ женщинъ обнаруживаются въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія въ Рязанской губерніи, гдѣ жилъ и распространялъ хлыстовскую и скопческую ересь Дубовицкій. У него былъ сынъ, котораго онъ пустилъ по медицинской части, что̀ совершенно шло въ разрѣзъ съ тогдашними воззрѣніями дворянства; а двухъ своихъ дочерей приготовилъ въ акушерки съ цѣлію, какъ предполагаютъ, пропагандировать оскопленіе женщинами между. Сынъ Дубовицкаго былъ впослѣдствіи президентомъ Медикохирургической Академіи и конечно не сочувствовалъ скопцамъ *). Эти свѣдѣнія о Дубовицкомъ, какъ о распространителѣ между скопчества женщинами, взяты нами изъ одной печатной замѣтки; но авторъ ея не сдѣлалъ никакого указанія на источникъ, откуда онъ почерпнулъ такія свѣдѣнія. Въ офиціальномъ дѣлѣ, которымъ мы пользовались, нѣтъ ничего такого, что̀ подтверждало бы мысль автора указанной замѣтки.

Государь, послѣ разсмотрѣнія отзыва митрополита Серафима, во всемъ согласился съ изложенными въ немъ положеніями и повелѣлъ отослать Дубовицкаго и Гагина въ монастырь на покаяніе, при чемъ исполненіе этого дѣла возложилъ на Комитетъ Министровъ. Послѣдній о состоявшемся высочайшемъ повелѣніи сообщилъ въ свою очередь министру духовныхъ дѣлъ князю Голицыну, предоставивъ ему предварительно снестись съ митрополитомъ Серафимомъ о томъ, въ какіе именно монастыри онъ признаетъ удобнѣйшимъ отправить Дубовицкаго и Гагина.

Въ то самое время, когда дѣло подполковника Дубовицкаго находилось въ Петербургѣ на разсмотрѣніи въ разныхъ инстанціяхъ, а самъ онъ жилъ подъ надзоромъ полиціи въ домѣ оберъ-полиціймейстера, его родные употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы облегчить его крайне-незавидное положеніе. Такъ, замужняя сестра его, Про-

*) „Русскій Архивъ“ 1873 г. кн. II, 1447.

тасьева обратилась съ слѣдующимъ письмомъ къ министру духовныхъ дѣлъ князю А. Н. Голицыну:

«Милостивый государь князь Александръ Николаевичъ!

Неизвѣстность объ участи брата моего подполковника Александра Петровича Дубовицкаго налагаетъ на меня священную обязанность принять смѣлость обратить человѣколюбивое и сострадательное вниманіе вашего сіятельства на безпокровныхъ малолѣтнихъ дѣтей его, привезенныхъ имъ въ С.-Петербургъ, которыя, потерявъ недавно матерь, отлучены, можетъ быть, нынѣ отъ отца, единственной своей подпоры. Я, не смѣю ни обвинять, ни оправдывать брата моего, увѣрена, что онъ въ душѣ истинный христіанинъ и до конца пребудетъ вѣрнымъ рабомъ Господа своего. Но если онъ сопричисленъ къ злодѣямъ и томится въ неволѣ, а сироты дѣти его бѣдствуютъ, то да позволено мнѣ будетъ надѣяться, что ваше сіятельство не отринете слезной моей просьбы и по свойственному вамъ великодушію будете предъ Августѣйшимъ Монархомъ милостивымъ ходатаемъ въ облегченіи участи перваго и въ призрѣніи послѣднихъ. Давно поспѣшила бы я сама повергнуться къ стопамъ милосердаго Государя-отца, на правосудіе котораго возлагаю всю мою надежду; но болѣзненное мое состояніе лишаетъ меня сего счастія. Примите, ваше сіятельство, искреннее увѣреніе и пр. всепокорнѣйшая къ услугамъ Елисавета Протасьева. Москва. Марта 13 дня 1824 года». Князь Голицынъ письмо Протасьевой докладывалъ Государю, который повелѣлъ отвѣчать, что дѣло ея брата въ своемъ ходу и не можетъ быть остановлено.

Митрополитъ Серафимъ въ отношеніи своемъ къ князю Голицыну отъ 22 Марта 1824 года предложилъ отправить Дубовицкаго въ Кириллобѣлозерскій монастырь, а Гагина въ Валаамскій. Государь утвердилъ мнѣніе митрополита Серафима и привести его въ исполненіе повелѣлъ Петербургскому военному генералъ-губернатору графу Милорадовичу, при чемъ Государь приказалъ, чтобы графъ отправленія сектантовъ въ назначенные имъ монастыри предоставилъ, каждаго изъ нихъ *порознь*, митрополиту Серафиму, для того, чтобы они изъ устъ самого представителя Церкви узнали тѣ причины, которыя вынудили правительство послать ихъ въ монастыри на покаяніе.

Не успѣлъ еще отправиться къ мѣсту своего назначенія Дубовицкій, какъ явилась новая ходатайница за него предъ лицемъ Государя. То была гувернантка дѣтей Дубовицкаго. 25 Мая 1824 года она обратилась къ князю Голицыну съ письмомъ на Французскомъ языкѣ.

«Ваше сіятельство! Я умоляю васъ, будьте милосерды передать это письмо Его Величеству. Мои печальныя обстоятельства понуждаютъ меня на этотъ смѣлый шагъ; страхъ увидѣть себя разлученной

съ моими воспитанниками заставилъ меня написать самой къ Его Императорскому Величеству, какъ къ отцу сиротъ и несчастныхъ. Я прошу милости позволить мнѣ жить съ моими воспитанниками въ томъ городѣ или мѣстѣ, гдѣ будетъ ихъ отецъ, и имѣть свободу видѣть его. Я умоляю васъ, ваше сіятельство, попросите Его Величество за меня и за сиротъ. Да проститъ мнѣ мою смѣлость Его Величество, за то, что я должна буду когда нибудь дать отчетъ на страшномъ судѣ, если я не исполню желанія матери-христіанки, которая поручила мнѣ своихъ дѣтей на смертномъ одрѣ. Извиняясь предъ вами за безпокойство, причиняемое мною, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ вашего сіятельства смиреннѣйшая и покорнѣйшая слуга Екатерина Жерсонъ».

Вотъ самое письмо, поданное ею на высочайшее имя. «Гувернантка дѣтей г. Дубовицкаго взываетъ къ милосердію Вашего Императорскаго Величества и проситъ милости не разлучать ее съ ея воспитанниками, которые были поручены ей умирающей матерью. Эта мать-христіанка поручила мнѣ своихъ дѣтей во имя Іисуса Христа, Которому она ихъ посвятила, вслѣдствіе чего только смерть и воля Вашего Императорскаго Величества могутъ меня разлучить съ ними. Отецъ, который былъ такого же мнѣнія о воспитаніи, также желаетъ, чтобы я была около дѣтей, дабы помогать ему воспитать ихъ въ любви къ Богу. Я не смѣю просить милости для г. Дубовицкаго; но я умоляю, чтобы мои ученики не были разлучаемы съ ихъ отцомъ. Какова бы ни была его судьба, я настоятельно прошу Ваше Величество, чтобы мнѣ была оказана милость быть при немъ съ моими воспитанниками, имѣть свободу видѣть его и совѣтоваться съ нимъ на счетъ продолженія воспитанія, начатаго по милости Божіей въ христіанскомъ духѣ, такъ какъ, если мы не получимъ позволенія быть около него, то родственники отнимутъ отъ меня дѣтей; а если въ случаѣ они и меня возмутъ съ ними въ свѣтскій домъ, то я не буду имѣть возможности воспитывать ихъ въ христіанскомъ духѣ. Соблаговолите простить мнѣ Ваше Императорское Величество мой смѣлый поступокъ: я обращаюсь съ упованіемъ на Ваше милосердіе и на ваше великодушіе, сила которыхъ превышаетъ всевозможные проступки; я обращаюсь къ вамъ, какъ къ отцу сиротъ и печальныхъ. Имѣю счастіе именоваться съ глубочайшимъ почтеніемъ Вашего Императорскаго Величества преданнѣйшая и послушнѣйшая слуга Екатерина Жерсонъ».

Письмо Жерсонъ доложено было Государю, который дозволилъ гувернанткѣ и дѣтямъ Дубовицкаго жить въ Кирилловомъ монастырѣ и видѣться съ нимъ, когда пожелаютъ.

Офицеръ Гагинъ, отправленный въ Валаамскій монастырь, прожилъ тамъ недолго. Валаамскій игуменъ Іонаѳанъ доносилъ въ томъ-же 1824 году митрополиту Серафиму о болѣзненномъ состояніи Гагина. Митрополитъ немедленно довелъ объ этомъ до свѣдѣнія графа Аракчеева. Послѣдній въ свою очередь о донесеніи митрополита доложилъ Государю, который повелѣлъ перевести Гагина изъ монастыря и помѣстить его въ Петербургѣ въ одной изъ больницъ военнаго вѣдомства. 18 Августа 1824 года, Гагинъ выѣхалъ изъ Валаамскаго монастыря въ Петербургъ. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

Въ томъ-же 1824 году Дубовицкій отправленъ былъ на покаяніе въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. При немъ, съ соизволенія Государя, находились его малолѣтнія дѣти и ихъ гувернантка. Свѣдѣнія о пребываніи Дубовицкаго въ Кирилловомъ монастырѣ очень бѣдны.

Въ разсматриваемое время въ означенномъ монастырѣ жилъ на покоѣ бывшій епископъ Пензенскій Амвросій Орнатскій. Это былъ строгій отшельникъ, добровольно похоронившій себя для міра и предавшійся уединенію. Доступъ къ преосвященному Амвросію въ Кирилловомъ монастырѣ соединялся съ большими трудностями. Дубовицкій, подъ вліяніемъ тяжести монастырскаго заключенія и отсутствія подходящаго общества, явился къ преосвященному Амвросію, подробно изложилъ предъ нимъ всѣ обстоятельства своей жизни, открылъ ему всѣ свои сомнѣнія и убѣжденія, однимъ словомъ излилъ предъ нимъ всю свою душу. Амвросію очень понравилась исповѣдь Дубовицкаго. Онъ скоро полюбилъ невольнаго жителя монастыря, охотно принималъ его и бесѣдовалъ съ нимъ по нѣскольку часовъ подрядъ. Предметомъ ихъ продолжительныхъ бесѣдъ служили разные вопросы вѣры; чаще другихъ затрогивался вопросъ о Промыслѣ Божіемъ *).

Дубовицкій прожилъ въ Кирилловомъ монастырѣ до наступленія новаго царствованія императора Николая Павловича. Вѣроятно, кто нибудь изъ его родственниковъ обратился къ новому Государю съ просьбою объ освобожденіи его изъ монастырскаго заключенія. Какъ бы то ни было, только 9 Мая 1826 года статсъ-секретарь Муравьевъ, по высочайшему повелѣнію, предложилъ митрополиту Серафиму вопросъ о томъ, нѣтъ-ли препятствій къ увольненію подполковника Дубовицкаго изъ Кириллова монастыря. Нужно при этомъ замѣтить, что митрополитъ Серафимъ, основываясь на отличныхъ отзывахъ, періодически представлявшихся ему о поведеніи Дубовицкаго архимандритомъ Кириллова монастыря, самъ еще раньше обращался къ статсъ-

---

*) «Русская Старина» 1883 г. Іюль. Амвросій скончался въ Кирилловомъ монастырѣ 26 Декабря 1827 года.

секретарю Муравьеву съ просьбою объ освобожденіи его изъ монастыря. Государь согласился дать свободу отъ монастырскаго уединенія Дубовицкому, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы отъ него взята была особая подписка, форма которой была одобрена самимъ Государемъ. Только подъ этимъ условіемъ Дубовицкому предоставлялась свобода отъ монастырскаго заключенія и право жить въ своей деревнѣ.

Митрополитъ Серафимъ два раза посылалъ къ Дубовицкому форму подписки и требовалъ, чтобы тотъ подписалъ ее безъ малѣйшей перемѣны или прибавленія въ ней; но, къ великому огорченію старца-митрополита, Дубовицкій два раза отказывался подписать присланную бумагу, въ первый разъ—подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, а во второй по причинѣ быстраго онѣмѣнія правой руки. Ясное дѣло, что такого рода дѣйствія Дубовицкаго подали поводъ къ сомнѣнію въ искренности его раскаянія.

Князь Голицынъ чрезъ нѣкоторое время увѣдомлялъ митрополита Серафима, что мать Дубовицкаго прислала Императору просьбу, при которой приложила и подписку его, и умоляла въ тоже время, чтобы Государь благоволилъ для старости лѣтъ ея и для священнаго коронованія освободить ея сына. Государь нашелъ представленную ему форму подписки (читанную имъ въ Москвѣ 7 Августа 1826 г.) удовлетворительною и далъ повелѣніе объ освобожденіи Дубовицкаго, который получилъ свободу 25 Августа 1826 года, но съ тѣмъ, чтобы въ точности соблюдать данное имъ письменное обѣщаніе. Подписка Дубовицкаго въ подлинникѣ представлена была Государю. Вотъ она.

«Я, отставной подполковникъ Александръ Дубовицкій, сосланный въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь на покаяніе за распространеніе моего лжеученія, почувствовавъ нынѣ вину мою и чистосердечно каясь предъ Богомъ, клятвенно обѣщаюсь и сею подпискою моею обязуюсь: 1) что я прежняго моего лжеученія отнюдь никому и никогда ни письменно, ни словесно проповѣдывать не стану, ни къ какой сектѣ принадлежать и самъ заводить оныя не буду; 2) что я ни въ какія дѣла до религіи относящіяся, до меня яко міранина не принадлежащія, вмѣшиваться впредъ не буду; 3) если же я сіе клятвенное обѣщаніе мое, собственноручно подписью моею утвержденное, нарушу, то подвергаю себя въ сей жизни строжайшему гражданскому суду, а въ будущемъ суду Божію».

«Хотя оная подписка апробована самимъ Государемъ съ нѣкоторымъ ограниченіемъ мною и подписана уже; но рукоприкладство мое къ ней духовнымъ начальствомъ найдено недостаточнымъ къ утвержденію ея во всей ея силѣ, почему духовное начальство требуетъ, чтобы я подписалъ сію таковую же подписку безъ оговорки вторично;

но такъ какъ я твердо увѣренъ въ милости Монарха, знавъ, что онъ Государь мой и отецъ, не насилуетъ ничьей совѣсти, то какъ могу я вопреки оной, сдѣлавшись измѣнникомъ Богу, признать за лжеученіе то, о которомъ, въ чемъ оное состоитъ, и кто меня въономъ обличалъ, мнѣ въ вопросныхъ пунктахъ никогда ниже упоминаемо было? Но будучи увѣренъ въ противномъ, какъ могу признать его таковымъ изъ сбереженія себя самаго, погибающаго моего семейства и временныхъ выгодъ? Утверждая подписку сію для онаго вопреки моей совѣсти безъ слѣдующей оговорки, могъ ли бы я, преступникъ Богу и совѣсти моей, быть вѣренъ отцу моему Государю, матери моей Церкви и самой сей подпискѣ? Видя и признавая въ правительствѣ власть самого Господа, надо мною поставленную, хотя и убѣжденъ предъ Нимъ въ совѣсти моей, что я никогда, никому, ничего, противнаго Слову Божію, ученію Православной Церкви и Святыхъ Отецъ не сообщалъ; но, будучи предъ Господомъ ничто иное, какъ бѣдный грѣшникъ, почему и безъ намѣренія, по невѣдѣнію, могъ поступать вопреки сему, каковыя погрѣшности духовнымъ начальствомъ могли быть примѣчены и послужить поводомъ къ названію ихъ ложнымъ ученіемъ, въ видѣ коего и представить Государю; въ чемъ не вѣря себѣ самому, а вѣря ему, какъ верховной власти, покоряю во всемъ о Господѣ волю мою, чистосердечно во всѣхъ оныхъ каюсь о укрѣпляющемъ меня Іисусѣ Христѣ, симъ моимъ рукоприкладствомъ всю оную подписку во всей ея силѣ утверждаю. 1826 года дня».. Подписано: «отставной подполковникъ Дубовицкій».

Получивъ свободу отъ монастырскаго заключенія, Дубовицкій опять взялся за распространеніе своего ученія и такимъ образомъ самымъ дѣломъ нарушилъ данную имъ подписку. Впрочемъ послѣдняя, разсматриваемая въ связи съ внесенными въ нее оговорками, доказываетъ неискренность лица, ее подписавшаго. При внимательномъ чтеніи подписки такъ и бросаются въ глаза ея неясность и двусмысленность.

Согласно высочайшему повелѣнію Дубовицкій имѣлъ право пребыванія только въ своей деревнѣ. Но не далѣе какъ въ слѣдующемъ 1827 году онъ уже переѣхалъ въ Москву. Здѣсь онъ или имѣлъ раньше или купилъ себѣ домъ въ одной изъ глухихъ частей города, именно въ Замоскворѣчьѣ, недалеко отъ Донскаго монастыря. Недалѣе какъ въ томъ-же 1827 году до свѣдѣнія гражданскаго начальства стали доходить слухи о сектантской дѣятельности подполковника Дубовицкаго. Московскій военный генералъ-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ сообщалъ Московскому митрополиту Филарету, что «Дубовицкій, принадлежащій къ сектѣ Татариновой, превратнымъ толкованіемъ Еван-

гелія соблазнялъ нѣкоторыхъ женщинъ къ оставленію своихъ мужей. Въ видахъ распространенія своего ученія онъ завелъ у себя школу для обученія дѣтей. Въ 1829 году состоялось особое высочайшее повелѣніе, которымъ ему безусловно запрещалось заводить у себя школу. Но всѣ эти правительственныя распоряженія мало останавливали подозрительную дѣятельность Дубовицкаго, которая въ концѣ концовъ опять привела его къ монастырскому заключенію, на этотъ разъ довольно продолжительному.

Въ 1833 году на него наложилъ свою твердую руку Московскій митрополитъ Филаретъ. Московскій архипастырь имѣлъ немало данныхъ для того, чтобы принять нѣкоторыя мѣры противодѣйствія Дубовицкому. Неизвѣстно какимъ образомъ, только въ числѣ послѣдователей его ученія оказался нѣкто Иванъ Павловъ, послушникъ Чудова монастыря, находившагося въ непосредственномъ управленіи Московскаго архіерея *). Дѣло Дубовицкаго возникло вслѣдствіе знакомства его съ инспекторомъ Духовной Академіи архимандритомъ Платономъ (Казанцевымъ). Отецъ Платонъ раньше былъ священникомъ въ Ярославской епархіи и по смерти жены принялъ монашество, имѣя на своемъ попеченіи трехъ малолѣтнихъ дѣтей: одного мальчика и двухъ дѣвочекъ Какъ произошло знакомство о. Платона съ Дубовицкимъ, это видно изъ объясненій о. Платона, сдѣланныхъ имъ двумъ чинамъ Св. Синода—митрополитамъ Серафиму и Іонѣ. Эти объясненія имѣютъ важное значеніе для характеристики дѣятельности самаго Дубовицкаго, и потому представимъ здѣсь нѣкоторыя буквальныя изъ нихъ выдержки.

«Познакомился я, такъ писалъ о. Платонъ, съ подполковникомъ Дубовицкимъ 1826 года въ Ярославлѣ, въ проѣздъ его чрезъ оный изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Христіанскія собесѣдованія его со мною и съ покойной моей женой на насъ подѣйствовали. Мы начали перемѣнять образъ своей жизни и болѣе противу прежняго старались сообразовать оную съ ученіемъ Евангельскимъ. Съ тѣхъ поръ я почувствовалъ особенное уваженіе къ г. Дубовицкому. Съ 1826 года не имѣлъ никакихъ сношеній съ г. Дубовицкимъ до 1832 года. Въ семъ году, по пріѣздѣ моемъ въ Москву для принятія Знаменскаго монастыря, я возобновилъ знакомство мое съ подполковникомъ Дубовицкимъ. Благочестивыя чувствованія его и христіанская жизнь, въ немъ самомъ, дѣтяхъ его и домашнихъ мною замѣченная, снова на меня подѣйствовали, и я рѣшился отдать ему дѣтей своихъ, которыхъ и принялъ онъ въ качествѣ сиротъ и вмѣстѣ для того, чтобы снять

---

*) Письма м. Филарета къ высочайшимъ особамъ, т. I, 120.

съ меня всю заботу о ихъ воспитаніи и устройствѣ и тѣмъ доставить мнѣ полную свободу служить Богу и Церкви». Вліяніе Дубовицкаго на дѣтей о Платона, по сознанію послѣдняго, было очень благотворное. «Имѣя надъ своими дѣтьми, по взятіи ихъ отъ Дубовицкаго въ Сергіевъ посадъ, въ теченіи мѣсяца личный надзоръ (такъ писалъ о. Платонъ въ своемъ объясненіи) увидѣлъ въ нихъ совершенную перемѣну на лучшее». Архимандритъ Платонъ вѣроятно очень довѣрчиво относился къ подполковнику Дубовицкому, будучи вполнѣ убѣжденъ въ чистотѣ его Православія, и потому въ одно изъ своихъ личныхъ представленій митрополиту Филарету самъ доложилъ ему о томъ, что онъ отдалъ троихъ своихъ дѣтей на воспитаніе въ семейство вышеупомянутаго подполковника. Митрополитъ выяснилъ о. Платону свое недовѣріе къ чистотѣ вѣрованій Дубовицкаго и посовѣтовалъ ему взять отъ него своихъ дѣтей обратно къ себѣ. Для большей ясности дѣла митрополитъ секретно снесся съ Московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ объ образѣ жизни и поведеніи Дубовицкаго и получилъ между другими невыгодными для послѣдняго свѣдѣніями сообщеніе о томъ, что ему высочайше запрещено брать къ себѣ дѣтей на воспитаніе. Митрополитъ сообщилъ объ этомъ архимандриту Платону. Послѣдній далъ своему владыкѣ обѣщаніе прекратить всякія сношенія съ Дубовицкимъ и взять отъ него своихъ дѣтей. Чрезъ нѣкоторое время о. Платонъ сталъ высказывать свои сомнѣнія въ достовѣрности запрещенія Дубовицкому воспитывать дѣтей. Такой легкій и въ тоже время оскорбительный для Московскаго владыки образъ дѣйствій подчиненнаго ему архимандрита, побудилъ его принять болѣе рѣшительныя мѣры противъ инспектора Московской Академіи. Митрополитъ чрезъ академическое правленіе потребовалъ отъ о. Платона, чтобы тотъ немедленно представилъ подписку въ томъ, что онъ болѣе ни въ какія сношенія съ Дубовицкимъ входить не будетъ. Архимандритъ Платонъ дозволилъ себѣ новый неосторожный и даже прямо подававшій поводъ къ подозрѣнію шагъ, отказавшись дать требуемую митрополитомъ подписку. Впрочемъ чрезъ нѣсколько дней онъ прислалъ ее митрополиту Филарету, но такого страннаго характера, что она прямо свидѣтельствовала о тѣсныхъ связяхъ и сообщничествѣ Платона съ Дубовицкимъ. Въ своей подпискѣ онъ писалъ: «отъ сношеній съ подполковникомъ Дубовицкимъ я не только не получилъ вреда какого либо, *но чуднымъ образомъ назидаюсь во спасеніе*... даю обѣщаніе впредь удерживаться отъ частыхъ и слишкомъ открытыхъ сношеній съ подполковникомъ Дубовицкимъ». Митрополитъ Филаретъ, какъ до сихъ поръ ни старался щадить подчиненнаго себѣ архимандрита (для чего онъ даже устроилъ его въ ректора

Нижегородской семинаріи), но послѣ такихъ оффиціальныхъ заявленій съ его стороны, онъ принялъ болѣе рѣшительныя мѣры, которыя затрогивали и Дубовицкаго.

15-го Апрѣля 1833 года митрополитъ Филаретъ обратился къ оберъ-прокурору Св. Синода С. Д. Нечаеву съ секретнымъ отношеніемъ, въ которомъ, изложивъ уже извѣстную исторію архимандрита Платона, онъ между прочимъ писалъ: «Видя изъ сего возрастающую важность сего дѣла и не находя удобнымъ подвергнуть оное гласности представленія въ Св. Синодъ, покорнѣйше прошу довести оное до высочайшаго свѣдѣнія и доложить Его Величеству, не благоугоднымъ ли будетъ повелѣть: 1) Посредствомъ секретныхъ сношеній учинить новое дознаніе о томъ, не продолжаетъ ли подполковникъ Дубовицкій дѣйствовать и нынѣ въ качествѣ распространителя лжеученія. 2) Архимандрита Платона, для точнаго дознанія его образа мыслей и духовно-нравственнаго направленія, вызвать въ Петербургъ и поручить испытанію нѣкоторыхъ членовъ Св. Синода, кого Его Величеству благоугодно будетъ назначить, при синодальномъ оберъ-прокурорѣ».

Теперь дѣло приняло очень крутой и быстрый оборотъ. Синодальный оберъ-прокуроръ отношеніе къ нему митрополита Филарета о дѣлѣ Платона и Дубовицкаго передалъ графу Бенкендорфу, а этотъ послѣдній уже доложилъ его Государю. Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ немедленно вызвать о. Платона «подъ видомъ дѣлъ службы», въ Петербургъ, а разслѣдованіе дѣла относительно поведенія Дубовицкаго возложилъ на самого графа Бенкендорфа.

Въ концѣ Мая 1833 года архимандритъ Платонъ, только что переѣхавшій было на службу въ Нижній Новгородъ, явился въ Петербургъ «по дѣламъ службы» и 30 Мая представленъ былъ къ допросу въ присутствіи двухъ членовъ Синода (митрополитовъ Петербургскаго Серафима и Іоны, бывшаго митрополита Грузинскаго) и оберъ-прокурора С. Д. Нечаева. Ему предложено было нѣсколько допросныхъ пунктовъ. Въ отвѣтахъ своихъ на эти пункты о. Платонъ изложилъ исторію своего знакомства съ Дубовицкимъ, которая уже извѣстна выше. Между прочимъ онъ сознавался въ томъ, что пріобщалъ Св. Таинъ г. Дубовицкаго дважды: на Страстной недѣлѣ и послѣ Пасхи въ алтарѣ у жертвенника. Отсюда члены Синода заключили, что онъ это сдѣлалъ изъ одного уваженія и покорности г. Дубовицкому, избранному имъ въ духовные руководители. Въ заключеніе всего два митрополита постановили подчинить Платона на нѣкоторое время ближайшему надзору бдительнаго и искуснаго въ убѣжденіи архипастыря и прикомандировать его къ слѣдовавшему тогда въ Полоцкъ епископу

Смарагду)* подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы онъ при образованіи новой епархіи служилъ сему преосвященному пособіемъ, отчего самому удаленію его отъ должности ректора Нижегородской семинаріи можно будетъ дать благовидную причину; а чтобы не лишить его способовъ къ воспитанію троихъ дѣтей его, предоставить ему званіе и доходы настоятеля Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря, которые обыкновенно соединялись съ должностью ректора Нижегородской семинаріи. Приговоръ членовъ Синода по отношенію къ Платону отличался мягкостью и снисходительностью; но Государь не утвердилъ мнѣнія митрополитовъ, а вмѣсто того приказалъ отправить Платона на жительство въ Валаамскій монастырь. 1-го Мая 1834 года архимандритъ Платонъ подалъ прошеніе на высочайшее имя о прощеніи. Только въ Мартѣ 1836 года Государь повелѣлъ перевести его на испытаніе въ Сергіеву пустынь близъ Петербурга. Въ концѣ того же года митрополитъ Серафимъ, основываясь на отзывѣ архимандрита Сергіевой пустыни объ отличномъ поведеніи Платона, просилъ Святѣйшій Синодъ объ освобожденіи его отъ испытанія. Синодъ представилъ объ этомъ докладъ Государю, который 5-го Декабря 1836 года повелѣлъ употребить Платона на службу сообразно съ его званіемъ. О. Платонъ тотчасъ-же получилъ назначеніе на должность настоятеля Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря. Но этимъ странствованія его далеко не кончились. Въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ о. Платонъ прожилъ до 1840 года. Въ этомъ году онъ получилъ должность архимандрита второкласснаго Отроча монастыря въ г. Твери. Въ 1848 году архимандритъ Платонъ изъ Отроча монастыря былъ переведенъ въ настоятеля Желтикова монастыря, расположеннаго въ четырехъ верстахъ отъ г. Твери, гдѣ онъ въ шестидесятыхъ годахъ (1866 г.) и скончался. Во всѣхъ переходахъ Платона изъ одного монастыря въ другой играло роль подозрѣніе въ его сектанствѣ. За нимъ хотя издалека, но зоркимъ окомъ слѣдилъ Московскій митрополитъ Филаретъ, который дѣлалъ о немъ соотвѣтствующія указанія епископу Тверскому.

Одновременно съ разбирательствомъ дѣла Платона въ духовномъ вѣдомствѣ, графъ Бенкендорфъ, по высочайшему повелѣнію, производилъ подъ строгимъ секретомъ полицейское дознаніе объ образѣ мыслей и жизни Дубовицкаго въ Москвѣ. Видно, что дознаніе свидѣтельствовало не въ его пользу, такъ какъ въ томъ же 1833 году состоялось новое высочайшее повелѣніе о ссылкѣ Дубовицкаго подъ

*) Полоцкая епархія возобновлена 30 Апрѣля 1833 года. Епископъ Смарагдъ (Крыжановскій) былъ впослѣдствіи архіепископомъ Могилевскимъ, Харьковскимъ, Астраханскимъ, Орловскимъ и, наконецъ, Рязанскимъ. Умеръ въ 1863 году въ Рязани.

строгій надзоръ въ Соловецкій монастырь. Только по ходатайству Московскаго генералъ-губернатора, въ уваженіе болѣзненнаго состоянія дочери Дубовицкаго, Государь повелѣлъ отправить его въ одинъ изъ монастырей, находящихся поближе къ Москвѣ. Близкій родственникъ Дубовицкаго (тесть) тайный совѣтникъ, сенаторъ и шталмейстеръ Озеровъ, по желанію самаго семейства Дубовицкаго, избралъ для него Санаксарскій монастырь.

Московскій генералъ-губернаторъ князь Д. В Голицинъ отъ 11 Ноября 1833 года увѣдомлялъ синодальнаго оберъ-прокурора С. Д. Нечаева, что жившаго въ Москвѣ отставнаго подполковника Александра Дубовицкаго высочайше повелѣно за сектанство отправить на всегдашнее жительство въ одинъ изъ монастырей, находящихся въ недальнемъ разстояніи отъ Москвы. Во исполненіе этой высочайшей воли онъ Голицынъ отправилъ Дубовицкаго въ Санаксарскій монастырь, Тамбовской губерніи, Темниковскаго уѣзда, сообщивъ при этомъ епископу Тамбовскому, чтобы Дубовицкій содержался тамъ подъ секретнымъ надзоромъ, не возбраняя ему, по усмотрѣнію его преосвященства, видаться со своими дѣтьми, если они иногда будутъ просить объ этомъ и, чтобы отданному подъ монастырскій надзоръ ни подъ какимъ видомъ не дозволять имѣть у себя какія-либо сборища. Князь Д. В. Голицинъ отъ 24 Ноября 1833 г. просилъ синодальнаго оберъ-прокурора, насколько только можетъ это отъ него зависѣть, не перемѣнять мѣста содержанія Дубовицкаго, избраннаго по желанію родственниковъ его и семейства, находящагося и безъ того уже въ несчастномъ положеніи. Но оберъ-прокуроръ Св. Синода еще ранѣе этого, именно 17 Ноября, обратился къ Тамбовскому епископу *Арсенію**) съ запросомъ о томъ, въ какомъ состояніи находится предназначенная для содержанія Дубовицкаго пустынь, способенъ ли строитель къ секретному надзору, какой требуется за такимъ сектаторомъ, и вообще какого житія и образованности какъ онъ самъ, такъ и братія монастыря.

‹Предназначенная для содержанія подполковника Дубовицкаго пустынь›, такъ писалъ 28 Ноября того-же года епископъ Тамбовскій синодальному оберъ-прокурору, ‹находится не совсѣмъ въ выгоднымъ для этой цѣли состояніи, какъ по близости къ городу Темникову, такъ и по малообразованности братіи, въ числѣ которой есть и слабые по жизни; да и самъ строитель оной, будучи также невысокаго образованія, ибо поступилъ въ монашество изъ риторическаго класса, хотя по поведенію и могъ бы быть способенъ къ исполненію сдѣланнаго

---

[1]) Арсеній (Москвинъ) еп. Тамбовскій, впослѣдствіи былъ архіепископомъ Каменецъ-Подольскимъ, Волынскимъ, Варшавскимъ; умеръ въ санѣ Кіевскаго митрополита.

ему порученія, но, по недавнему пребыванію въ должности строителя, не имѣетъ еще потребной для сего опытности; почему бы я полагалъ. что гораздо безопаснѣе помѣстить Дубовицкаго въ Саровскую пустынь, какъ удаленную на значительное разстояніе отъ сосѣдственныхъ селеній и имѣющую настоятелемъ почтеннаго старца испытанной вѣрности и строгости въ жизни».

Оберъ-прокуроръ, сообщая отъ 15 Декабря 1833 года отзывъ епископа Тамбовскаго Московскому генералъ-губернатору князю Д. В. Голицину, просилъ мнѣнія его о томъ, не найдетъ ли онъ возможнымъ и удобнымъ перемѣнить, согласно мнѣнію Тамбовскаго епископа, мѣстопребываніе г. Дубовицкаго. Князь Д. В. Голицинъ 21 Декабря 1833 года писалъ синодальному оберъ-прокурору С. Д. Нечаеву:

«Опекунъ надъ дѣтьми г. Дубовицкаго шталмейстеръ г. сенаторъ Озеровъ убѣдительно проситъ не перемѣщать его: 1) что Санаксарскій монастырь, находясь въ растояніи трехъ верстъ отъ города Темникова, даетъ средства дѣтямъ заключеннаго въ монастырѣ видѣться, согласно высочайшему повелѣнію, съ родителемъ ихъ елико возможно чаще, и сіе есть единое наслажденіе несчастныхъ дѣтей, а паче находящейся въ тяжкой болѣзни старшей его дочери; дальнѣйшее разстояніе монастыря лишило бы ее совершенно свиданія съ отцомъ. 2) Московскій врачъ г. Рихтеръ, пользовавшій болящую, взялъ на себя трудъ войти въ сношеніе съ пребывающимъ по близости Темиикова искуснымъ докторомъ Костомаровымъ, который продолжать будетъ лѣченіе больной; съ удаленіемъ же отъ назначеннаго мѣтсопребыванія дѣтей, сей помощи она имѣть не будетъ. 3) Изъ назначенныхъ опекуновъ надъ дѣтьми г. Протасьевъ, имѣя пребываніе свое также по близости Темникова, какъ родной дядя, принимаетъ на себя обязанность тщательнаго наблюденія за порядкомъ жизни и воспитаніемъ дѣтей. Бывши же удаленъ отъ мѣстожительства ихъ, онъ найдется въ невозможности быть имъ полезнымъ».

«По каковымъ обстоятельствамъ и принимая въ соображеніе, что цѣль заключенія г. Дубовицкаго въ монастырь токмо та, дабы онъ, живя въ обществѣ, не совращалъ другихъ къ понятіямъ и правиламъ религіи по своему толкованію; изъ монастыря же онъ никакъ не можетъ по принятымъ мѣрамъ ни выѣзжать, ни принимать кого-либо къ себѣ кромѣ дѣтей, слѣдовательно въ Санаксарскомъ монастырѣ также онъ не можетъ быть вреднымъ общественнымъ правиламъ, какъ и во всякомъ другомъ, и притомъ опредѣленные надъ дѣтьми и имѣніями опекуны, внушивъ ему, чтобы велъ себя осторожнѣе, не давая малѣйшаго повода къ жалобамъ на его поведеніе, ручаются за исполне-

ніе въ семъ случаѣ предписаннаго начальствомъ. А потому я полагаю возможнымъ оставить г. Дубовицкаго въ Санаксарскомъ монастырѣ».

Оберъ-прокуроръ 4 Января 1834 года за разрѣшеніемъ возникшаго между нимъ и Московскимъ генералъ-губернаторомъ расногласія обратился съ особымъ отношеніемъ къ шефу жандармовъ графу А. Х. Бенкендорфу. Въ этомъ отношеніи какъ будто проглядываетъ истинная причина разногласія, по которой оберъ-прокуроръ такъ настойчиво хлопоталъ о переводѣ Дубовицкаго въ другой монастырь; потому что оберъ - прокуроръ прямо въ немъ заявляетъ, что распоряженіе князя Голицина объ отправленіи Дубовицкаго въ Санаксарскій монастырь было имъ учинено *безъ сношенія съ нимъ*—оберъ-прокуроромъ.

«Не позволяя себѣ входить», писалъ далѣе оберъ-прокуроръ Бенкендорфу, «въ разсмотрѣніе того, безопасно ли для воспитанія дѣтей ближайшее вліяніе отца, коего понятія о главнѣйшей части воспитанія (о религіи) признаются неправильными, но имѣя въ виду, что изслѣдованіе о сектаторствѣ г. Дубовицкаго производилось по высочайшему повелѣнію подъ особымъ вѣдѣніемъ и распоряженіямъ вашего сіятельства, я долгомъ почелъ всѣ сіи свѣдѣнія сообщить на ваше усмотрѣніе съ приложеніемъ въ копіи самаго отзыва госп. Московскаго военнаго генералъ-губернатора на предположеніе преосвященнаго Тамбовскаго».

Графъ Бенкендорфъ принялъ сторону оберъ-прокурора и потому 2 Февраля 1834 года писалъ Московскому генералъ-губернатору: «По внимательномъ соображеніи обстоятельствъ сего дѣла я нахожу во-первыхъ, что въ послѣдовавшемъ на счетъ Дубовицкаго высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ мною вашему сіятельству, не заключается того, чтобы Дубовицкому предоставить средство часто видѣться съ дѣтьми своими, но лишь всемилостивѣйше дозволено, по ходатайству вашему, помѣстить его вмѣсто Соловецкаго въ одинъ изъ монастырей по близости Москвы находящихся, во вниманіе къ болѣзненному положенію дочери его, находившейся тогда въ Москвѣ, и во-вторыхъ, что нельзя не признать уважительными приводимыхъ Тамбовскимъ преосвященнымъ причинъ, по коимъ высочайше повелѣнный за Дубовицкимъ надзоръ представляется въ Санаксарскомъ монастырѣ ненадежнымъ. По симъ уваженіямъ я съ моей стороны признаю необходимымъ, дабы Дубовицкій, для точнаго исполненія послѣдовавшей относительно его высочайшей воли, былъ, согласно предположенію г. оберъ-прокурора Св. Синода, переведенъ въ Саровскую пустынь».

15 Февраля 1834 года оберъ-прокуроръ Синода увѣдомлялъ Тамбовскаго епископа о переводѣ Дубовицкаго въ Саровскую пустынь, при чемъ прибавлялъ: «мнѣ будетъ нужно также знать, хотя чрезъ

каждую треть года, какой образъ жизни и обращенія будетъ вести г. Дубовицкій».

Тамбовскій преосвященный, въ ожиданіи пріѣзда въ Саровскую пустынь Дубовицкаго, спрашивалъ оберъ-прокурора: дозволять-ли Дубовицкому прогулку въ монастырѣ или внѣ монастыря, также свободное хожденіе въ церковь во всякое время или только въ извѣстныя времена? 15 Марта оберъ-прокуроръ писалъ и разъяснилъ Тамбовскому епископу, что надзоръ надъ упомянутымъ сектантомъ долженъ состоять въ томъ, чтобы онъ не имѣлъ у себя тайныхъ собраній и не заводилъ ни съ кѣмъ тѣсныхъ связей, которыя могли бы подать ему возможность распространять свои заблужденія о предметахъ, до вѣры касающихся, но входъ въ церковь Божію безъ малѣйшаго сомнѣнія долженъ быть ему открытъ во всякое время.

15 Марта 1834 года Дубовицкій прибылъ въ Саровскую пустынь, какъ о томъ доносилъ Саровскій игуменъ Нифонтъ епископу Тамбовскому, а этотъ послѣдній въ свою очередь увѣдомлялъ о томъ оберъ-прокурора Св. Синода.

13 Августа 1834 года преосвященный Тамбовскій Арсеній увѣдомлялъ синодальнаго оберъ-прокурора, что Дубовицкій, какъ это видно изъ представленнаго ему отзыва Саровскаго игумена *Нифонта* [1], ведетъ себя скромно, сборищъ у него никакихъ не бываетъ, у церковныхъ службъ по болѣзненнымъ припадкамъ хотя не всегда, но бываетъ, противныхъ нашей христіанской религіи поступковъ въ немъ не замѣчено, на исповѣди по долгу христіанскому бываетъ и Святыхъ Таинъ пріобщается. Совершенно такіе-же отзывы дѣлалъ игуменъ Саровскій Нифонтъ о Дубовицкомъ во все время пребыванія послѣдняго въ Саровѣ.

Въ концѣ 1838 года сынъ подполковника Дубовицкаго, состоявшій ординарнымъ профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ и заслужившій своимъ усердіемъ и безкорыстною дѣятельностью полное вниманіе начальства, обратился чрезъ министра народнаго просвѣщенія къ графу Бенкендорфу съ просьбою о переведеніи отца его изъ Саровской пустыни въ Спасскій монастырь въ Казани.

По всеподданнѣйшему докладу Бенкендорфомъ прошенія Дубовицкаго-сына, Государь повелѣть соизволилъ: спросить на счетъ перемѣщенія Дубовицкаго въ Казанскій Спасскій монастырь заключенія оберъ-прокурора.

Оберъ-прокуроръ [2]) отъ 5 Ноября 1838 года обратился къ архіепи-

[1]) Скончался въ Саровской пустыни 8 Марта 1842 года.

[2]) Уже графъ Протасовъ.

скопу Казанскому *Владиміру* [1]) съ запросомъ о томъ, можетъ ли, по его мнѣнію, Дубовицкій быть перемѣщенъ въ Казанскій Спасскій монастырь.

17 Ноября 1838 года оберъ-прокуроръ сообщалъ графу Бенкендорфу, что по имѣющимся въ духовномъ вѣдомствѣ свѣдѣніямъ не встрѣчается препятствій къ перемѣщенію Дубовицкаго изъ Саровской пустыни; но къ назначенію ему пребыванія въ Казанскомъ Спасскомъ монастырѣ представляются неудобства, какъ по состоянію этого монастыря среди города, такъ и по занятію его сверхъ монастырскаго штата и нѣкоторыми другими помѣщеніями; почему онъ полагалъ бы удобнѣйшимъ, въ удовлетвореніе желанія сына Дубовицкаго, перемѣстить его въ Седміезерную пустынь, находящуюся въ 17 верстахъ отъ Казани съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ пребываніе въ оной на томъ же основаніи какъ и въ Саровской пустыни, т. е. подъ наблюденіемъ монастырскаго начальства. Государь Императоръ по докладѣ ему Бенкендорфомъ отзыва оберъ-прокурора, согласно съ его заключеніемъ, высочайше повелѣлъ перемѣстить Дубовицкаго изъ Саровской пустыни въ Казанскую Седміезерную пустынь съ тѣмъ, чтобы онъ и тамъ состоялъ подъ наблюденіемъ монастырскаго начальства.

25 Февраля 1839 года архіепископъ Казанскій, основываясь на донесеніи игумена Седміезерной ,пустыни, увѣдомлялъ оберъ-прокурора, что Дубовицкій доставленъ въ Седміезерную пустынь 10 Февраля, во время служенія повечерія.

5 Августа 1839 года преосвященный Владиміръ, архіепископъ Казанскій, доносилъ синодальному оберъ-прокурору графу Протасову, что Дубовицкій, опредѣленный за распространеніе превратныхъ понятій о религіи въ Седміезерную пустынь подъ наблюденіе монастырскаго начальства, по увѣдомленію настоятеля пустыни игумена *Варсонофія* [2]), велъ себя хорошо, сборищъ у него никакихъ не было, кромѣ того, что посѣщали его нерѣдко дѣти его, жившія въ Казани, а нынѣ изъ оной выѣхавшія; христіанскія обязанности онъ исполняетъ, именно ходитъ въ церковь Божію къ службамъ въ дни воскресные и праздничные, молится, въ прошедшую Св. Четыредесятницу исповѣдывался и пріобщился Св. Таинъ.

Генваря 2-го дня 1840 года въ донесеніи оберъ-прокурору къ прежнему сочувственному отзыву о Дубовицкомъ прибавлялись еще новыя черты. Архіепископъ писалъ о немъ, что онъ мыслитъ и раз-

---

[1]) Преосвященный Владиміръ прежде былъ архіепикопомъ Черниговскимъ, въ 1836 году сдѣланъ архіепископомъ Казанскимъ, въ 1848 году уволенъ на покой и умеръ въ 1855 году въ Свіяжскомъ монастырѣ.

[2]) Управлялъ Седміезерною заштатною пустынью съ 1838 по 1855 годъ.

суждаетъ о вѣрѣ христіанской благочестиво, знаетъ Свящ. Писаніе много приводитъ въ примѣръ изъ житій святыхъ и изъ Пролога, изъ чего видно, что онъ, г. Дубовицкій, читалъ и читаетъ Свящ. Писаніе и книги отеческія.

Сынъ Дубовицкаго, профессоръ Казанскаго университета, вмѣстѣ съ другими его родными, въ Январѣ 1840 года обратился къ графу Бенкендорфу съ просьбою о переводѣ отца своего въ Кизическій монастырь. Причиной этой просьбы выставлялось болѣзненное состояніе Дубовицкаго-отца. Бенкендорфъ 13 Января 1840 года писалъ синодальному оберъ-прокурору, что Дубовицкій отецъ находится въ болѣзненномъ состояніи и его пользуетъ сынъ его, искусный медикъ и хирургъ, состоящій профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ, но что расположеніе Седміезерной пустыни, къ которой проѣздъ весною, по причинѣ разлитія рѣчекъ, около мѣсяца бываетъ весьма неудобенъ, побуждаетъ сего послѣдняго и все семейство подполковника Дубовицкаго просить о переводѣ его въ ближайшій къ г. Казани Кизическій монастырь, гдѣ можно будетъ оказать ему необходимое въ болѣзненныхъ его припадкахъ постоянное медицинское пособіе. Въ заключеніе Бенкендорфъ спрашивалъ оберъ-прокурора: находитъ ли онъ съ своей стороны возможнымъ перевести Дубовицкаго въ Кизическій монастырь?

Оберъ-прокуроръ спрашивалъ Казанскаго архіепископа по указанному вопросу, и архіепископъ съ своей стороны заявилъ, что онъ не имѣетъ никакихъ препятствій къ переводу Дубовицкаго въ Кизическій монастырь.

26 Января 1840 года графъ Протасовъ отвѣчалъ А. Х. Бенкендорфу: «Въ случаѣ перевода Дубовицкаго въ Кизическій монастырь, я полагалъ бы неизлишнимъ поставить въ обязанность монастырскому начальству, чтобы при наблюденіи, которое оно должно имѣть за его поведеніемъ, не дозволять ему имѣть никакихъ сношеній съ тайнымъ совѣтникомъ Поповымъ *), содержащимся въ тамошнемъ же Зилантьевѣ монастырѣ».

Государь повелѣлъ перевести Дубовицкаго въ Кизическій монастырь.

По ходатайству члена Государственнаго Совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Озерова, въ Мартѣ 1840 года Государь разрѣшилъ зятю его Дубовицкому отправиться для излеченія на Кавказъ на четыре мѣсяца съ 1 Мая по 1 Сентября съ тѣмъ, чтобы надъ нимъ за

*) Поповъ Василій Михайловичъ, бывшій при князѣ Голицинѣ директоромъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, сосланный за принадлежность къ сектѣ Татариновой въ Зилантовъ монастырь, гдѣ онъ и умеръ въ 1842 году.

все время его леченія учрежденъ былъ должный надзоръ. Графъ Бенкендорфъ для сопровожденія подполковника Дубовицкаго и надзора за нимъ назначилъ находившагося въ Казани штабсъ-капитана корпуса жандармовъ Фойхта, который долженъ былъ взять Дубовицкаго изъ монастыря и доставить опять обратно въ назначенный срокъ. 17-го Марта 1840 года въ седьмомъ часу пополудни Дубовицкій прибылъ въ Кизическій монастырь. Лѣто 1840 года онъ провелъ на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ и возвратился обратно въ монастырь 17 Ноября.

По просьбѣ родственниковъ и по засвидѣтельствованію Казанскаго архіепископа Владимира, а также исправляющаго должность начальника VII-го округа корпуса жандармовъ полковника Львова объ отлично-скромномъ поведеніи и примѣрной нравственности Дубовицкаго, графъ Бенкендорфъ въ 1841 году ходатайствовалъ предъ Государемъ объ освобожденіи Дубовицкаго изъ монастыря съ учрежденіемъ за нимъ на мѣстѣ жительства надзора со стороны духовнаго и гражданскаго начальствъ.

Государь нашелъ неудобнымъ предоставить Дубовицкому свободу. Вмѣсто того онъ повелѣлъ снестись съ оберъ-прокуроромъ и спросить его: «можно ли перевести Дубовицкаго въ одинъ изъ монастырей около Москвы?» Оберъ-прокуроръ обратился съ запросомъ по предложенному ему вопросу къ Московскому митрополиту Филарету, который 26 Февраля 1841 года отвѣчалъ письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Нельзя сказать, чтобы удобно и безопасно было помѣстить Дубовицкаго въ одинъ изъ монастырей около Москвы. Для разсужденія о семъ представляется слѣдующее:

1) Изъ трехъ монастырей около Москвы Перервинскій занятъ училищемъ и жительствомъ 250 учениковъ; Угрѣшскій и Екатерининская пустынь скудны помѣщеніемъ, и нынѣшніе настоятели ихъ не имѣютъ такого образованія, которое бы обнадеживало, что могутъ съ пользою дѣйствовать на г. Дубовицкаго и охранить свою братію отъ его вкрадчиваго вліянія.

2) Нынѣшнія свидѣтельства о примѣрной нравственности не позволяютъ ослабить предосторожность; потому что такія-же свидѣтельства имѣлъ онъ въ Кирилловѣ монастырѣ, но потомъ въ Москвѣ распространялъ свои прежнія мнѣнія и заводилъ общество.

3) Въ монастырѣ подъ Москвою онъ былъ бы довольно на виду; потому что подмосковные монастыри нерѣдко посѣщаемы богомольцами изъ Москвы, и такимъ образомъ открылся бы ему случай къ сношенію съ прежними приверженцами и къ пріобрѣтенію новыхъ.

Опасенія сего нельзя почитать излишнимъ, если вспомнить, что, по удаленіи г. Дубовицкаго изъ Москвы, нѣкоторые приверженцы его посѣщали Валаамскій монастырь именно для того, чтобы содержавшагося тамъ архимандрита Платона утверждать въ приверженности къ г. Дубовицкому и не допускать на правый путь.

Снисхожденіе и предосторожность были бы соединены, еслибы назначено было г. Дубовицкому пребываніе недалеко отъ Москвы, но не въ близости къ столицѣ, напримѣръ въ Пафнутьевѣ Боровскомъ монастырѣ или въ Макаріевѣ Калязинскомъ».

Графъ Бенкендорфъ 5 Марта 1841 года писалъ оберъ-прокурору, что онъ получилъ донесеніе отъ исправляющаго должность начальника VII округа корпуса жандармовъ, который изъясняетъ, что дѣти Дубовицкаго имѣютъ вскорѣ прибыть изъ за границы въ С.-Петербургъ на жительство, и что поэтому они и отецъ ихъ приняли бы за большую милость, еслибы сей послѣдній удостоился перемѣщенія въ какой либо монастырь близъ здѣшней (т. е. Петербурга) столицы для удобства въ свиданіяхъ. Считая съ своей стороны возможнымъ перевести Дубовицкаго для сближенія его съ дѣтьми въ одинъ изъ находящихся въ Новгородской губерніи монастырей, графъ Бенкендорфъ свое мнѣніе о томъ сообщилъ на усмотрѣніе синодальнаго оберъ-прокурора.

Марта 7 дня 1841 года оберъ-прокуроръ графъ Протасовъ увѣдомлялъ графа Бенкендорфа, что, по его мнѣнію, удобнѣйшимъ для помѣщенія г. Дубовицкаго монастыремъ онъ полагаетъ заштатный Николаевскій Перекомскій монастырь, находящій въ 25 верстахъ отъ Новгорода. Государь на представленіе графа Бенкендорфа въ Мартѣ 1841 года повелѣть соизволилъ перемѣстить Дубовицкаго въ Перекомскій монастырь.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ Дубовицкій обратился съ просьбою къ графу Бенкендорфу, въ которой, объясняя свое болѣзненное положеніе, препятствующее ему теперь-же воспользоваться монаршею милостію, просилъ дозволенія отправиться ему въ Перекомскій монастырь въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Его просьба была исполнена.

21 Іюля 1841 года Дубовицкій подъ надзоромъ жандарма выбылъ изъ Казани въ Перекомскій монастырь.

Въ 1841 году сынъ Дубовицкаго профессоръ Казанскаго университета былъ переведенъ въ С.-Петербургъ и получилъ мѣсто профессора въ Медико-хирургической Академіи.

Въ Іюлѣ 1842 года профессоръ Дубовицкій обратился къ управляющему Военнымъ Министерствомъ съ просьбою объ освобожденіи его отца изъ монастыря и объ отдачѣ его на его попеченіе и отвѣтствен-

ность. Государь Императоръ, основываясь на засвидѣтельствованіи духовнаго начальства о постоянно-скромномъ поведеніи Дубовицкаго, повелѣлъ освободить его изъ монастыря и отдать на поручительство сына его профессора Дубовицкаго.

По увѣдомленію, сдѣланному митрополитомъ Серафимомъ оберъ-прокурору Св. Синода, Дубовицкій выбылъ изъ Перекомскаго монастыря 12 Іюля 1842 года.

—

Изложенная исторія г. Дубовицкаго отличается своею односторонностью. Ей недостаетъ главнаго—изображенія внутренняго его міровоззрѣнія, въ которомъ заключается разгадка всѣхъ его злоключеній. Къ сожалѣнію, внутренній міръ г. Дубовицкаго слишкомъ мало извѣстенъ. Матеріалы для изученія его, какъ намъ извѣстно по собственному опыту, еще недоступны.

Съ одной стороны несомнѣнно, что Дубовицкій очень близко стоялъ къ сектѣ Татариновой, на радѣніяхъ которой даже пѣлись составленные имъ «распѣвцы». Точно также замѣчается большое сходство между ученіемъ Дубовицкаго, извѣстнымъ уже намъ по производившемуся о немъ въ 1824 году дѣлу, и ученіемъ г-жи Татариновой, члены союза которой назывались, такъ же какъ и у Дубовицкаго, братьями и сестрами [1].

Но съ другой стороны, видно, находилось въ ученіи и дѣятельности Дубовицкаго нѣчто *особенное*, выдающееся и ему одному принадлежащее, что̀ побудило гражданское правительство скоро обратить на него свое вниманіе и принять противъ него соотвѣтствующія мѣры. Члены общества г-жи Татариновой подверглись правительственному преслѣдованію и разсылкѣ по разнымъ монастырямъ только въ 1837 году [2]; а Дубовицкій началъ свои невольныя странствованія по разнымъ монастырямъ еще съ 1824 года и закончилъ ихъ только въ 1842 году.

Авторъ замѣтки, помѣщенной въ «Русскомъ Архивѣ» [3], неизвѣстно только на основаніи какихъ источниковъ, прямо сообщаетъ, что Дубовицкій ввелъ оскопленіе между женщинами. По оффиціальному дѣлу, производившемуся въ 1827 году въ Москвѣ, ему приписывается ученіе о томъ, чтобы жены оставляли своихъ мужей. Вообще въ ученіи подполковника Дубовицкаго много таинственнаго и загадочнаго.

Для знакомства съ религіозными воззрѣніями Дубовицкаго предлагаемъ письмо его къ архимандриту Платону. Оно написано съ

[1]) Чтенія въ общ. ист. и древн. Росс. 1868 г. кн. IV.

[2]) Тамъ же.

[3]) «Русскій Архивъ» 1873 г. т. II, 1447.

особою цѣлію: это письмо представлено было архимандритомъ Платономъ митрополиту Филарету *какъ доказательство Православія* Дубовицкаго, и потому на основаніи его одного судить о чистотѣ религіозныхъ воззрѣній г. Дубовицкаго невозможно. Такой строгій критикъ и блюститель Православія какъ митрополитъ Филаретъ, и тотъ ограничился только немногими и то неважными по своему значенію замѣчаніями на нѣкоторыя отдѣльныя выраженія письма Дубовицкаго. Однако Филаретъ придавалъ такое большое значеніе письму Дубовицкаго, что въ копіи представилъ его оберъ-прокурору Св. Синода.

Священникъ В. Жиакинъ.

1 Марта 1894.
С.-П.бургъ.

Копія съ письма подполковника Дубовицкаго къ архимандриту Платону.

Почтеннѣйшій батюшка, отецъ-архимандритъ!

Наконецъ, бытность у васъ изъ дома моего дѣтей вашихъ довольно долгое время, ваши распросы ихъ, да и безъ оныхъ, дѣтская ихъ вамъ откровенность, не могущая ничего скрыть отъ своего родителя, столь нѣжно ими любимаго, есть самое безпристрастное и полное историческое свидѣтельство всѣмъ наималѣйшимъ подробностямъ образа нашей домашней жизни. Для меня весьма пріятно, чтобъ не только дѣти разсказывали и свидѣтельствовали о всемъ нашемъ домашнемъ быту, но очень бы желалъ, чтобы и всѣ, кому угодно, кругомъ осматривали и разбирали меня, вмѣсто того чтобы основываться на нелѣпыхъ слухахъ, предателями (большею частію величайшими благодѣяніями мною осыпанными) вышедшими изъ моего дома, изъ самыхъ скверныхъ видовъ и намѣреній, для оправданія своего обо мнѣ разсѣваемыхъ. Но вотъ странность, которой нельзя довольно надивиться и оплакать, до какой степени люди склонны и жадны вѣрить всякому злу, тѣмъ болѣе распространяемому объ образѣ жизни человѣка, веденію Духа Божія предающагося, служащаго для другихъ живымъ примѣромъ и укоризною! Кто можетъ повѣрить, до какого зла и ослѣпленія могутъ по сему отношенію доходить люди? Надобно токмо кому нибудь сдѣлаться изъ домашнихъ моихъ измѣнникомъ, предателемъ, неблагодарнымъ, чтобъ быть самымъ достовѣрнымъ обо мнѣ свидѣтелемъ, и чѣмъ дерзчѣе и безсовѣстнѣе, тѣмъ для нихъ достовѣрнѣйшимъ, который, по ихъ мнѣнію, заслуживаетъ всякаго довѣрія, не спрашивая отъ меня ни оправданій, ни объясненій. Но дотолѣ, пока тотъ же самый человѣкъ не вышелъ изъ предѣловъ совѣсти, то голосъ его не былъ ничего значущъ; а всѣ честные люди, никогда ни въ чемъ худомъ незамѣченные, отличнаго поведенія и нравственности, которыхъ Господь, особеннымъ промысломъ приведя ко мнѣ, содѣлалъ изъ нихъ общій составъ дома моего (ни честью, ни корыстью и никакими выгодами не обольщенные, но

за всю награду любви ихъ и вѣрности ко мнѣ о Господѣ, равно какъ и я самъ отъ Него, кромѣ всякихъ противу прежней жизни ихъ невыгодъ, получаютъ вмѣстѣ со мною въ воздаяніе себѣ позоръ, поношеніе и безчестіе)— всѣ таковые, говорю люди, составляющіе домъ мой, если бы формальною клятвою, какъ личные самовидцы и свидѣтели, стали утверждать вопреки упомянутыхъ неблагодарныхъ предателей благодѣтеля своего и распространенныхъ и распространяемыхъ обо мнѣ всенародно худыхъ слуховъ, стали бы утверждать, что ни въ жизни, ни въ образѣ понятія, какъ моего, такъ и живущихъ въ домѣ моемъ, нѣтъ ничего противнаго, не токмо благоразумію и доброй нравственности, по Слову Божію, ученію Православной Церкви и гражданскимъ законамъ, — то неужели не достаточно бы было таковаго ихъ свидѣтельства противъ всѣхъ ложныхъ слуховъ на меня разсѣваемыхъ? Но какія доказательства могутъ быть достаточны такимъ людямъ, которые не ищутъ разыскивать правды, а хотятъ только настаивать, чтобъ было по ихъ? Чѣмъ докажешь тому, который говоритъ: „Я Тита не люблю.—За что?—За то, что не люблю!“

Но не хочу при семъ случаѣ далѣе о семъ распространяться, потому что я на сей разъ не объ этомъ имѣю въ предметѣ говорить съ вами; а желаю послѣ всѣхъ свидѣтельствъ, которыя вы получили обо мнѣ отъ дѣтей вашихъ, дружески, хотя и съ прискорбіемъ сердца, указавъ попенять вамъ: какъ много вы ошибались на мой счетъ, не открывъ мнѣ искренно тайнаго нѣкотораго вашего подозрѣнія, что будто бы кромѣ Іисуса и того распята и Креста Его, могло быть что-либо иное основаніемъ моимъ. Дѣтская моя христіанская простота была, если вы захотите искренно признаться, большимъ для васъ камнемъ претыканія. А наиглавнѣйшимъ образомъ служилъ къ сему простой мой разговоръ объ радѣніи.

Вы по своимъ собственнымъ дѣтямъ могли видѣть, приходило ли мнѣ когда либо въ мысль считать радѣніе за нѣчто необходимое къ спасенію [1]), и основываться когда либо на немъ, приводилъ ли я когда къ этому дѣтей вашихъ? [2]) Я никогда имъ не занимался и не занимаюсь [3]); но, слыша ложь и нелѣпости на людей онымъ занимающихся взносимыя, какъ-то будто они, поставя котелъ съ водою, бѣгаютъ около его и муча себя жестокими ударами вызываютъ изъ воды духа, — другіе говорятъ про нихъ, будто на одномъ мѣстѣ кружатся до тѣхъ поръ, пока войдя въ конвульсіонныя движенія до

---

[1]) По поводу словъ Дубовицкаго: «приходило ли мнѣ когда либо въ мысль считать радѣніе за нѣчто необходимое ко спасенію» митрополитъ Филаретъ замѣчаетъ: „Слѣдственно г. Дубовицкій признаетъ радѣніе только не необходимымъ ко спасенію, а впрочемъ одобряетъ“.

[2]) А еслибъ я почиталъ это иначе, то не умедлилъ бы поспѣшить ихъ привесть къ оному.

[3]) Противъ словъ Дубовицкаго: „я никогда имъ (радѣніемъ) не занимался и не занимаюсь“ митрополитъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „и въ скопческой сектѣ начальникъ не занимается радѣніемъ, но другіе подъ его надзоромъ“.

того, что у нихъ пѣна сдѣлается у рта и начнутъ говорить вздорныя слова, называя оныя пророчествомъ, которому всѣ обязаны вѣрить какъ откровенію, и будто я самъ принадлежу къ таковой сектѣ. О, жалкое заблужденіе! Тѣмъ болѣе сожалѣю о тѣхъ порядочныхъ людяхъ, которые, не знавши совсѣмъ собственными безпристрастными глазами о семъ дѣлѣ въ натурѣ, столько легковѣрны, что основываются либо на предателяхъ произвольныхъ (по развратности своихъ нравовъ недостойныхъ вѣроятія), либо на предателяхъ невольныхъ, большею частію такихъ, которые не въ состояніи дать порядочнаго объясненія, тѣмъ болѣе, попавшись въ руки людей пристрастныхъ, жаждущихъ погибелью ихъ отличиться и получить награды. И сего уже одного достаточно къ фальшивому свидѣтельству, не говоря уже того, что таковые люди, сплошь будучи невѣжды, какое могутъ дать объясненіе дѣлу выпытанному изъ нихъ подъ различными истязаніями, и часто подъ наижесточайшими пытками? Вотъ источники, единственные чистые источники, изъ которыхъ не только порядочные люди въ публикѣ, но и правительственныя лица получаютъ свои понятія и выводятъ свои заключенія!! Я не знаю, о комъ болѣе жалѣть и плакать должно, о тѣхъ ли несчастныхъ, которые, будучи мирные, добрые граждане и покорные Церкви, отъ ложныхъ понятій о семъ радѣніи судей своихъ, дѣлаются либо цѣлыми семействами несчастными жертвами погибели, либо бѣдствующія осиротѣлыя дѣти оплакиваютъ погибель своихъ родителей, а родители дѣтей своихъ; или о сихъ судіяхъ ихъ, дѣлающихся по невѣжеству, ожесточенію, либо легкомыслію, адскими орудіями ихъ погибели?

Никто и ничѣмъ не можетъ помочь хищнымъ людямъ, дѣлающимся изъ своекорыстныхъ видовъ и выгодъ намѣренными таковыми орудіями. Но добрыя души, по ложному понятію о семъ дѣлѣ ошибающіяся, полагая иногда по несправедливой своей ревности приносить службу Богу истребленіемъ ереси, гоненьми, погибелью людей, кровавыми слезами и стонами къ небу ими возсылаемыми, думаютъ приносить симъ весьма благоугодную жертву Богу (Іоан. XVI, 2), и кто же? Служители смиреннаго Іисуса, положившаго душу Свою за насъ враговъ Своихъ. Не будетъ ли весьма кстати къ сему привесть вопросъ мудраго историка Готфрида Арнольда: „*Тѣ ли болѣе еретики, которыхъ жгли, или которые жгли?*“ Горе людямъ, изъ религіозной ревности полагающимъ погибелью другихъ приносить службу Богу! Не токмо во имя Господне увѣрить ихъ можно, но хотя мало незаглушенная совѣсть имъ скажетъ, что истребленіе ереси, сопряженное съ погибелью людей, есть не токмо предъ Господомъ самая мерзостнѣйшая воня смертная въ смерть, но и предъ всякимъ честнымъ и чувствительнымъ человѣкомъ. И не пріятнѣе ли бы было для Господа, чтобы они, не дѣлая людей несчастными, кланялись идоламъ, бѣсу и самому Вельзевулу, нежели, будучи служителями смиреннаго Іисуса, таковымъ мерзкимъ Ему служеніемъ, безчестили бы Его и хулили бы тѣмъ Отца Его Небеснаго? *).

*) Простите великодушно мои жесткія выраженія; обратите только ваше вниманіе на мое намѣреніе и на мою нѣжнѣйшую любовь къ человѣчеству.

Вотъ вообще, какъ я разумѣю объ истребленіи ересей. Тѣмъ болѣе, сколь ужасно производить таковыя же нападенія на то, во что, ежели только хорошенько вникнуть, не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшей ереси! Подъ ересью или сектою разумѣется все то, что̀ отсѣклось отъ Православной Церкви, въ нее не ходятъ для общественнаго богослуженія и таинствамъ не пріобщаются. А какъ люди, занимающіеся скопеческими обрядами, какъ и самые скопцы, ничему сему не подвержены, то никакъ не можно почитать ихъ за секту *). Неправильное же понятіе о домашнихъ назидательныхъ для нихъ занятіяхъ, какъ я выше сказалъ, есть причиною, какъ ихъ временной погибели, такъ и вѣчной погибели неправедныхъ судей ихъ. И какъ для оправданія ложнаго на меня поклёпа и для истребленія совершеннаго на мой счетъ вашего подозрѣнія, будто бы я на этомъ основываюсь и употребляю сіе, и какъ вы, можетъ быть, сами судьею таковыхъ дѣлъ, и изъ любви ко всѣмъ тѣмъ безъ злыхъ намѣреній изъ предубѣжденія содѣлывающимся несчастными орудіями погибели другихъ, изъ сбереженія таковыхъ судей, кому бумага сія въ руки попасться можетъ,—я хочу высказать все то, что̀ только объ этомъ знаю. Но напередъ, дабы отклонить всякое подозрѣніе меня въ союзѣ или заводительствѣ какой-нибудь ереси, необходимостію считаю объяснить вамъ на мой счетъ слѣдующее.

Во первыхъ сказать вамъ долженъ, что одно хожденіе въ церковь къ службѣ Божіей, ни самое пріобщеніе Святыхъ Таинъ, ни все догматическое познаніе богословіи, ни наставленіе въ ономъ другихъ, безъ оживленія Духомъ Христовымъ и вожденія имъ, я никакъ не могу счесть за истинное Православіе; а безъ онаго (т. е безъ Духа), при всемъ томъ, бываютъ точно и сектаторы, отсѣкавшіеся болѣе нежели отъ Церкви, но отъ главы ея, Господа нашего Іисуса Христа. Ибо кто не имѣетъ Духа Христова, тотъ и не Его. А всякій водимый Духомъ Христовымъ, хотя бы онъ былъ въ связяхъ и съ еретиками, но никакъ не захочетъ и не можетъ быть еретикомъ, а входитъ въ оное по мановенію и указанію Промысла Божія и по волѣ Духа, имъ управляющаго для обращенія и для пользы ихъ. То какъ же можно о Православіи моемъ судить и заключать по моимъ связямъ и знакомствамъ? Не гораздо ли безошибочнѣе будетъ судить обо мнѣ, обратя вниманіе на то, что я никогда, никого, не только не отвращалъ отъ Церкви, но, искренно любя и предпочитая нашу Грекороссійскую церковь преимущественно предъ всѣми прочими вѣроисповѣданіями, не токмо формально обращалъ многихъ изъ другихъ вѣроисповѣданій къ наружнымъ ея обрядамъ и чиноположеніямъ,

---

*) Противъ словъ Дубовицкаго: «какъ люди занимающіеся скопческими обрядами, какъ и самые скопцы ничему сему неподвержены, то никакъ не можно почитать ихъ за секту» митрополитъ Филаретъ сдѣлалъ замѣчаніе слѣдующаго содержанія: „въ семъ случаѣ если справедливо мнѣніе г. Дубовицкаго, который скопчество почитаетъ невиннымъ, то надлежитъ признать несправедливыми 21 правило̀ Апостольское и 8 правило собора перваго и втораго, которыми скопчество осуждается».

но къ коренному познанію таинствъ и духа ея; и всѣ со мной въ связи находящіеся подъ клятвою засвидѣтельствовать могутъ, что я ихъ не только привожу въ особенное благоговѣніе къ Церкви, но изъясненіемъ имъ мною таинствъ ея дѣлаются они пріобщеніемъ къ нимъ болѣе и болѣе способными, какъ къ живому ощущенію ихъ, такъ и къ обновленію себя самихъ и всей своей жизни.

И такъ, бывшее мое знакомство съ г-жею Татариновою и съ подобными ей христіанскими обществами никакъ меня не можетъ сдѣлать подозрительнымъ на счетъ ереси, тѣмъ болѣе потому, что и общество г-жи Татариновой никакъ не могу почитать за еретическое, потому что они не чуждаются ни церкви, ни таинствъ. Хотя я съ каждымъ обществомъ по любви, Господомъ Іисусомъ Христомъ мнѣ данной, и желалъ бы быть въ союзѣ, но они меня никакъ терпѣть не могутъ; потому что объемъ *общихъ* истинъ не можетъ совмѣстенъ быть безъ существеннаго самоотверженія съ *частными*. И ни съ какимъ обществомъ не могъ я не могу сойтиться, не по недостатку смиренія, уничиженія моего предъ ними и любви моей къ нимъ; но именно за то, что, по преизбытку оной, не въ состояніи будучи утерпѣть, чтобъ не дать имъ почувствовать, что при всѣхъ ихъ духовныхъ занятіяхъ если не будетъ единственнымъ основаніемъ слово крестное и Духъ Господа нашего Іисуса Христа и того распята, то все оное зданіе не будетъ имѣть твердаго основанія и не можетъ вполнѣ быть благоугодно Господу. Вотъ за что, не только они никогда не могутъ быть со мною въ союзѣ, но и путь мой такъ страшенъ и во всѣхъ отношеніяхъ для натуры невыгоденъ, что мало на него найдешь охотниковъ; почему я, оправдывая занятія ихъ, оправдываю какъ нѣчто такое, на чѣмъ я совсѣмъ не основываюсь, и приношу тѣмъ благоугодную Господу жертву, безпристрастно оправдывая и защищая большихъ врагавъ своихъ. А наиболѣе еще тѣмъ полагаю Ему дѣлать благоугодное, что таковымъ моимъ объясненіемъ (какъ уже выше упоминалъ) не намѣреннымъ врагомъ, приносящимъ въ выгоду свою всякую истину, но по предубѣжденію въ оной погрѣшающимъ, — могу объясненіемъ дѣла касающагося до радѣнія (по общественному понятію толико глупаго и безобразнаго, но производящаго столь плачевныя для человѣчества слѣдствія) показать оное съ настоящей точки зрѣнія. И если они хотятъ безпристрастно обратить на это свое вниманіе, то увидятъ, что радѣніе или пляски, происходящія отъ духовныхъ возбужденій, взыграній и радостей, совсѣмъ не новая выдумка, но что оно весьма древне, о чемъ, кромѣ царя Давида, много есть свидѣтельствъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ *), и совсѣмъ не такъ безобразны, какъ объ ономъ упоминаютъ. Моего здѣсь нѣтъ намѣренія писать трактатъ объ ономъ; но только желаю вамъ дать въ доказательство тому общія понятія, изъ ко-

*) Противъ словъ Дубовицкаго о религіозныхъ плясках, имѣвшихъ мѣсто въ Ветхомъ Завѣтѣ, митрополитъ Филаретъ замѣтилъ: «Однако г. Дубовицкій ни одного свидѣтельства изъ Ветхаго Завѣта на сіе не приводитъ, а приводитъ свидѣтельства Петра Пуарета и Іакова Бема".

торыхъ усмотрѣть можете, что сія гнусность и безобразность сего дѣла состоитъ въ недостаткѣ простоты, въ предубѣжденіи и въ каррикатурномъ о немъ понятіи.

Не лучше ли вмѣсто того, чтобъ почерпать изъ такихъ неправильныхъ вышеупомянутыхъ источниковъ свои о семъ сужденія и на нихъ основываясь дѣлать столько людей несчастными, почерпать оныя изъ понятій и сужденій о немъ людей Богомъ просвѣщенныхъ? И во первыхъ приведу о семъ разсужденіе знаменитаго доктора богословіи Петра Паурета *), изъ 5-го тома, стр. 243, о Божественной Экономіи..

Такъ какъ я вамъ выше упоминалъ, что у меня нѣтъ намѣренія писать о семъ трактатъ, а дать только общее понятіе, то въ заключеніе скажу, проходя мимо, о внутреннихъ дѣйствіяхъ, о слѣдствіяхъ и о пользѣ, изъ сего происходящихъ. Касаясь токмо наружности, сказать долженъ, что не только у людей, хотя нѣсколько образованныхъ, но и у самыхъ грубыхъ, совсѣмъ дѣйствія сіи не происходятъ въ такомъ безобразномъ видѣ, въ какомъ его себѣ представляютъ, особенно для зрящаго простыми глазами и съ смиреніемъ сердечнымъ. Какой вздоръ! Есть ли что-нибудь лживѣе: кружатся на одномъ мѣстѣ дотолѣ, пока пѣна у рта и, впадши въ конвульсіонныя движенія, начнутъ говорить всякій вздоръ, а другіе должны вѣрить этому, какъ пророчеству и откровенію?

Вотъ предложеніе самое вздорное, которое однакоже, чтобы объяснить его, то непремѣнно требуетъ цѣлаго разсужденія. Жаль мнѣ, что не могу я вамъ на сей разъ написать онаго; почему, извините меня, естьли я, не утерпѣвши пройтить молчаніемъ о столь важныхъ предметахъ, хотя кое-какъ поговорю съ вами о нихъ.

Во первыхъ, ничто такъ не доказываетъ совершеннаго незнанія о дѣлѣ семъ, какъ показаніе происхожденія пророчества изъ радѣнія, которое хотя бываетъ и при ономъ, но есть совершенно отъ онаго отдѣльно, какъ по своему происхожденію, такъ по своему дѣйствію. Ничего нѣтъ опаснѣе, какъ грѣхи противу Духа Святаго по сказанному: „всяка хула на Сына Человѣческаго отпустится, а всяка хула на Духа Святаго не отпустится ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ“ (Матѳ. XII, 31). Однакожъ ничего нѣтъ нечувствительнѣе и непримѣтнѣе, какъ впадать въ оные. Не сказано ли: „Духа не угашайте, пророчества не уничижайте!“ И не только: не уничижайте, но св. апостолъ Павелъ желаетъ, чтобы вся Церковь пророчествовала (Кор. XIV, 39). Заставлять же другихъ принимать какія-нибудь вздорныя слова за пророчество, совсѣмъ невозможно; ибо сверхъ того, что свободными волями человѣческими невозможно повелѣвать по фантазіи своей и силою заставлять ихъ

*) Пуаре (Poiret) писатель, умершій въ 1719 году. Его сочиненіе: Oeconomia Divina. Выписки изъ Пуарета и Бема, по крайней ихъ туманности, опускаемъ. Н. Б.

чему-нибудь вѣрить; но слово пророческое должно имѣть свою важность и свой характеръ, дающій какъ особенное сердцу свидѣтельство въ подлинности онаго, такъ и оправданіе вѣры вѣрующаго. И такъ какъ о семъ самые ученые люди имѣютъ весьма грубыя понятія, то замѣтить должно и то, что даръ сей не должно смѣшивать съ пророчествами ветхозавѣтныхъ пророковъ, какъ особыми отъ Бога въ міръ сей посланниками, хотя и имѣетъ онъ многія съ онымъ сходства; но болѣе должно относить его къ тому дару Церкви, отъ Бога ввѣряемому, служащему по словамъ апостола: *къ утѣшенію, къ увѣщанію, къ назиданію.* Но, коснувшись о семъ мимоходомъ, прохожу мимо, а хочу такимъ же образомъ сказать нѣчто о томъ, что они хотя въ церковь ходятъ и пріобщаются, но что будто дѣлаютъ это лицемѣрно.

Но какъ опасно входить въ таковые разборы, то приведу о семъ въ примѣръ то, что разсказывалъ мнѣ покойный мудрый сенаторъ Иванъ Владимировичъ Лопухинъ [1]), разбиравшій съ сенаторомъ Нелединскимъ на мѣстѣ дѣлопроизводство о духоборцахъ, который, кромѣ ужасныхъ пытокъ, имъ дѣлаемыхъ, упоминалъ мнѣ между прочимъ и о томъ, что когда онъ спрашивалъ съ свойственною ему кротостію, почему они, прежде ходя въ церковь, нынѣ совсѣмъ перестали ходить въ нее? На что они отвѣчали ему: „Каемся въ нашемъ грѣхѣ. Съ досады, батюшка; какъ, бывало, насъ изъ церкви-то вытащутъ да зачнутъ пытать палками, приговаривая: въ церкви стоишь, а не то думаешь!“ И когда онъ спрашивалъ о семъ исправника, почему они съ ними поступали такъ жестоко? Кажется, они хорошіе христіане? На что онъ отвѣчалъ: „Да помилуйте, ваше превосходительство, какіе они христіане? Сами извольте на нихъ посмотрѣть! Ни у одного-то изъ нихъ въ лицѣ кровинки нѣтъ!“ Такъ отвѣчалъ мнѣ сей кровавый исправникъ, сказалъ Лопухинъ.

Изъ такого примѣра можно видѣть, какъ опасно не только истязаніе, но и принужденіе во всемъ до вѣры касающемся. Невольникъ—не богомольникъ! Лицемѣрное и притворное предъ Богомъ Православіе хуже искренняго раскола. Хорошо приводить къ искреннему и истинному почитанію Церкви, не пытками, истязаніями и мученіями; а всего удобнѣе могли бы къ сему содѣйствовать, дружескимъ и кроткимъ своимъ обращеніемъ и наставленіями, приходскіе ихъ священники, сдѣлавъ имъ церковь любезною и богослуженіе пріятнымъ, вмѣсто того, чѣмъ быть имъ для нихъ предметомъ ужаса и страха.

Но, коснувшись Лопухина, для лучшаго поясненія сей матеріи, прилагаю при семъ цѣлую выписку касательно духоборцевъ изъ его Записокъ [2]),

---

[1]) Лопухинъ Ив. Влад., д. тайный сов., сенаторъ, умершій въ 1816 году. Онъ, по словамъ м. Филарета, благовидно описалъ духоборцевъ и молоканъ и исходатайствовалъ рескриптъ почти покровительственный для нихъ. Собраніе мнѣній м. Филарета, т. IV, 270.

[2]) Записки И. В. Лопухина напечатаны съ его портретомъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1884 года. Выдержки изъ Записокъ Лопухина не сохранилось въ письмѣ Дубовицкаго.

изъ коей ясно видѣть можете, что они прежде ходили въ церкви, причащались Св. Таинъ, вѣнчались бракомъ и пр.; но слѣдствія о нихъ, пытки, ссылки и различныя мученія не только отторгли ихъ отъ наружной церкви, но и ожесточили ихъ противъ нея. Равно занимающіеся нынѣ радѣніемъ ходятъ въ церковь, пріемлятъ всѣ ея таинства, обряды и постановленія; и хотя они не имѣютъ полнаго и чистаго понятія о Православіи, въ какомъ недостаткѣ довольно можно упрекнуть и прочихъ православныхъ; но при всемъ томъ они, по ихъ духовному развитію и возбужденію въ нихъ духа, поддерживаемому по временамъ домашними ихъ занятіями, несравненно удобнѣе всѣхъ прочихъ могли бы принять истину, если бы были управляемы наставниками безпристрастными и Богомъ просвѣщенными, или если бы духовная власть отъ сношенія съ ними, уловя ихъ любовію, могла время отъ времени стараться образовывать ихъ въ таковые наставники. Но поелику чиновники гражданскіе и духовные смотрятъ на нихъ, какъ на добычу своей корысти и награды, употребляютъ всѣ средства къ открытію домашнихъ ихъ занятій; а открывши, тотчасъ передаютъ ихъ, какъ преступниковъ, тюрьмамъ и истязаніямъ: то они, бывъ такимъ образомъ напуганы и не умѣя отдѣлить гонителей своихъ отъ Церкви и ея таинствъ, хотя и ходятъ въ церковь, но не могутъ достойно любить ее, толико страшась правителей ея, по сказанному: „Не можно того любити, его же боятися нудятся.“ Между прочимъ главнѣйшимъ образомъ по этому отдаютъ болѣе преимущества своимъ домашнимъ занятіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что начальство духовное не можетъ принять занятій сихъ людей, по крайней мѣрѣ не должно ли по духу Христову, который есть любовь, терпѣть ихъ, какъ терпятъ мірскіе танцы, пляски, пѣсни, музыку и даже самый открытый развратъ? Не спорю, что духовныя вышеупомянутыхъ людей способности не чужды отъ какихъ-либо примѣсей; но такъ какъ священникъ, въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, есть отрѣшитель чистой натуры отъ нечистой, есть примиритель и возсоединитель падшаго человѣчества для возвращенія ему истиннаго достоинства царскаго или власти надъ натурою и сана священническаго или власти соединять съ благословеніемъ высшихъ міровъ: то всего бы лучше, не погашая начатки Духа, стараться ввести ихъ въ истинный Духъ Господа нашего Іисуса Христа. А еслибъ самъ священникъ нашелся неспособнымъ къ таковому дѣйствію, то не лучше ли, чтобы не вырвать съ плевелами пшеницу, оставить до пришествія Господа нашего Іисуса Христа рости имъ до жатвы или до посланничества Господомъ такихъ людей, которые могутъ какъ сами, такъ и другихъ научить исторгать плевелы безъ вреда пшеницѣ? Въ противномъ случаѣ, гоненія противъ сихъ людей, задуша въ нихъ духовныя развитія и расположенія, сдѣлаютъ ихъ или мертвыми, или лицемѣрами, или вовсе отторгнутъ ихъ отъ Церкви и сдѣлаютъ ее для нихъ столь же отвратительною, какъ и для духоборцевъ.

Впрочемъ мое дѣло всегда быть и безъ вины виноватымъ! Гонятъ меня какъ духовные якобы еретика и защитника еретиковъ, а болѣе за нѣчто имъ

во мнѣ противное; такъ гонятъ меня и общества за привязанность мою къ Церкви и за искреннюю связь мою и расположеніе къ особамъ духовнаго званія, а главнѣйшимъ образомъ, за туже мою противоположность съ ними, какъ и съ духовными. И точно я виноватъ предъ обоими; а сія противоположность, ни тѣмъ, ни другимъ и никому не нравящаяся, именно состоитъ въ томъ, что ни тѣ, ни другіе и почти никто не могутъ вмѣстить въ себя слова крестнаго и идти въ отношеніи благосостоянія вѣка сего погибельнымъ путемъ [1]), Іисуса распятаго, презрѣннаго, поруганнаго, гонимаго и всѣми отвергаемаго, о которомъ я изъ любви моей къ нимъ при свиданіяхъ моихъ съ ними никакъ не могъ утерпѣть, не токмо чтобъ не говорить, но чтобъ и не показать, что при всей ихъ духовности и духовныхъ ихъ занятіяхъ, если не Онъ будетъ единственнымъ и главнѣйшимъ основаніемъ всего зданія, то все оное, будучи построено на пескѣ, не можетъ ни устоять, ни имѣть ни малѣйшей твердости и прочности. Но кто захочетъ принять за основаніе, напугавшись смотря на меня, чего мнѣ это стоитъ? Почему, какъ всѣ вообще, такъ и таковыя благонамѣренныя общества, которыхъ мнѣ посѣщать случалось, ни о чемъ такъ не старались, особенно ихъ начальники, дабы я изъ ихъ членовъ не заразилъ бы кого таковымъ духомъ ужаснаго, презрѣннаго и невыгоднаго Іисуса, въ предупрежденіе, чтобы ихъ вмѣстѣ со мною не захватили на Голгоѳскую висѣлицу, не досталось бы испить вмѣстѣ со мною отъ той Голгоѳской огненной чаши, благотворныя слѣдствія коей показываетъ питая Ездрою чаша [2]), на которую, правда, миновавъ первую, находится много охотниковъ, хотя и считающихъ понятія свои за всеобщія и всеобъемлющія, а между тѣмъ, по своимъ частнымъ и ограниченнымъ понятіямъ относящихъ единственно только оную къ таинствамъ натуры и признающихъ ее за піемое золото (aurum potabile) и не хотящихъ ее принять за слѣдствіе Геѳсиманской чаши. Таковые люди водятся токмо своими прекрасными о семъ понятіями и умозаключеніями, которыя въ нѣкоторомъ отношеніи и точка истины, но при всемъ томъ они живутъ и умираютъ не токмо ни капли изъ нея не испивши, но ниже устами до нея коснувшись. Хотя бы, добираясь до нея, и удалось нѣкоторымъ стяжать нѣчто цѣлебное въ отношеніи къ мертвой тѣлесности; но при всемъ томъ далеко отстоятъ отъ оной чаши, и чрезъ сіе самое открытіе не могутъ къ ней не токмо приблизиться, но еще и далѣе могутъ отскочить отъ нея, потому что лестные виды малыми сими пріобрѣтеніями, еще болѣе отдаляя ихъ отъ Геѳсиманской чаши, отдаляютъ и отъ Ездриной. Вотъ за таковыя понятія отъ людей извѣстнаго вамъ класса досталось мнѣ не менѣе, чѣмъ за радѣніе. Да и самая придирка къ радѣнію не чрезъ нихъ ли на меня накинута и возбуждена? И отъ сего рода людей терпя потерпѣхъ! И за что же? Все-таки за туже мою

---

[1]) Мтѳ .XVI, 25.

[2]) 3 кн. Ездры XIV, 39—40. Тутъ сказано: «Я открылъ уста мои, и вотъ полная чаша подана была мнѣ, которая была наполнена какъ бы водою, но цвѣтъ того былъ подобенъ огню. И взялъ я и пилъ, и когда я пилъ, сердце мое дышало разумомъ, и въ груди моей возрастала мудрость».

вышеупомянутую противоположность. Вотъ очень имъ нравится Ездрина чаша, и они всячески къ ней добираются, какъ бы изъ нея хлебнуть, чтобы кромѣ другаго прочаго получить и премудрость, и разумъ, и прочія послѣдствія, отъ оной чаши Ездрою описанныя, никакъ не хотя со мною согласиться, что во вѣки вѣковъ не добраться имъ до той чащи, дотолѣ, пока не согласятся испить съ Страдальцемъ Голгоѳскимъ отъ оной огненной Геѳсиманской чаши, за всѣхъ насъ вообще до дна со всѣми дрожжами Однимъ Имъ испитой и отъ которой каждый изъ насъ въ свою мѣру обще съ Нимъ испить непремѣнно долженъ, а безъ того при всемъ наивеличайшемъ вѣдѣніи таинъ естественныхъ и божественныхъ и вѣдѣніи различія и разбора духовъ, никогда не избавятся они отъ духа міра сего и духа лестчаго и не войдутъ въ свободу чадъ Божіихъ.

Хотя Геѳсиманская сія чаша, какъ я выше упоминалъ, такъ гнусна и некрасива, такъ отвратительна и приводящая въ содроганіе всю натуру, но кромѣ ея ничто не можетъ привести къ той чашѣ, отъ которой пилъ Ездра и слѣдствія которой онъ уже тутъ описываетъ *). Вотъ за сію-то Геѳсиманскую чашу и за то, что я утверждаю доброту и необходимость ея для всякаго, гонятъ меня, а не за радѣніе, или за что-либо другое.

Вотъ все то, что́ я на сей разъ вамъ о семъ сказать могу.

Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю пребыть" и пр.

---

*) Голгоѳскую чашу никому не миновать пить, а Ездрину особенно предназначеннымъ отъ Бога и то не иначе, какъ по испитіи первой. И никакъ не можно добраться къ Ездриной чашѣ наукою посредствомъ вѣдѣнія натуры, такъ какъ ни школьная богословія, ни теоретическое вѣдѣніе мистики, ни церемоніалы, ни другое что-либо не можетъ довести до существеннаго соединенія съ Богомъ безъ живаго къ тому руководства. Бога ничѣмъ не обманешь, Онъ сердцевѣдецъ, и потому все зависитъ не отъ подвига, но отъ помилованія Божія. Я не отвергаю никакихъ священныхъ наружностей для начинающихъ яко средствъ, а для успѣвшихъ, яко изображеній; но во услышаніе всѣмъ вышеупомянутымъ людіямъ вопію: умоляю васъ, умилосердитесь, Господа ради, какъ надъ самими собою, такъ и надъ другими душами вамъ ввѣренными; уймитесь и престаньте дѣлать изъ премудрости науку, а изъ благодати законъ.

ПЕРЕПИСКА АНТОНІЯ АРХІЕПИСКОПА ВОРОНЕЖСКАГО СЪ А. Н. МУРАВЬЕВЫМЪ.

Преосвященный Антоній озаботился изданіемъ въ свѣтъ житія св. Митрофана Воронежскаго, мощи котораго были только-что открыты въ Воронежѣ (7 Августа 1832 г.). Много положено было трудовъ на собираніе матеріаловъ для этого житія. Преосвященнымъ Антоніемъ разсылались грамоты въ мѣста самаго ранняго служенія св. Митрофана до вступленія его на Воронежскую каѳедру. Въ Воронежѣ собираніемъ матеріаловъ занялся учитель гимназіи Н. М. Савостьяновъ. Матеріалъ, вообще говоря, оказался скуднымъ, и опыты житія, составленные по собраннымъ даннымъ (ректоромъ семинаріи архимандритомъ Иннокентіемъ и г. Савостьяновымъ) оказались неудачны. Тѣмъ временемъ проѣзжалъ черезъ Воронежъ, по пути во Святой Градъ, іеромонахъ о. Аникита (въ мірѣ князь Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ). По просьбѣ Антонія, онъ остался въ Воронежѣ и, въ видѣ особаго монашескаго послушанія, принялъ на себя трудъ написать вновь житіе св. Митрофана. (См. путешествіе іеромонаха Аникиты, въ мірѣ князя С. А. Ш.-Шихматова по святымъ мѣстамъ Востока въ 1834—1836 годахъ. Изд. *Жмакинымъ*. Христ. Чтеніе 1891 г. Январь и Февраль). Трудъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Составлено было извѣстное „Сказаніе о житіи, обрѣтеніи и открытіи честныхъ мощей св. Митрофана", напечатанное по опредѣленію Св. Синода въ 1838 г. и до сего времени не замѣненное другимъ житіемъ; оно выдержало до 15 изданій.

Въ видахъ лучшаго изданія этого житія, преосвященный Антоній „призналъ приличнымъ и даже нужнымъ" присоединить къ нему изображеніе Святителя.

По этому поводу и возникла нижеслѣдующая переписка.

Оказывается, что А. Н. Муравьевъ явился посредникомъ въ дѣлѣ изданія перваго *превосходнѣйшаго* изображенія св. Митрофана, приложеннаго при первомъ изданіи его житія.

При послѣдующихъ изданіяхъ житія св. Митрофана это изображеніе, къ сожалѣнію, замѣнялось новыми, причемъ граверы и рѣщики, замѣтно не обращались къ оригиналу (живописному изображенію, находящемуся въ Воронежскомъ Митрофановскомъ монастырѣ). Въ настоящее время находится въ обращеніи до десяти печатныхъ изображеній св. Митрофана, несходныхъ между собою и съ оригиналомъ.

Стефанъ Звѣревъ.

I.

Марта 31 дня 1838 года.

Его высокородію Андрею Николаевичу Муравьеву.

Ваше высокородіе, милостивый государь.

Въ Маіѣ мѣсяцѣ прошлаго 1837 года Св. Сѵнодомъ разрѣшено представленное мною въ рукописи житіе святителя и чудотворца Митрофана, перваго епископа Воронежскаго, напечатать, по усмотрѣнію моему, или въ Московской Сѵнодальной или въ Кіевской типографіяхъ. Избравъ, по удобности, первую изъ нихъ и признавъ при томъ приличнымъ и даже нужнымъ издать жизнеописаніе Угодника съ его изображеніемъ, я препроводилъ ту рукопись для печатанія къ директору Московской типографіи г. Островскому и вмѣстѣ просилъ его поручить лучшему тамошнему граверу вырѣзать на мѣди изображеніе Святителя, по посланному при томъ живописному оригиналу. Г. Островскій прислалъ оттискъ таковаго изображенія; но какъ въ немъ не найдено мною ни той чистоты, ни правильности, которыми отличаются произведенія сего рода лучшихъ художниковъ, то я вторично просилъ его отыскать для того самаго лучшаго гравера, и въ случаѣ недостатка въ Москвѣ таковыхъ художниковъ, узнать чрезъ кого-либо въ С.-Петербургѣ, не возмется ли кто изъ извѣстныхъ нашихъ академиковъ выгравировать на мѣди же изображеніе святителя Митрофана и увѣдомить меня, что̀ это будетъ стоить. На сіе г. Островскій отозвался, что въ Москвѣ, дѣйствительно нѣтъ мастера, который бы могъ выгравировать лучше; что же касается до сношенія его по сему предмету съ кѣмъ-либо въ С.-Петербургѣ, то онъ не находитъ къ тому случая, ибо не имѣетъ тамъ такихъ знакомыхъ, коимъ можно было бы съ довѣренностію поручить сіе дѣло.

Какъ же и я не имѣю въ Петербургѣ знакомыхъ, къ которымъ бы могъ въ полной надеждѣ на успѣхъ обратиться по сему предмету, то я и осмѣливаюсь обременять васъ всепокорнѣйшею моею просьбою: не откажите, милистивый государь, въ величайшее мнѣ одолженіе, принять на себя трудъ поговорить съ извѣстнѣйшими въ С.-Петербургѣ академиками, не возмется ли кто изъ нихъ, въ какое время и за какую цѣну вырѣзать на мѣди изображеніе святителя Митрофана, по оригиналу, который вышлется къ вамъ отъ г. Островскаго, и меня безъ замедленія о томъ увѣдомить; слѣдуемое же за работу количество денегъ по договору будетъ доставлено къ вамъ съ первою почтою.

Смѣю утѣшаться мыслію, что вы, милостивый государь, не лишаете меня съ своей стороны вашего воспоминанія, и потому не оставите безъ вниманія моей убѣдительнѣйшей просьбы.

II.

С.-Петербургъ. 23 Апрѣля 1838.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь.

Поспѣшаю увѣдомить ваше преосвященство, что я почелъ для себя пріятнымъ долгомъ исполнить возложенное на меня священное порученіе. Тотчасъ по полученіи письма вашего съ изображеніемъ Святителя, я обратился къ лучшему здѣшнему граверу, весьма мнѣ знакомому, *г. Уткину*, который почитается первымъ не только въ Россіи, но не уступаетъ никому и за границею. Обремененный занятіями, онъ взялся однакоже награвировать, но не можетъ ранѣе окончить Октября мѣсяца; цѣну же за трудъ назначилъ *тысячу рублей*. Не знаю, будете ли согласны на такія условія времени и цѣны; а за совершенство его работы я вамъ ручаюсь. Здѣсь можно найти и другихъ художниковъ, Чесменскаго и тому подобныхъ, которые возмутъ и дешевлѣ, и скорѣе сдѣлаютъ; но велика разница въ отдѣлкѣ, а ваше преосвященство желали лучшаго.

Впрочемъ буду ожидать разрѣшенія вашего, милостивый архипастырь и прежде вашего отзыва г. Уткинъ не приступитъ къ труду; деньги же можно выслать и послѣ, когда работа будетъ приходить къ окончанію. Какъ образчикъ искусства г. Уткина, прилагаю при семъ гравированный имъ портретъ Іоанна Грознаго. Поручая себя святымъ молитвамъ вашимъ, и пр.

III.

Іюня 30 дня 1838 года.

Обязательный отвѣтъ вашъ отъ 23 Апрѣля на письмо мое, касательно выгравированія изображенія святителя Митрофана, я имѣлъ честь получить въ надлежащее время, но по обстоятельствамъ по сіе время на оный не отвѣчалъ. Принося вамъ, м. г., живѣйшую благодарность за принятое вами содѣйствіе къ исполненію моего предположенія по сему предмету, увѣдомляю, что я охотно согласенъ г. Уткину за трудъ его уплатить 1,000 ассигнаціями, которые при семъ и препровождаю, съ тѣмъ однако, если онъ согласится отпечатать 3600 экземпляровъ изображенія Святителя безъ прибавленія цѣны за поправку доски. Полагая, что и самое печатаніе изображенія удобнѣе исполнить самому г. Уткину, о чемъ, впрочемъ, также необходимо предварительно спросить его, я нахожу нужнымъ присовокупить слѣдующее. Изображеніе Святителя должно быть напечатано на лучшей, т. е. соотвѣтственной достоинству работы, бумагѣ, въ 8-ю долю листа, по величинѣ книги, съ приличнымъ вокругъ онаго бордюромъ и съ надписью внизу: „Святитель Митрофанъ, 1-й Епископъ Воронежскій и Чудотворецъ, преставися 1703 Ноября 23, коего мощи обрѣтены 1832 Августа 6-го".

Если г. Уткинъ не откажется приняться за трудъ на изъясненныхъ мною условіяхъ, то прошу увѣдомить меня, по возможности, безъ замедленія, и сколько именно нужно будетъ бумаги для означеннаго количества экземпляровъ и что̀ она будетъ стоить.

IV.

Крестовскій Островъ. 26 Іюля 1838 г.

Поспѣшая увѣдомить о полученіи 1,000 рублей для изображенія Святителя, долгомъ поставляю сообщить вашему преосвященству и отзывъ г. Уткина въ подлинникѣ, на который прошу скораго разрѣшенія, дабы сей художникъ могъ собраться временемъ для начатія дѣла. Если же, паче чаянія, сіи условія его не покажутся удовлетворительными, то благоволите извѣстить меня, чтобы я могъ возвратить обратно сумму, которая до тѣхъ поръ будетъ у меня храниться. Препоручивъ себя святымъ молитвамъ вашимъ при чудотворной ракѣ Святителя, прошу принять увѣреніе и пр.

V.

На изъясненныя г. Уткинымъ условія, какъ въ разсужденіи предназначенной имъ для напечатанія разнаго сорта бумаги, такъ и цѣны за самое печатаніе изображенія я совершенно согласенъ. Почему покорнѣйше прошу объявить ему, что онъ съ своей стороны можетъ безъ всякаго отлагательства приступить къ дѣлу; деньги же имъ исчисленныя, сверхъ условной цѣны, собственно за выгравированіе изображенія, 545 рублей, будутъ высланы мною съ первою почтою, по полученіи отъ васъ требованія оныхъ.

10 Августа 1838 г.

VI.

Апрѣля 7 дня 1839 года.

Зная, сколь много обременилъ я васъ моимъ порученіемъ и цѣня въ полной мѣрѣ благоснисхожденіе ваше ко мнѣ въ семъ случаѣ, я уже обязанностію считаю и каждое письмо мое по сему предмету начать изъявленіемъ вамъ моей живѣйшей за то благодарности, тѣмъ болѣе, что каждое письмо заключаетъ новую просьбу и слѣдовательно приноситъ вамъ новое безпокойство. Но смѣю надѣяться, что вы, оказавъ столько благоснисхожденія ко мнѣ по этому дѣлу въ продолженіи всего времени, не откажите въ вашемъ содѣйствіи при его окончаніи. По сему покорнѣйше прошу васъ, м. г., объявить г. Уткину, во первыхъ, мою благодарность за трудъ его, которымъ я весьма доволенъ, и что исправленій дѣлать въ изображеніи Святителя я не усматриваю надобности; но надпись подъ онымъ не только слѣдуетъ сдѣлать гораздо явственнѣе, но даже и поправить ошибки по прилагаемой при семъ запискѣ; во вторыхъ, чтобы онъ приступилъ къ печатанію образа, и что я почту за одолженіе, если онъ ускоритъ отпечатаніемъ всего количества, т. е. 3600 экземпляровъ, какъ сказано было мною въ письмѣ къ вамъ отъ 30 Іюня прошлаго 1838 года, и на что̀ онъ изъявилъ согласіе. Бумагу для сего употребить по его предложенію, и именно: сто экземпляровъ напечатать на самой лучшей Англійской бумагѣ и шолковой, а остальные 3500 экземпляровъ на простой бумагѣ Русской фабрики. За все сіе препровождаю при семъ слѣдуемые по его исчисленію 507 руб.,

исключая издержекъ за пересылку, за что деньги будутъ высланы по извѣщеніи, сколько именно на то будетъ употреблено. По отпечатаніи такимъ образомъ всего количества рисунковъ, г. Уткинъ отправитъ ихъ немедленно прямо отъ себя къ директору Московской Сvнодальной типографіи Геннадію Ѳедоровичу Островскому; если же сіе должно продлиться довольно времени, особенно въ случаѣ необходимости исправленія доски, то для ускоренія изданія въ свѣтъ самой книги, выслать эстамповъ хотя половинное количество, при чемъ сто экземпляровъ на лучшей бумагѣ отдѣлать въ особую обертку, съ объясненіемъ сего на оной, въ отвращеніе могущей послѣдовать ошибки приложеніемъ ихъ при переплетѣ книгъ къ экземплярамъ обыкновенной отдѣлки.

VII.

Если я не отвѣчалъ въ скорости на благосклонное письмо ваше, отъ 7 Апрѣля, то потому, единственно, что извѣстіе о болѣзни батюшки заставило меня внезапно ѣхать въ Москву; возвратясь же, я хотѣлъ извѣстить васъ болѣе отчетливо о ходѣ дѣла. Теперь же долгомъ поставляю увѣдомить, что 1000 экземпляровъ уже болѣе недѣли какъ отправлена въ Московскую типографію; другая же тысяча сихъ портретовъ отправлена будетъ туда же въ первыхъ числахъ Іюля.

Между тѣмъ объ остальныхъ 1600 вышло недоумѣніе, которое я старался прекратить. Изъ прилагаемыхъ при семъ двухъ писемъ вы изволите усмотрѣть, что остальные оттиски не могутъ быть такъ чисты, какъ первые 2000. И онъ съ трудомъ согласился принять на себя сію обязанность переправить доску, если окажется необходимость; однакоже, наконецъ, взялся, если точно оттиски будутъ очень блѣдны и если ваше преосвященство сего потребуете. Ошибка, о коей ему упоминаете, есть буква Ѳ, поставленная въ имени Святителя вмѣсто Ф.; она исправлена въ послѣдующихъ экземплярахъ. О недостающихъ деньгахъ 278 рубляхъ благоволите учинить распоряженіе. Художнику же желательно бы было имѣть отъ васъ благословеніе за трудъ свой образомъ Святителя.

С.-Петербургъ. 19 Іюня 1839 г.

VIII.

Я нисколько не ожидалъ и еще болѣе не позволилъ бы себѣ въ настоящемъ дѣлѣ такого оборота, который бы могъ навлечь вамъ какую-либо непріятность, что однакожъ къ крайнему моему сожалѣнію случилось, и причиною сему самъ г. Уткинъ: онъ или не вникнулъ хорошо въ мои условія, или собственныя свои изложилъ неясно. Въ отношеніи моемъ, отъ 30 Іюня 1838 года, за № 77, на письмо ваше отъ 23 Апрѣля, именно сказано было: „что я охотно согласенъ уплатить г. Уткину за трудъ его 1000 рубл. асс., съ тѣмъ однако, если онъ согласится отпечатать 3600 экземпляровъ изображенія Святителя безъ прибавленія цѣны за поправку доски. Хотя препровожденный вами на сіе отзывъ художника, къ сожалѣнію, и возвращенъ мною вамъ безъ оставленія съ него копіи, и потому нельзя безошибочно слово въ

слово помнить его содержаніе; однакожъ я весьма хорошо помню, что г. Уткинъ изъявилъ согласіе на вышеизъясненное мое условіе, и даже на томъ же самомъ письмѣ написалъ счетъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано такъ: „Печатникъ беретъ за каждый оттискъ за работу по 10 к., то за отпечатаніе 3600 экзепляровъ 360 рубл.". Это очень ясно. Почему же теперь г. Уткинъ говоритъ, что онъ брался отпечатать только 2000 экземпляровъ, я не понимаю. Весьма обязали бы меня, еслибы къ разрѣшенію сего обстоятельства благоволили вы, м. г., отыскать вышеупомянутое письмо г. Уткина, которое получено было мною при письмѣ вашемъ отъ 26 Іюля прошлаго года; ибо теперь вы изволите писать, что онъ взялся, наконецъ, переправить доску, если я того потребую; между тѣмъ какъ онъ долженъ исполнить сіе по собственному его обязательству, если это будетъ нужно. И такъ скажу прямо, что я нисколько не желаю трудовъ г. Уткина выше того вознагражденія, на которое онъ самъ согласился, и предоставляю собственному его усмотрѣнію разрѣшеніе сего страннаго недоумѣнія. Не входя по сему и въ новое исчисленіе издержекъ, какъ на матеріалъ для 1600 экземпляровъ изображенія, такъ и на уплату за напечатаніе оныхъ, прилагаю при семъ требуемые художникомъ 278 рубл., которые покорнѣйше прошу васъ, м. г., доставить къ нему и присовокупить съ своей стороны просьбу поспѣшить окончаніемъ сего дѣла; а также препровождаю при семъ, согласно желанію его, и икону Святителя и Чудотворца Митрофана.

Іюля 21 дня 1839 года.

IX.

Имѣю честь увѣдомить ваше преосвященство о полученіи 278 рублей, присланныхъ для окончательнаго отпечатанія изображенія Святителя Митрофана и о полученіи святой его иконы, которую я передалъ художнику вмѣстѣ съ деньгами. И мнѣ и ему весьма совѣстно, что болѣзнь перваго печатника, болѣе опытнаго и менѣе дорогаго, произвела то умноженіе цѣны, которое вначалѣ не предполагалось; въ обѣщаніи же данномъ сперва отпечатать всѣ 3600 я заставилъ его сознаться; но онъ говоритъ, что обѣщалъ не сообразивъ дѣла. Теперь же берется переправить добавочно и доску и отпечатать остальные 1600 экземпляровъ, потому что и вторая тысяча окончена и отослана въ типографію Московскую. Онъ чувствительно благодаритъ васъ, владыко святой, за икону; а я, прося пастырскаго снисхожденія къ непростительнымъ симъ замѣшательствамъ, имѣю честь быть и пр.

Сергіева Пустынь. 27 Августа 1839 года.

ВОРОНЦОВСКІЙ „ПЕРИПЛЪ" ЧЕРНАГО МОРЯ.

При чтеніи интересныхъ писемъ разныхъ лицъ къ А. Г. Тройницкому, я встрѣтилъ въ письмѣ В. Н. Каразина (Р. Архивъ, Апрѣль 94 г. стр. 562) отзывъ о переводѣ Арріанова Перипла Понта Евксинскаго, переводѣ, появившемся непосредственно послѣ путешествія графа М. С. Воронцова вокругъ береговъ Чернаго моря. Каразинъ связываетъ это путешествіе съ объѣздомъ Арріана, подобнаго же областеначальника, 17-ю вѣками ранѣе, именно, во II-мъ вѣкѣ по Р. Х.

„Будемъ ожидать и другаго „Перипла", прибавилъ Каразинъ. Къ этому мѣсту сдѣлано примѣчаніе: „Этого Воронцовскаго Перипла не послѣдовало. Тогда воздвигался рядъ крѣпостей на берегу Чернаго моря, и предстояло знаменитое путешествіе Николая Павловича по южной Россіи и Кавказу".

Чтеніе этихъ строкъ вызвало въ моей памяти существованіе Воронцовскаго „Перипла", въ видѣ его всеподданнѣйшаго донесенія императору Николаю, съ послѣдовавшею резолюціею въ Бозѣ почившаго Государя. Оно нигдѣ не было напечатано. Надѣюсь, помѣщеніемъ „Перипла" на страницахъ „Русскаго Архива" доставить цѣнный матеріалъ для исторіи нашего владычества на Кавказѣ, неменѣе интересный и для почитателей памяти М. С. Воронцова, одного изъ немногихъ замѣчательныхъ Русскихъ государственныхъ людей XIX столѣтія.

Читая донесеніе графа Воронцова Николаю Павловичу, приходишь къ заключенію, что самое назначеніе его впослѣдствіи намѣстникомъ и главнокомандующимъ на Кавказѣ, по всей вѣроятности, имѣло основаніемъ это же донесеніе, изъ котораго Государь имѣлъ возможность заключить о знакомствѣ графа съ Закавказьемъ въ молодыхъ лѣтахъ и о его взглядахъ на весь Кавказъ, послѣ путешествія по берегамъ Чернаго моря.

Если это предположеніе мое не ошибочно, то печатаемый теперь „Периплъ" оказалъ немаловажную услугу Россіи: ибо девятилѣтнее намѣстничество на Кавказѣ М. С. Воронцова составляетъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ періодовъ въ исторіи нашего владычества въ этомъ краѣ.

Апрѣль 1894.
с. Лутовиново.

А. Зиссерманъ.

Всеподданнѣйшій рапортъ Новороссійскаго генералъ-губернатора, графа Воронцова.

Вашему Императорскому Величеству угодно было, указомъ изъ Правительствующаго Сената, высочайше повелѣть, учредить правила о торговлѣ съ Черкесами и Абазинцами, чтобы торговля сія поручена была Керчь-Еникольскому градоначальнику, подъ вѣдѣніемъ Новороссійскаго генералъ-губернатора.

Дабы лучше исполнить, сколько отъ меня зависитъ, сіе порученіе, я еще въ началѣ сего года, будучи въ Ѳеодосіи и Керчи, занялся собраніемъ всѣхъ свѣдѣній о сей торговлѣ, о прежнемъ ея состояніи, о причинахъ теперешняго упадка оной и видѣлся съ негоціантами и промышленниками, прежде занимавшимися и которые теперь бы могли продолжать оную. О нѣкоторыхъ статьяхъ по сему я тогда сообщилъ министерству Вашего Императорскаго Величества и между прочимъ о желаніи нѣкоторыхъ лицъ торговать на свой рискъ въ одномъ или двухъ пунктахъ, кои по теперешнимъ правиламъ запрещены, по неимѣнію въ оныхъ Россійскихъ войскъ или таможень. Главный пунктъ, къ коему я нашелъ болѣе склонности обращаться, есть нами не занятая долина Пшадъ, гдѣ находится довольно противъ другихъ мѣстностей населенія и особенно живетъ извѣстный по прежнимъ торговымъ и дружескимъ съ нами отношеніямъ владѣлецъ Индаръ-оглу. Впрочемъ, теперешнее время неблагопріятно для возобновленія сихъ сношеній: ибо съ одной стороны, экспедиція подъ начальствомъ генерала Вельяминова неминуемо устрашаетъ и раздражаетъ Горцевъ; а съ другой духъ мятежныхъ и революціонныхъ партій въ Парижѣ и Лондонѣ не оставилъ и сей отдаленный и дикій край безъ вреднаго своего дѣйствія. Агенты отъ сихъ всеобщихъ возмутителей въ теченіе сего лѣта разъѣзжали по горамъ, и по публикованному въ Лондонѣ журналу Portfolio можно видѣть, что они питаютъ пустую надежду и изъ Черкесовъ сдѣлать новыя орудія для вреда великой державѣ, которой мудрая и твердая рука болѣе всего мѣшаетъ желающимъ общихъ революцій и смятеній. Я узналъ, что Индаръ-оглу принужденъ былъ соединиться съ другими главными фамиліями въ горахъ и присягою обязаться не выдавать единоплеменниковъ своихъ и мнимые ихъ интересы для сношеній съ нами. Не смотря на сіе, какъ нужда торговыхъ мѣнъ ничѣмъ не останавливается, и какъ прямая ихъ польза не можетъ не дѣйствовать до нѣкоторой степени на сихъ людей; а спекулянты, желающіе заводить съ нами сношенія въ самомъ Пшадѣ и другихъ мѣстахъ, объявили, что, дѣлая сіе на свой рискъ, они ни въ какомъ слу-

чаѣ не будутъ требовать возмездія или награжденія отъ правительства за могущія быть потери и насильственныя дѣйствія противъ нихъ отъ горцевъ: я представлялъ въ Апрѣлѣ настоящаго года г. министру финансовъ, неблагоугодно ли будетъ правительству дозволить, чтобы сіи торгующія лица дѣйствовали по ихъ желанію въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ. Ежели сіе будетъ имъ разрѣшено, то отъ собственнаго разсужденія сихъ людей и отъ обстоятельствъ будетъ зависѣть теперь же имъ начать свои торговыя дѣйствія, или отложить до благопріятнѣйшаго и болѣе спокойнаго времени.

Между тѣмъ, собирая всѣ сіи свѣдѣнія и распросивъ о мѣстностяхъ, я почувствовалъ, что одно лишь личное обозрѣніе можетъ дать болѣе или менѣе справедливое понятіе о краѣ, столь мало извѣстномъ и столь интересномъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ молодыхъ лѣтахъ моихъ, я почти два года провелъ въ Грузіи и участвовалъ въ экспедиціяхъ знаменитаго князя Циціянова во внутреннихъ провинціяхъ Закавказскаго края; но морской берегъ оныхъ, нѣкоторыя мирныя сношенія съ коимъ мнѣ теперь высочайше поручены, мнѣ былъ совершенно неизвѣстенъ, и потому я рѣшился лѣтомъ обозрѣть оный, употребивъ на то Одесскій пароходъ «Петръ Великій», во время періодическаго его чрезъ двѣ недѣли прихода въ Керчь. Но пароходъ хотя способнѣе всякихъ другихъ средствъ для побережнаго плаванія (поелику не останавливается ни противными вѣтрами, ни штилемъ) имѣлъ однако двѣ невыгоды: неимѣніе довольно большихъ гребныхъ судовъ для высадки на берегъ тамъ, гдѣ находятся наши войска, во время зыби или противной погоды, и слабость для защиты на случай, ежели, при плаваніи сколь можно ближе береговъ, Горцы возъимѣли бы намѣреніе напасть на оный. Не имѣя ни права, ни желанія дѣйствовать иначе, какъ мирнымъ и дружелюбнымъ образомъ, я чувствовалъ однако нужду не остаться безъ способовъ защиты на случай нападенія. Благосклонность г. вице-адмирала Лазарева помогла мнѣ въ семъ, предложеніемъ испросить Вашего Императорскаго Величества соизволенія на нарядъ для сего путешествія корвета Ифигеніи, который бы былъ буксированъ пароходомъ, и по всемилостивѣйшему на то согласію, мнѣ стало возможно исполнить мое намѣреніе безъ всякаго затрудненія и съ полною безопасностію, тѣмъ болѣе, что корветъ сей уже весною былъ на тѣхъ берегахъ, и что достойный и опытный командиръ онаго капитанъ-лейтенантъ Путятинъ *), видѣвшій во время своего служенія столько морей, хорошо былъ знакомъ съ тѣми мѣстностями, кои мы должны были посѣтить.

*) Впослѣдствіи графъ, министръ народнаго просвѣщенія и пр.

Теперь, исполнивъ предначертанное мнѣ береговое путешествіе съ полнымъ успѣхомъ и наипріятнѣйшимъ образомъ, священнымъ долгомъ считаю повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества краткое описаніе того, что̀ по высокой милости вашей я могъ видѣть, и нѣкоторыхъ мыслей, возродившихся во мнѣ отъ сего обозрѣнія. Обозрѣніе сіе, хотя краткое, было полное въ сравненіи со всѣми прежде сдѣланными сего края; ибо до сего никто не могъ употребить столь хорошихъ способовъ, какъ превосходно управляемый военный корветъ, совокупно съ сильнымъ и совершенно устроеннымъ пароходомъ.

Предметъ и намѣренія мои въ семъ обозрѣніи были исключительно мнѣ предписанные и единственно мнѣ приличные, т. е. торговля и возможность возобновить, умножить и усилить мирныя и дружескія сношенія съ Горцами. Если въ послѣдующемъ начертаніи я и коснусь чего либо до сего некасающагося, въ отношеніи военномъ или управленія того края, то сіе будетъ по одной только необходимости, описывая то, что̀ я видѣлъ и сколько оное неизбѣжно связывается съ предстоящимъ для меня предметомъ.

Генералъ отъ кавалеріи графъ Виттъ [1]), съ которымъ я встрѣтился на южномъ берегу Крыма, къ истинному моему удовольствію, согласился участвовать въ семъ обозрѣніи; а въ Керчи я пригласилъ на корветъ и тамошняго градоначальника, дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Херхеулидзева [2]), поелику ему въ особенности поручена торговля съ Горцами; для соблюденія же при высадкахъ на берегъ предосторожностей и формъ карантинныхъ, дабы не подвергнуться потомъ напрасно обсерваціи, я взялъ съ собою двухъ карантинныхъ чиновниковъ, одного на корветъ, а другаго на пароходъ.

13-е Іюля вечеромъ мы отправились изъ Керченской рейды и 14 рано поутру бросили якорь у Анапы. Сошедъ на берегъ, я осмотрѣлъ крѣпость, ознаменованную въ прошедшія времена несчастною экспедиціею генерала Бибикова [3]), потомъ счастливымъ штурмомъ графа Гудовича, мирнымъ занятіемъ подъ начальствомъ Дюка-де-Ришелье и наконецъ, въ 1828 году мужественною и успѣхомъ увѣнчанною осадою, подъ предводительствомъ князя Меньшикова и адмирала Грейга. Тамошній комендантъ полковникъ графъ Цукато сообщилъ мнѣ имѣющіяся у него свѣдѣнія, изъ коихъ явствуетъ, что никакихъ мирныхъ

---

[1]) Извѣстный графъ Виттъ, начальникъ военныхъ поселеній и резервной кавалеріи. А.З.

[2]) Князь Херхеулидзе, Имеретинъ, человѣкъ образованный, весьма достойный, пробылъ въ должности градоначальника чуть ли не 20 лѣтъ. Керчь своимъ устройствомъ въ многомъ обязана ему, и память о немъ сохранилась вѣроятно до сихъ поръ. А. З.

[3]) Объ этой экспедиціи читатель можетъ найти подробности въ моей Исторіи Кабардинскаго пѣхотнаго полка. А. З.

ни торговыхъ сношеній съ Горцами теперь не имѣется. Во время Турецкаго владѣнія, Анапа была главный пунктъ сношеній Константинополя съ Кавказомъ; здѣсь происходила главная мѣна нужныхъ для Горцевъ издѣлій и товаровъ, за которые получались отъ нихъ въ значительномъ количествѣ плѣнные обоихъ половъ и въ томъ числѣ Черкешенки и Грузинки для Турецкихъ гаремовъ. Занятіе Анапы было для Россіи необходимо и первый шагъ къ приведенію Кавказскаго края въ то положеніе, въ которое польза Имперіи и твердая воля Вашего Императорскаго Величества непремѣнно приведутъ оный. Отъ графа Цукато я узналъ, что два или три Европейскіе агента въ недавнемъ времени ѣздили по горамъ, распространяя фальшивые слухи о намѣреніи нѣкоторыхъ Европейскихъ державъ объявить намъ войну, совокупно съ Турціею, и прислать вспомогательное войско Черкесамъ для истребленія Русскихъ на Кавказѣ. Онъ мнѣ далъ даже переводъ одной бумаги, привезенной къ нему однимъ преданнымъ намъ Горцемъ и которую разсмотрѣвъ, я нашелъ, что это было точное извлеченіе изъ Англійскаго сочиненія Portfolio, наполненное ложными и нелѣпыми увѣреніями и укоризнами на счетъ Россіи. Мы видѣли въ Анапѣ одного достаточнаго Черкеса, именемъ Начой, недавно пріѣхавшаго туда чрезъ карантинъ, съ намѣреніемъ испросить помощи для выручки одной дѣвицы изъ рукъ родителей, не соглашающихся на общее его и ея желаніе соединиться бракомъ. Чрезъ толмача онъ мнѣ о томъ объявилъ, говоря, что если въ семъ ему помогутъ, то онъ на вѣкъ оставитъ свою родину и переселится, куда ему будетъ назначено въ нашихъ полуденныхъ провинціяхъ. Я ему отвѣчалъ, что дѣло сіе до меня не касалось, что начальникъ края есть генералъ Вельяминовъ, но что если впослѣдствіи предпріятіе его удастся и ему позволено будетъ переселиться въ край, моему управленію ввѣренный, то конечно отъ меня получитъ дружескій пріемъ и всякаго рода пособія.

На Анапской рейдѣ мы нашли купеческое судно изъ Керчи, вышедшее съ намѣреніемъ торговать съ Черкесами. Шкиперъ онаго, не находя никакихъ къ тому средствъ въ Анапѣ, намѣревался идти для пробы въ Геленджикъ, и взялъ отъ меня рекомендательное письмо къ тамошнему коменданту. Таможня въ Анапѣ находится въ округѣ Керченскаго градоначальства. Князь Херхеулидзевъ осмотрѣлъ оную и нашелъ въ должной исправности. Порта въ Анапѣ можно сказать что нѣтъ, и рейда считается безопасною только въ лѣтнее время. Близъ Анапы начинаются Кавказскія горы, постепенно возвышающіяся на берегу по направленію на Юго-Востокъ. Здѣсь, также можно сказать, лѣвый флангъ большой цѣпи, идущей отъ Запада на Востокъ, отъ Чернаго до Каспійскаго моря. Мы здѣсь съ большимъ удовольствіемъ

удостовѣрились, что генералъ Вельяминовъ съ отрядомъ находился въ Суджукъ-кале; почему и предстояла возможность въ подробности осмотрѣть интересное сіе мѣсто и прекрасную рейду.

Отплывъ изъ Анапы прежде полудня, мы довольно рано вечеромъ подошли къ Суджукъ-Кале, издали увидѣли бѣлѣющіяся палатки храбрыхъ воиновъ Вашего Императорскаго Величества, и я съ восхищеніемъ увидѣлъ станы тѣхъ полковъ, съ которыми въ прежніе годы началъ свое служеніе и которыхъ знаменитые подвиги гремятъ во всей Азіи и утвердили владычество Россіи въ сихъ отдаленныхъ и прекрасныхъ провинціяхъ. Подходя ближе, нельзя было не любоваться красотѣ и безопасности Суджукъ-калейской рейды. Здѣсь мы нашли фрегатъ *Штандартъ*, шлюпъ *Діяну*, люгеръ *Геленджикъ*, пароходъ *Метеоръ*, транспорты *Бугъ* и *Ланжеронъ*, подъ командою отряднаго командира контръ-адмирала Панатіоти. Три или четыре флота могутъ здѣсь совершенно и во всякія времена помѣститься; въ рукахъ великой державы мѣстность сія неминуемо будетъ со временемъ играть большую роль. Лагерь генерала Вельяминова находился при входѣ рейды съ южной стороны около мыса, называемаго Доба. Теперь строится редутъ на одну комплектную роту, менѣе версты отъ мыса; а на будущій годъ предполагается выстроить другой во внутренности бухты, поближе къ мѣсту, гдѣ прежде была Турецкая, теперь разоренная крѣпость. Описывать дѣйствія и намѣренія генерала Вельяминова было бы съ моей стороны неумѣстно; поелику онъ только что исполняетъ высокія предначертанія Вашего Императорскаго Величества и, держась одной только части, до меня касающейся, скажу, что отъ него, равно какъ и отъ графа Цукато въ Анапѣ, я удостовѣрился и о враждебномъ противъ насъ въ теперешнее время духѣ Горцевъ, и о пустыхъ замыслахъ среди ихъ Европейскихъ агентовъ. По слухамъ, до генерала Вельяминова дошедшимъ, вышепомянутые агенты и теперь еще по горамъ разъѣзжаютъ; изъ нихъ два Англичанина и одинъ Французъ. Они прибыли на Черкескій берегъ изъ Требизонта на Турецкомъ купеческомъ суднѣ и скоро намѣрены воротиться въ Анатолію. Со всѣмъ тѣмъ нужды мѣновой торговли столь велики, что поздно или рано мирныя сношенія съ Горцами должны возобновляться. Однимъ доказательствомъ сего служитъ, что и въ теперешнемъ враждебномъ положеніи и несмотря на всѣ препоны отъ другихъ владѣльцевъ, одинъ изъ сыновей Индаръ-оглу, страждущій отъ застарѣлыхъ ломотъ, недавно предъ нашимъ приходомъ, пріѣзжалъ въ лагерь и просилъ позволенія переселиться въ оный для лѣченія нашими медиками. Сіе ему немедленно позволено, и генералъ Вельяминовъ ожидалъ его чрезъ нѣсколько дней.

Простившись съ храбрымъ отрядомъ и достойнымъ онаго начальникомъ, мы возвратились на корветъ и, снявшись прежде разсвѣта, рано по утру 15 числа подошли къ Геленджику. Отъ мыса Доба до сего мѣста 9 миль. Здѣсь можно сказать, что портъ превосходнѣйшій изъ всѣхъ портовъ Восточнаго берега и во многихъ отношеніяхъ равняется съ Севастополемъ; обширность хотя менѣе Суджукъ-калейскаго, достаточна для самаго большаго флота и еще болѣе закрыта отъ всѣхъ вѣтровъ. На здѣшней рейдѣ мы нашли суда: шкуну *Курьеръ*, тендера *Лучъ*, *Струю* и *Соколъ* и три купеческія судна съ провіантомъ.

Въ Геленджикѣ, лѣтъ 10 тому назадъ, до занятія онаго нашими войсками, производился довольно интересный мѣновой торгъ съ Керчью; теперь же прежніе жители оттуда и отъ окрестностей удалились къ Пшаду и другимъ мѣстамъ по берегу, или далѣе въ горы. Теперь находится здѣсь Россійскій гарнизонъ, состоящій изъ баталіоновъ Черноморскихъ линейныхъ № 3 и № 4, съ 11-й артиллерійской бригады, роты № 2, подъ командою полковника Мокіевскаго. Гарнизонъ сей, равно какъ и въ Анапѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, въ послѣдствіи нами посѣщаемыхъ, совершенно безопасенъ въ укрѣпленіи; но всякій выходъ изъ онаго за водою, дровами и другими потребностями, даже для обработыванія по близости въ удобныхъ мѣстахъ необходимыхъ для пищи и здоровья огородовъ, не иначе можетъ дѣлаться безъ опасности, какъ въ нѣкоторомъ числѣ и съ оружіемъ въ рукахъ. Отъ самаго Суджукъ-кале весь берегъ покрытъ, въ высокихъ и низкихъ мѣстахъ, густымъ, частымъ и прекраснѣйшимъ лѣсомъ; почему гарнизоны въ укрѣпленіяхъ не имѣютъ никакой возможности ни узнавать о могущихъ быть противъ нихъ покушеніяхъ, ни о приближеніи къ нимъ непріятеля.

Изъ Геленджика мы шли при благопріятнѣйшей погодѣ и въ самомъ близкомъ разстояніи мимо Пшада, Вуланъ, Джуба, Ту и мыса Кодоса, осматривая съ любопытствомъ богатыя и прекрасныя долины, зеленые луга, нѣсколько обработанныхъ полей и кое гдѣ по долинамъ выказывающіяся изъ лѣсовъ Черкесскія хижины. Красоты береговъ словами изобразить невозможно. Долины южнаго берега Крыма имѣютъ между собою промежутки болѣе или менѣе пустые, каменистые и въ лѣтнее сухое время безъ зелени; здѣсь же на всемъ пространствѣ, отъ окрестности Анапы до Мингреліи болѣе 300 верстъ, высокіе берега покрыты чудесными лѣсами, большая часть которыхъ доходятъ до самой воды; нигдѣ не видно пустоты, вездѣ блистаетъ богатѣйшая растительность. Огромная снѣжная цѣпь большихъ Кавказскихъ горъ, закрывающая

весь сей берегъ отъ Востока, служитъ вѣнцомъ сей несравненной картины.

Въ Пшадѣ болѣе видно населенія, нежели въ другихъ мѣстахъ; но въ каждой долинѣ (коихъ мы сосчитали болѣе 20, кромѣ тѣхъ, мимо которыхъ мы прошли ночью) есть жилища. Въ 9-ти или 10-ти мѣстахъ мы видѣли явленія весьма любопытныя и о которыхъ я прежде слышалъ: сокрытыя подлѣ самаго берега между деревьями и нарочно еще отрѣзанными и принесенными туда вѣтвями Турецкія суда обыкновенно двухъ-мачтовыя. Сквозь зрительныя трубы и даже простыми глазами видны были и матросы съ сихъ судовъ въ Турецкомъ платьѣ, и Черкесы, принявшіе оныхъ въ свои, такъ сказать, жилища. Они смотрѣли на насъ изъ-за деревьевъ, любуясь ходу парохода, тянувшаго военный корабль; нѣкоторые же, видя, что хотя мы шли на половину пушечнаго выстрѣла, но не показывали никакого намѣренія имъ вредить, выходили по одиночкѣ изъ лѣса, спокойно смотрѣли на насъ съ берега, или шли вдоль по оному за нами. Сіи-то Турецкія суда, по большей части изъ Требизонда, болѣе всего для нашего интереса вредны. Ни враждебныя привычки Горцевъ, ни дикость края, а еще менѣе иностранные агенты не отдаляютъ столько настоящаго понятія взаимныхъ нашихъ выгодъ и тѣхъ сношеній, которыя желательно и необходимо твердо постановить съ симъ краемъ, какъ сія контрабандная торговля съ Анатольскими берегами. Эскадры наши, при всемъ усердіи и расторопности командировъ, не могутъ значительно мѣшать сей торговлѣ, а еще менѣе прекратить оную. Маленькое Турецкое судно, выходя въ хорошую погоду изъ Требизонда, идетъ по направленію на Сѣверъ съ тою лишь предосторожностью, чтобъ слѣдовать въ разстояніи болѣе 20 миль отъ берега (ибо, по установленнымъ правиламъ, плаваніе ближе сего чужестраннымъ судамъ нами запрещается); потомъ въ ночное время, поворотивъ прямо на Востокъ, если только вѣтеръ то позволяетъ, въ 3 или 4 часа времени, и безъ всякаго затрудненія, входитъ въ одинъ изъ *маленькихъ заливовъ* *), о коихъ я выше упомянулъ, гдѣ, по первому сигналу, всѣ близъ живущіе Горцы бѣгутъ на встрѣчу судна, принимаютъ его и немедленно вытаскиваютъ на берегъ. Въ теченіе прошедшаго года таковыхъ судовъ, дошедшихъ благополучно по своему назначенію, считаютъ болѣе 60, и 8 только попали въ руки нашихъ крейсеровъ. Сего года уже почти равное число, если не болѣе, пристало къ симъ

*) Эти заливчики все устья безчисленныхъ рѣчекъ, вытекающихъ изъ главнаго хребта и впадающихъ въ море. Тутъ-то впослѣдствіи было поставлено большинство нашихъ мелкихъ укрѣпленій, которыя весьма однако мало препятствовали контрабанднымъ сношеніямъ Турокъ съ Горцами. А. З.

берегамъ, и 4 только могли быть остановлены нашими судами. Можно себѣ вообразить вредъ отъ сего происходящій. Способомъ сихъ Турецкихъ судовъ, они не только получаютъ нужныя для нихъ издѣлія, которыя безъ того по необходимости искали бы у насъ, а взамѣнъ даютъ свои, производя гнусный торгъ свой людьми; но симъ же способомъ получаютъ всѣ извѣстія ложныя или справедливыя, къ нашему вреду клонящіяся; получаютъ частныя, а иногда и полуоффиціальныя ободренія къ продолженію съ нами войны, и словомъ питается въ нихъ въ отношеніи политическомъ ненависть къ Россіи, а въ отношеніи религіозномъ приверженность къ Магометанской вѣрѣ, которая у Черкесовъ вообще не имѣеть ни давности, ни фанатизма.

16-го поутру, при продолженіи тихой и пріятной погоды, сопровождавшей насъ съ самаго начала плаванія, мы были на траверсѣ мыса Жеобже; скоро потомъ подошли къ мысу Мамаю, а въ полдень къ № 1 Адлеру; въ началѣ же 2-го часа мы бросили якорь возлѣ укрѣпленія Гагры, гдѣ стоялъ на якорѣ тендеръ *Соловей* и гдѣ гарнизонъ содержится баталіономъ Черноморскаго линейнаго № 5, подъ командою капитана Мозачевскаго. Здѣсь начинается граница Абхазіи. Край сей считается для насъ мирнымъ; жители онаго иногда подвержены нападеніямъ Черкесовъ, и однимъ изъ предметовъ устроенія сего укрѣпленія было, чтобы имѣть Русскій постъ, защищающій ущелья между Черкесами и Абхазами и который бы затруднялъ покушенія первыхъ противъ послѣднихъ. Служба гарнизона въ Гагрѣ довольно тяжела, и самое положеніе сего укрѣпленія у подошвы величайшей горы, далеко отъ всякой помощи, окруженной густыми лѣсами и почти непроходимыми кустарниками, удивило бы людей менѣе опытныхъ и менѣе неустрашимыхъ, нежели войска Кавказскаго корпуса. Гарнизонъ не можетъ выходить ни на полъ версты безъ всякихъ военныхъ предосторожностей. Климатъ здѣсь считается нездоровымъ; сего года больныхъ не такъ много, не въ прошедшіе годы число оныхъ весьма часто превосходило число здоровыхъ. Года три тому назадъ укрѣпленіе сіе было сильно и внезапно атаковано въ ночное время большимъ числомъ собравшихся со всѣхъ сторонъ Черкесовъ. Они имѣли несомнѣнную надежду истребить сей вредный для нихъ постъ; но Русскіе штыки уничтожили ихъ намѣреніе, и съ тѣхъ поръ покушеніе не повторялось. Въ окрестностяхъ Гагры находятся пространныя дикія лавровыя рощи; въ теченіе менѣе $1/4$ часа цѣлый баркасъ нагруженъ былъ большими лавровыми вѣтвями, которыми мы украсили всю палубу корвета.

Осмотрѣвъ Гагру, прошли около р. Бзыбъ и дошли до прекраснаго залива у Пицунды *), гдѣ и вышли на берегъ. Такъ какъ уже

*) Теперь въ этихъ мѣстахъ монастырь *Новый Аѳонъ*. А. З.

здѣсь считается менѣе опасности, нежели въ земляхъ Черкесскихъ, то укрѣпленіе поставлено версты 1½ отъ берега, на мѣстѣ очаровательной красоты, среди великолѣпныхъ лѣсныхъ и фруктовыхъ деревьевъ, покрытыхъ дикимъ виноградникомъ и кругомъ старинной большаго размѣра красивой церкви, выстроенной, по преданіямъ и по мнѣнію людей ученыхъ по сей части, во время Юстиніяна. Рисунокъ сего любопытнаго зданія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими мѣстъ нами посѣщенныхъ, снятъ г. Чернецовымъ и по отдѣлкѣ всеподданнѣйше представленъ будетъ Вашему Императорскому Величеству. Командовавшій въ Пицундѣ, равно какъ и гарнизонъ Гагры, состоятъ подъ вѣдѣніемъ отряднаго командира въ Бомборахъ. Сіи три мѣста уже зависятъ отъ главнаго начальства въ Имеретіи; но Гагра и Пицунда не могутъ иначе сноситься, какъ моремъ; изъ Бомборъ же, по мѣрѣ отдаленія отъ опасныхъ мѣстъ, сношенія бываютъ иногда и сухопутно; всѣ же посты къ Сѣверу отъ Гагры сносятся съ Кубанью и Кавказскою линіею и зависятъ во всѣхъ отношеніяхъ отъ тамошняго начальства. У самаго берега Пицунды мы нашли одно купеческое судно изъ Азовскаго моря, выгружающее провіантъ для тамошняго гарнизона.

Въ Бомборахъ, лежащихъ въ 9-ти миляхъ отъ Пицунды, мы выходили на берегъ на возвратномъ пути, о чемъ будетъ упомянуто ниже.

17-го рано утромъ мы пришли въ Сухумъ-калейскую рейду. Сіе есть главное пристанище, особливо зимою, для военныхъ судовъ, употребляемыхъ по симъ берегамъ; мы тамъ нашли суда: корветъ *Пендераклію*, бригъ *Почассъ* и тендеръ *Быстрый*. Рейда сія далеко не подходитъ къ Суджукъ-калейской или Геленджику; но вообще считается довольно безопасною, и кромѣ одного случая, года 1½ тому назадъ, въ которомъ сильная буря сорвала нѣсколько судовъ съ якорей, никогда не подвергалась опасности. Вообще надобно сказать, что высокій берегъ отъ Анапы до границъ Мингреліи и прилежащіе къ оному большіе и малые заливы, весьма благопріятствуютъ плаванію всякаго рода величины судовъ; вѣтры съ моря, подобно какъ и на Южномъ берегу Крыма, отражаются горами и никогда не бываютъ опасны. Глубина вездѣ достаточна, такъ что самые большіе корабли почти вездѣ могутъ идти и останавливаться на ружейный выстрѣлъ отъ берега; грунтъ для бросанія якорей почти вездѣ хорошъ. Одно только бываетъ препятствіе, и то не весьма важное: это такъ называемый боръ, или сильный вѣтеръ съ горъ, который иногда вдругъ поднимается и по большой крутизнѣ подводнаго берега мгновенно сгоняетъ якоря. У Сухумъ-кале мы нашли гарнизонъ изъ двухъ ротъ Черноморскаго линейнаго № 7 баталіона съ артиллеріею и казаками, подъ

начальствомъ капитана Мосалова. Отсель сношенія сухимъ путемъ безпрестанно ведутся съ Мингреліею и Кутаисомъ, всѣ припасы получаются оттуда; промышленники и торговцы суть тамошніе жители или Грузинскіе Армяне.

Изъ Сухумъ-кале мы шли мимо мыса Анакліи и вечеромъ подошли къ Редутъ-кале. Берега отъ самаго Сухумъ-кале становятся ниже, но всегда покрытые лѣсомъ, а большія Кавказскія горы, по неимѣнію близъ моря препятствія, еще болѣе видны, нежели въ первой части нашего плаванія. Въ ясную погоду всегда видна здѣсь извѣстная Шатъ-гора или Эльбрусъ; но сего числа, т. е. 17-го, погода, доселѣ прекрасная, нѣсколько перемѣнилась: пошелъ большой дождь и хотя сильнаго вѣтра не было, но умножающаяся безпрестанно зыбь доказывала, что таковой долженъ быть гдѣ-либо отъ насъ недалеко. Рейда Редутъ-калейская въ полной мѣрѣ оправдала въ глазахъ нашихъ весьма дурную свою репутацію: корветъ не могъ ближе подойти, какъ мили на три отъ берега. Дабы не потерять возможности чрезъ умножающуюся зыбь осмотрѣть портъ сей, мы въ тотъ же вечеръ на маленькомъ катерѣ отправились къ крѣпости. Она выстроена на устьѣ р. Хопи, судоходной для маленькихъ судовъ и которая бы еще была полезнѣе, если бы не сильный бурунъ на отмели въ полуверстѣ отъ устья; мы и на маленькомъ катерѣ не безъ труда вошли въ оную и поднялись по рѣчкѣ версты двѣ до форштата или базара, который состоитъ изъ одной довольно большой и широкой улицы, лежащей по лѣвому берегу рѣки (входятъ на сію улицу чрезъ дома сѣверной линіи оной). Суда, вошедшія въ рѣку, стоятъ въ разныхъ мѣстахъ подлѣ самыхъ домовъ. Гарнизонъ въ сей крѣпости содержится Черноморскими линейными баталіонами № 5 и 9, подъ командою маіора Левашова. Не смотря на то, что Редутъ-калейская рейда весьма опасна и что портъ, т. е. самая рѣка Хопи, по причинѣ отмели, для порядочныхъ купеческихъ судовъ не способна, мѣстность сія играла большую роль въ коммерческомъ свѣтѣ во время существованія вольной торговли въ Закавказскомъ краѣ и потомъ во время транзита чрезъ Грузію въ Персію. Приведеніе здѣшней торговли подъ общее правило, уничтоженіе транзита и переводъ порта и крѣпости въ Поти почти уничтожили прежніе промыслы и цвѣтущее состояніе базара въ Редутъ-кале. Мы однако еще нашли нѣсколько небогатыхъ Грузинскихъ лавокъ; ибо по причинамъ, которыя я узнать не имѣлъ случая (по невозможности, какъ ниже скажу, посѣтить Поти), торговцы не охотно оставляютъ Редутъ-кале для перехода туда. Возвратившись на корветъ также не безъ затрудненія, мы ночью еще имѣли случай удостовѣриться и о дурномъ грунтѣ якорнаго мѣста.

Пароходъ началъ дрейфовать въ самое то время, когда для отдыха людей, утомленныхъ почти безпрестаннымъ ходомъ и для необходимаго сбереженія угля, пары на немъ не были разведены. Вѣтеръ велъ его прямо на корветъ; но хорошими мѣрами, принятыми на обоихъ судахъ, и помощью людей, данныхъ капитанъ-лейтенантомъ Путятинымъ на пароходъ, опасность устранена; къ разсвѣту мы снялись и рано 18 числа остановились въ четырехъ миляхъ отъ устья Ріона. Здѣсь былъ послѣдній пунктъ предпринятаго мною осмотра. По многимъ причинамъ, не говоря о классическихъ воспоминаніяхъ на счетъ р. Фазиса, которую я въ прежніе годы видѣлъ въ Кутаисѣ, весьма желательно мнѣ было посѣтить берегъ и крѣпость*); но умножающаяся зыбь и дурная погода въ семъ помѣшали. Штурманъ, посланный на гичкѣ прямо къ устью рѣки, долженъ былъ воротиться безъ успѣха, и хотя другой маленькій катеръ, посланный не доходя двумя верстами въ сѣверныя устья рѣки, успѣлъ въ оную войти и воротиться чрезъ каналъ противъ насъ лежащій, но по безпрестанно усиливающейся зыби всякое другое предпріятіе сочтено невозможнымъ. Съ сожалѣніемъ принуждены мы были подумать о возвратномъ пути, удостовѣрившись только, что обѣ рейды, какъ противъ Редутъ-кале, такъ и противъ Поти, вовсе невыгодны и опасны.

Пустившись въ обратный путь, мы шли до мыса Мамая, все еще недалеко отъ береговъ, хотя и не такъ близко, какъ прежде, и узнавъ отъ призваннаго на корветъ машиниста парохода, что нѣсколько часовъ нужно ему для нѣкоторыхъ исправленій, мы воспользовались симъ, чтобы остановиться противъ крѣпости Бомборы и осмотрѣть сію мѣстность, которую одну только изъ всѣхъ занятыхъ нашими войсками мы прежде не посѣтили. У самаго берега моря здѣсь находится маленькое укрѣпленіе; главное же отстоитъ отъ сего перваго въ двухъ верстахъ. Мы осмотрѣли и то и другое. Бомборы есть мѣсто пребыванія отряднаго командира, коему подчинены гарнизоны въ Гаграхъ и Пицундѣ, и онъ относится прямо къ командующему войсками въ Кутаисѣ; сношенія сухимъ путемъ считаются безопасными. По изобилію здѣсь прекрасныхъ лѣсовъ, особливо дубовыхъ, каковыхъ ни въ Байдарской долинѣ, ни въ какихъ другихъ мѣстахъ мнѣ видѣть не случалось, производится заготовленіе строеваго лѣса и досокъ для другихъ нашихъ укрѣпленій. Здѣсь для оныхъ же заготовляется и кирпичъ; возлѣ крѣпости, какъ выше сказано, въ двухъ верстахъ отъ берега находится довольно хорошее селеніе съ

*) Нынѣ *Поти*, бочка Данаидъ для казенныхъ денегъ, портъ, потерявшій послѣ пріобрѣтенія Батума бо́льшую половину своего значенія. А. З.

базаромъ, гдѣ живутъ нѣкоторые купцы и промышленники изъ Грузіи и Имеретіи и стекаются съ разныхъ мѣстъ жители Абхазіи для обмѣна своихъ издѣлій и полученія всего имъ нужнаго.

Верстахъ въ двухъ или трехъ далѣе въ лѣсу живетъ одинъ весьма богатый землевладѣлецъ, называемый князь Михаилъ Шервашидзе*). Сношенія его съ нашими войсками самыя дружескія, и онъ постоянно во всемъ имъ помогаетъ. Равнины, окруженныя горами и покрытыя богатѣйшимъ лѣсомъ, съ богатыми полями, при изобиліи воды, представляютъ видъ наипріятнѣйшій. Нельзя безъ сожалѣнія видѣть, что такая превосходная мѣстность остается почти безъ жителей и слѣдственно безъ пользы. Окрестности Бомборъ, послѣ прекрасной долины, на 15 верстъ простирающейся отъ Суджукъ-кале до Геленджика, показались мнѣ однимъ изъ пунктовъ, въ коихъ болѣе всего желательно бы заводить колоніи изъ хорошихъ хлѣбопашцевъ, садовниковъ, винодѣловъ и пастуховъ: климатъ превосходный, всякаго рода растенія и полуденныя деревья растутъ и процвѣтаютъ, и съ нѣкоторыми усиліями и искусствомъ давали бы большой доходъ. Здѣсь мы нашли въ сихъ же окрестностяхъ сдѣланное вино, довольно хорошее и похожее на Имеретинское; во всѣхъ мѣстахъ, прежде нами посѣщаемыхъ, никакого еще нѣтъ винодѣлія, хотя климатъ и почва земли совершенно на то способны. У владѣльца можно за весьма дешевую цѣну купить или нанимать земли, отъ которыхъ онъ теперь почти ничего не получаетъ. Здѣсь я узналъ также обстоятельство весьма любопытное, доказывающее смѣлость горскихъ разбойниковъ и недостатокъ теперешнихъ нашихъ способовъ по берегу. Въ недавнемъ времени нѣсколько сотъ Черкесовъ вышли на лодкахъ изъ долины Пшадской или сосѣдственной съ оной, высадились ночью въ лѣсу верстахъ въ трехъ отъ Бомборъ и внезапно бросились прежде разсвѣта на базарное поселеніе, при крѣпости лежащее. При первой тревогѣ гарнизонъ былъ въ готовности, и часть онаго тотчасъ пошла отбивать базаръ; Черкесы прогнаны, но не прежде, какъ когда уже нѣкоторымъ промышленникамъ нанесенъ былъ большой вредъ.

Изъ Бомборъ мы уже пустились прямо обратнымъ путемъ въ Ялту, куда и прибыли благополучно 22 числа пополудни.

Пароходъ на другое же утро отправился въ Одессу для продолженія обыкновенныхъ своихъ рейсовъ, столь полезныхъ для Одессы и южнаго берега. Хотя (считая отъ Керчи) плаваніе наше продолжалось

---

*) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, владѣтель Абхазіи; въ 60-хъ годахъ, по распоряженію намѣстника Кавказа Великаго Князя Михаила Николаевича, сосланъ на жительство въ Воронежъ, гдѣ онъ и умеръ.

около девяти сутокъ, онъ еще имѣлъ на два дня уголь и не вынужденъ былъ грузиться опять онымъ въ Ялтѣ.

Представивъ такимъ образомъ по долгу моему краткій отчетъ экспедиціи, сдѣланной по службѣ и съ способами высочайшимъ разрѣшеніемъ мнѣ дозволенными, я таковымъ же священнымъ долгомъ почитаю всеподданнѣйше представить нѣкоторыя общія замѣчанія, до сего дѣла касающіяся. Торговля наша съ Горцами теперь почти ничтожна; возобновить и усилить оную есть воля Вашего Императорскаго Величества. Воля сія тѣмъ справедливѣе и священнѣе, что кромѣ обыкновенныхъ и общихъ выгодъ, отъ всякой торговли проистекающихъ для обѣихъ сторонъ, симъ-то единственнымъ способомъ можемъ мы надѣяться привлечь къ себѣ когда либо Черкесовъ, успокоить враждебный ихъ духъ, сдѣлать наши сношенія съ ними для нихъ необходимыми и удалить ихъ отъ желанія или нужды сношеній съ иностранцами, отвращая тѣмъ самымъ и дурное вліяніе въ политическомъ видѣ, отъ таковыхъ сношеній произойти могущее. Съ другой стороны по дикости нравовъ Горцевъ, по безпрестанной ихъ привычкѣ къ разбоямъ и распрямъ даже между собою, и по давнему увѣренію между ими, что покореніе ихъ Россіею сопряжено съ рабствомъ, никакихъ операцій, ни стратегическихъ, никакихъ занятій нужныхъ мѣстностей нельзя производить безъ военныхъ дѣйствій; а воевать и торговать въ одно и тоже время съ тѣми же людьми, имѣть съ ними мгновенно и враждебныя и мирныя сношенія, есть почти невозможность. Мнѣ кажется однако, что затрудненіе таковое отчасти можно устранить, если, отмѣняя сколь возможно всякаго рода операціи и походы во внутренности земель, мы бы приложили всѣ старанія только къ занятію съ возможною скоростію всего морскаго берега, и занятія сіи производить моремъ, при способахъ и съ помощію Черноморскаго флота. Если не ошибаюсь, мудрая проницательность Вашего Императорскаго Величества уже положила намѣреніе занять мало по малу весь берегъ, какъ единственный способъ блокировать и усмирять разныя племена горскихъ жителей. Въ давнѣйшія времена сія-то была система Римлянъ. Во время сего путешествія я имѣлъ въ рукахъ и съ крайнымъ удовольствіемъ читалъ письмо или донесеніе Арріана къ императору Адріану *), описывающее всѣ Римскіе посты отъ Требизонда по южному и восточному берегамъ Чернаго моря. Англичане болѣе всего достигли великихъ своихъ пріобрѣтеній въ Америкѣ и на Востокѣ занятіемъ всегда сначала и морскими способами портовъ и береговъ. Великій предокъ Вашего

*) Вотъ источникъ появленія перевода «Перипла», сдѣланнаго Фабромъ, очевидно, по порученію графа Воронцова. А. З.

Императорскаго Величества, императоръ Петръ І-й таковые же имѣлъ виды на счетъ Закавказскаго края. Намѣренія его на Черное море долженъ онъ былъ отложить, какъ по неимѣнію на то въ то время способовъ, такъ и особливо по безуспѣшному окончанію послѣдней въ его царствованіе Турецкой войны; но на Каспійскомъ морѣ онъ могъ привести съ удивительною дѣятельностью и искусствомъ большую часть великихъ его предположеній. Внутренность таковаго края не можетъ не зависѣть въ большой мѣрѣ отъ владѣющихъ берегами, коль скоро оные находятся въ рукахъ сильной державы. На восточномъ берегу Чернаго моря, по счастливому пріобрѣтенію Анапы и по мѣрамъ въ недавнемъ времени Вашимъ Величествомъ предписаннымъ, Россія имѣетъ твердую ногу отъ Сѣвера до Геленджика включительно; начиная же отъ южной Турецкой границы, весь берегъ отъ крѣпости Св. Николая и устья Ріона до крѣпости Гагры, занятъ нашими войсками; остается промежутокъ между Геленджикомъ и Гагрою въ протяженіи 200 верстъ, который, по моему мнѣнію, необходимо занять. Это конечно будетъ не безъ трудовъ, не безъ издержекъ, и потребуется нѣкоторое количество войскъ; но, не говоря о необходимости сей мѣры, всѣ сіи затрудненія, смѣю думать, несравненно уменьшатся, естьли вмѣсто теперешней системы экспедицій сухимъ путемъ съ Кубани и другихъ мѣстъ Кавказской линіи, оныя бы дѣлались моремъ, прямо на пункты, слѣдующіе къ занятію. Генералъ Вельяминовъ теперь долженъ былъ идти съ сильнымъ отрядомъ чрезъ мѣста неприступныя и высокія горы, устраивать на маршѣ дороги для артиллеріи чрезъ край намъ враждебный и жители коего симъ самымъ походомъ, неминуемо для нихъ пагубнымъ, еще болѣе противъ насъ вооружаются, и пришедъ съ таковыми трудами, потерею времени и не безъ потери людей въ Суджукъ-кале или Геленджикъ, строить тамъ редуты, въ которыхъ онъ послѣ оставитъ не болѣе одной или двухъ ротъ (ибо сіе число нашихъ воиновъ совершенно достаточно для отпора всѣхъ покушеній того же самаго непріятеля, для прохода чрезъ земли коего нужно нѣсколько тысячъ человѣкъ). Напротивъ того, способомъ Черноморскаго флота и нѣкотораго числа наемныхъ транспортныхъ судовъ достаточно бы обратить на каждый пунктъ одинъ или много два баталіона для построенія вышепомянутыхъ укрѣпленій, и въ одно или въ два лѣта весь берегъ могъ бы быть такимъ образомъ занятъ. Раздраженіе Горцевъ было бы гораздо менѣе значительное; ибо кромѣ, можетъ быть, Пшада, или еще одной или двухъ мѣстностей, и теперь на самыхъ нужныхъ пунктахъ тамошнее населеніе ничтожное. Всѣ непріязненныя чувства отъ походовъ большаго числа людей и лошадей чрезъ лучшія ихъ земли были бы симъ отвращены, и можно бы вмѣстѣ съ тѣмъ, посред-

ствомъ нашихъ агентовъ и болѣе или менѣе намъ приверженныхъ мирныхъ Горцевъ, распространить повсюду оффиціальное извѣщеніе, что занятіе береговъ дѣлается безъ всякаго намѣренія имъ вредить, по неоспоримому праву и безсомнѣннымъ интересамъ Россійской державы и что по невозможности Горцамъ въ томъ намъ помѣшать, остается имъ для прямой ихъ же пользы принять сію мѣру дружелюбно и обратиться къ тѣмъ мирнымъ торговымъ сношеніямъ, которыя согласны съ видами Вашего Императорскаго Величества и для нихъ въ послѣдствіи времени, конечно, будутъ благодѣтельны. Можно бы прибавить еще приглашеніе жителямъ въ сосѣдствѣ мѣстъ, слѣдующихъ къ занятію, не уходить изъ жилищъ своихъ, обѣщая имъ всякаго рода защиту и покровительство. Русскіе воины доказали въ послѣднихъ походахъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, что, по волѣ царской, порядокъ и военная дисциплина свято наблюдаются и въ землѣ даже непріятельской. Черкесовъ же мы должны считать нашими подданными, и съ ними должно поступать также дружелюбно, пока они сами сопротивляться не будутъ, какъ арміи наши поступали во Франціи, за Дунаемъ и въ славномъ походѣ Эрзерумскомъ. Всѣ сообщенія сихъ отдѣльныхъ укрѣпленій останутся, какъ и теперь, единственно морскими. Какъ скоро генералъ Вельяминовъ отойдетъ, то и по теперешней системѣ, ни Суджукъ-кале, ни Геленджикъ, не могутъ имѣть безопасныхъ сношеній съ Кубанью и на долгое время между собою. Со временемъ устроятся дороги по берегу отъ поста до поста*); но до того, какъ и теперь, укрѣпленія сіи и гарнизонъ должны считаться какъ острова или колоніи, въ безпрестанномъ сношеніи съ Керчью, Ѳеодосіею и Севастополемъ. Эскадра, которая теперь зимуетъ уже нѣсколько лѣтъ въ Сухумъ-кале, можетъ быть усилена и раздѣлиться между Сухумъ-кале, Геленджикомъ и Суджукъ-кале. Въ обоихъ сихъ мѣстахъ рейды превосходныя; а малыя военныя суда и по крайней мѣрѣ одинъ военный пароходъ могли бы безпрестанно ходить по всему продолженію берега, какъ лѣтомъ, такъ и зимою (ибо стужи тамъ не бываетъ), содержать безпрерывныя сношенія между всѣми нашими постами, доставлять имъ все потребное, помогать во всѣхъ нуждахъ, развозить извѣстія и распоряженія начальства, принимать и перевозить больныхъ, туда, гдѣ найдется выгоднѣйшимъ, заводить госпитали. При семъ да позволено мнѣ будетъ упомянуть о болѣзняхъ, гарнизоны сего края посѣщающихъ, и на счетъ которыхъ много было всегда говорено, иногда не безъ преувеличенія. Я старался, сколько можно, вникнуть въ сіе важное обстоятельство и въ причины, какъ дурной репутаціи сего края

---

*) Увы, прошло около 60-ти лѣтъ, и все еще такихъ дорогъ почти нѣтъ! А. З.

на счетъ здоровья, такъ и дѣйствительности существованія болѣзни. Конечно, есть низменныя мѣста и въ Мингреліи и, можетъ быть, въ нѣкоторой части Абхазіи, гдѣ воздухъ вреденъ и рождаетъ лихорадки и горячки; но на берегахъ Черкесскихъ, о коихъ теперь идетъ сужденіе, нельзя найти никакой естественной причины для нездоровья.

Мѣста высокія, морской воздухъ, чистыя воды, все, кажется, доказываетъ климатъ благопріятный на подобіе южнаго берега Крыма, гдѣ именно теперь, въ самое жаркое время года, ни между жителями онаго, ни между рабочими по экономіи, ниже между солдатами, строющими дорогу, никакой нѣтъ болѣзни. Смѣю думать и смѣло подвергаюсь на высочайшее разсужденіе мудраго и человѣколюбиваго Монарха, что болѣзни гарнизоновъ по сему берегу даже и въ мѣстахъ неблагопріятныхъ (потому что низменны или болотисты) можно значительно уменьшить предписаніемъ нѣкоторыхъ мѣръ, касательно: 1) продовольствія и 2) развлеченія въ жизни военныхъ чиновъ, тамъ состоящихъ. Теперешняя метода продовольствія по всѣмъ симъ берегамъ слѣдуетъ системѣ въ Грузіи: кромѣ обыкновенной выдачи муки и крупъ производятся нижнимъ чинамъ денежныя порціи для покупки вина и мяса. Сіе можетъ быть достаточно въ Грузіи и во всѣхъ внутреннихъ гарнизонахъ; но на приморскомъ берегу, безъ сношеній съ мѣстами, гдѣ припасы дешевы, порціи сіи недостаточны; и по невозможности выбирать, между промышленниковъ заводятся (даже и тамъ гдѣ нѣтъ злоупотребленій) монополіи и для рогатаго скота, и для вина, идущія прямо во вредъ солдатскихъ порціонныхъ денегъ, а что̀ еще хуже—ихъ здоровья. Принявъ разъ для сихъ береговыхъ укрѣпленій морскую систему, я бы осмѣлился представить, чтобы всѣ сіи гарнизоны получали обыкновенную морскую провизію, какъ матросы, когда въ морѣ, т. е. вино всякій день, говядина свѣжая или соленая, пять разъ въ недѣлю, не исключая постовъ, горохъ, коровье масло и проч. По мудрымъ постановленіямъ Петра Великаго, матросы наши, коль скоро они въ морѣ, ѣдятъ не хуже, а можетъ быть и лучше нежели какіе-бы то ни было военно-служители другихъ державъ. Нижніе чины, расположенные на восточномъ берегу Чернаго моря, отправляютъ во весь годъ службу необходимую для Имперіи, но, конечно, весьма тяжелую; справедливо бы было поддержать ихъ физически сравненіемъ пищи съ морскими ихъ собратьями. Умноженіе расхода по сей части было бы весьма мало значительно, а въ сравненіи съ пользою и по сердцу Вашего Императорскаго Величества ничтожно. Кромѣ продовольствія, развлеченіе свободнымъ движеніемъ и устраненіемъ того напряженія духа, которое связано съ безпрестанною осторожностію и лишеніемъ средствъ физическаго движенія, имѣетъ большое вліяніе и

на моральное расположеніе, и на здоровье. Для достиженія сей цѣли, мнѣ кажется также, что есть средство довольно легкое. Теперь каждый редутъ, каждое укрѣпленіе въ сихъ мѣстахъ, есть отдѣльная часть, довольно сильная для отпора презрѣннаго непріятеля, который противъ онаго покусился бы; но на ружейный выстрѣлъ отъ бруствера земля уже чуждая, и безопасности уже нѣтъ; вмѣсто движенія, прогулокъ, садовыхъ работъ, столь во всѣхъ отношеніяхъ полезныхъ, храбрые воины Вашего Императорскаго Величества должны или цѣлые годы оставаться непрестанно въ жилищахъ своихъ, въ знойномъ климатѣ и тѣсномъ воздухѣ, или за малѣйшею потребностію выходить неиначе какъ въ строю, съ ружьемъ на плечѣ и осторожностію въ умѣ. Таковое положеніе, еще при скудномъ иногда продовольствіи, не можетъ не быть чрезвычайно вредно; болѣзни должны рождаться, и отъ самыхъ больныхъ больные умножаться. Мнѣ кажется, что весьма вредное сіе обстоятельство можетъ быть отчасти отвращено построеніемъ вокругъ каждаго укрѣпленія въ трехъ мѣстахъ, т. е. по флангамъ близъ берега и прямо въ горы, а гдѣ берега низки, то всего въ двухъ мѣстахъ (выбирая сколько возможно лучшія мѣстности и около пушечнаго выстрѣла) маленькихъ башень въ родѣ *Martellos* [1]) или тому подобныхъ, въ каждой изъ коихъ отъ 6 до 10 человѣкъ, съ однимъ большимъ орудіемъ и бойницами для ружейныхъ выстрѣловъ, не только будутъ совершенно обезпечены, но оградятъ все пространство около себя, между ними и укрѣпленіями отъ всякой опасности, такъ что по крайней мѣрѣ днемъ, на всемъ таковомъ пространствѣ, котораго будетъ нѣсколько квадратныхъ верстъ, никакой непріятель никогда не посмѣетъ сокрыться, и военные чины укрѣпленія могутъ свободно и ходить для удовольствія и здоровья, и упражняться садоводствомъ и огородами, столь для пищи полезными. Маленькіе гарнизоны въ сихъ башняхъ могутъ ежедневно смѣняться; построенія же оныхъ самими солдатами, при избыткѣ на мѣстѣ лѣса и камня, будутъ стоить весьма дешево [2]).

---

[1]) Martellos, небольшія круглыя башни, построенныя на многихъ пунктахъ Англійскихъ береговъ для сопротивленія высадкѣ непріятеля. На Кавказѣ было ихъ нѣсколько и не на морскомъ берегу; строили ихъ въ два этажа, для нѣсколькихъ человѣкъ и одной пушки. При графѣ Воронцовѣ въ 1845—1854 гг. они были въ большомъ ходу, но результаты отъ нихъ были ничтожны, а для войскъ они оказывались карцерами. А. З.

[2]) Къ сожалѣнію, нельзя умолчать, что эти предположенія графа Воронцова не оправдались. Гарнизоны гибли и отъ болѣзней, и отъ дѣйствій *презрѣннаго непріятеля*, овладѣвшаго нѣсколькими укрѣпленіями, не взирая на геройскую защиту; не оправдались и надежды на мирную политику, торговыя сношенія, прокламаціи и проч., въ чемъ самъ графъ убѣдился впослѣдствіи. Только посредствомъ усиленныхъ военныхъ дѣйствій *съ суши*, а не флотомъ,

Простите великодушно, Всемилостивѣйшій Государь, естьли я въ семъ моемъ отчетѣ коснулся предметовъ, сужденію моему не подлежащихъ; но, обязанъ будучи представить то, что̀ я видѣлъ и чувствовалъ на счетъ сношеній мнѣ порученныхъ, я не могъ не упомянуть и о тѣхъ средствахъ, которыя, по мнѣнію моему, могутъ возстановить и усилить тѣ сношенія. Желаніе видѣть успѣхъ въ намѣреніи правительства весьма много еще во мнѣ усилилось симъ обозрѣніемъ мѣстностей; я увидѣлъ, сколько есть источниковъ благосостоянія въ сей прекрасной, но столь мало извѣстной странѣ; сколь нужно и возможно воспользоваться сими источниками и симъ природнымъ богатствомъ, и возбранить непріязненной или какой либо державѣ вторженіе къ явному вреду нашему въ какія бы то ни было сношенія съ Кавказомъ *). Коль скоро берегъ сей будетъ въ нашихъ рукахъ; а нѣкоторыя одобренія будутъ предложены колонистамъ, или изъ нашихъ малоземельныхъ провинцій, на подобіе выведенныхъ на Кубань Малороссійскихъ казаковъ, или изъ Нѣмцевъ, какъ-то въ сѣверной части Таврической губерніи, то безчисленныя отрасли откроются для вящшаго обогащенія сихъ береговъ и для возстановленія на твердой ногѣ нашихъ съ ними исключительной власти и сношеній. Между лѣсами, украшающими мѣста сіи, кромѣ богатыхъ для разныхъ издѣлій орѣховъ, чинара и такъ называемой здѣсь пальмы (buxus), прекраснѣйшіе дубы у самаго берега моря, недалеко отъ мыса Мамая, представляютъ большія выгоды для строенія нашему флоту. Увидя все сіе, нельзя не желать пламенно всего того, что̀ можетъ насъ подвинуть къ достиженію вышепомянутаго предмета, и я, какъ вѣрный слуга Вашему Императорскому Величеству, не могу не представить съ покорностію тѣ мнѣнія, можетъ быть ошибочныя, но, конечно, искреннія, которыя отъ сего осмотра во мнѣ возродились. Съ полною увѣренностію на великодушное при-

---

посредствомъ образованія линіи казачьихъ станицъ, посредствомъ отнятія плоскостей вынудили мы Горцевъ уйти въ Турцію и прекратили безконечную войну. Болѣе подробностей по этому предмету можно найти въ той же Исторіи Кабардинскаго полка и въ Біографіи фельдмаршала князя Барятинскаго. А. З.

*) Замѣчаніе весьма важное, показывающее, какой проницательный взглядъ былъ у М. С. Воронцова. Именно „возбранить какой либо иностранной державѣ ко вреду нашему входить въ сношенія съ Кавказомъ“. До окончательнаго овладѣнія Западнымъ Кавказомъ и выселенія Черкесовъ враждебныя сношенія происходили съ этой стороны; въ послѣдніе же годы, *коварный Альбіонъ* открылъ другую лазейку: со стороны Эрзрума дѣйствовать не на Черкесовъ, а на Армянъ, не нуждающихся въ контрабандномъ порохѣ, оружіи и глупыхъ прокламаціяхъ или авантюристахъ, въ родѣ Поляка Лапинскаго, но съ удовольствіемъ обращающихъ слухъ свой къ нашептываніямъ о величіи царства Гайка. Молодымъ людямъ въ особенности пріятно пофантазировать, благо сепаратизмы, націонализмы и т. п.—модныя темы... А. З.

нятіе сихъ изъявленій и прощеніе всего того, что̀ покажется излишнимъ и ошибочнымъ, я кончу еще одною мыслью, которую также предаю на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества усмотрѣніе.

Все, что̀ относится до Кавказской линіи, до восточнаго берега Чернаго моря, словомъ сказать, весь Закавказскій край подчиненъ начальству главноуправляющаго въ Грузіи; но въ отношеніи сихъ береговъ (хотя Мингрелія и, можетъ быть, Абхазія имѣютъ нѣкоторыя сношенія и связь съ Имеретіею и Тифлисомъ) вся часть сего берега, занятая или не занятая, вверхъ до Анапы и до устья Кубани, такъ отдалена отъ мѣстопребыванія главнаго начальства и раздѣлена отъ онаго мѣстами столь неприступными, что подчиненность сія не можетъ не служить къ вреду всѣхъ дѣйствій и всѣхъ интересовъ, на семъ пространствѣ лежащихъ. Не входя въ вопросъ, до какой степени сношенія главной Кавказской линіи съ Тифлисомъ должны оставаться въ теперешнемъ положеніи, нельзя, кажется, не полагать, что по предпріятіямъ теперь начатымъ для занятія и укрѣпленія береговъ Черкесскихъ, по сложности всѣхъ нужныхъ для того мѣръ и по великой отдаленности Тифлиса, лицо, командующее на Кавказской линіи и которому предпріятія сіи поручены, должно бы имѣть для лучшаго и скорѣйшаго дѣйствія всѣ сношенія и всѣ необходимыя разрѣшенія высочайшей воли прямо чрезъ военнаго министра. Я не считалъ приличнымъ говорить о семъ съ генераломъ Вельяминовымъ, ни узнать его на сей счетъ мнѣніе; но по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ сего края, можно сказать, одинъ взглядъ на географическое положеніе онаго на картѣ меня въ семъ увѣряетъ.

Алупка,
26 Августа 1836.

Записка военнаго министра графа А. И. Чернышова къ директору канцеляріи М. М. Брискорну.

По всеподданнѣйшему донесенію генералъ-адъютанта графа Воронцова Государь Императоръ повелѣть соизволилъ:

1) Спросить у министра финансовъ, что̀ воспослѣдовало по отношенію къ нему графа Воронцова объ испрошеніи спекулянтамъ нашимъ производить торговыя сношенія съ мѣстечкомъ Пшадомъ и другими приморскими мѣстами Абхазіи.

2) Имѣть въ виду, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ Абхазскаго берега, кои будутъ нами заняты, не имѣя еще сухопутнаго сообщенія, производить продовольствіе гарнизонамъ оныхъ по морскому положенію, для чего сдѣлать примѣрное соображеніе и исчисленіе хотя на одинъ баталіонъ.

3) Отнестись къ начальнику штаба по инженерной части о немедленномъ командированіи въ распоряженіе генералъ-лейтенанта Вельяминова одного свѣдущаго инженернаго офицера, чтобы опредѣлить, какого рода башни и изъ какого матеріала могутъ быть устрояемы въ пунктахъ, нами занимаемыхъ на Абхазскомъ берегу, по предположенію графа Воронцова, для чего сообщить выписку изъ его донесенія генералъ-адъютанту Геруа.

4) Давно уже Государь Императоръ замѣтить изволилъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, требующихъ скорости въ исполненіи и единства мѣръ, испрошеніе начальникомъ Кавказской линіи даже мелочныхъ разрѣшеній отъ командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса влечетъ за собою различныя неудобства и потерю времени. Вслѣдствіе сего Его Величество полагалъ бы общія мѣры, какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи всегда предварительно сообщать на заключеніе командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, но въ хозяйственномъ отношеніи и для мѣстныхъ военныхъ распоряженій подчинить непосредственно начальнику Кавказской линіи весь правый флангъ оной, включая и Черноморское войско, а равно и восточный берегъ Чернаго моря до того пункта, гдѣ начинается прочно уже устроенное сухопутное сообщеніе, на прим. до Бомборъ.

Сіе предположеніе нужно будетъ сообразить во всѣхъ отношеніяхъ, по части военной, съ генералъ-лейтенантомъ Шубертомъ *), дабы опредѣлить, отъ какого именно пункта Кавказской линіи долженъ начинаться непосредственный кругъ дѣйствія генералъ-лейтенанта Вельяминова и какія именно войска и военныя средства должны быть предоставлены въ его непосредственное распоряженіе. По части же экономической сообразить все то, что̀ должно быть изъято изъ смѣты интендантства Кавказскаго корпуса и перейти въ смѣты внутренняго провіантскаго управленія. Его Величество тѣмъ менѣе изволитъ находить сіе послѣднее затруднительнымъ, что и теперь внутреннее провіантское управленіе заготовляетъ для Кавказскаго корпуса всѣ нужные продукты, какъ для праваго, такъ и для лѣваго фланга Кавказской линіи.

Сіе дѣло требуетъ самаго тщательнаго соображенія и обработки, а потому и прошу васъ, любезнѣйшій Максимъ Максимовичъ, неотложно и съ самымъ большимъ вниманіемъ заняться онымъ.

А. Чернышовъ.

Царское Село
21-го Сентября 1836.

---

*) Генералъ-квартирмейстеромъ и начальникомъ генеральнаго штаба. А. З.

ЦАРЕВИЧЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

въ городѣ Самарѣ въ 1863 году *).

Когда стало извѣстно, что Его Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, проѣздомъ изъ Нижняго-Новгорода по Волгѣ, посѣтитъ Самару, начались дѣятельныя приготовленія къ пріему дорогаго гостя. Губернское начальство, городскія власти и дворянство усиленно спѣшили представить Его Высочеству въ наилучшемъ состояніи свой родной городъ: исправлялись заново тротуары и мостовыя; казенныя и общественныя зданія, а также дома знатныхъ горожанъ на тѣхъ улицахъ, по которымъ предполагался путь слѣдованія въ городъ Царевича, ремонтировались и красились. Жители отъ мала до велика съ нетерпѣніемъ ждали дня 15-го Іюля.

Наконецъ давно желанный день насталъ. Чуть не съ утра разношерстныя толпы горожанъ, разодѣтыя въ лучшія одежды, потекли къ пароходной пристани Общества „Самолетъ". Ближайшіе къ Волгѣ домà и колокольни церквей покрылись ожидающими, глаза были устремлены вверхъ по теченію р. Волги на изгибъ за Молоканскимъ садомъ. Городъ представлялъ праздничный видъ въ этотъ радостный, торжественный день. Всюду улицы убрались флагами. Дома знатныхъ и богатыхъ украсились разноцвѣтными матеріями и гирляндами зелени. Погода была солнечная, чтò еще болѣе усиливало впечатлѣніе торжественности.

Чу! вдали послышался пароходный свистокъ, и изъ-за угла Молоканскаго сада показался пароходъ „Туристъ". Народъ замеръ въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Пароходъ сдѣлалъ еще нѣсколько дружныхъ взмаховъ колесами и ровно въ 7 час. пополудни причалилъ къ берегу. Громкое, восторженное „ура" огласило воздухъ.

Его Высочество стоялъ на палубѣ, милостиво отвѣчая на привѣтствіе народа. Едва пароходъ присталъ, Царевича встрѣтилъ съ рапортомъ Самарскій губернаторъ Н. А. Замятинъ. У самой пристани, въ особо устроенной на берегу палаткѣ, ожидали Государя Наслѣдника дворяне, начальствующія

---

*) Изъ дѣлъ Самарскаго губернскаго правленія и Самарской городской управы.

лица города и губерніи, купечество, городскіе головы уѣздныхъ городовъ, волостные и приказные головы государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ и волостные старшины временно-обязанныхъ крестьянъ. Вдоль подмостковъ отъ пароходной пристани въ два ряда стояли инородцы Самарской губерніи въ племенныхъ своихъ одеждахъ. По обѣимъ сторонамъ палатки возвышались амфитеатромъ нарочно устроенныя мѣста для дамъ и воспитанниковъ учебныхъ заведеній г. Самары, куда желающіе допускались по билетамъ.

Весь Волжскій берегъ близъ пристани былъ положительно запруженъ народомъ; какъ говорится, негдѣ было яблоку упасть. И во все время шествія Его Высочества на берегъ и берегомъ къ палаткѣ народъ несмолкаемыми кликами выражалъ свою радость, а нѣкоторые по пути шествія разстилали платки и одежду.

Въ палаткѣ Государю Цесаревичу поднесли хлѣбъ-соль Самарскій городской голова съ почетными гражданами города и временно-обязанные крестьяне. Затѣмъ Его Высочество изволилъ сѣсть въ коляску и, въ сопровожденіи свиты и начальствующихъ лицъ, чрезъ тріумфальные ворота, отправился въ Вознесенскій каѳедральный соборъ, гдѣ собралось Самарское духовенство; преосвященный Ѳеофилъ, епископъ Самарскій и Ставропольскій, съ крестомъ и святой водой, сказалъ привѣтственную рѣчь.

По выслушаніи краткаго молебствія съ провозглашеніемъ многолѣтія Августѣйшему гостю и всему царствующему дому, Его Высочество, провожаемый безчисленными толпами народа, изволилъ отбыть въ назначенный для его пребыванія домъ Самарскаго дворянства; у подъѣзда былъ встрѣченъ съ обычными воинскими почестями почетнымъ карауломъ отъ резервнаго баталіона Тульскаго пѣхотнаго полка, а при входѣ въ домъ всѣми наличными дворянами.

Уже стало смеркаться. Улицы освѣтились кругомъ. Домá горожанъ и зданія присутственныхъ мѣстъ заблистали разноцвѣтными шкаликами, разныхъ формъ фонариками и вензелями. Толпы народныя шумно двигались по улицамъ, оглашая воздухъ радостнымъ „ура“. Въ это время Его Высочество, отобѣдавъ въ обществѣ почетныхъ дворянъ Самарской губерніи, въ 9 час. вечера изволилъ посѣтить городской театръ, откуда, по окончаніи второй піесы, возвратился обратно въ домъ своего пребыванія.

Не надо говорить, что послѣ отъѣзда Цесаревича театръ моментально сдѣлался пустъ. И представители властей, и горожане поспѣшили скорѣе оставить душныя стѣны храма Мельпомены и провожали Его Высочество до дóма. Народныя массы до тѣхъ поръ толпились передъ помѣщеніемъ дорогаго гостя и восторженными кликами оглашали воздухъ, пока тамъ не потухли огни и все въ домѣ успокоилось. Городъ же долго еще ликовалъ. Жители, кажется, не смыкали глазъ въ эту торжественную для нихъ ночь.

Снова наступило лѣтнее утро. Тамъ и сямъ замелькали извощичьи пролетки и собственные экипажи съ сѣдоками всѣхъ ранговъ и всевозможныхъ профессій. Начальство и должностныя лица съѣзжались къ дворянскому дому. Народъ также толпился на этой улицѣ въ ожиданіи увидѣть еще разъ своего Августѣйшаго Гостя. Наконецъ, въ 10 час. утра Государь Наслѣдникъ изволилъ выйти изъ внутреннихъ покоевъ и принималъ военныхъ чиновъ, дворянъ Самарской губерніи, предсѣдателя и членовъ губернскихъ учрежденій и прочихъ гражданскихъ чиновъ всѣхъ вѣдомствъ. За ними представлялись Его Высочеству волостные и приказные головы и волостные старшины сельскихъ обывателей, Самарскій голова съ городскими должностными лицами и выборнымъ купечествомъ и городскіе головы всѣхъ уѣздныхъ городовъ.

Утро этого дня, по случаю ненастной погоды, Царевичъ не изволилъ оставлять своихъ покоевъ и только въ 3 часа дня присутствовалъ въ квартирѣ губернатора на панихидѣ умершей наканунѣ отъ обжога на пароходѣ супруги Симбирскаго дворянина г-жи Бестужевой, которая ѣхала въ г. Самару исключительно для того, чтобы еще разъ видѣть Его Высочество.

Въ 4 часа пополудни, Государь Наслѣдникъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ обѣдъ, данный въ честь его Самарскимъ купеческимъ обществомъ въ вокзалѣ Струковскаго сада.

Во время этого обѣда горожане обратились къ Его Высочеству со всеподданнѣйшей просьбой ознаменовать время посѣщенія г. Самары учрежденіемъ дѣтскаго пріюта его августѣйшаго имени. Царевичъ съ удовольствіемъ далъ на то свое согласіе, и тутъ же, не выходя изъ-за стола, купцы по добровольной подпискѣ въ одинъ мигъ собрали около 12 тыс., которыя послужили основаніемъ для постройки нынѣ существующаго въ г. Самарѣ Николаевскаго сиротскаго дома, на углу Алексѣевской и Дворянской улицъ.

Учрежденіе такого пріюта было предположено еще въ 1849 году, когда Самара была уѣзднымъ городомъ Симбирской губерніи, и его предполагалось назвать въ честь Св. Алексѣя митрополита Московскаго и всея Россіи чудотворца, покровителя г. Самары, Алексѣевскимъ *); но съ пріѣздомъ сюда Царевича, всѣ помыслы были направлены къ тому, чтобы увѣковѣчить время его пребыванія въ Самарѣ какимъ-либо памятнымъ благотворительнымъ учрежденіемъ.

Николаевскій сиротскій домъ былъ построенъ на пустомъ мѣстѣ, принадлежавшемъ вѣдомству удѣловъ, которое по ходатайству Его Высочества для этой цѣли было подарено Его Величествомъ Государемъ Александромъ

---

[1]) Кромѣ того, на Николаевской улицѣ противъ соборной площади существуетъ и Алексѣевскій дѣтскій пріютъ, открытый 12 Января 1869 года.

Николаевичемъ Самарскому обществу. Кромѣ собранныхъ по добровольной подпискѣ 12 тыс. рубл., Самарская дума 21 Февраля 1867 г изъ прибылей общественнаго банка за 1866 г. отчислила еще 2,000 р., изъ коихъ 1,500 р. на расходы по возведенію зданія, а 500 р. на содержаніе пріюта. Въ 1868 г. отчислено было еще 1,000 р И кромѣ того поступали пожертвованія отъ разныхъ лицъ города и уѣздовъ. Постройка дома началась съ лѣта 1864 г., подъ наблюденіемъ именитаго Самарскаго купца Михаила Ивановича Гладкова, который на это дѣло давалъ изъ своихъ суммъ денегъ безъ счета, а въ 1866 г. была окончена, и 8 Сентября этого года Николаевскій сиротскій пріютъ былъ открытъ для пріема сиротъ. Благодаря усердію гражданъ города, и особенно попечителя пріюта того же купца Гладкова, въ какихъ-нибудь два года была устроена тамъ и церковь, со всею утварью, во имя Николая Мүръ-Ликійскаго чудотворца, которая освѣщена преосвященнымъ Самарскимъ Герасимомъ 19 Января 1869 года.

Послѣ обѣда въ Струковскомъ саду, вечеромъ, Царевичъ посѣтилъ находящееся за городомъ кумысо-лѣчебное заведеніе доктора Постникова, заѣзжалъ на дачу купца Анаева, гдѣ также лѣчатся кумысомъ, а на обратномъ пути оттуда, на военномъ плацу, противъ Молоканскаго сада, производилъ смотръ 4-му баталіону Тульскаго полка, выведенному по его приказанію безъ ружей.

Передъ выѣздомъ Его Высочества за городъ сильная буря и страшный песчаный ураганъ пронесся надъ Самарой; но это не помѣшало сопровождающему Царевича доктору Шестову обозрѣть въ этотъ день городскую больницу и лазаретъ резервнаго баталіона.

На другой день, 17 Іюля, утромъ Его Высочество обозрѣвалъ учебныя заведенія и благотворительныя учрежденія г. Самары, а въ 4 часа дня у него въ дворянскомъ домѣ былъ обѣденный столъ, къ которому были приглашены кромѣ лицъ свиты, преосвященный Өеофилъ, Самарскій губернаторъ, вице-губернаторъ, губернскій и уѣздный предводители дворянства, члены губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, губернскій жандармскій штабъ-офицеръ, командиры 4-го резервнаго и 11-го линейнаго баталіоновъ, городской голова, полицеймейстеръ и двое частныхъ лицъ: коллежскій совѣтникъ Чемодуровъ и купецъ Бурѣевъ *).

Въ 6 часовъ вечера Государь Наслѣдникъ удостоилъ благосклоннымъ вниманіемъ выставку мѣстныхъ произведеній, устроенную дворянствомъ и начальствомъ удѣльнаго и казеннаго вѣдомствъ, въ 10 верстахъ отъ г. Самары, по Черновской дорогѣ, гдѣ Царевичу были представлены образцы произведеній Самарской почвы и природы, а также обозрѣвалъ пріемы мѣстнаго

*) Впослѣдствіи въ 1870—1871 гг. Самарскій городской голова.

земледѣлія и опыты съ жатвенной машиной. Не смотря на отдаленность этой мѣстности отъ города, стеченіе народа было столь многочисленно, что препятствовало удобному обозрѣнію производившихся опытовъ. Куда бы ни направился Августѣйшій гость, толпы горожанъ всюду сопровождали его, и громкое „ура" лилось и лилось, не смолкая.

Уже поздно вечеромъ Его Высочество возвратился въ городъ; путь слѣдованія освѣщали на всемъ десятиверстномъ пространствѣ зажженныя смоляныя бочки. По случаю отъѣзда въ этотъ день Царевича народу отъ города было предложено угощеніе

Въ 10 час. вечера Наслѣдникъ Цесаревичъ, сопровождаемый начальникомъ губерніи, губернскимъ предводителемъ дворянства и прочими начальствующими лицами, посреди восторженныхъ кликовъ народныхъ, изволилъ пересѣсть на пароходъ и отбылъ изъ города.

Членъ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи П. Л. Юдинъ.

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ТЕТРАДЕЙ С. М. СУХОТИНА *).

1870-й годъ.

18 Февраля. Провелъ вечеръ съ Евг. Ив. Поповымъ [1]. Разговоръ объ Овербекѣ, противъ котораго возстаютъ большая часть Англиканскаго духовенства и всѣ тѣ, которые дорожатъ государственной церковью; но какъ только Англійская церковь выдетъ изъ подъ вліянія государства, тогда члены уже свободной церкви могутъ, не стѣсняясь внѣшнимъ насиліемъ, разсматривать церковный вопросъ во всей его полнотѣ. Теперь же многіе изъ Англиканскихъ священниковъ были преслѣдуемы Евангеликами за то, что вводили въ храмахъ нѣкоторые восточные символическіе обряды, какъ напр. куреніе ладономъ, зажиганіе свѣчей, иконы, надѣваніе эпитрахили и проч.

20 Февраля. Въ продолженіе Декабря и Января былъ я въ Петербургѣ, откуда вынесъ попрежнему впечатлѣніе пустоты, суеты и невѣжества (ignorance) въ высшихъ кругахъ общественныхъ. Мнѣ пріятно видать тамъ многихъ людей, моихъ пріятельницъ и пріятелей, и я всегда вздыхаю по Петербургу, когда оттуда уѣзжаю; но не желалъ бы я поселиться въ этомъ водоворотѣ и праздномъ движеніи, гдѣ даже высокопоставленные чиновники и министры не имѣютъ времени заняться дѣломъ, т. е. тѣмъ, чѣмъ бы имъ слѣдовало заниматься: такъ ихъ всѣхъ поглощаетъ свѣтская жизнь. Министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ не пропускаетъ почти ни одного Французскаго театра; кн. Урусовъ поминутно во дворцѣ, возвращается домой весьма часто послѣ этихъ свѣтскихъ и придворныхъ удовольствій въ 1-мъ часу ночи, и ночью долженъ приниматься за работу. Какія здравыя мысли могутъ вытекать изъ утомленной головы и изъ разсѣяннаго чувства? Общество ничѣмъ серьезнымъ не интересуется, не можетъ и неспособно

---

*) См. выше, стр. 139.

[1]) Настоятелемъ нашей посольской домовой церкви въ Лондонѣ. См. выше (стр. 5) его письмо къ графу А. П. Толстому. П. Б.

вдохновлять государственныхъ людей. Въ высшихъ сферахъ запрещено говорить о дѣлахъ, и весь разговоръ ограничивается переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее.

20 Мая 1870. Бесѣдовалъ у пр. Леонида съ Юріемъ Вас. Толстымъ[1]) о Гаеерли, Овербекѣ и вообще объ иностранцахъ, принимающихъ Православіе. Толстой говорилъ о томъ, съ какой осторожностью нашъ Синодъ и наши іерархи должны обращаться съ таковыми обращающимися въ Православіе. При этомъ случаѣ онъ разсказывалъ, что одинъ Англичанинъ *James Cristle* обратился къ Сирскому митрополиту съ просьбою о присоединеніи его къ Православіе съ тѣмъ, чтобы потомъ немедленно его возвести въ санъ епископа, на что вселенскій патріархъ не согласился, а дозволилъ его возвести однакожъ до сана архимандрита; черезъ весьма короткое время этотъ архимандритъ *Cristle*, прибывъ въ Дрезденъ, послалъ оттуда къ Вселенскому патріарху протестъ противъ нѣкоторыхъ священныхъ обрядовъ и вѣрованій Православія; напр., онъ отрекается отъ чествованія иконъ, отъ признанія правилъ св. отцевъ. Этотъ Cristle еще до послѣдняго своего обращенія уже разъ переходилъ въ Православіе и сталъ себя называть the Priest of the free Russian Church. Толстой, нимало не сомнѣваясь въ искренности Гаеерли, изъявилъ только опасеніе за послѣдствія, т. е. за достаточность средствъ какъ денежныхъ, такъ и нравственныхъ, для приведенія храма въ надлежащій видъ, для поддержанія онаго, и за совершеніе въ ономъ служенія. Неблаговидно, что Св. Сvнодъ не могъ достаточно обезпечить Гаеерли [2]).

---

[1]) Товарищъ оберъ-прокурора Св. Синода, Ю. В. Толстой обыкновенно по цѣлымъ полугодіямъ исправлялъ должность графа Д. А. Толстаго. П. Б.

[2]) Гаеерли, кажется, до нынѣ здравствуетъ въ Англіи и состоитъ тамъ православнымъ священникомъ. Онъ нѣсколько разъ бывалъ въ Москвѣ и пользовался у насъ всякаго рода гостепріимствомъ. Приводимъ сохранившійся въ бумагахъ С. М. Сухотина списокъ съ прошенія Гаеерли тогдашнему оберъ-прокурору Св. Синода.

„Его сіятельству графу Дмитрію Андреевичу Толстому. Православнаго Англичанина Стефана Гаеерли. Передъ отъѣздомъ моимъ въ Россію, заключено было мною съ общиною Методистовъ условіе, представленное мною при прошеніи въ Святѣйшій Синодъ. Въ этомъ условіи сказано, что сумма 700 фун. стерл. слѣдующая за продажу молитвеннаго дома въ *Вульвергамптонъ*, должна быть внесена не позже Ноября нынѣшняго года. Посему, такъ какъ на поданное мною въ Іюнѣ прошеніе ожидается разрѣшеніе Святѣйшаго Синода, то мнѣ необходимо имѣть разрѣшеніе прежде Ноября, чтобы предпріятіе устройства Православнаго храма могло осуществиться. Въ настоящее время ожидается

22 Августа. Пребываніе Государя въ Москвѣ. Сегодня, находясь въ Петровскомъ дворцѣ, я былъ свидѣтелемъ чтенія самимъ Государемъ двухъ телеграммъ, полученныхъ имъ съ театра войны, гдѣ сообщалось это громадное, неслыханное извѣстіе о сдачѣ Наполеона и капитуляціи арміи Макъ-Магона. Государь читалъ эту телеграмму такимъ громкимъ голосомъ, что глухіе могли даже слышать. На лицѣ его и всей почти свиты была написана радость....

14 Октября. Война да война, вотъ что у всѣхъ на умѣ и на языкѣ. По этому поводу въ Россіи образовались двѣ партіи: одна за Французовъ, другая за Нѣмцевъ; но первая составляетъ большинство, такъ какъ успѣхъ Прусаковъ ужъ слишкомъ громаденъ и доводитъ до тошноты. Увидимъ, что́ будетъ! По обыкновенію я былъ въ Сентябрѣ въ деревнѣ, у себя въ Козловкѣ, потомъ охотился, какъ водится, въ Ломцахъ, Кирикахъ, Тепломъ и Гладкомъ, много встрѣтилъ помѣщиковъ, болѣе мелкопомѣстныхъ, и много слышалъ разныхъ уѣздныхъ сплетень, изъ чего можно придти къ грустному заключенію, что наше современное дворянское общество весьма туго развивается и крайне мало интересуется своими земскими дѣлами. Судебная реформа даже проходитъ для этого общества довольно незамѣтно. Къ несчастью, на должность мировыхъ судей смотрятъ, какъ на статью дохода, и священный огонь, загорѣвшійся въ началѣ крестьянской реформы, тлѣетъ теперь въ нѣкоторыхъ, весьма рѣдкихъ, представителяхъ дворянскаго сословія. Мнѣ кажется, что всѣ впали въ летаргическій сонъ, и никому почти до общественнаго блага никакого нѣтъ дѣла. Не дай Богъ намъ теперь вести войну! Полководцевъ у насъ нѣтъ, дисциплина въ арміи ослабла, офицеры крехтятъ на свою бѣдность; и какъ требовать отъ нихъ героизма, когда точно у нихъ шишъ въ карманѣ? Всякое живое, особенно патріотическое слово, преслѣдуется въ Петербургѣ даже и тамошней журналистикой. Министры тоже заснули; прокуроръ Св. Синода графъ Толстой тормозитъ всякое доброе начинаніе. Напр. преосвященному Іоанну, назначенному въ Америку, сократили жалованье на 3000 р., и онъ бѣдный, какъ носится слухъ,

---

мною разрѣшеніе только на покупку означеннаго молитвеннаго дома; что же касается до вопросовъ относительно приспособленія его къ православному богослуженію и устройству при немъ причта, то для ходатайства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ устроеніи этихъ предметовъ я готовъ снова пріѣхать въ Россію съ болѣе спокойнымъ духомъ, когда первый шагъ къ созиданію православнаго храма будетъ уже сдѣланъ. Стефанъ Г. Гаѳерли. Москва, 12 Сентября 1869 г.“

принужденъ былъ, за недостаткомъ средствъ, оставить въ Лондонѣ походную церковь и отправился въ путь на пароходѣ во 2-мъ классѣ. Что за срамъ, и почему это дѣлается—непонятно!

16 Октября. Провелъ вечеръ у сосѣда С. М. Соловьева[1]. Тамъ было много профессоровъ. Герье мнѣ очень понравился. Конечно, разговоръ шелъ о сдачѣ Базена. Вообще общественное мнѣніе раздражено противъ звѣрства Прусаковъ, этихъ новыхъ Гунновъ. Слухъ объ адресѣ 200 Лифляндскихъ бароновъ къ королю Вильгельму начинаетъ подтверждаться; говорятъ, что король препроводилъ оный къ нашему Государю, который будто сильно разгнѣвался. Дай Богъ, чтобъ этотъ гнѣвъ былъ продолжительнѣе.

18 Октября. Былъ въ концертѣ въ пользу студентовъ, гдѣ пѣла Александрова съ хоромъ прелестную Славянскую пѣсню—*Тече вода.* Вечеромъ читалъ Милютинымъ «Степнаго Короля Лира»[2], гдѣ вообще много прекрасныхъ мѣстъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ много и растянутости, и потомъ Тургеневъ подобралъ слишкомъ много похожихъ подробностей на Короля Лира (Шекспира). Вообще эта повѣсть грубовата. Передъ обѣдней я слушалъ съ великимъ удовольствіемъ бесѣду нашего приходскаго священника, гдѣ между прочимъ онъ очень правильно объяснялъ слова Христа: Я пришелъ не разорить, но исполнить законъ.

Октября 20. Обѣдалъ у князя Н. И. Трубецкаго съ принцемъ Ольденбургскимъ. Начинаютъ поговаривать объ убійствѣ Базена и о протестѣ арміи противъ капитуляціи. Желательно бы это было!

21 Октября. Вечеромъ былъ на засѣданіи Общества Политехнической выставки, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Алексѣя Александровича, объявившаго, что Государь Императоръ согласенъ и сочувствуетъ учрежденію въ Москвѣ Политехническаго Музея. Вотъ что значитъ вести дѣло умно и отъ всего сердца! Главными двигателями въ этомъ дѣлѣ были конечно Анатолій Петровичъ Богдановъ и князь Черкаскій. Великій Князь Алексѣй очень симпатиченъ.

22 Октября. Обѣдалъ сегодня у Великаго Князя Алексѣя Александровича, вмѣстѣ съ нѣкоторыми членами Политехнической выставки.

---

[1]) С. М. Соловьевъ и С. М. Сухотинъ жили рядомъ въ Денежномъ переулкѣ, въ домѣ дворцоваго вѣдомства. Изъ нихъ первый служилъ директоромъ Оружейной Палаты, а второй совѣтникомъ Московской Дворцовой Конторы. П. Б.

[2]) С. М. Сухотинъ владѣлъ даромъ читать въ слухъ, и превосходное его чтеніе произведеній Тургенева и графа Л. Н. Толстаго многимъ доселѣ памятно. П. Б.

Вечеромъ былъ у Аксаковыхъ. Конечно, разговоръ шелъ о политикѣ, о несчастномъ Прусскомъ настроеніи. Изъ подобострастія къ Государю, всѣ почти министры и придворные сочувствуютъ Прусскимъ успѣхамъ и говорятъ тономъ Нѣмецкихъ газетъ, порицая Парижское временное правленіе за упорство въ защитѣ. Но общественное мнѣніе и наша армія, напротивъ, все болѣе и болѣе озлобляются противъ Нѣмцевъ, противъ ихъ жестокостей и варварской безпощадности относительно Франціи. Всѣ почти въ Россіи предвидятъ въ скоромъ времени грозныя для насъ событія и безпокоятся о томъ, что наше правительство ничего, кажется, не извлечетъ изъ громадныхъ современныхъ событій, не воспользуется этимъ ослабленіемъ двухъ державъ для того, чтобъ уничтожить Парижскій трактатъ и ввести нужныя реформы въ Остзейскихъ губерніяхъ, т. е. судебную и надѣленіе крестьянъ землею; объ этомъ трубятъ «Московскія Вѣдомости», «Голосъ» и даже «Вѣстникъ Европы», всегда подтрунивающій надъ Московскимъ патріотизмомъ. Видно, намъ нужно ожидать грома, чтобъ перекреститься; но тогда не поздно ли будетъ?

23 Октября. Сегодня въ концертѣ Музыкальнаго Общества превосходно игралъ Антонъ Рубинштейнъ прелестный концертъ A-moll, Шумана. Во 2-й симфоніи Бетховена мнѣ особенно понравились адажіо и финалъ. Зала была биткомъ набита.

31 Октября. Вечеръ провелъ у Милютиныхъ, съ самыми для меня пріятными людьми: Ю. Самаринымъ, княземъ Черкаскимъ и Аксаковымъ. По слухамъ изъ Петербурга, настроеніе молодежи вообще, а военной въ особенности, самое анти-Прусское. При открытіи безобразнаго Orpheum, т. е. café chantant en grand, тамъ произошелъ слѣдующій скандалъ. Какія-то Нѣмки вышли на сцену танцовать; при ихъ появленіи публика заорала: Подавай намъ Русскихъ!... Тогда полиція, уже обруганная, удалила этихъ танцовщицъ, и на сцену появились какія-то Русскія плясуньи, успокоившія разсвирѣпѣвшую публику. Вообще жестокости Нѣмецкой арміи производятъ на Русскую публику самое раздражительное впечатлѣніе; а воззваніе къ Русской благотворительности о высылкѣ полушубковъ Нѣмецкимъ солдатамъ тоже неблагопріятно дѣйствуетъ на нашъ простой народъ.

2 Ноября. Вчерашняя телеграмма съ заявленіемъ нашихъ посланниковъ въ Вѣнѣ, Лондонѣ и Константинополѣ о прекращеніи Парижскаго трактата 1856 года*), хотя и не оффиціальная, произвела нынче

---

*) По желанію покойнаго Государя Александра Николаевича, бумага съ этимъ заявленіемъ была означена числомъ *19 Октября*: черта трогательная, свидѣтельствующая о той

тревогу на Московской биржѣ и въ здѣшнихъ банкахъ: всѣ бумаги еще больше упали. Начинаютъ поговаривать о войнѣ, только съ кѣмъ? Если Россія разрываетъ Парижскій трактатъ, то надо ей заводить флотъ въ Черномъ морѣ и опять воскрешать Севастополь, дабы это уничтоженіе трактата не звучало пустой фразой; теперь же въ Николаевѣ строятся только два военныхъ корабля, которые могутъ быть готовы не ранѣе 1872 года. Если же противъ Россіи составится коализація изъ Турціи, Австріи, Англіи и Швеціи, то мы должны опасаться какъ-бы не компрометировать себя въ отношеніи къ Славянамъ, которымъ, пожалуй, посовѣтуемъ держать себя покойно, и не воспользуемся ихъ стремленіемъ къ Россіи, все изъ опасенія революціоннаго движенія. Наша судьба все мѣшкать и дѣйствовать полумѣрами.

4 Ноября. Сегодня получена оффиціальная телеграмма о рѣшеніи Государя заводить флотъ въ Черномъ морѣ. Что-то изъ этого выйдетъ? Вчера Н. А. Милютинъ разсказывалъ мнѣ, что, являясь къ Государю прошлой весной по возвращеніи своемъ изъ чужихъ краевъ, онъ сообщилъ Его Величеству о томъ непріятномъ впечатлѣніи, которое производили на всѣхъ Русскихъ за границей успѣхи Нѣмецкой арміи, и что, наконецъ, большая частъ Русскихъ боятся, какъ-бы Нѣмцы, опъяненные успѣхомъ, не пришли бы впослѣдствіи и въ Россію.

8 Ноября. Вездѣ конечно толкуютъ о Русской нотѣ. Большинство людей умныхъ ей недовольны. Катковъ мнѣ говорилъ сегодня, что Россія вдругъ, безъ всякаго повода, выскочила съ своимъ заявленіемъ, надѣлала много шуму изъ ничего, а предпринять что нибудь рѣшительное не можетъ. Слѣдовало бы давно начать строить флотъ *); и еслибъ насъ кто о томъ спросилъ, то Русское правительство могло отвѣчать, что оно дѣйствуетъ по примѣру другихъ великихъ державъ, уже неоднократно нарушавшихъ Парижскій трактатъ; тогда бы только оно могло весьма основательно сдѣлать предложеніе о пересмотрѣ этого пресловутаго трактата.

9 Ноября. Изъ Петербурга пишутъ, что Государь и высшій міръ недовольны настроеніемъ Москвы, а въ особенности тономъ «Москов-

---

памяти сердца, которою въ высокой степени одаренъ былъ Государь. Это день основанія Царскосельскаго лицея, первымъ воспитанникомъ котораго былъ тогдашній государственный канцлеръ князь А. М. Горчаковъ. П. Б.

*) Объ этомъ энергически писалъ Погодинъ еще въ 1856 году; но печатно выразить эту мысль не было ему дозволено. П. Б.

скихъ Вѣдомостей». Даже присланъ былъ сюда на-дняхъ членъ Петербургскаго цензурнаго комитета Веселаго, для усовѣщиванья и приглашенія Каткова и Гилярова перемѣнить ихъ политическій тонъ и настроить ихъ лиру на радостную музыку по поводу Русской деклараціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ не возбуждать національнаго чувства.

10 Ноября. Сегодня другіе слухи изъ Петербурга, гдѣ, какъ сказывалъ мнѣ очевидецъ А. В., въ обществѣ всѣ ропщутъ на боязливую и туманную выходку нашего кабинета. Иниціатива деклараціи принадлежитъ рѣшительно самому Государю. Говорятъ, что Бисмаркъ остался недоволенъ нашей деклараціей, удивляясь нашей смѣлости, и что будто Государь написалъ королю Прусскому письмо, гдѣ онъ изъявляетъ свое неудовольствіе по поводу выходки Прусскаго министра.

16 Ноября. Сейчасъ возвратился съ предварительнаго собранія у князя Черкаскаго, гдѣ обсуждался проектъ адреса по поводу Русской деклараціи. Засѣданіе эго произвело на меня самое отрадное впечатлѣніе и возбудило тотъ священный огонь, который возгорается, когда слушаешь откровенную, честную и разумную бесѣду. Всѣ согласны были въ необходимости для Думы подать адресъ, въ виду политическихъ событій, особенно для Москвы, на которую, въ важныхъ политическихъ событіяхъ, привыкла обращать вниманіе даже Европа, теперь особенно чуткая ко всему серьозному чтó совершается въ Россіи. Самаринъ говорилъ прекрасно. Заявивъ, что онъ одинъ не сочувствуетъ поданію адреса, онъ кончилъ рѣчь тѣмъ, что подчиняется все таки большинству и готовъ всѣми силами содѣйствовать успѣху этого адреса. Причинами его несочувствія извѣстной деклараціи были: 1) несвоевременность, т. е. что Россія могла бы прежде приступить къ постройкѣ флота въ Черномъ морѣ, не вызывая теперешняго Европейскаго гама. 2) Неприготовленность наша къ войнѣ и, наконецъ, наши внутреннія неустройства. Когда зашла о нихъ рѣчь, то тутъ, особенно по поводу стѣсненія нашей Православной Церкви и совѣсти, онъ разразился благороднымъ негодованіемъ и великолѣпнымъ словомъ противъ учрежденія Синода, противъ преслѣдованія раскола полицейскими мѣрами и противъ всѣхъ тѣхъ язвъ и безобразій, отъ которыхъ страждетъ всякое благородное Русское сердце.

Адресъ великолѣпный: онъ звучитъ правдой, честью и настоящей, не лакейской, преданностью Государю, исполненному чистыхъ и благородныхъ влеченій... [1])

---

[1]) Приводимъ этотъ пресловутый адресъ Московской Городской Думы, написанный И. С. Аксаковымъ и тогда же намъ сообщенный. Онъ нынѣ сдѣлался вполнѣ достояніемъ исторіи.

17 Ноября. Сегодня въ общемъ собраніи Думы адресъ принятъ съ полнымъ единодушіемъ, но не съ восторгомъ; полагаю, что причиной тому самая неопредѣленность мотивовъ, подавшихъ поводъ къ представленію адреса. Въ купечествѣ замѣтно несочувствіе къ новой общей воинской повинности, которое и было выражено на предварительномъ собраніи у князя Черкаскаго купцомъ Найденовымъ, хотя въ пользу оной выражались одобрительные, симпатичные голоса А. К. Крестовникова и С. М. Третьякова. Послѣ засѣданія Думы, мы, т. е. Самаринъ, князь Щербатовъ и Аксаковъ собрались у Милютиныхъ, куда послѣ

Всемилостивѣйшій Государь!

15 лѣтъ терпѣливо сносила Россія униженіе небывалое, въ твердомъ упованіи, что, возрастая непрерывно подъ верховнымъ Вашимъ радѣніемъ, она возвратитъ себѣ во время благопотребно и свободу, и силу, и достодолжный почетъ въ сношеніяхъ внѣшнихъ. По внушенію Вашей царственной совѣсти Вы рѣшили, Государь, что эта пора нынѣ настала, что приспѣлъ часъ для Россіи, и именно теперь, стряхнуть незаконныя узы, положенныя на нее врагами. Вы не потаенно, а въявь отвергли нѣкоторыя статьи Парижскаго трактата, уже давно всецѣло разодраннаго и попраннаго тѣми самыми, кто создалъ этотъ трактатъ во вредъ Россіи. Ваше слово, торжественно сказанное во имя Русской земли и народа, не останется однимъ лишь словомъ; оно обратится въ дѣло несокрушимое. Какія бы испытанія ни грозили намъ нынѣ, они, мы увѣрены, не застанутъ Россію неприготовленною; они несомнѣнно всегда найдутъ Россію тѣсно сомкнутою вокругъ Вашего Престола. Но съ большею вѣрою, чѣмъ въ прежнее время, глядитъ нынѣ Россія на свое будущее, слыша въ себѣ непрестанно духовное обновленіе. Каждое изъ Вашихъ великихъ преобразованій, совершенныхъ, совершаемыхъ и чаемыхъ, служитъ для нея, а вмѣстѣ съ нею и для Вашего Величества, источникомъ новой крѣпости. Никто не стяжалъ такихъ правъ на благодарность народа какъ Вы, Государь, и никому не платитъ народъ такою горячею признательностію. Отъ Васъ принялъ онъ даръ, и въ Васъ же Самихъ продолжаетъ онъ видѣть надежнѣйшаго Стража усвоенныхъ ему вольностей, ставшихъ для него отнынѣ хлѣбомъ насущнымъ. Отъ Васъ однихъ ожидаетъ онъ довершенія Вашихъ благихъ начинаній и первѣе всего простора мнѣнію и печатному слову, безъ котораго никнетъ духъ народный и нѣтъ мѣста искренности и правдѣ въ его отношеніяхъ къ власти, свободѣ церковной, безъ которой недѣйствительна и сама проповѣдь, наконецъ, свободѣ вѣрующей совѣсти, этого драгоцѣннѣйшаго изъ сокровищъ для души человѣческой.

Государь! Дѣла внѣшнія и внутреннія связуются неразрывно. Залогъ успѣха въ области внѣшней лежитъ въ той силѣ народнаго самосознанія и самоуваженія, которую вноситъ государство во всѣ отправленія своей жизни. Только неуклоннымъ служеніемъ началу народности, укрѣпляется государственный организмъ, стягиваются съ нимъ его окраины и созидается то единство, которое было неизмѣннымъ историческимъ завѣтомъ Вашихъ и нашихъ предковъ и постояннымъ знаменемъ Москвы отъ начала ея существованія. Подъ этимъ знаменемъ, Государь, по первому Вашему зову всѣ сословія народныя соберутся, и нынѣ же безъ различія званій, дружною ратью, въ непоколебимой надеждѣ на милость Божію, на правоту дѣла и на Васъ. Довѣріе со стороны Царя къ своему народу, разумное самообладаніе въ свободѣ и честность въ покорности со стороны народа, взаимная неразрывная связь Царя и народа, основанныя на общеніи народнаго духа, на согласіи стремленій и вѣрованій—вотъ наша сила; вотъ что поможетъ Россіи совершить ея великое историческое призваніе. Да, Государь! «Вашей волѣ», скажемъ мы въ заключеніе словами нашихъ предковъ въ отвѣтѣ ихъ первовѣнчанному предку Вашему въ 1642 году, «Вашей волѣ готовы мы служить и достояніемъ нашимъ, и кровью»; а наша мысль такова. (110 подписей гласныхъ Московской Общей Думы. 17 Ноября 1870 года. Москва).

пріѣхалъ и князь Черкаскій отъ генералъ-губернатора, который былъ въ восторгѣ отъ нашего адреса. Что-то будетъ дальше?

21 Ноября. Многіе изъ чиновныхъ лицъ въ Москвѣ недовольны думскимъ адресомъ въ особенности князь Н. И. Трубецкой, что̀ и весьма понятно. Нѣкоторые купцы, подписавшіе адресъ, тоже струхнули. Однимъ словомъ, тревожное ожиданіе!

26 Ноября Горькая участь постигла адресъ думы. На дняхъ была получена генералъ-губернаторомъ депеша отъ министра внутреннихъ дѣлъ съ строгимъ внушеніемъ всѣмъ редакторамъ Московскихъ газетъ, дабы они не смѣли печатать этого адреса. А потомъ князь Долгоруковъ получилъ частное письмо отъ министра, въ которомъ послѣдній пишетъ, что онъ не нашелъ возможнымъ представить этого адреса Государю. Въ Петербургѣ всѣ, и князь Горчаковъ, бранятъ нашу думу, и въ особености князя Черкаскаго за составленіе подобнаго адреса. Здѣсь тоже въ Москвѣ очень немногіе ему сочувствуютъ [1]. Полагаютъ даже, что Государь отложилъ свою поѣздку въ Москву, по причинѣ этого адреса; это выразилъ мнѣ сегодня и князь Трубецкой, сказавъ весьма энергически: que le daible emporte l'adresse que vous avez signée, et celui qui l'a écrite[2]. Однимъ словомъ, поднялся гамъ и шумъ. Князь Черкаскій имѣетъ смущенный видъ, quoiqu'il fasse bonne mine au mauvais jeu! [3]).

27 Ноября. Сегодня вечеромъ прибыла въ Москву Императрица, проѣздомъ изъ Крыма въ Петербургъ. Она всегда такъ любезна, привѣтлива и держитъ себя съ такимъ граціознымъ достоинствомъ. Со всѣхъ сторонъ опять слышно, что нашъ адресъ остановилъ Государя; а иначе онъ бы пріѣхалъ въ Москву.

28. Шталмейстеръ Озеровъ меня тоже увѣрялъ, что нашъ адресъ причиной тому, что Государь въ Москву не поѣдетъ. Но дѣло объяснилось: Императрица объявила княгинѣ Луизѣ Трофимовнѣ Голицыной, что причиной неприбытія Государя въ Москву совсѣмъ не пресловутый адресъ, а болѣзнь князя Горчакова; это она повторила и А. Ѳ. Аксаковой.

1 Декабря. Вечеромъ у Мещерскихъ я защищалъ адресъ; но защита эта очень трудна, такъ какъ нападающіе глядятъ совершенно

---

[1]) Одинъ изъ значительныхъ представителей купечества тогда же восклицалъ: это не адресъ, а передовая статья запрещенной газеты. П. Б.

[2]) Чортъ побери адресъ, вами подписанный, и того, кто его написалъ.

[3]) Придаетъ благовидность неудачѣ.

съ другой точки зрѣнія. Княгиня Е. С. Мещерская *), разумная женщина; съ ней можно спорить безъ раздраженія.

Въ публикѣ начинаютъ быть недовольны уклончивымъ тономъ депешъ нашего канцлера князя Горчакова и опасаются, какъ бы на будущей конференціи мы не были слишкомъ уступчивы.

4 Декабря. Судьба нашего адреса рѣшена. Генералъ-губернаторъ препроводилъ оный при бумагѣ къ городскому головѣ, объясняя, что министръ не счелъ возможнымъ представить оный Государю. Однимъ словомъ, этотъ адресъ канулъ въ лету. Вчера я видѣлъ П. Н. Батюшкова, только что возвратившагося изъ Петербурга; онъ разсказывалъ, что тамъ, кромѣ Ѳ. И. Тютчева, всѣ бранятъ насъ за адресъ и въ особенности удивляются, что князь Черкаскій его допустилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ никто не хочетъ понять, что въ адресѣ выражена новая программа, и что заявленныя въ немъ пожеланія, черезъ нѣсколько лѣтъ, вѣроятно, покажутся очень естественными. Такого рода первыя заявленія должны звучать рѣзко передъ правительствомъ, которое на первыхъ порахъ, хотя и сдѣлаетъ, вѣроятно, нѣсколько шаговъ назадъ, но потомъ начнетъ мало по малу привыкать къ непріятнымъ рѣчамъ; и, наконецъ, освоившись съ этими мыслями, приступитъ къ желаннымъ реформамъ.

11 Декабря. Сегодня вечеромъ, на частномъ собраніи, у губернскаго предводителя князя Александра Васильевича Мещерскаго, рѣшилась судьба того адреса, объ которомъ онъ такъ хлопоталъ въ продолженіе этихъ послѣднихъ десяти дней. Всѣ гласные и даже все общество говорили только объ этомъ зарождающемся адресѣ. Я рѣшился заранѣе его не подписывать, согласно съ прочими гласными изъ Думы, такъ какъ я подписалъ думскій адресъ и не былъ доволенъ вмѣстѣ съ многими дѣйствіями князя Мещерскаго въ этомъ случаѣ. Сегодня вечеромъ князь Мещерскій съ самаго начала утопилъ этотъ адресъ, успѣхъ котораго такъ близко касался его сердца. При первой постановкѣ вопроса: сочувствуютъ ли гласные вообще подачѣ адреса, онъ поднялъ, Богъ знаетъ почему, вопросъ о думскомъ адресѣ, объявивъ, что въ публичномъ собраніи никому не слѣдуетъ объ ономъ упоминать. Тогда Ю. Ѳ. Самаринъ спросилъ его, можетъ ли онъ, при публичномъ обсужденіи адреса, такимъ образомъ формулировать свой отказъ отъ подписанія онаго: такъ какъ ему извѣстно, что думскій

---

*) Урожденная графиня Строганова, недавно скончавшаяся супруга тогдашняго губернскаго предводителя Московскаго дворянства князя А. В. Мещерскаго. П. Б.

адресъ, имъ подписанный, не дошелъ до своего назначенія и возвращенъ посредствующимъ лицомъ, т. е. министромъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему неизвѣстенъ взглядъ этого посредствующаго лица на подачу и характеръ адресовъ вообще, то по этой самой причинѣ онъ и воздерживается отъ подписанія предлагаемаго ему адреса. Въ этомъ же родѣ говорилъ и князь Щербатовъ. Въ отвѣтъ на это председатель отвѣчалъ, что онъ допустить такого заявленія не можетъ. Потомъ эти господа, послѣ различныхъ заявленій, неоднократно спрашивали князя Мещерскаго о томъ же; и когда сей послѣдній имъ сказалъ, что они своимъ отвѣтомъ будутъ насиловать большинство, то поднялся въ залѣ шумъ, и нѣкоторые съ угрожающими жестами закричали: нѣтъ, это вы, князь, насилуете гласныхъ! Потомъ Самаринъ, взявъ шляпу, сказалъ, что ему слѣдуетъ уѣхать: больше тутъ дѣлать нечего. Тутъ явился нѣсколько примирительнымъ элементомъ Д. Д. Голохвастовъ, который стоялъ за подачу адреса, только другаго содержанія; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ, что готовъ отказаться отъ всякаго адреса, не желая жертвовать не только меньшинствомъ, но даже хотя однимъ гласнымъ. Наконецъ, собраніе, начинавшее превращаться въ Вавилонское столпотвореніе, видя, что настаивать на подачѣ адреса было невозможно, объявило вмѣстѣ съ предсѣдателемъ, что мысль объ адресѣ надо оставить. Мы всѣ разъѣхались подъ весьма тяжелымъ впечатлѣніемъ. Тутъ я особенно почувствовалъ разницу между веденіемъ дѣла кн. Черкаскимъ о думскомъ адресѣ, и тѣмъ, чему я былъ свидѣтелемъ. На предварительномъ засѣданіи у князя Черкаскаго мы всѣ были одушевлены искреннимъ гражданскимъ чувствомъ, любовью къ отечеству и къ Государю; всѣ были единодушны, потому что у всѣхъ звучала правда на душѣ; и хотя многіе изъ насъ понимали, что адресъ нашъ будетъ принятъ неблагосклонно, но мы были убѣждены, что пожеланія наши со временемъ не пропадутъ даромъ. Имѣя этотъ адресъ за собой, Русскій представитель на Лондонскихъ конференціяхъ могъ бы смѣло заявить о томъ негодованіи, которое раздѣляетъ Русское общество по поводу унизительнаго Парижскаго трактата. Къ несчастію, наше Петербургское и Московское общество оказалось весьма еще незрѣлымъ, извергая свое негодованіе противъ думскаго адреса. А большая часть опонентовъ говорятъ, что дума поступила безтактно, заявивъ преждевременно и не кстати о своихъ желаніяхъ. У нихъ надо спросить: да когда-же такого рода заявленія будутъ своевременны? Жертвой адреса является конечно одинъ князь Черкаскій, и всѣ Русскіе люди должны сожалѣть о томъ, что ему теперь надолго закрыта министерская карьера.

12 Декабря. Сегодня, послѣ всенощной, преосв. Леонидъ разсказывалъ, что онъ получилъ письмо отъ Флоридскаго епископа Юнга, который жалуется на молчаніе и упорное безучастіе нашего Синода въ дѣлѣ сближенія Американской Англиканской церкви съ нашею. Онъ также вмѣстѣ съ своими единомышленниками смущенъ пребываніемъ нашего Аляскинскаго и Ситхинскаго епископа въ С. Франциско, такъ какъ они полагаютъ, что Русскій Синодъ сомнѣвается въ дѣйствительности рукоположенія Англиканскихъ епископовъ. Слѣдовало бы Синоду отправить въ С. Франциско епископа, обезпеченнаго хорошимъ содержаніемъ, съ большимъ приличнымъ штатомъ, съ хоромъ пѣвчихъ, дабы онъ могъ совершать служеніе съ подобающимъ велелѣпіемъ; а то отправили туда несчастнаго Іоанна, почти силой, человѣка, какъ говорятъ, весьма обыкновеннаго, безъ призванія, съ бѣднымъ содержаніемъ и безъ всякаго почти штата. У насъ всегда такъ, Синодъ нашъ, а тѣмъ болѣе оберъ-прокуроръ, рѣшительно не интересуются тѣмъ, чѣмъ бы имъ слѣдовало интересоваться.

14 Декабря. Провелъ вечеръ у Черкаскихъ съ весьма образованнымъ и любезнымъ Англичаниномъ Sir Charles Dilk, членомъ парламента, представителемъ части города Лондона Chelsea. Онъ говорилъ, что католичество сильно распространяется въ Лондонѣ, и что въ его округѣ устроено 14 монастырей. Этотъ Dilk путешествовалъ недавно по Франціи, былъ на полѣ битвы Вёрте, гдѣ Французы, за неимѣніемъ шпіоновъ, были застигнуты совершенно врасплохъ.

15 Декабря. Сегодня закрыто Земское Собраніе, и вопросъ объ адресѣ уже болѣе не возобновлялся. Князь Долгоруковъ возвратился изъ Петербурга и, послѣ головомойки, былъ приглашенъ обѣдать къ Государю, такъ что онъ утѣшился и остается здѣсь ген.-губернаторомъ. Но съ княземъ Черкаскимъ Государь еще, я полагаю, не скоро примирится. Разсказываютъ, что Государь будто сказалъ министру Зеленому, который, въ прошломъ году, просилъ себѣ въ товарищи князя Черкаскаго: «Я тебѣ говорилъ, что Черкаскій тебѣ въ товарищи не годится; вотъ что онъ надѣлалъ»; потомъ, прощаясь съ Зеленымъ, отъѣзжающимъ въ Москву, онъ шутя ему сказалъ: «Въ Москвѣ ты вѣроятно увидишь своихъ друзей Самарина и Черкаскаго». Вечеромъ заѣзжалъ къ Сушковымъ; они тихо грустятъ о Николаѣ Ивановичѣ Тютчевѣ*), умершемъ 9-го Декабря отъ удара въ Англійскомъ клубѣ.

*) Это старшій братъ поэта (см. трогательные стихи Ѳ. И. Тютчева на его кончину). Сестра ихъ, Дарья Ивановна, была супругою Н. В. Сушкова. У нихъ въ домѣ, украшенномъ пребываніемъ племянницы Е. Ѳ. Тютчевой, собиралось въ теченіи многихъ лѣтъ лучшее Московское общество. П. Б.

16 Декабря. Обѣдалъ у Черкаскихъ съ министромъ Зеленымъ, который весьма добрый и симпатичный человѣкъ. Тамъ обѣдалъ тоже Charles Dilk, съ которымъ мы толковали о церковномъ вопросѣ; онъ говорилъ конечно противъ зависимости Англиканской церкви отъ государства, вслѣдствіе чего являются такія странныя столкновенія и компромиссы. По его мнѣнію, тогда только Англиканская церковь можетъ сблизиться съ Греко-православной, когда опека государственная будетъ снята.

18 Декабря. Братья возвратились изъ Тулы съ выборовъ и разсказывали, какъ большинство тамошняго дворянства еще вѣруетъ въ какія-то сословныя привилегіи, чему доказательствомъ служитъ и единодушный выборъ Минина, этого добраго, но недалекаго старика, котораго считаютъ защитникомъ этихъ привилегій. Говорятъ, что и Лонгиновъ попрежнему протестуетъ противъ хорошей стороны дѣйствительности. Здѣсь всѣ толкуютъ о какомъ-то заговорѣ въ Петербургѣ, въ родѣ Караказовскаго дѣла, объ арестованіи профессора изъ Лѣсной Академіи Энгельгардта, распекавшаго нѣкоторыхъ своихъ слушателей за то, что они бываютъ у исповѣди и причастія, и потомъ еще объ арестованіи одной г. Воейковой, отъявленной нигилистки. Во всякомъ случаѣ эти разсказы кажутся мнѣ преувеличенными.

24 Декабря. Эти всѣ дни не успѣлъ ничего записать, потому что былъ поглощенъ однимъ событіемъ для мень весьма непріятнымъ. Въ прошлую Субботу, 19-го, когда я уѣхалъ съ коммиссіей въ Коломну, присылалъ за мной князь Н. И. Трубецкой; но я къ нему могъ явиться только въ Воскресенье, въ 10 утра. Онъ вышелъ ко мнѣ весьма торжественный, мрачный и угрюмый, и прочелъ мнѣ слѣдующее конфиденціальное письмо отъ министра двора графа А. В. Адлерберга.

«М. г. князь Николай Ивановичъ! Государь Императоръ, извѣстясь частнымъ образомъ о содержаніи адреса Московскаго городскаго общества, составленнаго въ неумѣстной и неприличной формѣ, и что въ подписаніи онаго участвовали также совѣтники Московской Дворцовой Конторы, въ званіи камергера д. с. с. Сухотинъ и д. с. с. Агеевъ, изволилъ повелѣть мнѣ сдѣлать имъ за таковой поступокъ ихъ надлежащее внушеніе. О таковой высочайшей волѣ сообщая вашему сіятельству, я при этомъ не могу не выразить крайняго сожалѣнія своего о неизвинительной неосмотрительности въ объясненномъ случаѣ со стороны упомянутыхъ лицъ. 15 Декабря 1870 года. Графъ Александръ Адлербергъ». По прочтеніи этого письма, князь Трубецкой, конечно, отъ себя, дѣлалъ разныя замѣчанія и сказалъ мнѣ посовѣтоваться съ Агеевымъ, который былъ болѣнъ, на счетъ нашего образа дѣйствія. Съ Агеевымъ мы пришли къ тому заключенію, что напишемъ каждый

порознь къ князю Трубецкому письмо, гдѣ выразимъ нашу глубокую скорбь по поводу высочайшаго внушенія, и больше ничего говорить не будемъ. Я такъ и сдѣлалъ, а Агеевъ приписалъ тутъ разныя ненужныя оправданія и ложный стыдъ, и слишкомъ поспѣшное предложеніе городскимъ головой подписать адресъ. У Агеева, сколько я за нимъ примѣчалъ, никогда не выражается твердаго нравственнаго убѣжденія; онъ всегда виляетъ въ разныя стороны и, главное, хочетъ себя выказать съ выгодной стороны, чтò ему не удается при этомъ восхваленіи самого себя. Но князь Трубецкой поставилъ насъ обоихъ въ весьма затруднительное положеніе, требуя настойчиво, чтобъ мы оставили Думу, и вышли изъ общества гласныхъ. Il est plus monarchique que le roi*). Не взирая на наши спокойные доводы, онъ больше горячился и говорилъ только одно: плевать мнѣ на мнѣніе Думы! Не знаю, чѣмъ еще кончится это дѣло, а придется мнѣ вѣроятно прекратить тамъ мои занятія. Все это очень глупо и досадно. Увидимъ! Изъ смысла сдѣланнаго намъ внушенія ясно видно, что приступъ и форма первой фразы адреса болѣе всего подѣйствовали неблагопріятно. Адресъ думскій сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ пугала, какимъ-то страшилищемъ, чумой; и жалко, что князь Черкаскій себѣ сломалъ шею въ отношеніи своей будущей карьеры. Въ этомъ смыслѣ я недавно читалъ одно весьма умное письмо изъ Петербурга.

27 Декабря. Провожу эти дни въ дѣланіи визитовъ, чтó весьма скучно. Сегодня нашъ священникъ въ своей бесѣдѣ касался весьма живыхъ вопросовъ: онъ возставалъ противъ злоупотребленій, которыя вывело наше общество изъ самыхъ прекрасныхъ первоначальныхъ христіанскихъ обычаевъ, какъ напр. поздравленія съ праздникомъ и рысканіе духовенства по городу съ славеньемъ или съ крестомъ, началомъ или источникомъ чего была радость пастырей и волхвовъ о рожденіи Спасителя, и вѣсть женъ Мѵроносицъ о воскресеніи Христа, превратившись теперь въ корыстолюбивыя путешествія священниковъ по городу и въ мотанья съ визитами свѣтскихъ людей, въ ущербъ посѣщенію храма. Потомъ въ проповѣди своей онъ, олицетворяя въ Иродѣ грѣхъ, ложь и всякую мерзость, уподобилъ дѣтей, убіенныхъ имъ въ Виѳлеемѣ, тѣмъ чистымъ христіанскимъ мыслямъ, стремленіямъ и порывамъ, которыя посѣщаютъ всякую грѣшную душу, но которыхъ грѣхъ поражаетъ и избиваетъ, дабы онѣ не смущали его царства. Я замѣчаю только, что эти духовныя бесѣды не совсѣмъ понятны для большинства публики, и нужно ихъ принаровить къ разнообразной толпѣ слушателей.

*) Онъ болѣе монархистъ, чѣмъ самъ король.

28 Декабря. Обѣдъ въ Комиссаровской школѣ, гдѣ князь Черкаскій произнесъ прекрасный спичъ въ пользу заведеній, учреждающихся, подъ шумокъ, т. е. безъ всякихъ громкихъ объявленій и пышныхъ фразъ. Вечеръ у Черкаскихъ, гдѣ происходилъ преинтересный диспутъ о податномъ вопросѣ между княземъ Черкаскимъ, Ю. Ѳ. Самаринымъ, княземъ Александромъ Иларіоновичемъ Васильчиковымъ и Борисомъ Чичеринымъ, который горячо стоялъ за право земствъ обсуждать государственный бюджетъ и ставилъ ни во что предоставленное теперь земству право раскладки; а Самаринъ и Васильчиковъ, напротивъ, приписывали этому праву большое значеніе. Черкаскій же, не приписывая тоже значенія раскладкамъ, полагалъ вмѣстѣ съ тѣмъ несвоевременнымъ ходатайствовать въ эту минуту о предоставленіи права земству разсматривать окладной сборъ или государственный бюджетъ, доказывая это совершеннымъ равнодушіемъ массы народа и общества ко всякимъ конституціоннымъ заявленіямъ. Васильчиковъ полагалъ, что право раскладки по тому важно, что въ скоромъ времени, при измѣненіи податной системы и при господствующемъ демократическомъ направленіи, крупные собственники могутъ подвергнуться самому несправедливому обложенію, и тогда дѣло земства будетъ состоять въ правильной и необременительной раскладкѣ.

Послѣдніе дни Декабря прошли для большинства мущинъ въ посѣщеніяхъ различныхъ отдѣленій Общества Сельскаго Хозяйства. На тѣхъ, которыя я посѣщалъ, говорилось мало интереснаго, за исключеніемъ отдѣла грамотности, гдѣ происходили довольно оживленныя бесѣды, особенно по предмету придачи народной школѣ сельскохозяйственнаго развитія; между прочимъ г. Лоде настаивалъ на устройствѣ при школѣ нѣсколькихъ огородныхъ грядъ, чему я весьма сочувствую. Говоря вообще объ этихъ съѣздахъ, надо замѣтить, что оные блистали отсутствіемъ настоящихъ хозяевъ-помѣщиковъ, а въ оныхъ принимали больше участія ученые, профессора Петровской Академіи и прочихъ Петербургскихъ хозяйственныхъ учрежденій; однимъ словомъ, говорящіе ex officio. Но послѣднее засѣданіе Общества Сельскаго Хозяйства 3-го Января 1871 года было весьма интересно и оживлено, потому что въ ономъ главными ораторами были братья князья Васильчиковы. Князь Александръ весьма дѣльно и толково докладывалъ о необходимости и пользѣ ссудныхъ товариществъ и о нѣкоторыхъ желательныхъ измѣненіяхъ въ законахъ, по поводу ходатайствъ со стороны крестьянъ объ устройствѣ оныхъ. Въ преніяхъ принималъ участіе весьма умный и дѣльный господинъ Яковлевъ, служащій мировымъ судьей въ Петербургѣ. Такого рода

спеціальности еще такъ рѣдки у насъ съ Россіи, особенно по финансовой и экономической частямъ.

30-го Декабря. Князь Сергій Дмитріевичъ Горчаковъ [1]) давалъ намъ сегодня, т. е. всей Дворцовой Конторѣ, парадный обѣдъ, по случаю его 50-ти лѣтняго юбилея. На этомъ обѣдѣ присутствовали и многіе изъ нашихъ подрядчиковъ, пожертвовавшихъ капиталъ на учрежденіе стипендіи въ распоряженіе князя Горчакова. Князь Н. И. Трубецкой, кажется, успокоился на счетъ участія нашего въ подписаніи адреса; онъ отвѣчалъ министру двора въ самыхъ лестныхъ для насъ совѣтниковъ выраженіяхъ, присовокупивъ, что мы, по его желанію, изъявили готовность оставить Думу, что̀ по его мнѣнію обозначаетъ чистосердечность нашего раскаянія. Il faut avouer que c'est assez bête [2]). Кн. Николай Ивановичъ такой упрямый, вспыльчивый и ограниченный, что его никакими доводами нельзя уломать, особенно въ такихъ дѣлахъ, когда ему мерещатся кошмары въ видѣ думы, земства и всѣхъ современныхъ реформъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ много добраго: онъ готовъ всегда на услугу бѣдному человѣку. Еслибъ онъ не коснѣлъ въ своемъ невѣжествѣ и не пѣтушился бы своимъ мишурнымъ величіемъ, то изъ него могъ бы выдти весьма симпатичный старичекъ.

---

[1]) Вице-президентъ Московской Дворцовой Конторы. Его поминаетъ добромъ всякій, кто хоть немного зналъ его. П. Б.

[2]) Надо согласиться, что это довольно глупо.

АНЕКДОТЪ О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

(Изъ записокъ 1815 года).

Новгородскій губернаторъ К. изобличенъ былъ въ злоупотребленіяхъ, и комендантъ Татищевъ, описавъ его пожитки, отправилъ ихъ къ Государю.

Въ 1715 г. на мѣсто К., по увѣренности въ знаніи законовъ и безкорыстіи, Государь опредѣлилъ одного Московскаго стряпчаго съ подтвержденіемъ взятокъ не брать и прекратить въ Новгородѣ крючкотворство съ тяжбами. По нѣсколькихъ годахъ узналъ Петръ, что тотъ лихоимствуетъ, призвалъ его къ себѣ и пожелалъ узнать истину. Не смѣлъ презрѣнный начальникъ запираться; онъ признался, что невозможность жалованьемъ содержать себя съ семействомъ привела его къ тому преступленію. „А сколько тебѣ нужно денегъ, чтобы ты остался честнымъ?"—„По крайней мѣрѣ столько же, сколько нынѣ получаю", отвѣтствовалъ судья. „Хорошо, сказалъ Государь; я дамъ тебѣ и больше, но берегись: послѣ сего ты будешь повѣшенъ". Губернаторъ клялся, ручаясь за себя, и отъѣхалъ къ прежнему мѣсту, измѣнилъ однакожъ обѣщанію, предпочитавши злато чести губернатора. Постыдная склонность превозмогла страсть; вскорѣ принялся онъ за прежнее ремесло и былъ уличенъ. Петръ изрекъ ему такъ: „когда нарушилъ ты свое слово, то я свое сдержу", и приказалъ его повѣсить.

(*Сообщено покойнымъ архимандритомъ Леонидомъ*).

Эпиграмма (1840).

Семь душъ *) по списку послужному,
И ровно столько же дѣтей;
А по окладу годовому
Всего три тысячи рублей.

Игралъ онъ въ банкъ, но неудача.
Живетъ какъ всѣ. За тѣмъ во слѣдъ
Такая предстоитъ задача:
Беретъ онъ взятки или нѣтъ?

Д.

*) Т. е. имѣнье въ семь крѣпостныхъ душъ. П. Б.

ГРАФЪ ОРЛОВЪ-ЧЕСМЕНСКІЙ ВЪ КАРЛСБАДѢ.

Извлечено изъ книги: Almanach der privilegirten Schützen-Gesellschaff in Karlsbad. (Альманахъ привиллегированнаго Стрѣлковаго Общества въ Карлсбадѣ. 1-я часть, 1630—1845 г.;—2-я, 1846—1885).

1711.

20 Августа [1]) царь Петръ I-й, будучи въ Карлсбадѣ съ лѣчебною цѣлью, пожаловалъ для стрѣлковаго праздника, который происходилъ на лугу за аллеею, бочку ренвейна въ 12 ведеръ, присланную ему въ подарокъ отъ императора Карла VI (самъ Царь, по совѣту врачей, не могъ въ это время пить вина). Благодаря лучшему выстрѣлу, Царь самолично выигралъ бочку и соизволилъ снова предназначить ее для той же цѣли, послѣ чего она была выиграна Стрѣлковымъ Обществомъ въ лицѣ Карлсбадскаго горожанина Франца Брейтенфельдера. Стрѣлковое Общество продавало по высокой цѣнѣ это вино подъ названіемъ «Царскаго», а вырученныя деньги клало на проценты въ городскую сохранную кассу. Проценты (29 флориновъ 10 крейцеровъ) понынѣ служатъ для Стрѣлковаго Общества воспоминаніемъ о Его Величествѣ Петрѣ I-мъ.

Мишени (по полотну рисованныя масляными красками) изображаютъ: 1-я) комнату, въ которой жилъ Царь, съ кружкою для воды, бокаломъ для питья изъ минеральнаго источника и числомъ выпитыхъ бокаловъ, которое обозначено мѣломъ; 2) цѣлебный источникъ, 3) купанье. Мишени подъ № 2.

1748.

5 Августа имперскій *графъ Бестужевъ-Рюминъ* [2]) пожаловалъ на стрѣльбу 12 дукатовъ.

1751.

21 Сентября. Ея свѣтлость *Іоанна Елисавета*, вдовствующая княгиня Ангальтъ-Цербтская, герцогиня Саксонская и пр., пожаловала на стрѣльбу 12 дукатовъ.

---

[1]) Вслѣдъ за несчастнымъ дѣломъ подъ Прутомъ. П. Б.

[2]) Старшій братъ великаго канцлера. П. Б.

1768.

Въ первый разъ посѣтилъ Карлсбадъ графъ *Орловъ-Чесменскій*, полный генералъ (въ то время еще полковникъ) Русской службы. 29 Августа онъ пожаловалъ на стрѣльбу 12 дукатовъ и стрѣлялъ самъ. Уѣзжая въ Россію, онъ взялъ съ собою нѣсколько сдѣланныхъ здѣсь ружей. 5 Сентября онъ вторично пожаловалъ на стрѣльбу 6 дукатовъ.

1780.

Посѣтилъ во второй разъ Карлсбадъ графъ Орловъ-Чесменскій. 1770 года 7 Іюля*) онъ одержалъ надъ Турками у береговъ Натоліи, близъ крѣпости Чесмы, замѣчательную морскую побѣду, счастливый исходъ которой, по его собственному признанью, зависѣлъ въ значительной степени отъ слѣдующаго обстоятельства. Его сіятельство застрѣлилъ изъ пріобрѣтеннаго въ 1768 году въ Карлсбадѣ ружья одного изъ самыхъ главныхъ Турецкихъ штурмановъ. Этотъ разсказъ его сіятельство заключилъ словами: «Знайте, Карлсбадцы! У васъ я научился такъ хорошо стрѣлять». 15 Мая его сіятельство пожаловалъ на дворянскій стрѣлковый праздникъ, который происходилъ на лугу за аллеею, 12 дукатовъ; кромѣ того графъ пожаловалъ 6 флориновъ въ награду за стрѣльбу въ двѣ бѣгущія фигуры (представляющія людей), и самъ получилъ первую награду въ 3 флорина, господинъ Штангеръ 2 флорина, Фридрихъ Кнолль—1 флоринъ.

Во время стрѣльбы графъ приказалъ угощать всѣхъ стрѣлковъ, сколько кто хотѣлъ, виномъ и пивомъ.

По окончаніи стрѣльбы графъ передалъ Обществу на память медаль въ одну марку серебра, выбитую по приказанію Ея Императорскаго Величества Екатерины II-й въ честь одержанной графомъ морской побѣды. На одной сторонѣ медали изображена Императрица, на другой морское сраженіе. Вмѣстѣ съ медалью онъ передалъ три свои орденскія ленты и выразилъ желаніе, чтобы глава стрѣлковъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ носилъ ее на груди на свѣтлоголубой или желтопомеранцевой или съ черными каемками орденской лентѣ. Затѣмъ графъ подарилъ здѣшнему горожанину, очень искусному стрѣлку, Іосифу Гебхарту, котораго онъ особенно полюбилъ, большой бѣлый тафтяной платокъ; на немъ изображено выигранное графомъ морское сра-

*) Новаго стиля. Графъ Алексѣй Григорьевичъ негодовалъ на то, что этотъ день не праздновали въ Россіи въ числѣ такъ называемыхъ „викторіальныхъ“ дней. П. Б.

женіе. Гебхартъ отдалъ этотъ платокъ на память Стрѣлковому Обществу. Оба подарка бережно сохраняются Обществомъ.

Употребляемыя при вышеописанной стрѣльбѣ мишени (бѣгущій олень и человѣческія фигуры) обозначены № 73-мъ.

30 Мая снова графъ Орловъ пожаловалъ на стрѣльбу 12 дукатовъ. При состязаніи три приза взялъ охотникъ генерала графа Орлова; при этомъ графъ далъ еще два дуката за двѣ бѣгущіи фигуры, изображающія Турокъ. Мишени эти сохраняются; онѣ обозначены подъ №№ 74 и 75-мъ.

1794.

25 Мая пожаловалъ Русскій графъ Мусинъ-Пушкинъ за стрѣльбу, которая происходила около Кирпичной хижины, 20 флориновъ, штуцеръ и 6 бутылокъ вина.

1796.

Послѣ того какъ стрѣлкамъ была дана обмундировка, въ 1796 прибылъ съ своей супругою лѣчиться въ Карлсбадъ герцогъ Курляндскій *Петръ Биронъ*. Стрѣлковое Общество устроило имъ торжественное шествіе. Его свѣтлость былъ крайне польщенъ такимъ вниманіемъ; онъ пожаловалъ Обществу Вѣнскій банковый билетъ въ 100 флориновъ на стрѣльбу или какое нибудь иное употребленіе. Президенту Гавріилу Зейдлю подарилъ онъ въ личное владѣніе золотую медаль въ 10 дукатовъ съ изображеніемъ бюста герцога; такую же медаль пожаловалъ онъ Обществу, чтобы ее носили на груди и слѣдующіе президенты; пятерымъ офицерамъ были даны въ собственность пять подобныхъ серебряныхъ монетъ. Одну изъ нихъ въ 1807 году вдова Адама Стадлера передала Обществу въ память своего умершаго мужа.

1797.

28 Мая 1797 года снова пріѣхалъ въ Карлсбадъ полный генералъ Русской службы *графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій*. Онъ поселился въ домѣ № 31-й на рынкѣ. 29-го вечеромъ Стрѣлковое Общество чествовало его торжественнымъ шествіемъ съ Турецкою музыкою и двумя залпами. Его сіятельство показалъ большое расположеніе къ Обществу, получившему свой мундиръ. Стоя у окна, онъ провозгласилъ за него громкій тостъ и приказалъ выдать каждому стрѣлку по бутылкѣ Мельникскаго вина; затѣмъ призвалъ, ни мало не медля, портнаго Франца Фидлера и приказалъ сдѣлать себѣ стрѣлковый мундиръ, и въ немъ, надѣвъ всѣ свои Русскіе ордена, стоялъ онъ у открытаго окна, когда

8 Іюня мимо его дома по площади проходила праздничная процессія Тѣла Христова.

11 Іюня, въ день Св. Троицы, графъ пожаловалъ на устройство дворянскаго состязанія въ стрѣльбѣ (которое происходило на лугу близъ пивоварни) 12 дукатовъ.

Графъ прибылъ на эту стрѣльбу въ сопровожденіи графини своей дочери и графа Александра Чесменскаго[1]). Введя графиню къ стрѣлкамъ, онъ сказалъ ей: «Вотъ они научили меня стрѣлять; тебѣ также надо поучиться» [2]). Стрѣлкамъ графъ приказалъ при этомъ дать для питья двѣ бочки пива и ведро вина.

14 Іюня Общество устроило возлѣ бесѣдки (тогда она называлась Пимперъ, теперь Панорама) иллюминацію. «Да здравствуетъ графиня Орлова» (Vive la comtesse d'Orloff) и Турецкую музыку возлѣ ея жилища. Графиня изъ своихъ рукъ дала музыкантамъ 10 дукатовъ, а его сіятельство приказалъ выставить слушателямъ, собравшимся на площади, нѣсколько ведеръ Мельникскаго вина.

24 Іюня графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій пожаловалъ на устройство дворянскаго состязанія въ стрѣльбѣ, возлѣ Кирпичнаго домика, 12 дукатовъ.

При стрѣльбѣ самъ графъ выигралъ первый призъ (мишень № 93). Онъ прибылъ на стрѣльбу съ своими приближенными, стрѣлялъ самъ и призналъ Александра Чесменскаго за хорошаго стрѣлка. Во время этой стрѣльбы все Общество пило, сколько кто хотѣлъ, на графскій счетъ.

26 Іюля графъ уѣхалъ изъ Карлсбада, давъ стрѣлкамъ 13 дукатовъ на устройство товарищескаго обѣда.

Въ этомъ-же году общество получило отъ его свѣтлости герцога Курляндскаго и Саганскаго Петра Бирона, за устроенную имъ парад-

---

[1]) Александръ Алексѣевичъ Чесменскій не былъ въ Россіи графомъ. П. Б.

[2]) Извѣстно, что единственная дочь Чесменскаго героя, памятная Русскому духовенству своими благотвореніями, въ молодости была отличною наѣздницей, правила лошадьми, знала въ нихъ толкъ и до кончины своей (1848) держала въ порядкѣ конскіе заводы, образцово устроенные ея родителемъ. Сама она была сложенія тоже богатырскаго. Покойный ея родственникъ Александръ Борисовичъ Казаковъ разсказывалъ намъ, въ доказательство ея силы, что однажды принесли ей какой-то ящикъ, отправляемый на почту, для провѣрки, такъ-ли на немъ сдѣлана надпись. Графинѣ показалось, что онъ нехорошо заколоченъ; безъ всякаго усилія, пальцами она вынула изъ него толстые гвозди и приказала передѣлать. Любопытно, что на щекѣ у нея тоже былъ шрамъ, уже какъ родимый знакъ. П. Б.

ную встрѣчу, 60 флориновъ на стрѣльбу или какое угодно употребленіе.

1798.

Въ 1798 году въ четвертый разъ пріѣхалъ въ Карлсбадъ графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій. Вечеромъ 11-го Іюля Стрѣлковое Общество устроило въ его честь торжественную процессію передъ его жилищемъ (гостинница «Бѣлый Левъ»), и при этомъ было дано два залпа. Тотчасъ у открытаго окна появились графъ въ стрѣлковой формѣ, за нимъ графиня дочь, графъ Александръ Чесменскій съ супругой и еще какая-то дама въ зеленой амазонкѣ, отдѣланной чернымъ бархатомъ, въ шляпѣ, украшенной черными и зелеными перьями. Послѣ втораго залпа всѣ шестеро стрѣлковыхъ офицеровъ были позваны къ его сіятельству, дружески приняты и угощены виномъ.

Между тѣмъ появилась иллюминація: «Да здравствуютъ графъ и графиня Орловы». Тотчасъ по приказу его сіятельства выкатили на площадь для стрѣлковъ четыре бочки Мельникскаго вина; прислуга графа наполняла и передавала стаканы. Весело раздавалась Турецкая музыка, и музыканты получили 10 дукатовъ.

17 и 18 Іюня графъ пожаловалъ 12 дукатовъ на устройство дворянскаго состязанія въ стрѣльбѣ; были напечатаны пригласительныя карточки и разосланы всѣмъ пользовавшимся водами. Состязаніе имѣло мѣсто близъ Кирпичной бесѣдки. Графъ со всей своей семьей принималъ въ немъ участіе. Мишень, употреблявшаяся здѣсь, означена № 95. По окончаніи стрѣльбы члены Общества проводили его сіятельство до дома и снова получили два ведра Мельникскаго вина.

9 и 10 Іюля (по Русскому календарю 29 и 30 Іюня) графъ праздновалъ день тезоименитства своего Государя Павла I-го. Онъ приказалъ устроить большое, доступное для всѣхъ состязаніе въ стрѣльбѣ, которое открыто было по утру 10 Іюля и имѣло мѣсто близъ бесѣдки около Лаврентіевой горы.

10-го Іюля по утру, около 11 часовъ, появился съ своей семьей графъ при большой свитѣ и въ сопровожденіи герцогини Доротеи Курляндской. Ихъ и другихъ знатныхъ посѣтителей водъ члены Общества встрѣтили стоя во фронтѣ на стрѣлковой площади. Черезъ тріумфальную арку провели ихъ въ залу бесѣдки, гдѣ 19 мальчиковъ и дѣвочекъ (все дѣти стрѣлковъ), одѣтые въ бѣлыя съ красною отдѣлкою платья, увѣнчанные вѣнками, ожидали гостей, держа въ рукахъ вѣнки и корзинки съ цвѣтами.

Іозефа Марія, дочь Каспара Гебхарта, обратилась къ графу съ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

Сіятельный графъ!

Наши отцы съ глубочайшею благодарностью тронутыхъ сердецъ сознаютъ всѣ тѣ многочисленныя и великія милости, которыми вы ихъ осыпаете съ самаго своего перваго посѣщенія Карлсбада. Но и на насъ, дѣтей, эти милости производятъ такое сильное дѣйствіе, что мы чувствуемъ себя обязанными выразить вашему сіятельству благодарность, принести вамъ наше привѣтствіе и разсыпать цвѣты по пути къ этому мѣсту, гдѣ вы сегодня опять приготовили великодушно жителямъ Карлсбада новое удовольствіе. Если бы здѣсь не было нашихъ родителей, которые счастливы тѣмъ, что ваше сіятельство любите ихъ, то мы, дѣти, сохранимъ въ благодарной памяти имя Орлова, его великодушіе и любовь къ жителямъ Карлсбада. Это имя мы будемъ передавать нашимъ потомкамъ, чтобы оно было незабвенно».

Красивая дѣвочка прекрасно произнесла это привѣтствіе, а остальныя дѣти продали каждому изъ высокихъ посѣтителей по букету цвѣтовъ.

Въ гротѣ, устроенномъ въ залѣ, красовался портретъ генерала съ надписью: «Будь намъ незабвененъ!» а снизу Кліо на скалѣ пишетъ: «Достопримѣчательности Карлсбада. Орловъ».

Кромѣ того, у стѣнъ залы были устроены пирамиды съ надписями: «Слава тебѣ, герой! Радость тебѣ, отецъ! Благословенъ будь, другъ гражданъ! Величіе твоему роду». Графу Орловъ выказалъ большое удовольствіе по случаю такого пріема.

Затѣмъ его сіятельство далъ большой обѣдъ въ домѣ «Бѣлый Левъ», гдѣ сдѣлано 34 залпа и, при звукѣ литавръ и трубъ, былъ провозглашенъ тостъ за здравіе Русскаго Императора. Для стрѣлковъ устроенъ былъ обѣдъ въ бесѣдкѣ; послѣ обѣда открытъ балъ для ихъ дочерей и женъ.

Вечеромъ около 6 часовъ всѣ посѣтители водъ были приглашены его сіятельствомъ въ Богемскую залу на поистинѣ-блестящій, открытый для всѣхъ балъ и ужинъ.

Вся аллея была освѣщена 3000 лампъ и цвѣтныхъ фонарей; посреди нея красовалось имя Русскаго Императора, вверху Русская императорская корона, а внизу орелъ съ Георгіевскими гербами на груди. За рѣшеткой, украшенной лампами, сидѣли музыканты, и Турец-

кая музыка оживляла этотъ уголокъ. Къ концу былъ сожженъ прекрасный фейерверкъ. Для всѣхъ приходившихъ въ аллею было выставлено 3 бочки пива и 5 ведеръ Мельникскаго вина.

11 Іюля графъ далъ для Карлсбадцевъ театральное представленіе доступное всѣмъ.

Кромѣ 12 дукатовъ, предназначенныхъ для стрѣльбы, Общество получило еще 60 дукатовъ; каждое изъ вышеупомянутыхъ дѣтей по одному дукату, а Іозефа Анна Гебхартъ два дукату.

На блестящемъ балу въ Богемской залѣ графъ пробылъ около часа въ тамошнемъ обществѣ, а въ 8 часовъ посѣтилъ балъ, данный въ бесѣдкѣ.

Кромѣ посѣтителей водъ и жителей Карлсбада, изъ окрестностей стеклось на эти празднества множество народа.

При отъѣздѣ графа, 14 Іюля, офицеры-стрѣлки верхами провожали его до Бюшау.

1799.

11 Іюня прибыла съ лѣчебными цѣлями въ Карлсбадъ Русская великая княгиня Анна, урожденная герцогиня Кобургская, супруга великаго князя Константина; она прожила здѣсь 6 недѣль. Стрѣлковое Общество устроило парадъ и, встрѣтивъ ея у ея дома, привѣтствовало отъ имени города. За такое выраженіе вниманія великая княгиня пожаловала 50 дукатовъ.

16 Іюня прибылъ сюда въ 5-й разъ графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій. Какъ и прошлые раза, онъ былъ радостно встрѣченъ стрѣлками и пожаловалъ 12 дукатовъ на устройство стрѣльбы доступной всѣмъ, которая имѣла мѣсто за Пупповой алеей; тамъ для этого поставили много бесѣдокъ и скамеекъ. Графъ Орловъ и другіе дворяне принимали участіе въ стрѣльбѣ; особенно же изумили своими мѣткими выстрѣлами изъ пистолета Русскій посланникъ при Берлинскомъ дворѣ *графъ Панинъ* и *баронъ Гюнербейнъ*: безъ промаха попадали они въ самыя маленькія мишени, въ деревяшки, цвѣты, кораблики, колеблющіеся на водѣ.

До стрѣльбы и послѣ нея стрѣлки прошли паряднымъ маршемъ передъ домомъ великой княгини. Во время стрѣльбы всѣхъ угощали пивомъ.

10 Іюля 1799 *графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій* опять праздновалъ день тезоименитства его величества Павла I-го. Онъ далъ на устрой-

ство праздничной стрѣльбы 15 дукатовъ и самъ сказалъ, чтобы пригласили великую княгиню. 9 Іюля поутру стрѣлки парадно маршировали передъ домомъ великой княгини, а ихъ глава Зейдль принесъ ей всепокорное приглашеніе и просилъ намѣтить на мишени цѣль. Затѣмъ они отправились на тиръ, устроенный за аллеей, гдѣ были разставлены ради этого случая нарядныя бесѣдки и шатры. Между тѣмъ графъ Орловъ далъ для пользующихся водами большой завтракъ въ Саксонской залѣ; на немъ присутствовала и великая княгиня. Послѣ завтрака она въ сопровожденіи большой свиты и графа Орлова почтила своимъ посѣщеніемъ стрѣльбу. Стрѣлки выстроились шпалерами, и 40 мальчиковъ и дѣвочекъ встрѣтили (какъ и въ прошломъ году) высокихъ гостей. Анна Гебхартъ обратилась съ привѣтствіемъ къ ея высочеству и подала ей букетъ.

Приближающаяся гроза принудила высокихъ гостей поскорѣе возвратиться въ Саксонскую залу, гдѣ около 5 часовъ вечера начались танцы. Для народа графъ Орловъ устроилъ цирковое представленіе, а вечеромъ концертъ, въ которомъ пѣла Мамзель Толіани, игралъ на скрипкѣ гофмейстеръ, а на рогѣ музыкантъ изъ капеллы его сіятельства.

Стрѣльбу продолжали и 10 Іюля поутру. Его сіятельство предложилъ для нѣкоторыхъ важныхъ особъ завтракъ въ домѣ «Бѣлый Левъ,» затѣмъ для всѣхъ посѣтителей водъ въ верхней залѣ Пуппа балъ съ свободнымъ входомъ для каждаго, а въ нижней—большой ужинъ. Аллея, ведущая къ Пупповой залѣ, была извнѣ и изнутри освѣщена 6000 лампъ, средняя аллея 300 разноцвѣтными фонарями, въ концѣ которой былъ воздвигнутъ разноцвѣтный, великолѣпный храмъ въ 12 локтей вышины и въ 10 ширины, для украшенія коего употребили 100 локтей холста и очень много атласа, который выглядывалъ кое-гдѣ изъ подъ холста. Въ серединѣ храма между колоннами красовались имена Русскаго Императора и Императрицы, а кругомъ коронкою всѣ остальныя имена царствующаго дома. Вверху сіяло солнце, которое вращалось; потолокъ многоцвѣтный былъ по истинѣ чудно сдѣланъ. Этотъ храмъ возбуждалъ восхищеніе во всѣхъ, приходившихъ посмотрѣть на праздникъ (Соорудили его столяръ Венцль Штöръ, Францъ Кнолль и Каспаръ Гебхартъ).

Стрѣльба затянулась на 11-е Іюля и была окончена лишь къ полудню. Господа графъ Панинъ, графъ Александръ и баронъ Гюнербейнъ взбудили и этотъ разъ всеобщее удивленіе своею необыкновенно вѣрною стрѣльбою изъ пистолета.

Въ 2 часа его сіятельство далъ стрѣлкамъ обѣдъ на 150 приборовъ, за тѣмъ представленіе и балъ въ залѣ «Веселаго Дома», а въ заключеніе праздника на Браухаузскомъ лугу сжегъ фейерверкъ, нарочно приготовленный для этой цѣли въ Дрезденѣ.

2 Августа 1799, въ день рожденія Ея Величества Императрицы Россійской, графъ Орловъ пожаловалъ 15 дукатовъ на устройства третьяго стрѣльбища; оно и на этотъ разъ имѣло мѣсто сзади аллеи.

Лучшій выстрѣлъ по мишени выигралъ въ честь графини Орловой Іосифъ Петеръ (мишень № 101).

Вечеромъ графъ приказалъ сжечь фейерверкъ. Такъ какъ по Русскому календарю день св. Анны падаетъ на 6 Августа, то стрѣлки устроили внизу Трехкрестовой горы иллюминацію «Vive Anne d'Orloff». Передъ своимъ отъѣздомъ графъ пожаловалъ обществу еще 55 дукатовъ. Все общество при отъѣздѣ графа выстроилось невдалекѣ отъ Пражскихъ воротъ и провожало своего высокаго покровителя до Бюшау.

1800.

10 Іюня 1800 года прибылъ въ Карлсбадъ въ шестой разъ полный генералъ *графъ Орловъ-Чесменскій*; пробылъ онъ лишь до 29 Іюня. 12 Іюня онъ былъ встрѣченъ Обществомъ стрѣлковъ, какъ и прежде, съ всѣмъ почетомъ.

Въ этотъ день былъ канунъ тезоименитства принца Антона. Принцъ Антонъ, герцогъ Саксонскій (братъ курфюрста Августа Фридриха Саксонскаго). Графъ Орловъ приказалъ иллюминировать при громкой музыкѣ на Трехкрестовой горѣ надпись: «да здравствуютъ принцъ Антонъ и его супруга». Затѣмъ онъ пожаловалъ Стрѣлковому Обществу для устроенія дворянской стрѣльбы 15 дукатовъ. Она состоялась 23 и 24 Іюня на лугу за аллеею. Принцъ Антонъ и графъ Орловъ почтили стрѣльбище своимъ посѣщеніемъ. Графъ Александръ и этотъ разъ стрѣлялъ прекрасно. Отъѣзжая графъ пожаловалъ стрѣлкамъ 150 имперскихъ гульденовъ и былъ, какъ прежде, при многочисленныхъ благихъ пожеланіяхъ, провожаемъ стрѣлковыми офицерами простыми стрѣлками и горожанами до Бюшау.

1801.

Въ 1801 году графъ Орловъ Чесменскій собрался еще разъ посѣтить Карльсбадъ и заказалъ уже себѣ помѣщеніе въ гостинницѣ «Три Жаворонка» на площади; но въ это время взошелъ на престолъ

Александръ I-й. Графъ получилъ собственноручное приглашеніе вернуться въ Россію. Въ силу этого пріѣздъ въ Карлсбадъ не состоялся. Сіе почетное происшествіе побудило Стрѣлковое Общество отправить графу поздравительное посланіе; въ немъ выражалась глубокая благодарность и просьба, чтобы его сіятельство и въ далекой Россіи благосклонно вспоминалъ о Карлсбадѣ и Стрѣлковомъ Обществѣ. На это послѣдовалъ отъ графа нижеслѣдующій отвѣтъ: «Наиуважаемые господа! Приношу вамъ лучшую благодарность за ваши добропожеланія. Съ удовольствіемъ буду я вспоминать о томъ почетѣ, который вы всегда оказывали мнѣ во время моего пребыванія въ Карлсбадѣ. Очень жалѣю, что теперь не буду имѣть болѣе удовольствія принимать участіе въ вашихъ удовольствіяхъ; но я надѣюсь со временемъ, если по милости Божіей буду живъ и здоровъ, снова увеличить число компаніи почтенныхъ стрѣлковъ. Желаю вамъ благополучія, веселья и новой пріятной встрѣчи. Пребываю всегда въ полномъ благорасположеніи къ почтенному Стрѣлковому Обществу графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій».

«P. S. Вашу форму я буду старательно беречь для послѣдующаго могущаго быть употребленія».

Какъ послѣднюю память отъ графа Орлова, Общество получило новое знамя. Графъ, замѣтивъ, что, знамя всемилостивѣйше пожалованное Стрѣлковому Обществу въ 1732 году императоромъ Карломъ VI, отъ долгаго употребленія очень испортилось, заказалъ въ Дрезденѣ новое, вполнѣ похожее на старое, и прислалъ его 8 Іюня 1801 г. съ графинею Бахметевой *). Оно впервыя было носимо 4 Октября 1801 года въ торжественной церковной процессіи.

*) Марья Семеновна Бахметева, близкая пріятельница графа Алексѣя Григорьевича. Говорятъ, сохранились ея письма къ нему. Они должны быть любопытны, какъ все относящееся къ этому необыкновенному человѣку. П. Б.

СЕМЕЙНЫЯ БЕЗОБРАЗІЯ БЫЛАГО ВРЕМЕНИ.

Въ архивѣ Московской Духовной Консисторіи (переименованной такъ 9 Іюля 1744 года изъ бывшей Духовной Дикастеріи), не смотря на утрату по многихъ дѣлъ, особенно по случаю непріятельскаго нашествія въ 1812 году, сохраняется довольно дѣлъ бракоразводныхъ, вообще брачныхъ, епитимійныхъ и другихъ. Изъ дѣлъ сего рода видно, какія въ прежнее время происходили между супругами несогласія и раздоры, любовныя ихъ связи съ посторонними лицами и разные семейные безпорядки, доходившіе иногда до крайнихъ предѣловъ. Излагаемъ содержаніе нѣкоторыхъ дѣлъ. Н. Р.

I. Расторженіе брака Мануфактуръ-Коллегіи прокурора С.

1743 г. Генваря 24 Мануфактуръ-Коллегіи прокуроръ Ефимъ Васильевичъ С.... подалъ въ Духовную Дикастерію прошеніе на жену свою Елену Михайлову, объясняя, что онъ женился на ней въ 1734 году, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, и она была дѣвица, дочь стольника Михаила Васильева Трусова, и, живши съ ней по 1741 годъ, имѣлъ отъ нея дѣтей 4 человѣка, изъ которыхъ въ живыхъ осталась только малолѣтняя дочь Агрипина по другому году. Въ томъ 1741 году, онъ С. . . . поступилъ на службу въ Выборгъ, въ Невскій пѣхотный полкъ. Какъ въ Выборгѣ, такъ и въ походахъ въ Финляндіи пробылъ онъ по Августъ 1742 года; а въ Іюнѣ мѣсяцѣ того же 1742 года опредѣленъ на службу прокуроромъ въ Московскую Мануфактуръ-Коллегію и въ томъ Августѣ прибылъ въ Москву. Между тѣмъ жена его жила въ приданой своей деревнѣ, въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ селѣ Богородскомъ. Онъ С. . . . два раза посылалъ къ ней съ своими людьми письма, чтобы прибыла въ Москву; на первое письмо она не отвѣчала, а на второе отвѣчала, что ей быть въ Москву, за нѣкоторыми препятствіями, невозможно. А въ семъ 1743 году, Генваря 14, она Елена прибыла къ нему въ домъ, и отъ людей онъ дознался, что она Елена, въ бытность его на службѣ, чинила прелюбодѣйство съ офицеромъ Иваномъ Ле-

онтьевымъ Озеровымъ, который пріѣзжалъ къ ней изъ Вологды, такъ и она бывала у него на квартирѣ въ Вологдѣ; и она Елена въ томъ прелюбодѣйствѣ съ Озеровымъ «безъ всякаго пристрастія, добровольно винилась». И потому С. . . . просилъ означенную жену его за прелюбодѣйство отъ законнаго супружества съ нимъ отлучить вовсе.

Представленная въ присутствіе Дикастеріи 26-го Генваря жена его Елена Михайлова въ приписанномъ прелюбодѣйствѣ съ офицеромъ Озеровымъ предъ присутствіемъ винилась, и въ допросѣ всѣ пункты просьбы мужа своего подтвердила своимъ рукоприкладствомъ; при чемъ показала, что она не знаетъ, какого Озеровъ полку офицеръ. С. . . ., въ доказательство своей просьбы, только представилъ, что въ Процессахъ 1-й части, гл. 6 и 2-й части гл. 2 напечатано: «собственное признаніе лучшее есть всего свѣта доказательство».

Дикастерія, сдѣлавъ сводъ пунктовъ просьбы С. . . . и допросовъ жены его, составила выписку изъ законовъ: 1) Изъ кормчей Василія Великаго пр. 21, новыхъ заповѣдей Іустиніана Царя грани 13, гл. 4, закона градск. 11 гр. пп. 6, 15; Василія Великаго п. 35 (о причинахъ развода); 2) изъ указовъ Петра I-го. 1723 г., Апрѣля 3, объ отсылкѣ отрѣшенныхъ женъ отъ мужей за вины въ Юстицъ-Коллегію къ наказанію, или ссылкѣ на прядильный дворъ. Причемъ наведено на справку, что изъ Сыскнаго Приказа женскій полъ за правильныя вины на прядильный дворъ не посылается, а посылается въ Сибирь, на казенномъ корму, и 1741 года Апрѣля 13 дня, полученнаго изъ бывшей Московской синодальнаго правленія Канцеляріи, что по опредѣленію Пр. Сената и по резолюціи Кабинета велѣно для содержанія въ работѣ винныхъ женскаго пола построить въ Москвѣ при казенной парусинной фабрикѣ прядильный домъ, «чтобы онѣ на ту казенную фабрику пряли пряжу, и за ту ихъ работу имъ зачитать, и для пропитанія ихъ казенный имъ хлѣбъ давать противъ каторжныхъ невольниковъ»; 3) изъ Процессовъ объ отвѣтѣ, о признаніи.

Выписка изъ законовъ объявлена истцу и отвѣтчицѣ съ подпискою ихъ, что они тою выпискою довольны и на присутствующихъ и секретаря подозрѣнія не имѣютъ.

Дикастерія, разсуждая, что по силѣ правилъ и указовъ, она С. . . . за прелюбодѣйство подлежитъ разлученію, токмо прелюбодѣй не сысканъ и не допрашиванъ, а не сыскавъ прелюбодѣя, на ея Елены повинкѣ утвердиться не можно, опредѣлила (4 Февраля): 1) въ г. Вологду послать промеморію съ требованіемъ извѣстія объ офицерѣ Озеровѣ: какого онъ рангу человѣкъ и которыхъ полковъ, и для чего и коликое время тамо онъ былъ и нынѣ гдѣ имѣется? и 2) Елену С. . .-

до окончательнаго по оному дѣлу рѣшенія, дабы она, живучи въ Москвѣ въ мірскихъ домѣхъ, паки не впала въ такое-же прелюбодѣйство, отослать Переславля Залѣскаго въ Ѳеодоровскій дѣвичь монастырь при указѣ, которой и быть тамъ на коштѣ мужа ея, подъ присмотромъ того монастыря настоятельницы съ сестрами.

Узнавъ объ этомъ рѣшеніи, С. . . . ва 8 Февраля просила Московскую Контору Святѣйшаго Синода отослать ее въ Вологодскій дѣвичій монастырь, гдѣ имѣются собственныя ея деревни, и она тамъ можетъ имѣть содержаніе кромѣ кошта ея мужа, и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣть смотрѣніе надъ своими деревнями; но прошеніе ея только пріобщено къ дѣлу. Игуменія Ѳеодоровскаго монастыря донесла Дикастеріи 17 того Февраля, что она присланную 12 Февраля подъ карауломъ съ дикастерскимъ солдатомъ въ монастырь приняла.

Февраля 24 того же 1743 года прокуроръ С. . . . при прошеніи представилъ въ Дикастерію дворовую женку жены своей Марѳу Матвѣеву (60 лѣтъ), объясняя, что она привезена изъ Вологодской деревни и знаетъ, что прелюбодѣй Озеровъ Ревельскаго гарнизона прапорщикъ и находится въ г. Ревелѣ. 25 того Февраля Дикастерія «подъ страхомъ за ложное показаніе и утайку жестокаго въ свѣтскомъ судѣ наказанія», спрашивала женку Матвѣеву, которая подтвердила любовную связь С. . . . ой съ Озеровымъ, объясняя, что въ 1742 году С. . . ва въ осеннее время, прибывъ чрезъ Вологду въ село Богородское и поживъ малое время, возымѣла познаніе съ офицеромъ Озеровымъ, который присланъ былъ въ Вологду для взысканія доимокъ, пріѣзжалъ въ то село Богородское и сиживалъ съ нею С . . . вою ночи по три и по четыре одинъ на одинъ, и жилъ съ нею прелюбодѣйно съ полгода, и она Марѳа говаривала ей, чтобы перестала; но она Елена ея не слушала, а за то отъ себя отослала въ крестьянскую избу. И въ квартиру онаго Озерова она Елена ѣзжала не однократно и ночевала съ нимъ ночи по три и по четыре; и въ Шуйскій пригородъ вотчины Ростовскаго монастыря къ правителю Ивану Михайлову Сапожкину (который ей Еленѣ крестный братъ) съ нимъ Озеровымъ зимнимъ временемъ въ однѣхъ саняхъ въ гости ѣзжала. При семъ Матвѣева дополнила, что мать Озерова, вдова Анна Иванова, живетъ въ Ростовскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Поздеревой, которая смежна съ сельцомъ Григорцевымъ, принадлежащимъ ея г-жѣ С. . . вой. Дикастерія 15 Марта сообщила въ Ревельскую Губернскую Канцелярію о высылкѣ прапорщика Озерова въ Дикастерію для допроса; но оттуда отвѣта не было.

Мая 27, того 1743 года прокуроръ С . . въ, съ жалобою на медленное производство въ Дикастеріи и указывая на законы о расторженіи, брака за прелюбодѣйство, подалъ просьбу въ Московскую Св. Синода

Контору о разрѣшеніи ему вступить въ законное супружество съ другою. Контора препроводила просьбу его въ Дикастерію для надлежащаго рѣшенія. Но Дикастерія дожидалась увѣдомленія отъ Ревельской Губернской Канцеляріи, которая на ея троекратныя отношенія отвѣчала 9 Августа, что промеморіи Консисторіи переданы генералъ-маіору и оберъ-коменданту Ревельскому Ганнибалу, въ вѣдомствѣ коего находится прапорщикъ Озеровъ. Ревельскій комендантъ также не отвѣчалъ Дикастаріи, а С . . въ настоятельно просилъ рѣшить дѣло его. Посему Дикастерія 14 Ноября положила представить въ Св. Синодъ экстрактъ изъ дѣла съ мнѣніемъ: жену прокурора коллегіи Ефима С. . . . Елену Михайлову, давъ ей по силѣ Кормчей книги, новыхъ заповѣдей Іустиніана царя 4-й главы, 13 грани и закона градскаго 11 грани, пп. 8 и 15, вѣно, т. е. приданое движимое и недвижимое, отъ супружества разлучить вовсе, и по разлученіи быть ей Вологодской епархіи (въ которой вотчины ея имѣются) въ дѣвичьемъ монастырѣ, въ которомъ пристойно, по смерть ея неисходно, дабы она больше прелюбодѣйство впредъ чинить не могла. И хотя она Елена, за объявленное ею съ прапорщикомъ Озеровымъ прелюбодѣйство, по силѣ оныхъ же правилъ, подлежала и наказанію, однако то ей наказаніе отставить, а вмѣнить ей въ наказаніе содержаніе ея въ Ѳеодоровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, а именно 9 мѣсяцевъ безъисходно. А у означеннаго С . . . . ва объ отдачѣ того ея вѣна безъ удержанія взять подписку, и о женитьбѣ ему С . . . ву на другой женѣ дать позволеніе; а доколѣ оный С . . . въ о возвращеніи ей вѣна не обяжется, позволенія ему на другой женѣ о женитьбѣ не давать; а помянутой Еленѣ недвижимое приданое отдать токмо для пропитанія по смерть ея, а ей не только не продавать, но и закладывать запретить, и о томъ запрещеніи въ Юстицъ-Коллегію сообщить письменно; понеже имѣется у нея Елены, съ помянутымъ С . . . . мъ прижитая дочь, которую содержать и воспитывать желаетъ оный С . . . овъ, а ей Еленѣ, за непотребнымъ житіемъ ея, въ воспитаніе не отдать. А о допросѣ прелюбодѣйствовавшаго съ показанною С . . . ва женою Ревельскаго гарнизона прапорщика Ивана Озерова, котораго по тремъ промеморіямъ не прислали, о высылкѣ его для допросу сообщить еще, гдѣ онъ обрѣтается, въ команду письменно, дабы тотъ прелюбодѣй, чему онъ по указамъ достоинъ будетъ, за то прелюбодѣйство втунѣ остаться не могъ. О чемъ отъ Московскаго архіепископа Іосифа донесено Св. Синоду 15 Ноября 1743 года.

Въ Генварѣ 1744 года прокуроръ Алексѣй Ивановъ Львовъ, объясняя, что жена С . . . ва Елена Михайлова ему племянница и на содержаніе въ монастырѣ отъ мужа своего никакого кошта не полу-

чаетъ, а находится въ крайней нуждѣ безъ пищи и безъ одежды и въ холодномъ житіи; а мужъ ея С . . овъ владѣетъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, просилъ преосвящ. Іосифа перевести С . . . ву для содержанія въ Московскій Новодѣвичій монастырь, или отдать ему на роспиcку. Преосвященный 26 Генваря разрѣшилъ помѣстить ее въ семъ монастырѣ, и копіистъ Дикастеріи Михаилъ Трофимовъ, по инструкціи, привезъ Елену С . . . ову изъ Ѳеодоровскаго монастыря; 9 Февраля она помѣщена въ Новодѣвичій монастырь. Прокуроръ Львовъ 14 Февраля того 1744 года просилъ Св. Синодъ отдать ему С . . . . на роспиcку. Синодъ 20 того жъ Февраля опредѣлилъ отдать ее ему Львову и прочимъ сродникамъ ея знатнымъ людямъ тремъ персонамъ на роспиcку, чтобы она изъ Москвы до рѣшенія о ней дѣла никуда не съѣзжала, и когда спрошена будетъ, объявить ее въ Св. Синодъ. Въ принятіи ея Елены расписались прокуроръ означенный Львовъ, поручикъ Андрей Ивановъ Дашковъ, коллежскій ассессоръ Иванъ Андрейновевъ Рохманинъ, подполковникъ Андрей Ходыревъ.

21 тогожъ Февраля, прокуроръ С...въ подалъ прошеніе въ Св. Синодъ съ жалобою на медленное рѣшеніе дѣла о разводѣ его съ женою и просилъ дозволенія вступить ему во второй бракъ, объясняя между прочимъ, что «по равномѣрнымъ такимъ же дѣламъ въ прошлыхъ годѣхъ, какъ Св. и Пр. Синоду небезъизвѣстно, есть за такими законными причинами, по силѣ правилъ св. отецъ, многимъ о женитьбѣ позволеніе». Синодъ по справкѣ съ дѣломъ опредѣлилъ: послать указъ въ Военную Коллегію о немедленномъ представленіи прапорщика Озерова въ Св. Синодъ. Указъ въ Коллегію посланъ 1 Марта того 1744 года. Генералъ-лейтенантъ и княжества Эстляндскаго губернаторъ принцъ Фонъ-Голъ-Штейнъ-Бекъ доношеніемъ отъ 26 Апрѣля представилъ Св. Синоду, что прапорщикъ Озеровъ при оказіи отправленъ въ конвоѣ за арестантами для отвозу въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, а по отдачѣ велѣно ему явиться для допросу въ Св. Синодъ. Маія 28 Озеровъ явился и 1 Іюня былъ допущенъ въ Св. Синодъ по дѣлу С...хъ. Въ прелюбодѣйствѣ съ С...ою онъ не сознался, объясняя, что онъ холостъ, знакомъ съ С...ою, потому, что въ 1741 году командированъ былъ вмѣстѣ съ поручикомъ Иваномъ Лукьяновымъ Кологривовымъ на Вологду для понужденія воеводы и другихъ къ сбору недоимки подушныхъ денегъ, и Кологривовъ объявилъ ему, что С...ва его двоюродная сестра, а потому къ ней они въ Вологдѣ ходили; а потомъ Сабурова просила, чтобъ онъ не оставилъ ея по дѣламъ о деревенскихъ нуждахъ; и потому онъ ѣзжалъ къ ней въ село Парашино, которое отъ Вологдѣ въ 25 верстахъ, и за позднимъ временемъ въ ея домѣ ночевалъ; спалъ съ нею

не въ одной свѣтлицѣ, и она на Вологду пріѣзжала и останавливалась по знакомству въ его квартирѣ въ особой свѣтлицѣ, и ночевала съ своими няньками и дѣвками, и въ 1752 году, зимнею порою, ѣздила Шуйскаго пригородка къ управителю Ивану не Сапожкову, а Зубову, съ людьми своими въ особыхъ, а не въ однѣхъ саняхъ. А тѣмъ прелюбодѣйствомъ она Елена, такожъ и дворовая ея женка Марѳа Матвѣева, поклепали его Озерова, знатно, по какой страсти или ссорѣ, истинно напрасно: понеже имѣется между его Озерова и прокурора Ефима С...ва деревнями въ Ростовскомъ уѣздѣ смежство, и въ земляхъ бываютъ ссоры. Синодъ положилъ: дать ему Озерову съ С... очную ставку.

Іюля 6 С...ва подала прошеніе въ Св. Синодъ, объясняя, что послѣ смерти отца своего, стольника Михаила Трусова, она съ братомъ своимъ Лавромъ осталась въ малыхъ лѣтахъ, и въ 1733 г. братъ родной отца ихъ Петръ Трусовъ разбоемъ убилъ мать ея и брата Лавра до смерти въ домѣ ихъ, Ростовскаго уѣзда, въ селѣ Григоровцѣ, и ее Елену искалъ убить, токмо ее ухоронили; а въ то время она была 12 лѣтъ. По указу Сената, дядя ея Петръ Трусовъ и другіе смертоубійцы взяты въ Москву, въ Сыскной Приказъ, гдѣ былъ прокуроромъ въ то время Василій Ивановъ С...въ, который, желая воспользоваться оставшимися ей большими пожитками и деревнями, женилъ сына своего Ефима на ней Еленѣ. И какъ только означенный сынъ его Ефимъ женился на ней, то отецъ его и оный мужъ удумали всѣ ея деревни укрѣпить за означеннаго мужа ея, и подъ страхомъ заставляли ее къ написаннымъ крѣпостямъ прикладывать руку, и онъ мужъ многія ея деревни, заводы и хлѣбъ продалъ. А за противорѣчіе ея мужъ съ свекромъ ея чинили ей великія тѣсноты, а свекровь и дочь ея Аграфену, которая одна изъ дѣтей осталась въ живыхъ, отняла у нея и видѣть не давала ей; а она Елена у мужа своего была въ заперти въ особой избѣ немалое время. Потомъ мужъ ея и свекоръ говорили ей, чтобъ она, когда приведена будетъ въ Дикастерію, сказала на себя прелюбодѣйство съ офицеромъ Озеровымъ, обѣщаясь за то отдать ей дочь и отослать ее въ приданыя деревни; а въ противномъ случаѣ угрожали пытать и бить ее, и когда она приведена была въ Дикастерію, то была въ изступленіи ума и показала то, что̀ они велѣли показать; а люди ея, на коихъ ссылается мужъ, причастны были къ убійству матери и брата ея. И просила учинить ее свободною отъ мужа. Св. Синодъ посему обратилъ дѣло въ Дикастерію для законнаго разсмотрѣнія. Консисторія Сентября, 18 того 1744 года, положила: производить дѣло «съ головы», то есть съ начала, и затребовала обоихъ къ допросу судомъ по формѣ.

С...въ на распоряженіе Консисторіи принесъ жалобу въ Св. Синодъ, указывая на законы, что не слѣдовало оставлять прежняго опредѣленія Дикастеріи по его дѣлу. Синодъ потребовалъ по сему объясненія, и когда шла переписка Консисторіи съ Св. Синодомъ, прапорщикъ Озеровъ, по опредѣленію Консисторіи 31 Марта 1745 года, отпущенъ къ своей командѣ. С...ва требовалась къ допросу въ Консисторію, но не явилась, и посланные съ сыскною объявили, что прокуроръ Львовъ ее укрываетъ.

Іюня 24 того 1745 года, прапорщикъ Алексѣй Петровъ Трусовъ предъявилъ прошеніемъ въ Консисторіи, что двоюродная сестра его Елена Михайлова С...ва письменно просила взять ее съ порукъ изъ дома прокурора Львова и представить въ Консисторію, при чемъ представилъ и письмо. Въ письмѣ С...ва жаловалась на тяжкое житье у дяди, что онъ непрестанно бранитъ ее и проч. Консисторія 24 Іюля дала инструкцію своему канцеляристу Егору Алексѣеву съ солдатами, чтобъ онъ, взявъ на съѣзжемъ дворѣ потребное число сотскихъ и десятскихъ, и съ ними, истребовавъ изъ дома Львова С...ву, привелъ ее въ Консисторію. Канцеляристъ тогожъ числа представилъ С...ву въ Консисторію. С...ва 5 Августа подала въ Консисторію прошеніе, что, будучи на роспискѣ у прокурора Львова въ прошломъ году, писала челобитье въ Св. Синодъ, что она якобы по устращиванію свекора и мужа своего показала на себя прелюбодѣйство съ прапорщикомъ ложно и пр., «отъ всего сего отрекается, и то писала напрасно, а остается на прежнемъ въ Дикастеріи показаніи»; и просила отдать ее на росписку къ показанному двоюродному брату Трусову, при чемъ представила реэстръ разнаго недвижимаго ея имѣнія, которое оставлено въ домѣ прокурора Львова, и просила оное истребовать.

Консисторія 25 Сентября 1745 года мнѣніемъ положила: 1) Согласно прежнему опредѣленію Дикастеріи, прокурора Ефима С...ва съ женою Еленою Михайловою, за прелюбодѣйсто ея съ прапорщикомъ, отъ законнаго супружества, не слѣдуя болѣе, разлучить, и съ другою въ бракъ ему С...ву вступить—позволеніе дать. 2) Прелюбодѣйствовавшій съ нею поручикъ Озеровъ, хотя, прикрывая вину свою въ прелюбодѣйствѣ, и запирался, однако въ допросѣ оказалъ себя весьма подозрительнымъ; ибо «ежелибъ не для прелюбодѣйства, то-бъ какъ ему Озерову къ ней, такъ и ей Еленѣ къ нему не за чѣмъ ѣздить и на одной того Озерова квартирѣ стоять, и также въ дальное разстояніе за 70 верстъ съ чужою женою въ гости ѣздить не надлежало и нужды не было»; а Кормчею книгою (нов. зап. Іустиніана царя, гл. 44) положено: буде жена не только прелюбодѣйство учинитъ,

но хотя со внѣшними мужи піетъ въ корчемницѣ, или индѣ негдѣ безъ позволенія мужа своего внѣ дому прележитъ не у родителей, таковыхъ отгнати. 3) Показанная Елена сама въ прелюбодѣйствѣ призналась, за каковое прелюбодѣйство, по силѣ тѣхъ же заповѣдей Іустиніана царя 4 гл., гр. 13, должно послать ее къ неисходному до смерти ея пребыванію въ дѣвичь монастырь, или по указу Апрѣля 2 дня, 1741 года, въ вѣчную работу, которою посылкою С...въ долженъ лишиться оной Елены, якобы уже умершей, чего ради и оному С...ву позволеніе жениться на другой дать надлежитъ. 4) Хотя по вышеписаннымъ правамъ означенная Елена подлежитъ наказанію и посылкѣ въ работу вѣчно; но за самовольное ея въ томъ признаніе, оную посылкую въ вѣчную работу отставить, а вмѣсто того послать ее, какъ и прежде Дикастеріею утверждено, въ приданыя ея дальнія деревни, въ которыхъ быть ей до кончины ея, безъ выхода; а отцу ея духовному положить ей епитимію и имѣть крѣпкое смотрѣніе, дабы тоё епитимію исполняла и о отпущеніи грѣха Всемилостиваго Бога усердно просила; а дабы оное исполнилось непремѣнно, велѣть о томъ наблюдать и тамошнему духовныхъ дѣлъ управителю, а о несъѣздѣ ея изъ тѣхъ деревень воеводѣ. 5) Прижитой ими дочери, для лучшаго воспитанія и присмотра, быть при отцѣ; понеже быть ей при одной Еленѣ, по оказавшемуся за нею подозрѣнію, не должно и 6) На поручика Озерова, оказавшагося крайне подозрительнымъ въ прелюбодѣйствѣ, надлежитъ отцу его духовному возложить, по силѣ правилъ св. отецъ, епитимію. О чемъ экстрактъ изъ дѣла и представленъ Св. Синоду 20 Декабря 1745 года. Указомъ Св. Синода отъ 19 Сентября 1747 года, предписано Консисторіи: прислать въ скорости въ Св. Синодъ подлинное дѣло о разводѣ прокурора Ефима С...ва съ женою его Еленою Михайловою. Дѣло отослано Октября 5-го того года по Нѣмецкой почтѣ.

Въ 1748 году Августа 22, Св. Синодъ указомъ далъ знать, что Пр. Сенатъ вѣдѣніемъ отъ 5 Іюля того года сообщилъ Синоду, что по именному Ея Императорскаго Величества Государыни Елисаветы Петровны указу между прочимъ повелѣно: «Дочь прокурора С...ва, рожденную отъ жены его Елены, со всѣмъ ея движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, отъ него С...ва взять и отдать матери ея и со тѣмъ всѣмъ, ежели чтó С...въ взялъ на седьмую или четвертую части; о которомъ на седьмую или четвертую части взятьѣ какого движимаго или недвижимаго имѣнія, наипаче изслѣдовавъ, Ея Императорскому Величеству донести, и гдѣ оное учинено, въ противность указовъ, въ Вотчинной-ли Коллегіи, или въ Крѣпостной Конторѣ, тѣхъ, кто дѣлалъ, штрафовать по указамъ, и впредь такія противныя ука-

замъ дѣла дѣлать, что при живой женѣ, или при живомъ мужѣ часть брать, затретить. А тому движимому и недвижимому имѣнію всему быть въ одной власти Елены С...ой по смерть ея; а когда дочь ея приличныхъ къ замужеству лѣтъ достигнетъ, тогда оную выдать замужъ, съ тѣмъ, что́ мать ея опредѣлитъ ей, а по смерти матери дочери слѣдуетъ быть наслѣдницею всему; но чтобъ на оное имѣніе, какъ недвижимое, такъ и движимое, доколѣ она С...ва жива, утратъ не было, то все велѣть описать и на оное никакихъ крѣпостей и закладныхъ писать не велѣть».

II. Освидѣтельствованіе беременной чрезъ бѣлицъ женскаго монастыря.

1744 года Августа 31-го. Вотчинная Коллегія въ промеморіи объяснила, что Апрѣля 20 жена умершаго канцеляриста Никиты Звягина, Ѳекла Максимова объявила, что послѣ онаго мужа она осталась беременною и понесла съ Генваря мѣсяца сего 1744 г. (прежде смерти мужа), и срокъ къ рожденію будетъ Октября въ первыхъ числахъ сего же года; а братъ его лейбъ-гвардіи коннаго полка капралъ Иванъ Звягинъ предъявилъ, что она послѣ мужа своего не осталась беременною и просилъ ее освидѣтельствовать. Коллегія и сообщила Консисторіи Звягину освидѣтельствовать. Консисторія предписала игуменіи Зачатіевскаго монастыря «велѣть по самой истинѣ Звягину освидѣтельствовать изъ обрѣтающихся въ томъ монастырѣ двумъ искуснымъ вдовствующимъ бѣлицамъ-вкладчицамъ, и что̀ по свидѣтельству явится, о томъ подать игуменіи въ Д. Консисторію рапортъ». Двое солдатъ консисторскихъ ходили въ домъ за Звягиной и донесли Консисторіи, что изъ онаго ея дому незнаемо какой человѣкъ вышедъ говорилъ имъ солдатамъ, для чего они по оную вдову Звягину пришли воровски по сыскной (простая повѣстка), а не по инструкціи, и билъ ихъ солдатъ тростью, говоря при томъ, чтобъ и впредъ они солдаты по оную вдову не ходили. Отецъ Звягиной коллежскій ассесоръ Максимъ Ивановъ Прокофьевъ 11 Октября того 1744 г. объявилъ Консисторіи, что дочь его вдова Звягина 6-го того Октября выкинула и лежитъ больна, о чемъ изъ Консисторіи и сообщено въ Вотчинную Коллегію.

III. Расторженіе брака капитана Бутурлина.

1746 г. Декабря 17, перваго Московскаго полка капитана Ивана Петрова Бутурлина жена Анна Семенова объяснила, что въ 1734 г.

она выдана за означеннаго мужа дядею двоюроднымъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Алексѣемъ Львовымъ Плещеевымъ и прижила дѣтей; но лѣтъ съ шесть оный мужъ находится въ безмѣрномъ пьянствѣ и другой годъ, оставя плотское съ нею сожительство, сталъ прелюбодѣйствовать и жить блудно со многими, и въ Октябрѣ того 1746 года одна изъ блудницъ, Ксенія Григорьева, взята у него съ постели и приведена въ полковую канцелярію, гдѣ и показала, что она жила съ нимъ прелюбодѣйно. Къ сему Бутурлина присовокупила, что кромѣ того онъ Бутурлинъ бьетъ ее смертно и увѣчитъ и похваляется, увезши ее въ деревню, убить ее до смерти; и потому она Бутурлина просила о разводѣ ея съ мужемъ.

Консисторія по просьбѣ положила произвести судъ по формѣ, не пріемля отъ истицы и отвѣтчика повѣренныхъ, а быть имъ, по указу Синода 1729 года Ноября 6-го, самимъ, и изъ полковой канцеляріи истребовать дѣло о прелюбодѣйствѣ Бутурлина. Бутурлинъ подалъ на жену прошеніе въ полицеймейстерскую канцелярію, якобы она отъ него бѣжала, куда Бутурлина и взята. Консисторія сообщила въ канцелярію о присылкѣ ея. Канцелярія, препровождая Бутурлину въ Консисторію, увѣдомляла, что Бутурлинъ подавалъ прошеніе въ канцелярію съ объясненіемъ, что жена его изъ дому (который находится въ приходѣ у Спаса въ Наливкахъ) съ малолѣтнимъ сыномъ Николаемъ, забравъ пожитки, безъ воли его и невѣдомо куда уѣхала. Консисторія отдала Бутурлину поручителямъ на росписку съ тѣмъ, чтобы она являлась въ Консисторію повседневно. Февраля 9-го 1747 г. Бутурлинъ подалъ въ Консисторію прошеніе, признавая себя виновнымъ въ томъ, что̀ прописала о немъ жена въ прошеніи и что они оба въ неизцѣльныхъ болѣзняхъ, и для того просилъ дозволить имъ жить порознь безъ вступленія обоимъ въ бракъ; а дѣтей малолѣтнихъ, Николая и Александра, онъ отдаетъ до возраста ей женѣ своей, а по возрасту ихъ объ опредѣленіи на службу обязуются они имѣть общее стараніе; и для пропитанія съ дѣтьми отдаетъ онъ все прежнее имѣніе ея какъ движимое, такъ и недвижимое. Подъ прошеніемъ подписалась и жена его. Консисторія продолжала требовать Бутурлина къ себѣ; но Бутурлинъ 20 Мая подалъ вторично прошеніе, объясняя, что онъ находится въ разныхъ неисцѣльныхъ болѣзняхъ, отъ которыхъ къ плотскому житію съ женою весьма неспособенъ, а она жена обстоитъ въ молодыхъ лѣтахъ, которую онъ увольняетъ отъ супружескаго сожитія съ нимъ и позволяетъ ей вступить во второй бракъ, а дѣтей поручаетъ въ вѣчное материнское наставленіе и содержаніе.

Консисторія, по выпискѣ изъ законовъ, опредѣлила: Жену Бутурлина Анну Семенову отъ него Бутурлина развести; а дабы капитанъ

Бутурлинъ за показанныя его прелюбодѣйства и за умышленіе къ смертному убійству жены своей, по правиламъ Св. Отецъ, безъ покаянія церковнаго и по воинскимъ и градскимъ правиламъ безъ подлежащаго оштрафованія оставленъ не былъ, также впредъ въ такихъ же богомерзкихъ дѣлахъ не обращался, и надъ нимъ имѣлъ бы смотрѣніе отецъ его духовный; о томъ о всемъ въ Военную Коллегію сообщить промеморіею.

IV. Жестокое обращеніе Московскаго купца Турчанинова съ своею женою.

1747 года Іюля 17, дочь Московской Главной Аптеки купчины Василія Ильина Агентова, а жена Московскаго купца 1-й гильдіи Ивана Андреева Турчанинова въ прошеніи объяснила, что она въ замужествѣ за онымъ мужемъ въ первомъ бракѣ, а онъ во второмъ съ 1746 года, и съ начала самаго супружества онъ оказывалъ ей безчеловѣчныя озлобленія и побои, какъ-то: въ Августѣ того года билъ ее въ спальнѣ ночнымъ временемъ по вискамъ и въ грудь и, ухвативъ руками своими за гортань, давилъ ее смертельно; отъ сего и гортань болѣла и отъ сей болѣзни была пользована докторомъ Севастомъ. Въ Октябрѣ также, лежа на постели ночнымъ временемъ, душилъ ее, и она едва спасла животъ свой, и въ томъ же мѣсяцѣ также оный мужъ ее билъ безвинно въ спальнѣ и, не удовольствуясь тѣмъ, гонялся за нею съ обнаженною шпагою, чтобъ ее умертвить, но случившаяся въ то время крестная мать его Матрена Тихонова отняла у него шпагу. А въ семъ 1747 году въ Іюлѣ мѣсяцѣ въ спальнѣ хотѣлъ ее рѣзать ножемъ; но она закричала, и на крикъ ея прибѣжали гостившая у нихъ сестра ея родная Евгенія и показанная мать его крестная и отняли у него ножъ. А оныя безвинныя мученія и умышленныя намѣренія отъ того, что онъ въ домѣ живетъ съ прелюбодѣйками, а именно: съ дѣвкою Анною Ивановою да съ женкою Степанидою Алексѣевою, и просила дозволить жить ей у своего отца. Консисторія сообщила въ Главный Магистратъ о высылкѣ Турчанинова къ допросу.

Сентября 11-го полицеймейстерская канцелярія прислала въ Консисторію служительницу означеннаго купца Турчанинова дѣвку Анну Иванову, объясняя, что на нее закричалъ караулъ человѣкъ купчины Агентова Димитрій Петровъ, объявляя, что о ней производится въ Консисторіи дѣло за блудодѣяніе ея съ Турчаниновымъ, и въ тоже время въ полиціи отецъ Турчаниновой Агентовъ заявилъ полиціи, что Турчаниновъ какъ женку Степаниду Алексѣеву, такъ и ее дѣвку

Иванову изъ дому своего вывезъ; потому человѣкъ его, увидя ее Иванову, закричалъ на нее караулъ. Дѣвка Иванова въ полиціи была допрошена и показала, что ей отъ роду 19 лѣтъ, отецъ ея былъ купецъ и лѣтъ съ пять умеръ, и по бѣдности, года четыре тому назадъ, поступила она въ услуженіе въ домъ къ Турчанинову, по свойству ея съ его первою женою; а въ 1746 году, когда уже Турчаниновъ былъ вдовъ, велѣлъ ей подать стаканъ квасу, и въ то время въ покояхъ никого не было, когда она подала ему квасу, то онъ... и о томъ она никому не сказывала, боясь его побой; а въ семъ мѣсяцѣ она отправилась къ матери своей, живущей въ Кожевникахъ. Также въ полицію взята была и женка Степанида Алексѣева, которая показала, что отъ роду ей 17 лѣтъ, отецъ ея крестьянинъ Троицкой Сергіевой лавры, Клементьевской слободы. Когда въ Сентябрѣ прошлаго 1746 г. купецъ Турчаниновъ ѣхалъ изъ города Ярославля, и сосваталъ ее за крѣпостнаго своего служителя Ивана Андреева и вѣнчаны въ Москвѣ у Николы Заяицкаго; блуда она съ онымъ Турчаниновымъ не имѣла. 21 Августа и дѣвка Анна Иванова, при чтеніи допроса ея въ присутствіи, въ растлѣніи дѣвства ея купцомъ Турчаниновымъ чинила запирательство, а при бою кошекъ *) спрашивана и показала, что-де оный Турчаниновъ растлилъ дѣвство ея и чинилъ съ нею блудъ какъ во вдовствѣ, такъ и по женитьбѣ, и по сходѣ изъ дому его Турчанинова къ матери ея, женка Степанида, по случаю ея беременности, отпущена домой, а дѣвка Иванова препровождена въ Консисторію.

Турчаниновъ, при промеморіи отъ 29 Сентября 1747 г., присланъ изъ главнаго Магистрата въ Консисторію. Консисторія, отпустивъ Турчанинова домой, 23 Октября того года опредѣлила, по силѣ указа о формѣ суда, собрать по Турчаниновѣ поручную запись, и для того данъ перечень консисторскому солдату Горямину. Солдатъ донесъ Консисторіи, что онъ являлся къ Турчанинову и понуждалъ его къ собранію записи; а 30-го Октября, когда звалъ его въ Консисторію, то и онъ велѣлъ запрячь двухъ лошадей и поѣхалъ со двора, а онъ Горяминъ стоялъ у него на запяткахъ, съ которыхъ онъ Турчаниновъ ссылалъ его многократно; и какъ доѣхали до Пятницкаго мосту, то онъ Турчаниновъ, не ѣхавъ настоящею дорогою чрезъ живой мостъ, поворотилъ на болото и, направя на ухабъ, его съ запятокъ сшибло, отъ чего онъ Горяминъ упалъ и едва праваго глаза не вышибъ, немало крови вышло; а самъ онъ Турчаниновъ, ударя по лошадямъ, уѣхалъ и невѣдомо куды. Горямину сдѣланъ осмотръ въ Консисторіи, и оказался у него правый глазъ расшибенъ съ запек-

*) Кошки—орудіе для наказанія, какъ и ременныя плети.

шеюся кровію. 20-го Ноября сообщено въ полицiймейстерскую канцелярію о сыскѣ и присылкѣ Турчанинова въ Консисторію. 14-го Декабря Турчаниновъ явился въ Консисторію и представилъ о себѣ поручную запись. 16-го того Декабря дѣвка Анна допрошена въ Консисторіи и показала, «что Турчаниновъ дѣвства ея не растлилъ, и она съ нимъ прелюбодѣйства никогда не чинила, а въ полиціи въ допросахъ показывала, не стерпя жестокихъ кошками побой; а онъ Турчаниновъ свойственникъ ей, потому что первая его Турчанинова жена ей сестра по отцѣ». Турчаниновъ опять не являлся къ допросу въ Консисторію, не смотря на многократныя за нимъ повѣстки. Въ Іюнѣ мужъ и жена Турчаниновы подали мировую съ тѣмъ, что онъ Турчаниновъ отпущаетъ жить ее къ отцу и возвращаетъ все ея приданое. Консисторія положила: доложить по сему съ выпискою изъ законовъ, и дѣло оставалось безъ производства.

Въ 1748 г. дѣвка Анна Иванова Августа 31 подала просьбу преосвященному Платону архіепископу Московскому, объясняя, что она содержится съ Сентября 1747 г. въ колоднической палатѣ Консисторіи за прелюбодѣйство съ купцомъ Турчаниновымъ, и онъ Турчаниновъ съ женою челобитьями объявили, что они, поговоря межъ собою полюбовно, не ходя въ судъ, помирились, и за дѣломъ хожденія никто не имѣетъ, а «она содержится годъ безъ всякаго освобожденія, не имѣя дневной пищи, и помираетъ безвременно голодомъ», просила ее изъ подъ аресту освободить. Преосвященный велѣлъ немедленно представить къ нему все дѣло; а по дѣлу приказалъ Турчанинова сыскать и содержать неисходно въ Консисторіи, и ни на какія росписки не отпускать: «понеже мировыя ихъ наченшагося объ нихъ дѣла никакъ не опровергаютъ». Турчаниновъ по вытребованіи задержанъ въ Консисторіи, и 16 Сентября взятъ отъ него допросъ, въ которымъ онъ относительно блудодѣйства съ дѣвкою Анною и женкою Степанидою учинилъ запирательство; крѣпостныхъ людей своихъ отъ свидѣтельства отводилъ для того, что «онѣ крѣпостныя его Турчанинова женки, иногда въ домашнихъ обрядахъ являются неисправны, то онъ Турчаниновъ ихъ за тѣ неисправности неоднократно наказывалъ». Отца духовнаго имѣетъ церкви Михаила Архангела въ Овчинникахъ, священника, на исповѣди и у св. причастія ежегодно бывалъ, исключая 1747 г., когда онъ и прочіе Московскіе купцы откупали Смоленской губерніи кабаки, то ѣздилъ для осмотра тѣхъ кабаковъ, а въ семъ 1748 г. не былъ за содержаніемъ его по нѣкоторому дѣлу въ Конторѣ розыскныхъ дѣлъ. Изъ живущихъ въ домѣ Турчанинова допрошены: 1) Мать его крестная, Московская купчиха Матрена Тихонова показала (по общей ссылкѣ), что о любодѣйствѣ его Турчанинова съ

дѣвкою Анною она не знаетъ, да и знать не можно, ибо ей о томъ сказывать не будутъ; Анна дѣйствительно была двоюродная сестра первой его женѣ. 2) Наемный кучеръ Турчанинова крестьянинъ Дмитрій Васильевъ, что ему, въ бытность въ домѣ Турчанинова, часто случалось видѣть въ тѣ времена, какъ оный Турчаниновъ пріѣзживалъ изъ гостей, то какъ изъ коляски, такъ и изъ саней по то время, пока та дѣвка вызовомъ не выдетъ, не выхаживалъ, и когда станетъ вызывать, то онъ Турчаниновъ тоё дѣвку цѣловалъ и... многократно, всходя съ нею Анною въ сѣни, долговременно стоя въ сѣняхъ, цѣловались; и когда онъ Турчаниновъ отослалъ ее Анну къ матери, то она, приходя въ людскую, жаловалась такими рѣчьми: «судья Богъ Ивану Андреевичу, что онъ меня такъ оставилъ».

Дѣло оставалось безъ рѣшенія, а Турчаниновъ содержался при Консисторіи. Въ 1749 году, Марта 6, поступило прошеніе въ Консисторію отъ ямщицкой дочери малолѣтной дѣвки Акулины Ѳеодоровой, съ объясненіемъ, что купецъ Иванъ Андреевъ Турчаниновъ, изъ содержанія въ Консисторіи, 27 минувшаго Февраля пришелъ въ домъ свой «и безъ всякой причины связалъ ей веревкою руки и ноги, билъ ее смертно и . . . . . . при томъ была тетка его Мавра Степанова, которая ему давала для вязанія веревку»; и освободившись она объявила о семъ людямъ, живущимъ въ услуженіи у брата его Михаила Турчанинова; а отъ вязанія на рукахъ доселѣ имѣетъ знаки.

Консисторія, на основаніи докладныхъ пп. 12 Апрѣля 1722 года, опредѣлила: дѣвку Анну Иванову съ подлиннымъ дѣломъ препроводить для изслѣдованія и рѣшенія въ Юстицъ-Коллегію. Неизвѣстно, чѣмъ это дѣло рѣшено; только 20 Іюля 1750 года Слѣдственная Коммиссія о ворѣ Каинѣ для чего-то потребовала свѣдѣнія, помирились-ли между собою Турчаниновы? Консисторія по справкѣ отвѣтствовала, что они подали просьбу о дозволеніи ей Турчаниновой жить у отца, «и по сему дѣлу велѣно предложить съ выпискою, но точію за нехожденіемъ ихъ на ту выписку гербовой бумаги взять было не отъ кого».

V. Разлученіе пономаря съ женою по случайному ихъ воспреемничеству двухъ близнецовъ.

1747 года Декабря 23, Троицкой, въ Серебренникахъ, церкви пономарь Аѳонасій Ивановъ въ томъ 1747 году, не за долго до Филиппова поста, женился и жилъ съ женою Авдотьею Ивановою въ своемъ домѣ. 30 Ноября тогожъ года жена діакона той-же церкви ночью родила при большихъ боляхъ дѣвочку, еле живую. Діаконъ

поспѣшилъ позвать викарнаго священника, жившаго въ его домѣ; взялъ у пономаря, ночевавшаго, по тогдашнему обыкновенію въ церкви, все нужное ко крещенію; а жена пономаря Иванова Авдотья, прибѣжавшая къ діяконицѣ на помощь, была вмѣстѣ съ викарнымъ попомъ воспріемницею родившейся дѣвочки Анны. Пономарева жена ушла домой; принадлежности церковныя ко крещенію отнесены обратно въ церковь. Но жена діакона чрезъ нѣсколько времени въ большихъ мукахъ родила еще дѣвочку, едва-же живую; діаконъ позвалъ викарнаго священника и послалъ въ церковь за церковными принадлежностями ко крещенію, которыя принесены пономаремъ Аѳонасіемъ Ивановымъ; пономарь, не зная, что жена его крестила первую родившуюся дѣвочку, сталъ при крещеніи вмѣстѣ со взрослою дочерью діакона воспріемникомъ другой новорожденной дочери діакона. Обѣ новорожденныя дѣвочки вскорѣ умерли. Но пономарь и жена его, воспринимавшіе дочерей діакона, стали между собою въ духовномъ родствѣ и на основаніи Кормчей книги подлежали разводу. О семъ донесено было преосвященному Платону, который велѣлъ, до крайней по сему случаю резолюціи, разлучить пономаря и его жену. Жена отослана, впредъ до рѣшенія дѣла, въ Новодѣвичій монастырь. Сдѣланы допросы. Викарный попъ объяснилъ, что онъ, по недавней женитьбѣ пономаря, не зналъ въ лицо жены его; діаконъ, что онъ, въ скорби о тяжкой болѣзни жены, въ которой она призывала духовника, почти не видалъ, какъ крестили вторую дочь его Варвару; а пономарь, что онъ совсѣмъ не зналъ, что жена его была въ домѣ діакона. О семъ 15 Марта 1748 года представлено Св. Синоду мнѣніе: что хотя съ пономаремъ и надлежитъ поступить по силѣ правилъ, но въ разсужденіе того, что оное воспріемничество послѣдовало по невѣдѣнію и въ крайней нуждѣ чтобы младенцы безъ крещенія при смерти не остались, а при томъ они въ брачное совокупленіе поступили недавно, и по разлученіи, отъ крайней прискорбности, чего-бъ надъ собою учинить не могли, отъ брачнаго союза ихъ не разлучать, а возложить на нихъ епитимію. Синодъ не разрѣшалъ этого мудренаго казуса. Жена пономаря оказалась чреватою и изъ монастыря отпущена къ роднымъ, но съ мужемъ была разлучена и не имѣла сожительства. Въ 1753 году Февраля 1, жена пономаря описывала свое бѣдственное состояніе отъ разлученія съ мужемъ и что ихъ ребенку пятый годъ, а онъ не имѣетъ съ нею пристанища. Преосвященный Платонъ, не дождавшись рѣшенія Синода, самъ разрѣшилъ: «понеже просительницы сія погрѣшность въ невѣдѣніи, того для позволить ей жить съ мужемъ своимъ по-прежнему».

VI. Жестокое обращеніе стряпчаго Витова съ своею женою.

1748 года Генваря 15 дворцовый стряпчій Андрей双Мининъ Витовъ представилъ въ Полиціймейстерскую Канцелярію жену свою Прасковью Иванову, объявляя, что она, обокравъ его, бѣжала и предалась прелюбодѣйству. Полиціймейстерская Канцелярія препроводила ее Прасковью въ Консисторію. 27 Генваря Витовъ просилъ Консисторію, по случаю его болѣзни и ради дѣтей его, сына Сергѣя и дочери Мавры, отпустить жену его въ домъ. Отпущена.

6 Мая тогоже 1748 года солдатъ консисторскій объявилъ Консисторіи, что жена Витова пришла въ Консисторію, а за нею и самъ Витовъ и, увидя на крыльцѣ свою жену, схватилъ ее Прасковью, билъ смертельно тростью и топунками и тащилъ съ лѣстницы за волосы, а Прасковья велегласно. кричала «караулъ», чтобы взята была въ Консисторію, и онъ солдатъ едва ее у него Витова отбилъ. Того же 6 Мая жена Витова въ допросѣ показала, что ей отъ роду 36 лѣтъ, отецъ ея былъ дворянинъ Иванъ Григорьевъ Хлудневъ; по смерти матери осталась 5 ти лѣтъ и отдана на воспитаніе женѣ стольника Дмитрія Москотиньева Акулинѣ Ивановой, и по возрастѣ, а именно, назадъ 22 года, съ движимымъ и недвижимымъ приданымъ отдали ее замужъ за показаннаго Витова; жила съ нимъ сперва въ своей приданой деревнѣ, потомъ въ Москвѣ, имѣя собственный домъ въ приходѣ Софійской на берегу церкви, и прижила съ нимъ дѣтей мужеска пола 6, женска 8, но въ живыхъ остались: Сергѣй 10 лѣтъ, Мавра 8. И живучи съ нею, оный мужъ многократно ее Прасковью неповинно билъ и увѣчилъ, а въ 1747 году, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, на канунѣ Рождества Христова, билъ ее «смертными побои дубиной и безмѣномъ и, раздѣвъ до нага, привязалъ ноги ея Прасковьи къ полу къ скобамъ, а руки, завязавъ назадъ, къ потолку въ кольцо, жегъ ее можжевельникомъ. А на другой день Рождества Христова она Иванова, убоясь, чтобъ онъ не убилъ ея до смерти, взяла свое платье (шлафоръ пукетовой, да юбку бѣлокосовую, да подшлафоръ гризетовой, шубку штофную на лисьемъ мѣху, епанечку штофную-жъ, шапку соболью, да 4 стакана серебряныхъ), изъ дома своего ушла въ домъ сестры мужа своего, Монетной Конторы канцеляриста Володимирова, Настасьи Мячиной, у которой и лежала отъ показанныхъ побой въ болѣзни. А 1 Генваря мужъ ея пришелъ къ оному зятю и, взявъ ее съ показаннымъ платьемъ къ себѣ въ домъ, по пріѣздѣ, посадя ее съ платьемъ на извощика, а самъ сѣвъ на свою лошадь, отвезъ ее въ Полиційместерскую Канцелярію и посадилъ въ тюрьму. А во время того со-

держанія онъ Витовъ приходилъ въ канцелярію послѣ выхода присутствующихъ и, взявъ ее Прасковью въ верхнія палаты и посадя въ перегороженный чуланъ, спустя съ нея рубашку до пояса, билъ ее кошками, и предъ подъячимъ научалъ ее говорить, яко-бы она отъ него Витова чинила прелюбодѣнія, а подъячій то записывалъ. А потомъ прислана она въ Консисторію и содержалась тамъ по 20 Февраля, а въ оное число Витовъ прислалъ за нею въ Консисторію, яко-бы онъ лежитъ при смерти; а по пріѣздѣ ея въ домъ мужъ ея явился не боленъ, но здоровъ и, удержавъ ее Прасковью въ домѣ, содержалъ ее въ желѣзахъ и въ цѣпи болѣе двухъ мѣсяцевъ и билъ ее и увѣчилъ смертно. А крѣпостная ея баба Степанида Никифорова, слыша отъ него мужа похвальныя слова, что мужъ ея грозится убить ее Прасковью до смерти, въ небытность его, отопря ключами желѣзы и цѣпь, ее Прасковью освободила. И ушедъ она Прасковья съ двора своего, жила гдѣ день, гдѣ нощь, и о мучительныхъ побояхъ и непостоянномъ житіи подала доношеніе Св. Синоду въ контору. А 6 Мая, когда она Прасковья пришла въ Консисторію, тогда мужъ ея, нашедъ ее на крыльцѣ, ухватя ее, билъ по головѣ смертельно тростью и топунками, и тащилъ невѣдомо куда съ лѣстницы за волосы, и отъ того она кричала караулъ, и караульные солдаты едва ее отъ того мужа отняли.

16-го тогоже Мая Витовъ подалъ прошеніе на жену свою, что она, сговорясь съ дворовою женкою Степанидою Никифоровою, въ небытность его въ домѣ, покравъ его, бѣжала; но 6 сего Мая онъ ее поймалъ было въ Кремлѣ и повезъ-было на одноколкѣ для допросу ее въ полицію, но консисторскіе солдаты ее у него отбили и взяли въ Консисторію, а его ругательски толкали въ спину; оные же солдаты, безъ всякаго резону и опредѣленія, брали его въ оную Дикастерію подъ караулъ, и при томъ взятьѣ, невѣдомо кто изъ нихъ солдатъ вынулъ у него изъ камзольнаго праваго кармана завязанныхъ въ Тальянской шелковой вишневой платокъ денегъ гривенною монетою 43 рубля 60 коп., и потомъ выслали вонъ, а жену его для бездѣльной своей корысти оставили въ Консисторіи; къ сему присовокупилъ, что видно оные солдаты означенной отбой у него жены его учинили, а его ругательски бранили по наученію консисторскихъ подъячихъ. Консисторія по этому прошенію объявила Витову, чтобы онъ подалъ челобитную, по силѣ указовъ и Генеральнаго Регламента, не затѣйную, какъ въ томъ прошеніи его значитъ, но съ яснымъ доказательствомъ.

18 Іюня того 1748 года Московская Св. Синода Контора, излагая въ указѣ челобитье жены дворцоваго стряпчаго Витова Пра-

сковьи Ивановой, поданное въ оную Контору «о чиненномъ имъ Витовымъ съ бабами и дѣвками прелюбодѣйствѣ и о безчеловѣчныхъ отъ него Витова ей Прасковьѣ мучительныхъ побояхъ и о жженіи можжевельникомъ и горячею кочергою въ проходъ и естество, такъ же о растлѣніи выданной имъ за крѣпостнаго своего малаго канцелярской дочери дѣвки Акулины, и о скованіи ей Прасковьѣ ногъ, и о прикованіи за шею въ чепи къ стѣнѣ, и о мореніи голодомъ, и о битіи распетля, ввернувъ въ потолокъ кольцы, привязавъ ремнями, плетьми и безмѣномъ, и о переломаніи рукъ и ногъ» и проч.,—предписала не медлить по сему дѣлопроизводствомъ и имѣть наблюденіе, чтобъ ей Прасковьѣ отъ онаго мужа ея Витова никакихъ оскорбленій, также и побой и притѣсненій до рѣшенія того дѣла происходить отнюдь не могло.

Витовъ самъ въ Конторѣ Св. Синода объявилъ, что дѣти его, сынъ Григорій и дочь Мавра, показали ему, что въ 1747 году, какъ онъ Витовъ былъ въ С.-Петербургѣ, жена его Прасковья для волшебства въ домъ его призывала нѣкоторыхъ людей, также и родившагося отъ нея младенца уморила. Контора и это прошеніе при указѣ отъ 22 Іюня прислала въ Консисторію. Консисторія опредѣлила вызвать Витова и допросить по содержанію присланнаго прошенія. Жена Витова, содержавшаяся въ Консисторіи, сдѣлалась больна и просила отослать ее для содержанія къ игуменіи въ Варсанофіевъ монастырь. Консисторія при указѣ отъ 8 Октября отослала ее въ оный монастырь. Витовъ по требованію Консисторіи не явился; а въ Декабрѣ того 1748 года игуменія Варсонофьева монастыря донесла Консисторіи, что жена стряпчаго Прасковья Иванова изъ монастыря пропала, а именно 8 Декабря она пошла къ свойственникамъ для взятія себѣ на пропитаніе хлѣба, а токмо обратно въ монастырь не возвращалась, и гдѣ находится неизвѣстно. Тѣмъ дѣло кончено.

23 Февраля 1749 года, Юстицъ-Коллегія сообщила въ Консисторію, что въ прошломъ 1748 году, 20 Генваря, прислана изъ Полицімейстерской Канцеляріи съ доношеніемъ дочь бывшаго въ Монетной Канцеляріи канцеляриста Филиппова Акилина, которая показала, что въ 1747 году, въ Февралѣ мѣсяцѣ, предъ Сырною недѣлею дня за два, дворцовый стряпчій Андрей Мининъ Витовъ, подговоривъ ее съ фабрики, что̀ въ Китаѣ городѣ, на Ильинской улицѣ, въ которой была она для обученія шелковому мастерству, привезъ ее къ себѣ въ домъ и говорилъ ей, что онъ отдастъ ее за камерирскаго сына въ замужество, и въ то время объявилъ въ домѣ своемъ въ цвѣтномъ платьѣ молодца, и, напоя ее насильно виномъ, повелъ къ церкви Софіи Премудрости, что̀ въ набережныхъ Садовникахъ, и введя въ церковь

съ показаннымъ молодцомъ, велѣлъ тоя церкви священнику вѣнчать, который въ скорости и обвѣнчалъ; а потомъ привезъ въ домъ свой и объявилъ ей, что обвѣнчалъ ее съ крѣпостнымъ своимъ человѣкомъ Иваномъ Аѳанасьевымъ, и онаго человѣка сослалъ въ подклѣть и, выславъ жену свою и домашнихъ, а оставивъ ее одну въ свѣтлицѣ, ..., и потомъ насильно съ ней жилъ блудно. А въ 1748 году, Генваря 13, оный Витовъ съ дворовыми людьми своими, ввернувъ въ потолокъ кольцо и связавъ ей веревкою руки и ноги, не знаемо за что, билъ ее и увѣчилъ ругательски плетьми и безмѣномъ, перебилъ ей руки и ноги и, обобравъ съ нея платье, сбилъ со двора. Коллегія просила Консисторію допросить Софійскаго священника; допросъ былъ отосланъ въ Коллегію.

VII. Наказаніе писарской жены за непотребство.

1748 года Мая 18, изъ Полицiймейстерской Канцелярiи прислана представленная въ полицію за кражу и за прелюбодѣяніе сенатской роты писаря Данилы Свѣчинскаго жена Дарья Ѳедорова, которая въ допросѣ показала, что ей отъ роду 19 лѣтъ, солдатская дочь. Въ 1748 году, на первой недѣлѣ Великаго поста, во Вторникъ, означенный мужъ ея, пришедъ пьяный, грозился ее убить, и она, убоясь отъ него побой, бѣжала и взяла изъ приданаго своего двѣ юбки коломенковыя, балахонъ тафтяный, епанчу зеленую тафтяную жъ, шапку кунью, верхъ бархатный алый, и ушла къ дядѣ своему родному Крутицкаго дома (архіерейскаго) конюху Ѳеодору Евдокимову, у котораго и ночевала. А на другой день мужъ взялъ ее домой и грозился за побѣгъ бить ее, и она опять бѣжала; но при томъ побѣгѣ сносу у мужа своего никакого не дѣлала, кромѣ имѣющагося на ней чепца тафтянаго алаго, шубейки китайчатой на зайчьемъ мѣху, да юбки бѣлой. И жила на квартирѣ у портнаго Василія Чуфаровскаго, съ которымъ жила блудно; но предъ Вербнымъ Воскресеньемъ онъ ее сослалъ, и когда она шла для обнощеванія за Москву рѣку къ состоящимъ у Москворѣцкихъ бань печамъ, тогда дозорные солдаты взяли ее и отвели на обвахту, съ которой отослана на Красное крыльцо, оттуда мужъ ее взялъ къ себѣ на квартиру; а на Ѳоминой недѣлѣ сбилъ ее Дарью со двора, и она пошла для обнощеванія подъ мостъ, который имѣется на Бальчугѣ, гдѣ и ночевала. А на другую ночь пришла къ Ильинскимъ воротамъ, гдѣ караульные солдаты пустили ее ночевать, и чинила она съ солдатами блудное грѣхопаденіе многократно, и она дозорными брата была и на Красное крыльцо и на обвахту; но от-

туда освобождали ее; а 10 Мая она пошла было для обнощеванія подъ мостъ, но дозорные десятскіе привели ее въ полицію, а изъ полиціи 18 Мая прислана въ Консисторію. Мужъ просилъ Консисторію, наказавъ жену его за непотребство, выдать ему для житья. Консисторія опредѣлила: оную женку Дарью, учиня ей за показанныя ею вины плетьми жестокое наказаніе, отдать вышеозначенному мужу съ роспискою.

VIII. Связь капитана Панцырева съ Полькою Осецкой.

1750 года, Мая 4, подала челобитье Польской націи Авдотья Григорьева, объясняя, что отецъ ея былъ Польскаго города Кракова шляхтичъ Григорій Осецкой, а мать Анна Осецкая. Во время бытности въ томъ городѣ Краковѣ Россійскаго войска, Владимирскаго драгунскаго полка капитанъ Семенъ Григорьевъ Панцыревъ, по выходѣ Россійскаго войска изъ г. Кракова, увезъ ее 12-ти лѣтъ изъ дома отца и, прибывъ въ Польское мѣстечко Сандомиръ, съ великимъ насиліемъ, ... и за крѣпкимъ содержаніемъ ея въ квартирѣ Панцырева она не была допущена принести на него жалобу; а прибывъ въ Малороссію въ мѣстечко Воронково, отдалъ ее непраздную въ замужство за двороваго своего человѣка Василія, причемъ тогда находился тогожъ полка подпрапорщикъ Калина Ивановъ Веревкинъ. Но капитанъ Панцыревъ до законнаго съ онымъ мужемъ сожитія ее не допускалъ и, не выпуская ея съ квартиры, ... и продолжалъ съ нею оное четыре года; отъ каковаго прелюбодѣянія она родила дѣтей: сына Димитрія, да дочерей Елисавету и Праскеву, а мужа ея Василія сослалъ въ Муромскую свою деревню, который, по приказу его, тамъ паки женился и со второю женою тамъ прижилъ дѣтей. Вѣдая, что онъ Панцыревъ женатъ, она Григорьева просила его отпустить съ дѣтьми въ ея отечество; но онъ ея не отпустилъ, и «сокровеннымъ внутрь ухищреніемъ, подъ видомъ яко медомъ услажденной добродѣтели, лукавственными своими ласкательствы увѣщавалъ ее всячески выдти замужъ и обѣщался наградить довольнымъ награжденіемъ и отдалъ ее вторымъ бракомъ того-жъ полка за вахмистра Петра Степанова Небольсина, обѣщаясь ему дать приданое на тысячу рублевъ, да деревню свою, а отдалъ только на 300 рублей». И оный вторый мужъ, видя, что капитанъ Панцыревъ не отдалъ достальнаго приданаго, и не могши, яко безсильный съ сильнымъ, унтеръ съ оберъ-офицеромъ одного полка собою противиться, чинилъ всегдашнее въ томъ отмщеніе надъ нею: билъ ее и му-

чилъ тирански, отъ которыхъ побой она имѣетъ знакъ на головѣ; и потомъ далъ ей увольнительное за своею рукою письмо, якобы она желаетъ воспріять иноческое житіе по обѣщанію въ Кіевѣ. И по высылкѣ изъ вотчины его Небольсина, Карачевскаго уѣзда изъ села Гавриловскаго, не имѣя дневнаго пропитанія, принуждена была идти въ Кіевъ для постриженія; токмо въ томъ городѣ Кіевѣ въ дѣвичьихъ монастыряхъ, за неимѣніемъ при ней денежнаго капитала, безъ вкладу, а паче за младостію, не принята. И нынѣ, скитаясь межъ дворъ, она ни вдова, ни мужняя жена, не имѣетъ дневнаго пропитанія:—просила учинить какъ правила св. отецъ и государственныя права и указы повелѣваютъ.

По распоряженіи Консисторіи, вытребованы были къ допросу и показали: 1) Вахмистръ Небольсинъ (17 Сентября), отъ роду ему 32 года; въ 1740 г., въ Октябрѣ, онъ находился Воронежской губерніи, Козловскаго уѣзда, въ селѣ Рождественскомъ съ капитаномъ Панцыревымъ, и въ то время онъ Панцыревъ имѣлъ при себѣ метресою показанную Польку Григорьеву, отъ коей были двѣ дочери: Елисавета 3 лѣтъ и Прасковья полугода, что̀ знали и жители того села. И 20 то̀го Октября случилось ему Небольсину быть въ квартирѣ капитана Панцырева по-полудни въ 1-мъ часу, и оный Панцыревъ напоилъ его пьянымъ, отъ чего онъ Небольсинъ во весь тотъ день имѣлся въ безчувствіи, и на другой день по утру, проснувшись, увидалъ лежащую съ нимъ на квартирѣ его, обще на одной постели, оную Григорьеву и спрашивалъ ее: для чего и съ какого случая она съ нимъ имѣется? На что оная Полька объявила ему, что она вчерашняго числа вѣнчана съ нимъ того села Рождествена священникомъ въ церкви; и въ тоже время Панцыревъ прислалъ къ нему Небольсину человѣка своего Поляка Осипа Семенова, чтобъ онъ Небольсинъ съ показанною Полькою пришелъ въ квартиру Панцырева того числа обѣдать. Почему онъ Небольсинъ съ показанною Полькою пришелъ къ нему Панцыреву, гдѣ уже были тогожъ полка капитанъ Авдей Супоневъ, поручикъ Петръ Иванчинъ-Писаревъ, отставной гвардіи капралъ Степанъ Ремезовъ; и при нихъ онъ Небольсинъ говорилъ Панцыреву: для чего онъ такъ учинилъ, напоя его безъ чувствъ пьянаго и имѣющуюся у себя даму выдалъ за него безъ соизволенія его Небольсина въ замужство? Напротивъ того Панцыревъ ничего не сказалъ, ибо въ то время стали приходить къ нему еще гости; и какъ сѣли обѣдать, его Небольсина посадилъ съ оною Полькою вмѣстѣ, объявляя ихъ новобрачными; а онъ Небольсинъ, яко стоя подъ командою его, ничего не смѣлъ говорить. А отпустя гостей, когда онъ Небольсинъ говорилъ ему Панцыреву, что станетъ на него бить че-

ломъ, то онъ Панцыревъ просилъ не бить челомъ, обѣщаясь дать за то довольное награжденіе и новопостроенную въ томъ Козловскомъ уѣздѣ деревню Сысои, и просилъ взять на воспитаніе прижитыхъ съ нею Полькою двухъ дочерей; но онъ Небольсинъ отъ того отрекся, и тѣ дѣти остались у него Панцырева въ домѣ, а потомъ чрезъ нѣсколько времени померли. А онъ Небольсинъ, въ ожиданіи обѣщанной Панцыревымъ награды, съ тою Полькою жительство имѣлъ, какъ съ законною женою, по правиламъ св. отецъ, и прижилъ съ нею дочь Александру, которая въ 1743 году полугода умерла и погребена въ вотчинѣ его, Карачевскаго уѣзда, въ селѣ Гавриловскомъ. А что оная Полька за него выдана Панцыревымъ дѣвкою-ли, или была въ замужствѣ за кѣмъ, того онъ Небольсинъ не зналъ, мучительныхъ побой ей не чинилъ. А въ 1745 году онъ отправился въ полкъ въ г. Царицынъ и ее Польку оставилъ дома; а она, въ отлучность его, самовольно съѣхала въ Кіевъ, а для чего, того не знаетъ; увольнительнаго вида для постриженія въ монашество ей не давалъ и съ того 1745 года ея не видалъ; только въ 1747 г., въ Маѣ мѣсяцѣ, отъ жены капитана Панцырева Авдотьи Акинфіевой изъ города Дубовки получилъ чрезъ капрала Алексѣя Теплова письмо, которымъ она просила его Небольсина, что ежели онъ когда тоё Польку возметъ къ себѣ, чтобы содержать ее крѣпче, объявляя при томъ, что оная Полька съ мужемъ ея Панцыревымъ жила прелюбодѣйно и выдана была замужъ за человѣка его Василія Петрова.—2) Капитанъ Панцыревъ, 50 лѣтъ, отецъ у него былъ маіоръ Григорій Ивановъ Панцыревъ, а мать Аѳимья Семенова. Женатъ онъ первымъ бракомъ въ 1731 г., Мая 18, на дворянской дочери дѣвицѣ Авдотьѣ Акинфіевой Сущевой - Языковой, дѣтей у нихъ не было. Польской націи Авдотью Григорьеву онъ знаетъ по тому случаю, что, въ бытность Россійскаго войска въ Польскомъ г. Краковѣ въ 1735 году, гдѣ и онъ находился, приходила она на квартиру его Панцырева къ человѣку его Польской націи Юзефу многократно, а по какому случаю, онъ не знаетъ; точію оная Полька на спросъ его Панцырева сказывала, что ее зовутъ Еввою, родомъ изъ за Прусской границы, католицкой вѣры, умѣетъ говорить по нѣмецки и по польски, отецъ ея иноземецъ питается нищенски, а она была въ г. Краковѣ въ работницахъ. Означенный Полякъ Юзефъ просилъ его Панцырева дозволить ему ее взять для женитьбы, онъ дозволилъ. И какъ онъ Панцыревъ съ полкомъ выбылъ изъ Кракова, тогда Полякъ Юзефъ, будучи при немъ, взялъ Евву съ собою, съ которымъ въ 1736 году прибыла въ Россійскіе придѣлы; но оный Полякъ не захотѣлъ ее взять за себя, и онъ ее отсылалъ въ Польшу; но она не поѣхала, а просила отдать ее за крѣпостнаго его Панцы-

рева человѣка, за котораго онъ, по взаимному ихъ согласію, и отдалъ. И въ 1736 г., въ Іюлѣ мѣсяцѣ, въ мѣстечкѣ Воронковѣ, сперва присоединена къ православной вѣрѣ, названа Авдотьею, потомъ вѣнчана, и при томъ бракѣ подпрапорщикъ Калина Веревкинъ былъ порукою; блуднаго дѣла онъ Панцыревъ съ нею не чинилъ и въ заперти не держалъ, а ходила она куда хотѣла. Когда въ 1737 году въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ съ полкомъ изъ Кіева пошелъ подъ Очаковъ, тогда человѣкъ его оставилъ ее на время въ Кіевѣ для того, что она тогда имѣлась чреватою; а по переправленіи полка за рѣку Днѣпръ, подъ мѣстечкомъ Кременчугомъ, оный человѣкъ отъ него Панцырева отпущенъ въ г. Кіевъ для взятія оной жены и ѣхалъ бы съ нею въ вотчину его Панцырева, Муромскаго уѣзда, деревню Панцыреву. А въ 1738 г., когда онъ Панцыревъ возвратился изъ-подъ Очакова и былъ въ Воронковѣ, тогда она Авдотья прибыла къ нему изъ Кіева одна и объявила, что у нея въ Кіевѣ мужъ ея не бывалъ, а по отлучности родила сына Димитрія, который умеръ, и будучи въ томъ Воронковѣ находилась въ великомъ пьянствѣ и непотребствѣ, и, находясь безъ мужа четыре года, прижила блудно двухъ дѣвокъ Елисавету и Прасковью, съ бывыми тогда при немъ вольными людьми Полякомъ Юзефомъ и бандуристомъ Черкесомъ Петромъ. А въ 1740 г. оная женка въ г. Козловѣ поймана была людьми маіора Николая Колычева, «сѣчена плетьми и шельмована, а именно, подрѣзана у ней юбка по поясъ, а рубаха по груди, и косы выдраны, и выгнана публично, яко настоящая курва, за городъ». Въ 1741 г. за вахмистра Небольсина она вышла по своей волѣ, а не по его Панцырева принужденію, и Небольсинъ всегда съ тою Авдотью знался и съ собою въ гости неоднократно ее биралъ, а приданаго онъ Панцыревъ дать ей не обѣщалъ. А первый ея мужъ, человѣкъ его Панцырева, явился къ нему Панцыреву уже когда она вышла замужъ за вахмистра Небольсина въ 1741 г. и объявилъ, что въ 1737 г., по отпускѣ его, онъ былъ въ Кіевѣ, точію оной жены своей въ томъ городѣ не сыскалъ, а услыхалъ, что она ушла въ Польшу; тогда и онъ изъ Кіева ходилъ на Волгу бурлакомъ, а потомъ пришелъ въ Муромскую его Панцырева деревню, гдѣ и женился на дворовой дѣвкѣ Натальѣ своею волею, за что онъ Панцыревъ наказалъ его ботажьемъ. А блудно прижитыя Авдотьею дочери, послѣ брака ея съ Небольсинымъ, остались у Черкешенки вдовы Екатерины, жившей у него Панцырева для работы, которой отдала оная Полька предъ вѣнчаніемъ, но дочери померли у ней Черкешенки въ селѣ Сысояхъ.—3) Человѣкъ Панцырева Василій Петровъ, 1751 г. Генваря 18, отъ роду ему 35 лѣтъ, что онъ Авдотью Григорьеву, Польской націи, знаетъ съ 1735 г., когда съ

своимъ господиномъ Панцыревымъ былъ въ Краковѣ, гдѣ къ его господину пришелъ въ услуженіе Полякъ Юза и привелъ съ собою оную Польку Авдотью, которая тогда была дѣвкою, и съ Юзою была въ Россіи. И когда стояли въ лагеряхъ въ мѣстечкѣ Воронковѣ, то господинъ, призвавъ показаннаго Поляка, говорилъ ему, чтобъ онъ тоё Польку взялъ за себя; точію онъ Полякъ объявилъ, что жениться на ней не хочетъ, а она Полька объявила ему господину, что она въ свое отечество ѣхать не желаетъ и просила отдать ее за него Василья, которую онъ Василій и согласился взять за себя въ замужество, и съ нею Полькою въ мѣстечкѣ Воронковѣ онъ обвѣнчанъ, и оная Полька вышла за него не чревата. Когда господинъ отпустилъ его изъ Кременчуга въ Кіевъ, то онъ здѣсь не нашелъ своей жены Авдотьи Григорьевой; а хозяйка, у которой она жила, объявила, что она Авдотья, по отъѣздѣ его съ господиномъ, чрезъ недѣлю родила сына, который вскорѣ умре, и она поѣхала за границу въ Польшу, а онъ поѣхалъ въ Муромскую деревню своего господина; но дорогой у него украли господскую лошадь и, убоясь наказанія, онъ ушелъ въ Астрахань и жилъ года четыре по разнымъ мѣстамъ безъ паспорта, а послѣ возвратился въ Муромскую деревню Панцырева и жилъ дня съ три. А въ сіе время привезена была изъ Пензенской вотчины крестьянская дѣвка Наталья Абрамова къ г-жѣ его, женѣ г. Панцырева; на оной дѣвкѣ онъ Василій вѣнчался и, услыхавъ, что г-нъ его Панцыревъ находится въ Козловскомъ уѣздѣ, пошелъ къ нему и объявилъ ему о себѣ, а господинъ объявилъ ему, что первая жена его Полька вышла замужъ за вахмистра Петра Степанова Небольсина; онъ же Василій жилъ съ своею женою Натальей, съ которой и прижилъ двоихъ дѣтей, сына и дочь.

Въ 1751 году въ Февралѣ, Полька Авдотья Григорьева подала просьбу въ Консисторію, объясняя, что она по дѣлу своему, за болѣзнію, ходить не можетъ, а повѣреннаго, за неимуществомъ, ей нанять нечѣмъ, и по сему дѣлу она на Панцырева не челобитчица. И Панцыревъ въ тоже время подалъ просьбу въ Консисторію съ объясненіемъ, что оная Полька, признавъ свою совѣсть, принесла въ Консисторію челобитную, что она по прежнему своему челобитью на него Панцырева не челобитчица, и просила-де его, чтобы онъ на ней, якобы иностранной, неимущей и больной, не взыскивалъ; то и онъ поданнымъ челобитьемъ заявляетъ, что по дѣлу сему на нее Григорьеву не челобитчикъ; въ чемъ же его Панцырева противъ прошенія Григорьевой есть погрѣшеніе, въ томъ онъ Панцыревъ предъ Богомъ приноситъ покаяніе. Консисторія по сему дѣлу 22 Марта постановила опредѣленіе: 1) Капитану Панцыреву, который хотя и при-

крывалъ свои вины, но очувствуясь, проситъ прощенія, наложить епитимію, удержавъ отъ св. причастія на два года, и велѣть ему исповѣдываться съ сокрушеніемъ сердечнымъ повсегодно. Сверхъ того, ему по смерть его, въ Среды и Пятки, кромѣ праздничныхъ дней, не токмо другой какой-либо пищи, но и сухаго хлѣба отнюдь не употреблять и въ тѣ дни класть по сту земныхъ поклоновъ неотмѣнно и давать нищимъ милостыню. 3) Вахмистру Небольсину за вступленіе въ бракъ съ Авдотьею Григорьевою, которая имѣла уже мужа, также наложить епитимію, чтобъ до кончины въ Среды и Пятки никакой пищи не употреблялъ и клалъ въ каждый день по 30 земныхъ поклоновъ. 3) Авдотьѣ Григорьевой быть въ законномъ супружествѣ съ первымъ, яко законнымъ ея мужемъ, Василіемъ Петровымъ, а беззаконный бракъ его Петрова съ дѣвкою Натальею расторгнуть, и 4) чтобъ оной Авдотьѣ, яко иностранной, будучи за онымъ Петровымъ въ замужествѣ, отъ того Панцырева, яко помѣщика, мужу ея какихъ-либо побой и отягощеній не было, то его Петрова отъ холопства того Панцырева выключить и, для написанія въ военную службу, препроводить въ военную Коллегію, съ тѣмъ, чтобы ему Панцыреву и наслѣдникамъ его до онаго Петрова и жены его и дѣтей, ежели которые будутъ, ничѣмъ не касаться и къ себѣ не присваивать; ибо всему злу виновнымъ оказался Панцыревъ.

22 Мая того 1751 года, Ростовскаго драгунскаго полку драгуна Валилія Петрова жена Авдотья Григорьева доносила Консисторіи, что показанный мужъ ея, по опредѣленіи въ драгуны, свезъ ее въ домъ Панцырева, гдѣ жена Панцырева Авдотья Акинфіева, согласясь съ тѣмъ мужемъ ея, били ее смертно плетьми, а потомъ показанный мужъ вымучилъ у нея денегъ 78 рубл. 50 коп. и велѣлъ ѣхать съ нимъ въ полкъ; она съ нимъ и поѣхала. Но онъ привезъ ее Козловскаго уѣзда въ вотчину Панцырева, въ село Сысои, и въ оной деревнѣ, обобравъ у нея платье и посуду и заковавъ въ желѣза, держалъ недѣлю безъ всякаго пропитанія, и расковалъ ее служитель Панцырева Полякъ Иванъ Мартыновъ; по раскованіи, она пришла къ священнику того села и объявила ему обо всемъ. Священникъ собралъ того села жителей и объявилъ имъ о томъ; а жители отвезли ее въ Козловскую Воеводскую Канцелярію, откуда и данъ ей паспортъ до Москвы.

Консисторія, разсуждая, что все то чинено приказомъ Панцырева (ибо безъ воли его ничего помянутому Петрову чинить было не можно), положила: сообщить въ Военную Контору, чтобъ она благоволила съ капитаномъ Панцыревымъ и съ драгуномъ Петровымъ, за учиненныя ими продерзости, учинить по указамъ безъ всякаго упущенія.

IX. Браки безъ согласія родителей.

1773 года, Іюня 12, князь Петръ княжъ Ѳедоровъ Тюфякинъ подалъ жалобу въ Консисторію, объясняя, что онъ имѣетъ домъ въ приходѣ Спиридонія Чудотворца, чтò на Козьемъ болотѣ, изъ котораго Маія съ 24 на 25-е число по-полуночи въ первомъ часу лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка адъютантъ Петръ Ивановъ Свѣчинъ увезъ дочь его княжну Настасью и обвѣнчался въ Николаевской, на Пупышахъ, церкви. Священникъ оной церкви Василій Петровъ показалъ, что онъ Мая 24 прежде вечерняго пѣнія и прежде захожденія солнца подлинно вѣнчалъ означеннаго Свѣчина съ княжною Тюфякиною по просительному письму священника Замоскворѣцкаго сорока, церкви Іоанна Воинственника Иларіона Николаева, въ приходѣ коего жительство имѣетъ Свѣчинъ, при чемъ представилъ и обыскъ. По дѣлу князь Тюфакинъ показывалъ, что священникъ Петровъ не могъ вѣнчать его брака прежде захожденія солнца, потому что дочь его съ нимъ 24-го Маія въ 11-мъ часу по-полудни ужинала, а по ужинѣ пошла въ свой покой въ 12-мъ часу. Свѣчинъ увезъ ее, подкопавъ съ двора генералъ-поручика Якова Яковлева Протасова въ сдѣланномъ ко двору его Тюфякина заборѣ столбъ. Священникъ между прочимъ объяснялъ, что, имѣла-ль дочь его князя отъ родителей своихъ согласіе, онъ священникъ не знаетъ, да и знать непочему; ибо отцы и матери сами въ церквахъ при брачущихся своихъ дѣтяхъ не бываютъ; а что съ дозволенія родителей вступали въ бракъ, то самъ женихъ и невѣста и поѣзжане объявляли въ обыскѣ. Дѣло тянулось до вступленія на каѳедру Московской епархіи преосвященнаго Платона, который поручилъ приходскому священнику спросить князя Тюфякина, не простилъ-ли онъ зятя своего Свѣчина. Князь Тюфякинъ подалъ просьбу пр. Платону съ объясненіемъ, что онъ зятя своего Свѣчина простилъ и челобитье на священника и на прочихъ прекращаетъ. Тѣмъ дѣло и рѣшено.

1776 г., Февраля 20, подана жалоба отъ бригадирши вдовы Авдотьи Степановой Титовой, что состоящій подъ ея опекою лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка фурьеръ Алексѣй Петровъ Ижоринъ, безъ дозволенія ея, 31 Генваря вѣнчался въ Успенской, на Могильцахъ, церкви на дочери отставного капитана Алексѣя Алексѣева Колюбакина Александрѣ. Оказалось, что отъ роду Ижорину 18 лѣтъ, а Александрѣ 19; бракъ былъ совершенъ законно. Платонъ утвердилъ: «хотя этотъ бракъ надлежитъ оставить совершеннымъ, однакожъ съ тѣмъ, чтобъ онъ Ижоринъ о томъ его самовольномъ поступкѣ, безъ воли состоящей въ лицѣ отчемъ опекунши бабки своей учиненнымъ, испросилъ бы у нея прощеніе; а ежели не испроситъ, то подлежателенъ будетъ епитиміи. При чемъ причтъ вѣнчавшій подвергнутъ монастырскому подначалію».

1777 г., Мая 20, членъ Консисторіи, Саввинскій архимандритъ Ѳеофилактъ предложилъ присутствію, что въ присланномъ къ нему отъ пр. Платона (находившагося въ Петербургѣ) письмѣ повелѣно, по просьбѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Петровича Сумарокова *) о дозволеніи ему вступить въ бракъ съ его служительницею, и, ежели нѣтъ препятствія, ему г. Сумарокову вступить съ оною дозволить. Того-же 30 Мая вызванъ былъ церкви Девяти Мучениковъ, что за Синодальнымъ житнымъ дворомъ, священникъ Петръ Васильевъ, который показалъ, что у живущаго въ его приходѣ тайнаго совѣтника и ордена св. Анны кавалера Александра Петровича Сумарокова послѣ первой жены двѣ дочери, одна въ замужствѣ, а другая дѣвица Прасковья, а отъ второй дѣвица Настасья и сынъ Павелъ. По справкѣ съ исповѣдными вѣдомостями въ Консисторіи оказалось, что г. Сумароковъ показанъ въ 1775 г. 55 лѣтъ, въ 1776 г. 56 лѣтъ. Пока Консисторія дѣлала выписку изъ законовъ, мать Сумарокова, жена дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера Петра Панкратьева Сумарокова, вдова Прасковья Иванова подала прошеніе, въ коемъ просила: «Увѣдомилась я, что сумасшедшій и пьяный сынъ мой Александръ, овдовѣвшій, сего Маія 1-го дня вздумалъ паки жениться на рабѣ своей дѣвкѣ Катеринѣ. А какъ ему отъ роду 60-й годъ, къ тому-жъ имѣетъ отъ перваго брака двухъ дочерей, а отъ другаго до вѣнца рожденныхъ дочь и сына малолѣтнихъ; онъ-же по безпрестанному его пьянству довелъ себя до такого состоянія, что и ходить почти не можетъ и совсѣмъ въ безумствѣ; просила о запрещеніи сего брака, который въ пагубу оному сыну моему, въ посрамленіе и огорченіе мнѣ и всей нашей фамиліи, во всеконечное-же разореніе бѣднымъ его дочерямъ, отъ перваго брака рожденнымъ». Консисторія положила представить о семъ пр. Платону. Но при дѣлѣ значится записка секретаря Консисторіи Ильинскаго, что преосвященный сіе дѣло приказалъ послать въ Консисторію безъ резолюціи, поелику оной господинъ женился уже.

1779 г., Ноября 6, полковница вдова Настасья Алексѣева Другортова приносила жалобу, что дочь ея дѣвица Александра Леонтьева изъ дома ея на Прѣснѣ, въ приходѣ церкви Николая Чудотворца, бѣжала 1 Ноября и повѣнчалась съ отставнымъ премьеръ-майоромъ Константиномъ Ивановымъ Глѣбовымъ въ церкви Димитрія Селунскаго (которая числилась домовою генералъ-паручика Александра Артемьевича Загряжскаго). Мать 30-го Генваря 1780 г. подала просьбу, съ объясненіемъ, что простила дочь и зятя и признаетъ бракъ ихъ законнымъ. Дѣло прекращено; но священникъ, вѣнчавшій ихъ, посланъ на три года подъ началъ въ монастырь.

*) Это знаменитый писатель и соперникъ Ломоносова. П. Б.

X. Ненависть свекра и свекрови къ невѣсткѣ.

1776 г., Октября 12, купеческая дочь Анна Иванова, оставшаяся послѣ отца и матери въ малолѣтствѣ, воспитана, по сиротству ея, купеческою вдовою Мышенскою. Мышенская свою воспитанницу въ 1776 г., 9 Маія, съ приданнымъ 400 р., отдала замужъ за ученика Московской большой суконной фабрики Петра Герасимова. Послѣ брака Иванова съ мужемъ жила, какъ потомъ объясняла, «любомирно съ недѣлю, а послѣ стала отъ него претерпѣвать ругательства и побои... онъ возгнушался ею и удалилъ отъ своего ложа». Свекоръ и свекровь, съ которыми они жили вмѣстѣ, также не возлюбили ее, «и обнощеваніе она имѣла одна въ особомъ чуланѣ, гдѣ претерпѣвала отъ мышей безпокойство и страхъ». Для отравы мышей она Иванова взяла у воспитательницы своей мышьяку. Свекровь предъявила, что она Иванова хотѣла тѣмъ мышьякомъ отравить ихъ; при семъ представила еще найденную у невѣстки сткляночку, налитую незнаемо чѣмъ. Свекоръ невѣстку Иванову съ мышьякомъ и стклянoчкою 28-го Сентября того 1776 г. представилъ въ часть, обвиняя ее въ намѣреніи отравить ихъ. Иванова показала, что мышьякъ взяла у нареченной своей матери для мышей, а въ стклянoчкѣ держала выжатый изъ своей рубахи потъ для леченія (по слуху) отъ боли въ зубахъ. Мышенская подтвердила показаніе своей воспитанницы, что дѣйствительно дала ей мышьякъ отъ мышей, а тотъ мышьякъ у нея Мышенской былъ съ давнихъ лѣтъ и взятъ ею, въ бытность еще въ дѣвицахъ, у жены садовника Гофъ-интендантской Конторы также для отравы мышей. «Въ полиціи реченныя женки (Иванова и Мышенская), по увѣщаніи, сѣчены кошками... но утверждались на допросахъ своихъ». Мышьякъ отосланъ къ лекарю при полиціи Рихтеру, а стклянoчка съ жидкостью въ Медицинскую Контору. Рихтеръ отвѣтствовалъ, что «присланный-де къ нему мышьякъ подлинно мышьякъ; и еслибъ кому его дано было, то вредъ причинить можетъ». Контора отвѣчала: «налитое-де въ стклянoчкѣ чрезъ химическіе эксперименты Московской главной аптеки аптекаремъ Юргенсономъ оказалось гнилою водою, а ядовитаго въ оной водѣ ничего нѣтъ; да и чтобъ дѣйствительно потъ былъ, онаго узнать не можно». 2 Ноября свекоръ и мужъ Ивановой, «спросясь въ присутствіи полиціи, объявили, что они ее Иванову за сумнительствомъ, чтобъ и дѣйствительно по злости своей не довела какъ ихъ, такъ и еще кого изъ домашнихъ до безвременной жизни, взять не желаютъ; а повелѣно-бъ было отослать ее куда слѣдуетъ по законамъ.». Полиція прислала Иванову 9-го Ноября въ Консисторію.

Въ Консисторіи Иванова подтвердила свои прежнія показанія, что она какъ отъ мужа, такъ отъ свекра и свекрови претерпѣвала обиды, ругательства и притѣсненія, въ чемъ ссылалась на жильцовъ, живущихъ въ домѣ свекора, и сосѣдей, коихъ «имена можетъ показать по выздоровленіи»; и какъ отъ мужа и свекрови претерпѣваетъ нападки и обиды, и по ихъ проискамъ безвинно наказана въ полиціи, то съ ними жить не желаетъ, а проситъ оставить ее безбрачною и дозволить ей жить у родственниковъ. Преосв. Платонъ предписалъ увѣщевать мужа и жену духовникамъ ихъ, чтобъ имѣли между собою, по закону супружества, согласное и любовное въ совокупности житіе. Духовники донесли (1777 г., Мая 2), что мужъ и жена несогласны къ совокупному сожитію. Преосвященный предписалъ Консисторіи учинить разсмотрѣніе въ силу законовъ. Консисторія вызвала Герасимова и Иванову въ присутствіе и сдѣлала имъ увѣщаніе. Герасимовъ соглашался взять Иванову по прежнему въ супружество, если дастъ съ поручительствомъ подписку, что она никакихъ противностей, а паче на животъ умысловъ, какъ на него, такъ на отца и мать его, чинить не станетъ. Иванова отозвалась, что она «съ тѣмъ мужемъ своимъ за таковымъ напраснымъ оскорбленіемъ и всегдашнимъ гоненіемъ и такъ безстудно открытымъ чрезъ тѣлесное наказаніе поступкомъ, уже быть въ сожитии съ нимъ не желаетъ». Консисторія, по выпискѣ изъ Кормчей помѣстнаго Карѳагенскаго собора пр. 102, опредѣлила: сдѣлать имъ еще увѣщаніе, и затѣмъ ежели останутся непреклонными, то, по силѣ упомянутаго правила, остаться имъ навсегда безбрачными; и чтобъ они во второй бракъ впредъ не вступали, обязать ихъ подписками. Преосв. Платонъ на опредѣленіи Консисторіи написалъ: «Мужъ жену свою принять не отрицается, то и остается женку увѣщевать, дабы она съ Богомъ даннымъ ей мужемъ жительствовала неразлучно. А если останется въ упрямствѣ, то содержать ее въ монастырѣ въ работѣ, дондеже смирится». Иванова скрылась; долго отыскивали ее чрезъ полицію, но полиція отозвалась, что ея въ Москвѣ на жительствѣ не оказалось.

По дѣлу значится, что въ 1781 г., Ноября 9-го, чинено было въ присутствіи Консисторіи увѣщаніе женкѣ Аннѣ Ивановой, чтобъ она съ мужемъ своимъ Герасимовымъ жительствовала неразлучно, по коемъ увѣщаніи объявила, что она съ онымъ мужемъ своимъ жительство имѣть желаетъ, а потомъ, по впущеніи предъ собраніе присутствующихъ, и означенный Герасимовъ, что онъ ее Анну къ себѣ принять попрежнему согласенъ, съ чѣмъ и вышли изъ присутствія.

(*Сообщено покойнымъ Николаемъ Павловичемъ Розановымъ*).

ПИСЬМО АРХИМАНДРИТА ИННОКЕНТІЯ БОРИСОВА [1]) КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ.

(Кіевъ) 1840 Августа 13.

Съ удовольствіемъ получилъ письмо ваше, самый объемъ котораго, и еще болѣе тонъ, послужили для меня доказательствомъ поправленія силъ вашихъ, не только тѣлесныхъ, но и душевныхъ. Продолжайте идти по начатому пути и, главное, не забывайте моего совѣта на первомъ планѣ имѣть возстановленіе здоровья и воздерживаться отъ всѣхъ работъ и заботъ, требующихъ напряженія груди и рукъ. Жалкая участь крестьянъ въ Малой Россіи неудивительно, что возбуждаетъ въ васъ слёзы и желчь; я очень хорошо знаю и бытъ крестьянъ, которые помѣщиками считаются за простую вещь, на сколько онъ тяжелъ, и пылкость и чувствительность вашего великодушнаго и филантропическаго характера. Зло это тяжелое и совершенно несогласное съ нашимъ временемъ, въ особенности въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ у насъ; и потому всѣ добрые и великодушные люди должны скорбѣть о немъ, тѣмъ болѣе, что не существуетъ надежды въ скорости уврачевать это зло. Однако въ этомъ отчаяваться не дозволяетъ событіе, которое вы остроумно привели и разсказали [2]). То, что̀ всѣми физиками признается за невозможное, можетъ когда нибудь быть приведено въ исполненіе, безъ особаго труда, какимъ либо ученикомъ.

Отъ вашихъ дѣлъ позвольте обратиться къ своимъ. Кіевъ на этихъ дняхъ удостоился присутствія державнѣйшаго Императора съ наслѣдникомъ его престола и доблестей. По обыкновенію всѣ мы, духовенство и свѣтскіе, встрѣтили ихъ во святыхъ вратахъ Лавры; прибыли они въ Субботу, въ пять часовъ пополудни, цѣлы, невредимы, довольны, веселя своимъ видомъ всѣхъ и все. Преосвященный нашъ митрополитъ, хотя начинали падать капли дождя, не усумнился встрѣтить столь высокихъ гостей краткою рѣчью, экземпляръ которой вы получили съ нашимъ еженедѣльнымъ листкомъ. На другой день, т. е. въ Воскресенье, была, по обыкновенію, отслужена литургія въ Св. Софіи; потомъ они прибыли къ намъ: тотъ же ясный видъ лица, таже

---

[1]) Позднѣе славнаго архіепископа Одесскаго и Херсонскаго. П. Б.

[2]) Не знаемъ, какое это событіе. М. А. Максимовичъ былъ ректоромъ Кіевскаго университета. П. Б.

привѣтливость, ничего новаго и необычнаго. Понедѣльникъ Императоръ употребилъ на смотръ и ревизію войскъ, и при началѣ вечера мы вторично имѣли утѣшеніе встрѣчать августѣйшихъ путешественниковъ во вратахъ Лавры, куда они прибыли для принятія благословенія на дальнѣйшій путь. Всѣ единогласно увѣряютъ, что Императоръ никогда не былъ такъ благодушенъ въ нашемъ городѣ, какъ теперь. Говорятъ, что онъ сдѣлалъ много назначеній, но какихъ, еще неизвѣстно; даже и участь тѣхъ, которые въ предшествующіе годы были сосланы въ Сибирь, значительно, какъ говорятъ, облегчена.

Теперь кое-что о себѣ. Можете ли вообразить, какимъ трудомъ я теперь занятъ? Вы ожидаете отъ меня исторіи церкви Россійской, а я употребляю всѣ силы на писаніе исторіи церкви Польской..... Откуда такая перемѣна? Изъ самаго существа дѣла: готовясь къ сочиненію исторіи нашей церкви, я счелъ за необходимое, по крайней мѣрѣ вкратцѣ, пробѣжать судьбы исторіи церкви у другихъ Славянскихъ народовъ. Судьбы церкви Польской такъ изумили меня, что я, хоть и противъ воли, рѣшился посвятить свое перо повѣствованію о нихъ, полагая, что это принесетъ большую пользу нашей Православной Церкви. Почему-же? Изъ исторіи церкви Польской всякій, даже и слѣпой, увидитъ: 1) что въ продолженіи болѣе, чѣмъ 120 лѣтъ Польша была привержена къ Восточному обряду; 2) что введеніе обряда Римскаго съ 1000 г. сопровождалось многими общественными бѣдствіями, и что вслѣдствіе сего произошли внутренніе раздоры, продолжавшіеся до XV вѣка, когда появились въ Польшѣ реформаты, которые никогда съ такимъ успѣхомъ не водворили бы у Поляковъ своихъ новшествъ, еслибы не съумѣли приладить ихъ къ тѣмъ воззрѣніямъ, которыя, тамъ и сямъ, сохранялись изъ древняго прадѣдовскаго восточнаго обряда. Эти и другія соображенія побудили меня взять на себя роль историка церкви Польской, что̀ отвлечетъ меня не долѣе, какъ на годъ отъ составленія исторіи отечественной*).

Икона Св. Михаила, предназначенная въ ваше помѣстье, уже приготовляется. Архангелъ изображенъ въ томъ видѣ, какъ на иконѣ, подаренной блаженной памяти императоромъ Александромъ. Всѣмъ, которыхъ вы упомянули, я поклонился отъ васъ, и всѣ васъ благодарятъ и желаютъ здравія. Развѣ не сдѣлаю того же и я? Да сохранитъ васъ Преблагій Господь и возвратитъ къ намъ невредимымъ!

(Подлинникъ писанъ собственноручно Иннокентіемъ по латыни. Переводъ сдѣланъ И. В. Помяловскимъ).

---

*) Этой исторіи Иннокентій не написалъ. П. Б.

О ДНЕВНИКѢ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ИВАНОВНЫ ТРУБЕЦКОЙ.

(письмо къ издателю).

Въ Мартовской книжкѣ „Русскаго Архива“, въ статьѣ моей „Къ сказаніямъ о Декабрьской смутѣ 1825 года“, я между прочимъ указывалъ на то, что мнѣ извѣстно о существованіи дневника страдалицы княгини Трубецкой и что хорошо было бы, если бы то лицо, у котораго находится тотъ дневникъ, отослало его въ „Русскій Архивъ“. Теперь наслѣдники княгини сдѣлали мнѣ запросъ по поводу этого моего сообщенія, требуя, чтобы я указалъ, у кого дневникъ, при чемъ они категорически утверждаютъ, что я безъ всякаго основанія коснулся существованія дневника.

Сердцу моему слишкомъ дороги интересы нашей исторіографіи, чтобы я вносилъ въ нее какую-бы то ни было сознательную ложь. О дневникѣ княгини Трубецкой я упомянулъ не безъ основанія. Покойная Т. А. Муковнина, со словъ которой написана мною означенная выше статья, передавая мнѣ эпизоды изъ событій 14 Декабря 1825 года, разсказала, что послѣ покойной Трубецкой остался дневникъ; *что дневникъ тотъ она сама видѣла у покойной графини Де-Мезонъ*, при которой она состояла болѣе 40 лѣтъ въ качествѣ компаньонки *); что дневникъ тотъ былъ данъ покойной графинѣ для прочтенія, подъ строгой тайной, Е. С. Давыдовою—родною дочерью страдалицы-княгини Трубецкой, и что онъ былъ возвращенъ ей обратно графинею.

Вотъ на этомъ-то основаніи я и коснулся существованія дневника. Не довѣрять Т. А. Муковниной было нельзя. Что это была за рѣдкая женщина по свѣжести своей памяти до самаго дня смерти, читатели „Русскаго Архива“ уже знаютъ *).

Я остаюсь при томъ убѣжденіи, что дневникъ существуетъ. Если я кому нибудь доставилъ огорченіе своимъ сообщеніемъ о дневникѣ, то настоящимъ письмомъ печатно извиняюсь передъ огорчившимися. Я имѣлъ въ виду лишь интересы нашей исторической литературы.

25 Апрѣля, 1894 г. Г. Симферополь.

Д. В. Коломійцевъ.

---

*) См. „Русскій Архивъ“, 1894 г., I, 194.

ПРЕДСТОЯЩЕЕ ИСКАЖЕНІЕ ПАМЯТНИКА XVII ВѢКА ВЪ РОСТОВѢ.

Въ Ростовѣ-Великомъ, среди превосходныхъ памятниковъ до-Петровской Руси, находится, между прочимъ, церковь Всемилостивѣйшаго Спаса, что̀ на площади. Храмъ этотъ построенъ послѣ пожара, вмѣсто деревянной церкви, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ знаменитаго мѣстоблюстителя патріаршаго престола Ростовскаго митрополита Іоны Сысоевича въ 1690 г. и представляетъ собой замѣчательную оригинальную архитектуру XVII вѣка.

Въ церкви каменный иконостасъ; всѣ стѣны расписаны живописью альфреско, прекрасно сохранившейся. Четырехгранная колокольня съ сѣверной стороны въ связи съ храмомъ, оригинальной архитектуры, тоже уцѣлѣла. Такихъ колоколень очень мало, и онѣ составляютъ въ настоящее время положительную рѣдкость. Храмъ былъ обнесенъ съ трехъ сторонъ папертью, съ вхо̀днымъ портикомъ и шатрообразнымъ на немъ покрытіемъ, что̀ вполнѣ гармонировало съ величіемъ храма. Въ 1825 г., по разрѣшенію Ярославскаго преосвященнаго Авраамія, погубившаго за время управленія своего Ярославской епархіей (1824—1836) много драгоцѣнныхъ историческихъ памятниковъ, западная сторона паперти была обращена въ жилое помѣщеніе для мѣстныхъ церковнослужителей *). Вмѣсто прежнихъ оконъ съ арками и полуколонками сдѣланы были въ новой стѣнѣ четырехугольныя окна, а входный портикъ уничтоженъ. Перестройка эта была произведена на церковныя средства.

Въ 1859 г. церковнымъ старостой, мѣстнымъ купцомъ и другими жертвователями, къ входу храма, на мѣстѣ бывшаго портика съ большимъ выступомъ на. улицу, была пристроена неприглядной формы трехъэтажная колокольня въ 18 саж. высоты. Постройка производилась такъ неумѣло, что колокольня вскорѣ стала угрожать паденіемъ и затѣмъ, по требованію гражданской власти, въ виду явной опасности, была сломана въ 1892 г. Къ счастію, старая, современная храму, звонница была оставлена во всей неприкосновенности по предписанію тогдашняго архіепископа Нила и можетъ вполнѣ замѣнить сломанную колокольню, съ небольшими сравнительно затратами на приведеніе ея въ прежній видъ и положеніе.

Однако, въ прошломъ году староста этой церкви, мѣстный трактирщикъ, купецъ Царьковъ, вмѣстѣ съ другими прихожанами, трактирщиками и лавочниками, сталъ домогаться, чтобы вмѣсто сломанной колокольни вы-

---

*) Преосвященный Авраамій конечно не зналъ, что это должно было огорчать его внука, славнаго впослѣдствіи историка С. М Соловьева (который, во̀ время своего студенчества, обыкновенно проводилъ у него лѣтніе мѣсяцы) П. Б.

строить еще болѣе высокую и тѣмъ уже окончательно исказить архитектуру храма XVII вѣка. Зная, что ни Московское Археологическое Общество, ни мѣстная Археологическая Коммиссія не позволятъ имъ подобнаго рода постройки, староста и прихожане, какъ гласные Думы, обратились къ послѣдней съ патріотическимъ воззваніемъ, чтобы въ память событія 17 Октября 1888 г. *) Дума ассигновала 5000 рубл. на возведеніе новой колокольни и тѣмъ бы ознаменовала этотъ великій для отечества день.

Не смотря на протесты 3—4 гласныхъ, доказывавшихъ, что если ознаменовать этотъ день, то гораздо бы было лучше на эти 5000 рубл. привести въ порядокъ весь храмъ, нуждающійся въ серьезной раставраціи, и затѣмъ на излишнія деньги возобновить его въ томъ же видѣ, какъ онъ былъ въ XVII вѣкѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ рисунки и фасадъ храма XVII вѣка уцѣлѣли, Дума большинствомъ голосовъ постановила строить новую колокольню по новому фасаду, который сдѣлаетъ губернскій архитекторъ, какъ заявлялъ староста-гласный.

Конечно, со стороны Ростовской Археологической Коммиссіи, уже не мало сохранившей и реставрировавшей драгоцѣнныхъ историческихъ памятниковъ въ Ростовскомъ кремлѣ, было донесено Московскому Археологическому Обществу, и со стороны предсѣдателя Общества заявлено начальнику губерніи и епархіальному архіерею желаніе, чтобы церковь была охранена отъ окончательнаго искаженія; но и староста, и прихожане не унываютъ. Уже составлены и планъ, и фасадъ на постройку новой колокольни, и ожидается только отпускъ 5000 рубл. на это искаженіе. Начальство же, очевидно, прекратить это поползновеніе стѣсняется, въ виду жертвы по такимъ патріотическимъ побужденіямъ.

Оставивъ въ сторонѣ цѣль постройки колокольни въ угоду старосты-трактирщика, для котораго ни историческія воспоминанія, ни древне-Русское искусство не существуютъ, мы не можемъ не обратить вниманія на самое положеніе храма. Онъ далъ во многихъ мѣстахъ серьезныя трещины, и пристройка къ нему колокольни будетъ служить окончательнымъ его разрушеніемъ. Наконецъ, оставленіе безъ реставраціи уцѣлѣвшей четырехгранной колокольни и притомъ такой, какихъ сохранилось только три во всей епархіи, будетъ окончательно преступно.

Заявляя объ этомъ предстоящемъ загубленіи древняго архитектурнаго памятника, мы все-таки еще надѣемся, что, быть можетъ, со стороны властей и будутъ приняты мѣры, чтобы это новое разрушеніе стараго храма не было занесено въ *Археологическій Синодикъ.* Вѣдь годъ отъ году всё меньше и меньше остается древнихъ церквей, и если онѣ будутъ охраняться и благоукрашаться въ этомъ нежелательномъ видѣ то недалеко и то время, что намъ не по чему будетъ изучать наше древнее зодчество, и всѣ наши археологическія общества съ ихъ добрыми стремленіями будутъ только анахронизмомъ....

---

*) Это заявленіе было подано лишь въ Апрѣлѣ 1893 г.; ранѣе, очевидно, не было надобности проявлять патріотическія чувства.

Чтобы закончить нашу замѣтку, скажемъ еще два слова.

Спасская церковь находится среди городскихъ лавокъ и базара. Законъ, выраженный въ 208 статье Устава Строительнаго, XII тома, положительно воспрещаетъ устройство колоколень, а потому, не говоря уже о многихъ высочайшихъ повелѣніяхъ и синодскихъ указахъ, не позволяющихъ искажать древнія церкви, намъ думается, что было бы въ данномъ случаѣ достаточно соблюденіе и одного вышеприведеннаго закона. Къ сожалѣнію, въ провинціи Строительный Уставъ не существуетъ, и планъ города, утвержденный императрицей Екатериной II, сохранился теперь только въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи (изданіи малодоступномъ).

А. Титовъ.

ЗАМѢТКА КЪ „ИСТОРІИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ."

Извѣстно, какую тяжелую и неблагодарную сторону печатанія для всякаго автора составляетъ корректурная борьба съ опечатками и всякаго рода недосмотрами. И главное, какъ ни старайся ихъ устранять, а потомъ все-таки что-нибудь да окажется. Въ предыдущей моей книгѣ, т. е. въ третьемъ томѣ *Исторіи Россіи*, рецензенты противнаго лагеря отыскали съ дюжину разныхъ корректурныхъ недосмотровъ (для книги въ 700 слишкомъ страницъ это еще не особенно много). Любопытно, что подобными недосмотрами мои противники, въ томъ числѣ и нѣкоторые университетскіе профессора, старались подкрѣпить свой походъ противъ моего труда.

Въ послѣднемъ выпускѣ этого труда, посвященномъ Смутному времени, не смотря на тщательную (какъ мнѣ казалось) корректуру, все-таки нашлось нѣсколько опечатокъ и недосмотровъ. Два недосмотра я успѣлъ вòвремя замѣтить и оговорить въ примѣчаніяхъ: на стр. 283 (относительно Салтыкова) и на стр. 339 (*Май* поставленъ вмѣсто *Іюля*). Но третій недосмотръ былъ мною замѣченъ уже послѣ выхода книги изъ печати. А именно на стр. 65 сказано: „Самозванецъ велѣлъ его (Симеона Бекбулатовича) отвезти въ Соловецкій монастырь и тамъ постричь въ монахи". Тутъ вмѣсто *Соловецкій* слѣдуетъ поставить: *Кирило-Бѣлозерскій*. Въ тѣхъ экземплярахъ, которые тотчасъ по выходѣ книги мною сообщены разнымъ ученымъ, поправка эта была сдѣлана карандашомъ; а теперь пользуюсь первою возможностью, чтобы оговорить ее печатно.

Дѣло въ томъ, что существуетъ грамота князя Д. М. Пожарскаго въ Соловецкій монастырь, отъ 25 Іюля 1612 года, о переводѣ старца Стефана Бекбулатова по его челобитью въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь (Акты Эксп. II, № 209). Въ этой грамотѣ говорится слѣдующее: „Билъ намъ челомъ старецъ Стефанъ Бекбулатовъ, а сказалъ: велѣлъ-де его постричь въ Соло-

вецкомъ монастырѣ воръ, что̀ былъ на Москвѣ, растрига Гришка Отрепьевъ". (Эта грамота приведена у меня на стр. 229). Затѣмъ въ Никоновой Лѣтописи тоже прямо говорится, что „Растрига сослалъ его въ Соловецкой монастырь, тамъ его и постригоша" (VIII. 73). Карамзинъ и нѣкоторые другіе историки повторяли это извѣстіе. А между тѣмъ оно не точно. Въ томъ же II-мъ томѣ Актовъ Экспедиціи помѣщены двѣ другія грамоты: одна, подъ № 41, отъ 22 Марта 1606 года, заключаетъ извѣщеніе Лжедимитрія о посылкѣ Симеона Бекбулатовича въ Кирило-Бѣлозерской монастырь съ приказомъ постричь его тамъ въ монахи; а другая, подъ № 45, отъ 29 Мая 1606 года, отъ царя Василія Шуйскаго объ отсылкѣ того же Симеона (теперь Стефана) Бекбулатова изъ Кирило-Бѣлозерскаго монастыря. Хотя тутъ не сказано, куда онъ переводится; но мы знаемъ, что онъ былъ переведенъ именно въ Соловецкій монастырь, откуда потомъ по его же просьбѣ Пожарскій возвратилъ его опять въ Кирило-Бѣлозерскій. Такимъ образомъ хотя до грамоты Пожарскаго Симеонъ въ Соловецкомъ монастырѣ пробылъ болѣе шести лѣтъ, а въ Кириловомъ только два мѣсяца, однако постриженіе его совершилось въ семъ послѣднемъ, о чемъ даже имѣется мѣстная монастырская запись (см. А. Ѳ. Бычкова, „Описаніе рукописныхъ сборниковъ Имп. Публич. Библіотеки, т I, стр. 38). Этотъ мой недосмотръ усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что о Симеонѣ Бекбулатовичѣ существуетъ обстоятельная брошюра, составленная г. Лилеевымъ, преподавателемъ Тверской семинаріи. (Тверь. 1891 г.).

Кромѣ указанныхъ недосмотровъ нашлось и нѣсколько опечатокъ, которыя впрочемъ открыты были не мной самимъ, а опытнымъ и дружественнымъ глазомъ П. И. Бартенева. На стр. 46 стоятъ 18 *Іюня* и 21 *Іюня* вмѣсто *Іюля*, а на стр. 69 напечатано 18 *Марта* вмѣсто *Мая*. Положимъ, если окажется всего какой нибудь десятокъ мелкихъ недосмотровъ и опечатокъ, это незначительно для книги, заключающей около 350 страницъ убористой печати; но прискорбенъ тотъ выводъ, что издать книгу совершенно свободную отъ всякихъ недосмотровъ почти невозможно или крайне трудно, въ особенности если приходится одновременно напрягать вниманіе на обработку всѣхъ трехъ сторонъ сочиненія: ученой, научной и литературной; да еще при этомъ добиваться посильнаго рѣшенія разныхъ головоломныхъ вопросовъ, въ родѣ Самозванческаго.

Д. Иловайскій.

Москва, 1894 года.
7 Мая.

ПОПРАВКИ.

Винимся передъ нашими читателями: память на седьмомъ десяткѣ лѣтъ начинаетъ измѣнять намъ, особливо въ томъ, что̀ относится ко времени сравнительно-недавнему. Строфа изъ VII-й пѣсни „Онѣгина“, напечатанная въ X-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ 1893 г., оказывается помѣщенною уже въ 1-мъ выпускѣ 1887 (стр. 148). Да простятъ намъ эту забывчивость ради объясненій прекрасной строфы, появившихся въ XI-мъ выпускѣ 1893 г. (стр. 378). Мелкая разница въ обоихъ текстахъ произошла отъ того, что оба раза они записаны со словъ одного любителя поэзіи. Конечно, *воды Сороти* вѣрнѣе нежели *Нимфы Сороти*. Гдѣ подлинная рукопись, и ужели не отыщется предъидущая 8-я строфа? — Кстати о правописаніи имени героя. Мы сначала думали, что оно произведено отъ названія рѣки *Онеги*; такъ, можетъ быть, думалъ и Лермонтовъ, и въ подражаніе назвалъ своего героя Печоринымъ, отъ рѣки *Печоры*. Но вѣрнѣе, что корень тутъ *нѣга*, баловство, и конечно Онѣгинъ есть балованное дитя своего вѣка. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ сохранять правописаніе самаго Пушкина. П. Б.

*

Интересъ Записокъ Н. Н. Муравьева не ослабѣваетъ. Ихъ правдивость выступаетъ какъ то сама собою; тутъ сомнѣнія невозможны; но въ собственныхъ именахъ ошибки или опечатки такъ и пестрятъ.

Напечатано:	*Читай:*
Чаръ	Джары.
Загореджи	Сагареджо.
Кургановъ	Коргановъ.
Ацхверъ	Ацхуръ.
Гогіесциха	Гогіясъ-цихе, т. е. крѣпость Гогія, (уменьшительное Георгій).
Визаревъ	кн. Визировъ.
Теодоръ Швали	Тевдорисъ Швили.
Казанской дистанціи	Казахской дистанціи, участокъ въ Елисаветопольскомъ уѣздѣ (нынѣ губерніи). А. З.

*

На 156 стр. напечатано: станица *Малодъльная*; слѣдуетъ читать: *Малодъльская*.

На стр 5-й, строка 3-я снизу, вмѣсто *right plan* (что̀ по англійски не говорится) надо *right place*, и въ переводѣ поправить вмѣсто *по надлежащему направленію*—*въ надлежащемъ мѣстѣ*.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891 года.

12 выпусковъ въ трехъ книгахъ.

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ:

I. Императрица Марія Өеодоровна. Ея біографія. **Е. С. Шумигорскаго.**

Записки **Степана Петровича Жихарева** (1806 и 1807 годы).

Воспоминанія **Андрея Михайловича Фадѣева (дѣда нынѣшняго министра финансовъ Витте).**

Письма митрополита **Филарета** къ Ѳ. Я. Репнинскому. 1828 - 1842.

Изъ депешъ барона Баранта.

Зимній походъ В. А. Перовскаго въ Хиву 1839 года. По разсказамъ современниковъ. **И. Н. Захарьина.**

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Воспоминаніе графа **С. Д. Шереметева.**

Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. Его біографія. **А. Л. Зиссермана.**

Воспоминанія **Григорія Дмитріевича Щербачева.**

*

II. Автобіографическія показанія прадѣда Пушкина **А. П. Ганнибала.**

Правительственные пріемы Екатерины Великой. (Изъ письма **В. С. Попова** къ императору Александру Павловичу.)

Москва въ дни вступленія въ нее Французовъ. Современное письмо **Стендаля.**

Бородино. **Графа С. Д. Шереметева.**

Памятныя записки **Михаила Михайловича Евреинова.**

„Благодѣтели мои и моего рода". Воспоминанія священника-археолога **М. Я. Діева.**

Къ характеристикѣ О. И. Сенковскаго (Польскіе наѣзды на Русскій языкъ). Статья **И. Н. Корсунскаго.**

Изъ воспоминаній о моей жизни. Салтинскій походъ (1847). **Барона А. П. Николаи.**

Севастополь. Записки начальника штаба Севастопольскаго гарнизона **князя В. И. Васильчикова.**

Живописецъ Б. Л. Боровиковскій. Біографическій очеркъ. **В. П. Горленко.**

Письмо **И. С. Аксакова** по поводу открытія памятника Пушкину (1880).

*

III. Графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій въ его хозяйствѣ (1799).

Чтó происходило въ Донскомъ монастырѣ въ 1812 году.

Воспоминанія **Анны Григорьевны Хомутовой** о Москвѣ въ 1812 году.

Отроческое сочиненіе императора Александра II-го, **И. И. Остроглазова.**

Записки **Н. Н. Муравьева-Карскаго.** Персидская война. Іюль—Октябрь 1827 года.

Россійское купечество на обѣдѣ у императора Николая Павловича (1833). „Событіе". **И. Н. Рыбникова.**

Походныя замѣтки ополченца 1855—1856 годовъ. **Н. А. Обнинскаго,** съ предисловіемъ **П. Н. Обнинскаго.**

Въ приложеніи:

Геліогравюры, изображающія скопческое моленіе и портретъ **Ювеналія Воейкова.**

Цѣна съ пересылкою **восемь** рублей.

Каждая книга отдѣльно **три** рубля съ пересылкою.

Выписывающіе нѣсколько экземпляровъ пользуются уступкою 10%.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1894 года.

(Годъ тридцать второй).

Русскій Архивъ въ 1894 г. издается двѣнадцатью тетрадями, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1894 году съ пересылкою и доставкою — девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, на Никольской въ книжномъ магазинѣ Сытина и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за одну по 1 р. 25 к., за двѣ по рублю, за три по 80 к., за четыре и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногородняго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногородняго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ Петръ Бартеневъ.

Роспись содержанію „Русскаго Архива“ за тридцать лѣтъ (1863—1892) на толстой писчей бумагѣ (для отмѣтокъ) поступила въ отдѣльную продажу. Цѣна **ТРИ** рубля.

Годъ тридцать второй.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1894

7.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1894.

УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ СТАТЕЙ 1894 ГОДА

въ повременныхъ изданіяхъ не-историческихъ.

Д. Агнцевъ. Историческій очеркъ Рязанской духовной семинаріи (1840—18'7 гг.). *Рязанскія Еп. Вѣдомости* №№ 2—9.

Аксаковъ И. С. Письмо къ Н. П. Маркову (Русск. Обозр. 6).

(**Алмазовъ К. Б.**) А. Ѳ. Писемскій (Русск. Обозр. 6).

Архангельскій А. С. Русскій театръ XVIII в. (Окончаніе. Русск Обозр. 6).

М. Багинскій. Изъ исторіи Подольской духовной семинаріи. *Подольскія Еп. Вѣд.* № 11.

Боголюбовъ Я. Патріархъ Гермогенъ и его время. Продолженіе (Новое Слово, 6).

В. Будилинъ. Къ сужденіямъ объ участіи духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія въ прошломъ (дѣло 1786 г.). *Калужскія Еп. Вѣд.* № 7.

Н. Добровъ. Матеріалы для исторіи Астраханской духовной семинаріи. *Астраханскія Еп. Вѣд.* № 6.

Ѳ. Жудро. Письма Георгія Конисскаго къ членамъ Могилевской духовной Консисторіи. *Могилевскія Еп. Вѣд.* №№ 10—13.

Т. Крутиковъ. Устройство и значеніе древне-православныхъ братствъ Виленскаго и Львовскаго. *Воронежскія Еп. Вѣд.* № 9.

Ливенцовъ М. А. Воспоминанія о службѣ на Кавказѣ. V—VIII (Русск. Обозр. 6).

С. Маргаритовъ. Исторія Русскихъ раціоналистическихъ и мистическихъ сектъ. *Кишиневскія Еп. Вѣд.* №№ 1—6, 8.

Свящ. **Н. Миловскій**. Города Шуи стараго Покровскаго собора протоіерей Іоаннъ Алексѣевичъ Субботинъ (біографія). *Владимирскія Еп. Вѣд.* №№ 7, 9.

Аполлонъ Можаровскій. Приходъ села Моисеевки, Сергачскаго уѣзда, Нижегородской епархіи. *Нижегородскія Еп. Вѣд.* № 7.

Его же. Приходъ села Карауловки Сергачскаго уѣзда. *Нижегородскія Еп. Вѣд.* № 9.

Прот. І. Поспѣловъ. 18-лѣтнее служеніе въ Финляндіи (разсказъ священника). *Рижскія Еп. Вѣд.* №№ 6—7.

Прот. **І. Прокоповичъ**. Краткія свѣдѣнія о преосвященномъ Иннокентіи (Александровѣ), бывшемъ воспитанникѣ Астраханской духовной семинаріи. *Астраханскія Еп. Вѣд.* № 7.

Пыпинъ А. Н. Іосифъ Волоцкій и Нилъ Сорскій (Вѣстн. Европы 6).

Г. Пясецкій. Тихонъ, первый епископъ Сѣвскій и Брянскій, викарій Московской епархіи, и его время. 1764—1768. *Орловскія Еп. Вѣд.* №№ 16—18.

М. Сацердотова. Древнѣйшія учебныя заведенія Пензенскаго края. *Пензенскія Еп. Вѣд.* №№ 7—8.

И. Спрогисъ. Исторія Евьевской Свято-Успенской церкви (Трокскаго уѣзда). *Литовскія Еп. Вѣд.* № 12.

НАША ПОЛИТИКА НАКАНУНѢ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ 1870 года [1]).

Появленіе Люксембургскаго вопроса на политическомъ горизонтѣ можно считать какъ-бы прелюдіей къ Франко-прусской войнѣ 1870 г. При неимѣніи мужскихъ наслѣдниковъ у Голандскаго короля Вильгельма III, Французское правительство опасалось, что великое герцогство Люксембургское можетъ отойти къ Пруссіи или къ Сѣверо-германскому Союзу, и предъявило требованіе, чтобы Пруссія вывела свой гарнизонъ изъ Люксембургской цитадели. Пруссія, ссылаясь на трактаты 1815—1856 годовъ, отвѣчала отказомъ. Главнѣйшая задача дипломатіи состояла въ томъ, чтобы найти формулу, которая, охраняя достоинство Франціи, не затрогивала бы военной чести Пруссіи.

Прусскій король Вильгельмъ извѣстилъ телеграммою короля-великаго герцога, что, не посовѣтовавшись съ правительствами, подписавшими трактатъ 1839 г. [2]), онъ не можетъ объявить ничего рѣшительнаго по отношенію къ Люксембургу. Затѣмъ Бисмаркъ усложнилъ эту декларацію двумя новыми условіями, именно, что уступка и эвакуація Люксембургскаго герцогства будутъ зависить отъ согласія членовъ Сѣв.-Германскаго Союза и отъ общественнаго мнѣнія всей Германіи, законнымъ органомъ котораго служитъ Германскій сеймъ. Прусскому канцлеру нетрудно было оказать небольшое давленіе на Нѣмецкіе дворы и возбудить національныя страсти. Онъ имѣлъ на своей сторонѣ также Россію, которая своимъ бездѣйствіемъ могла помѣшать усиліямъ Англіи и Австріи привести враждущія стороны къ соглашенію. По словамъ Ротана, князь Горчаковъ, прозванный министромъ XVIII вѣка, запутался въ политикѣ электричества [3]). Въ началѣ 1867 г.

---

[1]) L'affaire de Luxembourg (Souvenirs diplomatiques) par G. Rothan. Ротанъ былъ Французскимъ посланникомъ при нѣкоторыхъ второстепенныхъ дворахъ. А. Ч.

[2]) Трактатомъ 27 Іюня 1839 г., между Голландіей и Бельгіей, положено было за уступленную Бельгіи часть Люксембурга признать равную ей часть Лимбурга, вмѣстѣ съ Люксембургскимъ великимъ герцогствомъ, принадлежащими къ Германскому Союзу. А. Ч.

[3]) Т. е. въ телеграммахъ.

онъ находилъ удовольствіе являться въ роли Селимены*): обнадеживая ту и другую стороны, онъ въ тоже время одобрялъ какъ Прусскія, такъ и Французскія деклараціи. Впрочемъ Русскій вице-канцлеръ не скрывалъ своихъ симпатій: онъ сознавался въ своихъ близкихъ отношеніяхъ къ Берлинскому двору, давая въ тоже время понять Наполеону III, черезъ Русскаго посла барона Будберга, что въ политикѣ не существуетъ узъ неразрывныхъ и что относительно союзовъ между государствами успѣхъ оказывается обыкновенно на той сторонѣ, которая наиболѣе предлагаетъ. Выказывая свои нѣжныя отношенія къ Пруссіи, князь Горчаковъ только возбуждалъ ревность Франціи, усиливалъ ея опасенія и раздражалъ ея апетиты. Позднѣе, послѣ непріятнаго опыта на Берлинскомъ конгрессѣ, Русскій министръ снова пытался обратиться къ подобной политикѣ и полагалъ, что, обнаруживая страстное расположеніе къ Франціи, онъ тѣмъ возбудитъ опасенія въ Пруссіи и снова пріобрѣтетъ ея благосклонность. Но Бисмаркъ не отличался постоянствомъ своихъ наклонностей: его уже начинало влечь къ Австріи.

Въ Мартѣ 1867 г. ухаживали за княземъ Горчаковымъ въ одно и тоже время и принцъ Рейсъ, и баронъ Талейранъ, представитель Франціи. Изъ нихъ первый былъ любимѣйшимъ дипломатомъ при Петербургскомъ дворѣ; онъ занималъ привилегированное положеніе, принадлежалъ къ интимному кружку императора Александра II-го, удостоивался приглашеній на petits soupers. Онъ располагалъ свѣдѣніями изъ самыхъ секретныхъ и авторитетныхъ источниковъ. Ему сообщались всѣ извѣстія, получаемыя Русскимъ правительствомъ изъ Парижа, и черезъ него-то Бисмаркъ узналъ о начавшихся переговорахъ Французскаго правительства съ Голандскимъ. Къ крайнему неудовольствію нашему, говоритъ Ротанъ, онъ же, принцъ Рейсъ, удивилъ Русскій дворъ извѣстіемъ о томъ, что Голандія уже 3-го Апрѣля отказала Франціи въ уступкѣ Люксембургскаго герцогства, между тѣмъ какъ баронъ Талейранъ, на основаніи своихъ инструкцій, только что успѣлъ заявить князю Горчакову, что вопросъ объ уступкѣ уже улаженъ, и его правительство не намѣрено отступаться отъ своихъ требованій.

Разсказываютъ о нѣкоемъ министрѣ иностранныхъ дѣлъ, какъ онъ, на одномъ придворномъ балѣ, послѣ слишкомъ откровенной бесѣды о событіяхъ дня, происходившей между одной высокопоставленной особою и повѣреннымъ въ дѣлахъ дружественной державы, позво-

---

*) Роль безъ рѣчей въ комедіи Мольера: Les précieuses ridicules. А. Ч.

лилъ себѣ напомнить этой особѣ, какъ опасно касаться политическихъ вопросовъ въ разговорѣ съ иностранными дипломатическими агентами. Затѣмъ, будто бы эта особа, отличавшаяся своимъ возвышеннымъ умомъ и сердцемъ и не подозрѣвавшая ничего дурнаго, съ живостію обратилась къ дружественному дипломату и спросила: «правда ли, что вы передаете вашему двору всѣ мои слова?» Этотъ дипломатъ будто бы сконфузился и не находилъ отвѣта; но министръ вывелъ его изъ затрудненія такими словами: «дипломатъ не исполнялъ бы возложенныхъ на него правительствомъ его обязанностей, еслибы добросовѣстно не передавалъ всего того, о чемъ съ нимъ бесѣдуютъ».

Не знаю, говоритъ Ротанъ, игралъ ли принцъ Рейсъ какую либо роль въ описанной сценѣ; но не подлежитъ сомнѣнію, что при Русскомъ дворѣ, въ его присутствіи, выражались о событіяхъ дня съ полной откровенностью и что Прусское правительство знало до мельчайшихъ подробностей, о чемъ сносились между собою Парижъ и Петербургъ.

Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ маркизъ Мутье (Moustier) соединялъ съ крайней осторожностію большую недовѣрчивость. Выслушивая охотно жалобы Русскаго посла на тенденціи и образъ дѣйствій Пруссіи и въ тоже время восхищаясь неудовольствіемъ Петербургскаго двора на Берлинскій, онъ, однакоже, пока шли переговоры съ Бисмаркомъ, не допускалъ дурныхъ отзывовъ о будущемъ союзникѣ. Когда баронъ Будбергъ заводилъ рѣчь о Германіи, то Мутье переходилъ къ Турціи. Онъ надѣялся положить основаніе къ соглашенію съ Россіей лишь благодаря своему посредничеству въ пользу Турецкихъ христіанъ, о судьбѣ коихъ такъ сокрушался Русскій вицеканцлеръ. Увидя однакоже, что въ Берлинѣ болѣе старались развязаться, нежели связывать себя, Мутье разсудилъ, что настало время ловкимъ образомъ довести князя Горчакова до откровенія его тайныхъ помысловъ. Онъ писалъ барону Талейрану отъ 8 Февраля н. ст.: «Мы хорошо понимаемъ, что князю Горчакову желательно довести насъ до полной откровенности; но онъ облегчилъ бы намъ ее, еслибъ сообщилъ, въ чемъ именно состоятъ его предложенія и какія могутъ быть съ его стороны возраженія противъ возможныхъ въ будущемъ политическихъ сопряженій. Постарайтесь заставить его высказаться обстоятельно. Таково ли положеніе Германіи, чтобы можно было надѣяться на сближеніе ея съ Франціей, и одинаково ли обѣ державы должны его понимать? Бар. Будбергъ, безъ вызова съ нашей стороны, даетъ утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Пруссія поспѣшила насъ увѣдомить, что она вполнѣ присоединяется къ предложенію, сдѣланному нами Русскому двору относительно Турціи; она объявила, что во всякомъ слу-

чаѣ будетъ сообразоваться съ нашими дѣйствіями на Востокѣ. Она очень высоко цѣнитъ свою услужливость и снисходительность; однакоже, судя по нѣкоторымъ признакамъ, нужно думать, что прежде всего она старается угодить Россіи. Очевидно, что между Берлиномъ и Петербургомъ существуютъ интимныя отношенія; даже увѣряютъ о состоявшемся соглашеніи. Я ставлю эти вопросы не потому, чтобы предвидѣлъ натянутыя отношенія, а еще менѣе столкновеніе между Пруссіей и нами. Мы желаемъ оставаться съ ней въ наилучшихъ отношеніяхъ и еслибъ, для сохраненія настоящаго равновѣсія, вопросъ коснулся нѣкотораго увеличенія територіи, то оно ни въ какомъ случаѣ не произошло бы на счетъ Германіи. Постарайтесь довести князя Горчакова до полныхъ признаній; его искренность вызоветъ и нашу».

Вслѣдствіе такихъ инструкцій баронъ Талейранъ, дабы вызвать князя Горчакова на откровенность, старался дѣйствовать на его слабыя стороны. Онъ завелъ съ нимъ рѣчь о Турціи и о необходимости заставить ее держаться пути какъ нравственныхъ, такъ и матеріальныхъ реформъ. Выказывая большое участіе къ участи Грековъ и Болгаръ, онъ испытывалъ добросовѣстность князя и подзадоривалъ его возможностью Русскихъ пріобрѣтеній. Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе вице-канцлера на положеніе Германіи со времени послѣднихъ событій и на возможные територіальные передѣлы. Но были минуты, когда князь, какъ только рѣчь касалась передѣловъ, повидимому переставалъ понимать посла или только представлялся непонимающимъ. Его понятливость зависѣла отъ каприза. «Но вы желаете знать мое мнѣніе, восклицалъ онъ, о проектахъ, которые еще не установлены въ вашихъ мысляхъ; вы требуете, чтобы я высказался, основываясь лишь на однихъ предположеніяхъ. Но вѣдь это значитъ, говоря откровенно, мѣняться ролями. Не мнѣ надлежитъ вступать въ область гипотезъ: я тѣмъ рисковалъ бы навести васъ на идеи и планы, о которыхъ вы и не помышляли. Вы увѣряете, что находитесь въ хорошихъ отношеніяхъ съ Пруссіей и что, не имѣя намѣренія посягать на Германскую територію и ничего не требуя ни отъ Италіи, ни отъ Швейцаріи, вы тѣмъ самымъ даете мнѣ право предполагать, что вы, можетъ статься, мечтаете объ Иберіи.» Такимъ образомъ баронъ Талейранъ очутился какъ бы прижатымъ къ стѣнѣ. Однако, перечисляя всѣхъ сосѣдей Франціи, вице-канцлеръ забылъ одного, а именно того, который преимущественно интересовалъ эту страну. Посолъ не желалъ называть этого сосѣда, но всетаки упомянулъ о Люксембургѣ и его округѣ. «Ахъ! воскликнулъ князь съ притворной наивностью, ежели вопросъ касается только Люксембурга, то напрасно вы о томъ прямо не объявили. Ну скажите мнѣ теперь, прибавилъ онъ, чего вы хотите, и я дамъ вамъ дружескій

и, если могу, положительный отвѣтъ; въ противномъ случаѣ прекратимъ этотъ разговоръ».

Баронъ Талейранъ не продолжалъ разговора, но онъ былъ возобновленъ самимъ кн. Горчаковымъ. Онъ открылся въ своихъ страстныхъ желаніяхъ, таившихся въ глубинѣ его души. «Въ Европѣ, говорилъ онъ, могутъ произойти перемѣны, на которыя мы будемъ спокойно смотрѣть; но могутъ быть и такія, какимъ совершиться мы не позволимъ: наприм., присоединеніе къ Австріи Славянскихъ провинцій Турціи. Себѣ мы ничего не просимъ, но и ничего изъ этого не уступимъ Австріи[1])». Впрочемъ князь Горчаковъ, также мало какъ и Бисмаркъ, вѣрилъ, чтобы Австрія въ состояніи была возстановить свое значеніе. Русскій посолъ въ Вѣнѣ приводилъ князя въ восхищеніе своими донесеніями о крайне-печальномъ положеніи дѣлъ въ этомъ государствѣ. Вице-канцлеръ увѣрялъ всѣхъ и каждаго, что Турція и Австрія—это два ветхихъ дома, прислонившіеся другъ къ другу и поддерживаются лишь одинъ другимъ.

Попытка маркиза Мутье ни къ чему не привела. Кн. Горчаковъ, говоритъ Ротанъ, перевернулъ роли: Франція ожидала его исповѣди, а очутилась въ ролѣ кающейся. Но того, чего желалъ онъ, Франція дать ему не могла. Онъ желалъ, чтобы Россія была освобождена отъ обязательствъ Парижскаго трактата, прозваннаго имъ туникой Нессуса [2]). Это была его idée fixe, та почва, на которой уже состоялось соглашеніе между Россіей и Пруссіей. Чувствительная струна Русскаго министра была хорошо извѣстна Бисмарку, и онъ не преминулъ затронуть ее, когда, послѣ Никольсбурга, послалъ генерала Мантейфеля въ Петербургъ.

Такого рода отношенія существовали между Франціей и Россіей въ то время, когда возникъ Люксембургскій вопросъ на Сѣверо-Германскомъ сеймѣ.

Князь Горчаковъ, повѣствуетъ Ротанъ, любезничалъ съ Франціей. Онъ съ удовольствіемъ признавалъ ея симпатичный и правильный образъ дѣйствій въ Восточныхъ дѣлахъ Незадолго передъ тѣмъ въ бесѣдѣ съ Талейраномъ онъ одобрялъ «поощрительныя рѣчи,» съ коими Будбергъ еще недавно обращался къ Мутье. Франція, говорилъ Русскій посолъ, вдалась въ опасное предпріятіе. Князю представляется благопріятный случай вспомнить про благородныя усилія Наполеона на Парижскомъ конгрессѣ пощадить самолюбіе Россіи, приподнять

---

[1]) Событія не оправдали тогдашнихъ словъ князя Горчакова. А. Ч.

[2]) Центавръ Нессусъ, умирая, отдалъ свою чудотворную тунику, омоченную въ крови Лернейской гидры, женѣ Геркулеса Дейанирѣ для того, чтобы она посредствомъ этой туники привораживала къ себѣ мужа, въ случаѣ его невѣрности.

ее послѣ испытанныхъ ею пораженій. Ему слѣдуетъ лишь обратиться съ энергическимъ словомъ въ Берлинъ, присоединиться къ Австріи и Англіи, и опасность, угрожающая Франціи, будетъ устранена. Но князь Горчаковъ относился равнодушно къ убѣдительнымъ просьбамъ Франціи, и въ его отвѣтахъ проглядывали даже иронія и злопамятство. Конечно онъ сожалѣлъ о томъ, что Люксембургскій вопросъ былъ вообще поднятъ, говорилъ, что предвидитъ взрывъ раздраженія въ Германіи, что онъ и не подумаетъ раздувать огонь, но и будетъ избѣгать обращаться къ Берлинскому кабинету съ совѣтами, такъ какъ эти совѣты были бы и несвоевременны, и недѣйствительны. Онъ не соглашался съ тѣмъ, чтобы ссылка на внутреннія затрудненія Франціи, которыя посолъ старался объяснить недовольствомъ, внушеннымъ событіями 1866 г., могла служить достаточнымъ аргументомъ для дипломатіи. Съ другой стороны, вице-канцлера очень занималъ вопросъ о прочности политическаго строя, затѣяннаго Бисмаркомъ; онъ полагалъ, что дѣлу этому угрожаетъ немалая опасность. Наконецъ онъ находилъ, что трудно оспаривать договоръ, на который Пруссія ссылается и который былъ подписанъ также Россіей. «Зачѣмъ, говорилъ Русскій министръ, ясно намекая на Парижскій трактатъ, два вѣса и двѣ мѣры? Зачѣмъ сохранять въ силѣ одни трактаты, отмѣняя другіе? Не гораздо ли проще было бы объявить, что старые договоры уже болѣе не существуютъ? Я первый порадовался бы тому».

«Нельзя не пожалѣть, прибавилъ онъ съ укоризной, что вашъ государь, послѣ Садовой, отказался присоединиться къ намѣреніямъ императора Александра II: была возможность помѣшать присоединеніямъ, о коихъ вы теперь, когда уже поздно, сокрушаетесь. Но вмѣсто того, чтобы противиться, вы одобрили ихъ посредствомъ циркуляра Лавалетта, и вотъ, спустя полгода послѣ того, какъ вы выдали квитанцію Бисмарку, вы хотите взять обратно ваше согласіе. Позвольте вамъ сказать, что противорѣчіе уже слишкомъ очевидно, и та цѣль, къ коей вы стремитесь, не заслуживаетъ усилій, обнаруживаемыхъ вами».

Противъ правильности такихъ сужденій, говоритъ Ротанъ, нельзя было ничего сказать; но они были несвоевременны и невеликодушны. Горечь этихъ словъ была усугублена сообщеніемъ барону Талейрану извѣстія, что о поѣздкѣ въ Парижъ императора Александра не можетъ быть и рѣчи, пока споръ между Франціей и Пруссіей не будетъ улаженъ. Князь Горчаковъ не вѣрилъ въ успѣхъ всемірной выставки въ Парижѣ и не скрывалъ, что Франціи не избѣжать войны. Такимъ образомъ вице-канцлеръ отступался отъ всякой Европейской солидарности. Не провозглашая открыто политики «свободной руки» (politique de la main libre), онъ въ дѣйствительности дѣйствовалъ въ ея духѣ.

—

Для Франціи наступали критическія минуты. Ея министръ иностранныхъ дѣлъ считалъ своимъ долгомъ сдѣлать послѣднюю попытку въ Петербургѣ. Русскій посолъ по-своему (à sa façon) поощрялъ его къ тому: онъ спрашивалъ, не наступило ли время выдвинуть впередъ Турецкій вопросъ? На это Мутье отвѣчалъ ему: «меня въ настоящее время озабочиваетъ не Востокъ, а Западъ».—«Но вѣдь мы могли бы оказать вамъ важную услугу, заставивъ Пруссаковъ, не обнаруживающихъ къ тому ни малѣйшей наклонности, очистить Люксембургъ», возразилъ баронъ Будбергъ. Не отказываясь отъ услуги, Мутье отвѣчалъ: «попытайтесь». Въ дѣйствительности же онъ разсчитывалъ только на посредничество Англіи и Австріи.

Тюльерійскій кабинетъ находилъ, что баронъ Талейранъ не исполнялъ съ надлежащей энергіей своей обязанности, такъ какъ, послѣ всяческихъ взаимныхъ увѣреній, дѣйствія Петербургскаго кабинета не могли не казаться довольно странными. Также упрекали посла въ томъ, что онъ упустилъ случай лично передать Русскому Императору письмо съ приглашеніемъ посѣтить Парижскую выставку (1867 г.). Въ Тюльери питали надежду, что послѣдствіемъ аудіенціи Талейрана могли быть со стороны Россіи значительныя обнадеживанія. «Петербургъ—пунктъ чрезвычайной для насъ важности, писалъ Мутье б. Талейрану; не безполезны были бы для насъ всякія мѣры предосторожности, всякое развѣдываніе, всякое объясненіе. Близкія отношенія Россіи къ Пруссіи, въ существованіи которыхъ мы все болѣе и болѣе убѣждаемся, не могутъ не быть предметомъ нашихъ постоянныхъ заботъ. Крайне интересно было бы добраться до происхожденія этихъ отношеній, прослѣдить ихъ развитіе и взвѣсить ихъ значеніе. Предлагая вамъ войти въ соглашеніе относительно Восточнаго вопроса, князь Горчаковъ завѣрялъ, что искренне сочувствуетъ нашимъ интересамъ на Западѣ; но то положеніе, которое за послѣдніе дни принялъ Петербургскій кабинетъ по отношенію къ намъ, мало соотвѣтствуетъ его обѣщаніямъ. Повидимому онъ болѣе склоненъ думать, что справедливость на сторонѣ Пруссіи, а не Франціи; онъ не принялъ даже на себя труда хорошенько узнать, въ чемъ дѣло».

Ротàнъ увѣряетъ, что баронъ Талейранъ, дѣйствовавшій съ большимъ тактомъ и осторожностію, не заслуживалъ этихъ упрековъ. Посолъ хорошо изучилъ ту среду, гдѣ ему приходилось дѣйствовать; отъ него не укрылись холодность и сдержанность, съ коими къ нему относился Русскій дворъ, между тѣмъ какъ принцу Рейсу явно оказывалось особое вниманіе; зналъ онъ также о дурномъ расположеніи Александра II-го къ Франціи и какъ онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждалъ ее.

Въ Парижѣ, гдѣ двери Тюльерійскаго дворца были всегда широко раскрытм для дипломатовъ, не имѣли понятія о положеніи дипломатическаго корпуса въ Петербургѣ и не понимали, что это положеніе зависитъ и отъ личнаго характера Русскаго Императора, и отъ традицій Русской политики. Александръ II всегда соблюдалъ крайнюю любезность и вѣжливость (courtoisie) при встрѣчахъ съ посломъ, но встрѣчи эти были довольно рѣдки, такъ какъ Государь велъ довольно замкнутую жизнь, и никто изъ его окружающихъ не могъ похвалиться тѣмъ, что пользуется его особымъ довѣріемъ. То что̀ повѣрялось графу Шувалову, оставалось неизвѣстнымъ князю Горчакову; тоже самое можно было сказать и про отношенія къ графу Адлербергу и кн. Гагарину. Вслѣдствіе этого полнѣйшее недовѣріе другъ къ другу всѣхъ приближенныхъ Императора. Главнѣйшими условіями его благорасположенія были скромность и молчаливость. Александръ II держалъ отъ себя всѣхъ на извѣстномъ разстояніи и никому не позволялъ имѣть вліяніе на дѣла управленія. Иностранные дипломаты были какъ бы оцѣплены кордономъ, хотя и украшеннымъ цвѣтами, но очень строгимъ. Къ нимъ были внимательны и предупредительны, охотно посѣщали ихъ, но фамильярныя отношенія съ ними не доходили до полной откровенности. При такихъ условіяхъ барону Талейрану, не смотря на его наслѣдственные дипломатическіе таланты, было очень трудно добывать достовѣрныя свѣдѣнія. Единственными его руководителями служили инстинктъ и прирожденный тактъ. «Я и мои коллеги, писалъ посолъ, представляемъ изъ себя печальную дипломатію; здѣсь наши сношенія затрудняются систематически болѣе чѣмъ гдѣ-либо. За исключеніемъ счастливаго случая, мы обыкновенно должны ограничиваться однимъ наблюденіемъ за ходомъ событій и истолковывать ихъ какъ кто умѣетъ. Такая скромная роль становилась для меня подчасъ очень тяжкою».

Возобновился слухъ объ одновременной поѣздкѣ въ Парижъ двухъ государей. Императоръ Александръ II увѣдомилъ барона Талейрана, что онъ еще не отказался отъ поѣздки, а принцъ Гогенцолернскій говорилъ въ Баденѣ одному камергеру Наполеона, что король Вильгельмъ не измѣнилъ своего намѣренія посѣтить Парижскую выставку. Внезапно термометръ подвергся сильному колебанію: въ Берлинѣ онъ сталъ показывать оттепель, а въ Петербургѣ жаръ. Бисмаркъ уже не отвергалъ абсолютно идеи о конференціи, а князь Горчаковъ снова пустился въ откровенность, опять принялся за свой образный языкъ: увѣрялъ, что онъ ни съ кѣмъ не связанъ обѣщаніемъ и что онъ не поддался усиленнымъ убѣжденіямъ принца Рейса, хотя тотъ настоятельно требовалъ рѣшительнаго отвѣта; словомъ, что

его мысли относительно Люксембургскаго вопроса ничѣмъ не запятнаны (immaculés) и что передъ Франціей лежитъ листъ совершенно бѣлой бумаги. Выслушивая сообщенія барона Талейрана, онъ соглашался, что они составлены какъ нельзя болѣе въ мирномъ духѣ, въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ и, еслибы онъ не опасался, что его комплименты покажутся г-ну Мутье неумѣстными, то попросилъ бы ихъ передать ему. «Какъ жаль, говорилъ вице-канцлеръ, что мы съ г. Мутье не находимся въ Константинополѣ! Мы бы съ нимъ менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли устроили всѣ Восточныя дѣла». Такъ Фридрихъ II, наканунѣ своего вторженія въ Силезію, увѣряя въ своихъ нѣжныхъ чувствахъ кардинала Флёри, писалъ ему: «мое единственное честолюбіе— узрѣть вблизи величайшаго государственнаго мужа». Повидимому насталъ конецъ холодности князя Горчакова; онъ какъ-бы вышелъ изъ своего страннаго оцѣпенѣнія, и умъ его просвѣтлѣлъ. Послѣ размышленія, продолжавшагося три недѣли, онъ сталъ сознаваться, что право Пруссіи содержать гарнизонъ въ Люксембургѣ подлежитъ рѣшительному сомнѣнію. Ему пріятно, увѣрялъ онъ, констатировать и удивляться умѣренности Французскихъ требованій. Наконецъ онъ объявилъ, что его Государь вознамѣрился принять на себя роль посредника, что Его Величество уже отправилъ къ своему августѣйшему дядѣ настоятельныя письма и что онъ, вице-канцлеръ, надѣется, что графъ Бисмаркъ, не смотря на свою нервозность, подчинится совѣтамъ разума. Тѣмъ не менѣе, Русскій министръ не желалъ идти на буксирѣ у кого бы то ни было: онъ хотѣлъ добиться мирнаго соглашенія за свой счетъ, предоставляя себѣ какъ трудъ, такъ и награду. Всего менѣе намѣренъ былъ князь Горчаковъ идти по слѣдамъ Австрійскаго министра Бейста. Не забывая своихъ прошлыхъ счетовъ съ Австріей, говорилъ онъ, я предоставляю ему какъ заботу, такъ и удовольствіе заставить Берлинскій кабинетъ согласиться на предложенія, коими-де Австрійскій посолъ Ревертера не переставалъ занимать его.

Что же могло понудить князя Горчакова совершить такой неожиданный, сочувственный Франціи, поворотъ? Убѣдился ли Русскій дворъ въ томъ, что натянутое положеніе дѣлъ въ Берлинѣ ослабло, что воинственныя намѣренія Прусскаго короля поколеблены вмѣшательствомъ Англіи, и настойчивостью Австріи? Узнали-ли, что Вильгельмъ болѣе расположенъ слушать совѣты Россіи, чѣмъ уступать давленію прочихъ державъ? Какъ бы тамъ ни было, но Петербургскій кабинетъ круто нарушилъ свое столь чувствительное для Франціи молчаніе и приготовился ломать дверь (enfoncer les portes), когда она уже не была герметически затворена. Но, не отступая отъ своего правила; do, ut des, Русскій министръ, взамѣнъ услуги, которую онъ

готовъ былъ оказать Франціи въ Берлинѣ, потребовалъ, чтобы Франція, ради удовлетворенія общественнаго мнѣнія въ Россіи, угостила оное зрѣлищемъ интимнаго соглашенія въ Константинополѣ.

Въ свою очередь, г. Убри [1]) явился на другой день, какъ-бы въ качествѣ домашняго друга, съ объявленіемъ своихъ инструкцій. Пришелъ онъ къ Бисмарку, уже знавшему въ чемъ дѣло, конечно не съ представленіями, а лишь съ совѣтами. Теперь уже глава Прусскаго кабинета признавалъ, что если ему предложатъ участвовать въ конференціи, то ему трудно будетъ уклониться отъ нея; но, не сказавъ ничего рѣшительнаго относительно права содержать гарнизонъ въ Люксембургѣ и увлекаясь декламаціей противъ рѣшительнаго намѣренія Франціи объявить войну Германіи, онъ заявилъ, что въ виду этого обстоятельства онъ не намѣренъ выходить изъ Люксембурга. Еще менѣе успокоительна была рѣчь, произнесенная Прусскимъ королемъ 12 Апрѣля при закрытіи сессіи Сѣвернаго парламента. Онъ объявилъ, намекая на Люксембургъ, что для могущественнаго Германскаго отечества наступило время заставить уважать его права и достоинство. Очевидно было, что, выдвигая впередъ свои права и достоинство въ столь неважномъ вопросѣ, Прусское правительство и не подумаетъ о какомъ либо полюбовномъ соглашеніи.

Но съ 12-го Апрѣля исчезло много иллюзій. Бисмаркъ, не смотря на рѣчь короля, на свои объявленія и на увѣренія его органа Сѣв. Германской газеты (которая еще 5-го числа опровергала то обстоятельство, будто бы Берлинскій кабинетъ подъ извѣстными условіями готовъ отозвать свой гарнизонъ), объявилъ г-ну Убри, 26 числа, что Пруссія согласна на открытіе въ Лондонѣ коллективныхъ переговоровъ, принявъ за ихъ основаніе нейтралитетъ Люксембурга, гарантированный Европой. Подъ этимъ, очевидно, должно было разумѣть эвакуацію Люксембургской крѣпости.

Достигнутъ былъ важный результатъ, заслуги коего принадлежали Петербургскому кабинету. Предложивъ свое посредничество въ «психологическій часъ», князь Горчаковъ пожалъ плоды тщетныхъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль усилій Австріи и Англіи. Нѣсколько дней спустя, на обѣдѣ у Русскаго посла, данномъ по случаю тезоименитства Царя, Бисмаркъ встрѣтился съ Французскимъ посломъ. Онъ неоднократно подходилъ къ нему, а когда Убри провозгласилъ тостъ за успѣхъ Лондонской конференціи, то, на виду у всѣхъ, канцлеръ чокнулся съ Бенедетти [2]). Повидимому, карантинъ былъ снятъ. Когда

[1]) Русскій посолъ при Прусскомъ дворѣ. А. Ч.

[2]) Французскій посолъ при Прусскомъ дворѣ. А. Ч.

обѣдъ кончился, канцлеръ привлекъ посла въ амбразуру окна и съ сердечностью, которую онъ способенъ обнаруживать въ случахъ, полезныхъ для его цѣлей, началъ бесѣдовать о происшедшемъ поворотѣ. «Здѣсь надѣлали, сказалъ Бисмаркъ, и желаютъ еще надѣлать много глупостей». Это его признаніе въ тоже время должно было служить оправданіемъ. Онъ признавалъ, что въ Берлинѣ желали войны и что еще не отказались отъ нея и въ тоже время присвоивалъ себѣ заслугу ея отвращенія. Оправдываясь такими словами, онъ расходился съ военной партіей въ Пруссіи, этимъ безличнымъ существомъ, которое, казалось, тормозило мудрыя намѣренія короля и дѣйствія его правительства. Бенедетти принялъ это сознаніе только къ свѣдѣнію, такъ какъ всякія жалобы были бы неумѣстны. Онъ не пытался продолжать интимный разговоръ, который могъ возбудить вниманіе и любопытство въ присутствующихъ членахъ дипломатическаго корпуса, всегда склонныхъ составлять обширныя депеши изъ нѣсколькихъ на лету уловленныхъ словъ.

—

На обратномъ пути изъ Парижа князь Горчаковъ остановился въ Штутгартѣ. Онъ не только не поощрялъ тамошній дворъ сопротивляться Прусскимъ захватамъ, но даже совѣтовалъ примириться съ ними. «Пруссія, разсуждалъ онъ, выказывала всегда готовность удовольствовать *насъ*; относительно Польскаго вопроса она вела себя въ высшей степени безукоризненно и никогда не будетъ затруднять нашей политики». Понятно, что въ минуты самыхъ сердечныхъ отношеній между Русскимъ Императоромъ и Вильгельмомъ I вице-канцлеръ не могъ говорить иначе. Затѣмъ пріятныя впечатлѣнія, вынесенныя съ Парижской выставки, стали понемногу забываться Русскимъ кабинетомъ*). Пребываніе Турецкаго султана въ Парижѣ возбудило въ князѣ Горчаковѣ недовѣрчивость, причиняло ему безсонныя ночи и давало поводъ къ сарказмамъ. Онъ сталъ упрекать маркиза Мутье въ слабости къ Туркамъ, выражать опасеніе, чтобы онъ не превратился въ совершеннаго мусульманина, и какъ-бы глава правовѣрныхъ не прельстилъ его чѣмъ-либо и не заставилъ забыть только что взаимноданныя обѣщанія. Всего болѣе опасался князь того, что блистательный пріемъ, сдѣланный Наполеономъ Абдулъ-Ассизу, можетъ усилить на Востокѣ престижъ султана на счетъ Европейскаго вліянія и такимъ образомъ столь благотворное для христіанства соглашеніе между Россіей и Франціей лишится своего авторитета. Князь давалъ понять Франціи, что видитъ въ ея отношеніяхъ къ Турціи пробный камень

*) Ротанъ позабылъ, что пистолетъ Березовскаго купленъ имъ на деньги, полученныя (на ряду съ другими Польскими проходимцами) изъ Французской казны. П. Б.

обѣщаніямъ, даннымъ ею относительно уступки острова Крита Греціи. Напомнилъ онъ также Тюльерійскому кабинету, что тѣсный союзъ, состоявшійся между двумя императорами и продолжавшійся до событій въ Польшѣ, былъ дѣломъ его рукъ; что его политическія убѣжденія ничуть не измѣнились, напротивъ, что посѣщеніе Франціи лишь способствовало ихъ укрѣпленію. Съ другой стороны, вице-канцлеръ не скрывалъ, что малѣйшее намѣреніе къ сближенію Россіи съ Франціей возбуждаетъ подозрѣніе и что повидимому ревнивыя вліянія уже стараются нарушить согласіе, къ коему привести двухъ императоровъ стоило ему не мало труда. «Желательно, присовокупилъ кн. Горчаковъ, достигнуть того, чтобы въ душѣ обоихъ государей не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія относительно ихъ намѣренія обратить въ дѣло дружественныя увѣренія, коими они только что успѣли обмѣняться».

Французскій министръ не могъ не удивляться тому, говоритъ Ротанъ, какимъ образомъ посѣщеніе Франціи султаномъ и воздаваемыя ему почести могли возбуждать подозрѣнія Русскаго двора. Онъ полагалъ, что, напротивъ, въ Россіи точно также, какъ и во Франціи, будутъ радоваться такому необыкновенному событію какъ путешествіе по Европѣ главы Ислама, и усмотрятъ въ этомъ шагъ къ прогрессу Востока. «Что касается меня, говорилъ маркизъ Мутье барону Будбергу, то я вижу въ этомъ лишь счастливый случай придать больше вѣсу общимъ нашимъ стремленіямъ и политикѣ на Востокѣ». Такая рѣчь маркиза нѣсколько успокоила Русскаго министра. «Турки, отвѣчалъ тотъ, обманывали себя надеждами, но нѣсколько поубавили своей спѣси, видя наше рѣшительное и постоянное соглашеніе. Представленные вами резоны должны были убѣдить ихъ, что Россія не желаетъ ни разрушенія ихъ государства, ни увеличенія своей територіи. Надѣюсь, что они, наконецъ, пробудятся отъ своей спячки, поймутъ, что пора взяться за дѣло, что всѣ наши усилія сдерживать христіанское населеніе Турціи будутъ напрасны, если намъ невозможно успокоить его уступкой о. Крита, въ видѣ доказательства сочувствій, съ которыми Европа относится къ своимъ единовѣрцамъ». На это маркизъ позволилъ себѣ замѣтить, что кромѣ Критскаго существуетъ также Датскій вопросъ *), возбужденный завоеваніями Пруссіи и что онъ также заслуживаетъ вниманія Петербургскаго кабинета; затѣмъ, что если Россію озабочиваетъ Востокъ, то Францію не менѣе того безпокоитъ Западъ и что князь Горчаковъ, за содѣйствіе Франціи на берегахъ Босфора, обѣщалъ обратиться съ добрымъ совѣтомъ къ Берлинскому

*) Пруссія медлила возвратить Даніи часть Шлезвига, населенную Датчанами, и тѣмъ нарушила 5-ю статью Пражскаго трактата. А. Ч.

кабинету. Маркизъ старался убѣдить князя въ томъ, что настоятельное слово, обращенное къ столь внимательному къ нему Бисмарку, должно произвести надлежащее впечатлѣніе и что этимъ окажетъ онъ важную услугу міру вообще и Франціи въ особенности. Послѣ того, чтобы угодить Франціи, князь Горчаковъ отнесся къ Прусскому правительству съ официальной депешей, а къ Бисмарку—съ частнымъ письмомъ *). Вице-канцлеръ былъ очень польщенъ тѣмъ, что могъ разыграть роль примирителя Парижскаго кабинета съ Берлинскимъ; ему доставляло большое удовольствіе пользоваться довѣріемъ двухъ соперничествующихъ державъ и преподавать совѣты. Въ то время роль эта была изъ благодарныхъ, ибо предоставляла возможность направлять свою политику въ любую сторону.

Въ выраженіяхъ, не лишенныхъ нѣкотораго паѳоса, писалъ кн. Горчаковъ Варцинскому отшельнику: «Дабы не нарушить ваше сельское уединеніе, любезный графъ, я постараюсь быть краткимъ. Замѣтивъ въ водахъ, въ коихъ мы съ вами плаваемъ, подводный камень, я не могу не указать на него искусному лоцману, сумѣвшему неоднократно его избѣгать. Мнѣ пріятно вѣрить, что ваше с-ство, подобно мнѣ, вынесли изъ Парижа убѣжденіе въ томъ, что императоръ Наполеонъ желаетъ мира, но окруженный людьми, обуреваемыми страстями, сознаётъ трудность упрочить этотъ миръ и вслѣдствіе того разсчитываетъ на ваше содѣйствіе, чтобы облегчить ему эту задачу.... Письмо мое къ барону Будбергу, отправленное по приказанію моего Государя, 28 Іюня, должно убѣдить васъ въ нашемъ усиліи успокоить Тюльерійскій дворъ. Надѣюсь, что это наше усиліе не окажется безплоднымъ. Однакоже Датскій вопросъ все еще ждетъ своей очереди, и я не вижу выхода съ того пути, по коему доселѣ шли. Я убѣжденъ въ чувствахъ справедливости и даже великодушія короля Вильгельма; убѣжденъ также и въ томъ, что вы руководствуетесь благородными видами, что ваши мысли обнимаютъ обширный горизонтъ, убѣжденъ въ превосходствѣ плановъ государственнаго дѣятеля, который умѣетъ отличать мелкіе интересы отъ крупныхъ. Что касается послѣднихъ, то самымъ важнымъ изъ нихъ считаетъ мой Государь—сохраненіе мира. Не подлежитъ сомнѣнію, что такое отношеніе къ занимающему насъ вопросу въ высшей степени безпристрастно, тѣмъ болѣе что Россіи не только нечего бояться какого либо столкновенія между вами и Франціей, но есть лица, кои полагаютъ, что она отъ того останется еще въ выигрышѣ. Если я не ошибаюсь, то Тюльерійскій дворъ, опасаясь затронуть ваше самолюбіе, доселѣ ни на чемъ особенно не

*) Копія съ этого письма была передана барономъ Будбергомъ маркизу Мутье.

настаивалъ относительно Шлезвига. Но мнѣ извѣстно, что императоръ Наполеонъ очень серьезно занятъ этимъ вопросомъ, особенно въ виду того обстоятельства, что рѣшеніе его можетъ подѣйствовать на его отношенія къ Пруссіи. Онъ желаетъ, чтобы эти отношенія были основаны на взаимномъ довѣріи, но и опасается, что, если этотъ status quo неизвѣстности продлится, то возбужденное общественное мнѣніе Франціи можетъ его поставить въ затруднительное положеніе. Намъ кажется, что уже пора придти къ нему на помощь и дать возможность совершить дѣло прочнаго умиротворенія. Наши симпатіи къ Даніи вамъ конечно извѣстны, но *мы намѣрены держать себя въ сторонѣ и не вмѣшиваться въ дѣла*, кои должны быть дружелюбно окончены только двумя заинтересованными сторонами. Лучше васъ никто не въ состояніи найти имъ надлежащее рѣшеніе. Въ заключеніе позволю себѣ сказать вамъ, что я только въ такомъ случаѣ увѣрюсь въ добромъ исходѣ дѣла, когда в. с-во лично изволите выступить на сцену».

Бóльшихъ доказательствъ расположенія Россіи къ Франціи нельзя было и требовать, говоритъ Ротàнъ. Но князь Горчаковъ, по мнѣнію Ротàна, хотя и разсчитывался наличными деньгами, только металлъ его денегъ былъ не безъ подмѣси. Выступая въ роли адвоката Франціи, Русскій министръ въ тоже время давалъ знать Бисмарку, что ему нечего опасаться Россіи, что она рѣшилась лично въ споръ не вступать. Изъ его довольно недвухсмысленныхъ фразъ можно было понять, что отъ столкновенія между Франціей и Пруссіей Россія можетъ только выиграть. Политика ея была политикой свободной руки—держать ту сторону, которая болѣе предложитъ.

—

Наполеонъ III-й тщетно ожидалъ исполненія обѣщаній, данныхъ въ Парижѣ Бисмаркомъ, а равно и результатовъ ходатайства кн. Горчакова. Датскій вопросъ все болѣе и болѣе затягивался непомѣрными требованіями Прусскаго кабинета. Ссылаясь на возмущенныя національныя чувства Германіи, Бисмаркъ выказывалъ крайнюю неуступчивость. Ротàнъ утверждаетъ, что Русская дипломатія, нимало не компрометируя себя, могла бы упросить Германскаго канцлера положить конецъ положенію дѣлъ, могущему возмутить Европейскій миръ; но Русскій посолъ въ Берлинѣ предпочиталъ склоняться на сторону Пруссіи. «Такъ какъ графъ Бисмаркъ, разсуждалъ онъ глубокомысленно, выступилъ первоначально на Эйдерѣ побѣдоносно съ своей рискованной политикой, то на Эйдерѣ же этотъ вопросъ можетъ быть и рѣшенъ: все равно, опредѣлено ли ему перейти за рубежъ Майна или нѣтъ».

Нельзя утверждать, чтобы Русскій министръ, въ своихъ интимныхъ бесѣдахъ съ Французскимъ посломъ, не склонялся на сторону Франціи. Какъ безпристрастный судья, онъ не сомнѣвался въ правотѣ Франціи, тѣмъ болѣе, что переговоры въ Никольсбургѣ [1]) происходили въ присутствіи Французскаго посла и что 5-я статья Пражскаго трактата была включена съ единственной цѣлью сдѣлать угодное лично имп. Наполеону III. Онъ выражалъ свое удивленіе и сожалѣніе о томъ, что Пруссія такъ скоро могла забыть услугу, оказанную ей Франціей въ 1866 г., когда ей дозволено было, ничѣмъ не рискуя, обнажить отъ войска свои Рейнскія провинціи и перевести ихъ въ Богемію. Кн. Горчакова сильно тревожили страстныя выходки печати въ обѣихъ странахъ; онъ увѣрялъ бар. Талейрана, что неоднократно предостерегалъ Бисмарка и совѣтовалъ ему быть менѣе нервознымъ и въ сношеніяхъ съ Франціей выказывать поболѣе дружелюбія. Но въ тоже время вице-канцлеръ обнаруживалъ опасеніе, чтобы давленіе съ Русской стороны не привело къ противному результату. И дѣйствительно, вскорѣ затѣмъ Бисмаркъ сталъ какъ-бы тяготиться Русской дружбой; онъ дорожилъ ею вслѣдъ за Садовой, потому что Россія спасла Пруссію отъ изолированнаго положенія (isolement), дозволила перекроить всю Германію, превратить въ своихъ вассаловъ даже ближайшихъ родственниковъ Русскаго государя, а главное—удерживала отъ вмѣшательства Францію и Австрію. Но съ тѣхъ поръ въ мысляхъ ловкаго Прусскаго канцлера многое что̀ измѣнилось: предсказывавшій близкое распаденіе Австрійской имперіи, онъ теперь признавалъ, что она обладаетъ такими жизненными силами, какихъ и не подозрѣвалъ, и что не слѣдуетъ пренебрегать сближеніемъ съ нею, въ особенности въ то время когда она начинаетъ сближаться съ Франціей. Успѣвъ вытѣснить Австрію изъ Германіи, Пруссія вдругъ завела рѣчь о задачахъ Австріи на Востокѣ. А такъ какъ Русской дипломатіи не удалось привлечь на свою сторону ни Англію, ни Пруссію, то всѣ западные кабинеты пришли къ убѣжденію, что Европейскій миръ можетъ быть сохраненъ не иначе какъ совершеннымъ изолированіемъ Россіи» [2]).

---

[1]) Между Пруссіей и Австріей послѣ Садовой. А. Ч.

[2]) Одинъ Нѣмецкій дипломатъ говорилъ Ротану: «Можетъ статься, что императоръ Александръ II и думалъ подражать въ Лондонѣ тактикѣ своего родителя въ извѣстной бесѣдѣ того съ лордомъ Сеймуромъ, но скоро успѣлъ убѣдиться, что Англія не намѣрена входить въ соглашеніе съ Россіей ни по одному пункту Восточнаго вопроса. Графу Андраши, по поводу личнаго участія Императора въ переговорахъ. Ротанъ приписываетъ такія слова: «Я горжусь имѣть государя своимъ коллегой (по части иностранныхъ дѣлъ), но не могу не пожалѣть о томъ, что онъ обладаетъ столь малой опытностью въ этомъ дѣлѣ и такъ мало съ нимъ знакомъ».

Сверхъ того Бисмаркъ опасался, что дружба Пруссіи и Россіи, которую кн. Горчаковъ рисовалъ въ самомъ розовомъ свѣтѣ *), можетъ не нынѣ-завтра поставить его страну въ незавидное положеніе, въ которомъ она очутилась на Парижскомъ конгрессѣ 1856 года сравнительно съ великими державами. Онъ избѣгалъ даже разговора о Восточныхъ дѣлахъ. Когда о нихъ спрашивали его, то онъ имѣлъ обыкновеніе говорить, что Константинопольскихъ депешъ онъ никогда не читаетъ, хотя въ тайнѣ и поощрялъ Русскую политику на Востокѣ.

—

Сближеніе Берлинскаго кабинета съ Вѣнскимъ совершилось не сразу, но должно было пройти немало перипетій. Оно ускорено было императоромъ Александромъ II вслѣдъ за разочарованіями, испытанными Россіей на Берлинскомъ конгрессѣ. По словамъ Ротана, Россія около этого же времени начала свой походъ противъ Германіи, всячески стараясь поссорить ее съ Франціей и такимъ образомъ заставить послѣднюю искать сближенія съ Россіей. Въ этихъ будто видахъ Русскіе генералы, пріѣзжавшіе въ Парижъ съ тайными порученіями, между прочими Скобелевъ, при всякихъ случаяхъ старались обнаружить тамъ свое пренебреженіе къ военнымъ силамъ Германіи. Вотъ эти-то обстоятельства и должны были ускорить сближеніе Пруссіи съ Австріей.

—

Возмущеніе Грековъ на о. Критѣ послужило какъ-бы прелюдіей къ возстанію всѣхъ Турецкихъ Славянъ. Одни въ Россіи усматривали въ этомъ инцидентѣ лишь временную смуту въ Турціи, другіе же предвидѣли расчлененіе этого государства. Опасность была не такъ велика, какъ предполагали Русскіе дипломаты, смѣшивавшіе свои желанія съ дѣйствительностью, но такое положеніе дѣлъ всетаки не могло не безпокоить западные кабинеты. Турція пользовалась бо̀льшей жизненной силой, чѣмъ иные предполагали; ибо народы, нѣкогда поражавшіе міръ своимъ блескомъ и величіемъ, умираютъ медленно и прежде чѣмъ они исчезнутъ, проходятъ цѣлые вѣка. Турцію хоронили не разъ, но всегда везли пустой гробъ, а «больной человѣкъ», покуривая свой наргиле́, равнодушно посматривалъ на свои похороны.

Однакоже Русскій кабинетъ, разсчитывая на соперничество государствъ, глубоко разъединенныхъ событіями 1866 г., повидимому на-

*) Баронъ Талейранъ доносилъ своему министру: Русскій вице-канцлеръ, во что бы ни стало, старается стоять на хорошей ногѣ съ Берлиномъ; онъ при всякомъ случаѣ желаетъ убѣдить всѣхъ въ гораздо большей близости къ Пруссіи нежели та, которая признается Петербургскимъ посольствомъ короля Вильгельма.

дѣялся безъ затрудненія осуществить свои планы на Востокѣ. По окончаніи Крымской войны, Россія стала искать сближенія съ Франціей, но потомъ, замѣтивъ, что вліяніе короля Вильгельма уже перевѣшивало вліяніе Наполеона III-го, она обратилась на Прусскую сторону. Ея дипломаты неожиданно начали ссылаться на принципъ, провозглашенный Наполеономъ III и столь гибельно отозвавшійся на интересахъ Франціи,—на принципъ національности и народнаго полновластія. Россія конечно была искренна, увѣряя, что не имѣетъ въ виду завоеваній; ей желательно было только расчленить Турцію на нѣсколько небольшихъ государствъ подъ своимъ покровительствомъ и обратить ихъ въ своихъ подручниковъ. «Эти маленькія республики, говорилъ князь Горчаковъ, должны открыть Россіи дорогу къ Царьграду, и вмѣстѣ съ тѣмъ служить со всѣхъ сторонъ угрозой для Австріи». Задняя мысль Русской политики, не смотря на все стараніе скрыть ее, была для всѣхъ очевидна; ибо бесѣду императора Николая съ лордомъ Сеймуромъ еще не успѣли забыть. Вотъ почему Западныя державы никакъ не могли примириться съ перспективой водворенія Россіи въ Константинополѣ, и всѣ комбинаціи Европейской политики того времени вращались около Турціи. Бисмаркъ воспользовался Восточнымъ вопросомъ какъ пугаломъ для привлеченія Австріи на сторону Пруссіи; а Французскій министръ, подъ видомъ оказать услугу дѣлу цивилизаціи, но лишь съ цѣлью ослабить узы, завязавшіяся между Русскимъ государемъ и королемъ Вильгельмомъ, нравственно поддерживалъ политику князя Горчакова. Только политика маркиза Мутье не всегда увѣнчивалась успѣхомъ, такъ какъ князь Горчаковъ былъ союзникомъ требовательнымъ и недовѣрчивымъ. Характеры политическихъ дѣятелей представляютъ большое разнообразіе. Въ то время Русскій вице-канцлеръ руководствовался въ своей политикѣ принципомъ возмездія. Въ силу этого весьма опаснаго принципа, онъ, въ 1866 году, попустилъ Пруссію разгромить Австрію, а въ 1870 г.—унизить Францію. Желая прикрыть свою эволюцію въ сторону Пруссіи, князь Горчаковъ говорилъ Французскому послу: «Какъ я ни стараюсь подвести балансъ подъ графою нашихъ отношеній (rapports) къ Тюльерійскому кабинету, въ активѣ нигдѣ не оказывается слово Франція, тогда какъ Россію вижу тамъ постоянно». Упрекъ Русскаго министра былъ не безоснователенъ: Франція 1863 г., во время Польскаго мятежа, позабыла про услуги, которыя оказала ей Россія въ Итальянскую войну 1859 г. Однакоже, предъявляя свои счеты балансомъ въ пользу Россіи, кн. Горчаковъ забылъ, какъ поступила Франція вслѣдъ за Крымской войной, какъ на Парижскомъ конгрессѣ побѣдитель немало употребилъ усилій, дабы не былъ униженъ побѣжденный, какъ онъ ста-

рался смягчить тяжкія послѣдствія побѣды, одержанной имъ надъ Россіей [1]). Вслѣдъ за симъ Россіи приходилось не разъ защищать себя отъ суровыхъ и тяжкихъ притязаній прочихъ державъ. Принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, Русскій министръ могъ бы въ текущихъ счетахъ, открытыхъ имъ этимъ державамъ, встрѣтить еще болѣе чувствительные дефициты, чѣмъ тѣ, которые онъ съ такой горечью насчитывалъ за Франціей, въ 1867 г. Франція старалась все болѣе выказать свою симпатію Россіи; послѣ Крымской войны она желала возстановить прежнее значеніе и вліяніе этого государства въ совѣтахъ Европейской дипломатіи, памятуя услуги Петербургскаго кабинета, оказанныя Франціи, какъ въ 1859, такъ и 1875 годахъ. Франція, говоритъ Ротȧнъ, высоко цѣнила мудрость и либеральныя реформы Александра II по отношенію къ Польшѣ, освобожденію крѣпостныхъ и пр.; но какъ ни велико было ея сочувствіе къ внутренней политикѣ Россіи, она не могла не признавать себя оскорбленной непріязненнымъ къ ней отношеніемъ во время войны 1870 г., затѣмъ вреднымъ для Франціи воздѣйствіемъ Русской политики на Австрію, Данію и Италію, наконецъ тѣми наградами, которыми изъ Россіи вслѣдъ за пораженіями Франціи, щедро осыпали Германскихъ генераловъ, и поздравительными телеграммами, адресованными къ Прусскому королю [2]).

Князь Горчаковъ въ свою очередь жаловался на дѣйствія Французскихъ дипломатическихъ агентовъ на Востокѣ, дѣйствія которыхъ, говорилъ онъ, противорѣчили состоявшимся между обоими кабинетами соглашеніямъ. Ревнуя Францію къ Австріи, онъ писалъ: «Меня возмущаетъ гр. Бейстъ; дабы поссорить насъ съ вами, онъ измышляетъ различныя усложненія въ Турціи и затѣмъ всю вину слагаетъ на Россію. Но я возвращаю ему его обвиненія, ибо не съ нашей, а съ его стороны проявляются алчныя вожделѣнія: тогда какъ мы не имѣемъ въ виду ни малѣйшаго територіальнаго пріобрѣтенія, Австрія стремится присоединить себѣ Боснію и Герцеговину. Графъ Бейстъ—хамелеонъ; никто болѣе его не измѣнялъ своей Восточной политики, переходя изъ одного полюса въ другой. Не онъ ли, безъ всякаго отъ насъ побужденія, первоначально предлагалъ намъ пересмотръ Парижскаго трактата [3]), котораго нынѣ онъ выступаетъ самымъ ревностнымъ

---

[1]) При чтеніи Парижскаго трактата 1856 г. возникаетъ вопросъ: за кѣмъ же побѣда (слова Буркенея, Французскаго посла въ Берлинѣ).

[2]) Знаменитое «ай да дядя!» напечатанное по-русски въ передовой статьѣ газеты Times. П. Б.—Настоящее сближеніе съ Франціей отчасти оправдываетъ строгій приговоръ Ротȧна надъ нашей внѣшней политикой того времени. А. Ч.

[3]) Сдѣлавшись Австрійскимъ министромъ, графъ Бейстъ, въ надеждѣ отвлечь Россію отъ Пруссіи и склонить ее на сторону Австріи, полагалъ, что можно ее избавить отъ нѣкоторыхъ

поборникомъ? Но его игра не обманетъ никого, и я надѣюсь, что она не охладитъ нашихъ добрыхъ отношеній *). Вы, полагаю, не можете пожаловаться на нашу требовательность; всячески стараюсь я угодить вамъ и, кажется, мои предложенія самаго безобиднаго свойства. Но завѣса, которою я прикрываю наше отступленіе по дѣлу Кандіи, столь прозрачна, что едва можетъ избавить насъ отъ смѣшнаго. Замедленіе въ нашихъ общихъ съ вами дѣйствіяхъ въ Турціи тѣмъ тягостнѣе, что отзывается на моемъ личномъ положеніи. Вамъ не могутъ не быть извѣстны тѣ нападки, противъ которыхъ я здѣсь долженъ защищаться и то изолированное положеніе, которое я занимаю въ дѣлѣ сближенія Франціи съ Россіей».

Французскій министръ не могъ долѣе оставаться равнодушнымъ къ сѣтованіямъ кн. Горчакова. Чтобы поддержать дружественныя отношенія, съ большимъ трудомъ установившіяся между двумя имперіями, и положить конецъ продолжительному бездѣйствію Франціи въ Константинополѣ, маркизъ Мутье телеграфировалъ своему послу (который не всегда шелъ рука въ руку съ своимъ Русскимъ коллегой), чтобы онъ измѣнилъ свои дѣйствія и немедля объявилъ Портѣ коллективную декларацію, условленную между Французскимъ и Русскимъ правительствами. Близко знакомый со всѣми извилинами Восточной политики, Французскій посолъ К. Буре (Bouré) не охотно соглашался измѣнить традиціонную политику Франціи на Востокѣ и потому немало удивился инструкціи министра, шедшей въ разрѣзъ съ этой политикой. Онъ не умѣлъ читать между строками то, чего не могли сказать ему болѣе яснымъ образомъ и не понялъ, что для Франціи вопросъ о безопасности ея границъ былъ гораздо важнѣе, чѣмъ всѣ Турецкія дѣла.

Съ Петербургскаго неба исчезли всѣ тучи, когда узнали, что Франція наконецъ рѣшилась принести въ жертву свои интересы на Востокѣ. Баронъ Будбергъ наговорилъ любезностей маркизу Мутье, а

унизительныхъ условій Парижскаго мира; но ни императоръ Александръ II, ни его министръ не могли забыть неблагодарности Вѣнскаго кабинета, и пораженіе Австріи въ 1866 г. было пріятно для Россіи. Бисмаркъ отстранилъ отъ Австріи угрожавшую ей въ 1875 г. серьезную опасность. Когда Австрія, передъ войной съ Пруссіей, обратилась за помощью къ Наполеону III, то онъ отвѣчалъ коротко: „Неужели вы думаете, что я могу быть союзникомъ мертвеца?“ Когда же Наполеонъ III въ свою очередь сталъ, въ 1870 г., подбивать Австрію противъ Пруссіи, то получилъ въ отвѣтъ: „Неужели вы думаете, что я могу быть союзникомъ сумасшедшаго дома“? (The diplomatic reminiscences of lord A. Loftus).

*) Бейстъ былъ родомъ Саксонецъ. Однажды, въ послѣ-обѣденной бесѣдѣ, кто-то восхищался легкостью поданныхъ кофейныхъ чашечекъ Саксонскаго фарфора. Бывшій тутъ главный совѣтникъ и вдохновитель князя Горчакова, Ѳ. И. Тютчевъ сказалъ: „En fait de Saxe léger, il n'y a que Beust.“ (Что до Саксонской легкости, первенство за Бейстомъ).

князь Горчаковъ телеграфировалъ барону Будбергу: «Скажите императору Наполеону, что мой Государь никогда не сомнѣвался въ вѣрности слова его величества».

—

Между тѣмъ Римскій вопросъ и предложенный по поводу его Наполеономъ III конгресъ внесли новую смуту и разстроили всѣ планы Французскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Предполагалось обсудить на конгрессѣ возможность присоединенія къ Итальянскому королевству Папской области съ ея древней столицей. Бисмаркъ заявлялъ, что «никто изъ членовъ конгресса не рѣшится обнаружить своихъ сокровенныхъ мыслей, и что конгресъ ни къ чему не поведетъ. Кромѣ того, такъ какъ на конгресъ приглашались всѣ государства (за исключеніемъ Турціи и Греціи), то достоинство Пруссіи не позволяетъ ей стоять тамъ на одной доскѣ съ какимъ нибудь Люксембургомъ. Что же касается согласія Россіи, говорилъ канцлеръ, то она могла, конечно, нисколько не компрометируя себя, только согласиться въ принципѣ, что̀ на дипломатическомъ языкѣ равносильно вѣжливому отказу».

—

Всю эту дипломатическую путаницу, предшествовавшую разгрому Франціи 1870 года, Ротàнъ поясняетъ такимъ заключительнымъ разсужденіемъ. Никогда дѣйствія правительствъ не противорѣчили въ такой степени ихъ офиціальнымъ заявленіямъ. Въ это время всякаго рода тайные агенты шныряли по Европѣ съ порученіями согласовать разнообразные интересы державъ и съ цѣлью объяснить то, въ чемъ нело̀вко было сознаться, что̀ совѣстно было изложить на бумагѣ. Эти появлявшіеся въ столицахъ агенты служили какъ-бы предшественниками бури. Они проникали заднимъ ходомъ къ государямъ и ихъ министрамъ и вводили только въ заблужденіе относительно истинныхъ мыслей и намѣреній своихъ правительствъ. Наполеонъ III воображалъ, что держитъ въ своихъ рукахъ всѣ нити и сѣти тѣхъ дипломатическихъ каверзъ, съ помощью которыхъ онъ можетъ направлять свою измѣнчивую политику, но полагая быть душой такой политики, онъ былъ ни что иное какъ ея игрушкой, а Франція—ея жертвой.

Сообщилъ А. Чумиковъ.

---

*) Отношенія Русскаго кабинета къ Римскому были въ это время (изъ-за Польскихъ дѣлъ) весьма натянуты. Разсказывали, будто Пій IX послѣ какой-то смѣлой выходки нашего уполномоченнаго барона Мейендорфа забылся до такой степени, что указалъ ему дверь. А. Ч.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій
1806–1856.

ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КИРѢЕВСКІЙ.

Очеркъ его жизни и литературной дѣятельности.

Ты сказалъ намъ: за волною
Вашихъ мысленныхъ морей
Есть земля; надъ той землею
Блещетъ дивной красотою
Новой мысли эмпирей. ...

Хомяковъ.

И. В. Кирѣевскій родился въ Москвѣ 22 Марта 1806 года. Въ 1812 году, ухаживая въ Орлѣ за ранеными Русскими и плѣнниками-непріятелями, скончался его отецъ Василій Ивановичъ, человѣкъ большаго образованія и глубокаго благочестія. Гроза нашествія, стоны больныхъ, возможность подчиненія иноземному игу, были первыми рѣшительными на всю остальную жизнь впечатлѣніями мальчика Кирѣевскаго. Какъ Пушкинъ въ искусствѣ, такъ Кирѣевскій въ области мышленія суть отзвуки великаго удара, нанесеннаго Россіи Западною Европою. Осиротѣвшая семья поселилась въ родовомъ прекрасномъ помѣстьи, въ селѣ Долбинѣ, близъ города Бѣлева и села Мишенскаго (родины Жуковскаго). Здѣсь Кирѣевскій прожилъ до шестнадцати-лѣтняго возраста. Его воспитаніемъ, кромѣ матери, которая была одною изъ замѣчательнѣйшихъ Русскихъ женщинъ, руководили сперва Василій Андреевичъ Жуковскій, а потомъ Алексѣй Андреевичъ Елагинъ. Первый, будучи дѣдомъ-дядею Кирѣевскаго и связанный съ дѣтства своего тѣсною дружбою съ его матерью, поселился въ Долбинѣ и намѣревался посвятить себя воспитанію ея дѣтей: онъ считалъ это «однимъ изъ главныхъ дѣлъ своей жизни». Намѣренію знаменитаго поэта не суждено было осуществиться и, пробывъ два года въ Долбинѣ, Жуковскій долженъ былъ по своимъ дѣламъ уѣхать въ Дерптъ и Петербургъ. Тѣмъ не менѣе пребываніе Жуковскаго въ семьѣ Кирѣевскихъ не могло пройти безслѣдно для Ивана Васильевича. Не безъ основаній можно предполагать, что дѣятельность, которую впослѣдствіи избралъ Иванъ Васильевичъ, была внушена именно Жу-

ковскимъ. Его же вліяніемъ можно объяснить и то идеально-поэтическое настроеніе мыслей, какимъ всегда отличался Кирѣевскій. А вліяніе это было сильное. Жуковскій, горячо полюбившій Ивана Васильевича за его способности и возвышенную чистоту души, былъ первымъ и неизмѣннымъ его другомъ и совѣтникомъ. Кирѣевскій въ свою очередь на всю жизнь сохранялъ горячую, даже восторженную любовь къ своему воспитателю. «Удивительный человѣкъ этотъ Жуковскій, писалъ Иванъ Васильевичъ. Хотя, кажется, знаешь необыкновенную красоту и возвышенность его души, однако при каждомъ новомъ случаѣ узнаёшь, что сердце его еще выше и прекраснѣе, чѣмъ предполагалъ». И если, будучи взрослымъ юношей, Иванъ Васильевичъ съ наслажденіемъ слушалъ Жуковскаго и старался запоминать каждое его слово, то понятно, какое сильное впечатлѣніе поэтъ долженъ былъ производить на даровитаго и возбужденнаго ко всему высокому отрока.

По отъѣздѣ Жуковскаго изъ Долбина Иванъ Васильевичъ воспитывался подъ непосредственнымъ руководствомъ матери и затѣмъ съ 1817 года—вотчима. Авдотья Петровна Кирѣевская, урожденная Юшкова, при своихъ высокихъ нравственныхъ качествахъ, была прекрасно образована и, по отзыву Кавелина, «участвовала въ движеніи Русской литературы и Русской мысли болѣе, чѣмъ многіе писатели и ученые по ремеслу». Это было вполнѣ изящное существо. Жуковскій называлъ ее своею поэзіею; а Хомяковъ говаривалъ, когда она была уже старухою, что въ нее и въ такихъ лѣтахъ еще можно влюбиться. Ея тихое и умное слово, ея улыбка, строка ея письма производили чарующее дѣйствіе. До самой женитьбы Кирѣевскаго она была ему лучшимъ другомъ и вдохновеніемъ. Понятно, что Кирѣевскимъ, благодаря этому обстоятельству, не было нужды ни въ учителяхъ, ни въ гувернерахъ. Иванъ Васильевичъ развивался быстро. Рано пробудившаяся охота къ чтенію легко могла быть удовлетворяема, такъ какъ отецъ Кирѣевскихъ оставилъ послѣ себя отличную библіотеку. Въ этой библіотекѣ Иванъ Васильевичъ не только встрѣтилъ лучшія произведенія Русской и Французской словесности, но имѣлъ возможность прочитать философскія сочиненія Локка и Гельвеція. Знакомство съ философіей приняло еще бо́льшіе размѣры съ тѣхъ поръ, какъ учителемъ Кирѣевскихъ сдѣлался ихъ вотчимъ А. А. Елагинъ, который зналъ тогдашнюю Германскую философію и былъ ревностнымъ поклонникомъ Шеллинга, а его ученіемъ многіе увлекались въ то время въ Россіи. Елагинъ сумѣлъ замѣнить для пасынковъ отца и съ любовію занимался ихъ образованіемъ. «Еслибы онъ подслушалъ хоть разъ, писалъ позднѣе И. В. Кирѣевскій, какъ я всякій день съ любовію, благодарностью и дружбою благословляю его

внутри души, онъ вѣрно мысленно бы прижалъ меня къ своей груди, какъ достойнаго сына».

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ росъ и воспитывался Иванъ Васильевичъ до 1822 года, когда Елагины переселились въ Москву для дальнѣйшаго воспитанія дѣтей. Владѣя уже Французскимъ и Нѣмецкимъ языками, Иванъ Васильевичъ сталъ изучать Англійскій, Латинскій и Греческій языки, бралъ уроки у славныхъ университетскихъ профессоровъ того времени (Снегирева, Мерзлякова, Цвѣтаева, Чумакова и др.) и слушалъ публичныя лекціи профессора Павлова. На этихъ урокахъ Иванъ Васильевичъ познакомился съ А. И. Кошелевымъ (сыномъ умной Француженки), который остался его другомъ на всю жизнь. Вмѣстѣ съ нимъ Иванъ Васильевичъ выдержалъ такъ называемый комитетскій экзаменъ, и оба они въ 1824 году поступили на службу въ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Сослуживцами Ивана Васильевича были: Веневитиновы (Д. В. и А. В.), В. П. Титовъ, И. С. Мальцовъ, Н. А. Мельгуновъ, С. А. Соболевскій. Эти «архивные юноши», цвѣтъ тогдашней Московской молодежи, жили тѣснымъ дружескимъ кружкомъ, къ которому вскорѣ примкнули даровитые питомцы Московскаго Университета: Н. М. Рожалинъ, М. А Максимовичъ и М. П. Погодинъ.

Многостороннія познанія и глубина учености не мѣшали Кирѣевскому быть душею семьи и общества. Онъ устраивалъ игры, театральныя представленія, писалъ шуточныя трагедіи, а для младшихъ своихъ братьевъ и сестеръ сочинилъ краткую исторію Троянской войны въ стихахъ, которые и до сихъ поръ могутъ служить образцомъ для дѣтскаго чтенія и заучиванья *).

---

*) Были дни: великъ и пышенъ
Ты стоялъ, Пріамовъ домъ,
Дланью Зевсовой возвышенъ,
Полонъ златомъ и сребромъ.

*

Былъ врагамъ далеко страшенъ,
Гордый силою своей,
Высотою стѣнъ и башенъ,
Быстротечностью коней.

*

Всѣми благами украшенъ,
Ты лелѣялъ съ давнихъ дней
Непорочность дѣвъ стыдливыхъ,
Прелесть женъ благочестивыхъ,
Дерзость юношей кичливыхъ
Веледушіе мужей.

Въ Московскомъ обществѣ того времени возникали двѣ параллельныя дѣятельности, одна—литературная, другая—чисто-философская. Представителями первой были: Баратынскій, Языковъ, Веневитиновъ и Хомяковъ. Всѣ они группировались вокругъ Пушкина, и подъ его вліяніемъ возникъ въ Москвѣ литературный журналъ «Московскій Вѣстникъ». Поборникомъ философскаго направленія былъ князь В. Ѳ.

Но Парисовой измѣной
Прогнѣвился Кроніонъ.
Гибель слѣдомъ за Еленой
Входитъ въ свѣтлый Иліонъ.

*

Ополчаются Атриды
Сокрушить Пріамовъ тронъ;
Златовласой Тиндариды
Выдать имъ не хочетъ онъ.

*

Вотъ судами вкругъ Авлиды
Синій понтъ загроможденъ,
И по манію Паллады,
Отъ разгнѣванной Эллады
Браненосныя громады
Понеслись на Иліонъ.

*

Но вотще неутомимо
Грековъ ратуютъ вожди:
Предъ врагомъ за край родимой
Гекторъ всюду впереди.

*

Отъ руки неодолимой
Тьмы Ахейцевъ въ прахъ легли.
Но судьбѣ неодолимой
Боги Трою обрекли.

*

Гекторъ палъ за край родимый...
Зашумѣли корабли,
Стихли яростные бои,
И Ахейскіе герои
Отъ развалинъ бывшей Трои
Въ путь возвратный потекли.

(Напечатано безъ подписи въ альманахѣ «Денница на 1831 годъ», подъ заглавіемъ «Хоръ изъ трагедіи Андромаха»).

Одоевскій, собиравшій у себя небольшое число молодыхъ литераторовъ. По своему воспитанію и образованію Иванъ Васильевичъ былъ вполнѣ способенъ заинтересоваться какъ тою, такъ и другою дѣятельностью. Но въ то время, какъ его друзья и товарищи начинали уже дѣйствовать на литературномъ поприщѣ, Иванъ Васильевичъ еще не рѣшался выступить на него. Впрочемъ, это не значитъ, что Иванъ Васильевичъ не хотѣлъ принимать участія въ трудахъ своихъ товарищей. «Я такъ разстроилъ свое здоровье, что всякое напряженіе ума для меня вредно. Нѣкоторыя обстоятельства заставляютъ даже опасаться чахотки, а потому ѣздить верхомъ, ходить, спать и прочее, составляетъ всѣ мои занятія». Между тѣмъ «тогда только пишется, когда писать весело». Не смотря на то, сказывавшаяся еще въ дѣтствѣ склонность къ литературной дѣятельности въ это время окончательно опредѣлилась и стала цѣлью всей его жизни. «Могу ли я въ службѣ принести значительную пользу отечеству?» спрашивалъ Иванъ Васильевичъ своего друга Кошелева. «Мнѣ кажется, что внѣ службы я могу быть ему полезнѣе, нежели употребляя все время на службу. Я могу быть литераторомъ... На этомъ поприщѣ мои дѣйствія не будутъ безполезны; я могу сказать это безъ самонадѣянности. Я не безполезно провелъ мою молодость и уже теперь могу съ пользою дѣлиться своими свѣдѣніями. Но цѣлую жизнь, имѣя главною цѣлью образовываться, могу ли я не имѣть вѣса въ литературѣ? Я буду имѣть его и дамъ литературѣ свое направленіе... Всѣ тѣ, которые совпадаютъ со мной въ образѣ мыслей, будутъ моими сообщниками. Кромѣ того, слушай одно изъ моихъ любимыхъ мечтаній: у меня четыре брата, которымъ природа не отказала въ способностяхъ. Всѣ они будутъ литераторами *), и у всѣхъ будетъ отражаться одинъ духъ. Куда бы насъ судьба ни завела и какъ бы обстоятельства ни разрознили, у насъ все будетъ общая цѣль—благо отечества, и общее средство—литература. Чего мы не сдѣлаемъ общими силами?... Если судьба будетъ намъ покровительствовать, то представь себѣ, что лѣтъ чрезъ 20 мы сойдемся въ дружескій кругъ, гдѣ каждый изъ насъ будетъ отдавать отчетъ въ томъ, чтò онъ сдѣлалъ, и въ свои свидѣтели призывать просвѣщеніе Россіи. Какая минута!»

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ и долго послѣ этого времени образованіе распространялось преимущественно путемъ оживленныхъ преній, чтеній и писемъ. Большую услугу въ этомъ отношеніи оказывали

*) Тоже самое позднѣе (въ 1830 г.) совѣтовалъ А. П. Елагиной Жуковскій: „Въ вашей семьѣ, говорилъ онъ, заключается цѣлая династія хорошихъ писателей. Пустите ихъ всѣхъ по этой дорогѣ. Дойдутъ къ добру“. (Кромѣ роднаго брата, Петра Васильевича, у Кирѣевскаго были три сводные, горячо имъ любимые: Николай, Андрей и Василій Алексѣевичи Елагины).

пріемныя гостиныя во многихъ Московскихъ домахъ. Кромѣ вечеровъ Елагиныхъ, въ гостиной у которыхъ, въ «республикѣ привольной, у Красныхъ у воротъ» (какъ говорилъ Языковъ), собирались члены мыслящаго Московскаго общества и заѣзжіе въ Москву таланты, пріобрѣли себѣ извѣстность вечера княгини Волконской, съ ихъ художественнымъ, музыкально-литературнымъ направленіемъ. Распорядитель этихъ вечеровъ, князь Вяземскій, упросилъ Ивана Васильевича, который бывалъ у княгини, написать что-нибудь для прочтенія. Кирѣевскій написалъ «Царицынскую Ночь», первый литературный свой опытъ. Чрезъ годъ (въ 1828 г.) Мицкевичъ, жившій нѣкоторое время въ Москвѣ, уѣзжалъ въ Петербургъ. За ужиномъ, состоявшимся въ честь поэта, Московскіе литераторы поднесли ему серебряный кубокъ, при чемъ Иванъ Васильевичъ произнесъ замѣчательные стихи *). Въ томъ же году онъ помѣстилъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» статью «Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина», напечатанную, впрочемъ, безъ подписи.

«Если бы ты зналъ, какъ весело быть писателемъ!» отзывался вскорѣ послѣ этого Иванъ Васильевичъ другу своему Кошелеву. «Я написалъ одну статью, говоря по совѣсти, довольно плохо, и если бы могъ, уничтожилъ бы ее теперь. Но, не смотря на то, эта одна плохая статья доставила мнѣ минуты неоцѣненныя». Между тѣмъ занятія Ивана Васильевича состояли въ ничего недѣланіи. «Прожектовъ много, но лѣни еще больше. Не знаю отчего, мнѣ даже некогда и читать то, чтó хочется; а некогда отъ того, вѣроятно, что я ничего не дѣлаю... Мои прожекты о Жуковскомъ, о критикѣ, *о философіи въ Россіи*, до сихъ поръ все еще прожекты. На дняхъ намѣренъ приняться за исполненіе. Между тѣмъ много еще другихъ сочиненій-кандидатовъ, которые просятся въ комплектъ, но которыя до сихъ поръ оставляю при особенныхъ порученіяхъ. А между тѣмъ... они другъ другу мѣшаютъ, перебиваютъ другъ у друга мѣста и пр. Но я буду писать, и скоро.»

Между многими «прожектами» у Ивана Васильевича была завѣтная мечта: ему хотѣлось издавать журналъ, въ которомъ онъ видѣлъ лучшее средство для того, чтобы дѣлиться своими мыслями съ обществомъ. Онъ находилъ, что въ то время «каждый мыслящій человѣкъ не только могъ, но и обязанъ былъ выражать свой образъ мыслей предъ лицомъ публики. Только общимъ содѣйствіемъ можетъ у насъ составиться то, чего такъ давно желаютъ всѣ благомыслящіе люди, чего до сихъ поръ, однакоже, мы не имѣемъ и чтò, бывъ результатомъ, служитъ вмѣстѣ и условіемъ народной образованности, а слѣ-

*) Стихи помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1874, II, 223.

довательно и народнаго благосостоянія: я говорю объ общемъ мнѣніи. Къ тому же все сказанное передъ публикой полезно уже потому, что сказано: справедливое—какъ справедливое, несправедливое—какъ вызовъ на возраженіе». Иванъ Васильевичъ не предвидѣлъ, какъ далеки его мечты отъ осуществленія, и думалъ даже завести собственную типографію. Онъ только не признавалъ себя достаточно подготовленнымъ къ намѣченной дѣятельности и прежде исполненія своихъ завѣтныхъ предположеній хотѣлъ побывать за границей. Въ этомъ путешествіи, въ непосредственномъ знакомствѣ съ Европейскою образованностію, Иванъ Васильевичъ надѣялся почерпнуть силъ для своей просвѣтительной дѣятельности. Но путешествію препятствовали сердечныя привязанности къ Москвѣ: Иванъ Васильевичъ встрѣтилъ и полюбилъ ту, которой впослѣдствіи суждено было сдѣлаться подругой его жизни.

Въ концѣ 1829 года, М. А. Максимовичъ задумалъ издать альманахъ, подъ названіемъ *Денница.* Для этого альманаха Ив. В. написалъ «Обозрѣніе Русской Словесности за 1829 годъ». Въ это время только что вступалъ въ силу новый цензурный уставъ 1828 г. Сравнительно съ предыдущимъ, этотъ уставъ представлялся болѣе благопріятнымъ для «успѣховъ истиннаго просвѣщенія». Кирѣевскій и началъ свое «Обозрѣніе» съ привѣтствія новому уставу. Онъ утверждалъ, что это сочиненіе «успѣшнѣе всѣхъ другихъ произведеній Русскаго пера должно очистить намъ дорогу къ просвѣщенію Европейскому; имъ мы можемъ гордиться предъ всѣми государствами, гдѣ только выходятъ сочиненія такого рода»; изданіе устава онъ признавалъ болѣе важнымъ событіемъ для блага Россіи, чѣмъ славныя побѣды, одержанныя Русскими за Дунаемъ и Араратомъ. Но чрезъ страницу послѣ этого И. В. *дерзнулъ**)

---

*) Говоримъ „дерзнулъ", потому что если не ранѣе, какъ только чрезъ 75 лѣтъ послѣ смерти Новикова стало возможнымъ болѣе или менѣе свободно разсуждать о немъ и его дѣятельности, то въ тѣ времена это дѣйствительно могло быть признано преступленіемъ. Въ виду того, что въ настоящемъ году появилось немало статей о Новиковѣ, считаемъ нелишнимъ напомнить, что говорилъ о немъ И. В. «Тотъ, кому просвѣщеніе наше обязано столь быстрыми успѣхами, кто подвинулъ на полвѣка образованность нашего народа, кто всю жизнь употребилъ на благо отечества и уже видѣлъ плоды своего вліянія на всѣхъ концахъ Русскаго царства, человѣкъ, которому Россія обязана столькимъ,—онъ умеръ недавно, почти всѣми забытый, близъ той Москвы, которая была свидѣтельницею и средоточіемъ его блестящей дѣятельности. Имя его едва извѣстно теперь большей части нашихъ современниковъ; и еслибы Карамзинъ не говорилъ объ немъ, то можетъ быть многіе, читая эту статью, въ первый разъ услышали бы о дѣлахъ Новикова и его товарищей и усомнились бы въ достовѣрности столь близкихъ къ намъ событій. Память объ немъ почти исчезла; участники его трудовъ разошлись, утонули въ темныхъ заботахъ частной дѣятельности; многихъ уже нѣтъ. Но дѣло, ими совершенное, осталось: оно живетъ, оно приноситъ плоды и ищетъ благодарности потомства. Новиковъ не распро-

сочувственно отозваться о Н. И. Новиковѣ и указать на его заслуги, оказанныя Россіи *).

За границу Кирѣевскій поѣхалъ не столько по собственному желанію, сколько по предписанію медиковъ. Причина, по которой образовательное путешествіе превратилось въ средство для разсѣянія и поправленія разстроеннаго здоровья, заключалась въ томъ, что И. В. просилъ руки любимой дѣвушки и получилъ отказъ. Это глубоко потрясло всю его нравственную и физическую природу, и онъ выѣхалъ изъ Москвы, въ началѣ Января 1830 года, въ надеждѣ «твердостью, покорностью судьбѣ и возвышенностью надъ самимъ собою загладить ту слабость, которая заставила его согнуться подъ ударомъ судьбы».

Свое путешествіе Кирѣевскій началъ съ Петербурга, гдѣ онъ прожилъ десять дней, помѣстившись у Жуковскаго, въ такъ называвшемся Шепелевскомъ домѣ зимняго дворца. Дѣдъ-дядя одобрилъ намѣреніе его ѣхать учиться за границу и совѣтовалъ отправиться въ Берлинъ. «Я послушалъ его, говоритъ Кирѣевскій въ своемъ письмѣ къ домашнимъ, поѣду въ Берлинъ, проведу тамъ мѣсяцъ, буду ходить

странилъ, а создалъ у насъ любовь къ наукамъ и охоту къ чтенію. Прежде него, по свидѣтельству Карамзина, были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, продававшія ежегодно на 10 тыс. рублей; чрезъ нѣсколько лѣтъ ихъ было уже 20, и книгъ продавалось на 200 тыс. Кромѣ того Новиковъ завелъ книжныя лавки въ другихъ и въ самыхъ отдаленныхъ городахъ Россіи; распускалъ почти даромъ тѣ сочиненія, которыя почиталъ особенно важными; заставлялъ переводить книги полезныя, повсюду распространялъ участниковъ своей дѣятельности, и скоро не только вся Европейская Россія, но и Сибирь начала читать. Тогда отечество наше было, хотя не надолго, свидѣтелемъ событія, почти единственнаго въ лѣтописяхъ нашего просвѣщенія: рожденія *общаго мнѣнія*. Такъ дѣйствовалъ типографщикъ Новиковъ; замѣчательно, что почти въ тоже время, другой типографщикъ, болѣе славный, болѣе счастливый, типографщикъ Франклинъ, дѣйствовалъ почти такимъ же образомъ на противоположномъ концѣ земнаго шара; но послѣдствія ихъ дѣятельности были столь же различны, сколько Россія отлична отъ Соединенныхъ Штатовъ. — Можетъ быть, самъ Карамзинъ обязанъ своею первою образованностью Новикову и его друзьямъ-единомышленникамъ. По крайней мѣрѣ въ ихъ кругу началось первое развитіе его блестящихъ дарованій, и онъ оставилъ намъ трогательное описаніе своей дружбы съ однимъ изъ нихъ, съ г. П. Говорить ли о другомъ товарищѣ Новикова, объ этомъ славномъ Ленцѣ, о надеждѣ и удивленіи просвѣщенной Европы, который у насъ, въ нищетѣ и крайности, замерзъ на большой дорогѣ». (Соч. Кирѣевск. I, 20—21).

Кажется, что отецъ Кирѣевскаго былъ единомышленникомъ Новикова по масонству. Онъ занимался химіею и, умирая, называлъ ее мальчику-сыну „божественною наукою“. (Слышано отъ самаго И. В. Кирѣевскаго). П. Б.

*) Въ исходѣ 1854 года, когда С. П. Шевыревъ занимался юбилейными изданіями къ столѣтію Московскаго университета, ему поставлено было условіемъ нигдѣ въ печати не упоминать даже имени Новикова. П. Б.

на всѣ лекціи, которыя меня будутъ интересовать, познакомлюсь со всѣми учеными и примѣчательными людьми, и если увижу, что Берлинская жизнь полезнѣе для моего образованія, нежели сколько я ожидаю отъ нея, то останусь и дольше». Въ Петербургѣ, благодаря Жуковскому, онъ познакомился съ лучшими людьми, осматривалъ Эрмитажъ и другія достопримѣчательности. 21 Января онъ выѣхалъ изъ Петербурга, снабженный рекомендательными письмами Жуковскаго въ Ригу, Берлинъ и Парижъ. «Въ Ригѣ, писалъ Жуковскій его матери, одинъ мой добрый пріятель поможетъ ему уладить свои экономическія дѣла, т. е. размѣнять деньги выгоднѣйшимъ образомъ. Въ Берлинѣ мое письмо познакомитъ его прозаически съ нашимъ посломъ, который дастъ ему рекомендательныя письма далѣе, и поэтически съ Гуфландомъ, который потѣшитъ его душу своею душою. Въ Парижѣ онъ найдетъ Тургенева, котораго я просилъ присосѣдить его къ себѣ и быть ему руководцемъ на Парижскомъ паркетѣ». Не смотря на то, что И. В. былъ такимъ образомъ совершенно обезпеченъ на время своего путешествія, домашніе его очень безпокоились за него. Надѣясь, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, что «дорога затянетъ» сердечную рану и стараясь по возможности не касаться ея, они изрѣдка однако позволяли себѣ спрашивать, какъ онъ относится къ своему горю. Въ отвѣтъ на это И. В. писалъ: «Зачѣмъ спрашиваете вы, борюсь ли я самъ съ собою? Вы знаете, что у меня довольно твердости, чтобы не пережевывать двадцать разъ одного и того же. Нѣтъ, я давно уже пересталъ бороться съ собою. Я покоенъ, твердъ и не шатаюсь изъ стороны въ сторону, иду вѣрнымъ шагомъ по «одной дорогѣ, которая ведетъ прямо къ избранной цѣли. Мысли, въ несбытности которыхъ я разъ убѣдился, для меня умерли, безъ воскресенія». Испытавъ неудачу въ сердечныхъ привязанностяхъ, онъ рѣшился совершенно отказаться отъ личнаго счастія. «Слово счастіе, говоритъ онъ, я перевелъ на свой языкъ: дѣятельность и бодрость духа». «На жизнь и на каждую ея минуту я смотрю какъ на чужую собственность, которая повѣрена мнѣ на честное слово и которую слѣдовательно я *не могу* бросить на вѣтеръ». Трудно сказать, что̀ именно перечувствовалъ Кирѣевскій въ своемъ горѣ, такъ какъ онъ не любилъ говорить о своихъ чувствахъ.

По нѣкоторымъ оброненнымъ словамъ въ его письмахъ къ домашнимъ можно понять, насколько тяжела была борьба съ постигшимъ его горемъ, и какою цѣною онъ пріобрѣлъ себѣ спокойствіе. Первое время по отъѣздѣ изъ Россіи онъ, кажется, былъ совершенно подавленъ своимъ несчастіемъ. «Ни одного впечатлѣнія, въ теченіе перваго мѣсяца, я не принялъ свѣжимъ сердцемъ, и каждый порывъ вниманія стоилъ мнѣ усилія». Прошло еще четыре мѣсяца, и 24-хъ

лѣтній философъ писалъ: «Для меня молодость уже качество чужое и завидное, и на всякое кипѣнье восторга я смотрю съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ безногій инвалидъ глядитъ на удалыя движенія своихъ товарищей». Пріобрѣтя спокойствіе душевное, онъ совершенно посвятилъ себя подготовкѣ къ литературной дѣятельности. «Мои намѣренія, планы, мечты получили какую-то осѣдлость. Если бы *все* перемѣнилось, я уже не возвратился бы назадъ, а остался бы вѣренъ теперь избранной дорогѣ».

Въ Берлинѣ Кирѣевскій прожилъ почти два мѣсяца 1830 года. Берлинская жизнь его отличалась оживленною дѣятельностью. Онъ слушалъ лекціи, осматривалъ музеи, знакомился съ профессорами и учеными. Особенно усердно, по крайней мѣрѣ, въ первые дни своего пребыванія въ Берлинѣ, онъ посѣщалъ лекціи Риттера, читавшаго географію. Онъ такъ увлекся этими лекціями, что предпочелъ Риттера Гегелю. «Есть здѣсь профессоръ, писалъ И. В., который одинъ можетъ сдѣлать ученье въ Берлинѣ полезнымъ и незамѣнимымъ—это Риттеръ: каждое слово его дѣльно, каждое соображеніе ново и вмѣстѣ твердо, каждая мысль воспитана. Одинъ часъ передъ его каѳедрой полезнѣе цѣлаго года одинокаго чтенія». И. В. тѣмъ болѣе предпочелъ его Гегелю, что послѣдній «говорилъ несносно, кашлялъ почти на каждомъ словѣ, съѣдалъ половину звуковъ и дрожащимъ, плаксивымъ голосомъ едва договаривалъ послѣднюю». Впослѣдствіи И. В. помирился «съ его гнуснымъ образомъ преподаванія» и, боясь, что Гегель скоро умретъ и тогда уже не будетъ возможности узнать, что̀ онъ думалъ о каждомъ изъ новѣйшихъ философовъ, сталъ посѣщать его лекціи. Онъ даже познакомился съ нимъ лично, бывалъ у него, и Гегель произвелъ на него благопріятное впечатлѣніе. Изъ другихъ профессоровъ Берлинскаго университета ему понравились Савиньи и Гансъ, читавшіе на юридическомъ факультетѣ. Интересенъ его отзывъ о Шлейермахерѣ, лекціи котораго онъ посѣщалъ съ удовольствіемъ. «Сердечныя убѣжденія, говорилъ И. В., образовались въ немъ отдѣльно отъ умственныхъ, и между тѣмъ какъ первыя развились подъ вліяніемъ жизни, классическаго чтенія, изученія св. отцовъ и Евангелія, вторыя росли и костенѣли въ борьбѣ съ господствующимъ матеріализмомъ XVIII в. Вотъ отчего онъ вѣритъ сердцемъ и старается вѣрить умомъ. Его система похожа на языческій храмъ, обращенный въ христіанскую церковь, гдѣ все внѣшнее, каждый камень, каждое украшеніе, напоминаютъ объ идолопоклонствѣ, между тѣмъ какъ внутри раздаются пѣсни Іисусу и Богородицѣ. Но если онъ остатокъ прошедшаго, не переплавленный въ составъ новѣйшаго, то все онъ

примѣчателенъ, какъ одна изъ прекраснѣйшихъ и значительныхъ развалинъ XVIII вѣка. Къ XIX вѣку онъ принадлежитъ, во-первыхъ, какъ интересный фактъ, во вторыхъ, какъ мыслитель, имѣющій сильное вліяніе на отсталыхъ». «Я думаю, что онъ особенно былъ бы полезенъ у насъ, какъ одна изъ ловкихъ ступеней къ высшему, и переводъ его книгъ могъ бы быть важнымъ литературнымъ предпріятіемъ». Берлинскими историками И. В. остался совершенно недоволенъ. «Историческія лекціи здѣсь не стоятъ ни гроша, не потому, чтобы профессора не были люди ученые, и особенно въ своей части, но потому, что они читаютъ отмѣнно дурно».

Изъ Берлина Кирѣевскій думалъ отправиться въ Парижъ. Но, заѣхавъ на пути туда въ Мюнхенъ, гдѣ въ это время находился его братъ, онъ остался тамъ для слушанія лекцій Шеллинга *). Въ тоже время онъ слушалъ натуральную исторію и физіологію Окена и исторію новѣйшаго искусства Шорна. Съ Шеллингомъ И. В. познакомился лично, посѣщалъ послѣдовательно и записывалъ его лекціи. Въ общемъ, однако, жизнь его въ Мюнхенѣ не была такою дѣятельною, какъ въ Берлинѣ. «Если бы надо было, говоритъ онъ, однимъ словомъ назвать нашу Мюнхенскую жизнь, нужно было бы сочинить новое слово между скукою и пустотою. Мы здѣсь плывемъ на кораблѣ вокругъ свѣта, не входя въ гавани, по морю безъ бурь, и отъ нечего дѣлать читаемъ Шеллинга, Окена и пр.» Онъ переставъ даже записывать лекціи Шеллинга, находя, что духъ ихъ интереснѣе буквальности. Къ тому же оказывалось, что Шеллингъ прочелъ немного новаго сверхъ того, что̀ уже было извѣстно И. В. Въ Мюнхенѣ онъ вздумалъ заниматься Итальянскимъ языкомъ. Затѣмъ, вмѣсто Парижа, куда онъ хотѣлъ ѣхать непремѣнно и даже везти съ собою брата, И. В. рѣшилъ ѣхать въ Италію. Съ одной стороны въ Парижѣ уже не было тѣхъ лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ рекомендательныя письма, съ другой—въ это время въ Римѣ жили Шевыревъ и Мицкевичъ. Первый звалъ И. В. пріѣхать въ «вѣчный городъ», а со вторымъ хотѣлось повидаться самому И. В. «Италія во всякомъ случаѣ, находилъ И. В., не будетъ безполезна и для языка, и для памяти, на которой она отпечатаетъ столько изящнаго». «Въ Италіи, больше картинъ и статуй, привлекаетъ меня небо». «Южное небо надобно видѣть, чтобы понять и южную поэзію, и миѳологію древнихъ, и власть природы надъ человѣкомъ. Это небо говоритъ не воображенію, какъ

*) Внѣшность и обстановка Шеллинга были спокойно-изящны. Младшій братъ Кирѣевскаго, Петръ Васильевичъ, извѣстный впослѣдствіи собиратель народныхъ пѣсенъ (доселѣ вполнѣ неизданныхъ и хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ), оставилъ занятія философіею. По преданію извѣстно, что Шеллингъ цѣнилъ его еще выше, нежели Ивана Васильевича; но это былъ человѣкъ замкнутый въ себѣ и вовсе неизъявительный. П. Б.

сѣверное, какъ звѣзды, какъ буря; оно *чувственно*-прекрасно, и нужно усиліе, нужно напряженіе, чтобы любоваться имъ».

Итальянскаго неба, однако, не пришлось увидать ему. Въ Октябрѣ онъ получилъ изъ Россіи письмо съ извѣстіемъ, что въ Россіи чума. Это извѣстіе такъ его встревожило, что онъ чуть было не уѣхалъ сейчасъ же на родину. Нужно замѣтить, что во время пребыванія своего за границей онъ находилъ всю отраду въ письмахъ своихъ родныхъ. И если послѣдніе сильно безпокоились за И. В., и онъ долженъ былъ въ своихъ письмахъ описывать свое положеніе до всевозможныхъ мелочей, то и самъ И. В. постоянно упрашивалъ писать къ нему какъ можно чаще. Онъ сохранялъ эти «милыя письма» и перечитывалъ ихъ по нѣскольку разъ. Получивъ тревожную вѣсть, онъ рѣшилъ не прежде ѣхать въ Италію, какъ получивъ новыя вѣсти о своихъ домашнихъ. «Если еще нѣсколько времени пройдетъ безъ писемъ отъ васъ, писалъ онъ, тогда, вмѣсто Италіи, я поѣду въ Россію». Это было въ Октябрѣ, а 11 Ноября онъ былъ уже въ Варшавѣ. Онъ очевидно, былъ испуганъ слухами о холерѣ, которая свирѣпствовала въ 1830 году въ Россіи. 16 Ноября 1830 г. онъ воротился въ Москву. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и Петръ Васильевичъ. Оба брата нашли всѣхъ своихъ близкихъ и друзей здоровыми: холера не коснулась ихъ.

Осенью 1831 г. И. В. приступилъ къ исполненію давно задуманнаго плана: онъ сталъ издавать журналъ, подъ названіемъ «Европеецъ». Съ горячимъ рвеніемъ принялся Кирѣевскій за любезное ему дѣло, къ которому готовился какъ къ святому подвигу. Первый нумеръ журнала начинался статьею самого издателя, подъ заглавіемъ «Девятнадцатый Вѣкъ». Статья эта представляла собою введеніе къ подробнѣйшему изложенію мыслей издателя. И. В. надѣялся каждую изъ своихъ мыслей развить особенно, и въ примѣненіи къ дѣйствительности подтвердить и пояснить то, что̀ въ краткомъ очеркѣ было представлено умозрительно. Направленіе и образъ мыслей издателя уже достаточно ясно характеризованы были названіемъ журнала. Еще въ одномъ изъ первыхъ своихъ литературныхъ опытовъ И. В. высказалъ мысль, что «судьба Россіи заключается въ ея просвѣщеніи: оно есть условіе и источникъ *всѣхъ* благъ». Теперь онъ указывалъ, откуда Россія можетъ заимствовать это просвѣщеніе. Народъ, начинающій образовываться, можетъ, по его словамъ, заимствовать просвѣщеніе изъ Европы непосредственно, примѣняя его къ своему настоящему быту.

Въ новомъ журналѣ приняли живое участіе: Жуковскій, Языковъ, Баратынскій, Хомяковъ, князь Вяземскій, А. И. Тургеневъ и князь Одоевскій. Радуясь новому журналу, обѣщалъ ему свое сотрудничество и Пушкинъ. «Европейцу» предстояла блестящая будущность:

все, что̀ было въ Россіи талантливаго, сгруппировалось въ этомъ журналѣ. Между тѣмъ только успѣла выйти вторая книжка, какъ журналъ былъ запрещенъ. Это было вслѣдъ за подавленіемъ Польскаго мятежа, а Поляки, какъ извѣстно, успѣли тогда же свить себѣ гнѣздо въ Третьемъ Отдѣленіи Государевой Канцеляріи, въ которомъ вѣдались внутреннія дѣла Россіи. И вотъ первую статью издателя поняли такимъ образомъ, что, совѣтуя подражать во всемъ Западу, авторъ ни болѣе ни менѣе какъ предлагаетъ повторить на Русской почвѣ Іюльскіе дни Парижа. Хотя сочинитель и говоритъ, сказано было въ запретительной бумагѣ, что у него рѣчь не о политикѣ, а о литературѣ, но разумѣетъ онъ совсѣмъ иное: «подъ словомъ просвѣщеніе онъ разумѣетъ свободу, дѣятельность разума означаетъ у него революцію, а *искусно отысканная середина* ни что иное какъ конституція; статья сія не долженствовала быть дозволена въ журналѣ литературномъ, въ каковомъ запрещается помѣщать что либо о политикѣ, и вся статья, не взирая на ея нелѣпость, писана въ духѣ самомъ неблагонамѣренномъ». Въ первомъ же нумерѣ «Европейца» И. В. помѣстилъ статью «Горе отъ ума на Московскомъ театрѣ». Въ ней онъ между прочимъ высказалъ мысль, что «любовь къ иностранному не должно смѣшивать съ пристрастіемъ къ иностранцамъ; если первая полезна, какъ доро̀га къ просвѣщенію, то послѣднее, безъ всякаго сомнѣнія, и вредно, и смѣшно, и достойно нешуточнаго противодѣйствія; ибо большая часть такъ называемыхъ иностранцевъ родились въ Россіи, образованы также поверхностно и отличаются отъ коренныхъ жителей только своимъ *незнаньемъ Русскаго языка,* которое служитъ для нихъ *паролемъ,* по которому они узнаютъ другъ друга». Это было признано за самую непристойную выходку противъ находящихся въ Россіи иностранцевъ. Булгаринъ и заправѝла его паскудной дѣятельности торжествовали. Кирѣевскій оффиціально былъ признанъ человѣкомъ неблагомыслящимъ и неблагонадежнымъ. Его даже хотѣли удалить изъ Москвы, но энергическое заступничество Жуковскаго спасло его отъ этого нападенія. Между Государемъ и Жуковскимъ произошла сцена, вслѣдствіе которой Жуковскій заявилъ, что коль скоро и ему не вѣрятъ, то онъ долженъ тоже удалиться; на двѣ недѣли пріостановилъ онъ занятія съ Наслѣдникомъ Престола. Любвеобильнымъ вмѣшательствомъ Государыни Александры Ѳеодоровны прекращены эти непріятности. Государь, встрѣтивъ Жуковскаго, обнялъ его и сказалъ: «Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ». (Слышано отъ А. П. Елагиной.)

Понятно, какъ должно было все это подѣйствовать на Кирѣевскаго. Дѣятельность, въ которой онъ видѣлъ лучшее средство быть по-

лезнымъ отечеству, которую онъ считалъ цѣлью своей жизни, была запрещена. Съ этого времени вплоть до 1845 г., т. е. въ теченіе 12 лѣтъ, онъ почти ничего не написалъ для печати. Небольшой разборъ стихотвореній Языкова, напечатанный имъ въ это время, былъ помѣщенъ въ «Телескопѣ» безъ подписи, такъ что и самому Языкову было неизвѣстно, что горячимъ словомъ о его стихахъ онъ обязанъ своему другу. Въ этотъ же періодъ времени И. В. написалъ статейку о Русскихъ писательницахъ. Этотъ небольшой трудъ былъ исполненъ по просьбѣ тетки его А. П. Зонтагъ для Одесскаго Альманаха, изданнаго съ благотворительною цѣлью.

Вскорѣ послѣ того, какъ И. В. пришлось испытать такое горькое разочарованіе въ своихъ любимыхъ мечтахъ, ему улыбнулось давно желанное счастье, на которое онъ уже потерялъ было всякую надежду. 29 Апрѣля 1834 года Наталья Петровна Арбенева, его троюродная сестра, стала его супругой. Женитьба имѣла роковое значеніе для Кирѣевскаго, равнявшееся развѣ значенію 1812 года, подъ впечатлѣніями котораго стало пробуждаться его сознаніе. Онъ началъ предъявлять къ себѣ еще болѣе высокія и строгія требованія, чему позднѣе способствовала близость Оптиной пустыни отъ его помѣстья. Съ этого времени онъ жилъ зимою въ Москвѣ, лѣтомъ въ Долбинѣ. Въ Москвѣ жизнь текла по прежнему: также собирались поочередно по вечерамъ у друзей, также интересовались и вели оживленныя бесѣды о просвѣщеніи Россіи. Въ этихъ бесѣдахъ выказались между прочимъ первые признаки борьбы между нарождавшимся славянофильствомъ и господствовавшимъ западничествомъ. Кирѣевскій принадлежалъ еще къ послѣднему. Ревнуя о просвѣщеніи, онъ принималъ живое участіе въ дѣлѣ народнаго образованія. Съ 1839 г. онъ состоялъ почетнымъ смотрителемъ Бѣлевскаго уѣзднаго училища, добросовѣстно слѣдя за направленіемъ и ходомъ преподаванія. Онъ даже составлялъ о томъ докладныя записки, которыя были поданы имъ попечителю учебнаго округа. Такъ въ 1840 г. была составлена записка «о направленіи и методахъ первоначальнаго образованія народа», а въ 1854 г. «о преподаваніи Славянскаго языка совмѣстно съ Русскимъ». Испытавъ неудачу на литературномъ поприщѣ, И. В. хотѣлъ послужить своей любимой идеѣ на поприщѣ педагогическомъ. Съ этою цѣлью онъ въ 40-хъ годахъ хлопоталъ о томъ, чтобы занять вакантную каѳедру философіи въ Московскомъ Университетѣ. Его «Европеецъ», кажется, и здѣсь помѣшалъ ему, и онъ получилъ отказъ.

Не смотря на неудачи въ литературной дѣятельности, И. В. не терялъ желанія заниматься ею. «Я жажду такого труда, говорилъ онъ, какъ рыба еще не зажаренная жаждетъ воды». И вотъ, когда въ 1844 году издатель «Москвитянина» М. П. Погодинъ, подвергнувшійся въ то время разнымъ несчастіямъ, предложилъ передать свое дѣло Кирѣевскому, послѣдній охотно согласился на это. Въ это время онъ былъ въ деревнѣ, и всѣ переговоры велись чрезъ его брата, Петра Васильевича, жившаго въ Москвѣ. Онъ соглашался на предложенія Погодина «только въ случаѣ официальнаго позволенія и чтобы при скоропостижной смерти Жуковскаго никто не пострадалъ отъ меня, а при жизни и здоровьѣ Жуковскаго чтобы я не былъ стѣсненъ чужою волею». Къ концу 1844 года онъ пріѣхалъ въ Москву и, не дождавшись оффиціальнаго разрѣшенія, принялся за дѣло. Какъ только редакція перешла въ его руки, журналъ оживился. Многіе изъ прежнихъ сотрудниковъ «Европейца» тотчасъ же приняли въ немъ участіе. Жуковскій, находившійся въ это время за границей, поспѣшилъ прислать все, что́ было имъ написано въ стихахъ и прозѣ. Вмѣстѣ съ этими лицами приняли участіе П. В. Кирѣевскій, К. С. Аксаковъ, Д. А. Валуевъ и др., появленіе статей которыхъ свидѣтельствовало, что редакторъ склонялся къ тѣмъ убѣжденіямъ, органами которыхъ впослѣдствіи служили «Московскій Сборникъ» и «Русская Бесѣда». И. В. издалъ первые три номера «Москвитянина» на 1845 г. и приготовилъ матеріалы для 4-го. На этомъ его дѣятельность снова прекратилась. Причинами этого были: отчасти болѣзнь, отчасти невозможность вести дѣло *), не будучи хозяиномъ, а главное— цензурныя стѣсненія. Онъ бросилъ работу и уѣхалъ въ Долбино, гдѣ прожилъ до осени 1846 г. Это время было самымъ тяжелымъ въ его жизни. Въ 1846 г. онъ похоронилъ многихъ своихъ друзей и свою маленькую дочь. Онъ писалъ своему брату: «Въ этотъ годъ я перешелъ черезъ ножи самыхъ мучительныхъ минутъ, сцѣпленныхъ почти безпрерывными бѣдами, такъ что когда я несъ мою бѣдную Катюшу въ церковь, то это было уже почти легко въ сравненіи съ другими чувствами».

Почти семь лѣтъ сряду онъ не печаталъ ничего. За этотъ періодъ времени у него окончательно выработались Славянофильскія убѣжденія. Еще и тогда, какъ онъ питалъ симпатіи къ Европейской образованности, у него проглядывало недовольство двойственностью ея

*) Оно изложено въ 8-й книгѣ сочиненія Н. П. Барсукова: „Жизнь и труды М. П. Погодина.“ П. Б.

характера, чтó можно, напр., видѣть изъ приведеннаго нами его отзыва о Нѣмецкомъ богословѣ - философѣ Шлейермахерѣ. Теперь это недовольство возрасло, и взглядъ на Европейское просвѣщеніе измѣнился. «Я. Кирѣевскій и др., пишетъ А. И. Кошелевъ въ своемъ дневникѣ, были Европейцами и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи, а между тѣмъ теперь измѣнились, узнали нищету голыхъ умствованій, перешли къ вѣрѣ и переработываемся на основаніи новыхъ началъ». Въ 1839 году на одномъ изъ дружескихъ вечеровъ А. С. Хомяковъ прочиталъ свою статью: «О старомъ и новомъ». Въ отвѣтъ на нее Кирѣевскій проводилъ мысль, что ни возвращенія Русскаго, ни введенія Западнаго быта исключительно ожидать мы не можемъ, «а по неволѣ должны предполагать что-то третье, долженствующее возникнуть изъ взаимной борьбы двухъ враждующихъ началъ». Это третье онъ указалъ въ новомъ направленіи просвѣщенія—направленіи *Славяно-христіанскомъ*. Ученіе объ этомъ направленіи онъ подробно развилъ въ главномъ своемъ сочиненіи: «О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи». Эта капитальная статья была помѣщена въ 1-мъ томѣ «Московскаго Сборника». По выходѣ книги министръ народнаго просвѣщенія тотчасъ же обратилъ вниманіе на предосудительность направленія «Московскаго Сборника». Графъ Уваровъ полагалъ, что «хотя народность и составляетъ одну изъ главныхъ основъ нашего государственнаго быта, но развитіе понятія о ней не должно быть одностороннее и безусловное; иначе безотчетное стремленіе къ народности можетъ перейти въ крайность и вмѣсто пользы принести существенный вредъ». Особенное неодобреніе заслужила статья Кирѣевскаго. Слѣдующая книга Сборника была запрещена «не столько за то, что въ ней сказано, сколько за то, чтó умолчано»: такъ объяснено было издателю. Главнымъ участникамъ Сборника, слѣд. и Кирѣевскому, предписано было свои статьи представлять въ Главное Управленіе Цензуры, чтó было равносильно запрещенію; кромѣ того всѣ они отданы были подъ полицейскій надзоръ.

Послѣ запрещенія «Московскаго Сборника» И. В. опять пересталъ писать для печати и поселился въ своемъ Долбинѣ. «Литературныя занятія мои, писалъ онъ другу своему Кошелеву въ Октябрѣ 1852 г., ограничиваются кое-какимъ чтеніемъ, и то новаго читаю мало, а старое охотнѣе, можетъ быть отъ того, что самъ состарѣлся. Однакоже не теряю намѣренія написать, *когда можно будетъ писать*, курсъ философіи. Теперь, кажется, настоящая пора для Россіи сказать свое слово о философіи, показать имъ, еретикамъ, что истина науки только въ истинѣ Православія. Впрочемъ и то правда, что эти за-

боты о судьбѣ человѣческаго разума можно предоставить Хозяину, Который знаетъ, когда и кого послать на Свое дѣло».

Еще вскорѣ послѣ своей свадьбы И. В. познакомился съ схимникомъ Новоспасскаго монастыря, отцомъ Филаретомъ и находилъ удовольствіе посѣщать его и бесѣдовать съ нимъ. (Теща его Авдотья Николаевна Арбенева, ур. Вельяминова, имѣла обширныя связи съ монашествомъ). Во время предсмертной болѣзни отца Филарета Кирѣевскій просиживалъ цѣлыя ночи, ухаживая за нимъ. Живя въ Долбинѣ, онъ нерѣдко уѣзжалъ въ сосѣднюю Оптину пустынь и проводилъ здѣсь цѣлыя недѣли. Особеннымъ уваженіемъ его пользовался его духовникъ, отецъ Макарій. Въ это время Кирѣевскій принималъ дѣятельное участіе въ изданіяхъ Оптиной пустыни. Онъ просматривалъ рукописи и переводы писаній св. отцовъ, держалъ корректуру, завѣдывалъ печатаніемъ, сносился съ цензурою и книгопродавцами, и во всемъ этомъ помогала ему его супруга. Было бы весьма интересно знать, какія именно изданія прошли черезъ руки Кирѣевскаго.

Работая для предположеннаго сочиненія о философіи, онъ тщательно изучалъ въ подлинникахъ писанія св. отцовъ. Результатомъ этого изученія былъ выводъ, что «ученіе Церкви для православномыслящаго не пустое зеркало, которое каждой личности отражаетъ ея очертаніе; не Прокустова постель, которая уродуетъ живыя личности по одной условной мѣркѣ; но высшій идеалъ, къ которому только можетъ стремиться вѣрующій разумъ, конечный край высшей мысли, руководительная звѣзда, которая горитъ на высотѣ неба и, отражаясь въ сердцѣ, освѣщаетъ разуму путь къ истинѣ».

Къ этому періоду жизни его относятся два приводимыя ниже его письма къ Кошелеву о духовныхъ книгахъ для чтенія и о свободѣ вѣроисповѣданія. Первое свидѣтельствуетъ, какъ хорошо И. В. былъ знакомъ съ духовною словесностью того времени. Второе написано по поводу сочиненія протестантскаго пастора Вине́, горячо защищавшаго совершенную независимость Церкви отъ государства и полнѣйшую вѣротерпимость, не исключая и людей, не признающихъ никакой религіи. Объ этомъ сочиненіи Кирѣевскій далъ суровый отзывъ.

Прошло четыре года со времени послѣдняго огорченія, испытаннаго Кирѣевскимъ на литературномъ поприщѣ. Наступило новое царствованіе, и на Руси повѣяло новою жизнью. Прежнія притѣснительныя мѣры были отмѣнены, и кружокъ друзей Кирѣевскаго рѣшилъ

издавать журналъ. Это была «Русская Бесѣда». Кирѣевскій немедленно принялся за работу, и во 2-й книжкѣ появилась статья его «О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи». Это была первая половина трактата, которымъ И. В. занимался послѣднее время, часть критическая. Вторая половина, гдѣ должно было быть изложеніе началъ собственной системы Кирѣевскаго, осталась ненаписанною, такъ какъ въ той же книжкѣ, гдѣ была помѣщена эта статья, читатели встрѣтили уже «Рѣчь при отпѣваніи Ивана Васильевича Кирѣевскаго». Въ концѣ великаго поста 1856 года онъ отправился въ Петербургъ повидаться со старшимъ своимъ сыномъ, кончавшимъ курсъ въ Лицеѣ. Лѣтомъ онъ занемогъ холерою и 11-го Іюня 1856 года скончался. Кирѣевскій похороненъ въ Оптиной пустыни, близъ соборной церкви.

Другъ его, А. С. Хомяковъ, такъ охарактеризовалъ его. «Сердце, исполненное нѣжности и любви; умъ, обогащенный всѣмъ просвѣщеніемъ современной намъ эпохи; прозрачная чистота кроткой и беззлобной души; какая-то особенная мягкость чувства, дававшая особенную прелесть разговору; горячее стремленіе къ истинѣ, необычайная тонкость діалектики въ спорѣ, сопряженная съ самою добросовѣстною уступчивостью, когда противникъ былъ правъ, и съ какою-то нѣжною пощадою, когда слабость противника была явною; тихая веселость, всегда готовая на безобидную шутку; врожденное отвращеніе отъ всего грубаго и оскорбительнаго въ жизни, выраженіи мысли или въ отношеніяхъ къ другимъ людямъ; вѣрность и преданность въ дружбѣ, готовность всегда прощать врагамъ и мириться съ ними искренно; глубокая ненависть къ пороку и крайнее снисхожденіе въ судѣ о порочныхъ людяхъ; наконецъ, безукоризненное благородство, не только не допускавшее ни пятна, ни подозрѣнія на себя, но искренно страдавшее отъ всякаго неблагородства, замѣченнаго въ другихъ людяхъ: таковы были рѣдкія и неоцѣненныя качества, по которымъ И. В. Кирѣевскій былъ любезенъ всѣмъ, сколько нибудь его знавшимъ и безконечно дорогъ друзьямъ своимъ... Нѣсколько листовъ составляютъ весь итогъ его печатныхъ трудовъ; но въ этихъ немногихъ листахъ заключается богатство самостоятельной мысли». «Конечно, немногіе еще оцѣнятъ вполнѣ И. В. Кирѣевскаго; но придетъ время когда наука, очищенная строгимъ анализомъ и просвѣтленная вѣрою, оцѣнитъ его достоинство и опредѣлитъ не только его мѣсто въ поворотномъ движеніи Русскаго просвѣщенія, но еще и заслугу его передъ жизнію и мыслію человѣческою вообще. Выводы, имъ добытые, сдѣлавшись общимъ достояніемъ, будутъ всѣмъ извѣстны; но его немногія статьи останутся

всегда предметомъ изученія, по послѣдовательности мысли, постоянно требовавшей отъ себя строгаго отчета, по характеру теплой любви къ истинѣ и людямъ, которая вездѣ въ нихъ просвѣчиваетъ, по вѣрному чувству изящнаго, по благоговѣйной признательности его къ своимъ наставникамъ,—предшественникамъ въ путяхъ науки,—даже тогда, когда онъ принужденъ ихъ осуждать, и особенно по какому-то глубокому сочувствію невысказаннымъ требованіямъ всего человѣчества, алчущаго живой и животворящей правды».

Это былъ мыслитель, для котораго величіе и достоинство Россіи, предшествовавшее и ожидаемое, кроющееся въ ея религіозно-нравственныхъ вѣрованіяхъ, были источникомъ упованій, которому «цѣльный образъ воззрѣнія православной Славянской старины являлся залогомъ обновленія для всего Европейскаго просвѣщенія, а затѣмъ и для общечеловѣческаго преспѣянія» [1]).

***

Сочиненія И. В. Кирѣевскаго изданы въ двухъ книжкахъ, въ Москвѣ, въ 1861 году. Издателемъ А. И. Кошелевымъ тогда же обѣщана книжка третья, но ея до сихъ поръ мы не имѣемъ. «Русскій Архивъ» будетъ счастливъ, если нынѣшнимъ бѣглымъ и скуднымъ очеркомъ вызовется подробное жизнеописаніе И. В. Кирѣевскаго. Прилагаемая геліогравюра снята съ фотографической карточки, подаренной самимъ Кирѣевскимъ одному изъ друзей его. П. Б.

Изъ писемъ И. В. Кирѣевскаго къ А. И. Кошелеву [2]).

I.

Прежде всего скажу тебѣ, милый другъ мой, что теперешнее настроеніе твоего духа радуетъ меня болѣе, чѣмъ я могу выразить. Благодарю Бога за тебя и надѣюсь отъ тебя многаго. Я давно зналъ, что ты пойдешь по этой дорогѣ, и ждалъ тебя тѣмъ съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ, что человѣкъ какъ ты именно необходимъ въ наше время. Ты спрашиваешь у меня совѣта о томъ, что̀ тебѣ читать. Но изъ того, что̀ ты читаешь, я вижу, что ты въ этомъ совѣтѣ не нуждаешься и самъ собираешь себѣ настоящую пищу. Если ты находишь наслажденіе въ чтеніи Василія Великаго, Златоуста и Тихона Воронежскаго, то нѣтъ сомнѣнія, что ты прочтешь всѣхъ святыхъ отцовъ, переве-

[1]) Изъ рѣчи *Ѳ. Сидонскаго* при отпѣваніи И. В. Кирѣевскаго.

[2]) Заимствуемъ эти выдержки изъ третьей книги „Біографіи А. И. Кошелева", написанной Н. П. Колюпановымъ (Москва 1892), который къ искреннему сожалѣнію нашему скончался 10 Іюня 1894 г. въ Костромѣ. П. Б.

денныхъ на Славянскій языкъ (ибо на западныхъ языкахъ они искажены и, большею частью, въ тѣхъ именно мѣстахъ, которыя самыя существенныя для утвержденія на прямомъ пути человѣка, который стремится къ Восходу отъ Запада). Но ты спрашиваешь меня, кого читать прежде, кого послѣ, и я долженъ признаться тебѣ, что этотъ простой вопросъ меня затруднилъ. Это чтеніе, чтобы принести настоящую пользу, должно быть сообразно особому устроенію каждаго человѣка. Со мной было такъ, что прежде, чѣмъ я усвоялъ себѣ основное и общее, я хватался за высшее, приличное только совершеннымъ и опытнымъ мужамъ и, признаюсь тебѣ, что этимъ самомнѣніемъ я парализировалъ свои силы, воспиталъ въ себѣ именно ту раздвоенность, которой уничтоженіе составляетъ главную цѣль духовнаго умозрѣнія. Задѣлывать трещину въ построенномъ зданіи труднѣе, чѣмъ класть новое. Потому, любезный другъ, не мнѣ давать тебѣ совѣтъ; а, напротивъ, тебѣ слѣдуетъ поддержать меня своимъ сочувствіемъ или, лучше сказать, тою взаимностію сочувствія, которая удвоиваетъ силы. Изъ всего нашего круга у тебя мысль и дѣло ближе всѣхъ срослись между собою. Этого именно намъ недоставало прежде тебя. Впрочемъ, именно по этому свойству твоему, малѣйшее уклоненіе для тебя тѣмъ опаснѣе, какъ ошибка на войнѣ опаснѣе ошибки на манёврахъ. Потому для тебя существеннѣе всякихъ книгъ и всякаго мышленія—найти святаго православнаго старца, который бы могъ быть твоимъ руководителемъ, которому ты могъ бы сообщать каждую мысль свою и услышать о ней не его мнѣніе, болѣе или менѣе умное, но сужденіе святыхъ отцовъ. Такіе старцы, благодаря Бога, еще есть въ Россіи, и если ты будешь искать искренно, то найдешь. Они есть и въ Москвѣ, только, разумѣется, не въ бѣломъ духовенствѣ.

Чтó касается до исторіи церкви, то къ сожалѣнію мы не имѣемъ ни одного удовлетворительнаго руководства. Иннокентій, какъ ты справедливо замѣтилъ, больше годится для справокъ, чѣмъ для чтенія, хотя и для справокъ онъ не довольно полонъ. Флёри многое искажалъ, какъ папистъ, съ намѣреніемъ, а еще больше искажалъ по незнанію; потому что на Западѣ даже самые добросовѣстные ученые не знаютъ исторіи Православной церкви: такъ она переиначена пристрастными свидѣтельствами папистовъ. Неандеръ—человѣкъ вѣрующій по сердцу, но сбитый съ пути въ умственныхъ понятіяхъ. Онъ хочетъ быть безпристрастнымъ и представляетъ факты довольно вѣрно, но выводитъ изъ нихъ заключенія ложныя. Впрочемъ, при повѣркѣ его другими, онъ можетъ сообщить настоящіе матеріалы для составленія въ умѣ исторіи церкви. Геррёреръ просто не христіанинъ.

Онъ пишетъ, кажется, для того только, чтобы отличиться оригинальностью взглядовъ,—Нѣмецкій Полевой. За то книга его читается легко, умна, краснорѣчива, но сбивчива. Достань еще Мосгейма: это старинный протестантъ, который глухъ на одно ухо, но ученъ и уменъ. Его книга своею наружною формою служила образцомъ для Иннокентія. Краткая ручная книга *Haase* также можетъ служить для справокъ. Тому лѣтъ 20 она была очень любима многими нашими духовными лицами, особенно вышедшими изъ Петербургской академіи, не смотря на то, что Гаазе самъ человѣкъ почти невѣрующій. Краткая исторія первыхъ 4-хъ вѣковъ Муравьева читается легко и для первоначальнаго обозрѣнія довольно удобна. Монографій, разумѣется, больше, чѣмъ исторій. Достань Аѳанасія Великаго, Möhler'а, Іоанна Златоустаго, Неандера, «Правду Русской церкви» Муравьева (книга очень хорошая), Исторію Флорентинскаго собора, которую очень хвалятъ, но я ея еще не читалъ.

Богословіе Макарія мнѣ извѣстно не вполнѣ, т. е. я знаю его Введеніе и первую часть богословія; второй еще не имѣю. Въ первой части есть вещи драгоцѣнныя, именно опроверженіе Filioque, особенно драгоцѣнное по выпискамъ Зверникова, котораго книги достать нельзя, хотя, говорятъ, она была у насъ напечатана. Но *Введеніе* Макарія мнѣ очень не нравится, какъ по сухости школьнаго слога, такъ и по нѣкоторымъ мнѣніямъ, несогласнымъ съ нашею церковью, напримѣръ о непогрѣшимости іерархіи, какъ будто Духъ Святый является въ іерархіи отдѣльно отъ совокупности всего христіанства. Достань Богословіе Антонія Кіевскаго. Тамъ языкъ хуже и тоже много ошибокъ, но есть и хорошее. Впрочемъ, если сказать правду, то удовлетворительнаго богословія у насъ нѣтъ. Лучшимъ введеніемъ къ нему можетъ служить *Духовный Алфавитъ*, напечатанный въ сочиненіяхъ Димитрія Ростовскаго подъ его именемъ, и еще проповѣди митрополита Филарета. Тамъ много бриллiантовыхъ камушковъ, которые должны лежать въ основаніи Сіонской крѣпости. Впрочемъ, мнѣ кажется, что въ теперешнее время, когда такъ запутаны христіанскія понятія отъ западныхъ искаженій, вросшихся въ истинное ученіе въ продолженіе тысячелѣтія и ослѣпившихъ не только умъ нашъ, но и сердце, такъ что мы, даже читая древнихъ святыхъ отцовъ, подкладываемъ имъ собственныя понятія и не замѣчаемъ того, что́ несогласно съ западнымъ ученіемъ,—въ наше время, говорю я, всего ближе къ цѣли было бы составить такое введеніе въ богословіе, въ которомъ бы объяснялось все различіе Православнаго ученія отъ Римскаго не только въ основныхъ догматахъ, но и во всѣхъ ихъ выводахъ. Зная это различіе, мы читали бы святыхъ отцовъ съ полнымъ сознаніемъ ихъ истинности.

II.

.... Авторъ *) говоритъ очень справедливо, что въ большей части государствъ, гдѣ есть господствующая религія, правительство пользуется ею какъ средствомъ для своихъ частныхъ цѣлей и, подъ предлогомъ покровительства ей, угнетаетъ ее. Но это бываетъ *не потому*, что въ государствѣ есть господствующая вѣра, а напротивъ потому, что господствующая вѣра народа *не господствуетъ* въ государственномъ устройствѣ. Это несчастное отношеніе происходитъ тогда, когда, вслѣдствіе какихъ нибудь случайныхъ историческихъ обстоятельствъ, произойдетъ разрывъ между убѣжденіями народа и правительства. Тогда вѣра народа употребляется какъ средство, но не долго. Одно изъ трехъ непремѣнно должно произойти: или народъ поколеблется въ своей вѣрѣ, и затѣмъ поколеблется все государственное устройство, какъ мы видѣли на Западѣ; или правительство дойдетъ до правильнаго самосознанія и обратится искренно къ вѣрѣ народа, какъ мы надѣемся; или народъ увидитъ, что его обманываютъ, какъ мы боимся.

Авторъ говоритъ, будто церковь Православная всегда находилась подъ угнетеніемъ правительства, потому что, бывъ офиціально религіей государственною, она находилась подъ покровительствомъ правительства, которое подъ этимъ предлогомъ и пользовалось ею какъ средствомъ. Но несправедливость этого доказывается какъ исторіей Византіи, такъ и исторіей Россіи. Въ Византіи церковь Православная очень рѣдко была покровительствуема правительствомъ, которое по большей части было инославное: или Аріанское, или Латинствующее, или иконоборствующее, которое наконецъ и погубило Грецію своимъ отступничествомъ въ унію. Въ Россіи, напротивъ, всѣ правительства, и княжескія, и народныя, были православныя, отъ Владимира до Грознаго, и мы видимъ, благоденствовала ли церковь и торжествовало ли убѣжденіе народное. Грозный дѣйствовалъ утѣснительно, потому что былъ *еретикъ*; это доказывается, во-первыхъ, Стоглавымъ соборомъ и, во-вторыхъ, стремленіемъ поставить Византійство въ одно достоинство съ Православіемъ. Отъ того произошла опричина, какъ стремленіе къ ереси государственной и власти церковной. А что его понятіе о границахъ, или правильнѣе, о безграничности его власти и объ ея разорванности съ народомъ было не христіанское, а еретическое, это

*) Швейцарскій проповѣдникъ Винѐ. П. Б.

до сихъ поръ всенародно свидѣтельствуютъ святыя мощи митрополита Филиппа.

Для вѣрующаго отношеніе къ Богу и Его святой церкви есть самое существенное на землѣ, отношеніе же къ государству есть уже второстепенное и случайное. Очевидно, что всѣ законы истины должны нарушиться, когда существенное будетъ подчиняться случайному, или будетъ признаваться на одинакихъ правахъ съ нимъ, а не будетъ господствовать надъ нимъ.

Нужно ли оговариваться, что господство церкви я не понимаю какъ инквизицію или какъ преслѣдованія за вѣру? Этотъ магометанизмъ, эти насильственныя обращенія также противны христіанству истинному, какъ и обращенія посредствомъ обмана. Если Латинская церковь увлеклась, а можетъ быть и теперь увлекается, заблужденіемъ, будто цѣль оправдываетъ средства, если нѣкоторые члены изъ церкви Православной заражались когда нибудь этимъ лжеученіемъ, то эта ошибка нѣкоторыхъ людей до самой церкви не относится. И государство не въ томъ должно согласоваться съ церковью, чтобы разыскивать и преслѣдовать еретиковъ и силою принуждать вѣрить (это и духу христіанства противно, и производитъ дѣйствіе противное намѣренію, и государству самому вредитъ почти столько же, сколько и церкви); но въ томъ оно должно согласоваться съ церковью, чтобы поставить себѣ главною задачей своего существованія—безпрестанно болѣе и болѣе проникаться духомъ церкви и не только не смотрѣть на церковь какъ на средство къ своему удобнѣйшему существованію, но, напротивъ, въ своемъ существованіи видѣть только средство для полнѣйшаго и удобнѣйшаго водворенія церкви Божіей на землѣ.

Государство есть устройство общества, имѣющее цѣлью жизнь земную, временную. Церковь есть устройство того же общества, имѣющее цѣлью жизнь небесную, вѣчную. Если общество понимаетъ свою жизнь такъ, что въ ней временное должно служить вѣчному, то и государственное устройство этого общества должно служить церкви. Если же общество понимаетъ свою жизнь такъ, что въ ней земныя отношенія идутъ сами по себѣ, а духовныя сами по себѣ, то государство въ такомъ обществѣ должно быть отдѣлено отъ церкви. Но такое общество не будетъ состоять изъ христіанъ, а изъ людей невѣрующихъ, или по крайней мѣрѣ изъ смѣшанныхъ вѣръ и убѣжденій. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, конечно, очень вредно бы было, чтобъ одна партія, завладѣвъ силою политическою, давила бы другія,

какъ въ Австріи. Но такое государство, искусственно или насильственно слѣпленное изъ различныхъ вѣроисповѣданій и, слѣдовательно, изъ различныхъ народныхъ согласій, стремящихся по натурѣ своей взаимно уничтожаться и, слѣдовательно, распасться на различныя самобытныя устройства,—такое государство не можетъ имѣть притязаній на стройное, нормальное развитіе. Все его достоинство должно ограничиться характеромъ *отрицательнымъ*, такъ что чѣмъ менѣе оно существуетъ какъ государство, тѣмъ болѣе достигаетъ своей цѣли, какъ въ Англіи. Въ такомъ государствѣ граждане могутъ смотрѣть очень равнодушно, когда въ законодательной палатѣ ихъ будутъ сидѣть Жиды и дѣлать для нихъ законы. Но тамъ, гдѣ народъ связанъ внутренно одинакими убѣжденіями вѣры, тамъ онъ вправѣ желать и требовать, чтобъ и внѣшнія его связи—семейныя, общественныя и государственныя—были согласны съ его религіозными внушеніями и чтобы правительство его было проникнуто тѣмъ же духомъ. Дѣйствовать враждебно этому духу—значитъ дѣйствовать враждебно самому народу, хотя бы эти дѣйствія и доставляли ему какія нибудь земныя выгоды.

15 Октября 1853 г.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

Въ 4-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ сего года (стр. 527) прерываются Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго 2-мъ числомъ Іюня 1829 года. Онъ не писалъ ихъ слишкомъ три года, такъ что о послѣднихъ мѣсяцахъ службы его на Кавказѣ и въ Закавказьѣ и объ участіи въ подавленіи Польскаго мятежа сохранились свѣдѣнія лишь въ формулярномъ его спискѣ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ во взятіи Арзрума (28 Іюня) и во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ, окончившихся Адріанопольскимъ миромъ. 7-го Февраля 1830 года назначенъ онъ состоять при фельдмаршалѣ графѣ Дибичѣ, а съ 28 Ноября командовалъ гренадерскою бригадою Литовскаго корпуса. 13-го Февраля 1831 г., подъ Прагою контуженъ онъ въ голову, а при взятіи Варшавы подъ нимъ убита одна лошадь и другая ранена двумя пулями. 15-го Апрѣля 1831 года онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а по окончаніи военныхъ дѣйствій ему дана 24-я пѣхотная дивизія. Записки свои Муравьевъ возобновилъ Октябремъ 1832 года, когда состоялось его назначеніе въ Египетъ. Много позднѣе, этотъ эпизодъ описанъ имъ въ особомъ сочиненіи. По его кончинѣ, оно вышло въ 1869 году особою книгою, которую самъ онъ приготовилъ къ печати, при чемъ иное не захотѣлъ или не могъ огласить. На пути изъ Севастополя въ Царьградъ началъ онъ снова вести свой дневникъ. Онъ писалъ подъ живымъ впечатлѣніемъ событій, и читатели встрѣтятъ тутъ много для себя новаго. Надо замѣтить, что посылка Муравьева въ Египетъ была долгое время государственной тайною, и о ней, какъ и о Хивинскомъ походѣ Перовскаго, въ печати нашей не проскользало ни слова. Только Жуковскій въ „Бородинской Годовщинѣ“ 1839 года намекнулъ объ этомъ важномъ по своимъ послѣдствіямъ событіи стихами:

И нежданная ограда,
Флотъ нашъ былъ у стѣнъ Царьграда;
И съ Турецкихъ береговъ,
Въ память сѣверныхъ орловъ,
Русскій сторожъ на Босфорѣ,
Отразясь въ завѣтномъ морѣ,
Мавзолей нашъ говоритъ:
„Здѣсь былъ Русскій станъ разбитъ».

Любопытно знать, цѣлъ ли этотъ „Русскій сторожъ“, т. е. огромный камень съ надписью, поставленный Муравьевымъ на берегу Босфора. Отвѣта на это ждемъ отъ нашего археологическаго учрежденія, недавно основаннаго въ Константинополѣ. П. Б.

Фрегатъ Штандартъ, 8 Декабря 1832.

Я уже собирался выѣхать изъ Петербурга [1]), и день отъѣзда моего былъ назначенъ 18-го числа Октября, почему и просилъ докладною запискою военнаго министра графа Чернышова увѣдомленія, когда мнѣ можно будетъ представиться Государю, дабы откланяться. Между тѣмъ съѣздилъ къ нѣкоторымъ лицамъ, дабы проститься. 16-го я былъ у Бенкендорфа, котораго встрѣтилъ на крыльцѣ; онъ сбирался куда-то ѣхать и спросилъ меня, куда я располагалъ пуститься въ путь. Я отвѣчалъ, что въ Тульчинъ, къ дивизіи.—Такъ-же нѣтъ! сказалъ онъ. Вы не ѣдете въ Тульчинъ; я могу вамъ сіе утвердительно сказать. Куда же? спросилъ я.—Я не въ правѣ вамъ сего сказать, отвѣчалъ Бенкендорфъ; но вы имѣете отъ Государя весьма лестное порученіе, важное, великое.—Въ какую сторону?—Ничего не могу вамъ сказать; но вы сіе вѣроятно сегодня узнаете.—Какого рода? спросилъ я опять. Будутъ ли пушки?—«Можетъ кончиться и пушками, продолжалъ Бенкендорфъ; дѣло сіе совсѣмъ необыкновенное; и можно только васъ поздравить съ довѣренностью, которую вамъ въ семъ случаѣ оказываетъ Государь». Я болѣе не распрашивалъ его; но, возвратившись домой, нашелъ у себя на столѣ запечатанное увѣдомленіе отъ дежурнаго генерала Клейнмихеля, коимъ онъ сообщалъ мнѣ, что я по волѣ Государя имѣю остаться въ Петербургѣ по надобности службы впредъ до особаго назначенія.

Два дня я оставался дома въ ожиданіи своего назначенія; наконецъ, полагая обязанностью своею съѣздить къ военному министру, чрезъ коего было отдано вышеизложенное приказаніе Государя, я съѣздилъ къ графу Чернышову и спросилъ его: такого ли рода порученіе сіе, дабы я могъ надѣяться, слѣдуя къ оному, заѣхать къ отцу въ деревню. Сіе нужно было мнѣ знать для изготовленія въ дорогу; ибо намѣреніе мое было выѣхать изъ Петербурга съ дочерью [2]). Онъ сказалъ мнѣ, что полагалъ сіе возможнымъ, но что на сіе надобно будетъ испросить разрѣшенія у Государя. Онъ говорилъ мнѣ о возможности порученія, не объясняя онаго, ибо, кажется, что и самъ былъ оному чуждъ; но сказалъ мнѣ, что я по сему буду въ сношеніяхъ и зависимости отъ министра иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде.

По нѣкоторымъ разговорамъ, которые я имѣлъ съ человѣкомъ, прослышавшимъ о семъ порученіи, я могъ догадываться, что оно касалось дѣлъ Турокъ или Грековъ. Будучи же у развода, я видѣлся

[1]) Къ своей дивизіи, квартира которой была въ Тульчинѣ. П. Б.
[2]) Отъ перваго брака, впослѣдствіи супругою Николая Семеновича Корсакова. П. Б.

съ графомъ Орловымъ, который зналъ о семъ порученіи и говорилъ мнѣ, что оно будетъ восточное.

Вскорѣ я получилъ записку отъ военнаго министра, коею онъ приглашалъ меня заѣхать къ графу Нессельроде. Графъ Нессельроде объяснилъ мнѣ вкратцѣ порученіе сіе, заключающееся въ угрозѣ, которою Государь желалъ устрашить Египетскаго пашу, возставшаго противъ султана и подвигавшагося съ успѣхомъ въ Анатолію. Нашествіе его грозило паденіемъ Турецкой имперіи, коей слабое и разстроенное состояніе было для насъ самымъ лучшимъ поручительствомъ въ спокойствіи границъ нашихъ съ южной стороны, въ смутныхъ обстоятельствахъ Европы и въ предвидящейся всеобщей войнѣ по дѣламъ Бельгіи. Завоеваніе Турціи Магметъ-Али-пашею могло, съ возведеніемъ новаго лица на престолъ, возродить и новыя силы въ семъ упадающемъ царствѣ и отвлекать вниманіе наше отъ дѣлъ Европы; а потому Государя всячески занимало сохраненіе султана на колеблющемся престолѣ его. Я былъ избранъ для угроженія Магмету-Али, и казалось мнѣ, что сія мѣра была уже вторичная, что первая мысль Государя была послать немедленно войска на вспоможеніе султану, но что онъ остановился въ семъ, какъ потому, что экспедиція такого рода была бы весьма тягостна для насъ, такъ и потому, что не были увѣрены, приметъ-ли съ удовольствіемъ такого рода участіе самъ султанъ, недовѣрчивый къ дружбѣ Государя. Казалось мнѣ, что съ отмѣненіемъ сего предположенія пришла мысль угрозить сперва пашѣ Египетскому, въ надеждѣ, что онъ удовольствуется преимуществами имъ уже пріобрѣтенными; но и къ сей угрозѣ надобно было согласить султана, который бы могъ бояться, чтобы подъ симъ предлогомъ не скрывались какія либо тайныя сношенія съ Египтомъ во вредъ Портѣ. Посему порученіе на меня возлагаемое и имѣло въ виду два предмета: первое, убѣдить султана въ дружбѣ и расположеніи Государя и склонить его къ допущенію моей поѣздки въ Александрію; второе, въ угроженіи Магметъ-Али-пашѣ и склоненіи его къ покорности султану, не входя въ какія либо посредничества для сего примиренія.

Графъ Нессельроде указалъ мнѣ въ общихъ чертахъ цѣль правительства нашего и спросилъ меня, приму ли я на себя исполненіе сего. Я отвѣчалъ ему, что имѣю къ сему всю добрую волю; что-же касалось до моихъ способностей для порученности такого рода, то я предоставлялъ о семъ судить тѣмъ, кто меня къ оному назначалъ.

Симъ и покончилось первое свиданіе мое съ Нессельроде, которое не было продолжительно. Онъ хотѣлъ о семъ доложить Государю и прислать ко мнѣ въ чернѣ написанную инструкцію, дабы я, прочитавъ ее, могъ на ней сдѣлать тѣ замѣчанія, которыя сочту нужнымъ для пополненія или перемѣны нѣкоторыхъ статей въ оной.

Графъ Нессельроде показался мнѣ человѣкомъ весьма обходительнымъ, добрымъ, но имѣющимъ весьма мало самозависимости. Онъ вообще воздерживается отвѣчать на возраженія и откладываетъ отзывы свои до другаго дня, какъ будто опасаясь дать ихъ безъ посредничества совѣщателя, не любитъ сноситься на словахъ и избѣгаетъ подробнаго разбора предметовъ; при всемъ томъ пріемы его доставляютъ ему всеобщее расположеніе знающихъ его, и онъ казался мнѣ чуждымъ всякимъ featureлoзнямъ, поселившимся между лицами, приближенными къ Государю.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ инструкцію. Требовался скорый отвѣтъ. Такъ дѣлаются всѣ дѣла въ министерствахъ въ Петербургѣ: медлятъ въ самыхъ поспѣшныхъ дѣлахъ и требуютъ исполненія скораго, несоотвѣтственно даже возможности, какъ будто стараясь сею мѣрою прикрыть свою медленность.

Орловъ, который со мною рядомъ жилъ, сблизился со мною по сему дѣлу, которое, полагаю, не было ли сначала на него возложено; но дѣло сіе, кажется, не согласовалось съ его желаніемъ, и весьма можетъ статься, что онъ самъ меня предложилъ Государю на свое мѣсто. Ловкій царедворецъ сей, не занимая никакого мѣста, пользуется особенною довѣренностью Государя и не выставляетъ сего. Онъ одаренъ большими способностями, пріятною наружностью, бойкостью и всею ловкостью, которую можно имѣть, дабы успѣть въ своихъ видахъ; при томъ же нравъ его, пріемы и правила болѣе привлекательны другихъ лицъ, и онъ безъ сомнѣнія на блистательной стезѣ при дворѣ. Въ семъ случаѣ показалъ онъ мнѣ много обязательности и довѣрія. Онъ предложилъ мнѣ свои услуги во всѣхъ родахъ, и обѣщанія его вѣрно не были коварны или легковѣрны; притомъ же онъ поставилъ меня въ совершенную извѣстность лицъ, съ коими я долженъ былъ находиться въ сношеніяхъ въ Петербургѣ. Я вскорѣ увидѣлъ, что путь сей, хотя не прямой, но долженъ быть самый дѣйствительный и не пренебрегъ онымъ, и я узаконилъ оный, предваривъ графа Нессельроде въ одно изъ свиданій нашихъ о сношеніяхъ моихъ съ графомъ Орловымъ, чтò онъ и призналъ, сказавъ мнѣ, что отъ Орлова ничего не скрыто и что я всегда могу съ нимъ о семъ говорить, тѣмъ болѣе, что Орловъ при заключеніи мира съ Турціею былъ употребленъ по дипломатической части и отправленъ къ султану и что свѣдѣнія, которыя онъ мнѣ дастъ, будутъ для меня весьма полезны.

Я прочиталъ инструкцію, присланную мнѣ графомъ Нессельроде. Она была довольно пространна; но сколько разъ я ни прочитывалъ ее, я не могъ сдѣлать правильнаго заключенія о предметѣ предполагаемой поѣздки моей. Чтò значила угроза Магметъ-Али-пашѣ Египетскому, и

въ какой степени онъ уважилъ бы оную? Не ставилъ ли насъ отказъ съ его стороны въ необходимость выслать войска противъ него, и не могъ-ли онъ даже насмѣяться сей угрозѣ? Въ инструкціи было сказано, что поводомъ къ сему отправленію служило слѣдующее обстоятельство.

Когда Магметъ-Али-паша возсталъ противъ султана, нашъ консулъ въ Александріи, Лавизонъ, получилъ приказаніе отъ двора нашего выѣхать немедленно. Сіе поразило пашу, и онъ при прощальной аудіенціи сказалъ ему, что мѣра сія истекала отъ двора непоколебимаго въ своихъ правилахъ и твердаго въ дружбѣ съ союзниками своими; онъ обвинялъ султана въ пакостяхъ противъ него и, заключивъ рѣчь свою, сказалъ, что въ успѣхахъ его противъ Турціи одна Россія могла бы ему только попрепятствовать, но что вѣрно Государь не поступилъ бы такимъ образомъ, если бы онъ зналъ о значительныхъ успѣхахъ сына его, Ибрагима-паши, въ Сиріи. Въ то время Акра была уже взята, и авангардъ Турецкій былъ разбитъ подъ Гомсомъ; Египетское войско быстро подвигалось къ Анатоліи, и флотъ Магмета-Али держалъ въ нѣкоторомъ родѣ блокады Турецкаго адмирала Галиль-пашу въ заливѣ Мармарицѣ.

Я долженъ былъ внушить Магмету-Али, что побѣды его нисколько не измѣнили дружественнаго расположенія Государя къ султану, и склонить его къ миру; въ противномъ же случаѣ сказать ему, что возстаніе его никогда не будетъ признано Государемъ и что если бы онъ даже и свергъ съ престола султана, то Россія поддержала бы святость трактатовъ силою оружія, и тѣмъ кончалось порученіе мое.

Но прежде сего я долженъ былъ склонить къ согласію на сіе самого султана, который, повидимому, избѣгалъ нашего содѣйствія, весьма правильно опасаясь, дабы мы не получили чрезъ сіе слишкомъ большое вліяніе въ дѣлахъ его. Султанъ, признавшій уже Магмета-Али за мятежника, назначившій на мѣсто его уже другаго правителя въ Египетъ, а его къ казни, могъ-ли согласиться на вступленіе въ переговоры съ возмутившимся своимъ подданнымъ? Могъ-ли и самъ Магметъ-Али, побѣдившій государя своего, просить помилованія? Все сіе казалось мнѣ несообразно, и мнѣ думалось, что въ семъ предпріятіи скрывалась другая цѣль, которую мнѣ оставалось разгадать, если оная существовала.

Мнѣ не слѣдовало излагать съ такою ясностью мысль свою, тѣмъ болѣе, когда я видѣлъ, что обширною инструкціею, наполненною словами, старались какъ будто закрыть безцѣлье свое, и что намъ льстила поѣздка сія, коей успѣхъ былъ несомнителенъ: ибо мало заботились объ отвѣтѣ Магмета-Али, а хотѣли только, чтобы до него дошли слова Государя. Два предмета въ данной мнѣ инструкціи меня особенно по-

разили: первый то, что Магметъ-Али могъ совсѣмъ не принять меня, такъ какъ консулъ нашъ уже выѣхалъ изъ Александріи; другой тотъ, что послѣднія предполагаемыя угрозы Магмету-Али могли имъ быть приняты совершенно въ противную сторону. Онъ желалъ свергнуть султана и безъ сомнѣнія подтвердилъ бы условія Андріанопольскаго мира, которыя мы грозились поддержать силою оружія; онъ нисколько не замедлилъ бы дать подобный отвѣтъ, и сіе было бы совершенно противно намѣреніямъ правительства нашего, желавшаго единственно удержать султана на престолѣ, какъ сосѣда слабаго, безсильнаго. Я замѣтилъ оба сіи случая на поляхъ данной мнѣ инструкціи и отвезъ ее къ Нессельроде, который нашелъ замѣчанія мои справедливыми и обѣщался перемѣнить сіи статьи.

Между тѣмъ военный министръ назначилъ, по волѣ Государя, состоять при мнѣ гвардейскаго генеральнаго штаба полковника Дюгамеля, который былъ снабженъ особенною инструкціею для узнанія Турецкихъ и Египетскихъ силъ; инструкція сія была препровождена ко мнѣ въ копіи при повелѣніи высадить его при первой возможности на берега Сиріи, не подвергая его очевидной опасности и съ тѣмъ, чтобы онъ занятія свои продолжалъ подъ моимъ руководствомъ и по наставленіямъ, которыя я ему дамъ (я былъ снабженъ картами Анатоліи и Египта, какія имѣлись). Дюгамель явился ко мнѣ, и я далъ ему сдѣлать выписку изъ донесеній нашего посланника Бутенева въ Константинополѣ и изъ Турецкихъ газетъ (Moniteur Ottoman) о происшедшихъ военныхъ дѣйствіяхъ между Турками и Египтянами. Дюгамель былъ человѣкъ образованный, но служившій только въ генеральномъ штабѣ, гдѣ офицеры остаются всегда чужды сношеніямъ между лицами по службѣ, пребывая болѣе въ отвлеченныхъ пространствахъ метафизики, чѣмъ въ настоящемъ дѣлѣ. Дюгамель сдѣлалъ мнѣ выписку довольно хорошо; но я увидѣлъ, что онъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, съ коими бы можно сблизиться или употребить съ пользою по службѣ. Иностранецъ, воспитанный съ малолѣтства въ Ливоніи, со всѣми Нѣмецкими жестами, дурно знающій по-русски, слабаго сложенія, нѣсколько глухой и безъ всякаго свѣтскаго обхожденія, не могъ мнѣ принести большой пользы въ сношеніяхъ, гдѣ нужны расторопность, нѣкоторая ловкость, привѣтливость; при томъ же и недовѣрчивые пріемы его устраняли меня отъ него. Онъ заботился о деньгахъ, которыми хотѣли насъ снабдить и, не имѣя отъ меня порученія взять ихъ, привезъ мнѣ однажды изъ Азіатскаго Департамента 2000 червонцевъ и себѣ 500, безъ всякой на то бумаги. Мнѣ была непріятна сія поспѣшность, тревожившая Нѣмецкую разсчетливость; но дѣлать было нечего, и я долженъ былъ взять деньги.

Слухъ о назначеніи моемъ начиналъ уже распространяться въ Петербургѣ, а меня все еще не отправляли. Наконецъ 30-го числа потребовалъ меня къ себѣ Государь. Онъ ласково подвелъ меня къ окну и спросилъ, достаточно ли онъ въ сей разъ мнѣ оказываетъ довѣренности. Сіе было какъ будто въ изъявленіе своего расположенія послѣ происшествія, случившагося въ Кіевѣ, о коемъ я ему говорилъ въ первый разъ, какъ представлялся по пріѣздѣ въ Петербургъ *). Онъ нѣсколько разъ повторилъ мнѣ тотъ-же вопросъ и послѣ спросилъ, довольно ли я читалъ по дѣламъ нашимъ съ Турціею и Египтомъ, и потомъ повторилъ мнѣ все содержаніе инструкціи съ необыкновенною силою и краснорѣчіемъ; наконецъ спросилъ меня, все ли мнѣ вразумительно и не имѣю ли чего еще спросить у него. Не у мѣста было бы съ моей стороны дѣлать возраженія въ дѣлѣ уже рѣшенномъ и коего я почти постигалъ цѣль, не объясненную въ инструкціи. Я отвѣчалъ, что постигаю мысль его и постараюсь исполнить его приказанія. «Но если, Ваше Величество, продолжалъ я, позволяете мнѣ изложить мои мысли, то я осмѣлился бы объяснить тѣ средства, которыя бы я полагалъ удобными, дабы остановить успѣхи Ибрагимъ-паши, не вводя войскъ нашихъ въ Турецкія владѣнія.—Какія? Какія? Говори!—Можно склонить Персіянъ къ войнѣ съ Египтянами и тѣмъ отвлечь вниманіе ихъ отъ Турціи, по крайней мѣрѣ дать Турціи время оправиться.—У насъ нѣтъ въ правилахъ ссорить между собою сосѣдей своихъ.—«Оно бы не было въ видѣ ссоры. Я полагаю, что Персія, какъ дружественная держава, приняла бы съ признательностію предостереженіе такого рода; ибо нѣтъ сомнѣнія, что Магметъ-Али своими побѣдами будетъ имѣть сильное вліяніе и на сосѣдственныя области Персіи». Симъ возраженіемъ думалъ я исправить то впечатлѣніе, которое, казалось мнѣ, произвелъ въ Государѣ совѣтъ мною поданный, можетъ быть, не кстати.—«Это справедливо, отвѣчалъ Государь. Аббасъ-Мирза и предлагалъ мнѣ уже услуги свои; но онъ теперь занятъ въ Корасанѣ». Государь продолжалъ: «Тебѣ я поручаю дѣло сіе, какъ человѣку, на твердость коего я совершенно надѣюсь. Я бы не хотѣлъ посылать войскъ своихъ и желаю, чтобы распря ихъ кончилась. Султанъ Махмутъ дуракъ, корчитъ Петра Великаго, да неудачно, и мнѣ очень выгодно, чтобы онъ сидѣлъ на престолѣ Турецкомъ. Онъ мнѣ нынѣ пожаловалъ портретъ свой, за что я ему крайне благодаренъ, сказалъ Государь, смѣясь и кланяясь

*) Подробности остаются неизвѣстны, такъ какъ дневника своего Н. Н. Муравьевъ тогда не велъ; но изъ книги „Русскіе на Босфорѣ“ (стр. 9) видно, что въ Сентябрѣ этого года, въ Кіевѣ, на военномъ смотру, Государь былъ недоволенъ Муравьевымъ. П. Б.

въ поясъ. Онъ ко мнѣ очень милостивъ, и я ему хочу показать свою дружбу. Надобно защитить Константинополь отъ нашествія Магмета-Али. Вся эта война есть послѣдствіе возмутительнаго духа, царствующаго нынѣ въ Европѣ и въ особенности во Франціи. Самое завоеваніе Алжиріи есть дѣйствіе сихъ безпокойныхъ головъ, которыя къ тому склонили бѣднаго Карла X-го. Нынѣ они далѣе распространили вліяніе свое; они воздвигли войну Египетскую, и съ завоеваніемъ Константинополя мы будемъ имѣть въ сосѣдствѣ гнѣздо всѣхъ людей безпріютныхъ, безъ отечества, изгнанныхъ всѣми благоустроенными обществами, которые не могутъ остаться въ спокойствіи. Они нынѣ окружаютъ Магмета-Али, наполняютъ флотъ и армію его. Надобно низвергнуть сей новый зародышъ зла и безпорядка, надобно показать вліяніе мое на дѣла Востока. Между тѣмъ скажу тебѣ, что вліяніе сіе столь сильно становится, что мои Крымскіе Татары, которые всегда были покойны, нынѣ стали тревожиться: между ними распущены пѣсни съ пророчествами о скоромъ прибытіи къ нимъ Магмета-Али, какъ заступника правовѣрныхъ мусульманъ. Я прежде обходился съ 6-ю баталіонами въ Крыму; нынѣ же сего будетъ мало: надобно будетъ усилить тамъ войско (выраженія сіи были помѣщены и въ инструкціи мнѣ данной). Теперь мнѣ болѣе нечего тебѣ говорить; поѣзжай, любезный Муравьевъ. Ты будешь на эскадрѣ у Рикорда, сообщи ему все новое порученіе. Богъ съ тобою! Ты желалъ побывать у отца своего?»—Государь, я отложу поѣздку свою, если отправленіе мое требуетъ поспѣшности. — Отнюдь нѣтъ! Извини меня, что я тебя употребляю по своимъ дѣламъ, когда ты пріѣзжаешь для своихъ въ отпускъ; но что̀ дѣлать мнѣ? Случилась въ тебѣ нужда. Поѣзжай къ отцу и проведи у него три или даже четыре дня; я тебѣ сіе позволяю. Помни-же, какъ можно болѣе вселить Турецкому султану довѣренности, а страху пашѣ Египетскому. Я еще хотѣлъ тебѣ сообщить одну вещь, которую ты долженъ держать въ большой тайнѣ. Когда у меня былъ послѣ войны съ посольствомъ Галиль-паша, мнѣ казалось замѣтнымъ изъ словъ его, что султанъ былъ склоненъ къ принятію, въ случаѣ крайности, вѣры христіанской. Я о семъ не говорю какъ о вещи рѣшенной; но мнѣ такъ казалось, и я предваряю тебя о семъ на случай, еслибы ты въ разговорахъ съ султаномъ услышалъ или замѣтилъ что либо подобнаго. Наконецъ, еслибы онъ былъ изгнанъ изъ своего царства, то онъ нашелъ бы у меня пріютъ. Будь простъ въ своемъ обхожденіи, отъ сего будетъ зависѣть успѣхъ твоего дѣла: ты тогда получишь и довѣренность султана, и угрозишь пашѣ. Ты знаешь и по-турецки, сіе тебѣ много поможетъ; конечно трудно получить согласіе перваго на то, чтобы я принялъ участіе въ дѣлахъ его. Мнѣ это также предлагали, когда Польша взбунтовалась; но я

не принялъ ничьихъ предложеній и самъ управился; но если султанъ будетъ въ крайности, онъ, можетъ быть, и согласится на примиреніе, чего бы я однакоже, на его мѣстѣ, не сдѣлалъ. Но избѣгай посредничества. Мнѣ недавно писалъ князь Эриванскій, что нынѣ, можетъ быть, настало время, что Турецкая имперія должна раздѣлиться на двѣ....*).—Ваше Величество, вѣрно, не будете входить въ разбирательство сего, и мнѣ не будетъ слѣдовать вмѣшиваться въ сіе дѣло? сказалъ я.—Нисколько, отвѣчалъ Государь: ихъ дѣло, а мнѣ все равно.—Еслибы я не нашелъ Магмета-Али въ Александріи или онъ бы отъѣхалъ въ армію свою, къ Ибрагиму-пашѣ, спросилъ я, то я бы долженъ къ нему съѣздить? — Всеконечно, отвѣчалъ Государь. И такъ поѣзжай же съ Богомъ, берегись чумы, молись Богу, Богъ тебя благословитъ!—Государь, благословите и Вы меня, сказалъ я.—«Вотъ тебѣ мое благословеніе, сказалъ Государь, окрестивъ меня; прощай, любезный Муравьевъ», и отпустилъ меня.

Таковой пріемъ не могъ не тронуть меня, и я отправился со всѣмъ духомъ и ревностнымъ желаніемъ исполнить въ точности велѣнія Государя.

1-го Ноября я получилъ инструкцію свою съ разными приложеніями и между прочимъ запечатанное письмо Государя къ султану.

Въ инструкціи были изложены нѣкоторыя мѣры для склоненія султана къ допущенію моей поѣздки въ Александрію; ибо и сіе было упущено изъ виду въ черновыхъ бумагахъ, и я сіе также замѣтилъ графу Нессельроде, но всѣ мѣры были изложены пространно и неопредѣлительно. На возраженіе мое, какъ поступить въ случаѣ, еслибы Магметъ-Али не принялъ меня, изготовлена была декларація, которую я долженъ былъ ему доставить. Содержаніе деклараціи сей было слабѣе изложеннаго въ инструкціи; ибо Нессельроде всячески старался смягчить предполагаемое обхожденіе наше съ Египетскимъ пашею, опасаясь болѣе всего возродить войну. На вопросъ же мой касательно Андріанопольскаго трактата Нессельроде ничего не отвѣчалъ. Я посему съѣздилъ къ нему опять и просилъ разрѣшенія на счетъ сего.—Замѣчаніе ваше очень справедливо, отвѣчалъ онъ; но инструкція уже была читана и утверждена Государемъ, а потому мы и не смѣли что либо перемѣнить въ оной.—Но я не могу, отвѣчалъ я, сказать сего Магмету-Али: онъ перетолкуетъ сіе въ свою пользу и поставитъ тѣмъ меня въ затруднительное положеніе.—Въ такомъ случаѣ, сказалъ Нессельроде, руководствуйтесь содержаніемъ деклараціи. Мы вамъ сіе письменно дополнимъ, если вы сего желаете; впрочемъ и декларація у васъ.

*) Точки въ подлинникѣ. П. Б.

Я видѣлъ, что ничего не добьюсь обстоятельнаго отъ Нессельроде и постигалъ цѣль всего отправленія, состоявшую въ томъ, чтобъ поразить умы въ Европѣ болѣе, чѣмъ въ Азіи, вліяніемъ, которое Государь имѣетъ въ дѣлахъ Востока. Я въ семъ случаѣ соотвѣтствовалъ метательному орудію, коего взрывъ, производимый угрозою, долженъ былъ поразить всѣхъ и обратить вниманіе другихъ державъ въ другую сторону. Моимъ силамъ, моему собственному разумѣнію, твердости моей, предоставлялось достигнуть желаемой цѣли, къ коей пути не могли мнѣ изобразить въ безконечныхъ письменныхъ наставленіяхъ и къ коей подвигнуть могли меня одна милость и довѣренность Государя. И, переставъ кого либо болѣе спрашивать, я положилъ всю надежду на Бога, какъ мнѣ сіе подтвердилъ самъ Государь, и сталъ собираться въ путь.

Желая однако знать, какъ правительству нужно было поступить въ нѣкоторыхъ случаяхъ, я получилъ отъ графа Нессельроде нѣсколько изустныхъ наставленій по симъ предметамъ, напримѣръ: я долженъ былъ взять драгомана у нашего посланника Бутенева и даже, еслибъ я счелъ нужнымъ, нашего Египетскаго консула Лавизона, коему Магметъ-Али былъ коротко извѣстенъ. Я могъ принять съ собою Турецкаго чиновника, еслибы султанъ таковаго пожелалъ со мною отправить; я могъ другаго привезти отъ Магмета-Али къ султану, еслибы онъ пожелалъ такого отправить, и если бы сіе не привело къ примиренію между ними, то по крайней мѣрѣ остановило бы на время военныя дѣйствія и дало бы султану время оправиться. Я не долженъ былъ принимать отъ Магмета-Али письма̀ къ Государю, но могъ таковое привезти къ графу Нессельроде. Я могъ въ случаѣ надобности взять отъ Бутенева письменное увѣдомленіе къ Магмету-Али въ родѣ вида, что я ѣду съ порученностью отъ Государя; ибо я не былъ снабженъ совершенно никакимъ видомъ отъ правительства (я вытребовалъ себѣ заграничный паспортъ). Я могъ въ случаѣ надобности или желанія на обратномъ пути моемъ изъ Константинополя съѣздить въ Анатолію къ Турецкой арміи; я могъ требовать у Бутенева экстраординарную сумму на непредвидимые случаи или отправленія. Нессельроде говорилъ мнѣ еще, что, хотя онъ предполагалъ гораздо лучше для поспѣшности сѣсть на пароходъ, но что фрегатъ долженъ былъ также отправиться; ибо Государю въ особенности желательно было, чтобы военное судно прошло Босфоръ. Онъ также сообщилъ мнѣ, что Египтяне захватили одно купеческое судно съ Русскимъ флагомъ и что Рикорду было послано повелѣніе требовать его обратно, въ случаѣ же отказа, схватить первое Египетское судно, которое бы ни попалось.

Графъ Нессельроде просилъ еще меня заѣхать къ министру правосудія Дашкову, который, лѣтъ 15-ть, тому былъ въ Египтѣ и могъ мнѣ сообщить занимательныя свѣдѣнія о Мегметъ-Али. Я исполнилъ желаніе его и къ удивленію моему нашелъ человѣка совершенно такого, какъ о немъ разсказываетъ молва. Онъ часа два продержалъ меня у себя и все разсказывалъ мнѣ происшествія, случившіяся съ нимъ въ поѣздку его въ Египетъ, куда онъ былъ когда-то посланъ для повѣрки нашихъ консульствъ. Скучный и безполезный разговоръ его, при маломъ времени, которое я имѣлъ, былъ для меня весьма тягостенъ; но я всего болѣе удивлялся, когда онъ по разсказѣ мнѣ всѣхъ анекдотовъ, въ коихъ всего болѣе блистало непомѣрное самолюбіе его, сталъ спрашивать меня о цѣли поѣздки моей, о коей онъ понятія не имѣлъ. Я всячески старался отклонить отвѣты свои, завлекая его въ дальнѣйшіе разсказы, но долженъ былъ ему очертить вообще цѣль отправленія моего. Тутъ пошли новыя возраженія; онъ считалъ меня посредникомъ и находилъ, что неприлично было меня отправлять по дѣлу, которое не могло имѣть успѣха. Къ чему было мнѣ выслушивать отъ посторонняго человѣка изложеніе мыслей меня уже занимавшихъ? Я осторожно прекратилъ разговоръ и оставилъ его, удивляясь вѣтренному поступку графа Нессельроде. Я сообщилъ однажды сіе Орлову, который былъ со мною однѣхъ мыслей; онъ совѣтовалъ остерегаться въ разговорахъ съ Бутеневымъ, который былъ друженъ съ Дашковымъ; по словамъ Орлова, Дашковъ не могъ долго держаться: имъ были недовольны, его признавали лѣнивымъ, и вообще всѣ жаловались на мечтательность его, недоступность и высокомѣріе.

Деньги, коими меня снабдили и на которыя я не получилъ никакой бумаги, принадлежали (какъ мнѣ было сказано Нессельродомъ и Орловымъ) собственно мнѣ, и я въ нихъ не былъ обязанъ никому никакою отчетностью; но сими средствами долженъ былъ я совершить и дорогу въ оба пути. Нессельроде говорилъ мнѣ о судахъ, пароходѣ и фрегатѣ, для меня изготовляющихся; но я ни отъ кого не получалъ увѣдомленія, гдѣ я ихъ могъ найти и отъ кого получить; почему и съѣздилъ я къ князю Меншикову. Онъ увѣдомилъ меня, что о семъ предписано уже въ Николаевъ къ адмиралу Грейгу, и просилъ меня взять съ собою адъютанта его капитана-лейтенанта Серебрякова, дабы доставить ему что либо по возвращеніи. Я отвѣчалъ ему, что не могъ сего сдѣлать безъ воли Государя, тѣмъ болѣе что, по ходатайству моему, позволено мнѣ было взять съ собою только одного адъютанта вмѣсто двухъ, которыхъ я желалъ при мнѣ имѣть; почему князь Меншиковъ испросилъ на сіе разрѣшеніе Государя и, получивъ оное, сообщилъ мнѣ его письменно и прислалъ Серебрякова, котораго онъ и

отправилъ въ Черноморскій флотъ, дабы заблаговременно сдѣлать всѣ нужныя приготовленія къ отъѣзду моему. Серебряковъ отправился 3-го Ноября въ Николаевъ; мнѣ же князь Меншиковъ вручилъ бумаги къ адмиралу Рикорду, коими ему сообщалась воля Государя, дабы онъ, по прибытіи моемъ къ нему, далъ мнѣ всѣ возможныя пособія къ слѣдованію въ Александрію.

Я былъ передъ отъѣздомъ также у военнаго министра; онъ между прочимъ поставилъ мнѣ на видъ поведеніе Французскаго генерала Себастіани въ Константинополѣ, который совѣтами своими весьма много помогъ Турецкому султану къ защитѣ пролива; я могъ дѣйствовать въ томъ же смыслѣ, дабы помочь увядающей имперіи сей; наконецъ, мнѣ оставалось только принять на себя начальство надъ Турецкою арміею противъ Ибрагима-паши.

Между тѣмъ графъ Чернышовъ сказалъ мнѣ, что Государь, не желая оставить дивизію безъ начальства во время отсутствія моего, перевелъ меня по арміи, а на мѣсто меня назначилъ генерала-маіора Маевскаго, съ тѣмъ, чтобы по возвращеніи дать мнѣ дивизію въ 1-мъ корпусѣ, дабы быть употребленнымъ въ первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ въ войнѣ предстоявшей въ Европѣ (ибо 6-й корпусъ не долженъ былъ въ оныхъ участвовать) и при томъ сказалъ мнѣ, что онъ полагалъ меня довольнымъ тѣмъ, что я не буду служить болѣе въ 6-мъ корпусѣ. Сіе относилось къ моему корпусному командиру генералу Роту, на счетъ коего я былъ очень остороженъ, зная, сколько жалобы на начальниковъ всегда непріятны Государю. Я отвѣчалъ, что бываю всегда доволенъ тѣми назначеніями, коими меня удостоиваетъ Государь, и просилъ только о назначеніи ко мнѣ другимъ адъютантомъ моего дивизіоннаго Абрамовича. Ввечеру я о семъ подалъ записку, и на другой день уже онъ былъ ко мнѣ зачисленъ.

Вмѣстѣ со врученіемъ мнѣ бумагъ стали торопить меня, дабы я скорѣе выѣхалъ; но я оставался до 4-го числа и 5-го, въ Субботу, въ полчаса пополудни, отправился изъ Петербурга въ путь, оставя дочь свою опять у брата Александра Мордвинова *).

Входя въ положеніе Дюгамеля, коего я совѣтовалъ пустить на перекладной, видя его слабое здоровье и зная, что покупка рессорнаго экипажа составила бы для него значительный счетъ, я пригласилъ его съ собою ѣхать, для чего и взялъ оба экипажа свои, карету и коляску, полагая симъ оказать ему услугу и выразить доброжела-

*) Отецъ Александра Николаевича Мордвинова (служившаго подъ начальствомъ графа Бенкендорфа) былъ родной братъ рано умершей матери Н. Н. Муравьева. П. Б.

тельство мое и дружескій пріемъ въ домѣ отца моего, куда я направлялъ, по позволенію данному мнѣ Государемъ, путь свой.

Такъ какъ мнѣ слѣдовало изъ Твери повернуть въ проселки, черезъ деревню княгини Мещерской Латошино, то я и взялъ первую подорожную свою только до Твери, чѣмъ болѣе могъ скрыть направленіе дороги своей; ибо отправленіе мое въ Тверь, напечатанное въ газетахъ, удивило всѣхъ знавшихъ уже, по носившимся въ Петербургѣ слухамъ (какъ кажется, распространившимся изъ Азіатскаго Департамента), что направленіе поѣздки моей было въ Константинополь. Но заключенія были разны: иные говорили, что я буду предводительствовать десантомъ, который пойдетъ въ Сирію чрезъ Италію вмѣсто Анатоліи; другіе назначили меня главнокомандующимъ Турецкою арміею; иные думали, что я ѣду въ Грузію; наконецъ, иные полагали даже, что я ѣду для принятія начальства въ Греціи до прибытія короля Оттона. Это были общіе разговоры; но не менѣе того, по извѣстіямъ вышедшимъ изъ Азіатскаго Департамента, мнѣ кажется, многіе знали въ подробности цѣль поѣздки моей, которую нужно было скрыть, дабы Магметъ-Али-паша не могъ быть объ оной предваренъ. Посланники наши при иностранныхъ дворахъ, какъ равно и Бутеневъ, были предупреждены о семъ отправленіи моемъ изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ одно время съ выѣздомъ моимъ изъ Петербурга.

Я ѣхалъ черезъ деревню отца, проведши прежде одну ночь въ селѣ Латошинѣ у княгини Мещерской и, выѣзжая отъ нея, заѣхалъ въ Осиповъ монастырь, гдѣ служилъ панихиду. 10 или 11 числа я прибылъ въ деревню къ отцу, гдѣ и провелъ около трехъ дней, дабы не пропустить позволенія, даннаго мнѣ Государемъ. Радость, съ коею я былъ принятъ отцомъ, была чрезвычайная; я засталъ тамъ и брата Сергѣя. Не буду здѣсь описывать семейныхъ сношеній нашихъ, которыми вызваны были довольно долгіе и сложные разговоры. Я старался все примирить и успокоить, и казалось мнѣ, что я нѣсколько въ семъ успѣлъ. Присутствіе Дюгамеля, который не умѣлъ держать себя въ должномъ отдаленіи въ семъ случаѣ, нѣсколько препятствовало намъ; но къ нему сохраняли не менѣе того всю предупредительность и уваженіе свойственное гостепріимству, съ коимъ всѣ принимаются въ нашемъ домѣ, чего онъ, кажется, по малому общественному образованію своему, не понялъ, не умѣя соотвѣтствовать ласкамъ, которыя ему оказывали.

Изъ деревни я выѣхалъ въ Гжатскъ на большую Смоленскую дорогу, оттуда слѣдовалъ въ Кіевъ чрезъ Смоленскъ и Могилевъ. Въ Кіевѣ я долженъ былъ провести почти двое сутокъ для починки экипа-

жей, и былъ у фельдмаршала *), коему разсказалъ въ общихъ чертахъ порученіе на меня возложенное.

Прибывъ въ Тульчинъ, я провелъ тамъ 4 дня, какъ для устройства собственныхъ своихъ дѣлъ, такъ и для сдачи дивизіи Маевскому, который спустя день или два послѣ меня прибылъ. Пріемы его огорчили всѣхъ съ перваго раза. Человѣкъ сей можетъ назваться полоумнымъ и вмѣстѣ глупымъ. Не зная нисколько службы и не имѣя нисколько порядка въ головѣ, онъ грубъ, дерзокъ, безразсуденъ и уже пострадалъ однажды за сіе по службѣ; но не знаю какими-то судьбами опять выплылъ; вѣроятно однакоже не на долго. Невѣжливое обхожденіе его относительно меня вывело меня изъ терпѣнія, и я принужденъ былъ его остановить, послѣ чего онъ сдѣлался осторожнѣе.

Въ Тульчинѣ получилъ я письмо отъ адмирала Грейга, писанное въ отвѣтъ на посланное мною къ нему изъ Петербурга съ Серебряковымъ; онъ увѣдомлялъ меня, что пароходъ «Метеоръ» и фрегатъ «Штандартъ» изготовлены для моего отплытія, первый въ Николаевѣ, а второй въ Севастополѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ я и письмо отъ Серебрякова, писанное нѣсколько часовъ спустя послѣ письма Грейга. Тотъ увѣдомлялъ меня, что, при внезапно сдѣлавшихся морозахъ, пароходъ замерзъ въ устьѣ Буга. Письма сіи были доставлены съ нарочнымъ курьеромъ отъ Грейга въ Тульчинъ, и курьеръ сей дожидался съ 15 числа прибытія адъютанта моего Харнскаго, коему я назначилъ со мною ѣхать и коего я предупредилъ о семъ курьерѣ въ письмѣ, посланномъ изъ Петербурга съ Серебряковымъ, приказавъ ему держать въ тайнѣ скорое прибытіе мое въ Тульчинъ и самаго курьера, что́ было исполнено имъ въ точности. Я же пріѣхалъ въ Тульчинъ 22-го Ноября.

Обстоятельство сіе замедляло мое отправленіе, ибо мнѣ уже доводилось ѣхать въ Севастополь сухимъ путемъ 500 верстъ лишнихъ; а потому я послалъ курьера съ письмомъ къ графу Воронцову въ Одессу, прося его снабдить меня пароходомъ изъ имѣющихся въ распоряженіи его (ибо Одесскій рейдъ не замерзаетъ, или мало замерзаетъ).

26-го я отправился въ Одессу, куда и прибылъ 28-го. Графъ Воронцовъ давалъ въ мое распоряженіе пароходъ «Неву»; но какъ у него была разобрана машина и прежде 10 дней нельзя было собрать оную, то и рѣшился я ѣхать въ Севастополь сухимъ путемъ, дабы отправиться на фрегатѣ, оставя пароходъ.

Въ проѣздъ мой черезъ Николаевъ я былъ у адмирала Грейга, и онъ въ бытность мою получилъ изъ Петербурга отъ графа Нессельроде

*) Князя Сакена. П. Б.

курьера съ дубликатомъ бумагъ, отправленныхъ сухимъ путемъ къ Бутеневу, отъ 24-го Ноября, и копій всего моего отправленія. Въ бумагѣ сей къ Бутеневу было написано, что еслибы султанъ былъ въ тѣсныхъ обстоятельствахъ и желалъ бы вспоможенія нашего, то Бутеневъ въ правѣ былъ написать къ Грейгу объ отправленіи немедленно одной половины Черноморскаго флота, коему приказано было вооружиться и изготовиться къ походу; но Бутеневъ не долженъ былъ предлагать сего пособія султану и склонять его къ испрошенію онаго, изъ чего было видно только, что Государю желательно было принять участіе въ дѣлахъ Турціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось адмиралу изготовить весь флотъ и отправить дубликатъ сей къ Бутеневу съ нарочнымъ пароходомъ, дабы онъ могъ послать оный, въ случаѣ надобности, обратно съ требованіемъ флота къ Грейгу. Первая половина флота нашего, состоящая изъ 5 кораблей и 4 фрегатовъ, должна была по сему требованію немедленно отправиться, а другая, столь же сильная, изготовиться и слѣдовать на подкрѣпленіе первой.

Контръ-адмиралъ Лазаревъ долженъ былъ отправиться съ первою половиною и слѣдовать въ Дарданелы, не выходить однакоже въ Архипелагъ, но въ случаѣ еслибы Египетскій флотъ вступилъ въ дѣло съ Турками, то принять участіе въ сраженіи и поразить Египтянъ. Контръ-адмиралъ Лазаревъ, начальникъ штаба Черноморскаго флота, уже выѣхалъ изъ Николаева въ Севастополь по случаю вооруженія флота, о чемъ было уже прежде предписано. Что же подало поводъ къ сей новой мѣрѣ, я не могъ знать; ибо изъ бумаги къ Бутеневу видно только было, что Турецкій флотъ принужденъ былъ уклониться къ Дарданеламъ; но былъ ли онъ уже въ дѣлѣ съ Египтянами, того не было видно, а только можно было предполагать. На случай еслибы у адмирала Грейга не было пароходовъ въ распоряженіи, онъ долженъ былъ отослать дубликатъ обратно въ Петербургъ. Пароходовъ у него не было; но мы разсчитали, что бумаги сіи могутъ поспѣть со мною скорѣе, чѣмъ сухимъ путемъ съ фельдъ-егеремъ, изъ Петербурга отправленнымъ; а потому я и взялъ ихъ съ собою. Адмиралъ же Грейгъ долженъ былъ просить у графа Воронцова отправленія парохода въ распоряженіе Бутенева, дабы онъ могъ послать его, въ случаѣ надобности, въ Николаевъ съ требованіемъ флота.

3-го Декабря ввечеру я прибылъ на Севастопольскій берегъ и прямо сѣлъ на фрегатъ «Штандартъ», коего командиръ былъ капитанъ-лейтенантъ Щербачевъ. Я нашелъ на немъ до 20 офицеровъ (ибо многіе желали принять участіе въ семъ таинственномъ путешествіи, въ надеждѣ получить награжденія).

4-го я съѣхалъ на берегъ, былъ у вицъ-адмирала Патаніоти (ко-

мандира флота въ Севастополѣ) и обѣдалъ у него. Комендантъ, командиръ флота и контръ-адмиралъ Лазаревъ и меня навѣстили. Послѣдній показался мнѣ дѣльнѣе всѣхъ; онъ человѣкъ быстрый и, кажется, съ соображеніями, а потому надо́бно полагать, что выборъ въ назначеніи его удаченъ.

4-го числа я занялся отправленіемъ писемъ. Я сообщилъ графу Нессельроде носившійся слухъ о разбитіи будто Французами эскадры вице-адмирала Рикорда, о потопленіи двухъ судовъ нашихъ и о взятіи въ плѣнъ самого Рикорда. Извѣстіе сіе было сообщено мнѣ флотскими офицерами; я немедленно изслѣдовалъ оное и заключилъ, что поводомъ къ такому слуху послужило приказаніе вооружить нашъ флотъ, а извѣстіе привезено однимъ Ѳеодосійскимъ жителемъ, выѣхавшимъ 3 Ноября изъ Константинополя и говорившимъ, что въ Царьградѣ ожидали тогда прибытія изъ Архипелага эскадры Рикорда и что Гидріоты, Спецціоты и вообще всѣ Греки недовольные Турецкимъ правительствомъ вступили въ сношенія съ Ибрагимъ-пашею. Заключеніе сіе я также сообщилъ графу Нессельроде, дабы не надѣлать напрасной тревоги. Сіе же самое сообщалъ я и военному министру, съ прибавленіемъ предположеній моихъ о необходимости для Турокъ обезоружить заблаговременно восточные берега проливовъ, чего бы они не успѣли сдѣлать, если бы войско ихъ было разбито въ Анатоліи. Меншикова я благодарилъ за всѣ удобства, доставленныя мнѣ имъ на фрегатѣ, гдѣ точно каюты всѣ отлично отдѣланы. Наконецъ, Орлову я все писалъ и гораздо свободнѣе, увѣдомлялъ его также о говорѣ, существующемъ между Крымскими Татарами; всѣхъ же увѣдомлялъ о причинахъ промедленія моего въ дорогѣ. Сіе было въ особенности нужно; ибо Дюгамель съ умысломъ или отъ несоображенія написалъ къ Нейдгарту извинительное письмо въ промедленіи своемъ, ссылаясь на то, что я его возилъ и провелъ время свое въ дорогѣ, занимаясь семейными дѣлами и службою. Хотя мнѣ и позволено было Государемъ провести четыре дня въ домѣ у отца, и я ни часомъ не промедлилъ даннаго мнѣ позволенія, но такой отзывъ могъ-бы мнѣ повредить, и его должно было ожидать отъ человѣка, преданнаго единственно своимъ личнымъ выгодамъ и разсчетамъ, иностранца, не входящаго ни въ какія соображенія, не знающаго отношеній службы и непризнательнаго ни къ ласкамъ, ни къ угожденіямъ. Онъ всю дорогу былъ мнѣ только въ тягость, ибо никогда не принималъ на себя ни малѣйшей заботы и даже неотступно мѣшалъ мнѣ, избѣгая и квартировать отдѣльно, вѣроятно изъ разсчетливости; пребывая же вмѣстѣ, онъ не умѣлъ при постороннихъ сохранить и той почтительности, которая въ такомъ случаѣ требовалась, что́ будетъ мнѣ большою помѣхою въ сношеніяхъ моихъ съ Азіатцами при любопыт-

ствѣ его, глухотѣ и медленномъ соображенiи вещей. А потому я и рѣшился, сохраняя къ нему вѣжливость, удалить его совершенно отъ всѣхъ сношенiй по возложенному на меня порученiю. Къ сей мѣрѣ еще послужило поводомъ то, что, входя по волѣ Государя въ порученiе на него возложенное, въ коемъ я долженъ руководствовать его наставленiями своими, я его уже нѣсколько разъ просилъ изготовить заблаговременно программу для описанiя войскъ; но онъ всегда возражалъ противъ сего и ничего не сдѣлалъ до сихъ поръ, надѣясь вѣроятно отдѣлаться отъ занятiй, а можетъ быть и отъ сухопутнаго путешествiя, дабы возвратиться съ червонцами, имъ полученными въ Петербургѣ. Въ письмѣ своемъ къ Нейдгарту, которое онъ мнѣ самъ прочелъ и объ измѣненiи коего я мало заботился, онъ сообщилъ также слухи и о Рикордѣ, не изслѣдовавъ источника ихъ. Досадно видѣть, что во всякомъ дипломатическомъ порученiи вмѣшаются иностранцы, руководимые только собственною корыстью, безъ отвѣтственности въ дѣлахъ, и при случаѣ болѣе срамящiе насъ, чѣмъ приносящiе какую либо пользу. Такимъ же образомъ помѣстили при мнѣ и капитанъ-лейтенанта Серебрякова, Армянина, безъ всякой надобности. Въ Константинополѣ я долженъ буду еще взять Француза Лавизона, бывшаго консула нашего въ Александрiи, и Грека драгоманомъ, и тогда штабъ мой составится изъ Нѣмца, Армянина, Француза и Грека. Но ни одинъ изъ нихъ безъ сомнѣнiя не будетъ пользоваться довѣренностью моей, которою всѣхъ болѣе заслуживаетъ, и при маломъ образованiи своемъ, адъютантъ мой Харнскiй.

5-го числа поутру я отплылъ изъ Севастопольскаго рейда. 6-го праздновали мы на фрегатѣ тезоименитство Государя. Вѣтеръ былъ способный, и 7-го числа мы открыли берега Анатолiи и Румынiи; но вѣтеръ перемѣнился, мы должны были лавировать передъ Босфоромъ и теперь еще лавируемъ.

Вчера, 8-го числа, мы увидѣли много малыхъ судовъ, выходящихъ изъ пролива Константинопольскаго. Сколь ни казались неосновательными слухи, распространившiеся въ Севастополѣ, о разбитiи адмирала Рикорда, но я не былъ убѣжденъ, чтобы успѣхи Ибрагима-паши не привели его уже къ вратамъ Цареграда, а потому и остановилъ одно изъ сихъ судовъ. То были жители Анатольскихъ береговъ, отвозившiе произведенiя свои въ Царьградъ и возвращавшiеся домой. По опросѣ ихъ, узналъ я, что султанъ живетъ близъ Царьграда, гдѣ торговля производилась по-прежнему; они говорили, что Магметъ-Али прислалъ къ султану посланника съ повинною (такъ по крайней мѣрѣ слухъ носился), но боялись распространяться въ извѣстiяхъ.

Проливъ Босфорскій теперь въ виду нашемъ; мы видимъ крѣпость Килію Западнаго берега, но еще не попали въ самый проливъ, передъ коимъ лавируемъ.

9-го ввечеру мы наконецъ въѣхали въ Босфоръ; но вѣтеръ былъ противный, а потому мы весьма мало могли подвигаться лавированіемъ въ тѣсномъ мѣстѣ. Намъ открывались съ обѣихъ сторонъ красивые берега Европы и Азіи съ Турецкими за̀мками, коихъ малочисленные гарнизоны, состоящіе изъ молодыхъ людей регулярныхъ войскъ, собирались небольшими толпами смотрѣть на фрегатъ, на коемъ играла музыка. Ночь насъ застала противъ развалинъ Генуезскаго замка, не доходя двухъ каменныхъ мысовъ, въ семъ мѣстѣ сближающихся, и мы принуждены были остановиться, не дойдя пяти верстъ до дома нашего министра Бутенева въ Беугъ-дере. Желая скорѣе свидѣться съ нимъ, я сѣлъ въ удобное судно и поплылъ въ Беугъ-дере. У пристани стояло два военныхъ судна «Люгеръ» и «Транспортъ». Я неожиданно вышелъ на берегъ и пошелъ прямо безъ доклада къ Бутеневу, у коего засталъ Прусскаго повѣреннаго, который вскорѣ и вышелъ. Тутъ я вручилъ Бутеневу бумаги, и между оными дубликатъ, полученный мною отъ адмирала Грейга, коего подлинникъ еще не былъ имъ полученъ, и котораго, по словамъ его, онъ могъ ожидать только черезъ 5 или 6 дней сухимъ путемъ.

Онъ объяснилъ мнѣ состояніе дѣлъ въ Анатоліи. Конія, которою уже завладѣлъ Ибрагимъ-паша, была взята обратно новымъ главнокомандующимъ, великимъ визиремъ, прибывшимъ со свѣжими войсками изъ Румеліи; но онъ не разбилъ Египтянъ: Ибрагимъ-паша самъ отступилъ, узнавъ о приближеніи свѣжихъ войскъ и о движеніи изъ Трапезонта черезъ Цесарію Османа-паши со вновь сформированнымъ корпусомъ. Сіи извѣстія только что пришли въ Константинополь, и подробности оныхъ еще не были извѣстны. Турецкій флотъ находился у Дарданеловъ, и адмиралъ онаго, Гассанъ-паша, былъ смѣненъ Тагиръ-пашею, по настоянію визиря, опорочившаго дѣйствія Гассанъ-паши; но дабы Гассанъ-пашѣ не было столь чувствительно смѣщеніе его, султанъ сдѣлалъ его начальникомъ всей артиллеріи (ибо смѣненіе его было сдѣлано съ собственнаго его согласія). Султанъ предлагалъ ему вступить въ дѣло съ Египтянами или сдать командованіе, и онъ избралъ послѣднее, не желая подвергнуть флотъ явной погибели. Тагиръ-паша съ прибытіемъ на суда принялъ строгія мѣры для возстановленія порядка и наказалъ палками на орудіяхъ нѣсколькихъ начальниковъ судовъ. Счастливая сія перемѣна въ дѣлахъ Турціи еще не была сообщена въ Петербургъ, гдѣ, напротивъ того, могли, по послѣднимъ извѣстіямъ, со-

общеннымъ Бутеневымъ, только ожидать дурнаго успѣха въ дѣлахъ султана.

Султанъ ожидалъ моего прибытія съ необыкновеннымъ нетерпѣніемъ и ежедневно посылалъ спрашивать, не прибылъ ли я. Бутенева спрашивали, какого рода могло быть порученіе, на меня возложенное; но оно не было ему сообщено графомъ Нессельроде, и онъ ничего не зналъ о содержаніи сего порученія, а потому и могъ только сообщать утѣшительные отвѣты безъ всякой опредѣлительности.

Въ 10-ть часовъ вечера я выѣхалъ отъ Бутенева, и мы условились, чтобы ему на другой день пріѣхать ко мнѣ на фрегатъ завтракать, гдѣ мы и должны были заняться разсмотрѣніемъ бумагъ. Вѣтеръ былъ довольно свѣжій, ночь темная, мѣста неизвѣстныя, но мы счастливо достигли фрегата.

Я нашелъ въ Бутеневѣ человѣка весьма привѣтливаго и обходительнаго. Вникая въ дѣло и вещи, онъ обсуживалъ ихъ, какъ мнѣ казалось, съ основательностью. Сношенія съ нимъ пріятны, и въ особенности видѣлъ я съ удовольствіемъ, что мѣсто его занято Русскимъ, а не иностранцемъ.

Беугъ-дере, Декабря 11 дня. Между тѣмъ Бутеневъ съ нѣкоторыми чиновниками миссіи прибылъ ко мнѣ на фрегатъ, мы остались съ нимъ вдвоемъ въ моей каютѣ и занялись разсмотрѣніемъ бумагъ. Онъ прочиталъ мнѣ послѣднія донесенія свои къ графу Нессельроде, изъ коихъ видны были опасенія его на счетъ Турокъ въ Анатоліи и сужденія его о состояніи оныхъ, которыя я нашелъ весьма правильными. Свѣдѣнія имъ сообщенныя были очень основательны и изложены съ большою ясностью. Послѣ того я прочелъ ему разговоръ мой съ Государемъ, и наконецъ мы разсмотрѣли вмѣстѣ инструкцію, данную мнѣ графомъ Нессельроде. Трудно было изъ оной извлечь съ нѣкоторою ясностью и опредѣлить съ точностью цѣль моего отправленія относительно Турціи и Египта; но намъ надобно было начать съ Турціи, и мы старались начертать себѣ нѣкоторыя правила. Наконецъ рѣшили, чтобы послать сперва драгомана Франкини (человѣка извѣстнаго ловкостью своею) къ рейсъ-ефенди или министру иностранныхъ дѣлъ, для объявленія ему о моемъ пріѣздѣ и съ такимъ же извѣстіемъ къ сераскиру Хозреву, любимцу султана, прося ихъ назначить время для пріема меня (чтó и было исполнено Бутеневымъ часу въ 3-мъ, какъ только фрегатъ былъ на якорѣ противъ Беугъ-дере). Оставалось намъ рѣшить, долженъ ли онъ будетъ при свиданіи нашемъ съ сими чиновниками объявить имъ объ изготовленіи Черноморскаго флота для отплытія по первымъ требованіямъ султана въ помощь ему, и мы, находя, что въ семъ не могло заключаться ничего противнаго видамъ и желаніямъ Государя, что,

напротивъ того, оно могло только еще больше склонить Турецкое правительство къ вящшему согласію на отправленіе мое въ Египетъ, положили, дабы, по изложеніи мною передъ ними цѣли моего прибытія, Бутеневъ сообщилъ имъ сію вѣсть, для чего онъ изготовилъ небольшую записку, которую онъ и принесъ ко мнѣ ввечеру.

Къ 6 часамъ вечера я съѣхалъ на берегъ и, пообѣдавъ у Бутенева, перенесся къ нему на ночлегъ. Когда же я остался одинъ, то занялся опять соображеніемъ того, что̀ мнѣ должно было говорить, руководствуясь, сколько можно было, темными и неопредѣлительными наставленіями, мнѣ данными, чѣмъ я могъ облегчить память мою въ обстоятельствахъ, гдѣ каждое слово мое принималось въ строку и гдѣ надобно было дѣйствовать съ большою осторожностью, дабы не возбудить мнительности Турокъ, а, напротивъ того, вселить въ нихъ совершенное довѣріе къ мѣрамъ, предпринимаемымъ Государемъ, дабы склонить ихъ къ согласію и даже желанію видѣть совершеніе предполагаемаго мною отправленія въ Египетъ. Я поздно кончилъ свои занятія и послѣ полночи уже легъ спать, въ надеждѣ сдѣлать на другой день первый шагъ къ исполненію возложеннаго на меня порученія при свиданіи съ рейсъ-ефендіемъ и сераскиромъ.

11-го рано по утру, я получилъ записку отъ Бутенева, коею онъ увѣдомлялъ меня, что рейсъ-ефенди и сераскиръ примутъ насъ въ 11-мъ часу, а потому и отправились мы на катерѣ фрегата въ Константинополь. Я не описываю видѣннаго здѣсь мною дорогою и того впечатлѣнія, которое сдѣлалъ на меня величественный и единственный видъ сей столицы. Мы плыли около двухъ часовъ Босфоромъ и пристали у воротъ, называемыхъ Багче-Капуси, гдѣ намъ были приведены лошади. Мы ѣхали мимо мечети Солиманіе и прибыли къ рейсъ-ефенди, который принялъ насъ въ небольшой и неопрятной комнатѣ, но весьма привѣтливо. Мы сѣли, и рейсъ-еффенди, не зная чѣмъ начать разговоръ, сперва замолчалъ и, дабы не показать своего замѣшательства, отвернулся въ сторону, смотря на драгомана Вогориди, приверженца сераскира, который, какъ увѣряетъ Бутеневъ, служитъ намъ и коему за сіе платится нашимъ правительствомъ; но нельзя, мнѣ кажется, сомнѣваться, что человѣкъ сей служитъ на обѣ, а можетъ быть и на многія стороны. Подали трубокъ и кофею, и послѣ нѣкоторыхъ привѣтствій я изложилъ ему цѣль моего пріѣзда сюда въ слѣдующихъ словахъ:

«Государь послалъ меня съ письмомъ къ султану и поручилъ мнѣ возобновить передъ нимъ увѣренія въ искренней и неизмѣнной дружбѣ своей, какъ и въ участіи принимаемомъ Его Величествомъ въ состояніи дѣлъ его съ Египетскимъ пашею».

«Государь, желая гласно убѣдить султана въ искренности своей дружбы, поручилъ мнѣ ѣхать въ Александрію, не въ качествѣ посредника, ибо противно правиламъ Его Величества мирить султана съ мятежникомъ и вмѣшиваться во внутреннія дѣла Турціи; но Государь, осудивши уже возстаніе Магмета-Али отозваніемъ Россійскаго консула изъ Александріи, поручилъ мнѣ нынѣ прямыми и гласными путями объявить пашѣ, что если онъ будетъ упорствовать въ предпріятіяхъ своихъ, то найдетъ врага въ Россіи, заблаговременно убѣдить его, что, при самыхъ блистательныхъ успѣхахъ его оружія, Государь неизмѣнно останется вѣрнымъ другомъ султана, и что неудовольствіе Его Величества, возбужденное поступками паши Египетскаго, можетъ изгладиться только немедленнымъ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ».

«Государь надѣется, что рѣчи сіи внушатъ благоразумныя мысли Египетскому пашѣ и приведутъ его въ покорность султану, чѣмъ вновь докажется постоянно оказываемая Его Величествомъ султану дружба, изъявленная уже черезъ графа Орлова и Галиль-пашу».

Я подалъ за симъ копію съ письма Государя къ султану. Рѣчь моя, казалось мнѣ, была выслушана съ большимъ удовольствіемъ рейсъ-ефендіемъ; но онъ весьма мало самъ говорилъ: изъявлялъ признательность свою за новые знаки дружбы, которые Государь имъ нынѣ оказывалъ, но ничего не отвѣчалъ опредѣлительнаго, ибо не могъ дать никакого отвѣта безъ предварительнаго доклада султану.

За симъ объявилъ ему Бутеневъ о вооруженіи Черноморскаго флота, который долженъ былъ по первому требованію султана двинуться на помощь. Замѣтно было, что сіе извѣстіе его порадовало, но онъ все-таки не показывалъ сего явно.

Послѣ сего разговоръ сдѣлался общій, но все о томъ же предметѣ. Дабы болѣе вселить ему довѣренности, я сказалъ, что Государь, не принявшій никакого участія союзныхъ державъ во время возмущенія Польши, управился самъ, а потому и не хотѣлъ вмѣшиваться въ частныя дѣла султана съ подданными и не принималъ никоимъ образомъ на себя званіе примирителя, но надѣялся угрозить пашѣ Египетскому, для чего и не избралъ онъ дипломатическаго чиновника, но меня, человѣка военнаго, всегда служившаго въ полѣ, и что изустное порученіе мое должно было кончиться въ самое короткое время, что поступки Государя искренни и не должны вселять никакого сомнѣнія Турецкому правительству.

Далѣе, разговаривая о военныхъ дѣйствіяхъ, я поздравилъ его съ побѣдою, одержанною визиремъ надъ Египтянами, то есть со взятіемъ Коніи (о чемъ говорилъ мнѣ Бутеневъ); но сіе изумило рейсъ-ефендія,

ибо извѣстіе было ложное. Онъ не успѣлъ ничего отвѣчать, и мы вскорѣ узнали ошибку свою; но, продолжая говорить о военныхъ дѣлахъ, я выхвалялъ ему искусство визиря, который успѣлъ собрать цѣлую армію изъ Босняковъ и Албанцевъ, едва усмиренныхъ послѣ возмущенія ихъ, и такъ далѣе. Наконецъ, я просилъ его доложить о моемъ пріѣздѣ султану и испросить у него аудіенцію для меня.

Проведши у него около часа, мы встали и отправились къ сераскиру Хозреву, любимцу султана. Въ воротахъ двора его стояло въ два ряда около 50 человѣкъ регулярной пѣхоты, тощихъ, неопрятно одѣтыхъ молодыхъ людей. Сераскиръ принялъ насъ въ холодной залѣ. Рѣдко можно найдти человѣка забавнѣе его по наружности. Ему 65 лѣтъ, онъ малаго роста, нѣсколько сутоловатъ, съ отвислымъ брюхомъ и небольшою сѣдою бородою; одежда его состоитъ изъ синей солдатской шинели, сшитой на образецъ нашей солдатской, съ прямымъ воротникомъ и обшлагами на рукавахъ; шинель же сшита съ какими-то складками или застежками на спинѣ, такъ что трудно угадать и мысль ихъ въ принятіи такого одѣянія и узнать, къ какому оное роду принадлежитъ. Турки, вводя регулярство въ своихъ войскахъ, хотѣли во всемъ подражать Европейцамъ и не догадались замѣтить, что офицеры не носятъ солдатскихъ шинелей и сюртука.

На головѣ у сераскира была большая красная феска съ огромной синей кистью, коей верхушка въ бумажномъ завиткѣ; сіе замѣняетъ имъ киверъ и фуражку, но у сераскира изъ подъ фески мѣстами торчалъ еще какой-то шелковый платокъ. На ногахъ онъ имѣлъ панталоны и черные козловые сапоги. Поступь и всѣ движенія сего старика быстры, онъ веселъ и разговорчивъ.

Пріемъ сераскира былъ весьма ласковый. Послѣ поданныхъ трубокъ, я и Бутеневъ повторили ему тоже слово въ слово, что̀ мы говорили рейсъ-еффендію. Этотъ не успѣлъ скрыть радости своей: онъ говорилъ, что я не долженъ медлить поѣздкою своею въ Александрію, но что я встрѣчу въ Магметѣ-Али человѣка хитраго, который не пощадитъ передъ мною и слезъ своихъ, дабы склонить меня на его сторону; онъ будетъ всячески стараться оправдать себя. Сіе было сказано изъ личной вражды его къ Египетскому пашѣ, на коего онъ отчасти и воздвигнулъ войну (самъ онъ нѣкогда былъ пашею въ Египтѣ). Я отвѣчалъ, что за меня и мою твердость порукою выборъ Государя. Когда же Бутеневъ сказалъ ему о флотѣ, то онъ спросилъ, изъ котораго моря будетъ флотъ; ибо онъ сперва думалъ, что рѣчь шла объ эскадрѣ Рикорда, которая нынѣ находится въ Навпліи и которая очень малочисленна; но онъ болѣе еще обрадовался, когда узналъ, что дѣло идетъ

о Черноморскомъ флотѣ. И пяти кораблей будетъ слишкомъ достаточно, сказалъ онъ, дабы разбить весь Египетскій флотъ.

Смѣна капитана-паши Галиля (пріемыша или любимца Хозрева) произошла по искамъ визиря, нынѣ главнокомандующаго (онъ также пріемышъ Хозрева). Старикъ былъ недоволенъ сею смѣною, сказался больнымъ и три дня не выходилъ изъ комнаты; но султанъ, видя его огорченіе, съѣздилъ къ нему самъ и тѣмъ утѣшилъ его. Не менѣе того Хозревъ еще до сихъ поръ сожалѣетъ о Египтѣ. Дабы испытать его образъ мыслей, я заговорилъ о достоинствахъ Галиля. Старикъ призналъ ихъ въ полной силѣ. Онъ теперь упалъ, продолжалъ онъ; это можетъ со всякимъ случиться.—Сбереженіе флота уже есть блистательный подвигъ, сказалъ я, который вполнѣ принадлежитъ Галилю-пашѣ.—Правда, отвѣчалъ старикъ, онъ въ немилости нынѣ; но онъ оставилъ мѣсто свое безъ срама, съ честью сдалъ свое званіе другому.—Вы много воевали, сераскиръ-паша, опытны въ военномъ дѣлѣ и безъ сомнѣнія умѣете цѣнить и достоинства визиря, коего первый и важнѣйшій подвигъ состоитъ уже въ томъ, что онъ поставилъ Египтянъ въ оборонительное положеніе и самъ принялъ видъ наступательный.—«Справедливо, сказалъ Хозревъ; я много, много воевалъ и на морѣ, и на сушѣ (о визирѣ онъ ничего особеннаго въ похвалу его не сказалъ, негодуя, кажется, за опороченіе у султана Галиля-паши). Теперь дѣла Египтянъ плохи, и на дняхъ мы должны услышать о побѣдѣ, одержанной визиремъ надъ Ибрагимомъ. Первый теперь въ Лаодикеѣ, а послѣдній въ Коніи; но визирь окружилъ Конію и возметъ ее, ибо тамъ не болѣе 16 т. войскъ. Окружая, хотя малый корпусъ, визирь самъ растянется; я не вижу надобности окружать Конію, дабы ее взять: Ибрагимъ, замѣтя, что силы визиря растянуты, можетъ ихъ атаковать, и тогда онъ на каждой точкѣ будетъ его сильнѣе и можетъ разбить. Превосходство силъ визиря слишкомъ велико, и онъ можетъ сіе безопасно сдѣлать; но не лучше ли еще менѣе рисковать сосредоточиваніемъ силъ своихъ? Нельзя такого большаго количества войскъ держать въ одномъ мѣстѣ».—Такъ зачѣмъ же медлить? Слѣдовало бы и атаковать Ибрагима, сказалъ я.—«Онъ будетъ его атаковать, коль скоро только приблизится корпусъ Османъ-паши, состоящій изъ 15 слишкомъ тысячъ и идущій изъ Требизонда чрезъ Цесарію на Ираклію, что́ у подошвы горъ Тавра. Корпусъ сей долженъ отрѣзать Ибрагиму обратный путь; тогда вся его армія погибнетъ».—Движеніе сіе очень искусно, сказалъ я, и Лазы, идущіе съ Османъ-пашею, мнѣ извѣстны, какъ народъ храбрый; но вы напрасно берете дѣйствія отдѣльнаго корпуса въ соображеніе главнаго дѣла, ставя оное въ зависимость отъ перваго. Я скажу вамъ, что когда фельдмаршалъ Паскевичъ прибылъ къ ар-

міи въ Польшу, то первымъ дѣйствіемъ его было собраніе всѣхъ войскъ подъ руку, и онъ болѣе не раздѣлялся до самаго взятія Варшавы; если-же онъ и имѣлъ нѣкоторыя отдѣльныя маловажныя части, то онѣ не входили никогда въ общее соображеніе успѣха всего дѣла.—«Коръ-дарме, коръ-дарме, отвѣчалъ сераскиръ, дабы показать свое знаніе названія сего. Точно не должно раздѣлять, и если противудѣйствующее войско раздѣлилось бы на двѣ части, то надобно прежде атаковать одну и разбить ее, а потомъ другую. Но мы имѣемъ до 80000, кромѣ Османъ-паши, а Ибрагимъ не имѣетъ и 20000 въ Коніи». Говоря это, досталъ онъ изъ комода какія-то двѣ старыя карты Анатоліи, одну морскую, а другую части земель около Коніи; на нихъ ничего не было видно, онъ долго искалъ названныя имъ мѣста, но ничего не нашелъ и, отдавая ихъ, сказалъ: «Посмотрите, вы тутъ все найдете. Тутъ должна быть и Кесарія, и Лаодикея, и горы». Но я настаивалъ, дабы вразумить ему свое и хотѣлъ убѣдить его, что нельзя было принять въ соображеніе рѣшительныхъ дѣйствій отдѣльный корпусъ, который отдѣльно могъ впрочемъ принести большую пользу; но что недостатокъ продовольствія, дурныя дороги, непогода, наконецъ неудачи могли остановить Османъ-пашу, и черезъ то рушились бы всѣ предположенія визиря. Сераскиръ понялъ мою мысль и призналъ ее. По крайней мѣрѣ, спросилъ я, состоитъ-ли Османъ-паша въ совершенной зависимости визиря? Сераскиръ не понялъ меня (зависимостью полагалъ онъ покорность: столь они привыкли къ непокорности). «Я знаю Османъ-пашу, сказалъ сераскиръ; онъ человѣкъ хорошій, покорный и вѣрный. Правда, что любитъ Богу молиться слишкомъ долго, но я въ немъ увѣренъ».—Не въ томъ дѣло; если ему приказано повиноваться визирю, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ и будетъ ему повиноваться. Но дано ли ему сіе приказаніе, необходимое для успѣха всего дѣла?—«Какъ же, какъ же, сказалъ старикъ, все отдано визирю, онъ всѣмъ управляетъ».

Я видѣлъ однакоже изъ сихъ рѣчей, что многое было у нихъ изъ виду упущено, и казалось мнѣ, что весь планъ кампаніи былъ соображенъ сераскиромъ, который, можетъ, и управлялъ военными дѣйствіями, сидя въ Царьградѣ, что̀ не могло имѣть хорошихъ послѣдствій. Вообще же я нашелъ въ немъ слишкомъ большую самонадѣянность на успѣхъ, а притомъ и невѣжество въ дѣлахъ; ибо на вопросъ мой не умѣлъ онъ мнѣ утвердительно отвѣчать, въ лагерѣ ли или въ квартирахъ расположены Турецкія войска. «И въ лагерѣ, и въ квартирахъ, сказалъ онъ; теперь холодно, нельзя всѣмъ въ лагерѣ быть». Онъ увѣрялъ меня, что статья о продовольствіи войскъ была совершенно обезпечена, и я слышалъ, что сіе справедливо (визирь прежде всего обратилъ на сіе вниманіе свое); но кажется, что оба войска стоятъ

другъ противъ друга, ничего не предпринимая; слышно, что Египтяне укрѣпляются въ Коніи. Я передалъ сераскиру поклонъ графа Орлова, который съ нимъ былъ въ короткомъ знакомствѣ въ бытность его въ Константинополѣ и который съ нимъ держался въ близкихъ сношеніяхъ. Онъ отзывался съ дружбою объ Орловѣ. Наконецъ я просилъ его доставить мнѣ первыя благопріятныя извѣстія, которыя онъ получитъ изъ арміи, что̀ онъ мнѣ также обѣщалъ. Сераскиръ самъ видѣлъ, что представленіе мое султану требовало поспѣшности и сказалъ сіе. Я просилъ его ходатайства къ доставленію онаго сколь возможно скорѣе.

Дабы поддержать разговоръ нашъ, я всталъ и, подошедъ къ углу, взялъ изъ стоявшихъ тамъ ружей одно всѣхъ менѣе и сталъ его разсматривать. Сераскира сіе заняло. Онъ всталъ и, взявши у меня ружье, поставилъ оное къ ногѣ и сказалъ, примѣривая дуло къ плечу, что оно сдѣлано по его росту. Потомъ онъ сталъ хвалиться знаніемъ своимъ ружейныхъ пріемовъ и два раза сдѣлалъ на караулъ. Нельзя себѣ вообразить смѣшнѣе фигуры сего уродливаго старика съ ружьемъ на караулѣ. Онъ хвалился Царьградскою фабрикой ружей, которыя между прочимъ были у него въ комнатѣ содержаны очень нечисто, такъ что я около нихъ перемаралъ свои перчатки.

Разговоръ продолжался о Карсѣ, Аджарцахъ, Эрзрумѣ, Персіянахъ, мѣстахъ, въ коихъ онъ былъ, и я съ нимъ тогда началъ говорить по-турецки. Онъ долѣе задерживалъ насъ; но мы извинились опасеніемъ безпокоить его и ушли.

Драгоманы Вогороди и Франкини присутствовали тутъ и переводили. Изъ нихъ первому платится отъ нашего правительства, дабы онъ служилъ нашимъ пользамъ; но онъ, какъ мнѣ видно было, болѣе склонялся въ пользу Турокъ, чѣмъ въ нашу, и безъ сомнѣнія, не на него бы можно положиться.

На обратномъ пути отъ сераскира, близъ пристани, остановился я у караульни, на крыльцѣ коей стояли два несчастные часовые, и, вошедъ въ караульню, потребовалъ офицера, который показалъ мнѣ всѣ помѣщенія чисто и хорошо отдѣланныя; въ караульнѣ вмѣсто 20 солдатъ было не болѣе 10, у коихъ ружья нечищенныя висѣли на стѣнахъ, люди же сидѣли полубосые на полу. Я просилъ офицера показать мнѣ ружейные пріемы и маршировку. Несчастныхъ замарашекъ поставили во фронтъ, и они по командѣ офицера своего 2-го полка 6-й роты юзъ-баши Гассана, сдѣлали ружейные пріемы, и хотя они въ оныхъ не соблюдали съ точностью правилъ, но я замѣтилъ въ нихъ способность къ сему дѣлу и довольно проворства въ обращеніи съ ружьемъ. Нельзя бо́льшаго ожидать отъ молодаго войска; но не-

опрятность одежды, рукъ, обуви и самаго ружья не можетъ прекратиться. Люди очень молоды и слабосильны, но двигаются и исполняютъ все съ безпрекословною покорностью и тишиною. Сіе посѣщеніе мое безъ сомнѣнія будетъ сообщено сераскиру и султану, которые съ удовольствіемъ услышатъ поправки и замѣчанія мною сдѣланныя офицеру и въ особенности похвалу, которой я не щадилъ.

Мы отплыли въ 3-мъ часу въ лодкѣ Бутенева и уже въ 6-ть часовъ прибыли въ Беугъ-дере. Катеръ мой отсталъ почти часомъ, что́ можно приписать какъ къ устройству нашего гребнаго судна, такъ и къ нерасторопности матросовъ. Все отправленіе службы на фрегатѣ моемъ ни на что не похоже: начальство слабо и допускаетъ шумъ, разговоры во время управленія парусами, такъ что на палубѣ во время какого либо дѣйствія снастями болѣе похоже на ярмарку, чѣмъ на присутствіе воинской команды, а экипажъ мой еще изъ числа избранныхъ со всего Черноморскаго флота, погрязшаго въ чрезвычайное запущеніе многими годами бездѣйственнаго пребыванія своего въ Севастополѣ.

12-е число прошло безъ всякаго дальнѣйшаго дѣйствія по порученію на меня возложенному. Поутру Бутеневъ просилъ меня присутствовать при разговорѣ его съ повѣреннымъ въ дѣлахъ князя Милоша Сербскаго, который сообщилъ ему письмо князя Милоша, увѣдомляющее его о возмущеніи, происшедшемъ въ нѣсколькихъ деревняхъ округовъ, долженствующихъ по трактату нашему войдти въ составъ княжества Сербскаго. Исполненіе сего по трактату до сихъ поръ было замедлено Турками, и они поставляютъ тому причиною то, что они въ такомъ случаѣ должны изъ сихъ округовъ выслать мусульманъ, Босняковъ и Албанцевъ, что̀ произведетъ дурное вліяніе въ теперешнихъ обстоятельствахъ, когда только что затихъ мятежъ въ сихъ областяхъ, снабдившихъ даже визиря войскомъ противъ паши Египетскаго. Возмущенія же сіи между Сербами сихъ округовъ произошли отъ новыхъ податей, наложенныхъ пашею, тамъ управляющимъ, и отъ насильства, употребленнаго имъ съ нѣсколькими женщинами; князь Милошъ опасался, чтобы возмущеніе сіе не распространилось и далѣе и потому просилъ совѣта Бутенева, коему поручено было отъ министерства нашего настаивать на исполненіи сей статьи трактата, при чемъ князь Милошъ излагалъ желаніе свое послать посольство въ Петербургъ съ жалобою на медленное исполненіе сего условія.

Я совѣтовалъ Бутеневу не мѣшать сего частнаго случая съ дѣломъ разграниченія Сербіи, дабы тѣмъ не затруднять Турецкаго правительства и, напротивъ того, дать оному оборотъ частности, представя Турецкому правительству, сколько такого рода обхожденіе могло-быть

для онаго вредно въ теперешнихъ обстоятельствахъ, и настаивать, дабы обиженнымъ было сдѣлано немедленное удовлетвореніе, чтó и Бутеневъ призналъ основательнымъ. Повѣреннаго же Сербскаго Лазаря Петровича уговаривалъ я представить князу Милошу, что, зная участіе, которое Государь принимаетъ въ дѣлахъ ихъ, не долженъ онъ былъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ спѣшить, а взять терпѣніе; что перемѣна сихъ обстоятельствъ могла въ самой скорости привести въ исполненіе требованіе его, и что настойчивость его не знаменовала той преданности, которую Государь былъ въ правѣ ожидать отъ него; что-же касалось до посольства въ Петербургъ, то сіе безъ сомнѣнія отъ него зависѣло, и никогда ему не будутъ отсовѣтывать отправленіе онаго, но что о мѣрѣ сей оставалось жалѣть, потому что не было сомнѣнія, что оная не будетъ имѣть никакого успѣха.

Странныя обстоятельства! Россія, природный и давній врагъ Турціи, нынѣ поддерживаетъ упадающее царство сіе, и Турція должна положить лучшія свои надежды на Россію. Но часъ паденія Порты ударилъ, и если предпринимаемыя нынѣ Государемъ мѣры отсрочатъ на нѣсколько времени разрушеніе Отоманской имперіи, онѣ не остановятъ хода дѣла, къ коему влекутъ самыя обстоятельства, и преобразованія, послѣдствія коихъ мы не можемъ съ ясностью изложить, произойдутъ въ сей древней столицѣ міра.

13-го. Пріѣзжалъ ко мнѣ драгоманъ Вогориди съ поздравленіемъ отъ султана съ пріѣздомъ. Я спѣшилъ его аудіенціею, которую онъ и обѣщалъ мнѣ 15-го числа непремѣнно; но на вопросъ мой, не предвидитъ ли султанъ препятствій къ отправленію моему въ Египетъ, рѣшительнаго отвѣта не получено. «О семъ будутъ разсуждать, говорилъ мнѣ Вогориди, въ совѣтѣ, который сегодня имѣетъ собраться, и вѣроятно, что въ отправленіи вашемъ вы не встрѣтите препятствій; но дѣло сіе должно быть разсмотрѣно въ совѣтѣ, и сіе надобно допустить: ибо султанъ имѣетъ также свои соображенія, касающіяся единственно до его народа, коего онъ желаетъ знать мнѣнія». Я возразилъ, что въ совѣтѣ семъ должна весьма приняться въ соображеніе воля Государя, коей сопротивленіе могло быть непріятно Его Величеству; словомъ, далъ почувствовать Вогориди, что отправленіе мое не должно быть подвержено никакому сомнѣнію.

Повѣренные въ дѣлахъ другихъ державъ, въ особенности Франціи, много безпокоились, стараясь узнать цѣль моего отправленія; но правительство Турецкое оную скрывало: ибо оно не довѣряло Французскому правительству, которое желало вмѣшаться въ сіе дѣло съ тѣмъ, чтобы султанъ уступилъ Сирію Магмету-Алію. Вогориди однакоже въ разговорѣ своемъ показалъ, что онъ разумѣлъ цѣль правительства нашего,

предпочитающаго имѣть на престолѣ Турецкомъ слабаго султана Махмута бодрому и дѣятельному Магмету-Алію. Казалось мнѣ однакоже, что Турки болѣе затруднялись разсужденіемъ касательно принятія помощи флота, чѣмъ отправленіемъ моимъ, и что они смѣшивали сіи два обстоятельства; почему мы съ Бутеневымъ изложили ему съ ясностью, какимъ нечаяннымъ случаемъ встрѣтилось, что я ему доставилъ дубликаты бумагъ, отправленныхъ 24-го Ноября изъ Петербурга съ нарочнымъ фельдъегеремъ сухимъ путемъ и еще не прибывшимъ, почему и показали ему подлинный дубликатъ, и онъ кажется, вразумился. При отъѣздѣ же онъ просилъ у меня отвѣта на привѣтствіе султана. Я поручилъ ему сказать, что какъ посланіе мое имѣетъ цѣлью изъявленіе дружбы Государя, то я находилъ, что порученіе такого рода для меня лестнѣе всѣхъ успѣховъ, которые я имѣлъ въ военныхъ дѣлахъ въ теченіе службы моей. И съ симъ Вогориди отправился.

14-го ничего не произошло, исключая того, что первый драгоманъ Порты Франкини пріѣхалъ съ извѣстіемъ, что 15-го числа должна быть у султана аудіенція; но къ вечеру Бутеневъ сообщилъ мнѣ извѣстіе, что слухъ носился о совершенномъ разбитіи великаго визиря. Бутеневъ не вѣрилъ сему слуху, который однакоже мнѣ казался правдоподобнымъ, судя по скрытности, въ которой отъ меня держали ходъ военныхъ дѣйствій арміи Турецкой.

15-го пришло увѣдомленіе отъ султана, что онъ желалъ меня видѣть поранѣе, то есть около 10 часовъ утра; а потому я и отправился отсюда водою въ 9-мъ часу утра. Въ началѣ 11-го часа я присталъ ко дворцу его, вновь выстроенному на Европейскомъ берегу Босфора, называемому Чираганъ или Свѣтящему. При мнѣ были всѣ офицеры, прибывшіе со мною, т. е. полковникъ Дюгамель, капитанъ-лейтенантъ Серебряковъ и адъютантъ мой Харнскій; переводчикомъ находился при мнѣ въ семъ случаѣ первый драгоманъ нашей миссіи Франкини.

При входѣ во дворъ султана заиграла полковая гвардейская музыка султана, стоявшая на лѣвой сторонѣ. На правой сторонѣ стоялъ караулъ, который отдалъ честь. Встрѣченъ же я былъ нѣсколькими штабъ-офицерами, которые повели меня направо на небольшую лѣстницу, ведущую въ пріемную комнату, кажется, Ахметъ-паши-ферика. Ахметъ-паша-ферикъ, дивизіонный генералъ и любимецъ султана, имѣетъ управленіе во дворцѣ султана. Сераксиръ и рейсъ-ефенди встрѣтили меня на крыльцѣ. Мы сѣли, и подали обыкновенное угощеніе: кофе и трубки. Турки затруднялись начать разговоръ; я его тотчасъ открылъ спросомъ у рейсъ-ефендія объ извѣстіяхъ изъ арміи великаго визиря. Онъ смутился и не умѣлъ отвѣчать; но переводчики Франкини и Вогориди немедленно приступили ко мнѣ, прося избавить его отъ отвѣта,

который онъ въ теперешнее время не могъ дать, но который онъ не замедлитъ мнѣ сообщить при первой возможности.

Я занялся съ сераксиромъ, а между тѣмъ Вогориди говорилъ съ рейсъ-ефендіемъ, и вскорѣ онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ на ухо, что дѣла Турокъ нехороши, что потому рейсъ-ефендій и избѣгалъ говорить объ оныхъ, но онъ обѣщался мнѣ ихъ сообщить. Между тѣмъ онъ просилъ меня не говорить о семъ теперь. Я не видѣлъ надобности въ такомъ случаѣ продолжать разговоръ сей, тѣмъ болѣе, что главный предметъ онаго мнѣ уже былъ извѣстенъ, а потому и обратился къ другимъ предметамъ. Черезъ полчаса меня повели черезъ дворъ при звукѣ той же музыки въ отдѣленіе, въ коемъ находился султанъ, и посадили въ пріемной комнатѣ, гдѣ тѣже чиновники меня сопровождали. Я просилъ рейсъ-ефендія сообщить мнѣ, какой отвѣтъ послѣдовалъ отъ султана на счетъ моей поѣздки въ Александрію. Не лучше ли, отвѣчалъ онъ, когда вы нынѣ можете услышать его изъ устъ самого султана? Онъ и сераскиръ просили меня говорить съ султаномъ по-турецки; я отказывался слишкомъ малымъ знаніемъ Цареградскаго нарѣчія, которое показалось бы здѣсь страннымъ. Дѣла нѣтъ, дѣла нѣтъ, отвѣчали оии. Не лучше ли, если государи изліяютъ выраженія дружбы своей чрезъ одного посредника безъ переводчика? Мы всѣ выйдемъ, и вы тогда будете одни съ султаномъ.—Безъ сомнѣнія, сказалъ я: если вы меня доведете до крайности, то я заговорю и по-арабски.

Скоро меня пригласили къ султану. Онъ сидѣлъ недвижимъ въ небольшой комнатѣ, чисто и со вкусомъ убранной, на канапе. Лицо его занимательно и внушаетъ участіе; но на оконечностяхъ онаго начинаетъ показываться краснота, которая его однакоже еще не безобразитъ. Онъ носитъ небольшую подстриженную бороду, на головѣ красную феску; платье его родъ казачьяго, сверхъ коего онъ имѣлъ синій плащъ.

Я подошелъ къ нему съ правой стороны и только началъ выражать увѣренія дружбы Государя, какъ онъ прервалъ меня съ поспѣшностью и улыбаясь сказалъ мнѣ по-турецки: Говори по-турецки, говори по-турецки, онъ по-турецки знаетъ. Я сказалъ ему рѣчь свою вкратцѣ по-турецки и вручилъ письмо Государя, которое онъ вручилъ подлѣ его стоявшему съ другой стороны сераскиру. Султанъ хотѣлъ отвѣчать, но обробѣлъ, смутился и, заикаясь, сказалъ нѣсколько словъ. Рѣчь его подхватили переводчики Вогориди и Франкини, объясняя ее. Я опять началъ и объяснилъ ему черезъ переводчика порученіе, которое на меня было возложено Государемъ къ пашѣ Египетскому. Онъ прервалъ меня: «Касательно сего я поручилъ своему рейсъ-ефендію сообщить отвѣтъ мой, и онъ исполнитъ сіе».—Не замедлю спросить у него о томъ, отвѣчалъ я; но я долженъ изложить вамъ, что мое порученіе къ Маг-

мету-Алію заключается въ двухъ словахъ. Оно кратко и выразительно: я объявлю ему, что *Государь врагъ возстанія* и *другъ Вашего Величества*; что если онъ будетъ далѣе продолжать свои военныя дѣйствія и не повинится султану, то будетъ имѣть дѣло съ Россіею.—«Магметъ-Али много виноватъ передъ мною», отвѣчалъ султанъ съ жаромъ, и онъ началъ объяснять вину его и отношенія между ними существующія.—Кто сомнѣвается въ справедливости дѣла Вашего Величества? сказалъ я, и какъ мнѣ казалось, что онъ заговаривалъ объ условіяхъ, предложенныхъ ему будто Магметъ-Аліемъ для примиренія, то я, прервавъ его рѣчь, сказалъ, что я весьма далекъ отъ того, чтобы входить въ какіе либо переговоры съ Магметъ-Аліемъ, что принять мнѣ ихъ на себя было бы противно волѣ Государя, который не иначе разумѣлъ покорность Магметъ-Алія, какъ подданническую. Онъ прежде всего, сказалъ я, долженъ повиниться передъ своимъ государемъ, отъ одного коего зависитъ его участь.

«Слышите, слышите! сказалъ султанъ, обращаясь ко всѣмъ. Первыя условія подданнаго къ своему государю; не иначе и я сіе также разумѣю». Я хотѣлъ только начать сравненіе положенія его съ положеніемъ Государя въ дѣлахъ Польши; но султанъ предупредилъ меня: «И Государь не принялъ переговоровъ съ Поляками, онъ покорилъ и смирилъ ихъ».—Такъ и Государь нашъ поступилъ, сказалъ я; нынѣ-же, посылая меня къ Магмету-Алію, онъ надѣется достичь двойной цѣли. Первая состоитъ въ томъ, чтобы устранить его и остановить въ злодѣйскихъ его умыслахъ; вторая же въ томъ, дабы симъ снова убѣдить ваше величество въ тѣхъ чувствахъ дружбы и расположенія, которыя онъ вамъ уже изъявилъ черезъ посредство графа Орлова и бывшаго въ Петербургѣ посланникомъ Галиля-паши.

«Дружба Государя велика, сказалъ султанъ; я убѣжденъ въ оной, онъ мнѣ уже много далъ доказательствъ въ искренности своей; но Магметъ-Али хитеръ, лукавъ, лживъ: онъ будетъ жаловаться и склонять на свою сторону».—Я слышалъ уже сіе, отвѣчалъ я, и не опасаюсь его увѣщеваній. Я солдатъ, военный человѣкъ, а не дипломатъ; слова мои коротки и просты, я не опасаюсь козней и коварства Магмета-Алія, ибо я не буду распространяться въ переговорахъ съ нимъ.—«Не менѣе того есть обстоятельство, которое должно вамъ пояснить, сказалъ султанъ, при отъѣздѣ вашемъ, и я возложилъ сіе на рейсъ-ефендія».—Я со вниманіемъ выслушаю ваши порученія, отвѣчалъ я, передъ отъѣздомъ моимъ; они будутъ для меня полезны. Султанъ выслушалъ сіе съ большимъ удовольствіемъ и повторилъ приказаніе свое рейсъ-ефендію. Тогда ввели неожиданно для меня Дюгамеля, Серебрякова и Харнскаго; ибо я условился было съ рейсъ-ефендіемъ прежде испросить у

султана позволенія представить сихъ чиновниковъ, и я, не кончивши разговора своего съ султаномъ, не успѣлъ еще испросить у него позволенія; но сіе было сдѣлано съ поспѣшностью чиновниками султанскими и въ особенности Вогоридіемъ, которые какъ будто торопили насъ и желали ускорить конецъ аудіенціи. Султанъ спросилъ имена ихъ, приказалъ ихъ записать и вскорѣ далъ имъ знакъ прощанія. Они вышли, и за ними отошли всѣ къ дверямъ, какъ будто желая и меня увлечь; но я, видя, что султанъ желалъ со мною еще говорить, остался подлѣ него и продолжалъ увѣренія въ дружбѣ къ нему Государя, къ коимъ онъ былъ очень признателенъ; но, замѣтя, что онъ какъ будто вынужденно желалъ уже конца аудіенціи, я поклонился и пошелъ тихо къ дверямъ. Султанъ всталъ и, провожая меня до дверей, нѣсколько разъ останавливалъ меня, говорилъ и, наконецъ, у самыхъ дверей еще сказалъ мнѣ нѣсколько привѣтствій. Я вышелъ, и меня повели опять въ пріемную, гдѣ сераскиръ и рейсъ-ефендій занялись разговорами со мною. Я просилъ послѣдняго безъ отлагательства сообщить мнѣ порученія султана; но онъ убѣдительно просилъ меня отложить сіе до 17-го числа, извиняясь государственнымъ совѣтомъ, который долженъ былъ собраться 16-го числа и въ коемъ должны были обсуживать настоящія обстоятельства. Между тѣмъ я записалъ по просьбѣ ферика имена офицеровъ, сопровождавшихъ меня, и записку мою, по-турецки написанную, отнесли на показъ къ султану. Онъ прислалъ ко мнѣ опять ферика съ повтореніемъ сказаннаго имъ о лицемѣрствѣ Магмета-Алія, противъ коего онъ меня предостерегалъ. Я благодарилъ его за сіи предостереженія, но отвѣчалъ, что выборъ Государя моего ручался за меня. Я вторично просилъ рейсъ-ефендія сообщить мнѣ извѣстія изъ арміи. Они не хороши, отвѣчалъ онъ. Я задумался. Онъ примѣтилъ сіе. «Теперь, сказалъ онъ, я вижу, что вы принимаете душевное участіе въ нашемъ положеніи».—Зачѣмъ же вы медлите ихъ сообщить мнѣ?—«Вы все узнаете, потерпите нѣсколько». Сераскиръ при семъ вмѣшался въ разговоръ. Вамъ необходимо знать, сказалъ онъ, то, что̀ султанъ вамъ хочетъ сказать о дѣлахъ съ Египтомъ; тутъ и о Французахъ идетъ дѣло.

По прибытіи моемъ въ Беугъ-дере, я узналъ о пребываніи здѣсь служившаго впослѣдствіи Турецкимъ офицеромъ путей сообщенія Рёльи. Человѣкъ сей казался мнѣ преданнымъ; онъ до моего пріѣзда хвалился тѣмъ, что служилъ при мнѣ. Въ бытность войскъ нашихъ въ Эрзрумѣ, когда, послѣ заключенія мира съ Турціею, онъ оставался при генералѣ Панкратьевѣ, въ минуту огорченія (не по службѣ, а домашняго), онъ сказалъ, что онъ перейдетъ служить къ Туркамъ. Слова сіи были переданы Панкратьеву, отъ коего онъ не скрылъ ихъ и сознался въ своей неосторожности. Панкратьевъ принялъ сіе въ настоящемъ видѣ и, за-

мѣтивъ ему неосновательность его поступка, отправилъ его на свободѣ въ Тифлисъ, объяснивъ въ донесеніи своемъ, что онъ приписывалъ поступокъ сей къ временному помѣшательству ума. Оно и было такъ принято Паскевичемъ въ уваженіе того, что генералъ Бенкендорфъ, начальникъ жандармовъ, въ особенности принималъ участіе въ положеніи Рёльи, коего посему подозрѣвали незаконнымъ сыномъ его отъ Француженки Ксавье, державшей модный магазинъ въ Петербургѣ. Но при всемъ томъ Паскевичъ, преслѣдуя всѣхъ тѣхъ, которыхъ я любилъ или которые при мнѣ служили, напоминалъ нѣсколько разъ, что Рёльи былъ убійцею по тому случаю, что по прибытіи въ Грузію онъ имѣлъ несчастіе убить на поединкѣ одного офицера Алексѣева, человѣка буйнаго и развратнаго, который его безъ всякой причины оскорбилъ на улицѣ и съ настояніемъ вынудилъ къ поединку. Умирая, Алексѣевъ сознался въ винѣ своей. Дѣло было изслѣдовано, Рёльи былъ отданъ подъ судъ; но Государь, разсмотрѣвъ дѣло, призналъ Рёльи не столь виновнымъ и ограничился приказаніемъ выдержать его два мѣсяца подъ арестомъ, послѣ чего онъ былъ отданъ на покаяніе въ католическій монастырь въ Тифлисѣ и, окончивъ оное, оставался на службѣ. Не менѣе того сіе происшествіе, въ совокупности съ случившимся послѣ того въ Эрзрумѣ, было причиною, что на него дурно смотрѣли, и я въ такомъ положеніи оставилъ его при выѣздѣ моемъ изъ Грузіи. Узнавъ о немъ по прибытіи въ Константинополь, я желалъ его видѣть; но я опасался сего, потому что говорили, будто онъ бѣжалъ изъ нашей службы и опредѣлился въ Турецкую. Я желалъ узнать о немъ и поручилъ забрать справки; но между тѣмъ сераскиръ, по выходѣ отъ султана, самъ позвалъ его и предложилъ его прислать ко мнѣ. Я воспользовался симъ случаемъ и просилъ его о семъ. Сераскиръ примолвилъ, что Рёльи, служа въ Турецкомъ войскѣ, пріобрѣлъ всеобщее уваженіе, что онъ находился въ сраженіи подъ Гомсомъ, гдѣ Турокъ разбили, и что онъ лучше кого либо объяснитъ мнѣ всѣ военныя обстоятельства ихъ. Я просилъ сераскира прислать ко мнѣ Рёльи, что́ онъ и обѣщалъ сдѣлать.

Пріемъ мой у султана кончился. Сераскиръ проводилъ меня до воротъ двора, гдѣ онъ мнѣ показалъ еще ружейные пріемы и приказалъ Ахмету-пашѣ командовать оные караулу султанскому.

Возвратившись въ Беугъ-дере, я получилъ депеши отъ Нессельроде съ курьеромъ, отправленнымъ изъ Петербурга 24-го Ноября, коихъ дубликаты были привезены мною къ Бутеневу, между прочимъ особую депешу ко мнѣ, коею Нессельроде приглашалъ меня преимущественно употребить средства убѣжденія у Магмета-Алія, разрѣшая мнѣ въ противномъ случаѣ упомянуть о флотѣ, коимъ Государь распо-

лагалъ помочь султану. Онъ излагалъ также мысль свою послать Дюгамеля сухимъ путемъ черезъ Анатолію подъ предлогомъ путешествія, но съ тѣмъ, чтобы онъ могъ сообщить Ибрагимъ-пашѣ цѣль моего отправленія въ Александрію, что́ было совершенно согласно и съ моими предположеніями.

16-го ввечеру пріѣхалъ ко мнѣ Рёльи, коему я душевно былъ радъ. Онъ показалъ мнѣ указъ объ отставкѣ своей, который былъ исправенъ; упоминалось о поединкѣ его, но съ оправданіемъ, и я увидѣлъ, что онъ точно не былъ бѣглый изъ нашей арміи. Онъ объяснилъ мнѣ тогда, что онъ спросилъ отставку самъ, вскорѣ по выѣздѣ моемъ, но, будучи между тѣмъ командированъ въ Кутаисъ, имѣлъ еще одно происшествіе съ однимъ офицеромъ Брокѐ, выписаннымъ уже нѣсколько времени изъ гвардіи по обстоятельствамъ тайныхъ обществъ. Я зналъ сего Брокѐ въ бытность мою въ Грузіи. Брокѐ въ разговорахъ неосторожно укорилъ Рёльи въ любовной связи съ генеральшею Гессе, коей мужъ тогда былъ правителемъ Имеретіи. Клевета сія (какъ увѣряетъ Рёльи) заставила его вызвать Брокѐ, который, согласившись сперва на поединокъ, потомъ донесъ о семъ начальству. Рёльи былъ взятъ подъ арестъ, и дѣло изслѣдовано. Онъ бы остался правымъ, какъ онъ объясняетъ, еслибы его не зачернили полковникъ Жихаревъ и другіе, вовлеченные въ сіе дѣло черезъ сплетни женъ, и дабы выручить генеральшу Гессе изъ слѣдствія, въ которое замѣшали ея имя, онъ далъ на себя подписку съ полнымъ обвиненіемъ себя относительно къ Брокѐ. Его держали на гаубвахтѣ. Между тѣмъ вышла его отставка, и его выпустили и приказали ѣхать въ Редутъ-Кале, откуда комендантъ долженъ былъ его далѣе отправить. Его отправили въ Требизондъ, выдавши, по приказанію Государя, за годъ жалованье; но вмѣстѣ съ тѣмъ, сказывалъ мнѣ Бутеневъ, запрещено было ему выдавать паспортъ для возвращенія въ Россію. Рёльи, пріѣхавъ въ Константинополь, опредѣлился въ службу Турецкую въ званіи инженернаго офицера. Онъ оказалъ хорошія услуги султану, жертвовалъ подъ Гомсомъ жизнію своею, но остался въ Гомсѣ при занятіи сего города Египтянами. Онъ бѣжалъ изъ Гомса и возвратился въ армію Турецкую въ Конію; когда же визирь принялъ начальство надъ оною, то потребовалъ, чтобы всѣ иностранцы изъ оной удалились, и Рёльи возвратился въ Царьградъ, гдѣ и остался въ службѣ сераскира. Онъ былъ въ независимости отъ нашего посланника, но также не хотѣлъ зависѣть и отъ Французскаго посланника, который его принялъ очень дурно, сказавъ, что если онъ служилъ въ Русской арміи, то не можетъ во Французской служить иначе какъ солдатомъ, и отказалъ ему даже въ денежномъ вспомоществованіи.

Рёльи находился въ затруднительномъ положеніи. Отвергнутый всѣми, онъ имѣлъ мало надежды и на сераскира, который не платилъ ему исправно жалованья и какъ будто бы начиналъ уклоняться отъ него. Ему, говорилъ онъ, оставалось только уѣхать во Францію, гдѣ онъ еще имѣлъ родныхъ, и опредѣлиться въ службу рядовымъ. Я успокоилъ его, обѣщаясь приложить все стараніе мое, дабы онъ былъ прощенъ и принятъ опять къ намъ въ службу.

Между тѣмъ, пользуясь позволеніемъ сераскира, я просилъ Рёльи сообщить мнѣ о Турецкой и Египетской арміяхъ тѣ свѣдѣнія, которыя онъ могъ объ оныхъ собрать. Онъ не рѣшился сего сдѣлать пока не получитъ на сіе приказаніе отъ сераскира, чтó нельзя было не похвалить; но такъ какъ сераскиръ объявилъ ему, что онъ говорилъ мнѣ о томъ, что Рёльи былъ подъ Гомсомъ, то онъ далъ мнѣ копію съ рапорта, представленнаго имъ сераскиру по возвращеніи оттуда о состояніи дѣлъ и съ подробностями о Гомскомъ пораженіи. Переночевавъ въ Беугъ-дере, онъ 17-го поѣхалъ въ Царьградъ, дабы объясниться съ сераскиромъ на счетъ свѣдѣній, которыя я требовалъ.

17-го мы съ Бутеневымъ поѣхали въ Царьградъ на конференцію, но не къ рейсъ-ефендію, а къ сераскиру, гдѣ и рейсъ-ефенди долженъ былъ находиться. Сіе сдѣлано было по моей просьбѣ, съ тѣмъ, чтобы я могъ при томъ случаѣ объяснить сераскиру нѣкоторыя обстоятельства касательно военныхъ дѣйствій. Мы прибыли въ назначенное время; ни того, ни другаго еще не было. Мы подождали, и рейсъ-ефенди первый пріѣхалъ. Я просилъ его сообщить мнѣ то, чтò султанъ ему приказывалъ, и онъ мнѣ только передалъ слова султана касательно осторожностей противъ коварства Магмета-Алія. Дѣла ихъ въ Анатоліи шли дурно; войско было разбито, и великій визирь взятъ въ плѣнъ. Между тѣмъ прибылъ и сераскиръ. Онъ желалъ знать, какого рода военныя соображенія имѣлъ я ему сообщить. Я началъ о флотѣ. Это уже кончено, сказалъ онъ: султанъ будетъ его просить, когда запонадобится. Тогда я предложилъ отправленіе Дюгамеля. Рейсъ-ефенди, коему я уже о семъ говорилъ до прибытія еще сераскира, принялъ было тогда мысль сію съ удовольствіемъ; но сераскиръ сталъ ей противиться, говоря, что оно будетъ безполезно, потому что Ибрагимъ-паша отзовется простымъ исполнителемъ воли отца своего, не снабдившаго его наставленіями на такой случай. Наконецъ онъ согласился, но не показывая никакого личнаго участія въ семъ дѣлѣ. Онъ обѣщался снабдить Дюгамеля всѣмъ нужнымъ, то есть проводниками, дабы онъ могъ достичь своего назначенія. Послѣ, подумавши, онъ просилъ меня пріостановиться нѣсколько симъ отправленіемъ и опять повторилъ мнѣ, не имѣю-ли чего особеннаго еще сообщить ему о военныхъ

дѣлахъ. Я коснулся обезоруженія восточныхъ береговъ Босфора. Онъ мысль сію принялъ; но возразилъ, что крѣпостцы, окружающія батареи ихъ, могутъ держаться, что́ я опровергъ. Наконецъ онъ сказалъ мнѣ, что всѣ мѣры будутъ имъ взяты, дабы сохранить Босфоръ, что онъ соберетъ всѣ гребныя суда того берега на Европейскій; но вообще онъ весьма легко судилъ объ угрожающей опасности. Видя однакоже мою настойчивость, онъ отложилъ дѣло сіе до другаго дня, прося меня пріѣхать въ загородный его дворецъ близъ Беугъ-дере. Я сказалъ, что не сдѣлаю сего, если онъ не расположенъ искренно выслушать меня и если онъ съ такою же откровенностью не сообщитъ мнѣ въ подробности состоянія дѣлъ ихъ. Тогда онъ убѣдительно просилъ меня на другой день пріѣхать и изложить письменно виды мои, обѣщаясь также письменно изложить и обстоятельства, въ коихъ они находятся. За симъ старикъ взялъ ружье и продѣлалъ ружейные пріемы, вытвердивши заблаговременно командныя слова наизусть, прося меня командовать, что́ я сдѣлалъ. Я просилъ его также снабдить Рёльи подробнѣйшими приказаніями на счетъ свѣдѣній, которыя мнѣ были нужны, и при выходѣ, встрѣтя Рёльи, я привелъ его къ сераскиру, который ему приказалъ вполнѣ удовлетворить меня.

Но прежде чѣмъ кончить конференцію нашу, я просилъ рейсъ-ефендія повторить мнѣ слова султана. Онъ тоже сказалъ, но просилъ меня сказать ему, какой онъ долженъ дать отвѣтъ иностраннымъ министрамъ, которые любопытствовали знать цѣль моего путешествія. Дѣло было уже сообщено ко всѣмъ дворамъ изъ Петербурга, и потому я разрѣшилъ, съ согласія Бутенева, рейсъ-ефендію увѣдомить ихъ о семъ по отъѣздѣ моемъ. Ему также сказали, что Персидскому шаху сіе было также сообщено; наконецъ, что Государь не имѣлъ надобности скрывать дружбы своей къ султану. Сіе сообщеніе совершенно обрадовало Турокъ; они по крайней мѣрѣ видѣли искренность Государя и удалили всякую мнительность. Я просилъ два раза рейсъ-ефендія сказать мнѣ, не имѣютъ ли они уже какихъ либо переговоровъ съ Магметъ-Аліемъ. Никакихъ, утвердительно отвѣчали они. Онъ два раза уже присылалъ посланцевъ для переговоровъ, но онъ требуетъ Сиріи! Пускай онъ изъявитъ покорность свою, очистивъ Сирію; тогда, можетъ быть, султанъ согласится съ нимъ переговаривать.—По крайней мѣрѣ примется-ли посланецъ отъ него?—Примется, если пришлетъ, отвѣчалъ сераскиръ.—Какъ же вы говорили о Французахъ у султана, спросилъ я рейсъ-ефендія.—Я говорилъ, подхватилъ сераскиръ, я предостерегалъ васъ только противъ окружающихъ его иностранцевъ.

Мы раскланялись, и я возвратился домой въ Беугъ-дере. Изъ всего разговора нашего я могъ заключить, что сіи чиновники и самъ

султанъ къ намъ не питали никакой недовѣрчивости и что они были готовы принять помощь Государя, но что опасались народа недовольнаго султаномъ и находившагося подъ вліяніемъ государственнаго совѣта, управляемаго духовенствомъ и людьми преданными Магмету-Алію. Моему же отправленію султанъ радовался; но онъ желалъ себя показать стороннимъ въ семъ дѣлѣ, дабы сколь можно менѣе признать участіе другой державы, и въ особенности Россіи, ненавидимой всѣми Турками. Дурныя обстоятельства Турокъ въ Азіи ставили ихъ въ столь затруднительное положеніе. Обстоятельство такого рода, казалось мнѣ, должно было довести, сколь можно поспѣшнѣе, до свѣдѣнія Государя, а потому при первомъ извѣстіи, полученномъ мною о разбитіи и плѣненіи визиря, еще наканунѣ конференціи, мы поспѣшили съ Бутеневымъ частнымъ образомъ послать въ Петербургъ нарочнаго съ сими извѣстіями.

17-го ввечеру пришелъ ко мнѣ Рёльи, и такъ какъ онъ бы не успѣлъ мнѣ составить требуемой записки, то я отпустилъ его на другой день домой, съ тѣмъ, чтобы онъ мнѣ ее доставилъ черезъ день, то есть сегодня ввечеру.

18-го я поѣхалъ къ сераскиру въ загородный дворецъ. Присутствовалъ одинъ ферикъ, присланный отъ султана, дабы передать ему мои слова. Сераскиръ былъ искрененъ; но онъ ослѣплялся на счетъ положенія своего, пока я не открылъ ему глаза прочтеніемъ составленной мною въ теченіе предшествовавшей ночи подробной записки, съ изложеніемъ положенія ихъ и средствъ, которыя я полагалъ нужными для обороны Константинополя. Они выслушали со вниманіемъ, устрашились и приняли съ признательностью совѣты мои. Засѣданіе наше продолжалось близъ 4-хъ часовъ сряду; они не показали никакой мнительности, но напротивъ совершенную и неограниченную довѣренность; жаловались на недостатокъ своихъ средствъ, то есть людей способныхъ, и радовались участію, которое я принималъ въ нихъ. Ферикъ просилъ меня отсалютовать султану, проходя мимо его дворца, обѣщаясь отдать салютъ 21-мъ выстрѣломъ, что̀ я и обѣщался сдѣлать.

Они не принимали содѣйствія нашего оружія въ дѣлахъ своихъ, потому что опасались народа, но просили у меня отъ 2 до 3-хъ сотъ артиллеристовъ, которые бы были одѣты въ Турецкое платье. Я отвѣчалъ, что доведу о семъ до свѣдѣнія Государя, но что они ошибались, не зная того, что́ имъ всего нужнѣе. Не время дѣйствовать орудіями, отвѣчалъ я, нуженъ ятаганъ, сабля.—Что̀ вы подъ нимъ разумѣете? спросилъ ферикъ; не имѣютъ ли слова ваши другаго значенія? Не разумѣете ли вы чего либо другаго вмѣсто артиллеристовъ, нужнаго для вспоможенія?—Нѣтъ, отвѣчалъ я; я говорю безъ обиняковъ:

нужна душа, храбрость, преданность вашему государю, и кто кромѣ сераскира въ состояніи оживить упадшій духъ въ войскѣ? Впрочемъ что̀ я могу вамъ предложить, не имѣя никакихъ на сей счетъ приказаній отъ Государя? Просите сами, продолжалъ я, и тогда увидятъ великодушіе Государя.

Засѣданіе наше кончилось учебнымъ шагомъ, который они меня просили убѣдительно имъ показать. Я поставилъ ихъ въ рядъ и заставилъ маршировать учебнымъ шагомъ на три раздѣленія, стоя долго на одной ногѣ и вымахивая другой. Ихъ занимаетъ сіе какъ государственное дѣло. Странное ослѣпленіе и дивное расположеніе въ умнѣйшемъ изъ Турокъ заниматься и самому изучаться всѣмъ мелочамъ фронтовой службы, какъ будто какому спасительному средству въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, въ коихъ они нынѣ находятся!

Вчера, 18-го ввечеру, я послалъ къ сераскиру копію съ читанной ему записки, при картѣ Анатоліи, на коей было на поляхъ вычислено по станціямъ разстояніе отъ Коніи до Скутари, какъ нѣкое побудительное средство къ принятію мѣръ; ибо еще до сихъ поръ не назначенъ военноначальникъ на мѣсто плѣненнаго визиря.

19-го. Пріѣзжалъ изъ Царьграда отъ Вогориди помощникъ его, князь Каллимàхи, съ предложеніемъ препроводить записку мою сераскиру при письмѣ, въ коемъ бы я изложилъ, что я нахожу, что одинъ только сераскиръ можетъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ помочь султану, съ тою цѣлью (какъ говорилъ Каллимахи), дабы тѣмъ утвердить въ мысляхъ султана довѣренность, которую онъ къ нему имѣлъ. Но мнѣ казалось, что сіе было сдѣлано съ другою цѣлью: я полагаю, что сераскиръ подучилъ къ сему Вогориди съ тѣмъ, чтобы имѣть отъ меня письменное свидѣтельство о мѣрахъ, которыя я предлагалъ для обороны Константинополя, дабы въ случаѣ неудачи на меня сослаться, и я подъ разными предлогами отклонилъ исполненіе сего, тѣмъ болѣе, что записка моя была уже отправлена въ собственныя руки къ сераскиру. Каллимахи изъявилъ мнѣ также опасеніе Турокъ, дабы мы не потребовали возмездія за присылку флота, или уплаты сдѣланныхъ нами издержекъ для вооруженія сего флота.

Наконецъ, вчера дошелъ до меня странный слухъ о назначеніи чиновника на мѣсто плѣненнаго визиря. Въ народѣ говорили, что къ сему назначался Ибрагимъ-паша и что симъ кончится и война. Симъ бы кончилось и владычество султана, а въ Царьградѣ усилились бы революціонныя партіи. Сіе должно быть совершенно противно волѣ Государя, и хотя дѣло нѣкоторымъ образомъ и сбыточное, но надобно надѣяться, что султанъ окажетъ достаточно твердости, дабы не исполнить сего.

Ввечеру прибылъ ко мнѣ Рёльи, о коемъ я просилъ сераскира, дабы онъ ему приказалъ исправно платить жалованье (онъ обѣщалъ все сдѣлать по его требованію и желанію). Рёльи доставилъ мнѣ весьма занимательныя записки о Турецкой и Египетской арміяхъ и о военныхъ дѣйствіяхъ, происшедшихъ въ Сиріи и Анатоліи. Я далъ ему прочитать записку свою и согласно желанію сераскира изложилъ ему мысли свои и поручилъ служить усердно въ трудныхъ обстоятельствахъ, въ коихъ Турки теперь находились, обнадеживъ его прощеніемъ и принятіемъ обратно въ Русскую службу. Я его представилъ и Бутеневу, который принялъ его ласково и со всѣмъ участіемъ, которое могутъ вселить несчастія честнаго и благороднаго человѣка, каковъ Рёльи. Во всю почти ночь я занимался изготовленіемъ бумагъ къ отправленію графу Нессельроду, Чернышеву, Орлову и князю Меншикову. Отправленія сіи, которыя занесены въ исходящій журналъ мой, могутъ служить достаточными поясненіями всѣмъ конференціямъ и обстоятельствамъ, сопровождавшимъ мое пребываніе въ Константинополѣ.

20-го. Я былъ цѣлый день занятъ бумагами для отправленія по почтѣ. Послѣ полдня я пересѣлъ на фрегатъ, кончивши всѣ дѣла свои на берегу. Бутеневъ сопровождалъ меня. Я далъ предписаніе капитану плыть къ эскадрѣ вице-адмирала Рикорда, находившейся у острова Пороса, или при Навпліи-ди-Романіи, дабы вручить ему нужныя бумаги, полученныя на его имя изъ Петербурга, и сообщить ему, по приказанію данному мнѣ Государемъ, о предметѣ моего путешествія; но вѣтеръ сдѣлался столь сильнымъ и порывистымъ, что капитанъ не рѣшился сняться съ якоря, и потому мы остались ночевать на якорѣ при Беугъ-дере, и я послалъ Серебрякова въ султанскій дворецъ на берегъ, дабы объявить Ахметъ-пашѣ-ферику, что я въ сей день уже не буду проходить мимо его, какъ то было между нами условлено. Передъ выѣздомъ моимъ я, въ совѣщаніи съ Дюгамелемъ и Бутеневымъ, рѣшилъ, чтобы Дюгамелю 23 числа ѣхать къ Ибрагимъ-пашѣ. Онъ долженъ былъ ѣхать подъ предлогомъ порученія доставить ко мнѣ нѣкоторыя бумаги въ Александрію сухимъ путемъ и сообщить Ибрагиму-пашѣ, при свиданіи съ нимъ, цѣль моей поѣздки къ Магмету-Али, въ надеждѣ, что сіе извѣстіе остановитъ Ибрагимъ-пашу въ его наступательныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, и посему Дюгамель остался на берегу, и взяты были надлежащія мѣры для снабженія его всѣмъ нужнымъ. Я же взялъ съ собою бывшаго въ должности нашего консула въ Александріи, Лавизона, и драгомана Кирикò. Послѣдній былъ человѣкъ тихій и скромный; но первый мнѣ очень не нравился: онъ казался мнѣ болтливымъ Французомъ и хвастуномъ, что̀ въ са-

момъ дѣлѣ и было; при томъ же, живши долгое время въ Александріи, онъ имѣлъ тамъ много связей, и нельзя было положиться, что онъ, по нескромности своей, не сдѣлалъ бы какой либо неосторожности. Онъ былъ неохотенъ къ поѣздкѣ сей, жаловался на болѣзнь, и казалось мнѣ, что причиною сему было то, что онъ боялся повѣрки сдѣланныхъ имъ донесеній, которыя были неосновательны. Присутствіе Француза сего, коему я не довѣрялъ, было для меня непріятно, и я весьма желалъ бы отъ него отдѣлаться, какъ прибывшій на фрегатъ драгоманъ Франкини сообщилъ намъ, что рейсъ-ефенди поручилъ намъ сказать, что отплытіе со мною Лавизона казалось имъ нѣсколько неумѣстнымъ: ибо Магметъ-Али могъ бы сказать, что я привезъ его съ намѣреніемъ водворить его опять на мѣстѣ консульства, но что онъ на сіе не согласился. Причины сіи были справедливы; но я замѣтилъ болѣе всего, что удаленіемъ Лавизона я могъ отклонить и мнительность Турецкаго правительства касательно сношеній нашихъ съ пашею Египетскимъ; а потому я и не замедлилъ отпустить его, а на мѣсто его Бутеневъ назначилъ къ отправленію со мною драгомана Теодати, человѣка стараго, но честнаго и преданнаго намъ, на что̀ я также согласился, и потому Теодати были по сему предмету посланы надлежащія приказанія. Бутеневъ возвратился ночевать на берегъ.

21-го числа вѣтеръ продолжался сильный и порывистый, почему мы и не снимались съ якоря. Бутеневъ навѣстилъ меня, обѣдалъ и провелъ цѣлый день со мною. Слухъ носился, что Ибрагимъ-паша подвигался съ своимъ войскомъ и что онъ находился только въ четырехъ переходахъ отъ Бруссы.

22-го числа вѣтеръ продолжался сильный и порывистый, почему мы и не снимались съ якоря. Пришедшія наканунѣ вѣсти изъ Петербурга почти ничего не привезли занимательнаго касательно дѣлъ нашихъ. Размысливъ, что всякое дѣйствіе мое относительно Турецкихъ или Египетскихъ властей должно быть ясное и нисколько не скрытное, я счелъ за нужное дать отправленію Дюгамеля другой поводъ. Такъ какъ при отъѣздѣ моемъ Государь на спросъ мой, долженъ-ли я отыскивать Магмета-Али, еслибы онъ уѣхалъ изъ Александріи въ армію свою, отвѣчалъ мнѣ, что я всеконечно долженъ сіе сдѣлать и что въ самомъ дѣлѣ носились слухи, что онъ намѣревался отъѣхать къ арміи, то я, призвавъ Дюгамеля, поручилъ ему ѣхать сухимъ путемъ съ тою цѣлью, дабы передать Магмету-Али слова Государя, въ случаѣ еслибъ онъ его встрѣтилъ при войскахъ, что́ онъ и долженъ былъ объяснить Ибрагимъ-пашѣ; но тоже самое предположилъ я передать и Магмету-Али о порученіи, данномъ Дюгамелю, которое могло до него

какимъ либо случаемъ дойти ранѣе меня черезъ нарочнаго, котораго бы ему послалъ Ибрагимъ-паша, по прибытіи къ нему Дюгамеля.

Бутеневъ пріѣзжалъ ко мнѣ и доставилъ мнѣ извѣстіе, что Турки располагали послать Галиль-пашу, для переговоровъ съ Магметъ-Аліемъ въ Египетъ и что они кромѣ того посылали одного чиновника къ Ибрагимъ-пашѣ также съ переговорами. Сіе намѣреніе ихъ возродилось съ примѣра нашихъ дѣйствій, и какъ они повидимому избѣгали соединить сіи два отправленія съ нашими, вѣроятно для того, чтобы, пользуясь вліяніемъ нашимъ, не показать себя подъ онымъ, то и я не искалъ соединить ихъ дѣйствій съ нашими.

Бутеневъ сообщилъ мнѣ также извѣстіе, имъ въ тайнѣ отъ Вогориди полученное, что султанъ располагалъ переѣхать въ свой Константинопольскій дворецъ, въ сераль. Видя въ семъ внушенія людей неблагонамѣренныхъ къ нему, я написалъ записку къ Вогориди, коею отсовѣтовалъ сіе султану; ибо онъ въ городѣ былъ бы совершеннымъ плѣнникомъ. Мнѣніе мое, напротивъ того, было, чтобы онъ перешелъ въ лагерь, который я ему совѣтовалъ устроить на высотахъ близъ Царьграда. Не знаю, въ какой силѣ подѣйствуетъ мой совѣтъ; но я не сомнѣваюсь, что переѣздомъ въ Константинопольскій дворецъ свой онъ идетъ прямо къ погибели своей.

Между тѣмъ кажется, что Ибрагимъ-паша, послѣ разбитія визиря, не выходилъ еще изъ Коніи. Позднее ли время года, или разстроенное состояніе его войска, или переговоры тому причиною, сего не могу заключить; но во всякомъ случаѣ Турки черезъ сіе имѣютъ нѣсколько времени, чтобы оправиться. Жаль, если медленность, поражающая всѣ дѣла ихъ, будетъ причиною, что они не употребятъ сего времени съ пользою для себя.

23-го. Мы подняли якорь и спустились по Босфору. Передъ дворцомъ султана мы салютовали 21-мъ выстрѣломъ ружейною пальбою; люди были поставлены по вантамъ и кричали ура, музыка играла султанскій маршъ; намъ отвѣчали такимъ же числомъ выстрѣловъ изъ орудій, вывезенныхъ на сей предметъ на берегъ ко дворцу, чего еще никогда не дѣлалось. Такое же число выстрѣловъ было дано съ корвета, недавно Турками у Американцевъ купленнаго и выдвинутаго на сей предметъ изъ пристани, и опять 21 выстрѣлъ съ серальскаго дворца, на что и мы отвѣчали 21 выстрѣломъ. Бутеневъ провожалъ меня; мы высадили его на берегъ близъ семи башенъ, пройдя сераль, и продолжали путь свой, передъ вечеромъ же легли на якорь близъ Европейскаго берега въ Мраморномъ морѣ.

24-го числа, послѣ полночи, мы снялись съ якоря, на коемъ мы лежали близъ деревни Св. Стефана, и при свѣжемъ вѣтрѣ переплыли

въ теченіе дня Мраморное море, Дарданеллы и пришли къ Тенедосу къ ночи. При входѣ въ проливъ, мы видѣли Турецкій флотъ, стоявшій на якорѣ при Лампсакѣ, чтó на Азіятскомъ берегу противъ Галлиполи, лежащаго на Европейскомъ берегу; флотъ сей состоялъ изъ 6 кораблей, 12 фрегатовъ и 4 бриговъ.

Турки подняли флагъ при приближеніи нашемъ и, между прочимъ, адмиральскій на одномъ кораблѣ; но въ самое то время какъ мы мимо плыли, флагъ сей сорвало вѣтромъ съ гротъ-мачты, и онъ задѣлъ за бизань, гдѣ закрутился и остался повѣшеннымъ. Салюта мы не дѣлали. Положеніе Турецкаго флота при Лампсакѣ было довольно странно: онъ ничего не защищалъ и никакъ бы не могъ препятствовать входу Египетскаго флота, еслибъ тотъ вздумалъ пройти въ Мраморное море.

Далѣе прошли мы мимо крѣпости Чанакъ-кале, или Дарданельской. Мѣсто сіе узко и можетъ быть весьма хорошо укрѣплено и защищено; но въ рукахъ Турокъ при ихъ безпечности, она ничего не значитъ, ибо достаточно бы было одного батальона пѣхоты, чтобы взять ее съ сухаго пути, съ коего она не имѣетъ никакой защиты. Огромныя мраморныя ядра сложены въ пирамидахъ при орудіяхъ, но самыя орудія сіи лежатъ безъ лафетовъ на землѣ и не могутъ посему въ дѣйствіи выпускать болѣе одного заряда: ибо трудно было бы навести ихъ опять послѣ перваго выстрѣла. На Европейскомъ берегу крѣпостца имѣетъ стѣны во всѣ стороны, но за то окрестныя высоты командуютъ оною. При проѣздѣ нашемъ консулы: нашъ, Французскій и Англійскій подняли флаги на своихъ домахъ, и Турецкій пароходъ съ адмиральскимъ флагомъ, снявшись съ якоря, поплылъ противъ теченія къ Мраморному морю.

Передъ вечеромъ увидѣлъ я Троаду противъ острова Тенедоса и внимательно смотрѣлъ на три холма, называемые гробницами Ахиллеса, Патрокла и Аякса. Ночь застала насъ нѣсколько прошедши Троаду, и мы продолжали плаваніе свое при попутномъ, хотя и весьма сильномъ, съ порывами, вѣтромъ.

25-го къ разсвѣту мы увидѣли островъ Андросъ, и скоро открылись намъ Негропонтъ и Аттика. Мы прошли весьма близко мыса Синіума, нынѣ называемаго Капъ-Колонна по остаткамъ храма Минервы, на ономъ находящимся. Занимательныя развалины сіи представляютъ еще нынѣ девять мраморныхъ колоннъ, связанныхъ сверху нижнею частью фронтона, и за онымъ нѣсколько колоннъ отдѣльно стоящихъ. При основаніи сихъ колоннъ лежатъ обломки. Мы прошли очень близко сего мыса и потому могли хорошо видѣть развалины. Вѣтеръ былъ очень свѣжъ, такъ что мы шли по 12 миль въ часъ: движеніе слишкомъ быстрое, при коемъ у насъ порвало гротъ-марсель.

Къ вечеру мы прибыли къ острову Паросу, за коимъ стояла эскадра вице-адмирала Рикорда. Я былъ весьма доволенъ, что засталъ ее тутъ; ибо еслибы я долженъ былъ искать ее въ Навпліи, то кромѣ замедленія, я бы не миновалъ встрѣчи съ Французскою и Англійскою эскадрами, коихъ адмиралы, дѣйствующіе въ противность нашу, не упустили бы послать суда для слѣдованія за мною и наблюденія за моими дѣйствіями въ Египтѣ. Вслѣдъ по прибытіи я послалъ Серебрякова къ Рикорду, дабы извѣстить его о моемъ пріѣздѣ, о чемъ онъ ничего не зналъ, не замѣтивши даже приближенія фрегата къ острову, при коемъ онъ стоялъ. Рикордъ обѣщался на другой день прибыть ко мнѣ, между тѣмъ просилъ меня выставить карантинный флагъ для соблюденія принятыхъ правилъ Греческимъ правительствомъ, во избѣжаніе всякихъ неудовольствій съ союзными адмиралами, которые не упустили бы случая къ сему придраться.

26-го поутру прибылъ ко мнѣ вице-адмиралъ Рикордъ, и я сообщилъ ему всѣ подробности порученія на меня возложеннаго, какъ мнѣ сіе было приказано Государемъ. Онъ остался обѣдать у меня и много говорилъ мнѣ о дѣлахъ Греціи, о коихъ здѣсь не упоминаю, какъ о предметѣ постороннемъ къ моему дѣлу. По отъѣздѣ его я принялся за изготовленіе бумагъ въ Петербургъ, которыя записаны въ исходящемъ журналѣ моемъ и коихъ повтореніе считаю по сему излишнимъ, ибо бумаги сіи вполнѣ объясняютъ всѣ обстоятельства порученія, на меня возложеннаго.

27-го я кончилъ бумаги свои и отдалъ пріѣхавшему ко мнѣ вице-адмиралу Рикорду, съ коимъ отправился на фрегатъ «Ловичъ», на коемъ онъ жилъ. На пути вышли мы на матерой берегъ и прошли нѣсколько пѣшкомъ. Впереди насъ видна была деревня, находящаяся на мѣстѣ бывшаго въ древности города Трезены; на правой представлялся намъ въ видѣ амфитеатра городъ Паросъ, на острову; въ лѣвой рукѣ оставалась у насъ маленькая роща въ полномъ цвѣту съ плодами. Я любовался красотѣ края и климата: все цвѣло, зеленѣло, и въ концѣ Декабря мѣсяца я находился какъ среди самой прелестной весны.

Я обѣдалъ у Рикорда и со вниманіемъ осмотрѣлъ судно его, отличающееся необыкновенною чистотою и исправностью. Къ вечеру я возвратился на «Штандартъ», часу въ 10-мъ снялся съ якоря и поплылъ въ Александрію.

28-е. Мы продолжали свое плаваніе, имѣя островъ Кандію въ правой сторонѣ; но его нельзя было видѣть по причинѣ пасмурной погоды. Вѣтръ былъ способный, но зыбь въ морѣ продолжалась, отъ чего и была качка довольно безпокойная.

31-го мы подвигались при попутномъ вѣтрѣ цѣлый день впередъ;

ввечеру же при сіяніи фонарей, праздновали наступленіе новаго года плясками матросовъ. Въ полночь собрались къ молитвѣ.

1-го числа, послѣ полдня, мы стали на якорѣ въ портѣ Александрійскомъ, и немедленно, по прибытіи нашемъ приплылъ ко мнѣ Розетти, консулъ Тосканскій, человѣкъ преданный Магмету-Алію. Онъ объявилъ мнѣ, что наканунѣ ввечеру прибылъ Французскій бригъ изъ Смирны съ бумагами отъ тамошняго консула, который увѣдомлялъ пашу о скоромъ моемъ прибытіи, даже съ объясненіемъ подробностей моего порученія. Мы говорили съ нимъ о разныхъ частныхъ дѣлахъ и въ особенности о братѣ Андреѣ, которому онъ оказалъ большія услуги во время путешествія его въ Египетъ и Сирію. Между прочимъ онъ сообщилъ мнѣ съ поспѣшнымъ удовольствіемъ, что въ Царьградѣ было возмущеніе, при коемъ зажгли арсеналъ, который весь сгорѣлъ, и что врядъ-ли самъ султанъ въ сіе время спасся. Онъ не могъ мнѣ сообщить болѣе подробностей о сихъ обстоятельствахъ, ибо извѣстія сіи были доставлены съ поспѣшностью купцами изъ Царьграда въ Смирну. Сіе случилось, говорилъ онъ, послѣ 2 или 3 дня моего выѣзда, который онъ полагалъ 1-го Января; но я ему замѣтилъ, что я точно сѣлъ на судно 1-го числа, но что я выѣхалъ только 4-го и ночь съ 4-го на 5 даже провелъ на якорѣ близъ Царьграда, и что еслибъ извѣстіе сіе было справедливо, то вѣрно бы я объ ономъ зналъ; что, напротивъ того, въ Царьградѣ было все покойно, и даже похожаго на возмущеніе не было и, что когда я отъѣзжалъ, 5 числа, не было даже замѣтно зарева отъ пожара въ Царьградѣ. Извѣстіе сіе было изъ Смирны, отъ 7-го числа; слѣдовательно происшествіе должно было быть 2-го или 3-го (ибо судно ходитъ не менѣе трехъ дней изъ Царьграда въ Смирну).

Розетти говорилъ мнѣ, что Ибрагимъ-паша находился еще въ Коніи, откуда онъ послалъ отрядъ къ сторонѣ Сиваса и къ Кесаріи; но Кесарія находится почти въ тылу у Ибрагимъ-паши, и Османъ-паша имѣлъ направленіе свое въ ту сторону, почему, заключая, что отрядъ Османъ-паши тревожилъ Ибрагима, я спросилъ Розетти, не знаетъ-ли онъ чего нибудь о семъ отрядѣ; но онъ показалъ, какъ будто ничего не знаетъ о томъ, и спросилъ: «Какой это Османъ-паша?»—Требизонтскій, отвѣчалъ я. Далѣе онъ объяснилъ нѣкоторыя подробности о разбитіи великаго визиря, котораго нашли лежавшимъ въ снѣгу; полагали, что онъ либо свалился съ лошади, либо она была подъ нимъ убита. Турки, говорилъ онъ, мало дрались; одно крыло ихъ только подалось нѣсколько назадъ съ боя, прочія войска бѣжали, и послѣ того нѣсколько начальниковъ Турецкихъ передались сами къ Ибрагиму со своими войсками. Значительная часть Анатоліи возмутилась и изгнала

отъ себя Турецкихъ начальниковъ. Но за два дня до сего боя, Ахметъ-паша былъ также разбитъ близъ Коніи Египтянами. Розетти хвалилъ Албанцевъ, которые храбро дрались, но по разбитіи разсыпались и стали грабить по деревнямъ.

Вслѣдъ за Розетти пріѣхалъ какой-то Итальянецъ, называющійся Русскимъ подданнымъ, который считался при нашемъ консульствѣ и который говорилъ мнѣ, что Французскій бригъ привезъ извѣстіе, что изъ Россіи идетъ 500.000 войскъ на помощь султану и что сіе извѣстіе встревожило Магметъ-Али-пашу.

Я просилъ Розетти доставить переводчику Теодати въ тотъ же вечеръ свиданіе съ Магметъ-Али-пашею, дабы договориться о моемъ пріемѣ. Теодати съѣхалъ съ нимъ на берегъ и видѣлся съ пашею, который показалъ совершенное равнодушіе къ моему пріѣзду; былъ вѣжливъ, показывался веселымъ, не любопытствовалъ узнать о моемъ порученіи и сказалъ, что онъ во всякое время, когда мнѣ угодно будетъ, готовъ принять меня. Условились ко 2-му числу, въ 8 часовъ утра, или вечеромъ. Я избралъ утро, и послалъ Теодати съ симъ уже извѣстіемъ на берегъ.

Въ теченіи дня пріѣзжалъ къ намъ капитанъ одного линейнаго корабля, Англичанинъ, который былъ принятъ морскими офицерами и приглашалъ ихъ къ себѣ на судно. Онъ много хвалился устройствомъ, которое вводилъ Магметъ-Али, какъ въ сухопутныхъ войскахъ, такъ и на флотѣ, увеличивая безъ мѣры силы его. Онъ же говорилъ, что на дняхъ отправлялось судно въ Тарсусъ, для привезенія оттуда взятаго въ плѣнъ великаго визиря.

2-го, въ 8 часовъ утра, я прибылъ къ Магмету-Али. Лодка не могла пристать къ пристани по мелкотѣ, и никого у берега не было; но когда сіе увидѣли изъ дворца паши, то къ намъ выбѣжали лодочники, которые подвезли свое судно, на которомъ мы и выѣхали на берегъ. Между тѣмъ къ берегу сбѣжались изъ дворца разные чиновники или слуги, которые и проводили меня во дворецъ. Богосъ-Юсуфъ, приближенный и довѣренный паши, встрѣтилъ меня у входа въ переднюю. Я вошелъ въ пріемную. Паша былъ при саблѣ и сидѣлъ на канапе; онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ко мнѣ и просилъ сѣсть, послѣ чего и самъ сѣлъ. Послѣ трубокъ и первыхъ привѣтствій, онъ сталъ мнѣ говорить о братѣ моемъ Андреѣ, отъ коего я ему свидѣтельствовалъ почтеніе. Когда онъ сдѣлалъ слугамъ и прочимъ знакъ выдти, тогда я сказалъ ему, что присланъ съ порученіемъ объявить ему, что Государь, желая сохраненія мира на Востокѣ, прекращенія кровопролитія и возстановленія порядка, надѣется, что Магметъ-Али-паша, уваживъ желаніе сіе, приступитъ къ мѣрамъ примиренія съ султаномъ.

Быстрые глаза Магмета-Али-паши наблюдали за мыслію, которую я излагалъ. Онъ боялся, чтобы ему не предложили удаленія изъ Египта, какъ я сіе послѣ узналъ. Слова мои были приняты имъ съ притворнымъ равнодушіемъ.—Я давно ищу мира, отвѣчалъ онъ. Я вамъ покажу доказательства сего письменно; вы увидите, сколько я о семъ уже старался; но султанъ несправедливъ ко мнѣ...—Я не судья, сказалъ я, между вами и султаномъ; ищите примиренія съ нимъ, и я буду надѣяться, что желаніе Государя исполнится.—Сообщите мнѣ письменно слова ваши, сказалъ онъ.—Не могу сего сдѣлать, отвѣчалъ я, ибо самое порученіе мнѣ дано было лично Государемъ изустное.—Я никогда не отказывался, продолжалъ Магметъ-Али, отъ подданства моему государю законному.—Но сему нужно доказательство, сказалъ я; явите сіе доказательство, и тогда желаніе Государя исполнится. Я ожидаю отвѣта вашего.—Дайте мнѣ время подумать, сказалъ онъ; я вамъ дамъ отвѣтъ. Оставимъ пока разговоръ сей, сказалъ онъ; дѣло сказано, и вы получите отвѣтъ, а поговоримъ о постороннихъ предметахъ.—Спросите меня, я буду вамъ отвѣчать.—Нѣтъ, говорите вы.—Братъ мой ѣздилъ въ Іерусалимъ и, пользуясь покровительствомъ вашимъ, совершилъ сей путь благополучно, чѣмъ онъ вамъ обязанъ. Онъ издалъ и книгу своего путешествія, въ коей хвалится вашимъ пріемомъ.—Слышали-ли вы, что въ Босніи христіане возмутились?—Слышалъ нѣчто подобное, но не въ Босніи, а въ Сербіи случившееся, гдѣ нѣсколько деревень возмутились противъ насилій, сдѣланныхъ Турецкими чиновниками женщинамъ.—Долго ли вы были въ дорогѣ?—Я ему счелъ дни и сказалъ, что заѣзжалъ къ адмиралу Рикорду въ Поросъ, и просилъ, чтобы прислали сюда капитана Бутенева, бывшаго недавно въ Александріи съ бригомъ.—Очень радъ буду его видѣть. Пріѣдетъ-ли онъ?—Надѣюсь. Правда-ли, что вы собирались ѣхать въ армію? Я сіе слышалъ въ Петербургѣ и въ Царьградѣ.—Куда мнѣ въ армію ѣхать? Я человѣкъ старый; неужели сіе говорили?—«Говорили, и я потому счелъ за нужное отправить изъ Царьграда одного полковника сухимъ путемъ чрезъ войско ваше, дабы васъ вѣрнѣе встрѣтить, еслибы вы отъѣхали отсюда, и сообщить вамъ тоже, чтó я вамъ сейчасъ говорилъ». Я хотѣлъ было встать, чтобы идти, но онъ остановилъ меня. Куда вы спѣшите? Посидимте еще.—Я не хочу васъ безпокоить, слышавъ вчера, что вы не совсѣмъ здоровы.—Ничего, я уже поправился со вчерашняго дня.—Вы человѣкъ старый, мы уважаемъ лѣта, и вамъ можетъ быть время отдыхать.—Нѣтъ, еще рано; прошу посидѣть.—Охотно.—«Слышали вы о подробностяхъ разбитія визиря? Какъ о семъ разсказываютъ въ Царьградѣ?» Я сказалъ ему чтò зналъ о семъ. Онъ пересказалъ мнѣ нѣкоторыя незначительныя подробности, называя подвиги

своего сына. «Ибрагимъ-паша безъ сомнѣнія показалъ много искусства въ сей войнѣ».—Я его съ молоду воспитывалъ къ войнѣ и водилъ его во всѣхъ походахъ при себѣ верхомъ.—Преимущества вашихъ войскъ надъ войсками султана извѣстны.—«Не онъ атаковалъ визиря: я ему приказалъ отступить къ Аданѣ; но онъ настаивалъ, чтобы непремѣнно сразиться съ визиремъ и не пошелъ назадъ; визирь его атаковалъ и былъ разбитъ. Османъ-паша имѣлъ небольшія выгоды надъ моими войсками, но теперь пошелъ противъ него отрядъ». Говорили о строеніи кораблей, объ изготовленіи и покупкѣ лѣсовъ и о постороннихъ предметахъ. Наконецъ, въ 9 часовъ я всталъ и раскланяясь повторилъ пашѣ, что буду ожидать отвѣта и надѣяться, что онъ не замедлитъ онымъ.—Не замедлю, не замедлю, отвѣчалъ онъ, вставая и провожая меня нѣсколько.

При выходѣ приготовлены были лошади. Розетти прислалъ меня звать къ себѣ; но было еще слишкомъ рано, а потому я возвратился на фрегатъ, куда вскорѣ послѣ меня прибылъ и самъ Розетти.

Онъ сказывалъ мнѣ, въ чемъ заключаются извѣстія, доставленныя Французскимъ консуломъ въ Смирнѣ. Франція, говорилъ онъ, хотѣла первою показать вліяніе, которое она имѣла въ Египтѣ и уже старалась о примиреніи Магмета-Али съ султаномъ. Предложенія Французовъ и переговоры ихъ съ Турецкимъ правительствомъ продолжались чрезъ министра ихъ въ Константинополѣ, во время пребыванія моего въ Царьградѣ, и султанъ казался довольно склоннымъ къ согласію, но проводилъ время рѣшенія, въ надеждѣ, что великій визирь разобьетъ Ибрагима-пашу. Французы ходатайствовали объ уступкѣ Сиріи и даже Аданы и всего Караманскаго берега Анатоліи. Смирнскій консулъ ихъ писалъ къ здѣшнему, что онъ весьма желалъ, чтобы извѣстіе о моемъ прибытіи въ Александрію предшествовало мнѣ, что султанъ по полученіи извѣстія о разбитіи визиря впалъ въ нѣкотораго рода сумасшествіе, что я и Бутеневъ имѣли съ нимъ тайное совѣщаніе, на коемъ положили высадить отъ 20 до 30.000 войскъ Русскихъ на помощь ему; но что только еще не рѣшили, гдѣ ихъ высадить, въ Царьградѣ или въ Синопѣ; что флотъ нашъ также былъ предложенъ султану; что совѣтъ противился симъ мѣрамъ прибѣгать къ помощи иностранцевъ, но что султанъ согласился на сіе, что̀ и произвело возмущеніе въ Царьградѣ, о коемъ Розетти мнѣ наканунѣ говорилъ. Я опровергъ извѣстіе о сухопутныхъ войскахъ, какъ равно и о возмущеніи въ Царьградѣ; о флотѣ же сказалъ, что онъ точно былъ предложенъ султану, но что султанъ еще не принялъ его.

Когда извѣстія сіи были доставлены пашѣ (наканунѣ моего пріѣзда), то онъ сказалъ, что безъ сомнѣнія Россія одна могла имѣть

вліяніе на его дѣйствія. Розетти надѣялся, что паша изъявитъ полное согласіе на предложенія Государя. Но нужны доказательства, сказалъ я.—Онъ покажетъ вамъ всю переписку свою, сошлется на Французскаго консула.—Чтó мнѣ до консула? я присланъ отъ Государя.—Не лучше-ли пашѣ явить мнѣ сіи доказательства.—Въ чемъ же оныя будутъ состоять?—Паша обѣщалъ мнѣ прислать отвѣтъ, и я его ожидаю; когда же онъ мнѣ его дастъ, я тогда скажу, въ чемъ состоятъ сіи доказательства.—Вы однакоже согласитесь, что ему, при старости лѣтъ, выѣхать изъ Египта и все бросить было бы не въ пору; онъ въ такомъ случаѣ рѣшился бы нанести по крайней мѣрѣ послѣдній ударъ и потомъ уже погибнуть.—Кто о семъ говоритъ? Но пускай онъ покорится, пускай кончитъ приказаніемъ сыну своему остановить военныя дѣйствія.—Онъ сіе немедленно сдѣлаетъ; онъ сдѣлалъ уже сіе при переговорахъ, которыя онъ имѣлъ посредствомъ Французовъ, и онъ будетъ надѣяться, что Государь поручится ему за исполненіе со стороны султана договоровъ, которые ему предложены будутъ.—Я не для переговоровъ пріѣхалъ сюда и не могу входить въ какія либо условія. Вы видите, какого рода дѣло сіе; мнѣ кажется, что пашѣ должны быть извѣстны средства Россіи и твердость Государя. Чтó ему остается какъ не согласиться на покорность и положиться на великодушіе Государя?—Онъ вѣрно склонится на сіе, сказалъ Розетти, и даже будетъ сему радъ; мнѣ кажется, что онъ и султанъ завязали дѣло, которое слишкомъ далеко ихъ обоихъ завело, и они оба были бы рады примириться, но самолюбіе обоихъ слишкомъ задѣто, и сія причина одна препятствуетъ примиренію ихъ.

Послѣ полдня, я съѣхалъ на берегъ и обѣдалъ у Розетти. Онъ говорилъ нѣсколько о тѣхъ же предметахъ. Розетти, по выѣздѣ моемъ, сбирался идти къ Богосу и на другой день прибыть ко мнѣ, дабы увѣдомить меня о расположеніи паши къ дѣлу сему, а также, скоро-ли онъ мнѣ дастъ отвѣтъ; ибо я не могъ и не хотѣлъ медлить. У Розетти я познакомился съ Ачерби, Австрійскимъ консуломъ, человѣкомъ, пользующимся доброю славою.

Розетти, кажется, въ довѣренности у Магметъ-Алія и имѣетъ вліяніе въ совѣтѣ его; онъ не менѣе того преданъ ему вполнѣ, и посему на него положиться нельзя.

3-го числа я не получилъ отвѣта отъ паши. Розетти пріѣхалъ ко мнѣ обѣдать съ Австрійскимъ консуломъ Ачерби, человѣкомъ уважаемымъ, по его строгимъ правиламъ и учености. Розетти говорилъ мнѣ, что паша былъ весьма склоненъ дать мнѣ отвѣтъ, съ изъявленіемъ покорности своей волѣ Государя; что онъ бы не замедлилъ сдѣлать сіе. еслибъ его не отклонялъ Богосъ, который желалъ выиграть время,

Видя сіе, я послѣ обѣда послалъ на берегъ Теодати съ приказаніемъ сказать пашѣ, что я болѣе ждать не намѣренъ и что я прошу его меня выслушать въ сей же день или на другой. Паша извинялся нездоровьемъ и просилъ отложить свиданіе до другаго дня ввечеру. Мнѣ сіе было непріятно, и я рѣшился уже не смягчать болѣе разговора своего, а объявить при свиданіи пашѣ тѣ истины, кои должны были его рѣшить къ покорности, тѣмъ болѣе, что онъ сказалъ Теодати, что онъ еще не имѣлъ отвѣта на какія-то порученія, сдѣланныя имъ бывшему нашему консулу Лавизону. Изъ чего я могъ видѣть, что онъ только желалъ сдѣлать проволочку подъ разными предлогами.

4-го у меня было условлено отобѣдать у Розетти; но такъ какъ свиданіе мое у Магмета-Али должно было быть ввечеру, то я отказался отъ сего обѣда. Сіе побудило Розетти сходить къ пашѣ, который согласился на свиданіе со мною поутру, и я немедленно поѣхалъ къ пашѣ. Послѣ первыхъ привѣтствій я сказалъ ему, что, не получая отвѣта отъ него, я поспѣшилъ свидѣться, дабы ему повторить сказанное уже прежде и дать ему отвѣтъ по дѣлу Лавизона, о коемъ онъ наканунѣ говорилъ.—Оно постороннее, прервалъ паша.—Я имѣю присовокупить, сказалъ я, что Государь не перемѣнитъ намѣреній своихъ, и что какъ бы ни были велики успѣхи паши, еслибы онъ даже низвергъ престолъ султана и взялъ бы Царьградъ, Государь не измѣнитъ своихъ правилъ, которыя поддержитъ силою; что Государь *вѣрный другъ султана и врагъ мятежа* (собственныя слова наставленій мнѣ данныхъ), и что одно немедленное остановленіе военныхъ дѣйствій, какъ и скорое возвращеніе къ порядку и покорности, могло смягчить гнѣвъ Его Величества.—Паша смутился.—Я никогда не думалъ свергнуть султана, сказалъ онъ. Какъ можно мнѣ было сіе предпринять? Въ доказательство же того, сколько я покоренъ волѣ Государя, я сейчасъ прикажу остановить военныя дѣйствія. Онъ призвалъ секретаря и приказалъ ему написать приказъ своему сыну, дабы военныя дѣйствія были немедленно прекращены (приказъ сей былъ вскорѣ принесенъ, паша приложилъ печать къ нему и велѣлъ отправить). Я не ручаюсь вамъ только за 20-ть дней, сказалъ онъ, для отдаленныхъ отрядовъ, до коихъ сіе поздно дойдетъ; до Ибрагима оно дойдетъ скорѣе, и всѣ военныя дѣйствія прекратятся. Я вамъ за сіе ручаюсь.—Я въ правѣ вамъ опредѣлить 10 или 20 дней. Вы должны покориться и замириться съ вашимъ государемъ; сего требуетъ Его Величество, коего флотъ даже въ готовности, дабы по первому требованію султана придти ему на помощь, чѣмъ еще однакоже султанъ не воспользовался. Вамъ остается избирать выгоднѣйшее для васъ.—Я покорюсь, сказалъ паша. Слово Магмета-Али свято; не сомнѣвайтесь

въ ономъ; буду ему вѣрнымъ подданнымъ и буду платить дань. Я слишкомъ уважаю волю Государя вашего, дабы не покориться оной; пошлю къ султану сына своего съ покорностью, пошлю внука, племянника съ великимъ визиремъ для изъявленія моей покорности; послѣ примиренія нашего буду надѣяться, что и Государь вашъ не оставитъ меня, не дастъ меня въ обиду.—Государь не будетъ вмѣшиваться въ ваши переговоры, ему сіе не пристало; онъ требуетъ покорности, и вамъ надобно ее изъявить на дѣлѣ.—Какже ее изъявить болѣе? Я остановилъ движеніе войскъ.—Искренность нужна. Я дамъ вамъ свой совѣтъ, если вы его примете. Мысль сія возродилась во мнѣ отъ доброжелательства къ вамъ.—Какая, какая? Говорите!—Пошлите повѣреннаго съ повинною къ султану; онъ вашъ государь, и вы должны начать. Отъ васъ зависитъ сіе исполнить. Я вамъ сіе единственно отъ себя совѣтую.—Какъ я пошлю? Да кого пошлю? У меня людей нѣтъ, у меня люди всѣ простые, военные; я никого не имѣю послать, сказалъ онъ, прерываясь.—Пошлите съ повинною; на сіе не надо искуснаго человѣка, и велите ему просить человѣка для переговоровъ; тогда вамъ, можетъ быть, и пришлютъ его.—Не могу, отвѣчалъ паша съ нетвердостью: султанъ самъ пусть пришлетъ ко мнѣ. Моего посланца настращаютъ и увѣрятъ еще, что я неправъ. Но дѣло уладится. Вы видите, покоренъ-ли я волѣ Государя вашего? Я исполнилъ ее, остановилъ войска. Я многое бы желалъ вамъ объяснить наединѣ, и мы сіе сдѣлаемъ въ другой разъ.—Сіе можно сейчасъ сдѣлать (и я попросилъ Розетти и драгомана выдти). — Я много дорожу честью, которую мнѣ Государь сдѣлалъ и ничего столько не желаю, какъ его покровительства. Сто́итъ только на карту взглянуть, чтобы убѣдиться, что Турція, Персія и Египетъ должны въ своихъ дѣйствіяхъ зависѣть отъ Государя; я всего ожидаю отъ Государя и не ослѣпленъ на счетъ другихъ Европейскихъ державъ. Вашъ Государь истинно можетъ назваться повелителемъ Мусульмановъ. Я полагаюсь на него въ нынѣшнемъ дѣлѣ. — Вы нисколько не должны на него полагаться. Негодованіе его могло бы изгладиться только искренними поступками въ отношеніи къ султану, покорностью законному вашему государю и скорымъ примиреніемъ. Достаточно-ли вы сдѣлали, пріостановивъ войска? Что̀ изъ сего выйдетъ? Войска ваши безъ сомнѣнія остановятся, а тамъ что̀ будетъ?—Буду смирно сидѣть и ожидать отвѣта.—Я вамъ его не дамъ и не полагаю, чтобы отъ нашего двора вамъ былъ какой либо отвѣтъ; не полагаю также, чтобы Порта начала съ вами переговаривать.—Султанъ уже нѣсколько разъ ко мнѣ людей присылалъ и опять пришлетъ.—Гдѣ же искренность, покорность? Я вамъ болѣе не совѣтую и, передавъ вамъ слова Государя моего, предоставляю

вамъ сдѣлать, какъ вы лучше признаете сами. Вы имѣете достаточно ума и предусмотрительности, чтобы избрать себѣ лучшее. Онъ подумалъ. —Я найду средства, я посылаю за великимъ визиремъ черезъ два дня фрегатъ въ Тарсусъ; его сюда привезутъ, и я черезъ него напишу.—Подумали-ли вы о семъ? Визирь вашъ узникъ!—Я его не буду, какъ узника, держать; онъ будетъ на свободѣ. — Кто же вамъ поручится, что султанъ на него возложитъ переговоры? Посудите сами, еслибы у васъ былъ подчиненный ослушный вамъ, послали бы вы къ нему людей для переговоровъ, или бы ожидали отъ него посланнаго съ повинною?—Я уже сіе самъ устрою, и султанъ согласится на сію мѣру; мы все кончимъ и скоро, вы увидите.—Да если ваши требованія будутъ непомѣрны, султанъ не согласится на нихъ. — Не будутъ, не будутъ, отвѣчалъ онъ; буду умѣренъ; ручаюсь вамъ за сіе, вотъ вамъ мое слово, мы примиримся. — Если такъ, то вѣрю вамъ и предоставляю вамъ сдѣлать сіе, какъ разумѣете. Я же доложу Государю, что Магметъ-Али-паша съ покорностью принялъ волю его, въ изъявленіе оной остановилъ движеніе войскъ и приступаетъ къ мѣрамъ для скорѣйшаго примиренія, въ коемъ онъ успѣтъ совершенно надѣется. Такъ-ли? — Такъ, такъ! Я еще разъ повторилъ тоже; онъ подтвердилъ и просилъ, какъ милости, покровительства Государя.—Передайте ему, прошу васъ, всѣ слова мои въ точности.—Все будетъ передано отъ слова въ слово, и если Государь удостоитъ васъ своего покровительства, то сіе будетъ вѣрно не иначе, какъ послѣ примиренія вашего съ султаномъ, и не имѣетъ никакой связи съ теперешними дѣлами (при чемъ я опять пересказалъ ему слова, которыя я доложу Государю).—Никакой связи, сказалъ онъ, никакой, независимо отъ теперешняго дѣла; оно уже кончено, и перестанемъ говорить о семъ. Онъ просилъ у меня даже пропуска письменно для судна, которое онъ пошлетъ къ султану, дабы его не захватили; но я его успокоилъ и увѣрилъ, что Турецкое правительство сего не сдѣлаетъ.

Во все время разговора паша принималъ на себя видъ веселости, но страхъ былъ въ немъ замѣтенъ, въ торопливости его. Когда онъ говорилъ о другихъ вещахъ, мысль его все обращалась на главный предметъ.—Знаете-ли вы, сказалъ онъ, какъ эта Порта Оттоманская горделива, какъ съ нею трудно дѣло имѣть? По крайней мѣрѣ, еслибы, послѣ моей покорности волѣ Государя, я могъ надѣяться, что вы склоните султана сколько нибудь въ мою пользу!—Я не имѣю никакихъ наставленій по сему предмету и совершенно уже кончилъ порученіе мое.—Знаете-ли вы, какъ меня Порта обидѣла? Я ли не служилъ ей, что-же? Однажды пришла Турецкая эскадра вмѣстѣ съ Англійскою къ берегамъ Анатоліи; слухи носились, говорили и писали, что Оттоманскій

флотъ съ Англійскимъ хотятъ высадить войска въ Египетъ. Я писалъ о семъ къ кому-то, постороннимъ образомъ, и выразилъ слово въ слово написанное въ газетахъ, то есть назвалъ Турецкій флотъ Оттоманскимъ, а не государя моего. Сіе причли мнѣ въ умыселъ и сказали, что я не признаю государя своего, что хочу отдѣлиться, и начались гоненія. Вотъ какъ они къ словамъ придираются и несправедливы! Можно-ли было сего ожидать мнѣ? Онъ сталъ ходить, говоря, что привыкъ къ движенію. Султану, продолжалъ онъ, не даромъ дали прозваніе упрямца; его такъ называютъ во всемъ народѣ.—Названіе сіе, можетъ быть, вамъ обоимъ принадлежитъ, отвѣчалъ я. Спокойствіе вамъ обоимъ нужно, и я не полагаю, чтобы вы нашли существенную выгоду въ теперешней войнѣ. Миритесь и успокойтесь. Помните, что вы симъ исполните волю Государя и что чѣмъ вы скорѣе сего достигнете съ должною покорностью, тѣмъ скорѣе изгладится неудовольствіе Его Величества, на васъ навлеченное вашими поступками. — Примирюсь, будьте увѣрены. Но знаете ли, что симъ поступкомъ я иду противъ всеобщаго желанія Турокъ; ибо нѣтъ изъ нихъ ни одного достигнувшаго 40-лѣтняго возраста, который бы не имѣлъ ненависти къ султану; одни только дѣти еще обмануты имъ.—Что же? отвѣчалъ я. Извѣстно, что онъ имѣетъ много недовольныхъ имъ въ Турціи; извѣстно, что теперь вы и сильнѣе его. Вы возмете Константинополь, изгоните султана; вамъ избирать лучшее для себя, продолжайте!—Сохрани Богъ! Могъ-ли я когда думать свергнуть султана? Кончу дѣло сіе и пошлю визиря и сына своего и внука съ повинною и буду исправно дань платить султану.

Послѣ сего онъ болѣе не говорилъ о военныхъ дѣлахъ, но сталъ мнѣ говорить о моемъ братѣ. «Я и ему сказывалъ, сколько я дорожу покровительствомъ Россіи; но какихъ ко мнѣ посылаютъ консуловъ? Людей, не умѣющихъ поддержать величіе своего государя. Я бы желалъ видѣть при себѣ Россійскаго консула хорошей фамиліи, какъ вы, съ коимъ могъ бы говорить и судить о дѣлахъ.—Просите о семъ Государя. — Умоляю васъ о семъ: сіе было бы для меня драгоцѣннымъ знакомъ милости Его Величества.—Я похвалилъ его покорность Государю и сталъ внушать ему, сколько онъ долженъ былъ дорожить мнѣніемъ Государя, постояннаго въ своихъ правилахъ, поведеніемъ твердымъ, коего основаніе прочно. Никто не препятствуетъ вамъ обращаться къ другимъ державамъ, если вы въ томъ находите свои выгоды; но вы должны имѣть довольно прозорливости, чтобы видѣть, чье покровительство постояннѣе, если вы онаго достигнете, и не говоря о другихъ правленіяхъ. Я нѣсколько распространился о семъ предметѣ. Магмету-Али мысль сія была уже знакома, да и самъ Розетти говорилъ мнѣ,

что онъ мало полагался на Францію и Англію, вовлекшихъ его въ сію войну: ибо онъ видѣлъ, что въ случаѣ крайнемъ, или при какой нибудь перемѣнѣ, ему было нечего ожидать отъ нихъ.

И такъ я вышелъ отъ Магметъ-Али съ полнымъ успѣхомъ, вселилъ въ его душу страхъ и съ убѣжденіемъ, что высокая твердость его, столь много прославляемая, могла низложиться предъ угрозою. Онъ доступенъ къ страху, и при способностяхъ своихъ, которыя и ставятъ его выше Турокъ, онъ болтливъ. Хитрость его не столько утончена, чтобы укрыться. Вліяніе, на него произведенное моими словами, утвердило надъ нимъ могущество Государя предъ прочими державами, и еслибъ онъ и вздумалъ продолжать войну, то сіе было бы уже со слабостью и вѣрно безъ успѣха. Притомъ же онъ самъ до крайности ослабъ, потерялъ много войска въ сраженіяхъ; средства его истощились, и народъ въ Азіи утомленъ требованіями его. Все ему не благопріятствуетъ, и я не полагаю, чтобы онъ въ состояніи былъ далѣе вести войну; миръ для него долженъ быть спасеніемъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ, и врядъ-ли Порта согласится на какія-либо уступки въ пользу мятежника.

Возвратившись, я нашелъ у себя Англійскаго консула Баркера, который меня ожидалъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что Французскій консулъ Мимонтъ, получивъ наканунѣ прибытія моего изъ Смирны бумаги съ бригомъ, поспѣшилъ сообщить ихъ пашѣ, но онѣ заключались въ 18 страницахъ шифрованныхъ, съ коими онъ носился, прося времени, дабы ихъ разобрать, чему смѣялись. Самъ же Баркеръ судилъ о дѣлахъ здраво и осуждалъ возстаніе паши.

Я обѣдалъ у Розетти, гдѣ видѣлся опять съ Австрійскимъ консуломъ Ачерби. Онъ увѣрялъ меня, что паша наканунѣ отказалъ двумъ негоціантамъ поставку лѣсовъ, которыхъ онъ сперва требовалъ для флота своего, изъ чего Ачерби замѣтилъ, что онъ думалъ уже о перемѣнѣ обстоятельствъ. Паша, по выходѣ моемъ, былъ скученъ; Богосъ притворялся веселымъ. Ачерби предлагалъ мнѣ свои услуги и хотѣлъ написать всѣмъ вице-консуламъ своимъ въ Сиріи и портахъ, дабы они знали, что Россія порицаетъ возмущеніе Магмета-Али. Я ему разсказалъ въ общихъ словахъ цѣль моего отправленія и предоставилъ ему сообщить сіе двору своему. Онъ признавалъ великодушіе Государя; но какъ человѣкъ болѣе преданный наукамъ, чѣмъ должности своей, онъ не постигъ того вліянія, которое Россія получила симъ поступкомъ въ дѣлахъ Азіи; онъ не постигалъ, какъ Государь воспрещалъ пашѣ возстаніе, не назначая ему границъ, и говорилъ, что паша симъ не кончитъ. Но я его останавливалъ, также какъ и пашу, отвѣтомъ: пускай продолжаетъ, если ему выгодно. И тогда онъ думалъ и находилъ мѣру

сію великодушною. Ачерби человѣкъ тяжелый, и потому я не поручалъ ему внушать пашѣ сказанное мною, дабы онъ не перепуталъ дѣла.

5-го я отправился съ визитами къ консуламъ, которые у меня были, Французскому, Англійскому, Австрійскому и Сардинскому. Розетти настаивалъ, чтобъ я также навѣстилъ Шведскаго, грека Анастази; но я рѣшительно не сдѣлалъ сего, ибо Анастази у меня не былъ на фрегатѣ, а приходилъ представляться только у Розетти, который къ нему имѣлъ личное уваженіе, потому что онъ былъ въ довѣренности у паши и богатѣйшій негоціантъ въ Александріи. Не посѣщая его, я хотѣлъ тѣмъ болѣе показать, сколь мало я давалъ цѣны расположенію паши и вообще прекратилъ свои сношенія съ консулами, приглашавшими меня на обѣды и веселія, дабы симъ не дать никому повода къ разговорамъ и удалиться какъ можно было болѣе отъ всякихъ дружелюбныхъ сношеній. Я съѣздилъ также къ Помпеевой колоннѣ, коей вычислилъ вышину, и возвратился обѣдать къ Ачерби, а оттуда отправился опять къ пашѣ, дабы увидѣть, въ какомъ онъ пребывалъ расположеніи духа.

Онъ былъ смущенъ, но вскорѣ началъ говорить съ обыкновенною ему болтливостью. Знаете-ли вы, что у визиря отхватили всю казну и что по дорогѣ къ Царьграду это сдѣлали воры, изъ жителей? Мало-ли что́ можетъ подобнаго случиться въ народѣ, недовольномъ султаномъ, и вы увидите, что все сіе мнѣ припишутъ, какъ и всѣ возмущенія въ Анатоліи. Такъ и до свѣдѣнія Государя доведетъ подобныя вещи султанъ, хотя я въ оныхъ не виноватъ. Онъ будетъ меня чернить.—Пускай, отвѣчалъ я; а вы, какъ можно скорѣе, покоритесь и замиритесь: тогда не успѣютъ оклеветать васъ.—Я буду надѣяться, что другъ, какъ Государь, меня оправдаетъ въ мысляхъ своихъ.—Государь другъ султана; вамъ еще прежде предстоитъ изгладить негодованіе его на васъ за поступки ваши, и тогда только надѣяться на благосклонность и милость его.—Все иначе представятъ! Я имѣю много враговъ и завистниковъ.—Кто ихъ не имѣетъ? Развѣ вы думаете, что и мнѣ не завидуютъ за порученіе, коимъ меня удостоилъ Государь?—То дѣло другое... (помолчавши) Знаете-ли вы, что Боснія и Албанія снова возмутились?—Можетъ-быть; да, что до этого? Уймутъ, сказалъ я хладнокровно. Тутъ паша не могъ скрыть своего смятенія и страха; онъ задрожалъ обѣими руками, такъ что едва удержалъ чубукъ въ рукахъ.—По крайней мѣрѣ, еслибы за меня хотя бы слово сказали вы султану: онъ уважилъ бы ходатайство и пощадилъ бы меня!—Я не имѣю никакихъ приказаній по сему предмету. Да что́ о семъ болѣе говорить? Слово ваше, паша, слово ваше дано, и я ему одному вѣрю. Вы кончите и въ самомъ скоромъ времени примиритесь. Я желаю вамъ сего;

вы сіе обѣщали.—Слово мое свято для меня, какъ моя вѣра. Онъ жаловался еще, что въ Царьградѣ держатъ въ плѣну двухъ родственниковъ его, жившихъ въ Македоніи, потому что они хотѣли пріѣхать въ Египетъ; спрашивалъ, сколько войскъ въ Царьградѣ?—Отъ 5 до 10.000, отвѣчалъ я, показывая, сколько я сіе полагалъ малочисленнымъ. Онъ былъ въ необыкновенномъ смятеніи, начиналъ говорить, разсказывалъ, путался въ рѣчахъ, говоря о постороннихъ предметахъ и разсказывая какое-то происшествіе съ однимъ Англійскимъ капитаномъ, который, входя въ портъ, посылалъ переговорить съ нимъ, отдастъ-ли онъ ему 17 пушечныхъ выстрѣловъ за салютъ, такъ что я никакъ не могъ ничего понять, и онъ не успѣлъ и кончить своего разсказа. Мнѣ казалось, что сіе клонилось къ тому, что онъ желалъ моего салюта при отплытіи; но я не салютовалъ ему ни при входѣ, ни при выходѣ изъ порта. Два раза я собирался идти, но онъ меня все упрашивалъ остаться и говорилъ о постороннихъ вещахъ, между прочимъ о какомъ-то славномъ жеребцѣ, коего и предки извѣстны, присовокупляя, что отъ Государя были посылаемы чиновники за лошадьми такого рода, но не находили ихъ. Я отворачивалъ разговоръ, дабы онъ не предложилъ жеребца сего въ подарокъ; но, видя, что онъ все продолжалъ, я сказалъ ему, что порода Россійскихъ лошадей гораздо рослѣе и выгоднѣе для службы, чѣмъ Арабскихъ жеребцовъ, и совѣтывалъ ему завести у себя наши породы. Онъ тогда понялъ меня. Я выписывалъ, сказалъ онъ, изъ Анатоліи лошадей, но онѣ подохли здѣсь, не выдержали климата. Между разговорами я старался ему внушить чувства миролюбія, ссылаясь на лѣта его, богатство Египта и славу, которую онъ можетъ пріобрѣсть устроеніемъ сего края. Онъ много говорилъ, но можно лучше сказать лепеталъ, ибо мысли его были безъ связи; наконецъ, при прощаніи, онъ опять просилъ меня поклониться брату Андрею.

Я убѣдился, что Магметъ-Али-паша доступенъ къ страху. Надѣюсь, что онъ захочетъ сдержать слово, и полагаюсь вмѣстѣ съ Розетти, что онъ даже пошлетъ самаго визиря въ Константинополь съ повинною; если же и не сдѣлаетъ сего, то приступитъ черезъ посредство его къ примиренію. Не полагаю, чтобы онъ осмѣлился продолжать военныя дѣйствія свои и даже, чтобы онъ былъ въ силахъ продолжать ихъ съ успѣхомъ; но какъ и повинная его, такъ и примиреніе, безъ сомнѣнія, будутъ притворны и, можетъ быть, до перваго случая.

6-го увидѣли бригъ «Парисъ», который входилъ въ гавань. Ему сдѣлали знакъ, дабы командиръ пріѣхалъ. Капитанъ-лейтенантъ Бутеневъ прибылъ ко мнѣ и являлся. Я сказалъ ему, чтобы онъ, не входя въ портъ, дождался меня у выхода; ибо я начиналъ верповаться завознымъ якоремъ, чтобы отплыть въ Константинополь, такъ какъ уже

всѣ дѣла мои съ Магметъ-Аліемъ кончились; но онъ сказалъ, что у него воды мало, и потому онъ имѣлъ надобность послать на берегъ. Я принужденъ былъ согласиться на то, чтобы ему выйти въ портъ, а самъ продолжалъ тянуться; ибо я не хотѣлъ воспользоваться Французскимъ пароходомъ, здѣсь находившимся, который мнѣ предлагалъ консулъ Мимонтъ. Розетти находился у меня и просилъ меня ходатайствовать о назначеніи его консуломъ въ Египтѣ, не изъ какихъ либо видовъ корыстолюбія, отказываясь даже отъ жалованья. Находя въ немъ человѣка хорошихъ правилъ и способнаго, я не отказалъ ему моего ходатайства. Онъ преданъ пашѣ и не скрываетъ сего, но прежде всего вѣрно поставитъ долгъ свой и всегда старается оказывать Русскимъ всякое пособіе въ Александріи. Отпуская его, я просилъ его держать пашу въ томъ же расположеніи къ соглашенію, какъ я оставилъ его, и между прочимъ пригрозить Богосу, что если онъ будетъ иначе дѣйствовать и препятствовать совѣтами своими миру, то его вездѣ отыщутъ, и онъ будетъ за сіе отвѣчать. Бутеневъ казался мнѣ нѣсколько недоволенъ тѣмъ, что я изъявилъ ему необходимость прекратить сообщенія съ берегомъ и не ходить къ пашѣ; ибо онъ въ первую поѣздку свою сдѣлалъ много знакомствъ съ Европейцами, коихъ большая часть, или почти всѣ, находились въ торговыхъ связяхъ съ пашею и потому держали его сторону. Ввечеру я легъ на якорѣ противъ самаго выхода почти, и въ то время мы увидѣли Австрійскій корветъ и Греческій бригъ, которые входили въ гавань. Розетти поѣхалъ на берегъ, и я позволилъ Бутеневу съ нимъ съѣхать, дабы мнѣ привезти извѣстія. Бутеневъ по возвращеніи доставилъ мнѣ письмо отъ Розетти, коимъ онъ увѣдомлялъ меня о прибытіи Галиль-паши, посланнаго султаномъ съ полномочіемъ для переговоровъ въ Родосъ, оттуда онъ долженъ былъ сюда плыть. Магметъ-Али былъ въ восхищеніи, приказалъ мнѣ свидѣтельствовать свое почтеніе и сказать, что онъ весьма бы желалъ, дабы я остался, дабы видѣть, какъ онъ сдержитъ свое слово. (Бригъ наливался водою). Онъ казался къ сему уже довольно склоннымъ, ибо и собственныя его дѣла были въ нехорошемъ состояніи. Англійскій консулъ при свиданіи со мною говорилъ мнѣ, что посланныя имъ съ годъ тому назадъ войска для усмиренія Арабовъ съ ними соединились и что Магметъ-Али владѣлъ только тремя городами: Мединою, Джеддою и Меккою, но что все пространство между городами сими, какъ прочая часть Аравіи къ Югу, пашѣ не повиновались. Въ Александріи по кофейнымъ домамъ и между иностранцами, говорили, что Государь чрезъ меня упросилъ будто Магметъ-Али къ миру и что я выговорилъ въ пользу Россіи въ семъ случаѣ островъ Кипръ и Іерусалимъ.

7-го. Въ письмѣ, вчера полученномъ, Розетти совѣтовалъ мнѣ

оставить здѣсь бригъ, дабы дождаться извѣстія о мирѣ. Я отвѣчалъ, что сего не имѣлъ надобности дѣлать, ибо весь міръ будетъ свидѣтелемъ, какъ Магметъ-Али держитъ свое слово. Вотъ слухи, которые носились у паши: въ Царьградѣ точно не было возмущенія, султанъ сдѣлалъ со мною трактатъ союза оборонительнаго и наступательнаго и весьма желалъ сего, но что при разсмотрѣніи дѣла сего въ государственномъ совѣтѣ члены на сіе не согласились и изорвали сей трактатъ, что̀ и побудило султана послать Галиль-пашу. Съ утра я послалъ Кирико̀ къ Австрійскому консулу просить его, дабы онъ прислалъ ко мнѣ инструкціи свои, полученныя съ корветомъ. Между тѣмъ пріѣхалъ ко мнѣ Англійскій консулъ и принесъ мнѣ выписку изъ консульскаго журнала о договорахъ, сдѣланныхъ пашею съ двумя Англійскими купеческими судами, коими они обязывались перевезти войска и снаряды въ Тарсусъ, давая мнѣ чувствовать, сколь сіе было неприлично послѣ обѣщанія мнѣ даннаго остановить всѣ военныя дѣйствія. Онъ меня увѣдомлялъ также, что подобный договоръ былъ сдѣланъ и съ 6-ью Австрійскими и нѣсколькими Греческими судами, что даже послѣ отъѣзда нашего консула Лавизона, два судна подъ Русскимъ флагомъ еще перевозили войска паши въ Тарсусъ. Я просилъ его прислать ко мнѣ записку съ названіями сихъ судовъ и благодарилъ его за сіи извѣстія.

Между тѣмъ пріѣхалъ ко мнѣ драгоманъ Австрійскаго консула съ увѣдомленіемъ отъ г. Ачерби, что онъ получилъ инструкцію подобную моей (ибо я ему прочелъ наканунѣ мою, исключивъ изъ оной тѣ мѣста, въ которыхъ говорилось о вліяніи, которое Государь долженъ былъ пріобрѣсти въ дѣлахъ Востока моимъ посольствомъ); а вслѣдъ за тѣмъ возвратился и Кирико̀ съ инструкціею, которая была точно такого же содержанія какъ моя. Я успѣлъ въ скорости выписать изъ оной только одну статью, въ коей значилось, что и Англія не признавала поведенія Магметъ-Али и принимала сторону Порты. Я увѣдомилъ Ачерби о дѣйствіяхъ Австрійскихъ судовщиковъ, и онъ хотѣлъ изорвать контракты ими сдѣланные съ пашею.

Розетти обѣдалъ у меня. Я ему сказалъ объ условіяхъ паши съ судовщиками, присовокупивъ, что намъ было совершенно все равно, пошлетъ-ли онъ еще войска или нѣтъ, но что неисполненіемъ своихъ обѣщаній относительно къ Государю онъ губилъ себя, а потому ему самому лучше обдумать свои пользы. Розетти увѣрялъ меня, что сіе было сдѣлано вѣрно безъ умысла и что паша тотчасъ перемѣнитъ сіи приказанія, о чемъ онъ и хотѣлъ ему сказать и пріѣхать ко мнѣ съ отвѣтомъ. Онъ винилъ Баркера, что тотъ поступилъ въ семъ случаѣ единственно по личностямъ своимъ съ пашею; но я утверждалъ,

что къ сему служили ему поводомъ, вѣроятно, приказанія, полученныя имъ отъ своего двора.

Паша дѣлалъ большія приготовленія, дабы принять Галиль-пашу съ великими почестями. Съ утра были собраны у него всѣ флотскіе чиновники въ полной одеждѣ, и онъ ихъ хотѣлъ послать ему на встрѣчу, увѣряя, что онъ примирился съ султаномъ. Ввечеру былъ театръ у Франковъ на берегу. Я получилъ пригласительные билеты, но отказался отъ сего, потому что всякое сближеніе съ сими людьми, преданными пашѣ, измѣняло видъ угрозы, который я принялъ, и что близкія сношенія съ людьми сими не могли нравиться Государю. Мое мнѣніе было объявлено и всѣмъ офицерамъ. Никто не поѣхалъ; но командиръ брига Бутеневъ не внялъ сему и, кажется, былъ въ театрѣ, ибо онъ въ первую поѣздку свою въ Александрію со всѣми иностранцами сблизился и, не зная порученія, на меня возложеннаго, не располагалъ, казалось, прекращать связи свои съ ними.

8-го. Я къ удивленію своему увидѣлъ, что Австрійскій корветъ, который вошелъ безъ салюта, салютовалъ пашѣ, на что̀ и было отвѣтствовано съ крѣпости. Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ и Бутеневъ, который сказывалъ мнѣ, что Ачерби, послѣ конференціи съ пашею, объявилъ, что все уже кончено и согласіе возстановлено, въ слѣдствіе чего и приказалъ сдѣлать салютъ, что онъ самъ съ симъ извѣстіемъ ко мнѣ ѣхалъ, но не могъ добраться до меня за сильнымъ волненіемъ, почему, доплывъ до брига, возвратился назадъ.

Розетти былъ въ то время у меня. Я поѣхалъ немедленно на берегъ и пошелъ къ Ачерби съ нимъ. Ачерби сказалъ мнѣ, что онъ былъ у паши, сообщилъ ему, что онъ имѣетъ порученіе такого же рода, какъ я, и изложилъ ему оное. Магметъ-Али все прерывалъ его, говоря, что онъ сіе знаетъ. По окончаніи сего Ачерби сталъ ему совѣтовать, какъ частный человѣкъ, и сказалъ ему, повидимому, нѣчто объ уступкѣ Сиріи и отданіи своего флота, въ чемъ Ачерби преступилъ свои инструкціи; но онъ не понялъ до сихъ поръ цѣли Государя. Ачерби сказалъ мнѣ, что какъ самъ паша увѣрялъ его въ покорности своей, то онъ счелъ обязанностью ему салютовать. Я прервалъ его: Да онъ уже давно это всѣмъ говорилъ.—Да впрочемъ я салютовалъ флоту Турецкому, а не пашинскому.—Паша также сохраняетъ флагъ, какъ и называетъ себя вѣрноподданнымъ. — Это правда, но я имѣю нѣкоторыя уваженія къ надобностямъ нашимъ; у насъ здѣсь бываетъ много судовъ купеческихъ, и притомъ же я не въ томъ положеніи какъ вы, ибо у васъ здѣсь нѣтъ консула, а я не имѣю на сей счетъ никакого приказанія отъ своего двора.—Я буду однакоже всячески настаивать отъ своего двора въ согласности съ вами и съ г-омъ

Розетти, продолжалъ я; но связь обоихъ дворовъ вашихъ, надѣюсь, будетъ въ томъ же смыслѣ дѣйствовать. — Такъ, сказалъ Ачерби. Но вы и г-нъ Розетти, будучи такъ близки къ пашѣ, должны бы его держать въ другомъ расположеніи и не утверждать его поступками вашими, какъ напримѣръ, когда здѣсь всѣ Европейцы торжествовали побѣды Магметъ-Али и на празднествѣ была выставлена надпись, въ коей его называли вторымъ Александромъ, съ молитвою объ успѣхѣ его оружія, тогда Тосканскій флагъ развѣвался вмѣстѣ съ прочими, Англійскимъ и Французскимъ. Вы—Австріецъ; повторяю вамъ, что дворамъ вашимъ будетъ извѣстно поведеніе ваше, прибавилъ я съ жаромъ.— Нашего флага не было, сказалъ Розетти.—Былъ, отвѣчалъ Ачерби, и теперь еще не снятъ съ мачты, къ которой онъ былъ привязанъ и, вставши, показалъ ему изъ окна флагъ сей. Такъ-ли должно вамъ было себя вести?—А зачѣмъ вы мнѣ тогда не сказали? спросилъ Розетти робкимъ голосомъ. — Вы должны были сами знать, что дворы наши не могли признать бунтовщика.

Ачерби сказалъ мнѣ, что онъ говорилъ Магмету-Али, зачѣмъ онъ посылаетъ войска въ Анатолію, послѣ обѣщанія мнѣ даннаго, что военныя дѣйствія пріостановятся; паша сказалъ ему, что онъ посылалъ только отъ 2000 до 3000 человѣкъ, оставшихся здѣсь безъ команды отъ выступившихъ войскъ. Наканунѣ говорено было только о трехъ стахъ, и меня удивила сія перемѣна. Ачерби хвалился однакоже, что паша не велѣлъ издавать болѣе печатной реляціи о побѣдѣ надъ визиремъ и что сіе его отчасти склонило къ салюту.

Я оставилъ его съ Розетти и пошелъ къ Баркеру, коего спросилъ объ извѣстіяхъ касательно перевозки войскъ. — Она пріостановлена, сказалъ онъ мнѣ, до времени, и велѣно только нагрузить провіантъ. Между тѣмъ онъ разсказывалъ мнѣ, что 2½ года тому назадъ онъ имѣлъ къ пашѣ порученіе въ такомъ же родѣ, какъ я, когда Французы брали Алжиръ. Они тогда предлагали пашѣ править сею экспедиціею и обѣщались ему дать 10-ть кораблей линейныхъ; но послѣ они предлагали ему только сумму денегъ равную оцѣнкѣ десяти кораблей, и паша отозвался, что онъ безъ согласія Англіи не приметъ участія въ сей войнѣ. Баркеръ говорилъ мнѣ также, что сдѣлку его съ Австрійскими судами уничтожили; но Ачерби мнѣ говорилъ, что подобной сдѣлки не было дѣлаемо.

Отъ Баркера я опять пошелъ къ Ачерби, дабы видѣться съ нимъ безъ Розетти. Ачерби увѣрялъ меня, что паша не 3000 человѣкъ посылалъ, а 5000 человѣкъ въ Анатолію. Я просилъ его сообщить Бутеневу въ Константинополь объ успѣхѣ Галиль-паши, и онъ обѣщался сообщить о томъ Австрійскому посланнику при Царьградскомъ дворѣ,

для сообщенія и намъ. Онъ сказалъ мнѣ, что чрезъ капитана фрегата, видѣвшагося съ Галиль-пашею, онъ узналъ, что султанъ уступаетъ Сирію, что Французы въ требованіяхъ своихъ за пашу не довольствовались Александреттою, о коей онъ старался, но настаивали, чтобы заняли самую Адану, что паша рубилъ безъ пощады лѣса въ Карамапіи, для перевоза коихъ въ Александрію онъ требовалъ Англійскія суда. Обѣдалъ я у Розетти, который говорилъ мнѣ, что на вышеназванномъ празднествѣ былъ и Австрійскій флагъ, о чемъ Ачерби вѣрно не зналъ и что онъ ему сіе скажетъ. Про Баркера онъ сказалъ мнѣ, что его уже смѣнили, но что Баркеръ вѣроятно еще не зналъ сего; наконецъ, онъ хвалился своими услугами Россіи и показывалъ перстень, пожалованный его дядѣ дворомъ нашимъ.

Видя нѣкоторую перемѣну въ дѣйствіяхъ паши, которую я приписывалъ къ извѣстію о пріѣздѣ Галиль-паши, я пожелалъ видѣть пашу и послѣ обѣда пошелъ къ нему. Онъ меня принялъ по обыкновенному.—Я сбирался выѣхать, сказалъ я, но задержанъ былъ бригомъ, который не имѣлъ достаточно воды, а теперь противными вѣтрами.—Желалъ-бы, чтобы вы подолѣе съ нами остались; я очень радъ васъ видѣть. Не имѣете ли какихъ новостей съ бригомъ изъ Греціи? — Неважныя, отвѣчалъ я; короля Греческаго ожидали, но вы имѣете важнѣйшія.—Да, я ожидаю Галиль-пашу и всю ночь не могъ отъ радости заснуть. Почему бы онъ такъ долго ѣхалъ?—Вѣрно потому, что такъ какъ о прибытіи его не были посланы съ извѣстіями татары, то онъ хочетъ, чтобы слухъ сей распространился, дабы дать вамъ время приготовиться къ приличному пріему. И такъ вы надѣетесь кончить? — Увѣренъ, что кончимъ.—Такъ зачѣмъ же вы посылаете войско въ Анатолію? Вы обѣщались Государю прекратить военныя дѣйствія и двигаете войска. Впрочемъ я вамъ сего не отсовѣтую, дѣлайте какъ лучше знаете; я только свое мнѣніе излагаю и спрошу васъ, какъ я долженъ объяснить передъ Государемъ дѣйствіе сіе? Паша отвѣчалъ съ жаромъ, что въ числѣ сихъ войскъ не было ни одного десятника, что это не батальоны, а команды отъ разныхъ полковъ, съ коими онъ не зналъ куда дѣваться и отправлялъ ихъ по сему къ своему мѣсту.—Сколько же вы посылаете?—Право не помню, сколько ихъ теперь осталось въ Александріи (подумавъ), отъ 2000 до 3000. Да что̀ за дѣло? Мы примиримся, я вамъ обѣщался и сдержу слово.—Безъ сомнѣнія вы этимъ числомъ не прибавите силъ вашихъ въ Анатоліи; да еслибы и въ десять разъ болѣе послали, то дѣло бы не перемѣнилось. И такъ я доложу Государю поводъ вами изложенный; но не знаю, какъ сіе будетъ принято; впрочемъ, повторю обѣщаніе ваше покориться. — Покориться? Да, я покорюсь; но если у меня будутъ требовать слишкомъ

много, какъ напримѣръ, вчера мнѣ Ачерби говорилъ о Сиріи, о флотѣ, наконецъ, если мнѣ скажутъ, встань и пошелъ вонъ (прибавилъ онъ съ сердцемъ), такъ разумѣется, что у меня только одна жизнь, я на все пущусь въ отчаяніи. Меня хотятъ стращать! Да, насъ было 11-ть братьевъ, я одинъ остался въ живыхъ, и я всегда умѣлъ оградить собственность свою; я уже сорокъ пять лѣтъ воюю. — Когда это случилось? спросилъ я хладнокровно. — Это случилось, когда я еще дома жилъ въ Румеліи. Да, я искренно желаю примириться съ султаномъ, покориться государю своему и все для сего сдѣлаю.—А какъ вы скоро думаете кончить? спросилъ я хладнокровно. — Не знаю: вѣдь это не отъ меня будетъ зависить. Я ничего не буду требовать, а удовольствуюсь тѣмъ, что̀ пожалуетъ мнѣ государь мой.—Такъ почему же вы такъ убѣждены, что примиритесь?—Я имѣю извѣстія изъ Константинополя. Ачерби же ко мнѣ вчера съ условіями пришелъ; я не приму посторонняго участія, да и вѣра намъ сего не позволяетъ.—И очень хорошо сдѣлаете, и Государь не любитъ, чтобы въ его дѣла вмѣшивались. Подобно сему и онъ не вмѣшивается въ дѣла султана съ вами. Не допускайте ни одной, рѣшительно ни одной, державы въ посредничество, и сіе будетъ служить Государю самымъ лучшимъ доказательствомъ, вѣрнымъ залогомъ успѣха въ примиреніи. Сіе подастъ мнѣ вѣрную надежду, что вы успѣете; я же прошу васъ опять убѣдиться, что я не принимаю на себя званія посредника (сіе было бы неприлично Государю), а я прибылъ къ вамъ единственно, чтобы сообщить вамъ расположенія Его Величества, о коихъ я вамъ уже говорилъ. Паша притворно принялъ другой видъ и, притворяясь веселымъ, съ коварною улыбкою сказалъ: Хотите ли знать, какъ я приму Галиль-пашу? Я пошлю къ нему на встрѣчу Османъ-пашу, своего адмирала со всѣми флотскими чиновниками, который его встрѣтитъ при входѣ въ портъ; прежде его еще встрѣтитъ Галиль-чаушъ; сіе такъ водится всегда. Когда онъ въѣдетъ, Османъ-паша скажетъ ему, что флотъ въ печали и огорченіи ожидаетъ его привѣтствія и когда онъ отсалютуетъ, тогда ему будутъ отвѣчать со всѣхъ судовъ моихъ. На берегу онъ будетъ встрѣченъ батальономъ пѣхоты, и я его помѣщу въ своемъ домѣ, а великаго визиря, когда его привезутъ, въ этихъ комнатахъ; самъ же перейду въ другое мѣсто и буду къ нимъ въ гости ходить. — Такъ вы не будете держать визиря узникомъ? — Какъ можно! И теперь сынъ мой оказываетъ ему самыя большія почести; онъ къ нему ходитъ всякій день по два раза.—Это безъ сомнѣнія очень похвально, но относится только къ султану, и мнѣ пріятно сіе отъ васъ слышать; но Государю другое нужно: онъ требуетъ вашего примиренія. — Увидите, что все кончимъ, какъ нельзя скорѣе, и вы еще въ Константинополѣ

о семъ узнаете; посланники пошлютъ переговоры въ Царьградъ.—Да развѣ Галиль-паша не уполномоченъ?—Это уже всегда такъ водится; вѣдь дѣло идетъ у государя съ своимъ подданнымъ. У насъ не будетъ никакихъ бумагъ или договоровъ письменныхъ. Галиль-пашу я знаю, а визиря никогда не видалъ; помню, что однажды привели ко мнѣ 3-хъ плѣнныхъ мамелюковъ и когда я узналъ, что одинъ изъ нихъ принадлежалъ сераскиру, я его тотчасъ отослалъ къ Хозреву; говорятъ, что этотъ самый теперь визиремъ.—Тѣмъ болѣе ему чести, что онъ умѣлъ выслужиться изъ такого низкаго званія. — Да, говорятъ, что у него нѣтъ никакихъ способностей. — Я слышалъ напротивъ.—Онъ никогда не учился.—Чтò за дѣло? У него, говорятъ, голова хорошая.—Да у нихъ нѣтъ порядочныхъ и людей, некому посовѣтывать султану. Я ему когда совѣтывалъ не предпринимать войны противъ Россіи, онъ меня не послушалъ. Они не имѣютъ и порядочныхъ генераловъ. Гуссеинъ-паша и визирь были разбиты сыномъ моимъ. И тутъ онъ началъ опять хвалиться побѣдами своими, говоря, что у Турокъ не болѣе 5000 войска осталось, что многіе къ нему перешли и что онъ уже ихъ одѣлъ по-своему, что Турки въ пяти переходахъ только отъ Царьграда находятся.—Много ихъ перешло такимъ образомъ къ вамъ? — 10000. У Турокъ очень мало осталось, всѣ почти разбѣжались. — У Турокъ было еще 28000 послѣ разбитія визиря; сіе я навѣрное знаю.—А сколько было до того?—Навѣрное не знаю, но полагаю, ихъ было отъ 50000 до 60000.—Точно такъ, да чтò въ числѣ, когда нѣтъ начальниковъ порядочныхъ?—Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ я, извѣстно всѣмъ, что вы ихъ сильнѣе сдѣлались, и оставшіеся 28000 вѣроятно не устоятъ передъ вашими войсками; на Турецкія силы уже мало надежды, въ начальникахъ они нуждаются; но теперь вамъ предоставлено будетъ снабдить султана и войскомъ, и хорошими опытными генералами.

Разговоръ нашъ прекратился. За четверть часа до окончанія онаго, я услышалъ громкое пѣніе въ другой комнатѣ, а вскорѣ вошелъ секретарь паши съ объявленіемъ, что съ другаго дня начнется постъ, ибо увидѣли новую луну Могаремми. Я простился съ пашею и спросилъ его, не имѣетъ ли онъ еще чего либо мнѣ поручить.—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, ничего, кромѣ всего сказаннаго мною уже вамъ...

При выходѣ были собраны муллы и молились въ передней; на крыльцѣ стояли благовѣстители, которые громкими голосами возвѣщали народу нарожденіе мѣсяца; какъ же только я отплылъ, то началась съ крѣпости пушечная пальба. Вѣтеръ былъ очень сильный, и я съ трудомъ добрался при большомъ волненіи до своего фрегата.

Послѣднее сіе свиданіе мое съ пашею показало мнѣ, какое вліяніе имѣло на сего честолюбца извѣстіе о прибытіи Галиль-паши: не-

простительная ошибка, которую сдѣлалъ султанъ и за которую онъ заплатитъ по крайней мѣрѣ Сиріею, которую Магметъ-Али, при нѣкоторой настойчивости, былъ бы готовъ уступить.

9-го. Вѣтръ продолжался противный и такой сильный, что признали опаснымъ остаться противъ пролива; а потому, снявшись съ якоря, мы поплыли въ портъ, гдѣ опять остановились. Часу въ третьемъ по полудни прибылъ Галиль-паша. Корветъ его остановился въ заливѣ съ другой стороны дворца, потому что вѣтръ не позволялъ ему войти въ главный портъ и тотчасъ по прибытіи его началась пальба со всего флота и съ крѣпости. Всѣ суда Магметъ-Али были убраны разноцвѣтными флагами, чтó составляло прекрасный видъ. Вскорѣ послѣ сего прибылъ ко мнѣ Розетти съ извѣстіемъ о пріемѣ, сдѣланномъ Магметъ-Али-пашею Галиль-пашѣ. Сей послѣдній пріѣхалъ верхомъ къ крыльцу, на верху коего ожидалъ его Магметъ-Али. Галиль слѣзъ съ лошади, и Магметъ-Али сошелъ съ ступеней. Галиль бросился, дабы поцѣловать у него полу, но Магметъ-Али сего не допустилъ и поцѣловалъ его въ бороду. Они провели около часа въ пріемной комнатѣ наединѣ. Галиль подалъ ему грамату султана, которую Магметъ-Али поцѣловалъ и приложилъ къ головѣ своей. По выходѣ Галиль-паши, Магметъ-Али былъ задумчивъ, но наконецъ сдѣлалъ знакъ рукою, какъ будто съ выраженіемъ, что все кончено, и позвалъ къ себѣ секретаря своего и Богоса. Розетти полагалъ, что договоръ между ними уже былъ совершенно конченъ. Между прочимъ онъ просилъ меня, отъ имени Магметъ-Али, приказать сдѣлать розысканія на обоихъ судахъ, не скрылся ли у насъ одинъ Грекъ, бѣжавшій отъ своего господина, котораго онъ обокралъ, прося возврата только однѣхъ вещей. Я отвѣчалъ, что и самый спросъ такого рода былъ Магмету-Али неприличенъ и что я никакъ не былъ намѣренъ дѣлать подобныхъ розысковъ; пашѣ же поручилъ изъявить желаніе мое, дабы онъ свои дѣла кончилъ. Когда мы говорили о флотѣ нашемъ уже приготовленномъ, неужели, спросилъ Розетти, вы не потребуете уплаты сего вооруженія отъ Турціи? Я отвѣчалъ, что Россія еще никогда не отдавала войскъ своихъ въ наемъ. Онъ жаловался также на оскорбленіе, нанесенное ему Ачербіемъ, говоря, что онъ сіе вписалъ въ актъ; говорилъ въ пользу безпріютныхъ демагоговъ, коимъ паша даетъ убѣжище. Я подтвердилъ вчерашній отвѣтъ мой пашѣ, что я надѣялся, что онъ не приметъ ничьего посторонняго посредничества, и Розетти меня въ семъ увѣрялъ. Ввечеру я послалъ за Бутеневымъ, дабы сообщить ему цѣль моего посольства; но нашелъ его совершенно въ другихъ мысляхъ: онъ порицалъ волю Государя и даже то обхожденіе, которое я здѣсь имѣлъ, такъ что я вынужденъ былъ ему объявить, сколько я находилъ необ-

ходимымъ, дабы поступки его совершенно соотвѣтствовали моимъ видамъ и замѣтилъ ему, сколько было неприлично ему ходить въ театръ, когда онъ зналъ, что я сего не желалъ.

10-го. Я посылалъ просить Французскаго парохода, дабы насъ выбуксировать. Консулъ Мимонтъ на сіе и согласился; но капитанъ парохода далъ предлогъ, что онъ прежде дня не можетъ намъ служить, потому что машина его только что была смазана. Причина же сего была та, что онъ не хотѣлъ повиноваться требованію консула своего и желалъ показать свою независимость отъ него. Сколько мнѣ ни хотѣлось не касаться сего парохода, но меня вынудила къ сей мѣрѣ необходимость, въ коей я находился, поспѣшить выѣздомъ отсюда; ибо я замѣчалъ изъ разговоровъ Розетти, что паша хотѣлъ вернуть все сказанное имъ мнѣ, дабы не показать страха, который ему былъ вселенъ моими угрозами. Я не имѣлъ болѣе надобности мѣшаться въ дѣла его и предоставлялъ ему замириться съ Галиль-пашею.

Поутру приплылъ на фрегатъ Египетскій митъ-баши или батальонный командиръ, который называлъ себя Русскимъ, взятымъ въ младенчествѣ въ плѣнъ Черкесами и проданнымъ въ Египетъ. Онъ просилъ защиты моей и говорилъ, что не пойдетъ съ судна, опасаясь, чтобы паша ему не отрубилъ голову или не разстрѣлялъ бы его за побѣгъ. Человѣкъ сей былъ подозрителенъ и хотя черты лица его были Русскія, но онъ не зналъ ни слова по-русски и могъ быть подученъ отъ паши, дабы обвинить насъ въ пристанодержательствѣ бѣглыхъ. Я отвѣчалъ ему, что не могъ его везти безъ согласія паши и убѣдилъ возвратиться, что̀ онъ и сдѣлалъ.

Передъ вечеромъ я получилъ записку отъ Ачерби, который убѣдительно просилъ меня видѣться предъ отъѣздомъ моимъ, говоря, что онъ имѣетъ мнѣ сообщить самыя занимательныя свѣдѣнія и извиняясь, что онъ не могъ за непогодою ко мнѣ пріѣхать. Полагая, что дѣло сіе было слишкомъ важно и что между Галиль-пашею и Магметъ-Али заключался какой нибудь договоръ противъ Россіи, я поспѣшилъ къ нему въ дождь и грязь, и онъ объявилъ мнѣ за великую новость пріемъ, который былъ сдѣланъ Галиль-пашѣ, о коемъ я уже зналъ въ самый день пріѣзда его. Онъ все мечталъ о томъ, чтобы отдать Туркамъ флотъ паши, какъ будто бы переговоры дѣлались послѣ какого либо успѣха въ оружіи со стороны Турокъ. Однакоже онъ между прочимъ сообщилъ мнѣ, что корветъ Галиль-паши не салютовалъ крѣпости и всему флоту Магметъ-Али, что Сирія уступалась Турками, но что, кажется, дѣло шло о флотѣ, который султанъ не соглашался оставить пашѣ. Ачерби говорилъ мнѣ, что вооруженія продолжались, что всѣ портные Каира были заняты шитьемъ 35.000 новыхъ мундировъ, что

паша хотѣлъ срубить головы шести правителямъ областей верхняго Египта, опоздавшимъ выслать требуемое съ нихъ число рекрутъ и что онъ заключилъ сію угрозу напечатаннымъ сего числа приказомъ, въ коемъ онъ называлъ ихъ самыми позорными словами; наконецъ, что и поставщики строительнаго лѣса, коимъ было отказано въ сдѣланномъ съ ними подрядѣ, вновь получили приказаніе доставить требуемый лѣсъ.

Отъ него я зашелъ къ Розетти. Отъ него получилъ письмо, коимъ онъ увѣдомлялъ меня, что Турецкій дворъ отправилъ Галиль-пашу принять посредничество Франціи исключительно и что, будучи сего числа у Мимонта, онъ видѣлъ у него драгомана Галиль-паши, который ему доставилъ о семъ бумагу. Въ письмѣ онъ писалъ, что получено это извѣстіе отъ Французскаго министра въ Константинополѣ, на словахъ же мнѣ сказалъ, что сіе было писано отъ дивана, почему я несовершенно вѣрю сему извѣстію. Я отвѣчалъ, что такъ какъ желаніе Государя было видѣть миръ у паши съ султаномъ, то онъ вѣрно не обратитъ вниманія на средства, коими до сего достигнуто, лишь бы исполнили его волю; ибо онъ самъ не расположенъ былъ вмѣшиваться въ посредничество, и паша вѣрно изберетъ себѣ лучшее. Розетти объяснялъ поступокъ Галиль-паши, не салютовавшаго Магметъ-пашѣ, тѣмъ, что корветъ его пошелъ такъ, что всѣ сухари его даже подмочились и что люди, будучи заняты выкачиваніемъ воды, не могли оставаться при орудіяхъ. О дѣлахъ еще не говорили, но сего числа должны были начаться совѣщанія объ оныхъ. Розетти спрашивалъ меня, останусь ли я, чтобы узнать о рѣшеніи дѣла. Я отвѣчалъ, что не имѣю въ семъ надобности и даже не буду стараться узнавать о семъ, лишь бы помирились.—Помирятся, будьте увѣрены, сказалъ Розетти.

11-го вѣтръ сдѣлался попутный, и мы немедленно снялись съ якоря. Бригъ я взялъ съ собою, съ тѣмъ, чтобы болѣе имѣть силъ въ Константинополѣ на случай, еслибъ Магметъ-Али-паша вздумалъ продолжать военныя дѣйствія, дабы защитить Царьградъ: ибо съ находящимися тамъ уже нашими судами я могъ высадить около 600 человѣкъ на берегъ и симъ воспрепятствовать переходу Египетскихъ войскъ. При томъ же я не хотѣлъ огорчить Апполинарія Петровича, поступивъ съ братомъ его, какъ онъ сего заслуживалъ, и могъ послать бригъ съ извѣстіями къ эскадрѣ адмирала Рикорда.

Вскорѣ послѣ выхода нашего изъ порта Александрійскаго вѣтеръ сдѣлался сѣверный, и насъ занесло къ берегамъ Африки, откуда мы съ трудомъ могли вылавировать; ибо вѣтръ сдѣлался весьма силенъ, такъ что буря постоянно сопровождала наше плаваніе въ теченіе трехъ сутокъ. Три паруса главныхъ у насъ порвало, судно расшаталось, и

оказалась течь; но на четвертый день погода перемѣнилась, и вѣтръ очень стихъ, такъ что мы сегодня еще не дошли лавированіемъ до половины разстоянія отъ Александріи до острова Кандіи.

17-го. Хода было весьма мало, ибо вѣтръ хотя попутный, но былъ очень тихъ; между тѣмъ въ фрегатѣ замѣтили значительныя поврежденія послѣ бури, которую мы претерпѣли у береговъ Анатольскихъ. Изъ сихъ поврежденій главнѣйшее состоитъ въ рулѣ, который бьется и требуетъ исправленія. Обстоятельство сіе, по мнѣнію морскихъ офицеровъ и самого капитана, содѣлываетъ и плаваніе наше опаснымъ при сильномъ волненіи, ибо мы можемъ лишиться совершенно руля. Бизани съ лѣвой стороны также ослабли, и болты, придерживавшіе оныя къ судну, выскочили изъ дерева, которое отъ давности погнило; но сему пособили, сколько могли, вчера-же новымъ веревочнымъ скрѣпленіемъ и новыми болтами.

18-го. Всю ночь чинили сломанный руль, который кое-какъ починили.

19-го поутру мы увидѣли острова Скарисиръ и Родосъ, между коими и вошли въ Архипелагъ. Волненіе унялось, погода была пріятна, вѣтръ попутный, и мы продолжали плаваніе свое между островами самымъ благополучнымъ и пріятнымъ образомъ.

21-го. Послѣ полдня прошли мимо Дарданельской крѣпости; но въ самое то время вѣтеръ прекратился, и мы принуждены были сѣсть на якорь, какъ и бригъ, который прибылъ прежде насъ. По прибытіи моемъ явился ко мнѣ вице-консулъ нашъ Тимони, который ничего не зналъ о военныхъ дѣлахъ, но говорилъ мнѣ, что Дюгамель изъ поѣздки своей въ Анатолію возвратился въ Константинополь. Я хотѣлъ было отправиться берегомъ, но не нашелъ на сіе средствъ на берегу.

23-го. Мы вышли изъ Дарданеллъ и шли довольно хорошо Мраморнымъ моремъ; часть Турецкаго флота еще оставалась передъ ла-Маншомъ, мимо коего мы прошли, не салютуя.

24-го. Къ ночи мы подошли къ Принцевымъ островамъ, отъ коихъ должны были повернуть назадъ къ Европейскому берегу; ибо свѣжесть вѣтра и теченіе изъ Босфора сбивали насъ къ Югу. Всѣми сими днями я пользовался, дабы изготовить бумаги свои и донесенія къ отправленію въ Петербургъ, въ намѣреніи послать ихъ берегомъ съ нарочнымъ, или самому перевезти ихъ въ готовности къ Бутеневу, чтобы не задержать отъѣзда курьера, по прибытіи моемъ въ Царьградъ.

ПО ПОВОДУ БІОГРАФІИ А. К. КАЗЕМБЕКА.

Госпожа О. А. Боратынская, дочь извѣстнаго оріенталиста, профессора Казембека, помѣстила въ „Русскомъ Архивѣ“ сего года, 165—174, нѣсколько документовъ о немъ, извлеченныхъ изъ 1-й части VI-го тома „Актовъ Кавказской Археографической Коммиссіи“.

Отношеніе А. П. Ермолова отъ 12 Января 1827 года г-жа Боратынская сопровождаетъ двумя примѣчаніями, которыя нельзя оставить безъ возраженій. Въ первомъ примѣчаніи (стр. 171) г-жа Боратынская сѣтуетъ на неуспѣхъ православныхъ миссіонеровъ у горскихъ народовъ сравнительно съ инославными. Сѣтованія эти были бы справедливы, если бы г-жа Боратынская не забывала тѣхъ условій, въ которыя были поставлены инославные проповѣдники въ то время, и о которыхъ отчасти свидѣтельствуетъ и А. П. Ермоловъ. Мы имѣли случай коснуться отношенія нашего правительства въ царствованіе Александра Павловича къ Шотландскимъ и другимъ иностраннымъ миссіонерамъ. Понятно, что такое привиллегированное положеніе инославныхъ проповѣдниковъ исключало всякую дѣятельность православнаго духовенства.

Во второмъ примѣчаніи (стр. 173) г-жа Боратынская пишетъ: „Преклоняясь передъ высокимъ государственнымъ умомъ ген. Ермолова, позволю себѣ замѣтить, что я въ совершенно вѣрномъ смыслѣ истолковала его запрещеніе моему отцу предпринимать какія бы то ни было миссіонерскія дѣйствія, и г. Козубскій совершенно напрасно отрицаетъ правильность моего примѣчанія (см. стр. 558 „Русскаго Архива“ 1893 г., кн. III)“. Признаться, мы не понимаемъ, въ чемъ г-жа Боратынская находитъ нашу ошибку. Во первыхъ, мы напечатали отношеніе Ермолова цѣликомъ: она почему-то выпустила начало его (напечатанное въ „Актахъ“, Кавказск. Археогр. Ком. стр. 478), гдѣ именно Ермоловъ пишетъ о Казембекѣ, а напечатала только продолженіе его, гдѣ ничего не говорится о немъ, а излагается взглядъ Ермолова на дѣятельность Шотландскихъ миссіонеровъ. Вотъ это начало, весьма важное въ спорномъ вопросѣ. Ссылаясь на отношеніе Ланскаго отъ 12 Октября 1825 г. съ требованіемъ объясненій по поводу Шотландскихъ миссіонеровъ и опредѣленія Мамедъ-Али въ г. Омскъ на службу, А. П. Ермоловъ пишетъ: „По послѣднему обстоятельству вамъ доставлены уже подробныя свѣдѣнія прямо отъ Астраханскаго гражданскаго губернатора при представленіи отъ 4 Ноября № 7271; въ дополненіе къ онымъ я считаю нужнымъ препроводить при семъ копію съ отношенія моего къ управляющему Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ отъ 28 Октября 1824 г. № 255, изъ котораго вы изволите усмотрѣть

причины, побудившія меня означеннаго Мамедъ-Али не допускать къ выполненію порученій миссіонерскихъ, а также и то, что я самъ ходатайствовалъ объ опредѣленіи его въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, но Его Имп. Вел. въ Бозѣ почившему Императору было благоугодно повелѣть опредѣлить его учителемъ Азіятскихъ языковъ въ Омскъ, о чемъ Высочайшее соизволеніе объявлено мнѣ графомъ Нессельроде въ отношеніи отъ 29 Августа 1825, № 631". Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи Алексѣя Петровича, на которое опирается г-жа Боратынская, чтобы указать нашу ошибку, онъ высказываетъ тотъ же взглядъ на вопросъ о молодомъ Казембекѣ, который выражалъ и въ другихъ документахъ. Во вторыхъ, какъ это обстоятельство, такъ и вообще взглядъ Ермолова на дѣятельность инославныхъ миссіонеровъ, кажется, достаточно доказываетъ, что наше толкованіе образа дѣйствій Алексѣя Петровича въ дѣлѣ Казембека остается правильнымъ.

Е. Козубскій.

Г. Темиръ-Ханъ-Шура, 15 Іюня 1894 г.

ПЕРЕПИСКА ПО ПОВОДУ АРРІАНОВА ПЕРИПЛА.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ за текущій 1894 г. (въ книжкахъ Апрѣльской стр. 562 и шестой Іюньской—стр. 215) говорится о Русскомъ переводѣ Арріанова „Перипла Понта Евксинскаго“, сдѣланномъ въ 1836 г. въ Одессѣ А. Я. Фабромъ и о томъ, что появленіе этого перевода связано съ путешествіемъ графа М. С. Воронцова вокругъ береговъ Чернаго моря.

Что переводъ Фабра появился не безъ вліянія и содѣйствія графа Воронцова, это видно уже изъ того, что Фабръ посвятилъ свой трудъ графу Воронцову. Но нижеслѣдующія письма графа Воронцова къ преосв. *Димитрію Сулимѣ*, архіепископу Кишиневскому, къ епархіи котораго принадлежала еще тогда Одесса, показываютъ, что графъ Воронцовъ близко принималъ къ сердцу изданіе на Русскомъ языкѣ Арріанова Перипла и дальнѣйшее усовершенствованіе этого изданія. Письма эти оказались въ числѣ бумагъ архіепископа Димитрія Сулимы, собранныхъ нами въ Кишиневѣ, въ бытность нашу преподавателемъ тамошней Духовной Семинаріи. Сообщаемъ ихъ въ „Русскій Архивъ“ съ нѣкоторыми нашими примѣчаніями.

1.

Ваше высокопреосвященство, милостивый государь и архипастырь!

Изъ объявленія, которое было помѣщено въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ настоящаго года, вашему высокопреосвященству вѣроятно уже извѣстно о выходѣ въ свѣтъ Русскаго перевода Арріанова Перипла, трудовъ г-на статскаго совѣтника Фабра. Между многочисленными изданіями этого сочиненія существуетъ одно древнее, но весьма замѣчательное по своимъ коментаріямъ, изданіе Швейцарскаго филолога Стуккіуса, на Латинскомъ языкѣ, которые желалъ-бы я видѣть изданными въ Русскомъ переводѣ; но, не имѣя въ виду человѣка, который бы съ знаніями Латинскаго языка могъ располагать достаточнымъ временемъ къ успѣшному окончанію такого труда, я, по убѣжденію моему въ вашей любознательности и въ твердой надеждѣ, что въ подвѣдомственныхъ вашему высокопреосвященству духовныхъ заведеніяхъ найдется человѣкъ, способный исполнить такое порученіе съ желаемымъ успѣхомъ, покорнѣйше прошу ваше высокопреосвященство не оставить своимъ архипастырскимъ распоряженіемъ о переводѣ упомянутыхъ комментаріевъ, составляющихъ въ подлинникѣ 192 страницы въ листъ мал. форм., на Русскій

языкъ, почтивъ меня въ тоже время своимъ увѣдомленіемъ, вслѣдствіе котораго я распорядился бы о высылкѣ Латинскаго подлинника [1]).

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга графъ Воронцовъ.

24 Февраля 1837
Одесса.

2 [2]).

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь и благодѣтель!

Благодаря усерднѣйше ваше сіятельство за доставленіе здѣшней семинаріи случая къ полезному занятію, предложеніемъ къ переводу Коментаріевъ на Арріанова Перипла, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь и благодѣтель, учинить распоряженіе о высылкѣ ко мнѣ Латинскаго подлинника изданія Стуккіуса и съ нимъ вмѣстѣ, буде можно, Русскаго перевода Перипла; и та и другая книга будутъ возвращены въ цѣлости.

Симъ отвѣтствуя на почтеннѣйшій отзывъ вашего сіятельства отъ 24-го сего Февраля, я съ достодолжнымъ моимъ къ особѣ вашей, милостивый государь и благодѣтель, высокопочитаніемъ и преданностію имѣю честь быть, сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь и благодѣтель, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Димитрій архіепископъ Кишиневскій и Хотинскій.

28 Февраля 1837
Кишиневъ.

3.

Ваше высокопреосвященство, милостивый государь и архипастырь!

Пользуясь благосклонною готовностью вашего высокопреосвященства, я препровождаю къ вамъ Стуккіево изданіе двухъ Арріановыхъ Периплов, т. е. Евксинскаго Понта и Эритрейскаго моря, покорнѣйше прося приказать перевести изъ этой книги одни только Комментаріи (Scholia) на Периплъ Понта Эвксинскаго, занимающіе въ ней ровно 192 страницы. Относительно же Русскаго перевода Арріанова Перипла г-нъ Фабръ увѣдомилъ меня, что экземпляръ своего перевода имѣлъ онъ честь отправить уже къ вашему высокопреосвященству.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга графъ Воронцовъ.

№ 134. 14 Марта 1837.
Одесса.

На этомъ письмѣ преосв. Димитрій Сулима написалъ слѣдующую резолюцію: „Получ. 16 Марта 1837 г. Препровождая при семъ а) переводъ на Россійскій языкъ Арріанова Перипла Понта Эвксинскаго, учиненный Андреемъ

---

[1]) Это изданіе Стуккіуса въ предисловіи къ переводу Фабра называется *лучшимъ* изданіемъ Арріанова Перипла и приводится въ полномъ заглавіи такъ: „Periplus Ponti Evxini et maris Erythraci, c. vers. Lat. et schol., ed. Io. Gu. Stuckius. Cum indd. Lugduni, Vincent. 1577 in fol. min."

[2]) Настоящее письмо преосв. Димитрія Сулимы сохранилось въ черновомъ отпускѣ.

Фабромъ и б) значущуюся въ письмѣ семъ книгу, я прошу отца ректора семинаріи: *первое*, учинить, по обѣщанію, распоряженіе для перевода Комментаріевъ Стуккія на Периплъ Понта Эвксинскаго, и о послѣдующемъ на сей же бумагѣ извѣстить меня; и *второе* — по окончаніи перевода Стуккіевыхъ схолій обратить ко мнѣ обѣ препровождаемыя при семъ книги. Д. А. К".

Вслѣдъ за симъ написано слѣдующее:

„Въ угожденіе его сіятельству, я съ удовольствіемъ принимаю на себя трудъ перевода Стуккіевыхъ Схолій, которымъ, при помощи Божіей, и буду постоянно заниматься въ часы, свободные отъ училищныхъ занятій. Ректоръ семинаріи архимандритъ Филадельфъ" *).

При вышеприведенной нами перепискѣ оказалась и *одна* тетрадь (изъ трехъ листовъ писчей бумаги) перевода архим. Филадельфа, собственноручно имъ писанная, по счету 54-я. Видно, о. архим. Филадельфу приходилось трудиться довольно. По мѣстамъ переводъ исправленъ рукою преосв. Димитрія Сулимы. Вотъ оглавленія на поляхъ къ этому переводу: „Съ какимъ намѣреніемъ Троянъ соединилъ Данувій мостомъ? — Константинъ соединилъ Данувій каменнымъ мостомъ.—Ратисбонскій мостъ.—Александръ Македонскій переѣзжалъ Данувій на лодкахъ.—Качество воды Данувія. — Рыбы Данувія. Вода Данувія замерзаетъ.—Ледъ Данувія таковъ, что можетъ сдерживать самыя большія тяжести.—Куски Дунайскаго льда кладутъ въ стаканы для прохлажденія вина.—Корабли на Дунаѣ держатся въ узахъ льда. — Ихъ тяжести перевозятъ на повозкахъ. — Войско Гунновъ переходитъ замерзшій Дунай какъ по сушѣ.—Деревья, съ которыхъ течетъ мазь.—Вино при Данувіи.—Нѣкоторые думаютъ, что Дунай изливается въ два моря — Эгейское и Понтійское, а другіе—въ Понтъ и Адріатическое. — Плаваніе Аргонавтовъ.—Истрія такъ названа отъ Истра.—Нѣкоторые думали, что Данувій течетъ въ Ливоніи.—Рыбы безъ костей и хрящей".

О дальнѣйшей судьбѣ Кишиневскаго перевода Стуккіевыхъ Схолій намъ пока неизвѣстно.

Сообщилъ **Левъ Мацѣевичъ**.

---

*) Архим. *Филадельфъ Пузына*, воспитанникъ Переяславской д. семинаріи и 1-го курса С-Петербургской Дух. Академіи, былъ большой любитель наукъ и литературы. Ректоромъ Кишиневской д. семинаріи онъ былъ съ 25 Января 1831 г. по 16 Апрѣля 1849. См. о немъ *И. А. Чистовича*: „Біографическій списокъ студентовъ С.-Петербургской Дух. Академіи перваго курса" стр. 24; *архим. Григорія*, „Историч. описаніе Моск. Златоустовскаго монастыря" стр. 48—49, а также *Воспоминанія Самчевскаго* въ „Кіевской Старинѣ" 1893 и 1894 годовъ.

СВѢТЛѢЙШІЙ КНЯЗЬ ДМИТРІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ.

Въ нынѣшнемъ 1894 году исполнилось полустолѣтіе со дня кончины этого знаменитаго вельможи, почти четверть вѣка бывшаго достойнымъ хозяиномъ первопрестольной столицы. Теперь мало уже осталось людей, служившихъ подъ его начальствомъ, или знавшихъ его лично; но навѣрное всѣ они помянутъ давно почившаго добрымъ словомъ и молитвеннымъ вздохомъ.

Мать князя, княгиня Наталья Петровна, рожденная графиня Чернышова (прозванная la Princesse Moustache), долго путешествовала по чужимъ краямъ и тамъ воспитала всѣхъ своихъ дѣтей, почему всѣ они плохо говорили по-русски. Старше всѣхъ была Екатерина Владимировна Апраксина, а меньшая графиня Софья Владимировна Строганова *). У княгини Натальи Петровны было прекрасное имѣніе въ Калужской губерніи, село Городня, гдѣ она иногда живала, а другое—Вязёмы, верстахъ въ сорока отъ Москвы, на пути въ Звенигородъ. Это имѣніе, говорятъ, принадлежало Борису Годунову, который тамъ построилъ церковь каменную, очень благолѣпную; потомъ при Петрѣ I оно было пожаловано имъ князю Борису Алексѣевичу Голицыну, его воспитателю.

Въ Дмитровскомъ уѣздѣ было село Рождествено, принадлежавшее тоже Голицынымъ, и въ немъ-то и живалъ лѣтомъ князь Дмитрій Владимировичъ съ женой. Княгиня Татьяна Васильевна была сама по себѣ Васильчикова, а такъ какъ старуха Голицына не считала Васильчиковыхъ довольно знатными, то и неохотно согласилась на бракъ сына, и первое время, говорятъ, невѣстка много терпѣла отъ своей самонравной и надменной свекрови. Старуха Голицына почему-то терпѣть не могла Рождествена и отдала его сыну; сама же не только никогда тамъ не бывала, но даже, когда пріѣзжала въ Ольгово и подолгу гащивала у своей дочери Апраксиной, никто и заикнуться не смѣлъ, что въ двадцати верстахъ оттуда имѣніе ея Рождествено, въ которомъ жилъ ея сынъ. Она дѣтей своихъ всегда называла уменьшительными именами: Апраксину—Катенькой (а Катенькѣ было далеко за шестьдесятъ

---

*) Супруга графа Павла Александровича, тёща графа Сергія Григорьевича Строгановыхъ. Она много занималась по-русски. Сохранился ея Русскій переводъ Дантова «Ада». П. Б.

лѣтъ), сынъ былъ для нея все Митенькой. Разсказываютъ, что когда князь Дмитрій Владимировичъ, уже генералъ-губернаторомъ, бывая въ Петербургѣ, останавливался у матери въ домѣ, ему отводили комнаты въ антресоляхъ *), и княгиня всегда призывала своего дворецкаго и приказывала ему „позаботиться, чтобы все нужное было у Митеньки, а пуще всего смотрѣть за нимъ, чтобъ онъ не упалъ, сходя съ лѣстницы". (Онъ былъ очень близорукъ, очковъ не носилъ, но употреблялъ лорнетъ.)

Не смотря на то, что почти все имѣніе было Голицынское, княгиня Наталья Петровна самовластно всѣмъ завѣдывала, дочерямъ своимъ при ихъ замужествѣ выдѣлила по 2000 душъ, а сыну выдавала ежегодно по 50 тысячъ рублей ассигнаціями. Будучи начальникомъ Москвы, онъ не могъ жить какъ частный человѣкъ, и хотя получалъ отъ казны на пріемы и угощенія, но этого ему не доставало, и онъ принужденъ былъ дѣлать долги. Это стало извѣстно Государю Николаю Павловичу; онъ говорилъ княгинѣ, чтобъ она дала что-нибудь своему сыну. Тогда она взмиловалась и прибавила ему еще 50 тысячъ ассигнаціями, думая, можетъ быть, что она щедро его награждаетъ; но изъ имѣнія, кромѣ ста душъ, находившихся въ Рождественѣ, до самой кончины ея онъ ничего не имѣлъ. Она умерла въ 1837 году, а князь въ 1844 году, слѣдовательно онъ провелъ всю жизнь свою, почти ничего не имѣя, а только за шесть или за семь лѣтъ до смерти получилъ слѣдовавшія ему 16,000 душъ.

Въ Рождественѣ сперва былъ старый и очень плохой домикъ, который кое-какъ устроили, и въ немъ нѣсколько лѣтъ жили Голицыны. Потомъ они стали строиться и выстроили себѣ прехорошенькую усадьбу, домъ и два флигеля; старинную церковь поновили и развели прекрасный садъ. Домъ былъ отдѣланъ внутри очень просто: вездѣ березовая мебель, покрытая тикомъ; нигдѣ ни золоченья, ни шелковыхъ матерій, но множество портретовъ семейныхъ въ гостиной и прекрасное собраніе гравированныхъ портретовъ всѣхъ извѣстныхъ генераловъ 1812 года. Въ залѣ, или въ билліардной, была большая семейная картина во всю стѣну—изображеніе семейства Чернышовыхъ: фигуръ много, и всѣ почти въ натуральную величину. Кисть по времени прекрасная; надобно думать, что такая картина стоила большихъ денегъ, когда портретная живопись была искусствомъ, а не ремесломъ, какъ сдѣлалась впослѣдствіи.

Князь былъ видный мужчина, довольно высокій ростомъ, съ величественной осанкой, имѣлъ прекрасныя черты и прекрасный цвѣтъ лица; съ перваго взгляда можно было узнать въ немъ привѣтливаго, доброжелательнаго вельможу. Когда онъ сдѣлался Московскимъ генералъ-губернаторомъ, и ему

*) Точно также еще недавно старуха Марья Александровна Лонгинова обращалась съ сыномъ своимъ Михаиломъ Николаевичемъ, когда онъ уже былъ главнымъ начальникомъ по дѣламъ печати. Такихъ властныхъ женщинъ было немало въ старину. Это отзвуки женскихъ царствованій XVIII вѣка. П. Б.

приходилось говорить гдѣ-нибудь рѣчь, онъ самъ составлялъ ее и писалъ на Французскомъ языкѣ, потомъ отдавалъ ее для перевода на Русскій языкъ и почти затверживалъ, чтобы сумѣть прочитать по бумажкѣ. Но впослѣдствіи онъ научился по-русски и хотя у него сохранилось въ выговорѣ что-то иностранное [1]), онъ однако объяснялся хорошо. Говорятъ и просьбы ему подавали сперва на Французскомъ языкѣ [2]), и со всѣмъ тѣмъ однако вся Москва его очень любила. Онъ первый обратилъ вниманіе на плохое освѣщеніе улицъ, на пожарную команду, на недостатокъ воды и придумалъ устройство фонтановъ, тогда какъ прежде возили воду изъ Москвы-рѣки или посылали на край города, на Три-Горы, въ Студенецъ. Князь былъ для всѣхъ доступенъ и каждому готовъ всѣмъ помочь, если только могъ; а невозможнаго для него, кажется, не было. Въ продолженіе своего долгаго правленія онъ не сдѣлалъ ни одного несчастнаго и очень, очень многихъ людей спасъ отъ гибели, и даже такихъ, которые безъ его помощи были бы давнымъ-давно гдѣ-нибудь въ Камчаткѣ или за Иркутскомъ. Мало этого: онъ иногда принималъ участіе въ семейныхъ дѣлахъ, когда къ нему обращались, и безъ всякихъ судбищъ и тяжебъ все улаживалъ и соглашалъ враждовавшихъ [3]).

Князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ родился 29 Октября 1771 года и, по существовавшему тогда обычаю, тотчасъ былъ записанъ „на службу въ гвардію". Послѣ многолѣтнихъ путешествій вмѣстѣ съ матерью за границею, онъ поступилъ въ знаменитую въ то время Страсбургскую Военную Академію. По окончаніи курса, князь пробылъ до 23 лѣтъ въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Римѣ и Парижѣ для того, чтобы завершить свое образованіе. Во время Французской революціи князь Д. В. Голицынъ возвратился въ Россію и поступилъ на дѣйствительную службу, изъявивъ непремѣнное желаніе „имѣть честь впервыя обнажить саблю подъ знаменами Суворова". Въ то время князь Голицынъ имѣлъ уже чинъ ротмистра. Первымъ его воинскимъ подвигомъ было участіе въ штурмѣ Праги 14 Октября 1794 года; Голицынъ въ числѣ первыхъ взошелъ на валы непріятельскихъ укрѣпленій и остался живъ, благодаря чуду. За это князь получилъ изъ рукъ Суворова орденъ Св. Георгія 4-й степени. Императоръ Павелъ I-й особенно благоволилъ къ князю и произвелъ его на 27 году отъ рожденія въ генералъ-маіоры; Александръ I-й произвелъ его въ 1804 въ генералъ-лейтенанты, и съ этого времени князь Голицынъ снова принялъ участіе въ походахъ. Онъ отличился въ 1806 г. при Голыминѣ (за что получилъ орденъ Св. Георгія 3-й степени), при Прейсишъ-Эйлау и Фридландѣ; потомъ служилъ въ арміи, покорившей Финляндію. При началѣ Отечественной войны князь Голицынъ снова вступилъ на службу,

[1]) Особенно плохо произносилъ онъ буквы ы и щ.

[2]) Припомнимъ, что это было въ послѣдніе годы царствованія Александра Павловича, когда въ нѣсколькихъ вѣдомствахъ дѣлопроизводство шло на двухъ языкахъ. П. Б.

[3]) Досслѣ извлечено изъ книги Д. Д. Благово: „Разсказы бабушки (Е. П. Янькoвой)", изданной въ 1878 году.

и его имя становится неразрывно связаннымъ съ именами Бородина, Краснаго, Дрездена и особенно Кульма.

Въ 1816 году князь, воспользовавшись кратковременной отставкой, путешествовалъ по Германіи, гдѣ слушалъ лекціи въ университетахъ. Вообще, князь отличался обширною, всестороннею ученостью и сочувствовалъ всему доброму и полезному. Когда скончался Московскій главноуправляющій, Тормасовъ, на его мѣсто назначенъ князь Д. В. Голицынъ съ званіемъ Московскаго военнаго генералъ-губернатора, управляющаго и гражданскою частію. Въ это время князь Д. В. писалъ къ матери: „Не могу безъ чувства робости вступить въ должность правителя, мнѣ совершенно незнакомую. Не довѣряя своимъ силамъ, исполняю волю Государя. Слова мои не лицемѣріе, но голосъ истины и душевнаго сознанія".

Императоръ Николай Павловичъ, вскорѣ по вступленіи на престолъ, наградилъ князя Голицына орденомъ Св. Андрея, а въ 1837 году князь получилъ алмазами украшенный портретъ Государя для ношенія въ петлицѣ. Въ день бракосочетанія почившаго государя Александра Николаевича, 16 Апрѣля 1841 года, князь Д. В. Голицынъ пожалованъ былъ титуломъ „свѣтлости", при чемъ въ рескриптѣ сказано, что отличіе это дано „въ доказательство постояннаго благоволенія Его Величества и совершенной признательности за долговременное, всегда полезное служеніе престолу и отечеству, ознаменованное подвигами отличнаго мужества и храбрости во время войны и многими опытами пламеннаго усердія и примѣрной попечительности на пользу и благоустройство первопрестольной столицы въ продолженіе 20-лѣтняго управленія".

Заслуги князя Голицына на поприщѣ гражданской службы были еще блистательнѣе воинскихъ его подвиговъ. При вступленіи его въ управленіе Москвою, она еще не обстроилась послѣ пожара 1812 года; такъ много было тамъ пустырей и развалинъ, что даже меня, 8-лѣтняго ребенка, привезеннаго въ 1820 году изъ деревни, удивлялъ этотъ видъ запустѣнія. Черезъ десять лѣтъ почти не оставалось и слѣдовъ такихъ пустырей и развалинъ. Къ коронаціи императора Николая I-го (22 Августа 1826 г.) Москва выросла. Рвы и болота были сравнены и осушены; по нимъ разведены сады и бульвары; построены зданія присутственныхъ мѣстъ и Большой театръ; Красная площадь отдѣлана и убрана; соборъ Василія Блаженнаго отдѣленъ отъ масляныхъ лавокъ и окружавшихъ строеній; заложенъ Храмъ Спасителя на нынѣшнемъ его мѣстѣ; наведенъ Москворѣцкій мостъ; доконченъ водопроводъ ключевой воды изъ Мытищъ; разведены бульвары и Кремлевскій садъ; безобразныя улицы превратились въ красивыя (Кузнецкій Мостъ, Лубянка, Дмитровка, Тверская площадь и пр.); пески и рытвины за Тверскою заставой исчезли, и на мѣстѣ ихъ явился Петровскій паркъ. И что̀ особенно важно— все это было сдѣлано, никого не отягощая, не стирая историческихъ особенностей и оригинальнаго характера Москвы. Почти всѣ Московскія благо-

творительныя учрежденія основаны или открыты княземъ Дмитріемъ Владимировичемъ. Тюремный комитетъ, въ засѣданіяхъ котораго онъ просиживалъ за полночь, получилъ при немъ жизнь; по его мысли учреждены были особые чиновники для наблюденія и ходатайства по дѣламъ содержащихся подъ стражею. Его заботами основаны были: Общества сельскаго хозяйства и садоводства, Художественные классы, Земледѣльческая школа и опытный при ней хуторъ.

Мнѣ посчастливилось сдѣлаться лично извѣстнымъ князю съ 1841 года, по службѣ моей при Обществѣ Сельскаго Хозяйства и по устройству, въ память княгини Татьяны Васильевны († 1840), Голицынской школы Московскаго Благотворительнаго Общества 1837 года, гдѣ я исправлялъ тогда должность правителя дѣлъ. Болѣе половины капитала на содержаніе этой школы пожертвовано княземъ. Никогда не забуду, а теперь, при воспоминаніи о 50-лѣтіи его кончины, съ особенною благодарностію вспоминаю о постоянномъ милостивомъ вниманіи его ко мнѣ.

Въ послѣдніе годы своей жизни князь страдалъ каменною болѣзнію и рѣшился поѣхать для лѣченія въ Парижъ. Предъ отъѣздомъ онъ позаботился о дорогомъ ему Обществѣ Сельскаго Хозяйства, оба вице-президента котораго, графъ П. А. Толстой и князь С. И. Гагаринъ и непремѣнный секретарь С. А. Масловъ были въ отсутствіи. Князь назначилъ предсѣдательствовать въ Обществѣ Д. П. Голохвастову и сказалъ ему при прощаніи: „Je vous confie mon enfant chéri, la Société d'agriculture. Tâchez de vous arranger avec m-r Massloff" *). Но увы! Этимъ двумъ людямъ также легко было поладить между собой, какъ холодной водѣ съ пылающимъ огнемъ. Въ Парижѣ лучшіе Французскіе хирурги рѣшились лѣчить князя мучительною операціею литотритіи (растиранія камня); но старческія силы не вынесли, и князь скончался на 73 году отъ рожденія, 27 Марта 1844 года. Тѣло его перевезено было въ Россію и погребено въ Москвѣ въ Донскомъ монастырѣ.

Погребеніе совершено было митрополитомъ Филаретомъ со всѣмъ почти Московскимъ духовенствомъ. Стеченіе всѣхъ сословій было громадное. Кстати замѣтить, что Филаретъ, при первомъ знакомствѣ съ княземъ, смотрѣлъ на него, какъ на сановника-Француза, почти не умѣвшаго говорить на отечественномъ языкѣ, но скоро, понявъ достоинства князя, сталъ уважать и любить его. Вотъ отрывокъ поздравительнаго письма, присланнаго митрополитомъ князю изъ Петербурга отъ 18 Декабря 1840 года:

„Долго не бесѣдуя съ вами иначе, какъ чрезъ воспоминаніе любви и благодарности, съ радостію встрѣчаю случай бесѣдовать съ вами, хотя крат-

---

*) Поручаю вамъ любимое мое дѣтище—Общество Сельскаго Хозяйства. Постарайтесь поладить съ Масловымъ.

кимъ словомъ, во имя Несказаннаго Слова, велегласно безмолвствующаго въ яслѣхъ. Пріидемъ къ Нему, вы,—путемъ знаменитыхъ съ Востока, я стезею смиренныхъ пастырей изъ страны Виѳлеема; соединимся предъ Нимъ въ вѣрѣ, любви и радости, вознесемъ вмѣстѣ славу въ вышнихъ Богу и благодарность за благоволеніе Его человѣкамъ, столь давно изъявленное".

„Позвольте мнѣ имѣть утѣшительное увѣреніе, что я не мечтаю, но говорю сіе въ общеніи духа и сердца съ вашимъ духомъ и сердцемъ".

„За симъ мнѣ остается возсылать недостойныя, но искреннія молитвы мои къ Обновителю всѣхъ временъ, чтобы Онъ благодатно обновлялъ дни и лѣта на здравіе и миръ и благословилъ васъ утѣшеніями семейственными и вожделѣнными послѣдствіями подвиговъ вашихъ отечественныхъ къ благосостоянію благодарной вамъ столицы" *).

Графъ М. Толстой.

*) Это письмо, сколько мнѣ извѣстно, еще не было напечатано. Оно найдено мною въ рукописномъ сборникѣ М. М. Евреинова.

ГРАФЪ А. Я. ДЕ-МЕЗОНЪ.

Графъ Александръ Яковлевичъ Де-Мезонъ [1]) любилъ путешествовать. Онъ объѣхалъ много земель, былъ и въ Алжирѣ. Вездѣ свое пребываніе онъ отмѣчалъ тѣмъ, что рисовалъ съ натуры разные виды, сцены и т. п. Послѣ него осталось два альбома рисунковъ. Альбомы эти я видѣлъ у покойной Т А. Муковниной[2]). Графъ рисовалъ очень недурно, и его рисунки могли-бы служить украшеніемъ иллюстрированныхъ изданій. Многіе изъ рисунковъ относятся къ Крымской войнѣ 1853—1856 гг. Въ особенности удачно нарисованы „Пѣсенники“. Это группа Николаевскихъ солдатъ, поющихъ солдатскую пѣсню. При взглядѣ на эту картинку такъ и переносишься въ эпоху Крымской войны. Лица „пѣсенниковъ“ таковы, что просто *видишь* переливы пѣсни. Недурно также изображенъ главнокомандующій князь Меншиковъ. Онъ стоитъ на какой-то возвышенности, имѣющей слѣды земляныхъ работъ. Онъ весь погруженъ въ созерцаніе окоповъ, расположенныхъ гдѣ-то внизу. Невдалекѣ отъ него лежитъ бомба, повидимому, только что упавшая изъ непріятельскаго стана. Подъ каждой картинкой имѣются надписи на Французскомъ языкѣ, а также число, мѣсяцъ и годъ рисованія картинки и подпись графа Де-Мезона.

Въ одномъ изъ альбомовъ я нашелъ страницу, которая занята слѣдующимъ стихотвореніемъ.

Умри, замолкни, страсть мятежная,
Души печальной не волнуй!
Не для тебя надежда нѣжная,
Любви горячій поцѣлуй....
Зачѣмъ ты требуешь участія,
Душа-страдалица моя?
Тебѣ-ль искать земнаго счастія
Въ холодномъ мірѣ бытія?
Не ты-ль сподобилась страданія
Отъ юныхъ лѣтъ, отъ первыхъ дней?
Неси свой крестъ безъ содраганія,
Красуйся язвами скорбей....

---

[1]) См. «Русскій Архивъ» 1894 г., I, 193.

[2]) См. тамъ-же.

Для всѣхъ цвѣтетъ надежда нѣжная,
Любовь для всѣхъ дана судьбой;
Лишь для тебя, душа мятежная,
Не создано души другой!...

Покойная Т. А. Муковнина мнѣ говорила, что графъ Де-Мезонъ писалъ стихи.

Упомянутые альбомы по смерти Т. А. Муковниной перешли къ Л. I. Ильину, одному изъ тѣхъ людей, съ которыми графы Де-Мезоны нѣкогда водили постоянно хлѣбъ-соль.

Пользуясь случаемъ, присовокупляю, что семейный склепъ графовъ Де-Мезонъ, находящійся на Симферопольскомъ старомъ кладбищѣ, пришелъ отъ времени въ ветхость: сквозь потолокъ просачивается вода, вслѣдствіе чего штукатурка на потолкѣ обвалилась.... Говорятъ, что графы оставили особый капиталъ для этого причту кладбищенской церкви, но причтъ даетъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что капиталъ оставленъ на поминовеніе....

Д. В. Коломійцевъ.

Симферополь.
17-го Мая 1894 г.

ЛЮДИ ПРЕЖНЯГО ЗАКАЛА.

Изъ воспоминаній В. А. Роткирха *).

СЕРГѢЙ ГЕРАСИМОВИЧЪ БАТУРИНЪ.

Было бы неблагодарностію съ моей стороны не почтить добрымъ словомъ память прекраснаго человѣка *Сергѣя Герасимовича Батурина*, бывшаго въ первыхъ годахъ моего служебнаго поприща, въ концѣ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ, начальникомъ 5-й пѣхотной дивизіи. Онъ былъ любимъ офицерами и особенно солдатами, которые видѣли, какъ онъ распинался за нихъ. Про него у солдатъ сложилась даже поговорка:

Сергѣй Батуринъ
Собой не дуренъ!

тогда какъ, въ сущности, было совсѣмъ на оборотъ: онъ былъ очень неказистъ. Небольшаго роста, довольно полный, съ щетинистыми черными усами и бакенбардами, съ долгими руками, на коротких ножкахъ, вѣчно живой, вертлявый, онъ заставлялъ всякаго, видѣвшаго его въ первый разъ предъ фронтомъ, смотрѣть на него съ какимъ-то вопросительнымъ недоумѣніемъ.

Въ Батуринѣ заключалось два человѣка: одинъ до́ма, другой во фронтѣ. До́ма гостепріименъ, хлѣбосолъ, радушенъ какъ истый Русскій бояринъ, въ обществѣ пріятенъ, веселъ, остроуменъ; но передъ фронтомъ—ломался, скоморошничалъ, вертѣлся какъ пѣтухъ на шпилѣ кирки и сыпалъ, словно изъ рукава, поговорками, пословицами и Церковно-Славянскими изрѣченіями.

Надобно было видѣть, какъ онъ подходилъ къ фронту, особенно въ полной генеральской формѣ, въ шляпѣ, надѣтой „съ поля", въ лосинахъ и ботфортахъ. Онъ приближался въ какихъ-то лансадахъ, размахивая руками до самыхъ плечъ и какъ-то особенно выворачивая ножки. Корчилъ ли онъ

---

*) Покойный Василій Алексѣевичъ Роткирхъ, неоднократно помѣщавшій въ «Русскомъ Архивѣ» свои Воспоминанія подъ именемъ «Теобальда», происходилъ по женскому колѣну отъ Пушкинскаго Арапа Ганнибала и отличался живостью характера. П. Б.

Суворова или кого другаго, или же былъ самородкомъ, оставалось неразгаданнымъ. Съ солдатами здоровался онъ съ какою-то особою для слуха интонаціею. Обойдя фронтъ, онъ приступалъ къ осмотру подробностей обозрѣваемой части, и тутъ-то начинался ливень его прибаутокъ, которыя, еслибы ихъ записывать, составили бы цѣлую книгу. Привожу нѣкоторыя, кромѣ общеизвѣстныхъ:

— Ни одинъ Гаврило не наплюетъ себѣ въ рыло.
— Воспитали Тереху за мѣрку гороху.
— Не замѣтилъ звонарь, что подъ глазомъ фонарь.
— Растеряла Матрёна свои веретёна.
— Плакала Аксинья, что не удалась ботвинья.
— Хватилась Хавронья о печку съ просонья.
— Повѣрила рожа, будто больно пригожа.

„Собачиться во фронтѣ“ считалось въ то время воинскою добродѣтелью, и Сергѣй Герасимовичъ „собачился“, быть можетъ, больше другихъ; но, съ окончаніемъ смотра, этотъ добрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ все забывалъ, отдавалъ въ приказахъ лишь въ мягкой формѣ указанія на болѣе выдающіяся отступленія и отмѣнялъ отсылку подъ арестъ тѣхъ офицеровъ, которымъ приказывалъ идти на гауптвахту.

Особенно непріятенъ во фронтѣ былъ онъ для полковыхъ командировъ, которые должны были выслушивать вотъ какія рѣчи:

— Что вы, въ аренду взяли полкъ, что ли? На что̀ ни взгляни—все требуетъ ремонта. А ремонтъ гдѣ? Въ карманѣ у полковаго командира!... А еще молитесь: и очисти ны отъ всякія скверны!.. Но каково мнѣ между вами? Вотъ ужъ воистинну „со беззаконными вмѣнихся“.

Гдѣ-то я разсказалъ, какъ одинъ начальникъ дивизіи, глядя во внутренность отлично вычищеннаго ружейнаго ствола, воскликнулъ: „И во тмѣ свѣтъ свѣтится, и тма его не объятъ“, при чемъ украдкою кивнулъ на бригаднаго командира. Это и былъ С. Г. Батуринъ.

О себѣ онъ не разъ говорилъ: „Я самъ архіепископъ Архангелогородскій, Вологодскій, Костромской и Галицкій“ (это были названія полковъ его дивизіи).

Любимымъ его адъютантомъ былъ капитанъ *Соломоній,* діаметрально противуположный своему генералу: огромный, полный мужчина. Генералъ, вертясь предъ фронтомъ, безпрестанно обращался къ адъютанту съ приказаніемъ: „Пишите! пишите!“ и тотъ знай пишетъ, не отводя карандаша отъ своей записной книжки.

Бывало, иной ротный командиръ, представляя свою роту, ловко подойдетъ, отсалютуетъ и отрапортуетъ такъ, что понравится начальнику дивизіи;

но вотъ смотръ, и слышится:—Скверно! Гадко! Тотъ же попъ всю обѣдню испортилъ. На гауптвахту! На гауптвахту его!

Прибаутки нерѣдко вызывали улыбку слушателей; но Боже сохрани, если ее замѣчалъ Сергѣй Герасимовичъ: онъ немедленно отсылалъ на гауптвахту офицера, не умѣвшаго скрыть улыбку.

Любопытно было видѣть, какъ онъ смотрѣлъ юнкерскія команды. Нельзя сказать, чтобы Сергѣй Герасимовичъ не любилъ юнкеровъ, хотя и обзывалъ ихъ „шляхтою голопузою", „кислою аммунеціею", „Митрофанушками" и т. п. Напротивъ, его частые смотры доказывали его заботливость о нихъ. Онъ отличалъ образованныхъ юнкеровъ и принималъ ихъ у себя, хотя во фронтѣ и кричалъ:—Мнѣ не нужна твоя голова, спрячь ее себѣ въ карманъ; мнѣ нуженъ носокъ, чтобъ ты умѣлъ вытягивать его на учебномъ шагу.

Нерѣдко онъ входилъ и въ имущественное положеніе юнкеровъ, и для этого спрашивалъ:—Ты великодушный, малодушный или бездушный?

Если юнкеръ не понималъ вопроса, онъ пояснялъ:—Сколько у тебя душъ крестьянъ? Если спрашиваемый отвѣчалъ, напримѣръ, что отецъ его имѣетъ 25 душъ, онъ былъ „малодушный", если же ни одной—то „бездушный".

Сергѣй Герасимовичъ не жаловалъ только тѣхъ юнкеровъ, которыхъ присылали въ полки изъ кадетскихъ корпусовъ за лѣность или дурное поведеніе. Онъ всегда приказывалъ держать ихъ въ ежовыхъ и привѣтствовалъ весьма нелестнымъ комплиментомъ:—Къ нашему берегу ничего добраго не приплыветъ: или щепка, или....

Здоровается, бывало, съ юнкерами также своеобразно:—Здорово „отроцы въ пещи!"

Если юнкера дурно показывали себя на смотру, Батуринъ выходилъ изъ себя и кричалъ:—Мерзко! Гадко! Это бараны! Это тельцы, ихъ же и „на алтарь возложити" не довлѣетъ. Полковой командиръ, поджарьте хорошенько эту „молодую говядинку".

Разъ на смотру онъ началъ расспрашивать фамиліи юнкеровъ. Одинъ изъ нихъ назывался *Чижъ*, а слѣдующій за нимъ *Кошко*.

— Вотъ тебѣ и на! Чижа поставили рядомъ съ кошкою! Берегись, чижъ: не сдобровать тебѣ при кошкѣ!

Третій былъ *Саловъ*. — Это что за безобразіе! накинулся Батуринъ на завѣдующаго юнкерскою командою.—Какъ смѣть помѣстить кошку между чижомъ и саломъ!

Офицеръ улыбнулся, и Сергѣй Герасимовичъ приказалъ ему послѣ смотра отправиться на гауптвахту, но потомъ отмѣнилъ приказаніе.

Мое знакомство съ Сергѣемъ Герасимовичемъ началось по истеченіи четырехъ мѣсяцевъ моей юнкерской службы. Я былъ назначенъ къ нему на ординарцы. Онъ пригласилъ меня обѣдать и послѣ обѣда навязалъ собственноручно на мой тесакъ серебряный темлякъ. Этимъ онъ пожаловалъ меня въ портупей-юнкера и поставилъ во главѣ всей юнкерской команды полка.

Крѣпко любили его солдаты и даже не боялись вовсе, хотя онъ и старался корчить изъ себя звѣря. Бывало, когда онъ придетъ за-просто въ лагерь, солдаты толпами бѣгутъ за нимъ; онъ шутитъ съ ними, идетъ на ротныя кухни, пробуетъ пищу, заходитъ въ кружкй пѣсенниковъ, расхваливаетъ тѣхъ, которые хорошо поютъ или пляшутъ; а солдаты изъ кожи лѣзли, чтобъ угодить своему отцу-командиру и при каждой встрѣчѣ непремѣнно запѣвали любимую его „Акулину“:

„Акулина, это что?“
— А тебѣ, сударь, на что?

Въ особенности солдатики усердствовали передъ нимъ во время полковыхъ праздниковъ и обѣдовъ, устраиваемыхъ для него послѣ инспекторскихъ смотровъ. Они затѣвали разныя игры, „лодки“, наряжались въ фантастическіе костюмы и проч. Сергѣй Герасимовичъ любилъ эти удовольствія. Имѣя слабую голову, онъ послѣ 2—3 бокаловъ Шампанскаго становился отмѣнно веселъ, получалъ страсть со всѣми цѣловаться, выходилъ къ солдатамъ, обнималъ ихъ, цѣловалъ и поощрялъ къ новой изобрѣтательности. Съ пирушекъ офицеры обыкновенно уносили его на рукахъ домой, посадивъ въ кресло и въ предшествіи музыки. Качаньямъ и крикамъ ура! не бывало конца.

Но разъ всѣ мы, офицеры, трухнули таки порядкомъ. Въ Динабургѣ, послѣ инспекторскаго смотра, мы пригласили Сергѣя Герасимовича на обѣдъ, устроенный въ нижнемъ этажѣ „офицерскаго флигеля“, выходившаго окнами на плацъ-парадъ. День былъ жаркій, всѣ окна отворены, на плацу играла музыка, пѣли и плясали пѣсенники. Генералъ былъ въ самомъ веселомъ настроеніи духа и сыпалъ разными прибаутками и текстами. „Не упивайтеся виномъ, въ немъ же есть блудъ“, говорилъ онъ усердно наполнявшимъ его бокалъ. Вдругъ, въ самомъ концѣ обѣда, видимъ, чрезъ плацъ приближается къ намъ другой Батуринъ, въ полной генеральской формѣ, съ эполетами изъ соломы; за нимъ такой же огромный адъютантъ, какъ и Соломоній. Вотъ идетъ походкою Батурина, также размахиваетъ руками и выворачиваетъ ноги... Господи, что же это такое?.. Очевидно это каррикатура на Батурина. Онъ можетъ оскорбиться, подумаетъ, что его захотѣли осмѣять!.. Все пропало! Разгнѣвается старикъ, и имѣетъ на то полное право! Но

вотъ каррикатура ближе, ближе, здоровается съ музыкантами и пѣсенниками голосомъ и манерою Батурина, распекаетъ солдатъ, оборачивается къ адъютанту съ приказаніемъ: „пишите, пишите"! и тотъ дѣйствительно пишетъ. Наконецъ, искусственный генералъ подходитъ къ окошку, изъ котораго Батуринъ смотрѣлъ на плацъ, протягиваетъ фамильярно руку и говоритъ:

— Здравствуйте, ваше пр—во! Позвольте съ вами познакомиться: я генералъ-лейтенантъ Сергѣй Герасимовичъ Батуринъ, собой не дуренъ!

У всѣхъ насъ похолодѣло сердце. Ну, думаемъ, бѣда! Но ничуть не бывало! Сергѣй Герасимовичъ началъ отъ души хохотать, вышелъ на плацъ, сталъ обнимать и цѣловать своего двойника и потомъ подарилъ ему пятирублевую бумажку.

Оказалось, что это былъ унтеръ-офицеръ 2-й карабинерной роты *Зубковъ*, первый запѣвало и плясунъ. Мы потомъ также набросали ему въ шляпу немало денегъ за удовольствіе, доставленное начальнику дивизіи; но вѣдь этимъ онъ могъ накликать на насъ цѣлую гору непріятностей. Полковой командиръ приказалъ однако выдержать Зубкова недѣлю въ арестантской кордегардіи.

Всѣ подчиненные С. Г. Батурина донынѣ воспоминаютъ его благодарнымъ сердцемъ. Мы любили его со всѣми его недостатками, со всѣми его странностями. Никого изъ офицеровъ онъ не погубилъ; не было случая преданія кого-нибудь изъ нихъ суду. А сколькимъ благотворилъ онъ втайнѣ, скольких поддерживалъ! Да и онъ ли одинъ? Благородная супруга его, рожденная *Воейкова*, Москвичка, также какъ и мужъ, непосредственно и чрезъ сына (служившаго поручикомъ въ Галицкомъ егерскому полку) также спасала многихъ отъ несчастія. Стоило промотавшемуся полковому казначею или какому-нибудь впавшему въ ошибку офицеру покаяться предъ начальникомъ дивизіи и просить его защиты, и великодушный генералъ всегда спасалъ отъ погибели.

Сергѣй Герасимовичъ былъ „пастырь добрый, иже душу свою полагаетъ за овцы"; любилъ свою часть, былъ ея отцемъ роднымъ и печальникомъ о судьбѣ каждаго, начиная съ солдата. Онъ не походилъ на тѣхъ начальниковъ, которые стыдятся своей части, ненавидятъ ее, щедры на выговоры и аресты, а не на награды, чѣмъ роютъ между собою и ею никогда незаполнимую пропасть и даже не имѣютъ въ гардеробѣ своемъ мундира командуемой ими части; а между тѣмъ, не стыдятся получать жалованье за свое командованіе. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же и принимать на себя званіе начальника подобной части?... Бѣдные подчиненные у такихъ враговъ-начальниковъ!!...

Но вотъ на мѣсто благороднаго *графа Крейца* назначенъ командиромъ 2-го армейскаго корпуса злой *Купреяновъ*. Этотъ звѣрь началъ крѣпко жать

начальниковъ дивизій и особенно нашего дорогаго Батурина. Впрочемъ, онъ вообще былъ врагъ генераловъ. Бывало, послѣднихъ по цѣлымъ часамъ нарочно держитъ у себя въ пріемной и въ тоже время, на зло имъ, проситъ въ кабинетъ прапорщиковъ, ежели таковые появлялись по какому-нибудь случаю.

Не выдержалъ долго такого обращенія Сергѣй Герасимовичъ и разошелся съ Купреяновымъ. Его произвели въ полные генералы и назначили членомъ одного изъ тѣхъ учрежденій, гдѣ заслуженные воины почіютъ на лаврахъ до самой смерти.

Повторю о немъ тоже, что сказалъ объ А. М. Симборскомъ: если онъ и имѣлъ свои недостатки, то это была *пыль на благородномъ металлѣ*, которая свѣяна дыханіемъ смерти

Миръ праху твоему, высоко-благородный человѣкъ, и вѣчная память добрѣйшей душѣ твоей!

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ТЕТРАДЕЙ С. М. СУХОТИНА *).

1871 годъ.

4-го Января. Эти дни я много дѣлалъ визитовъ, и ничего интереснаго не произошло. Сегодня вечеромъ у Черкаскихъ, пріѣхавшій изъ Петербурга * много разсказывалъ о смущеніи нашего кабинета по поводу перехода графа Бисмарка на сторону графа Бейста, такъ что Государь очень, говорятъ, огорчился этимъ поступкомъ Прусскаго министра; но вмѣстѣ съ тѣмъ его сочувствія, какъ и высшаго правительства, продолжаютъ быть Нѣмецкими, и Чехія для всѣхъ какъ бѣльмо на глазу: на нее и злятся наши дипломаты. Настроеніе въ Петербургѣ самое грустное; цензура въ рукахъ военнаго лица; министръ внутр. дѣлъ ничѣмъ не занимается, всѣ коснѣютъ въ ничтожествѣ, и даже Альбединскій вездѣ кричитъ, что его положеніе въ Ригѣ, при нынѣшнемъ настроеніи, невыносимо.— Въ сегоднишнемъ номерѣ «Современной Лѣтописи» замѣчательная статья Троицкаго.

5-го Января. Слушалъ обѣдню и всенощную у преосвященнаго Леонида. Кстати: князь Черкаскій имѣлъ съ нимъ недавно разговоръ о той свободной церкви православной, которая когда нибудь должна же выразиться въ другой какой нибудь новой формѣ. Преосв. Леонидъ, соглашаясь съ этими надеждами, разсказывалъ по этому случаю, что покойный митрополитъ Филаретъ подавалъ императору Александру Павловичу записку о раздѣленіи Россіи на нѣсколько митрополій или на нѣсколько Сѵнодальныхъ округовъ, но этому проекту не было дано ходу. Митрополитъ, за двѣ недѣли до смерти, искалъ эту записку, но до сихъ поръ ея нигдѣ не оказалось. Въ книгѣ Сушкова говорится о ней, т. е. о ея содержаніи.

Въ Москву пріѣзжалъ на два дня Овербекъ для свиданія съ ученымъ Эминымъ, по поводу разбора какихъ-то Армянскихъ лѣтописей. Преосв. Леонидъ не благоволитъ къ Овербеку, и его равнодушіе къ дѣлу возстановленія на Западѣ древней каѳолической церкви съ сохраненіемъ

*) См. выше, стр. 241.

западной обрядности, кажется мнѣ страннымъ. Тутъ отражается то равнодушіе, въ которомъ вообще, и весьма справедливо, упрекаютъ наше духовенство въ Россіи, о чемъ такъ мѣтко говорится въ вышеупомянутой статьѣ Троицкаго. Вечеромъ я читалъ у Сушковыхъ статью Тургенева: «Стукъ, стукъ!» весьма мило и умно написанную; но его теперь и хватаетъ только на такого рода статейки.

9 Января. Эти дни я проводилъ время больше въ свѣтскихъ увеселеніяхъ. Балъ у Алексѣя Сергѣевича Пушкина былъ великолѣпный, самый оживленный; а ужинъ такой, что просто пальчики облизать. Вчера танцовали у Бибиковыхъ. По прежнему всѣ заняты войной, и, судя по слухамъ изъ Петербурга, Государь начинаетъ разочаровываться на счетъ Пруссаковъ; говорятъ даже, что онъ сталъ рѣдко носить орденъ Pour le mérite, съ которымъ до сихъ поръ не разставался. Въ Россіи, и даже въ Германіи, предвидятъ черезъ два или три года неминуемость войны между Германіей и Россіей. Обнародованныя основанія новой военной реформы смущаютъ общественное мнѣніе, по долгосрочности службы, такъ какъ положенъ для каждаго 15-тилѣтній срокъ. Много толкуютъ также о смерти Скарятина.

12 Января. Вчера былъ на великолѣпномъ и парадномъ обѣдѣ у Мещерскихъ, гдѣ было много дамъ и свѣтскихъ людей, не сказавшихъ никакого живаго слова, какъ это вообще бываетъ на такихъ собраніяхъ. Вечеромъ былъ у Черкаскихъ. Разсказываютъ одинъ случай, весьма характеризующій Нѣмцевъ: какой-то молодой Нѣмецъ-офицеръ, въ своемъ поздравительномъ по случаю праздниковъ письмѣ къ своей сестрѣ, живущей въ Россіи, послѣ разныхъ сантиментальностей, между прочимъ сообщаетъ ей въ радостномъ тонѣ, что онъ съ своими товарищами вырѣзалъ нѣсколько чубуковъ изъ той черешни, на которой они повѣсили Француза, защищавшаго свой домикъ и свое семейство. Такого рода анекдоты еще болѣе возбуждають ненавистное наше чувство противъ этихъ новыхъ Гунновъ, прикрывающихъ свое звѣрство слащавою Нѣмецкою сантиментальностію.

14 Января. Плохія извѣстія изъ Франціи: начались переговоры о капитуляціи.—Вчера, на балѣ у Стрекаловой, даже распространился слухъ о сдачѣ Парижа. Тамъ разсказывалъ намъ князь Ливенъ подробности о смерти Скарятина; оказывается, что его убилъ графъ Ферзенъ, вынужденный сознаться, по откровенію его рогатника, которому приходилось присягать. Вся эта исторія довольно темная.—Сегодня была вторая лекція Сергіевскаго; онъ говорилъ, что исторія христіанства есть вообще исторія, такъ какъ въ древнемъ мірѣ оно предчувствовалось; и въ блестящее время Греціи, т. е. за 400 лѣтъ до Рождества Христова, поэты и художники Греціи, какъ Софоклъ, Фидіасъ,

выражали въ своихъ произведеніяхъ мысль о единомъ Богѣ и серьезную нравственную идею. Потомъ же, при паденіи искусства и растлѣніи Греческаго міра, начали въ литературѣ и особенно въ комедіи (Аристофанъ) осмѣивать тѣ нравственныя правила и ту божественную искру, которыя просвѣчивали въ древнемъ мірѣ. Но главный защитникъ язычества былъ *Эвмеферъ*, который, подобно Ренану, одаренный поэтическимъ воображеніемъ, изобрѣлъ какой-то несуществовавшій островъ въ Индіи, гдѣ онъ будто-бы видѣлъ великановъ и премудрыхъ боговъ. Достаточно было двухъ вѣковъ въ Греціи, чтобы разрушить тѣ великіе и нравственные зачатки и проблески, о которыхъ говорено выше, тогда какъ борьба противъ христіанства, начатая съ его появленія, ни въ чемъ его не сокрушила.—Окончилъ день баломъ у князя Долгорукова, гдѣ было очень весело, и гдѣ я на старости лѣтъ танцовалъ съ прекрасной Софьей Алексѣевной Шереметевой и съ милой Натальей Аѳанасьевной Шереметевой.

15 Января. Обѣдалъ у Батюшковыхъ съ Зубковымъ, П. И. Бартеневымъ и Н. Н. Новиковымъ, который разсказывалъ неутѣшительныя дѣла о Сѣверо-Западномъ краѣ; напр: *Еванге́лички*, т. е. воскресныя Евангелія, переведенныя на Русскій языкъ, кажется, ксендзомъ Козловскимъ, сдѣлались теперь библіографическою рѣдкостью. Званіе попечителя учебнаго округа упало очень низко, и конечно по милости ***, не имѣющаго никакого понятія о достоинствѣ службы. Въ главномъ виноватъ конечно Потаповъ: онъ разрушилъ все то хорошее, что̀ устроено было Муравьевымъ.

16 Января. Возилъ поутру мальчиковъ Ладыженскихъ въ пріютъ Елены Григорьевны Торлецкой. Видя этихъ несчастныхъ мальчиковъ, я вспомнилъ веселое время ихъ отца, мою охоту съ нимъ, и онъ все прожилъ, оставивъ семейство безъ куска хлѣба. У насъ обѣдалъ молодой Преображенскій офицеръ Николай Потуловъ *), который произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе; славный молодой человѣкъ! Вечеромъ у Милютина князь Черкаскій привезъ извѣстіе о капитуляціи Парижа. Ужасно!

17-го Января. Былъ на прекрасномъ балѣ у князя Н. И. Трубецкаго.

18 Января. Встрѣтился у Кавелиныхъ съ вновь назначеннымъ губернаторомъ въ Пермь, Андреевскимъ, весьма умнымъ и образованнымъ человѣкомъ; ему предстоитъ работа громадная. Вечеромъ у Черкаскихъ. Разговоръ конечно больше о современныхъ политическихъ

*) Скончавшійся въ Январѣ 1894 года Николай Владимировичъ Потуловъ отличался необыкновенными качествами ума и сердца. Мы знали его въ Ревелѣ, и забыть его никогда нельзя. П. Б.

дѣлахъ. Кажется, въ Петербургѣ, въ высшихъ сферахъ, сочувствіе къ Нѣмцамъ продолжается въ той же силѣ.

19 Января. Посѣтилъ исправительный Пріютъ, которымъ занимается Николай Васильевичъ Рукавишниковъ; этотъ почтенный молодой человѣкъ ведетъ дѣло прекрасно, и это происходитъ отъ того, что онъ предался всей душой своему дѣлу. Онъ завелъ книжки для каждаго мальчика, гдѣ прописывается вся исторія жизни этихъ мальчиковъ; онѣ заключаютъ въ себѣ много любопытнаго въ психологическомъ отношеніи. Вечеромъ было засѣданіе Думы, гдѣ я, увы, не могъ присутствовать по милости моего принципала.

20-го Января. У насъ обѣдала Варвара Васильевна Рахманинова и ея дочь Юлія, еще весьма привлекательная. У всѣхъ одно теперь на умѣ: это капитуляція Парижа!

24-го Января. Вчера у Батюшковыхъ слушалъ чтеніе князя В. П. Мещерскаго, гдѣ онъ, въ видѣ писемъ, разсказываетъ поѣздку по Россіи государственнаго мужа, смотрящаго съ презрѣніемъ и съ высоты своей политической недосягаемости на новыхъ земскихъ дѣятелей Россіи. Въ этомъ пресловутомъ мужѣ всякій узнаетъ ***, представленнаго конечно въ каррикатурномъ видѣ. Хотя въ этомъ описаніи схвачены съ большимъ юморомъ, и довольно вѣрно, многія характеристическія черты Петербургскихъ высшихъ и среднихъ чиновниковъ; но жаль, что они представлены уже слишкомъ каррикатурно. Князь Мещерскій имѣетъ талантъ и проявляетъ въ своихъ статьяхъ хорошія національныя чувства; но личность его весьма несимпатична; онъ держитъ себя надменно и подобно гусю расхаживаетъ въ обществѣ. Я полагаю, что онъ копируетъ своего дядю Владиміра Карамзина. Сегодня нашъ священникъ говорилъ прекрасно, какъ на бесѣдѣ, такъ и въ проповѣди, на текстъ: *не знаете ли, что тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа?*

27-го Января. Въ Москвѣ продолжаютъ веселиться. Третьяго дня былъ прекрасный балъ у Мещерскихъ, вчера у Селивановыхъ. Но откуда берутся деньги, тѣмъ болѣе, что ужины самые роскошные? А вмѣстѣ съ тѣмъ холода̀ стоятъ до 30 градусовъ. Сдача Парижа производитъ на всѣхъ самое грустное впечатлѣніе.

28-го Января. Четвертая лекція Сергіевскаго. Главный предметъ оной доказательство историческимъ путемъ сверхъестественности христіанской религіи и пришествія Спасителя. За два вѣка до Р. Х. культурные народы, Греки, Римляне и прочіе второстепенные, пришли въ совершенное какъ политическое, такъ и религіозное разложеніе. Эвмеризмъ произвелъ вездѣ свое дѣйствіе; прежніе задатки истинной религіи испортились, и вѣрованія пришли въ хаотическое положеніе.

Въ одномъ Еврейскомъ народѣ, при естественномъ разложеніи политическомъ, хранились неприкосновенными откровеніе Божіе и вѣрованіе въ пришествіе Мессіи, какъ будто на перекоръ ходу культурнаго развитія у прочихъ народовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ культура и языкъ Греческій проникли и въ народъ Израильскій, посредствомъ ихъ связи съ народомъ Персидскимъ, завоеваннымъ Александромъ Македонскимъ; и на оборотъ Евреи, черезъ свое плѣненіе въ Вавилонѣ, сдѣлались извѣстными всѣмъ главнымъ народамъ, обитавшимъ около бассейна Средиземнаго моря. Въ Римѣ Еврейская литература такъ была извѣстна, что книжныя лавки были наполнены Еврейскими книгами. Все подготовлялось невидимо для людей къ принятію Христа. Эта лекція не понравилась большинству слушателей, по неясноти и неполнотѣ; но я нашелъ ее интересною и правильно развитою.

30-го Января. Третьяго дня былъ съ дочерью на великолѣпномъ bal costumé въ Собраніи. Послѣ перемирія во Франціи, публика наша, утомленная ежедневными извѣстіями о кровопролитіяхъ и разныхъ бѣдствіяхъ, отдыхаетъ отъ своихъ страшныхъ впечатлѣній, и повидимому уже не такъ интересуется политикой. Но это только временно.

31-го Января. Провелъ вечеръ у А. П. Елагиной. Утромъ Славянскій давалъ концертъ въ манежѣ, не столь удачный, какъ намедни въ Собраніи; соло, особенно въ такомъ огромномъ зданіи, онъ долженъ былъ выкрикивать. У Елагиныхъ говорили больше о политикѣ.

8-го Февраля. Понедѣльникъ первой недѣли поста. Въ продолженіе всей масляницы, нечего было записывать. Въ прошлый Вторникъ балъ и ужинъ у графини Келлеръ были также хороши, какъ и у Пушкина, князя Трубецкаго и проч.; общество бальное, всегда пустое, не оставляетъ никакихъ живыхъ воспоминаній. Неблаговидно то, что въ такія серьезныя времена, какъ теперь, Московское общество слишкомъ занято ужинами, обѣдами и разсужденіями о какихъ нибудь *oeufs brouillés,* или *crême aux yerchis;* тогда какъ на политическомъ горизонтѣ Европы собираются тучи противъ бѣдной Россіи, стоящей одиноко, безъ союзниковъ и съ одними врагами, всегда готовыми на нее опрокинуться, при первомъ ея заявленіи о какомъ либо независимомъ дѣйствіи съ ея стороны. Россія безъ денегъ, безъ хорошей арміи, безъ полководцевъ и безъ государственныхъ людей. Смѣлый патріотизмъ считается зловреднымъ чувствомъ; люди не льстящіе, а указывающіе на тѣ раны, которыя требуютъ скораго лѣченія, считаются чуть не возмутителями. Бѣдныхъ Латышей, явившихся въ Петербургъ съ адресами, гдѣ они выражали желаніе о введеніи Русскаго языка въ ихъ школахъ и о примѣненіи новаго судопроизводства къ ихъ губерніямъ, отослали обратно, не выслушавъ порядкомъ, благодаря

интригамъ бароновъ, какъ будто эти несчастные Латыши просили о введеніи краснаго республиканскаго правленія. Теперь поздно, а была, кажется, благопріятная минута для введенія крестьянскаго положенія 19 Февраля въ Остзейскихъ губерніяхъ, въ началѣ Прусско-Французской войны, когда Пруссакамъ было не до того; а теперь, когда они скоро возвратятся тріумфаторами и будутъ властителями всей Европы, если Россія и рѣшится чѣмъ либо огорчить бароновъ, то эти господа сейчасъ пожалуются Бисмарку, и насъ за таковую дерзость могутъ взодрать порядкомъ. А въ Петербургѣ въ обществѣ никто и не зналъ даже о прибытіи этихъ несчастныхъ Латышей. Тамъ въ послѣднее время общество было занято однимъ маскарадомъ. Много толкуютъ о военной реформѣ, но покуда рѣшенаго ничего нѣтъ.

10-го Февраля. Сегодня и вчера вечеромъ я читалъ Е. Ѳ. Тютчевой нѣкоторыя статьи изъ «Бесѣды». Потомъ зашла у насъ рѣчь по поводу слышаннаго мною разговора, на обѣдѣ у князя А. М. Хилкова, между Б. Н. Чичеринымъ и преосв. Леонидомъ, который, на вопросъ Чичерина, почему наша церковь, угнетенная, забитая, останавливаемая въ своемъ развитіи, до сихъ поръ безмолвствуетъ и не выставила ни одного іерарха, который бы, съ мужественнымъ подобающимъ самоотверженіемъ, возвысилъ свой голосъ въ пользу свободы церкви,—отвѣчалъ, что онъ твердо надѣется на то, что вѣроятно въ скоромъ времени явятся люди изъ церкви, которые подымутъ голосъ противъ всѣхъ творимыхъ злоупотребленій и съ мученическимъ геройствомъ укажутъ на бѣдственное положеніе, въ которомъ церковь находится. При этомъ преосвященный говорилъ о прозорливости и предвидѣніи покойнаго митрополита Филарета: онъ заготовилъ тѣ необходимые матеріалы, на основаніи которыхъ борьба можетъ быть открыта. Еще былъ возбужденъ Чичеринымъ вопросъ о способѣ рѣшенія догматовъ на вселенскихъ соборахъ; онъ сообщилъ о спорѣ его съ Хомяковымъ, который будто утверждалъ, что догматъ, помимо его рѣшенія на соборѣ, признавался за истину не иначе, какъ съ одобренія Вселенской Церкви, и что когда онъ его спросилъ: а если церковь не признала бы единогласно догмата?—то будто Хомяковъ ему отвѣчалъ, что тогда церковь бы раздвоилась, и могли бы образоваться двѣ церкви. Я полагаю, что Чичеринъ не такъ передавалъ отвѣтъ Хомякова, и черезъ это вызвалъ отрицательный отвѣтъ преосвященнаго Хомяковскому опредѣленію.

15-го Февраля. Вечеромъ у Черкаскихъ интересный разсказъ Ю. Ѳ. Самарина о его поѣздкѣ въ Берлинъ. Нѣмцы убѣждены, что въ скоромъ времени возгорится у нихъ съ Россіей война; въ нихъ пробудилась завоевательная жажда; они имѣютъ впрочемъ право силь-

наго почитать себя властителями міра. Самаринъ слышалъ на одной изъ станцій разговоръ двухъ Нѣмцевъ, по поводу только что полученнаго извѣстія о капитуляціи Парижа: Jetzt mit der Romanischen Rasse sind wir fertig; nun kommt die Reihe für die Slawische*). Вѣроятно черезъ два-три года война возгорится изъ-за Чехіи.

20-го Февраля. Благодарственная телеграмма Нѣмецкаго императора къ нашему Государю не произвела здѣсь пріятнаго впечатлѣнія; а скорѣе напротивъ опасаются, что выраженная тамъ благодарность Россіи за ея содѣйствіе къ успѣшному окончанію войны, посѣетъ чувство злобы къ Россіи между Французами, которымъ со временемъ, можетъ быть, наши будущіе враги съумѣютъ воспользоваться; у насъ же, по внутренней политикѣ, ничего не мѣняется. Въ нашихъ окраинахъ продолжаютъ развивать систему объ искорененіи Русскаго начала; въ Сѣверо-Западномъ краѣ выгоняютъ остатокъ Русскихъ благонамѣренныхъ дѣятелей, какъ Шульгина, Н. Н. Новикова, который безъ всякихъ денежныхъ средствъ; слава Богу, что нашлись добрые люди, которые выхлопотали ему мѣсто во Владимирской губерніи. Эти изгнанія совершаются попечителемъ Виленскаго округа, подъ вліяніемъ конечно Потапова, который дѣйствуетъ подъ вліяніемъ вѣроятно высшихъ Петербургскихъ властей, поддерживающихъ аристократическій элементъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, представляемый Польскими панами. Новый Балтійскій ген.-губернаторъ князь Багратіонъ пришелся совершенно подъ руку нашимъ государственнымъ мужамъ; онъ напримѣръ возбудилъ недавно преслѣдованіе противъ тѣхъ Латышскихъ крестьянъ, которые являлись къ нему, какъ депутаты отъ волостей, съ прошеніями о введеніи Русскаго языка въ ихъ школы; были посланы чиновники для изслѣдованія этихъ возмутительныхъ заявленій; и одному моему знакомому удалось прочесть рапортъ одного изъ этихъ слѣдователей, который начинался такимъ образомъ: «Прибывъ въ такую-то волость, я имѣлъ счастіе попасть на слѣды зачинщиковъ, или въ такой-то волости мнѣ не удалось открыть заговорщиковъ». Между прочимъ разсказываютъ, что въ скоромъ времени должно быть возбуждено въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ дѣло о клеветѣ, по поводу того, что одинъ изъ Латышскихъ волостныхъ старшинъ, обвиняемый въ распространеніи зловреднаго Русскаго языка, оговорилъ одного молодаго Латыша, воспитанника Дерптскаго университета, который и долженъ подать жалобу на возведенную противъ него клевету (№ 92 «Московскихъ Вѣдомостей»). Это все очень курьезно, особенно въ виду той силы Нѣмецкой, которая возстаетъ, какъ владычица, на

*) Съ Романскимъ племенемъ мы управились, теперь чередъ Славянскому.

политическомъ горизонтѣ Европы. Теперь болѣе чѣмъ когда нибудь, Русскій патріотъ, особенно если онъ дѣятельный и способный человѣкъ, возбуждаетъ негодованіе; а государственнымъ нашимъ мужамъ досадно, что эти безпокойные, не принадлежащіе къ ихъ сферѣ люди тревожатъ ихъ сладкій сонъ, и они поневолѣ должны пробуждаться отъ этой нравственной апатіи, которая составляетъ отличительный признакъ нашего современнаго общества. Нынѣшніе близорукіе консерваторы привыкли обзывать всѣхъ Русскихъ людей мыслящихъ и живыхъ словомъ *красные*, подобно консерваторамъ 20-хъ годовъ*), не понимавшимъ новаго образа мыслей въ самыхъ скромныхъ его заявленіяхъ; они, какъ приверженцы стараго порядка, ратовали противъ либераловъ слова: вольнодумство, карбонарство, зажигательство и такъ далѣе. Нынѣшніе противники новыхъ реформъ вездѣ видятъ привидѣнія, кошмары и, поймавъ неминуемое какое нибудь злоупотребленіе, винятъ самыя реформы. Къ нимъ можетъ быть примѣнено то мѣсто изъ обличенія Христомъ Фарисеевъ: «Вожди слѣпые, оцѣживающіе комара, а верблюда поглощающіе». Къ несчастію, и наше Русское общество не отстаетъ отъ индиферентизма въ высшихъ политическихъ сферахъ. Наше участіе, и весьма живое, при началѣ всѣхъ великихъ реформъ нынѣшняго царствованія, не долго продолжается; огонь скоро потухаетъ, и первоначальные, предлагающіе себя съ самоотверженіемъ дѣятели, пройдя честнымъ образомъ весьма краткое поприще общественной работы, скоро утомляются, и потомъ скрываются за кулисами. Различные поминутные примѣры приводятъ всякаго на такого рода размышленія. Не далѣе, какъ вчера, въ Думѣ, при выборѣ дворянскаго старшины, всѣ кандидаты отказались отъ выборовъ, и насилу уговорили идти въ эту должность Александра Владимировича Станкевича. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ подтвержденіе моихъ словъ объ апатіи Русскаго общества ко всему серьезному, здѣшнее Московское общество находилось эти дни въ лихорадочномъ, восторженномъ состояніи, по поводу концертовъ Патти. Многіе платили за ложи по 300 и 400 рублей; а рядомъ съ этимъ всѣ жалуются на безденежье. Чудныя времена!

25-го Февраля. Сегодня долженъ заявить объ утѣшительномъ явленіи: мы, дворянскіе выборные, давали прощальный обѣдъ нашему бывшему сословному старшинѣ князю Дмитрію Михаиловичу Голицыну и его товарищу Михаилу Иларіоновичу Бибикову. Князья Черкаскій и Щербатовъ сказали оба по прекрасному спичу, исполненному

*) Очерки общественнаго движенія при императорѣ Александрѣ I-мъ Пыпина. Вѣстникъ Европы. Февраль, 1871 г. стр. 734.

самыхъ пріятныхъ и душевныхъ воспоминаній, по поводу того единодушія, которое царствовало всегда въ нашей Московской Думѣ. Вообще всѣ за этимъ обѣдомъ были настроены единодушно и благодушно. Конечно, Московская Городская Дума была до сихъ поръ однимъ изъ рѣдкихъ исключеній между нашими общественными учрежденіями, гдѣ, въ продолженіи семи лѣтъ, не было интригъ, каверзовъ, ссоръ и всякихъ темныхъ отношеній. Если изберутъ въ головы купца, то Дума не будетъ больше держаться на той общественной высотѣ, на которой постоянно находилась. Мнѣ весьма грустно, что я долженъ, совершенно противъ моей воли, ее оставить.

27 Февраля. Провелъ вечеръ у Милютиныхъ, гдѣ читалъ Садовскій своего Наполеондру и пр. Потомъ былъ разговоръ объ уничтоженіи мировыхъ посредниковъ. Была все таже компанія. Читаю теперь Записки Шишкова съ великимъ интересомъ; описаніе царствованія Павла, особенно анекдотическая сторона, напоминаетъ мнѣ разсказы покойнаго отца и переноситъ меня во времена моего дѣтства.

28 Февраля. Сегодня нашъ священникъ бесѣдовалъ весьма интересно: о положеніи прислуги относительно ея церковныхъ обязанностей и объ обращеніи нашего простаго народа съ животными На музыкальномъ утрѣ играли квинтетъ (D. moll) Шуберта, который меня восхитилъ, особенно *andante*. Вечеромъ у Вѣры Голицыной я познакомился съ весьма милымъ и порядочнымъ господиномъ, Саратовскимъ помѣщикомъ барономъ Унгернъ-Штернбергъ. Я забылъ записать, что въ прошлую Пятницу я слушалъ весьма интересную лекцію Ивана Егоровича Забѣлина о древнемъ Русскомъ строительномъ искусствѣ; онъ разбиралъ церковь Василія Блаженнаго.

2 Марта. Прочелъ въ газетахъ описаніе обѣда даннаго въ Петербургѣ Севастопольцами князю Виктору Илларіоновичу Васильчикову, гдѣ говорились прекрасныя рѣчи и гдѣ воздали должное этой благородной личности. Недаромъ князь Васильчиковъ производитъ обаяніе той силой нравственной и тѣмъ рыцарскимъ благородствомъ, которыя его отличаютъ. Этотъ человѣкъ теперь въ тѣни и, по своимъ высокимъ чувствамъ, не могъ бы дѣйствовать на служебномъ поприщѣ въ теперешней мелкой государственной средѣ.

3 Марта. Сегодня вечеромъ читалъ преосв. Леониду рѣчи, произнесенныя въ честь князя Васильчикова, и онъ былъ отъ нихъ въ восторгѣ; его душа, воспріимчивая ко всему живому и патріотическому и къ заявленіямъ возвышеннымъ, умѣетъ цѣнить прекрасныя минуты жизни, выводящія человѣка изъ посредственной и пошлой среды, въ которой вращается въ особенности наше современное общество и гдѣ сладко усыпаютъ наши современные государственные люди. Эти дни

я часто встрѣчался съ Григоріемъ Павловичемъ Галаганомъ, однимъ изъ рѣдкихъ, почтенныхъ общественныхъ дѣятелей, который, въ своей горькой судьбѣ, потерявъ единственнаго сына, не упалъ духомъ, а нашелъ утѣшеніе въ усиленной дѣятельности, въ пользу ближняго и просвѣщенія Русскаго общества.

9 Марта. Вчера пріѣхалъ въ Москву Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ; много разсказывалъ о Европейскихъ дѣлахъ, о деморализаціи Французовъ, т. е. о Бонапартистахъ, о талантахъ Прусскихъ генераловъ и о превосходствѣ вообще Нѣмецкой арміи. Онъ живетъ теперь въ Англіи; говорилъ объ упадкѣ Англійскаго литературнаго вкуса, особенно ихъ поэзіи; Англичане восхищаются теперь стихами современнаго поэта Россетъ, самаго бездарнаго и ничтожнаго. Былъ также разговоръ о дѣятельности Англичанъ, какъ умственной, такъ и физической, о томъ, что наша Славянская натура не можетъ долго перенесть этой суетливой жизни. Я подумалъ о себѣ; потому что мои Московскіе пріятели удивляются даже тому, что я повсюду поспѣваю; а лѣнивые, рыхлые люди съ нѣкоторымъ озлобленіемъ смотрятъ даже на такого рода праздную дѣятельность, которую я развиваю. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ Москвѣ есть кружокъ земскихъ и общественныхъ дѣятелей, которые не уступятъ въ дѣятельности, по серьезной части занятій, самымъ подвижнымъ джентельменамъ. Люди эти: князь В. А. Черкаскій, Ю. Ѳ. Самаринъ, князь А. А. Щербатовъ, Д. А. Наумовъ и прочіе. Въ кругъ ихъ занятій, разсужденій, коммиссій, и однимъ словомъ въ ихъ политическую программу, не входятъ заботы о быстромъ политическомъ переломѣ; они не требуютъ немедленнаго введенія конституціонныхъ мѣръ, ограничивающихъ монархическую власть, а заботятся о сохраненіи неприкосновенными льготъ и узаконеній, провозглашенныхъ правительствомъ и о правильномъ примѣненіи къ жизни новыхъ реформъ предначертанныхъ свыше; они желаютъ идти мирнымъ путемъ общественнаго и политическаго прогресса къ усовершенствованной формѣ правленія и нападаютъ на несвоевременныя, хотя весьма почтенныя заявленія нашихъ конституціонистовъ, какъ ***, Д. Д. Голохвастовъ и проч., которые требуютъ между прочимъ, чтобъ предоставлено было земствамъ право контролировать бюджетъ и, при первой возможности, заявлять объ этомъ передъ высшимъ правительствомъ. Основываясь на этой теоріи, Голохвастовъ изъявилъ о такомъ желаніи въ податной коммиссіи; но его порывъ былъ остановленъ предсѣдателемъ Самаринымъ и княземъ Щербатовымъ, говорившимъ въ томъ смыслѣ, что еще время не пришло для такихъ заявленій. Замѣтно въ эту минуту вообще охлажденіе въ обществѣ къ внутреннимъ политическимъ вопросамъ, такъ какъ на пер-

вомъ планѣ вездѣ стоятъ война и внѣшняя политика.— Сегодня, 12 Марта у Аксакова былъ преинтересный и забавный споръ между княземъ Черкаскимъ и Тургеневымъ, котораго онъ и другіе обвиняли въ совершенномъ равнодушіи къ Славянскому вопросу, въ чемъ самъ Тургеневъ сознавался, говоря, что нѣтъ ему и не должно быть никому изъ Русскихъ никакого дѣла до Хорватовъ, Словаковъ и пр., отдѣленныхъ отъ насъ большимъ пространствомъ, какъ умственнымъ, такъ и географическимъ.

13 Марта. Сегодня избранъ въ городскіе головы купецъ Иванъ Артемьевичъ Ляминъ. Этотъ выборъ былъ принятъ сочувственно, но никакого восторга не было, какъ при избраніи князя Щербатова. Вообще и публики было гораздо меньше, чѣмъ тогда; причиной такого равнодушия было и то, что выборъ этотъ происходилъ на короткій срокъ, т. .. до введенія новаго городоваго положенія; да притомъ чувствовалось и охлажденія общества къ Городской Думѣ, такъ какъ въ Россіи недолго продолжается интересъ и сочувствіе къ новымъ общественнымъ учрежденіямъ; такова ихъ судьба!

20 Марта. Всю эту недѣлю я часто видѣлся съ Тургеневымъ, который по прежнему очень милъ и симпатиченъ; но онъ состарѣлся и думаетъ только объ одномъ, какъ бы поскорѣе вернуться къ dame de ses pensées, madame Viardot.—Въ прошлый Четвергъ Сергіевскій прочелъ свою послѣднюю лекцію о кончинѣ міра, о страшномъ судѣ и о будущей обновленной жизни. Эта лекція вообще произвела на всѣхъ пріятное впечатлѣніе. Но нельзя сказать, чтобы всѣ его чтенія оставили въ публикѣ какое нибудь сильное впечатлѣніе; новаго онъ ничего не сказалъ и никого изъ невѣрующихъ не убѣдилъ. Въ немъ нѣтъ ни таланта, ни оригинальности. Хорошая однако сторона этихъ лекцій была та, что онѣ возбудили разговоры и споры о предметахъ вѣры въ извѣетномъ кружкѣ общества.

Пятница 2 Апрѣля. Балъ у барона Боде. Ничего замѣчательнаго не произошло въ эти двѣ недѣли въ Москвѣ. За то какіе ужасы совершаются во Франціи!

Вторникъ 6 Апрѣля. Сегодня данъ былъ Думой и нѣкоторыми лицами изъ общества прощальный обѣдъ князю Черкаскому. Новый голова Ляминъ сказалъ прекрасную рѣчь, гдѣ выразилъ благодарность общества князю за довершеніе дѣла самоуправленія въ Москвѣ, начатаго его предшественникомъ княземъ Щербатовымъ, который, съ своей стороны, сказалъ, какъ всегда, съ большимъ чувствомъ привѣтствіе князю Черкаскому. Но рѣчь князя Черкаскаго была мастерская; онъ между прочимъ сказалъ, что законность есть самое вѣрное средство для сдерживанія произвола администраціи. Отдавая честь дворянству

за его доблестное поведеніе во все время совершавшихся реформъ и за его добровольный отказъ отъ своихъ сословныхъ привилегій, онъ мастерски перешелъ къ восхваленію купеческаго сословія, обязаннаго самостоятельному труду своимъ значеніемъ. Его и Лямина рѣчи вызывали громкія рукоплесканія. На этомъ обѣдѣ власти и администрація блистали своимъ отсутствіемъ; не было ни губернатора, ни губернскаго предводителя дворянства; они вспомнили, вѣроятно, объ извѣстномъ адресѣ.

10 Апрѣля. Сегодня опять слышалъ я, что въ Петербургѣ, нѣкоторые изъ высшихъ сановниковъ, недоброжелателей Москвы и въ особенности тѣхъ почтенныхъ личностей, которыя составляютъ ея украшеніе, задумали въ глазахъ Государя очернить Ю. Ѳ. Самарина тѣмъ, что будто бы онъ распространяетъ какъ въ обществѣ такъ и въ Думѣ, и въ земствѣ, конституціонныя идеи и разыгрываетъ роль зловреднаго пропагандиста. Но эта интрига не удалась, потому что военный министръ, смекнувъ въ чемъ дѣло, поѣхалъ къ Государю и просилъ его, для оправданія Самарина въ такой нелѣпой клеветѣ пригласить его, какъ эксперта, въ военную комиссію, учрежденную при Военномъ Министерствѣ, для разсмотрѣнія вопроса о военной реформѣ. Самаринъ отказался отъ этого приглашенія. Обвиненіе же его была нелѣпая клевета; потому что онъ, какъ предсѣдатель податной комиссіи, напротивъ, неоднократно противился всѣмъ заявленіямъ нашихъ конституціонистовъ, которые его называютъ тормазомъ въ этомъ вопросѣ. Москва продолжаетъ быть пугаломъ для Петербурга, который боится независимыхъ людей, а такъ какъ въ эту минуту между ними есть много людей способныхъ, то тѣмъ болѣе ихъ въ Петербургѣ опасаются. Долго ли князь Черкаскій останется частнымъ человѣкомъ? Его враги торжествуютъ тѣмъ, что онъ сошелъ съ служебнаго поприща и заслужилъ немилость извѣстнымъ думскимъ адресомъ.

11 Апрѣля. Сегодня передъ обѣдней свящ. Озеровъ открылъ опять свои бесѣды объясненіемъ о побѣдѣ Христа надъ смертью; о различіи въ пониманіи смерти въ Ветхомъ Завѣтѣ и въ Новымъ, о вкушеніи нами вѣчнаго блаженства и въ этой жизни, при совершеніи хорошихъ дѣлъ и при побѣдѣ страстей и грѣховныхъ стремленій. Былъ у меня П. Н. Свистуновъ, съ которымъ мнѣ всегда бываетъ очень пріятно бесѣдовать. Онъ разсказывалъ объ извѣстномъ миссіонерѣ архимандритѣ Макаріи, котораго онъ зналъ въ Сибири и который былъ одаренъ духомъ прозорливости. Однажды, когда онъ пріѣхалъ въ Тобольскъ, его пригласили въ семейство Черепанова, служившаго тамъ прокуроромъ; этотъ Черепановъ, человѣкъ гордый, прежде невѣрующій, вслѣдствіе разныхъ семейныхъ несчастій, потерявшій нѣсколько дѣтей, кото-

рыхъ любилъ страстно, обратился къ вѣрѣ, но больше съ обрядной ея стороны. Архим. Макарій, взошедъ въ первый разъ въ ихъ домъ и не имѣя до тѣхъ поръ никакого понятія о семействѣ Черепановыхъ, вдругъ заговорилъ надменнымъ тономъ: «Въ Римѣ на своемъ сѣдалищѣ судія допрашиваетъ подсудимаго, и передъ нимъ стоитъ истецъ», и потомъ вдругъ прекратилъ эту рѣчь, какъ будто выходя изъ забытья. Имъ овладѣлъ духъ гордости хозяина дома, и вообще онъ проникался духомъ той среды, въ которую входилъ. За обѣдомъ у этихъ же Черепановыхъ онъ сталъ расспрашивать свою сосѣдку, одну бѣдную, скромную дѣвушку, какъ она проводитъ свой день, съ чего начинаетъ, не сердится ли на свою служанку Аксютку и не бьетъ ли ее по щекамъ, когда та чѣмъ нибудь ей не угодитъ; при этомъ хозяйка дома ужасно сконфузилась, такъ какъ за ней водился тотъ грѣхъ, что она колотила свою горнишную Аксютку, о чемъ Макарій не могъ имѣть никакого понятія. Вообще это былъ высоко-духовный и ученый человѣкъ. Его переводъ Ветхаго Завѣта замѣчателенъ по своей добросовѣстности.

11—17 Апрѣля. Въ Москвѣ находится теперь Шотландецъ Макензи Волласъ, пріѣхавшій въ Россію для изученія нашихъ земскихъ учрежденій, очень порядочный человѣкъ, но ничего особенно интереснаго въ себѣ не заключающій.—На дняхъ я познакомился съ молодымъ графомъ М. Н. Муравьевымъ, внукомъ знаменитаго Михаила Николаевича; онъ секретарь нашей миссіи въ Берлинѣ. Разсказывалъ о разумности Прусаковъ. Про войну Германіи съ Россіей перестали теперь говорить. Этотъ вопросъ впереди.

18 Апрѣля. Бесѣда въ церкви по поводу безпорядковъ въ Одессѣ, противъ фанатизма и насилія въ дѣлѣ вѣры. Вчера былъ пожаръ во Власьевскомъ переулкѣ; въ сгорѣвшемъ флигелѣ погибъ 3-хъ лѣтній ребенокъ отъ небрежности няньки.—Былъ въ квартетномъ собраніи: квартетъ Бетховена (B—dur, Op. 18) отличный и настоящій перлъ. Квинтетъ (Es—dur. Op. 44)—прелесть, и чудно былъ сыгранъ. Прочелъ съ великимъ удовольствіемъ въ «Русскомъ Архивѣ» Записки графини Блудовой: въ нихъ столько чувства, поэзіи и мягкости.

20 Апрѣля. Обѣдалъ у Батюшковыхъ въ пріятной компаніи. Вечеръ провелъ у княгини М. А. Мещерской.

21 Апрѣля. Вечеромъ былъ въ концертѣ аматёровъ у княгини Трубецкой; прекрасный контръ-альто у г. Савельевой.

24 Апрѣля. Сегодня разнесся слухъ, что умерла мадамъ Віардо. Бѣдный Тургеневъ! Чтò онъ будетъ дѣлать! Сегодня узналъ я тоже о смерти моего стараго товарища и пріятеля Евгенія Демидова. Жаль его дѣтей, круглыхъ сиротъ.

26-го Апрѣля. Сегодня князь Н. И. Трубецкой, пріѣхавъ изъ

Петербурга, спросилъ меня и Агѣева, оставили ли мы Думу, и на нашъ положительный отвѣтъ онъ сказалъ, что мы очень хорошо сдѣлали, и что министръ графъ Адлербергъ говорилъ ему, что Государь, прочитавъ письмо князя Трубецкаго, гдѣ онъ насъ рекомендуетъ, и наши оправдательныя письма, положилъ слѣдующую резолюцію: «хорошо, если ихъ раскаяніе чистосердечно; но во всякомъ случаѣ, въ нынѣшнемъ году ни къ какимъ наградамъ ихъ не представлять». Въ Петербургѣ всѣ почти убѣждены, что Парижъ погибнетъ какъ Ниневія. Увидимъ!

29-го Апрѣля. Вечеромъ у Аксакова былъ любопытный разговоръ о будущихъ судьбахъ Франціи. Ю. Ѳ. Самаринъ утверждалъ, что Франція вымерла и, совершивъ свое историческое великое призваніе, покатится подъ гору. Другіе выражали надежду на ея возрожденіе и полагали, что изъ Парижской коммуны, не взирая на ея безобразія, должно возродиться что нибудь новое, полезное для Франціи, особенно въ смыслѣ побѣды надъ централизаціей. Конечно, теперь это есть общая тема разговоровъ; коммуна кажется зародышемъ правильной муниципальной жизни, тогда какъ не хотятъ видѣть, что Парижская коммуна претендуетъ только на верховенство власти и дѣйствуетъ въ смыслѣ террора. Егоръ Ивановичъ Барановскій разсказывалъ много интереснаго о католическихъ миссіонерахъ въ Китаѣ, объ ихъ самоотверженіи, происходящемъ, конечно, отъ той строгой дисциплины, которую такъ крѣпко умѣютъ Іезуиты вбивать въ своихъ адептовъ; это самоотверженіе есть ничто иное какъ отверженіе ихъ отъ своей совѣсти и воли. Тутъ говорили о Pilliars, въ родѣ служителей Пріапа. Католическіе миссіонеры, чтобъ поддѣлаться къ этимъ Pilliars, стали тоже носить на себѣ эти изображенія, но только вырѣзывали или выцарапывали крестъ на серединѣ.

7-го Мая. Разговоры вездѣ о политикѣ, о Парижской коммунѣ. Удивительно, что Парижане, такъ слабо отстаивавшіе свой родной городъ противъ Прусаковъ, теперь дерутся какъ львы и съ непонятнымъ фанатизмомъ борятся за соціалистическую и коммунистическую идею. Хотя представители этой коммуны составляютъ всякій сбродъ разбойниковъ, плутовъ и грабителей, но за ними стоятъ, должно быть, люди твердые и фанатики своихъ идей. Будущее закрыто для насъ; но не можетъ это повидимому безобразное явленіе кончиться ничѣмъ, и конечно послѣдняя революція отзовется пагубно для всей Европы. Есть слухъ, что въ Петербургѣ и Москвѣ хватаютъ много молодежи, и не есть ли это отголосокъ того, чтó дѣлается теперь въ Парижѣ? Можетъ быть, Парижскія смуты суть предвѣстники всеобщей Европейской федераціи. Въ Россіи заняты двумя новыми реформами: военной и учебной. Въ коммиссіи о военномъ преобразованіи большинство рѣшило

шестилѣтній срокъ для дѣйствительной службы; впрочемъ большинство состоитъ изъ военныхъ членовъ, и немудрено, что вопросы, рѣшенные въ Военномъ Министерствѣ, проходятъ въ коммиссіи, оспариваемые только приглашенными членами изъ гражданскаго міра, составляющими меньшинство. Къ чести комиссіи и ея предсѣдателя графа Гейдена, пренія ведутся самымъ свободнымъ образомъ, и каждому члену предоставленъ полный просторъ слова. Между газетами и журналами ведется оживленная борьба за классицизмъ и реализмъ. На «Московскія Вѣдомости» ополчились, конечно, «Петербургскія Вѣдомости», «Вѣстникъ Европы» и даже «Голосъ». Въ Государственномъ Совѣтѣ, въ высшихъ правительственныхъ и общественныхъ сферахъ, только и разговору что объ классицизмѣ и реализмѣ.

9-го Мая. Сегодня я обѣдалъ въ Александринскомъ дворцѣ у Великаго Князя Николая Николаевича, который проѣзжалъ черезъ Москву, на возвратномъ пути изъ своего путешествія по Югу Россіи. Великій Князь очень милъ, любезенъ и простъ въ своемъ обращеніи; и хорошо то, что онъ весьма дѣльно и съ любовью занимается хозяйствомъ, и въ особенности скотоводствомъ. Разговоръ за обѣдомъ коснулся и политики; конечно, всѣ съ ужасомъ отзывались о томъ, чтò происходитъ теперь въ Парижѣ. Великій Князь сказалъ, что безобразія, производимыя коммуной, должны послужить урокомъ и для нашихъ революціонеровъ, не намекая на какихъ именно, на чтò князь Н. И. Трубецкой отвѣчалъ со вздохомъ, что ихъ ничто не исправитъ. Между прочимъ Великій Князь объяснилъ намъ, почему его тезоименитство празднуется 27 Іюля, въ память Св. Николая Блаженнаго. Когда покойный Государь Николай Павловичъ находился въ Новгородскихъ поселеніяхъ, для усмиренія происходившаго тамъ возмущенія, въ концѣ Іюля 1831 года, то было имъ получено извѣстіе о рожденіи сына Николая, и Новгородское купечество просило Государя, въ память его пребыванія въ Новгородѣ, праздновать именины новорожденнаго 27-го Іюля.—Вечеромъ былъ у Елагиныхъ, гдѣ происходилъ интересный разговоръ между В. А. Елагинымъ и И. С. Аксаковымъ о современныхъ событіяхъ въ Парижѣ, о результатахъ въ будущемъ этого коммунистическаго броженія и о томъ, что всякій народъ, вырабатывая для себя какимъ бы то ни было путемъ (революціоннымъ или мирнымъ) новыя льготы или принципы, можетъ ничего не пріобрѣсти, а вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ доставить другимъ народамъ желанные для себя результаты. Примѣромъ служитъ Французская революція 1789 г., которою воспользовались болѣе Россія, Германія и другія государства, въ своемъ политическомъ развитіи, чѣмъ сама Франція.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ВОПРОСЫ.

XIII *).

Существуютъ ли Записки кн. А. М. Дондукова-Корсакова?

Вопросъ этотъ вызывается нижеприводимыми строками изъ письма, полученнаго «Русскимъ Архивомъ». Въ случаѣ отвѣта утвердительнаго, обнародованіе, конечно, рановременно, но сохраненіе обязательно. П. Б.

Живя въ Кіевѣ, во время генералъ-губернаторства князя А. М. Дондукова-Корсакова, я однажды обѣдалъ у него съ двумя-тремя молодыми людьми. Любимымъ и неисчерпаемымъ предметомъ его разговоровъ часто бывалъ Кавказъ, а въ тотъ самый день передъ обѣдомъ я прочиталъ въ только что вышедшей тогда книжкѣ „Русскаго Архива" воспоминанія Щербинина, въ которыхъ много говорится о князѣ Воронцовѣ. Я заговорилъ объ нихъ, и такъ какъ князь еще не видѣлъ этой книжки, то я разсказалъ содержаніе и прибавилъ, что интересно было бы ближе познакомиться съ личностію Воронцова, о которомъ Щербининъ отзывается съ такимъ восторгомъ, и особенно интересно было бы знать о немъ мнѣніе его, князя Дондукова. Отвѣтъ князя меня удивилъ, и поэтому я живо его помню, какъ будто теперь слышу. „Мнѣнія моего я не скажу, но его могутъ узнать послѣ моей смерти есть много такого"…. и прервалъ на этомъ разговоръ. Послѣ этого я опять наводилъ рѣчь на князя Воронцова, и тогда князь Дондуковъ разсказалъ нѣсколько анекдотовъ о Воронцовѣ, между прочимъ о томъ, какъ однажды въ Тифлисѣ, придя на дежурство, по окончаніи пріема и, почувствовавъ усталость, князь Дондуковъ легъ на диванъ съ деревянной спинкой и крѣпко заснулъ. Воронцовъ, проходя черезъ залу и увидя, что адъютантъ его спитъ на весьма неудобномъ диванѣ, пошелъ къ себѣ въ спальню, вынесъ подушку и осторожно подложилъ ее подъ голову спавшаго князя Дондукова, который только вечеромъ узналъ объ этомъ отъ самаго Воронцова.

Вышеприведенныя слова князя Дондукова-Корсакова, кажется мнѣ, указываютъ на то, что онъ писалъ Записки. Не думаю, чтобы онъ писалъ ихъ въ Кіевѣ (время это для него было безцвѣтное), но весьма вѣроятно, что онѣ могли быть писаны въ промежутокъ между Дономъ и Кіевомъ, когда онъ находился въ отставкѣ. Покойный князь былъ человѣкъ очень тонкій, умный, самаго добраго сердца; но только лица ближе знавшія его могли убѣдиться въ добротѣ и мягкости его сердца. Разговоръ его былъ блестящій, импровизированныя рѣчи его за обѣдомъ бывали всегда остроумны и гладки, и притомъ произносились обворожительнымъ голосомъ.

Вскорѣ послѣ смерти жены, я встрѣтилъ его на набережной Ялты, въ то время, когда онъ собирался сѣсть на лодку, дабы отправиться на казенный пароходъ, который долженъ былъ отвезти его на Кавказъ. Я подошелъ къ нему и выразилъ соболѣзнованіе по поводу горькой его утраты. Онъ горячо меня разцѣловалъ, залился слезами, зарыдалъ и бросился въ лодку, говоря: „Maintenant je suis un homme fini" (Теперь, со мною покончено).

---

*) См. выше, стр. 160.

Суворовъ П. П. Записки. (Русск. Обозр. 6).

О. Фотинскій. Іоаннъ Красовскій, уніатскій архіепископъ, Полоцкій и Луцкій. *Литовскія Еп. Вѣд.* № 15.

И. Чарнецкаго. Историческія свѣдѣнія о бывшихъ въ м. Шаргородѣ (Могилевскаго уѣзда) духовной семинаріи и духовномъ училищѣ. *Подольскія Еп. Вѣд* №№ 9—14.

А. Щукинъ. Изъ Рославльской старины. *Смоленскія Еп. Вѣд.* № 8.

Прот. А. Юницкій. Исторія церквей и приходовъ Бакинскаго округа Грузинской епархіи. *Духовный Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата.* № 5.

Ѳеофилактовъ К. М. Профессоръ-естествовѣдъ. Его юбилей съ портретомъ и стихами (Кіевскія Универс. Извѣстія, 5).

Краткое историческое описаніе приходовъ и церквей Архангельской епархіи. *Архангельскія Еп. Вѣд.* №№ 4, 5, 9, 11, 14, 15, 16, 18.

Замѣтка о преосвященномъ Герасимѣ, бывшемъ епископѣ Астраханскомъ. *Астраханскія Еп. Вѣд.* № 8.

Матеріалы для исторіи Владимирской еп. *Владим. Еп. Вѣд.* №№ 7, 8.

Церковно - приходская лѣтопись Рождество-Богородичной церкви, села Суража, Кременецкаго уѣзда, Волынской губерніи. *Волынскія Еп. Вѣд.* № 11—13.

Матеріалы для исторіи нѣкоторыхъ церквей Екатеринбургскаго уѣзда *Екатеринбург. Еп. Вѣд.* №№ 13—16.

Историческое описаніе прихода и церкви села Бараитскаго. *Енисейскія Еп. Вѣд.* №№ 5—7.

Краткая лѣтопись о построеніи въ Иркутскѣ новаго каѳедральнаго собора. *Иркутскія Еп. Вѣд.* №№ 7—11.

Галичская десятина. *Костромскія Еп. Вѣд.* №№ 7, 8.

Духовныя школы Курско-Бѣлоградской еп. *Курскія Еп. Вѣд.* №№ 12—17.

Къ исторіи Ливенскаго дух. училища. *Орловскія Епарх. Вѣд.* №№ 15—17.

Историко-статистическія описанія церквей и приходовъ Рижской епархіи. *Рижскія Еп. Вѣд.* №№ 6—9.

Воспоминанія о покойномъ академикѣ Львѣ Степановичѣ Игоревѣ. *Саратовскія Еп. Вѣд.* № 6.

Изъ исторіи Рязанской іерархіи. *Рязанскія Еп. Вѣд.* №№ 2, 3, 4.

Уніатскій митрополитъ Левъ Кишка и его значеніе въ исторіи Уніи. *Литовскія Еп. Вѣд.* № 1, 8, 10, 11, 13, 16.

Изъ исторіи древне-гражданской и умственной жизни Смолянъ. *Смоленскія Еп. Вѣд.* № 5.

Годъ тридцать второй.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1894

8.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1894.

«АРХИВЪ КНЯЗЯ Ѳ. А. КУРАКИНА».

Томы I—IV.

Всѣ доселѣ вышедшія книги одобрены Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. Главный складъ изданія: въ Надеждинской конторѣ князя Ѳ. А. Куракина (г. Сердобскъ, Саратовской губ.) и въ конторѣ Странно-пріимнаго дома князей Куракиныхъ (Москва, у Красныхъ воротъ). Ц. I т. 2 р., остальныхъ по 3 р.; на веленевой бумагѣ на 1 р. дороже; тисненные зол. переплеты по 1 р. 50 к. по желанію, наложенный платежъ. Пересылка за счетъ складовъ.

Указатель историческихъ статей въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

Агнцевъ Д. Историческій очеркъ Рязанской духовн. семинаріи (1840—1867 гг.). **Рязанскія Еп. Вѣд.** №№ 2—9.

Антонинъ епиСК. Мое воспоминаніе. **Псковскія Еп. Вѣд.** № 3.

Благовѣрный князь Угличскій **Андрей Васильевичъ** (1462—1497 гг.). Яр. Еп. В. № 16.

Два письма отъ 1819 г. **Антонія**, архіеп. Ярославскаго къ Ярославскому градскому головѣ Петру Ильичу Желудкову. **Яросл. Еп. Вѣд.** № 24.

Шесть писемъ 1756—1758 гг. къ **Арсенію**, митроп. Ростовскому. **Яросл. Еп. Вѣд.** № 24.

Четыре письма отъ 1757—1758 гг. преосв. Амвросія, еп. Переяславскаго къ **Арсенію** митр. Ростовск., о составленіи службы святителюДимитрію Ростовскому, **Яросл. Еп. Вѣд.** № 25.

Багинскій М. Изъ исторіи Подольской духовной семинаріи. **Подольскія Еп. Вѣд.** № 11.

Будилинъ В. Къ сужденіямъ объ участи духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія въ прошломъ (дѣло 1786 г.). **Калужскія Еп. Вѣд.** № 7.

Благословенная грамота отъ 1645 г. **Варлаама**, митр. Ростовскаго; отъ 1659 г митр. Іоны **Яросл. Еп. Вѣд.** № 17.

Замѣтка о **Герасимѣ** епископѣ Астраханскомъ. **Астраханскія Еп. Вѣд.** № 8.

Голубинскій Е. Исторія канонизаціи святыхъ Русской церкви. **Богословскій Вѣстникъ Іюнь.**

Дмитріевскій А. „Незабудки“ на могилу архіепископа Астраханскаго Павла Суботовскаго (1825—1832 гг.) съ его родины. **Астраханскія Еп. Вѣд.** № 5.

Добровъ Н. Матеріалы для исторіи Астраханской семинаріи. **Астраханскія Еп. Вѣд.** № 6.

Сказаніе о жизни Глинской пустыни монаха **Досиѳея**. Курскія Еп. В. № 7.

Жудро Ѳ. Письма **Георгія Конисскаго** къ членамъ Могилевской дух. консисторіи. **Могилев. Еп. Вѣд.** №№ 10—13.

Памяти **Георгія Конисскаго. Литовскія Еп. Вѣд.** №№ 20—22.

Ивановъ Іак. Матеріалы для исторіи Астраханской дух. семинаріи (изъ дѣлъ семинарскаго архива за 1794 г.) **Астрах Еп. Вѣд.** № 2—3.

Воспоминаніе о покойномъ академикѣ Львѣ Степановичѣ **Игоревѣ Саратовскія Еп. Вѣд.** № 6.

Игуменъ Ростовскаго Петровскаго мон. **Иродіонъ**. (1750). Яросл. Еп. Вѣд. № 17.

Григорій Истоминъ. Запись о полюбовномъ раздѣлѣ Успенскими соборянами своихъ вотчинъ. **Чт. Общ. Люб. Дух. Просв.** № 2.

О митрополитѣ Литовскомъ **Іосифѣ Сѣмашко** и возсоединеніи уніатовъ въ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО*).

1833-й годъ.

25-го Января вѣтръ стихъ, и мы лавировкою подошли къ Семи Башнямъ, близъ коихъ въ 4-хъ верстахъ и встали на якорь. Я безъ замедленія послалъ Харнскаго къ Бутеневу съ моими бумагами къ отправленію въ Петербургъ, приказавъ ему и остаться въ Беугъ-дере. Вмѣстѣ съ нимъ послалъ я и драгомана Теодати, дабы узнать новостей; но въ 10 часовъ вечера пріѣхалъ ко мнѣ посланный отъ Бутенева Волковъ, который сказалъ мнѣ, что Дюгамель не возвратился въ Царьградъ, а напротивъ того, повидавшись съ Ибрагимъ-пашею, поѣхалъ далѣе. Волковъ мнѣ доставилъ и два донесенія Дюгамеля, одно къ Бутеневу, другое къ Чернышову, въ коихъ онъ увѣдомлялъ о подробностяхъ сраженія при Коніи и сказалъ, что Ибрагимъ-паша, по совѣту его, не согласился остановить движенія войскъ, отзываясь тѣмъ, что онъ самъ военный человѣкъ, чуждъ дѣламъ политики и что Дюгамель, будучи полковникомъ, долженъ былъ самъ знать, что дѣло военнаго человѣка было только повиноваться, и продолжалъ подвигаться впередъ.

26-го, на разсвѣтѣ, возвратился Теодати и привезъ мнѣ письма изъ Россіи. Въ 10-ть часовъ утра я отправился въ Беугъ-дере. Вѣтръ былъ сѣверный, волненіе довольно сильно, лилъ дождь при холодной погодѣ, и я доплылъ только въ 4-мъ часу пополудни. Я сообщилъ немедленно Бутеневу всѣ изустныя свѣдѣнія о дѣлахъ нашихъ въ Александріи, и въ тотъ же вечеръ получено имъ письменное извѣстіе отъ Австрійскаго интернонца, что Ибрагимъ-паша получилъ повелѣніе остановиться въ движеніи своемъ къ Константинополю и что онъ дѣйствительно остановился въ Кютаіе; извѣстіе сіе было сообщено ему самимъ рейсъ-ефендіемъ. Слѣдственно порученіе мое въ Египтѣ имѣло полный успѣхъ, и Магметъ-Али сдержалъ свое слово. Но нельзя было вполнѣ на оное положиться, и потому надобно было непремѣнно

*) См. выше, стр. 349.

продолжать приготовленія къ оборонѣ. Я посему былъ весьма доволенъ тѣмъ, что султанъ, прозрѣвъ наконецъ всѣ льстивыя и обманчивыя обѣщанія Французовъ, еще болѣе побуждавшія Ибрагима-пашу къ продолженію наступательнаго марша своего, рѣшился ввергнуться въ покровительство Россіи и, за нѣсколько дней до пріѣзда моего, просилъ убѣдительно Бутенева, дабы послали за нашимъ флотомъ и даже чтобы у Государя просить присылки 20 или 30-ти тысячнаго корпуса сухопутныхъ войскъ, почему Бутеневъ, за нѣсколько дней до пріѣзда моего, и послалъ нарочнаго съ сими извѣстіями въ Петербургъ и къ адмиралу Грейгу. Всѣ министры, окружающіе султана, и даже самъ сераскиръ, казались склонными къ принятію стороны Магметъ-Алія; но султанъ одинъ показался твердымъ въ сихъ обстоятельствахъ, и такъ какъ верховная духовная власть, муфти, отказался издать объявленіе съ признаніемъ необходимости и законности прибѣгнуть подъ покровительство Россіи, то онъ его смѣнилъ другимъ, что́ случилось третьяго дня ночью. Такимъ образомъ все вліяніе Франціи въ дѣлахъ Порты уничтожено, и Государь восторжествовалъ искренностью и правотою своихъ намѣреній относительно къ султану.

27-го я поѣхалъ съ Бутеневымъ на конференцію съ рейсъ-ефендіемъ, на коей онъ просилъ, чтобы былъ и сераскиръ, дабы за одно пересказать всѣмъ вмѣстѣ успѣхъ моей поѣздки въ Александрію; но сераскиръ не могъ прибыть за болѣзнью, и онъ съ утра еще прислалъ ко мнѣ Рёльи, дабы узнать у меня о дѣлахъ. Я разсказалъ нѣчто Рёльи и отправилъ его впередъ, дабы предупредить сераскира, что я отъ рейсъ-ефендія къ нему буду.

Мы были приняты въ Портѣ, гдѣ дожидались довольно долго рейсъ-ефендія, министра внутреннихъ дѣлъ, закоснѣлаго врага нашего. У него присутствовалъ также посланный отъ султана любимецъ его Ахметъ-паша, возвратившійся недавно изъ арміи.

Министры показали нѣкоторое равнодушіе къ извѣстіямъ, мною доставленнымъ, чему я причиною поставлялъ то, что они всѣ болѣе или менѣе мыслили, а можетъ быть уже и приняли мѣры къ безопасности своей личной при появленіи Ибрагимъ-паши передъ Константинополемъ; но, по свойственной имъ безпечности, они немедленно стали думать о мѣрахъ къ прекращенію всѣхъ осторожностей, которыя надобно было имѣть въ подобномъ случаѣ, не взирая на то, что я имъ подтвердилъ о вооруженіяхъ, которыя Магметъ-Али дѣлалъ даже послѣ даннаго имъ обѣщанія. Они стали отвергать передъ Бутеневымъ помощь, которую просили у Государя, не разсчитывая времени, въ которое Ибрагимъ-паша могъ придти въ Константинополь, и излагали самыя нелѣпыя сужденія. Одинъ Ахметъ-паша былъ разсудительнѣе.

Онъ утвердительно сказалъ, что ни султанъ, ни приверженные къ нему, никогда не откажутся отъ содѣйствія Россіи. Я узналъ отъ Рёльи, что Французы увѣряли Турокъ, что имъ оставалось тогда избрать владычество Россіи или Египтянъ, и не переставали ихъ возмущать подобными свѣдѣніями. Наконецъ я объявилъ въ конференціи, что, каково бы ни было ихъ рѣшеніе, но я считаю себя въ необходимости предупредить ихъ, чтобы въ случаѣ если что либо случится и Ибрагимъ придетъ въ Константинополь, то бы не сложили сего бѣдствія на тѣ извѣстія, которыя я имъ сообщилъ, и пересталъ говорить, предоставя Бутеневу окончить съ ними дѣло о вспомоществованіи, котораго они отъ Россіи просили. Но они ничего не кончили, обѣщались изложить письменно свои желанія и съ наступленіемъ ночи, какъ голодные волки, встали, дабы идти къ обѣду (ибо они, по случаю Рамазана, ничего не ѣли въ теченіе всего дня). Безпечность непонятная!

Оттуда мы поѣхали къ сераскиру, который принялъ меня очень предупредительно, но ужасно охалъ и показывалъ какія-то шишки, которыя у него вышли подъ грудью. Болѣзнь его была притворная; онъ скоро развеселился и началъ по прежнему шутить. Онъ былъ разсудительнѣе прочихъ и признавалъ всѣ мѣры до сихъ поръ принятыя, какъ и совѣты мои, но казался мнѣ гораздо снисходительнѣе къ Магметъ-Али-пашѣ, чѣмъ прежде, такъ что можно было почти вѣрить тому, что и онъ не былъ чистъ въ поступкахъ своихъ къ султану, что́ еще болѣе доказывалось тѣмъ, что онъ въ концѣ разговора своего приносилъ Бутеневу весьма длинныя оправданія касательно своего поведенія и увѣренія въ своей преданности султану. Я просилъ увѣдомить меня, когда я буду принятъ султаномъ, что́ онъ и обѣщался сдѣлать, а меня просилъ доставить ему копію съ донесенія моего въ Петербургъ для доклада оной султану. Я возвратился въ Беугъ-Дере въ половинѣ 11-го часа вечера, весьма недовольный всѣмъ случившимся въ теченіе дня.

28-го. Я былъ у Англійскаго и Прусскаго министровъ: Мандевиля и барона Мертенсъ. Первый человѣкъ скромный, но второй напротивъ суетливъ безъ приличія. Меня удивило, что онъ съ неотступнымъ любопытствомъ разспрашивалъ меня объ успѣхѣ моего порученія въ Египтѣ. Я сколь можно менѣе выставлялъ успѣхъ сего дѣла, открылъ только главныя обстоятельства онаго, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, еслибы Ибрагимъ-паша началъ снова военныя дѣйствія, то не дать бы Французамъ повода торжествовать. Между тѣмъ я узналъ отъ драгомана Пизани, что Ибрагимъ-паша написалъ письмо по-французски къ повѣренному въ дѣлахъ Варену изъ Кютаіё, коимъ онъ увѣдомлялъ его о полученномъ имъ приказаніи отъ отца остановиться.

Ввечеру я былъ у Прусскаго министра Мертенса, который говорилъ Бутеневу, что слухи носились, будто Ибрагимъ-паша остановился не вслѣдствіе моихъ внушеній, но вслѣдствіе прибытія Галиль-паши въ Александрію. На это Бутеневъ отвѣчалъ, что мы совершенно равнодушны ко всѣмъ сплетнямъ, которыя будутъ распространяться на счетъ сего дѣла людьми ищущими раздора и безпорядка. Мнѣ-же Мертенсъ говорилъ, что султанъ, вслѣдствіе устращанія и внушеній, которыя ему дѣлали, что Магметъ-Али хотѣлъ ниспровергнуть его съ престола, отвѣчалъ, что если уже онъ долженъ былъ лишиться своего престола, то онъ охотнѣе уступитъ его другу своему императору Николаю, чѣмъ бунтовщику Магметъ-Алію.

29-го. Я былъ удивленъ неожиданнымъ визитомъ Ахметъ-паши, чтó до сихъ поръ еще никому не встрѣчалось. Ахметъ-паша сказалъ мнѣ, что пришелъ отъ имени султана пригласить меня къ нему, и свиданіе было назначено къ другому дню, потому что въ сей день былъ у Бутенева приглашены гости на балъ. Далѣе онъ разспрашивалъ меня объ обстоятельствахъ моихъ сношеній съ Магметъ-Аліемъ. Я ему повторилъ все, чтò сказалъ на конференціи. Онъ тогда остерегъ насъ на счетъ людей преданныхъ Магметъ-Алію, говоря, что онъ имѣетъ вездѣ лазутчиковъ и даже можетъ быть при нашей миссіи, давая чувствовать, что и всѣ приближенные султана не заслуживаютъ полной довѣренности. И какъ разговоръ коснулся прибытія нашего флота, то я, желая болѣе увѣрить Ахметъ-пашу въ безкорыстіи видовъ Государя, предложилъ ему остановить оный въ одномъ изъ заливовъ Чернаго моря, напримѣръ въ Бургасѣ, откуда бы можно было его потребовать въ случаѣ надобности; но онъ не согласился на сію мѣру, разсчитавъ, во сколько дней Ибрагимъ-паша могъ бы прибыть съ войскомъ въ Скутари, ибо мы тогда не успѣли бы потребовать нашего флота на помощь. Наконецъ, дабы болѣе увѣрить его въ правилахъ Государя, я сказалъ ему, что до меня дошли слухи, что султану твердятъ, будто властелинами Царьграда должны быть Магметъ-Али или императоръ Россійскій; но что слухи сіи распространяются только людьми ищущими совратить его съ пути спасенія, и призвалъ Бога во свидѣтели искренности Государя. На это Ахметъ-паша отвѣчалъ, что султанъ уже твердо рѣшился не измѣнить предпринятымъ имъ правиламъ ввергнуть себя покровительству Государя, что хотя прибѣгнуть въ крайности къ помощи сосѣда есть зло, но то положеніе, въ коемъ онъ находился, есть еще бóльшее зло, и потому, избирая изъ обоихъ золъ меньшее, онъ съ полною довѣренностью ввергалъ себя великодушному покровительству Государя, безъ всякаго опасенія.

Мы говорили съ нимъ о предпринятыхъ Турками мѣрахъ для защиты, и онъ увѣрилъ меня, что они обезпечены, что у нихъ еще до 30.000 войскъ можетъ собраться между Никомидіею и Бруссою, Ибрагимъ-паша пріостановилъ движеніе свое и изъ Кютаіё не выходилъ, на что̀ онъ получилъ два приказанія письменныя отъ отца своего. Не менѣе того Французскій повѣренный въ дѣлахъ, желая себѣ приписать сіе, распространилъ слухи, что Ибрагимъ-паша остановился по письмамъ, которыя онъ къ нему писалъ, и показывалъ письмо, написанное къ нему отъ Ибрагимъ-паши по-французски, коимъ тотъ увѣдомлялъ его о полученномъ имъ приказаніи остановиться. Но никто не ошибся на счетъ сего.

Ввечеру былъ у Бутенева балъ, на коемъ присутствовали жены повѣренныхъ въ дѣлахъ и драгомановъ, живущихъ въ Беугъ-Дере.

30-го, передъ вечеромъ, мы отправились къ султану въ Чараганскій дворецъ его и были сперва приняты Ахметъ-пашею, послѣ чего пошли къ султану. Онъ принялъ насъ по обыкновенному, сидя, и началъ съ того, что спросилъ у меня о бурѣ, которая насъ била близъ Александріи, на что̀ я отвѣчалъ, что мы счастливо отъ нея отдѣлались, на что́ могли надѣяться: ибо Богъ покровительствовалъ правому дѣлу, по коему я былъ посланъ, и при томъ пересказалъ ему вкратцѣ сношенія мои съ пашею. Я читалъ, сказалъ онъ, записку о семъ (почему я и заключаю, что разговоръ мой на конференціи или съ Ахметъ-пашею былъ ему переданъ письменно) и весьма признателенъ Государю за знаки дружбы его. Я уже простилъ Магметъ-Алія.—Надобно надѣяться, что онъ почувствуетъ милости ваши; но между тѣмъ я обязанъ сказать вамъ, что онъ продолжаетъ свои вооруженія, и всѣ поступки его изложены въ запискѣ, которую я долженъ былъ, по желанію сераскира, вручить ему, но отдалъ ее, входя, пашѣ, для представленія вамъ, потому что она только сейчасъ поспѣла. (Въ запискѣ сей, которую я точно вручилъ передъ аудіенціею Ахметъ-пашѣ, не полагаясь совершенно на сераскира, а составленной изъ донесенія моего къ графу Нессельроде, я не помѣстилъ всего, что́ могло коснуться личности султана, но прибавилъ въ концѣ предостереженіе, дабы не предаться совершенно обыкновенной безпечности Туровъ, ибо Магметъ-Али продолжалъ свои вооруженія). Я прибавилъ, что, доставивъ ему сіи свѣдѣнія, я предоставлялъ ему дать надлежащую вѣру обѣщаніямъ Магметъ-Алія, котораго онъ короче зналъ и противъ коварства коего онъ предостерегалъ меня передъ моимъ отъѣздомъ.—Да, отвѣчалъ султанъ, я предостерегалъ васъ, потому что Магметъ-Али всякій годъ перемѣнялъ свое поведеніе. И тутъ онъ сталъ меня спрашивать о разговорѣ его, пріемахъ, возрастѣ, дѣятельности, послѣ того о флотѣ

Египетскомъ, и я обѣщалъ ему доставить записку (которую и составилъ) о флотѣ Махметъ-Али, на что́ онъ изъявилъ желаніе свое. За симъ онъ поручилъ намъ побывать вмѣстѣ у сераскира и просилъ меня еще не уѣзжать, а остаться въ Царьградѣ до окончанія дѣла, на что́ я и согласился, и султанъ поручилъ Бутеневу стараться, дабы я былъ доволенъ. Онъ приказалъ послѣ того отвести насъ въ другую комнату его, дабы показать портретъ его. Посмотрите, сказалъ онъ, какъ меня написали верхомъ на лошади. Портретъ этотъ былъ очень дурно сдѣланъ; но мы не менѣе того похвалили его, какъ и убранство комнатъ, которое въ самомъ дѣлѣ было расположено со вкусомъ.

31-го мы поѣхали въ Перу, потому что насъ звалъ на обѣдъ и балъ Австрійскій посланникъ, по случаю дня рожденія императора Франца. Балъ былъ довольно великолѣпный, и хозяева весьма привѣтливы, но не присутствовалъ на ономъ Французскій повѣренный въ дѣлахъ подъ предлогомъ, что онъ получилъ извѣстье въ сей день о скоромъ прибытіи посланника ихъ, адмирала Руссена; но сіе было ложно, и только потому что тотъ видѣлъ козни его, устроенныя для низверженія тишины и спокойствія.

1-го числа я остался въ Перѣ, потому что было бы далеко возвращаться (ибо мнѣ надобно было еще навѣстить сераскира). Вечеръ провелъ я у Сардинскаго консула.

2-го числа мы были у сераскира по приказанію султана. Онъ уже сложилъ болѣзнь свою, которой причина, какъ кажется, была въ смутныхъ обстоятельствахъ, причиненныхъ приближеніемъ Ибрагима-паши. Я обратилъ снова вниманіе его на Дарданелы, которыя не могли бы устоять противъ малѣйшаго напора съ сухопутной стороны, и онъ утверждалъ, что всѣ мѣры къ укрѣпленію сего важнаго мѣста уже были предприняты. Онъ показалъ мнѣ ученіе одного баталіона, который стоялъ подъ ружьемъ на дворѣ, и потомъ повелъ въ лавку, въ которой султанъ всякій день проводитъ нѣсколько часовъ, по случаю Рамазана, передъ собраннымъ народомъ. Мертвая тишина царствовала при семъ собраніи, и отряды пѣхоты не переставали ходить взадъ и впередъ передъ окномъ, подъ коимъ сидѣлъ султанъ. Когда онъ вышелъ, мы поѣхали навѣстить патріарха Константинопольскаго Констанція. Старикъ не могъ скрыть неудовольствія своего, видя содѣйствіе Государя султану; но мы вскорѣ прекратили сей разговоръ, не давая ему распространяться. Оттуда мы навѣстили Іерусалимскаго патріарха Аѳанасія, человѣка малозначущаго.

Оба говорили мнѣ много о братѣ моемъ, котораго часто видѣли въ проѣздъ его черезъ Константинополь. Греки, населяющіе сію часть

города, толпою проводили насъ до пристани, откуда мы возвратились въ Перу очень поздно, черезъ прелестное кладбище въ кипарисовой рощѣ.

2-го числа пришла изъ Петербурга почта. Я получилъ нѣсколько писемъ, но касательно дѣлъ мы ничего не получили: графъ Нессельроде получилъ еще только первыя извѣстія о разбитіи великаго визиря и очень безпокоился на счетъ дѣлъ Турецкихъ. Посему Бутеневъ рѣшился отправить нарочнаго съ увѣдомленіемъ о состояніи дѣлъ, чѣмъ онъ и занялся 3-го числа, а я отправился для изготовленія бумагъ къ почтѣ, которая отъѣзжаетъ отсюда 6-го числа; съ курьеромъ же ничего не располагалъ писать, потому что, собравшись въ Перу только на одинъ день, я ничего съ собою не взялъ на сей предметъ, и всѣ бумаги мои остались въ Беугъ-Дере. И потому, 3-го числа я выѣхалъ изъ Перы и дорогою заѣхалъ къ Ахметъ-пашѣ, живущему во дворцѣ султана въ Чараганѣ. Въ коридорѣ встрѣтился я съ адмираломъ, капитанъ-пашею, Тагиръ-пашею, съ коимъ и познакомился. Онъ выходилъ отъ султана. Я съ нимъ мало говорилъ, но онъ мнѣ показался человѣкомъ съ природными дарованіями. Къ Ахметъ-пашѣ муширу пришелъ вскорѣ Ахметъ-паша-ферикъ. Такъ какъ у меня не было ничего особеннаго въ предметѣ, то я мало времени у нихъ остался, и мы занялись разговорами объ устройствѣ войскъ. Не менѣе того я опять убѣдился, что Ибрагимъ-паша изъ Кютаіё не выступалъ, что при немъ была только кавалерія и часть пѣхоты, и что его передовыя войска даже не выходили изъ Кютаіё.

4-го я занялся изготовленіемъ бумагъ къ отправленію съ наступающею почтою въ Петербургъ, изъ коихъ видны всѣ дѣйствія мои по возвращеніи изъ Александріи.

5-го. Поутру прибылъ къ Терапіи Французскій фрегатъ «Галатея» съ посланникомъ вице-адмираломъ Руссенемъ. Бутеневъ получилъ записку отъ рейсъ-ефенди, коею онъ просилъ его отмѣнить прибытіе флота, по той причинѣ, что Порта полагала излишнимъ сіе послѣ успѣха моей поѣздки, и что она опасалась, дабы мѣрою сею не возобновились военныя дѣйствія. Записку сію, свидѣтельствующую объ успѣхѣ возложеннаго на меня порученія, я храню, какъ доказательство самое явное сего успѣха. Но въ запискѣ сей, весьма поздно доставленной, я усматриваю только мѣру, предпринятую для оправданія себя передъ Французскимъ посланникомъ, коего прибытіе ускорило отправленіе сей записки; ибо флотъ нашъ долженъ на дняхъ показаться у входа въ Босфоръ, и Турки, какъ кажется, желаютъ прибытія онаго. Бутеневъ отвѣчалъ, что онъ съ наступающею уже почтою напишетъ о семъ въ Петербургъ и къ адмиралу Грейгу, но что вмѣстѣ съ сим

онъ просилъ Порту изъявить ему желаніе свое, на тотъ случай, если флотъ покажется у Босфора, что́ неминуемо должно было случиться вскорѣ.

Ввечеру были у Бутенева Австрійскій интернонцъ, баронъ Оттенфельсъ и посланникъ баронъ Штюрмеръ. На вечеръ были также приглашены Беугъ-дерскіе драгоманы, и послѣ танцевъ разъѣхались во 2-мъ часу ночи.

6-го. Я съѣздилъ съ Бутеневымъ къ вновь прибывшему Французскому посланнику.

7-го. Отправлена почта, съ коею и я послалъ донесенія свои и письма къ разнымъ лицамъ, ихъ коихъ видѣнъ ходъ дѣла въ теченіе сего времени. Ввечеру Бутеневъ и я получили письма изъ Александріи отъ Россети. Письма сіи были доставлены съ двумя татарами, привезшими отъ Галиль-паши бумаги уже три дня тому назадъ, съ содержаніемъ условій Магметъ-Али для заключенія мира. Россети писалъ къ намъ, что паша требовалъ всю Сирію и Караманскій берегъ Анатоліи; но что онъ по требованію моему возвратилъ въ Каиръ войска которыя посадилъ было на суда для отправленія къ арміи. Онъ увѣдомлялъ также, что паша былъ весьма недоволенъ движеніемъ сына своего впередъ и что онъ посылаетъ вмѣстѣ съ симъ къ нему одного генерала съ приказаніемъ остановиться въ Бруссѣ. Письмо сіе доказываетъ, что паша не переставалъ притворствовать. Условія, которыя онъ предлагалъ султану, были жестоки; но онъ зналъ, что Россія не мѣшается въ договоры его съ султаномъ. Онъ показывалъ себя готовымъ исполнить волю Государя; но казалось, что ему хотѣлось подвинуться впередъ, и весьма вѣроятно, что онъ подвинется къ Бруссѣ, не взирая на обѣщанія, имъ данныя, остановиться. Россети писалъ, какъ человѣкъ совершенно преданный пашѣ, и содержаніе письма его было совсѣмъ въ другомъ родѣ отъ разговоровъ его въ первые дни моего пребыванія въ Александріи. Я остаюсь при мнѣніи своемъ, что прибытіе командира брига Бутенева много испортило дѣла наши, не менѣе какъ прибытіе Галиль-паши испортило дѣла султана; ибо Бутеневъ, сближаясь съ Россети и другими иностранцами, противъ воли и наставленій моихъ, могъ въ нихъ вселить понятія, которыя онъ и мнѣ выражалъ, что мѣры кротости и добраго согласія—тѣ, коимъ надобно было слѣдовать, вмѣсто угрозъ, которыми я удерживалъ пашу, и паша съ иностранцами, видя несогласіе мыслей нашихъ, могъ принять поведеніе мое совсѣмъ иначе и полагать его не тѣмъ, котораго мнѣ велѣно было держаться.

8-го. Прибыла поутру изъ Севастополя наша эскадра Черноморскаго флота, состоящая изъ 4-хъ линейныхъ кораблей, 3-хъ фрега-

товъ, одного корвета и одного брига, подъ командою контръ-адмирала Лазарева, въ самый день Байрама или праздника розговѣнъ у Турокъ. Бутеневъ писалъ по просьбѣ Турецкаго правительства съ отшедшею почтою къ адмиралу Грейгу, дабы эскадру сію остановить по измѣнившимъ обстоятельствамъ; но рейсъ-ефенди, по медленности, не прислалъ катера, который онъ хотѣлъ отдать въ распоряженіе Бутенева, дабы послать сей отказъ моремъ.

Лазаревъ не исполнилъ того, чтò ему было предписано отъ его начальства и о чемъ его просилъ Бутеневъ—остановиться прежде у входа пролива и снестись съ нимъ прежде, чѣмъ входить, а вошелъ и остановился на якорѣ противъ Беугъ-дере. Вскорѣ послѣ сего прибылъ къ намъ посланный отъ султана Ахметъ-паша-муширъ съ изъявленіемъ признательности за участіе, которое Государь принималъ въ положеніи его и съ просьбой, дабы эскадру нашу отослали въ Сизополь, гдѣ бы она могла быть въ готовности и ожидать новыхъ приказаній, еслибъ присутствіе оной вновь потребовалось въ Царьградѣ, на чтò Бутеневъ и согласился. Мѣру сію принуждены Турки были предпринять, дабы не подать поводу другимъ державамъ вступиться въ дѣла ихъ, видя вліяніе Государя. Ахметъ-паша былъ очень доволенъ успѣхомъ своимъ; ибо они вели переговоры съ Египетскимъ пашею, и онъ надѣялся, какъ видно было, что можно примириться безъ содѣйствія посторонняго. Онъ обѣщался доставить въ Сизополѣ всѣ возможныя удобства для помѣщенія флота. Лазареву было прискорбно такое рѣшеніе, но онъ съ твердостью перенесъ сіе и не показалъ неудовольствія.

Ахметъ-паша увѣрилъ меня, что не только Ибрагимъ-паша не выходилъ изъ Кютаіё, но что онъ даже возвратилъ въ Конію войска, которыхъ было оттуда потребовалъ.

Вчера узнали мы въ подробности о причинахъ, побудившихъ Турокъ просить отправленія нашей эскадры обратно въ Сизополь. Поводомъ сему служила отнюдь не мнительность ихъ; но страхъ, дабы Французы не приняли бы также участія въ семъ дѣлѣ. Вновь прибывшій посланникъ ихъ Руссенъ грозился имъ, въ случаѣ если они примутъ наше содѣйствіе, подвигнуть Ибрагима къ новымъ наступательнымъ движеніямъ, и въ то время, какъ у насъ былъ Ахметъ-паша-муширъ третьяго дня, Вогороди былъ у Руссена, который обѣщался ему принять всевозможное участіе въ уменьшеніи требованій Магметъ-Алія, если нашъ флотъ возвратится, и Порта послала немедленно двухъ гонцовъ въ Александрію со своими условіями, т. е. съ предложеніями уступить только часть Сиріи.

10-го. Пріѣхалъ къ намъ сераскиръ съ Ахметъ-пашею-ферикомъ отъ имени султана, для изъявленія вновь благодарности его за участіе, которое Государь принималъ въ дѣлахъ ихъ и помощь предложенную и съ просьбою, дабы эскадра возвратилась въ Сизополь, чему причиною были угрозы Французскаго посланника, управляющаго почти совершенно дѣйствіями Ибрагимъ-паши. Но Ахметъ-паша хвалился, что онъ взялъ письменное обѣщаніе отъ Французскаго посла склонить Магметъ-Алія къ принятію условій, предложенныхъ султаномъ, если онъ откажется отъ всякаго вспомоществованія другихъ державъ, и въ семъ отношеніи онъ признавалъ уже пользу, принесенную появленіемъ флота. Довѣренность къ намъ султана не подвержена болѣе никакому сомнѣнію, и онъ всего болѣе гнушается участіемъ Французовъ, грозящихъ занятіемъ Дарданеловъ.

Сераскиръ и Ахметъ-паша поѣхали послѣ того на адмиральскій корабль, который осматривали съ большимъ любопытствомъ, показывая неограниченную преданность намъ и совершенную довѣренность. Ихъ приняли со всевозможными почестями. Султанъ прислалъ свѣжей провизіи для экипажей судовъ и вино для офицеровъ.

Я занялся вчера изготовленіемъ депешей къ графу Нессельроде съ курьеромъ, имѣющимъ сегодня отправиться.

Такъ какъ фрегатъ нашъ долженъ былъ поступить въ починку, то я потребовалъ другой на мѣсто онаго у контръ-адмирала Лазарева, на время исправленія сего, которое должно дѣлаться здѣсь въ адмиралтействѣ, и онъ назначилъ на сей предметъ фрегатъ «Архипелагъ».

11-го. Цѣлый день продолжалась дурная погода; вѣтеръ былъ очень сильный, такъ что нѣсколько судовъ потащило съ якорей. Къ ночи былъ отправленъ въ Петербургъ курьеръ съ нашими депешами.

12-го. Ввечеру прибыли къ Бутеневу депеши отъ Киселева въ отвѣтъ на тѣ, въ которыхъ Бутеневъ излагалъ просьбу Турокъ о пособіи войсками. Киселевъ писалъ, что онъ немедленно сбираетъ къ Силистріи всѣ войска, находящіяся въ княжествахъ: 6 баталіоновъ, 12 орудій и 2 полка казачьихъ, и что онъ просилъ генерала Рота отправить въ путь 25 пѣхотную дивизію, которая отдана была предварительнымъ повелѣніемъ въ его распоряженіе. При семъ Киселевъ излагаетъ необходимость занять крѣпость Шумлу и желаніе свое быть начальникомъ сихъ войскъ. Сужденія его очень быстры; но казалось мнѣ безъ сомнѣнія, и я могъ замѣтить, что онъ болѣе руководствовался личными видами честолюбія, чѣмъ пользою дѣла.

13-го. Бутеневъ получилъ ноту отъ рейсъ-ефендія, коею онъ увѣдомлялъ его, что Французскій посолъ, взявшійся уладить договоры Тур-

ціи съ Египтомъ, былъ извѣщенъ о согласіи нашемъ возвратить флотъ въ Сизополь. Бутеневъ отвѣчалъ рейсъ-ефендію, что хотя онъ не откажется отъ своего слова и что флотъ возвратится съ первымъ вѣтромъ, но что онъ не приметъ ноты, въ которой упомянуто было объ участіи какого либо посторонняго посланника въ семъ дѣлѣ, о чемъ даже и не прилично было упоминать въ офиціальной бумагѣ послѣ великодушія, оказаннаго Государемъ и что какъ призывъ, такъ и возвращеніе флота, могли послѣдовать только по одному желанію султана, а потому и возвратилъ ноту сію рейсъ-ефендію, который былъ симъ смущенъ и отозвался, что нота сія была сочинена не имъ, а Портою и что о Французскомъ посланникѣ было упомянуто въ оной безъ всякаго умысла.

Вчера былъ у Бутенева съ визитомъ Французскій посланникъ и заходилъ ко мнѣ, но, не заставъ меня дома, оставилъ визитную карточку.

14-го. Поутру прибылъ изъ Одессы пароходъ «Нева», присланный отъ графа Воронцова къ Бутеневу, для узнанія о состояніи дѣлъ. Онъ увѣдомлялъ, что по первому требованію флота и войскъ, сдѣланному Турками, онъ собралъ до 5000 пѣхоты и изготовилъ ихъ къ отправленію; между тѣмъ просилъ извѣстій о состояніи дѣлъ въ Турціи, дабы, соображаясь съ распоряженіями, которыя получатся изъ Петербурга, отправить отрядъ сей въ Константинополь на судахъ.

Вскорѣ послѣ того получено извѣстіе, что Ибрагимъ-паша послалъ чиновника въ Смирну съ приказаніемъ вступить въ управленіе сего города и что жители онаго сдались, что старые чиновники удалялись, а новые вступали въ управленіе и что вскорѣ ожидали туда прибытія отряда Египетскаго, изъ пяти или шести сотъ всадниковъ состоящаго. Ввечеру Австрійскій интернунцій сообщилъ Бутеневу извѣстія, полученныя имъ изъ Александріи отъ Ачерби, что Магметъ-Али продолжалъ свои вооруженія. Баронъ Оттенфельсъ увѣдомлялъ при томъ, что слухъ носился, будто сераскиръ-паша смѣненъ Ахметъ-пашею-муширомъ, но извѣстіе сіе еще не было вѣрно.

15-го. По полученнымъ изъ Смирны извѣстіямъ былъ собранъ совѣтъ въ Портѣ, на который былъ призванъ и Французскій посланникъ и, кажется, что Турки остались въ ослѣпленіи, произведенномъ надъ ними вице-адмираломъ Руссеномъ, обѣщавшимъ имъ скорое окончаніе дѣла, но дѣйствующимъ, кажется, совершенно въ другихъ видахъ; ибо, не заботясь о лицѣ султана, онъ дѣйствуетъ только въ пользу Магметъ-Али, а можетъ быть и для того единственно, чтобы способствовать ему въ завладѣніи престоломъ.

16-го. Были у меня Австрійскіе интернунцій баронъ Оттенфельсъ и посланникъ баронъ Штюрмеръ, коимъ я прочелъ описаніе дѣйствій моихъ въ Александріи. Рёльи, ночевавшій у меня, говорилъ мнѣ о торжествѣ Французовъ, хвалившихся перевѣсомъ, который они пріобрѣли въ дѣлахъ Турціи. И въ самомъ дѣлѣ, они успѣли болѣе угрозами своими, чѣмъ мы дружелюбными предложеніями Государя; но цѣль ихъ — свергнуть султана и дать болѣе силы Турціи возведеніемъ на престолъ человѣка дѣятельнаго. Султанъ спрашивался своего совѣта и народа, и безпечность его столь велика, что и обстоятельства, въ Смирнѣ случившіяся, не подвинули его къ предпринятію какихъ либо мѣръ для собственной безопасности, и онъ ослѣпленъ надеждами, данными ему Французами, не различая, что они держатъ единственно сторону народа, тогда какъ заступаются за его лицо. Ахметъ-паша-муширъ, который обѣщался вчера ко мнѣ быть, не пріѣхалъ. Его одного можно было воспламенить къ возобновленію военныхъ дѣйствій; ибо Ибрагимъ весьма растянулся и, подверженный черезъ сіе частнымъ разбитіямъ, ослабилъ себя во всѣхъ точкахъ. Я долго говорилъ вчера ввечеру о сихъ обстоятельствахъ Бутеневу, но нашелъ его равнодушнымъ къ главной цѣли—сохранить Константинополь. Онъ полагаетъ себя правымъ, исполняя данныя ему порученія изъ Петербурга; но тамъ не предвидѣли представившагося случая, вліянія Франціи, которое низпровергло наши дѣйствія и которое можно теперь одолѣть только одною силою оружія.

17-го. Приходилъ къ Бутеневу драгоманъ, князь Калимахи, который сообщилъ ему разныя свѣдѣнія на счетъ дѣлъ. Всѣ чиновники Порты совершенно противились султану, коего даже старались свергнуть. Сераскиръ еще не показалъ себя на чьей-либо сторонѣ явно; но казалось, что онъ располагалъ прибѣгнуть подъ покровительство Франціи. Порта старалась отдалить отъ султана всѣхъ людей къ нему приверженныхъ, и потому располагали склонить его, дабы Ахметъ-пашу послали въ Петербургъ благодарить Государя за участіе имъ оказанное, или въ Египетъ съ утвержденіемъ Магметъ-Алія въ званіи паши. Взятіе Смирны увеличило робость султана; но все еще надѣялись на обѣщанія, данныя Французскимъ посланникомъ понудить Магметъ-Алія къ принятію условій предложенныхъ султаномъ.

Ввечеру былъ у меня Ахметъ-паша-муширъ и просидѣлъ весьма долго. Онъ сказалъ намъ, что пребываніе нашей эскадры здѣсь не было нисколько противно желаніямъ султана, и что онъ надѣялся, что вѣтръ не перемѣнится, то есть не сдѣлается южный (ибо мы должны были съ южнымъ вѣтромъ отправить флотъ въ Сизополь). Онъ увѣрялъ меня, что у нихъ до 40000 войскъ еще имѣется и что онъ

надѣялся съ оными дать отпоръ близъ Царьграда. Я старался убѣдить его, что наступательное движеніе въ теперешнемъ разстроенномъ состояніи Ибрагимъ-паши было бы всего полезнѣе; но Ахметъ паша хотѣлъ еще обождать отвѣта отъ Французскаго полковника, посланнаго въ недавнемъ времени адмираломъ Руссеномъ къ Ибрагиму. Я опасался подвигнуть его къ наступательнымъ дѣйствіямъ, не надѣясь на духъ войскъ Турецкихъ, которыя могли быть разбиты, и потому пожелалъ прежде видѣть войска ихъ, которыя онъ мнѣ обѣщался показать. Я спрашивалъ его, какія предприняты мѣры на случай, если бы при защитѣ Царьграда Турки были разбиты.—Не знаю, отвѣчалъ онъ, я погибну въ бою; а что̀ послѣ меня будетъ, до того мнѣ дѣла нѣтъ. Но султанъ будетъ въ опасности?—Вѣрно на сей предметъ предприняты какія либо мѣры диваномъ; но прекратимъ теперь разговоръ сей, сказалъ онъ; я не могу вамъ дать никакого отвѣта, но дня черезъ два опять буду къ вамъ и скажу вамъ все. Видно было, что онъ хотѣлъ совѣщаться съ султаномъ. Бутеневъ сказалъ ему, что нашему консулу въ Смирнѣ приказано было сложить съ себя званіе по случаю завладѣнія сего города Египтянами.—Сіе самое приказано и Французскому консулу, сказалъ Ахметъ-паша. Обстоятельство сіе доказывало бы, что Французы не признаютъ сего дѣйствія Ибрагима, и въ такомъ случаѣ Франція дѣйствовала бы совершенно въ нашихъ видахъ, устроивъ мирныя условія, въ кои Государь не хотѣлъ входить.

18-го. Сдѣлался южный вѣтеръ; но эскадра наша не тронулась въ обратный путь, по той причинѣ, что Ибрагимъ-паша нарушилъ данныя обѣщанія и подвинулъ войска свои въ Магнезію, занялъ Смирну, и со стороны Турецкаго правительства не было никакого напоминанія, дабы эскадра наша возвратилась.

Ввечеру отправился пароходъ «Нева» обратно въ Одессу съ нашими депешами. Бутеневъ описывалъ графу Воронцову состояніе дѣлъ здѣшнихъ и предоставилъ ему, сообразно съ распоряженіями, полученными имъ изъ Петербурга, отправить или остановить десантныя войска, приготовленныя въ Одессѣ. Я послалъ также письмо къ графу Нессельроде съ изложеніемъ настоящихъ обстоятельствъ.

20-го Февраля. Бутеневымъ получены были бумаги отъ нашего посланника въ Вѣнѣ Татищева, который увѣдомлялъ его о стараніяхъ Французскаго министра Талейрана составить съ Англіею новый союзъ противъ Россіи по случаю Турецкихъ дѣлъ, но что союзъ сей былъ прерванъ дѣйствіями Австрійскаго министра, князя Меттерниха и что, напротивъ того, Англія, по примѣру нашему, послала въ Александрію полковника Камибеля съ порученіями подобными моему, что сему же

примѣру послѣдовалъ и Австрійскій дворъ. И такъ, Французы остались одни и продолжаютъ кознями своими тревожить Махметъ-Али и султана; ибо они обоимъ обѣщаютъ свое покровительство и обоимъ портятъ дѣлà. Нѣтъ сомнѣнія, что Царьградъ спасенъ вліяніемъ, произведеннымъ мною надъ Магметъ-Али, ибо безъ того Ибрагимъ-паша не остановилъ бы военныхъ дѣйствій и низпровергъ бы султана. Но успѣхъ сей, какъ можно было предвидѣть, имѣетъ завистниковъ. Вчера полученъ былъ Бутеневымъ отъ Киселева отвѣтъ на увѣдомленіе его о моемъ возвращеніи и успѣхѣ моего посольства. Киселевъ относилъ прекращеніе военныхъ дѣйствій со стороны Египтянъ къ зимнему времени. Я воспользовался симъ случаемъ, дабы, въ присутствіи брата Бутенева, сказать, что я буду обращать весьма мало вниманія на подобныя мнѣнія и даже на удовольствіе, произведенное здѣсь въ нѣкоторыхъ лицахъ движеніемъ Ибрагимъ-паши къ Смирнѣ. Капитанъ-лейтенантъ Бутеневъ, человѣкъ безпокойнаго нрава и завистливыхъ свойствъ, въ самомъ дѣлѣ показалъ третьяго дня довольно явно удовольствіе свое въ присутствіи моемъ по сему случаю; онъ понялъ, къ кому относился мой отзывъ вчера и немедленно вышелъ изъ комнаты.

21-го Февраля. По полученнымъ извѣстіямъ изъ Александріи, Египетскій паша снова послалъ войска въ армію; но я не совсѣмъ вѣрю симъ слухамъ и полагаю, что они относятся къ тѣмъ войскамъ, которыя онъ, по требованію моему, возвратилъ послѣ моего отъѣзда. Тимони, нашъ консулъ въ Дарданелахъ, также доносилъ о разныхъ старыхъ извѣстіяхъ, но весьма преувеличенно. Я представилъ Бутеневу, что человѣкъ сей неспособенъ для сей должности въ теперешнее время и предлагалъ ему послать одно судно крейсировать за Дарданеллами, дабы имѣть вѣрныя извѣстія, чтò для насъ необходимо было и въ отношеніи эскадры нашей, долженствовавшей дѣйствовать совокупно съ Турецкою для обороны Дарданелъ; ибо контръ-адмиралъ Лазаревъ мало входилъ въ подробности сношеній съ Турками, ограничиваясь только однимъ наблюденіемъ за судами своей эскадры. Но я не нашелъ Бутенева расположеннымъ предпринимать какія-либо мѣры въ семъ отношеніи.

21-го. Я посѣтилъ Прусскаго министра барона Мертенса. Онъ вмѣсто того, чтобы дѣйствовать въ видахъ своего правительства, согласнаго съ нашимъ, напротивъ того служитъ лазутчикомъ у Французскаго посланника, коему онъ совершенно преданъ, сохраняя и образъ мыслей согласный съ правилами безначалія и вражды къ намъ, которыя проповѣдываются Французами, къ чему, кромѣ собственнаго побужденія, склоняется онъ еще женою своею Француженкою. Не-

скромное поведеніе и рѣчи Мертенса понудили меня напомнить ему, что они не соотвѣтствуютъ правиламъ дружбы и единомыслію, которыми одушевляются дворы наши, и я заставилъ его перемѣнить разговоръ свой и сознаться въ преимуществѣ нашихъ понятій о правленіи и нравственности.

22-го. Получено извѣстіе отъ посланнаго нами въ Бруссу, что Ибрагимъ отправляетъ войска свои въ Айдинъ, чтó за Смирною. Если извѣстіе сіе подтвердится, то можно будетъ заключать, что онъ совершилъ сіе движеніе съ тѣмъ, чтобы перенестись въ свѣжій, еще не раззоренный край, сближаясь съ флотомъ своимъ, дабы, въ случаѣ возможности, начать снова военныя дѣйствія, а въ противномъ—сѣсть на суда и отправиться обратно въ Египетъ, не принимая вида бѣгущаго или уклоняющагося отъ угрозъ и опасностей, и въ такомъ случаѣ дѣйствія Магметъ-Али имѣли бы видъ экспедиціи въ Анатолію, которая ему совершенно удалась.

25-го. Я ѣздилъ въ Перу, дабы видѣться съ Австрійскимъ интернунціемъ. Онъ возвращался отъ аудіенціи, которую ему давалъ султанъ, по случаю отъѣзда его въ Вѣну (его замѣняетъ баронъ Штюрмеръ). Оттенфельсъ въ самое то время получилъ почту изъ Вѣны и показалъ мнѣ депешу князя Меттерниха, который предписывалъ ему сохранять сколь можно болѣе дружественныя сношенія съ нашимъ посланникомъ Бутеневымъ; Англійскому министру показывать довѣренность соотвѣтственную искренности, которую онъ покажетъ; съ Французскимъ же посланникомъ остерегаться возродить какое либо соперничество или зависть по дѣламъ Турціи.

На обратномъ пути я заѣхалъ къ Ахметъ-пашѣ-муширу, котораго нашелъ въ весьма разстроенномъ положеніи. Я старался возбудить въ немъ упадшій духъ и убѣдить его къ отраженію силою Ибрагима, коего войска находятся теперь раскинутыми по всей Анатоліи; но онъ сознался мнѣ въ слабости Турецкаго правительства и сказалъ, что султанъ боится приступить къ сей мѣрѣ въ опасеніи быть разбитымъ и черезъ сіе лишиться послѣдней надежды удержать престолъ свой, которую ему Французы даютъ. Обѣщаніямъ Французовъ онъ мало вѣритъ.

Извѣстія изъ арміи Ибрагима были слѣдующія: онъ все оставался въ Кютаіё; но отрядъ изъ 500 конныхъ, подъ начальствомъ Курда Галидъ-бея, объѣзжалъ всѣ города Анатоліи, уничтожая пошлины и откупа и собирая съ каждаго жителя по одному талеру; но Ибрагимъ, замѣтя злоупотребленія, причиненныя симъ отрядомъ, отозвалъ оный подъ симъ предлогомъ; въ сущности же для того, чтобы взять у него собранныя деньги. Въ Кютаіё находилось пять полковъ пѣхоты, 4 ка-

валеріи и 24 орудія (18 орудій находилось въ Акъ-Шегерѣ), столько же войскъ оставалось Египетскихъ въ Коніи и часть оныхъ въ Сиріи (два полка пѣхоты). Продовольствіе въ Кютаїё приходило мукою черезъ Адану изъ Египта; больныхъ было весьма много. Время самое удобное для пораженія Египтянъ, но Турки и того не смѣютъ предпринять: столь они убѣждены въ своей слабости.

Вчера контръ-адмиралъ Лазаревъ посѣщалъ, по приглашенію Турокъ, монетный дворъ, и въ присутствіи его вычеканили медали золотыя и серебряныя въ память пребыванія здѣсь нашего флота, которыя были розданы всѣмъ офицерамъ, сопровождавшимъ его, и будутъ также разосланы всѣмъ офицерамъ эскадры и прибывшимъ со мною. На одной сторонѣ сей медали изображено имя султана, а на другой гербъ Турціи—луна со звѣздою.

Во время разговора моего съ Ахметъ-пашею я могъ замѣтить, что онъ опасался болѣе внутреннихъ безпокойствъ, чѣмъ военныхъ дѣйствій Ибрагима, и какъ онъ показывалъ, что имѣетъ нѣкоторую надежду на обѣщанія Французовъ, не воздавая довольно признательности за то, что я остановилъ дѣйствія Ибрагима, то я сказалъ ему, что безъ участія Государя Ибрагимъ давно уже былъ бы въ Царьградѣ, въ чемъ онъ сознался, и что если бы Турки не послали Галиль-пашу въ Египетъ, то и дѣло ихъ вѣроятно было-бы кончено съ Магметъ-Али, который тогда былъ очень склоненъ къ изъявленію своей покорности, но измѣнился по прибытіи Галиль-паши, потому что замѣтилъ изъ сего слабость Турецкаго правительства.

26-го. Отправился вторично обратно въ Одессу пароходъ «Нева». Пришедши сюда съ бумагами отъ графа Воронцова, пароходъ сей уже былъ однажды отправленъ нами въ Одессу, но возвратился назадъ за большимъ волненіемъ; отъ того онъ не могъ подаваться впередъ. Если сіе справедливо и не другія причины заставили капитана возвратиться, то надобно полагать, что устроеніе машины или самаго парохода весьма нехорошо.

27-го. Я ѣздилъ къ Англійскому министру и Французскому посланнику. Первый сказалъ мнѣ, что онъ получилъ весьма удовлетворительный отвѣтъ отъ Ибрагима на посланное къ нему письмо по случаю занятія Смирны. Ибрагимъ отказывался отъ сего и отвѣчалъ, что сіе было сдѣлано начальникомъ войскъ, въ Магнезіи находящимся. Посланный къ нему сказывалъ, что въ Кютаїё не было почти вовсэ нигдѣ замѣтно войскъ. Ибрагимъ говорилъ, что онъ только ожидаетъ приказаній отца своего, дабы возвратиться.

28-го. Были у меня Французскій посланникъ Руссенъ и повѣренный въ дѣлахъ Варенъ.

Я посылалъ адъютанта своего къ Ахметъ-пашѣ-муширу съ пригласительнымъ письмомъ на обѣдъ къ сераскиру, который долженъ сегодня быть. Адъютантъ мой Харнскій возвратился ночью съ дружественнымъ письмомъ отъ Ахметъ-паши, коимъ онъ увѣдомлялъ меня, что Смирна поступила обратно въ управленіе чиновниковъ султана по настоянію губернатора Тагиръ-паши и вслѣдствіе дѣйствій консуловъ всѣхъ державъ, снявшихъ флаги своихъ націй.

1 Марта. Прибыла изъ Петербурга почта, съ коею получены Бутеневымъ депеши изъ министерства. Графъ Нессельроде отвѣчалъ еще на бумаги, писанныя во время отсутствія моего въ Александріи, когда происки Французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Варена превозмогли при Турецкомъ дворѣ старанія Бутенева, и я къ сожалѣнію моему увидѣлъ, что правительство наше, убоясь вліянія Французовъ, измѣнило твердости, показанной въ началѣ сего дѣла: ибо министерство наше по полученіи еще только первыхъ извѣстій отъ нашего посланика въ Англіи князя Ливена (коими онъ увѣдомлялъ о новомъ союзѣ Англіи съ Франціею противъ Россіи) и не дождавшись другихъ извѣстій (по коимъ, какъ уже намъ извѣстно здѣсь, Англія, напротивъ того, стала дѣйствовать въ однихъ видахъ съ нами) поспѣшило написать посланнику нашему въ Парижѣ Поццо-ди-Борго, дабы онъ сообщилъ Французскому правительству, что мы нисколько не будемъ противиться, если Французы употребятъ стараніе свое, дабы возстановить миръ въ Турціи. Мы ожидали вскорѣ новыхъ распоряженій изъ Петербурга послѣ полученія тамъ моихъ донесеній по возвращеніи изъ Египта, и распоряженія сіи могутъ быть писаны совсѣмъ въ другомъ родѣ; можетъ быть, тогда признаютъ опять за нужное продолжать дѣло на той же ногѣ, какъ оно было начато, не показывая уступчивости Франціи.

Вчера были мы на обѣдѣ у сераскира, на коемъ былъ и Ахметъ-паша. Сераскиръ былъ очень привѣтливъ; но Ахметъ-паша, какъ замѣтно было, находился съ нимъ не въ ладахъ. Видна была даже ненависть и взаимная вражда между ними; ибо сераскиръ уже почти явно дѣйствуетъ вопреки султана, коему Ахметъ-паша преданъ. Но Ахметъ-паша, изъявляя мнѣ дружбу свою и полную довѣренность, старался скрыть ее отъ глазъ сераскира, и я не могъ ему не замѣтить, сколько подобное обращеніе было для него предосудительно.

2-го. Получены извѣстія о Дюгамелѣ. Оставивъ Ибрагимъ-пашу, онъ поѣхалъ въ Тарсусъ, гдѣ, сѣвъ на судно, дабы ѣхать въ Смирну, на пути заболѣлъ и остался въ Родосѣ, откуда онъ имѣлъ уже скоро выѣхать.

3-го. Получено мною чрезъ Одессу повелѣніе военнаго министра отъ 14 Февраля, коимъ онъ увѣдомляетъ меня о назначеніи моемъ

начальникомъ отряда десантныхъ войскъ, состоящихъ изъ 2-й и 3-й бригадъ 26-й пѣхотной дивизіи, отправляющихся изъ Одессы въ Константинополь по требованію сдѣланному Турецкимъ правительствомъ до возвращенія моего еще изъ Египта, и о движеніи 24-й и 25-й пѣхотной и 4-й уланской дивизій и сводной бригады 17-й пѣхотной съ казачьими полками, чрезъ княжества, подъ командою г. Киселева, къ Константинополю, по оному же случаю, съ тѣмъ, чтобы по прибытіи Киселева въ Царьградъ мнѣ состоять подъ его командою. Но вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ я другое повелѣніе отъ военнаго министра, отъ 17 Февраля писанное, по полученіи уже моего донесенія о возвращеніи изъ Египта. Тутъ пріостановлялось движеніе корпуса Киселева и отправленіе 2-й бригады 25-й пѣхотной; отправлялась же одна 3-я бригада, которая имѣетъ состоять подъ моимъ начальствомъ, а всѣ прочія войска, оставаясь въ готовности, должны были ожидать дальнѣйшаго распоряженія на основаніи извѣстій, которыя ожидали отъ Бутенева.

4-го. Мы были втроемъ, т. е. съ Лазаревымъ, приглашены на конференцію къ рейсъ-ефендію, который (какъ мы послѣ узнали) имѣлъ по настоянію Руссена письменное повелѣніе отъ султана объявить намъ желаніе, дабы флотъ нашъ возвратился. Онъ въ самомъ дѣлѣ и сказалъ сіе, но не настаивалъ много послѣ возраженій сдѣланныхъ Бутеневымъ, который говорилъ, что, по измѣнившимся обстоятельствамъ, онъ полагалъ нужнымъ ожидать другаго требованія по сему предмету отъ султана и что впрочемъ и южный вѣтръ не устанавливался еще до сихъ поръ постояннымъ образомъ. Рейсъ-ефенди говорилъ однакоже, что флотъ можетъ сдѣлать мало препятствія Ибрагиму, если бы онъ пришелъ въ Скутари, и когда я подвелъ его сказать, что на сіе бы нужны были сухопутныя войска, то Бутеневъ объявилъ ему объ ожидаемыхъ десантныхъ войскахъ, и рейсъ-ефенди на сіе ничего не отвѣчалъ, вѣроятно для того, чтобы прежде совѣщаться о томъ съ Портою. Отъ рейсъ-ефендія поѣхалъ я къ сераскиру, коему объявилъ о томъ же. Онъ принялъ извѣстіе сіе съ изъявленіемъ благодарности къ покровительству Государя, обѣщался симъ войскамъ дать всякое пособіе; о флотѣ же и возвращеніи онаго онъ ни слова не упоминалъ. Сераскиръ, какъ видно было, снова оперился и опять утвердился въ своемъ мѣстѣ, на коемъ онъ было пошатнулся, нѣсколько времени тому назадъ. Онъ былъ очень огорченъ отказомъ подарковъ, которые онъ намъ, Бутеневу, мнѣ и Лазареву, прислалъ третьяго дня, состоявшихъ изъ трехъ богатыхъ бриліантовыхъ табакерокъ. Я ему представилъ, что всякій подарокъ маловажный будетъ для меня драгоцѣненъ, но что богатыхъ я рѣшительно принять не могу; но сіе мало утѣшило его.

Отъ сераскира я поѣхалъ къ Ахметъ-пашѣ, который къ удивленію моему совершенно перемѣнилъ рѣчь свою. Онъ часто упоминалъ о флотѣ, спрашивая, когда оный возвратится и говоря, что долгое пребываніе его здѣсь ввергаетъ ихъ въ отвѣтственность. Когда же я ему сказалъ о сухопутныхъ войскахъ, которыхъ я ожидалъ вскорѣ, то онъ принялъ сіе хорошо и даже находилъ возможнымъ высадить ихъ на берегъ, еслибы и флотъ отправился обратно. Но вообще я нашелъ, что Ахметъ-паша говорилъ совсѣмъ инымъ языкомъ и, принимая его за отголосокъ султана, я заключилъ, что сей послѣдній совершенно покорился страху, наведенному на него угрозами Французскаго посланника и вѣроломствомъ первыхъ чиновниковъ государства.

5-го. Бутеневъ былъ у Французскаго посланника и объявилъ ему объ ожидаемомъ прибытіи войскъ, какъ и о безкорыстныхъ видахъ Государя, и нашелъ его весьма разсудительнымъ по сему предмету Руссенъ былъ въ особенности доволенъ, когда узналъ, что наше министерство сообщило Французскому двору наши виды. Отъ Турецкаго правительства не было вчера еще никакого отвѣта на счетъ даннаго оному извѣстія о десантныхъ войскахъ.

6-го. Я занимался отправленіемъ донесеній моихъ къ военному министру.

7-го. Князь Каллимахи доставилъ Бутеневу заблаговременное свѣдѣніе, что султанъ и правители его рѣшились принять съ удовольствіемъ и всевозможною предупредительностію ожидаемыя десантныя войска, коихъ прибытіе уже болѣе радовало ихъ, чѣмъ тревожило.

Вчера пріѣзжалъ также къ Бутеневу Руссенъ, который весьма перемѣнилъ свой разговоръ. Онъ потерялъ довѣріе у Турецкаго и Египетскаго правленія отъ неискренняго и неосновательнаго своего поведенія. Онъ съ прибытія своего превзошелъ, какъ кажется, мѣры предписанныя правительствомъ его, и нынѣ, при ослабленіи оныхъ, совершенно долженъ будетъ упасть. Мысль о пребываніи здѣсь флота нашего и даже о прибытіи сухопутныхъ войскъ напугаетъ его еще болѣе, и онъ будетъ скоро только дѣйствовать по нашимъ начертаніямъ. Такъ должно, кажется, послѣдовать, соображая обстоятельства и неосторожное, опрометчивое поведеніе вице-адмирала Руссена съ перваго дня прибытія его сюда.

8-го. Пріѣзжалъ сюда баронъ Штюрмеръ. Онъ показывалъ намъ копіи съ инструкцій, данныхъ Англійскому полковнику Кампбелю и Австрійскому подполковнику Прокешу, посланнымъ отъ своихъ правительствъ къ Магметъ-Али-пашѣ, съ изъявленіемъ неудовольствія по случаю возмущенія его противъ султана; но ни въ той, ни въ другой

инструкціи не замѣтно было угрозъ: ограничивались одними убѣжденіями и совѣтами.

9-го. Я ѣздилъ къ Мандевилю и Варену, изъ коихъ перваго не засталъ дома, а второй былъ боленъ. Во время пути моего въ Терапію поднялся сильный южный вѣтръ, который былъ необыкновенной теплоты, и продолжался не болѣе получаса, и въ ту минуту, какъ я садился въ лодку, чтобы плыть обратно, поднялся внезапно сильный сѣверный вѣтръ: въ мигъ поднялись по Босфору высокія пѣнистыя волны. Буря сдѣлалась необыкновенно сильною и продолжалась болѣе часа. Гребное судно, на коемъ я былъ, неминуемо бы опрокинулось, еслибъ я не присталъ къ берегу, и такъ какъ въ то время полилъ сильный дождь, то я укрылся въ домѣ одного Армянина, который меня къ себѣ пригласилъ; но меня оттуда вызвалъ секретарь Англійскаго посольства Кеннеди, который пригласилъ меня къ возлѣ живущему Англійскому купцу Грину, у коего проведши съ часъ, я вышелъ, дабы плыть обратно. На пути однакоже я былъ вторично приглашенъ тѣмъ же Армяниномъ-банкиромъ, который хотѣлъ угостить меня кофіемъ и трубкою. Я зашелъ къ нему и, просидѣвъ у него съ полчаса, возвратился благополучно въ Беугъ-дере. Полагаютъ, что въ сіе время было землетрясеніе, и многимъ на берегу мнилось ощутить оное.

10-го. Бутеневъ получилъ отъ Вогориди копію съ рапорта, поданнаго сераскиру возвратившимся изъ Александріи Французомъ, занимающимся у Блака, редактора Турецкой газеты. Онъ описываетъ разговоры свои съ Магметъ-Али, коего рѣчи тѣже самыя, какъ и прежде: онъ все твердитъ о желаніи помириться, между тѣмъ продолжаетъ свои вооруженія. Отвѣты его нисколько не успокоительны, и я бы не удивился, еслибъ внезапно Ибрагимъ-паша снова предпринялъ движеніе свое къ Царьграду.

12-го. При отправленіи курьера въ Петербургъ, получены подробныя извѣстія о послѣдствіяхъ отправленія въ Александрію Французскаго офицера адмир. Руссеномъ. Извѣстія сіи сообщены Австрійскимъ министромъ барономъ Штюрмеромъ, приславшимъ подлинныя депеши, полученныя имъ отъ его консула въ Александріи Ачерби, который увѣдомляетъ, что Магметъ-Али, недовольный предложеніемъ Французовъ, разбранилъ консула ихъ Мимо, подстрекавшаго его къ симъ завоеваніямъ, и отвѣчалъ Руссену, что онъ вѣрно не знаетъ цѣли своего правительства, поступивъ такимъ образомъ, что онъ не намѣренъ ничего убавить изъ своихъ требованій и что онъ предпочтетъ смерть всякому послабленію въ своихъ условіяхъ. Ачерби увѣрялъ, что Магметъ-Али послалъ даже приказаніе Ибрагиму-пашѣ подвинуться впередъ и занять Дарданелы. И такъ Французы, черезъ

свою лживую политику и необдуманное поведеніе, потеряли довѣренность вмѣстѣ Турокъ и Египтянъ.

13-го. Я былъ съ Бутеневымъ приглашенъ на конференцію къ рейсъ-ефендію и къ сераскиру. Совѣщанія сіи были послѣдствіемъ неуспокоительныхъ извѣстій, полученныхъ изъ Александріи объ отзывѣ Магметъ-Али Французскому посланнику. Руссенъ, по возвращеніи его, сообщилъ Портѣ отзывъ сей, присовокупивъ, что онъ бы могъ еще понудить Магметъ-Али, но что такъ какъ наша эскадра отсюда не уходила, то онъ не хотѣлъ болѣе вмѣшиваться въ сіе дѣло. Ни рейсъ-ефенди, ни сераскиръ не скрывали своего негодованія противъ Французовъ, но прежде чѣмъ снова приступить къ испрошенію нашей помощи, они хотѣли испытать Французскаго и Англійскаго посланниковъ, на чтò полагали два или три дня, теряя такимъ образомъ драгоцѣнное время въ пустыхъ совѣщаніяхъ и надѣясь, какъ они говорили, на нѣсколько дней усыпить Ибрагима. Представленія мои ни чему не помогли. Сераскиръ разсыпался въ ругательствахъ на Магметъ-Али, хвалился войскомъ своимъ и нечего не предпринималъ; но такъ какъ они хотѣли знать, надѣюсь ли я съ помощью ихъ войска, по прибытіи нашихъ, разбить Ибрагима, то я отвѣчалъ имъ, что прибытіе нашихъ было подвержено сомнѣнію, судя по отказу, который они сами сдѣлали, а что объ ихъ войскѣ я не могъ судить, не видавши онаго. Они хотѣли мнѣ показать оное; но сераскиръ не обращалъ никакого вниманія на принадлежности, необходимыя для устройства войскъ, и хотѣлъ мнѣ показать черезъ нѣсколько дней войска по частямъ и въ казармахъ. Я отказался отъ сего смотра, который я полагалъ безполезнымъ, объявивъ, что я не иначе могъ судить о состояніи войскъ, какъ увидѣвши оныя соединенно въ полѣ, въ готовности къ движенію. Онъ замѣтилъ, что я готовился начальствовать войсками Турецкими, и сіе его озаботило: ибо, какъ изъ его разговоровъ казалось, онъ располагалъ начальствовать нашими. Онъ сталъ откладывать смотры, грозился ругательствами Магметъ-Али, который его обвинялъ въ томъ, будто онъ заплатилъ 50.000.000 левовъ Французскому послу, дабы склонить его въ свою пользу, что онъ выйдетъ въ отставку, если только султанъ согласится на требованія Магметъ-Али, что онъ сожжетъ Царьградъ, если Ибрагимъ приблизится, жаловался на незнаніе Гуссейнъ-паши и прежняго визиря, погубившихъ двѣ арміи, жаловался на нерѣшительность султана и, наконецъ, ничего не предпринялъ. Бутеневъ остался ночевать въ Перѣ, я же возвратился въ Беугъ-дере, рѣшившись не приступать ни къ какому дѣлу, пока Турки не покажутъ мнѣ войскъ своихъ надлежащимъ образомъ.

14-го. Получена изъ Петербурга почта, привезшая мнѣ письмо отъ графа Орлова, въ коемъ онъ увѣдомляетъ меня, что Государь былъ очень доволенъ успѣхомъ, достигнутымъ моею поѣздкою въ Александрію въ томъ отношеніи, что Ибрагимъ былъ остановленъ въ движеніи своемъ къ Константинополю по приказаніямъ Мегметъ-Али, но вмѣстѣ съ тѣмъ Государь находилъ, что я долженъ былъ остаться въ Александріи до совершеннаго окончанія дѣла. При семъ Орловъ распространяется въ сужденіяхъ своихъ и, начиная изъявленіемъ сожалѣнія своего, что Турки, по недовѣрчивости своей, не поручили моему покровительству посланника своего Галиль-пашу, онъ кончаетъ, говоря, что я непремѣнно долженъ былъ все кончить, тѣмъ болѣе, что Галиль-паша былъ порученъ моему покровительству, что̀ противно истинѣ и самому началу письма Орлова.

Изъ сего я заключаю, что если бы мнѣ не удалось столько, то и сей бы непріятности не случилось: ибо при отправленіи моемъ вовсе не надѣялись, чтобы я сколько нибудь успѣлъ, и успѣхъ моего дѣла состоялъ только въ передачѣ Магметъ-Алію угрозъ Государя, не заботясь о послѣдствіяхъ, что̀ нисколько не лежало на моей отвѣтственности. Забыли, что мнѣ именно запрещено было входить въ какія либо условія, что я долженъ былъ избѣгать всякаго сближенія съ Мегметъ-Али, могущаго поставить Государя какъ будто посредникомъ сего мира; не хотѣли обратить вниманіе на то, что Галиль-паша былъ отправленъ Турками по наученію Французовъ, скрытно отъ насъ, что онъ, прибывъ въ Александрію, всячески избѣгалъ со мною видѣться и доставилъ бумаги къ Французскому консулу, коего просили принять ходатайство сего примиренія; не хотѣли взять во вниманіе даже сказанное въ депешѣ моей и послѣ того часто повторяемое въ письмахъ моихъ, сколько посольство Галиль-паши повредило дѣлу нашему; не хотѣли видѣть, что, пребывая долѣе въ Александріи, я могъ потерять и пріобрѣтенное даже мною (остановленіе войскъ); наконецъ, не удовольствовались и симъ важнымъ успѣхомъ, безъ коего войска Мегметъ-Али были бы уже въ Царьградѣ и султанъ сверженъ. Всѣ сіи обстоятельства подаютъ мнѣ поводъ къ заключенію, что сіе произошло отъ зависти людей, не принявшихъ на себя порученіе, къ коему ихъ назначали и на успѣхъ коего они не надѣялись. Успѣхъ, мною достигнутый, показалъ имъ, сколько они ошиблись, устрашилъ ихъ на счетъ вѣсу, который успѣхъ сей могъ мнѣ придать, и подвигнулъ къ отысканію вздорныхъ причинъ для очерненія моего. Тѣже мысли были изложены и въ письмѣ графа Нессельроде къ Бутеневу, и дипломатическій корпусъ не могъ безъ зависти видѣть, что военный чиновникъ въ дѣлахъ ихъ сдѣлалъ столь значительный переворотъ. Я рѣ-

шился посему не отвѣчать Орлову; ибо поведеніе мое было слишкомъ ясно, дабы подвергнуться оправданіямъ.

Третьяго дня же пришелъ изъ Одессы пароходъ съ увѣдомленіемъ отъ графа Воронцова, что онъ пріостановилъ отправленіе десантныхъ войскъ по отказу Турокъ и что онъ ожидаетъ съ симъ же пароходомъ извѣстія, послать-ли оныя опять въ Царьградъ. Сіе было Бутеневымъ сообщено Турецкому правительству, которое медлитъ и теряетъ время въ совѣщаніяхъ, обѣщало однако же сегодня дать отвѣтъ послѣ государственнаго совѣта, кажется, склоннаго уступить Магметъ-Али все, чего онъ требовалъ. Въ ожиданіи сего отвѣта Бутеневъ пригласилъ меня вчера переѣхать въ Перу, куда я прибылъ ввечеру 15-го числа.

15-го же пріѣхалъ на купеческомъ суднѣ изъ Одессы артиллеріи капитанъ Вульфертъ, командированный въ мое распоряженіе для покупки лошадей десантнымъ войскамъ.

16-го. Турки еще не дали никакого отвѣта. Мы обѣдали въ сей день у Австрійскаго посланника барона Штюрмера, гдѣ былъ также и Прусскій повѣренный въ дѣлахъ, баронъ Мертенсъ, который по нескромности своей и преданности Французамъ былъ принятъ очень сухо и даже дурно. Онъ старался перемѣнить свое поведеніе, но не пріобрѣталъ болѣе нашей довѣренности.

17-го. Мы узнали о намѣреніи Турокъ послать своего чиновника къ Ибрагиму съ возобновленіемъ почти тѣхъ же условій, кои Магметъ-Али отказался исполнить, поддерживая требованія сіи Французами, со стороны коихъ отправляетсяВаренъ въ Кютаіё. Не смотря на лживость Французовъ и послѣднія неудачи ихъ въ Александріи, Турки опять обращаются къ нимъ и, какъ казалось намъ, хотятъ и насъ пріобщить къ сему дѣлу, какъ будто подъ руководствомъ и въ распоряженіи ихъ; ибо вмѣстѣ съ симъ они просятъ прибытія 5000 десантныхъ войскъ, отказывая прочія войска, предложенныя имъ для помощи, что̀ и доказываетъ неискренность ихъ относительно къ намъ. Въ сей день Бутеневъ уѣхалъ въ Беугъ-дере для отправленія оттуда брига «Париса» въ Грецію.

10-го. Я занимался цѣлый день изготовленіемъ донесеній моихъ къ военному министру.

20-го. Прибылъ изъ Петербурга фельдъегерь съ депешами къ Бутеневу. Государь одобрялъ согласіе, изъявленное нами на отправленіе нашей эскадры въ Сизополь по просьбѣ Турокъ. Военный министръ увѣдомлялъ меня объ отправленіи 3-й бригады изъ Одессы въ Сизополь вмѣсто Константинополя, и тому пароходу, который долженъ былъ слѣдовать въ Одессу съ увѣдомленіями къ графу Воронцову объ отправленіи одной бригады (согласно требованію Турокъ), было прика-

зано зайдти въ Сизополь для доставленія моего повелѣнія генералу Унгебауеру о немедленномъ прибытіи сюда. Вмѣстѣ съ симъ фельдъегеремъ получилъ я письмо отъ генерала Нейдгарта, коимъ онъ меня увѣдомлялъ по приказанію военнаго министра, что графъ Чернышовъ не понималъ, почему я съ возвращенія изъ Александріи не писалъ къ нему болѣе, тогда какъ порученіе, на меня возложенное, было вмѣстѣ и дипломатическое и военное; не принимая въ уваженіе, что, при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, я не получилъ отъ него никакого повелѣнія, а напротивъ того приказаніе объ всемъ относиться къ графу Нессельроде и что по возвращеніи моемъ изъ Египта, я, не имѣя никакого порученія, оставался въ Константинополѣ до полученія новыхъ приказаній безъ дѣла и не имѣлъ права явно вмѣшиваться въ политическія дѣла, а участвовалъ въ оныхъ только по соглашенію съ Бутеневымъ.

21-го, выѣзжая изъ Перы, я заѣхалъ къ сераскиру, который ожидалъ меня въ Фындыхлы. Я сообщилъ ему извѣстіе объ отправленіи войскъ въ Сизополь, откуда я ихъ нынѣ требовалъ, и условился съ нимъ о предметахъ нужныхъ для принятія оныхъ и расположенія въ лагерѣ. Онъ сначала со вниманіемъ слушалъ всѣ подробности до сего касающіяся; но подъ конецъ ему надоѣло сіе, и при всѣхъ обѣщаніяхъ его доставить всѣ возможныя пособія войскамъ, легко можетъ случиться, что по свойственной Туркамъ медленности окажутся недостатки во многихъ предметахъ. Отъ сераскира я поѣхалъ къ Ахметъ-пашѣ, но, не заставъ его дома, взялъ лодку его и велѣлъ себя вести къ нему. Я пріѣхалъ къ казармѣ Кёляли 1-го легкоконнаго Турецкаго полка. Ахметъ-паша былъ близъ оной съ султаномъ въ кіоскѣ. За нимъ послали; онъ вскорѣ прибылъ въ казарму сію, находящуюся на Азійскомъ берегу Босфора. Дружеское обхожденіе Ахметъ-паши совершенно свидѣтельствовало о таковомъ же султана къ намъ. Ахметъ-паша водилъ меня по конюшнямъ полка сего, коего лошади были въ весьма дурномъ состояніи. Я взялъ у него нѣсколько лошадей и провожатыхъ (въ числѣ коихъ подполковникъ Авни-бей) и поѣхалъ Анатольскимъ берегомъ, проѣзжая въ тѣхъ мѣстахъ горами до султанскаго кіоска близъ Хункіяръ-Скелеси, гдѣ имѣется равнина, которую полагали удобною для помѣщенія войскъ; но я не призналъ ее таковою по разнымъ причинамъ и поздно уже возвратился въ Беугъ-дере, заѣхавъ сперва къ адмиралу.

22-го. Я ѣздилъ съ Ахметъ и Мехметъ-пашами осматривать лагерныя мѣста въ Беугъ-дерской равнинѣ. Со стороны Турецкаго правительства дѣлались приготовленія для пріема войскъ. Ахметъ-паша былъ весьма привѣтливъ, и мы условились на другой день осмотрѣть

мѣстоположеніе на Азіатскомъ берегу между Хункіяръ - Скелеси и Фанараки.

24-го числа прибылъ 1-й десантный отрядъ подъ командою генералъ-маіора Унгебауера на суднѣ «Контръ-адмиралъ Кумани». 25-го пріѣзжалъ султанъ въ Терапію и потребовалъ насъ, видѣлся съ нами, былъ очень ласковъ и доволенъ прибытіемъ войскъ. Всѣ происшествія сихъ дней описаны въ подробности въ донесеніяхъ моихъ къ военному министру, имѣющихъ отправиться завтра съ фельдъегеремъ, а потому я не упоминаю объ оныхъ здѣсь.

26-го и 27-го занимались высадкою войскъ. Вчера я былъ на Анатольскомъ берегу, куда прибылъ и сераскиръ. Мы съ нимъ приняли нужныя мѣры для обезпеченія продовольствія войскъ, которыя до сихъ поръ Турки доставляютъ съ исправностью. Сераскиръ показываетъ много дѣятельности и усердія.

28-го и 29-го. Продолжалась холодная погода съ сильнымъ дождемъ, чтó и препятствовало окончательному высаженію войскъ на берегъ; люди же оставались въ сырости, чтó и начало причинять болѣзни.

30-го. Я поѣхалъ около полдня въ лагерь, куда прибылъ вскорѣ Ахметъ-паша съ приказаніемъ султана освѣдомиться о здоровьѣ начальниковъ и о состояніи больныхъ въ войскахъ. Мы сѣли въ палаткѣ, для меня выставленной, и стали разговаривать о Турецкихъ войскахъ. Я спросилъ его, справедливы-ли дошедшіе до меня слухи о неудовольствіи и ропотѣ, поселившихся въ Турецкихъ войскахъ по случаю прибытія нашего, до такой степени, что даже многіе изъ начальниковъ не скрывали своего негодованія и явно говорили, что мы пришли занимать Константинополь. Ахметъ-паша отвѣчалъ мнѣ, что сіе совершенно ложно, что есть недовольные, но что вообще духъ въ войскѣ хорошъ и что слухи о намѣреніи нашемъ занять Царьградъ были распускаемы врагами ихъ—Французами, изъ коихъ переводчикъ Лапіеръ, въ первые дни прибытія нашего, ходилъ даже по домамъ знатныхъ Турокъ и распространялъ сіи слухи. По сему случаю онъ находилъ весьма полезнымъ присоединить къ намъ Турецкій батальонъ, смѣняя его сколь можно чаще, дабы люди ихъ могли сблизиться съ нашими и видѣть, сколько мы искренны и къ нимъ дружелюбны. Такимъ же образомъ, сказалъ Ахметъ-паша, разнесли слухи, что Русскіе пришли въ Адріанополь; но мы знаемъ, сколько все сіе ложно и относимъ сіе къ врагамъ нашимъ. Я его спросилъ также, справедливо-ли слышанное мною, будто два Франка, прибывшіе изъ лагеря Ибрагимъ-паши, распространяли возмутительныя прокламаціи между жителями; онъ сказалъ, что справедливо, ибо слышалъ сіе также, но

навѣрно онъ не зналъ, что люди сіи были Франки. Онъ тогда сказалъ мнѣ, что султанъ прислалъ намъ 50 лошадей и спросилъ, куда ихъ привести. Я просилъ его пообождать еще дня два, дабы дать намъ время нѣсколько устроиться, и лошадей сихъ отослали въ казармы Кёляли. Султанъ, говорилъ онъ, хочетъ самъ прибыть, дабы смотрѣть ваши войска. Онъ отдалъ всѣ нужныя приказанія, дабы проводили по крѣпостямъ Босфора офицеровъ, которыхъ я посылаю на рекогносцировку, и приказалъ вычинить дорогу въ Скутари, осмотрѣнную нами на дняхъ. Касательно горы, находящейся на лѣвомъ флангѣ нашей позиціи и которую предположено мною занять, я не рѣшился еще сдѣлать сіе безъ крайней надобности, дабы не поселить неудовольствія Турокъ. На горѣ сей живутъ дервиши, стражи гробницы какого-то пророка, по сказаніямъ мусульманъ, тамъ похороненнаго (гробница сія называется у Европейцевъ Геркулесовою и имѣетъ 9 саженъ длины). Но Ахметъ-паша не нашелъ въ семъ затрудненія и сказалъ, что мы можемъ занять гору сію черезъ нѣсколько дней. Заготовленіе Турками продовольствія идетъ успѣшно, и они дѣйствуютъ въ семъ отношеніи съ большимъ усердіемъ и дѣятельностью.

1-го Апрѣля я переѣхалъ на Азійскій берегъ.

2-го числа, при всѣхъ занятіяхъ, представшихъ по случаю отправленія курьера, мы праздновали праздникъ Воскресенія Христова съ возможнымъ торжествомъ, и всѣ генералы, адмиралы и штабъ-офицеры морскаго и сухопутнаго отрядовъ собрались къ обѣднѣ, а оттуда обѣдать къ посланнику. Часть ночи я занимался отправленіемъ бумагъ, изъ коихъ виденъ ходъ происшествій.

Вчера ввечеру прибыли два отставшія купеческія судна съ войскомъ и казною.

7-го Апрѣля. Вчера послѣ развода былъ смотръ Турецкому эскадрону легкоконцевъ. Эскадрона сего лошади и люди были въ несказанномъ запущеніи; но лошади быстры и способны къ обученію. Занимательно то, что Турки подверглись нашему смотру, что̀ до сихъ поръ для нихъ было столь затруднительно по разности вѣръ и предубѣжденіямъ противъ насъ.

7-го. Обѣдали у меня и провели весь вечеръ Бутеневъ и Датскій повѣренный въ дѣлахъ Гюбшъ. 7-го же числа были, наконецъ, присланы, и то не въ свое время, 50 лошадей, которыя намъ подарилъ султанъ. Онѣ раздѣлены мною для всѣхъ чиновниковъ, коимъ оныя были подарены. Того-же дня султанъ прислалъ для нижнихъ чиновъ войскъ нашихъ 50 штукъ рогатаго скота и 250 барановъ.

8-го числа я дѣлалъ смотръ Турецкому батальону.

10-го. Пріѣхалъ ко мнѣ Ахметъ-паша-ферикъ отъ султана для узнанія о нашемъ состояніи и здоровьи людей. Онъ, по приказанію султана, сказалъ мнѣ, что на дняхъ пріѣхало въ Царьградъ 13 Французовъ секты Сенъ-Симонистовъ, одѣтыхъ чудаками, которые поселились безъ всякаго спросу подлѣ одной Турецкой караульни. Султанъ послалъ Ахметъ-пашу-мушира, вооруженнаго и съ конвойными, дабы спросить ихъ, съ какою надобностью они прибыли въ Константинополь. Тогда Симонисты объяснили имъ, что они имѣютъ отца, оставшагося въ Парижѣ въ тюрьмѣ, что они искали здѣсь мать свою, и что по отысканіи оной на всей землѣ будетъ миръ и спокойствіе, война между Востокомъ и Западомъ прекратится навсегда, и всѣ люди будутъ одного общаго закона. Сіе показалось странно для Турокъ; они спросили Симонистовъ, какъ они узнаютъ здѣсь женщину ими искомую? Она самая умная, красивая изъ всѣхъ, отвѣчали Симонисты. У насъ всѣ женщины хороши, и вы встрѣтите затрудненіе въ отысканіи матери вашей, сказали Турки и, поговоривъ съ ними, вышли и оставили ихъ подъ карауломъ. На другой день сераскиръ потребовалъ къ себѣ Симонистовъ и когда они ему тоже объяснили, то сераскиръ сказалъ, что женщина сія здѣсь была, но уѣхала, а потому и совѣтывалъ имъ искать ее въ другомъ мѣстѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ ихъ къ Французскому посланнику, который ихъ не принялъ, и Симонистовъ сихъ теперь высылаютъ отсюда.

Вчера прибыло сюда два судна изъ втораго десанта, котораго по сему ожидаемъ ежечасно.

Ввечеру я видѣлся съ прибывшимъ ко мнѣ сераскиромъ, который въ отомщеніе за отосланныя однажды къ нему обратно табакерки, присланныя имъ въ подарокъ мнѣ, посланнику и адмиралу, послѣ обѣда, который онъ намъ давалъ, возвратилъ мнѣ деньги, подаренныя войскамъ султанскимъ за смотры и конюхамъ, приведшимъ лошадей даренныхъ. Я велѣлъ деньги сіи принять начальнику Турецкихъ войскъ, въ командѣ моей состоящему, подполковнику Авни-бею, впредъ до распоряженія оными, и поручилъ Ахметъ-пашѣ-ферику сказать султану, что если сіе дѣлается по его приказанію, то я готовъ принять деньги сіи обратно, но не сдѣлаю сего, если мѣра сія изобрѣтена сераскиромъ.

11-го. Явился ко мнѣ г.-л. Отрощенко, который пришелъ съ вторымъ десантнымъ отрядомъ. Такъ какъ у него не было никакого помѣщенія, то я и пригласилъ его остановиться у меня въ домѣ. Часть прибывшихъ войскъ начала выходить на берегъ.

18-го. У меня обѣдали Бутеневъ и Лазаревъ. Мы собрались, дабы совѣщаться на счетъ полученныхъ повелѣній отъ военнаго министра, по коимъ я долженъ занять на Босфорѣ два зáмка и оставить въ нихъ

по 1000 человѣкъ гарнизона, въ случаѣ если бы мнѣ должно было отплыть отсюда, по какому либо возстанію, въ Сизополь. Мнѣніе мое по сему предмету будетъ изложено въ рапортѣ моемъ, который я сего числа изготовляю къ отправленію съ пароходомъ.

24-го. Вчера послѣ полдня сераскиръ и Ахметъ-паша пріѣхали ко мнѣ, и въ тоже время салюты изъ орудій съ судовъ возвѣстили о прибытіи графа Орлова, который назначенъ чрезвычайнымъ посломъ. Переговоривъ съ Турками о дѣлахъ отряда, я отправился въ Беугъ-дере съ Ахметъ-пашею, который хотѣлъ видѣться съ Орловымъ. Орловъ какъ будто упрекалъ насъ въ томъ, что Турки заключили миръ безъ нашего согласія; но я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло состояло, что́ и видно изъ рапорта моего отъ сего числа, къ военному министру изготовленнаго. Пароходъ «Нева» былъ возвращенъ Орловымъ и долженъ опять отправиться съ извѣщеніями о его прибытіи. Я не успѣлъ переговорить съ Орловымъ; но онъ, казалось, имѣлъ ко мнѣ отъ Государя лестные отзывы. О моей миссіи въ Египетъ онъ говорилъ и, кажется, того же мнѣнія (по крайней мѣрѣ какъ онъ сіе представить хочетъ), что дѣло сіе можно было иначе кончить.

25-го. Графъ Орловъ былъ у меня въ лагерѣ и принятъ какъ начальникъ войскъ, ибо въ повелѣніи данномъ мнѣ военнымъ министромъ сказано, что онъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ и начальникомъ сухопутныхъ и морскихъ силъ. Онъ былъ весьма доволенъ порядкомъ, найденнымъ имъ въ лагерѣ и, объѣхавъ всѣ части онаго, возвратился въ Беугъ-дере.

27-го графъ Орловъ ѣздилъ на аудіенцію къ султану и, возвратившись оттуда, осматривалъ флотъ. По прибытіи его въ Беугъ-дере, я докладывалъ ему о нѣкоторыхъ дѣлахъ по отряду, испрашивая его разрѣшенія по разнымъ предметамъ, и получилъ отъ него приказаніе въ подобныхъ случаяхъ, когда я испрашиваю сіи разрѣшенія, письменно прилагать вмѣстѣ и заготовленное для себя повелѣніе съ разрѣшеніемъ отъ него. Сей порядокъ поставитъ меня скоро съ нимъ въ сношенія начальника штаба съ начальникомъ отряда, и я останусь при одной отвѣтственности и занятіяхъ самыхъ трудныхъ въ отрядѣ, тогда какъ слава и самая пріятная часть порученія сего достанутся графу Орлову.

Въ такихъ обстоятельствахъ мнѣ надо удалиться, и я сдѣлаю сіе, если дѣла примутъ подобный оборотъ, тѣмъ болѣе, что графъ Орловъ сказывалъ Бутеневу, что въ случаѣ, если войска подвинутся противъ Ибрагима, то онъ самъ пойдетъ съ оными. И такъ всѣ труды мои пропадутъ, и другой воспользуется оными.

28-го. Я ходилъ пѣшкомъ на гору Великановъ и возвратился оттуда берегомъ моря. Ввечеру навѣстилъ меня Лазаревъ. По полученнымъ до сихъ поръ извѣстіямъ кажется, что дѣла съ Египтомъ не кончены; ибо Ибрагимъ-паша объявилъ, что онъ не выйдетъ изъ Анатоліи, пока наши войска не возвратятся въ Россію.

29-го и 30-го. Въ теченіе сего времени были получены на мое имя бумаги отъ Киселева, который, прилагая всѣ усилія для движенія впередъ, проситъ меня о принятіи различныхъ мѣръ для приготовленія ему этаповъ къ слѣдованію. Бумаги сіи, какъ и прочія со стороны на мое имя получаемыя, распечатывались графомъ Орловымъ и присылаются ко мнѣ уже распечатанными; онъ и приказалъ мнѣ на нихъ болѣе не отвѣчать.

Вчера, 1-го Мая, было сдѣлано для сераскира ученіе одного батальона, на коемъ присутствовалъ и графъ Орловъ, послѣ чего всѣ собрались у меня къ завтраку. Во время ученія прибылъ возвратившійся изъ Петербурга Келимъ-паша, ѣздившій въ Англію и Францію и бывшій въ Петербургѣ, для благодаренія Государя за покровительство, оказанное имъ султану. Визирь также присутствовалъ на семъ ученіи.

Такъ какъ дивизіонный генералъ Отрощенко съ нетерпѣніемъ сноситъ начальствованіе мое и съ прибытія графа Орлова, полагая меня, можетъ быть, въ опалѣ, сталъ дѣлать мнѣ возраженія на мои замѣчанія и показывать нѣкоторое небреженіе къ сношеніямъ своимъ подчиненнаго: то я нашелся вынужденнымъ замѣтить ему довольно строго несовмѣстность его поведенія во многихъ случаяхъ уже неприличнаго. Полагая, можетъ быть, устрашить меня, онъ сказался больнымъ, и я приказалъ ему о томъ мнѣ донести рапортомъ, что̀ онъ и исполнилъ, и въ слѣдствіе сего отдано сегодня приказаніе г. Унгебауеру вступить въ командованіе дивизіею по наружности.

Я видѣлся вчера съ графомъ Орловымъ и переговорилъ съ нимъ о разныхъ дѣлахъ, до войскъ касающихся. Мнѣ кажется, что графъ Орловъ измѣнился уже въ поведеніи своемъ; ибо въ первые дни прибытія своего онъ говорилъ гораздо смѣлѣе на счетъ сношеній нашихъ съ Портою, нынѣ же показываетъ гораздо болѣе снисходительности и, опасаясь возбудить негодованіе или недовѣрчивость Турокъ, запретилъ намъ даже производить самыя обыкновенныя ученія и рекогносцированія, которыя были бы необходимы.

5-го. Прибылъ на пароходѣ изъ Одессы адъютантъ мой Абрамовичъ.

6-го. Я былъ съ графомъ Орловымъ на приглашенномъ обѣдѣ у адмирала Тагиръ-паши на трехъ-палубномъ кораблѣ «Махмудіе». Обѣдъ

сей продолжался болѣе 3-хъ часовъ; было болѣе 90 кушаньевъ, дурно изготовленныхъ и неопрятно поданныхъ, такъ что гости встали не окончивъ онаго. Мы возвратились на пароходѣ, и я прибылъ въ лагерь уже около полночи.

Третьяго дня былъ у меня ввечеру Ахметъ-паша и говорилъ, что по Французской шкунѣ, хотѣвшей войдти въ Дарданелы, было сдѣлано три выстрѣла изъ орудій и что посему шкуна сія не вошла; а послали чиновника своего съ депешами къ послу въ Константинополь на лодкѣ, почему адмиралъ Руссенъ сдѣлалъ представленіе свое Портѣ. Ахметъ-паша казался весьма испуганъ симъ происшествіемъ. Когда я вчера былъ у графа Орлова, то онъ зналъ уже о семъ и, кажется, также безпокоился: ему сказали, что паша Дарданельскій отвѣчалъ, что сіе сдѣлалось потому, что Дарданелы заняты Русскимъ войскомъ. Происшествіе сіе можетъ имѣть послѣдствія; но я того мнѣнія, что Турки были въ правѣ воспретить постороннимъ военнымъ судамъ насильственный въѣздъ въ проливъ и ихъ владѣнія.

7-го. Графъ Орловъ ѣздилъ на конференцію къ рейсъ-ефендію.

8-го я ѣздилъ къ нему, и онъ сообщилъ мнѣ, что на сей конференціи онъ объявилъ рейсъ-ефендію о послѣдствіяхъ, которыя будутъ имѣть позволеніе Турецкаго правительства Французамъ войдти въ Дарданелы; ибо въ такомъ случаѣ мы займемъ Дарданелы войсками, и война будетъ неминуема во владѣніяхъ султана. Турки обѣщались, въ случаѣ вторженія Французовъ, по крайней мѣрѣ протестовать гласно противъ сего вторженія, дабы симъ могли начертаться и новыя дѣйствія, которыя мы должны будемъ здѣсь предпринять.

10-го. Пріѣзжалъ ко мнѣ поутру сераскиръ, который между прочимъ говорилъ мнѣ, что Ибрагимъ-паша занялъ войсками Кесарію, которая находится внѣ дороги его отступленія къ Сиріи. Извѣстіе сіе, сообщенное мнѣ еще наканунѣ Грекомъ, родомъ изъ Кесаріи, получившимъ оттуда письмо, даетъ поводъ къ предположенію, что Египтяне намѣреваются сдѣлать если не покушеніе на Грузію, то по крайней мѣрѣ угрозить оной. Я немедленно сообщилъ сіе извѣстіе графу Орлову, который повидимому слишкомъ полагается на обѣщаніе Ибрагима-паши и думаетъ, что скоро уже будетъ кончено все дѣло Египетской войны, а я мнѣнія противнаго и не вижу сего, полагая, что дѣло сіе продлится до паденія Турецкой имперіи, столь давно ожидаемаго. Довольно странно, что въ теченіе сихъ дней четверо христіанъ и двое Турокъ приходили ко мнѣ разновременно съ просьбами, дабы ихъ опредѣлить на службу рядовыми. Порывъ сей общій, и полагать можно, что при малѣйшемъ поощреніи, распространился бы всюду. Я долженъ былъ отклонять оный, и дабы ослабить въ желавшихъ охоту,

я представлялъ имъ всѣ трудности нашей службы и нужды; но они не хотѣли внять сему, говоря, что рѣшались на сіе съ осмотрительностью и послѣ того что́ они видѣли въ нашемъ войскѣ. Я объявилъ имъ, что не прежде приму ихъ, пока они не получатъ на то позволеніе отъ Турецкаго правительства, послѣ испытанія ноши ранца, полагая симъ отбить у людей сихъ къ службѣ охоту; но, напротивъ того, человѣкъ сей выстоялъ подъ ранцемъ и аммуниціею два часа и просилъ послѣ того еще убѣдительно, дабы его въ службу принять. Онъ былъ Грекъ, родомъ изъ Кесаріи и, ненавидя Турокъ, хотѣлъ служить подъ знаменами христіанъ; но сего нельзя было допустить, дабы не возбудить подозрѣнія Турокъ, а потому я предложилъ ему отправиться лазутчикомъ въ Кесарію, на что́ онъ и согласился охотно. Другіе за нимъ не переставали проситься. Всего болѣе удивило меня то, что въ числѣ сихъ охотниковъ было двое Турокъ; обстоятельства даютъ поводъ къ предположенію, что въ случаѣ надобности можно бы здѣсь въ скорое время сформировать войска изъ обывателей.

12-го. Пріѣхалъ къ мнѣ Россети, который по приказанію графа Орлова изготовилъ къ нему письмо, коимъ онъ просится взять его въ службу нашу, на что́ онъ получилъ позволеніе отъ Государя въ слѣдствіе писемъ моихъ, въ его пользу писанныхъ. Онъ былъ хорошо принятъ графомъ Орловымъ, который обѣщалъ ему доставить всѣ нужныя пособія при опредѣленіи его на службу. Россети говорилъ о вліяніи, которое произведено было выстрѣлами пущенными по Французамъ въ Дарданелахъ; но онъ слышалъ объ ономъ черезъ Французовъ, которые все продолжали грозиться за сіе. Замѣтили, что графъ Орловъ поспѣшилъ послѣ сего навѣстить Французскаго посла. Графъ Орловъ между тѣмъ говорилъ, что по сношеніямъ его съ Руссеномъ и Турецкимъ правительствомъ оказалось, что Руссенъ сознался въ неимѣніи никакихъ наставленій отъ своего правительства для завладѣнія Дарданелами и что дѣло сіе повидимому останется безъ послѣдствій.

Послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ Ахметъ-паша-муширъ и привезъ съ собою одного полковника Египетской службы, бѣжавшаго отъ Ибрагима въ недавнемъ времени и говорившаго, что войска его отступали изъ Кютаіё, и что оныхъ осталось тамъ весьма уже мало.

Я поѣхалъ съ Ахметъ-пашею къ графу Орлову, между разговорами коего могъ замѣтить, сколько онъ находилъ мою Египетскую экспедицію неудавшейся, приписывая даже пріостановленіе арміи Ибрагимъ-паши дѣйствію флота, прибывшаго будто въ одно время со мною въ Константинополь, тогда какъ флотъ нашъ прибылъ сюда черезъ двѣ недѣли послѣ моего возвращенія изъ Александріи. Мнѣ было прискорбно видѣть, что личность сія, произведенная, можетъ быть, завистью,

до такой степени могла дѣйствовать, что вліяніе ея распространилось даже на дѣла государственныя: ибо, лишая меня славы сего успѣха, мною достигнутаго, помрачали и вліяніе, которое Государь имѣлъ въ сихъ дѣлахъ на пашу Египетскаго, спасши въ то время Константинополь, который давно бы уже былъ взятъ Ибрагимъ-пашею, еслибы онъ не получилъ повелѣнія отъ отца своего остановиться.

Ибрагимъ-паша, кажется, точно отступаетъ. Извѣстія о томъ еще подтвердились выбѣжавшимъ изъ войска его командиромъ одного коннаго полка Гусейнъ-беемъ, отъ котораго я снялъ показаніе о состояніи войскъ Египетскихъ и о новомъ расквартированіи оныхъ послѣ заключенія мира съ Портою, каковое показаніе, по представленіи онаго графу Орлову, занесется въ журналъ мой.

14-го. Я ѣздилъ съ офицерами, составляющими штабъ мой, въ Константинополь смотрѣть достопримѣчательныя мѣста и заведенія. Сераскиръ-паша, къ коему мы прежде всего пріѣхали, снабдилъ насъ чиновниками для показанія намъ всего любопытнаго. Мы начали съ сераскирской башни, на которую взошли и любовались съ оной прелестными видами окрестностей и Босфора. Оттуда мы поѣхали на площадь Иподрома, на который стоитъ замѣчательный обелискъ, привезенный изъ Египта и поставленный императоромъ Ѳеодосіемъ. Оттуда посѣтили мы древнюю церковь Св. Ирины, въ коей нынѣ хранится арсеналъ султана. Мѣсто сіе занимательно какъ по древнимъ оружіямъ, въ немъ хранящимся, такъ и по тому, что еще никакой Европеецъ никогда не былъ допущенъ въ оное, и сіе позволеніе дали мнѣ по особому расположенію къ намъ султана. Я нашелъ въ семъ арсеналѣ много древнихъ и весьма любопытныхъ вещей, между прочими мечи пророковъ мусульманскихъ, весьма большіе и тяжелые, которые сохраняются съ бережливостью, и разные военные доспѣхи, конскія сбруи и вооруженія, между коими и рыцарскія оружья. Такъ какъ сераскиръ предложилъ мнѣ отдѣлять тѣ изъ нихъ, которыя мнѣ понравятся, то я и отобралъ нѣкоторыя каски, щиты и другія части вооруженія, но еще не получилъ оныхъ и не увѣренъ, чтобы мнѣ ихъ прислали; ибо Турки могутъ по чьему либо наученію узнать о цѣнности сихъ древностей, хотя отложенныя мною и составляютъ только весьма малую часть имѣющагося у нихъ въ семъ древнемъ арсеналѣ, въ коемъ хранятся также и 11000 новыхъ ружей, содержимыхъ въ большой нечистотѣ. Меня удивило, что въ семъ же арсеналѣ хранится и большой запасъ пороха, съ крайнею неосторожностью; ибо туда ходятъ люди въ сапогахъ, и часовые стоятъ съ ружьями. Въ срединѣ церкви находится еще массивный колоколъ оной, а въ одной сторонѣ вдѣланъ въ стѣнѣ большой

мраморъ съ прекрасною вываенною женскою головою, вѣроятно откуда нибудь принесенною въ сіе мѣсто.

Изъ арсенала мы пошли въ мечеть Софійскую, коей величіе и древность вселяютъ невольное благоговѣніе. Въ нижней галереѣ за трапезою видѣнъ на воротахъ большой желѣзный гробъ съ изображеніемъ двуглаваго орла, а черезъ галерею напротивъ гроба родъ хоровъ съ выдавшеюся ложею. Провожавшіе насъ говорили, что гробъ сей былъ нѣкогда сдѣланъ для умершей царской крови дѣвы; но что большой змѣй приходилъ ежедневно ѣсть тѣло оной, почему царь, отецъ ея, и приказалъ выстроить противолежащую ложу, въ которую поставилъ пушку, дабы стрѣлять по змѣю; но судьбы тѣла сей дѣвы должны были свершиться по предопредѣленію:—змѣю пушка не попрепятствовала, онъ продолжалъ посѣщенія свои и пожралъ трупъ дѣвы. Глупыя басни сіи невѣжественныхъ мусульманъ уподобляются всегдашнимъ разсказамъ ихъ о царяхъ, дѣвицахъ, которые они присоединяютъ ко всѣмъ памятникамъ древности имъ неизвѣстнымъ. Гробъ сей вѣроятно служилъ для кого либо изъ царей Греческихъ. Въ верхнихъ галереяхъ Софійскаго храма я любовался четырьмя большими палатками дверей, нынѣ наглухо поставленными, сдѣланными изъ цѣльнаго мрамора, на коихъ изваянія сохранились въ совершенной цѣлости; на стѣнахъ видны еще остатки живописи, но главныя мозаики въ куполѣ надъ алтаремъ замазаны краскою.

Потомъ насъ повели въ складъ палатокъ, гдѣ не было въ особенности ничего любопытнаго, кромѣ ковра изъ богатой матеріи, вышитой золотомъ, и халата султана, убраннаго съ большимъ вкусомъ.

На обратномъ пути къ сераскиру мы заѣхали еще осмотрѣть огромное подземное старое водохранилище, въ коемъ нынѣ поселились выдѣлатели шелка. Водохранилище сіе замѣчательно по величинѣ своей и множеству колоннъ, поддерживающихъ своды онаго; водохранилище сіе впрочемъ довольно извѣстно путешественникамъ и описано ими съ подробностями.

Такъ какъ уже получены достовѣрныя извѣстія о выступленіи Ибрагима-паши въ обратный путь, то графъ Орловъ командировалъ одного офицера для повѣрки на мѣстахъ сего дѣйствія и уже приступилъ къ мѣрамъ для возвращенія всего десантнаго отряда по прибытіи сего офицера назадъ съ удовлетворительными свѣдѣніями. Посему вчера былъ у меня Лазаревъ, съ коимъ мы сдѣлали вмѣстѣ росписаніе для размѣщенія всего отряда по военнымъ судамъ Черноморскаго флота, здѣсь находящагося. Вчера возвратились изъ Дарданелъ Дюгамель и Брюно, послѣ сдѣланныхъ ими съемокъ, и привезли работу свою, составленную, какъ кажется, весьма подробно.

16-го. Я былъ поутру на Англійскомъ фрегатѣ «Актеонѣ», прибывшемъ сюда съ посломъ лордомъ Понсонби, и по просьбѣ стараго лейтенанта судна сего, принявшаго меня за отсутствіемъ командира онаго капитана Грея, я послалъ билеты для офицеровъ судна сего съ позволеніемъ пріѣзжать, когда имъ пожелается, въ лагерь нашъ.

17-го. Получено мною повелѣніе военнаго министра. Онъ увѣдомляетъ меня о полученіи донесеній моихъ отъ 2-го Апрѣля и о томъ, что Государь утвердилъ всѣ распоряженія мои, для продовольствія войскъ и сбереженія людей сдѣланныя.

18-го. Сераскиръ пригласилъ меня на 22-е число для осмотра рѣдкостей Константинополя и между прочимъ монетнаго двора.

19-го. Султанъ прислалъ къ графу Орлову сказать, что онъ сегодня будетъ на флотѣ нашемъ, почему и было мнѣ приказано изготовить войска сухопутныя на берегу, построивъ оныя лицемъ къ флоту, по сдѣланной прежде сего диспозиціи, по коей мы будемъ три раза салютовать султану въ то время, какъ онъ будетъ объѣзжать флотъ.

Вчерашній день я получилъ много писемъ изъ Россіи, между прочими одно отъ брата Андрея, коимъ онъ увѣдомляетъ меня, что братъ Сергѣй, котораго по просьбѣ моей графъ Нессельроде хотѣлъ опредѣлить въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ съ командированіемъ его ко мнѣ, не рѣшился опредѣлиться, потому что дѣла съ Египтомъ приходили къ концу и что онъ по-напрасну не желалъ проѣхаться сюда, не получая жалованья. Мнѣ было весьма непріятно видѣть, сколько братъ Сергѣй при совѣтахъ Андрея пренебрегъ симъ средствомъ, дабы опредѣлиться на службу; ибо подобнаго случая впредъ не встрѣтится.

Я получилъ также повелѣніе военнаго министра, коимъ онъ мнѣ отказывалъ по сдѣланному мною представленію о выдачѣ по одной парѣ головъ сверхъ положенія нижнимъ чинамъ отряда, по случаю что войска совершили походъ сей на судахъ; но въ семъ случаѣ не принято во вниманіе, что, стоя на горахъ каменистаго свойства, люди изнашиваютъ обувь свою скорѣе, чѣмъ въ другое время. При томъ же, предполагая движеніе, я желалъ имѣть въ запасѣ товаровъ сихъ для нижнихъ чиновъ. Отказъ сей, сколько онъ ни непріятенъ, замѣняется, съ другой стороны, лестными отзывами Государя обо мнѣ къ графу Орлову, о коихъ графъ еще не успѣлъ сообщить мнѣ письменно, но послалъ сказать словесно. Вмѣстѣ съ тѣмъ получено мною повелѣніе доносить военному министру о успѣхахъ, сдѣланныхъ войсками по фронтовой части. Военнымъ министромъ получились всѣ донесенія мои до прибытія графа Орлова; я опасаюсь неудовольствія его, когда прекратятся сіи свѣдѣнія, которыя я по обязанности своей уже теперь представляю графу Орлову.

20-го. Султанъ пріѣзжалъ смотрѣть флотъ. Съ прибытіемъ парохода, на коемъ онъ ѣхалъ, графъ Орловъ встрѣтилъ его, и открылась пальба со всѣхъ судовъ; выстроенныя на берегу войска открыли батальный огонь изъ ружей и орудій. Когда султанъ взошелъ на адмиральскій корабль, то по данному сигналу сухопутныя войска открыли второй разъ огонь, и, наконецъ, третій разъ опять, совокупно съ флотомъ, когда султанъ сталъ съѣзжать съ корабля. Все сіе продолжалось около трехъ часовъ; погода была холодная, и цѣлый день шелъ дождь при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ, отъ чего люди сухопутныхъ войскъ вымокли и перезябли, и я опасаюсь отъ сего большаго числа больныхъ.

По отъѣздѣ султана прибыли ко мнѣ оба Ахметъ-паши, съ изъявленіемъ признательности султана и дабы спросить, не потерпѣли-ли войска отъ дурной погоды, и какъ я сказалъ имъ, что выдача водки была бы неизлишнее средство для сохраненія здоровья людей, то муширъ тотчасъ приказалъ отъ имени султана доставить ко мнѣ 500 ведръ водки для отряда.

21-го. По случаю тезоименитства генералъ-адмирала великаго князя Константина Николаевича, Лазаревъ давалъ обѣдъ на кораблѣ своемъ, на коемъ присутствовали графъ Орловъ и всѣ генералы и адмиралы; ввечеру флотъ былъ иллюминованъ. Вчера поутру пріѣзжалъ ко мнѣ бывшаго моего Эриванскаго карабинернаго полка маіоръ Войниковъ, прибывшій изъ Грузіи въ 15-ть дней черезъ Одессу. Онъ посланъ отъ барона Розена, для вступленія въ сношенія съ графомъ Орловымъ, и графъ Орловъ вручилъ мнѣ вчера депешу, полученную имъ отъ барона Розена, коею онъ увѣдомляетъ о дурномъ расположеніи духа жителей Анатоліи для султана и о неудачныхъ военныхъ дѣйствіяхъ Османа - паши Трапезунтскаго противъ Ибрагима - паши. Графъ Орловъ, располагая отправить сего маіора обратно сухимъ путемъ черезъ Анатолію въ Грузію, поручилъ мнѣ сдѣлать для него маршрутъ и приготовить инструкціи. Графъ Орловъ говорилъ мнѣ также, что Государь, получивъ донесенія мои, изъ коихъ видно было, что султанъ не располагалъ отдать Айдинъ и что Ибрагимъ-паша грозился не оставить Анатоліи, пока Русскія войска не возвратятся отсюда, предписалъ графу Воронцову немедленно отправить сюда 1-ю бригаду 26 пѣхотной дивизіи, и что для возвращенія оной назадъ онъ послалъ пароходъ въ Черное море съ открытымъ повелѣніемъ возвратить сіи войска назадъ въ Одессу, коль-скоро онъ ихъ встрѣтитъ.

22-го. Прибылъ изъ эскадры Средиземнаго моря кап.-лейтенантъ Бутеневъ. Эскадра Средиземнаго моря должна вся возвратиться въ Черное море, гдѣ, оставивъ суда, командамъ прибыть въ Петербургъ къ Балтійскому флоту, къ коему онѣ принадлежатъ. Распоряже-

ніе сіе, сдѣланное уже нѣсколько времени тому назадъ, нынѣ должно привестись въ исполненіе. Будучи нѣсколько нездоровъ, я никуда не выходилъ и занимался приготовленіемъ инструкціи и маршрута для маіора Войникова.

23-го. Вчера привезли мнѣ изъ арсенала древнія оружія, обѣщанныя мнѣ сераскиромъ; по очисткѣ одной каски отъ ржавчины, я нашелъ ее покрытою золотою насѣчкою самой лучшей отдѣлки. Изъ прочихъ вещей любопытенъ мечъ огромной величины, рыцарскихъ временъ.

У меня обѣдалъ кап.-л. Бутеневъ съ двумя морскими офицерами. Послѣ обѣда мы ѣздили смотрѣть производящіяся работы дорогъ и водопроводовъ на предположенномъ новомъ лагерномъ мѣстѣ, и я нашелъ, что работы сіи сдѣланы съ большимъ тщаніемъ.

24-го. Ввечеру графъ Орловъ навѣстилъ лагерь къ зорѣ. Всѣ музыканты были собраны на бугрѣ и чередовались съ пѣсельниками. Пляски и разныя игры продолжались весь вечеръ, и наконецъ былъ сожженъ фейерверкъ. При возвращеніи графа, всѣ пристани, возвышенія и улицы отрядной квартиры были освѣщены плошками, коихъ огни повторялись въ водѣ.

25-го. Получено мною повелѣніе отъ графа Орлова, при коемъ онъ сообщаетъ мнѣ полученное имъ распоряженіе отъ военнаго министра на счетъ выдержанія карантиннаго срока при возвращеніи войскъ въ Ѳеодосію и отправленіи больныхъ съ госпиталемъ въ Одессу.

26-го. Пріѣзжалъ ко мнѣ сераскиръ-паша съ Галиль-пашею, возвратившимся изъ Египта. Онъ представилъ мнѣ Галиль-пашу и просилъ расположенія моего къ нему, говоря, что Галиль-паша человѣкъ совершенно преданный Государю. Галиль-паша пріятной наружности и въ разговорахъ довольно ловкій человѣкъ для Турка, но недостаточно, чтобы скрыть двуличіе свое, которое очень замѣтно. Въ бытность его въ Египтѣ, онъ избѣгалъ свиданія со мною, обратился къ Французскому консулу и, наконецъ, какъ говорятъ, былъ совершенно задаренъ Магметъ-Аліемъ и обольщенъ имъ. Онъ нѣсколько спутался при свиданіи со мною, говоря, что я выѣхалъ изъ Александріи въ тотъ же день, какъ онъ прибылъ туда; на чтò я ему отвѣчалъ, что, ожидая его, я приготовилъ офицера, который долженъ былъ заѣхать къ нему, въ то время какъ корветъ сталъ бы входить въ портъ, но что корветъ сей вошелъ въ другую пристань; что я его дожидался трое сутокъ, полагая, что онъ захочетъ со мною видѣться и пришлетъ ко мнѣ, но что я напротивъ того узналъ, что онъ обратился съ бумагами или письмами, ему въ Константинополѣ данными, къ Французскому консулу и видя, что онъ какъ будто избѣгалъ свиданія со мною, я уѣхалъ, тѣмъ болѣе, что Магметъ-Али уже исполнилъ одно изъ требованій

Государя, остановивъ военныя дѣйствія, а другое обѣщался исполнить замиреніемъ, къ чему ему и предстояла легко возможность по случаю прибытія Галиль-паши. Отвѣтъ сей его нѣсколько смутилъ. Онъ сказалъ, что Магметъ-Али ему сказывалъ, что всѣми обѣщаніями его прекратить военныя дѣйствія я не былъ доволенъ, пока онъ точно не написалъ въ моемъ присутствіи повелѣнія сыну своему остановиться, и Галиль-паша замѣтилъ, что онъ во всемъ исполнилъ слово свое. На это я возразилъ, что оно не было вполнѣ исполнено, потому что онъ занялъ Смирну послѣ того; но сераскиръ отвѣчалъ, что Магметъ-Алія нельзя было въ семъ винить, ибо народъ Анатольскій, по легковѣрію своему, послѣ разбитія великаго визиря подъ Коніею, посылалъ къ Ибрагимъ-пашѣ со всѣхъ сторонъ людей съ повинными. Галиль-паша послѣ того сказалъ, что Магметъ-Али былъ весьма доволенъ моимъ обхожденіемъ.—Магметъ-Алію, какъ умному человѣку, ничего не оставалось болѣе какъ говорить сіе, отвѣчалъ я; ибо онъ выслушалъ всѣ истины, которыя мнѣ поручено было сказать. Я не имѣлъ надобности выходить изъ себя при объявленіи ему оныхъ; хладнокровіе мое его болѣе изумило.—Онъ былъ доволенъ лично вами, но весьма недоволенъ порученіемъ, которое вы имѣли, сказалъ Галиль-паша; ибо вы ему представили послѣдствія, каковыя будутъ имѣть упорство его и неудовольствіе на него Государя. Я воспользовался симъ случаемъ, дабы замѣтить Галиль-пашѣ, что прибытіе его въ Египетъ измѣнило расположеніе Магметъ-Алія, и разговоръ сей вскорѣ перемѣнился; ибо Галиль-паша какъ будто опасался продолженія онаго, и сераскиру трудно было явно сознаться, сколь велика была ошибка, сдѣланная имъ въ отправленіи послѣ меня Галиль-паши въ Египетъ; но онъ не оспаривалъ сего. Сераскиръ отправился отъ меня съ Галиль-пашею къ графу Орлову и просилъ меня съ нимъ ѣхать; но я отказался отъ сего, дабы не показать вида, будто я желаю быть свидѣтелемъ разговора ихъ. Когда сераскиръ садился въ лодку, Галиль-паша нѣсколько отсталъ и, остановивъ меня, увѣрялъ въ преданности его къ Государю, говоря, что онъ болѣе преданъ нашему Государю, чѣмъ султану. Рѣчи сіи довольно могли обнаружить и лживость, и неловкость его, и я не возымѣлъ о Галиль-пашѣ того мнѣнія, какое всюду распространено. Мнѣ говорили послѣ того уже на другой день, что султанъ принялъ его довольно сухо и что всѣ дѣйствія его были сдѣланы съ согласія Французовъ, съ коими онъ былъ въ большой связи и совершенно имъ преданъ.

26-го числа. Возвратился лазутчикъ, котораго я нѣсколько времени тому назадъ посылалъ въ Кютаіё, и сообщилъ, что Ибрагимъ-паша уже совершенно выступилъ изъ Кютаіё и шелъ къ Коніи; онъ встрѣтилъ

недалеко отъ Кютаіё барона Ливена, котораго графъ Орловъ послалъ, дабы удостовѣриться въ переходѣ Ибрагима за Тавръ. Въ тотъ же день получено мною извѣстіе, черезъ возвратившагося изъ плѣна отъ Египтянъ одного Турецкаго капитана, что Ибрагимъ-паша, проходя при своемъ отступленіи черезъ города̀, говорилъ начальникамъ оныхъ, что онъ скоро къ нимъ опять возвратится.

27-го. Я ѣздилъ со многими офицерами въ Царьградъ, предваривъ о томъ сераскира, который далъ намъ средства осмотрѣть нѣкоторыя занимательныя мѣста города. Намъ были приготовлены лошади у Яликіоска, и мы поѣхали черезъ садъ сераля, въ коемъ остановились прежде всего осмотрѣть прекрасную колонну, воздвигнутую на пьедесталѣ; на немъ имѣется Латинская надпись, коей большая половина стерта отъ времени. Оттуда поѣхали мы смотрѣть монетный дворъ. Начальникъ онаго принялъ насъ съ нѣкоторою гордостью, свойственной прежнимъ обрядамъ Турокъ, почему и я отвѣчалъ ему съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ обычаямъ ихъ. Мы ходили по всему монетному двору, въ коемъ могли замѣтить довольно невѣжества и неустройства въ производствѣ работъ. Заведеніе сіе, какъ я слышалъ, находится на откупу у Армянъ, которые весьма много при семъ наживаются; но они обыкновенно дурно кончаютъ поприще свое въ семъ мѣстѣ, ибо были примѣры, и въ недавнемъ времени еще одинъ, что откупщикъ былъ повѣшенъ и все его огромное состояніе взято въ казну. Симъ средствомъ султанъ выручаетъ то, что̀ у него пропадаетъ чрезъ плутовство и невѣжество его повѣренныхъ. Турецкая монета имѣетъ весьма мало существенной цѣны отъ примѣси мѣди, которую дѣлаетъ правительство и къ коей еще прибавляется значительная часть отъ откупщиковъ двора, имѣющихъ право нѣсколько часовъ въ сутки работать въ свою пользу. Всѣ мастера и простора̀бочіе на семъ заводѣ Армяне, и замѣтенъ только одинъ Турецкій чиновникъ, который если и видитъ плутовство, то вѣроятно имѣетъ въ томъ свою долю.

Насъ повели послѣ того смотрѣть старый дворецъ султана, который не представляетъ ничего занимательнаго; рѣшетчатыя украшенія бесѣдокъ, стѣнъ и дверей покрыты поблекшею и почернѣвшею позолотою. Мѣста сіи нѣсколько занимательны только по воспоминаніямъ прежнихъ пріемовъ, которые въ оныхъ дѣлали посламъ, при чемъ султанъ сидѣлъ въ небольшой клѣткѣ, придѣланной вверху къ стѣнѣ, а визирь съ другими чиновниками государства принималъ пословъ въ залѣ внизу, съ гордостью, нынѣ болѣе неумѣстной здѣсь. Всего занимательнѣе были во дворѣ семъ черные и бѣлые евнухи; у нихъ странныя и безобразныя лица, съ выраженіемъ злости и женоподобія. Повсюду ходили они по дворамъ, съ любопытствомъ смотрѣли на насъ и обра-

щали на себя наше любопытство, ибо нельзя безъ чувства содроганія видѣть обезображенное и искаженное до такой степени человѣчество. Провожавшіе насъ извинились, что нельзя было войдти въ гаремъ, потому что султанъ недавно перевелъ туда нѣсколько больныхъ женъ своихъ.

Осмотрѣвъ строенія сіи и нѣсколько комнатъ дворца, провожавшій насъ бригадный генералъ Неджибъ-паша, человѣкъ весьма простой, знавшій, что я охотникъ до древностей, все изыскивалъ для меня, какъ онъ говорилъ, антиковъ и, вспомнивъ объ одномъ, съ поспѣшностью повелъ насъ смотрѣть, говоря, что онъ мнѣ покажетъ чудовище съ женскою головою, руками и рыбьимъ хвостомъ. Насъ повели въ какой-то темный сарай, гдѣ жилъ старикъ Турокъ. Когда ему сказали, за чѣмъ мы пришли, то онъ побѣжалъ на чердакъ и вынесъ оттуда деревянный гробъ; когда крышку онаго открыли, мы увидѣли Египетскую мумію крокодила, у коего хвостъ былъ отломленъ и къ оному приставлена человѣчья голова; хвостъ же былъ приставленъ съ боку, и сіе дало поводъ Туркамъ увѣрять, что то было чудовище: столь народъ сей склоненъ вѣрить всему дивному и необыкновенному, хотя приставленная голова ничѣмъ не соединялась съ туловищемъ крокодила, и весьма ясно было видно, что нижняя оконечность сего мнимаго чудовища не былъ хвостъ, а самая голова крокодила. Мумъ потурецки значитъ воскъ, и когда мы стали говорить порусски, что это мумія, то окружавшіе насъ Турки увѣряли насъ, что то истинно не восковыя фигуры, а настоящія животныя.

Мы продолжали путь свой черезъ другой садъ сераля, содержимый въ большой нечистотѣ, и прошли къ самой оконечности сераля, всего болѣе въ море выдающейся. Мѣсто сіе высыпано землею и уравнено на вышину до зубцовъ крѣпостной стѣны, окружающей весь городъ, и на одномъ краю сей площади имѣется небольшая бесѣдка султана, называемая Гюль-хане.

Турки, провожавшіе насъ, не привыкшіе къ движенію и дѣятельности, устали отъ сей небольшой прогулки и настоятельно просили, чтобы зайдти отдохнуть и пообѣдать къ Неджибъ-пашѣ. Чрезъ сіе я терялъ время и не могъ надѣяться пересмотрѣть всего, что̀ предполагалъ въ сей день; но я принужденъ былъ согласиться, дабы не огорчить ихъ. Мы заѣхали къ Неджибъ-пашѣ, имѣющему домъ на берегу Мраморнаго моря, и отобѣдали. Нѣкоторые изъ провожатыхъ нашихъ не упустили сего случая, чтобы напиться до пьяна и, по окончаніи пира, они въ такомъ видѣ повели насъ смотрѣть мечети.

Мы начали съ мечети Софіи или бывшей церкви святой Софіи, которую я прежде видѣлъ, но въ коей не были многіе изъ провожав-

шихъ меня, а потому и просили меня снова зайдти въ сіе зданіе. Изъ Софіи пошли мы смотрѣть мечеть, называемую Султанъ-Ахметъ, имъ построенную: зданіе обширное, но уступаетъ въ величинѣ и красотѣ своей Софіи. Въ мечети сей замѣчательны четыре огромные столба, поддерживающіе куполъ, и еще болѣе огромной величины камни, изъ коихъ сложены сіи столбы. Мулла мечети сей, не ожидавшій нашего прибытія, вбѣжалъ въ попыхахъ и дерзко спросилъ провожавшаго насъ, что̀ мы за люди и что̀ намъ нужно; но Келимъ-ефенди, еще воскриленный парами обѣда, съ тѣмъ же видомъ отвѣчалъ муллѣ, что онъ можетъ о семъ спросить сопровождающихъ насъ кавасовъ или прислужниковъ сераскиръ-паши, и мулла отошелъ. Я пожелалъ видѣть гробницу Султанъ-Ахмета, и меня безпрепятственно проводили въ другое небольшое зданіе на томъ же дворѣ, гдѣ находилась гробница Султанъ-Ахмета и всего семейства его. Мѣсто сіе убрано безъ всякой пышности и не вселяетъ никакого уваженія въ посѣтителѣ. Рядъ большихъ и малыхъ гробницъ изъ камня, довольно грубо сдѣланныхъ, занимаетъ внутренность зданія; на гробницахъ поставлены чалмы съ простою обвивкою, при изголовьѣ же гробницы самаго султана поставлено два налоя, въ коихъ хранятся кораны въ серебряныхъ переплетахъ. Турки не дѣлали намъ никакого препятствія открывать и разсматривать кораны и на все подавались весьма охотно.

Потомъ поѣхали мы на базаръ, который устроенъ довольно хорошо въ родѣ гостиныхъ дворовъ нашихъ, подъ каменными сводами; мнѣ хотѣлось видѣть торгъ невольниковъ, но онъ былъ запертъ уже въ то время.

Такъ какъ уже прошла большая часть дня, и я боялся опоздать возвращеніемъ въ лагерь, то я поѣхалъ къ сераскиру; но, пріѣхавъ къ нему на дворъ, встрѣтилъ человѣка его, который сказалъ мнѣ, что сераскиръ проситъ меня пріѣхать къ нему въ совѣтъ, гдѣ онъ меня будетъ дожидаться.

Я исполнилъ въ точности желаніе его и пріѣхалъ въ Порту, слѣзъ съ лошади и пошелъ въ Диванъ, гдѣ нашелъ собранными великаго визиря, сераскира, Ахметъ-пашу, Галиль-пашу, Тагиръ-пашу и всѣхъ главныхъ чиновниковъ государства, важно прѣющихъ въ засѣданіи. Шедшіе за мною офицеры остановились въ аванзалѣ; я вошелъ и сѣлъ подлѣ сераскира. Внезапное вторженіе сіе всѣхъ изумило; но сераскиръ вскорѣ всталъ и, проводивъ меня въ другую комнату, пригласилъ всѣхъ войдти, велѣлъ подать трубокъ, надѣлъ сапоги и, вышедъ со мною, поѣхалъ меня провожать къ пристани, говоря, что онъ очень радъ тому, что я пріѣхалъ въ совѣтъ и что онъ желалъ всѣмъ показать, сколько онъ любитъ и уважаетъ Русскихъ. Ахметъ-паша также сѣлъ верхомъ

и поѣхалъ провожать насъ. Они повели насъ опять чрезъ край двора стараго сераля и, пріѣхавши къ берегу, показали намъ старые каюки или лодки султановъ и новый каюкъ нынѣшняго султана, которые содержатся, въ особенности старые, въ большой небрежности.

Окончивъ такимъ образомъ обозрѣніе Царьграда въ сей день по возможности, я возвратился къ вечеру въ лагерь.

28-го числа. Я ждалъ къ себѣ въ гости сераскира и Ахметъ-пашу, которые назвались въ гости ко мнѣ наканунѣ. Ахметъ-паша пріѣхалъ къ обѣду, заставивъ себя по обыкновенію довольно долго ждать. Къ вечеру пріѣхалъ и сераскиръ съ другими чиновниками. Пѣсельники, музыка, фейерверкъ, солдатскія пляски поперемѣнно занимали его въ теченіе всего вечера. Онъ порядочно выпилъ, и его качали подъ Русскія пѣсни. Прибывшія къ тому времени случайно изъ Беугъ-дере дамы еще болѣе оживили веселый праздникъ нашъ: танцовали, пили здоровье сераскира и провели весь вечеръ весьма пріятно. Сераскира проводили усталаго, полупьянаго и весьма довольнаго, съ музыкою.

29-го. По приглашенію графа Орлова, мы ѣздили смотрѣть дворецъ султана въ Беглеръ-беѣ. Деревянный дворецъ сей довольно обширенъ и построенъ со вкусомъ, но весьма легко и не имѣетъ никакой прочности. Всего занимательнѣе же для меня показалась изваянная мраморная собака, которая лежитъ въ небрежности въ углу сада; произведеніе сіе отлично, но у Турокъ лежитъ оно безъ всякаго вниманія.

30-го. Возвратился изъ Дарданелъ поручикъ Дайнезе, который оставался тамъ по моему приказанію для собиранія свѣдѣній и извѣстій о Египетской арміи; въ тотъ же день пріѣхалъ капитанъ Врангель генеральнаго штаба, посланный сюда отъ графа Киселева.

31-го. Ввечеру пріѣзжалъ въ лагерь съ женою своею секретарь Баварскаго принца, прибывшаго на дняхъ на пароходѣ путешественникомъ; они ходили по лагерю и пришли ввечеру въ мою палатку, съ другими дамами, откуда и отправились назадъ при захожденіи солнца.

1-го Іюня я ѣздилъ съ нѣкоторыми офицерами въ табунъ, находящійся при рѣкѣ Ривѣ, верстахъ въ 20-ти отсюда. Осмотрѣвъ берега сей рѣки, я спустился къ берегу моря, гдѣ, переправившись черезъ рѣку сію, зашелъ въ крѣпость Риву, устроенную на правомъ берегу оной. Оттуда я слѣдовалъ берегомъ моря, замѣтилъ мѣста, въ которыхъ, въ случаѣ надобности, можно бы сдѣлать высадку, и возвратился ввечеру въ лагерь тою дорогою, которою бы должно идти къ Скутари въ случаѣ высадки войскъ; эту дорогу можно удобно разработать.

2-го. Отправленъ второй транспортъ больныхъ въ Одессу. Распоряженіе графа Орлова меня стѣсняетъ въ управленіи. Больныхъ всегда считали у насъ бѣдствіемъ; никакой начальникъ не хотѣлъ заняться

присмотромъ за ними, и человѣкъ заболѣвшій погибалъ отъ того, что его бросали, удалялись, гнушались имъ. Устройство госпиталей мало извѣстно симъ начальникамъ; они полагаютъ, что гдѣ лежитъ много больныхъ въ нечистотѣ и зловоніи, тамъ и госпиталь, что сіи госпитали, поминутно возрастающіе, должно удалять, отправлять куда бы то ни было. Сія есть одна изъ причинъ, по коимъ мы всегда имѣли столько больныхъ въ арміи, отъ чего погибла и Турецкая наша армія.

Больные нынѣ при отрядѣ имѣются не въ большомъ количествѣ, за ними смотрятъ бережно; но графъ Орловъ непремѣнно хочетъ, чтобы ихъ въ Одессу отправляли, не соображая, что если больной скоро выздоравливаетъ, то на мѣсто его поступаетъ другой вновь заболѣвающій, и что труднаго лучше оставить для излѣченія на мѣстѣ, ибо на судахъ ему безпокойно. Такимъ средствомъ можно въ теченіе лѣта перевезти будетъ половину отряда съ лѣкарями въ Одессу, гдѣ они очутятся здоровыми безъ командъ своихъ и безъ офицеровъ, безъ призрѣнія и присмотра. Настоящее средство губить войско! О томъ же, что можетъ существовать госпиталь безъ больныхъ, едва ли такіе начальники знаютъ и что при хорошемъ устройствѣ кадровъ госпиталя больные не страшны, они и не помышляли. Черезъ сіе меня понуждаютъ къ отправленію больныхъ, не взирая на неудобства помѣщенія и затрудненія въ дорогѣ; ихъ отправляютъ ночью, въ торопяхъ, не давая времени запасти ихъ всѣмъ нужнымъ, и если бы я не приложилъ всѣ возможныя старанія, чтобы противодѣйствовать симъ мѣрамъ, то много бы погубилъ людей. Хроническихъ такимъ образомъ отправили уже въ Одессу; но болѣе сего отправлять больныхъ я не располагаю, не взирая на частыя напоминанія графа Орлова.

3-го. Я ѣздилъ къ графу Орлову съ докладомъ о разныхъ дѣлахъ. Трудно имѣть дѣло съ человѣкомъ, никогда не занимавшимся онымъ и избѣгающимъ онаго. Больные составили главный предметъ сужденій нашихъ. Онъ непремѣнно хочетъ, чтобы, по мѣрѣ прибыванія оныхъ, я отправлялъ ихъ, отъ чего и случится, что черезъ мѣсяцъ у насъ будетъ въ Одессѣ до 1,000 человѣкъ выздоровѣвшихъ, которые у насъ будутъ полагаться больными, а здѣсь не достанетъ судовъ и лѣкарей для отправленія остальныхъ. Но я не могъ его вразумить, ибо онъ ничего не слушаетъ и только говоритъ свое, основываясь на повелѣніи данномъ ему, чтобы отправить хроническихъ больныхъ, которое онъ, какъ кажется, читалъ безъ вниманія. Противодѣйство сіе и частыя поѣздки мои въ Беугъ-дере весьма замедляютъ всякія исполненія по отряду.

4-го числа пріѣзжалъ къ намъ въ лагерь графъ Орловъ съ Баварскимъ наслѣднымъ принцемъ и съ большою свитою; ему сдѣлали

всѣ почести, послѣ чего онъ отправился осмотрѣть лагерь. День былъ необыкновенно жаркій, и войскà были много обезпокоены симъ посѣщеніемъ. Я былъ званъ на обѣдъ къ Австрійскому министру, гдѣ остановился Баварскій принцъ; ввечеру былъ балъ, но я уѣхалъ и не остался на ономъ, тѣмъ болѣе, что никто изъ сухопутныхъ офицеровъ не былъ приглашенъ на оный.

5-го. Я опять ѣздилъ къ графу Орлову, коего нашелъ нѣсколько обходительнѣе на счетъ больныхъ; но новыя мѣры, имъ предпринимаемыя, также не совсѣмъ еще достаточны, и переговоры сіи при частыхъ переѣздахъ отнимаютъ у меня много времени.

Ввечеру былъ у меня посланникъ Бутеневъ съ пріѣзжими сюда на пароходѣ Курляндцемъ барономъ Ганомъ и его женою, любопытствовавшими видѣть лагерь.

6-го. Приняты были разныя мѣры для предварительной нагрузки тяжестей на суда.

7-го. Я ѣздилъ въ Царьградъ и навѣстилъ толкучій рынокъ и мѣсто торговли невольницами. Зрѣлище отвратительное; но самыя невольницы не постигаютъ всего ужаса своего положенія и болѣе похожи на невѣстъ, ожидающихъ съ любопытствомъ прибытія жениха и другой участи. Послѣ того я навѣстилъ сераскира, а отъ него зашелъ въ домъ сумасшедшихъ: ужасное зрѣлище, гдѣ человѣчество страдаетъ безъ всякой пощады или участія со стороны подобныхъ же человѣковъ. Сумасшедшіе, безъ разбора припадковъ, всѣ прикованы цѣпями къ стѣнѣ; нѣкоторые изъ сихъ не имѣютъ совершенно никакой одежды и лежатъ на голомъ камнѣ, такъ что трудно и здоровому пережить подобное положеніе; обхожденіе стражей съ ними самое жестокое, и положеніе сихъ несчастныхъ самое жалкое.

Оттуда ѣздилъ я смотрѣть ружейный заводъ, коего недостаточность и неустройство соотвѣтствуютъ дурному состоянію и нехорошей отдѣлкѣ ружей, отпускаемыхъ въ пѣхоту. Потомъ я навѣстилъ адмиралтейство и провелъ нѣсколько времени съ адмираломъ Тагиръ-пашею. Онъ проводилъ меня къ пильной паровой машинѣ своей, къ докамъ и показалъ все любопытное въ адмиралтействѣ. Обхожденіе Тагиръ-паши, хотя вѣжливое, но показываетъ человѣка суроваго и строптиваго. Отъ него я заѣхалъ къ начальнику артиллеріи Галиль-пашѣ, который былъ также предупрежденъ о моемъ пріѣздѣ; домъ его близъ Топханè или пушечнаго двора. Онъ водилъ меня въ литейную и другія мѣста. Я видѣлъ нѣкоторое число орудій вновь изготовленныхъ, довольно чисто отдѣланныхъ; но терпѣнія къ довершенію какого либо дѣла у Турокъ недостаетъ: такъ орудія безъ прицѣловъ, безъ діоптровъ; деревянныя и желѣзныя работы грубы и неправильны, и заведеніе ихъ не столько

подаютъ мысль о дѣтствѣ, въ коемъ они находятся, какъ о безпечности народа сего, который не въ состояніи постоянно чѣмъ либо заняться и скорѣе погубить что либо устроенное отъ лѣности своей, чѣмъ устроитъ что либо новое въ порядочномъ видѣ.

9-го. Изъ Коніи получены извѣстія, что Ибрагимъ-паша быстро отступаетъ за Тавръ.

11-го. Я ѣздилъ внутрь края для осмотра мѣстоположенія, проѣхалъ въ сей день близъ 50 верстъ по горамъ и возвратился назадъ вечеромъ. Мѣста мною видѣнныя хорошо обработаны и въ особенности занимательны. Я былъ на горѣ Алемъ-дагѣ, съ коей видно Черное море и Мраморное. На горѣ сей видны остатки развалинъ древнихъ строеній, капители отъ колоннъ, и между прочимъ я нашелъ одинъ мраморный камень, величиною въ аршинъ, съ изваяніями на немъ креста съ Адамовой головою; надъ крестомъ изображено было сердце, а по сторонамъ онаго полулунье и звѣзда.

13-го. Посѣтившій меня ввечеру Волковъ сказывалъ, что къ острову Тенедосу прибыло три Англійскихъ линейныхъ корабля.

14-го. Я поѣхалъ съ нѣсколькими офицерами на Принцевы острова, предупредивъ наканунѣ Ахметъ-пашу о семъ, съ тѣмъ, чтобы мнѣ обратно ѣхать въ лагерь по Азіатскому берегу Босфора. Ахметъ-паша по сему случаю посылалъ ко мнѣ Намикъ-пашу просить меня въ казармы Скутарскія, для осмотра оныхъ, а на острова послалъ чиновника для встрѣчи меня. Для совершенія сей поѣздки я долженъ былъ просить позволенія у графа Орлова, который на оную согласился, хотя съ нѣкоторыми затрудненіями.

Я отправился 14-го числа на Турецкомъ палубномъ катерѣ. Со мною поѣхали также флигель-адъютанты Моллеръ и Крузенштернъ и графъ Кочубей. Мы плыли близъ двухъ часовъ и пристали у перваго острова Протея; осмотрѣвъ монастырь на ономъ имѣющійся, поплыли на второй островъ Антигону, гдѣ также имѣются монастыри. Они невелики и, какъ замѣтно, въ недавнемъ времени возобновлены; но между образами имѣется много весьма старинныхъ. Я искалъ памятниковъ древности языческихъ, но не нашелъ оныхъ, исключая части одного мраморнаго надгробнаго камня, принесеннаго съ развалинъ стариннаго монастыря, коего остатки видны еще на одномъ изъ возвышеній, на семъ островѣ имѣющихся; на камнѣ семъ, положенномъ вмѣсто ступени при входѣ въ церковь, видна Латинская надпись, означающая какого-то Агриппу, жившаго 22 года. Оба острова сіи не велики и мало обработаны. По осмотрѣ монастыря сего втораго острова я пошелъ въ Греческую деревню, находящуюся по восточную сторону острова; въ деревнѣ сей, какъ и на прочихъ островахъ, съѣзжа-

ются на лѣто богатые Греки, дабы насладиться пріятностью мѣстоположенія, здоровымъ воздухомъ и совершенною свободою отъ надзора Турокъ, ибо Турецкое правительство не имѣетъ въ оныхъ почти никакого надзора. Деревня сія, какъ и находящіяся на другихъ островахъ, весьма чисто и порядочно выстроена и представляетъ очень пріятное и красивое зрѣлище.

Пробывши около часа въ домѣ коммерціи совѣтника Захарова, коего жена приняла насъ, я поѣхалъ на третій островъ Халку, на коемъ имѣется три монастыря. Въ первомъ изъ оныхъ содержались Русскіе плѣнные во время послѣдней войны съ Турціею. Нынѣ въ монастырѣ семъ учреждено Греческое училище, но въ ономъ воспитатели и учители Французы и Итальянцы, такъ что молодые люди сіи съ возрастомъ получатъ только правила совершенно противныя тѣмъ, которыя имъ внушать надобно. Турецкое правительство на входитъ въ сіе; съ нашей стороны должно бы обратить на сіе вниманіе и учредить въ семъ мѣстѣ кадетскій корпусъ для Турокъ и Грековъ съ назначеніемъ въ оный нашихъ начальниковъ, чему бы не противилось Турецкое правительство; но графъ Орловъ мало входитъ въ дѣла и поддается вліянію жителей Перы, которые, наполняя миссію нашу, всячески останавливаютъ каждое введеніе, могущее служить въ нашу пользу. При монастырѣ семъ имѣются большія подземныя дождевыя водохранилища, издревле построенныя. Оттуда пошелъ я къ другому монастырю обширнѣе прочихъ; тутъ прибѣжали ко мнѣ Турецкіе чиновники, присланные отъ Ахметъ-паши для принятія меня. По свойственной имъ медленности они не узнали о моемъ прибытіи на острова и только тутъ освѣдомились объ ономъ. Я сошелъ съ ними въ прекрасную Греческую деревню, находящуюся ниже на восточномъ берегу сего острова, и былъ принятъ матерью драгомана Ахметъ-паши, находившеюся тутъ съ семействомъ въ домѣ одного Греческаго архимандрита, недавно изъ Болгаріи прибывшаго. Меня приняли и ввели въ домъ со всевозможною почестью, но главнаго не сообразили: дать мнѣ покой, ибо день былъ чрезвычайно жаркій, и я усталъ отъ пѣшихъ прогулокъ своихъ по горамъ. Въ семъ отношеніи жители Востока далеко отстали отъ насъ, и мнимое гостепріимство ихъ состоитъ болѣе въ тщеславномъ показаніи своего усердія, чѣмъ въ угожденіи и успокоеніи гостя. Но рѣшившись въ сей день принять всѣ возможные труды, дабы осмотрѣть острова, я перенесъ сіе съ терпѣніемъ и сидѣлъ въ толпѣ докучливыхъ и любопытныхъ хозяевъ моихъ, проводя время съ ними въ самыхъ пустыхъ рѣчахъ.

На семъ островѣ имѣется султанскій дворецъ, выстроенный года три или четыре тому назадъ, по случаю тому, что онъ провелъ одно

лѣто на Халкѣ, гдѣ, влюбившись въ Гречанку, взялъ ее въ наложницы и прижилъ съ нею сына. Мы прошли по всѣмъ комнатамъ дворца сего, и намъ показали небольшую комнату, въ коей, какъ видно, былъ христіанскій алтарь, и самъ проводникъ нашъ Грекъ, войдя въ оную, указалъ на мѣсто алтаря и перекрестился, уклоняясь отъ взоровъ провожавшихъ насъ Турокъ. У пристани дворца сего мы сѣли въ лодки и поплыли на Турецкомъ катерѣ къ самому большому изъ острововъ, называемому Принкипосъ, на которомъ имѣется три монастыря. Жители острова и посѣтители онаго были уже предувѣдомлены о нашемъ прибытіи и по мѣрѣ какъ мы приближались къ пристани, толпою провожали насъ по берегу. Сошедши на берегъ, мы были встрѣчены толпою сею, среди коей было множество разряженныхъ Гречанокъ, съ музыкою состоящею изъ скрипки, кларнета, цимбаловъ и еще кое-какихъ небольшихъ инструментовъ. На острову семъ не имѣется лошадей, и какъ разстоянія на ономъ велики между монастырями, то и приготовили для меня лошаковъ, а для офицеровъ со мною пріѣхавшихъ ословъ, и мы отправились такимъ образомъ внутрь острова, въ сопровожденіи многихъ жителей, Грековъ. Въ первомъ монастырѣ, который я навѣстилъ, находился смѣщенный съ должности по неудовольствію на него народа Константинопольскій патріархъ. Въ монастырѣ семъ, какъ и въ прочихъ, былъ я принятъ съ колокольнымъ звономъ и встрѣченъ духовенствомъ при входѣ. Колокольный звонъ въ монастыряхъ сихъ острововъ есть особенное преимущество, коимъ тутъ Греки пользуются; ибо во всѣхъ другихъ церквахъ колокола запрещены.

Второй монастырь былъ Святаго Георгія, въ коемъ по давнему обычаю запираютъ умалишенныхъ въ надеждѣ излѣченія ихъ отъ святости мѣста. Такимъ образомъ въ одной изъ церквей монастыря сего былъ прикованъ безъ всякаго сожалѣнія на желѣзной цѣпи за шею къ стѣнѣ одинъ молодой человѣкъ, и Турокъ водившій насъ забавлялся бранными словами больнаго. Турки сами вѣрятъ чудотворному дѣйствію сихъ мѣстъ на сумасшедшихъ.

Третій монастырь находится въ долинѣ. Тотъ же пріемъ и тѣже почести при входѣ и выходѣ. Оттуда я возвратился къ деревнѣ восточнымъ берегомъ острова; мы ѣхали мимо развалинъ древней бани, коей стѣны вокругъ выстроенныя еще совершенно цѣлы. Въ деревнѣ встрѣтила меня опять таже толпа народа, я сѣлъ въ лодку и поѣхалъ на Халку, гдѣ приготовленъ былъ ужинъ. Музыка, привезенная на сей островъ, встрѣтила меня на берегу; хотѣли проводить тихимъ шагомъ до квартиры, но я не вытерпѣлъ сего и, миновавъ ее, вошелъ въ залу, гдѣ прежняя толпа меня ожидала и гдѣ, не взирая на уста-

лость мою, обсѣли вокругъ меня и занимали пустыми рѣчьми и спросами. Ужинъ былъ негодный, продолжительный и утомительный и сопровожденъ нестройными звуками Греческой музыки; но при всемъ утомленіи моемъ я не могу не признать желанія, которое хозяева имѣли угостить меня по-своему. Въ числѣ ихъ былъ и отставной драгоманъ, жившій довольно долгое время въ Парижѣ, Ангелопуло.

Переночевавъ 15-го числа, я навѣстилъ еще одинъ монастырь, вблизи деревни находящійся, въ коемъ не успѣлъ быть наканунѣ, и вслѣдъ за симъ сѣлъ на Турецкій катеръ и переѣхалъ на южный берегъ твердой земли къ деревнѣ Малтепѐ, къ коей были высланы мои лошади. Мы проѣхали верстъ 10 до Скутари, не доѣзжая коего я былъ встрѣченъ высланными отъ Ахметъ-паши-мушира. Меня провели въ большую Скутарскую казарму, гдѣ я былъ принятъ Ахметъ-пашею-ферикомъ и Келимъ-пашею, которые, по приказанію, данному имъ султаномъ, водили меня по казармамъ и показали всѣ заведенія свои. Чистота была во всѣхъ отдѣленіяхъ свыше обыкновеннаго. По Турецкому обычаю бригадные командиры, Келимъ-паша и Диливеръ-паша старались выставить другъ передъ другомъ заведенія свои; но все сіе было только наружное; замѣтно было, что во всѣхъ учрежденіяхъ сихъ не было ничего прочнаго. Муширъ, который всегда опаздываетъ, между тѣмъ пріѣхалъ. Ударили сборъ, и въ мигъ приготовленныя войска собрались на площади за казармою передъ султанскимъ кіоскомъ. Въ строю было 6 батальоновъ, одинъ кавалерійскій полкъ и до 20 орудій гвардіи; сдѣлали нѣсколько построеній, послѣ чего начался церемоніальный маршъ. Войска были дурно одѣты, шли дурно; но я замѣтилъ, что во фронтѣ было довольно тихо. Сіе можетъ нѣкоторымъ образомъ подавать надежду, что изъ сихъ войскъ можно что нибудь сдѣлать, если поручить оное путнымъ начальникамъ и завести какое либо управленіе, коего нынѣ совершенно никакого нѣтъ.

Послѣ смотра былъ данъ обѣдъ, продолжительный и неопрятный, а послѣ обѣда выведено было человѣкъ 50 Арнаутъ, которые занимали насъ плясками и пѣснями своими. Ахметъ-паша самъ хотѣлъ подражать нашимъ вечернимъ увеселеніямъ на бугрѣ.

Я намѣревался изъ Скутари проѣхать въ лагерь Азіатскимъ берегомъ верхомъ, дабы видѣть дорогу по оному ведущую; но коль скоро уже однажды попадешь въ руки къ Туркамъ, то они ничего не дадутъ сдѣлать порядкомъ: въ угожденіе хозяевамъ своимъ я остался долѣе, чѣмъ мнѣ надобно было въ Скутари, и отправился на лодкѣ домой, куда еще поспѣлъ до вечерней зори и гдѣ къ великому удовольствію моему я нашелъ привезенный уже огромный камень, вырванный въ Баязи-лиманѣ. Его съ большими трудами, послѣ нѣсколькихъ дней,

работы, положили на сплошныя Турецкія гребныя суда, которыя я досталъ у Тагиръ-паши. Камень сей имѣетъ $1\frac{1}{2}$ сажени въ длину, $1\frac{1}{2}$ аршина въ ширину, 2 аршина въ толщину и до 1500 пудовъ вѣсу. Онъ долженъ быть поставленъ въ дикомъ видѣ своемъ на бугрѣ, гдѣ мы по вечерамъ собираемся, и будетъ служить памятникомъ нашего здѣсь пребыванія.

Мысль моя была вырѣзать на немъ надпись: «Въ память Олега полки Николая». Графъ Орловъ не призналъ надпись сію удобною, опасаясь симъ возбудить недовѣріе Турокъ, хотя я не вижу, чтобы подобная надпись, не имѣя никакого политическаго содержанія, кромѣ памятника историческаго, могла бы произвести такое дѣйствіе; но графъ Орловъ не охотно подается на что либо изящное и подверженъ вліянію Перотовъ, всего опасающихся.

16-го. Я былъ у графа Орлова и говорилъ ему о происшествіяхъ прошлыхъ двухъ дней. Мнѣ казалось, что онъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на сближеніе мое съ Турками и на довѣренность, которую они мнѣ показывали. По носившимся слухамъ о чумной заразѣ, онъ запретилъ всякое сообщеніе съ Царьградомъ, и изъявилъ мнѣ желаніе, дабы и я пересталъ ѣздить туда для осмотра любопытныхъ мѣстъ и предметовъ, при чемъ онъ сказывалъ мнѣ, что людьми нашими наполненъ Константинополь, что̀ совершенно несправедливо; ибо отпуски въ Константинополь дѣлались съ большою осмотрительностію, и въ городъ ходили только въ большомъ количествѣ флотскіе офицеры и нижніе чины, между коими вообще не существуетъ большаго порядка, и по-видимому обстоятельство сіе сложено ими на насъ, дабы себя очистить.

17-го числа султанъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ лагерь для смотра ученья 2-хъ батальоновъ съ 2-мя орудіями, приготовленными по его желанію. Съ нимъ прибылъ весь дворъ и всѣ главные военно-начальники Турціи. Графъ Орловъ съ дипломатическимъ корпусомъ и всѣми иностранными послами принималъ султана и представлялъ войска; я занималъ второе мѣсто послѣ него въ войскѣ, и онъ въ семъ случаѣ не соблюлъ должнаго уваженія къ трудамъ моимъ и званію, принявъ все на себя, и устранялъ меня отъ всякаго представительства. Не менѣе того султанъ былъ очень привѣтливъ и предупредителенъ ко мнѣ, призывалъ меня, особенно долго благодарилъ меня. Сѣвъ въ лодку, дабы уѣзжать, онъ позвалъ меня и хвалилъ устройство войскъ. Я отвѣчалъ ему стихомъ изъ Гюлистана, Шейха Саади: «Всякая ошибка, если понравится султану, есть добродѣтель». Ему сіе такъ понравилось, что онъ меня заставилъ даже три раза повторить стихъ сей. Но между тѣмъ онъ замѣтилъ, что одно орудіе медленно стрѣляло на ученьи.

20-го. Графъ Орловъ былъ у меня на разводѣ.

21-го. Камень, приготовленный для памятника, былъ поднятъ; но такъ какъ основаніе его нѣсколько косо, то я велѣлъ его опять положить, дабы нѣсколько строгать основаніе сіе, чтобы онъ тверже стоялъ.

Я поручилъ сочинить Болдыреву надпись въ стихахъ, и онъ сочинилъ слѣдующее:

„Гдѣ щитъ Олега пронесла
„Славянъ дружина боевая,
„Тамъ днесь десница Николая
„Знамена дружбы развила.

—

„Залогомъ дружбы Николая,
„На страхъ Махмудовымъ врагамъ,
„Дружина Русскихъ боевая
„Примкнула здѣсь къ его полкамъ.

Первыхъ изъ сихъ стиховъ графъ Орловъ также не захотѣлъ; вторые же мнѣ не нравятся, потому что политическія обстоятельства могутъ перемѣниться, и тогда надпись сія остается неумѣстной; а потому я и рѣшилъ сдѣлать простую въ прозѣ: *Воздвигнутъ Россійскими полками Іюня 25 дня 1833 года* *).

Вчера, 21-го, ввечеру, я былъ на обѣдѣ Англійскаго посла лорда Понсонби, съ коего я возвратился очень поздно. За обѣдомъ были графъ Орловъ, Французскій посолъ, Прусскій и Австрійскій посланники и Бутеневъ.

23-го. Камень былъ совершенно установленъ на бугрѣ. Къ вечеру я созвалъ гостей, адмираловъ со всѣми капитанами судовъ и другими офицерами и графа Орлова съ посланникомъ. Вечеръ начался по обыкновенному зорею, послѣ чего весь бугоръ былъ освѣщенъ поставленнымъ наономъ котломъ съ свѣтящимъ составомъ, который перемѣнялся для поддержанія свѣта до восхожденія луны. Видъ сей былъ очаровательный, тѣмъ болѣе что сего никто не ожидалъ. На бугрѣ было до 400 музыкантовъ, которые попеременно играли; гостей было человѣкъ до 200, ибо всѣ почти офицеры были тутъ же собраны. Въ 10-ть часовъ былъ сожженъ фейерверкъ, послѣ чего графъ Орловъ уѣхалъ, а Бутеневъ съ адмиралами и прочими остался. Мы сошли въ устроенную особо на равнинѣ палатку, гдѣ былъ накрытъ столъ. Послѣ ужина Бутеневъ, адмиралы и офицеры пошли на гору, гдѣ и

*) Гравированный видъ этого памятника помѣщенъ въ книгѣ Н. Н. Муравьева „Русскіе на Босфорѣ". М. 1869. У него была писчая почтовая бумага съ этимъ видомъ. 25 Іюня— день рожденія Государя Николая Павловича. П. Б.

качали ихъ по старинному обряду войскъ; пили здоровья всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ, и во второмъ часу, послѣ всѣхъ дружескихъ объясненій, которыя въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно бываютъ, гостей проводили съ музыкою на суда.

Праздникъ сей былъ веселый и останется памятнымъ для всѣхъ присутствовавшихъ на ономъ. Камень, поставленный на бугрѣ, будетъ долго напоминать о пребываніи здѣсь Русскихъ.

25-го. Всѣ генералы, многіе штабъ и оберъ-офицеры отряда, собрались къ обѣднѣ въ домъ посольства, послѣ чего завтракали у графа Орлова; ввечеру всѣ собрались опять на балъ, при чемъ былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ, во время коего былъ пущенъ въ лагерѣ на горахъ букетъ, состоящій изъ 500 ракетъ, заготовленныхъ мною. Зрѣлище сіе, представлявшее совершенно взрывъ огнедышащей горы, всѣмъ понравилось больше самаго фейерверка, который не совершенно удался.

Султанъ пріѣзжалъ на пароходѣ смотрѣть празднество сіе, но не выходилъ на берегъ. Множество народа, привлеченное словоохотствомъ, покрывало всю набережную Беугъ-дере. На балу были всѣ иностранные послы и многія дамы. Разъѣхались сего числа въ 4 часа утра.

26-го. Мы были на прощальной аудіенціи у султана, при чемъ онъ возложилъ на генераловъ и адмираловъ медали съ изображеніемъ герба Турціи, вензеля его и годовъ по христіанскому и мусульманскому лѣтосчисленіямъ, богато-украшенныя алмазами. По возвращеніи въ лагерь я сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія для посаженія съ другаго дня войскъ на суда.

27-го. Въ 4 часа утра начали сажать войска на суда, и все было кончено въ тотъ же вечеръ къ 8 часамъ, такъ что весь отрядъ въ теченіе 18 часовъ перешелъ съ берега на суда, и я на свой прежній фрегатъ «Штандартъ». Ввечеру я ѣздилъ къ графу Орлову, уѣзжающему, дабы откланяться. Всю ночь я провелъ въ занятіяхъ и въ прощаніи съ Турками, коимъ я сдѣлалъ нѣсколько подарковъ и кои были весьма тронуты моимъ отъѣздомъ. Вчера же поутру назначенъ былъ и сдѣланъ смотръ Турецкому отряду гвардіи, при чемъ я приказалъ имъ прочесть заготовленный мною по сему случаю приказъ, въ коемъ я благодарю ихъ за службу, усердіе и дружелюбіе.

28-го. По утру, съ 9 часовъ, мы снялись съ якоря и поплыли изъ пролива въ Өеодосію, гдѣ мы будемъ содержать карантинъ. Оставался еще въ Беугъ-дере корабль «Чесма», на коемъ началась сія экспедиція занимательная по своему роду и по многимъ происшествіямъ, случившимся въ короткое время. Она имѣла успѣхъ, и для меня весьма лестно званіе, которое я занималъ. Но оно было свыше

чина моего и не могло не возродить зависти въ придворныхъ; а потому и случилось то чтò я предвидѣлъ, что изъ Петербурга прибудетъ лицо, которое захочетъ взять на себя славу сію, когда уже миновала вся опасность.

Іюля 5-го Ѳеодосійскій карантинъ.

1-го Іюля плаваніе продолжалось въ виду южнаго берега Крыма, 2-го числа поутру первыя суда, въ томъ числѣ адмиральское и мое, остановились на якорѣ въ Ѳеодосіевскомъ рейдѣ, и я съѣхалъ на берегъ, дабы осмотрѣть мѣсто, которое было избрано весьма дурно и безъ всякихъ удобствъ для войскъ: грунтъ каменистый, мѣсто неровное, безъ тѣни, безъ всякаго приготовленія для пріема войскъ, и чтó главное, безъ воды. Инспекторъ Штакельберъ, коего я просилъ о принятіи мѣръ по сему предмету, представилъ мнѣ копію съ прошенія, поданнаго однимъ Евреемъ, коимъ онъ предлагаетъ доставлять ежедневно 5,000 ведеръ воды безденежно въ лагерь, прописывая въ прошеніи семъ, какіе онъ убытки чрезъ сіе потерпитъ (исчисленные имъ до 40,000) и много другихъ постороннихъ предметовъ, показывающихъ болѣе плутовскія намѣренія его, чѣмъ желаніе услужить казнѣ, при чемъ и стороннимъ образомъ дознано, что Еврей сей имѣетъ цѣлью выхлопотать себѣ за сіе въ аренду казенное имѣніе, доставляющее большія выгоды. Человѣка сего, состоящаго подъ покровительствомъ губернатора Казначеева (находившагося въ отсутствіи), никто не смѣлъ коснуться; но, видя недостатокъ, который терпѣли высаженные уже на берегъ до 2,000 человѣкъ, я письменно просилъ инспектора о побужденіи его къ доставкѣ воды.

3-го числа воды также не было и, опасаясь подвергнуть войска сему недостатку, я прекратилъ высадку оныхъ, и 4-го поутру послалъ нарочнаго къ графу Воронцову съ донесеніемъ о семъ недостаткѣ. Между тѣмъ, съѣхавъ на берегъ, я измѣрилъ количество воды и сбирался ѣхать за городъ съ рабочими для рытья колодцевъ, какъ прибылъ губернаторъ. Воду къ вечеру доставили; но замѣтно было, что губернаторъ былъ весьма недоволенъ всѣмъ случившимся и тѣми мѣрами, которыя я нашелся вынужденнымъ взять для обезпеченія войскъ; но я предупредилъ его, что въ подобномъ случаѣ я принужденъ буду оцѣпить городъ, дабы не оставить войскъ безъ воды.

Вчера же я переѣхалъ на берегъ и ввечеру просилъ адмирала приступить на другой день, то есть сего числа 5-го Іюля, продолжать высаживаніе войскъ на берегъ.

5-го выгрузка снова началась, и пріѣхалъ губернаторъ и градоначальникъ Ѳеодосіи Казначеевъ, которому непріятно было видѣть недостатокъ, случившійся въ водѣ для войскъ; но я ему далъ почув-

ствовать, что не расположенъ оправдывать распоряженій, имъ сдѣланныхъ по сему предмету и плутовскихъ мѣръ, допущенныхъ имъ въ принятіи прошенія Жида на поставку воды, и отвѣчалъ ему сообразно съ кляузными бумагами его. Воды стали доставлять болѣе, и 6-го числа вся перегрузка войскъ кончилась, за исключеніемъ одного лазарета, чему препятствовала сильная погода.

Въ теченіи 6, 7, 8 и 9 числъ не происходило ничего особеннаго. Хотя въ войска и начали доставлять исправнѣе воду, но часто случались недостатки въ оной; дурное же мѣстоположеніе, сопряженное съ неудобствами всякаго рода, причиною, что число больныхъ стало значительно прибавляться. Вчера вечеромъ собрались въ карантинъ жены чиновниковъ городскихъ. Жена губернатора *) также любопытствовала видѣть насъ и посѣтила карантинъ; ввечеру былъ пущенъ небольшой фейерверкъ, послѣ коего гости всѣ разошлись весьма довольными. 11-го числа эскадра, съ коею уже съ 9-го числа прекращено было всякое сообщеніе, отправилась въ море, гдѣ она должна была провести 42 дня своего обсерваціоннаго карантиннаго срока. Отъ губернатора получено увѣдомленіе, что карантинный срокъ нашъ кончится къ 25 числу сего мѣсяца; но, не полагаясь много на все, что́ губернаторъ обѣщаетъ и говоритъ, я еще не увѣренъ, чтобы сіе сдѣлалось. Поступки его не внушили во мнѣ къ нему ни уваженія, ни довѣренности.

Вчера 15-го, въ то время, какъ я занимался ввечеру съ офицерами стрѣльбою въ цѣль, прибылъ нарочно присланный изъ Одессы съ письмомъ отъ графа Орлова, коимъ онъ увѣдомляетъ о сдѣланномъ мнѣ вновь назначеніи отъ 1-го Іюля генералъ-адъютантомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прислалъ ко мнѣ и полученный имъ для меня изъ Царьграда отъ султана портретъ его, богато осыпанный брилліантами.

Пребываніе наше въ карантинѣ продолжается и, по малой заботливости губернатора, войска терпятъ нужду, будучи расположены въ невыгодномъ мѣстѣ безъ тѣни и почти безъ пріюта, отъ чего и число больныхъ увеличивается. На дняхъ Казначеевъ уѣхалъ въ Симферополь, и я, передъ отъѣздомъ его, видя равнодушіе его къ войскамъ и совершенную неосновательность во всѣхъ дѣйствіяхъ его и рѣчахъ, вынужденъ былъ ему замѣтить, что попеченія о сбереженіи войскъ Государя должны бы болѣе обратить вниманія его. Онъ рас-

*) Урожденная княжна Волконская. Ее-то и обвиняютъ въ безпорядкахъ управленія. Самъ же А. И. Казначеевъ былъ существо высокой непорочности, «бѣлый голубь», какъ называлъ его С. Т. Аксаковъ. См. о томъ въ XXXV-й книгѣ „Архива князя Воронцова" (стр. 483), письмо Воронцова къ Бенкендорфу. П. Б.

пространялся въ оправданіяхъ и извиненіяхъ; но всѣ поступки человѣка сего не знаменуютъ добрыхъ правилъ и опытности, которыя необходимы въ его званіи.

Сего числа ночью получены мною отзывы графа Воронцова на представленія мои о раскомандированіи отряда и чиновниковъ, при штабѣ онаго состоящихъ, на счетъ коихъ я надѣялся отъ него получить разрѣшеніе; но вмѣсто того я увидѣлъ, что онъ обо всемъ томъ представилъ на разрѣшеніе военному министру, и какъ онъ находился въ отпуску, то и представленіе сіе сдѣлано имъ только 19 Іюля, что̀ я могъ самъ сдѣлать прежде и о сю пору уже ожидать отвѣта изъ Петербурга. Обстоятельство сіе задержитъ меня еще довольно долго въ Ѳеодосіи по выдержаніи карантиннаго срока.

29-го. По окончаніи карантиннаго срока, всѣ войска были освобождены отъ онаго, и вчера выступила 2-я бригада на свои квартиры въ Крыму; но я остался еще со штабомъ въ ожиданіи окончательныхъ распоряженій для остальныхъ частей отряда, по коимъ я еще не получилъ распоряженія для раскомандированія оныхъ. Я не занялъ квартиры въ городѣ, а остался въ строеніяхъ карантина, по необязательности губернатора и градоначальника Казначеева, который, предлагая оныя, въ отношеніяхъ своихъ вездѣ упоминалъ о преимуществахъ, которыя даны городу не принимать постоя и объ услужливости жителей, согласившихся по его приглашенію только дать квартиры. Все поведеніе Казначеева, во время пребыванія войскъ нашихъ, показало въ немъ человѣка дурныхъ правилъ и мало опытнаго въ дѣлахъ; онъ мало радѣлъ объ успокоеніи войскъ и даже занимался сплетнями, чѣмъ и заслужилъ весьма невыгодное мнѣніе всѣхъ подвергнувшихся карантиннымъ осторожностямъ, а мнѣ сверхъ того далъ поводъ подозрѣвать его въ безчестности, по тѣснымъ сношеніямъ его съ Евреемъ, предложившимъ себя на поставку воды безъ платы, съ видами, какъ кажется, другаго рода. Неосновательность поступковъ Казначеева, рѣчей его и самыхъ бумагъ лишила его въ мысляхъ моихъ всякой довѣренности съ моей стороны.

30 Іюля выступилъ 51-й егерскій полкъ, 31-го разошлись по квартирамъ около Ѳеодосіи тѣ части отряда и команды, коимъ еще не сдѣлано назначенія; 1 Августа выступилъ 52-й егерскій полкъ, и я остался здѣсь до полученія отвѣта на мои представленія для раскомандированія остальныхъ частей отряда и чиновниковъ штаба.

3-го я поѣхалъ для осмотра Судакской долины, коей красоты превозносятъ всѣ видѣвшіе оную. Выѣхавши изъ Ѳеодосіи, я видѣлъ голую неплодородную равнину Крыма, которая имѣетъ самый печальный и отвратительный видъ. Вскорѣ съѣхалъ я съ горы, отдѣляющей

степь отъ нижняго берега; но тоже безплодіе, таже печальная природа, ни рѣки, ни родника, который бы освѣжалъ мѣсто сіе, покрытое единообразнымъ цвѣтомъ пыли. Послѣ двадцати пяти верстъ, спустился я въ долину Отузъ, которую уже мнѣ превозносили, и въ оной находится небольшая Татарская деревушка и имѣніе здѣшней помѣщицы Бекорюковой. Въ узкой долинѣ сей, имѣющей едва ли 100 саженъ ширины, протекаетъ ничтожный ручей, на берегахъ коего растутъ деревья и посажено нѣсколько виноградныхъ лозъ. Мѣсто сіе можетъ казаться восхитительнымъ только для тѣхъ, кои обречены жить въ пустынѣ. Въ Отузѣ были приготовлены верховыя лошади, я проѣхалъ еще 10 верстъ черезъ такую же голую цѣпь горъ и спустился въ долину Козъ, такую же безводную; ибо изъ фонтана, ее орошающаго, едва течетъ вода толщиной въ гусиное перо, и сихъ фонтановъ видѣлъ я только два; сады, которые въ долинѣ сей разводятся, еще бѣдны и мало даютъ тѣни. Отъ Козъ поѣхалъ я недалеко отъ берега къ Судаку. Рѣдко случалось мнѣ видѣть подобную природу, по бѣдности и совершенному безплодію низменныхъ мѣстъ, какія остаются въ правой рукѣ горъ. Послѣ 12 верстъ открылась мнѣ долина Судака, коей обработанная часть имѣетъ около четырехъ верстъ въ длину и около одной въ ширину. На семъ пространствѣ, орошаемомъ самымъ незначительнымъ ручейкомъ, насажены виноградники, между коими бѣлѣются дома помѣщиковъ, поселившихся въ семъ мѣстѣ. Старинная Генуезская крѣпость, коей развалины видны на скалѣ, прилегающей къ морю, украшаетъ видъ всей долины. Мѣсто сіе довольно красиво и должно удивлять соотечественниковъ моихъ, изшедшихъ изъ равнинъ и холоднаго климата. Но я провелъ большую часть жизни въ горахъ Кавказа и Грузіи, и меня не поразилъ видъ долины сей, уступающей красотою своею многимъ мною видѣннымъ и далеко не имѣющей преимуществъ богатыхъ, обширныхъ и орошенныхъ водою долинъ Грузіи. Я ночевалъ въ домѣ Гаевскаго, директора таможни въ Ѳеодосіи, который съ рѣдкою обязательностью старался доставить мнѣ всѣ удобства для совершенія поѣздки моей. На другой день отправился я обратно большою дорогою черезъ Старый Крымъ.

Я подымался по долинѣ обратно на хребетъ горъ, черезъ который я наканунѣ переѣхалъ; она въ семъ мѣстѣ производитъ травы и деревья, коими покрыты покатости сихъ горъ, составляющія довольно красивый видъ но, какъ я выше сказалъ, не удивительный для того, который много бывалъ въ горахъ. Воды же по всей долинѣ сей совершенный недостатокъ; при малыхъ фонтанахъ, устроенныхъ у родниковъ, видны нѣсколько Татарскихъ селеній.

Старый Крымъ находится у подошвы сѣверной покатости горъ.

Нѣкогда былъ на семъ мѣстѣ обширный городъ, какъ сіе еще и теперь замѣтно по развалинамъ, разсѣяннымъ по окрестностямъ. Нынѣ въ Старомъ Крыму имѣется едвали сто бѣдныхъ дворовъ торгующихъ Армянъ и Грековъ. Станція, куда я прибылъ для перемѣны лошадей послѣ 30 слишкомъ верстъ ѣзды, лежитъ уже на степи Крымской; отъ оной остается 22 версты до Ѳеодосіи, въ которую я скоро пріѣхалъ и возвратился сюда въ 3 часа пополудни. Вся поѣздка сія имѣла пользу развлеченія для меня и ознакомила меня нѣсколько съ восхваленными красотами Крыма, кои меня однако не удивили.

По возвращеніи сюда, я получилъ повелѣніе военнаго министра, коимъ онъ увѣдомляетъ меня о данномъ Государемъ разрѣшеніи носить медали, установленныя Турецкимъ султаномъ въ память пребыванія отряда нашего въ Турціи. Въ поѣздку сію я бралъ съ собою капитана Вульферта, человѣка заслуживающаго вниманія и уваженія по строгимъ правиламъ нравственности своей и образованію; я имѣлъ пріятнаго спутника и случай познать достоинства его еще короче.

6-го числа часть войска, бывшая въ Турціи и расположенная здѣсь на квартирахъ, получила и надѣла Турецкія медали; по сему случаю сдѣланъ былъ мною церковный парадъ. Вечеръ я провелъ у губернаторши, которая предупредительностію старается доставить намъ здѣсь всѣ возможныя удовольствія. Такимъ образомъ 2 числа сего мѣсяца, по случаю рожденія сына ея, пригласила она всѣхъ офицеровъ на балъ, которой она намъ давала; я присоединилъ къ сему остатки фейерверковъ, сдѣланныхъ изъ Турецкаго пороха, и вечеръ провели тогда очень пріятно.

Третьяго дня я получилъ письмо отъ графа Воронцова, который приглашаетъ меня навѣстить Южный берегъ Крыма, что̀ я и располагаю сдѣлать по полученіи разрѣшеній, испрашиваемыхъ мною на счетъ остальныхъ частей отряда, не имѣющихъ еще назначенія.

9-го числа я поѣхалъ въ Керчь, дабы видѣть древности, открываемыя тамъ въ древнихъ гробницахъ Скиѳовъ и Грековъ и того же числа, прибывъ туда, остановился у градоначальника князя Херхеулидзе. Въ тотъ же день былъ я въ музеумѣ весьма занимательномъ по древностямъ въ немъ собраннымъ какъ на мѣстахъ, гдѣ былъ Греческій городъ Пантикапея, такъ и по тѣмъ вещамъ, которыя открыты въ древнихъ могилахъ Скиѳовъ, изъ коихъ однако лучшія отправлены въ Петербургъ. Я осмотрѣлъ въ тотъ же день весь городъ, который не великъ, но красивъ и по случаю, что нынѣ заперто Азовское море для приходящихъ судовъ, и что для предохраненія Южной Россіи отъ чумной заразы перенесутся съ онаго карантины и таможенныя линіи въ Керчь, возрастаетъ примѣтнымъ образомъ: ибо Таганрогскіе купцы

должны будутъ перенестись въ Керчь, торговля же въ Таганрогѣ будетъ уже производиться на особыхъ лодкахъ, которыя для сего будутъ и удобнѣе по причинѣ мелководья устья рѣки Дона. Окрестности города Керчи гораздо красивѣе окрестностей Өеодосіи, и хотя нигдѣ нѣтъ лѣса, но степи, окружающія городъ, производятъ траву, и окрестности сіи усѣяны сопками или буграми, заключающими древнія гробницы; видъ ихъ напоминаетъ самыя отдаленныя времена и занимаетъ воображеніе воспоминаніемъ о прошедшемъ. Въ городѣ я заходилъ смотрѣть древнюю Греческую церковь, которую варвары выштукатурили и выбѣлили, также и снутри, что̀ лишаетъ ее всей красоты ея. Я входилъ на гору, прилежащую къ городу; на покатости оной была древняя Пантикапея; на вершинѣ ея остались знаки какого-то памятника, по коему называютъ гору сію (безъ извѣстной, впрочемъ, на то причины) престоломъ Митридата. Я тотъ же день съѣздилъ и къ недавно открытымъ гробницамъ и входилъ въ оныя. Описанія оныхъ, какъ равно и рисунки найденныхъ въ нихъ вещей, изданы въ подробности, а потому и не стану ихъ здѣсь описывать; работы же для открытія вновь древностей въ могилахъ сихъ продолжаются, и казна на сіе отпускаетъ ежегодно 2000 рублей.

10-го числа я поѣхалъ въ Эникальскую крѣпость, гдѣ нашелъ комендантомъ стараго знакомаго по Грузіи, бригаднаго генерала Бергмана; крѣпость сія приводится нынѣ въ исправность и содержится довольно хорошо. На пути семъ я осмотрѣлъ и карантинъ, который устроенъ весьма хорошо, просторно и чисто содержанъ.

На Керченскомъ рейдѣ было до 30 судовъ купеческихъ; ихъ бываетъ болѣе ста въ иное время. Жизнь въ городѣ семъ должна быть пріятна, а мѣсто градоначальника еще болѣе, по обширнымъ правамъ, которыя онъ имѣетъ; но я полагаю, что сія неограниченность правъ градоначальниковъ служитъ менѣе къ пользѣ казны, какъ самихъ иностранцевъ, привлеченныхъ въ наши Крымскіе приморскіе города, и преимущества сіи, суммы изъ государственной казны отпускаемыя, безъ сомнѣнія, служатъ къ выгодамъ ихъ на счетъ нашихъ соотечественниковъ, а безотвѣтственность—къ злоупотребленіямъ градоначальниковъ, если они къ онымъ склонны.

11-го числа я возвратился въ Өеодосію, гдѣ нашелъ ожидаемыя мною разрѣшенія для раскомандированія отряда за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей. Между прочимъ я получилъ письмо отъ графа Орлова, коимъ онъ увѣдомляетъ о хорошемъ пріемѣ, который мнѣ сдѣлаетъ Государь. Трудно усумниться, чтобы онъ не повредилъ мнѣ нѣсколько, представя Египетское дѣло не въ своемъ видѣ: онъ не былъ равнодушенъ къ успѣхамъ моимъ въ сношеніяхъ съ Махметъ-Али

пашею, не былъ равнодушенъ и къ вліянію, которое я пріобрѣлъ въ Турціи въ народѣ и при дворѣ. Онъ поспѣшилъ въ Царьградъ, дабы довершить кончающееся уже дѣло, и прибылъ послѣ конца онаго, но не менѣе того хотѣлъ себѣ дать видъ довершителя; но и въ званіи главнокомандующаго ничего не дѣлалъ, потому что онъ не умѣлъ ничего сдѣлать, не занимаясь никогда службою и дѣлами.

Нынѣ утѣшаетъ онъ меня надеждою на хорошій пріемъ въ Петербургѣ, когда я не могу ожидать другаго и когда Государь мнѣ безъ сомнѣнія отдастъ справедливость, узнавши о всемъ подробно. Таковые поступки не знаменуютъ въ немъ того великодушія, которое я полагалъ и той прямоты правилъ, которую въ немъ полагаютъ. Я нахожу даже, что поступки его довольно необдуманы, ибо они не могутъ скрыться ни отъ кого, и всеобщая молва вѣрно не будетъ въ его пользу, а молчаніе съ моей стороны нисколько не оправдаетъ его въ общемъ мнѣніи. Къ тому же въ письмѣ своемъ графъ Орловъ, прося продолженія дружбы моей, изъявляетъ желаніе свое, дабы и впредъ вмѣстѣ служить. Я предвидѣлъ, что онъ пожелаетъ имѣть меня въ званіи начальника штаба, если получитъ какое либо важное назначеніе; но я весьма далекъ отъ того, чтобы согласиться на званіе, въ коемъ я буду трудиться, а онъ пользу получать, и я безъ сомнѣнія буду всегда уклоняться отъ подобной должности. Я нахожу графа Орлова весьма мало прозорливымъ, если онъ могъ полагать, что я когда либо прельщусь такими предложеніями. Неизбѣжны козни съ поступленіемъ моимъ въ сіе новое званіе. Премудрость состоитъ въ томъ, чтобы отдалиться отъ онаго и отъ пребыванія въ столицѣ, гдѣ я еще болѣе буду пользоваться преимуществами моего новаго званія генералъ-адъютанта.

Вчера же получилъ я письмо отъ Бутенева изъ Царьграда, коимъ онъ увѣдомляетъ меня, что уже высѣчена на камнѣ моемъ надпись, которую султанъ приказалъ сдѣлать, и что султанъ и всѣ чиновники его часто вспоминаютъ обо мнѣ. Дервишъ мой неутѣшенъ о моемъ отъѣздѣ. Иностранцы завидуютъ вліянію, нами въ Царьградѣ пріобрѣтенному.

13-го возвратился губернаторъ Казначеевъ изъ Симферополя, гдѣ онъ столь долгое время пробылъ, вѣроятно дабы избѣжать присутствія нашего, которое не могло ему быть пріятно послѣ всѣхъ поводовъ, данныхъ ему къ неудовольствію за неправильныя мѣры имъ предпринятыя для принятія и снабженія войскъ. Онъ, казалось, обхожденіемъ своимъ старался изгладить изъ памяти моей поступки свои. Ввечеру всѣ офицеры штаба были приглашены къ нему на музыкальный вечеръ, на коемъ игралъ на скрипкѣ извѣстный музыкантъ Герке, пріѣхавшій сюда съ дочерью для пользованія морскими ваннами.

15-го числа, я получилъ отъ графа Воронцова назначеніе для отправленія казачьей команды, и остаюсь здѣсь до полученія еще нѣкоторыхъ разрѣшеній, послѣ коихъ отправлюсь къ своему мѣсту въ Петербургъ. Третьяго дня я ѣздилъ въ Нѣмецкую колонію, находящуюся въ пяти верстахъ отсюда и состоящую только изъ 3-хъ дворовъ; мѣстоположеніе, гдѣ оная находится, довольно красиво и можетъ назваться лучшимъ въ окрестностяхъ Ѳеодосіи.

19-го числа навѣстилъ меня, обратнымъ проѣздомъ съ Кавказскихъ водъ, бывшій сослуживецъ мой въ 1812 году, нынѣ тайный совѣтникъ Перовскій, управляющій Департаментомъ Удѣловъ. Спѣша прибыть на Южный берегъ Крыма, онъ у меня остался не болѣе получаса времени.

21-го навѣстилъ меня прибывшій сюда проѣздомъ съ Кавказа помѣщикъ Сабуровъ, давнишній знакомый отца моего. Разговоръ его пріятный, человѣкъ съ образованіемъ, здоровымъ разсудкомъ и путешествующій съ наблюдательностію. Онъ мнѣ изобразилъ довольно бѣдственное состояніе, въ коемъ нынѣ находится Кавказская линія, и описанія его, основанныя на умѣренности, знаніи дѣла и истинныхъ доводахъ, заслуживаютъ всякаго вниманія.

Я не получилъ еще разрѣшенія ожидаемаго мною для отправленія остальныхъ войскъ, одной только инвалидной роты. Кажется, что забыли о необходимости снабдить меня распоряженіемъ для направленія оной, а также для отправленія оставшихся здѣсь тяжестей; но всего болѣе удивляетъ меня то, что третьяго дня ночью получилъ я съ нарочнымъ отношеніе графа Воронцова, который проситъ меня доставить ему свѣдѣнія объ оставшихся здѣсь тяжестяхъ, какъ будто бы онъ не получилъ всѣхъ донесеній моихъ по сему предмету. Я заключаю по сему, что у него мало занимались дѣломъ симъ, или что онъ не получилъ донесеній моихъ, въ коихъ свѣдѣнія сіи всѣ подробно изложены; но, дабы не остаться здѣсь, я принимаю всѣ мѣры, дабы отдѣлаться отъ заботъ мнѣ не принадлежащихъ и могущихъ еще долгое время задержать меня здѣсь, по недостатку мѣръ, принятыхъ мѣстнымъ начальствомъ, и не замедлю выѣздомъ своимъ отсюда, дабы и долгое пребываніе мое здѣсь не было отнесено къ нежеланію моему пріѣхать въ Петербургъ. Въ теченіе сихъ дней ничего не происходило замѣчательнаго, я продолжалъ занятія свои для скорѣйшаго выѣзда отсюда, который назначилъ къ 2-му числу Сентября мѣсяца. 27-го числа отправился отсюда въ Кіевъ адъютантъ мой Абрамовичъ съ моимъ обозомъ.

1-го я собрался было уже совсѣмъ выѣхать отсюда, располагая проѣхать на Южный берегъ Крыма, дабы видѣться съ графомъ Во-

ронцовымъ, но передъ самымъ отъѣздомъ моимъ получилъ съ нарочнымъ письмо отъ графа, коимъ онъ увѣдомляетъ меня о немедленномъ своемъ выѣздѣ изъ Алупки и скоромъ прибытіи на пароходѣ въ Ѳеодосію, откуда онъ поѣдетъ въ Керчь и Таганрогъ, предлагая мнѣ дожидаться въ Крыму до возвращенія его. Я не могъ согласиться на сіе предложеніе его, но рѣшился дожидаться его прибытія въ Ѳеодосіи, дабы съ нимъ видѣться; ибо всѣ мои занятія уже кончены, и дальнѣйшее пребываніе мое здѣсь могло бы быть для меня предосудительно, а неблаговолящіе ко мнѣ въ Петербургѣ не приминули бы объяснить сіе нежеланіемъ явиться къ новому моему назначенію. Такъ какъ уже всѣ вещи мои были уложены и даже лошади запряжены для выѣзда, то я выѣхалъ изъ карантина и остановился на квартирѣ, предложенной мнѣ директоромъ здѣшней таможни Павломъ Васильевымъ Гаевскимъ.

3-го. Пріѣхалъ сюда на пароходѣ графъ Воронцовъ. Я явился къ нему и былъ принятъ съ ласкою ему обыкновенною. Графъ всячески старался меня уговорить, дабы я навѣстилъ Южный берегъ Крыма; но, спѣша прибыть въ Петербургъ, я не могъ согласиться на сіе, ибо въ пути семъ я буду задержанъ приглашеніями графини и другихъ, коихъ я долженъ буду посѣтить, и мнѣ нельзя будетъ пробыть менѣе 10 дней, а сія проволочка значительно задержитъ мое прибытіе въ Петербургъ. А потому, не взирая на всѣ приглашенія графа, я отказался отъ сего. Мы обѣдали всѣ вмѣстѣ у Гаевскаго; вечеръ же графъ провелъ у меня, и я ему читалъ по желанію его описаніе сношеній моихъ съ пашею Египетскимъ, которое его очень заняло. По образу мыслей его, я могъ видѣть, что дѣло сіе разумѣетъ онъ въ настоящемъ его видѣ, а не въ томъ, въ какомъ хотятъ его представить завистники мои, что̀ ему повидимому было сообщено кѣмъ либо изъ недоброжелателей моихъ.

5-го числа я выѣхалъ изъ Ѳеодосіи и заѣхалъ по дорогѣ къ Бекорюковой, приглашавшей меня видѣть церковь ея и дачу; первая довольно хорошо убрана внутри, домъ же и садъ никуда не годятся. Въ тотъ же день пріѣхалъ я въ Карасубазаръ, проѣхавъ 15 верстъ отъ Ѳеодосіи; мѣстоположеніе становится гораздо красивѣе, и чѣмъ далѣе, тѣмъ пріятнѣе для глазъ. Горы Южнаго берега подходятъ близъ дороги, покрыты лѣсомъ и оживляютъ картину единообразной степи. По причинѣ дурнаго состоянія станцій, я пріѣхалъ въ Карасубазаръ поздно и остановился у двоюроднаго брата Мордвинова, котораго засталъ трудно больнымъ. Въ тотъ же вечеръ, былъ я на балу въ домѣ Делезара, коего жена, сестра Н. А. Ахвердовой, была въ тотъ день имянинницею.

6-го, послѣ развода, я отправился далѣе и пріѣхалъ послѣ полдня въ Симферополь, гдѣ не засталъ болѣе генерала Отрощенко, дожидавшагося меня и уѣхавшаго за нѣсколько часовъ до прибытія моего въ Одессу по дѣламъ службы. Я остановился у него въ домѣ. Я не имѣлъ намѣренія ѣхать на Южный берегъ Крыма; но, опасаясь понести въ Россіи упреки за непосѣщеніе мѣста нынѣ столь восхваленнаго, я рѣшился съѣздить на оный, а потому 7 числа отправился въ путь съ адъютантомъ моимъ Харнскимъ въ каретѣ на Алушту. Долина, по коей я ѣхалъ, весьма красива, и дорога чрезъ горы проведена искусно. Алушта не представляетъ ничего особеннаго. Тутъ я отправилъ карету обратно, а самъ поѣхалъ верхомъ, ибо дорога проселочная еще не продѣлана. Затрудненія, которыя встрѣчаются въ собираніи обывательскихъ лошадей въ Татарскихъ деревняхъ, пригонкѣ вьюка, наконецъ дурное состояніе лошадей сихъ, содѣлываютъ путь сей весьма непріятнымъ; но съ другой стороны красота мѣстоположенія завлекаетъ путешествующаго: съ лѣвой стороны море, съ правой горы покрытыя лѣсомъ, въ долинахъ помѣщичьи дома, виноградные сады, фонтаны, деревни расположенныя на покатостяхъ горъ, доставляютъ много пріятности для зрѣнія. Имѣніе генерала Бороздина открывается съ разительною красотою. Я пріѣхалъ въ туже ночь въ Юрсуфъ, прелестное имѣніе графа Воронцова, гдѣ и переночевалъ. 8-го я продолжалъ далѣе путь свой черезъ Ялту и пріѣхалъ въ Алупку, гдѣ находилась графиня. По желанію графа, она занялась показываніемъ мнѣ сада своего, устроеннаго на разрушившейся скалѣ; но женщина сія, не занимательная ни по уму своему, ни по обхожденію, которое болѣе свѣтское, не могла привлечь меня своимъ разговоромъ. Я обѣдалъ у нея вмѣстѣ съ княгиней Голицыною, сестрою княгини Мещерской. Княгиня Голицына, довольно извѣстная и замѣчательная женщина по странностямъ и мужеподобію своему, пріятна по уму и образованію своему; имѣніе ея находится въ 5 верстахъ, не доѣзжая Алупки, и я прежде навѣстилъ ее, дабы познакомиться. Вечеръ, на коемъ присутствовала и Казначеева, проведенъ довольно скучно и, простившись, я располагалъ на другой день рано выѣхать, но мнѣ не удалось сдѣлать сего, ибо не нашли скоро лошадей.

Я выѣхалъ изъ Алупки 9-го числа въ 10 часовъ и поднялся на вершину горъ, отдѣляющихъ Южный берегъ отъ равнины Крыма. Мѣстоположеніе и видъ были вездѣ прелестные, и я нашелъ, что красота оныхъ не уступаетъ Грузинскимъ видамъ; но я бы не избралъ мѣста сего для жительства, ибо присутствіе графа Воронцова съ огромною свитою содѣлало оное столицею, и мѣсто сіе, если уже не

потеряло прелестей уединенія, то скоро лишится оныхъ. При томъ же можно предвидѣть, что со смертью или перемѣною графа Воронцова, покровительствующаго всѣмъ поселившимся на Южномъ берегу, изчезнутъ и многія выгоды, привлекающія теперь винодѣлателей. Казна вмѣшается въ распоряженія, что̀ неминуемо должно быть, дабы край сей приносилъ существенную пользу Россіи, коей онъ теперь можетъ быть еще ущербы доставляетъ, и тогда прелести деревенской жизни въ кругу образованныхъ людей минуютъ. Обращеніе же въ домѣ графа Воронцова мнѣ совсѣмъ не понравилось: посѣтители, иностранцы, коими онъ наполненъ, и безпорядокъ не могутъ привлечь человѣка любящаго спокойствіе души и сельскія наслажденія.

9-го. Я пріѣхалъ въ селеніе Кинеизъ, лежащее у сѣверной подошвы горъ, гдѣ Татарскій мурза Булгаковъ, у коего я остановился, снабдилъ меня какою-то старою полуразрушенною бричкою и четырьмя плохими крестьянскими лошадьми, на коихъ я тащился до 10 часовъ вечера въ Бахчисарай, гдѣ меня принялъ смотритель ханскаго дворца Булатовъ, коего я зналъ въ 1816 году на линіи. Человѣкъ сей, образованный и умный, претерпѣлъ много несчастій въ своей жизни; онъ былъ разжалованъ въ 1801 году въ солдаты за дерзость противъ начальства и былъ въ крайней бѣдности, когда я его видѣлъ въ Екатериноградѣ солянымъ приставомъ. Нынѣ онъ поправился; образованіе его и умъ помрачаются строптивымъ и жестокимъ обхожденіемъ его въ семействѣ.

Сегодня, 10-го, я обошелъ ханскій дворецъ, который сохраняется и поддерживается на счетъ казны. Видѣвшему другіе дворцы хановъ и государей восточныхъ онъ не внушаетъ никакого вниманія. Комнаты дурно и косо выстроены, живопись самая простая и грубая. Оттуда я поѣхалъ въ Чуфутъ-кале, жилище Еврейскаго племени Караимовъ, любопытное какъ по положенію своему на мѣстѣ, такъ и по самымъ жителямъ, составляющимъ особенное общество, гнушающееся Жидами и отличающееся по своей честности и порядливости въ жизни. Раббинъ, который принималъ меня, водилъ меня въ синагогу, гдѣ прочиталъ молитву заздравную, и показалъ мнѣ написанныя на пергаментѣ пять книгъ Моисея. Онъ не могъ мнѣ объяснить происхожденія своего племени и говорилъ, что свѣдѣнія о семъ въ давнемъ времени утратились, но онъ гнушался, какъ видно было, Жидами. Скала, на коей построенъ городъ сей, имѣетъ много пещеръ, которыя онъ приписываетъ временамъ Генуэзцовъ. На обратномъ пути я навѣстилъ изсѣченный также въ горѣ монастырь явленнаго образа Успенія Божіей Матери, въ коемъ находятся двѣ монахини Гречанки.

11-го я выѣхалъ изъ Симферополя около полдня, и 15-го къ вечеру прибылъ въ Кіевъ. Я съ особеннымъ удовольствіемъ увидѣлъ городъ сей, который во многихъ отношеніяхъ мнѣ нравится. Я полагалъ здѣсь встрѣтить Государя, коего ожидали на обратномъ пути изъ-за границы; но въ самый день пріѣзда моего получено извѣстіе, что Государь, не заѣзжая въ Кіевъ, прямо возвратится въ Петербургъ. Дорогою я останавливался ночевать въ Елисаветградѣ, гдѣ видѣлся съ княземъ Хилковымъ, командиромъ поселеннаго корпуса. Въ Кіевѣ былъ я встрѣченъ радостно Красовскимъ, который показываетъ мнѣ много дружбы.

Я выѣхалъ изъ Кіева 19-го числа послѣ полдня и сегодня вечеромъ прибылъ въ Могилевъ. Все время пребыванія моего въ Кіевѣ я провелъ въ суетѣ визитовъ, отъ коихъ едва могъ отдѣлаться; множество новыхъ знакомыхъ, множество старыхъ, навѣщали меня, влекомые душевнымъ расположеніемъ или любопытствомъ и, какъ большая часть людей проводитъ время въ праздности, то они и не соображали, что частыя и продолжительныя посѣщенія ихъ крайне меня безпокоили, ибо я имѣлъ нѣсколько занятій въ Кіевѣ. Я едва успѣлъ провести нѣсколько часовъ наединѣ дома. Портретъ султана былъ общій предметъ любопытства; ко мнѣ ѣздили во множествѣ смотрѣть его, но и сего мало было: я долженъ былъ посылать его по городу съ адъютантомъ своимъ. Всего болѣе обременяли меня продолжительные и глупые вопросы о Туркахъ и султанѣ посѣтителей, которые меня безпощадно пилили; но изъ всего видѣннаго и слышаннаго мною можно было заключить, что общее мнѣніе отдавало мнѣ справедливость, и замѣчаніе сіе было мнѣ очень пріятно.

Мнѣ въ особенности пріятенъ былъ тостъ, питый за меня, какъ примирителя нашего съ Турками, фельдмаршаломъ [1]) за обѣдомъ. Съ другой стороны я имѣлъ случай видѣть зависть, производимую въ Левашовѣ [2]) производствомъ графа Орлова, обошедшаго его. Онъ не успѣлъ даже скрыть оную, и онъ и жена его старались меня вовлечь въ осужденія на счетъ Орлова, подстрекая мое самолюбіе; но я былъ слишкомъ остороженъ, не далъ имъ повода восторжествовать и уклонялся отъ ихъ обольстительныхъ разговоровъ, не давъ имъ даже понятія о личныхъ сношеніяхъ моихъ съ графомъ Орловымъ. Красовскій былъ всѣхъ дружественнѣе ко мнѣ и въ поступкахъ своихъ показалъ болѣе основательности и прямодушія. Въ Кіевѣ я оставилъ своихъ адъютантовъ, коихъ я болѣе не въ правѣ имѣть. Абрамовичу я поручилъ все мое имущество, остающееся въ Кіевѣ; онъ съ онымъ

---

[1]) Княземъ Сакеномъ.—[2]) Графъ Левашовъ былъ тогда въ Кіевѣ геаералъ-губернаторомъ.

отправляется въ деревню, гдѣ женится и выйдетъ въ отставку; Харнскаго я отпущаю въ полкъ принца Альберта кирасирскій, гдѣ онъ пожелалъ служить. Они проводили меня за Днѣпръ, гдѣ разстались со мною въ слезахъ. Я съ удовольствіемъ прочелъ высочайшіе приказы о наградахъ, къ коимъ я представлялъ сослуживцевъ своихъ въ Турціи.

26-го къ вечеру я пріѣхалъ въ Царское Село, гдѣ находился Государь. Располагая тамъ переночевать, я заѣхалъ къ полковнику Ахвердову, который, служа въ образцовомъ пѣхотномъ полку, тамъ квартируетъ, но не засталъ его: онъ въ тотъ же день уѣхалъ въ Петербургъ, куда и я, болѣе не останавливаясь, отправился и прибылъ ввечеру, но видѣлъ еще въ тотъ же день дочь свою.

27-го я съѣздилъ къ графу Орлову, который совѣтовалъ мнѣ написать письмо къ военному министру, уѣхавшему въ Царское Село, дабы испросить у него приказанія, когда представиться Государю, что́ я, возвратившись домой, и сдѣлалъ. Пріемъ графа Орлова былъ довольно страненъ. Онъ встрѣтилъ меня очень дружелюбно, но какъ будто не смѣлъ мнѣ прямо въ глаза смотрѣть; казалось, что его безпокоило что-то сдѣланное противъ меня. Я поздравилъ его съ производствомъ. Онъ спросилъ меня, что́ Левашовъ о семъ говоритъ, ибо онъ зналъ, что Левашовъ обидѣлся симъ. Я сказалъ, что я ничего не слыхалъ. Да какое дѣло! отвѣчалъ Орловъ: его въ графы удостоили, чего же болѣе, вольно ему обижаться! Государь нашелъ нужнымъ меня произвести, pour relever toute cette expédition aux yeux de l'Europe *). Орловъ говорилъ сіе съ какою-то совѣстливостью относительно ко мнѣ.—Безъ сомнѣнія, какое дѣло, отвѣчалъ я, если и есть недовольные; я думаю, что и мнѣ еще не могутъ простить многіе моего быстраго производства въ генералъ-лейтенанты. Что же касается до большей части и до всѣхъ подчиненныхъ вашихъ, то вы можете быть увѣрены, что они всѣ были обрадованы вашимъ производствомъ.—Вѣрю сему, сказалъ Орловъ, ибо я честный человѣкъ и не принадлежу ни къ какой партіи. Есть партія Меньшикова, есть партія Бенкендорфа, и я бы могъ имѣть свою партію; но я иду прямою дорогою, движимый усердіемъ къ своимъ обязанностямъ. Онъ былъ смущенъ пріѣздомъ моимъ и обхожденіемъ. Онъ собирался ѣхать въ Царское Село, и я его долѣе не задерживалъ. Я съѣздилъ къ Клейнмихелю и Нейдгарду, но не засталъ ни того, ни другаго дома. Вечеръ я провелъ у Прасковьи Николаевны Ахвердовой, гдѣ былъ принятъ съ тою искреннею дружбою, которую она мнѣ всегда оказывала. Теперь же жду приказанія ѣхать въ Царское Село.

---

*) Чтобы поднять всю эту экспедицію въ глазахъ Европы.

30 Сентября, по увѣдомленію военнаго министра, я поѣхалъ въ Царское Село, гдѣ и остановился на квартирѣ у Ахвердова.

1 Октября къ 10 часамъ утра я поѣхалъ являться Государю. Военный министръ, выходя отъ Е. В., сказалъ мнѣ, что Государь желаетъ меня видѣть въ 2 часа, но что мнѣ слѣдуетъ до того быть у обѣдни и у развода. Я воспользовался тѣмъ временемъ, дабы побывать у князя Волконскаго и другихъ лицъ, былъ у обѣдни и у развода и когда Государь поѣхалъ на смотръ, я зашелъ къ Великому Князю Наслѣднику, который сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросъ на счетъ моего пребыванія въ Турціи и ружья, посланнаго имъ въ подарокъ султанскому сыну, говоря, что и другой сынъ его требуетъ таковаго же.

Въ третьемъ часу Государь возвратился со смотра и принялъ меня въ своемъ кабинетѣ. Онъ обнялъ меня и благодарилъ особенно за экспедицію въ Египетъ и особенно за экспедицію въ Турцію, разспрашивалъ нѣсколько подробностей о пребываніи нашемъ въ Константинополѣ и войскахъ нашихъ, о духѣ и состояніи оныхъ. Я отвѣчалъ, что войска 26-й дивизіи еще молоды и слабы и что хотя они одушевлены пылкимъ желаніемъ къ службѣ и дѣйствію, но что люди еще слабы и неспособны были бы къ перенесенію большихъ трудовъ; касательно же Польскаго духа между офицерами объяснилъ ему, что ничего подобнаго не было, но разсказалъ ему также о подброшенномъ ко мнѣ письмѣ однимъ портнымъ-Полякомъ, когда мы уже отплывали, на имя одного штабсъ-капитана Лишинскаго, въ коемъ онъ просилъ уплаты денегъ за сшитый сюртукъ и увѣдомлялъ о скоромъ прибытіи въ лагерь нашъ какихъ-то Польскихъ вельможъ, которые будутъ отыскивать людей, преданныхъ своему отечеству. По изслѣдованіи въ карантинѣ письмà сего оказалось, что портной сей, испортивши сюртукъ офицеру, не получилъ за оный денегъ и написалъ письмо сіе, ко мнѣ подброшенное, изъ злобы, дабы навести подозрѣніе на офицера. Я говорилъ также Государю, что въ инвалидной ротѣ моей находилось 40 человѣкъ природныхъ Поляковъ, служившихъ въ рядахъ мятежниковъ, но что люди сіи вели себя примѣрно во все время. «Эти отзывы я ото всѣхъ слышу, говорилъ Государь; ихъ нѣсколько тысячъ въ Балтійскомъ флотѣ, и ими не могутъ нахвалиться начальники ихъ, такъ что я даже боюсь, чтобы къ нимъ не было особеннаго пристрастія». Въ разговорахъ о дѣлахъ я изложилъ Государю вкратцѣ поступки мои въ Египтѣ и объяснилъ, какъ войскà мятежнаго паши были остановлены вліяніемъ словъ Е. В. на Махметъ-Али, чѣмъ и былъ спасенъ Константинополь. Государь сказалъ мнѣ, что онъ видѣлся въ послѣднюю поѣздку свою въ Германію съ Австрійскимъ подполковникомъ Прокешомъ, ѣздившимъ въ Александрію и, по словамъ его и по

всему что̀ онъ видѣлъ, увѣрился, что я умѣлъ говорить съ пашею Египетскимъ и велъ себя точно такъ, какъ онъ желалъ. Прокеша называлъ Государь словоохотливымъ.

Государь говорилъ, что Австрія совершенно дѣйствовала въ его видахъ и что онъ весьма доволенъ поступками двора сего; о Пруссіи онъ ничего не говорилъ, и въ самомъ дѣлѣ посланникъ державы сей въ Константинополѣ, дѣйствуя ли по внушенію жены своей Француженки, или по наставленіямъ министра своего, не показывалъ къ намъ расположенія. Государь продолжалъ: «Странно, что общее мнѣніе приписываетъ мнѣ желаніе завладѣть Константинополемъ и Турецкою имперіей. Я могъ сіе два раза уже сдѣлать, послѣ перехода чрезъ Балканъ и нынѣ; но я весьма далекъ отъ сего. Мнѣніе сіе осталось еще со временъ императрицы Екатерины и такъ сильно водворилось въ умахъ, что самые умные политики въ Европѣ не могутъ въономъ разувѣриться. Какая мнѣ выгода завоевать Турцію, держать тамъ войска? Да допустила ли бы меня и Австрія къ сему? Какія отъ того бы могли быть выгоды для нашей матушки-то Россіи, т. е. для губерній Ярославской, Московской, Владимирской и проч.? Мнѣ и Польши довольно. Но мнѣнія сіи такъ вкоренились, что трудно въ семъ и разувѣрить. Мнѣ выгодно держать Турцію въ томъ слабомъ состояніи, въ коемъ она нынѣ находится; сіе и должно поддержать, и вотъ настоящія сношенія, въ коихъ я долженъ пребыть съ султаномъ». Я отвѣчалъ, что безъ сомнѣнія Турція окажетъ Е. В. болѣе пользы, защищая Дарданеллы, но что она не въ состояніи исполнить обязательствъ своихъ въ семъ отношеніи по слабости своей.—«А я готовъ буду поддержать оное войсками», прервалъ Государь.

Долго Его Величество разспрашивалъ меня подробно о всѣхъ сановникахъ Турецкаго двора, о сераскирѣ, Тагиръ-пашѣ, Ахметъ-пашѣ и прочихъ. Я отвѣчалъ о нихъ что̀ зналъ. «Я ото всѣхъ тоже самое слышу, продолжалъ Государь, и по всему кажется, что только одинъ сераскиръ и есть способный; но можно ли на него расположиться?»—Онъ слишкомъ старъ, отвѣчалъ я, чтобы предпринять что-либо противъ своего добраго имени, а человѣка сего можно всегда привязать, льстя его самолюбію. Тагиръ-пашу я изобразилъ какъ человѣка способнаго, но безнравственнаго и корыстолюбиваго; Ахметъ-пашу, какъ близкаго къ султану, но съ ограниченными дарованіями.

Всѣ вопросы и сужденія Государя были исполнены основательности и благоразумія; обхожденія его со мною были ласковы и очень милостивы. Онъ наконецъ спросилъ меня, доволенъ ли я, что онъ меня причисляетъ въ число своихъ, назначивъ меня адъютантомъ своимъ. Я благодарилъ его за милость его. При семъ случаѣ я ска-

залъ Государю, что по порученію, данному мнѣ передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга дознать, согласенъ ли будетъ султанъ принять христіанскую вѣру, я старался извѣдать о семъ сколько могъ, не выставляя мысли сей, но что я ничего не могъ узнать основательнаго, исключая того, чтó мнѣ говорилъ Рёльи объ общемъ мнѣніи, которое было распространено въ разбитомъ послѣ Гомскаго сраженія Турецкомъ войскѣ, что султанъ уйдетъ къ невѣрнымъ и, принявъ вѣру христіанскую, возвратится въ Царьградъ съ Россійскою арміею. Мнѣніе сіе, продолжалъ я, показываетъ, что мысль сія хотя и была всѣмъ противна, но не чужда, а вѣроятно основана на какихъ-нибудь сужденіяхъ или разговорахъ о семъ предметѣ. «Я говорилъ о семъ и съ Орловымъ, сказалъ Государь, но онъ мнѣ сказывалъ, что о семъ нельзя и мыслить теперь, что сіе могло бы разрушить всю связь нашу съ султаномъ и, хотя обязанность каждаго изъ насъ стараться просвѣтить христіанствомъ страну сію, но должно на время отложить мысль сію». О Рёльи Государь сказалъ мнѣ, что онъ принятъ въ службу. Симъ кончилось, и я вышелъ отъ Государя; но военный министръ, съ коимъ я видѣлся поутру, говорилъ мнѣ, что Государь имѣетъ видъ на меня назначить меня на какое-либо весьма важное мѣсто. Я однакоже ничего не узналъ о семъ обстоятельнаго и до времени долженъ буду жить въ Петербургѣ, истрачиваясь и занимая должность безъ занятій, съ одними суетами и хлопотами, совершенно не по моимъ склонностямъ и желаніямъ.

Я былъ приглашенъ къ столу; но до обѣда представлялся еще Императрицѣ, которая занялась со мною разговоромъ о Турціи, а болѣе разспросами о Восточныхъ языкахъ, стараясь, повидимому, занять меня предметомъ мнѣ знакомымъ.

Послѣ обѣда я былъ приглашенъ къ вечеру на балъ. Императрица нѣсколько разъ занималась со мною, усаживая меня играть въ шахматы и другими разговорами. Государь говорилъ со мною о строеніяхъ крѣпостныхъ въ Кіевѣ и совѣтовалъ ѣхать въ Кронштадтъ, дабы тамъ увидѣть оныя, говоря, что они заслуживаютъ вниманія.

1-го же числа я былъ у принца Ольденбургскаго, съ коимъ я познакомился. Вообще всѣ любопытствовали со мною говорить, но большая часть вопросовъ ограничивалась сею формулою: Вы были въ Турціи? Ну чтò? Каковъ кажется султанъ? Каковъ? Чтò онъ говорилъ? Какъ онъ васъ принялъ? А этотъ плутъ Галилъ? Какъ бишь онъ, Галилъ? Али? Египетскій паша-то? На всѣ сіи вопросы я могъ только отвѣчать протяжнымъ да-съ, и они оставались довольными, оставались при туманѣ, наполнявшемъ ихъ головы. Одинъ Чичеринъ, котораго графъ Орловъ обошелъ также какъ Левашова, выразился обстоя-

тельнѣе. Послѣ всѣхъ сихъ вопросовъ, онъ сказалъ, что полагалъ, что графъ Орловъ мною долженъ быть очень доволенъ, ибо и онъ самъ въ такомъ случаѣ былъ бы очень доволенъ. Такъ, возразилъ я, я точно полагаю, что графъ Орловъ былъ мною доволенъ во все время, обращая мысль его, исполненную зависти, совсѣмъ къ другому предмету, и Чичеринъ отсталъ отъ меня. Я возвратился домой поздно, уставши до крайности.

2-го числа я поѣхалъ въ Павловское, дабы представиться великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Женщина сія восхитила меня пріемомъ своимъ и обхожденіемъ; вопросы ея были основательны, дѣльны и основаны на знаніи дѣла и обстоятельствъ, такъ что я былъ ею совершенно восхищенъ. Умъ ея и дарованія высказываются въ каждой рѣчи; но ей, кажется, не даютъ настоящей цѣны, и Михаилъ Павловичъ, повидимому, избѣгаетъ ея. Пріемъ, который мнѣ сдѣлалъ великій князь въ Петербургѣ, до выѣзда моего въ Царское Село, былъ совсѣмъ другаго рода. Онъ былъ очень ласковъ и привѣтливъ и, принявъ меня въ кабинетѣ своемъ, тотчасъ взялъ ружье и продѣлалъ мнѣ ружейные пріемы по Турецкимъ командным словамъ, которыя онъ зналъ. Въ дальнѣйшіе разспросы онъ не входилъ.

2-го числа я возвратился въ Петербургъ и началъ ѣздить по визитамъ. Меня много занимало быть у Нейдгарда, коего я засталъ наконецъ дома, и онъ далъ мнѣ полное наставленіе о новой обязанности моей и о сношеніяхъ, въ коихъ мнѣ надобно было находиться съ разными лицами. Онъ самымъ полнымъ образомъ далъ мнѣ почувствовать, что мнѣ предстояло избрать изъ двухъ путей одинъ, военнаго министра или Бенкендорфа (здѣсь всѣ принадлежатъ къ одной изъ сихъ двухъ партій). Но я, кажется, не изберу ни того, ни другаго, а посмотрю, не лучше ли и дѣйствительнѣе будетъ мнѣ придержаться графа Орлова, какъ ближайшаго въ довѣренности у Государя, и какъ, при всѣхъ слабостяхъ его, еще лучшаго въ душѣ своей и нѣкоторымъ образомъ обязаннаго принять участіе во мнѣ.

5-го и 6-го я провелъ время въ разъѣздахъ по городу, не заставая почти никого дома; 6-го же былъ у брата Сергѣя, женившагося на дняхъ...

7-го былъ назначенъ парадъ для войскъ въ Петербургѣ расположенныхъ, и я дежурнымъ къ Государю; но парадъ сей по случаю дождя отмѣненъ. Я съѣздилъ въ Аничковскій дворецъ, гдѣ Государь съ утра уже былъ пріѣхавши, но Государя не видалъ, и симъ кончилось мое дежурство сего дня.

8-го, въ Воскресенье, я поѣхалъ въ Царское Село, куда съѣзжаются къ обѣднѣ, разводу, обѣду и балу, по Воскресеньямъ, генералы

и флигель-адъютанты. Государь, Императрица и великая княгиня Елена Павловна нѣсколько разъ говорили со мною. Военный министръ графъ Чернышовъ разспрашивалъ меня о разныхъ подробностяхъ касательно Турецкаго похода. Я объяснялъ ему оныя, и по всему казалось мнѣ, что успѣхи мои въ дѣлѣ съ Египетскимъ пашею были ему извѣстны въ настоящемъ ихъ видѣ; по всему мною слышанному я заключаю, что ложное объ оныхъ мнѣніе, разсѣянное въ обществѣ завистниками моими, измѣнилось въ мысляхъ Государя и первыхъ должностныхъ особъ, но что оно не было исправлено въ публикѣ. Впрочемъ, при всѣхъ глупыхъ вопросахъ, коими меня одолѣваютъ, я замѣчаю не менѣе того большое уваженіе вообще къ сему дѣлу, хотя удивительно невѣжество и ребячье любопытство вопросителей, смѣшивающихъ султана съ бывшимъ здѣсь посланникомъ послѣ мира съ Турціею, Галиль-пашею, съ пашею Египетскимъ, съ бывшимъ Египетскимъ Али-пашею, а можетъ быть и съ Персидскимъ шахомъ и Хивинскимъ ханомъ. Для нихъ весь свѣтъ заключается въ одномъ Петербургѣ, и весь Востокъ смѣшанъ въ самую-то непостижимую для нихъ темноту.

Военный министръ между прочимъ, объясняя мнѣ милостивое расположеніе ко мнѣ Государя, объявилъ мнѣ, что къ 6 числу Декабря мѣсяца я получу аренду, и просилъ меня держать сіе въ тайнѣ.

10-го былъ парадъ всѣмъ гвардейскимъ войскамъ, на коемъ и я находился по званію моему генералъ-адъютанта.

11-го я провелъ часть утра въ осматриваніи морскихъ заведеній, находящихся въ старомъ адмиралтействѣ. Князь Меншиковъ все приготовилъ къ пріему меня, вездѣ начальники были при своихъ мѣстахъ, провожали меня и все показывали. Такимъ образомъ я былъ въ канцеляріи, чертежныхъ, типографіи и другихъ заведеніяхъ сего рода, въ мастерскихъ всякаго рода, и наконецъ въ учебномъ рабочемъ экипажѣ. Послѣднее заведеніе, въ коемъ образуются мастеровые всякаго рода для флота и корабельные инженеры, казалось мнѣ устроено съ совершенствомъ; классы учениковъ, занятія ихъ, содержаніе превосходитъ все, чтò я до сихъ поръ видѣлъ въ семъ родѣ, не говоря о чистотѣ и исправности, отличающихъ сіе послѣднее заведеніе, состоящее подъ вѣдомствомъ Клейнмихеля. Чистота сія вообще замѣтна во всемъ адмиралтействѣ; но то чтò болѣе всего нужно, того именно и нѣтъ: запасовъ строительнаго лѣса, который бы сушился, и таковыхъ запасовъ почти вовсе нигдѣ не имѣется. Изъ адмиралтейства я съѣздилъ на государевомъ пароходѣ въ Александрію и Ижору, а оттуда въ новое адмиралтейство, гдѣ строился новый крытый докъ; построеніе сіе не понравилось мнѣ по непрочности, съ которою, какъ мнѣ казалось, оно созидается. Въ старомъ адмиралтействѣ я искалъ какихъ либо памятни-

ковъ Петра Великаго, но нашелъ только одни кресла, кои полагаютъ ему принадлежавшими, и взятую у Шведовъ яхту, которую къ сожалѣнію подновляютъ красками и позолотою.

12-го я поѣхалъ съ княземъ Меншиковымъ на пароходѣ «Невѣ» въ Кронштадтъ, коего заведенія я любопытенъ былъ видѣть. Мы плыли не съ большимъ два часа и по прибытіи прямо проѣхали осмотрѣть такъ называемую цитадель или отдѣльную крѣпостцу, строющуюся нынѣ впереди города, для защиты лѣваго прохода. Строеніе сіе предпринято Государемъ и по его плану строится изъ гранита съ большими издержками; оно состоитъ изъ круглыхъ казематированныхъ башенъ, связанныхъ пулпитами, и отлично чистой отдѣлки. Тотъ же вечеръ, пріѣхавъ къ городу и остановившись на ночлегъ въ домѣ штурманскаго училища, мы осмотрѣли заведеніе сіе, устроенное кн. Меншиковымъ.

13-го, поутру, я осмотрѣлъ оборонительныя казармы, вновь построенныя, въ коихъ нынѣ помѣщаются л.-гв. Волынскій полкъ и учебный морской экипажъ, послѣ того другія строенія, производящіяся при крѣпости, гошпитали, казармы, мастерскія, морскіе арсеналы и корабельные цейгаузы, и наконецъ въ портѣ были на кораблѣ «Ферщампенуазѣ». Сіе заняло у меня все утро отъ 8 часовъ до 2-хъ; потомъ, сѣвши на пароходъ, пустились въ обратный путь и прибыли передъ вечеромъ въ Петербургъ.

Замѣчанія, сдѣланныя мною, слѣдующія. Кронштатъ, издавна построенный, приходилъ въ большой упадокъ, и вновь заложенныя и довершающіяся строенія едва поспѣваютъ къ удовлетворенію потребности въ помѣщеніи. Работы сіи весьма обширны и производятся съ большими издержками, но всѣ сіи строенія сыры и отъ того не могутъ быть прочны. Запасовъ лѣсныхъ вовсе не имѣется, и вообще слишкомъ много обращено вниманія на скорую и наружную отдѣлку строеній, между коими достойны замѣчанія вновь строющіеся изъ гранита доки, ибо старые пришли уже почти совсѣмъ въ негодность. Флотъ весь сталъ размѣщеннымъ въ портѣ, который обнесенъ большею частью деревянною стѣною; природа не представила никакихъ удобствъ для устроенія тутъ пристани и крѣпости, служащей единственно для обороны флота, ибо самая столица защищена достаточно отмелями устья Невы, не позволяющими большимъ судамъ входить въ рѣку. Во все время кн. Меншиковъ былъ весьма предупредителенъ и внимателенъ, и по возвращеніи моемъ домой онъ еще навѣстилъ меня въ квартирѣ и просилъ при свиданіи съ Государемъ сказать ему, что онъ въ Кронштатѣ бранился при осмотрѣ заведеній. Причиною сему онъ поставилъ то, чтобъ не навлечь неудовольствія Государева на подчиненныхъ своихъ; но отводъ сей былъ не достаточенъ, и порученіе его

ясно доказывало ухищренный ходъ его поступковъ. Онъ, какъ видно, съ утра еще задумалъ дать мнѣ такое порученіе, ибо при осмотрѣ заведеній онъ безъ вниманія пропускалъ самые большіе недостатки, а между тѣмъ не переставалъ нападать съ насильственнымъ жаромъ на одного артиллерійскаго чиновника, найденнаго имъ въ безпорядкѣ.

15-го, въ Воскресенье, я поѣхалъ въ Царское Село, гдѣ провелъ день по обыкновенному, у обѣдни, на разводѣ, на обѣдѣ и на балу у Государя, который въ сей разъ не занимался мною долго, а только спросилъ, понравилось ли мнѣ видѣнное въ Кронштатѣ. Императрица и великая княгиня Елена Павловна болѣе говорили со мною; первая между прочимъ спросила, имѣю ли я уже назначеніе, на чтò я ей отвѣчалъ, что имѣю самое лестное какое только имѣть можно—генералъ-адъютанта при Его Величествѣ.

21-го я не могъ, по полученному приглашенію, ѣхать ко двору въ Царское Село, потому что 22-го долженъ былъ присутствовать въ собраніи кавалерской думы Владимирскаго ордена.

22-го же, послѣ собранія сего, кончившагося въ 2 часа пополудни, я поѣхалъ въ Царское Село на балъ. Государь и Императрица были очень ласковы ко мнѣ, Государь разспрашивалъ довольно много о видѣнныхъ мною заведеніяхъ учебныхъ и строеніяхъ въ Кронштатѣ, Государыня говорила о занятіяхъ нашихъ въ думѣ. Военный министръ и прочія лица были также весьма предупредительны ко мнѣ; но со всѣмъ тѣмъ я еще остаюсь безъ назначенія, въ ожиданіи коего теряю время свое въ самой праздной и суетливой жизни.

По возвращеніи 23 числа въ Петербургъ, я засталъ пріѣхавшаго изъ отпуска брата Андрея, который на первый день пріѣзда своего остановился у меня.

28-го я былъ дежурнымъ при Государѣ. Должность моя началась съ развода, который вчера былъ по приказанію Государя, передъ прибытіемъ его въ манежъ, выведенъ на плацъ Михайловскаго замка. Я принялъ отъ Государя рапорты, поданные ему отъ полковъ, въ коихъ онъ считается шефомъ, и отвезъ ихъ послѣ развода къ камердинеру его. Бенкендорфъ, Орловъ и я, кромѣ посланниковъ Австрійскаго и Датскаго, постоянно тутъ находящихся, ходили за Государемъ и держались около него во все время развода; но къ намъ замѣшался г.-а. Гейсмаръ, нынѣ лишившійся корпуса, порицающій наглымъ образомъ всѣ постановленія и учрежденія, а между тѣмъ домогающійся самымъ искательнымъ образомъ чего-то; сунувшись не въ свое мѣсто, онъ сталъ говорить по-нѣмецки съ Бенкендорфомъ. Орловъ, замѣтя сіе, не могъ не улыбнуться обхожденію Гейсмара, который, кажется,

не поступитъ въ число достаточно довѣренныхъ, чтобы получить какое либо значительное мѣсто. Послѣ развода Государь меня отпустилъ; но я получилъ тутъ-же приглашеніе прибыть къ четыремъ часамъ къ обѣду въ Аничковскій дворецъ, гдѣ Государь нынѣ живетъ еще по возвращеніи изъ Царскаго Села.

На обѣдѣ семъ находились Государь, Императрица, князь А. Н. Голицынъ, графъ Бенкендорфъ, князь Трубецкой, я, дежурный флигель-адъютантъ Гогель и дежурная фрейлина Бороздина. Передъ обѣдомъ Государь ходилъ смотрѣть приданое фрейлины княжны Щербатовой, сегодня вѣнчающейся съ сыномъ фл.-адъютантомъ Александровымъ старшимъ. Приданое сіе было развѣшано и расположено въ особой комнатѣ, въ коей находились женихъ и невѣста. Обѣдали за небольшимъ круглымъ столомъ. Государь и Императрица были во все время очень разговорчивы и веселы. Императоръ меня много разспрашивалъ о войскахъ и занятіяхъ оныхъ, Египетскихъ и Турецкихъ, о моихъ сношеніяхъ съ ними и главнѣйшими чиновниками Турецкими. Помня, что я описывалъ въ одномъ изъ писемъ моихъ къ графу Орлову, какъ я обучалъ сераскира учебному шагу съ Ахметъ-пашею, онъ велѣлъ мнѣ разсказать ему сіи слова. Сіе его забавляло; но я увидѣлъ, что графъ Орловъ и въ сей бездѣлицѣ не упустилъ случая себя выставить, ибо онъ замѣтилъ, что сіе извѣстіе тогда веселило Государя, и Государь, выслушавъ меня, сказалъ мнѣ: «Ты ихъ училъ учебному шагу, а къ Орлову приходили просить, чтобы ихъ училъ бѣглому», чего никогда не бывало, и Орловъ просто схвасталъ, сказавъ сіе, дабы показать сближеніе свое съ Турками, тогда какъ они взаимно удалялись: онъ отъ лѣни и пренебреженія, а они потому, что онъ имъ не нравился. «Ты довольно подурачилъ ихъ», сказалъ Государь смѣясь.—Они занимались бездѣлицами, отвѣчалъ я, и сіе ученіе сераскиру я далъ послѣ сильнаго пренія о средствахъ къ защитѣ государства.—«Да, отвѣчалъ Государь, они любятъ заниматься пустяками; да естьли у нихъ хотя кадетскіе корпуса, или что нибудь подобнаго»?—Мнѣ говорили, что есть инженерное училище, отвѣчалъ я, но я не видалъ его, не имѣлъ времени для сего; но, будучи на Принцевыхъ островахъ, я видѣлъ Греческое училище, въ коемъ состоятъ до 60 учениковъ всѣ изъ Грековъ, воспитывающихся на счетъ денегъ отъ общества собираемыхъ, и у коихъ учители всѣ Французы и Итальянцы.—«Неужели правительство о семъ не печется? Хороши должны быть послѣдствія отъ такого воспитанія!»—Турецкое правительство едва знаетъ о существованіи сего училища, гдѣ молодые люди получаютъ правила учителей своихъ, вольнодумства, и когда они заступятъ мѣста драгомановъ при первыхъ особахъ въ государствѣ, то вѣроятно и дѣйствія ихъ будутъ соотвѣт-

ствовать правиламъ, которыя имъ нынѣ внушаютъ.—«Однако же, сказалъ Государь, это хорошо знать и не мѣшаетъ сказать Ахметъ-пашѣ, когда онъ сюда будетъ (Государю, повидимому, Орловъ никогда не говорилъ о сихъ вещахъ, и онъ полагаетъ, что достаточно будетъ его слова, чтобы передѣлать все сіе, не воображая себѣ, какихъ надобно усилій, чтобы къ чему либо подвигнуть ослабѣвшее Турецкое правительство». «Каковъ этотъ Ахметъ-паша? спросилъ опять Государь».—Человѣкъ слабый, но добрый и искренно привязанный къ султану.—«Каковы его военныя способности?»—Не полагаю, чтобы онъ былъ ими одаренъ.—Почему?—Его обвиняютъ за сраженіе, въ коемъ визирь былъ разбитъ подъ Коніею, и говорятъ, что онъ еще могъ спасти армію, но не принялъ къ сему никакихъ мѣръ, и черезъ то все остальное погубилъ.—«А каковъ Намикъ паша, который нынѣ здѣсь былъ?»—Человѣкъ преданный лично своимъ выгодамъ; въ немъ признаютъ болѣе образованія, чѣмъ въ другихъ Туркахъ. Онъ командуетъ бригадою и представлялъ мнѣ ее на смотру, который я дѣлалъ султанской гвардіи; онъ принялъ уже всѣ пріемы генерала, которыя онъ видѣлъ здѣсь.—«Каковъ же былъ смотръ, велики ли баталіоны?»—Было шесть баталіоновъ пѣхоты, съ кавалеріею и артиллеріею; баталіоны имѣли человѣкъ по 350 во фронтѣ.—«А вѣрно содержаніе отпускается на 1000?»—Не могу доложить сего В. В., но злоупотребленій у нихъ въ войскѣ весьма много.—«Да это вѣрно такъ; это и у насъ было при Екатеринѣ, что въ войско отпускалось на полное содержаніе комплекта, а начальники, симъ пользуясь, имѣли весьма мало людей подъ ружьемъ. Да не далѣе какъ въ твое время (обращаясь къ князю Голицыну), ты, кажется, тогда былъ капитаномъ и ротою командовалъ, или это былъ другой Голицынъ?» —У Турокъ очень много бѣглыхъ, намъ случалось ловить ихъ и у насъ также были бѣглые, но все изъ штрафованныхъ: это не потеря.—«Знаю», отвѣчалъ Государь; ибо я ему еще при первомъ свиданіи объяснилъ сіе.

Государь сталъ говорить о недавно бывшемъ экзаменѣ юнкеровъ, изъ коихъ одинъ, имѣвшій всѣ лучшія способности къ фронтовой службѣ и будучи виденъ и красивъ собою, не могъ быть выпущенъ въ гвардію, за недостаткомъ образованія въ наукахъ. Государыню, кажется, занимало сіе, ибо она стала также о немъ говорить; кажется, какой-то князь Барятинскій. «Но его назначили, продолжалъ Государь, въ кирасирскій полкъ Саши (обращаясь къ Императрицѣ), и въ кавалерійскихъ армейскихъ полкахъ большой недостатокъ въ офицерахъ. Сталъ говорить объ учебныхъ заведеніяхъ. Бенкендорфъ, выхваляя ихъ, сказалъ, что нынѣ ожидается сюда 62 молодыхъ Черкесъ и Горцевъ разныхъ племенъ, въ числѣ коихъ два Чеченца, и часть изъ лучшихъ

фамилій, спрашивая куда ихъ помѣстить. «Надобно ихъ помѣстить въ корпуса, отвѣчалъ Государь, хотя и мѣста уже почти совсѣмъ нѣтъ». Потомъ, обращаясь ко мнѣ, онъ сталъ выхвалять способности сихъ мальчиковъ, коихъ, онъ говорилъ, есть у него особенное отдѣленіе малолѣтнихъ, которые нынѣ выходили съ прочими учебными заведеніями въ лагерь, стояли особенно, были очень прилежны, и коими онъ очень доволенъ. «Но и самымъ полуэскадрономъ Горцевъ я очень доволенъ», продолжалъ Государь, обращаясь ко мнѣ «Представь себѣ, что нынѣ лѣтомъ, когда открытъ былъ заговоръ меня убить, то имъ поручено было особенное наблюденіе за мною во время лагеря и поѣздокъ моихъ, и они меня съ глазъ не спущали, ни на минуту отъ меня не отъѣзжали; они очень усердны и вѣрны». Я сказалъ Государю, что Ахметъ паша также завелъ у себя эскадронъ Черкесовъ и что ими управляетъ какой-то Венгерецъ, офицеръ, бѣжавшій изъ Австрійской службы и принявшій вѣру мусульманскую. «Каковы они? спросилъ Государь.—Очень расторопны, но буйны.—«Нѣтъ, а мои такъ смирны и очень хороши. Турки покупаютъ ихъ маленькими; хорошо бы и намъ здѣсь также: это было бы столько же кантонистовъ въ военно-сиротскія отдѣленія наши». Тутъ стали говорить свои мнѣнія на сей предметъ, и предположенія сіи, не основанныя на знаніи обстоятельствъ, остались безъ послѣдствія. Государь былъ очень разговорчивъ во все время обѣда. Императрица изрѣдка вмѣшивалась. Государь говорилъ о Градской больницѣ, недавно имъ посѣщенной, и когда стали хвалить устройство оной, то онъ сказалъ, что она не на счетъ государства содержится, а на счетъ города. Онъ шутилъ надъ толщиною случившихся на одномъ дежурствѣ генералъ- и флигель-адъютантовъ и спросилъ меня, не имѣю ли я одышки, и къ здоровью ли своему я отношу полноту свою? Я отвѣчалъ, что чувствую себя совершенно здоровымъ, что пополнѣлъ нынѣ во время сидячей жизни въ карантинѣ, что полнота моя не препятствуетъ мнѣ легко двигаться, и что я могу свободно верстъ по 12 ходить по горамъ. Стали говорить о причинахъ толщины. Я утверждалъ, что не пища къ сему служитъ поводомъ, сколько я замѣтить могъ самъ. Государь сталъ говорить, какъ онъ скоро по дорогамъ ѣздитъ, и почти совсѣмъ безъ пищи и, назвавъ нѣсколько примѣровъ такой ѣзды, спросилъ, могу ли я также не ѣвши пробыть долгое время. Потомъ, обратившись къ Гогелю, сказалъ: «А вотъ его я послалъ прокатиться недавно въ Иркутскъ, да еще какъ! Прямо отъ стола изъ-за ужина послалъ. Представь себѣ, что въ Иркутскѣ вздумалъ какой-то архіерей бунтовать, самъ пошелъ на гауптвахту, и народъ сталъ волноваться; но его скоро уняли, вотъ Гогель тогда къ нему ѣздилъ. Да готовься братъ (обратившись къ

Гогелю) опять черезъ недѣлю или двѣ ѣхать».—Какъ, сказала Императрица, опять ѣхать?—«Да, надобно ему ѣхать въ 1-й корпусъ, посмотрѣть что̀ тамъ дѣлается». Во время обѣда приходилъ Наслѣдникъ съ великими князьями и княжнами, съ коими Государь и Императрица нѣсколько занимались и ласкали ихъ. Послѣ обѣда всѣ вышли въ билліардную залу, гдѣ Государь игралъ съ дѣтьми. Императрица спрашивала меня о помѣщеніи моемъ въ квартирѣ, гдѣ я ее имѣю, и какова она, показывала фамильный портретъ, висѣвшій на стѣнѣ, и желала знать мнѣнія моего о сходствѣ. На вечеръ я не былъ званъ, потому что Государыня поѣхала въ театръ.

29-го я долженъ былъ оставаться дежурнымъ до развода;но поутру было еще засѣданіе въ кавалерской думѣ Владимирскаго ордена, гдѣ и я находился, а оттуда поѣхалъ къ разводу, гдѣ меня смѣнилъ новый дежурный генералъ-адъютантъ Исленьевъ.

2-го, будучи, какъ всякій день, на разводѣ, великій князь Михаилъ Павловичъ долго говорилъ со мною о дѣлахъ Польской войны, и въ присутствіи многихъ разсказывалъ обстоятельства Варшавскаго приступа, выставляя подвиги мои и отличное состояніе войскъ, подъ командою моею состоявшихъ. Я не остался равнодушнымъ слушателемъ похвалы его и, выставляя устройство гвардейскаго корпуса во время похода сего, сказалъ Михаилу Павловичу, что я ему обязанъ выручкою меня въ день сраженія сего, что̀ истинно и было: ибо въ то время, когда я сражался съ превосходнѣйшими силами, безъ участія главнокомандующаго, не обратившаго вниманія на правый флангъ, онъ прислалъ ко мнѣ по собственному произволу въ подкрѣпленіе нѣсколько гвардейскихъ полковъ, которые вели себя отлично хо рошо,и этой помощи обязаны мы тѣмъ, что могли имѣть столь значительный успѣхъ на семъ флангѣ.

4-го. По приглашенію брата Андрея, я поѣхалъ съ нимъ въ Невскій монастырь, дабы познакомиться съ митрополитомъ Серафимомъ и съ графинею Орловою, которая тамъ бываетъ всякую Субботу у всенощной. Я прежде заѣхалъ къ митрополиту Іонѣ, бывшему экзарху Грузіи, который былъ очень радъ меня видѣть. Я пошелъ съ нимъ вскорѣ къ Серафиму и былъ у всенощной, которая служится въ домовой церкви его, а послѣ всенощной зашелъ опять къ нему, гдѣ познакомился съ графинею Орловою, женщиною чудною по своему образованію, какъ говорятъ, и по строгости монашеской жизни, которую она соблюдаетъ въ своемъ домѣ, тогда какъ живетъ открыто, въ свѣтѣ, и бываетъ у двора. Я не имѣлъ случая съ нею много говорить въ сей разъ; но первые пріемы ея мнѣ понравились, и она пригласила меня къ себѣ.

8-го. По случаю именинъ великаго князя Михаила Павловича, былъ церковный парадъ Московскому полку и обѣдъ въ Михайловскомъ дворцѣ его. Моя очередь была для дежурства при Государѣ, но меня не нарядили и, прибывъ въ манежъ, я узналъ, что наряженъ былъ дежурить г.-а. Чичеринъ. До прибытія еще Государя въ манежъ, я обратился къ Бенкендорфу и объяснилъ ему сей случай, жалуясь на перебивку очереди. Бенкендорфъ спросилъ, кто наряженъ на мѣсто меня, и когда я ему сказалъ, что Чичеринъ, то онъ отвѣчалъ мнѣ, что сіе вѣроятно сдѣлано, какъ водится, по особенной просьбѣ его, или потому, что прежняя очередь его прошла по случаю болѣзни его. Я отошелъ, но вскорѣ Бенкендорфъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что такъ какъ Чичерина еще нѣтъ, то чтобы я занялъ дежурство при Государѣ, коль скоро онъ войдетъ. Я подошелъ на мѣсто къ лошадямъ, чтобы осмотрѣть ту, на которой мнѣ должно было ѣхать; но Бенкендорфъ предупредилъ меня, что Государь не ѣздитъ верхомъ, и я сталъ неподалеку отъ входа въ манежъ, остерегаясь занять свое мѣсто въ случаѣ, если бъ Чичеринъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Государемъ. Войдя въ манежъ, Государь остановился и принялъ рапортъ отъ великаго князя. Чичерина еще не было, и военный министръ подбѣжалъ и принялъ отъ Государя рапортъ; вслѣдъ за симъ Государь пошелъ по фронту, и я, занявъ свое мѣсто, шелъ за нимъ; но тутъ прибылъ и Чичеринъ, коему я уступилъ свое мѣсто. Я былъ доволенъ, что не пропустилъ подобнаго случая и далъ замѣтить, что я не равнодушенъ къ оному. Послѣ молебна и парада, всѣ отправились поздравлять великую княгиню съ именинникомъ, но первые могли только войти, а послѣдніе записывались. Къ 3-мъ часамъ собрались къ обѣду. Великая княгиня меня замѣтила, подошла и нѣсколько разговаривала со мною. Она была прелестна и наружностью, и обхожденіемъ своимъ.

Ввечеру весь дворъ былъ въ новомъ театрѣ, но я туда не ѣздилъ, для избѣжанія тѣсноты, въ коей толпиться не нахожу удовольствія.

9-го я былъ наряженъ дежурнымъ и, какъ разводъ былъ отказанъ, то отправился въ дежурную генералъ-адъютантскую комнату въ зимній дворецъ и, какъ еще было рано, то я выслушалъ конецъ обѣдни въ придворной церкви. Возвратившись въ свою комнату, я послалъ за старымъ дежурнымъ фл.-адъютантомъ, которымъ былъ вчера князь Долгорукій, а новый, князь Бѣлосельскій, вскорѣ пріѣхалъ.

Я уже провелъ около трехъ часовъ въ семъ мѣстѣ, какъ одинъ изъ придворныхъ скороходовъ вошелъ съ приглашеніемъ меня на обѣдъ къ Государю къ 4 часамъ въ Аничковскій дворецъ. Тотъ же скороходъ сказалъ мнѣ, что Государь самъ пріѣхалъ во дворецъ и осматриваетъ комнаты; почему и я пошелъ къ Государю и засталъ его съ великимъ

княземъ Михаиломъ Павловичемъ, княземъ Волконскимъ и архитекторомъ, ходящимъ по заламъ, изъ коихъ онъ вскорѣ вышелъ и, поднявшись чрезъ узкія лѣстницы на другой этажъ, осматривалъ разныя кладовыя и жилые покои, довольно неопрятные, въ коихъ онъ, кажется хотѣлъ сдѣлать перестройки. Онъ меня тотчасъ отпустилъ съ дежурства и пригласилъ къ обѣду; но я не ушелъ, а ходилъ за нимъ. Остановившись передъ какою-то старинною картиною Полтавскаго сраженія, которая висѣла на стѣнѣ и на которую Государь обратилъ вниманіе, я разсматривалъ ее. Государь тогда, обратившись ко мнѣ, разсказалъ, въ какомъ онъ положеніи ее гдѣ-то засталъ, приказалъ исправить и повѣсить тутъ. Я спросилъ Государя, видѣлъ ли онъ въ Кіевѣ у фельдмаршала Сакена масляными красками писанную картину, изображающую Кагульское сраженіе.—«Нѣтъ, а хороша?»—Отличная живопись, и всѣ лица на оной портреты, какъ говорятъ. «Какую минуту сраженія она изображаетъ?» Атаку гренадеръ въ присутствіи фельдмаршала Румянцова.—«Надобно ее достать» и, обратившись къ Волконскому, сказалъ: «Спишись съ фельдмаршаломъ и попроси, чтобы онъ ее прислалъ ко мнѣ».—Картина сія не принадлежитъ фельдмаршалу, отвѣчалъ я, онъ съ большимъ трудомъ получилъ ее на время изъ Нѣжина, кажется отъ учителя тамошней гимназіи.—«Ну такъ пущай онъ ее сюда пришлетъ, ее можно будетъ по крайней мѣрѣ скопировать. Волконскій, напиши фельдмаршалу». Тогда, обратившись къ Михайлу Павловичу, который сзади оставался, пока Государь далѣе пошелъ, я спросилъ его, видѣлъ ли онъ также древнюю довольно картину въ такомъ же родѣ въ адмиралтействѣ. «Къ стыду моему, сказалъ Михаилъ Павловичъ, повѣришь ли, что я никогда не бывалъ въ адмиралтействѣ; да это такъ случается съ Петербургскими жителями, что они откладываютъ и не видятъ здѣшнихъ рѣдкостей». Я какъ пріѣзжій (отвѣчалъ я) принялся за осмотръ всего достопамятнаго въ столицѣ и началъ съ учебныхъ заведеній, коихъ уже нѣсколько видѣлъ.—«Милости просимъ въ наши заведенія, отвѣчалъ Михаилъ Павловичъ, подъ вѣдѣніемъ коего они находятся, не угодно ли и вмѣстѣ когда нибудь поѣдемъ смотрѣть ихъ? Онъ еще нѣсколько говорилъ о посторонних предметахъ со мною, во все время, какъ мы ходили по разнымъ переходамъ, и наконецъ поднялись на чердакъ, который также весь исходили и вышли на крышу, въ галлерею телеграфа, оттуда спустившись, прошли на половину Государя. Я не входилъ въ оную и остался въ первыхъ комнатахъ; но Государь, замѣтя сіе, послалъ меня позвать, показывалъ кабинетъ и комнаты свои и, проведя въ отдѣланную по турецки особенную круглую комнату, сказалъ, чтобы я себѣ не вообразилъ, что я въ Турціи или въ Персіи; спросилъ, какъ мнѣ нравится

это убранство въ его дворцѣ, и можно ли прочесть Арабскія надписи, сдѣланныя на стѣнахъ. Я прочелъ нѣкоторыя, которыя были очень неправильно сдѣланы.—«Да, я думаю, что онѣ не очень вѣрны; да лишь бы сходство на ихъ буквы было». Съ Государемъ былъ тутъ академикъ-живописецъ Бруни, которому онъ поручилъ сдѣлать нѣкоторыя исправленія или перемѣны въ живописи. Спускаясь съ крыльца, Государь по обыкновенію своему отпустилъ меня, благословя рукою, и я возвратился домой.

Къ 4 часамъ я явился въ Аничковской дворецъ къ обѣду. Приглашены были князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, графъ Орловъ, князь Трубецкій, графъ Бенкендорфъ, я, дежурный флигель-адъютантъ князь Бѣлосельскій и дежурная фрелина графиня Медемъ. Вошедши въ комнату, Государь обратился ко мнѣ и сказалъ шутя, чтò онъ мнѣ уже прежде говорилъ, что при немъ дежурныхъ нѣтъ, а потому чтобы я шарфъ скинулъ. Сѣвши за столъ, онъ сказалъ мнѣ, что читалъ письмо, писанное ко мнѣ Тосканскимъ консуломъ Россети, изъ Александріи и что оно очень занимательно. Письмо сіе, полученное мною на дняхъ, я отдалъ графу Орлову, который довелъ это до свѣдѣнія Государя черезъ графа Нессельрода; оно заключало нѣсколько свѣдѣній о политическихъ дѣлахъ Махметъ-Али, о прибытіи къ нему Польскаго генерала Дембинскаго съ 6 офицерами, для обученія войскъ, и о происшествіи, случившемся въ Виѳлеемѣ, гдѣ разграблены Арабскіе монастыри, а также объ оскорбленіяхъ, сдѣланныхъ, кажется, въ Бейланѣ Англійскому консулу. Я спросилъ Государя, продолжать ли переписку мою для полученія новыхъ свѣдѣній отъ Россети?—«Продолжай», отвѣчалъ Государь, и сталъ говорить про преувеличенныя извѣстія о чрезвычайной силѣ Египетскаго паши. Въ отвѣтъ на сіе я сообщилъ Государю то чтò я зналъ объ ономъ и сказалъ о намѣреніи паши формировать кирасирскій полкъ, для чего онъ и кирасировъ уже выписывалъ изъ Франціи. Сіе показалось Государю очень странно и, говоря о войскахъ, онъ спросилъ меня, видѣлъ ли я Египетскія? Одинъ баталіонъ только, отвѣчалъ я, и объяснилъ Государю, какъ Махметъ-Али устроилъ было этапы въ Эѳіопіи, гдѣ ловили людей и доставляли ихъ къ этапамъ для опредѣленія въ службу, но что люди сіи не оказывались съ потребными способностями для военной службы.

Говоря о дѣлахъ Европейскихъ, онъ упомянулъ о какомъ-то случаѣ нынѣ встрѣтившемся, кажется, съ Французами, въ коемъ имъ было отказано, или данъ довольно рѣзкій отвѣтъ, послѣ чего, какъ говорилъ Государь, они замолчали и стали тише воды. Nos amis les Prussiens, продолжалъ онъ, ont voulu relever la chose en faveur des Français, mais n'y ont pas réussi [1]). Съ симъ вмѣстѣ онъ съ Императри-

цею другъ на друга взглянули. Но Прусскій дворъ, какъ я уже нѣсколько разъ могъ замѣтить, не соотвѣтствуетъ видамъ Государя.

Стали говорить о Гишпанскихъ дѣлахъ. Орловъ подавалъ свое мнѣніе о законности наслѣдства въ Гишпаніи. «А мнѣ какое дѣло до нихъ? сказалъ Государь, я не вмѣшиваюсь, какъ они себѣ хотятъ». Тутъ Государь сталъ разсказывать весь подвигъ герцогини Беррійской, какъ она пріѣхала во Францію, какими смѣлыми поступками она отличалась, говоря, что онъ знаетъ сіе изъ книги, вновь вышедшей о семъ, которую онъ нынѣ читаетъ. Онъ разсказывалъ весьма обстоятельно, краснорѣчиво и долго, не выпущая подробностей, между прочимъ описывая положеніе, въ которомъ она прибыла въ одинъ трактиръ, вся вымоченная и не имѣя чѣмъ перемѣниться, нашла изготовленную постель, сбросила съ себя все бѣлье, и нагая, завернувшись только въ чистую простыню, вышла въ такомъ нарядѣ завтракать съ пріѣхавшими и ожидавшими ее дамами. Tu n'aurais pas fait ainsi [2]), сказалъ онъ, обратившись къ Императрицѣ и обнявши ее.—Non, sûrement non [3]), отвѣчала она съ улыбкою. Потомъ, окончивъ разговоръ сей, онъ сказалъ: «Жаль только, что все это кончилось раздутымъ брюхомъ». Тутъ Бенкендорфъ, заступаясь за герцогиню, сказалъ, что ее смѣлость такъ уважительна, что она заслуживаетъ суда болѣе какъ героиня, чѣмъ какъ женщина. Разговоръ обратился на безпорядки, происходящіе во Франціи. «Хотѣлъ бы я, сказалъ Государь, перенестись невидимкою на 24 часа въ Парижъ, чтобы видѣть, какая у нихъ тамъ происходитъ кутерьма». Говорили о Французской арміи, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ какимъ-то пріѣзжимъ оттуда, хвалившимъ устройство ея. Говорили и о Турецкомъ послѣ Ахметъ-пашѣ, котораго ожидаютъ. «И для этого дурака, сказалъ Государь, приготовляютъ по 170 лошадей на станціяхъ, тогда какъ для нашего брата въ нынѣшнее голодное время не рѣшатся такъ тревожить жителей въ тѣхъ губерніяхъ». Государь говорилъ, что сюда ожидаетъ вскорѣ принца Оранскаго съ сыномъ его, котораго онъ крестилъ тому 16 лѣтъ при возвращеніи своемъ изъ Англіи. При концѣ обѣда говорили о новомъ театрѣ и представленіи 8-го числа, смѣялись надъ одеждою министра финансовъ, вошедшаго въ ложу въ шинели, надѣтой въ рукава, въ коей онъ и остался. Послѣ обѣда Государь сталъ къ камину, и Орловъ долго разговаривалъ съ нимъ. Императрица, подошедши ко мнѣ, сдѣлала нѣсколько вопросовъ о театрѣ, и часто ли я бываю въ ономъ? Наслѣдникъ, который пришелъ подъ конецъ обѣда, послѣ онаго,

---

[1]) Друзья наши Пруссаки хотѣли обратить дѣло въ пользу Французовъ, но это имъ не удалось.—[2]) Ты не сдѣлала бы такъ.—[3]) Нѣтъ, конечно нѣтъ.

спросилъ меня о братьяхъ Михаилѣ и Андреѣ и говорилъ, что ему очень понравилось путешествіе въ Іерусалимъ брата Андрея, которое онъ читалъ. Великія княжны во время обѣда занимались, кажется, рисовальнымъ урокомъ на особенномъ столѣ. Къ десерту принесли Николая Николаевича, котораго Императрица и Государь брали на руки.

Возвратившись домой, я по просьбѣ Прасковьи Николаевны, посылалъ за нею карету, и она провела у меня вечеръ.

10-го числа я обѣдалъ по приглашенію у графини Орловой. Женщина сія при всей набожности и простотѣ въ обхожденіи, повидимому любитъ повелѣвать или первенствовать, и какъ ее уже на сію степень ставитъ ея знатное происхожденіе и богатство, то она не имѣетъ надобности выставлять своего честолюбія и довольна; но она избрала себѣ послушниковъ въ необыкновенномъ кругу монаховъ и набожныхъ старушекъ. Люди большаго свѣта не менѣе того къ ней ѣздятъ, но не составляютъ обыкновеннаго ея общества. Я возобновилъ вчера въ домѣ ея знакомство съ генералъ-лейтенантомъ Горголіемъ.

11-го. Я ѣздилъ осматривать Пажескій корпусъ, гдѣ видѣлъ племянника своего, сына брата Михаила, осматривалъ классы и не нашелъ, чтобы обученіе производилось съ достаточнымъ тщаніемъ. Тамъ же осматривалъ я католическую церковь Мальтійскаго ордена, построенную имп. Павломъ. Церковь сія любопытна по знакамъ ордена и по престолу съ Латинскою надписью, въ ней находящемуся.

13-го я былъ въ Морскомъ корпусѣ, который и осмотрѣлъ, при чемъ познакомился и съ вице-адмираломъ Крузенштерномъ, показывавшимъ мнѣ оный. Устройство и попеченіе о дѣтяхъ въ семъ заведеніи оставили во мнѣ самыя лучшія впечатлѣнія объ образованіи и приготовленіи молодыхъ людей, въ семъ корпусѣ обучающихся.

Я былъ позванъ неожиданно на обѣдъ къ великому князю Михайлу Павловичу къ 4-мъ часамъ. Прибывъ къ нему во дворецъ, я около часа дожидался и, по возвращеніи его высочества съ прогулки, мы сѣли обѣдать. Насъ было за столомъ шестеро: великій князь, великая княгиня, я, начальникъ штаба его генералъ Веймарнъ, дежурный адъютантъ Грессеръ и фрейлина Толстая. Великій князь былъ очень разговорчивъ и съ удовольствіемъ повторялъ обыкновенныя шутки свои съ игрою словъ. Всѣ вопросы его касательно Турціи относились только до войскъ и не являли любопытства о дѣлахъ политическихъ. Вопросы великой княгини являли болѣе дѣльнаго любопытства и завлекали къ разсказу. Довольно замѣтно было, сколько великій князь старался поселить мысль, что онъ дорожитъ болѣе офицерами образованными, чѣмъ единственно знающими фронтовую службу, каковыми онъ полагаетъ Турецкихъ офицеровъ, а пото-

му и не признаетъ ихъ къ чему либо способными Онъ много говорилъ и шутилъ во все время, и замѣтно въ немъ особенное расположеніе къ разговорамъ о предметахъ неприличныхъ. Послѣ обѣда повелъ онъ насъ въ кабинетъ великой княгини, убранный съ отмѣннымъ вкусомъ. Она съ простотою въ обхожденіи показывала украшенія онаго. Во время разговоровъ часто заводила рѣчь о военномъ, зная, что сей родъ пріятнѣе ея мужу, коего привѣтливость и доброта души не укрываются отъ проводящихъ съ нимъ время.

Въ теченіе времени съ 13-го числа, я осматривалъ кадетскіе корпуса и Дворянскій полкъ. Первыя два заведенія имѣютъ достаточно устройства, чтобы снабжать армію офицерами; попеченіе же о сбереженіи молодыхъ людей, кажется, доведено до такой степени, что ничего болѣе желать не остается. Но за то Дворянскій полкъ находится въ ужасномъ положеніи, доставившемъ ему ту дурную славу, которою онъ пользуется: молодыхъ людей, поступающихъ въ оный большею частію изъ самаго отвратительнаго сословія людей, не воспитанныхъ дворянъ, ничему почти не обучаютъ кромѣ ружья, и каждый изъ нихъ, не имѣя выправки и пріемовъ приличныхъ солдату, несетъ на себѣ отпечатокъ грубости и разврата во взглядѣ и всѣхъ движеніяхъ.

Дней 10 тому, пріѣхалъ изъ Константинополя Рёльи, опредѣленный въ Корпусъ Топографовъ; онъ привезъ ко мнѣ и графу Орлову письма отъ сераскира. Письмо свое я показалъ А. Мордвинову, который хотѣлъ показать Бенкендорфу; но я не допустилъ сего, ибо Бенкендорфъ показалъ бы его Государю, и Орловъ могъ бы симъ обидѣться, а отвезъ оное къ графу Орлову, который у себя оное оставилъ, не говоря, что онъ его покажетъ Государю; но сіе можно было подразумѣвать, ибо онъ показывалъ Государю всѣ письма, которыя я ему отдавалъ и посылалъ. Чрезъ нѣсколько дней графъ Орловъ возвратилъ мнѣ письмо сіе, не говоря мнѣ, но давъ мнѣ понять, что оно было у Государя. Я спросилъ его, можно ли оное показать другимъ; онъ на то согласился, и я письмо сіе отдалъ Мордвинову, который показалъ его Бенкендорфу. Я предупредилъ его, что оно вѣроятно было у Государя, чтобы Бенкендорфъ во второй разъ его не возилъ къ нему; но Мордвиновъ, отдавая мнѣ черезъ нѣсколько дней письмо, сказалъ, что оно допрежъ того у Государя не было, и что Бенкендорфъ его показалъ Государю. Обстоятельство сіе дало мнѣ нѣкоторый поводъ къ заключенію, что Орловъ въ семъ случаѣ не былъ искрененъ ко мнѣ и не хотѣлъ показать сего письма Государю, опасаясь обнаружить вліяніе мое въ Турціи и уваженіе, которое ко мнѣ имѣетъ сераскиръ. И въ самомъ дѣлѣ, Рёльи мнѣ вчера говорилъ, что онъ видѣлъ письмо, писанное къ графу Орлову сераскиромъ и что въ слогѣ

сихъ писемъ большая разность: въ моемъ замѣтно душевное изліяніе чувствъ, а въ письмѣ къ графу Орлову болѣе холодности. Случай сей не первый, въ коемъ оказывается зависть графа Орлова къ довѣренности, которую я пріобрѣлъ между Турецкими чиновниками.

22-го я былъ дежурнымъ при Государѣ и отправился въ 12-мъ часу въ Зимній дворецъ, гдѣ пробылъ до 9-ти часовъ вечера, а въ сіе время, по полученному приглашенію, явился въ Аничковскій дворецъ, гдѣ у Государя былъ балъ. Мало было на семъ балѣ изъ людей знатныхъ, но болѣе, и почти все, молодые гвардейскіе офицеры, приглашенные для танцевъ, и мужья тѣхъ дамъ, которыя извѣстны своею красотою, новыя при дворѣ лица. Танцы продолжались безъ пощады до 3¼ часовъ утра, музыканты едва могли держаться играя, и часто доходило до того, что они испускали только нѣсколько невнятныхъ звуковъ. Государь и Императрица мало со мною говорили и были заняты болѣе увеселеніемъ. Послѣ ужина Михаилъ Павловичъ сыгралъ со мною три игры въ шахматы.—Вчера въ 2 часа пополудни пріѣхалъ Турецкій посолъ Ахметъ-паша, котораго я тотчасъ же не могъ навѣстить, потому что былъ дежурный.

23-го я навѣстилъ Ахметъ-пашу, который былъ весьма обрадованъ моимъ пріѣздомъ. Все ему здѣсь еще такъ ново и дико, что онъ не знаетъ на что и обратить вниманіе; при томъ же онъ окруженъ людьми къ нему равнодушными и болѣе наблюдающими за нимъ, чѣмъ способствующими къ развлеченію его.

24-го Ахметъ-паша былъ у меня и провелъ со мною весь вечеръ. Онъ совершенно предался свободѣ своихъ чувствъ, но его тяготитъ присутствіе сторожей: ибо полковникъ Мендъ, къ нему приставленный, не оставляетъ его ни на одинъ шагъ.

25-го я ѣздилъ смотрѣть Павловскій кадетскій корпусъ, гдѣ Сухозанетъ смотрѣлъ опыты новыхъ гимнастическихъ упражненій, которыя Государь хочетъ ввести въ корпусахъ. Учитель Шведъ, недавно изъ Швеціи, показывалъ первые пріемы сихъ упражненій, коимъ онъ уже выучилъ нѣсколько кадетъ; при семъ случаѣ я могъ еще разъ удостовѣриться въ невѣжествѣ и безтолочи Сухозанета, коему, къ сожалѣнію, повѣрено главное директорство всѣхъ учебныхъ заведеній. Я обѣдалъ у Кат. Бор. Ахвердовой, куда привозилъ Наташу, дабы познакомить ее съ двоюроднымъ братомъ ея Борисомъ Голицынымъ, сыномъ Нины Ѳедоровны. Вчера ввечеру я слышалъ у Мордвинова разсказъ объ одномъ замѣчательномъ поступкѣ Государя. Графъ Толь, извѣстный по своему грубому нраву, получившій нынѣ званіе начальника всего управленія путей сообщенія, занимаясь преобразованіемъ своего корпуса, замѣтилъ, что въ числѣ преподавателей

наукъ находился генералъ-маіоръ Резимонъ, человѣкъ старый и посему уже мало способный къ возложенной на него должности. Толь поручилъ генералу Базену сказать ему, дабы онъ вышелъ въ отставку или удалился. Базенъ не взялся исполнить сего и просилъ Толя принять на себя сію обязанность. Толь былъ симъ недоволенъ, но принужденъ принять на себя сіе порученіе. Однажды, позвавъ къ себѣ Базена, онъ заставилъ его у себя ждать около часа. Базенъ просилъ адъютанта Толя доложить ему, что, будучи занятъ обязанностью, онъ не можетъ никакимъ образомъ терять своего времени. Толь просилъ его еще подождать. Базенъ дожидался еще 1½ часа и, видя, что Толь не выходитъ, поручилъ адъютанту сказать ему, что, будучи слабъ въ здоровьи, онъ не можетъ далѣе дожидаться и ѣдетъ домой. Возвратившись домой, Базенъ написалъ къ Государю письмо, въ коемъ, излагая обстоятельства сіи, жаловался на поступокъ Толя и окончилъ письмо тѣмъ, что онъ за симъ ложится въ постель, съ коей вѣроятно болѣе не встанетъ, ибо сраженъ симъ непріятнымъ случаемъ. Государь послалъ Толю записку, въ коей онъ написалъ, что, принимая участіе въ положеніи Базена, коего службу онъ уважаетъ и узнавъ, что онъ боленъ, онъ бы самъ навѣстилъ его, но, не имѣя къ тому времени, поручаетъ сіе сдѣлать Толю и проситъ его, провѣдавъ о здоровьи Базена, пріѣхать къ нему съ отвѣтомъ, что̀ Толь и исполнилъ, какъ говорятъ. Симъ случаемъ открывъ надменность Толя, Государь не нарушилъ порядка службы и подчиненности, и поступокъ сей можетъ истинно назваться мудрымъ.

24-го числа поутру Государь неожиданно уѣхалъ съ Бенкендорфомъ, какъ говорятъ, въ Москву, откуда онъ долженъ возвратиться ко 2-му числу Декабря мѣсяца.

26-го числа я ѣздилъ къ Орлову, дабы сообщить ему просьбу сераскира, желающаго, чтобы ему прислали на образецъ сапёра съ инструментомъ, барабаннаго старосту и дали бы позволеніе снабжаться оружіемъ на нашемъ Тульскомъ заводѣ. Орловъ при семъ случаѣ сказалъ мнѣ, что у Государя было говорено о назначеніи меня на мѣсто Вельяминова начальникомъ Кавказской линіи. Впрочемъ, сказалъ онъ, что о семъ не было ничего опредѣленнаго, и что, напротивъ того, онъ слышалъ, что Государь говорилъ, что я ему на другое нуженъ; его же Орлова мнѣніе было меня лучше всего назначить на мѣсто самаго Розена главнокомандующимъ въ Грузіи. Но все сіе было сказано для того только, чтобы узнать мое мнѣніе, на что я отвѣчалъ, что, посвятивъ себя на службу, я не думалъ избирать себѣ мѣста, а буду доволенъ всякимъ, котораго меня удостоитъ Государь. Пріѣхавши домой, я однако подумалъ о трудностяхъ мѣста за-

нимаемаго Вельяминовымъ, мѣста зависимаго отъ Розена и подверженнаго пересудамъ здѣшнимъ, и рѣшился сегодня побывать опять у Орлова и сообщить ему мнѣніе мое, что, если я буду начальникомъ на Кавказской линіи, имѣя въ виду (какъ онъ самъ мнѣ сказалъ) мѣсто главнокомандующаго въ Грузіи (что̀ не могло бы укрыться и отъ самаго Розена), присутствіе мое въ тѣхъ мѣстахъ должно было непремѣнно возродить подозрѣнія начальника моего, видящаго близъ себя лице назначенное для смѣны его, и что въ такомъ случаѣ намъ бы трудно было остаться въ добрыхъ сношеніяхъ. Впрочемъ, предупредивъ его о семъ, я не думалъ отказываться отъ всякаго назначенія, коего меня удостоитъ Государь. Орловъ съ симъ мнѣніемъ былъ согласенъ и сказалъ, что по мнѣнію его меня бы должно было назначить командиромъ 6-го корпуса для наблюденія Турецкой границы; ибо нѣтъ сомнѣнія, что Европейская война когда нибудь въ той странѣ откроется, и что намъ тогда надобно будетъ занять Дарданелы. Сіе нѣсколько соотвѣтствуетъ тому, о чемъ я могъ догадаться вчера изъ рѣчей Клейнмихеля, коего я ввечеру навѣстилъ подъ другимъ предлогомъ. Орловъ сказалъ мнѣ еще, что Англичане и Французы разсылаютъ нынѣ ко всѣмъ берегамъ пролива офицеровъ своихъ, которые дѣлаютъ вездѣ съёмки; съ нашей стороны взяты подобныя же мѣры, и наши офицеры переодѣтые объѣзжаютъ Анатолію. Между тѣмъ не обращено настоящаго вниманія на измѣненіе положенія дѣлъ въ Турціи. Похоже, что зависть графа Орлова не допущаетъ правительство обратить вниманіе и на тѣ лица, коихъ свѣдѣнія по сему предмету могли бы быть полезны по основательности оныхъ, и если при общей безпечности и принимаются нѣкоторыя мѣры, то онѣ ошибочны и безполезны.

26-го числа Ахметъ-паша провелъ у меня вечеръ.

Въ первыхъ числахъ Декабря мѣсяца я провелъ однажды вечеръ у графини Чернышовой. Графъ былъ тутъ же и спросилъ меня, между разговорами, что̀ я расположенъ былъ дѣлать. Я изъяснилъ ему по сему случаю мое положеніе и просилъ его совѣта, ѣхать ли мнѣ теперь въ отпускъ; ибо я располагалъ сіе сдѣлать въ такомъ только случаѣ, если мнѣ не будетъ скораго куда либо назначенія, въ противномъ же я удовольствовался бы 28-ми дневнымъ отпускомъ въ проѣздъ мой черезъ Москву. Министръ отвѣчалъ мнѣ, что назначеніе мое не могло замедлиться и что меня располагали назначить на мѣсто Киселева, что между тѣмъ онъ полагалъ для меня лучше ѣхать въ отпускъ. Но если до назначенія сего пройдетъ 4 или 8 мѣсяцевъ и наконецъ годъ, сказалъ я, могъ ли бы я надѣяться получить безсрочный отпускъ до востребованія меня: ибо я бы воспользовался симъ временемъ, дабы заняться изданіемъ своихъ записокъ, къ чему мнѣ не предстоитъ бо-

лѣе подобнаго случая *). Графъ Чернышовъ обѣщалъ мнѣ постараться устроить сіе, сказавъ однакоже, что оно не безъ затрудненій. Подобный сему разговоръ я имѣлъ случайно съ Бенкендорфомъ, и онъ мнѣ сказалъ, чтобы я ему подалъ записку о семъ, принимая на себя доставить мнѣ отпускъ сей безсрочно. По соперничеству между Чернышовымъ и Бенкендорфомъ, обѣщанія сіи поставили меня въ затруднительное положеніе. Я объяснилъ оное брату Мордвинову, прося его изложить мысль мою безъ обиняковъ Бенкендорфу, на что Бенкендорфъ велѣлъ отвѣчать мнѣ, что я состою не подъ командою Чернышова, что всякое ходатайство такого рода отъ него зависитъ, а потому чтобы я только предупредилъ военнаго министра о семъ, а записку подалъ бы ему Бенкендорфу. И съ тѣхъ поръ я остаюсь въ совершенномъ недоумѣніи, даже брать ли мнѣ отпускъ сей, дабы не навлечь на себя неудовольствія одного изъ сихъ двухъ лицъ.

6-го числа я былъ во дворцѣ на выходѣ и ввечеру на балѣ. Въ сей день я получилъ аренду. Ввечеру Государь, увидя меня вмѣстѣ съ Орловымъ и Ахметъ-пашею, подошелъ къ намъ и, указывая на меня съ Орловымъ, сказалъ Ахметъ-пашѣ шутя: «Вотъ гарнизонъ Константинопольскій; я сожалѣю, что не могу говорить по турецки какъ Муравьевъ, а знаю только ла-иль-ала алла-ла».

Во время вечера Государь отводилъ въ сторону Англійскаго министра и долго разговаривалъ съ нимъ. Сіе могло быть послѣдствіемъ политическихъ дѣлъ нашихъ съ Англіею, касающихся къ войнѣ, по зависти, съ коею они смотрятъ на вліяніе пріобрѣтенное нами въ Турціи. Узнавъ о договорѣ, заключенномъ Орловымъ съ Турціею, Англичане сообщили Государю, что они не признаютъ договора сего, и что если мы вступимся за Турокъ, то они примутъ сторону паши Египетскаго, на что Государь отвѣчалъ имъ, что они властны признавать или не признавать договора сего, и что ему до того дѣла нѣтъ, ибо договоръ сей не съ ними былъ заключенъ, а съ султаномъ; что же касается до участія, которое они располагали принять въ дѣлахъ Египтянъ, то чрезъ сіе перемѣнится только число войскъ, которое будетъ послано въ такомъ случаѣ на помощь султану: ихъ будетъ тогда вмѣсто 20,000 отправлено 100,000. Послѣ сего отвѣта Англичане начали съ большею дѣятельностію вооружать свой флотъ. — Находясь въ затрудненіи просить отпуска своего по незнанію къ кому именно мнѣ обратиться за симъ, я былъ готовъ отказаться и отъ отпуска, дабы не попасться среди ссоры двухъ особъ, другъ друга ненавидящихъ, какъ нечаянно дѣло сіе получило развязку.

*) Это намѣреніе Н. Н. Муравьева издать свои записки о поѣздкѣ въ Турцію и Египетъ исполнилось лишь по его кончинѣ. П. Б.

8-го числа я получилъ повѣстку, чтобы прибыть поутру во дворецъ для благодаренія Государя за пожалованную мнѣ 6-го числа аренду. Передъ тѣмъ временемъ военный министръ былъ у Государя съ докладомъ, и вѣроятно изложилъ ему мое желаніе, потому что какъ скоро я вошелъ къ Государю, Его Величество, обратясь ко мнѣ, спросилъ меня: «Ты желаешь въ отпускъ ѣхать?»—Я желалъ бы повидаться съ отцомъ, если Ваше Величество не располагали въ скоромъ времени дать мнѣ какое либо порученіе.—«Отецъ твой старъ?»—Ему 65 лѣтъ.— «Ты его видѣлъ нынѣ на обратномъ пути своемъ?»—Не видалъ, а когда ѣхалъ въ Египетъ, то видѣлся съ нимъ, по позволенію вами мнѣ данному, два дня.—«Поѣзжай въ отпускъ, я теперь не имѣю порученій для тебя, и оставайся у отца; я тебя спрошу, какъ нужно будетъ». Я благодарилъ Государя. Отъ него мы вышли и дожидались видѣть Императрицу. Тутъ вышелъ отъ нея Бенкендорфъ и, не зная кому я былъ обязанъ за ходатайство объ отпускѣ семъ, я его благодарилъ за оное. Неожиданное заявленіе сіе сперва нѣсколько изумило его; но онъ, на себя принявъ оное, сказалъ, что когда только буду имѣть нужду въ немъ, то могу къ нему писать и быть увѣреннымъ въ участіи, которое онъ во мнѣ приметъ.

9-го я былъ у военнаго министра, котораго также благодарилъ и узналъ, что онъ докладывалъ обо мнѣ Государю. Онъ сказалъ мнѣ, что о семъ не будетъ отдано въ приказахъ, а что я получу отъ него повелѣніе и что при мнѣ останется все мое содержаніе, а когда во мнѣ предстанетъ надобность, то онъ мнѣ напишетъ.

Вчера 10-го я былъ у графа Орлова, который, предлагая мнѣ свои услуги, увѣрялъ въ преданности и назвался самъ написать ко мнѣ, коль скоро будетъ для меня назначеніе. И такимъ образомъ разрѣшился для меня отпускъ, коего я не просилъ, и затруднительный случай, съ самыми выгодными для меня обстоятельствами.

13-го, по случаю храмоваго праздника Финляндскаго полка, былъ церковный парадъ оному; я былъ дежурнымъ при Государѣ. До прибытія его, военный министръ, отведши меня въ сторону, сказалъ, что хотя Государь и дозволилъ мнѣ ѣхать въ отпускъ, но что виды его дать мнѣ назначеніе по обстоятельствамъ, нынѣ встрѣтившимся, измѣнились и что могло случиться, что мнѣ въ скорости дастся порученіе; а потому онъ желалъ знать, какъ скоро я бы могъ прибыть изъ отпуска, когда меня потребуютъ, сказавъ, что за мною пошлютъ въ такомъ случаѣ фельдъегеря. Я отвѣчалъ, что на 8-й день по отправленіи за мною фельдъегеря я могу явиться въ Петербургъ, но что я готовъ остаться, еслибъ мнѣ дали позволеніе провести дней 20 въ Москвѣ. Министръ отвѣчалъ мнѣ, что сего нельзя будетъ сдѣлать и

что онъ на дняхъ увѣдомитъ меня о семъ письменно съ тѣмъ, чтобы я его увѣдомилъ о мѣстѣ пребыванія моего. Слышавши за 10 минутъ до сего разговора, что шахъ Персидскій умеръ и зная, что наслѣдникъ престола, сынъ его Аббазъ-Мирза, также умеръ, я догадывался, что въ Персіи произошли безпорядки, вслѣдствіе коихъ располагали меня туда послать. Порученіе такого рода нисколько бы не соотвѣтствовало моимъ намѣреніямъ, но въ семъ случаѣ мнѣ не представляется избирать своего назначенія, и я долженъ буду, можетъ быть, съ подобною неопредѣлительностію отправиться въ порученіе дальнее и коего послѣдствія и успѣхъ останутся въ неизвѣстности отъ того, какъ оное будетъ представлено.—По случаю полковаго праздника былъ обѣдъ во дворцѣ. Императрица показывала мнѣ подарки, полученные ею отъ султана. Государь же, отпуская меня, сказалъ на ухо, чтобы отложить на время поѣздку мою въ отпускъ и дожидаться еще дня два.—Ввечеру вчера, 13-го числа, пріѣхалъ сюда изъ Гродны братъ Михайла, съ коимъ я и провелъ остальную часть дня до поздней ночи.

15-го Орловъ сказывалъ мнѣ, что цѣль, которую Государь имѣлъ касательно меня, состояла въ томъ, чтобы послать меня начальникомъ войскъ въ Крыму или въ Константинополь для образованія Турецкой арміи по случаю тому, что Англійскій флотъ, пришедшій въ Смирну, грозился вторженіемъ въ Черное море. Я отвѣчалъ, что послѣднее изъ сихъ двухъ порученій полагаю я довольно труднымъ. И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ пришлось бы въ такомъ случаѣ принять на себя занятіе, весьма невѣрное къ успѣху; ибо по выѣздѣ моемъ изъ Константинополя, кажется, не обращали болѣе никакого вниманія на пріобрѣтенный нами вѣсъ въ дѣлахъ Турціи и положились совершенно на договоръ, заключенный графомъ Орловымъ, упустя изъ виду, что Турки никогда не будутъ въ состояніи выполнить онаго. Вчера же мнѣ Орловъ говорилъ, что я могъ надѣяться въ скорости получить свой отпускъ; ибо Англичане, по полученіи грознаго отзыва Государя о намѣреніи его защитить Турцію, перемѣнили обхожденіе свое и оказались совершенно покорными.—На дняхъ я обѣдалъ у министра двора; обѣдъ сей давался для принятія Ахметъ-паши. Я увидѣлся съ графомъ Орловымъ, который мнѣ говорилъ, что я скоро получу свое увольненіе въ отпускъ; но съ тѣхъ поръ я видѣлся и съ военнымъ министромъ, который мнѣ ничего о семъ не говорилъ. Вчера я обѣдалъ по приглашенію у Датскаго посланника, графа Блома.

25-го былъ большой выходъ во дворцѣ съ положеннымъ торжествомъ и молебствіемъ по случаю освобожденія Россіи отъ нашествія Французовъ въ 1812 году. Вчера, 26-го, я былъ дежурнымъ при Го-

сударѣ и пошелъ къ обѣднѣ въ малой церкви придворной, при коей присутствовала Императрица съ Наслѣдникомъ. По выходѣ изъ церкви она обратилась ко мнѣ и между прочимъ разговоромъ спросила, какъ мнѣ вчера понравилась церковная церемонія. Я отвѣчалъ, что обрядъ сей весьма величественъ и что мнѣ въ первый разъ еще случилось видѣть его. Она спросила, какъ мнѣ нравится новая арія, которую я наканунѣ слышалъ, введенная нынѣ при встрѣчѣ Государя вмѣсто Англійскаго «Боже, Царя храни». Я также похвалилъ сіе новое произведеніе Жуковскаго и Львова. «Я надѣюсь, сказала Государыня, что она останется въ потомствѣ».—Должно такъ быть, отвѣчалъ я, ибо голосъ сей имѣетъ весьма много народнаго. Вскорѣ прошелъ черезъ туже комнату Государь и отпустилъ меня; но я остался еще, дабы присутствовать при смотрѣ, который Государь дѣлалъ людямъ, выбраннымъ изъ гренадеръ въ гвардію. Сіе продолжалось около часа. Государь спросилъ меня только, можно ли найдти людей такихъ для избранія въ гвардію въ войскахъ, нынѣ бывшихъ со мною въ Турціи; но я сказалъ, что дивизія сія очень бѣдна людьми, и едва ли нѣсколько человѣкъ подобныхъ сему въ полкахъ отыщется.

Возвратившись домой, я сталъ было заниматься составленіемъ описанія послѣдней войны между Турками и Египтянами, за которое я въ недавнемъ времени принялся, но скоро былъ отозванъ на вечеръ къ Императрицѣ. Къ 9 часамъ вечера я явился на ея половину и прежде всѣхъ встрѣтилъ Наслѣдника, выходившаго отъ нея; онъ былъ одѣтъ въ курткѣ, очень просто и, пожавъ мнѣ руку, спросилъ, зачѣмъ я былъ въ полной формѣ. Я отвѣчалъ, что полагалъ сіе должнымъ, потому что былъ дежурнымъ. Тотъ же вопросъ сдѣлала мнѣ Императрица, когда я къ ней взошелъ, и по отданіи ей того же отвѣта, она сказала улыбаясь, что Государь меня за сіе побранитъ. Присутствующіе на семъ вечерѣ были, кромѣ Императрицы, Наслѣдникъ, принцъ Оранскій съ сыномъ, оберъ-шенкъ графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, князь Долгорукій Василій, оберъ-шталмейстеръ, генералъ-майоръ Чевкинъ и флигель-адъютантъ Демидовъ, которые были тоже дежурными, и флигель-адъютантъ князь Урусовъ. Дамы были: графиня Нессельроде, Смирнова, графиня Радзивилъ, бывшая Урусова, и фрейлины графиня Тизенгаузенъ и Шереметева. Вечеръ прошелъ въ разговорахъ. Государь пріѣхалъ около 10 часовъ, ужинали въ 11 и въ 12 разошлись. Государь входя замѣтилъ мнѣ, что я напрасно надѣлъ шарфъ, велѣлъ его скинуть и рекомендовалъ меня принцу Оранскому, назвавъ меня въ шутку Арабомъ и Туркою, Mouravieff l'Arabe et le Turc. Государь болѣе занимался съ княгинею Радзивилъ, подлѣ которой онъ сѣлъ, и входилъ въ разговоръ Императрицы и принца

Оранскаго съ придворными, касавшійся большею частію обыкновенныхъ происшествій городскихъ; однажды только онъ коснулся государственныхъ дѣлъ и сказалъ, что соединенные Англійскій и Французскій флоты удалились въ Мальту и Тулонъ. «Слышалъ ли, Муравьевъ? продолжалъ онъ, обратившись ко мнѣ; накрути себѣ это на усъ!»

Передъ тѣмъ какъ разъѣзжаться, Государь вставши подошелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ съ видимымъ удовольствіемъ тоже самое. «И это они сдѣлали», продолжалъ Государь, «по депешѣ, которую имъ написалъ Турецкій министръ вслѣдствіе нашихъ внушеній и требованій. Это хорошо, что они насъ такъ слушаются. А что дѣлаетъ твой Ахметъ-паша? Ахъ какъ онъ глупъ! Неужели нѣтъ въ Турціи совсѣмъ уже умныхъ людей?» — Есть, отвѣчалъ я, у нихъ сераскиръ человѣкъ очень ловкій. — «Да что за дѣло, лишь бы слушались; а эти хорошо слушаются.» — Слушаются, Государь, но между тѣмъ ничего не дѣлаютъ. На дняхъ у меня былъ Ахметъ-паша, и я спросилъ его, что́ у нихъ дѣлается въ Дарданелахъ. Онъ сказалъ мнѣ, что укрѣпляютъ и совершенно освоились на счетъ сего. Они такъ вялы и лѣнивы, что ничего тамъ не дѣлаютъ, артилерія ихъ въ Дарданелахъ и укрѣпленія въ самомъ бѣдственномъ положеніи, а предметы сіи требуютъ большаго вниманія, дабы привести ихъ въ состояніе дѣйствовать. — «Я знаю сіе», сказалъ Государь, «лѣнь во всемъ препятствуетъ имъ; но если они и не исполнятъ должнаго, то я въ полномъ увѣреніи, что причиною сему не будетъ ихъ недоброжелательство или уклоненіе отъ исполненія обѣщаній, а именно безпечность и слабость ихъ».

Вскорѣ послѣ сего всѣ разъѣхались. На семъ вечерѣ я познакомился съ фрейлинами графинею Тизенгаузенъ и Шереметевою.

26-го числа было во дворцѣ общее представленіе принцу Оранскому.

27-го былъ обѣдъ у Австрійскаго посла графа Фикельмонта, на коемъ присутствовалъ и Ахметъ-паша.

(*Продолженіе будетъ*).

ИЗЪ БУМАГЪ В. М. ЛАЗАРЕВСКАГО [1]).

Василій Матвѣевичъ Лазаревскій родился 26 Февраля 1817 г. въ селѣ Гирявкѣ, Конотопскаго уѣзда Черниговской губ. Отецъ его, Матвѣй Ильичъ [2]) небогатый Конотопскій помѣщикъ, владѣлецъ 400 десятинъ и 40 душъ крестьянъ, постоянно служилъ въ своемъ уѣздѣ, занимая различныя должности отъ казны и по выборамъ (засѣдателя, уѣзднаго судьи и предводителя дворянства) и пользовался общимъ уваженіемъ за добросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, которое онъ съумѣлъ передать и своимъ дѣтямъ. Мать его, Аѳанасія Алексѣевна (ур. Лощинская † 1879) была тоже личность не заурядная: въ скромномъ помѣщичьемъ быту она съумѣла дать лучшее первоначальное воспитаніе своимъ дѣтямъ—шести сыновьямъ и двумъ дочерямъ, внушивъ имъ горячую любовь къ добру и правдѣ. Г. Чалый, въ своей книгѣ „Жизнь и произведенія Тараса Шевченка" (Кіевъ, 1882, стр. 151), упоминая объ Аѳанасіи Алексѣевнѣ Лазаревской, говоритъ: „Въ укромномъ уголкѣ Конотопскаго уѣзда, Черниговской губ., жила почтенная старушка, мать шести сыновъ-соколовъ. Старшаго изъ нихъ, Василія Матвѣевича Лазаревскаго, братья уважали за батька, и недаромъ: съ его помощью всѣ они повыходили въ люди и сдѣлались впослѣдствіи весьма полезными дѣятелями на различныхъ поприщахъ государственной службы. Семейство Лазаревскихъ представляетъ рѣдкій образецъ родственной любви и привязанности. Всѣ шесть братьевъ питали къ матери примѣрныя чувства сыновней любви. Съ двумя изъ ея сыновей Ѳедоромъ и Михаиломъ Тарасъ Григорьевичъ познакомился въ 1847 году въ Оренбургѣ, а съ ихъ матерью во время послѣдней своей поѣздки въ Малороссію въ 1859 году. Онъ иначе не называлъ ее, какъ „божественною старушкою".

Таковъ былъ складъ семьи, изъ которой вышелъ Василій Матвѣевичъ. Прямой, честный и трудолюбивый, не знавшій сдѣлокъ съ совѣстью, обладая при этомъ хорошимъ образованіемъ и отличными способностями, онъ во всѣхъ житейскихъ положеніяхъ оставался вѣренъ своимъ правиламъ и тѣмъ заслужилъ общее уваженіе. О первыхъ шагахъ его на жизненномъ поприщѣ

---

[1]) Помѣщаемый здѣсь біографическій очеркъ В. М. Лазаревскаго составленъ сыномъ его Сергіемъ Васильевичемъ Лазаревскимъ, сообщившимъ въ „Русскій Архивъ" и нижеслѣдующія выдержки изъ его бумагъ. П. Б.

[2]) Умеръ въ Гирявкѣ 7 Іюня 1857 года, 69 лѣтъ отъ роду.

читатель узнаетъ ниже по его собственному разсказу. Василій Матвѣевичъ пользовался особеннымъ расположеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Льва Алексѣевича Перовскаго, который, будучи назначенъ 30 Августа 1852 г. министромъ удѣловъ и управляющимъ Кабинетомъ Его Величества, перевелъ его на службу въ это министерство, съ назначеніемъ секретаремъ въ свою канцелярію. Графъ Л. А. Перовскій скончался 9 Ноября 1856 г., и въ управленіе удѣлами, съ званіемъ предсѣдателя Департамента Удѣловъ, вступилъ 24 того же Ноября г-лъ отъ инфантеріи Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ. бывшій въ тоже время членомъ Государственнаго Совѣта и управляющимъ Межевымъ Корпусомъ, а въ слѣдующемъ 1857 г. назначенный министромъ государственныхъ имуществъ. Муравьевъ сдѣлалъ Василія Матвѣевича въ 1857 году правителемъ своей канцеляріи и относился къ нему съ неограниченнымъ довѣріемъ, возложивъ на него при этомъ непріятную обузу веденія и своихъ частныхъ хозяйственныхъ дѣлъ. Въ 1862 г., за двѣ недѣли передъ тѣмъ, какъ Муравьевъ оставилъ управленіе Департаментомъ Удѣловъ, изъ-за одной неловкой фразы, сказанной имъ Лазаревскому, между ними произошла размолвка и, не смотря на всѣ старанія Муравьева, Василій Матвѣевичъ остался непреклоненъ, въ единственное свое свиданіе съ Муравьевымъ послѣ этого случая, рѣзко отказавшись отъ всякаго примиренія.

24-го Іюля 1863 г. В. М. Лазаревскій былъ оставленъ за штатомъ по случаю упраздненія канцеляріи предсѣдателя Департамента Удѣловъ.

Въ томъ же 1863 году Василій Матвѣевичъ, по желанію новаго министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева, былъ назначенъ (29 Ноября) вицедиректоромъ Департамента Общихъ Дѣлъ и съ 14 Февраля 1864 г. до 30 Августа 1865 г. управлялъ этимъ Департаментомъ. За это время онъ принималъ участіе въ коммиссіяхъ: 1) при Министерствѣ Госуд. Имуществъ, для пересмотра правилъ объ оцѣнкѣ казенныхъ земель (въ 1864 г) и 2) при Министерствѣ Внутр. Дѣлъ, для окончательнаго разсмотрѣнія проекта новаго установленія о дворянскихъ собраніяхъ и выборахъ (въ 1866 г.).

30 Августа 1866 г. Василій Матвѣевичъ былъ назначенъ членомъ Совѣта министра внутреннихъ дѣлъ и Главнаго Управленія по дѣламъ печати, а 1 Января 1873 г. произведенъ въ тайные совѣтники.

Состоя въ этихъ должностяхъ, Василій Матвѣевичъ былъ назначаемъ членомъ нѣкоторыхъ весьма важныхъ коммиссій, а именно: 1) для разработки и составленія проекта закона о нѣкоторыхъ гражданскихъ правахъ раскольниковъ (1868 г.), 2) по составленію общаго систематическаго проекта о тюремномъ въ государствѣ преобразованіи (1872 г), 3) для ближайшаго обсужденія проекта Положенія о Строительномъ Училищѣ или нынѣшнемъ Институтѣ Гражданскихъ Инженеровъ (1874 г.). 4) для всесторонняго обсужденія и разработки остальныхъ высочайше учрежденныхъ въ 16-й день Августа 1864 г. предначертаній Особаго Временнаго Комитета по дѣламъ о раскольникахъ (1875 г), 5) для разсмотрѣнія записки В. М. Лазаревскаго относительно мѣръ къ истребленію волковъ (1876 г.). Кромѣ того онъ былъ предсѣдателемъ: 1) особой коммиссіи при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ

для окончательной разработки новаго проекта закона объ охотѣ на основаніи изложенныхъ въ высочайше утвержденномъ постановленіи учрежденнаго при Государственномъ Совѣтѣ особаго присутствія по дѣлу объ охотѣ (1872 г.) и 2) коммиссіи для ревизіи капиталовъ и для повѣрки выполненія дѣйствующей инструкціи по изданію газеты „Правительственный Вѣстникъ“ (1880 г.).

Василій Матвѣевичъ Лазаревскій скончался въ Петербургѣ, на службѣ, 28 Апрѣля 1890 года.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что почти всѣ чины Василій Матвѣевичъ получилъ „за отличіе“ и имѣлъ слѣдующія высшія степени орденовъ: Св. Станислава 1-й степени (1868 г.), Св. Анны 1-й степени (1871 г.), Св. Владимира 2-й степени (1876 г.) и Бѣлаго Орла (1880 г.).

*

Настоящій біографическій очеркъ конечно не обрисовываетъ по существу ни его дѣятельности, во многихъ отношеніяхъ крайне замѣчательной, ни личности самого Василія Матвѣевича.

Въ молодости и въ первые годы своей службы Василій Матвѣевичъ занимался литературою, и не безъ успѣха. Послѣ него остались: 1) разсказы „Ночь въ степи“ (въ № 8 Литературной газеты за 1846 г.), „Капельмейстеръ“, „Дѣвичникъ“ и „Передняя“ (въ Отечественныхъ Запискахъ за Мартъ и Іюнь 1851 г.), „Логвинъ Райтузъ“ и „Деревенскій случай“; 2) повѣсти: „Добрая душа“, „Странная любовь“ и „Судьба“ и 3) романъ „Житейскія встрѣчи“. Послѣднія изъ названныхъ произведеній, отчасти по желанію автора, отчасти по независившимъ отъ него обстоятельствамъ, напечатаны не были. Затѣмъ Василій Матвѣевичъ серьезно изучалъ Шекспира, и плодомъ этихъ занятій были его переводы: „Отелло“ въ „Пантеонѣ“ за 1845 г. и изданъ отдѣльно тогда же, „Король Лиръ“ (изданъ отдѣльно въ 1863 году), и „Макбетъ“ (не напечатанъ). Кромѣ того имъ были помѣщено въ „Музеѣ Иностранной Литературы“ за 1847 годъ нѣсколько повѣстей, переведенныхъ съ Французскаго.

Василій Матвѣевичъ занимался также составленіемъ Малороссійско-русскаго словаря, и собранные имъ матеріалы для этого труда находятся, въ порядкѣ, въ оставшихся послѣ него бумагахъ.

Впослѣдствіи, состоя членомъ Совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, Василій Матвѣевичъ, съ разрѣшенія А. Е. Тимашева, принялъ на себя разработку собираемыхъ Министерствомъ черезъ губернаторовъ оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ объ истребленіи волками скота и въ 1876 году издалъ свой трудъ подъ названіемъ „Объ истребленіи волкомъ домашняго скота и дичи и объ истребленіи волка“, обратившій на себя вниманіе администраціи, земства и печати, какъ первый опытъ статистическаго изслѣдованія столь важнаго для народнаго хозяйства вопроса *).

Будучи страстнымъ охотникомъ и знатокомъ охотничьяго дѣла, Василій Матвѣевичъ еще въ 70-хъ годахъ задумалъ изданіе такого труда по части

---

*) И. С. Тургеневъ приравнивалъ эту книгу В. М. Лазаревскаго къ сочиненіямъ С. Т. Аксакова объ охотѣ. П. Б.

охоты, который обнялъ бы всѣ стороны этого дѣла (научную, экономическую, промышленную и пр.) и приступилъ тогда же къ его составленію, но по обширности поставленной задачи не успѣлъ при жизни привести его къ окончанію, и только нѣкоторые отдѣлы этого труда были имъ окончательно обработаны для печати и находятся въ его бумагахъ.

Вслѣдствіе своихъ разностороннихъ занятій Василію Матвѣевичу приходилось сходиться въ жизни съ многими видными литературными и административными дѣятелями; но, къ сожалѣнію, онъ не велъ постоянныхъ записокъ. Въ бумагахъ его сохранились лишь отрывочныя замѣтки и воспоминанія его о службѣ при графахъ Перовскомъ и Муравьевѣ, а также о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ событіяхъ; но за то бумаги эти содержатъ въ себѣ любопытные матеріалы для характеристики какъ самаго Василія Матвѣевича, такъ и лицъ, находившихся съ нимъ въ сношеніяхъ.

*

I. Мое знакомство съ Далемъ *).

Судьба какъ-то тянула меня къ Далю еще съ начала 40-хъ годовъ. Я кончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ въ 1840 г. Въ этомъ, или въ слѣдующемъ году, вызывали, помнится оффиціально желающихъ занять мѣста учителей въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ корпусѣ. Случайно какъ-то я зналъ, что Даль служитъ въ Оренбургѣ и просилъ его, какъ извѣстнаго уже литератора, устроить меня, молодаго студента, учителемъ Исторіи или Словесности. На это письмо изъ Харькова я не получилъ отвѣта. Не знаю, дошло ли даже оно къ Далю, такъ какъ въ 1841 г. онъ уже оставилъ Оренбургъ, занявъ мѣсто секретаря при товарищѣ министра удѣловъ (1 Сент. 1841 г.), Львѣ Алексѣевичѣ Перовскомъ, который былъ одновременно и министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Между тѣмъ я познакомился съ однимъ порядочнымъ господиномъ, засѣдателемъ Харьковской Гражданской Палаты Лялинымъ, который склонилъ меня поступить туда на службу. (Поступилъ въ Августѣ 1841 г., вышелъ въ Августѣ 1842 г.). Въ первое мое служебное дежурство мнѣ захотѣлось продежурить лично, хотя обязанность эту обыкновенно выполняли три-четыре чиновника побѣднѣе, за положенную плату (50 к.) Лакей мой принесъ мнѣ въ Палату книгу, чай, постель, и ночь провелъ я отлично. Утромъ поднялась въ Палатѣ буря: пропали какія-то дѣла, довольно важныя. Первымъ привлекли къ отвѣтственности конечно дежурнаго. Передряга была большая; но скоро открыли несчастнаго, который, по злобѣ на товарища, выкралъ эти дѣла изъ его шкапа, еще раньше моего дежурства. Случай этотъ, со всѣми его деталями, развилъ во мнѣ такое отвращеніе къ моему служебному положенію, что я пересталъ посѣщать Палату и скоро совсѣмъ оттуда вышелъ.

---

*) Автобіографическая статья эта, равно какъ и нижеслѣдующія письма В. И. Даля, назначались для „Русскаго Архива" самимъ покойнымъ В. М. Лазаревскимъ. Сынъ В. И. Даля, Левъ Владиміровичъ († 1878), письменно выразилъ В. М. Лазаревскому свое на то согласіе. П. Б.

Черезъ полгода, извѣстный герой 1812 г., графъ В. В. Орловъ-Денисовъ, жившій тогда въ Харьковѣ, предложилъ мнѣ приготовить въ учебныя заведенія двухъ его малолѣтнихъ внуковъ, Себряковыхъ. Въ превосходной мѣстности на Дону, недалеко отъ Медвѣдицы *), въ прекрасномъ семействѣ, въ занятіяхъ съ толковыми, прелестными ребятами, три года пролетѣли незамѣтно за работой и на охотѣ въ безлѣсныхъ степныхъ пространствахъ. За это время я съѣздилъ въ Харьковъ и сдалъ экзаменъ на кандидата, въ Февралѣ 1844 г. Диссертацію мою хотѣли напечатать отъ университета, но я на это не согласился. Денегъ тутъ получалъ я пропасть, свыше трехъ тысячъ р. въ годъ; большая часть ихъ уходила въ магазинъ Я. А. Исакова, и когда съ Дона пріѣхалъ я въ деревню къ своимъ старикамъ, то единственный мой багажъ состоялъ изъ нѣсколькихъ ящиковъ и чемодановъ съ книгами.

Дома я прожилъ съ полгода; но какъ ни хороша Малороссія и какъ ни пріятно жилось съ сосѣдями, меня скоро одолѣла тоска бездѣлья, и въ концѣ Февраля 1846 отправился я въ Петербургъ, гдѣ не имѣлъ ни одного знакомаго человѣка.

Отправился я самъ-четвертъ: братишка Александръ, мальчикъ лѣтъ 12-ти, слуга мой (еще со студенчества), парень моихъ лѣтъ, и огромный лягавый песъ Бонгардъ. Въ карманѣ было 100 р. Денегъ этихъ хватило всего на два мѣсяца Петербургской жизни. Въ будущемъ ровно ничего, а на совѣсти три отлично работавшихъ желудка, не считая собственнаго. Переживались дни вообще крѣпко нехорошіе.

Въ Майской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ 1846 г. помѣщена была, не помню какая, повѣсть Даля. Заключительныя ея строки были: „Ровно ни шагу.... будь даже добрый человѣкъ совершенно чуждъ всякихъ любочестивыхъ помысловъ“. Онѣ какъ-то приходились какъ нельзя лучше къ моему тогдашнему положенію. *Служить,* послѣ Гражданской Палаты, я уже не разсчитывалъ; но тутъ приходилось отвѣчать не за одного себя и, взявши эпиграфомъ помянутыя строки Даля, я написалъ слѣдующее длинное, горячее письмо къ Далю, который тогда былъ какъ-то особенно виденъ и въ литературѣ, и въ администраціи.

„1846, 5 Мая. Ровно ни шагу... будь даже добрый человѣкъ совершенно чуждъ всякихъ любочестивыхъ помысловъ“... Вы бы не написали, пожалуй, этихъ строкъ, еслибъ знали, какое странное посланіе вызовутъ онѣ. Да, нужно было прочитать именно это и именно въ ту минуту, когда человѣкъ не боится уже преслѣдовать самую дерзкую мысль, чтобы рѣшиться на поступокъ, которому во всякомъ случаѣ суждено перейти въ воспоминаніе неловкое, на который не глянешь послѣ свѣтло. Просить человѣка безъ всякихъ отношеній къ нему, просить такъ странно, и наконецъ просить, не опредѣливъ, да и не умѣя опредѣлить, о чемъ просишь! Послѣднее диковиннѣй всего, а между тѣмъ это правда. Знаю васъ уже давно; но о томъ, что вы здѣсь, пришлось мнѣ слышать случайно при отъѣздѣ въ Петербургъ. Странно,

*) Близъ нынѣшней станціи Себряковки Грязе-Царицынской желѣзной дороги. С. Л.

что тогда уже, кидаясь въ этотъ сверкающій и страшный горнъ, весь трепетный, загадывая о будущемъ своемъ, я, на мгновеніе иногда, успокоивалъ тревогу свою темною какою-то вѣрою въ васъ. Но передъ далекимъ только смѣлъ человѣкъ, и для крайняго средства всегда нужны крайнія причины.

Кончивъ университетскій курсъ, я, какъ водится, искалъ цѣлый годъ мѣста учителя. Въ Харьковѣ не приняли прошенія: мѣстъ мало, кандидатовъ много. Не всѣ же начинаютъ удачно; пришлось утѣшиться хоть этимъ. Въ Оренбургѣ и приняли, да черезъ пять мѣсяцевъ отказали; а служить нужно. Обѣщали сдѣлать въ Гражданской Палатѣ столоначальникомъ, я и поступилъ на вакансію, а меня сдѣлали писцомъ. Жалованья 5 рублей въ мѣсяцъ, на обычныя субсидіи не двигались ни воля, ни рука. Студенческія мечтанія разлетѣлись; голая, неумолимая дѣйствительность разоблачала все, что̀ расцвѣчалось молодой вѣрою; не разъ пришлось глянуть серіозно, безъ охмѣляющей восторженности, въ себя и вокругъ себя; захотѣлось учиться, захотѣлось уединенія. Я оставилъ службу и уѣхалъ на Югъ въ скромномъ качествѣ приватъ-доцента.

Безъ общества, безъ близкихъ, безъ развлеченій, три года прожилъ я тамъ, какъ три дня, съ книгою, конемъ, да степью. Звали оттуда въ Оренбургъ, ровно черезъ годъ послѣ подачи прошенія; да ужъ не промѣнялъ бы я тогда своей доли ни на какую другую. Разомъ стало и свѣтло, и счастливо. Средства позволяли слѣдить за литературой и наукою, времени было довольно разбирать все это. Худо ли, хорошо ли, только я и тутъ не опредѣлилъ себѣ цѣли. Сдалъ кандидатскій экзаменъ, началъ работать для магистерскаго; но по времени я уже охладѣлъ къ той сферѣ положительнаго значенія, въ которую вводятъ эти экзамены. День за день я выходилъ изъ того, чтобъ считать науку средствомъ къ чему бы то ни было; потомъ стало видно, что поздно началъ учиться, чтобы законно имѣть притязаніе на каѳедру; просто жаль стало оторваться отъ жизни для академической жизни только... Да какъ-то казалось, что и не туманиться этому свѣтлому дню. Тогда, по крайней мѣрѣ, ничего лучшаго не хотѣлъ я; извѣстно: народъ лѣнивый, любитъ полежать въ просѣ на печи. А природа? Вы знаете ее! Какъ сядешь на одинокій курганъ, да глянешь до конца свѣта, такъ бы и кинулся вплавь по этому волнистому морю травъ и цвѣтовъ и плылъ бы, упиваясь гуломъ его и пахучимъ дыханіемъ до самаго края свѣта. Весело на душѣ—работай! Вотъ тебѣ кабинетъ—цѣлый садъ надъ свѣтлой рѣкою, выбирай любую кучу черемухъ, липъ и яблонь, все облито пахучимъ цвѣтомъ, все озарено сверкающимъ тепломъ, надъ всѣмъ ходитъ такая широкая воля. Набѣжала черная думка, свиснулъ укрючнаго—ржетъ, визжитъ, бьется на чумбурѣ; огрѣешь черезъ лобъ ногайкой, кинешься во всѣ лопатки, неси куда знаешь, не только на человѣка, на порядочный кустъ не наткнешься и, вѣрится, доскачешь до солнца, что̀ лѣниво качается въ росистой зелени, и обниметъ тебя міръ беззвучной пустыни, какъ полъ неба обнимаетъ пустыню. И стыдно станетъ своей мелкой раздражительности предъ этимъ покоемъ широкой силы, благодатно дышащей въ пространствѣ, и ѣдешь свѣжій, добрый и покойный,

когда шепчетъ густою травою вся безмѣрная степь, и прислушивается къ ней, нагнувшись, темносинее небо... Все твое кажется—и небо, и звуки, и степь, и самъ ты весь свой.

Кончилъ я тамъ свое дѣло, заѣхалъ на родину, на Украйну; но страшно въ ней оставаться тому, кто не хочетъ еще совсѣмъ заснуть въ этомъ привычномъ складѣ тамошняго быта. Полгода я прожилъ тамъ. Если бы остался еще на полгода, то ужъ не поѣхалъ бы ни за что оттуда. Но столько и читалъ и слышалъ я о Петербургѣ, что тянуло меня сюда непреодолимо. Безъ риску не только выигрыша, нѣтъ игры даже. Перекрестился и пустился на волю Божью, да еще съ маленькимъ братомъ.

Вотъ уже живу два мѣсяца, да жить-то не въ мочь приходится. Служить бы нужно, да безъ указныхъ трехъ лѣтъ въ министерство не попасть, а губернскихъ попробовалъ уже: за все мое время не дадутъ тамъ и столько, чтобъ содержать себя, да и того еще дождешься ли? Работать бы хотѣлось, да работа изъ рукъ валится. Когда засыпаешь и просыпаешься, такъ и не доведи Господи! Дерево по закону не тонетъ, а посади неустойчиво лодку—чтò ни качнуло, то и на боку; а межъ людьми идетъ волна не то что по морю, а качнетъ невзгодье—чтò твоя погода, хватитъ девятымъ разъ другой, только волосье всплыветъ. Знакомыхъ нѣтъ, протекцій и не водилось; просить некого, да и не умѣю: вотъ и за глаза теперь краснѣю какъ пансіонерка, хоть уже дѣдомъ смотрю.

Но объ чемъ же я васъ прошу,—не знаю. Я весь передъ вами. Вы знаете больше моего. Поставьте на ноги; можетъ быть, изъ этого что нибудь и выйдетъ. Жаль было бы покидать Петербургъ съ чѣмъ пріѣхалъ. Да и куда ѣхать, и зачѣмъ? За всякій честный трудъ съ радостью ухватился бы, да гдѣ его взять? Изъ себя? Да нужно же прежде завѣрить себя хоть въ первыхъ потребностяхъ. Хоть бы гдѣ мѣсто при библіотекѣ, учительское, домашняго секретаря, коли нельзя попасть въ штатную.

Простите, что, не имѣя никакихъ правъ на вниманіе ваше, я осмѣливаюсь утомлять васъ подобной эпистолой. Не знаю почему и какъ я могъ и хотѣлъ обратиться къ вамъ только; но дѣло сдѣлано, судите какъ Богъ на сердце вамъ положитъ. Если здѣсь есть много противъ людскаго, за то ничего нѣтъ противъ человѣческаго. Если прочиталось оно не въ добрый часъ, повторяю простите мнѣ мое увлеченіе, разорвите этотъ листокъ и забудьте про него.

Имя мое конечно вамъ неизвѣстно, да и на что оно? Придется забыть все это,—лишнее забывать нужно будетъ; а вспомянете когда, найдти меня дѣло послѣднее: въ Итальянской улицѣ, домъ Смурова, № 65, въ квартирѣ Савельева".

На другой день я получилъ отъ Даля нижеслѣдующій отвѣтъ:

„Милостивый государь! Довольно трудно отвѣчать что нибудь положительное на запросъ, въ которомъ виды и желанія изложены только въ самыхъ общихъ чертахъ. Вліяніе мое по части *покровительства* повидимому несравненно ўже и короче того, какъ большею частію предполагаютъ. Но я

бы *желалъ* быть вамъ полезнымъ, хотя до времени не знаю какъ и чѣмъ. Подумайте сами, освѣдомьтесь у товарищей, чего, гдѣ и какъ вамъ искать? И если я буду при томъ въ состояніи оказать вамъ услугу, то за доброй волей не станетъ. Въ такомъ случаѣ прошу васъ потрудиться отыскать меня, ежедневно около 12-ти часовъ, въ домѣ г. м-ра вн. д., въ Особенной Канцеляріи. Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашъ покорнѣйшій слуга В. Даль. 7-го Мая 1846".

Не смотря на радушную готовность помочь мнѣ, выраженную въ этомъ письмѣ, я (самъ теперь съ трудомъ этому вѣрю) не воспользовался вниманіемъ и любезностью Владимира Ивановича. Дѣло въ томъ, что въ это время предложили мнѣ работу въ одномъ повременномъ изданіи („Музей Иностранной Литературы"), рублей на 50—70 въ мѣсяцъ; существовать, значитъ, можно было пока и безъ службы. Какъ-то я зашелъ было къ Далю поблагодарить его за доброе участіе; но онъ уѣзжалъ тогда изъ Петербурга, помнится, въ Ревель; такъ я его и не видалъ.

*

Съ годъ просуществовалъ я литературной работой. Одинъ изъ моихъ братьевъ, Өедоръ, служилъ тогда въ Оренбургѣ по управленію Киргизскою ордою[1]). Начальникъ этого управленія, генералъ Ладыженскій, искалъ человѣка для составленія, какъ говорилось, статистическаго описанія орды. Передавая мнѣ объ этомъ, братъ начерталъ такую великолѣпную картину степныхъ охотъ, что, плѣненный ею, я рѣшился отдаться степямъ, тѣмъ скорѣе, что самая служба тамъ представлялась работой съ научнымъ характеромъ. Опредѣленъ я былъ чиновникомъ особыхъ порученій при предсѣдателѣ Оренбургской пограничной комиссіи, 6 Мая 1847 г., тогда же переименованъ въ коллежскаго секретаря, а въ Іюлѣ былъ уже въ Оренбургѣ.

Хорошо помню оффиціальное представленіе мое мѣстному генералъ-губернатору, извѣстному по своему бурбонству, Обручеву. Когда, въ ряду прочей публики, подошелъ онъ ко мнѣ, и я, какъ слѣдуетъ, отрекомендовался, онъ предложилъ мнѣ обычный въ такихъ случаяхъ вопросъ: гдѣ проходили прежде служеніе? Замявшись нѣсколько, я отвѣчалъ: нигдѣ. Его это ошеломило.—Что же вы дѣлали? сурово возвысивъ голосъ, продолжалъ онъ. Что было отвѣчать на это?—Жилъ, отвѣчалъ я, не задумавшись.—Жилъ? Вотъ такъ славно! Вотъ такъ служака! и пр.

Съ Ладыженскимъ мы отлично сошлись, и въ Ноябрѣ я выѣхалъ въ Одессу, чтобы проводить оттуда его семейство въ Петербургъ, куда самъ онъ отправился прямо изъ Оренбурга. Нужно сказать, что въ это время находился солдатомъ въ Орской крѣпости Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Мы съ нимъ не были знакомы, но онъ былъ больше чѣмъ друженъ съ моимъ братомъ Михаиломъ, служившимъ тогда попечителемъ Киргизовъ въ той же Орской крѣпости [2]). За короткое время пребыванія въ Оренбургѣ мнѣ не

---

[1]) Өедоръ Матвѣевичъ Лазаревскій былъ впослѣдствіи управляющимъ Орловской Удѣльной Конторы, а затѣмъ Ставропольскаго Удѣльнаго Управленія. Онъ умеръ въ Августѣ 1890 г.

[2]) Михаилъ Матвѣевичъ Лазаревскій, человѣкъ отличныхъ достоинствъ, скончался 3 Мая 1867 года, въ Москвѣ, гдѣ онъ завѣдывалъ имѣніями и дѣлами графа А. С. Уварова. П. Б.

привелось съѣздить въ Орскую; но я переслалъ Шевченкѣ привезенные изъ Петербурга карандаши, краски, сигары, книги. Узнавъ, что я уѣзжаю обратно въ Петербургъ, онъ передалъ мнѣ просьбу слѣдующаго содержанія: „Освободить меня отъ солдатства можетъ только Василій Алексѣевичъ Перовскій (въ то время членъ Адмиралтейскаго Совѣта); у Перовскаго же, лучше всякаго другаго, могъ бы хлопотать Даль, лично ему человѣкъ совершенно близкій". Я не придавалъ этому большаго значенія, потому что и Перовскій, и Даль хорошо знали, что̀ тамъ терпитъ Шевченко, и конечно люди позначительнѣе меня (неизвѣстнаго ни тому, ни другому) говорили имъ о несчастномъ ссыльномъ; но все же выполнить порученіе слѣдовало, и въ началѣ Февраля, черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, я написалъ объ этомъ Далю по городской почтѣ. Вотъ что̀ отвѣчалъ онъ мнѣ: „Умные люди о такихъ вещахъ по городской почтѣ не пишутъ. Что̀ вы меня бѣгаете? По Четвергамъ у меня собираются добрые знакомые; увидите и кой-кого изъ литераторовъ. Приходите непремѣнно".

Нечего дѣлать, пошелъ. Даль занималъ большую квартиру въ домѣ м-ра вн. д. у Александринскаго театра, на самомъ верху и по черной лѣстницѣ *). Этажемъ ниже жилъ тутъ послѣ и я. Помню, что тутъ я видѣлъ (въ этотъ вечеръ) Ив. Ив. Панаева, Краевскаго, Григоровича; особенно помню профессора Кавелина, который въ продолжительномъ разговорѣ удостоилъ меня особенно-ласковымъ вниманіемъ. Народу было много; мнѣ съ хозяиномъ не пришлось поговорить и четверти часа, и то разговоръ шелъ больше объ Оренбургѣ, гдѣ онъ самъ долго жилъ при военномъ-губернаторѣ Перовскомъ и гдѣ женился на второй женѣ. Отъ него расходились рано, такъ какъ въ 9 часовъ онъ ежедневно былъ уже въ кабинетѣ у министра Л. А. Перовскаго.

Черезъ день, въ Субботу, очень рано, получаю я отъ него коротенькую записку на лоскуткѣ бумаги, гласившую слѣдующее: „Не желаете ли вы занять мѣсто секретаря въ Особенной Канцеляріи м-ра вн. д.? Если *да*, приходите потолковать". Изумленію моему конечно не было предѣловъ. Одѣвшись, я отправился къ Ладыженскому. „Чтожъ, мнѣ не легко терять васъ; но я, разумѣется, не стану вамъ на дорогѣ, отвѣчалъ онъ; не стану мѣшать вашему *счастію*".—„Такъ далеко дѣло еще не идетъ, замѣтилъ я. Даль не знаетъ, что я почти не служилъ и поэтому конечно не могу занять предлагаемое мѣсто. Показываю же вамъ его записку собственно для того, чтобы не вышло послѣ какой сплетни".

На другой день былъ я у Даля. Я не рѣшался, указывая особенно на свою полнѣйшую служебную неопытность. Пріѣхавъ въ Оренбургъ къ Ладыженскому, замѣтилъ я между прочимъ, я не умѣлъ написать рапорта о томъ, что явился къ мѣсту.—„Ну, это еще не бѣда, отвѣчалъ онъ. За то вы свѣжій человѣкъ. Потаскались таки по свѣту, кой-что̀ видѣли, кой о чемъ думали. Къ тому же у насъ въ канцеляріи формальности вообще на послѣд-

---

*) Т. е. собственно это не была такъ называемая *черная* лѣстница, а единственная: по ней былъ ходъ и въ кухню.

немъ планѣ". —„Но, не прослуживши двухъ лѣтъ въ провинціи, я не имѣю права служить въ министерствѣ".—„Мы васъ опредѣлимъ въ канцелярію здѣшняго губернатора и прикомандируемъ въ Особенную Канцелярію министра". —„Но должность секретаря въ VII классѣ, а я только что переименованный кандидатъ". —„Будете сначала *исправляющимъ*".— „Уѣзжая въ Оренбургскую, какъ въ *отдаленную*, губернію, я получилъ 7(.0 р., которыхъ внести не могу". —„Внесете менѣе; а съ васъ, впослѣдствіи, будутъ дѣлать вычеты".— „Ну, дѣлайте, какъ знаете; кидаюсь, какъ въ прорубь головою".—„Нѣтъ, постойте, не кидайтесь пока. Моей воли тутъ недостаточно: нужно еще показать васъ министру. Поищите въ вашихъ бумагахъ какую-нибудь работу, которую можно бы представить, какъ образчикъ вашего умѣнья владѣть перомъ".

На другой день я послалъ Далю....[1]) при слѣдующемъ письмѣ:

„Совѣстно мнѣ, ей Богу, представлять вниманію г. министра и вашему подобную вещь (помнится, было послано напечатанное въ Оренбургѣ воззваніе къ народу, по поводу холерной эпидеміи); но помочь горю въ настоящую минуту нечѣмъ. Зарекомендовать меня подобные отрывки уже конечно не могутъ. Можетъ быть, изъ работъ моихъ по Комиссіи[2]) есть что нибудь и лучшее; но это все на мѣстѣ; настоящая потому только и здѣсь, что не кончена. Чѣмъ нибудь серьознымъ по настоящей службѣ не могъ я заняться, потому что съ первыхъ дней пріѣзда поручили мнѣ должность дѣлопроизводителя холернаго комитета, занимавшую все мое время до самаго выѣзда, тѣмъ болѣе, что все было для меня ново, и слѣдовательно все хотѣлось дѣлать comme il faut[3]). Думалось представить записку объ экспедиціи въ степи, что могло бы интересовать и его высокопревосходительство[4]), и васъ, и членовъ Географическаго Общества; но привести въ складъ отрывочныя замѣтки и переписать въ одну ночь оказалось невыполнимымъ. Къ несчастію, и всѣ мои бумаги остались на мѣстѣ. Такая, видно, доля моя! Сто разъ улыбался мнѣ пролетный случай; но закрѣпить его въ существенность ни разу не удалось мнѣ. Что же дѣлать? Fiat voluntas tua!...[5]) Еслибъ настоящая вещь могла послужить доказательствомъ хоть того, что стоитъ по крайней мѣрѣ взять меня на искусъ, попытать мое умѣнье, — я бы не хотѣлъ ничего больше.

„По волѣ случая лучшее во всемъ этомъ то, что вамъ угодно считать меня достойнымъ чести подобнаго выбора. Для меня это дороже всего. Моя преданность къ вамъ можетъ равняться только съ тѣмъ уваженіемъ, которое вызываете вы какъ человѣкъ, какъ литераторъ, какъ гражданинъ. Если бы дѣло сложилось такъ, что рекомендація моего начальства могла значить для

---

[1]) Пропускъ въ рукописи.
[2]) Т.-е. Оренбургской пограничной комиссіи.
[3]) Какъ слѣдуетъ.
[4]) Л. А. Перовскій тогда еще не былъ графомъ.
[5]) Да будетъ воля твоя.

него что нибудь, я бы могъ надѣяться на снисходительное его вниманіе. Представить выписку изъ дѣла позволено мнѣ г. предсѣдателемъ Комиссіи".

Черезъ нѣсколько дней Даль призываетъ меня и говоритъ слѣдующее: „На это мѣсто просится родственникъ одного моего хорошаго пріятеля, нѣкто Рѣдкинъ, кандидатъ тоже Харьковскаго университета. Министру угодно, чтобы каждый изъ васъ написалъ записку по вопросу объ освобожденіи крестьянъ".

Записку эту написалъ я на 3—4 почтовыхъ листахъ въ 2—3 дня и 12 Февраля отправилъ Далю при письмѣ. Мой конкурентъ Рѣдкинъ, племянникъ Петра Григорьевича [1] (послѣ уже я узналъ, что это былъ почти мой товарищъ, Харьковскій же кандидатъ, курсомъ или двумя старше меня, юристъ мы были знакомы шапочно) представилъ волюмную записку листахъ на двѣнадцати [2]). Полагаю, что краткостью только я и выигралъ.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ Даля записку о томъ, чтобъ я представился министру. „Его высокопревосходительство г. министръ проситъ васъ пожаловать къ нему въ Понедѣльникъ, въ ½ десятаго часа утромъ".

Объясненія наши были кратки. Повидимому, министръ остался доволенъ. „О рѣшеніи моемъ, замѣтилъ онъ, вы узнаете отъ Владимира Ивановича".

Ждалъ я этого рѣшенія довольно долго и, вынужденный напомнить о себѣ, послалъ Далю нижеслѣдующее:

„Истосковался я, ожидая съ каждымъ звонкомъ рѣшенія своей участи. Но какъ ни тяжела подобная неопредѣленность, я бы конечно не осмѣлился послѣ вашихъ словъ наскучать вамъ, еслибъ не вызывали на то обстоятельства, которыя не могутъ не помѣшать дѣлу при самомъ лучшемъ исходѣ его. Это—отъѣздъ 2 Марта ген. Обручева, отъ котораго зависитъ мое увольненіе. Дожидаться здѣсь разрѣшенія его изъ Оренбурга я тоже не могу; потому, что 1-го Марта выѣзжаетъ и ген. Ладыженскій, при которомъ необходимо долженъ я слѣдовать А тамъ, какъ заѣдешь, то уже хоть три года скачи, не доскачешь ни до какого министерства. Простите мнѣ эту послѣднюю настойчивость. Вашъ взглядъ на жизнь и житейство выражаетъ такую ясную, спокойную, здоровую практичность (sagesse), что вы слишкомъ не осудите меня. Лѣтъ 30 прожилъ я въ нашихъ какихъ-то идеализированныхъ сферахъ, не разобравъ сквозь туманы мечтаній смысла существенности. Да такъ недолго запакостить совсѣмъ себя. И я понемногу вхожу въ житейскія цѣли. Тѣмъ болѣе пора, что и на плечахъ и на совѣсти у меня лежитъ теперь не одна уже своя горемычная доля. 26 Февраля 1848 г."

[1]) Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ извѣстный профессоръ Московскаго, а затѣмъ С.-Петербургскаго университетовъ по каѳедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія, былъ впослѣдствіи управляющимъ Департамента Удѣловъ.

[2]) Такая же записка (на 19 страницахъ) подъ названіемъ „Нѣсколько замѣчаній о Русскомъ хозяйствѣ и о Русскомъ крестьянинѣ", написанная И. С. Тургеневымъ въ Декабрѣ 1842 г. при опредѣленіи его на службу въ Особенную Канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ, находится у Сергѣя Васильевича Лазаревскаго. П. Б.

*

6-го Іюля 1848 года В. М. Лазаревскій опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при Петербургскомъ губернаторѣ, съ прикомандированіемъ въ Особенную Канцелярію, о которой сохранилась въ его бумагахъ нижеслѣдующая замѣтка:

Особенная Канцелярія, состоящая только изъ двухъ чиновниковъ и нѣсколькихъ писцовъ, составляетъ необходимое пособіе для министра въ кабинетныхъ его занятіяхъ. Не бывъ предназначена для какого нибудь опредѣленнаго текущаго дѣлопроизводства, она употребляется министромъ по всѣмъ безъ различія частямъ, входящимъ въ кругъ его дѣйствій по министерству, Государственному Совѣту, разнымъ комитетамъ и особымъ учрежденіямъ.

Состоя изъ лицъ, заслужившихъ личное довѣріе министра своими дѣловыми способностями и нравственными качествами, она наиболѣе занята по дѣламъ, нетерпящимъ отлагательства, и въ особенности секретной перепиской, требующей ненарушимой скромности и ежечасной готовности къ работѣ и днемъ и ночью. Не имѣя, какъ помянуто выше, опредѣлительныхъ текущихъ занятій, канцелярія сія не можетъ указать на значительное число занумерованныхъ бумагъ, однако весьма часто производитъ работы, состоящія изъ сотенъ листовъ.

*

Съ Далемъ, столъ-о-столъ, сидѣли мы недолго: я опредѣленъ былъ въ канцелярію формально въ Іюлѣ 1848, а Даль 7 Іюня 1849 назначенъ управляющимъ Нижегородской Удѣльной Конторой. Но для ближайшаго ознакомленія съ Петербургскимъ Далемъ нужно сказать нѣсколько словъ объ *его* канцеляріи.

Канцелярія наша состояла номинально изъ двухъ секретарей (по министерству и по удѣламъ) и помощника удѣльнаго секретаря[1]). Первымъ, по учрежденіи Особенной Канцеляріи, секретаремъ по министерству былъ Александръ Васильевичъ Головнинъ (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія), я былъ вторымъ; но безусловнымъ правителемъ канцеляріи всегда былъ удѣльный секретарь Даль. Затѣмъ было человѣкъ пять писцовъ[2]). Собственно такъ называемыхъ *текущихъ* дѣлъ въ канцеляріи почти не производилось. То или другое дѣло, по министерству, почему либо интересовавшее министра, переносилось въ канцелярію на извѣстное время или до самаго окончанія. Канцелярія была почти вовсе чужда дѣлъ объ опредѣленіи и увольненіи чиновъ, о

---

[1]) Егоръ Васильевичъ Гудимъ. Онъ послѣ былъ директоромъ Нѣжинскаго Лицея до самой смерти.

[2]) Канцелярія щеголяла письмомъ. Всѣ, какъ одинъ, калиграфы, писцы разбирали отчетливо любыя каракули (даже М. И. Лекса) и грамматически писали безукоризненно. Помню tour de force съ извѣстными *письмами* Ю. Ѳ. Самарина. *Нужно было* переписать, въ сутки, для представленія Государю, слѣдовательно возможно хорошо, большой фоліантъ, и переписали! (Это большая исторія, о которой говорить еще рановременно). Былъ еще одно время въ Канцеляріи столь извѣстный по дѣлу Петрашевскаго Альбертини. Какъ-то, по нѣмому соглашенію, съ нимъ никто не говорилъ; но смотрѣть хаживали многіе, и онъ скоро оставилъ Канцелярію.

наградахъ и т. п.*). Но все повиднѣе, посолиднѣе изъ Петербургскаго и пріѣзжаго міровъ обыкновенно захаживало, какъ бы на *поклонъ*, къ Далю. Даль былъ безспорно первый человѣкъ въ министерствѣ (товарища своего, Ивана Григорьевича Синявина, Перовскій не жаловалъ), и по безусловному довѣрію министра, и по безупречной нравственности, и по хорошей извѣстности въ мірѣ общественности, науки, литературы. Дѣятельная среда, которую одухотворялъ Перовскій, была какъ бы палладіумъ, и въ центрѣ его, въ томъ или другомъ смыслѣ, былъ Даль. Унаслѣдовалъ ему Надеждинъ, но только по научной сторонѣ дѣятельности графа. Дѣловая интимность его сосредоточивалась (за отъѣздомъ Ханыкова) на Н. А. Милютинѣ, на котораго исключительно работалъ Надеждинъ. „Что̀ вы хотите, говаривалъ онъ, я лучше всякаго другаго знаю, что онъ эксплоатируетъ моимъ вліяніемъ; но мнѣ, можетъ быть, это-то и дорого въ моемъ вліяніи. Милютинъ—моя страсть, моя слабость“. Собственно канцелярія, съ выходомъ Даля, осталась трупомъ, буквально канцеляріей великаго канцеляриста Гвоздева.

Въ канцелярію собирались въ 9 часовъ, расходились въ 3 часа. Эти служебные часы Даль посвящалъ обыкновенно своимъ филологическимъ занятіямъ. До̀ма онъ больше стригъ и низалъ словарный матеріалъ. Въ мое время онъ получалъ большія посылки мѣстныхъ словъ, об азчиковъ мѣстнаго го̀вора и т. п. по циркулярамъ разныхъ управленій, преимущественно отъ директоровъ гимназій. Все это списывалось въ канцеляріи въ азбучномъ порядкѣ, на лентахъ, ленты нанизывались на нитки, укладывались въ картонки по губерніямъ, по го̀ворамъ. Были полосы, что всѣ писцы занимались этимъ исключительно, да еще перепискою сказокъ, пословицъ, повѣрій и т. п., которыя доставлялись Далю во множествѣ отовсюду. Вотъ одна изъ записокъ ко мнѣ Даля съ дачи (на Аптекарскомъ островѣ, одинъ изъ флигелей министерскаго помѣщенія), дающая понятіе о такихъ сношеніяхъ: „Вчера былъ у меня сказочникъ мой, солдатъ Сафоновъ и сказывалъ, что отдалъ 13 Іюня въ канцелярію охабку сказокъ“.

Въ это время вышелъ Академическій Словарь. Академія Наукъ предложила печатно по 15 коп. за каждое слово, пропущенное въ ея Словарѣ. Даль собиралъ такія слова, и ему доставляли ихъ во множествѣ чуть не ежедневно (немалый вкладъ заимствованъ отъ извощиковъ, съ тою еще особой пользою, что тутъ же указывалась и мѣстность). Но самый воздухъ въ канцеляріи до того былъ пресыщенъ Русскою филологіей, что я скоро серьезно втянулся въ это дѣло. Большой любитель Малороссійской пѣсни, я еще со студенчества записывалъ слова и цѣлыя фразы чисто-пѣсеннаго характера. Съ другой стороны Даль получалъ немало вещей, напр. изъ губерній Подольской, Волынской, которыя къ его труду подходили только косвенно. Я

*) Дѣлами раскола завѣдывалъ Надеждинъ; онъ же составлялъ годичные отчеты. Переписывались на бѣло̀ эти отчеты въ канцеляріи. Какъ-то одинъ изъ писцовъ расположилъ свое писаніе такъ, что къ ряду на трехъ строкахъ въ концѣ ихъ были слова *благо, благо, благо* какъ первая половина составныхъ прилагательныхъ. Замѣтили это случайно; Надеждинъ первый заревѣлъ обычнымъ хохотомъ, выставляя наружу свои изумрудные зубы.

принялся за разработку и обработку этого матеріала. А когда у Даля созрѣла было мысль, что Русскій Словарь безъ Малороссійскаго былъ бы далеко не полонъ въ смыслѣ полнаго словаря отечественнаго языка, я отдался своей работѣ съ полнымъ увлеченіемъ[1]).

Къ первымъ двумъ сборникамъ, помянутымъ выше (пѣсенному и, такъ сказать, присыльному) присоединился вскорѣ третій, гораздо объемистѣе — сборникъ словъ, пословицъ, поговорокъ и т. п. изъ всѣхъ Малороссійскихъ книгъ, какія были у меня и какія нашлись у знакомыхъ земляковъ. Къ этому времени относится слѣдующая ко мнѣ записка Даля:

„У Срезневскаго я былъ; у него нѣтъ вовсе Малороссійскихъ книжекъ: онѣ всѣ еще въ Харьковѣ. Далъ онъ мнѣ только Сборникъ *Метлинскаго*, который писалъ ему и спрашивалъ, вслѣдствіе вашего письма, выслать ли словарь? И Срезневскій отвѣчалъ: выслать. Въ Воскресенье вечеромъ, часу въ седьмомъ, онъ обѣщалъ быть у меня, также Сахаровъ, Надеждинъ, Григоровичъ, Барановскій, чтобы потолковать о Словарѣ; надѣюсь, вы придете; заготовьте какіе угодно *вопросы* въ вашей части“.

Кромѣ Срезневскаго, Надеждина, Сахарова на этомъ вечерѣ были еще Д. В. Григоровичъ и Павскій. Съ трудомъ пришли къ нѣкоторымъ общимъ соглашеніямъ касательно плана работъ по общему словарю.

Съ отъѣздомъ Даля въ Нижній (въ Іюнѣ 1849) работа моя не прекращалась. Отъ 22 Августа пишетъ онъ между прочимъ: „Спасибо, В. М., за вѣсти ваши, *за работу*, справку и пр.... Прощайте, спасибо за прошедшее и будущее“ (рѣчь шла о занятіяхъ по словарю). Въ письмѣ отъ 29 Октября онъ говоритъ: „Занимаюсь пословицами, хочу ихъ кончить; тогда уже за словарь. Ради Бога, устройтесь такимъ образомъ, чтобы вашъ словарь не могъ сгинуть; это уложило бы меня до времени въ могилу! Пріятно слышать, что Ханыковъ нашелъ дневникъ мой, и еще пріятнѣе будетъ, когда пришлетъ“ [2]). Изъ письма отъ 18 Марта 1850 г. къ этому дѣлу относится слѣдующее мѣсто: „За трудъ вашъ въ словарѣ не смѣю и благодарить.... Неполные глаголы ставятся въ такомъ видѣ, какъ они есть“. Это толстые и тонкіе звуки, о которыхъ здѣсь говорится, названы такъ, можетъ быть, и не совсѣмъ удачно, но совершенно понятно всякому Малороссу, именно въ соединеніяхъ буквъ *л* съ *і*, *и*, *ы*; Русскій языкъ этого звука не выговоритъ, Русское ухо его не почуетъ. „Вашего различія между буквами *і* и *и*, пишетъ Даль въ письмѣ отъ 2 Іюля не понимаю; кажется, вся разница въ правописаніи, а произношеніе одинаково“. Въ письмѣ отъ 18 Марта 1850 есть, между прочимъ, вопросъ: „Что же, Надеждинъ рѣшительно хочетъ отжилить Офенскій словарь?“ А въ письмѣ отъ 2 Іюля того же года: „Какъ здоровье Надеждина? Чтò Офенскій словарь?“ Въ формулярномъ спискѣ Даля значится по предмету этого словаря „Предписаніемъ отъ 2 Сентября 1855 г. № 2177, объявлена искренняя признательность г. министра удѣловъ за составленіе словаря Офенскаго языка“.

---

[1]) Собранные В. М. Лазаревскимъ матеріалы для составленія Малороссійско-русскаго словаря находятся у С. В. Лазаревскаго. П. Б.

[2]) Это вѣроятно дневникъ Хивинскаго похода; онъ гдѣ-то былъ напечатанъ.

*

У Даля было, можно сказать, какое-то физіологическое отвращеніе отъ Французской вычурности, отъ того что́ называется романтизмомъ, да даже немножко и отъ передоваго движенія Французской мысли вообще. Не знаю, почему онъ съ перваго еще времени нашего знакомства заподозрилъ меня въ пристрастіи къ Французщинѣ; развѣ за увлеченіе Жоржъ-Зандомъ, увлеченіе, которое раздѣлялъ я со всей современной молодежью.

*

9 Ноября 1856 г. вдали отъ Даля сошелъ въ могилу человѣкъ, который былъ, какъ говорится, *все* для него; но винты многолѣтней дружеской связи начинали уже хлябать въ *мѣстахъ*. У самого Даля восходила личность, сближеніе съ которой могло быть ему дорого и въ частномъ отношеніи, и по отношенію къ его управленію. Даль могъ быть по прежнему спокоенъ за *своихъ* крестьянъ. Кто бы не сказалъ, что Далю не бывать въ загонѣ у общей мірской хозяйки—судьбы!

Перечитывая письма В. И. Даля, я и теперь не могу отбиться отъ того невыразимо-тягостнаго чувства, которое тогда проникло всего меня при чтеніи, словно по главамъ, этой скорбной іеремiады*). Съ одной стороны вражда почти до ненависти между благороднѣйшими общественными дѣятелями и личностями истинно-образованными, честными, союзъ которыхъ могъ быть благотворнымъ для края. Съ другой, что̀ должно было накипѣть на доблестныхъ сердцахъ этихъ шестидесятилѣтнихъ стариковъ, до какихъ внутреннихъ болей они дотерпѣлись, если доходили чуть не до мальчишескихъ взаимныхъ покоровъ! Мнѣ неизвѣстно, что̀ писалъ А. Н. Муравьевъ своему брату-министру, или вѣрнѣе женѣ его Пелагеѣ Васильевнѣ; но что эта сторона въ долгу не оставалась, это вѣрно. Потомъ, положеніе министра, предъ которымъ видно-поставленный подчиненный такъ рѣзко и горячо обличаетъ въ противозаконномъ произволѣ правительственныхъ дѣйствій... любимаго брата, по губерніи ввѣренной одному, по главному управленію, ввѣренному другому, и обличаетъ чрезъ третье лицо, прямо уже ему подчиненное... Положеніе мое, какъ правителя канцеляріи, не умѣвшаго ни отказать Далю въ посредничествѣ, ни скрывать предъ Муравьевымъ оскорбительныхъ для него и для его брата обличеній и сарказмовъ, и хорошо знавшаго, что *дамы* находятъ возмутительно-неблагодарнымъ жертвовать спокойствіемъ и здоровьемъ бѣднаго Михаила Николаевича упрямству выжившаго изъ ума чудака! Наконецъ (что̀ выше всего этого), даже для личнаго чувства былъ еще живой организмъ, у котораго отъ панской драки очень болѣли чубы и котораго, по юмору сказки того же Даля, билъ Цыганъ за то, что везъ его Жидъ.

Сказать о живомъ человѣкѣ больше того, что́ сказано Далемъ объ А. Н. Муравьевѣ въ его письмахъ ко мнѣ, едва ли можно. Одно изъ нихъ относится къ Генварю 1857. Объѣзжая, на ревизіи, восточныя губерніи, мы были съ М. Н. Муравьевымъ въ Нижнемъ во время ярмарки. Тутъ я видѣлъ въ первый разъ Даля

*) Рѣчь идетъ о размолвкѣ В. И. Даля съ Нижегородскимъ военнымъ губернаторомъ А. Н. Муравьевымъ. Про нее многое передавалъ намъ Даль, выйдя въ отставку и поселившись въ Москвѣ. О Муравьевѣ см. въ бумагахъ С. Д. Нечаева въ „Р. Архивѣ" 1893, вып. 5-й. П. Б.

въ мундирѣ; онъ первый смѣялся надъ нимъ. „Смѣшно-то смѣшно, говорилъ онъ; но шить два мундира, не мѣняя управленія, конечно было бы еще смѣшнѣе". Мнѣ у него не довелось побывать (буквально, за оба года ревизіи, я *не бывалъ* ни у кого); но онъ посѣщалъ меня нерѣдко въ моей квартирѣ (и А. Н. Муравьевъ тоже) въ губернаторскомъ домѣ. Зная хорошо непокладистость его, я подшучивалъ надъ его *юношескимъ* увлеченіемъ къ Александру Николаевичу. Разъ онъ мнѣ отвѣчалъ: „Если я поссорюсь съ Александромъ Николаевичемъ, повѣсьте меня на самой высокой осинѣ".—Хотите, я запишу слова ваши? спросилъ я.—„Пишите, теперь же". Они записаны.

Въ письмѣ отъ 24-го Октября 1857 года (полученномъ когда мы только что вернулись въ Петербургъ *изъ второй ревизіи* губерній западныхъ и Малороссійскихъ) видно уже, что закипали струйки предъ сказывавшимся въ глубинахъ дикимъ шкваломъ. Кругóмъ почтовый листъ написанъ чисто, разборчиво, обдуманно, послѣдовательно, даже подпись отнесена къ самому низу страницы: пàхнетъ вообще букетомъ оѳиціальности.

*

Ниже слѣдуютъ письма В. И. Даля и немногія сохранившіяся въ черновомъ видѣ письма къ нему В. М. Лазаревскаго за время съ 1847 по 1861 г.

II. Переписка В. И. Даля съ В. М. Лазаревскимъ.

1.

Милостивый государь Владимиръ Ивановичъ.

Сейчасъ только кончилъ я заданную вами работу *) и посылаю ее на судъ вашъ. Предметъ такъ глубокъ и многостороненъ, что написался было цѣлый трактатъ, сокращать который было едва ли не труднѣе чѣмъ написать. Не совсѣмъ близкій предмету и не вполнѣ понимая требованія, не знаю—лучшее или худшее оставлено мною. Можетъ быть, я слишкомъ увлекся въ нѣкоторыхъ положеніяхъ; но здѣсь будутъ судить меня болѣе по достоинству процесса мышленія, нежели самаго мышленія. Подобныя работы, разумѣется, болѣе удовлетворяютъ, когда заказывающій положительно опредѣляетъ тонъ и характеръ ихъ... Мнѣ кажется, нельзя не сдѣлать, когда скажутъ: „сдѣлай вотъ такъ..."

Примите выраженія душевнаго почитанія и прямой преданности глубоко уважающаго васъ Василія Лазаревскаго.

Въ руцѣ ваши предаю духъ свой.

1847 Февраля 14 дня.

2.

18 Марта (1850).

Туманное, сумрачное и отчасти загадочное письмо ваше пролежало у меня именно отъ того нѣсколько времени безъ отвѣта (коимъ поспѣшилъ бы, чтобы вы не уставали сообщать намъ новости), что не понималъ его: такъ вы темно выражаетесь. О комъ вы говорите, кого оставили въ послѣднее время столько хорошихъ помощниковъ? По смыслу это относится къ

*) Записку по вопросу объ освобожденіи крестьянъ.

Рѣдкину; но развѣ кто-нибудь вышелъ изъ канцеляріи? Потòмъ, о чемъ же вы, принадлежащій по душѣ къ героямъ Французскихъ романовъ новой школы, такъ неутѣшно рыдаете? Полно, есть ли на это достаточная причина въ вашемъ положеніи? Не въ своихъ ли рукахъ у васъ судьба ваша? Не понимаю также возгласовъ о томъ, что не умѣете быть другомъ по разсчету; стало быть опять обманутыя надежды и тому подобное; но какъ и чтó? Не знаю и не постигаю.

За трудъ вашъ въ Словарѣ не смѣю и благодарить: вы работаете для дѣла, какъ и я, и каждому изъ насъ придется своя доля признательности общей, если мы успѣемъ въ начатомъ. Но изъ сомнѣній вашихъ вижу, что вы забыли постановленныя нами правила или условія. Вѣдь мы условились сохранять всюду правописаніе Русское, а ставить только букву, которая иначе произносится, другаго письма; такимъ образомъ вездѣ писать с а не з, гдѣ по Русскому писанію пишется с, но обозначать его *с*. Относительно ы, и, это еще проще: мы бу*лй*, м*ѝ*лый. О какой же помѣтѣ толстыхъ и тонкихъ звуковъ вы говорите,—этого не понимаю. Удареніе, конечно, надо ставить; но чтò такое тонкій и толстый звукъ? Неполные глаголы ставятся въ томъ видѣ, какъ они есть.

За новости спасибо; онѣ, видно, повѣрнѣе новостей Шварца, который надувалъ насъ Петербургскими сплетнями. Кланяюсь ему впрочемъ и обѣщаю, если онъ не пришлетъ подачки изъ Географическаго Общества, прижимать до слезъ брата его, который вступаетъ на службу въ Контору. Пусть бы Ал. Никол. выслалъ приказъ, когда состоится; а то мы получаемъ ихъ *два мѣсяца* спустя: теперь только что получили за первую половину Января! Вотъ до чего, наконецъ, доведенъ порядокъ по сей части.

Въ Петербургъ не буду, по крайности не думаю доселѣ быть; такъ онъ мнѣ надоѣлъ; а полагаю прислать сына, только не знаю, куда его дѣвать. Не узнаете ли: 1) къ какому сроку въ Академіи Художествъ настоящій пріемъ, начало курса? 2) нѣтъ ли по близости человѣка, куда бы можно отдать его? Ему нужна особая комната и домъ не слишкомъ безпутный.

Чтò дальше о *Каменскомъ*, какъ принятъ женой, прощенъ ли правит—мъ? Ай да *Захаровъ*, будетъ сенаторомъ! Если Зубинскаго увидите, кланяйтесь отъ меня. Бѣдный Брюловъ, теперь картинамъ его узнаютъ цѣну! Кого въ Архангельскъ? Чтò Современникъ? Зотова романъ изъ рукъ вонъ плохъ. Еслибы вы могли отрѣшиться отъ Французскаго вліянія, то право написали бы что нибудь; но, кажется, вы сроднились съ этой уродливостію. Чтò Николай Гребенка? Скажите Реймерсу, что мы ждемъ отъ него вѣстей. Чтò слышно о Потуловѣ? Каковъ Гудима? Много ли дѣлъ и какія дѣла въ нашей канцеляріи? Вѣроятно Габбе въ управляющіе? Спросите у Исакова: пошла ли Ботаника моя?— Что же Надеждинъ, рѣшительно хочетъ отжилить Оѳенскій словарь? Что Ханыковъ? Нельзя ли выслать намъ Св. Уд. Постан.? Для депутатовъ бы очень нужно.... Не слышно ль чего о Краевскомъ? Я писалъ ему, не отвѣчаетъ. Съ кѣмъ война? Прощайте! В. Д.

3.

2 Іюля (850).

За долгимъ молчаніемъ слѣдуетъ писаніе и притомъ съ благодарностію за хлопоты и увѣдомленія.

Сына отправилъ я въ Москву, но благодарю за ваши заботы. Одинъ изъ домовъ, о коихъ вы говорите, кажется, былъ бы хорошъ (Барановскій), и я бы тотчасъ согласился, если бы въ томъ была надобность; другой же .., извиняю похвалы ваши незнаніемъ; а хозяинъ его, съ провалившимся носомъ, примѣрный и извѣстный по всему Питеру мерзавецъ. Такого лгуна и наглеца поискать.

Съ другой стороны не могу никакъ согласиться на хулу вашу, крайне меня изумившую, относительно бывшаго вашего сослуживца въ Канцеляріи. Если дадите мнѣ право быть откровеннымъ, то думаю, что, невидимо вамъ подстрекаетъ васъ дьаволъ зависти. Это насланное на васъ искушеніе! Впрочемъ, для такого жестокаго обвиненія, какое вы произнесли, у васъ должны быть доказательства мнѣ невѣдомыя; а я въ 8 лѣтъ ни тѣни одного волоска всего этого не видалъ. Скажу только, что онъ узналъ о назначеніи своемъ тогда только, когда я уже доложилъ о томъ и получилъ согласіе; самъ же онъ никогда, ниже отдалённымъ намекомъ, рѣчи о томъ не заводилъ и былъ до крайности изумленъ. Впрочемъ, еслибы онъ и старался о томъ, развѣ это можетъ служить упрекомъ? А, судя по добросовѣстности его и неутомимости въ трудѣ, я увѣренъ, что онъ заботы мои не посрамитъ. Не понимаю, по какому поводу между двумя людьми, изъ коихъ каждый въ своемъ родѣ достоинъ уваженія, могла возникнуть подобная неосновательная ненависть. Впрочемъ первое слово слышу отъ васъ. Ну, это въ сторону!

Отъ брата вашего ни письма, ни просьбы не получалъ. Надѣюсь, впрочемъ, что не обвините меня за то, что разъ на всегда не приму въ помощники незнакомаго человѣка.

Отчего же происходитъ ваше невольное бездѣйствіе? Я этого не понимаю. Слышу, что у Рѣдкина работа есть. Развѣ все такого рода, что надо ѣлать самому? И отчего же нельзя бы искать вамъ чего нибудь другаго, съ этого мѣста, если только вы теперь покинули, какъ говорите, убійственный свѣтъ и готовы заниматься дѣломъ? Этого всего не понимаю.

Разборка пословицъ кончена, надо переписывать. Печатать боюсь. Словаремъ лѣтомъ мало занимаюсь: утромъ никогда нѣтъ досуга на это, всегда въ Конторѣ; вечеромъ отдыхаемъ въ саду, вдыхая воздухъ въ запасъ на зиму. Началъ разработку языка по нарѣчіямъ и зимою вѣроятно кончу. Если вамъ работа надоѣла, то пожалуста пришлите какъ есть; все-таки труда вашего много и много спасиба. Да нельзя ли хоть выписать слова̀, поступившія послѣ меня въ Географическое Общество? Вотъ этимъ бы крайне одолжили; поговорите съ Шварцомъ. Вѣдь общеизвѣстныя не нужно, съ выборомъ, и потому работы было бы не очень много,—а?

Вашего различія между буквами і, и—не понимаю; кажется, вся разница въ правописаніи, а произносится одинаково.

За служебныя и другія Петербургскія новости очень благодарю: здѣсь это находка. Я ничего не вижу и не слышу кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей"; кромѣ того, прослуживъ у васъ столько времени, охотно слышишь и новости ваши. Разбраните моимъ именемъ Реймерса—оглохъ, видно, и онѣмѣлъ; слышу отъ другихъ, будто женился. Говорятъ, сюда ѣдетъ.—Г. Трахимовскій былъ проѣздомъ у меня. Стало быть Бороздину вѣчная память! Но еслибы вы могли объяснить мнѣ, за что̀ именно Кабл.[1]) получаетъ выговоры, то было бы пріятно услышать: каждый управляющій болѣе или менѣе можетъ быть поставленъ въ необходимость защищаться отъ другихъ властей или самовластій, и потому не худо узнать подобное дѣло основательно.

Вотъ еще: Русская Академія увѣдомила меня, что за 1000 словъ моихъ назначила мнѣ 157 р.; коли у васъ есть тамъ какой-нибудь знакомецъ, Корковъ что ли, то не худо бы при случаѣ узнать, можете ли получать деньги по моей запискѣ?

Изъ журналовъ вижу только „Отечественныя Записки" и „Москвитянинъ", которые присылаютъ мнѣ, да еще Бурнашева „Труды". Все плоховѣсовато. Въ чемъ состоитъ исторія *Кни* и чѣмъ кончилась?—О нашихъ новостяхъ пишите, но только не о Дюпенѣ и Жирарденѣ, мимо коихъ Дюмасъ или кто-то попалъ... куда-то не помню,—а письма вашего подъ рукой нѣтъ. Я улыбнулся, потому что ничего объ этомъ не смыслю и не знаю, что̀ они за люди и куда попали.

Если увидите Краевскаго, скажите, что собираюсь осенью выслать ему въ гостинецъ что нибудь, или рядъ пословицъ извѣстнаго отдѣла, или разборъ и распредѣленіе нарѣчій; перваго, можетъ быть, онъ и не приметъ, а предпочтетъ второе. Что̀ слышно въ журнальномъ мірѣ? Да нельзя ли подогнать дѣло Струбинга, о которомъ вы сообщили мнѣ справку, что передано въ Департ. Исполн.? Кланяйтесь при случаѣ Василію Владиміровичу [2]). Барыня проситъ писать всѣ *свѣтскія* новости и что̀ знаете о знакомыхъ нашихъ. Пожалуста повидайтесь съ И. П. Липранди; когда придетъ, кланяйтесь и скажите: благодарю за письмецо, но вѣроятно знакомцу его служить не могу, потому что лѣсъ для насъ не годится. Какъ здоровье Надеждина? Что̀ Офенскій словарь? Не помню, просилъ ли я васъ узнать у Исакова, продается ли Ботаника, и сколько? Что̀ вся канцелярія наша? Что̀ Ив. Ал. Болтинъ, здоровъ ли, ѣздитъ ли,—а дѣло его?

Вотъ я вамъ сколько вопросовъ надавалъ! А все потому, что кромѣ васъ никто не пишетъ обстоятельно, да и не всегда вѣрно. Звенигородскій съ дочерью проѣхалъ и былъ у меня; она и не думала выходить замужъ. Если Реймерсъ еще у васъ, скажите ему, что товарищи его князь Оболенскій и Жерве произведены съ согласія Морскаго Министерства въ кол. ас.; слѣдовательно онъ можетъ требовать того же.

В. Даль.

[1]) Каблуковъ управлялъ Симбирскою Удѣльною Конторою. П. Б.

[2]) Оржевскому.

4.

8 Декабря.

На письмо ваше, Василій Матвѣевичъ, отъ 3-го Ноября, не хотѣлъ я отвѣчать до полученія Словаря, который прибылъ 1-го Декабря, а тамъ я дней пятокъ прохворалъ. Напередъ всего, искреннее спасибо за этотъ трудъ; я вовсе не думаю вскорѣ окончить этой работы—досугу и здоровья мало; но предполагаю, что и вамъ едвали будетъ время заниматься имъ и окончить. Чтобы собранное вами не пропало, я желалъ или предпочиталъ синицу въ рукахъ журавлю въ небесахъ. И такъ спасибо!

Теперь къ другому. Письмо ваше непріятно изумило меня и поставило въ недоумѣніе. А какъ я вообще терпѣть не могу ссориться или расходиться съ кѣмъ бы то ни было, а еще болѣе не терплю дѣлать это безъ всякаго повода, или не зная его, то позвольте прямо предложить вамъ слѣдующіе вопросы:

По какому поводу или съ чего вы письмо свое начинаете *„милостивымъ государемъ“*, когда вы въ предыдущихъ письмахъ своихъ никогда этого не дѣлали? Чтò это: гнѣвъ или милость?

Затѣмъ, чтò значитъ: *„имѣю честь препроводить“*,—*„была у меня беззавѣтная преданность къ вамъ, пока вамъ угодно было показывать, что я вамъ не чужой“*,—*„но духъ животворящій ушелъ“* и пр. и пр.

Позвольте же не шутя просить васъ объяснить мнѣ, чтò это такое? Когда, съ какихъ поръ и въ чемъ именно перемѣнилъ я обращеніе съ вами; словомъ, чтò это за загадки?

Если же я въ чемъ безъ вины виноватъ, какъ это иногда случается и если вина моя не прощеная, то и тогда, надѣюсь, не откажете въ этомъ объясненіи. Я ничего не понимаю.

В. Д.

Если можно, то напомните М. И. Лексу [1]) и дайте ему записку, чтобы не забылъ, что онъ мнѣ обѣщалъ перевести топографа Харитонова сюда въ Контору. Департ. Удѣл. объ этомъ писалъ уже въ Д—тъ Хоз.

5.

11 Декабря.

Если вы и прогнѣвались на меня [2]), то надѣюсь не менѣе того не откажете въ небольшой услугѣ; предметъ ея объясненъ на оборотѣ [3]). Думаю, что всего удобнѣе будетъ сдѣлать это черезъ Алекс. Вас. Головнина, коего адреса теперь не знаю; просите его отъ меня.

Если обратитесь къ нему, то кланяйтесь дружески и кланяйтесь такъ всѣмъ добрымъ знакомымъ, обращаясь кругòмъ, отъ преданнаго вамъ и ожидающаго Малороссійскаго Словаря

Даля.

---

[1]) Директоръ Хозяйственнаго Департамента М-ва Внутр. Дѣлъ, впослѣдствіи товарищъ министра Внутр. Дѣлъ.

[2]) Положительно не могу припомнить, чѣмъ бы могла вызываться эта странная фраза.

[3]) Объясненіе на оборотѣ отъ письма оторвано; не помню, о чемъ шла рѣчь.

Письмо В. И. Даля къ графу Л. А. Перовскому.

Ваше сіятельство!

Только что получивъ новый знакъ милости вашей ко мнѣ въ данной мнѣ столь щедрой наградѣ, я снова смѣю безпокоить ваше сіятельство всепокорнѣйшею просьбою.

Сынъ мой Левъ, находящійся и нынѣ въ вашемъ вѣдѣніи, въ числѣ учениковъ Академіи Художествъ, сильно желаетъ вступить въ нынѣшнее роковое время въ *дѣйствующіе* (не запасные) защитники праваго дѣла. Опасаясь за будущность его, если бы онъ покинулъ избранное имъ поприще зодчаго, не обезпечивъ себѣ даже и права службы по этой части, я убѣждалъ его продолжать свои занятія, обѣщавъ не противиться желанію его, если онъ получитъ большую серебряную медаль, которая даетъ эти права. Онъ такъ усердно и терпѣливо взялся за дѣло, что въ теченіе нынѣшняго года получилъ малую и большую медали. Затѣмъ, онъ убѣдительно проситъ меня о помощи, для вступленія, если это возможно, въ Стрѣлковый полкъ (Императорской Фамиліи).

Ваше сіятельство! Простите смѣлости моей: я приказалъ сыну моему явиться къ г. директору канцеляріи вашей на случай, если бы были какія приказанія.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ, преданностію и признательностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

В. Даль.

6-го Мая 1855.

Сынъ мой стрѣляетъ изъ винтовки довольно порядочно.

6.

24 Марта (1855)

Очень, очень благодаренъ вамъ за вѣсти! Да, тяжкихъ 10 дней провелъ я, получивъ 7-го телегр. извѣстіе: „юнкеръ Даль очень труденъ, тифомъ“, покуда не снятъ былъ съ меня гнетъ этотъ вѣстью, полученною 18-го: „вышелъ изъ опасности, ходитъ“. Но вамъ не менѣе того спасибо: ваши вѣсти тремя днями свѣжѣе, а доброе намѣреніе само по себѣ.

Просьба моя: нельзя ли узнать что нибудь о вольноопредѣлившемся Астраханцѣ въ ротѣ графа Бобринскаго*), Николаѣ Лапшинѣ? Живъ ли онъ? Здѣсь мать и братъ его. Чтò будетъ изъ полка? Скоро ли распустятъ?

Преданный вамъ В. Даль.

---

*) Графъ Владиміръ Алексѣевичъ Бобринскій, тогда командиръ 1-й роты Стрѣлковаго полка, позднѣе министръ Путей Сообщенія.

7.

Покорнѣйше благодарю васъ, Василій Матвѣевичъ, за ваше увѣдомленіе, а болѣе за сердечное участіе Свой-то чинъ я бы пожалуй и дешево продалъ, даже и за̀ дешево, а сыну онъ можетъ пригодиться. Но вотъ въ чемъ дѣло: вы пишете весьма спѣшно и коротко, что *отстаиваете* его въ полкъ; онъ мнѣ пишетъ, что не можетъ добиться доселѣ увольненія, а время уходитъ. На всякій случай, если ваше участіе въ дѣлѣ семъ сбыточно, прошу васъ принять въ соображеніе, что сынъ мой ни въ какомъ случаѣ не прочитъ себя въ военную службу, а сильно желаетъ теперь продолжать свои занятія въ Академіи. И такъ, если по какой либо милости, которой конечно онъ не могъ ни заслужить, ни ожидать, его бы оставили съ увольненіемъ для занятій, для чего нужна полная свобода,—то онъ бы пожалуй, ради широкихъ шароваръ, могъ бы оставаться; въ противномъ случаѣ, онъ проситъ возможно скораго увольненія, не дорожа никакимъ чиномъ. Во всемъ этомъ вы легко можете убѣдиться, если вамъ угодно будетъ спросить его лично. Жаль, очень жаль, если его по безтолочи задержатъ, и время пропадетъ даромъ.

Еще разъ благодарю и прошу кланяться Ивану Павловичу Арапетову и кто меня вспоминаетъ.

В. Даль.

8.

8 Октября (1856).

Хотя я ничего не понимаю въ томъ, что̀ вы пишете; но, видя вашу добрую, разумную заботу, постарался исполнить все по вашему совѣту.

Какъ же могъ Еремѣевъ*) объявить то, чего навѣрное никогда не бывало? Сынъ мой положительно не намѣренъ былъ служить въ военной службѣ, ни даже въ дворцовой ротѣ, а просился скорѣе къ дѣлу, въ Академію; онъ вступилъ на военное время, а теперь давно уже очень мучается тунеядствомъ и теряетъ золотое время.

Развѣ юнкера ваши безграмотны, что нельзя было взять отъ нихъ желанія на бумагѣ?

Почему же нельзя уволить офицера прямо въ отставку изъ Стрѣлковаго полка, а надо перевести его напередъ въ армію и, чего добраго, заставить шить другой мундиръ и пр.?

Въ какомъ смыслѣ можетъ быть непріятно графу, что онъ желаетъ въ мирное время оставить службу и приняться за свое дѣло, продолжать ученіе въ Академіи? Какая *задняя мысль* могла быть у человѣка, который выходитъ въ отставку *до перечисленія въ гвардію*, и почему не будетъ задней мысли, коли онъ выйдетъ тотчасъ *послѣ* этого?

Просить объ увольненіи его въ Академію я самъ не стану и вообще не разсчитываю ни на какія особенныя отличія и изъятія; но, зная, что, по

*) Адъютантъ Стрѣлковаго полка, послѣ Симбирскій губернаторъ.

общему положенію, офицеровъ увольняютъ для слушанія чтеній въ университетахъ и др. заведеніяхъ, я не считалъ это важнымъ и неисполнимымъ.

Какъ бы то ни было, не знаю, застанетъ ли письмо мое его въ Москвѣ; но я написалъ на другой же день по полученіи вашего, за которое очень обязанъ, и настоятельно совѣтовалъ ему увидаться съ вами какъ можно скорѣе и принять отъ васъ совѣтъ. Я его ни въ чемъ не принуждаю, а во всемъ давно уже далъ полную волю: какъ хочетъ. Но я совѣтовалъ ему не горячиться и въ особенности не навлечь на себя негодованія графа, хотя и самъ не понимаю, чѣмъ. Прощайте, еще разъ благодарю. В. Даль.

9.

26 Ноября (1856).

Прождавъ нѣсколько времени въ ожиданіи отъ кого нибудь подробностей о горестной для всѣхъ насъ кончинѣ[1]), обращаюсь къ вамъ, Василій Матвѣевичъ, съ просьбою сообщить мнѣ все, *все*, что̀ вамъ объ этомъ извѣстно. Я даже доселѣ не могъ дознаться, чѣмъ графъ былъ боленъ! Пожалуста не оставьте.

Кто бы ни былъ назначенъ министромъ удѣловъ, разница для насъ будетъ слишкомъ замѣтная. Болѣе или менѣе будутъ управлять нами тѣ, которые водятъ перомъ, а доселѣ этого не было, и мы къ этому не привыкли.

Въ оправданіе свое относительно сына моего скажу еще словечко. Тотчасъ по полученіи вашего письма, я писалъ ему въ Москву, чтобы онъ навѣдался къ вамъ, если будетъ въ Петербургѣ; но это письмо его уже не застало. Вотъ почему онъ этого и не исполнилъ. Что̀ изъ него дальше будетъ, не знаю; но прискорбно было-бы, еслибы служба эта разстроила поприще и занятія въ Академіи. Не понимаю, Василій Матвѣевичъ, почему нельзя уволить его даже *для* академическихъ занятій; онъ пишетъ, будто нельзя, тогда какъ есть какое-то постановленіе, что военные офицеры могутъ быть для этого увольняемы, и я лично зналъ и могу назвать до шести человѣкъ, которые были уволены на два года для занятій въ Университетѣ.

Прощайте; пожалуста разскажите, что̀ знаете и чего намъ теперь ожидать. Къ намъ прибылъ такой губернаторъ, отъ котораго ѣхать не хочется; покуда *А. Н. Муравьевъ*[2]) здѣсь, хотѣлось бы прослужить здѣсь же. Такихъ людей поискать.

В. Даль.

10.

12 Января 1857.

Письмо ваше, написанное несвязно среди совершавшагося въ то время событія[3]), какъ выраженіе страха, надежды, изнеможенія и скорби, очень, очень меня утѣшило. Такая привязанность къ человѣку, нѣкогда столь близкому и мнѣ, согрѣваетъ и умиляетъ.

---

[1]) Графа Льва Алексѣевича Перовскаго († 9 Ноября 1856).

[2]) Декабристъ, братъ Михаила Николаевича.

[3]) Вѣроятно письмо это не было, за тогдашними моими хлопотами, послано своевременно.

Да, его мало знали и худо понимали. Благородное отвращеніе отъ суетности и мелочности мірской принимали за гордость или за ненависть къ человѣчеству; тогда какъ никто не понималъ и не любилъ общаго блага такъ, какъ онъ, а самотники не могли подняться выше своего близорукаго взгляда. Онъ любви своей не выставлялъ на показъ, называя ее только долгомъ, обязанностію; но этотъ долгъ, въ холодныхъ очеркахъ истины, обнималъ все человѣчество, заключалъ въ средоточіи своемъ безкорыстную, пламенную привязанность къ своему отечеству.

Если можно, то доложите его высокопревосходительству Мих. Ник. [1]) слѣдующее. Онъ былъ такъ милостивъ, что въ теченіе короткаго времени переслалъ мнѣ уже нѣсколько весьма благосклонныхъ привѣтствій. Вѣжливость требовала бы изъявленія признательности съ моей стороны; *но я не смѣю писать ни о чемъ* и отнимать время чтеніемъ подобнаго письма. Это мнѣ бы казалось неприличнымъ.

О губернаторѣ нашемъ не съумѣю высказать все то доброе и высокое, что̀ чувствую. Это человѣкъ, достигшій, подъ закатъ плотской или земной жизни своей, такой ступени, на какую, вѣроятно, по общему порядку, возносится только человѣкъ духовный, не только вовсе разставшійся съ плотію, но и очистившійся отъ всѣхъ плевелъ суеты.

Онъ представилъ своего правителя канцеляріи Кадницкаго—человѣка рѣдкихъ достоинствъ—письмомъ къ мин. вн. д. 3-го Янв. № 21 къ ордену; нѣтъ ли у васъ доступа туда, куда это пойдетъ? Нельзя ли подскочить, да подсобить, а при случаѣ и увѣдомить?

Борисъ Алексѣевичъ [2]) проѣзжалъ и зашелъ ко мнѣ; я его много благодарилъ, а теперь благодарю васъ за память. Поличіе[3]) покойника мнѣ дорого. Прощайте.

В. Д.

11.

22 Генваря 1857.

Простите, Владим. Ив., что цѣлую недѣлю не отвѣчалъ на письмо, какое только вы писать умѣете.

Я дочитывалъ письмо ваше, когда прислалъ за мною Мих. Никол. Съ нимъ я перечиталъ его цѣликомъ. Мнѣ хорошо было, что онъ, какъ и я (признаюсь, грѣшный), даже не понялъ вѣдомыхъ вамъ оговорокъ [4]). Коли знаютъ васъ, такъ, значитъ, цѣнятъ и уважаютъ, *какъ Даля.* За всякую рѣчь вашу, нечего и говорить, живую, толковую, дѣльную, Мих. Никол. спасибо

---

[1]) Муравьеву, который назначенъ предсѣдателемъ Департамента Удѣловъ въ Ноябрѣ 1856.

[2]) Перовскій, младшій братъ графовъ Василія и Льва Алексѣевичей.

[3]) Графъ Л. А. Перовскій, въ костюмѣ генерала Стрѣлковаго полка, первый снимался у Левицкаго. У меня осталось нѣсколько экземпляровъ этого портрета. Я ихъ роздалъ близкимъ покойному лицамъ, въ томъ числѣ Далю.

[4]) Вмѣсто *оговорокъ* Даль въ моемъ письмѣ прочелъ: *строкъ.* См. ниже письмо 14-е.

вамъ скажетъ. Извѣстнымъ (конфиденціальнымъ по нѣкоторымъ причинамъ) письмомъ, я полагаю, онъ вамъ руки развяжетъ [1]).

По приказанію Мих. Никол. я издалъ литографическій портретъ Л. Ал., проектированный *изъ имѣющагося у васъ* фотографическаго поличія [2]). Всею любовью моею къ графу и къ вамъ прошу васъ позволить мнѣ подписать подъ *сказаннымъ* портретомъ 9 строкъ вашей доброй о немъ памяти. Даю съ своей стороны честное слово тиснуть въ этомъ видѣ не болѣе 10 экз. для людей, особенно любившихъ графа и которыхъ онъ любилъ. Это опредѣленіе симпатій его, можетъ быть, и жестко, но вѣрно.

Слышалъ я на дняхъ, что Араславъ [3]) ни вѣсть куда пропалъ, пока для него все возможное дѣлать можно.

12.

Письмо къ его высокопревосходительству Мих. Ник. вы конечно увидите и узнаете что́ я пишу о помощникѣ своемъ, Густавѣ Васильевичѣ Кеберѣ. Онъ врачъ, человѣкъ весьма образованный, съ умомъ и толкомъ, вполнѣ *честенъ*, развѣ только иногда нетерпѣливъ и горяченекъ; но и въ этомъ отношеніи много исправился. Вы видите, я говорю вамъ все. Не найдется ли случая пристроить его? Говорятъ, много новыхъ мѣстъ у васъ. А безъ сомнѣнія онъ изъ весьма достойныхъ [4]).

Что сказать вамъ еще? Пожелать благодатныхъ трудовъ, да уничтоженія *пустой* переписки нашей съ Департам., которая связываетъ насъ по рукамъ и по ногамъ, а пользы конечно не приноситъ.

Не знаю, откуда здѣсь взялась молва, будто меня зачѣмъ-то вызываютъ въ Петербургъ. Коли хотите выгнать меня, то вызывайте; я не поѣду, а скорѣе покину службу. Не могу ѣхать, слабъ и хилъ, обручи едва держатся; а сползутъ, такъ клёпки разсыпятся [5]).

Нашъ губернаторъ, Александръ Николаевичъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей, какихъ мнѣ случалось видѣть. Вотъ въ комъ искра Божества господствуетъ, а плоть покорствуетъ. Въ короткое время онъ сдѣлалъ много добра. Еслибы Богъ велѣлъ ему прожить и пробыть здѣсь лѣтъ деся-

---

[1]) Я хотѣлъ сказать, что онъ имѣлъ право писать, что̀ хотѣлъ, Муравьеву, не опасаясь быть *неприличнымъ*.

[2]) Помню, что покойный уже, тогда еще свѣжій, почти молодой, человѣкъ, графъ Алексѣй Толстой былъ очень недоволенъ этимъ портретомъ. Онъ находилъ его деревяннымъ, съ чѣмъ нельзя не согласиться; но его одобрилъ Муравьевъ. Его разослали тогда по всѣмъ палатамъ удѣльнымъ. У меня осталось до сего времени экземпляровъ пятьдесятъ.

[3]) Такъ Даль, въ домашнемъ быту, звалъ своего сына Льва.

[4]) Онъ былъ опредѣленъ управляющимъ, не помню какой Удѣльной Конторы.

[5]) Очень можетъ быть, что хотѣли познакомиться съ дѣломъ, какъ говорится, *практически*, путемъ объясненій съ Далемъ, для тѣхъ или другихъ реформъ. Но онъ ѣхать не хотѣлъ и вызванъ не былъ.

токъ, то губернія наша, въ этомъ я увѣренъ, приняла бы по управленію, видъ благословенный. Прощайте.

В. Даль.

15 Янв. 1857.
Нижній.

13.

28 Янв. (1857).

Оправдываться вамъ вовсе не въ чемъ; я и не ожидалъ особеннаго отвѣта: запроса не было.

Но въ письмѣ вашемъ кой-чего не понимаю.

1) „Мих. Ник., какъ и я, просто не понимали вѣдомыхъ вамъ строкъ" [1]). Не знаю, какихъ строкъ и о чемъ идетъ рѣчь.

2) „Извѣстнымъ, конфид. письмомъ вамъ развязываются руки". Какимъ? Я получилъ одно только, вашей руки, съ вопросомъ по учету податныхъ и мірскихъ сборовъ, на которое и отвѣчалъ тотчасъ. Какая же тутъ развязка рукъ?

3) Вы хотите подписать какія-то строки мои подъ полиціе графа. Я не помню ничего что писалъ, хотя помню, что говорилъ объ немъ. Изъ этого видите, въ какомъ надежномъ состояніи память моя; а можетъ быть и не одна память. Не знаю, не смѣю сказать ни да, ни нѣтъ, а предоставляю дѣло вашему сужденію [2]).

Покуда Александръ Николаевичъ здѣсь, не хочется покидать чести мѣста; хоть скрыпитъ, да везетъ кой-какъ. Прощайте; напишите словечко, когда удосужитесь. Я не погонщикъ.

В. Д.

14.

4 Іюля 1857.

Только что возвратившись изъ поѣздки, нашелъ я письмо ваше, уважаемый Василій Матвѣевичъ, съ требованіемъ сказать всю *истину* по жалобѣ Н. М. Ж. на какія-то *недоразумѣнія* его съ мѣстными властями, по производству имъ слѣдствія.

Доложите, что я не ошибся, когда отвѣчалъ его высокопревосходительству по поводу прикомандированія департаментскихъ чиновниковъ, что буду исполнять добросовѣстно и это приказаніе, но предвижу большія затрудненія. О Ж. я доносилъ дважды по всей истинѣ, что нашелъ въ немъ примѣрно-благороднаго и благонамѣреннаго *человѣка*; но о *чиновникѣ* я молчалъ. Это добродушный, но желчный и раздражительный ребенокъ, хотя и сѣдой уже, а потому и перевоспитать его едва ли можно. Онъ не способенъ къ тому, чтобы поставить себя по службѣ въ приличныя отношенія, а потому и бѣгаетъ въ отчаяніи отъ каждаго дѣла, не кончивъ его, и чувст-

---

[1]) Оговорокъ. См. выше, письмо 11-е.

[2]) Съ одной стороны, я признаюсь, не понималъ этихъ quasi-экивоковъ; а съ другой, хорошо понималъ, что Муравьеву мысль моя не понравилась. Портретъ изданъ безъ подписи.

вуетъ самъ, что ему вторично возвращаться на тоже мѣсто, для окончанія дѣла, нельзя.

Поставьте себя на мое мѣсто, чего мнѣ стóитъ такой отзывъ о *человѣкѣ*, котораго нельзя не уважать? Но на прямое приказаніе его высокопревосходительства иначе отвѣчать не могу. О какихъ именно недоразумѣніяхъ идетъ рѣчь, не знаю. Ж. произвелъ слѣдствіе о порубкѣ, бывшее въ виду департамента. Мы кой-какъ свели концы; но самъ онъ бѣдный, не видавъ никогда ни службы, ни дѣла, воротился въ убѣжденіи, что его окружали тамъ одни мошенники; повторялъ это безпрестанно, но, не смотря ни на какія просьбы и даже настоянія мои, не далъ ни одного дѣльнаго указанія, за которое бы можно взяться, а ограничивался выраженіемъ общаго презрѣнія своего къ службѣ и къ служащимъ. Когда же вслѣдъ за тѣмъ я поручилъ ему временно должность депутата, и онъ въ самомъ дѣлѣ сошелся съ мошенниками, земскою полиціею, и долженъ былъ бороться съ нею день за день и часъ по часу, то не выдержалъ, бросилъ все, объявилъ, что попалъ въ вертепъ разбойниковъ и что должности этой нести не можетъ. Но въ тоже время, когда милосердый и строгій начальникъ губерніи, вслѣдствіе личныхъ объясненій моихъ, потребовалъ частной записки отъ него, Ж., съ поименованіемъ разбойниковъ этихъ и указаніемъ на знаменитыя дѣлà ихъ, то онъ отъ этого отказался, не смотря ни на какія убѣжденія мои, и написалъ, наконецъ, записку пустую, по коей губернаторъ не могъ ничего сдѣлать. На словахъ же продолжалъ онъ называть службу эту адомъ, а всѣхъ служащихъ вообще разбойниками, на которыхъ можно только выходить съ дрекольемъ.

Вотъ все, чтó я могу сказать, все, чтó знаю. Теперь г. Ж. боленъ небольшимъ, но докучливымъ воспаленіемъ глазъ; при его золотушномъ расположеніи это можетъ и продлиться.

Въ чернорабочее тѣло нашего брата, особенно депутата, не всякій согласится влѣзть. У столичныхъ чиновниковъ даже нѣтъ и понятія о той грязи, съ которою мы возимся. Но унывать нельзя, а надо бороться день и ночь, до послѣдняго вздоха. Стараемся исполнить это.

Вашъ В. Даль.

15.

16 Сентября 1857.

Всѣ записанныя приказанія исполняются исподволь, а тамъ думаю представить вѣдомость объ нихъ съ отмѣтками.

Кирпичные заводы—задача! Попрошу выслать изъ Владимира мастера, коли пойдетъ, на тѣхъ же условіяхъ; у насъ такой расчетъ не выходитъ.

Рихтеру отправилъ съ полдюжины записокъ вмѣстѣ съ дѣлами. По переселенію на Пандасъ приложилъ объясненіе; *мы правы*. Новое требованіе его изъ Владимира отъ 8-го получилъ на одной почтѣ съ вашей запиской изъ Москвы отъ 12-го, т. е. вчера, *15 Сентября*; поэтому требуемыя имъ безконечныя свѣдѣнія (невѣдомо для чего...) едвали не опоздаютъ въ Москву.

Пожалуста предупредите; вѣдь свѣдѣнія эти таковы, что требуютъ переборки всего архива!

Коли вызовете Боянуса, то само собою разумѣется, что онъ тотчасъ явится. Но можетъ ли быть польза отъ такого вызова? Это дѣло не такое, чтобы его въ двѣ недѣли рукой снять. Человѣкъ не часы: за одинъ разъ не вычинишь. Лѣкарь, что мельникъ: не отходи ни на шагъ. Тутъ можно только поддерживать и помогать по мѣрѣ припадковъ и другихъ случайностей, а на *вылѣчку* нельзя брать много, всего менѣе *старика съ удушьемъ* *).

Обнимаю.

В. Даль.

16.

21 Сентября (1857).

Меня заботитъ, что его высокопревосходительство изволилъ спрашивать объ оставленныхъ у меня на порученіи бумагахъ. Все, что у меня оставлено было, давно обработано и представлено черезъ Рихтера, какъ самъ онъ посовѣтовалъ мнѣ сдѣлать; остались за мною только словесныя приказанія такого рода, коихъ исполнить тотчасъ нельзя; даже наказъ депутату представленъ. Вѣроятно теперь все получено. Всѣ приказанія (пожалуста доложите объ этомъ) записаны, составлена особая вѣдомость, отмѣчается по мѣрѣ исполненія, и вѣдомость эту вскорѣ представлю съ отмѣтками.

Ради Бога упраздните до новаго года *имянныя вѣдомости нерѣшенымъ дѣламъ* и *настольнымъ бумагамъ*... и глупо, и грустно, и тяжело. Дѣла много и безъ игрушекъ.

Чьей подписи „Вѣстникъ" желаетъ? Моей—это было бы не кстати: слова говорили купцы, а я чиновникъ и не причемъ тутъ. Коли хотятъ подписать *Сергѣй Климовъ*, то могутъ; рѣчь его, а тщеславіе его этимъ удовлетворится.

На Москву силъ моихъ не хватитъ, струсилъ. Я узналъ, что тамъ дѣлается. Къ тому у меня еще менѣе достанетъ терпѣнія глядѣть спокойно на произволъ и обиды крестьянъ по отправленію въ подмосковной повинностей; а вступись я какъ должно и захоти довесть до того, какъ, съ помощію Божіею и Александра Николаевича, здѣсь, такъ сцѣпишься въ Москвѣ съ такими властями, что самого забьютъ клиномъ подъ стойку. По приказанію Алекс. Никол. я написалъ объ этомъ письмо и прошу васъ изъявить его высокопревосходительству нескончаемую признательность мою по гробъ.

Записку о Ж. прошу васъ представить; если онъ, бѣднякъ и полупомѣшанный, и творитъ зло безсознательно, то нельзя же молчать на клевету его, а надо по возможности оправдываться. Передъ отъѣздомъ отсюда *онъ самъ разсказывалъ, что подавалъ министру письменный доносъ на здѣшнее удѣльное управленіе*, сказавъ также, какъ это было принято. Кто слышалъ это отъ него *своими ушами*, тотъ мнѣ и передалъ. Какъ бы мало ни заботиться о сплетняхъ, но такой случай безъ вниманія оставить нельзя. Не

*) Т. е. М. Н. Муравьева. Онъ тогда заболѣлъ въ Москвѣ. Боянусъ—гомеопатъ, удѣльный врачъ въ Нижнемъ.

забудьте, что я, во все время такъ называемой службы его здѣсь, упрашивалъ его ѣхать на мѣста̀ и обнаружить все то, о чемъ онъ говорилъ не мнѣ, а постороннимъ; но онъ отказывался, говоря, что это не его дѣло; а на бумагѣ далъ мнѣ отзывъ, что, *по закону, доносчикъ не обязанъ доказывать того, о чемъ доноситъ!*

Если бы мнѣ дали пенсію по божески, т. е. за 40 лѣтъ жалованье мое, то я бы вскорѣ и вышелъ, не смогу. А то даете пенсію по *старому* окладу: этимъ жить невозможно. Еслибы въ Москвѣ нашлось мѣстечко *полегче*, а не потяжеле здѣшняго, хоть и самое ничтожное по званію, пошелъ бы сейчасъ.

Прощайте; да записку мою представьте. Взбалмошная клевета чернитъ иногда не меньше дѣльной.

17.

23 Сентября (1857).

Титулярный совѣтникъ Ж., въ бытность свою въ Нижнемъ, въ бесѣдѣ со сторонними людьми, постоянно отзывался о мѣстномъ удѣльномъ управленіи съ весьма дурной стороны и хотѣлъ было однажды передать помощнику управляющаго какія-то подробности объ этомъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы этотъ сохранилъ тайну и не говорилъ бы объ этомъ управляющему. Когда же помощникъ объяснилъ ему странность и неисполнимость такого требованія, то г. Ж. безъ обиняковъ выслалъ его отъ себя вонъ и просилъ впредъ не жаловать.

Я убѣждалъ г. Ж., на словахъ, ѣхать съ тайнами своими на мѣсто и сдѣлать дознаніе, обѣщая ему всякую помощь и содѣйствіе; онъ отказался на отрѣзъ, но продолжалъ злословить на сторонѣ. Тогда я написалъ ему письмо, въ коемъ старался убѣдить его не только въ неприличіи такихъ поступковъ, но и въ нарушеніи имъ всякаго порядка службы. Я требовалъ отъ него, какъ отъ чиновника подчиненнаго, чтобы онъ ѣхалъ тотчасъ въ ту часть имѣнія, гдѣ неизвѣстныя мнѣ злоупотребленія происходятъ, обѣщая ему при томъ всякое пособіе и содѣйствіе, устраненіе служащихъ по его требованію и пр., но съ тѣмъ, чтобы онъ открылъ и обнаружилъ зло или убѣдился бы въ ошибкѣ съ своей стороны. Я убѣждалъ его сдѣлать это, какъ чиновника министерскаго, который можетъ и въ высшемъ управленіи ославить насъ, старался доказать ему, что онъ обязанъ сдѣлать это: иначе бездоказательныя слова́ его могутъ быть названы злословіемъ и клеветою. На все это, кромѣ пустыхъ оговорокъ, онъ отвѣчалъ *письменно*: „Законъ (т. 15, ст. 914, 916) не обязываетъ извѣстителя доказывать преступленіе“...

Послѣ такого ребяческаго и неумѣстнаго, по существу дѣла, отвѣта, я оставилъ все это и отвѣчалъ его высокопревосходительству на вопросъ о г. Ж. и о службѣ его, что это сѣдой ребенокъ, а не служащій. Но г. Ж. и передъ самымъ отъѣздомъ продолжалъ, въ кругу знакомыхъ своихъ, отзываться дурно и презрительно о здѣшнемъ удѣльномъ управленіи и конечно съ тѣмъ же неизмѣннымъ убѣжденіемъ прибылъ въ столицу.

Еслибы я желалъ скрыть что либо дурное и отклонилъ бы г-на Ж. отъ ближайшихъ дознаній, то онъ былъ бы въ правѣ отзываться такимъ образомъ; но когда я настоятельно упрашивалъ его сдѣлать это, обѣщая ему самое добросовѣстное содѣйствіе, то полагаю, что исполнилъ обязанность свою, и долгъ будетъ за нимъ, а не за мною.

Я очень желалъ бы и теперь еще, чтобы г-ну Ж. приказано было написать всѣ обвиненія свои, чтобы онъ затѣмъ былъ присланъ отъ г-на министра для дознанія или для изслѣдованія, не отвѣчая при томъ за такія вѣсти, которыя бы и не подтвердились на дѣлѣ. Можетъ быть, онъ и въ самой вещи откроетъ что либо мнѣ неизвѣстное; во всякомъ же случаѣ обвиненія высказаны будутъ положительно, чѣмъ и отымется возможность злословить въ общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ.

В. Даль.

18.

23 Октября (1857).

Получивъ зуботычину, росписуюсь въ ней; но право, не знаю, за чтó. Любя друзей своихъ и любимцевъ, не кóломъ же бить по инымъ прочимъ; а ради такихъ добрыхъ людей, отъ коихъ, какъ говоритъ пословица, міръ погибаетъ, не погибать же ему въ самомъ дѣлѣ *).

Никто не обязанъ отчетомъ въ любви и привязанности своей; но неправедно и обидно, если бы кто захотѣлъ обращать любимцевъ своихъ въ заповѣдники, въ завѣтную вещь, къ которой никто не смѣетъ прикоснуться.

И медвѣдь реветъ, когда его припираютъ рогатиной; и ему не ставятъ это ни въ грѣхъ, ни въ преступленіе. Можетъ быть, онъ этимъ и обезпокоитъ кого нибудь изъ скромныхъ сосѣдей своихъ или даже, заревѣвъ благимъ матомъ, зарубежниковъ; но можно ли за это на него пенять? Считаю обязанностію христіанина защищаться не только отъ ножа и зуба и когтей, но и отъ нападковъ нравственныхъ. Обѣ жизни связаны въ этомъ мірѣ нераздѣльно.

Неужели я выразился такъ неосмотрительно, что вы могли подумать, будто я ожидаю отъ васъ *неофиціальнаго посредничества* въ этомъ жалкомъ дѣлѣ? Это слова ваши. По *формѣ* конечно сношеніе мое могло бы такимъ назваться; но это случилось потому, что этотъ способъ сношеній былъ между нами принятъ прежде; взгляните на десятокъ записокъ. Но по сущности дѣла, кажется, все было въ порядкѣ, и я считалъ себя въ своемъ правѣ. Вспомните, не вы ли, отъ своего имени, по приказанію начальника, спрашивали меня: каковъ сослуживецъ этотъ и въ чемъ состоитъ неудовольствіе его, о которомъ вѣсть дошла не знаю, какимъ путемъ? *Офиціальный* былъ это вопросъ или нѣтъ? А если послѣ этого, по крайнему разумѣнію моему, я

---

*) Должно быть, рѣчь идетъ о неудовольствіи Даля противъ Н. М. Ж., который былъ къ нему прикомандированъ (это племянникъ графа Л. А. Перовскаго).

счелъ необходимымъ представить по тому же дѣлу дополнительное объясненіе, состоящее въ непосредственной связи съ первымъ, то неужели я не въ правѣ былъ представить его тѣмъ же путемъ?

Бывъ нѣкогда на вашемъ мѣстѣ, я былъ разъ навсегда безгласенъ, не переписывался никогда и ни съ кѣмъ, въ 9 лѣтъ не скрѣпилъ и не подписалъ ни одной бумаги,—это другое дѣло; вы поставлены иначе, вы пишете даже отношенія отъ себя или отъ канцеляріи, вы лицо офиціальное.

Вотъ какъ я понималъ дѣло, можетъ быть и ошибочно. Во всякомъ случаѣ увѣряю васъ всею искренностію и правдивостію: не было и никогда не будетъ у меня на умѣ и тѣни притязанія, чтобы вы принесли тутъ какую либо жертву. У меня не достаетъ прозорливости для разгадки замысловатыхъ событій, но я и не маялся надъ ними, а написалъ просто и прямо, что́ и какъ было; а написанное представилъ тѣмъ путемъ, какой казался мнѣ, по близорукости, самымъ приличнымъ.

Если вы друзьямъ и любимцамъ своимъ прощаете *все*, то съ Богомъ, обвиняйте во всемъ прочихъ, пусть будетъ такъ; но будьте къ нимъ хотя на малую долю противу этого снисходительны и прощайте ихъ также по крайней мѣрѣ въ невольныхъ преступленіяхъ, если не офиціально, то сердечно, и разорвите это письмо. Не подымайте *камня* ни на кого (опять слова ваши), а закиньте его въ воду—и пузыри вверхъ!

В. Даль.

19.

26 Февраля (1858).

Обинякъ да задняя думка—люди никуда негодные и творятъ много пакостей.

Творю, можетъ статься, и я пакости, какъ всякій грѣшный, и это говорю я безъ ханжества, а отъ щираго сердца, но, кажется, не обинякамн. Прямиковое слово торчитъ рогатиной; думаю, что въ этомъ меня упрекнуть можно: въ упорствѣ убѣжденій, въ рѣзкости при отстойкѣ ихъ, въ безпощадности при гоненіи неправды и пр. Но едва ли я умѣю писать между строкъ.

Я перечиталъ еще разъ письмо свое къ графу *) и не нашелъ въ немъ ни одного слова, которое бы могло показаться намекомъ, о коемъ идетъ рѣчь Я не могъ даже прибрать мѣста, какое бы могло послужить поводомъ къ подобному недоразумѣнію. Простите же дружески, что я невольно и безсознательно былъ причиною такого непріятнаго впечатлѣнія.

А на мировую я опять-таки съ просьбою. Вѣдь на кого дуются, того ни о чемъ не просятъ.

1) Въ Іюлѣ прошлаго года я представилъ по порядку разсчетъ слѣдующихъ мнѣ 10% съ оброчныхъ статей за 1856 годъ; понынѣ ни слуху, ни духу. Восемь мѣсяцевъ!!

2) Объ утвержденіи, съ подряду, отправленія земскихъ повинностей *съ 1-го Янв. 1858* представлено.

---

*) Стенбоку? П. Б.

О сю пору ни отвѣта, ни привѣта. А что́ мнѣ дѣлать? Бумага лежитъ и молчитъ; а съ 1 Янв. долженъ отправлять повинность; кѣмъ? Старый подрядчикъ отказывается; новаго допустить не смѣю: онъ долженъ накупить лошадей и пр. на мою отвѣтственность... А если департаментъ почему либо не утвердитъ цѣнъ, какъ это случалось?

Чужая вина не прощеная, мы виноваты во всемъ; объ этомъ узна́емъ мы въ каждый приходъ почты, чуть не въ каждомъ предписаніи. А что̀ дѣлаетъ департ. одной проволочкой? Это зло неисправимое, отъ котораго самая ретивая дѣятельность поражается параличемъ. Сердце болитъ, глядя на это. А что̀ дѣлаетъ онъ безтолковыми и превратными распоряженіями, ни дай, ни вынеси, ни кому не на пользу, а во вредъ и себѣ, и людямъ?..

Но не дѣлай своего хорошаго, говоритъ всякое начальство, а дѣлай мое худое. Такъ и будемъ!

В. Даль.

20.

20 Апрѣля 1858.

Письмо ваше, Василій Матвѣевичъ, отъ 12-го распечаталъ я 20-го. Вы пишете: „Мнѣ бы хотѣлось *слѣдующее* письмо мое пригнать къ 17-му" Почему же? И какое *слѣдующее*?

Но это въ сторону. На звѣзду я вздохнулъ и пожалъ плечами. На все власть начальничья. Пожалуста поблагодарите его высокопревосходительство, какъ съумѣете; немножко больше довѣрія, немножко меньше упорныхъ настояній въ дѣлахъ вредныхъ или неисполнимыхъ—вотъ это бы звѣзда!

Розенъ [1]) прекрасный человѣкъ, нельзя не полюбить его; но о дѣлахъ нашихъ у него нѣтъ и *понятія*, а написать не можетъ *ничего*; въ томъ и другомъ онъ самъ сознается, и ему очень неловко противу чиновниковъ. Развѣ это помощникъ? Развѣ можно, послѣ этого, взыскивать и требовать съ нашего брата *личной* отвѣтственности (какъ сказано въ Св. Уд. Пост.) за чиновниковъ? Кѣмъ же замѣню его? Долженъ самъ работать за двоихъ, и только.

Но вы мнѣ задали трудную задачу. И въ самомъ дѣлѣ: не достаетъ только, чтобы намъ стали назначать такихъ помощниковъ, каковъ Шварцъ! [2]) Василій Матвѣевичъ, побойтесь Бога! Хлопочите за вдовъ и сиротъ, сажайте по ходатайству людей въ богадѣльню; но не старайтесь о назначеніи намъ такихъ помощниковъ, ни даже вообще о назначеніи ихъ куда бы то ни было въ должность. Можете смѣло доложить, что у меня есть нѣсколько *писцовъ* несравненно достойнѣе и способнѣе его. Онъ служилъ въ Конторѣ недолго помощникомъ столоначальника, но былъ крайне въ тягость и вышелъ.

Не гнѣвайтесь; я иначе говорить не могу: какъ дѣло понимаю, такъ и сказываю. Вы говорите, будто отзывъ Бетлинга одобрителенъ. Посмотрите

---

[1]) Впослѣдствіи директоръ департ. неокладн. сборовъ и сенаторъ, своякъ графу Алексѣю Константиновичу Толстому, почему я ему и протежировалъ.

Есть въ перепискѣ моей письмо мое къ Розену по приказанію Муравьева о томъ, что онъ долженъ оставить службу. Я тутъ ни при чемъ, а на меня обрушилось.

[2]) Братъ писца нашей канцеляріи. Я его никогда не видалъ, даже и вовсе не хлопоталъ.

хорошенько и вы прочитаете другое. Его выживають безъ обиняковъ, и онъ держится только увѣреніями, что его скоро куда-то переведутъ.

Поставьте же себя на мѣсто управляющаго, Василій Матвѣевичъ, и помилосердуйте.

Еще разъ поблагодарите, какъ знаете; но выскажите, что не умѣю согласовать въ понятіяхъ своихъ такую великую, искренно говоря, незаслуженную награду съ тою недовѣрчивостію и неудовольствіемъ, какія теперь сплошь и рядомъ вижу.

В. Даль.

21.

1 Іюня 1858.

Милостивый государь Василій Матвѣевичъ. На требованіе ваше отъ 17-го Мая № 501 имѣю честь увѣдомить, что о г. Замятнинѣ я доселѣ могу сказать одно только хорошее. Онъ толковъ, весьма старателенъ, прямодушенъ и пишетъ бумаги со смысломъ. Разбирательства, которыя были ему поручены, дѣлалъ онъ вполнѣ удовлетворительно и излагалъ въ такомъ видѣ, что не трудно было рѣшать дѣло.

Покорно прошу принять увѣреніе въ искреннемъ уваженіи моемъ и преданности.

В. Даль.

22.

Его высокородію В. М. Лазаревскому.
24 Мая 1858.

На вопросъ вашъ, Василій Матвѣевичъ, отъ 23-го Іюля спѣшу отозваться.

Замятнинъ въ настоящее время конечно нуженъ бы и здѣсь, если милость будетъ; потому что у меня вдругъ вышло три депутата, кромѣ Доброхотова, и никто еще на ихъ мѣсто не опредѣленъ. Если бы я зналъ, что Замятнина прочатъ въ эту должность, то я бы принялъ его весьма охотно; но вѣдь это будетъ изъ поповъ во діаконы: онъ теперь получаетъ 500 р., да на писца 120, а депутатское жалованье 380; удобно ли это? Теперь у меня вакансіи нѣтъ; на мѣсто выбывшихъ представлены чиновники весьма хорошіе, коихъ бы я лишиться не хотѣлъ; притомъ двое изъ нихъ уже оставили для этихъ мѣстъ другую службу и были бы обмануты. Но еслибы можно было оставить Замятнина до новаго года, то это было бы для меня большою помощью.

Записка о монастыряхъ и древностяхъ поставила меня въ тупикъ: никогда я дѣломъ этимъ не занимался, не смыслю его. Какъ я могу за него взяться? Еслибы я бросилъ всѣ занятія и занялся бы на все время исключительно этимъ, то право не успѣлъ бы ни въ чемъ путномъ. Вѣдь дѣло это требуетъ знанія и предварительныхъ занятій. Было бы нагло съ моей стороны взяться за дѣло, которое мнѣ вовсе чуждо. Хотя у насъ и были слухи, что работа эта уже изготовлена Мельниковымъ; но, обязанъ будучи исполнить приказаніе его высокопревосходительства, я не съумѣлъ придумать ничего лучшаго, какъ пріискать здѣсь человѣка, который бы могъ сдѣлать требуемое и представить его, если дозволено будетъ, г. министру двора. Это

именно протопопъ Лебедевъ, у котораго всѣ описанія церквей, монастырей и древностей, кажется, должны быть готовы.

29 Іюля 1858. № 33.

23.

Насъ заставляютъ освѣщать шкальчиками три дня съ ряду въ пріѣздъ Государя все зданіе; это стòитъ болѣе 300 р. сер. Я не знаю чтò и дѣлать: денегъ на это нѣтъ просить—нѣтъ времени... Развѣ повеселиться на свой счетъ?

24.

24 Октября 1858.

На дняхъ губернаторъ потребовалъ послужныхъ списковъ: моего, Розена и Боянуса. По исключительнымъ*) отношеніямъ моимъ къ нему я не хотѣлъ затруднять его вопросомъ: для чего? а удовольствовался замѣчаніемъ столоначальника, что „кажется, составляютъ какой-то особый адресъ-календарь“.

Черезъ нѣсколько дней прошелъ слухъ, будто Александръ Николаевичъ представляетъ насъ къ наградамъ. Я нашелъ случай высказать объ этомъ мнѣніе свое такъ, чтобы оно было ему передано; вслѣдствіе этого, кажется, дѣдушка (какъ мы его называемъ) обратился ко мнѣ устно съ вопросомъ: согласенъ ли я на представленіе Розена и Боянуса къ наградамъ? Я отвѣчалъ: „Розенъ служитъ здѣсь недавно, служба его вамъ едва ли можетъ быть извѣстна, и на чемъ основывается представленіе ваше, этого я не знаю; но могу свидѣтельствовать, что онъ одинъ изъ самыхъ достойныхъ и благородныхъ людей, какихъ я знавалъ. Боянуса же вы знаете сами хорошо; по дѣятельности и пользѣ, по знанію и безкорыстію своему онъ принадлежитъ одинаково всѣмъ вѣдомствамъ; онъ между прочимъ сдѣлалъ здѣсь до 50-ти операцій *каменной* болѣзни (самая важная изъ всѣхъ операцій) и въ томъ числѣ спасъ отъ неминуемой мучительной смерти двоихъ лучшихъ волостныхъ писарей нашихъ (Репьева и Лебедева), которые теперь служатъ съ удвоеннымъ усердіемъ. Я уже представлялъ его, но представленіе не уважено.

Затѣмъ дѣдушка объявилъ, что представляетъ и меня. На это я отвѣчалъ: Вопервыхъ, мнѣ кажется, что это не идетъ и будетъ не кстати. Во вторыхъ, òрдена и чина мнѣ дать невозможно: ихъ надавали мнѣ и такъ не въ мѣру. Въ третьихъ, и то и другое мнѣ всегда было въ тягость, а не въ радость; особенно охотно сложилъ бы я съ себя послѣдній чинъ и звѣзду, которая пристала мнѣ, какъ... пословица вамъ извѣстна. Остается денежная награда; но денегъ мы и такъ получаемъ много, и надо въ этомъ отношеніи совѣсть знать; къ тому жъ у васъ нѣтъ на это казны, а изъ чужаго кармана, кажется, просить наградъ нельзя. Наконецъ, въ доказательство искренности моей, выскажу и лишнюю правду: вы представляете къ наградамъ за отличіе въ числѣ прочихъ такихъ людей, что я бы считалъ первымъ для себя отли-

---

*) Объ исключительности этой ходили только темные слухи.

чіемъ не быть отличаему съ ними вмѣстѣ, чтобы сторонніе не сочли меня за такого же негодяя. А самымъ важнымъ отличіемъ и неоцѣненною наградою для меня была бы ограда и охрана удѣльныхъ крестьянъ отъ *невыносимаго* своевольства полицій и строгое взысканіе съ нихъ по каждому случаю.

Чтò за симъ послѣдовало, не знаю; но доношу вамъ объ этомъ съ просьбою доложить его высокопревосходительству чтó и какъ было.

Замятнинъ потому получилъ 120 р. на писаря, что, при недостаткѣ у меня *четырехъ* депутатовъ, занималъ штатную свободную депутатскую должность; теперь эта помощь ему прекратилась. Очень жалѣю, что потеряю его; это другой Доброхотовъ, волосъ въ волосъ, только помоложе и потому поопрометчивѣе, тогда какъ тотъ опытенъ и остороженъ. Но Замятнинъ самъ оченъ желаетъ въ Москву, и потому я долженъ также просить объ этомъ въ награду ему. Депутатская должность нестерпимо тяжела и доводитъ благородныхъ людей до неистоваго негодованія. Тоже на дняхъ случилось съ Замятнинымъ: онъ забылся и написалъ въ бумагѣ то, чего писать нельзя. Дѣдушка всполошился, полиція заликовала: попался! Мы съ нимъ повинились, объявили, что принимаемъ на себя заслуженную кару, но въ тоже время обнаружили ясно, что исправникъ безпробудный пьяница, а становой не только взяточникъ, а грабитель. Казнить одного виноватаго, такъ казнить всѣхъ! Задача оказалась неудобоваримою, и чтò будетъ, не знаю.

Въ другой волости уѣзда, какъ Пугачевъ, довѣренный человѣкъ, исправникъ кн. Зв—й. Съ вывѣскою: „*Я не беру взятокъ*!" позволяетъ себѣ всѣ своеволія и самоуправства Хивинскаго хана. Это злодѣй по душѣ и потому долженъ быть полезенъ. Съ нимъ у насъ до *десяти* дѣлъ, которыя идутъ очень туго, а тотъ все продолжаетъ свое. Унять некому.

Дѣлà Бетлинга [1]) идутъ отлично хорошо. Въ комъ знаніе дѣла, строгость, добросовѣстность и благодушіе соединены такъ, какъ въ немъ, тотъ въ чиновничествѣ является какимъ-то выродкомъ.

В. Даль.

25.

18 Ноября (1858).

Оправившись нѣсколько, хотя и продолжаю хворать, напередъ всего прошу васъ искренно и усердно поблагодарить его высокопр-во за награду [2]). По всей правдѣ говоря, много очень посыпалось на меня въ послѣднее время наградъ,—не знаю, передъ добромъ-ли.

Вопроса вашего о *послужныхъ спискахъ* я не понялъ; о грамматикѣ что ли идетъ рѣчь?

Не знаю, чтó я буду дѣлать съ полиціями. Онѣ принимаютъ такое наглое обращеніе, какого и прежде не бывало: ни страха, ни боязни, потому что нѣтъ *никакого взысканія*. Въ любимцы вдругъ попали самые выжиги, буквально какіе-то опричники, Ноздревы съ компаніею. Непостижимо, какъ это могло

---

[1]) Управлявшій Нижегородской Палатою Госуд. Имуществъ.

[2]) Годовой окладъ содержанія—1571 р. 43 к.

сдѣлаться. Цѣлая цѣпь непотребнаго заступничества образовалась исподволь и заступила дорогу порядочнымъ людямъ; мы съ Бетлингомъ держимся только на ниточкѣ. Ненависть полицейскаго легіона къ нашему брату можетъ быть понятна тому только, кто видитъ на мѣстѣ, какъ мы вырываемъ изъ зѣва ея одинъ лакомый кусъ за другимъ. Какъ только несчастная обстановка начальства, подъ предлогомъ *облагородить* полицейское званіе, окажетъ ему потворство или даже сострадательное покровительство, то все полетитъ вверхъ дномъ. Тогда намъ не удержаться.

Прошу васъ объ одномъ: скажите его высокопр-ву, что назначеніемъ Бетлингу прибавки онъ сдѣлалъ Божеское дѣло; достойнѣе этого человѣка здѣсь нѣтъ, что̀ бы ни говорили бабы [1]), которымъ не нравятся непаркетные пріемы его. Я дивлюсь дѣятельности его, здравому смыслу и простотѣ всѣхъ его рѣшеній и распоряженій. При такой мягкости и добротѣ, разумная и убѣдительная настойчивость его побѣждаетъ всѣ затрудненія, весь хаосъ безпорядковъ.

Обратите вниманіе на донесеніе мое объ отказѣ Губернскимъ Правленіемъ мнѣ начинать за крестьянъ дѣла; если это не будетъ измѣнено прямымъ постановленіемъ, то намъ хоть закрывать лавочку. Крестьяне наши нигдѣ и никакой защиты не найдутъ; на нихъ давно вся губернія острить зубы, и вся земская полиція ввалится въ наше овечье стадо, какъ стая голодныхъ волковъ. На это я не смогу глядѣть спокойно, а подамъ въ отставку: тогда я буду лишній.

26.

По службѣ нѣтъ отговорокъ, но черезъ силу и конь не прянетъ. Не отговариваюсь ѣхать въ Питеръ [2]) и не виляю, а просто не могу, хоть что̀ хотите дѣлайте. Недуги мои измѣнчивы, но не переходчивы; надежды на поправку къ срокамъ нѣтъ. Не считайте меня служакой, считайте инвалидомъ, по нуждѣ еще терпимымъ на службѣ и то, вѣроятно, не на долго. Насчитывать вамъ всѣ недуги мои, по временамъ года, по часамъ дня и ночи и погодѣ глядя, едвали умѣстно; но доложите, пожалуста, что еслибы изнемогшія кости мои и были привезены, какъ товаръ, въ Питеръ, то онѣ провалялись бы тамъ безъ пользы до дня обратнаго отпуска ихъ, еслибы вамъ не пришлось выпроваживать ихъ по веснѣ поѣздомъ.

Была пора, былъ и досугъ. Я ли отъ работы отказывался? Теперь не могу; годенъ еще на мѣстѣ, не знаю, на долго ли, а на показъ не гожусь. Одинъ только Богъ могъ бы дать мнѣ на это силу и крѣпость, но не даетъ; стало быть не надо.

Ардатовскій исправникъ, кн Зв—й [3]) обошелъ мордкою бѣднаго Александра Николаевича и завладѣлъ имъ безусловно; болѣе ничего придумать

---

[2]) Предполагалось созвать какой-то соборъ болѣе толковыхъ управляющихъ. Кажется это не состоялось; во всякомъ случаѣ Даль не былъ вызванъ.

[3]) Онъ былъ отставленъ.

[1]) Княжны Шаховскія.

не умѣю. Никакія кровныя жалобы, улики и никакое злоупотребленіе власти этого звѣря не могутъ разочаровать дѣдушку. А тотъ продолжаетъ свое. Я подалъ на него *шестнадцать* жалобъ, съ великимъ трудомъ успѣлъ передать ихъ въ Губернское Правленіе. Дѣдушка держалъ ихъ у себя, а теперь держитъ или смягчаетъ до послѣдней возможности журналы Правленія, обвиняющіе этого мерзавца. Не приложу ума и не знаю что́ дѣлать. Онъ преслѣдуетъ обдуманно всякаго удѣльнаго крестьянина и наноситъ посильный вредъ всему управленію. Помогите, коли можете.

Душевно преданный В. Даль.

25 Декабря 1858.

27.

Милостивый государь Василій Матвѣевичъ!

Я уже писалъ вамъ о тяжкомъ и грустномъ положеніи своемъ: удѣльному вѣдомству здѣсь нѣтъ защиты отъ произвола полиціи, которая подъ предводительствомъ Ардатовскаго исправника нападаетъ на крестьянъ съ ожесточеніемъ.

Самому уступать и терпѣть можно; но молчать за другихъ, щадя себя, нельзя. Съ грустнымъ чувствомъ сознавалъ я это; но самая мысль о жалобѣ была мнѣ до того противна при всѣхъ извѣстныхъ вамъ отношеніяхъ, что я все еще медлилъ, будто надѣясь на какой-то счастливый переломъ.

Но дѣло внезапно и неожиданно приняло такой оборотъ: жалоба принесена на меня, и я, изъ просителей, попалъ въ отвѣтчики. Слава Богу, это легче. Всѣ сомнѣнія устранены поневолѣ, и совѣсть покойна.

Намъ не только не даютъ суда и правды, насъ хотятъ пригнести вовсе, лишая права приносить жалобы. Мы должны безотвѣтно подчиняться грубому самоуправству и произволу полиціи; а всякая жалоба принимается за личную обиду.

Двадцать дѣлъ уже производится по жалобамъ моимъ на Ардатовскаго исправника. По семи или осьми ему сдѣланы *замѣчанія;* остальныя покоятся или едва двигаются; а каждая почта изъ уѣзда приноситъ новыя жалобы.

Я обратился въ Губернское Правленіе съ просьбою остановить, наконецъ, произволъ этотъ и для сего принять въ соображеніе совокупность всѣхъ незаконныхъ поступковъ исправника. Эта законная просьба, выраженная въ самыхъ приличныхъ словахъ, возбудила такое негодованіе, что признана *оскорбленіемъ* и *превышеніемъ власти;* словомъ—преступленіемъ, требующимъ примѣрнаго взысканія, о чемъ и сдѣлано представленіе высшему начальству, кажется, Департаменту Удѣловъ.

Изъ прилагаемой записки и дословнаго списка *) съ роковаго отноше-

*) Записка попала, должно быть, въ какое нибудь *дѣло*; ничего о ней не помню. Списокъ почему-то остался при письмѣ.

нія моего вы увидите всѣ подробности дѣла. Прошу васъ, доложите объ немъ господину министру *).

Примите искреннее увѣреніе въ совершенномъ почтеніи моемъ и преданности.

В. Даль.

№ 45.
31 Янв. 1859.
Нижній.
Его высокородію В. М. Лазаревскому.

28.

5 Апр. (1859).

Доколѣ я буду убѣжденъ, что вы завѣдомо не захотите допустить неправды и обиды, дотолѣ, Василій Матвѣевичъ, я буду смѣло обращаться къ вамъ въ случаяхъ, каковъ настоящій, безъ боязни надоѣсть.

За что̀ на Доброхотова обрушилось какое-то нѣмое гоненіе? Полагаю, по какимъ либо дурнымъ отзывамъ объ немъ, и притомъ по отзывамъ въ самыхъ общихъ словахъ, безъ указанія въ подробности на какой либо поступокъ. Но допускаете ли вы, что бываетъ и клевета и что человѣка можно очернить по недоброжелательству? А вѣдомо ли вамъ, что этотъ человѣкъ *десять лѣтъ* день и ночь препирался съ грабителями, со всѣми властями въ губерніи, вырывая у нихъ день за день по клоку и возвращая обиженному? Кто же послѣ этого скажетъ объ немъ доброе слово, кромѣ тѣхъ, кого не спрашиваютъ? Кому онъ не надоѣлъ? Въ маленькомъ чинѣ, ничтожнаго происхожденія, семинарскаго образованія,- развѣ такимъ людямъ позволяется выступать изъ ряду и выказывать человѣческія чувства, самостоятельность въ дѣйствіяхъ, любовь къ правдѣ, изобличеніе зла и лжи? Нѣтъ, этого такому человѣку, да едва ли и не всякому, никогда не простятъ. Спрашивайте о нашемъ братѣ крестьянъ, міръ: вотъ судья нашъ, болѣе никто. Все остальное въ губерніи явно или скрытно ищетъ нашей гибели; по крайней мѣрѣ добраго слова за насъ не молвитъ. Хотите принимать общіе и голословные отзывы, выражающіе не дѣло, а одно только чувство или расположеніе собесѣдника — воля ваша; но тогда истина и ложь равносильны. Я самъ теперь поставленъ въ такое положеніе, что годность моя въ дѣло подлежитъ большому сомнѣнію, можетъ быть, я болѣе терпимъ, чѣмъ годенъ. Если общее убѣжденіе по губерніи укоренилось, что всякою нападкою на Удѣлъ, особенно же на управляющаго, можно угодить начальству (хотя я и увѣренъ, что въ этомъ ошибаются), то каково мое положеніе? Говоря *мое*, я разумѣю не себя, а крестьянъ и отчасти подчиненныхъ; о себѣ я бы не сталъ говорить.

Рѣшаюсь приложить письмо Доброхотова къ товарищу своему, нынѣшнему помощнику моему *Духовскому*. Не очень много найдете вы родовыхъ дворянъ, даже титулованныхъ, ловкихъ и свѣтскихъ, которые были бы столько

---

*) Письмо офиціальное за № 45.—Сверху письма записано мною карандашемъ: объявить Далю. *Что̀* объявить, не помню.

же полезны для честной службы, какъ эти два поповича. Прочитайте письмо, доложите, если и сколько признаете нужнымъ, убоясь грѣха неправосудія [1]). Прощайте; спасибо за послѣднее утѣшеніе ваше [2]). Но, о дѣлѣ—ни слова! Два мѣсяца прошло, и ни та, ни другая сторона ничего не знаетъ?...

Возвращаюсь въ послѣдній разъ къ Доброхотову, чтобы очистить совѣсть свою. Неужели вы, сколько меня знаете, считаете сбыточнымъ, чтобы я въ такой мѣрѣ ошибался въ человѣкѣ или былъ бы къ нему столько слѣпъ и пристрастенъ? Подумайте, что я служилъ съ нимъ *девять* лѣтъ; не допустить ли тутъ чего инаго, минуя односторонность мою?

Вашъ В. Даль.

29.

Василій Матвѣевичъ, взгляните пожалуста на образчикъ переписки нашей съ губернаторомъ, который распубликовалъ по губерніи Удѣльное вѣдомство за *упорство* его, не велѣлъ полиціямъ входить съ нимъ въ сношенія, а доносить о всякой неисправности *съ нарочнымъ, въ собственныя руки* губернатора.

Вотъ образчикъ такой переписки. Объясненія не нужны, прочтите; дѣло ясно по себѣ. Что̀ мнѣ дѣлать? Подобныхъ случаевъ со дня на день накопляется болѣе. Мѣсто мое, очевидно, кому нибудь *очень нужно* [3]). Я нисколько не унываю, а скорблю только о томъ, какъ дурны и хорошіе-то люди. Чего же ожидать отъ дурныхъ?

Вашъ В. Даль.

10 Апрѣля 1859.

30.

Вы всегда были ко мнѣ добры, Василій Матвѣевичъ, и не откажетесь, по возможности принять участіе въ нынѣшнемъ моемъ положеніи.

Есть мѣра всему, и долготерпѣнію начальства, и тѣлеснымъ, и духовнымъ силамъ подчиненнаго. Нѣтъ ничего пошлѣе со стороны послѣдняго, какъ угроза отставкою: святое мѣсто пусто не будетъ. Но если убѣдишься спокойно и безъ всякаго гнѣва, что сдѣлался какимъ-то камнемъ преткновенія и что отъ этого страдаютъ другіе, то долгъ честнаго человѣка—удалиться.

Это легко сказать и для человѣка одинокаго не трудно исполнить: одна голова не бѣдна; но раздумье невольно беретъ, когда тянешь за своею головою много другихъ, близкихъ сердцу, головъ. Не хочу прикидываться Казанскимъ нищимъ: двадцать лѣтъ сряду я проживаю не болѣе половины [4]) доходовъ своихъ, и потому, если только бумажки наши не упадутъ, я насущнымъ хлѣбомъ въ *буквальномъ* смыслѣ обезпеченъ. Однакоже именно не болѣе

---

[1]) Тутъ собственно идетъ рѣчь о двухъ управляющихъ: Манжосѣ и Глинкѣ. Печатаніе письма неудобно. Подробности дѣла о Глинкѣ у меня сохранились; это цѣлая эпопея чиновничьяго всемогущаго произвола.

[2]) Ни *утѣшенія*, ни *дѣла* не помню.

[3]) Сколько мнѣ извѣстно, ничего подобнаго и въ помышленіи не было.

[4]) Конечно менѣе четверти.

того Въ крайнемъ случаѣ я долженъ этимъ удовольствоваться и сдѣлаю это безропотно: я не вправѣ ожидать болѣе, особенно за послѣднею милостію, за зачетомъ къ пенсіи всей службы моей.

Но добрый хозяинъ изъѣзжаннаго коня докармливаетъ; ровняя себя съ ровнями, коимъ дано на покоѣ содержаніе повыше пенсіи, я былъ бы участью ихъ очень доволенъ. Я бы желалъ жить въ Москвѣ, готовъ трудиться еще по силамъ, если дѣло найдется; но на разъѣзды не гожусь и въ Питерѣ жить не могу. Если для этого нужно штатное мѣсто, то, я думаю, вы меня знаете: чѣмъ оно будетъ ниже, тѣмъ лучше; было бы только содержаніе [1]).

Сидя у источника, вамъ лучше знать дѣла: если вы найдете затѣи мои нескромными, то не выдавайте меня, пусть это кончится между нами. Примите тогда бесѣду эту какъ доказательство моего довѣрія и уваженія къ вамъ.

Во всякомъ случаѣ, главнымъ и преобладающимъ чувствомъ во мнѣ остается, безо всякой горечи, чувство признательности къ добру, коимъ обильно осыпáлъ меня общій нашъ начальникъ. Повторяю, коли можно, сравняйте меня съ другими инвалидами [2]); нельзя—я и тѣмъ доволенъ. Я получалъ много и, конечно, не вина дающаго, если и многаго оказывается на будущее недостаточнымъ. Брюхо злодѣй: стараго добра не помнитъ.

А вамъ хотѣлось бы мнѣ сказать задушевное, прощальное спасибо. Примите жъ одно это полновѣсное слово.

В. Даль.

11 Мая 1859, г. Нижній.

31.

Послѣ предписанія о подводѣ въ Чистякахъ (8 Мая № 180), очевидно уже не будете убѣждать меня успокоиться, не будете увѣрять, что никто не думаетъ о спущеніи меня на лубочкѣ подъ гору. Законъ не велитъ давать въ такихъ случаяхъ подводы, а обстоятельное предписаніе товарища министра Веневитинова строго подтверждаетъ тоже. Стало быть я поставленъ въ непонятное для меня положеніе, не долженъ смѣть возражать ни на какія незаконныя требованія солдатъ и пьяной сволочи земской полиціи; иначе я долженъ ожидать такую же разсудительную и правдивую жалобу и такія же послѣдствія. Устраняя всякую личность свою, я однако вижу, что вреденъ на этомъ мѣстѣ, коего всѣ обязанности, все достоинство заключается въ томъ, чтобы отстаивать крестьянъ отъ обидъ. Этого я болѣе дѣлать не могу, а потому и не могу оставаться при мѣстѣ.

Обращаюсь къ вамъ съ одною просьбою—вѣроятно съ послѣднею: увѣдомьте меня только, могу ли, долженъ ли ожидать рѣшенія по послѣднему письму моему къ вамъ о сравненіи меня съ прочими инвалидами, или нѣтъ?

---

[1]) Очень понятно, что *штатнаго мѣста* ниже управляющаго конторою для Даля въ Москвѣ изобрѣсти было невозможно, т. е. пожалуй бы можно назначить чиновникомъ особыхъ порученій, но... Стенбокъ.

[2]) Конечно это было болѣе чѣмъ возможно; но Даль какъ-то не договариваетъ своихъ словъ; а потомъ... опять Стенбокъ.

Въ послѣднемъ случаѣ я тотчасъ подамъ въ отставку. Вѣдь у меня большая семья; надо бы знать во̀ время, какъ устроиться. Ждать въ моемъ положеніи съ мѣсяца на мѣсяцъ и оставаться на мѣстѣ—слишкомъ тяжело; подумайте, сколько народу будетъ страдать за это, сколько неправды совершится! Вѣдь всякое преслѣдованіе меня падаетъ не на меня, а на крестьянъ. Только бы знать, что̀ мнѣ дѣлать: я бы не сталъ ждать ни дня.

Вашъ В. Даль.

14 Мая 1859.

32.

Нижній, 28 Мая (1859).

Искренне благодарю васъ, Василій Матвѣевичъ, за все добро; а все-таки приходится конючить: повершите дѣло, приставьте голову къ плечамъ, иначе выйдетъ ни то, ни сё; а ни то, ни сё никуда не годится. Развяжитесь со мною; право, будетъ покойнѣе.

Я все боюсь, что хотятъ какъ-нибудь замазать пробоины во мнѣ, понимая, что залѣчить ихъ нельзя. Оставаться при мѣстѣ я не могу. За что́ же во вредъ дѣлу томить меня натяжкой? Выслушайте пожалуста.

Съ той поры, какъ я убѣдился, что у начальства нѣтъ болѣе ко мнѣ необходимаго довѣрія, я уже понялъ, что я отслужилъ. Лучшихъ чиновниковъ прогоняютъ отъ меня, слушая клеветниковъ, и люди, какъ Доброхотовъ, лишаются куска хлѣба за то, что хорошо служили. Неужто можно обвинять меня въ томъ, что у меня есть любимцы, къ коимъ я слѣпъ? Нѣтъ, нельзя; а, не довѣряя мнѣ, сочли нужнымъ удалить людей, съ которыми я въ ладу. Посему и пошли отказы одинъ за другимъ въ опредѣленіи избираемыхъ мною на службу, даже въ томъ случаѣ, когда избранный оставилъ по моему приглашенію прежнюю службу и, по праву и закону, допущенъ мною къ исправленію должности, какъ депутатъ Симаковъ. Его не могли знать, и потому такой отказъ относится уже прямо ко мнѣ. На мѣсто ихъ присылаютъ людей на удачу или по ходатайству лицъ, кои пользуются бо̀льшимъ довѣріемъ, чѣмъ я. Если опредѣленный свыше не пойманъ съ поличнымъ, а только слабъ, вялъ, безтолковъ, лѣнивъ, несвѣдущъ и пр., то могу ли я очернить его навсегда, объявивъ негоднымъ? А каково это принимается, тому былъ примѣръ. Кромѣ того, такое недовѣріе лишаетъ всякой бодрости; а, дѣлаясь извѣстнымъ по губерніи, наноситъ нравственный вредъ для службы. Далѣе, должность свою понимаю я только въ значеніи заступника за крестьянъ; срочная отправка цѣлыхъ стопъ вѣдомостей по новѣйшимъ образцамъ *сокращенной* переписки не есть достойный предметъ занятій для меня, и въ этомъ дѣлѣ я безполезенъ. Посему я и воевалъ здѣсь со дня поступленія сюда противу неправды и доселѣ, благодаря Бога и начальство, находилъ поддержку. Теперь отношенія миновались, но совѣсть и убѣжденія мои остались тѣже; а потому я служить не могу.

Не говорите, что я затѣваю ссору изъ-за бездѣлицъ. Во первыхъ, на моемъ мѣстѣ уступать нельзя въ правомъ дѣлѣ, не лишаясь нравственной силы; уступи на пядѐнь, они тотчасъ возмутъ на сажѐнь, и не воротишь;

я одинъ, а собакъ здѣсь сотни. Во вторыхъ, изъ такихъ бездѣлушекъ сотканa вся жизнь мужика; у него нѣтъ тяжбы о наслѣдьѣ графа Шереметева; рѣчь всегда только идетъ о напрасныхъ побояхъ, о взяткѣ въ полтину, о самоуправномъ нарядѣ подводы и пр. Прикажете мнѣ бросить всѣ дѣла эти, такъ прикажите мнѣ и гласно объявить объ этомъ крестьянамъ: я буду знать, что мнѣ не должно тутъ мѣшаться; а они,—что законъ снялъ съ меня обязанность быть ихъ покровителемъ. Вилять я не умѣю, улаживать *какъ нибудь* ненавижу, а ищу прямо одной правды, потому что она крива не бываетъ. Этого не хотятъ теперь, и потому я служить не могу.

Если вы обвините меня за рѣзкость моихъ сношеній, то отвѣчу: во первыхъ, это была вынужденная, крайняя оборона; другаго оружія у меня нѣтъ,—а не нападеніе. Я отвѣчалъ такъ, когда исчерпалъ напередъ *всѣ* миролюбивыя, разумныя средства къ убѣжденію и отвѣчалъ только вслѣдствіе болѣе грубыхъ письменныхъ же выраженій. Доколѣ губернаторъ не написалъ мнѣ: „*Какъ осмѣлился* депутатъ" (зная, что это сдѣлалъ я, и бывъ вынужденъ впослѣдствіи признать дѣйствія мои законными), и доколѣ не распубликовалъ по губерніи удѣльное вѣдомство „за упорство", къ чему не было ни повода, ни прàва, дотолѣ я не писывалъ ему ни одного рѣзкаго слова. Во вторыхъ, коли я виноватъ за выраженія, взыщи съ меня прямо за это, а дѣло признай правымъ и вели его исполнить. За мою грубую правду на словахъ нельзя карать крестьянъ неправдою на дѣлѣ. Такъ служить нельзя.

Получивъ такой выговоръ, какъ мнѣ сдѣланъ, ни одинъ депутатъ не замедлилъ бы подать въ отставку; а вы хотите, чтобы я еще выжидалъ... да чего же еще? Право, не знаю; кажется, хорошаго ждать трудно, а худаго довольно.

Но не говорите, что я, осердясь на вши, да и шубу въ печь. Губернаторъ—человѣкъ вовсе слабый, состоящій подъ безусловнымъ вліяніемъ негодяевъ, кажется, самъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти: онъ пріѣзжалъ мириться. Я отвѣчалъ, что мы не малые ребята, не поссорились за пряничекъ, и объятія ни къ чему не поведутъ; подписываю мировую сейчасъ же на одномъ только условіи: не кривите дѣломъ въ угоду любимцевъ, а судите отнынѣ право, не давайте удѣльныхъ крестьянъ въ обиду и на произволъ полиціи. На это послѣдовало молчаніе и пожиманіе плечами, а дѣлà пошли по прежнему; этому уже есть образчики. Такъ напр., вопреки прямаго закона, отказано удѣльнымъ крестьянамъ въ уплатѣ денегъ за выставку лошадей при проѣздѣ Государя; отказъ безсмысленный подписанъ губернаторомъ.

Такимъ образомъ я отнынѣ не могу уже вовсе вступаться за крестьянъ, не могу за нихъ возвысить голоса. Можете себѣ представить, какая это находка для полиціи всей губерніи и въ какой мѣрѣ наглость со дня на день растетъ! А чтò прикажете мнѣ отвѣчать просителямъ, крестьянамъ, которые толпятся у меня десятками и доселѣ привыкли, что я ихъ выслушиваю и въ правомъ дѣлѣ заступаю?

Убѣдитесь же сполна, Василій Матвѣевичъ, что мнѣ далѣе служить на этомъ мѣстѣ нельзя; это несбыточно. По истеченіи отпуска я Конторы не приму,

скажусь больнымъ. Для чего же тянуть дѣло и доводить меня до этой крайности? Я писалъ гр. Юлію Ивановичу *) почти тоже, чтò и вамъ и прошу объ одномъ: развяжитесь со мною для общаго блага и вашего покоя; а коли желаете мнѣ добра, то дайте мнѣ уѣхать отсюда лѣтомъ. Если продержите до осени, то ѣхать не могу и долженъ обзаводиться всѣмъ въ наемной квартирѣ. Кому отъ этого легче будетъ? Просите графа; его рука теперь владыка. У меня въ Москвѣ нѣтъ въ виду никакого мѣста; нельзя причислить, такъ увольте вовсе, но не держите. Вы пишете (и графъ также), что я уволенъ въ отпускъ съ содержаніемъ; но въ предписаніи этого нѣтъ. Съ вами Господь, прощайте!

33.

Я умолчалъ объ отставкѣ *лѣтомъ*, потому что съ хилою семьею переѣзжать зимою не могу; а о причисленіи просилъ именно въ томъ только случаѣ, если мнѣ дозволятъ жить безъ дѣла въ Москвѣ. Не подайте вы мнѣ сами этой мысли черезъ Розена, да не напишите, что „это *легко* сдѣлать, а можетъ быть найдется что нибудь и получше“ и пр., мнѣ бы и въ голову не пришло о томъ просить.

Теперь же причислили меня въ позднюю осень и при томъ, вѣроятно, для порядка, еще мѣсяцъ-двугой продержатъ. Притомъ вы сами говорите, что не знаете, „какъ мнѣ угодно будетъ распорядиться, чтобы не жить въ Петербургѣ и не быть въ вѣчномъ отпуску“. Прибавлю къ этому, что здѣсь квартиру съ мебелью для семьи въ десять душъ ни за какія деньги найти нельзя, и я остаюсь, право, чуть не на улицѣ.

На вашъ вопросъ отвѣчаю, что послѣ этого не умѣю иначе распорядиться, какъ тотчасъ подать въ отставку, чтò я и исполнилъ. Не менѣе того, ѣхать отсюда не смѣю, хотя я и не принималъ Конторы, и казалось бы, вѣдомости также исправно могутъ быть подписаны помощникомъ моимъ, который управляетъ, а меня бы можно помиловать и отпустить. Если въ теченіе Октября можно объ этомъ дать мнѣ знать по телеграфу, то я, съ Божіею помощію кой-какъ еще довезъ бы своихъ до Москвы; если же нельзя, то покиньте и просьбу, и письмо мое, которое безспорно вамъ сильно надокучитъ. Не поминайте лихомъ; авось это будетъ послѣднее отъ меня безпокойство, и за этимъ я уже угомонюсь навсегда.

Тоже, чтò и вамъ, написалъ я графу Юлію Ивановичу.

Вашъ В. Даль.

1 Октября 1859.

34.

У меня въ головѣ заболѣло, Владимиръ Ивановичъ, съ первыхъ строкъ послѣдняго письма вашего: до того оно въ разстроѣ съ общимъ тономъ вашего дѣла и моего личнаго къ нему отношенія.

---

*) Стенбоку.

Вы хотѣли, чтобы развязать васъ *лѣтомъ*; но вы очень хорошо знаете, что лѣтомъ нельзя было этого сдѣлать.

Положительно выраженное вами желаніе оставить Контору подтвердилось для меня *осенью* только тѣмъ, что въ письмѣ къ графу Стенбоку вы положительно выразили, что Конторы не примете.

Чтó мнѣ оставалось дѣлать, кромѣ офиціальнаго заявленія факта?

Вся бѣда, значитъ, отъ несчастной фразы о вѣчномъ отпускѣ. Но не могли ли вы имѣть черезъ четыре мѣсяца другихъ цѣлей, и что же особенно дурнаго сдѣлалъ я, желавши знать о нихъ, чтобъ доложить министру, не на зло же вамъ конечно?

Словà, что, можетъ быть, найдется что нибудь и лучшее, говорилъ я не съ вѣтру и не на вѣтеръ. Вы только не хотѣли сказать никакихъ данныхъ, чтобъ ихъ формировать.

По двойному докладу о вашей отставкѣ вы получили уже увѣдомленіе по телеграфу; на счетъ же сдачи Конторы министръ не одобрилъ указаннаго вами порядка.

Давно уже не было мнѣ такъ нехорошо, какъ теперь. Въ судьбахъ моихъ вы были большой судьбой, Владимиръ Ивановичъ, и не тотъ человѣкъ я, чтобъ забылъ въ головѣ, чтò помнится сердцемъ.

Вашъ весь В. Лазаревскій.

10 Октября 1859.
Петербургъ.

*

Весь, по догадкѣ, вопросъ въ томъ, что лѣтомъ Муравьевъ былъ за границей. Мы съ Стенбокомъ всегда были нехороши; а у Стенбока противъ Даля всегда былъ какой-то зубъ; Даль же какъ-то на него очень расположился и меня въ сношеніяхъ съ нимъ обходилъ. Я безъ Муравьева не могъ дѣйствовать открыто противъ Стенбока, такъ какъ за нимъ оставалась вся власть, особенно при *извѣстной* поддержкѣ графа Адлерберга, предъ чѣмъ въ это время склонялся уже формально и Муравьевъ.

*

В. И. Даль въ Октябрѣ 1859 г. переѣхалъ въ Москву, гдѣ и скончался 22 Сентября 1872 г. на восьмомъ десяткѣ лѣтъ отъ роду. Онъ былъ на 11 лѣтъ моложе А. Н. Муравьева († 1864). Превосходная біографія Даля, написанная П. И. Мельниковымъ, помѣщена въ 3-й кн. „Русскаго Вѣстника“ 1873 г. П. Б.

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ТЕТРАДЕЙ С. М. СУХОТИНА *).

Май — Декабрь 1871 года.

12-го Мая. Обѣдалъ у Батюшковыхъ съ пріѣхавшей изъ Вильны монахиней Антоніей, которая тоже не совсѣмъ благопріятно отзывается о Потаповыхъ и объ ихъ симпатіи къ Полякамъ. Со всѣхъ сторонъ раздаются эти обвиненія. Поразителенъ разсказъ объ томъ, что Потаповъ, при свиданіи своемъ съ преосвящ. Александромъ, отправлявшимся въ Могилевъ, далъ ему замѣтить, что онъ долженъ уволить пятерыхъ православныхъ священниковъ, изъ коихъ одинъ, по фамиліи Русецкій, самый достойный, почтенный іерей и самый искренній ревнитель православія. Но, слава Богу, оберъ-прокуроръ не согласился на ихъ увольненіе.

15-го Мая. Ужасы, совершающіеся въ Парижѣ, конечно занимаютъ всѣ умы и воображенія; а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые изъ нашихъ Русскихъ соціалистовъ и коммунистовъ не приходятъ въ содроганіе отъ этой звѣрской междоусобицы, а надѣются, что изъ этого пепла выйдетъ что нибудъ удачное для коммунизма.—Податная комиссія въ Москвѣ кончила свой докладъ, и 15 Іюня назначено губернское земское собраніе. Слухи носятся, что въ Петербургѣ весьма недовольны той независимостью, съ которой дѣйствовала здѣшняя комиссія; а первая причина неудовольствія есть та, что главные дѣятели по этому вопросу,—столь ненавистные имъ Самаринъ и князь Черкаскій, которымъ они завидуютъ, какъ неспособные завидуютъ способнымъ, глупые—умнымъ, и т. п.

17-го Мая. Сегодня, на закладкѣ трапезы въ Алексѣевскомъ монастырѣ и на обѣдѣ у игуменьи, я познакомился съ полковникомъ Иваномъ Кировичемъ Кишевскимъ, состоящимъ по особымъ порученіямъ при ген.-губернаторѣ Коцебу по Славянскимъ дѣламъ. Этотъ Кишевскій первый заявилъ мысль объ обученіи въ Россіи дѣвицъ-

---

*) См. выше стр. 433.

Славянокъ, будущихъ учительницъ на ихъ родинѣ. Онъ служилъ сперва на Кавказѣ и дѣлалъ потомъ Севастопольскую кампанію. Разсказывая мнѣ про свои похожденія и между прочимъ про свою поѣздку въ Турцію послѣ Крымской войны, гдѣ онъ путешествовалъ incognito, даже въ иныхъ мѣстахъ съ Французскимъ паспортомъ, онъ объяснилъ, почему, кажется, въ 1856 году происходило это быстрое и многолюдное переселеніе Черкесовъ и Татаръ съ Кавказа и Крыма въ Турцію. Наполеонъ возымѣлъ мысль, для распространенія католической пропаганды и для устрашенія Россіи, переселить къ берегамъ Дуная и въ Болгарію до десяти тысячъ Французскихъ семействъ; когда прошелъ этотъ слухъ на Востокѣ, то взволнованные Турки стали разными средствами манить мусульманъ, Русскихъ подданныхъ, на переселеніе въ Турцію, и Французское переселеніе не состоялось; а съ нашей стороны вмѣстѣ съ тѣмъ, были тайные агенты на Кавказѣ, которые подстрекали Черкесовъ къ такому переселенію, возбуждая въ нихъ религіозный фанатизмъ. Россія отъ этого выиграла и избавилась отъ многочисленнаго мусульманскаго населенія, съ которымъ иначе ей предстояло бы много хлопотъ. Кишевскій еще говорилъ о настоящемъ непріязненномъ расположеніи Сербскаго правительства противъ Россіи.

18 Мая. Разсказъ *** о запрещеніи отъ Потапова встрѣчать въ Вильнѣ и Ковнѣ тѣло умершаго въ Москвѣ Шульгина. Его вдова, пріѣхавшая въ назначенный часъ на Виленскій дебаркадеръ для встрѣчи тѣла своего мужа, была введена въ недоумѣніе Виленскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, который, должно быть, по внушенію ген.-губернатора, солгалъ ей, объявивъ, что тѣло привезутъ только ночью; но обманъ былъ ею обнаруженъ; а Ковенскій губернаторъ князь М. А. Оболенскій, въ отвѣтъ на телеграмму Потапова, писалъ ему, что онъ не можетъ остановить торжественной встрѣчи тѣла, такъ какъ весь городъ уже собрался на дебаркадерѣ по этому случаю. Слушая всѣ эти выходки Потапова и ему подобныхъ, можно подумать, что онъ сошелъ съ ума; эта боязнь манифестацій съ самой похвальною цѣлью доходитъ у этихъ господъ до безобразія.

21 Мая. Сегодня были крестины дочери брата Михаила Михайловича Варвары. Крестилъ священникъ отъ Николы Явленнаго Степанъ Ивановичъ Зерновъ, съ которымъ мы вели оживленный разговоръ по поводу статьи о соборномъ управленіи въ христіанской церкви, не подписанной, но составленной преосв. Леонидомъ. Эта статья вызвала довольно злую критику со стороны профессора Соколова, который помѣстилъ рядъ статей въ «Православномъ Обозрѣніи» о церковномъ судоустройствѣ, гдѣ онъ проводитъ мысль объ ограниченіи власти епископской и о контролѣ оной собраніемъ пресвитеровъ. Этой мысли

сочувствуютъ всѣ Московскіе священники-прогрессисты. Желая ограниченія епископской власти, они много примѣшиваютъ тутъ своего личнаго чувства. Изъ нихъ болѣе всѣхъ либеральничаетъ П. А. Преображенскій. Вопросъ о соборномъ управленіи начинаетъ живо интересовать извѣстную часть общества; и еслибъ наше духовенство не было такъ апатично и болѣе радѣло объ интересахъ церкви, а архіереи наши были бы посмѣлѣе и не опасались бы какихъ-то скорѣе воображаемыхъ нежели дѣйствительныхъ преслѣдованій за честное и смѣлое слово, то вопросъ этотъ могъ бы стать на самую близкую очередь.—Читая газеты, гдѣ описываются ужасы междуусобной войны во Франціи и то звѣрское негодованіе, съ которымъ мирные Французскіе граждане встрѣчаютъ плѣнныхъ коммунистовъ, надо полагать, что во Франціи наступитъ сильная реакція и вообще всѣ правительства будутъ принимать самыя страшныя мѣры для обузданія всякой революціонной попытки.

31 Мая. На прошлой недѣлѣ я получилъ извѣстіе о кончинѣ моего большаго друга, Ивана Петровича Борисова. Жаль мнѣ этого добраго, честнаго и скромнаго человѣка, и въ особенности жаль его мальчика, оставшагося круглымъ сиротой и для котораго отецъ былъ необходимъ, какъ руководитель нравственный. Я рѣдко встрѣчалъ человѣка съ такимъ самоотверженіемъ и съ полнымъ почти отсутствіемъ эгоизма.—Все это время много проѣзжало разныхъ знакомыхъ черезъ Москву. Съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ, каждую весну, подымается миграція съ Сѣвера на Югъ и въ центръ Россіи. Между прочимъ я провелъ два вечера съ военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ, который, въ спорѣ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, нападалъ на классицизмъ, какъ единственное образовательное средство, и былъ какъ-бы отголоскомъ Петербургскихъ газетъ и журналовъ. Его аргументація показалась мнѣ весьма слабою. Вообще реалисты не имѣютъ подъ собой твердой почвы; они не хотятъ руководствоваться примѣромъ Германіи и Англіи, а желаютъ слѣдовать путемъ основаннымъ на умозрѣніи и не имѣющимъ опоры въ опытахъ образованныхъ странъ.—На прошлой недѣлѣ мы съ княземъ Хилковымъ ѣздили къ графинѣ М. Ѳ. Сологубъ въ Серпуховъ осматривать устроенныя ею школу, лѣчебницу и библіотеку; благодаря ея попеченіямъ, эти учрежденія основаны на самыхъ разумныхъ и практическихъ началахъ и достигаютъ своей цѣли. Потомъ мы осмотрѣли Владычный монастырь, гдѣ я нашелъ много хорошаго: вездѣ порядокъ, вкусъ и чистота; въ особенности мнѣ понравились рукодѣльная и иконописная школы. Монахини, намъ показывавшія монастырь, исполнены радушія, и всѣ такія толковыя. Гостинница монастырская такъ опрятна и удобна, что удив-

ляешься, какъ въ Россіи, при монастырѣ, могла устроиться такая гостинница, съ тѣмъ простымъ необходимымъ комфортомъ, въ которомъ вообще у насъ чувствуется такой недостатокъ. Монахиня при трапезѣ *Лавра*, весьма симпатичная. Казначея *Ангелика*. При гостинницѣ *Арсенія*. Игуменья Митрофанія, не пользующаяся хорошей репутаціей, а напротивъ извѣстная тѣмъ, что всякія средства для ней хороши, чтобы пріобрѣтать богатства для своего монастыря, обладаетъ рядомъ съ этимъ талантами административными въ высочайшей степени; у нея всякое дѣло ладится, и наши администраторы должны бы поучиться у нея энергіи и распорядительности.

13 Іюня. Два раза ѣздилъ въ деревню къ пріятелямъ. 5 и 6 Іюня провелъ у Милютиныхъ въ с. Кораловѣ, близъ Звенигорода, Савина монастыря и Ершова, гдѣ я любовался на прелестное убранство дома, въ чемъ отличается всегда Александръ Васильчиковъ. Отъ Милютиныхъ на обратномъ пути мы опоздали на желѣзную дорогу и претерпѣли большія бѣдствія, возвращаясь въ Москву на тележкѣ. Вчера я возвратился отъ Мещерскихъ изъ Покровскаго.

19 Іюня. Въ Москвѣ собрано губернское земское собраніе, въ которомъ я не участвую. Обсуждается очень серьезно вопросъ податной; князь Мещерскій и Голохвастовъ провели свое мнѣніе о подоходномъ налогѣ съ высшихъ двухъ разрядовъ.

24 Іюня. На прошлой недѣлѣ въ Субботу, 19-го, ѣздилъ къ Долгоруковымъ въ с. Полуектово, въ 25 верстахъ отъ станціи Шелковки и 5 верстъ за Рузу. Родовое имѣнье князей Долгорукихъ; тамъ похоронены въ церкви: князь Василій Михайловичъ Долгорукій-Крымскій, женатый на Волынской, сынъ его князь Василій Васильевичъ, котораго жена, извѣстная красавица, была княжна Барятинская, и Сергѣй Васильевичъ Долгорукій, умершій въ сумасшествіи. Имѣнье прекрасно расположено, но въ особенности домъ, садъ и всѣ принадлежности содержаны въ отличномъ порядкѣ, благодаря разумной и милой хозяйкѣ, княгинѣ Натальѣ Владимировнѣ, которая устроила прекрасную школу въ Рузѣ, и меня особенно поразило, и даже тронуло то, что она собираетъ каждое Воскресенье послѣ обѣдни крестьянскихъ дѣвушекъ и учитъ ихъ пѣть духовныя пѣсни; онѣ такъ стройно пропѣли при мнѣ нѣсколько тропарей, что не испортили бы на любомъ клиросѣ. Тамъ я встрѣтилъ Аркадія Столыпина, который разсказывалъ довольно интересныя вещи изъ временъ своего управленія Уральскими казаками, гдѣ еще сохраняются преданія о Пугачевѣ и гдѣ многіе полагаютъ, что Пугачевъ былъ Нѣмецъ. Одинъ казакъ Шелдаковъ разсказывалъ Столыпину, что дѣдъ его, служившій при Пугачевѣ, слышалъ, какъ послѣдній говорилъ по-нѣмецки; и у Столыпина хранится его прокла-

мація, написанная весьма грамотно по-нѣмецки. Столыпинъ занимался въ Вильнѣ разборомъ лѣтописей, и между прочимъ лѣтописью Генриха Литвина; онъ производитъ Литовскихъ князей отъ Полоцкихъ, что́ полагала и императрица Екатерина II, какъ ему объяснилъ Государь.

6 Сентября. П. Н. Свистуновъ разсказывалъ мнѣ исторію своего обращенія. Онъ былъ матерьялистомъ и невѣрующимъ, во время своей молодости и заключенія въ крѣпости и въ продолженіи первыхъ десяти лѣтъ ссылки въ Сибирь. Его отчаяніе, происходившее отъ безвѣрія, было такъ сильно, когда онъ содержался въ Петропавловской крѣпости, что онъ употреблялъ всѣ средства для лишенія себя жизни: ѣлъ стекло, душилъ себя и, наконецъ, во время прогулки съ другими арестантами, когда офицеръ ихъ сопровождавшій на что-то заглядѣлся, онъ бросился въ Неву и не утонулъ, потому что мѣсто это было неглубокое, и офицеръ съ солдатомъ его оттуда вытащили. Во время ихъ пребыванія въ Читѣ, онъ подсмѣивался надъ религіозными убѣжденіями многихъ изъ своихъ товарищей, нравственное превосходство которыхъ однако всегда его поражало. Когда ихъ перевели въ Тобольскъ, гдѣ онъ женился, онъ сталъ чувствовать потребность молитвы, сталъ посѣщать храмъ; но сердце его оставалось холодно. Однажды зашелъ онъ въ церковь во время вечерни, и его вдругъ коснулась благодать. Онъ заплакалъ и первый разъ въ жизни помолился съ такимъ блаженнымъ чувствомъ, что сердце его наполнилось любовью къ Богу; онъ продолжалъ молиться, и жизнь его совершенно измѣнилась: онъ сталъ съ жадностью вчитываться въ Священное Писаніе и въ духовныя нравственныя книги. Тогда въ Тобольскѣ жила Н. Д. Фонъ-Визина, жена его товарища, ссыльнаго, женщина глубоко духовная и разумная. Свистуновъ повѣрилъ ей состояніе своего духа, и она дала ему прочесть Vie de madame Guyon. Эта книга такъ на него благодатно подѣйствовала, такъ утвердила его въ вѣрѣ и любви христіанской, что онъ вспоминаетъ объ этомъ времени, какъ о самомъ блаженномъ въ его жизни; повязка спала съ его глазъ, и онъ зажилъ этой духовной жизнью, которая есть достояніе святыхъ. Потомъ, черезъ нѣсколько времени, это благодатное состояніе исчезло; вѣра осталась, но духовность испарилась. Нашъ разговоръ настроился на этотъ ладъ по поводу того, что я удивлялся равнодушію многихъ прекрасныхъ людей къ предметамъ вѣры и любви христіанской. Свистуновъ разсказывалъ мнѣ о многихъ случаяхъ обращенія людей, которыхъ онъ прежде зналъ за невѣрующихъ. Сколько трогательнаго и поучительнаго въ его разсказахъ! Исторія одного солдата, котораго въ ссылкѣ называли отцемъ Іакинѳомъ, весьма умилительна. Этотъ Іакинѳъ, находясь на службѣ, велъ самую религіозную и нравственную жизнь;

вдохновляемый молитвою, онъ убѣгалъ часто въ лѣсъ, гдѣ проводилъ по нѣскольку часовъ въ молитвѣ; его искали и потомъ наказывали какъ дезертира, вслѣдствіе чего онъ и былъ сосланъ въ Сибирь. На мѣстѣ своего заключенія онъ возымѣлъ такое нравственное вліяніе на своихъ товарищей-арестантовъ, что командиръ этой тюрьмы, вслѣдствіе ли такого вліянія или по чувству врожденной злобы, возненавидѣлъ его и, однажды, въ минуту гнѣва, велѣлъ его раздѣть и бить палками. Іакинѳъ, вмѣсто просьбы о помилованіи, просилъ своихъ палачей бить его какъ можно крѣпче; вдругъ командиръ упалъ пораженный ударомъ, а жена его, свидѣтельница этой страшной экзекуціи, почитавшая Іакинѳа за праведника, закричала, чтобы палачи остановились. Тогда Іакинѳъ подбѣжалъ къ безчувственному командиру, сталъ возлѣ него на колѣна и началъ молиться. Командиръ, открывъ глаза и увидавъ его передъ собою съ молитвой на устахъ, такъ былъ пораженъ, что сталъ просить у него прощенія и записалъ потомъ его въ неспособные, что̀ равнялось освобожденію.—Разговоръ потомъ коснулся до существованія дьявола, которому Свистуновъ вѣритъ; онъ говорилъ, что зналъ человѣка, которому дьяволъ являлся, и онъ съ него нарисовалъ портретъ; видъ дьявола былъ огненный, съ рогами, съ весьма красивымъ, но грустнымъ лицомъ, а на лбу было написано *Fatum.* Свистуновъ полагаетъ, что дьяволъ является однимъ вѣрующимъ во Христа для нарушенія ихъ духовнаго спокойствія, потому что зачѣмъ ему являться невѣрующимъ? Это было бы средствомъ для приведенія ихъ къ вѣрѣ въ Бога.

26 Октября. Въ продолженіи лѣта и осени, какъ всегда, я ѣздилъ въ деревню; похозяйничалъ нѣсколько дней въ Козловкѣ, гдѣ остался очень доволенъ распоряженіями своего управляющаго, Комарицкаго, и въ особенности былъ радъ тому, что крестьяне согласились на добровольный выкупъ. На обратномъ пути въ Москву я заѣзжалъ въ деревню къ А. Н. Стрекаловой и потомъ къ Черкаскимъ, гдѣ мѣстность мнѣ не понравилась, но хозяева за то были чрезвычайно любезны и гостепріимны. Князь Черкаскій теперь, подобно Цинциннату, занятъ, хотя и по неволѣ, своимъ хозяйствомъ и мѣстными уѣздными интересами. Трудно будетъ ему опять всплыть на высокое политическое поприще; адресъ сгубилъ его, и Петербургскіе государственные люди могутъ себѣ, никѣмъ не тревожимые, подобно бѣлкѣ въ колесѣ, вращаться въ ихъ духовно-праздной, непроизводительной дѣятельности. Въ Августѣ мѣсяцѣ Государь провелъ три дня въ Москвѣ, въ сопровожденіи Наслѣдника и Великаго Князя Владимира Александровича. Этотъ проѣздъ ничѣмъ особеннымъ ознаменованъ не былъ. Государь имѣлъ видъ печальный и задумчивый. Государь сдѣлалъ косвенный

намекъ на думскій адресъ, сказавъ, кажется, князю Долгорукому, для передачи городскому головѣ Лямину, что онъ надѣется, что теперешняя дума не превратится въ парламентъ. Положительно то, что Московская дума сошла съ своего высокаго пьедестала и потеряла прежнее значеніе въ глазахъ общества. Такова судьба въ Россіи всѣхъ блистательныхъ начинаній, реформъ и учрежденій! Вообще земское дѣло спустилось на нѣсколько градусовъ; почти повсемѣстно на выборахъ гласныхъ всплыли люди, одно время стушевавшіеся, ничтожные и малоуважительные. Все покатилось подъ гору, и стихи графа А. К. Толстаго *Ѳедорушка* очень кстати появились въ эту пору апатіи, неряшества и распущенности. Идеаловъ нѣтъ у молодежи, а религіозное чувство совсѣмъ исчезло. Безобразія Французской коммуны, вмѣсто негодованія, возбуждаютъ скорѣе сочувствіе въ нашей молодежи, и Россія, угождая Нѣмецкой политикѣ, потеряла свое вліяніе и первенство за границей; величіе пропало, а ненависть къ намъ осталась. Въ Петербургѣ всего боятся, особенно искренности и живаго слова. Даже между самыми благонамѣренными и разумными людьми въ Петербургѣ проявляется иногда страхъ передъ живымъ, рѣшительнымъ словомъ, чему примѣромъ можетъ служить то безпокойство и тѣ опасенія, которыя возбудило письмо И. С. Аксакова къ Деллингеру, по поводу конгресса старокатоликовъ въ Мюнхенѣ. Это письмо написано въ духѣ правды и любви; авторъ доказываетъ историческимъ путемъ, что старокатолики, отринувъ догматъ непогрѣшимости, этимъ самымъ разрываютъ вполнѣ свою связь съ папствомъ и съ Римско-католическою церковью, и имъ остается одинъ логическій исходъ, это переходъ въ Православную Восточную Церковь. Этотъ рѣшительный приступъ и смутилъ людей какъ Осининъ, Кирѣевъ и даже *; они боятся, какъ бы старокатолики не отступили сей же часъ отъ сочувствія къ Православной церкви, когда членъ оной, мірянинъ, предлагаетъ такой рѣшительный шагъ. Эти господа полагаютъ, что было-бы благоразумнѣе обращаться къ старокатоликамъ болѣе галантерейнымъ образомъ.

28 Октября. На вечерѣ у Аксакова Гильфердинъ тоже нападалъ на него за рѣзкій тонъ его статьи и за то, что онъ хочетъ будто доказать недѣйствительность таинствъ для старокатоликовъ.

29 Октября. У Сушковыхъ, вечеромъ, разговоръ о нелогичности Русскихъ: слабость воспитанія, недостатокъ умѣнья принуждать дѣтей и юношей мыслить и побѣждать препятствія мышленіемъ.

31 Октября. Вечеръ у Свистунова, опять разговоръ о г-жѣ Гіонъ и о внутренней жизни; также о Натальѣ Дмитріевнѣ Пущиной, въ первомъ бракѣ за Фонъ-Визинымъ, а потомъ уже подъ старость вышедшей замужъ за Ивана Ивановича Пущина. Буду читать та-

dame Guyon, которой жизнь представляетъ цѣлый рядъ преслѣдованій, начавшихся отъ madame de Maintenon, начальницы École de S-t Cyr, которая, приревновавъ mad. Cuyon за ея нравственное вліяніе надъ ученицами, пожаловалась на нее Боссюету; а потомъ она была заключена въ Vincennes, гдѣ и писала свои знаменитыя произведенія.

7 Ноября. Газеты начинаютъ бить тревогу по поводу Чешскаго вопроса и назначенія Андраши первымъ министромъ. — Сегодня, въ церкви Вознесенія, мы всѣ, пріятели и знакомые Н. И. Тургенева, служили по немъ панихиду; изъ Декабристовъ присутствовали П. Н. Свистуновъ и М. И. Муравьевъ.

8 Ноября. Сегодня утромъ я ѣздилъ поздравлять М. П. Погодина, и при мнѣ депутація отъ университета поднесла ему дипломъ на доктора историческихъ наукъ. Старикъ былъ сильно растроганъ и, рыдая, отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ попечителю и профессорамъ.

16-го Ноября. Любопытное засѣданіе въ комитетѣ грамотности, гдѣ дѣло шло о пререканіяхъ между предсѣдателемъ І. Н. Шатиловымъ и секретаремъ Завалишинымъ. Шатиловъ конечно восторжествовалъ. Тутъ находился знаменитый баронъ Корфъ, который ясностью своего изложенія много содѣйствовалъ къ благопріятному разрѣшенію вопроса. Говоря объ учительскихъ съѣздахъ, онъ сказалъ, что тогда оные только полезны, когда педагоги занимаются однимъ указаніемъ методовъ сельскимъ учителямъ, а не хлопочутъ объ ихъ развитіи научномъ и объ образованіи.

18-го Ноября. Вечеромъ у Аксакова встрѣтилъ сотрудника «Рижскаго Вѣстника», который разсказывалъ о высокомѣріи нашихъ Остзейскихъ бароновъ, поднявшихъ особенно носы послѣ Франко-Прусской войны. Они не скрываютъ публично своей надежды со временемъ сдѣлаться подданными Пруссіи.

2-го Декабря. Пріѣздъ Нѣмецкихъ принцевъ: Фридриха-Карла, герцога Мекленбургскаго, графа Мольтке и пр. въ Москву. При осмотрѣ дворца, Мольтке вспомнилъ, какъ во время коронаціи въ Георгіевской залѣ были выставлены короны и прочія регаліи и что всякій проходилъ мимо этихъ драгоцѣнностей никѣмъ не охраняемыхъ; тогда принцъ Карлъ сказалъ Мольтке: Napoleon würde die Möglichkeit finden sie auszuschlücken [1]). Графъ Мольтке имѣетъ видъ самаго мирнаго, добродушнаго человѣка; онъ безбородый и напоминаетъ торговцевъ изъ серебрянаго ряда.

3-го Декабря. Мы начали обходъ дворца и прочихъ Кремлевскихъ зданій съ $^1/_2$ 9-го утра. Принцъ Фридрихъ съ большимъ любопытствомъ

---

[1]) Наполеонъ нашелъ бы возможность ихъ стибрить.

все осматривалъ; пѣніе Сvнодальныхъ пѣвчихъ, именно древнее наше пѣніе, столбовая Херувимская, Господи помилуй Потулова и догматикъ 5-го гласа (въ Чермномъ морѣ) ему очень понравились; онъ выразился такъ: das ist sehr eigenthümlich[1]), взглянулъ на ноты и замѣтилъ, что это не крюки. Въ Успенскомъ соборѣ онъ спросилъ, гдѣ хранится актъ отреченія великаго князя Константина Павловича, а я ему объяснялъ расположеніе и порядокъ образо̂въ въ нашихъ иконостасахъ. Графъ Мольтке удивился, что нашъ дворецъ отапливается въ продолженіи всей зимы; онъ очень любезный и на видъ добродушный человѣкъ. За обѣдомъ въ Патрикѣевскомъ трактирѣ, гдѣ всѣ эти Нѣмцы ѣли очень умѣренно, такъ какъ меню было самое убійственное для желудка, я имѣлъ очень интересный разговоръ съ моимъ сосѣдомъ генераломъ Будрицкимъ, который, понимая вполнѣ чувство вражды Французскаго народа къ Нѣмцамъ, выражалъ только свое удивленіе, что частныя лица ненавидятъ всякаго Нѣмца и не хотятъ понять, что Германія не хотѣла войны, а что Провидѣніе избрало Нѣмцевъ какъ орудіе наказанія Франціи за ея безнравственность и растлѣнность. Нечего сказать, это странный взглядъ на вещи! Потомъ онъ говорилъ, что теперь Европейскія державы должны были бы заключить союзъ противъ интернаціоналки, которая угрожаетъ общему Европейскому спокойствію. Не есть ли такое мнѣніе, распространенное въ Германіи предвѣстникомъ, можетъ быть, замышляемаго Священнаго Союза? Въ этомъ случаѣ Нѣмцы чужими бы руками жаръ загребали. Кажется, Москва и все ими видѣнное произвели на нихъ самое пріятное впечатлѣніе. Народъ собирался толпами во многихъ мѣстахъ, посѣщаемыхъ гостями, кланялся имъ, и на третій день ихъ пріѣзда, именно передъ Романовскимъ домомъ, толпа усердно крикнула ура, когда принцъ Фридрихъ садился въ экипажъ, изъявивъ мнѣ глубокую благодарность за всѣ мои хлопоты. Всѣ эти знаменитые генералы: Вердеръ, Альвенслебенъ, князь Гогенлое, Будрицкій и прочіе, при разговорахъ о Французской войнѣ, давали замѣтить, что они обращались великодушно съ побѣжденными, и вездѣ платили чистыми деньгами. А тутъ приходитъ на память разсказъ одного изъ очевидцевъ-Французовъ, что у Нѣмцевъ была слѣдующая классификація грабежей: 1) Oberflächliche Plünderung. 2) Gründliche Plünder n и 3) Totale Zerstörung. Гдѣ же правда?

19-го Декабря. Переводъ въ Москву въ Архангельскій соборъ протоіерея, главнаго священника арміи и флота Михаила Измайловича Богословскаго.

[1]) Это очень своеобразно.

[2]) Поверхностный грабежъ. Основательный грабежъ. Полное разореніе.

Н. В. КУКОЛЬНИКЪ НА ДОНУ.

Въ концѣ сороковыхъ или въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, извѣстный писатель *Н. В. Кукольникъ* водворился на Югѣ Россіи, поселившись сначала въ Новочеркаскѣ, а затѣмъ въ Таганрогѣ, гдѣ и скончался *). На Дону онъ былъ принятъ радушно всѣми, начиная съ атамана Хомутова и кончая самымъ мелкимъ чиновникомъ. Сдѣлавшись душою Новочеркаскаго общества, Кукольникъ устраивалъ здѣсь публичныя чтенія и первые по времени любительскіе спектакли, о которыхъ до сихъ поръ сохранились пріятныя воспоминанія у мѣстныхъ старожиловъ. Очарованный всеобщимъ радушіемъ, а также естественными богатствами края и его исторіей, Несторъ Васильевичъ, кромѣ извѣстной драмы „Азовское сидѣнье", написалъ нѣсколько мелочей, изъ которыхъ одна сохранилась до сихъ поръ. Это—стихотвореніе „къ Дону", до сихъ поръ нигдѣ не напечатанное. Поэтъ, почти 50 лѣтъ назадъ, угрожалъ этой рѣкѣ „мечомъ государственныхъ имуществъ", который, будто бы, имѣлъ намѣреніе воткнуть въ Донскую грудь бывшій въ тѣ поры министромъ графъ Киселевъ. Хотя предсказанія Кукольника и не сбылись, но стихотвореніе заслуживаетъ того, чтобы его сохранить. Вотъ оно:

Къ Дону.

Здорово, старый Донъ, здорово, Донъ унылый,
Какъ родина моя ты сталъ мнѣ святъ и милъ;
Я полюбилъ тебя изъ всей казачьей силы,
Твои печали всѣ къ душѣ своей привилъ.
Казацкая страшна была когда-то сила:
Своими лодками ты пѣнилъ Черный Понтъ,
И кланялись тебѣ Азовъ и Трапезонтъ.
Но ты разбогатѣлъ—и зависть страхъ смѣнила:
Ужъ не къ тебѣ идутъ, а ты къ нимъ на поклонъ!
Богатъ ты, старый Донъ, и углемъ, и виномъ,
И рыбой всякою, и солью, и скотомъ;
Богатъ ты, старый царь Азовскаго поморья,

---

*) 8 Декабря 1868 г. Онъ служилъ въ Таганрогѣ провіантскимъ или коммисаріатскимъ чиновникомъ. Кукольникъ по отцу былъ происхожденіемъ изъ Карпатской Руси. П. Б.

Тебѣ не надобно сторонняго подспорья;
Богатъ, а самъ въ пыли лежишь!
Какъ у младенца спитъ твоя простая совѣсть,
Бредешь ты нищенски и про себя ворчишь
Геройскихъ дѣлъ и бѣдъ страдальческую повѣсть.
Я вслушался въ нее, запечатлѣлъ душой,
Ношу ее въ себѣ и донесу потомкамъ...
Всплесни же, старый Донъ, веселою волной,
Благословенье дай казачества обломкамъ.
Вѣдь ты предъ смертію—твой часъ послѣдній бьетъ:
Подъ орифламмою священныхъ преимуществъ,
Въ грудь благородную графъ Киселевъ воткнетъ
Мечъ Государственныхъ Имуществъ!

*

Офицеръ Донской гвардейской алтиллеріи *И. В. Турчаниновъ*, бывшій впослѣдствіи полковникомъ гвардейскаго Генеральнаго Штаба, потомъ служившій въ рядахъ Французской арміи и затѣмъ переселившійся въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, гдѣ, во время междоусобной войны, командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ въ арміи генерала Гранта, написалъ въ тѣ поры, тоже стихами, отвѣтъ Кукольнику отъ Дона. Но стихи Турчанинова неудобны для печати какъ по искаженности стиха и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, смысла (что произошло по винѣ многочисленныхъ переписчиковъ), такъ, главнѣйше, по рѣзкости тѣней, которую онъ наложилъ на отношенія Петербургскихъ властей къ Донскому казачеству.

А. Карасевъ.

Новочеркаскъ.
14 Іюля 1894 года.

ВРАЧЕБНЫЯ СОЧИНЕНІЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ НЕ-ВРАЧЕЙ.

Слѣдующій списокъ конечно не содержитъ *всѣхъ* вышедшихъ работъ; но я надѣюсь пополнять его, чтобы со временемъ имѣть полную картину того участія, которое принимала Русская публика въ своемъ врачебномъ дѣлѣ.

Л. Ѳ. Змѣевъ.

Аммосовъ Николай (генералъ-маіоръ еще до 1812 г.).

— Понятіе о пневматическомъ отапливаніи и объ отношеніи его къ здоровью. Спб. 1841. 8°.

Бахметевъ.

— О болѣзняхъ богатыхъ и свѣтскихъ людей. Спб. 1805, 12°, 9. Тип. Кадетск. корп.

Бѣгичевъ Дмитр. Никитичъ, бывшій Воронежскимъ губернаторомъ, впослѣдствіи сенаторомъ.

— Воронежскій элексиръ. 4°. (Ворон. 1830). И его же въ Спб. Вѣдомостяхъ: Составъ элексира и употребленіе его. Не забытъ и авторъ элексира, Новохоперскій помѣщикъ *Суриновъ*.

Болотовъ Андрей Тимоѳеевичъ.

— Краткія, на опытахъ основанныя замѣчанія о электрицизмѣ и способности электрическихъ машинъ къ помоганію отъ разныхъ болѣзней. Спб. 1803, 8°, 120. Тип. Ак. Н.

Бруновъ Е.

— Изложеніе реформы, произведенной въ медицинѣ Нѣмецкой придворнымъ докторомъ князя Ангальтъ-Кётена, Самуиломъ Ганнеманомъ. Оригиналъ написанъ по-французски, съ него Польскій переводъ безъ имени переводчика. Варшава 1826, 8°, 52.

Веревкинъ Михаилъ.

— Описаніе Екатерининскихъ водъ въ Астраханской губ. между города Царицына и селенія Евангелическаго братства Сарепты, собранное на мѣстѣ... М. 1780, 8°, тип. Унив., 86. Это извѣстный литераторъ М И. Веревкинъ, посланный на Кавказъ для описанія тамошнихъ водъ (А. Д. Ч.) въ Іюлѣ 1780. Моск. Наблюд. ч. XV, 109. М(акаровъ).

Взметневъ.

— Польза медиковъ: сатирическое сочиненіе. Спб. 1811, 8°. Кажется, содержаніе этого сочиненія почерпнуто изъ спеціальнаго періодическаго

изданія „Сатиры на врачей“, издававшагося въ Парижѣ около этого времени въ стихахъ.

Вороблевскій Василій, библіотекарь графа Петра Борисовича Шереметева, участника въ переводѣ.

— Вѣрное лѣкарство отъ подагры, которое испыталъ и выдалъ въ свѣтъ Емеригонъ. Перев. М. Тип. Унив. 1779, 8°, 32 стр., 2 р.

Wsewologsky (Nicolas).

— Sur les eaux minérales de Kachine. Въ Mémoires de la soc. des naturalistes de Moscou. T. II, 274.

Gallitzin (Dmitry).

— Sur l'air fixe employé comme médicament. Mémoires des Bruxelles t. III, 1780, p. 34.

Г(олицынъ) П(авелъ) Е.

— Исторія дѣвицы де-Марсанъ или благополучная оспа. Перев. съ Французскаго. М. 1786. 8°, 20 к.

Gallizioli (il conte Giovan Batisto).

— Della vita, de gli studie, scritti di Gulielmo Grataroli, Filosofo et Medico. Bergamo 1789, 8°, 103. Съ портретомъ Гратароли.

Гротъ Яковъ Карловичъ.

— Гимнастика въ Спб-гѣ. Спб., тип. А. Н. 1859, 12°, 10 (изъ Спб. Вѣд. 1859, № 12).

Князь *Доморуковъ* Алексѣй.

— Месмеризмъ *Алексѣя Москвитянина* или нѣчто о животномъ магнитизмѣ. Спб., тип. Плюш. 1838, 16°.

— Животный магнитизмъ. Спб., тип. Края. 1844, 8°. XV, 124, 4.

— Часы досуга между практикою о месмеризмѣ. Лекціи матерямъ. Спб., тип. Края. 1846, 16°, 33.

— Съ Франц. Месмеръ. Спб. 1846, 8°. Кн. I о месмеризмѣ или магнитизмѣ вообще. 34 стр.

Кн. II. Объ употребленіи месмеризма въ болѣзняхъ. Спб. 1857, 12°, тип. А. Дмитріева, 36 стр.

— Съ Франц. Рикардъ. Кн. 4-я. Описаніе дѣйствія животнаго магнитизма. Спб. тип. Дмитріева. 1857, 12°, 117 и 1 н.

— Органонъ животнаго месмеризма. Практическое изученіе, способы примѣненія его для лѣченія болѣзней и лѣтопись историческаго хода животнаго месмеризма въ Россіи отъ начала его открытія до нашего времени; съ приложеніемъ теоріи Месмера. Соч. кн. А. Д. магнетизера. Съ картою, сѣверныхъ полярныхъ странъ, составленною по сказаніямъ ясновидцевъ. Спб. 1860, тип. Хана. 16°, XVII, 354, VII. Библіогр. замѣтки В. Голицынскаго въ Моск. Мед. Газ. 1860, № 41, 42.

Евгеній епископъ Калужскій и Боровскій.

— Пастырское увѣщаніе о прививаніи оспы коровьей, напечатано по Высочайшему повелѣнію въ Спб. и Москвѣ 1811 г., въ 4° и въ 8° и разослано

по всѣмъ въ Россіи церквамъ для чтенія въ оныхъ ежегодно народу по три раза.

— Тоже, Евгенія уже епископа Вологодскаго. Спб. мип. Мед. 1813, 8°.

Евлампій епископъ Вологодскій.

— Возваніе во время холеры 1848 года. М. 1851, 8°.

Князь *Енгалычевъ* Парфеній Николаевичъ.

— Простонародный лѣчебникъ, содержащій въ себѣ пользованіе болѣзней домашними средствами безъ помощи лѣкаря и важнѣйшія наставленія о предупрежденіи болѣзней и храненіи своего здоровья. Соч. Кн. . . . М. тип. Унив. у Ридиг. и К°, 1799, 8°, XI, 152. Продолж. id. 1880, 8°, 4 н., 111 стр.

— Тоже, изд. 2-е. М. тип. Рѣшетн. 1801, 8°, 4 руб.

— Тоже, изд. 3-е. М. 1808.

— О продолженіи человѣческой жизни или средство какъ достигать можно здоровой, веселой и глубокой старости и пр. Переводъ съ Франц. изъ разныхъ авторовъ. Кн. П. Е. М. 1802, 8°, 2 р.

Тоже. 1804, 8°.

— Тоже. Изд. 2-е. Спб. 1816, 12°, тип. Края. X, 1 н. 420.

— Тоже. Изд. 3-е. Спб. 8°, тип. Края; ч. I, 4 н., VIII, 353 и ч. II, 4 н., VIII, 306, XI, 1820; а ч. III, 4 н., 618, V и ч. IV, 2 н., 412, 2 н. изд. 1823.

— Тоже. Изд. 4-е, составленное изъ лучшихъ отечественныхъ и иностранныхъ авторовъ, исправлен., дополнен. и располож. алфавитнымъ порядкомъ. Кн. П.... 5 ч. Спб. 1825—26, 8°, 25 р. тип. Смирдина.

— Изд. 5-е. 6 ч. М. тип. Унив. 1833, 12°, 7 р. Ч. I, 6, 304, II, 4, 323; III, 4, 335; IV, 2, 231, V, 4, 332, VI, 293.

— Изд. 6-е Лоскутовыхъ. 7 ч. въ 4 т. Спб. тип. Края. 1848, 8°. Т. I 246, II 226, III 246 по 2 ч. и IV 120, 21, 9.

— Русскій сельскій лѣчебникъ, перевед. изъ разныхъ авторовъ. М. Тип. Унив. 1810, 12°, 5 р.

— О физическомъ и нравственномъ воспитаніи съ присовокупленіемъ словаря добродѣтелей и пороковъ. Спб. 1824, 12°.

Soubkoff Basil.

— Observations faites sur la cholera-morbus dans le quartier de la Jakimanka à Moscou en 1830 an. M. typ. Sem. 1831, 8°, 54.

— Тоже по-русски. М. 1831, 8°, тип. Семена, съ планомъ.

— Тоже по-нѣмец. Walt. и Gräfe's Journ. 1831, т. XV, 648.

— Наблюденіе о незаразительности холеры. Вѣстн. Ест. Наукъ 1831, II 100 и 109.

Графъ *Зубовъ* Дмитрій (въ Спб-гѣ).

— Beschreibung der Brantwein-Distillation und Maisch-Bereitung vermittelst der Wasserdämpfe. St. Ptbg. (Leipz. bey Fr. Flisch.) 1819, 8°, съ 4 рисунк.

Каразинъ.

— Самый удобнѣйшій способъ сохранять и на большія разстоянія перевозить питательныя, цѣлебныя вещества изъ царства животныхъ и растеній. 1828, 8°. Разборъ. Вѣстн. Ест. Наукъ Іовскаго. 1829, I, 365.

Korsakoff въ деревнѣ Tarassowo въ Dmitrowo уѣздѣ, коллеж. сов., дворянинъ, владѣлецъ.

— Письмо къ надвор. совѣтн. Ганнеману (касательно dispensiren homäopatische Arzneien) съ отвѣтомъ Ганнемана къ д-ру Штапфу. Въ Arch. f. homäop. Heilk. Bd. VIII, 1829, II, 161—64.

Князь *Н. А. Касаткинъ-Ростовскій.*

— Пер. съ Фр. изъ Encyclop. ou diction. raisonnée des scien. etc. 1759. О болѣзни холерѣ съ присоединеніемъ лѣченія ея, предложеннаго докторомъ Дуглазомъ. Вѣстникъ Естеств. Наукъ Іовскаго 1831, I, 123, 197.

Князь *Куракинъ* А. Б.

— Положеніе о заведеніи послѣ смерти его, въ вотчинѣ его Надеждинѣ, больницы и пр. Спб. 1807, 4°.

Madame *Lwoff*, жена камергера Львова и дочь адмирала Мордвинова, auf dem Gute Saratoff.

— Extrait d'une lettre ecrite par l'amiral Mordwinoff (о холерѣ). Въ Hartlaub und Trink's Annal d. homäop. Klinik. Bd. III, 1832, 88—90.

Левашевъ.

— Способъ лѣченія водобоязни. Секретъ, сообщенный имъ Е. И. В. Вел. Кн. Еленѣ Павловнѣ и по ея соизволенію сдѣланъ общеизвѣстнымъ. М. 1861, 12°, 12. Тип. журнала Развлеченіе.

— Тоже. М. 1861, 8°, тип. Семена.

Машковъ, инженерный генералъ.

— Разрѣшеніе вопроса, что̀ такое холера и средства предохранить себя отъ оной. Спб. 1848, 8°, 8, тип. Шт. Отд. Корп. вн. стражи.

Милютинъ А.

— Мнѣніе касательно хода и степени заразительности холеры въ Москвѣ. М. 1831, 8°, 24, тип. Унив. Библ. Вѣст. Ест. Наукъ Іовскаго 1831, I, 144 и 222 (извлеч.).

Мордвиновъ графъ Николай Семеновичъ, адмиралъ.

— Взглядъ на гомеопатическое лѣченіе. Спб. тип. Плюш. 83, 8°, 24.

— Ein Wort üb. Homäopatie. Nebst einem Briefe u. Verzeichnisse üb. die in Gouvernement Saratoff in Russl. bei Cholerakranken angewandten homäopat. Heilmittel. На Нѣм. пер. Eckenstein. Dresden u. Leipz. 1831, 8°, 20.

— Тоже по-датски. Kiobenhav. 1832, 8°. Пер. съ Нѣм. H. C. Lund.

— Homäopathie. Dresd. 1833. 8°. Recens: Pabst medic. Zeit. 1833, № 51 и въ извлеч. у Stapf'а въ Arch. f. hom. Heilk.

Пропаганда Мордвинова и его послѣдователей гомеопатич. лѣченія, начатая еще съ 1823 въ соучастіи съ врачами-гомеопатами, была поводомъ слѣдующаго куріоза. Была у насъ первая холера въ Астрахани 1823 г., о ней гражданскій ген. штаб. докторъ, лейбъ-медикъ Реманъ, печаталъ въ Француз. и Нѣмецк. медицинскихъ журналахъ въ томъ же 1823 году. Но

вдругъ въ Берлинскомъ врачебномъ журналѣ „Hecker's Annal" (Геккеръ, знаменитый врачебный историкъ, Берлинскій профессоръ) въ 1828 году является въ т. VI, ст. 501 заявленіе, что вовсе никакой холеры въ Астраханѣ не было, а это-де напутали гомеопаты страха ради Европейска, методъ очень-де любимый въ Россіи. Пришлось „съ грустью" оправдываться и увѣрять, что холера доподлинно была.

Мочульскій Викторъ.

— О физическомъ условіи холернаго начала и соотношеніи его съ другими явленіями природы. Спб. 1853, 8°, 87.

— Тоже въ прибавл. къ Моск. Врачебн. Журн. 1847, 5 Декабря, 8°, 50—53.

Мусинъ-Пушкинъ графъ Аполлонъ (Cabinetsrath), вице-директоръ Горнаго Департамента.

— Lettre à m. Crell sur la purification du phosphore et la décomposition de l'acide carbonique. Въ Ann. de chimie, т. 25, 1798 Janv. p. 102—6.

— On the salts precipitates and amalgam of platina; on cobalt, on antimonial soap; on the decomposition of soap by the acid extract of colouring matters. Въ Nicholson Journ. of Not. Philos. Vol. т. 1798, p. 537.

— A memoir and new experiments on the artificial cinnabar of Mr Kirchhoff (въ Спб-гѣ), translated from the french manuscript communicated by Chorles Hatchell esq. who reccived it from the author. Vol. 2, 1798, № 14, Ap., p. 1—7.

— По-нѣмец.: 1) Das neueste in der Chemie. Nürenbg, 1799, p. 161—71; 2) Scherer Allg. Journ. d. Chemie, Bd. II. 1799, Hf. 9, art. 13, 290—304.

— Queksilberseife. Въ Sch. Allg. Jour. Bd. IX, Hf. I, 1802, 66 и въ Busch Alman. f. d. Erfind. Th. III, 1799, 182.—Въ Berl. Iahrb. f. Pharmacie. Годъ 4, 1798, s. 236.—Crell. chem, Ann. Bd. I, 1797, s. 3.

— Vollkommende Darstellung einer anflösslicher Queksieberseife. Въ Berlin. Jahrb. f. Pharm. Годъ 5-й, 1799, s. 121.

— Auflösug des Chroniums in seiner eigenen Säure. ib. 144.

— Über Salpetersäure ib. s. 144.

— Entdeckung einer Methode die Platina zu hämmern und zu erweichen. ib. Годъ 6-й, 1800, s. 200.

Князь *Оболенскій*.

— Руководство къ воспитанію физическому, нравственному и образовательному. Кн. Об. М. 1841, 8°, ц. 1 р.

Oldekop, ген.-лейт.

— Ein Wort zu seiner Zeit über die Homäopathie. Von einem Profanen. St. Ptbg. 1825, 4°, 20.

Графъ *Панинъ*, бывшій посланникомъ въ Пруссіи.

— Traitement d'Etienne Koroboff pour un rheumatisme chronique, accompagné de symptome de paralysie. Въ Bibliot. du Magnitis anim. t. VI, 1818, 63—69.

— Lettre contenant le traitement et la cure qu'il a opérés lui-même sur James Macgille, anglais. ib. t. III, 1818, p. 126—46.

— Traitement magnetique d'une hémiplegie. ib. t. V, 1818, p. 88 - 90.

Графъ *Разумовскій* Григорій, умершій 1837 Іюня 3 въ своемъ имѣніи въ Rudoletz (въ Чехіи) 80 лѣтъ отъ роду.

— Histoire naturelle du Jurat et de ses environs et celle des trois lacs de Neufchatel, Morat et Bienne. Lausanne. 1789, 8°, 2 Bd. съ портр. т. I 3228, а т. II 2388, преимущ. о минерал. водахъ.

— Observations nouvelles sur l'annalyse des eaux minérales en général et en particul. sur celles de St. Eloy, près d'Etavoyez, ville du Canton de Fribourg au bord du lac... Въ Memoires de Lausanne, T. II Hist. p. 47; Mem. P. I, p. 147—59.

— Sur un électromêtre magnétique. Въ Lamethère Journ. de physique 1821, m. L, 398.

Княгиня *Ростовская* М.

— Поѣздка на Сергіевскія сѣрныя воды.

Самойловъ Н.

— Историческая записка Сибиряка о свирѣпствовавшей въ Москвѣ холерѣ съ Сентября 1830 г. основанная на оффиціальныхъ извѣстіяхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствахъ. Моск. тип. Селивановскаго 1831, 8°, ч. I, 4 н. 89, ч. II, 2 н. 189. За это соч. авторъ получилъ отъ Императора Николая I-го золотой перстень.

Сафоновъ, чиновникъ особыхъ порученій у князя Воронцова.

— Описаніе чумы, постигшей Одессу въ 1837 году. Соч. С. Одесса 1838, город. типогр. 8°, 134 стр. и планъ.

Свиньинъ Павелъ Петровичъ иностран. министер. чиновн., сопровождалъ Моро до его смерти и много путешествовалъ, редакторъ Отечеств. Записокъ.

— Несомнѣнное исцѣленіе отъ укушенія бѣшеныхъ животныхъ. Спб., тип. Плавильщикова 1817, 8°, 16 стр. и 1 рис.

— Тоже по-нѣмецки перев. D. A. W. Tappe. Untrügliches Heilmittel wieder den Biss toller Hunde. St. Ptbg. и Braunschweig bey Pluchart. 1817 (1816), 8°, 20 съ рис. Alisma-plantago Тоже и тамъ же 1818, 8°, Recens. Allg. med. Annal. 1819 Апр., 574.

— Тоже по-датски пер. I. C. Saterup. Kiobenhaven. 1818, 12°, 16.

— Тоже, изд. новое (Dresd. b. Arnold) St. Ptbg. 1823, 8°.

Скальковскій А.

— 1812-й годъ въ Новороссійскомъ краѣ. Одесса 1837, 8°, 46, тип. городск. съ видомъ Одессы до 1823 г. Тутъ описана чума, свирѣпствовавшая въ Одессѣ 1811—12.

Графъ *Строгоновъ*.

— Mixture anticholérique de comte Strogonoff. Journ. de chimie medical 1849, Ser. III, т. V, 149.

— Teinture de c. Strogonoff contre le choléra. Revue medic. 1854, ч. II, 311.

Т(епловъ) Г(ригорій) Н(иколаевичъ).

— Разсужденіе о врачебной наукѣ, которую называютъ докторствомъ, сочиненіе весьма критическое на врачей, коими въ долговременной своей болѣзни былъ онъ недоволенъ. М. 1774, 8°. Г. Н. Т.

— Тоже. Спб. 1774, 8° (изд. 2-е).

— 2-е изд. Спб. 1784, 8°, 38, 2 р.

— Изд. 2-е. М. 1787, 8°, тип. К° типогр., 25 к.

Баронъ *Ф(итингофъ)*.

— Конская лѣкарственная книга отъ разныхъ болѣзней. Спб. 1779, 8°, 44. Предполагаютъ, что это бывшій президентъ Медицинской Коллегіи въ концѣ царствованія Екатерины II-й.

Баронъ *Фитингофъ* Борисъ.

— Краткое наставленіе лѣчить отъ поносу. Борис. барон. Ф.... Дерптъ 1807, 8°.

— Краткое наставленіе ремесленникамъ, какъ предохранять себя отъ угрожающей здоровью ихъ опасности. Изъ карманнаго лѣчебника графа Леопольда Бартольда, съ Нѣмец. перевелъ бар. Б. Ф. Дерптъ 1808, 4°.

Челяевъ Егоръ.

— Чудесное исцѣленіе или путешествіе къ водамъ Спасителя въ село Рай-Семеновское, принадлежащее тайному совѣтнику А. П. Нащокину. Соч. Е(гора) Ч(еляева). Спб. 1817, 8°. тип. Плавильщикова, 4 н., 88.

СВОЕОБРАЗНОЕ ПИСЬМО СУВОРОВА КЪ В. С. ПОПОВУ.

„Москва. Ч. 21 Маія 1784.

Je suis cocû par Cirohnew. L'auriez-vous cru?

А. Суворовъ.

Его Высокоблагородію Милостивому Государю моему Василью Степановичу Попову, высокопочтенному г-ну полковнику, находящемуся при его свѣтлости князѣ Григорьѣ Александровичѣ Потемкинѣ въ Херсонѣ или гдѣ обрѣтется».

(Списано съ подлинника, хранившагося у М. В. Юзефовича въ Кіевѣ, 30 Августа 1879).

Н. Я. СКАРЯТИНЪ.

28 Апрѣля нынѣшняго года скончался въ скромномъ имѣніи своемъ при селѣ Тёсовѣ (Сычевскаго уѣзда Смоленской губерніи) Николай Яковлевичъ Скарятинъ, младшій изъ сыновей столь извѣстнаго въ былыя времена невольнымъ участіемъ въ событіи 12 Марта 1801 года, отставнаго полковника Измаиловскаго полка, образцоваго хозяина, коннозаводчика и масона Якова Ѳедоровича и Натальи Григорьевны, ур. княжны Щербатовой.

Н. Я. Скарятинъ родился въ 1821 году въ богатомъ помѣстьѣ отца своего селѣ Троицкомъ, Малоархангельскаго уѣзда Орловской губерніи. Воспоминаніе о своемъ обученіи въ Петербургѣ помѣстилъ онъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1893 года. Первоначальная служба его піонеромъ продолжалась недолго вслѣдствіе ушиба ноги, отъ котораго онъ долго страдалъ и лечился въ чужихъ краяхъ, гдѣ и женился въ 1845 году на Прасковьѣ Ивановнѣ Логиновой. Въ 1853 году онъ снова поступилъ на службу и въ уланахъ былъ подъ Севастополемъ. За тѣмъ видимъ его Курскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а съ 28 Октября 1866 года въ теченіи 14 лѣтъ Казанскимъ губернаторомъ. Тутъ пріобрѣлъ онъ громкую извѣстность въ успѣшной борьбѣ съ противуправительственными началами и оказалъ, во время послѣдней войны, государственную услугу, предупредивъ своею неустрашимостью мятежъ мусульманскаго населенія, приготовленный подсылками изъ Турціи и мѣстными внушеніями Поляковъ Этотъ подвигъ Н. Я. Скарятина будетъ оцѣненъ исторіей. Казанцы боялись его, но въ тоже время и любили. Онъ неустанно находился на стражѣ порядка, заботясь о благосостояніи общемъ и не мирволя скупщикамъ, единоторжникамъ и глашатаямъ мнимаго свободолюбія. Своихъ чиновниковъ держалъ онъ въ страхѣ и требовалъ отъ нихъ не одной очистки бумагъ, а дѣйствительнаго служенія. Конечно, при этомъ онъ безпрестанно нарушалъ обычный ходъ дѣлопроизводства и поступалъ самоуправно. Въ управленіе графа Лорисъ-Меликова его удалили отъ должности, даже отдали подъ судъ, и лишь въ нынѣшнее царствованіе былъ онъ оправданъ. Поводомъ къ его отставкѣ была его неудержимая горячность. Къ празднованію 25-ти-лѣтія царствованія покойнаго Государя готовилось въ Казанскомъ театрѣ особое представленіе. Скарятинъ не утвердилъ вполнѣ афиши, представленной ему содержателемъ театра, потому что въ ней значились піесы сомнительнаго содержанія, и приказалъ не подымать занавѣса, пока онъ самъ не пріѣдетъ. Ѣдучи въ театръ, онъ задержанъ былъ какими-то распоряженіями по городу и опоздалъ на четверть часа. Оказалось, что на афишѣ все-таки значилась недозволенная піеса, а представленіе уже началось. Тогда Скарятинъ вызвалъ ослушника къ себѣ въ ложу и на виду зрителей его ударилъ. Такъ самъ онъ намъ разсказывалъ, конечно не оправдывая своего увлеченія.

Я познакомился съ Н. Я. Скарятинымъ, когда онъ былъ въ отставкѣ, и находилъ великое удовольствіе въ его бесѣдѣ. Чего-чего не видалъ онъ на своемъ вѣку! Рѣчь его всегда была жива и увлекательна,

и сказывались въ ней горячее сердце, благородная прямота и беззавѣтная любовь къ отечеству. Онъ былъ поистинѣ честный, добрый, сердечный человѣкъ, чему лучшимъ свидѣтельствомъ служатъ его похороны: мѣстное населеніе горячо его оплакивало, и крестьяне цѣлыхъ шесть верстъ несли его до кладбища въ селѣ Мелюковѣ. Имя Н. Я. Скарятина никогда не забудется. Душа былъ человѣкъ!

По нашей просьбѣ написаны имъ были нижеслѣдующія страницы. П. Б.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Н. Я. СКАРЯТИНА.

Въ 1870 году покойный братъ мой егермейстеръ Владимиръ Яковлевичъ Скарятинъ завѣдывалъ императорскою охотою за отсутствіемъ оберъ-егермейстера графа Ферзена, который, хотя и возвратился въ концѣ осени или въ началѣ зимы, но братъ мой, по приказанію Государя, продолжалъ распоряжаться на царскихъ охотахъ. Въ то время я находился губернаторомъ въ Казани. Утромъ 31 Декабря получилъ я телеграмму, въ которой сынъ моего покойнаго брата извѣщалъ меня, что отецъ его наканунѣ, на охотѣ, нечаянно раненъ въ спину. Почти сейчасъ-же пришла и другая телеграмма отъ моего сына, въ которой сообщалось, что братъ мой убитъ на охотѣ. По случаю болѣзни мнѣ запрещено было выѣзжать изъ дому, а потому я не могъ немедленно отправиться въ Петербургъ. Я проклиналъ мою болѣзнь, мѣшавшую мнѣ ѣхать; въ разрѣшеніи-же отпуска я не сомнѣвался. На мои вопросы по телеграфу и письма получались отвѣты болѣе ясные, но всетаки недостаточные для совершеннаго уясненія, какъ произошелъ роковой случай. Въ «Правительственномъ-же Вѣстникѣ» было напечатано такъ, что можно было понять только, что братъ мой застрѣленъ, но кѣмъ и какъ, нельзя было опредѣлить ничего. Наконецъ, изъ писемъ я узналъ, что мой братъ убитъ графомъ Ферзеномъ. Оправившись отъ болѣзни и получивъ отпускъ, я пріѣхалъ въ Петербургъ во второй половинѣ Января 1871 года. Тамъ я узналъ всѣ подробности убійства и хотя коммиссія, разслѣдовавшая это дѣло, и пришла къ выводу, что братъ мой палъ отъ нечаяннаго, неосторожнаго выстрѣла, но почти всѣ ближайшіе родственники и я мы остались въ убѣжденіи, что графъ Ферзенъ умышленно застрѣлилъ моего брата.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, по званію губернатора, я долженъ былъ представляться Государю Императору, и вотъ очень скоро мнѣ было назначено представленіе, какъ это обыкновенно бывало, въ Зимнемъ дворцѣ, въ Воскресенье, послѣ обѣдни. Прибывъ въ назначенный день во дворецъ, я ожидалъ окончанія богослуженія въ круглой залѣ возлѣ самой церкви. Тутъ находились разныя лица, которымъ, какъ и мнѣ, было назначено въ этотъ день представляться. Передъ окончаніемъ обѣдни ко мнѣ подошелъ камердинеръ Государя и спросилъ, не

я ли Казанскій губернаторъ Скарятинъ; на мой утвердительный отвѣтъ онъ мнѣ объявилъ, что Государю Императору угодно меня принять особо на своей половинѣ. Я тотчасъ отправился туда и въ пріемной передъ кабинетомъ Его Величества сталъ ожидать.

Черезъ нѣсколько времени тѣмъ-же камердинеромъ я былъ приглашенъ въ кабинетъ. Вошедъ, увидалъ я Государя стоявшаго возлѣ письменнаго стола. Его Величество изволилъ протянуть мнѣ руку и очень милостиво поздоровался. Затѣмъ онъ сказалъ: «Поди сюда» и отвелъ совершенно въ сторону, на сколько припомню, кажется, въ небольшую комнату возлѣ кабинета, гдѣ топился каминъ. Ставъ передъ каминомъ, Государь еще разъ взялъ меня за руку и сказалъ:

«Какое ужасное несчастіе постигло все ваше семейство! Но насъ хотѣли поссорить, пустивъ слухъ, что твой братъ убитъ моимъ нечаяннымъ выстрѣломъ. Ты теперь знаешь, какъ случилось это несчастіе. Но еслибъ оно произошло по моей неосторожности, то я непремѣнно объявилъ бы объ этомъ.»

У Государя навернулись слезы; онѣ меня тоже душили, но, пораженный его словами, я молчалъ.

Государь продолжалъ: «Охота окончилась, но я еще не сходилъ съ своего мѣста, какъ послышался выстрѣлъ; затѣмъ стонъ и голосъ твоего брата, звавшаго меня: Государь! Государь! Я направился по голосу и увидалъ твоего брата, лежавшаго на снѣгу и продолжавшаго меня звать. Я подошелъ къ нему; онъ посмотрѣлъ на меня, хотѣлъ что-то сказать, но уже не могъ и тутъ же скончался.» Помолчавъ немного, Его Величество добавилъ: «Теперь все выяснилось, и ты знаешь, что твой братъ убитъ по неосторожности Ферзеномъ.»

— Государь, отвѣчалъ я, мнѣ извѣстно, что братъ убитъ графомъ Ферзеномъ; но только онъ его убилъ.....

—«Нѣтъ это не такъ, прервалъ меня Государь. Выстрѣлъ Ферзена былъ нечаянный». Его Величество, смотря прямо мнѣ въ глаза, спросилъ: «Ну, а ты, что же намѣренъ дѣлать?»

— Отыскать графа Ферзена и поступить съ нимъ, какъ онъ поступилъ съ покойнымъ братомъ...

—«Нѣтъ, ты этого не сдѣлаешь! Дай мнѣ слово, что ты этого не сдѣлаешь».

— Ваше Императорское Величество, повелѣніе моего Государя для меня священно. Какъ Вашъ подданный, я обязанъ исполнить волю Вашу; но въ этомъ ужасномъ случаѣ...

—«Я тебѣ не приказываю, прервалъ Государь: я прошу тебя».

Вздрогнувъ и едва выговаривая слова отъ подступившихъ слезъ: Государь, сказалъ я, встрѣтясь съ графомъ Ферзеномъ, могу ли я отвѣчать за себя?..

—«Ферзена здѣсь нѣтъ!» И положивъ обѣ руки мнѣ на плеча, Государь продолжалъ: «Ты мнѣ обѣщай не искать его. Дай мнѣ слово, что исполнишь мою просьбу».

Взволнованный, растроганный до глубины души, я отвѣчалъ, что исполню его волю. Государь притянулъ меня къ себѣ и поцѣловалъ въ голову. Я вышелъ изъ кабинета. Долго волненіе мое не утихало, и долго я не могъ придти въ себя послѣ всего мною перечувствованнаго; а слова покойнаго Императора звучали въ моихъ ушахъ, крѣпко и глубоко врѣзавшись мнѣ въ сердце. Какое по истинѣ человѣческое чувство руководило Монархомъ, чтобы принять такъ близко къ сердцу семейное горе и такъ просто обойтись со своимъ подданнымъ, обойтись не какъ Государь, а какъ частный человѣкъ, искренно сочувствующій несчастію, постигшему другаго человѣка, какъ будто ему равнаго. Воспоминаніе дорогое для сердца вѣрноподданнаго!

Н. Скарятинъ.

*

12 Декабря 1884.

Напомнимъ читателю, что тогда же немедленно назначена была, подъ предсѣдательствомъ Н. В. Зиновьева, комиссія для разъясненія, кто именно убилъ Скарятина. За тѣмъ состоялось высочайшее повелѣніе, чтобъ въ этой комиссіи принялъ участіе министръ юстиціи графъ Паленъ, который и ѣздилъ 14 Января 1871 года на мѣсто дѣйствія, въ 24 верстахъ отъ станціи Малой Вишеры, взявъ съ собою опытныхъ въ разслѣдованіи людей, въ ихъ числѣ и тогдашняго ротмистра конной гвардіи, П. А. Черевина. Они составили актъ, на основаніи котораго выяснилось, что Скарятинъ погибъ отъ пули графа Ферзена и что выстрѣлъ былъ случайный. Но графъ Ферзенъ виноватъ былъ въ томъ, что замолчалъ свою вину и тѣмъ далъ поводъ къ кривотолкамъ. Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отъ 27 Января 1871 г. обнародовано рѣшеніе Государя: «Усматривая изъ дѣла, что смерть егермейстера Скарятина произошла отъ случайнаго выстрѣла графа Ферзена и признавая послѣдняго виновнымъ въ позднемъ сознаніи, я, во вниманіе къ его болѣе 50-ти лѣтней службѣ, вмѣняю ему въ наказаніе настоящее увольненіе его отъ службы. За симъ считать дѣло конченнымъ». И въ этомъ сказалось великое милосердіе Александра Николаевича.

Ѣздившій съ графомъ Паленомъ прокуроръ Петербургскаго Окружнаго Суда М Н. Баженовъ помѣстилъ описаніе всего этого дѣла въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1884 г., № 4.

Графъ Павелъ Карловичъ Ферзенъ (род. въ 1800 г.), внукъ перваго Русскаго графа этого имени, Ивана Евстафіевича, плѣнившаго Костюшку въ 1794 году, былъ послѣднимъ крестникомъ императора Павла. П. Б.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга восьмая. С.-Пб. 1894, 8°. стр. 629.

Новый томъ біографіи Погодина, неутомимо продолжаемой г. Н. Барсуковымъ, по интересу своему нимало не уступаетъ предыдущимъ. Авторъ начинаетъ свое повѣствованіе съ 1845 г., когда въ изданіи „Москвитянина" сталъ принимать участіе И. В. Кирѣевскій, и притомъ до того близкое, что можно было сказать, будто журналъ этотъ перешелъ въ другія руки, однако не надолго: черезъ четыре мѣсяца, выпустивъ лишь три номера, новый редакторъ нашелъ себя вынужденнымъ отказаться отъ своего начинанія, и „Москвитянинъ" вновь вернулся къ Погодину. Описанію различныхъ перипетій, которыми сопровождалось это дѣло, посвящены первыя главы восьмаго тома, представляющія высокій интересъ въ исторіи нашей журналистики. Въ тоже время выступаютъ въ роли молодыхъ магистровъ Грановскій и Соловьевъ, съ которыми Погодинъ не могъ не войти въ личное и ученое общеніе и которыхъ онъ какъ бы напутствовалъ въ ихъ первыхъ шагахъ на профессорскомъ поприщѣ: любопытному описанію диспута Грановскаго и сопровождавшихъ его событій, а также участію Погодина въ диспутѣ Соловьева, отведено немало страницъ въ трудѣ г. Барсукова, и онѣ съ наслажденіемъ прочтутся всѣми, кому дороги имена корифеевъ историческаго преподаванія въ Московскомъ Университетѣ. Къ этому же времени относятся шаги, которые сдѣлалъ самъ Погодинъ для того, чтобы вновь возвратиться на каѳедру въ Московскомъ Университетѣ. Потерпѣвъ неудачу, онъ съ тѣмъ бо́льшимъ усердіемъ принялся за учено-литературную дѣятельность; кромѣ того, выходъ изъ секретарства въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ доставилъ ему необходимый досугъ для кабинетныхъ занятій и время для пополненія его книгохранилища. Къ 1845 же году относится открытіе въ Симбирскѣ памятника Карамзину, торжество, въ которомъ Погодинъ принималъ близкое и непосредственное участіе произнесеніемъ своего извѣстнаго Похвальнаго Слова исторіографу. Въ высшей степени интересныя и поучительныя подробности сообщаетъ г. Барсуковъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ произнесеніе и появленіе въ печати этого Слова.

Изъ фактовъ слѣдующаго, 1846 года, изложенныхъ и освѣщенныхъ біографомъ, отмѣтимъ дѣятельность Погодина по изданію „Москвитянина",

сношенія его съ Аксаковыми, работы по Русской исторіи, путешествіе въ Берлинъ, Дрезденъ, Маріенбадъ, Теплицъ, Вѣну и возвращеніе въ Москву черезъ Одессу и Харьковъ, замѣщеніе въ С.-Петербургскомъ университетѣ каѳедры Славянскихъ нарѣчій И. И. Срезневскимъ, характеристика положенія Славянскаго дѣла въ Россіи въ 40-хъ годахъ и т. д., и т. д. Вездѣ г. Барсуковъ даетъ читателю новые матеріалы, нерѣдко поражающіе своей правдивостью и вводящіе его въ интимныя стороны извѣстныхъ лицъ и дѣйствій. Это послѣднее достоинство наиболѣе ярко выступаетъ при разсказѣ біографа о событіяхъ 1847 г. Тогда, между прочимъ, Гоголь публиковалъ свои: Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. Уже и до труда г. Барсукова было извѣстно, что появленіе этой книги произвело среди знакомыхъ Гоголя самое различное впечатлѣніе и вызвало массу разговоровъ и оживленную переписку между людьми самыхъ разнообразныхъ взглядовъ и убѣжденій. Теперь, благодаря книгѣ г. Барсукова, мы въ состояніи ознакомиться съ достаточной подробностью и въ непосредственной правдивости съ этимъ въ высшей степени важнымъ и любопытнымъ эпизодомъ изъ духовной жизни нашего великаго писателя; мы можемъ уяснить себѣ то отношеніе къ нему и его духовному міру, въ которое стали его современники, понимавшіе и цѣнившіе его ближе и лучше, нежели можемъ сдѣлать это мы, отстоящіе отъ него уже на цѣлое поколѣніе.

Мы не имѣмъ въ виду исчерпать содержаніе новаго тома, составляющаго продолженіе труда почтеннаго біографа Погодина: въ предшествующихъ строкахъ мы хотѣли лишь указать на то, съ чего начали настоящую замѣтку, именно, что и новый томъ книги г. Барсукова столь же интересенъ и поучителенъ, какъ и предшествующіе, и что онъ также полно и обстоятельно продолжаетъ знакомить насъ не только съ самимъ Погодинымъ, но и съ его временемъ.

И. Помяловскій.

Москва, 28 Мая 1894.

Поправка.

Въ примѣчаніе къ Памятнымъ тетрадямъ С. М. Сухотина въ 4-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ (стр. 610-й) вкралась неточность. Графъ В. А. Соллогубъ перестроилъ не городской арестантскій домъ (что́ близъ Нескучнаго сада), а исправительную тюрьму, находящуюся на Сокольничьемъ полѣ, рядомъ съ Преображенскою больницей и носившую прежде названіе Смирительнаго дома. Кн. В. Г.

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.

Отвѣтъ на вопросъ XII-й.

Въ 5-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ за 1894 г., стр. 160, помѣщенъ вопросъ В. Н. Смольянинова относительно рукописи „Лира Таганрогская“ соч. дѣвицы Анны Наумовой 1825 г. и кто была эта поэтесса?

Анна Александровна Наумова † въ Мартѣ 1862 г., въ преклонной старости, членъ Казанскаго Общества Любителей Словесности. Извѣстны ея сочиненія: 1) Уединенная Муза Закамскихъ береговъ. М. 1819 г. 8°; 2) Къ юности, стихотвореніе, въ Трудахъ Казанскаго Общества Любителей Словесности 1815 года.

О ней: а) „Русскій Архивъ“ 1878 г., № 6, стр. 156. б) Руссовъ, стр. 31. в) Де-Пуле „Отецъ и Сынъ“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1875 г., № 7, стр. 78. г) А. Ѳ. Мерзляковъ: О сочиненіяхъ Наумовой, въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности. Ч. XX. д) П. Васильевъ, „Календарь-Указатель г. Казани“ на 1882 г. Казань, 1881 г., стр. 139, (изъ Библіографическаго Словаря Русскихъ писательницъ князя Н. Н. Голицына, Спб. 1889 г., стр. 178).

А. Титовъ.

Ростовъ,
1894 г. Августа 15.

Къ вопросу XIII-му.

Выше (стр. 448) помѣщенъ *Вопросъ* о существованіи Записокъ князя А. М. Дондукова-Корсакова. Въ ожиданіи отвѣта, приводимъ еще разсказы о немъ, доставленные лицомъ, близко его знавшимъ и сочувственно наблюдавшимъ.

Когда вводили въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ мировыхъ судей, князь Дондуковъ представилъ министру юстиціи много лицъ для занятія этихъ должностей; но министръ не обратилъ вниманія на это представленіе и почти всѣ вакансіи замѣстилъ по своему усмотрѣнію. Князь, естественно, не былъ этимъ доволенъ. Для человѣка болѣе стойкаго, скажу даже, болѣе серьезно относящагося къ важному дѣлу правленія въ Юго-западномъ краѣ, обстоятельство это знаменовало бы начало борьбы и могло бы причинить важныя послѣдствія; но добрый князь Александръ Михаиловичъ ограничился тѣмъ, что написалъ министру частное письмо, въ которомъ, со свойственнымъ ему остро-

уміемъ, сказалъ: Je savais jusqu'aujourd'hui que la justice était aveugle; j'apprends maintenant qu'elle est aussi sourde [1]. Князь имѣлъ много благихъ намѣреній, дѣлалъ полезныя представленія [2], но не умѣлъ добиваться проведенія ихъ въ жизнь, чтò въ то время, при министерствѣ Тимашева, было весьма трудно.

Назначенный въ Кіевъ, по соглашенію графа Шувалова съ Тимашевымъ, онъ не сочувствовалъ нисколько взглядамъ и направленію графа Шувалова. Душею онъ былъ Русскій человѣкъ, но тѣмъ не менѣе долженъ былъ считаться съ вліяніемъ Шувалова и бездѣятельностію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Это парализировало его энергію и въ концѣ его генералъ-губернаторства совершенно отбило охоту заниматься администраціею. Когда же началась война, онъ рвался туда всѣми силами души; а такъ какъ, по вліянію военнаго министра, его туда не призывали, то онъ сдѣлался мраченъ и апатиченъ.

Наконецъ, не знаю какимъ образомъ, ему предложили командовать 13-мъ корпусомъ, и, не смотря на то, что мѣсто это ниже имъ занимаемаго, онъ съ необыкновенною радостію его принялъ и немедленно поскакалъ въ Болгарію, гдѣ опять повеселѣлъ, ожилъ, помолодѣлъ. Тамъ, вѣроятно, онъ жилъ широко, такъ какъ жена его однажды жаловалась, что князь требуетъ отъ нея денегъ изъ Кіева, а ихъ надо было посылать въ банкъ по залогу имѣнія [3]. Впослѣдствіи, будучи коммиссаромъ въ Болгаріи, онъ сказалъ какому-то Турецкому сановнику: Je préfère une chambre sans porte à la Porte avec une chambre [4].

---

[1] До сихъ поръ я зналъ, что Θемида слѣпа; теперь узнаю, что она и глуха.

[2] Какъ напр. о крайней необходимости сохранять немногіе оставшіеся въ Малороссіи лѣсà и о разведеніи новыхъ. П. Б.

[3] Князь Дондуковъ неоднократно говаривалъ намъ, что ему было легче управлять Болгаріею, нежели вести сношенія съ Петербургомъ, откуда, между прочимъ, онъ никакъ не могъ получить бумагъ князя В. А. Черкаскаго, которыя были ему необходимы въ то время какъ онъ правилъ освобожденными Болгарами. П. Б.

[4] По мнѣ лучше палата безъ двери, нежели Порта (дверь) съ палатою (т. е. съ конституціею).

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОЙ КНИГИ
«РУССКАГО АРХИВА»
1894 года
(выпуски 5, 6, 7 и 8).

проѣздѣ Николая Павловича черезъ Кіевъ и объ исторіи Польской церкви). Переведено съ Латинскаго **И. В. Помяловскимъ.**

129. Письмо **митрополита Филарета** о живописи (1843).

130. Примѣчаніе къ письму митрополита Филарета о живописи. (Связь искусства съ вѣрою.—Понятіе объ иконѣ.—Значеніе иконы).

325. Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій. Очеркъ его жизни и литературной дѣятельности. (Его молодость.—Призваніе писателя.—Отзывъ его о Н. И. Новиковѣ.—Путешествіе за границу.—Въ Мюнхенѣ.—«Европеецъ».—«Москвитянинъ».—«Русская Бесѣда».—Письма къ А. И. Кошелеву). Съ портретомъ.

5. Къ исторіи сношеній съ иновѣрцами: письма къ оберъ-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому (1858—1859): 1) протоіерея **Е. И. Попова,** изъ Лондона. 2) Протоіерея **В. П. Палисадова,** изъ Берлина. 3) Вѣроисповѣданіе **Пальмера.** 4) Письмо **Пальмера,** изъ Рима.

537. Изъ бумагъ **В. М. Лазаревскаго.** I. „Мое знакомство съ В. И. Далемъ". II. Письма В. И. Даля.

165. Къ біографіи А. К. Казембека. Переписка о немъ **князя А. Н. Голицына, А. П. Ермолова,** В. С. Ланскаго (1823—1827). Съ портретомъ.

414. По поводу біографіи А. К. Казембека. **Е. И. Козубскаго.**

236. Цесаревичъ Николай Александровичъ въ Самарѣ (1863). Статья **П. Л. Юдина.**

305. Наша политика наканунѣ Франко-Прусской войны 1870 года, по Запискамъ **Ротана.** Сообщилъ **А. А. Чумиковъ.**

600. Изъ воспоминаній **Н. Я. Скарятина** (1871).

139, 241, 433 и **581.** Изъ памятныхъ тетрадей **С. М. Сухотина.** 1869—1871 годы.

150. По поводу разсказа графа Саліаса „Генералъ Маховъ".

153. По поводу воспоминаній г. Харитонова о Кавказѣ. **Г. Т.**

257. Эпиграмма **Д.** (На взяточника).

590. Н. В. Кукольникъ на Дону. Замѣтка **А. А. Карасева,** со стихами Кукольника.

592. Врачебныя сочиненія Русскихъ людей не-врачей. **Доктора Л. Ѳ. Змѣева.**

599. Николай Яковлевичъ Скарятинъ. Некрологъ.

603. О VIII-й книгѣ Н. П. Барсукова: „Жизнь и труды М. П. Погодина". Отзывъ **И. В. Помяловскаго.**

160, 448 и **605.** Вопросы и отвѣты.

304 и **605.** Поправки.

Приложены геліогравюры съ портретовъ И. В. Кирѣевскаго и А. К. Казембека.

1839 **году**. Подольскія Еп. Вѣд. № 20.

Преп. **Кассіанъ**, основатель Учемской пустыни. Яросл. Еп. Вѣд. № 12, 13, 16.

Уніатскій митрополитъ **Левъ Кишка** и его значеніе въ исторіи Уніи. **Литовскія Еп. Вѣд** №№ 1, 8, 10, 11, 13 16.

Комаровъ Т. Троицкій миссіонерскій монастырь при озерѣ Иссыкъ-Кулѣ въ Туркестанѣ. **Прав Благов.** № 4.

Корсунскій И. Преосвященный епископъ Ѳеофанъ, Владимирскій и Суздальскій. Біографическій очеркъ. **Чт. Общ. Люб. Дух. Пр.** № 5—6.

Крутиковъ Т. Устройство и значеніе древне-православныхъ братствъ Виленскаго и Львовскаго. **Воронежскія Еп. Вѣд.** № 9.

Кудринскій Судьба одного братства на Волыни. **Волынскія Еп. Вѣд.** № 4.

Чешскіе поселки на Волыни, **Волынскія Еп. Вѣд.** №№ 5—6.

Маргаритовъ. Исторія Русскихъ раціоналистическихъ и мистическихъ сектъ. **Кишиневск. Еп. Вѣд.** №№ 1—6, 8.

Миловидовъ А. О положеніи православія и Русской народности въ Пинскомъ удѣльномъ княжествѣ и г. Пинскѣ до 1793 года. **Чтенія въ Общ. люб. дух. просв.** № 4.

Миловскій Н. Города Шуи, стараго Покровскаго собора протоіерей Іоаннъ Алексѣевичъ Субботинъ (біографія). **Владимирскія Еп. Вѣд** №№ 7, 9.

Игуменъ Спасо-Геннадіева монастыря **Мисаилъ.** (1729—33). **Яросл. Еп. Вѣд.** № 17.

Можаровскій Аполл. Приходъ села Моисеевки Сергачскаго уѣзда Нижегородской епархіи **Нижегородскія Еп. Вѣд.** № 7.

Его же Приходъ села Карауловки Сергачскаго уѣзда. **Нижегородскія Еп. Вѣд.** № 9.

Никифоръ архим. О распространеніи духовно-нравственныхъ книгъ въ Россіи, въ царствованіе императора Александра I и въ послѣдующее за тѣмъ время. Чтенія Общ. люб. дух. просв № 5—6.

Орловскій П Игуменъ Гавріилъ, послѣдній капелланъ при Русскомъ посольствѣ въ Варшавѣ. **Холмско-Варшавскій Еп Вѣстникъ.** № 7.

Архимандритъ Ростовскаго Борисо-Глѣбскаго мон. **Николай** (1739—1740). Яросл. Еп. В № 15 и 16.

Палисадовъ Гр. Село „Выѣздная Слобода“ Арзамасскаго уѣзда и достопримѣчательности онаго села. Нижегородскія Еп. В. №№ 3—4.

Архимандритъ Ростовскаго Борисо-Глѣбскаго мон. **Пафнутій** (1729—1731). Яросл. Еп. Вѣд № 14.

Перепечинъ В. „Наука“ св. Кирилла Лукариса.. о противной уніи (неизслѣдованный памятникъ Западно-Русской историко-полемической литературы) Минскія Еп. В. №№ 2—3, 4, 5.

Поспѣловъ І. 18-лѣтнее служеніе въ Финляндіи (разсказъ священника). Рижскія Еп. Вѣд №№ 6, 7.

Прокоповичъ І. Краткія свѣдѣнія о преосвященномъ **Иннокентіи** (Александровѣ), воспитанникѣ Астраханской духовной семинаріи. Астраханскія Еп. Вѣд. № 7.

Архимандритъ Ростовскаго Борисо-Глѣбскаго монастыря **Іосифъ Пырскій** (1744—1745). Яросл. Еп. Вѣд.

Пясецкій Г. Тихонъ, первый епископъ Сѣвскій и Брянскій, викарій Московской епархіи, и его время. 1764—1768. Орловскія Еп. Вѣдом. №№ 16—18.

Рункевичъ Г. Матеріалы для исторіи Минской епархіи. Минскія Еп. Вѣд. №№ 2—3, 4, 5.

Сацердотовъ М. Древнѣйшія учебныя заведенія Пензенскаго края. Пензенскія Еп. Вѣд. №№ 7—8.

Смирновъ В. Исторія Новгородской духовной семинаріи. Новгородскія Еп. Вѣд. № 4.

Спрогисъ И. Исторія Евьевской Свято-Успенской церкви (Трокскаго уѣзда). Литовскія Еп. Вѣд. № 12.

Танковъ А. Курскій Знаменскій соборъ. Курскія Еп. Вѣд. № 8—10.

Фотинскій О. Іоаннъ Красовскій, уніатскій архіепископъ Полоцкій и Луцкій Волын. Еп. В. № 8 л. 15.